

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

Литературное наследство

Настоящий том, задуманный в связи со столетним юбилеем со дня рождения Брюсова, составлен целиком на основе неопубликованных материалов из архива поэта.

Первый раздел тома содержит неизданные и незавершенные произведения Брюсова. Более пятидесяти стихотворений, относящихся к разным периодам его творческого пути, дополняют картину эволюции брюсовской поэзии, а стихотворный «Дневник поэта» отражает его настроения в период Февральской революции. Среди публикуемых прозаических произведений центральное место занимают главы незавершенного «романа из современной жизни», задуманного как широкое реалистическое полотно, рисующее жизнь России 1910-х годов — в эпоху «между двумя войнами и двумя революциями». Разнообразны по стилю и тематике другие прозаические опыты Брюсова. Из них особенно интересна научно-фантастическая повесть «Первая междупланетная экспедиция».

Во втором разделе представлен Брюсов-критик — его статьи о литературе и театре, в том числе выступления послеоктябрьских лет, проникнутые заботой о том, чтобы литературное творчество не отставало от стремительного развития жизни.

Третий раздел посвящен Брюсову-редактору.

Особенно богат четвертый раздел, в котором содержится несколько сот писем Брюсова и его корреспондентов. Двусторонняя переписка с выдающимися деятелями литературы начала XX в. — Вяч. Ивановым, Эмилем Верхарном, письма Брюсова к Горькому, С. А. Венгерову, А. Е. Грузинскому и др. характеризуют его как активного участника литературного движения.

Последний раздел посвящен воспоминаниям о Брюсове. Современники поэта — Ив. Розанов, Н. Петровская, С. Бобров и др. характеризуют его на разных этапах жизни — с юности до последних лет, когда он проявил себя как талантливый педагог, воспитатель литературной смены.

В целом том дает возможность полнее представить сложный облик Брюсова, его активное участие в строительстве новой, социалистической культуры.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ

РЕДАКЦИЯ
В. Г. БАЗАНОВ, Д. Д. БЛАГОЙ, А. Н. ДУБОВИКОВ,
И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, С. А. МАКАШИН, К. Д. МУРАТОВА,
Л. И. ТИМОФЕЕВ, Н. А. ТРИФОНОВ,
М. Б. ХРАПЧЕНКО, В. Р. ЩЕРБИНА (ГЛАВ. РЕД.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 7 · 6

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО - ВОВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

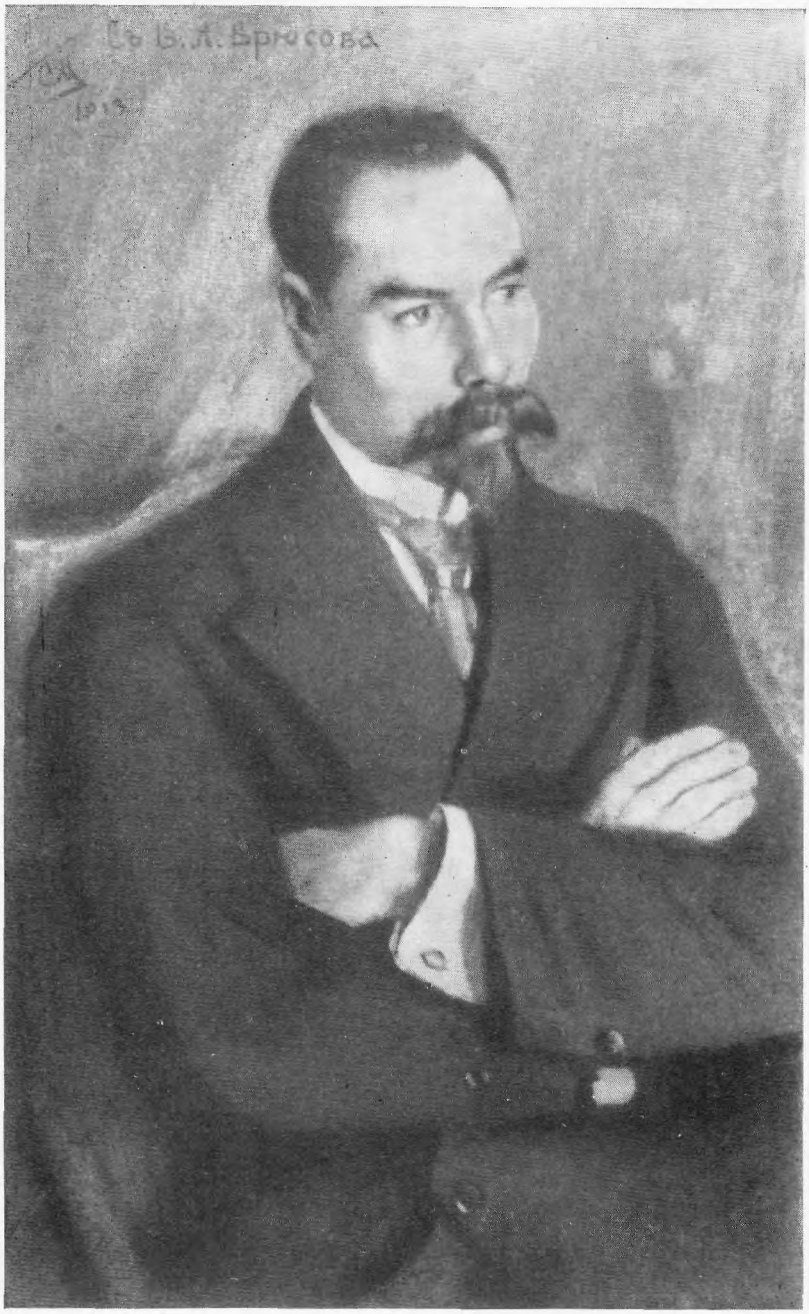
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 7 · 6

Выпуск тома осуществлен совместно
с Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина
и Центральным государственным архивом
литературы и искусства СССР

ГОД ИЗДАНИЯ СОРОК ШЕСТОЙ

Л $\frac{70202-060}{042(02)-76}$ БЗ — 20—39—75

© Издательство «Наука», 1976 г.



В. Я. БРЮСОВ
Портрет работы С. В. Малютина. Пастель, 1913
Литературный музей, Москва

ОТ РЕДАКЦИИ

Изучение творческого и жизненного пути выдающегося русского поэта, критика, ученого Валерия Яковлевича Брюсова представляет большой — и не только исторический — интерес.

Для большинства советских работ о Брюсове, созданных за 50 лет, которые прошли со дня его смерти, характерно постоянное стремление осмыслить тот знаменательный и чрезвычайно поучительный факт, что признанный мэтр русского символизма, воинствующий защитник индивидуалистического и самодовлеющего искусства в результате пережитого им социально-исторического опыта и сложного процесса внутренней перестройки решительно и бесповоротно перешел на сторону социалистической революции, радикально пересмотрел свои общественно-политические и эстетические воззрения, стал одним из зачинателей советской литературы, другом пролетарской поэзии, наставником многих молодых поэтов. Разработка этой важнейшей проблемы брюсоведения должна быть продолжена и углублена в дальнейших исследованиях, которые будут тем более плодотворными и результативными, чем чаще они будут основываться на разысканиях и изучении новых документальных материалов о жизни и творчестве Брюсова. Этим и определяется основная задача, поставленная редакцией при подготовке настоящего тома.

«Литературное наследство» не впервые обращается к исследованию и публикации творческих и биографических материалов, находящихся в архиве поэта. Неизданные тексты Брюсова и комментирующие их статьи были представлены — наряду с материалами, относящимися к другим русским символистам,— в томе 27-28 «Литературного наследства» (М., 1937). В связи со столетием со дня рождения Брюсова решено было посвятить ему отдельный том.

Если в 27-28 томе большое место уделялось ранним этапам литературной работы Брюсова, в частности его юношескому творчеству, его теоретическим статьям 1890-х годов о символизме и т. п., то для нового тома отбирались в первую очередь материалы, связанные с теми периодами творческого пути, когда уже отчетливо намечался конфликт Брюсова с буржуазной действительностью и отход его от позиций декадентско-модернистского искусства, когда в сознании автора «Грядущих гуннов» неотвратимо нарастал и усиливался духовный кризис, назревал перелом и когда великие исторические события заставили поэта, по его собственному признанию, «в самой основе, в самом корне пересмотреть все свое мировоззрение».

Том состоит из пяти разделов.

В первый раздел — *Из литературно-художественного наследия* — включены как неизданные стихи Брюсова (в том числе стихотворный «Дневник поэта», отражающий его настроения периода Февральской революции), так и прозаические опыты, в большей своей части оставшиеся незаконченными или даже только начатыми. Среди этих очень разнообразных по стилю и жанру произведений особенно значительны главы задуманного Брюсовым «романа из современной жизни». Дошедшие до нас фрагменты этого социально-бытового полотна свидетельствуют о том, какие широкие возможности зоркого художника-реалиста были свойственны Брюсову, искавшему преодоления модернистских канонов на путях искусства большого общественно-познавательного значения.

Второй раздел тома — *Брюсов о литературе и театре*. Вслед за критическими статьями 1900-х и 1910-х годов здесь печатаются его статьи и рецензии, высказывания и документы послереволюционных лет. По ним можно проследить, как формируются и крепнут новые взгляды Брюсова, как он все более критически относится к поэзии своих бывших единомышленников, все более последовательно оценивает литературное творчество с точки зрения его соответствия революционной действительности, как все теснее становится связь поэта с практикой строительства новой жизни.

Третий раздел — *Брюсов-редактор* — представлен обширным исследованием К. М. Азадовского и Д. Е. Максимова, построенным в значительной степени на неопубликованных архивных материалах. В нем впервые с такой обстоятельностью прослеживаются история издания главного органа символистов — журнала «Весы» и роль Брюсова как его руководителя (не одинаковая на разных этапах существования журнала).

В четвертом разделе — *Письма* — собраны материалы эпистолярного наследия Брюсова. Здесь большое место занимает его переписка с Андреем Белым

(1902—1912) и Вячеславом Ивановым (1903—1921), представляющая несомненный интерес для истории русского символизма, для выяснения сложных и противоречивых отношений — притяжения и отталкивания — между символистскими лидерами.

Из писем к другим деятелям литературы необходимо в первую очередь выделить четыре не публиковавшихся прежде письма к М. Горькому. Хотя в 1900-х годах Брюсов и Горький находились в разных идейно-литературных лагерях, выступали как литературные противники, крайне характерно, что в 1908—1910 гг. поэт говорит о своей любви к Горькому как писателю и человеку, о своем крепнущем глубоком уважении, с годами освобождающемся «от примеси разных случайных чувств». Это подготавливало сближение между писателями и их тесное сотрудничество в годы, предшествующие Октябрьской революции.

В томе нашли отражение и связи Брюсова с зарубежным литературным миром: получение из Брюсселя фотокопий его писем к Эмилю Верхарну позволило воспроизвести длившуюся целое десятилетие дружескую переписку между русским и бельгийским поэтами.

От многочисленных писем к литераторам по своему содержанию и тону отличаются письма к А. А. Шестеркиной, которые представляют собой как бы дневниковые записи Брюсова начала 1900-х годов, с большой искренностью рассказывающие о его настроениях, повседневных занятиях, бытовом окружении.

Последний раздел тома — *Воспоминания.* В мемуарах В. К. Станюковича, И. Н. Розанова, Н. И. Петровской, рассказывается о Брюсове-гимназисте и о его первых, еще незрелых литературных опытах, о Брюсове-студенте, о взаимоотношениях поэта с его символистским окружением 1900-х годов; раздел завершается мемуарным очерком В. В. Фефера, в котором Брюсов послеоктябрьского периода охарактеризован как талантливый педагог, заботливый воспитатель литературной смены.

Думается, что настоящий том поможет отчетливее увидеть сложный облик Брюсова, лучше понять его нелегкий и противоречивый путь от позиций зачинателя и организатора символистской поэзии в России до активного участия в строительстве новой, социалистической культуры.

И переписка и прочие материалы тома дают возможность яснее представить сложную литературную обстановку той эпохи с ее борьбой старого и нового, растущего и умирающего. Это тем более поучительно, что и сегодня за рубежом наблюдаются сходные литературные явления и процессы, и сегодня там в литературе и искусстве происходит столь же напряженная борьба между прогрессивным и реакционным.

Судьба личного архива Брюсова, как известно, сложилась исключительно благоприятно: заботливо составлявшийся и хранимый самим поэтом, он был полностью сбережен его вдовой И. М. Брюсовой, а затем передан ею в Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. На втором месте после этого богатейшего собрания находится брюсовский фонд в Государственном Центральном архиве литературы и искусства СССР, где сосредоточено, в частности, большое количество писем Брюсова.

Материалы обоих этих архивохранилищ составили документальную основу настоящего тома. Поэтому он выпускается редакцией «Литературного наследства» совместно с ГБЛ и ЦГАЛИ.

Сверх этого ценные неизданные материалы (творческие, биографические, иллюстративные) предоставили «Литературному наследству» другие учреждения: Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР, Рукописный отдел Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Государственный литературный музей, Бельгийская королевская библиотека (Брюссель), Мемориальный кабинет В. Я. Брюсова, Архив А. М. Горького, Музей А. М. Горького, Государственный Русский музей. Всем им редакция «Литературного наследства» выражает свою глубокую признательность.

Редакция искренно благодарит также тех лиц, которые способствовали успешной работе над брюсовским томом полезными советами, сообщением принадлежащих им неопубликованных документов, организационной помощью: С. С. Аверинцева, М. И. Беляеву, Д. Д. Благого, Жана Бланкова (Брюссель), М. Л. Гаспарова, М. С. Григорьева, Арманд Гупи (Париж), Э. С. Даниэлян, С. П. Ильёва, Л. К. Куванову, К. А. Марцишевскую, В. П. Нечаева, А. Я. Полонского (Париж), Н. Н. Суровцеву, Л. И. Тимофеева, М. В. Толмачева, Е. В. Чудецкую. На всем протяжении работы над томом консультативную помощь оказывали редакции Ю. П. Благоволина и Р. Л. Щербаков. Ценные советы были даны К. Д. Муратовой, взявшей на себя труд прочтения всего тома в рукописи.

Редакторы тома: А. Н. Дубовиков и Н. А. Трифонов. Ближайшее участие в составлении и редактировании тома принимала Т. Г. Динесман. Иллюстрации подобраны Т. Г. Динесман при участии В. В. Акопджановой и Н. Д. Эфрос. Фотокопии изобразительных материалов, отобранных для иллюстрирования тома, выполнены В. А. Ивановым.

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

Статья С. В. Шервинского

Среди литераторов дореволюционной формации Брюсов принял революцию одним из первых.

Большинство русских интеллигентов, в общих и неопределенных чертах чаявших обновления России, было все же застигнуто врасплох выстрелом «Авроры». Приведенные в недоумение, если не в прямой страх, осуществлением того, о чем мечталось и говорилось отвлеченно, многие предпочли позицию выжидательную. Именно против этого большинства «выжидающих» и испуганных была направлена инвектива Брюсова «Товарищам-интеллигентам»,— она не могла возбудить в своих многочисленных адресатах чувство симпатии к ее автору.

Не следует представлять себе процесс перехода Брюсова на сторону Советской власти безболезненным. Когда совершилась Великая Октябрьская революция, Брюсову было сорок четыре года, он был вполне сформировавшимся писателем, авторитет которого признавали не только его друзья, но и противники. Приход в лагерь социалистической революции был для Брюсова не только освоением непривычных форм деятельности, но и ломкой прежнего мировосприятия. Сказывалась и вся трудность общественного положения: от Брюсова тогда отвернулись многие ранее близкие ему люди; некоторое время Брюсов был сумрачен, ушел в себя. Мыслитель, влюбленный в культуру, верно служивший и не изменявший искусству слова, испытал на какой-то срок смущение перед возможностью крушения культурных завоеваний человечества. Вскоре, однако, жизнь развеяла мрачные опасения. Брюсов, человек кипучей деятельности, не мог отойти в сторону, когда обновленная страна испытывала себя в первом напряжении сил. Он сам предложил Советскому правительству свое сотрудничество и был привлечен Луначарским к активной работе. Трудясь рука об руку с первым наркомом просвещения, Брюсов почувствовал себя на месте в кипении заново творимой жизни; он занимал ряд ответственных постов в различных учреждениях, руководивших делами литературы и просвещения. Последние шесть-семь лет жизни Брюсова с полной отдачей были посвящены становлению молодой социалистической культуры.

Уже став советским деятелем, Брюсов сам указывал на то, что у него имелись и биографические предпосылки для вступления в ряды строителей нового общества. Дед поэта по отцу был крепостным крестьянином-костромичом, откупившимся у владельца и открывшим в Москве торговлю пробками. Но семья Брюсовых далеко выходила за рамки своей купеческой среды. Другой дед поэта, по матери, А. Я. Бакулин, сам писал стихи. Не чужд был литературе и отец поэта, Яков Кузьмич. В доме Брюсовых много читали, воспитывались на идеях 60-х годов, любили стихи Некрасова, которые маленький Валерий знал наизусть. О религии «и помину не было», как замечает сам Брюсов.

Впечатления детства отразились у Брюсова в стихотворении «Мир», начинающемся строками:

Я помню этот мир, утраченный мной с детства,
Как сон непонятый и прерванный, как бред...

(1903)

Тот же мир изображен и в повести Брюсова «Обручение Даши» (впоследствии Брюсов проектировал и более обширное произведение из истории разных поколений купеческой семьи, но замысла своего не довел до конца).

Став поэтом, Брюсов смотрел на «мир» своего детства если не свысока, то во всяком случае из «мира» совсем иного. Однако именно этот мир ранних впечатлений с его уважением к науке, к «принципам материализма и атеизма», по признанию самого Брюсова, подспудно лежал в основе его мироощущения. Брюсов поделился этой мыслью на праздновании своего пятидесятилетия в Академии художественных наук. Тогда многих изумила реконструкция идеологического моста между «мэтром» символизма и поколением шестидесятников.

Приняв революцию, Брюсов показал пример безупречного и неутомимого служения Советскому государству в доступных ему сферах деятельности. В 1920 г. он вступил в ряды Коммунистической партии. Работа Брюсова после Великой Октябрьской революции продолжалась немногим более пятилетия, но оставила немеркнущий след в становлении советской культуры.

Брюсов вошел в русское общественное сознание прежде всего как поэт. Деятельность его была исключительно многогранна, но он сам признавал себя в первую очередь поэтом. До Октября на творческом пути Брюсова не было решающих поворотов и, несмотря на все переходы «от судьбы к иной судьбе», поэзия оставалась неизменно главным делом его жизни. В 1911 г., уже подводя итоги того периода, когда он сложился как поэт и достиг признания, Брюсов обращался к музе:

Я изменял и многому, и многим,
Я покидал в час битвы знамена,—
Но день за днем твоим веленьям строгим
Душа была верна...

(«Поэт — Музе»)

Его последние слова, сказанные уже в предсмертной агонии, были: «мои стихи...»

Основные черты индивидуальности Брюсова, впоследствии характеризовавшие и его творчество, проявились сызмальства. Они не вступали в борьбу между собою, не мешали развитию заложенного природой,— наоборот, помогали друг другу в формировании исключительной по дарованиям личности.

С самых юных лет Брюсов отличался пытливостью ума. Мощность любознательности была у него безграничной. Книги стали неразлучными друзьями мальчика и остались ими на всю жизнь. Чтение на первых порах было случайным. Он хотел знать и понять все. Вскоре он научился завоевывать знания область за областью с тем духом конквистадорства, который вообще присущ был его характеру.

Для подвига овладения знаниями требовалось трудолюбие. Оно не подчинялось внешней необходимости, не испытывало чьего-либо давления,— труд был необходим Брюсову во все возрасты как удовлетворение внутренней потребности. Брюсов посвятил теме труда несколько лучших своих стихотворений. Брюсов относился и к поэзии как к особому трудовому процессу, бросая этим вызов традиционному пониманию поэтического творчества.

Воинствующая любознательность Брюсова сочеталась, тоже с детских лет, с легко возбудимым воображением. Оно уводило в фантастические миры, создавая некую параллель реальному существованию. Мы можем проследить по всему последующему творчеству Брюсова постоянное употребление слова «мечта». Брюсов применял его к различным состояниям сознания, но все они были в прямой или косвенной связи со сферой воображаемого. Порою горячность воображения превращалась в «горячечность»,— этот огонь тревожной мечтательности запечатлен Врубелем на знаменитом портрете молодого поэта.

Сам Брюсов тогда смутил читателей смелыми строками:

Вперед, мечта, мой верный вол,
Неволей, если не охотой...

Некоторые увидели в этих строках неосторожное признание в том, что поэт создает свои стихи якобы под каким-то насилием, были оскорблены, что «мечта» сравнивается с таким грубым существом, как «вол», готовы были вывести отсюда непродуманные обобщения. В подобной поверхностной критике была, однако, и толика правды: характер

Брюсова был по преимуществу волевой. Уверенность в себе, властность, трудовое постоянство — всё подчинялось воле, она сама подчинялась «мечте». Воля, руководимая «мечтой», укрепляла поэта в его борьбе с рутиной и трафаретами творчества. В строке «Я сам тружусь, и ты работай» поэт призывает «мечту» оставаться главным двигателем его труда.

Ничто так не способствовало развитию воображения, как постоянное поглощение книг, имевшее в этом смысле и отрицательное влияние: оно опьяняло юношеский ум, заманивало в области соблазнительные, но небезопасные. Постоянное пребывание в обаянии воображаемого вызывало в ранних стихах Брюсова искусственность и надуманность.

Создал я в тайных мечтах
Мир идеальной природы,—
Что́ перед ним этот прах:
Степи, и скалы и воды!..

(«Четкие линии гор...», 1896)

Читатель испытывал недоверие к подобным высказываниям еще незрелого «декадентского» автора.

Теперь, глядя на творчество раннего Брюсова через расстояние в три четверти века, мы легче примечаем в нем и естественное отталкивание от серости, житейской и творческой, и вызывающее стремление быть «новым», особенным, нарочито чужеродным, «оригинальным» прежде всего и во что бы то ни стало. Наряду с этим Брюсов отдавал дань и формальному поэтическому экспериментаторству. Иногда трудно уловить в том или ином стихотворении раннего Брюсова, где подлинное самовыражение поэта, а где лишь одна из многих «масок», которые любил и умел надевать Брюсов. Однако туманности и безответственности фантазий противостоял у Брюсова трезвый логический ум, предъявлявший с годами всё больше и больше прав. Выковывалось удивительное сочетание воображения и рассудка, которое и сейчас встает перед нами загадкой брюсовской поэзии, одних привлекая, других отталкивая.

И еще одна сила стояла у руля молодой стремительной жизни: то, что сам Брюсов обозначал словом «страсть», но к чему более приложимо слово «страстность» в разных аспектах этого емкого понятия.

Из бурного накопления знаний у юноши мог получиться хаотический беспорядок в неокрепшем сознании. Но этого не произошло. Брюсову с детства присуща была дисциплинированность. Кроме того, на помощь автодидактике вовремя пришли и внешние воздействия разумного школьного преподавания. Лев Иванович Поливанов, в гимназии которого Брюсов учился в последних классах, приметил начитанного, дерзкого в мыслях, но всегда прилежного ученика. Он осветил для Брюсова область, ставшую впоследствии дорогóй поэту: он ввел юношу в понимание Пушкина.

По окончании гимназии Брюсов, со всем богатством уже приобретенных знаний, стоял перед выбором дальнейшей дороги. Первая дисциплина, которая могла бы претендовать на объединение его умственной пестроты, была философия. В юности он увлекался Спинозой, Кантом, Шопенгауэром, потом Лейбницем, о котором написал в университете специальную работу.

С Лейбницем Брюсова сблизила, в частности, математика. Ею он занимался столь углубленно, что имел даже намерение целиком посвятить ей свою жизнь,— намерение, впрочем, не слишком твердое, поскольку он изменил ему из-за случайной неудачи на экзамене. Он поступил на историко-филологический факультет. Филология и в особенности история всегда привлекали юношу и тесней были связаны с его только еще начинавшейся литературной деятельностью. Математические знания скоро отошли на второй план, но до конца жизни поэта решение математических задач оставалось излюбленным развлечением его досуга.

Около 1890 г. Брюсов в ходе своего разнородного чтения познакомился с французской поэзией второй половины XIX в. Его поразили стихи Бодлера, Верлена, Малларме, так не похожие на вялую и беспомощную поэтическую продукцию отечествен-

ных эпигонов. «Это было для меня,— вспоминал он впоследствии,— целым откровением: не будучи знаком с западноевропейской литературой последнего полустолетия, я только из их стихов понял, как далеко ушла поэзия от творчества романтиков ⟨...⟩ Влияние Пушкина и влияние «старших» символистов причудливо сочетались во мне ⟨...⟩ В моих стихах того времени ⟨...⟩ эти влияния перекрещиваются самым неожиданным образом» (*Автобиография*, стр. 107).

С отроческих лет выявился и характер Брюсова. Он откровенно заявлял, что стремится «быть первым», более того — «стать великим». Неудивительно, что именно он, в сознании своих сил и превосходства над сверстниками, вскоре встал во главе народившегося нового литературного движения. Сначала группа юношей, объединившихся ради обновления русской поэзии, была весьма немногочисленна. Выпущенный молодыми новаторами маленький сборник «Русские символисты» увидел свет в 1894 г. В его первом выпуске было только два автора: Брюсов и Миропольский. Сам Брюсов писал об этом, вспоминая свою юность: «Я с наивностью думал, что можно быть «символистом», продолжая дело предшествующих русских поэтов. Критики объяснили мне, что этого нельзя. Они насильно навязали мне роль вождя новой школы, maître de l'école, школы русских символистов, которой на самом деле и не существовало тогда вовсе, так как те пять-шесть юношей, которые вместе со мной участвовали в «Русских символистах» (за исключением одного А. Л. Миропольского), относились к своему делу и к своим стихам очень несерьезно ⟨...⟩ Таким образом я оказался вождем без войска» (*Автобиография*, стр. 109). Судя по этой записи, критика способствовала тому, что юный Брюсов надел «маску» символиста. Эта маска прочно приладилась к его лицу, пока из-под нее не стали выступать черты реалиста и классика.

Почти одновременно с объединением немногочисленных поборников «новой поэзии» (термин Брюсова) в Москве аналогичная группа создалась и в Петербурге. Стихи в «Русских символистах» были слабые, ученические, но зерно было посеяно. Молодые «символисты», вызывавшие сначала насмешку, возбудили любопытство, а вскоре завоевали одобрение и даже восторги любителей поэзии. Немало способствовали популярности «символистов», помимо воли автора, пародии Владимира Соловьева. Ряды «символистов» окрепли, в начале XX в. в их числе были уже Бальмонт, Вячеслав Иванов, Блок, Андрей Белый. Благодаря поддержке мецената С. А. Полякова, учрежден был журнал «Весы», ставший печатным голосом молодого, но уже не юного литературного направления. Издательство «Скорпион» открыло «новой поэзии» доступ к читающей публике. Во главе символистов, героем их завоеваний был Валерий Брюсов.

В 1907 г. Брюсов пишет стихотворение «Поэту». Из него видно, что вождь символистов, он же редактор «Весов», еще находится в орбите символистских условностей, он еще провозглашает необходимость бесстрастия, отрешенности поэта при художественной объективизации впечатлений бытия, вплоть до собственных страданий и гибели:

Всего будь холодный свидетель...

И дальше:

Быть может, всё в жизни лишь средство
Для ярко-певучих стихов,
И ты с беспечального детства
Ищи сочетания слов.

В минуты любовных объятий
К бесстрастью себя приневоль,
И в час беспощадных распятий
Прославь исступленную боль.

В снах утра и в бездне вечерней
Лови, что шепнет тебе Рок,
И помни: от века из терний
Поэта заветный венок!

1903.
ВЪ ПОЛЬЗУ МОСКОВСКАГО ОБЩЕСТВА СОДѢЙСТВІЯ УСТРОЙСТВУ
Общеобразовательныхъ народныхъ развлеченій.
ВЪ ЧЕТВЕРГЪ, 27 МАРТА
ВЪ АУДИТОРІИ ИСТОРИЧЕСКАГО МУЗЕЯ
ИМѢЕТЪ БЫТЬ
ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ
ВАЛЕРІЯ БРЮСОВА
„КЛЮЧИ ТАЙНЪ“
ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННАГО ИСКУССТВА.
ПРОГРАММА
I. Вопросъ о методѣ науки о искусствѣ.
II. Критика различныхъ эстетическихъ теорій.
III. Искусство какъ особый путь постиженія міра.
VI. Заслуги и задачи современнаго искусства.
НАЧАЛО ВЪ 8 ЧАСОВЪ ВЕЧЕРА.
Билеты можно получать въ книжныхъ магазинахъ.

АФИША ПУБЛИЧНОЙ ЛЕКЦИИ БРЮСОВА «КЛЮЧИ ТАЙН»
Москва, 27 марта 1903 г.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Наше современное сознание не может считать плодотворными подобные советы, даваемые поэтом поэту. Приведенные строки могут служить лишь материалом для обвинения Брюсова по ряду «статей» негласно существующего поэтического кодекса. Подчинение жизни искусству, поиск сочетания слов как самоцель, провозглашение объективизма принципом — неизвестно, чего здесь больше, парнассизма или формализма. Однако и в юридической практике самообвинение подсудимого не признается доказательством преступления. Сам поэт, призывающий к «бесстрастию», в том же году опровергал приведенную выше поэтическую позицию, сказав:

Пусть боги смотрят безучастно
На скорбь земли: их вечен век.
Но только страстное прекрасно
В тебе, мгновенный человек!

(«Служителю муз», 1907)

Страсть, закономерно для молодого Брюсова, провозглашается прекраснейшим из качеств человека. Противоречий, подобных приведенному, найдется немало в поэзии Брюсова. Он сам сказал в 1899 г.: «И странно полюбил я мглу противоречий...». О поэзии Брюсова нужно судить лишь во всем ее охвате и не теряя из виду хронологии. Что касается формализма и парнассизма, то их черты постоянно возникают то здесь, то там в поэзии Брюсова, как отражения в зеркале впечатлительной и не стремящейся к устойчивости души.

Эгоцентричная отрешенность, холодная объективность стихотворения «Поэту», где даже образы «распятий» и тернового венца превращены в эстетическую метафору, еще отвечали если не канонам, то вкусу декадентов. К той же категории, при ином содержании, относятся и строки другого стихотворения:

Мне сладки все мечты, мне дороги все речи,
И всем богам я посвящаю стих...

(1899)

Мы вправе были бы спросить: неужели поэт в самом деле ко всему безразличен в своем духовном сепаратизме, служит всем богам, не веря ни в одного? Но если мы внимательно проанализируем весь поэтический путь Брюсова до Октября, то сможем, отбрасывая по-декадентски нарочитые, во многом относящиеся на долю позирования, противоречивые высказывания поэта, все же увидеть сквозь энциклопедическую массу образов и мыслей, что в пантеоне (или в пандемониуме) Брюсова есть одно божество, которому он поклоняется, которому он верит и служит: это божество — *человек*. Личная эгоцентричность перерастает, претворяется в утверждение коллективной мощи человечества.

Еще в 1906 г. Брюсов создает одно из самых знаменитых своих произведений — оду «Хвала человеку». Ее конкретная образность, ее мужественный героический пафос, предельная ясность ничего не имеют общего с теми канонами, которые были провозглашены зачинателями «новой поэзии». Музыка уже не претендует быть по-верленовски «на первом месте». Поэтика данного стихотворения корнями уходит в плодородную неиссякаемую почву классики. Героизируемый «человек» оды — прежде всего борец и труженик. Но он борется не с Богом, не с Дьяволом — религиозно-мистические концепции были чужды Брюсову; борется и не с самим собой, даже не с социальным неустройством мира; его подвиг направлен на единственную цель — победить природу. Его титанические усилия на службе у того, что мы называем «цивилизацией». Человек-труженик Брюсова имеет в виду, хотя и не очень осознанно, нечто служащее на пользу самих тружеников и их потомков. И еще: труд сулит человеку славу. Примечательно, насколько в чертах обобщенного человека-труженика отразились черты самого поэта, героизировавшего труд.

Найдя среди энциклопедической чащи брюсовского творчества кумир с живым пламенем — алтарь человека,— мы тем самым отвергаем мнение о безразличии поэта.

Обобщенный человек, сливаясь с понятием «человечества», героизируется в динамике и перспективе его бытия, т. е. исторически. Так открывается перед нами одна из магистральных дорог брюсовского творчества — историзм. Мысль Брюсова охватывает путь человечества от его неявственных начал до неведомого конца, т. е. до его фантастической гибели, которую поэт воображает не без свойственного и ему «неизъяснимого наслажденья». Историческая тематика или окрашенность историчностью большинства произведений Брюсова, как поэтических, так и прозаических,— не только переработка познаний, почерпнутых из книг; у Брюсова был дар проникновения в иные эпохи, преимущественно отдаленные. Однако, в отличие от ряда современников и писателей ближайшего поколения, Брюсов никогда не предавался поверхностному любованию прошлым; он в своем творчестве прошел мимо, например, XVIII века, столь обильно представленного в тогдашних произведениях литературы и живописи. При этом историзм Брюсова был образным, как и полагается поэту, что особенно бросается в глаза, если сравнить стиль его насыщенных историзмом художественных произведений с его же чисто историческими трудами.

Еще в молодые годы Брюсов создал один из шедевров своей прозы, повесть «Огненный ангел». Для ее написания он изучил ряд определявшихся средневековым миросозерцанием дисциплин, таких как демонология, магия или алхимия. Фундаментом же ему служили глубокие исторические знания, полученные еще в студенческие годы. Сами немцы, ознакомившись с «Огненным ангелом», дивились тому, как русский автор мог так верно и глубоко передать атмосферу и нравы Германии XVI столетия.

Но более всего насыщают и поэзию и прозу Брюсова образы столь хорошо ему знакомого античного мира, в частности позднего Рима. Имена античных богов, героев, исторических деятелей, античная топонимика неизменно наполняют стихи Брюсова, особенно в пору его высшего поэтического подъема. Александр Великий и Архимед, Сулла и Антоний — все проходят чередой перед взором поэта. И не они одни — рядом с ними встают «властительные тени» Библии и Древнего Востока. Подобная насыщенность образами мифологии и истории в настоящее время кажется тягостной иным читателям и даже поэтам, которым непривычно иметь дело с образами культуры прошлого. С другой стороны, это же обилие образов исторических и мифологических сближает Брюсова с нашей классической традицией и, в частности, с Пушкиным.

Среди ранних поэтических произведений Брюсова выделяется поэма «Царю Северного полюса», героизирующая бескорыстный подвиг человека, устремленного к своей звезде. В поэме — ритм океанских северных волн, голоса стихий, образы древних скандинавов и величие их героических саг. В этой поэме Брюсов впервые выступает как автор большого произведения из исторической эпохи, казалось бы, ему чуждой, и одерживает замечательную победу.

Поэзия Брюсова, окрашенная историчностью, должна была, по замыслу поэта, увенчаться циклом, которому он дал название «Сны человечества». Первые стихотворения запроектированного цикла относятся к 1907 г., когда историческая тематика вообще занимала столь выдающееся место в творчестве Брюсова. Цикл должен был отразить в образцах — самостоятельных, не переводных — поэзию всех веков и стран, начиная с легендарной Атлантиды и кончая современностью. Три тысячи стилизаций — таков был намеченный охват невероятного предприятия. Не говоря уже о количестве, самый принцип создания и отбора стихов представлял трудности, едва ли преодолимые. Кроме того, замысел требовал совершенной безупречности выполнения, которая, судя по образцам, опубликованным при жизни и после смерти автора, не всегда достигалась поэтом. «Сны человечества» могут вызвать, и не без основания, восхищение виртуозностью и познавательным богатством, но сам горделивый замысел может считаться неосуществимым. Брюсов до конца жизни возвращался к «Снам человечества», но окончить цикла так и не успел,— да и вряд ли интенсивная деятельность в разных областях могла оставить автору возможность создать такое количество стилизаторских «этюдов».

Что касается прозы, то основные прозаические сочинения Брюсова целиком историчны. Кроме повести «Огненный ангел», упомянутой выше, Брюсову принадлежит обширный исторический роман «Алтарь победы» и продолжение его —«Юпитер поверженный». Оба романа посвящены эпохе, во времена Брюсова мало знакомой русскому читателю: эпохе перехода от язычества к христианству. До Брюсова в русской литературе этому переходному времени посвящены лишь новеллы Лескова и первая часть трилогии Мережковского —«Юлиан Отступник». Оба романа Брюсова вводят нас в мир позднего, так называемого «упадочного» Рима. К их неоспоримым достоинствам принадлежит положенная в основу историческая осведомленность и добросовестность автора. Романы эти могут служить дополнением к академическому изучению эпохи, так они точны в исторической концепции и в изображении тогдашней жизни, от характеров действующих лиц до бытовых деталей.

Другая дорога в творчестве Брюсова ведет в будущее, в еще не постигнутые дали бытия человечества. Личное свое честолюбие Брюсов переносил и на своего обобщенного человека, он возвеличивал, перекликаясь с Горьким, самое звание «человек». Правда, в героическую эпопею всеобщего земного труда, как некий предостерегающий знак, проникает мысль о конечной гибели всего, этим трудом достигнутого. Эсхатологические размышления Брюсова вносят в его восторженное приятие земного трагическую ноту. Но он не хотел, чтобы человечество погибло, превратившись в ничто, не оставив следа на Земле или в других мирах.

Среди фантастических произведений Брюсова видное место занимают драматические сцены в прозе «Земля». Поэт переносит нас в момент конца жизни на планете. Земной шар преобразился. «Город будущих времен» давно уже покрыт крышей, отделяющей его от солнца,— искусственным небом, под которым люди дышат искусственным воздухом. Наступает последний кризис: людям уже неоткуда взять воды. Немногие оставшиеся в живых предпринимают безнадежную попытку вернуться к природным условиям существования, но отсутствие атмосферы и ослепительный свет солнца убивают их всех. Неубедительность, даже в пределах фантазии, этой утопии сочетается с великолепным лаконизмом стиля и той смелостью, с какой подана ее невероятность. Так Брюсов, воскресив идеи, пришедшие к нему в юности, создал произведение, поневоле опровергающее хвалебный гимн всепобеждающему человеку. Снова мятущаяся мысль поэта обнаруживает всю трагичность своих противоречий, не могущих примириться друг с другом на платформе какой-либо единой плодотворной системы.

Таким образом, воображение выполняло у зрелого Брюсова двоякую функцию: с одной стороны, оно помогало Брюсову, опираясь на знания, восстанавливать с реалистической точностью облики минувших эпох, с другой — вольно мчалось в дали, предоставленное самому себе, находя не всегда надежную опору в научных гипотезах данного момента. Та же драма «Земля» не могла быть убедительна для «дневного» сознания даже самого автора.

В стремлении преодолеть ужас перед «позорным» концом людей Брюсов искал опоры в успехах науки и техники. Его не покидала мечта о возможности общения Земли с иными планетами. Брюсов не дожил до прилета человека на Луну, но мысли о космических полетах уже занимали в его время умы некоторых избранников. При жизни Брюсова над космическими полетами думал, сидя у себя в провинциальной тогда Калуге, один из величайших ученых века, К. Э. Циолковский. Брюсов никогда не встречался с Циолковским, о чем искренне жалел, но знаком был с его работами и много о нем узнал от А. Л. Чижевского, другого крупного авторитета в науке о космосе. Это была лучшая питательная среда для научных и утопических размышлений поэта. И неудивительно, что в это время он работает над повестью о полете в космос, о первой междупланетной экспедиции.

На стыке прошлого и будущего встает у Брюсова тема современного города, открывая простор увлекательным обобщениям. Современные города-гиганты не могли не поражать человеческое сознание. Их рост внушал опасение, более того — город-спрут, задымленный, сотрясаемый грохотом, губительный для человека, который его создал, рассадник разврата и болезней, ужасал. Однако город, центр производства и торга, культуры и развлечений, имел также огромную притягательную силу для порабощенных и изнуряемых им существ.

Царя властительно над долом,
Огни вонзая в небосклон,
Ты труб фабричных частоколом
Неумолимо окружен.

Стальной, кирпичный и стеклянный,
Сетями проволок обвит,
Ты — чаровательь неустанный,
Ты — не слабеющий магнит...

Так писал Брюсов в 1907 г. («Городу. Дифирамб»). Тогда урбанизм нашел самое яркое выражение в творчестве Эмиля Верхарна. В России до Брюсова урбанизма как поэтического направления не существовало. С Верхарном Брюсова связывали и поэзия, и личная дружба. Возможно усматривать в урбанистических стихах Брюсова отклики именно Верхарна, но урбанизм, представлявший лицо современности, мог возникать независимо в разных странах. Брюсов, обратившись к теме «Города», еще раз заявил себя приверженцем новизны и европеизма. Заметим, что в урбанизме Брюсова книжность, очевидно, преобладала над непосредственными впечатлениями: Москву, где Брюсов прожил всю жизнь, справедливо называли тогда «большой деревней», город-спрут возникал больше в его поэтическом, устремленном в будущее воображении.

И еще одна дорога выявляется как магистральная в лесу брюсовского творчества: тема, в пределах которой Брюсов не страшился откровенности. Эта тема — любовь и женщина. Новизна в обращении к этой вековой теме сказывалась уже в прямолинейности, не принятой в тогдашней русской поэзии. В стихах Брюсова почти нет того чувства, которое принято называть «возвышенной» любовью, привычной в классической русской литературе. Тема любви явлена Брюсовым с конкретностью личного опыта, со смелостью саморазоблачения и во всем богатстве положительных и отрицательных, с точки зрения общепринятой тогда морали, подробностей и обобщений.

Любовную лирику Брюсова точнее назвать «эротической». В этом плане она восполняет заметный пробел в русской поэзии, поскольку эротическая лирика имеет право на существование в каждой развитой поэтической традиции,— античные поэты по-

БРЮСОВ

Фотография С. В. Шицмана. Москва, 1902
На обороте дарственная надпись: «Петру Петровичу Перцову в знак сердечной дружбы и уважения. Валерий Брюсов. 1902.

Так. Путник я, идущий к свету.
Я вестник, ставший на пороге.
Tertia Vigilia»

Центральный архив литературы и искусства СССР, Москва

дают Брюсову руку через все разъединяющие их века. Знаменитое и действительно примечательное стихотворение «Помпеянка» прославляет «страсть, перешедшую за предел». Там, за пределом страсти,— бездна, провал в небытие. В «Помпеянке» сквозит то же сладострастие гибели, что и в эсхатологических раздумьях поэта. Значительное место в эротической тематике Брюсова занимает любовь продажная, столь распространенная в укладе капиталистических городов и нашедшая широкое отражение в модернистской поэзии Запада, особенно французской, оказавшей на Брюсова немалое влияние.

Но даже за буднями случайных встреч при тусклом фонаре покупной страсти в поэзии Брюсова встает в праздничном великолепии обобщенный образ женщины. Женщина воспета поэтом во всем могуществе ее сексуальной власти и материнского подвига. Мы не имеем возможности привлекать к пояснению творческих путей Брюсова факты его интимной жизни, как бы они ни приоткрывались в его произведениях. Но известно, что личные встречи с женщинами, даже случайные, сопровождались у Брюсова порывом чистой страсти и своеобразным уважением — для Брюсова женщина всегда была Женщина с большой буквы. Об этом свидетельствуют и строки, написанные им в 1905 г., где Афродита, целомудренная богиня любви, даже в публичном доме говорит о чистоте страсти:

Всюду я, где трепет страстный
Своевольно зыблет грудь.
Вы бессильны, вы не властны
Тайну страсти обмануть...

Этот всеочищающий «трепет страсти», даруя наслаждение, приносит и боль, порою душевную муку, похожую на раскаяние,— так эротическая тема в поэзии Брюсова принимает нередко трагический аспект.

После всего изложенного может показаться, что дореволюционный Брюсов, постоянно погружавшийся в прошлое и столь же неуклонно грезивший о будущем, служивший любви вне времени и пространства, был оторван от современности. Это неверно ни в житейском, ни в литературном плане. Биографические данные говорят о том, что Брюсов еще задолго до Октября был общественным деятелем. Работая в Московском литературно-художественном кружке или в Обществе свободной эстетики, он по мере сил стремился содействовать поднятию эстетической культуры русского общества. Тогда же обозначилось стремление Брюсова к педагогике и пропаганде научных знаний. Наконец, прямой гражданский долг побудил его в 1914 г. стать военным корреспондентом газеты «Русские ведомости» и отправиться на театр военных действий.

Гражданская поэзия Брюсова развернулась во всей полноте после Великой Октябрьской революции, но и до нее по всему поэтическому творчеству Брюсова рассеяны стихи, откликающиеся то на драму русско-японской войны, то на события войны 1914 г., то на подъем революционного движения. В сборнике «Stephanos» одно из главных мест занимает раздел «Современность». В нем большая часть стихотворений создана под впечатлением «великих дней» революции 1905 г., о которых поэт писал: «Насколько мне всегда была (и остается теперь) противна либеральная болтовня, настолько мне по душе революционное действие» (*Чулков*, стр. 335—336). К наиболее известным стихам Брюсова, где его голос звучит гражданским и патриотическим воодушевлением, принадлежат знаменитые стихотворения «Каменщик» и «Кинжал», громко и своевременно прозвучавшие и до сих пор привлекающие непреходящей силой выражения.

Мы пытались наметить лишь главные пути творчества Брюсова, памятуя, что в этом густом лесу, который правильнее было бы назвать ботаническим садом, идут, причем в противоположные стороны, не только магистральные дороги, но и второстепенные тропы. Пожалуй, нет области бытия, куда не забрел бы неуспокоенный путник, причем неизвестно, чего, собственно, ищет он в дебрях своих противоречий.

По одной из таких второстепенных троп Брюсов выходил иногда на простор русских полей, но лишь затем, чтобы снова вернуться в глубь своего взращенного воображением леса. Тема России в дореволюционной поэзии Брюсова достойна специальной разработки. Брюсов был несомненным патриотом, он любил Россию, и прежде всего как государство, как носительницу власти; он терпел горькое разочарование от ее упадка в пору агонии царизма, он чувствовал себя сыном своей переживавшей трудные времена родины, но лермонтовские «дрожащие огни печальных деревень», «эта скудная природа», от которой щемило сердце Тютчеву, блоковские «избы серые» и «песни ветровые» мало что говорили Брюсову.

Может быть, он просто недостаточно знал Россию негородскую. Он воспринимал природу как горожанин, выезжавший летом на дачу, смотрел на русские раздолья через ее забор. В этой связи небезынтересно вспомнить одно место из письма к Брюсову Бальмонта, защищавшего свой сборник «Жар-птица» от резкой критики друга. Бальмонт пишет: «Ты ведь не умеешь отличить кукушкины слезки от подорожника <...> Тебе ли говорить о понимании до глубины Русской стихии, этой Великой Деревни? <...> Ты проклят городом и отравлен им» (*Чтения 1971*, стр. 260—261). Между тем известно из писем самого Брюсова и из воспоминаний свидетелей его юных лет, что он любил свои дачные пребывания и пользовался во всей полноте их удовольствиями. Видимо, этого было мало, чтобы стихи Брюсова, где говорится о русской сельской природе, звучали естественно,— о них почти не упоминают исследователи брюсовского творчества. Во всей поэзии Брюсова мы не встретим образа деревенской женщины, столь широко воспетой Некрасовым, появлявшейся иногда и в творчестве символистов. Примечательно, что и темы русской истории сравнительно мало увлекали Брюсова. Из задуманной повести о декабристах им написано было только начало. Такие исключительные личности, как Иван Грозный или Петр I, не нашли в творчестве Брюсова достойного отражения. На русскую народную поэзию Брюсов откликнулся двумя

имитациями —«Сказанием о разбойнике» и песней «О последнем рязанском князе Иване Ивановиче». Стилизация частушек ограничивается фабричной и бульварной тематикой. Подражания деревенским частушкам решительно Брюсову не удавались.

В 1917 г. Брюсов написал стихотворение «О себе самом». Ощутив и осознав наступающий перелом истории, он, видимо, почувствовал потребность оглянуться на пройденный путь — каждому сборнику своих стихов он дал лаконичную характеристику. Автор начинает счет от «Шедевров», видимо, полагая, что «юношеские произведения»— лишь затакт его творчества. Всех сборников — девять, по числу Муз. Последний к тому времени, подготовленный к печати,—«Девятая Камена»,—так и не увидел света среди бушевания политических событий. В беглых авторских характеристиках можно уловить верность оценок. Высший расцвет поэтического дореволюционного творчества Брюсова приходится на первое пятилетие века — в эти годы были созданы сборники «Urbi et orbi» и «Stephanos», где Брюсов обнаружил всю блистательность своего мастерства. Сам Брюсов так говорит о первом из этих сборников:

Изведав мглы блаженств и скорби,
Победы пьяность, смертный страх,
Я мог надменно «Urbi et orbi»
Петь гимн в уверенных стихах.

Затем траектория брюсовского творчества идет под уклон. После 1915 г. мускулатура брюсовских стихов стала обнаруживать некоторую ослабленность, наступила полоса если не упадка, то ощутимого спада. Это снижение объясняется отчасти общим истощением организма поэта.

За полтора с лишним десятилетия выработались лучшие качества поэзии Брюсова: рассудочная страстность (или страстная рассудочность) получила прочную форму; стих приобрел чеканную крепость, особую «брюсовскую» поступь; фраза стала неизменно прозрачной и весомой; Брюсов обогатил свою поэзию, а стало быть, и русскую поэзию вообще, обновленной лексикой, не прибегая к тому, что он сам называл «коверканием» языка; он ввел в русскую лирику новые или позабытые ею строфические формы, строгость и разнообразие ритмов, чистоту, а иногда и изысканность рифмы,— всё вместе заложило тот базис стихотворной культуры и мастерства, на котором развивалась в дальнейшем русская поэзия. В этом великая заслуга «мэтра», обеспечивающая ему славу реформатора русской поэзии на рубеже двадцатого столетия.

Рассеивались туманы и нарочитости ранних модернистских увлечений, крепла связь с действительностью, уходила в область забвения раннесимволистская поэтика. Творчество Брюсова опережало его теоретические высказывания, в которых он, правда, без прежней решительности, продолжал если не отстаивать, то оправдывать принципы символизма, от которых сам удалялся. Внешняя связь Брюсова с символизмом как определенной идейной и литературной группировкой порвалась уже в 1909 г., когда Брюсов отошел от журнала «Весы». На это был ряд причин, но главная заключалась в углубившемся расхождении Брюсова с соратниками по журналу, и более всего с Андреем Белым. После этого символизм просуществовал еще несколько лет, но Брюсов лишь номинально продолжал считаться его главой. На самом деле дни символизма как литературно-философского направления были уже сочтены. Яркие индивидуальности, составлявшие его верхушку, окончательно разобщились — каждый пошел своим путем: Мережковский предался православию; Бальмонт, верный себе, остановился на своем «языческом» культе красоты и любви; Вячеслав Иванов углубился в философические раздумья и античность; Андрей Белый после ряда метаний нашел пристань в учении Штейнера. Блок, всегда державшийся в стороне, так и остался вне символистского ядра — он еще давно отметил в своих дневниковых записях, что символизма у нас, собственно, вовсе нет. На литературном горизонте уже появились новые объединения поэтов — акмеизм, отколовшийся от символизма, потом футуризм. Брюсов вторично оказался «вождем без войска», но на сей раз он уже и сам не чувствовал себя главой школы, и символизм стал для него явлением прошлого.

Эволюцию мастерства Брюсова труднее проследить в его прозе. «Огненный ангел», «Алтарь победы» и неоконченный «Юпитер поверженный» написаны от первого лица,

так что их язык не может не быть стилизацией — в первом случае германского хрониста эпохи Реформации, в двух других — классической латинской прозы. Другие прозаические произведения Брюсова писаны сознательно простым языком, в той литературной традиции, которая объединяется именами Цезаря и Пушкина и решительно противопоставляет себя романтизму.

Существенной областью творчества Брюсова был поэтический перевод как область поэзии, требующая наиболее выработанного мастерства. Переводческая работа искренно увлекала его, он твердо знал, что поэзия переводная составляет законный раздел поэтического творчества, не только дающий возможность другим приобщиться к произведениям, писанным на иных, не всем доступных языках. Брюсов переводил охотно, это занятие давало ему двоякое удовлетворение: поэтическую борьбу со словом и раскрытие для него самого новых широт. Через переводы Брюсова русские читатели впервые познакомились с модернистами Франции и с Верхарном, узнали и о подлинных ценностях некоторых классических созданий. Из них «Энеиду» Брюсов стал переводить еще на школьной скамье и пронес свою любовь к ней через всю жизнь. Он мечтал дать русский текст эпопеи, сохранив весь ее блеск. Перевод «Энеиды» он все же не окончил, а опубликованные после смерти поэта шесть песен не оправдали надежд их создателя: предъявляемые самому себе требования точно передать все особенности поэтики Вергилия встали перед переводчиком преградой непреодолимой. Перевод всего «Фауста» Брюсов тоже не закончил: многие места остались в первоначальных черновых вариантах, что, впрочем, мало влияет на общее положительное впечатление.

Охват переводческой деятельности Брюсова поддается лишь с трудом мере и числу. Но есть в этой массе поэтических преодолений одна область, которая требует особого нашего внимания,— это переводы из литератур народов, населяющих необъятный Советский Союз. В середине 1910-х годов Горький затеял издание сборников, долженствовавших открыть широкому русскому читателю поэзию и прозу братских народов, и этим положил основу той обширной области переводной литературы, которая, исполняя на практике заветы Ленина, реально сближает между собой народы Советской страны. Вскоре проект был осуществлен, создалось издательство «Парус», под непосредственным наблюдением Горького. Он привлек к работе Брюсова, понимая, что Брюсов не может не воодушевиться этой плодотворной идеей. При непосредственном участии Брюсова готовились (хотя и не все из них появились) сборники литератур латышской, украинской, еврейской. Едва ли Брюсов, а, может быть, и сам Горький, могли предвидеть, сколь широк будет размах переводческой работы на девственной для русского читателя почве наших богатых национальных литератур, как имеющих многовековой опыт, так и переступивших только что через порог неграмотности.

Незнакомство самого Брюсова и привлеченных к делу сотрудников с языками братских народов поставило переводчиков поэзии перед необходимостью пользоваться подстрочными прозаическими переводами. Переводы Брюсова, сделанные по «подстрочнику», показали возможность достижения этим методом высокого художественного результата.

В 1915 г. началась работа, имевшая трудно оценимое значение и для самого Брюсова, и для армянского народа. Представители прогрессивной армянской общественности предложили Брюсову редактирование сборника армянской поэзии — народной, древней и современной. В результате огромной и воодушевленной работы, проделанной создателями подстрочников и поэтами, привлеченными к изданию, появилась знаменитая антология «Поэзия Армении» (1916), открывшая русским и всем знающим русский язык читателям неведомые сокровища и заслужившая Брюсову звание «народного поэта Армении».

С таким накоплением опыта и трудов вступил Брюсов в Великую Октябрьскую революцию.

Приобщение к деятельному строительству новой России провело четкую демаркационную линию между Брюсовым дореволюционным и Брюсовым советским. Направление поэтического творчества по новым путям не могло произойти без перерождения самой личности поэта. Брюсов преодолел годы тяжелых личных переживаний, и к нему вернулись прежняя продуктивность и юное воодушевление. Это, к счастью, совпало с

АФИША ДИСПУТА
«ЧТО ЖЕ ТАКОЕ
РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОЭЗИЯ?»
Москва, 8 ноября 1920 г.
Докладчик — Брюсов, оппонент —
А. В. Луначарский
Библиотека СССР
им. В. И. Ленина, Москва

ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
(Аудитория № 1)
ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ПОЭТОВ
Понедельник, 8-го Ноября,
ДИСПУТ
ЧТО ЖЕ ТАКОЕ
РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОЭЗИЯ?
ДОКЛАДЧИК
ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ
ОППОНЕНТ
А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ
ПРОГРАММА.
1. Взаимоотношение между литературой и жизнью.
2. Литература как наиболее чуткий выразитель социальных отношений.
3. Революционная поэзия как настоящий предшественница революционных взрывов.
4. Обратное влияние литературы на жизнь.
5. Задачи революционной поэзии.
Начало в 7½ час. вечера.
Билеты продаются Театральная касса (Петровка, 5, с 10—5 ч.), клавка Деятелей Искусств (б. Никитская, 22 с 12—7 час.) Политехнический Музей в день лекции при входе в Аудиторию.

физическим восстановлением здоровья. Вышли наружу ранее дремавшие силы. При рассмотрении главных направлений деятельности Брюсова в короткий, менее чем семилетний, период служения Советской Родине, надлежит отметить, что поэзия, занимавшая первое место в дореволюционном творчестве Брюсова, не только приняла во многом другой характер, но и отступила на второй план перед мощно развернувшейся деятельностью, общественной и государственной, оставлявшей, по собственному признанию Брюсова, слишком мало времени для занятия литературой. Тем не менее после революции Брюсов успел выпустить несколько сборников стихов. Они представляют исключительный интерес и заслуживают особого внимания. Наиболее значительный из этих сборников —«В такие дни»— открывается стихотворением «России». Это подлинный гимн стране, которой по праву можно сказать:

Всех впереди, страна-вожатый,
Над мраком факел ты взметнула,
Народам озаряя путь...

В те дни Брюсов уже постигал, что Великая Октябрьская революция — явление, с одной стороны, всемирное, с другой — национальное, поднимающее Россию на высочайшую ступень. Он славословит революционную Россию, перечисляя и ранее совершенные ею подвиги. Так в революционную тему проникает присущий Брюсову историзм, не покинувший его даже в захватывающие миги политических катаклизмов. В конце первого раздела сборника «В такие дни» — хвала советскому гербу.

Брюсов видит, на себе испытывает голод, разруху, всю тягостную сторону происходящего, но он не склоняется под ударами житейских бедствий, наоборот, они только усугубляют его энергию. Он всех призывает стать в первые ряды борцов. Стихотворение

«Нам проба» перекликается с беспощадными словами инвективы «Товарищам интеллигентам»:

Строг выбор: строй, рази — иль падай!
Нам нужен — воин, кормчий, страж!
В ком жажда нег, тех нам не надо,
Кто дремлет, медлит, тот не наш!..

Революционные, политические стихи Брюсова не столь значительны количественно, сколь качественно. Их совокупность представляет авангард русской советской поэзии. Они проложили дорогу дальнейшим поэтическим достижениям. Нимало не умаляя всей новизны и самобытности Маяковского, можно по праву считать и Брюсова зачинателем советской поэзии. Это тем более замечательно, что таким зачинателем оказался поэт с громадным, накопленным многими годами вдохновенного труда культурным богатством.

Над всей группой политических стихов Брюсова возвышается всем памятное стихотворение «Ленин», написанное после смерти вождя. Для ответа на вопрос, поставленный в первом стихе. «Кто был он?»— Брюсов нашел мощные, запоминающиеся строки:

Мир прежний сякнет слаб и тленен:
Мир новый — общий океан —
Растет из бурь октябрьских: *Ленин*
На рубеже как великан.

Земля! зеленая планета!
Ничтожный шар в семье планет!
Твое величье — имя это,
Меж слав твоих — прекрасней нет!..

Это стихотворение — одно из первых поэтических произведений, непосредственно посвященных личности Ленина. Потомство не может этого не учесть и не запомнить.

Наряду с новой революционной тематикой в ряде стихов этого периода Брюсов обнаружил свою, в данном случае едва ли не чрезмерную, склонность к эксперименту. Брюсов попытался создать свою революционную поэтику. Ломка синтаксиса, непривычные перебои ритма, выпадение связующих частиц, безбоязненное насилие над языком, которое Брюсов так осуждал сам, разбирая опыты молодых,— всё это делало (и делает до сих пор) звучание стихов в последних книгах Брюсова затруднительным даже для развитого слуха. Материал поэзии — слово — с трудом выдерживает всю искусственность брюсовских новшеств. Если сравнивать словосочетания, образующие сложную рифму Маяковского, со сложными, по тому же принципу построенными рифмами Брюсова, сравнение окажется не в пользу «мэтра».

Несмотря на попытку обновить в революционных условиях поэтику русского стиха, в поздних стихах Брюсова продолжают, и довольно настойчиво, выступать его прежние пристрастия к образам истории и мифологии. Иногда эти образы весьма гротескно сочетаются с нашей революционной действительностью: так, античные Парки в московском Кремле не могут не вызвать законного недоумения.

Перегрузка научными терминами и историческими именами особенно чувствуется в стихах из книг «Дали» и «Меа», которые посвящены преимущественно теме научного подвига человечества. Брюсов в свое время поддерживал идею Рене Гиля о возможности «научной поэзии». На склоне лет Брюсов попытался реализовать мечту о такой поэзии на деле. В настоящее время наблюдается, особенно среди молодого поколения, повышенный интерес к «научной поэзии» Брюсова. Это, по-видимому, относится более к знакомым животрепещущим темам, нежели к поэтическому качеству стихов. Перенасыщение чуть ли не каждой строки именами, географическими названиями и специальными терминами отвлекает от поэтического восприятия. Брюсов мечтал о читателе, равном ему по образованности,— мечта не реальная; демонстрация собственной эрудиции заставляет заподозрить, что в авторе еще не угасло какое-то юношеское тщеславие. Между тем, сама тематика «научной поэзии» Брюсова настолько отстает от

темпов развития точных наук, что предвидения поэта устаревают «на корню». Не следует упускать из виду и того, что в экспериментах с поэтикой пагубно сказалось ясно ощутимое соперничество с молодыми футуристами, которые могли помешать стареющему «мэтру» «быть первым», а с этим он не хотел примириться.

Поэзия и вообще литература, бывшая главным делом жизни Брюсова,— лишь одна грань его многообразной деятельности. Только усердно составленная библиография может дать представление о множестве его статей, критических заметок, литературоведческих трудов. По страницам «Весов» и «Русской мысли», а после Октября — «Художественного слова» и «Печати и революции» рассыпаны многочисленные критические статьи и отзывы, столь обильные, что автору приходилось прибегать к различным псевдонимам, чтобы избежать частой повторности своего имени. Тогда имя Брюсова внушало страх молодым начинающим поэтам, так как его критические разборы, будучи в основе благожелательными, отличались беспристрастием и строгостью. И сейчас эти яркие, иногда резкие отклики на появлявшиеся книги доставляют читателю немало удовольствия остротой своей мысли. Особого внимания достойны его обзоры русской литературы, помещавшиеся в заграничной прессе.

Россия обязана Брюсову-литературоведу воскрешением в общественном сознании такого поэта, как Тютчев. Теперь нам кажется странным, что Тютчев, которого мы цитируем на каждом шагу, был на рубеже XX в. ценим лишь немногими знатоками поэзии. То же самое можно сказать и о другом великом нашем поэте — Баратынском.

Много трудов посвятил Брюсов изучению Пушкина и как историк литературы, и как текстолог — ученые навыки пушкиноведа он еще в молодые годы усваивал, работая в тесном общении с известным издателем и редактором журнала «Русский архив» П. И. Бартеневым. Небольшие по объему, но острые, полные горячего преклонения перед Пушкиным этюды Брюсова были впоследствии объединены в его книге «Мой Пушкин».

Вступления к переводам французских и франкоязычных поэтов, в частности Верхарна, не утрачивают и сейчас своей актуальности, так же как и статьи о поэтах древнего Рима, из которых «великий ритор» Авсоний был впервые открыт Брюсовым для русского читателя. Эти и многие другие очерки Брюсова писаны ясным простым языком и могут служить образцами литературных характеристик. Обширную, основополагающую статью предпослал Брюсов редактированной им антологии «Поэзия Армении».

Заметен вклад Брюсова и в русскую стихологию. Его книги, посвященные теории русского стихосложения, весьма специальные, но доступные благодаря простоте изложения, были ярким явлением накануне того стихологического расцвета, которым ознаменована деятельность ленинградских ученых с Б. В. Томашевским во главе. Позднее стихологические взгляды Брюсова подверглись критике и теперь находят лишь малочисленных защитников. В свое время они сыграли большую роль, укрепив ответственную отрасль литературоведения, впоследствии временно отодвинутую в тень. Книги Брюсова «Наука о стихе» и «Опыты» служили (служат и сейчас) мощным рычагом для поднятия нашей стиховедческой культуры.

Неоднократно выступал Брюсов и как чистый историк. Таковы две работы, делающие честь нашей научно-популярной литературе. Первая тесно примыкает к занятиям Брюсова армянской поэзией — это обзор многовековой истории армян, с ее сменами величия и унижения, упадка и расцвета — «Летопись исторических судеб армянского народа». Другая работа —«Учители учителей»— родилась из глубокого проникновения в древние культуры, которые Брюсов считал производными от единой цивилизации, от Атлантиды. Поэтическое воображение, подкрепляемое данными науки, с настойчивостью поддерживает легенду, когда-то слышанную Платоном и восходящую к преданиям жрецов Египта.

Следует упомянуть и обширную переписку, которую вел Брюсов, в первую очередь с деятелями литературы и искусства. В его многочисленных письмах можно найти много метких характеристик и критических оценок, не утративших своего значения и в наши дни.

В послеоктябрьский период, как уже было отмечено, общественная деятельность Брюсова не давала ему возможности отдаваться литературе с прежней настойчивостью. Зато блистательной была его деятельность на поприще литературного просвещения. Еще в дореволюционное время Брюсов лелеял мысль о создании специального учебного заведения для будущих поэтов. Он исходил из положения, что подобно тому как композиторы готовятся к своей профессии в консерваториях, так и поэты должны получать определенную сумму сведений и навыков, которые в будущем сократили бы для них «опыты быстротекущей жизни». До революции были попытки создания поэтических студий, но они имели лишь эфемерное существование. Октябрь открыл широкие возможности для осуществления брюсовской мечты. Сначала была создана студия при Лито Наркомпроса, потом был основан, по инициативе и плану Брюсова, Высший литературно-художественный институт (ВЛХИ), которому и было присвоено имя его создателя. В институте Брюсов проявил свой энтузиазм и способности педагога в полной мере. Его преподавание носило характер энциклопедический: он читал курсы истории литературы, латинского языка в связи со сравнительным языкознанием, даже математики, вел различные семинарские занятия, увлекал студентов всякими, искусно изобретенными упражнениями. Брюсов-педагог проявлял при всех обстоятельствах исключительную щедрость, постоянную готовность помочь в чем бы то ни было. Вся эта благородная и плодотворная активность протекала в условиях голода и холода, которых старались не замечать ни студенты, ни их воодушевленный, помолодевший в их кругу учитель.

Итак, русская и советская культура имеют основание чтить память Валерия Брюсова за многое, в том числе за обновление поэзии, переживавшей в конце XIX в. упадок, за поднятие ее профессионального мастерства, за критическую трезвость и вкус, за неизмеримое богатство знаний, за щедрость в просвещении молодежи, за то, наконец, что он встал одним из маяков для выходившей в широкое море советской культуры.

ИЗ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ

НЕЗАКОНЧЕННЫЙ «ДНЕВНИК ПОЭТА»

Предисловие и публикация В. С. Дронова

Стихотворный «Дневник поэта» начала 1917 г. занимает в творческом наследии Брюсова особое место. Это не только весьма своеобразное художественное произведение, о котором до настоящего времени знал сравнительно узкий круг литературоведов, но и важный документ, позволяющий полнее прочитать одну из мало изученных страниц биографии поэта, более четко представить его отношение к Февральской буржуазно-демократической революции.

«Дневник» был задуман Брюсовым вскоре после февральского переворота как «годовая повесть», в которой он намеревался осветить свой внутренний мир и вынести на строгий суд совести свои чувства, настроения, сомнения, разобраться в них. Однако характер записей, сделанных поэтом, таков, что многие из них перерастают сугубо личные, «исповедальные» рамки и становятся объективными свидетельствами времени. Рассказывая о самом себе, Брюсов постоянно связывает личное с развертывающимися вокруг него политическими событиями, дает оценку общественной и культурной жизни послефевральской Москвы, с горькой иронией говорит о своих общественно-политических выступлениях, метко, а порой и зло, характеризует некоторых деятелей литературы, с которыми он сталкивается в эти дни.

Брюсов, как известно, недолго воспевал Февральскую революцию. Встретив крушение царизма приветственным гимном «Освобожденная Россия» и стихотворением «На улицах», где прославляются «зов обновленья и свободы» и оживший «державный народ», Брюсов буквально через несколько дней после этого в стихотворении «В мартовские дни» вполне определенно заявляет о своих сомнениях в истинном смысле совершающихся вокруг него событий и преобразований:

Приветствую Свободу... Чего ж еще хотеть?
Но в золотое слово влита, я знаю, медь:
Оно, звуча, не может, как прежде, мне звенеть!

Приветствую Победу... Свершился приговор...
Но, знаю, не окончен веков упорный спор,
И где-то близко рыщет, прикрыв зрачки, Раздор.

«Приветствуя Победу» революции и прославляя Свободу, Брюсов в то же время подчеркивал, что не может «безвольно смешаться с этим днем», что «в чувстве углубленном» для него «нет пьяности вина». Это не случайно. Опыт 1905 г., со всей очевидностью раскрывший политическую беспринципность российского буржуазного «стада», и огромная историческая эрудиция подсказывали поэту трезвую оценку «свершившемуся приговору», удерживали его от поспешных выводов, заставляли сомневаться в реальности некоторых лозунгов новой русской революции.

В «Дневнике» эти сомнения Брюсова выражены более откровенно. Весьма самокритично оценивая свое стремление как-то отгородиться от происходящих вокруг событий, он в первой же записи «Дневника» прямо называет многие «высокие и прекрасные» слова тех дней «обманом». Конечно, Брюсов еще некоторое время верил

в возможность мирного развития социальных событий в России, надеялся на слияние всех общественных сил «в один порыв». Но общественно-политическая практика пришедшей к власти буржуазии активно разрушала эти иллюзии. Забвение лозунгов революции, безразличие правящих кругов ко многим насущным проблемам русской социально-экономической и культурной жизни, нежелание и неспособность решать их становились очевиднее с каждым новым днем. Все это не могло проходить мимо Брюсова, не вызывая у него соответствующей реакции. Так родилось чувство все более усиливающегося разочарования, сознание ненужности и одинокости людей творческого труда, людей критически мыслящих на шумном «пире» буржуазного торжества. Отсюда и желание поэта замкнуться в кругу привычных литературных занятий.

Однако, как ни стремился Брюсов встать вне политики, «уклониться» от общественной деятельности, он не мог быть безразличным к будущему родины и невольно, вопреки самому себе, выступал как политик. К этому обязывал Брюсова весь строй его мыслей о России, долг поэта и гражданина, для которого формула «Кинжала»—«Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза»— была не просто реминисценцией из Лермонтова, а все более и более утверждающейся нормой общественного бытия. Следствием этого был ряд ярких политических выступлений поэта: стихотворение «Свобода и война», статья «О новом русском гимне», где Брюсов видит новую Россию как свободную федерацию населяющих ее народов, доклад о войне, прочитанный в марте на собрании московских писателей и составивший основу брошюры «Как прекратить войну» (предлагавшей во многом неверное решение вопроса, но злободневной), которая привлекла внимание В. И. Ленина [1].

Касаясь своей политической деятельности и критически оценивая себя как политика, Брюсов в конце марта 1917 г. писал А. Н. Тихонову: «Как ни стою я в стороне от общественной деятельности, все же частично был захвачен ее волнами. Пришлось появляться, говорить, даже читать доклады на разных собраниях, митингах и т. п. Все это еще раз убедило меня, что я создан не для этого, и, кажется, я сумею уклониться совсем, чтобы вполне вернуться к своим книгам и рукописям» (ГБЛ, ф. 386. 72. 44, л. 32). Нужно отметить, что точка зрения Брюсова, высказывавшаяся им по разным вопросам на этих собраниях, далеко не всегда совпадала с мнением других писателей и общественных деятелей. Так, например, газета «Утро России» в статье «Московские писатели и революция» отмечала особую позицию Брюсова в оценке современных событий: «Московские писатели,— сообщал репортер,— вот уже 2 дня совещаются о выработке общей резолюции для общего отклика на совершившиеся события в стране. Первое заседание ограничилось общими дебатами по вопросу момента, вчерашнее заседание было посвящено выслушиванию целого ряда предложенных резолюций и окончилось выбором комиссии для их согласования. Но удалось ли это сделать? Удастся ли настолько обесцветить индивидуальные мнения, например, Н. А. Бердяева, Е. Н. Трубецкого, В. М. Фриче, В. Я. Брюсова, М. Волошина — обесцветить настолько, чтобы получилось общее место, под которым могут подписаться люди различных взглядов и убеждений? И есть ли в этом необходимость?» [2]

О подобном же отсутствии единства мнений в писательской среде говорится и в «Дневнике». Суммируя там впечатления от дебатов по поводу проекта закона о печати, возникших на совещании представителей московских литературных организаций, Брюсов еще раз заявляет о своем намерении отойти от политической жизни. И причина тому, конечно, более веская, нежели простое расхождение мнений по вопросу о свободе печати или несогласие с точкой зрения, например, Розенберга.

«Дневник поэта» интересен и тем, что очерчивает, пусть далеко не полно, круг людей, с которыми Брюсов в мартовские дни 1917 г. общался как у себя дома, так и в различных организациях Москвы. Причем, упоминание о том или ином лице нередко сопровождается краткой, но меткой характеристикой. Таковы строки «Дневника», посвященные Леншиной, Максимилиану Волошину, Липскерову, ироническое описание «общего собрания» «Свободной эстетики», где парадоксально сочетались фабрикант Гиршман и гимназический учитель Артюшков, а выдающийся искусствовед и художник Игорь Грабарь соседствовал с эстетствующей буржуазной дамой Генриеттой Гиршман. Сатирическое же описание визита Брюсова к московскому градоначальнику

«ПУТЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ»
Литературно-художественный журнал Культурно-просветительного отдела Московского Совета солдатских депутатов, № 1, июнь 1917 г.
Вышел при участии Брюсова

Обложка
(гравюра П. В. Кузнецова)

Лидову не оставляет сомнения в истинном отношении поэта к внутренней политике Временного правительства.

Эмоционально-психологическая тональность «Дневника» — минорная. Из записи в запись настойчиво повторяется мысль об упадке таланта, бессмысленности «бесцветных дней» и т. п. Все это свидетельствует о серьезном духовном и творческом кризисе, который переживал Брюсов в дни ломки старого мира, что подтверждается также очевидной слабостью многих стихов, написанных им в это время.

Рукопись «Дневника» обрывается на записи «28 марта». Вероятно, Брюсов по каким-то причинам охладел к замыслу «годовой повести» и прекратил дальнейшее ведение «Дневника». Можно думать, однако, что Брюсов после Октября намерен был вернуться к работе над «Дневником»: основанием для такого предположения служит наличие автографа, написанного уже по новому правописанию.

«Дневник поэта» предполагалось напечатать в сборниках «Звенья», о чем свидетельствует краткая рецензия В. Д. Бонч-Бруевича на рукопись «Дневника», датированная 21 ноября 1931 г. Редактор «Звеньев» писал: «Переданный в «Звенья» Ильей Ионовичем Ионовым [3] этот маленький стихотворный дневник Брюсова несомненно очень интересен и дает нам яркую картину настроения поэта от 18 по 28 марта 1917 г. Полагаю, что его надо напечатать в одном из ближайших №№ «Звеньев» (ГБЛ, ф. 369. 54. 58).

Текст «Дневника поэта» печатается по автографу (ЦГАЛИ, ф. 56, оп. 2, ед. хр. 16, л. 1—6). Черновой вариант «Дневника», написанный карандашом по старому правописанию, находится в ГБЛ, ф. 386. 12. 2, л. 1—5 (листы 1, 3 и 5 — на оборотной стороне черновика рукописи статьи Брюсова «Как прекратить войну»). Все даты в «Дневнике» даны по старому стилю.

[1] В. Д. Бонч-Бруевич. Что читал Ленин в 1919 году.— «На литературном посту», 1926, № 2, стр. 18.
[2] «Утро России», 1917, № 71, 15 марта.
[3] Илья Ионович *Ионов* (Бернштейн, 1887—1942) — поэт и издательский работник. После Октябрьской революции заведовал издательством Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов, Ленинградским отделением Госиздата, издательством «Земля и Фабрика».

ДНЕВНИК ПОЭТА

18 марта 1917—
18 марта 1918,
если — доживу!

В. Б.

18 марта 1917 г. [1]

Сегодня годовую повесть
Я начинаю. Светит мне
Фонарь неугасимый — совесть,
И жутко при его огне!
Он озаряет ряд бесплодных,
Бесцветных дней, уныло сходных,
Твердивших тупо: «все равно», —
Тех самых дней, когда в окно
Стучались крики толп свободных,
Когда народный океан
Качал слова плакатов красных...
Я знаю, многое обман
В словах высоких и прекрасных,
Но ими те опьянены,
Они мечту встречают в яви,
А я... за днями день лукавей,
Меня в провалы манят сны,
Я забываю все призывы
Заветных грез, любимых дум...
Живу во снах, суров, угрюм,
Полу-живой, полу-счастливый.

18 марта 1917 г.

19 марта

Сегодня — громовой удар
При тусклости туманных далей:
По телефону мне сказали,
Что отравилась Анна Мар [2].
Я мало знал ее; случайно
Встречался; мало говорил;
Но издали следить любил
Глубокий взор с тоскливой тайной,
И, кажется, без внешних уз,
Меж нами тайный был союз.
Вели мы, при случайной встрече,
Порой негаданные речи,
И подарила томик свой
Она мне с надписью такой:
«Я вам молилась вместо бога...»
В моей душе — тоска, тревога...
Умеют души уходить;
Зачем же мне бесцельно жить?

20 марта

Писал прилежно целый день
Статью о гимне [3]. Вечер; лень;
В окне сырая мгла столицы...

Я перечел свои страницы:
Все бледно, вяло! Свой талант
Я умерщвляю; безнадежней
Спасенье с каждым днем. Я, прежний,
Пред тем, что я теперь,— гигант:
И, кажется, уж еле внятно,
Все это чувствуют. А я
Лишь повторяю: «безвозвратно!»
Где ж воля прежняя моя!

Post scriptum: был вчера у Нелли,
Вдвоем лежали на постели [4];
Когда душа рвалась в тоске,
Играл комедию разврата...
Да хлопотал еще в Кружке [5]
По воле Комиссариата [6]
И делал вид, что увлечен.
Противно! Приходи, мой сон!

21 марта, вторник

Еще бездельный день и скучный;
С бумагой писчей неразлучный,
Я много исчеркал листов:
Статья, роман, начало драмы [7]
И, как всегда, столбцы стихов...
Когда же бросишь ты, упрямый,
Привычку к подбиранью слов! *
Когда-то это было нужно,
И нитью, искристо жемчужной,
Сверкали вереницы строф.
Теперь стихи твои бесцветны,
Как в день туманный, в час рассветный
Гряда не-алых облаков.
Довольно!— А душа томится
Ждет и не хочет покориться!

22 марта

Сегодня был прием «заправский»,
Был Саликовский [8] (он стихов
Просил для «Края» [9]), был Варшавский [10],
Аксенов [11] и Сергей Бобров [12],
Шервинский [13] и его товарищ [14],
Таиров [15] и еще два-три...
О, прах обугленных пожарищ,
Чуть тлеющий огнем — гори!
Еще звучат слова приветствий
Еще кой для кого я — maître...
К тому ж... (Как это вставить в метр?)
К тому ж... (О, было б это в детстве!) —
За сто стихов я получил

* *Первоначально было*: Привычку радостных годов (ГБЛ).

Сто пятьдесят рублей. Приятно.
Но как то время невозвратно,
Когда, исполнен буйных сил,
Забыв о деньгах, я творил! *

P. S. (приписка 23 марта)

Вчера не только полтораста
Я взял — и двести пятьдесят
От «Центрифуги»...[16] Что ж! Я — рад:
Кладу в карман аванс, и — баста!

23 марта, четверг

В «Эстетике»[17]. Пять человек
Пришло на общее собранье;—
Полу-дельцов, полу-калек,
Полу-поэтов... Сочетанье **
Смешное: Гиршман [18] — Артюшков [19],
Jeanne [20] — Грабарь [21], Генриетта [22] — Владя [23].
В пять-шесть минут дела уладя,
В Кружок я ехать был готов,
Но, мудр, настойчив и непрошен,
Меня в дверях поймал Волошин
(Я, впрочем, сам и звал его...)
С «Верхарнами»...[24] Не до того
Мне было. Выслушал поспешно
И убежал, чтоб не внимать,
Как будет тот же Макс читать
Поэму о «пещере грешной» [25]
(Eadem *** vulva ****), как потом
Расхлябисто плохим стихом
Поэмку Липскеров [26] изложит...
Туман — в душе, но все ж не может
Она стерпеть, когда стихи
Суть «блюдо скучной чепухи!»*****

24 марта. Пятница

По воле Комиссариата,
Литературных обществ ряд
Вчера созвал я, и наград
Не ждал, конечно; но расплата
Была жесточе всех расплат!
Не буду вспоминать! Сурово

---

* *В черновом автографе вариант:* Я лишь для творчества творил! (ГБЛ).

** *В черновом автографе первоначально:*

Полу[глупцов]-певцов, полу-калек,
Полу-красавиц, сочетанье (ГБЛ).

*** Там же (*лат.*).

**** Покров, покрывало; матка (*лат.*).

***** *Первоначально было:*

не может
Моя душа терпеть, когда
В стихах у «ближнего» — вода! (ГБЛ).

БРЮСОВ
Фотография, конец 1910-х годов
Мемориальный кабинет Брюсова, Москва

Синклит принципы * все отверг [27].
Громил нас речью Розенберг [28];
Булгаков, секретарь Толстого,
Прославил буйно анархизм [29];
Язвительно вещал Игнатов [30],
И, от «рабочих депутатов»,
N. N. твердил «социализм»...
«Довольно» вновь! К чему бороться!
Не быть мне в роли полководца
Малейшей рати, не играть
Малейшей роли больше... Рать
Моя разбита; о престиже
Моем, что говорить! Все ниже
Я падаю. Не «ко двору»

---

* *Первоначально было:* Синклит призывы все отверг (ГБЛ).

Я в наше сумрачное время,
И новое не вспомнит племя,
Кто я такой, когда умру.

25 марта

Составили определенье,
Послали Лидову [31] решенье:
Я, Юлий Бунин [32], Розенберг,
Довольно, не люблю парерг!*
Отныне я, незримый критик,
От всяких откажусь политик!

26 марта

У Лидова. Градоначальник
Поил учтиво коньяком
И много говорил об том,
Что он, родной Москвы печальник,
От ужасов избавил нас
И от беды столицу спас,
Жандармов во-время припрятав,
Послав на вербный торг солдатов
И к службе возвратив назад
Сыскной полиции весь штат.

27 марта

Сегодня — очередь не наша!
Все дальше круговая чаша,
За мигом миг, от наших уст,
А наш бокал — уныл и пуст.
Другие — званые на пире,
И что нужды им в нашей лире!
Друзья! поднимемся тайком,
И с пира шумного уйдем!

28 марта

«На берегу прохладной речки
К полудню улеглись овечки.
Слагая про себя стихи,
Лежат под ивой пастухи»
И ждут, когда же на опушке
Со стадом явятся пастушки.
Идиллия! А вкруг меня
Движенье трудового дня,
И вопит мальчик, подпевая:
«Слух об аресте Николая!» [33]

---

* От греч. παρεργον — постороннее дело, нечто второстепенное, побочная работа.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В автографе явная описка: 10 марта.

[2] Анна Яковлевна *Леншина* (псевдонимы — Анна Мар, Принцесса Грёза; 1889—1917) — писательница, автор сборников рассказов «Миниатюры» (1906), «Невозможное» (1912), романов «Тебе единому согрешила» (1915), «Женщина на кресте» (1916) и др. О ее смерти см.: «Самоубийство Анны Мар».— «Московский листок», 1917, № 64, 21 марта.

[3] Статья «О новом русском гимне (ЦГАЛИ, ф. 56, оп. 2, ед. хр. 61, л. 1—4) завершена Брюсовым 22 марта 1917 г., опубликована в сб. Московского клуба писателей «Ветвь» (М., 1917).

[4] Эти две строки записаны шифром, цифровой ключ к которому тут же приведен автором.

[5] Московский литературно-художественный кружок (1898—1920) играл видную роль в культурной жизни дореволюционной Москвы. В 1902 г. Брюсов был избран в состав дирекции, а в 1908 г.— председателем дирекции этого кружка. Поэт говорит здесь о хлопотах по подготовке созывавшегося по «предложению местных властей» совещания представителей московских литературных организаций (см.: «Русские ведомости», 1917, № 71, 30 марта, стр. 2).

[6] Комиссариат Московского градоначальства, образованный после Февральской революции.

[7] Статья — вероятно, «О новом русском гимне»; роман — возможно, незаконченный роман из современной жизни (см. его публикацию в наст. томе); название драмы установить не удалось.

[8] Александр Фомич *Саликовский* — журналист, сотрудник газеты «Приазовский край».

[9] «Приазовский край» — ежедневная политическая, экономическая и литературная газета, издававшаяся в Ростове-на-Дону (1890—1918). В этой газете 22 апреля 1917 г. было впервые опубликовано стихотворение Брюсова «Свобода и война».

[10] Сергей Иванович *Варшавский* — журналист, сотрудник газеты «Русское слово».

[11] Иван Александрович *Аксенов* (1884—1935) — поэт, драматург, переводчик и литературный критик; принимал участие в деятельности группы «Центрифуга», состоял в группе «Московский Парнас»; после Октябрьской революции примыкал к Литературному центру конструктивистов (ЛЦК).

[12] Сергей Павлович *Бобров* (1889—1971) — поэт, прозаик, переводчик, автор ряда исследований в области теории стиха; в юности испытал значительное влияние Брюсова, учеником которого себя считал.

[13] Сергей Васильевич *Шервинский* (р. 1892) — поэт, переводчик, литературовед; принимал участие в создании брюсовских антологий армянской и латышской литератур; автор воспоминаний «Ранние встречи с Валерием Брюсовым» (*Чтения 1963*).

[14] По предположению С. В. Шервинского, писатель и переводчик Сергей Сергеевич Заяицкий (1893—1930).

[15] Александр Яковлевич *Таиров* (Корнблит, 1885—1950) — театральный деятель, организатор и художественный руководитель Камерного театра; в канун Февральской революции режиссер Свободного театра в Москве.

[16] Брюсов готовил для «Центрифуги» своеобразное издание сочинений Пушкина — книгу, включающую «страницы и строки Пушкина, на которые обычно менее обращалось внимания» (*Ашукин*, стр. 346).

[17] Общество свободной эстетики (1906—1917) — литературно-художественное общество, объединявшее представителей различных, преимущественно модернистски настроенных кругов московской творческой интеллигенции и поклонников «нового искусства». В 1914 г. Общество насчитывало 165 действительных членов и около 30 членов-посетителей; Брюсов длительное время был одним из руководителей «Свободной эстетики». См. также наст. том, стр. 401.

[18] Владимир Осипович *Гиршман* (1867—1936) — фабрикант, коллекционер, поклонник модернистского искусства. Характеристика салона Гиршманов дана в воспоминаниях С. И. Дымшиц-Толстой: «Здесь не щеголяли показным богатством, было меньше позолоты и бронзы. Но и тут было ясно: живопись, скульптура, графика — все это демонстрировалось как предметы искусства, но все это являлось эквивалентом хозяйских миллионов. В эти предметы были помещены деньги, они — эти предметы искусства — в любое мгновение могли быть превращены в разменную монету» (сб. «Воспоминания об А. Н. Толстом». М., 1973, стр. 85).

[19] Алексей Владимирович *Артюшков* — преподаватель словесности в гимназии А. С. Алферовой и в других гимназиях Москвы, поэт, переводчик Плавта и других латинских писателей. Автор статьи «Эвфонические работы В. Я. Брюсова» (журн. «Русский язык в школе», 1925, № 8).

[20] Иоанна Матвеевна Брюсова.

[21] Игорь Эммануилович *Грабарь* (1871—1960) — художник, искусствовед; директор Третьяковской галереи (1913—1925).

[22] Генриетта Леопольдовна *Гиршман*— жена В. О. Гиршмана. «Мадам Гиршман,— писал о ней А. Белый,— тащила супруга добытое золото лавром венчать; бледно грустная, нервная, почти красавица, юная эта брюнетка питала симпатию к Брюсову, томно рождаясь из дыма фиолетово-жемчужных кисей; энергичным и резким движением приподымала свой веер к точеному носику, бросив в пространство тоскующий взгляд, выражающий муку ее раздвоений» (*Между двух революций*, стр. 224).

[23] Владислав Фелицианович *Ходасевич* (1886—1939) — поэт, переводчик, критик, литературовед; с 1925 г. в лагере белой эмиграции, где выступал со статьями резко антисоветского характера. Автор тенденциозных воспоминаний о Брюсове («Современные записки», Париж, 1925, № 23).

[24] Максимилиан Александрович *Волошин* (Кириенко-Волошин, 1878—1932) — поэт, переводчик, художник; сотрудничал в журналах «Весы», «Золотое руно», «Аполлон». О Брюсове писал в статьях: «Эмиль Верхарн и Валерий Брюсов» («Весы», 1907, № 2), «Лики творчества. Валерий Брюсов. Пути и перепутья, т. 1» (газ. «Русь», 1907, № 348, 29 декабря). О взаимоотношениях Брюсова и Волошина см.: В. А. Мамонтов. М. А. Волошин и В. Я. Брюсов («Уч. зап. Хабаровского пед. ин-та», т. 31, 1971); В. А. Мануйлов. Валерий Брюсов и Максимилиан Волошин (*Чтения 1971*). Здесь речь идет о переводах Волошина из Верхарна. В это время Брюсов готовил для издательства «Парус» собрание сочинений Верхарна, в котором принимал участие и Волошин. 26 марта 1917 г. Брюсов писал А. Н. Тихонову: «... собрал уже довольно много переводов Верхарна — М. Волошина, С. Шервинского и др.» (ГБЛ, ф. 386. 72. 44, л. 32). В 1919 г. в издательстве «Творчество» вышла книга Волошина «Верхарн. (Судьба, творчество, переводы)».

[25] Стихотворение Волошина «Пещера» вошло в его книгу «Иверни. Избранные стихотворения». М., «Творчество», 1918.

[26] Константин Абрамович *Липскеров* (1889—1954) — поэт, драматург, переводчик, автор сборника стихотворений «Песок и розы» (1916) и др.

[27] 25 марта 1917 г. в разделе «Московские вести» газета «Русские ведомости» писала: «Вчера в Литературно-художественном кружке происходило совещание представителей московских литературных организаций». Брюсов представил совещанию доклад, в котором предлагал избрать «Совет из десяти лиц, каковые могли бы взять под свое наблюдение и руководство все операции по надзору за печатью в Москве при помощи уже существующих при градоначальстве учреждений <...> Совет должен будет содействовать их работе

а) по регистрации произведений печати,

б) по наблюдению за правонарушениями, совершаемыми при посредстве печати».

Мотивируя вторую из названных задач, Брюсов изложил свои соображения по вопросу о свободе печати и, в частности, сказал: «Свобода печати, как известно, есть сила не только могущественная, но даже страшная. Ее нельзя сравнить с ломким цветком, требующим защиты: скорее она — отточенное, обоюдоострое лезвеё, защищать от которого приходится других, так как оно способно наносить раны глубочайшие и смертельные. Примеры истории учат нас, что пользование свободой печати, особенно в первое время по ее возникновении в стране, нередко ведет к некоторым эксцессам, которые могут рассматриваться как действия, законом караемые. На нашем Совете будет лежать тяжкая обязанность участвовать <...> в определении пределов, за которыми свобода печати переходит в правонарушение» (ГБЛ, ф. 386. 114. 11, л. 1—2).

Предложения Брюсова, очевидно, вызвали серьезные возражения участников совещания. После обсуждения вопроса о положении печати было решено отправить главе Временного правительства кн. Г. Е. Львову ходатайство об издании закона, гарантирующего свободу печати. Подробный отчет об этом собрании был опубликован в «Русских ведомостях» 30 марта.

[28] Владимир Александрович *Розенберг* (1860—1932) — журналист, сотрудник газеты «Русские ведомости», автор ряда работ о русской печати и цензуре, в частности книги «Летопись русской печати (1907—1914)». М., 1914.

[29] Валентин Федорович *Булгаков* (1886—1966) — писатель и мемуарист; сторонник социально-нравственных воззрений Л. Н. Толстого, в 1910 г. его личный секретарь. Автор книги «У Толстого в последний год его жизни» (М., 1911).

[30] Илья Николаевич *Игнатов* (1858—1921) — публицист, литературный критик, сотрудник газеты «Русские ведомости»; в ЦГАЛИ (ф. 221, ед. хр. 17) сохранилось 10 писем Брюсова к нему (1908—1917).

[31] Петр Петрович *Лидов* — московский градоначальник; речь идет, очевидно, о решении собрания представителей московских литературных организаций (см. примеч. 27).

[32] Юлий Алексеевич *Бунин* (1858—1921) — журналист, общественно-литературный деятель.

[33] Николай II был арестован 8 марта 1917 г. и первоначально содержался с семьей под домашним арестом в Царском Селе; к концу марта в печати стали появляться сведения об аресте некоторых других членов бывшей императорской фамилии.

ИЗ НЕИЗДАННЫХ И НЕСОБРАННЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ

Публикация Р. Л. Щербакова

Предисловие Н. А. Трифонова

Брюсов принадлежит к писателям, которые руководились правилом, сформулированным еще в античные времена: «Ни одного дня без строчки». Это относилось прежде всего к строчкам стихотворным.

Как бы он ни был поглощен той или иной деятельностью, его всегда неодолимо влекло к себе поэтическое творчество. Так было с юных лет. Вот, например, запись в дневнике 16 февраля 1894 г.: «Я занят больше университетом. Старательно посещаю лекции, работаю, даже все литературные занятия кинул, кроме лирики: расстаться с ней уже выше моих сил» (*Дневники*, стр. 15).

Неудивительно, что Брюсовым было написано огромное количество стихов. Из них далеко не все вошли в его многочисленные сборники или появились на страницах газет, журналов и альманахов. Требовательный к себе и к другим, Брюсов многое не печатал, отбрасывал, оставлял в рукописи.

После смерти поэта вышли два сборника его неизданных стихотворений — в 1928 и 1935 гг. Ряд таких стихотворных произведений был опубликован в томе 27-28 «Литературного наследства» и в периодической печати. Наконец, более 70 стихотворений впервые увидело свет в III томе последнего собрания сочинений Брюсова.

Однако в брюсовском архиве еще остаются ненапечатанные стихотворные тексты, законченные и незаконченные. Для настоящего тома из них отобрано несколько десятков — тех, которые представляют более значительный интерес в художественном или историко-литературном отношении. Написанные на протяжении тридцати лет (1893—1924), они расположены в хронологическом порядке. Не включаются в настоящую подборку образцы раннего, юношеского творчества (до 1893 г.), которое характеризовалось и примеры которого приводились в статье Н. К. Гудзия (*ЛН*, т. 27-28).

В начале подборки преобладают страницы лирического дневника, поэтические размышления и признания, раскрывающие противоречивые настроения и устремления поэта, который чувствует себя запутавшимся, растерявшимся «в этом хаосе событий, в этой смене впечатлений». Его душа и «томится в неволе и любит звучные цепи». Пытаясь умчаться в «лучшие сферы», он на самом деле оказывается пресмыкающимся «в земной пыли».

Мы находим здесь и очень характерный для Брюсова мотив поисков дороги, образ трудного пути, неустанного движения вперед. «С каждым шагом все суровей камни яростных дорог»,— провозглашает поэт. И этот путь приводит его к преодолению эгоцентрической замкнутости и декадентских изломов.

Если молодой Брюсов, например, о реальной, живой природе отзывался с пренебрежением, противопоставляя ей какой-то идеальный мир, то постепенно в нем побеждает тяга к общению с природой. Она становится для него родной, вселяющей в душу спокойствие. Поэт — или его лирический герой — любуется травой, сверкающей при лучах восхода, слушает щебет птиц, поэтизирует и осенний лес, дрожащий в немой печали, и «зелень свежую весны».

О том, какое начало побеждает в творчестве Брюсова, свидетельствует и его стихотворное обращение к разуму, подчиняющему своим строгим законам «безумные видения» поэта.

Широко известно тяготение Брюсова к лиро-эпическому жанру. Список многочисленных брюсовских произведений этого рода пополняется здесь такими стихотворениями, как, например, «Колумб» или «Он шел в полях...».

Образы мореплавателя, вдохновенно ведущего свой корабль «в безбрежном океане еще неведомым путем», не взирая на проклятия и злобную брань толпы, или пророка, неустанно обличающего своих современников и проповедующего им,— близки по своим душевным качествам и устремлениям автору. Они заставляют вспомнить слова поэта о всегда привлекавших его внимание «властительных тенях»: «У меня везде — и в Скифах, и в Ассаргадоне, и в Данте — везде мое «я» (из письма к Горькому 1900 г. — *ЛН*, т. 27-28, стр. 640).

Еще обнаженнее эта субъективность в стихотворениях «от первого лица», хотя и здесь лирический герой принимает облик то восточного мага, отказавшегося от соблазнов дворцовой жизни и пошедшего за звездой, то инока, несущего вслед за волхвами в Вифлеем свой дар — песнопение, или уподобляется апостолу, отрекшемуся от своего учителя во дворе первосвященника.

Ряд стихотворений, являющихся прямым откликом на большие общественно-политические события, помогает уточнить наше представление о социальных позициях, симпатиях и антипатиях поэта.

Одно из них, написанное в 1903 г. и получившее в рукописи позднейшее заглавие «Перед японской войной», может быть названо инвективой по адресу современного Брюсову царского правительства и вызывает в памяти известное стихотворение «Цепи». Поэт в это время готов еще поэтизировать былую мощь императорской России, вспоминая «дни Екатерины, громом потрясавшие золотой Царьград», но современное самодержавие, не способное защитить интересы государства, он клеймит позором.

Хотя поэт здесь еще далек от всякой революционности, он проницательно и с большой силой утверждает:

Чаша переполнена, будет капли малой,
Чтобы, встав, потребовал их на суд народ!

Новый этап в становлении общественного сознания Брюсова отражают стихи 1917 г. на тему «Революция». Интересно сопоставить два стихотворения с этим заглавием. Первое написано сразу после февральского переворота и несет на себе груз тогдашних розовых иллюзий и заблуждений поэта. Здесь поэт славит освобождение, достигнутое, как будто, без большой борьбы. Впадая в идиллический тон, он готов верить, что уже в тот момент все в России могут слиться «в один порыв», «забыв о прошлом, о вражде и мести». Этому мирному освобождению он противопоставляет другую, пугающую его революцию, беспощадную, «с бичом свистящим», устремленную только к грядущему, не взирая на кровь, на бесчисленные жертвы сегодня.

Не приходится особенно удивляться, что это стихотворение Брюсов не напечатал: автор, вероятно, не был уверен в том, что он нашел верные слова и краски как в первой, так и во второй части.

Вскоре под впечатлением Октябрьских событий он находит для революции другой, более удачный образ — не Черного Всадника, а бури, урагана, «оживляющего все», «освежающего недра воздухом горним». К сожалению, это стихотворение, перекликающееся по своему тону с поэмами Верхарна, осталось незаконченным. А через некоторое время в лучшем послеоктябрьском сборнике Брюсова «В такие дни» русская революция воплотилась в огненном скоке Алого (а не Черного) всадника, ломающего кольцо блокады.

Возвращаясь к первому стихотворению «Революция», датированному 24 марта 1917 г., следует указать, что недавно в журнале «Енисей» (1973, № 4) была опубликована Н. Гороховым только вторая половина этого стихотворения, начиная с 17-го стиха — «К нам не таким пришло освобождение...» Не говоря уж о том, что читателю остается неясным, что́ в данном случае значит «не таким», при подобном способе публикации искажается весь смысл, весь замысел поэта (пусть даже ложный сам по себе) — противопоставление двух путей освобождения. Публикация превращается в фальсификацию.

Печатаемая группа стихотворений не лишена интереса и в формально-художественном плане. В ней, как солнце в малой капле вод, отражается эволюция стиля Брюсова от импрессионистской неопределенности и расплывчатости, присущей стихам середины 1890-х годов, к классической четкости образов, к чеканному, мужественному стиху периода творческого расцвета, а затем к тематической и образной усложненности и лексико-синтаксической утрудненности стихов последних лет, перегруженных научными терминами, историческими именами и географическими названиями.

Встречаемся мы с Брюсовым и как с искусным стилизатором (см., например, «Посвящение» из «Поклонения волхвов», выдержанное в возвышенно-архаическом стиле).

Ряд стихотворений носит подчеркнуто экспериментальный характер; они, несомненно, предназначались для сборника «Опыты». В «Наступлении грозы» с большой виртуозностью демонстрируются разноударные внутренние рифмы:

Силы бесьи по поднебесью
Мечут стрелы, множат выстрелы...

В стихотворении «Над призраками и действительностью...»— рифмы, уменьшающиеся от гипердактилической до мужской (от четырех слогов до одного).

В отдельных стихотворениях отчетливо бросается в глаза, что Брюсов предвосхищает те или иные особенности стиля позднейших поэтов. Так, например, строка «Железная труба раскрыла челюсть» (из стихотворения «Отчетливо по крыше дребезжа...») предвещает позднейшую имажинистскую образность (вспомним хотя бы есенинскую «избу-старуху» с «челюстью порога»).

С другой стороны, мы видим, как поздний Брюсов хочет учиться у своих молодых современников. В этом отношении очень любопытно стихотворение «Взводень звонов», посвященное памяти Велимира Хлебникова. Подобно хлебниковскому «Заклятию смехом», состоящему из слов, образованных от корня «смех», Брюсов строит все это довольно длинное стихотворение на обыгрывании, главным образом, двух корней «звон» и «звук». Когда-то молодой Брюсов написал стихотворение, назвав его «Перепевы Бальмонта». Через четверть века стареющий Брюсов создал «перепевы Хлебникова». И эта смена образцов для поэтических упражнений чрезвычайно характерна.

Не все печатаемые здесь стихотворения равноценны. Но думается, что в своей совокупности они, не открывая каких-то принципиально новых граней в творчестве Брюсова, дают дополнительный материал для уяснения некоторых существенных сторон его поэтического облика.

Кроме текстов, печатаемых впервые, здесь помещены три малоизвестных опубликованных стихотворения из числа «несобранных», не входивших ни в одну из брюсовских книг («Колумб», «Мой разум! ты стенами строгими...» и «Отчетливо по крыше дребезжа...»).

В настоящем томе восстанавливается также подлинный текст нескольких стихотворений, опубликованных в прошлом неполно или неточно: «Революция» («Отчаяние, взнузданное злобой...»), «О, фетовский, душе знакомый стих...», «Когда тебе извне назначен...» и «Бесконечность».

Все тексты публикуются по автографам Брюсова, преимущественно черновым, которые порой представляют значительные трудности для прочтения. Автограф стихотворения «Отчетливо по крыше дребезжа...» не сохранился, и оно воспроизводится по копии, сделанной И. М. Брюсовой.

Стихотворения «Поклонение волхвов», «При лучах восхода...», «Молитва» и «Революция» («Что такое революция?— Буря...») подготовила к печати Т. Г. Динесман; «Он шел в полях...»— А. А. Козловский; «Наступление грозы» и «Революция» («Отчаянье, взнузданное злобой...»)— О. А. Сайкин; остальные произведения публикуются Р. Л. Щербаковым.

1

В минуту сладкого свиданья
Не дремлет мой упорный ум,
Он раскрывает тайны дум,
Он уличает ложь мечтанья.
И вся полна стыдом сознанья,
Пред светом истины дрожа,
В любовь не верует душа.

Но только встречу взор суровый,
Ответ услышу ледяной,
Как все опять полно тобой,
На сердце вспыхнет ⟨?⟩ пламень новый,
И, мысли сбросивши оковы,
Не внемля голосу ума,
Любовь решает все сама.

5 янв⟨аря 18⟩93 г.

Автограф. ГБЛ, ф. 386.10.2, л. 78; на полях помета: «H⟨elène⟩».
Посвящено Елене Андреевне Красковой, первому серьезному увлечению поэта. История этой любви изложена в автобиографической повести «Моя юность», где Елена Краскова выведена под именем Нины Кариной (см.: *Из моей жизни*, стр. 82—85).

2

КОЛУМБ

Таков и ты, поэт!..
. . . . . .
Идешь, куда тебя влекут
Мечтанья тайные...
Пушкин

С могучей верою во взоре
Он неподвижен у руля
И правит в гибельном просторе
Покорным ходом корабля.

Толпа — безумием объята —
Воротит смелую ладью,
С угрозой требует возврата
И шлет проклятия вождю.

А он не слышит злобной брани
И, вдохновением влеком,
Плывет в безбрежном океане
Еще неведомым путем.

⟨8 апреля 1894 г.⟩

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 48, л. 4. Опубликовано: «Новый мир», 1925, № 1.
Эпиграф — неточная цитата из поэмы Пушкина «Езерский».
8 апреля 1894 г. Брюсов отметил в дневнике: «Написал прекрасное стихотворение «Колумб» (ГБЛ, ф. 386.1.22, л. 38).

3

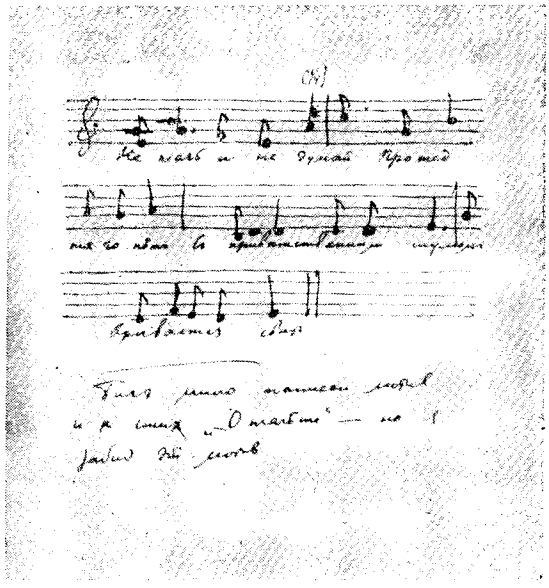
В круг философов я вчера завлечен был случайно,
Слушал восторженный спор, спорил упорно и сам.
Образы, рифмы — как фей хоровод — разлетелись пугливо,
Истина, Благо и Мир встали в таинственной мгле.

МЕЛОДИЯ БРЮСОВА
К СТИХОТВОРЕНИЮ
«НЕ ПЛАЧЬ И НЕ ДУМАЙ...»

Черновой автограф
в записной тетради, 1897

Внизу помета:
«Был мною написан мотив
и к стихотворению «О плачьте» —
но я забыл этот мотив»

Библиотека СССР
им. В. И. Ленина, Москва



Сладко и больно пахнуло в душу забытым и близким,
С прежней любовницей так — встретясь, рыдаешь у ног.

28-го с‹ен›т‹ября 1894 г.› в‹е›ч‹ером› на этич‹еском› семинарии у Грота.

Автограф. ГБЛ, ф. 386.2.16 (‹Записная тетрадь›, «1894, август — ноябрь»), л. 55.
28 сентября 1894 г. Брюсов записал в дневнике: «Вчера участвовал в семинарии Грота по психологии. Пахнуло на меня философией, старой, забытой мною философией» (ГБЛ, ф. 386.67.13, л. 7).

4

Давно ли в моем непокорном уме
Сияли, как светоч, победные мысли,
Но время настало, и тени повисли,
И бродит сознанье во тьме.

При трепетных вспышках, в томительном блеске
На миг озаряется мир темноты,
Мелькают картины, фигуры, черты,
Погибших времен арабески...

Но долог ли этот мерцающий свет?
Таинственных замыслов смутные знаки
С последним величием гаснут во мраке
И дня воскресенья — им нет.

30 июня ‹1895 г.›

Автограф. ГБЛ, ф. 386.14.5/3 («Мои стихи. Начато в апреле, кончено в июле 95 г.»), л. 40.

5

Если бы ты мне открылся, Христос,
Нынче бы шел я и счастлив и бос,
Только бы не был я громким пророком;
В сердце моем — уж давно одиноком —
Скрылась бы новая тайна моя,
И не сказал бы, что верую я.

‹19—20 августа 1895 г.›

Автограф. ГБЛ, ф. 386.14.5/4 («Мои стихи. Начато 15 июля 95 г. ‹...› Кончено 8-го окт. 95 г.»), л. 21. Вверху помета: «Псв. Т. Med»; означает, что стихотворение посвящено Тале — Н. А. Дарузес и предназначалось для раздела «Meditations» в сб. *ChdO*. Датируется по положению автографа между стихами, помеченными 19 и 20 августа.

20 августа, получив накануне от А. А. Курсинского книгу Л. Н. Толстого «В чем моя вера», Брюсов записал: «Читаю «Веру» и умиляюсь» (*Дневники*, стр. 22).

6

Мрачен путь и неподвижны тени,
Мрачен путь в предвечной бездне ада,
Вверх, во мрак, уходит стен громада,
Вниз, во мрак, спускаются ступени.

Кем я в этот страшный мир закинут?
Кто со мной блуждает в тьме могильной?
Что за люди там сидят бессильно?
Что за трупы здесь лежат и стынут?

Где дорога к небесам и свету?
Вниз иду ли, восхожу ль ко сводам?
Пламя ль вижу или день за входом?
Есть ответ... но верить ли ответу?

2-го сентября ‹18›95 г.

Автограф. ГБЛ, ф. 386.14.5/4, л. 27.

7

Позвать ко мне на крестины
Забыли злобную фею,—
И вот, ее паутины
Распутать я не умею.

Скользя в свободной гондоле,
Себя я чувствую в склепе,
Душа томится по воле
И любит звучные цепи.

Провидя лучшие сферы,
Я к ним умчаться пытаюсь...
И что ж! — без крыльев и веры
В земной пыли пресмыкаюсь.

2-го сент‹ября 1895 г.›

Автограф. ГБЛ, ф. 386.14.5/4 («Мои стихи. Начато 15 июля 95 г. ‹...› Кончено 8-го окт. 95 г.»), л. 27 об.

8

Охраните, защитите,
Силы неба, духи, тени,
В этом хаосе событий,
В этой смене впечатлений.

Точно — в вихре вьются флаги,
И во влаге под стенами
Отраженные зигзаги
Разбиваются волнами.

Хлещут флаги, блещут краски,
Точно в сказке, плещут воды,
И летят в безумной пляске
Злобных фурий хороводы.

В бездне ветра, в смутной буре
Дух низвергнут — рвется, бьется,
А над диким лётом фурий
Колокольный звон несется.

12 ноября ‹1895 г.›

Автограф. ГБЛ, ф. 386.14.5/5 («Мои стихи. Начато 22-го октября 95 ‹...› Кончено 20 февраля 96»), л. 5 об.

9

Завет нарушен отреченья,
И снова шумная толпа,
Самодовольна и тупа,
Вломилась в храм уединенья.

26-го янв‹аря 1896 г.›

Автограф. ГБЛ, ф. 386.14.5/5 («Мои стихи. Начато 22-го октября 95 ‹...› Кончено 20 февраля 96»), л. 35.

10

Люблю в неясном сне
Последний стон звонка
И отклик в тишине
Далекого рожка.

Простонет яркий зов,
Разбудит мир ночной,
И снова царство снов
Сомкнется надо мной...

‹Начало сентября 1896 г.›

Автограф. ГБЛ, ф. 386.14.5/6 («Мои стихи. Выборка из ненапечатанных стихов за 1894—95 г. и лето 1896»), л. 33 об.

Написано, по-видимому, по дороге из Кисловодска в Москву. Брюсов выехал с Кавказа 28 августа 1896 г., сделав по пути остановку в Армавире (см. наст. том, стр. 743). Таким образом, наиболее вероятная датировка — начало сентября.

11

И мне никогда не понять, почему
Люблю я так ночь и беззвездную тьму.
Мне мысль повторяет о радостях дня,
И мысль убеждает минутно меня,
Но сумрак наляжет, всемощно-немой,
И снова я счастлив свободною тьмой,
И снова со звоном спадают с меня
Бессильные цепи ушедшего дня.

4-го ноября ‹1896 г.›

Автограф. ГБЛ, ф. 386.14. 5/7 («Мои стихи. Начато 27 февр. 1896 г. Кончено в февр. 1897»), л. 26.

12

АТЛАНТИДА

Тебе, мой брат, далекий друг,— тебе
Свои стихи несмело посвящаю.
В былые дни как близки были мы!
О долгие, пленительные ночи,
Когда вдвоем по улицам, обнявшись,
Бродили мы под светом фонарей
Среди немых, недвижных, мертвых зданий!
У нас двоих была одна душа,
Дрожавшая таинственным восторгом;
Наш разговор так полон был без слов,—
И лишь стихи, заветные, святые,
Молитвенно звучали иногда...
Мой нежный брат, мой друг далекий,— ныне
В стране чужой * среди знакомцев новых,
Внимая мне, поймешь ли ты меня?

Забытое и чуждое преданье
В моих стихах я должен оживить.
Оно не раз пленяло мысль поэтов,
Его певцом был юноша-мудрец,
Впоследствии мудрейший созерцатель
Из всех людей...** И даже в наши дни,
Воскресшее, оно пленяет думы,
Зовет мечту, палит воображенье...***

И вот меня уже влечет оно
В священный край, в античную Элладу,
Где вечный блеск, где жизнь и красота.

Почти уж год, как мчится по Европе
Ужасный слух: от Запада плывут
Безвестные, ужасные пришельцы,
Воители, всесильные в бою.
Уж покорен весь край близ Геркулесов,
Уже сдалась теперь
Гесперия гибнет,
И к городам Сицилии все ближе
Таинственный неумолимый враг.
Откуда он? Кто эти люди?

24 июня ‹18›97

Автограф. ГБЛ, ф. 386. 14.5/8, л. 20—20 об.

Четвертая редакция начала поэмы. Ей предшествуют (в той же записной тетради) девять черновых набросков и заметок, относящихся к этому неосуществленному замыслу Брюсова; часть из них опубликована (*Собр. соч.*, т. 3, стр. 247).

Публикуемый отрывок посвящен Бальмонту (см. план первой песни—там же, л. 17).

Забытое и чуждое преданье ∞ Его певцом был юноша-мудрец... — Легенда об Атлантиде (огромный остров в Атлантическом океане, погруженный по воле Зевса

---

* Лицо, к которому обращается автор, находилось в то время в Англии (*примеч. Брюсова*).

** Платон (*примеч. Брюсова*).

*** В теософских журналах последнее время много говорят о Атлантиде (*примеч. Брюсова*).

в воды) и о могущественном народе, ее населявшем, известна в передаче Платона (диалоги «Тимей» и «Критий»). Согласно этой легенде атланты, в пору расцвета своего государства, вели завоевательные войны в Европе и Азии, но были остановлены афинянами.

Геркулесы — Геркулесовы столбы (греческое название мысов Гибралтар и Цеута), считавшиеся пределом древнего мира.

Гесперия (Исперия) — греческое название Пиренейского полуострова.

13

И снова я в лесу родном!
Мой шаг спокоен и размерен,
И каждый облик мне знаком,
И в каждом звуке я уверен...

<Июль 1899 г.>

Автограф. ГБЛ, ф. 386.14.5/12 («Мои стихи. С января 1899»), л. 10 об. Перед стихотворением помета: «Отс<юда> Москва». Находится между стихами, помеченными 14 и 20 июля.

Это первое стихотворение, написанное Брюсовым после возвращения из Крыма.

14

ОТРЫВОК

Чувств ленивую остуду,
Этот в сердце павший снег
Я таить ревниво буду
Ото всех...

Чтобы в песне переливной
Раздавался до конца
Звон веселый и призывный
Бубенца.

Окт<ябрь 1>900

ГБЛ, ф. 386.14.5/14, л. 19.

15

Мой разум! ты стенами строгими
Мне все пределы заградил.
Напрасно разными дорогами
Стремлюсь я, до упадка сил.

Мои безумные видения
Законам подчиняешь ты,
И в темных безднах исступления
Проводишь прочные мосты.

<1900>

Автограф. ГБЛ, ф. 386.10. 5, л. 8. Опубликовано с ошибками и с предположительной датой — «1906»: «Литературная газета», 1931, № 54, 7 октября. Датируется по раскладке И. М. Брюсовой.

БРЮСОВ
Фотография, 1900-е годы
Мемориальный кабинет Брюсова, Москва

16

Отчетливо по крыше дребезжа,
В листве производя шуршащий шелест,
Спадают нити долгого дождя;

Железная труба раскрыла челюсть,
И в кадку звучно прядает струя;
Есть в этом шуме медленная прелесть.

О тихий, долгий дождь, с тобой сроднился я.
Все осени в деревнях и в столице
Воссоздает глухая песнь твоя.

‹22 июня 1901 г.›

Копия рукой И. М. Брюсовой. ГБЛ, ф. 386.10.6, л. 19 об.; пометы: «22 июня», «1901 г.», «Лето в Петровско-Разумовском». Опубликовано: А. К у з н е ц о в. Литературное Петровско-Разумовское. М., 1963, стр. 59.

Летом 1901 г. Брюсов жил в деревне Выселки вблизи Петровско-Разумовского.

17

Моя душа — великая могила
Мелькнувших встреч, и клятв, и страстных слов.
И никому не знать всего, что было,
Всей дрожи мною прожитых часов.

И вы, со мной делившиеся страстью!
В обломках вам давалось то, что мне
Во всем объеме ужаса и счастья,
В многообразности и глубине.

1 авг<уста 1>901

Автограф. ГБЛ, ф. 386.14.5/15, л. 12.

18

С каждым шагом всё суровей
Камни яростных дорог.
Я иду по следу крови
Тех, кто раньше изнемог.

Воспаленный взор вперяя
В синеву далеких гор,
Вижу с края и до края
Те же камни и простор.

Где леса, где ветер свежий
На священной вышине?
Те же травы, дали те же
Наяву, как и во сне.

И, подобно многим смелым,
Не дойдя, я упаду.
Черный прах на камне белом
<. . . . . >

Здравствуй, солнце, в час кончины,
Над извивами дорог!
Вы, небесные равнины!
Ты, открывшийся мне бог!

1902, июнь

Автограф. ГБЛ, ф. 386.10.7, л. 34. Помета И. М. Брюсовой: «Из папки «Неоконченные стихи эпохи Urbi et Orbi». Последний стих четвертой строфы не написан.

19

ПЕРЕД ЯПОНСКОЙ ВОЙНОЙ

Нет! Они не двинутся! каждый жест им страшен!
Только б не события, только б не борьба!
Вот кричат разведчики с озаренных башен,
Что кровавым заревом залита судьба!

Пусть другие, смелые, на пиру вселенной
Занимают первые, лучшие места!
Им бы только тешиться суетой мгновенной,
Во дворец покрепче бы запереть врата!

Полно! так ли мыслили в дни Екатерины,
Громом потрясавшие золотой Царьград?
Нивы Бородинские, Лейпцига равнины
Гулы смелых вызовов до сих пор хранят.

Разве Рим властительный с мощным Карфагеном
Колебался встретиться с грудью грудь, как враг?
Слава — лишь дерзающим, к вечным переменам
Вольно увлекающим неустанный стяг!

Иль они предчувствуют? иль им явно стало,
Что грозит крушением каждый шаг вперед?
Чаша переполнена, будет капли малой,
Чтобы, встав, потребовал их на суд народ!

Что ж! Тогда — тем более! Дерзко бросьте жребий:
Лавры и бессмертие, иль в борьбе конец!
Слышите разведчиков? Зарево на небе!
Может быть, в том пламени сходит к вам — венец!

1903

Автограф. ГБЛ, ф. 386.10.8, л. 14. Заглавие, по-видимому, дано позднее.

В стихотворении нашли отражение чувства Брюсова, о которых он писал Г. И. Чулкову 24 августа 1905 г.: «Патриотизмом, и именно географическим, я страдаю. Это моя болезнь, с разными другими причудами вкуса...» (*Чулков*, стр. 329). По верному замечанию Луначарского, «не сразу разобрался он в явлениях японской войны» (А. В. Л у н а ч а р с к и й. Собр. соч. в восьми томах, т. 1. М., 1963, стр. 438). В примечаниях к *St* сам Брюсов заявлял в конце 1905 г.: «... должен сознаться, что, подобно многим, ошибался, ожидая конечного торжества России в начинавшейся войне».

20

Я в мире знал блаженство,
Как раб и как король,—
Сознанье совершенства
И унижений боль,

Холодный дым ущелий,
Свободу высоты,
И крик, и вопль веселий,
И тишину мечты...

‹1904›

Автограф. ГБЛ, ф. 386.10.9, л. 16. Датируется по раскладке И. М. Брюсовой.

21

Среди укоров и приветствий,
Простертых рук и злобных слов —
Ты мне нужней, чем прежде, в детстве,
Звезда волхвов!

‹8 июня 1905 г.›

Автограф. ГБЛ, ф. 386.10.10, л. 54. Написано на обороте календарного листка, по которому и датируется.

22

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Я во дворе первосвященника,
Меж стражей, у ночных огней,
Беспечным голосом изменника
Отрекся от Любви моей.

Но в обличенье гордой совести,
Едва слова я молвил вслух,
Вдруг так же, как в заветной повести,
Вторично прокричал петух.

И вот стою я у преддверия,
В тиши рассветной темноты,
И понимаю в полной мере я,
О Петр! о чем заплакал ты!

Но мне пример — твое раскаянье!
Ты стал наместником Христа,
И ныне там, на бреге чаянья,
Хранишь эдемские врата.

29 сент‹ября 1›905

Автограф. ГБЛ, ф. 386. 10.10, л. 30. Черновой автограф озаглавлен «Раскаяние» (там же, л. 29).

Согласно евангельской легенде (Матф. XXVI, 34, 35, 69—75), Иисус сказал апостолу Петру: «В эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от меня». Той же ночью, во дворе первосвященника Каиафы, куда был уведен Христос, Петр отрекся от него, но затем, раскаявшись, «плакал горько». По более поздней легенде, Петр стал первым епископом Рима, наместником бога на земле, а после смерти — хранителем ключей от врат рая.

23

ПОКЛОНЕНИЕ ВОЛХВОВ

I. ПОСВЯЩЕНИЕ

Аз, недостойный,— аз, инок смиренный,
Подвиг сей, господа ради, приял,
Да поклонюсь чистоте неистленной,
Чреву, из коего свет просиял.
Ныне свершу я весь путь многотрудный,
Ваш, Мелькиор, Валтассар и Гаспар,
В град Иудейский, в затвор малолюдный,
Свой принося безыскусственный дар.
Сё — он: не злато, не ладан, не смирна,
Но умиленный и сладкий тропарь:
Той, что воссела в юдоли эфирной,
Деве, о ней же ликует вся тварь.
Стих мой да будет блистающ, как злато,
Стих мой да будет густой, как елей,
Стих мой, как ладан, будь полн аромата —
Сладость и петь и помыслить о ней!

‹Февраль 1906 г.›

Автограф. ГБЛ, ф. 386.10.11, л. 14. На полях помета: «Февраль 1906». После «Посвящения» следует строка: «Часть первая. Странствие Мелькиора». Замысел поэмы не был осуществлен.

Волхвы—по евангельскому преданию, восточные мудрецы (маги), которые пришли в Вифлеем, чтобы поклониться только что родившемуся Иисусу Христу, и принесли ему богатые дары — золото, ладан и смирну; дорогу им указывала путеводная звезда (Матф. II, 1—11). В Средние века возник цикл легенд о волхвах и их странствиях: мудрецы превратились в царей и получили имена — Мелькиор, Валтассар и Гаспар; вернувшись, они приняли крещение и стали проповедниками христианства. Предание о волхвах вошло в «Золотую легенду» («Legenda aurea») — сборник житий святых, составленный в XIII в. по книжным источникам и народным преданиям Иаковом из Вираджо.

Тропарь — церковное песнопение, в котором воспевается событие священной истории или святой, день которого празднуется.

24

МАГ

Я принял свой неумолимый жребий,
От всех соблазнов, от последних благ,
Я за звездой, меня ведущей в небе,
Пошел покорно, как восточный маг.

И в третий месяц странствия в пустыне,
Когда я спал, усталый, под шатром,
Предстал мне Дьявол, древний дух гордыни,
И искушал коварным языком.

Он говорил: «Как ты призванью верен,
Ты, бросивший величие дворца!
Твой путь в песках обдуман и размерен,
И ты гордишься ликом мудреца!

Но мудрость только — в беспокойной думе,
Но вера только — в яростной борьбе,
Иди за мной в шумящий вихрь безумий,
Иди за мной, чтоб плакать о себе.

Ты здесь свершаешь подвиг бесполезный,
Чтоб принести свой дар Царю царей, —
Но лучший дар лежит во глуби бездны:
Сойди туда, его обресть умей!

Что́ золото, что́ ладан или смирна
Пред красотой раскаянной души! —
Ее не знать тому, кто ищет мирно,
Ее не встретить в ласковой тиши».

И встав во тьме, я вопрошал пытливо
Себя, кто прав, — и разрешить не мог.
Смеялся подле Дьявол горделиво,
Был сумрак ночи двойственен и строг.

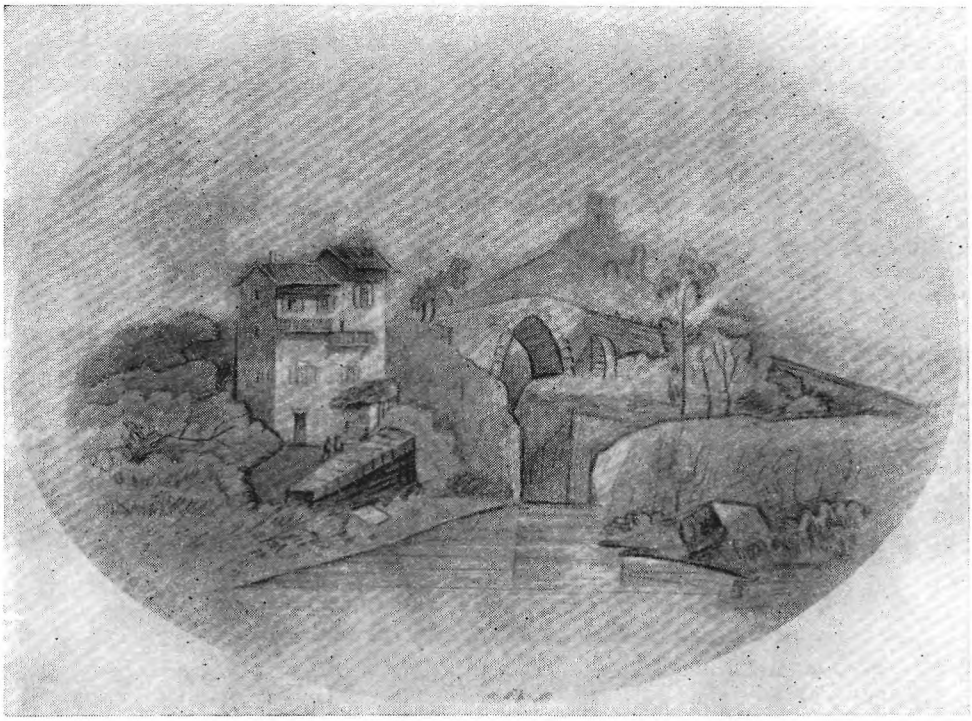
Я вышел из шатра; в померкшем небе
Одна звезда кропила небосклон.
И вдруг я понял, что люблю свой жребий,
Что спор — не нужен, что мой путь — решен!

1 февр<аля 1>906 г.

Автограф. ГБЛ, ф. 386.10.11, л. 13. На полях помета: «плохо».

По названию и сюжету связано с замыслом поэмы «Поклонение волхвов» (см. выше № 23).

Царь царей — одно из библейских наименований Христа.



‹ЗАМОК›
Рисунок Брюсова. Акварель, карандаш
Мемориальный кабинет Брюсова, Москва

25

Слово, пьянящее дерзостным хмелем,
Пьяное слово: Свобода!
Снова ли путь к упоительным целям
Мы бесполезно телами устелем?

‹1907›

Автограф. ГБЛ, ф. 386.10.15, л. 48, без даты. Машинописная копия (там же, л. 49) с датой: «1907».

Стихотворение отражает политические настроения Брюсова после событий 1905 г.

26

Да! не бывает этого в наш век.
Забыли мы, что значат волхвованья,
На будущее смотрит человек
С тупой и гордой слепотой незнанья.

Мы голос бога, весть грядущих бед
В зловещих снах разгадывать отвыкли,
Нас не страшит в кругу других планет
Багряный Марс на дальнем эпицикле.

И на треножник освященный сев,
Пьяна предчувствием и хмелем серным,
Не предрекает нам одна из дев
Войны нависшей и победы верной.

‹1910-е годы›

Автограф. ГБЛ, ф. 386. 10.15, л. 14 и 15. Стихотворение не закончено, наброски следующих строф не поддаются прочтению. Возможно, что продолжением его является четверостишие, сохранившееся в папке «Стихотворения 1914 года» (раскладка И. М. Брюсовой; ГБЛ, ф. 386.11.5, л. 73):

Наследники атлантов, мы храним
Лишь память о божественных прозреньях,
Нам тайну застит перелетный дым,
Мы путаемся в бесконечных звеньях...

В папке «Стихи 1910-х гг.» (раскладка И. М. Брюсовой; ГБЛ, ф. 386.11.8, л. 52) находится незавершенный автограф другой редакции этого стихотворения («Погасли чары магии в наш век...») с пометой И. М. Брюсовой: «Из папки à faire» *.

Эпицикл — по геоцентрической системе мира — окружность, по которой движется планета вокруг некоего центра, в свою очередь вращающегося вокруг Земли. Положение Марса на самой близкой к Земле точке эпицикла древние астрологи считали предвестием войн и стихийных бедствий.

Полна предчувствием и хмелем серным — согласно легенде, знаменитая Кумская сибилла перед прорицанием сидела на треножнике над озером Аверно, вдыхая его ядовитые сернистые испарения.

27

Он шел в полях и дни и ночи,
Спал в ямах, отдыхал во рвах,
Он, в силу тайных полномочий,
Взывал к народу: «Стыд и страх!

Стыд всем, забывшим правду бога,
Страх всем, взлюбившим в жизни грех.
Бог медлит, но карает строго
Всех суемудрых, гордых всех!»

Он воинам гласил: «Вам горе!
Вы взяли меч, вас меч пожрет!»
И морякам: «Вам сгибнуть в море,
За небреженье к мощи вод!»

Торговцам: «Вы взалкали злата,
Средь злата вас изгложет глад!»
Царям: «Болезнь и ужас — плата
Вам за года земных услад!»

И пастухам: «Блюдете стадо,
Но жизни вы не соблюли!»
И земледелам: «Много ль надо
Для ям могильных вам земли?»

Он проповедал в темных пущах,
Вопил на рынках в суете,
Гласил о временах грядущих
И на заре и в темноте.

Он под дождем стоял; при громе
Вопил; под градом из камней
Пророчил; позабыв о доме,
Шел в лес, в поля и в глушь степей.

И, в ночь, на диком перекрестке
Встал некий Ангел перед ним.
Его глаза — огонь на воске —
Горели светом голубым.

* «Из папки для работы» (*франц.*).

Он произнес: «Не ты ль был гордым?
Не ты ль был суемудр в речах?
Пребудь в сей миг последний твердым,
Прими отмщенье: Стыд и страх!»

И Ангел пламенной десницей
Взмахнул. Пал на землю пророк.
И вспыхнул голубой зарницей
Над новым мертвецом восток.

1912, февр⟨аль⟩

Автограф. ГБЛ, ф. 386.10.14, л. 16а и 16б. На полях пометы: рукой Брюсова — «Это скорее шутка»; И. М. Брюсовой — «Не вошло в сб⟨орник⟩. Из папки «Зеркало теней». Стих. для 2-го издания».
Смысл авторской пометы не совсем понятен.

28

При лучах восхода как сверкают стёкла,
Как трава сверкает, что вечор поблёкла!
Небо снова чисто, как под взором Евы,—
Стих невольно входит в старые напевы,
Щебетом им вторят маленькие птицы...
Здравствуй, день, встающий над тоской столицы!
С лаской улыбаюсь сумрачным прохожим,
Сумрачным,— быть может, на меня похожим!

4/5 мая 1913

Автограф. ГБЛ, ф. 386.11.4, л. 32.

29

МОЛИТВА

Ликуя, журавли летят на север,
Сквозит голубизной весенней твердь...
Но серо поле, где посеян клевер,
И шепчет в роще с голой жердью жердь.

А что в душе моей: зима иль смерть?
Над ней гудит одно лишь слово: «never!» *
И эхо вторит звону дум: «for ever...»**
О господи! свой суд умилосердь!

Верни меня цветов и трав к богатству!
Мечтам опять воскреснуть не препятствуй!
Дышать дозволь еще одной весной!

«Навеки!»— ветер стонет. Как невольник,
Смотрю, где родина. А надо мной
Свободный птицы двоят треугольник.

23 февраля 1916

Автограф. ГБЛ, ф. 386.11.7, л. 78. На полях помета И. М. Брюсовой: «Из папки «Неудачное». К «Снам человечества».

---

* «никогда!» (*англ.*).
** «навсегда...» (*англ.*).

30

НАСТУПЛЕНИЕ ГРОЗЫ

Силы бесьи по поднéбесью
Мечут стрелы, множат выстрелы;
Звучны клики, тучны отклики:
Вои ветра, вопли с севера.
Длинных линий синей молнии
Чуть дождешься,— чаешь дождика,
Но без ливня плещет полымя,—
Взвизги злые — громы грозные...

Чу! роятся, в черни роются.
Ух! рыгают, вдруг запрыгают.
Лес вихрами бьет под вихрями,
Нива сбилась, дико вздыбилась.
В полумраке, в хмуром сумраке
Видишь в блеске, в алом отблеске,
Под лучами иль под тучами,
Силы бесьи по поднéбесью.

1916

Автограф. ГБЛ, ф. 386.11.7, л. 71. На полях помета И. М. Брюсовой: «К «Опытам».

31

Холод, зима, гололедица...
На улицах темь и тишь...
Хвостом Большая Медведица
Зацепилась за гребень крыш.

<1910-е годы>

Автограф. ГБЛ, ф. 386.11.8, л. 71. Датируется по раскладке И. М. Брюсовой.

32

Осенний лес дрожит в немой печали,
Едва рябит холодная вода,
Прозрачно-сини, но пустынны дали;
И вздрагивает сердце вдруг, когда
Взрезает ворон блеском тусклой стали
Просторы, чтоб исчезнуть без следа.

Так и любовь мелькнула без следа.
В душе нет даже режущей печали...
Сознанье ясно; мысли тверже стали,
Жизнь — словно чистая, глубокая вода,
Но тягостно идти вперед, когда
Зеленых <?> сеней не пророчат дали.

<1910-е годы>

Автограф. ГБЛ, ф. 386.12.13, л. 17, 18. Незавершено. На полях помета И. М. Брюсовой: «Наброски секстины. Из папки «A faire». 1917?»

33

РЕВОЛЮЦИЯ

Отчаяние, взнузданное злобой,—
Вот символ революции. Мечта,
Одета в пламя, грозно кличет: «Пробуй!»
Встает Надежда, кровью залита,
Преграды сломаны. С бичом свистящим
Блуждает по дворцам хор эвменид;
И эшафот, над зыбким настоящим,
Как в бурю остров, недвижим стоит.
Что нынче — все равно, венец ли, гроб ли:
Там, впереди,— в святых лучах эдем!
Все дышат лишь грядущим; но на вопли
Бессчетных жертв — день беспощадно нем!
И Черный Всадник, страшный вестник казней,
Трубит в свой рог, под общий буйный клик.
Все смешано: закон, любовь, приязни,
Чтоб новый мир из хаоса возник!

К нам не таким пришло освобожденье!
Проржавевших цепей упали звенья,
Чуть тронуты; болт рухнул сам собой,
И дверь тюрьмы раскрылась. Голубой
День просиял над вихрем красных флагов,
И вешних вод запели вдоль оврагов
Приветы, слиты с песнями свобод!
Да алых грез не ведает народ!
Да Черный Всадник в толпах не проскачет!
Погибшим — мир и слава; их оплачет
Россия вся, и, с грудью грудь сплотив,
О, пусть сольются все в один порыв:
Забыв о прошлом, о вражде и мести,
На благо родины работать вместе!

1917. 24 марта

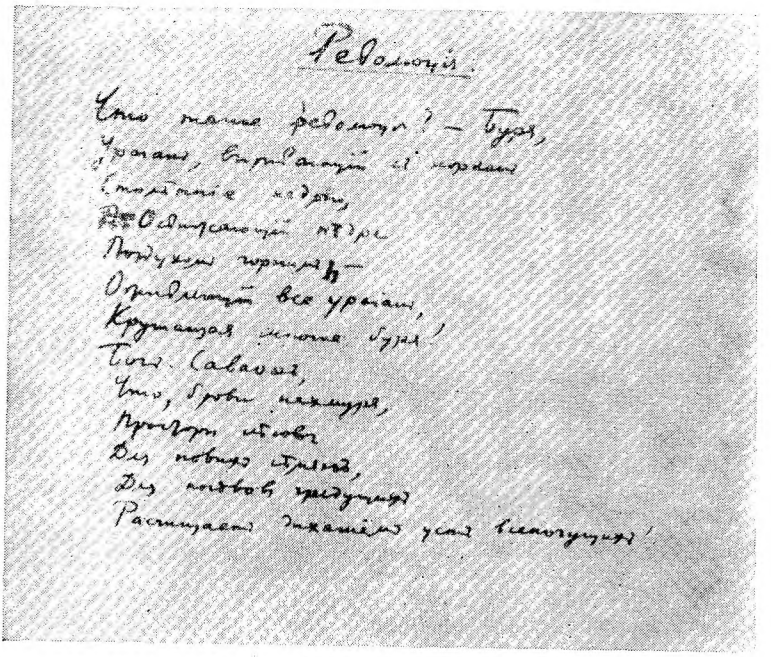
Автограф. ГБЛ, ф. 386.12.1, л. 6. Машинопись с авторской правкой (без разночтений) — там же, л. 7.

Вторая половина стихотворения (строки 17—30) опубликована: «Енисей», 1973, № 4.

34

РЕВОЛЮЦИЯ

Что такое революция?— Буря,
Ураган, вырывающий с корнем
Столетние кедры,
Освежающий недра
Воздухом горним,—
Оживляющий все ураган,
Крушащая многое буря!
Бог. Саваоф,
Что, брови нахмуря,
Просторы лесов
Для новых семян,
Для посевов грядущих
Расчищает дыханием уст всемогущих!



СТИХОТВОРЕНИЕ «РЕВОЛЮЦИЯ»
Черновой автограф, ⟨1917⟩. Фрагмент
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Революция — буря. Она
Над океаном
Летит ураганом,
Разметая ⟨?⟩ воды до дна,
И горе
Судам,
Застигнутым в море!
Там
Огромный дреднот и ничтожная шлюпка
Одинаково хрупки,
Там
Для тысяч раскрыты могилы,
Там никто
Не предвидит судьбы: все — слепые!
Что
Наши ничтожные силы
Пред волей стихии!

Революция — буря ⟨...⟩

⟨1917⟩

Автограф. ГБЛ, ф. 386, 12.1, л. 9. На полях пометы И. М. Брюсовой: «Из папки «Стихи etc. очередные»; «1917?». Стихотворение не завершено.

35

Над призраками и действительностью,
Над всеми тайными соблазнами,
Над обольщеньем ласк и неги,
Поэт! на всех путях твоих,

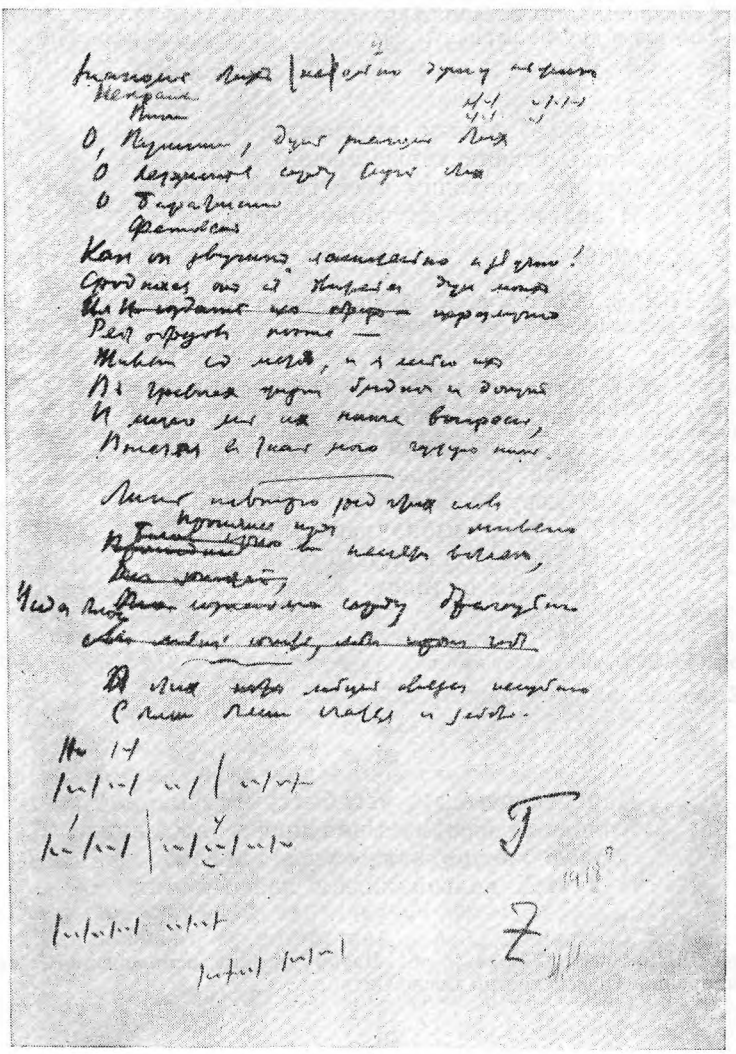
Как семицветной обольстительностью
Круг радуги лучами разными
Сиял спасенному в ковчеге,
Пусть высоко блистает стих!

‹1918›

Автограф. ГБЛ, ф. 386.12.5, л. 26. Датируется по раскладке И. М. Брюсовой.

36

О, фетовский, душе знакомый стих,
Как он звучит ласкательно и звучно!
Сроднился он с движеньем дум моих.
Ряд образов поэта неразлучно



«О, ФЕТОВСКИЙ, ДУШЕ ЗНАКОМЫЙ СТИХ...»
Черновой автограф
Внизу пометы И. М. Брюсовой: «1918?» и «Н‹е› н‹апечатано›»
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Живет с мечтой, и я лелею их
В тревогах жизни, бледной и докучной;
И мило мне их нынче воскресить
Вплетая в ткань мою чужую нить.

Лишь повторю ряд этих слов — мгновенно
Прошедшее пред памятью встает.
Всегда былое сердцу драгоценно,
И стих любимый связан неизменно
С былыми днями счастья и забот.

‹1918›

Автограф. ГБЛ, ф. 386.12.6, л. 4. Датируется по раскладке И. М. Брюсовой.
Последние пять строк были напечатаны ошибочно как отдельное стихотворение («День поэзии 1973», стр. 258; «Енисей», 1973, № 4, стр. 50). Вариациями на ту же тему является «Знакомый стих любимого поэта» (см.: *Собр. соч.*, т. 3, стр. 397).
Брюсов намечал и другие варианты начала (см. автограф на стр. 55).

37

Великое вблизи неуловимо,
Лишь издали торжественно оно,
Мы все проходим пред великим мимо
И видим лишь случайное звено.

‹1919›

Автограф. ГБЛ, ф. 386.12.4, л. 12 об. Датируется по раскладке И. М. Брюсовой.

38

В год третий после Октября,
В разгаре яростного лета,
Когда вечерняя заря
Жгла предварение рассвета,
В лесу безмолвном я бродил,
Где тени зыбко расплывались,
И тишь полночную будил
Веселым окликом: Адалис!

‹1920›

Автограф. ГБЛ, ф. 386. 12.8, л. 4 об.

Об А. Е. Адалис см. наст. том, стр. 825.

39

Наперекор годам, чьи быстры фазы,
Холодным башням мной прочтенных книг,
Сбираю жадно, как скупец алмазы,
Я в этой долгой жизни каждый миг.

‹1920›

Автограф. ГБЛ, ф. 386.12.8, л. 4 об. Датируется по расположенному на том же листе стихотворению «В год третий после Октября...»

40

Сквозь эту бездонность глаз
Так просто мне увидать бы —
Татьяну, в предутренний час,
На балконе старой усадьбы;

Дальше — немая камея —
В краснеющей дымно воде,
Расплываясь, тая, бледнея,
Образ Шарлотты Корде;

За ней, нагая, как Ева,
В городе, что строго молчит,
Проезжает на коне Генофева,
Волосами прикрыв свой стыд;

И, напротив, явясь многолюдью,
Что шумит, как буйный поток,
Над своей оскорбленной грудью
Лукреция взносит клинок;

А где-то, в дали небосклона
На корабль устремляя взор,
Меч в руке, восходит Дидона
На свадебно-погребальный костер.

Их всех, застенчиво-смелых,
В веках пленяющих нас,
Вижу, как сон, в нотемнелых
Неподвижных омутах глаз.

17 апреля 1921

Автограф. ГБЛ, ф. 386.12.9, л. 20. Судя по пропуску в рукописи, перед последней строфой предполагалась еще одна.

В краснеющей дымно воде... — Марат был убит Шарлоттой Корде в ванне.

Генофева (Годива) — героиня средневековой английской легенды; согласилась подвергнуться унизительному испытанию, чтобы избавить народ от непосильных налогов, назначенных ее мужем, жестоким графом Ковентри. Эта легенда послужила сюжетом баллады А. Теннисона «Годива».

Лукреция — римская матрона. После насилия, совершенного над нею царским сыном Секстом Тарквинием, закололась на глазах мужа и его друзей, взяв с них клятву, что они отомстят за ее бесчестие. Рассказ римского историка Тита Ливия об этом событии, последствием которого было падение царской власти в Риме, лег в основу поэмы Шекспира «Лукреция».

Меч в руке, восходит Дидона на свадебно-погребальный костер... — В четвертой книге «Энеиды» Вергилия рассказывается, что оставленная Энеем Дидона бросилась на меч, взойдя на костер, куда по ее просьбе было поставлено их брачное ложе.

41

Как камушки мальчик рикошетом в воду,
В воспоминаньях бросаю годы и годы;
Не раз, ах, не два, под ветер весенний
Жизнь обновлял предо мной прибой поколений.

Дети тех матерей, чьи девичьи взгляды
Меня когда-то кропили, как в небе Плеяды,
Отцов, с кем враждой иль дружеством был я спаян,—
Уже как искатели встали вековечных таин.

‹1921›

Автограф. ГБЛ, ф. 386.12.9, л. 23. Датируется по раскладке И. М. Брюсовой.

42

Вся mis-en-scène, вся пестрядь мира —
Вихрь солнц, вопль моря, взмет закатов
И скорбная Геката
Над вымершей Пальмирой —
Не радуг призрак ли в калейдоскопе?
Там, свет в руках, в алмазной копи
Хор гномов пляшет;
Но трубку вскрой — пяток стекляшек.

‹1922›

Автограф. ГБЛ, ф. 386.12.10, л. 71. На полях помета И. М. Брюсовой: «Из папки 1922 г., после «Далей».

Геката — в греческой мифологии богиня Луны.

Пальмира — город в оазисе Сирийской пустыни, центр одноименного государства; славился богатством и великолепием своей архитектуры. В 273 г. был разрушен римлянами.

43

ВЗВОДЕНЬ ЗВОНОВ

Памяти Велимира Хлебникова

Bells, bells, bells...

E. Poe

Взводень звонов, кузов звуков, —
Звать, звучать, звенеть, звонить!
Кто он, звоном зааукав,
Хочет ночью заморочить,
В зелень звуков заманить?

Звонкие, звякайте!
Звучные, звукайте!
Звонные — звонами,
Зовные — зовами,
Звыча́йны и новы,
Стройте звоновы!
Звука́стней, звонча́тней, звене́льней,
Зыкнув на звоннице,
Звонствуйте коннице,
Звукствуйте вольнице,
Звенькайте в тени селеньям свирельней!
Динь-динь, динь-динь,
Кинь-кинь
Звон синь!
Бим-бом, бим-бом,
Ал звон,
На амвон!
Динь-динь, бим-бом,
Звон-перезвон,
Озвенелый трезвон!

Звукачи-ковачи — звук на звук!
Звонари-косари — звон на звон!
Звонщики-загонщики,
Звонильщики-пильщики,
Звонители-воители,

Звукатели-искатели,
Звенетели-свидетели,
Звонатаи-оратаи,
Звончии-гончии,
Зовчии-ловчии.
Звонарихи, звонарки,
Звонарящие товарки!
Ватага звоняг,
Звукцов и звонцов,
Звателей с зовных концов!
На горизонте
Трезвоньте!
В звукнях-кузнях — позвукарствуйте,
Во звонцах-дворцах — позвонарствуйте,
На звенарне — позвончажничайте,
Озвончите час!
В звонобойню нас!

Ты, звукошко, ухай-ка!
Ты, звончишко, слухай-ка!
Ты, многозвоннейший,
Ты, наизвоннейший,
В купол гулко рухни,
Звякни, звукни!
Звукочки, звончики,
Звонушки, зовушки,
Звукеньки, зывики,
Звень-звенчужки, звон-звончужки,
К звонёнку звонёнок, звонята
К звóнику звóник звончатый,
Гомон о многом,
Незвучь и звóньковь,
Звон-перезвон!
Говори, перезванивай,
Малиновый, меланивый,
Передразнивай, перезвукивай,
Зазванивай, зааукивай,
Вызвони, вызволи,
Зывы на зыв вали,
Зóвней, звучней,
Звонней, звончей,
Динь-динь, бим-бом,
Ночью и днем!
День-день, цельный день,
Звончь, и звучь, и звень,
Гул звонóвóй,
Озвóненный вой!

Звонам позволено,
Звуками куплено
Званых вызванивать,
Всяких вызвякивать.
В праздник престольный
Зык колокольный
Звенствует зовно-узывчиво;
Заревом ржавым объята,

Ночь в недозвонье набата
Звукствует с звукорог сбивчиво;
Чу! зи-зи-зи, зи-зи-зон,
Звенько звонит телефон;
Взвеняясь настойчиво в dolce
Far niente, звенит колокольчик;
По полям позвоночки коров;
На горах зан-зан козьих звонков;
Тройки степной гонцы —
Бубенцы;
Раззвенеты кастаньеты,
Раззвенястней пляс запястий,
Но где яростный митинг,
Председательский ди-динк!
Колокол, локай!
Подзвенельник, звенешничай;
Общий в звони, в огне ж — ничей!
Колокольцы — богомольцам!
Птенчикам — бубенчики!
За станок
Под гудок и под звонок!

Отзвуки, надзвуки, подзвуки, призвуки,
Со́звоны, при́звоны, вы́звоны, до́звоны
(Созваны, призваны, вызваны, дозваны!)
Перезвякивание, перебрякивание,
Перезвонаривание, переговаривание,
Звукоряды и звукопись!
Звукорог, с звукариком совокупись!
Звукарей звоновых ради,
Звенигород выгороди!
Эй, внемли!
Зазвони, извини, измени,
Тень вдали
Семизвездьями осемени,
Осени́
Звень земли!
Там, в звукоданности,—
Склон звукозванности;
Озвукование
Слов без названия,
Звенитизна́
В высь взнесена!

Я — в звуках, я — в звонах,— в звененьи,
Я — в осно-стозвонном смятеньи,
Озво́нен, зазво́нен, узво́нен,
Раздвоен, как воин усвоен,
Я — свойник, я — звонник, я — звон,
Я — в звенья звененья, я — в сон!

28 августа 1922 г.

Сохранились две редакции этого стихотворения. Первая (законченная) имеет два автографа (черновой и беловой); оба датированы 28 августа 1922 г. (ГБЛ, ф. 386.12.10, л. 45—53). Вторая редакция не завершена; сохранилось два ее автографа (черновой и беловой), датированные 31 октября 1922 г. (там же, л. 54—61).

Печатается по беловому автографу первой редакции. Первоначальное заглавие — «Кузов звуков» — зачеркнуто. Эпиграф — первая строка стихотворения Э. По «Bells» («Колокола»); в переводе Брюсова озаглавлено «Звон» (Эдгар По. Стихи. М.— Л., ГИЗ, 1924). Во второй редакции намечался также второй эпиграф: «О рассмейтесь, смехачи» — из стихотворения В. Хлебникова «Заклятие смехом», в подражание которому и написан «Взводень звонов».

Брюсов относился к экспериментальной поэзии Хлебникова с большим интересом. В 1913 г. он писал: «Очень распространенный прием наших футуристов — образовывать новые глаголы ото всех существительных ‹...› не всегда приводит к удачным «словоновшествам», но, кажется, в нем кроется возможность выражений более сжатых и потому более сильных ‹...› Наконец, можно оправдать употребление новообразованных слов даже в тех случаях, когда нетрудно найти другие, соответствующие, в общеупотребительном языке: такие новообразования заставляют читателя остановиться на данном выражении, живее воспринять его, тогда как иначе оно проскользнуло бы незаметно; таковы, напр., смелые эпитеты (В. Хлебникова) «смехучеустые лешие», «вещестарикатая даль», «взоровитая чаша» и др.» («Новые течения в русской поэзии».— *РМ*, 1913, № 3, стр. 131—132).

Черновой автограф второй редакции сопровождается следующим примечанием: «Большое число словообразований не нуждается в пояснении; некоторые, однако, принадлежащие к числу провинциализмов, могут быть иным читателям незнакомы, в том числе (отысканы по словарю Даля): звычайный — обычный, обыкновенный; звеника — растение, nolana; звонуха — птица из разряда чаек; звонариха — жена звонаря, а звониха—женщина, звонящая на колокольне; звонарить—исправлять должность звонаря; звонило — сторожевая доска; звонница — колокольня; звукорга — аналогично каторга; звонять — звонить в несколько колоколов».

44

Античный мрамор, серебро Челлини,
Обломок меди из дворца Помпей,
Узор спиральный на пещерной глине:
Ключи раздумий — подходи и пей!

‹1922›

Автограф. ГБЛ, ф. 386.12.10, л. 67. На полях помета И. М. Брюсовой: «1922 г., после «Далей».

Стихотворение не окончено. Была написана еще одна строка:

Так светят в мире звездами музеи.

Бенвенуто *Челлини* (1500—1571) — итальянский скульптор и ювелир, изделия которого славились изяществом отделки.

45

Повеял вихрь и разметал Россию.
Где вы, друзья, чье имя легион?
Одни пошли изображать Осию,
Других киты сглотнули, как Ион.

‹1922›

Автограф. ГБЛ, ф. 386.12.10, л. 75. Датируется по раскладке И. М. Брюсовой.

Осия — один из библейских «малых пророков». Жил в Самарии до разрушения ее ассирийским войском (722 г. до н. э.). Обличал пороки современников и предсказывал, что их нечестивость приведет к падению Израиля.

Иона — библейский пророк. По преданию, был выброшен в море матросами гибнущего корабля и проглочен китом.

46

Когда тебе извне назначен
Узор мечты, узор стихов,
Поэт, припомни — многозначен
Непобедимый отзвук слов.

Ты, рифма, нитью Ариадны
Сквозь лабиринт ведешь к лучам.
Так нежащи и так усладны
Согласья, данные словам.

Созвучья эти не случайны —
Пусть связь двух звуков далека,
В ней неразгаданные тайны
Всегда живого языка.

От слов к словам, от мысли к мысли
Созвучье верных рифм ведет;
И строфы, как гирлянды, свисли
Над глубиной прозрачных вод.

В великой правде отражений
Удвоены, углублены —
Все истины земных стремлений,
Все наши праведные сны.

Поэт, живи в волнах созвучий,
Лови их радость на лету,
Чтоб в песнях звонких стих невучий
Замкнул крылатую мечту.

Ограждена двоякой гранью,
Бессмертью возвращенный прах,
Она смущенному сознанью
Сияет радугой в веках!

1922

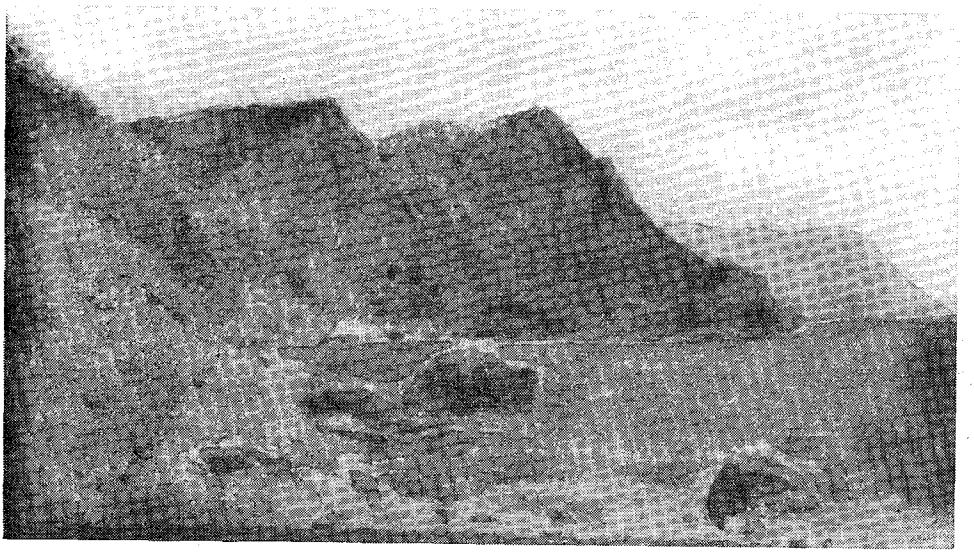
Автограф. ГБЛ, ф. 386.11.5, л. 40 об.—40. И. М. Брюсова при раскладке ошибочно отнесла эту рукопись к 1914 г. Строфы 3—7 (в др. редакции; ГБЛ, ф. 386.12.10, л. 2—2 об.) печатались до сих пор как самостоятельное произведение: *Неизд. стихи 1928*, стр. 48 (дата — 1917 г.); В. Брюсов. Стихи и поэмы. Л., 1961, стр. 557 (дата — 1922 г.).

47

БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Опять, как всегда и везде,—
В Москве, как в Судане,
В дни радио, как на грани преданий,—
В вечереющей сини
Звезда посылает звезде
Пучки светящихся линий...

Звездное небо — и Кант!
Законы миров — и Лаплас!
На землю глядит великан
Аргусом в тысячу глаз.



«КРЫМСКИЙ ПЕЙЗАЖ»
Рисунок Брюсова. Акварель, карандаш
Мемориальный кабинет Брюсова, Москва

А Земля,
Дремля,
Любовников близя устами
И ласками,
Отвечает мечтами
И сказками...

Нет!
Не пастухи ль Халдей следили ход планет?
Не тысячи ль умов (из всех земных историй)
Жгли глазом глубь небес с высот обсерваторий?
Не никли ль мудрые над тайной далей тех?
Вслед за Коперником, небесных толп стратег
Законов не дал ли мирам (спор с божествами!)?
— «Гордитесь, смертные, он жил меж вами!»

Все приходило в равновесье. Было
Все ясно... Но мечта дробила
Ту ясность. Ум кричал: «Я не хочу
Безгранности, где и лучу
Нет окончанья! Если нет предела,
То я хочу быть тоже выше тела,
А если всё — тела, так я
Не верю в бесконечность бытия!»

Да, он не верил, верить не хотел,
Привыкший знать пределы тел.
И снова неба круг овальный —
Арена распрей, цирк борьбы.
Об «актуальной» и «виртуальной»
Спор длят конечные рабы.

На тайну кинуть бы аркан!
И слышен свист бессильных ласс...
А тот же смотрит великан
На Землю: Аргус с тысячами глаз.

Столетье длится эта ошибка;
Бойцов разъединяет смерть.
«Бежать? куда? где правда, где ошибка?
Опора где, чтоб руки к ней простерть?»
Принципы относительности ставят
Пределы бесконечности. На ум
Та грань без граней тоже давит.
«Нет врачества!»— он стонет, как Наум.

Мы в бесконечности? иль мы в конечности?
Иль рано разуму познать?
И мысль нам надо пеленать,
А не водить в уборе подвенечном?
Иль нам познанье вовсе не дано,
И всё — игра «воззрений» или «категорий»,
И все равно
Сверлим ли небо мы с высот обсерваторий!

А все, как повелось давно...
Везде,
В Москве, как и в Лагоре,
Звезда влечет к звезде
В вечерней сини
Пучки лучистых линий.
Земля,
Дремля,
Любовников роднит устами
И ласками,
Ей тайны разрешать — мечтами
И сказками.

1924

Автограф. ГБЛ, ф. 386.12.12, л. 17, 18 об. На рукописи помета И. М. Брюсовой: «Из папки «Меа». Впервые частично опубликовано в «Неделе», 1967, № 6, 4 февраля.

Аргус — в греческой мифологии многоглазый великан, неусыпно охранявший Ио, возлюбленную Зевса.

Не пастухи ль Халдей следили ход планет... — Халдеи, обитавшие в долине Тигра и Евфрата, считались основоположниками астрономии. Образ «халдейского пастуха», впервые начертавшего «пути своих планет», Брюсов ввел в цикл «Любимцы веков» (*TV*).

Гордитесь, смертные, он жил меж вами... — Слова, завершающие надгробную надпись на могиле И. Ньютона.

Безгранности, где и лучу нет окончанья... — По учению Ньютона, мировое пространство беспредельно и световой луч в нем движется по идеальной прямой.

Об «актуальной» и «виртуальной» спор... — В механике вероятная, но не осуществленная возможность называется «виртуальной», а осуществленная — «актуальной».

Принципы относительности ставят пределы бесконечности... — В соответствии с общей теорией относительности Эйнштейна, Вселенная имеет конечный размер, а луч света, двигаясь в ней, искривляется под действием полей тяготения.

Нет врачества... — Цитата из книги библейского пророка Наума (III,19) о гибели Ниневии: «Нет врачества для раны твоей, болезненна язва твоя».

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ И НЕЗАВЕРШЕННЫЕ ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Предисловие и публикация Вл. Б. Муравьева

Художественная проза Брюсова — наименее известная и наименее исследованная часть его творческого наследия. Отмеченные И. С. Поступальским в 1934 г. [1] пренебрежение критики и литературоведения к ней, недооценка ее значения для понимания творчества писателя в целом остаются фактом и в настоящее время. Статьи А. И. Белецкого, З. И. Ясинской, А. В. Лаврова и С. С. Гречишкина о романе «Огненный ангел» общего положения не изменили, так как они ограничиваются изучением отдельно взятого произведения вне связи с остальной прозой Брюсова. В общих же работах о Брюсове его прозе обычно уделяется несколько поверхностных строк. Она определяется расплывчатым термином «символистская проза», а как почти единственное ее достоинство отмечается ее «познавательность».

Но, вопреки установившемуся мнению, в творческой жизни Брюсова проза занимала место, пожалуй, не меньшее, чем поэзия. Сошлемся на свидетельство И. М. Брюсовой: «Мы хорошо знаем Брюсова-поэта, критика, переводчика, но, в сущности, гораздо меньше знаем Брюсова-беллетриста. А между тем, Брюсовым-беллетристом написан ряд появившихся в печати повестей: «Огненный ангел», «Алтарь победы», «Обручение Даши», сборники рассказов —«Земная ось», «Ночи и дни» и много других прозаических произведений, не собранных в отдельные сборники, а оставшихся в альманахах, журналах и газетах. Брюсов, тайно увлекаясь своими художественными прозаическими работами, не уставал переделывать и отшлифовывать каждый свой рассказ или повесть по многу раз, он вкладывал в обработку их гораздо больше сил и энергии, чем можно было предполагать. Он сам признавался, что «поэзия» была ему более подвластна, чем «проза». Это, однако, не мешало ему упорно, преодолевая все трудности, затевать все новые и новые работы в этой области. И он даже, по свойственной ему привычке, несмотря на то что время приходилось уделять на обработку прозы лишь урывками, успевал работать одновременно над несколькими вещами, подготовляя себе материалы, в ожидании более благоприятного часа, чтобы приняться за любимый труд, за окончательную отделку, за подготовку к печати своей прозы» [2].

Задача будущего — уяснить в полной мере значение работы Брюсова в области художественной прозы для его собственного творческого пути, определить направление его художественных исканий, выявить его достижения. Все это станет возможным лишь при условии включения в сферу исследования не только всех изданных произведений, но и всех оставшихся в архиве материалов, относящихся к работе Брюсова-прозаика.

Именно эта неопубликованная часть творческого наследия писателя обещает много интересного. «Не имея времени (а может быть, и мужества) работать над рукописями, которые пока нет надежды напечатать,— писал Брюсов в 1916 г.,— я принужден свои самые любимые замыслы оставлять в набросках, в планах или прятать написанное к себе в стол» [3].

Безусловно, в числе оставшихся в архиве и незаконченных произведений имеются и явно неудавшиеся и оставленные Брюсовым сознательно (об этом говорят авторские надписи на некоторых рукописях: «плохо», «неудачно»), но все же значительная их часть относится к разряду «любимых замыслов», к которым Брюсов возвращался неод-

нократно, завершению и публикации которых препятствовали не внутренние, а внешние причины.

Неопубликованными и незавершенными остались около ста произведений Брюсова-прозаика. Среди них есть совершенно законченные, подготовленные к печати работы; законченные в основном, но недоработанные; начатые (часто в нескольких вариантах), но незаконченные; есть отдельные краткие наброски. Степень законченности того или иного произведения важна для читателя, но в истории внутреннего развития Брюсова неизданное, незавершенное произведение имело такое же значение, как и «дошедшие до слова и до света». Напомню слова самого Брюсова из статьи «Неоконченные повести из русской жизни», в которых он, комментируя Пушкина, невольно опирается и на собственный творческий опыт: «Не считая «Арапа Петра Великого» и «Египетских ночей», двух замыслов, принявших более или менее отчетливые очертания, мы знаем еще об одиннадцати повестях Пушкина, оставшихся, так сказать, в зародыше (...) Нет сомнения, что каждое из этих неосуществленных созданий Пушкина было им столь же любовно лелеяно, как и его другие, более счастливые замыслы. На основании сохранившихся «программ» и «планов» поэм и повестей Пушкина мы знаем, как подробно и основательно обдумывал он все свои произведения, прежде чем приступал к их словесной обработке. Мы вправе заключить по аналогии, что и те повести, от которых дошли до нас лишь отрывочные страницы и разрозненные главы, самому Пушкину представлялись хотя бы и «сквозь магический кристалл», но во вполне законченных формах. Там, где мы порою затрудняемся уловить даже основную идею рассказа, для Пушкина был целый мир, полный разнообразных событий и населенный толпою людей, которым лишь та или другая случайность не дала воплотиться в художественных образах» [4].

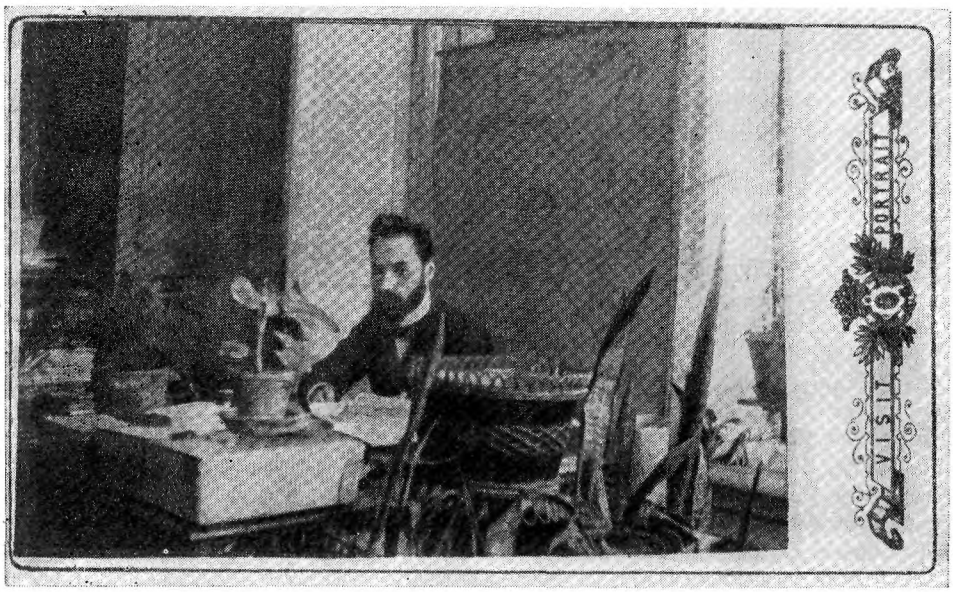
К некоторым замыслам Брюсов возвращался неоднократно, об этом содержится достаточно сведений в печати и в материалах архива. Видимо, именно эти разрабатываемые и варьируемые в течение многих лет темы мы можем, пользуясь определением самого Брюсова, назвать «самыми любимыми», и, конечно, они наиболее интересны для исследователя.

2 января 1893 г. Брюсов набросал в дневнике «программу этого года». Поставив себе задачу выступить «на литературном поприще», он писал: «Между прочим сделаю пробу. Пошлю переводы из Верлена в «Новости иностранной литературы», «Тени»— в «Артист», и «Николая»— в «Ребус» [5]. Эта запись позволяет точно определить круг произведений, которыми Брюсов считал возможным дебютировать в печати. Наряду со стихами здесь назван рассказ «Николай» [6]. В 1893 г. Брюсову напечататься не удалось; впоследствии он включал в сборники и собрание сочинений стихи 1892—1893 гг.; ранние прозаические произведения остались неопубликованными, но в планах и занятиях Брюсова тех лет художественная проза занимала существенное место [7].

Брюсов стремился беллетризировать даже гимназические сочинения. Так, с явным стремлением ввести элементы художественности написано сочинение 1892 г. «Эдип-царь». Разбор сообразно с поэтикой Аристотеля» [8]. Вместо школьного анализа «образов» по плану-шаблону, Брюсов описывает представление трагедии Софокла в древних Афинах и по ходу действия трагедии дает ей толкование. Правда, в этом сочинении беллетризированы только вступительная и заключительная части, в которых содержится описание театра и зрителей, средняя же часть почти лишена беллетризации.

Зато сочинение на тему «Гораций» (январь 1893 г.) уже совершенно откровенно облечено в беллетристическую форму. «... дана была тема «Гораций»,— вспоминает Брюсов.— Я написал рассказ из римской жизни времен Августа —«У Мецената». Поливанов написал мне по сочинению: «Подобные сочинения должны быть приватными занятиями, которым нельзя не сочувствовать, но нужно упражняться и в сочинениях школьных, которые имеют свои требования, для вас очень и очень небесполезные»,— но в журнале поставил пятерку» [9].

Для Брюсова рассказ, представленный гимназическому преподавателю вместо обычного школьного сочинения, был своеобразной попыткой заявить себя литератором. Характерно содержание рассказа: спор между поэтами старшего поколения и



БРЮСОВ В СВОЕМ РАБОЧЕМ КАБИНЕТЕ
Фотография. Москва, 1895
На обороте помета Брюсова: «1895»
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

молодым Овидием. Собственно не Гораций, а Овидий — главный герой рассказа, и в доводах и утверждениях Овидия совершенно определенно слышен голос молодого Брюсова, уже начинающего осознавать себя вождем новой литературной школы (известная запись о себе как о вожде нового направления будет сделана в дневнике через месяц, 4 марта).

Этим ранним опытом художественной прозы Брюсова и открывается настоящая публикация. Печатаемые далее незавершенные произведения Брюсова-прозаика можно сгруппировать по трем основным тематическим разделам: изображение современной русской действительности, историческое прошлое и область фантастики.

К первой группе принадлежит рассказ «Голубочки — это непорочность» (1898), представляющий собой художественно преображенные воспоминания Брюсова о его деде со стороны матери, А. Я. Бакулине (1813—1893) —«писателе-самоучке», участнике сборника «Рассвет». Ему Брюсов посвятил несколько очень теплых страниц в повести «Моя юность», в мемуарных записях «Памяти» и небольшую статью «Стихотворения и басни А. Я. Бакулина» [10].

Брюсов признавал более чем скромным поэтическое дарование деда, его стихи он называет «милыми реликвиями», но его привлекала, вызывая уважение и восхищение, глубокая преданность деда литературе. Он «был довольно замечательным человеком,— отмечает Брюсов,— ⟨...⟩ Он был поэт» [11]. Брюсов сочувствует деду, рассказывая о том отношении, которое сложилось в семье к его занятиям литературой: «Над дедом за его пристрастие к чтению, к стихам, за то, что сам исписывал груды бумаги, проводя за такой работой бессонные ночи, все кругом смеялись: сначала — старшие, отец и мать, после — братья, сослуживцы, знакомые, еще позже жена, а за ней — сыновья и дочери, особенно дочери. Этот смех застал еще я» [12]. По-иному складывались взаимоотношения с дедом самого Брюсова: «Дед первоначально любил меня, посвятил мне одну сказку и длинное стихотворение «Волки». Позже он интересовался моими литературными опытами и отстранился от меня окончательно лишь после появления первого выпуска «Русских символистов» [13].

В рассказе «Голубочки — это непорочность» наиболее сильно звучит человеческая жалость к «бедному дедушке», который предстает слабым, беззащитным, обижаемым родными стариком. Двадцать пять лет спустя, в «Памятях» (конец 1923 г.), образ деда —«поэта-неудачника», всю жизнь прожившего «интересами, чуждыми и непонятными всем его близким, всем его окружающим», приобретает эпические черты, и линия литературного подвижничества, едва намеченная в рассказе «Голубочки — это непорочность», получает здесь главенствующее значение.

Можно отметить в рассказе и свойственную Брюсову любовь к Москве, к ее патриархальному облику; город здесь не враждебен человеку, а дружествен ему. Брюсов пишет об Анюте — девочке одиннадцати лет: «Она полюбила Москву. В этих грязных улицах, в этих неровных домах чудилась ей странная красота».

Традиционную для русской классической литературы демократическую и глубоко гуманистическую тему «маленького человека», обиженного и униженного косной обывательской средой, Брюсов разрабатывает и в некоторых других произведениях. Это рассказ «Бемоль» со знаменательным подзаголовком: «Из жизни одной из малых сих» (1903) [14], повесть «Обручение Даши» (1914—1915) и оставшаяся в рукописи повесть «Моцарт» (1915), реалистически изображающая драму бедного музыканта [15]. Особое место среди произведений Брюсова о современной ему русской действительности занимает незаконченный роман из жизни московской купеческой семьи (1914—1917), главы которого печатаются в настоящем томе. Вызывая в памяти страницы горьковского «Дела Артамоновых», эти главы позволяют увидеть, что творчество Брюсова-прозаика все более развивалось в направлении к социальному реализму.

Довольно прочно утвердилось мнение о «чужестранности» (М. Цветаева [16]) Брюсова, подкрепленное утверждением А. Ильинского: «В то время как темы из древнеримской жизни являются любимым замыслом Брюсова со школьной скамьи до последних его дней, совершенно случайными являются темы исторических рассказов, повестей, романов и драм из русской жизни»[17].

На такой вывод безусловно повлиял тот факт, что оба опубликованных исторических романа Брюсова не касаются русской тематики. Однако даже в «Огненном ангеле» можно отметить любопытную деталь: Мефистофель, рассказывая о путешествии с Фаустом по различным странам (часть II, глава XII), особенно выделяет путешествие в Московию, где «доктор Фауст показывал свою ученость при дворе княгини Елены, но остаться там не пожелал из-за лютых морозов». Московия — единственная страна, где Фауст выступает, по рассказу Мефистофеля, активно действующим лицом, в других же — в Италии, Греции, Египте, Турции — он всего лишь любопытствующий наблюдатель. В народной книге И. Шписа, послужившей источником для этого эпизода, нет ни Елены, ни показа учености, ни ссылки на лютые морозы, а содержится лишь беглое упоминание о России, зато о пребывании Фауста в остальных странах рассказано более или менее подробно.

Тема пребывания Фауста в России занимает Брюсова и позднее. Около 1910 г. он записывает план драмы «Фауст в Москве» [18]. Однако продуманная в деталях и, возможно, целиком «проигранная» в мысленном театре (все ее картины точно хронометрированы: «Пролог»— 10 минут, 3-я картина — 18 минут, 4-я картина — 5 минут и т. д.) драма эта осталась ненаписанной.

Попытки перенести литературного или фольклорного героя-иноземца в русские условия Брюсов предпринимал неоднократно. В сказке «Фея Лилия» это —«немецкая фея»[19], в рассказе «Таинственный посетитель»— некий «бес», ведущий происхождение от «Хромого беса» Лесажа, очутившийся в Москве начала XX в. [20] К ним можно присоединить Арсена Люпена, героя детективных романов Мориса Леблана,— в незавершенном рассказе «Арсен Люпен в России» (1922) [21]. Того же плана замысел рассказа «Путешествие по России фон-Арнима в 1846 году» (1903) [22].

Поскольку в подобного рода произведениях герой-иностранец является по сути дела поводом, чтобы рассказать о стране, в которую он попадает, с достаточным основанием можно назвать все эти произведения Брюсова произведениями на русскую тему.

О том, что русская историческая тематика занимала в творческих замыслах Брю-

сова значительное место свидетельствует и программа грандиозной историко-художественной книги «Фильмы веков» [23], которая должна была охватить период от Атлантиды и Древнего Египта по крайней мере до конца XVIII в. (в плане есть тема «С. Ш. А.»). В плане книги представлены государства и народы Европы, Азии, Америки — Египет, Ассирия, Эллада, Рим, Византия, Арабы, Армения, Персы, Индия, Майя, Франция, Германия, Италия, Англия и др. И в этом перечне, содержащем 66 тем, русская историческая тема занимает 12 номеров, т. е. пятую часть (для сравнения: Эллада — 3 темы, Рим — 7 тем, Франция, Германия, Италия, Англия — по 4 темы). К сожалению, неизвестно, какие именно русские темы предполагал разработать Брюсов, так как в плане дано лишь их общее количество: «55—66. Россия. I—XII» с отсылкой: «см. отдельно». Отдельного списка не обнаружено, однако, место, уделенное в этом плане русской теме, само по себе показывает степень интереса Брюсова к русской истории.

Для Брюсова-прозаика характерно использование в качестве художественного приема внешних форм документальной прозы — мемуаров, записи рассказа очевидца, частной и официальной переписки, научного отчета и т. д., что создает дополнительный эффект достоверности. Особенно часто Брюсов прибегает к этому приему в произведениях на исторические темы. В форме записок современника написаны самые крупные его прозаические произведения — романы «Огненный ангел» и «Алтарь победы», в форме мемуаров непосредственного участника событий был им задуман и роман из эпохи движения декабристов — «Записки декабриста Малинина», страницы которого публикуются ниже. Александр Никанорович Малинин — лицо вымышленное (среди лиц, связанных с движением декабристов, известен лишь один Малинин — полковник, который по заданию Следственного комитета проверял показания некоторых участников восстания). Выбор подобного героя давал простор авторской фантазии, предоставлял возможность создать собирательный образ.

Имитируя издание подлинных мемуаров, Брюсов снабжает «Записки декабриста Малинина» двумя предисловиями—редактора и автора, в которых содержатся некоторые сведения об авторе, о манускрипте записок, о принципах их издания.

Время работы над фрагментами «Записок декабриста Малинина» предположительно можно отнести к 1912 г., когда Брюсов, заведовавший тогда литературным отделом «Русской мысли», знакомился с романом Мережковского «Александр I и декабристы» (напечатан под названием «Александр I»). Мережковский в письме к Брюсову от 14 марта 1912 г. писал: «Очень горжусь тем, что роман мой внушил вам желание написать повесть из 20-х годов» (ГБЛ, ф. 386. 94.45, л. 24).

В «Предисловии редактора» сообщается, что рукопись записок Малинина была найдена им летом 1904 г. Эту дату можно сопоставить с публикацией как раз летом 1904 г. в «Историческом вестнике» мемуаров Н. А. Бестужева «Из воспоминаний о К. Ф. Рылееве» [24]. Мемуары, прочитанные Брюсовым скорее всего в том же 1904 г., дали, возможно, первоначальный толчок к замыслу «Записок Малинина», близких к воспоминаниям Бестужева стилистически; также близка и общая трактовка события 14 декабря, как «горестного и безнадежного», но «не прошедшего бесследно, ибо память его поныне призывает стремиться к светлым целям...»

Если учесть еще, что у Брюсова были замыслы таких исторических драм, как «Марина Мнишек» (1897) [25] и «Петр Великий» (1908—1909) [26], то можно прийти к выводу, что Брюсова в русской истории привлекали узловые исторические эпохи и самые значительные социальные и политические движения: национально-освободительная борьба начала XVII в., эпоха Петра I, декабристы. Отметим также, что в повести «Обручение Даши» (1915), основанной на материалах семейного архива писателя, проявился его интерес к эпохе 60-х годов XIX в. с их идейными веяниями, коснувшимися и патриархально-купеческой среды.

Будучи мастером литературной стилизации, Брюсов обращается и к русскому народному сказу. Его «Рассказы Маши с реки Мологи», включенные в настоящую публикацию, по форме представляют собой якобы фольклорную полевую запись, что должна подтверждать авторская справка: «Записано Новгородской губ., Устюжнинского уезда на р. Мологе, в 1905». Рассказы устюжнинской Маши о дворовых, домовых, баеч-

никах-перебаечниках и других представителях деревенской «нечистой силы», безусловно, имеют фольклорный источник. Но характер работы над рукописью, с вариантами и правкой отдельных слов и выражений, убеждает в том, что перед нами оригинальное художественное произведение, лишь имитирующее фольклорный, сказовый стиль.

В «Рассказах Маши» Брюсов проявляет себя знатоком народной фантастики. Фантастическое во всех его проявлениях и аспектах всегда привлекало внимание Брюсова и находило отражение в его художественной практике.

Разновидностям фантастики как литературного жанра посвящена незаконченная и неопубликованная статья Брюсова «Пределы фантазии» [27]. Эта статья, написанная не ранее 1911 г. (наиболее позднее литературное произведение, упоминаемое в ней, роман Рони-старшего «Борьба за огонь» напечатан в 1911 г.), не только является свидетельством глубокого интереса Брюсова к жанру фантастики, но и содержит интересные теоретические обобщения.

Брюсов перечисляет «три приема, которые может использовать писатель при изображении фантастических явлений: «1. Изобразить иной мир — не тот, где мы живем. 2. Ввести в наш мир существо иного мира. 3. Изменить условия нашего мира». В эту схему укладывается все разнообразие литературно-художественной фантастики, включая и мистическую фантастику, и фантастику научную.

Завершающие настоящую публикацию произведения относятся к научно-фантастическому жанру и объединены общей проблематикой технического прогресса. Это прежде всего два однотемных отрывка «Восстание машин» и «Мятеж машин».

В перечне работ и замыслов Брюсова, относящемся к 1908 г., встречается тема «Ожившие машины» [28]. К этому же времени А. Ильинский относит и первоначальный, неоконченный вариант рассказа «Восстание машин. Из летописей ***-го века» [29].

В конце 1910 г. название «Ожившие машины» встречается в плане цикла «Злые сказочки» [30], состоящем из трех рассказов: «Университет» [31], «Бревно» [32], «Ожившие машины». Но замысел этого последнего, не осуществленного тогда рассказа плохо вяжется с остальными рассказами цикла, написанными в 1910 г. и являющимися скорее облегченными, поверхностными анекдотами, близкими к «сказочкам» Ф. Сологуба.

Вновь к теме «ожившие машины» Брюсов возвращается в 1915 г. Фрагмент 1915 г. по содержанию как бы предваряет фрагмент 1908 г., являясь своего рода историко-теоретическим предисловием к рассказу о самом событии; здесь же, в примечании, содержится авторское указание на главную задачу рассказа — показать «то темное и грозное», ту «пропасть», в которую ведет фетишизация техники, превращение человека в результате одностороннего развития цивилизации в жалкий придаток, в раба машин.

Если в «Восстании машин» и «Мятеже машин» изображается отрицательный результат успехов технического прогресса, то в набросках научно-фантастической повести о полете землян на Марс «Первая междупланетная экспедиция» (вариант названия «Экспедиция на Марс»), относящихся к 1920—1921 гг., речь идет о большом достижении науки и техники. И хотя все герои повести Брюсова погибают, им удалось, по замыслу автора, все же — впервые в истории человечества — вступить на почву другой планеты.

Повесть должна была состоять из предисловия «От издателей», предисловия редакторов и записок одного из участников экспедиции. Только первое предисловие было написано полностью, второе осталось незаконченным, а основное повествование представлено лишь неполными тремя главами. Замысел повести претерпевал в процессе работы некоторые изменения, о чем говорит наличие набросков более ранней редакции. Менялись и имена персонажей (поэтому они не совпадают и в разных частях нашей публикации — в предисловии «От издателей» и в тексте записок).

Мысль написать о межпланетном путешествии принадлежит к числу наиболее ранних замыслов Брюсова, зародившихся еще в детские годы. Важной вехой в развитии темы космического полета для Брюсова послужило знакомство с работами Н. Ф. Федорова. «Русский философ Федоров,—пишет Брюсов в статье «Пределы фантазии»,—

серьезно проектировал управлять движением Земли в пространстве, превратив ее в огромный электромагнит. На Земле, как на гигантском корабле, люди могли бы посетить не только другие планеты, но и другие звезды. Когда-то я пытался передать эту мечту философа в стихах, в своем «Гимне Человеку»:

Верю, дерзкий! ты поставишь
По Земле ряды ветрил.
Ты своей рукой направишь
Бег планеты меж светил...

В перечне замыслов 1908 г. Брюсовым назван рассказ «Путеводитель по Марсу» [33]; к дореволюционным годам (судя по орфографии) относится имеющийся в архиве листок с математическими расчетами о времени перелета с Земли до Марса [34]. В архиве писателя имеется также вырезка из газеты «Речь» с сообщением о докладе Я. И. Перельмана «Междупланетные путешествия: в какой степени можно надеяться на их осуществление в будущем», состоявшемся 20 ноября 1913 г. в «Русском обществе любителей мироведения» [35].

Но в дореволюционные годы Брюсов интересовался темой междупланетных полетов не специально, а, так сказать, попутно. Именно первые годы революции с их пафосом устремленности в будущее побудили его заняться вплотную темой освоения космоса; заметим, что действие публикуемой повести он относит ко времени победы революции во всем мире, употребляя по отношению к участникам экспедиции — американцам советскую форму обращения «товарищ».

В 1919—1920 гг. Брюсов знакомится с работами К. Э. Циолковского, интересуется им самим и задумывает написать книгу о нем. Каких-либо следов работы над книгой о Циолковском пока не обнаружено, но имеется авторитетное свидетельство об этом замысле и об отношении Брюсова к Циолковскому.

Осенью 1920 г. состоялась встреча Брюсова с ученым-гелиобиологом, поэтом, сотрудником и другом Циолковского — А. Л. Чижевским. Брюсов пригласил его к себе специально для разговора о Циолковском.

А. Л. Чижевский оставил воспоминания об этой встрече [36].

По свидетельству Чижевского, Брюсов назвал Циолковского человеком исключительного дарования, оригинальным мыслителем. Он сказал: «Циолковский — интереснейшая личность нашего века. Скала среди бурного океана непонимания. Будущее поколение создаст о нем легенды».

«Я интересуюсь,— говорил Брюсов,— не только поэзией, но и наукой, вплоть до четвертого измерения, идеями Эйнштейна, открытием Резерфорда и Бора... Материя таит в себе неразгаданные чудеса... Что такое душа, как не материальный субстрат в особом состоянии! Но Циолковский занимается вопросами космоса, возможностью полета не только к планетам, но и к звездам. Это несказанно увлекательно и, по-видимому, будет осуществлено... Меня интересует личность Циолковского... Ведь он только учитель городской школы, а как далеко он продвинул свои идеи! Многие его не признают, но это ровно ничего не значит — великих людей часто признают только после их смерти. Не в этом, конечно, дело, а в том, что он является носителем сказочной идеи о возможном полете в другие миры на ракетных кораблях. Эти идеи вдохновили меня на создание нескольких стихотворений... Читали ли вы их? по этому вопросу я говорил с некоторыми нашими физиками — они смеются над Циолковским, но принципа ракеты не отрицают. Хорошо смеется тот, кто смеется последним. К Циолковскому отношение несерьезное, но я бы написал о нем книгу, я думаю об этом...»

Рассказывая о темах этого разговора, Чижевский отмечает, что «Брюсова больше всего интересовал вопрос о возможности полета в космос». Это и понятно: как раз в то время Брюсов работал над повестью «Первая междупланетная экспедиция».

Надо отметить, что повесть Брюсова по поставленным автором перед собой задачам и подходу к материалу близка к научно-фантастическим повестям Циолковского. Как и повести Циолковского, она более научна, чем фантастична, главной ее темой является научное познание, содержанием — сообщение пусть гипотетических, но осно-

ванных на данных науки сведений, ее занимательность заключена в занимательности самого научного материала.

Ввиду малой изученности работы Брюсова как прозаика, окончательные выводы в отношении его прозы преждевременны, поэтому и настоящее предисловие содержит лишь некоторые фактические пояснения к небольшому комплексу прозаических произведений и замыслов Брюсова, правда, хронологически охватывающему весь его творческий путь.

Несомненно одно: работа Брюсова в области художественной прозы занимает важное, а в отдельные периоды даже ведущее место в его творческой жизни и по своему характеру часто является экспериментальной, что нашло отражение и в одном замечании 1912 г., сделанном как бы мимоходом, но имеющем под собой глубокий личный опыт:

«Неужели начинающие поэты не понимают, что теперь, когда техника русского стиха разработана достаточно, когда красивые стихи писать легко, по этому самому *трудно* в области стихотворства сделать что-либо свое.

Пишите прозу, господа!

В русской прозе еще так много недочетов, в обработке ее еще так много надо сделать...» [37].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] И. П о с т у п а л ь с к и й. Проза Валерия Брюсова.— В кн.: *Неизд. проза*, стр. 159.
[2] И. М. Б р ю с о в а. Неопубликованный вариант предисловия к сб.: *Неизд. проза*. ГБЛ, ф. 386.67.8, л. 2—3.
[3] *ЛН*, т. 27-28, стр. 474.
[4] *Мой Пушкин*, стр. 95—96.
[5] *Дневники*, стр. 10—11.
[6] Другое название рассказа — «Его любовь». ГБЛ, ф. 386. 35 б. 55.
[7] Обзор ранних прозаических работ и замыслов дан в статье Н. К. Гудзия «Юношеское творчество Брюсова» (*ЛН*, т. 27-28).
[8] ГБЛ, ф. 386.4.7.
[9] *Из моей жизни*, стр. 70—71.
[10] *РА*, 1903, № 3, стр. 437—444.
[11] *Из моей жизни*, стр. 11.
[12] Там же, стр. 90
[13] Там же, стр. 12.
[14] «Земная ось». М., 1907; 3 изд.— 1911.
[15] ГБЛ, ф. 386.35.5—9.
[16] М. Ц в е т а е в а. Проза. Нью-Йорк, Изд-во им. Чехова, 1953, стр. 259.
[17] *ЛН*, т. 27-28.
[18] ГБЛ, ф 386.30.10.
[19] ГБЛ, ф. 386.35.48.
[20] ГБЛ, ф. 386.35.43.
[21] ГБЛ, ф. 386.34.12.
[22] ГБЛ, ф. 386.35.17.
[23] Второй план книги «Фильмы веков» с подзаголовком «66 картин из жизни народов разных времен и стран». ГБЛ, ф. 386.35.47, л. 3.
[24] «Исторический вестник», 1904, кн. IV, стр. 118—135.
[25] *Дневники*, стр. 28.
[26] *ЛН*, т. 27-28, стр. 470.
[27] ГБЛ, ф. 386, 53.5, л. 1.
[28] ГБЛ, ф. 386.4.34.
[29] *ЛН*, т. 27-28, стр. 457.
[30] ГБЛ, ф. 386.35.1, л. 1.
[31] «Огонек», 1925, № 40.
[32] «Красная Нива», 1926, № 42.
[33] ГБЛ, ф. 386.4.34.
[34] ГБЛ, ф. 386.35.11, л. 4.
[35] ГБЛ, ф. 386.67.8.
[36] А. Л. Ч и ж е в с к и й. Вся жизнь. М., «Советская Россия», 1974, стр. 74—79.
[37] *Далекие и близкие*, стр. 199—200.

У МЕЦЕНАТА

...Лебедь рвется в облака,
Рак пятится назад, а щука тянет в воду.
Эпиграф из «Литературного вечера»
Гончарова [1]

В кружке Мецената участвовали сегодня необычные посетители.

Было время, когда этот кружок царил в Риме полновластно. К его мнениям прислушивались; его суждение было приговором для начинающего писателя.

Но, как и должно было ожидать, деспотизм вызвал противодействие. Сначала некто Мессала позавидовал положению Мецената и собрал свой литературный кружок, где роль главного поэта разыгрывал Тибулл. Там нашли себе приют противники Горация, сторонники Александрийской поэзии и старины, Тигеллий, Деметрий. Затем, через несколько лет, образовалось более серьезное общество, которое группировалось вокруг Овидия. Здесь были и такие имена, как Макр (Macer), уже пожилой талантливый писатель, не попавший ни к Меценату, ни к Мессале, но главным образом собирались молодые поэты, как Сабин, сотоварищ Овидия, или Тутикан, прославившийся впоследствии переводом Одиссеи. Посещал эти собрания также Проперций, который собственно принадлежал к кружку Мецената.

Овидий в это время только что выступал из рядов заурядных поэтов, которых было так много в век Августа. Еще юношей он декламировал публично свои стихи, никого не поразившие; потом издал «Heroides», тоже прошедшие незамеченными. Внимание было привлечено только отрывками из новой поэмы, которую Овидий, по своему обыкновению, сначала декламировал. Наконец появились первые три книги «Amorum» * и сразу поставили Овидия на одно из первых мест среди современных писателей. Его стихами прямо увлекались, и некоторое время весь Рим повторял их.

Этот необыкновенный успех заставил кружок Мецената обратить внимание на молодого поэта. Круг старых корифеев, все еще называвшийся молодою школою, с каждым годом становился все теснее. Не так давно опустело одно славное место, выбыл любимый, добрый товарищ, едва ли не основатель общества: умер Виргилий. Прилив новых сил был бы очень кстати, и Меценат поручил Проперцию стороной разузнать настроение нового кружка. Проперций принес известие, что там глубоко уважают прославленных творцов новой поэзии и против соединения не имеют ничего. Таким образом произошло то, что в тесный круг друзей вступили сегодня новые лица.

Меценат не забыл мудрого правила, чтобы число собеседников не было менее числа граций и более числа муз. Из обычного общества были приглашены только наиболее известные лица и лучшие друзья хозяина: Варий, Гораций, Тукка и Проперций. С Овидием прибыл его лучший друг Сабин, а, чтобы придать больше веса посещению, и старик Макр.

Всех было восьмеро.

На главном месте, как хозяин, помещался Меценат, одетый по обыкновению в широкую, свободную тогу. Рядом с ним возлежал Гораций. В это время он был уже немолод, а на лицо казался старше своих лет. Невысокий и сутуловатый, он привлекал к себе только открытым взором и задумчивым

---

* «Любовных песен» (*лат.*).

выражением лица. В последние годы его жизни прежняя постоянная веселость, которую он получил от природы, сменилась скорее грустным настроением.

С другой стороны Мецената оказался Проперций. Он поместился так, что был близко ото всех. Вдали от него остался разве только Плоций Тукка, который важно возлежал на противоположном конце стола с глубокомысленным выражением лица.

Овидий, Сабин и Макр расположились рядом. Свободнее всех чувствовал себя Овидий. С обычной веселостью осматривал он общество и с трудом скрывал усмешку, когда встречал суровый взгляд Вария. Этот вообще был недоволен предстоящим соединением двух обществ; обращение гостей раздражило его еще более. Он свысока посматривал на них, с полным сознанием своей гениальности и своего значения как величайшего римского поэта.

Первое время разговор клеился плохо, так как положение собеседников было слишком условным. Впрочем, все собравшиеся вполне обладали тем искусством вести разговор, которое так ценилось в Риме и для которого был особый термин urbanitas. Сначала Тукка произнес несколько приветственных слов, потом говорили о цели собрания.

— В наше время нельзя работать отдельно,— говорил Меценат.— Рим соединился в одну семью.

— И мы должны соединиться,— подтверждал Проперций.

— Свершилось великое деяние,— продолжал Меценат,— и государство римское, ставшее единым, призывает всех нас трудиться на мирном поприще.

— Оно и приятнее,— заметил Овидий,— я, например, всегда предпочитал надевать венок, а не шлем и надеюсь до конца жизни не брать в руки меча.

— Это, пожалуй, немного слишком,— мягко возразил Гораций.— Суровая военная служба укрепляет человека и учит юношу терпеливо переносить все невзгоды жизни.

Эта фраза была наполовину поучением. Разговор с самого начала сбивался на общие вопросы, что было совершенно в характере пиров у Мецената. У него не бывало ни плясок танцовщиц, ни драматических представлений, и лучшим развлечением для гостей служила серьезная беседа.

Видно было, что слова Горация затронули Овидия, и Сабин поспешил защитить его.

— Хорошая выйдет школа для юноши, если он будет убит!

— Поверь, что умереть за отечество не только славно, но и приятно.

Проперций восторженно поднял глаза к потолку.

— Кабы мы сами да следовали своим советам,— в сторону, но так, чтобы его слышали, проговорил Сабин.

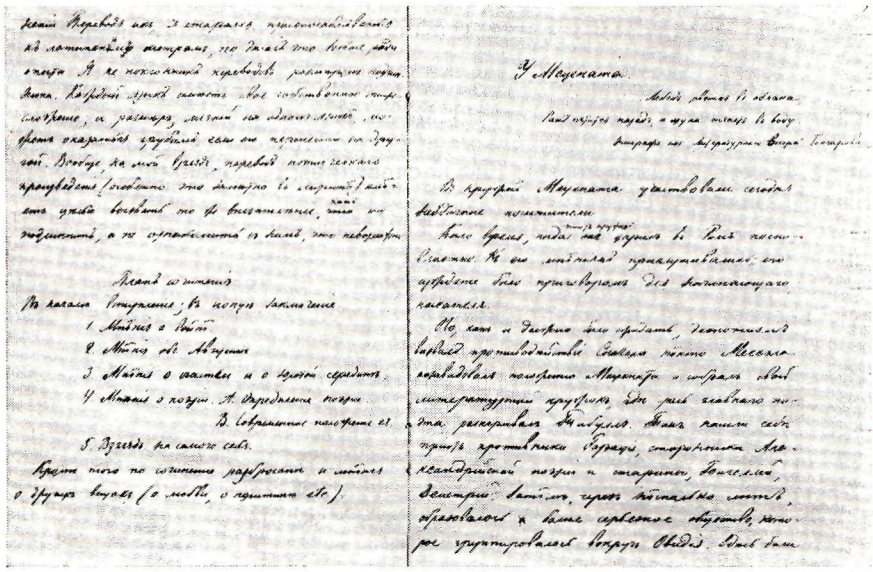
Этот намек заставил Горация смутиться. Как это с ним всегда бывало при насмешке, он не нашелся, что сказать. Овидий строгим взглядом остановил товарища. Все почувствовали себя неловко, и только Проперций, заметя, что Гораций и Меценат не видят его, сделал вид, что смеется.

— Это, кажется, упрек нашему другу,— сказал Тукка.— Ты хочешь напомнить поражение Брута?

— Никто из нас не упрекает Горация,— поспешил вмешаться Макр.— Наш великий поэт уже давно сам произнес суд над этой ошибкой юности.

Проперций тотчас продекламировал:

С тобой Филиппы вместе я пе́режил,
В отчайном бегстве бросив постыдно щит,
В тот час, как доблесть погибала,
Гордые ж воины лежали в прахе.



«У МЕЦЕНАТА»
План (слева) и начало сочинения (справа)
Автограф в ученической тетради Брюсова, 1893
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

— Да, теперь даже невероятно, что некогда наш Гораций стоял с мечóм в руках противу войск великого Августа!— воскликнул Меценат.

— Не вечно быть юношей,— заметил Варий.— Человек мужает. Взгляды изменяются. Юноше кажется прекрасным; старцу — смешно.

— В заблуждениях должно признаваться,— заговорил Гораций.— Теперь, друзья мои, я глубоко уважаю Августа и думаю, что разделяю чувство всех истинных римлян. Посмотрите, разве не благодаря Августу везде спокойствие и закон? разве не благодаря ему для Рима не страшны теперь ни враги, ни заговоры?

— Поэтому еще раз выпьем за его здоровье.

И Меценат сделал знак рабам, беспрестанно разносившим лучшее греческое вино.

— Всякий,— подхватил Гораций,— вернувшись домой после дневной работы, за чашей с вином боготворит Августа.

Овидий и его друзья промолчали.

— Такие же чувства питает и Август к тебе,— начал вкрадчиво Меценат.— Мне даже странно, что вы еще до сих пор несколько далеки друг от друга. Кстати, еще недавно он просил меня передать тебе письмо...

Лицо Горация приняло серьезное выражение.

— ...письмо, где он с открытой душой предлагает тебе свою дружбу.

— Оставим это,— быстро сказал Гораций.— Ты знаешь, как я уважаю Августа; но быть ему таким другом, как тебе, я не могу.

— Ты хочешь польстить мне.

— Нет, Меценат! Что я люблю тебя, ты, конечно, не сомневаешься. Знай: день твоей смерти будет и моим последним днем.

— Ты забываешь, что дружба императора Августа есть высочайшее счастие на земле.

— Мне не надо большего счастия, чем то, которым я обладаю.

— Вопрос, в котором мы никогда не сойдемся с тобой, добрый Гораций.

— Я скорей соглашусь с тобой, Меценат,— заметил Овидий.— У жизни надо брать все, что она может дать.

— Зачем так много? В жизни надо искать только счастия,— возразил Гораций.— Кто не предпочтет быть счастливым поденщиком, чем несчастным завоевателем.

— Я и стремлюсь к счастию, когда вырываю у жизни ее дары! — воскликнул Сабин.

— Всем обладать невозможно. Сколько бы ты ни имел, всегда найдешь, чего добиваться еще, и тебе придется вечно гоняться за счастием, никогда не испытывая его.

— Может быть, счастием мы и называем именно эту погоню за ним,— возразил Овидий.

— Вряд ли забота может быть счастием. Посмотрите на весь мир; все стремятся только к одному, ищут только одного: спокойной жизни.

— Итак, счастие — обладание?— вставил Варий. — Быть счастливым значит не искать, а иметь. Отсюда, чем бóльшим обладаешь, тем счастливее.

— Ты не так объясняешь мои слова, Варий. Разве я когда-либо указывал счастие в богатстве? Я даже не понимаю, как его можно видеть там. Счастие — это душевное состояние, а его не купишь за деньги.

— За деньги купишь твою спокойную жизнь. Жить спокойно можно благодаря деньгам.

— Ты противоречишь самому себе. Жить спокойно можно и с маленьким достатком. Подумай хотя вот о чем. Ведь рано или поздно ты умрешь, куда же денутся твои деньги?

— Перейдут к детям,— тотчас объяснил Тукка.

— А если и дети будут рассуждать так же, как вы, и все собирать, собирать, ничем не пользуясь?

— Он попал на своего конька,— шепнул Овидию Проперций, который в серьезные разговоры не вмешивался.— Теперь будет говорить, пока не усыпит всех.

— Ну и выпрашивать кусок хлеба у прохожих не особенное-то счастие,— заметил Горацию Сабин.

— Зачем такие крайности? Всему есть разумная мера. Счастие именно в золотой середине, когда человек далек от забот и довольствуется малым.

— Причем он рискует проснуться завтра голодным.

— Не заботься о завтра, а чего нельзя избежать — переноси! Что касается, например, меня, я счастлив в своей Устине. Живешь себе близ природы, не ведая волнений жизни... Ах, Меценат, я всю жизнь буду тебе благодарен за твой подарок.

— В жизни есть высшие цели,— заговорил Варий.— Мало одного спокойствия. Человек создан к большему. Есть польза отечеству; есть слава.

— Варий прав,— согласился Макр.— Подумай, Гораций, как были бы жалки люди, если бы они ограничили свою жизнь такими ничтожными стремлениями, как тишина и отсутствие забот.

— Да, здесь есть доля правды,— принужден был подтвердить и Гораций.— Конечно, есть и другие истинные наслаждения. Я не нашел бы их ни в удачной охоте, ни в победах на ристалище, ни в почестях, которые раздает народ. Лично я понимаю еще только наслаждение поэзией. Его, как мне кажется, не заменит ничто. Кто раз отдался этим музам, тот их навек!

— О, поэзия! — воскликнул Меценат, который давно искал случая вставить слово.— Поэзия — это отблеск божественного нектара на земле, поэзия — это нечто подымающее человека до богов, превращающее его... делающее его...

— Участником олимпийских пиршеств,— подсказал Проперций.

— Участником олимпийских пиршеств,— закончил Меценат.

— Поэзия — это высшее из искусств,— точно определил Тукка.

— Поэзия — это жизнь,— сказал Гораций.

Овидий не согласился.

— Нет, она не жизнь! Это — только сон, чарующий и прекрасный, но не голос истины. Поэзия — это эолова арфа, которая усыпляет человека, а не будит его.

— Никогда!— горячо вступился Гораций.— Поэзия не забава. Она — достояние людей, одаренных талантом и с душой, вдохновляемой высоким. Поэзия должна стоять на высоте политических и нравственных вопросов, а не служить одному усыплению.

— Где ты найдешь такую поэзию?— спросил Овидий.

— ...Чтобы она не была при этом риторическим сводом нравственных правил,— окончил его фразу Сабин.

Гораций не обратил внимания на это замечание.

— Где?— Всюду, везде у великих поэтов, у наших вечных учителей — греков!

— Ну, ее никто слушать и не хочет,— бросил Сабин.

— Может быть! Но это показывает только наше падение.

— Старики предпочитают вздорную александрийщину, а юноши пустого Катулла,— заметил Тукка.

Овидий хотел возразить, но Гораций уже продолжал:

— Где мы видим особенное падение, это — в нашем отношении к театру. Теперь любят одни мимы, а в трагедии смотрят только белых слонов, жирафов да разные удивительные процессии.

— Верно!— заговорил Варий.— Хороших трагедий не понимают. Нужны ужасы. Нужны машины. Поневоле угождаешь зрителям. Впрочем, и тогда они предпочитают пустые трагедии.

— Да, да,— с преувеличенным сожалением подтвердил Сабин,— вот и твои трагедии смотрят мало.

— Не о моих трагедиях говорю! Впрочем, конечно. Я — старик; я могу говорить. Конечно, я создал римскую трагедию. Мало того. Смело могу сказать, что пока я единственный...

— ... Трагик у римлян,— иронически подхватил Сабин.

Овидий готов был вспыхнуть, но Гораций смягчил слова своего друга.

— Исключение, конечно, «Медея» нашего нового друга. В этой трагедии он сделал возможным невозможное: сравнялся с твоим «Фиестом».

Меценат, видя, что разговор начал принимать слишком личный характер, поспешил на помощь.

— Не прочитает ли нам Овидий что-либо из своей новой поэмы? В Риме ходят об ней столь восторженные рассказы.

— Да, ты должен сделать это, так как сам заинтересовал нас,— поддерживал Тукка.— Помнишь?

Может быть, я искусство любви поведаю после.

— О, это — чудная поэма,— воскликнул как бы про себя Проперций.

— Не отказывайся, Овидий,— дружески настаивал и Макр.

Овидий не заставил себя просить долго. В противоположность Горацию он любил декламировать свои стихи.

Рабы принесли новый запас фалернского; все наполнили чаши, а Овидий привстал со своего места. Выбрал он для декламации начало поэмы «Искусство любви», которую писал в то время.

Читал Овидий прекрасно; изящные двустишия сразу овладели вниманием слушателей.

Если кто еще не знает искусства любви, то пусть выслушает эту поэму и любит уже со знанием. В самом деле, кто вздумает лететь в колеснице на олимпийских играх, не умея управлять конями? кто пустится в открытое море на челне, не зная, как взяться за весла? Между тем, сколько людей отдаются любви, не ведая ее законов!

После этого вступления следовали самые правила нового искусства. Разбирался вопрос, где лучше завязать знакомство. Конечно, там, где бывает стечение народа: в храмах, в театрах, на играх. Особенно удобно это в цирке, потому что там женщины сидят вместе с мужчинами. Все заняты ареною; никто на тебя не обратит внимания, а, между тем, множество народа заставляет тесниться.

К женщине ближе садись (помехи в этом не будет!)
Можешь к ней в тесноте даже прижаться совсем.
Если пылью обдаст, поспеши на помощь к соседке; —
Есть ли, нет ли песку, все же ее отряхни.

Декламируя, Овидий увлекся. Он не замечал, как восхищение слушателей переходило в удивление, а удивление в негодование. (Они слишком привыкли к новой строгости Августа в вопросах нравственности, да и Овидий был такой поэт, что заслужил от современников прозвание adulter*.)

Опьяненный музыкой строф, Овидий уже уклонился от темы и отдался импровизации, которая ему всегда так хорошо удавалась. Легкие пентаметры опережали тяжелый гекзаметр; стих низался на стих, и всё свободной волной катилось вперед. Звучали истины и парадоксы, сменялись лица, мелькали картины и сцены так быстро, что мысль отказывалась следовать за этим безумным полетом фантазии. Наконец, сам Овидий в изнеможении бросился на ложе и схватил чашу с вином.

Проперций все время посматривал на улыбающегося Макра и на рассерженного Мецената и не знал, что ему делать. На всякий случай он сложил губы в насмешливую улыбку, а, едва Овидий кончил, поднял руки для аплодисментов, но, остановленный строгим взглядом Вария, мог только произнести:

— Конечно, это прекрасные стихи, но...

— Но за такие стихи сослать бы вас в Британию,— прямо сказал Тукка.

— Это почему же?— спросил Овидий, улыбаясь и подымая чашу.

— Клянусь Юпитером, это слишком,— проговорил, наконец, Меценат.— Вот — они, молодые поэты! Вот кто развращает Рим, низвергает его с высоты добродетелей, а не империя, как смеют говорить!

— Это уже и не поэзия,— сказал Варий.

— Да почему же?

Будем, Лесбия, жить и любить!

— Да разве это значит любить?— начал было Тукка, но Варий перебил его:

— В жизни есть высшие цели. Это вот вы, молодые поэты, не видите ничего иного. Вам все нужны разные Коринны да Лесбии! Вот что вы воспеваете.

---

* сладострастный (*лат.*).

— Ты слишком увлекаешься,— старался смягчить эти слова Гораций.— Что в жизни выше любви? За один волос своей милой я отдам все богатства земли!

— Эти поэты развращают юношество,— твердил Меценат.

— Но всему есть своя мера,— продолжал Гораций.— Веселись, отгоняй все заботы, но, как мудрец, умеренно и здраво.

— О, вы, здравомыслящие люди!— вскричал Овидий, на которого уже начинало действовать вино,— ползите свою жизнь черепахой, а я хочу сжечь ее молнией!

— Выбирайте достойный предмет для своих произведений,— горячился издали Тукка.

— Разве их мало?— поддерживал его Варий.— Великие предки, победы, боги.

— Не чувствую в себе сил состязаться с вашим творцом «Энеиды»!

— Нет, Овидий, ты не прав,— все примирял Гораций.— Я сам не стал бы писать героической поэмы. Предоставим это более сильным — Варию, Виргилию, но не будем умалять их заслуги.

Между тем, разговор уже разделился на две половины. Сабин усердно спорил с Варием и Туккою.

— Пиши, что есть,— твердил Сабин.

— Поэт есть прорицатель,— волновался Варий.— Он должен быть выше людей. Он должен обладать возвышенной душой.

— И главное чистой душой,— вмешался в этот спор Гораций.— Я старше вас, друзья мои, так поверьте мне в науке жизни. Человек с чистою душою чувствует себя всегда счастливым и везде безопасным...

— Как же! мы это уж слышали,— прервал Сабин.—

Пел Лалагу я и, в лесу Сабинском
Далеко бродя беззаботно, встретил
Волка, но меня (безоружен был я)
Он не коснулся.

Любопытно было бы посмотреть такого волка, да, кроме того, мы помним другие твои стихотворения...

Овидий опять остановил его взглядом.

— Не забывайте стихов нашего учителя Катулла:

Настоящий поэт быть должен чистым,
Но твореньям его того не нужно.

— Кто не знает, что ваш учитель был еще хуже вас,— проворчал Тукка.

— Я удивляюсь, как великий Август терпит все эти произведения,— угрожал Меценат.

— Зато наши произведения читают, а иные свитки лежат нетронутыми в библиотеках,— уже прямо грубо произнес Сабин.

— Да, вы успели развратить весь Рим, но погодите — дождетесь и вы возмездия.

Овидий пытался овладеть собой.

— Гораций сказал, что поэзия есть жизнь. Вот эту жизнь мы и даем вам.

— Подонки жизни,— сказал Варий.

— После того, что сделали наши великие друзья — Варий, Виргилий и Гораций,— разъяснял Тукка,— нельзя писать старые александрийские шуточки.

— Никто их заслуг не отымает, но они уже сделали свое дело.

— А мы идем вперед,— разгорячился Сабин,— вы же не умеете за нами следовать.

— Мы не хотим,— отрезал Варий.— Мы знаем свой путь. Мы идем, куда находим нужным.

Спорящие увлекались. Гораций видел необходимость дать им успокоиться.

— Друзья мои, каждый из вас прав по-своему. Позвольте мне, старику, сказать несколько примирительных слов. Я смело могу утверждать, что теперь я любимейший поэт среди римской молодежи.

— Утверждать можешь, но будет ли это правда,— пробормотал Сабин, но Гораций не обратил на него внимания.

— Зависть притупила о меня зубы. Поэтому, если я расскажу вам свою жизнь, я скажу многое о поэте вообще.

Друзья поспешили приветствовать это предложение, а Сабин сделал вид, что обрекает себя на жертву. Чаши наполнили хиосским, и Гораций начал свой рассказ, надеясь, что в продолжение его страсти улягутся.

— Писать я начал с горя, друзья мои. В то время я был в очень тяжелом положении. Я был одинок. Матери вообще я не помнил, а отец недавно умер... Ах, я не могу упомянуть о нем без того, чтобы лишний раз не выразить своего уважения. Это был истинно достойный человек, и для меня он не жалел ничего.

Сабин начал уныло рассматривать солонку.

— Тогда только что после разных скитаний я попал в Рим. Был я еще очень молод, а в прошлом уже было постыдное пятно. Ведь мне едва минуло 22 года, когда я вступил в ряды Брута. Поэтому доступ к должностям был мне почти закрыт. К тому же и знания мои были невелики. Учился я в детстве у некоего Орбилия...

— Это тот самый, что написал книгу о суетности и неблагоразумии родителей,— объяснял Макру на другом конце ⟨стола⟩ Тукка.

— ...У Орбилия. Но читали мы с ним более Ливия Андроника. Был я потом в Греции и, если что знаю из школьной мудрости, то обязан этим моим тамошним учителям — Осомнесту и Кратиппу. Но всего этого было слишком недостаточно, чтобы добиться какого-нибудь места бывшему заговорщику. Имения мои были конфискованы, и вот в конце концов пришлось мне поступить на грошовое жалование к какому-то квестору в писцы. Жилося скверно, да и в будущем не было ничего. Вот тут-то я и ухватился за поэзию.

Рассказ начал заинтересовывать слушателей.

— Я уже и прежде писал стихи, но греческие. Теперь я попробовал все разнообразие греческих размеров применить к родному языку, перенести, так сказать, эолийскую песнь в Италию. Друзья мои, если я могу чем-либо гордиться, то именно тем, что первый сблизил римскую поэзию с греческой.

Сабин сложил свои губы в улыбку сомнения.

— В то время я впервые понял, какое значение имеет для меня поэзия! В ней я находил все, чего был лишен тогда: надежды, дружбу, счастие. А скоро она принесла мне и действительно друзей. Мои стихи заметили. На бедного поэта обратили внимание... ты, Варий, и потом Виргилий... Увы! Со смертью его, мне кажется, я потерял полжизни.

Гораций отпил от чаши.

— Как сейчас помню ясный весенний день. Право, тогда дома Рима выглядывали более белыми, а черная мостовая его сверкала чу́дно под лучами солнца. Я шел с Виргилием к тебе, Меценат. С тех пор я нашел свой путь жизни. Моя муза шла всегда рядом, рука с рукой, и с ней мне не были страшны никакие неудачи. Но я никогда не играл поэзией. Каждый стих стоил мне глубоких дум и осторожной работы. Я твердо верую,

ГИМНАЗИЯ Л. И. ПОЛИВАНОВА, ГДЕ БРЮСОВ УЧИЛСЯ в 1890 — 1893 гг.
Москва, Пречистенка (ныне ул. Кропоткина, д. 32)
Фототипия, 1910-е годы
Музей истории и реконструкции Москвы

что гордая богиня требует себе достойной брони; ее статуе нужен пьедестал. И теперь, почти совершив свой жизненный круг, я скажу, что исполнил свое дело. На закате дней меня утешает надежда, что мое имя займет достойное место среди других римских поэтов.

— Да! наши имена не умрут,— подтвердил Варий.

Этого уже не мог перенести Сабин. То была капля, переполнившая сосуд.

— Конечно, долго еще будут изумляться на твои бессмысленные сцепления убийств, которые ты называешь трагедиями!

— Вы были бы великими поэтами,— воскликнул тогда и Овидий,— если бы можно было добиться талантливости терпением!

— Хорош талант болтать водянистыми стихами о любовных историях,— сказал Варий.

Овидий вспыхнул.

— Зато мои водянистые стихи льются так же свободно, как и разговор, а в ваших греко-римских фразах не разберешь даже в чем дело!

— Каковы стихи в «Медее»! Герои говорят, как простые люди!

— Верно, что у твоих героев такой язык, как люди не говорят!

— Друзья мои,— пытался успокоить всех Гораций,— вы забываете, что и возвышенный стиль, и легкость имеют каждый свою красоту.

— Поэзия не может жить в цепях,— заявил Сабин.

— Как в цепях? Почему в цепях? Что значит в цепях?

Тукка старался что-то разъяснить вдали, но его не слушали. Овидий волновался.

— Вы говорите, что поэзия жизнь, а сами заставляете ее служить господину.

— Меценат собирает к себе шутов и поэтов. Ему все равно, что интересный драгоценный камень, которые он так любит, что знаменитый поэт.

Долго молчавший старик Макр нашел, что пора вмешаться.

— Друзья, на вас действует вино.

— Не вино, а слова этих писак! Они говорят, что мои поэмы забавляют только чернь, и забывают, что их стихи нравятся лишь Меценату да Августу, которых они воспевают.

— Ты оскорбляешь Августа!— закричал Овидию Меценат.

— Уж, конечно, ты не скажешь ничего такого об нем. Ты предоставляешь ему все взамен его подарков: и свою совесть, и свою жену.

— Мальчишка, ты меня оскорбляешь!

— Друзья, мы в доме этого человека,— останавливал Макр, привставая с своего ложа.

— Да, может быть, я мальчишка, но восходящее солнце потом осветит весь мир, а тлеющая лучина только погаснет с копотью.

— Вот они, молодые поэты,— говорил Тукка.— Они напиваются на пирах и оскорбляют хозяина дома.

— Им делают честь. Их приглашают в общество, где я, где Гораций,— задыхался Варий.— Вот благодарность.

— Об себе-то ты молчал бы,— вышел из себя Овидий.— В твоих трагедиях нет даже смыслу. Да и стихи Горация только работа трудолюбивой бездарности.

Макр встал с своего места.

— Нам пора проститься, Овидий.

— Оставь меня, Макр. Не они нам, а я сделал им честь посещением. Когда никто уже не вспомнит имен Вария и Горация, мои стихи еще будут звучать по всему миру! До меня у нас не было поэтов; были только подражатели грекам, и, боюсь, что со мной умрет единственный римский поэт. Скорее пожалеем этих людей, а не будем унижать их. Оставим их пресмыкаться у ног Мецената и писать поэмы ради подачек; наша поэзия не требует себе покровителей и наград; она свободна и вечна. Это — заря, что освещает весь Рим! Прощайте. Идем!

. . . . . .

Когда званых посетителей уже не было в комнате, откуда-то появился Проперций, исчезнувший во время бурной сцены.

— Они любят пьянствовать в кабачках за Субуррой,— сказал он.

— Лучшего от этих тунеядцев я и не ожидал,— заметил Тукка.

— Нет! надо открыть глаза Августу,— продолжал волноваться Меценат.

— Увы, вот преемник. Овидий будет первым после нашей смерти,— сокрушался Варий.

— Если преемником будет такая бездарность, то погибнет и поэзия,— подхватил Проперций.

Гораций долго молчал и только потом задумчиво промолвил:

— Все же у него есть талант.

— О, без сомнения,— подтвердил Проперций.

ОБЪЯСНЕНИЕ

Благовещенского [2] я не достал, так что пользовался Модестовым [3], а у него нашел очень немногое. За неимением матерьяла ухватился за первый попавшийся сюжет, но разработать его не успел, так как пишу все очень медленно.

Целью моей была характеристика участвующих лиц (во-первых, конечно, Горация), а вовсе не решение поднятых вопросов. При этом я старался рисовать не столько римлян, сколько вообще людей.

Почти все слова Горация и Овидия взяты из их произведений* Цитаты могли бы облегчить меня, но я не смел их себе позволить, так как многие ссылки взяты из вторых рук.

В заключение несколько слов о стихотворных отрывках, которые попадаются в сочинении. Переводя их, я старался приспосабливаться к латинским метрам, но делал это больше ради опыта. Я не поклонник переводов размером подлинника. Каждый язык имеет свое собственное стихосложение, и размер, мягкий на одном языке, может оказаться грубым, если его перенести на другой. Вообще, на мой взгляд, перевод поэтического произведения (особенно это заметно в лирике) имеет целью вызвать то же впечатление, как и подлинник, а не ознакомить с ним, что невозможно.

План сочинения

В начале вступление; в конце заключение.

1. Мнения о войне.
2. Мнения об Августе.
3. Мнения о счастии и о золотой середине.
4. Мнения о поэзии.
   a) Определение поэзии.
   b) Современное положение ее.
5. Взгляд на самого себя.

Кроме того, по сочинению разбросаны и мнения о других вещах (о любви, о политике etc).

‹1893›

ГБЛ, ф. 386.4.16, л. 2—17. Беловой автограф в тетради ученика VIII класса. В подлиннике «Объяснение» дано перед текстом сочинения.

[1] Брюсов использовал в качестве эпиграфа те же строки из басни Крылова «Лебедь, Щука и Рак», которые были взяты Гончаровым для эпиграфа к его очерку «Литературный вечер» (1877).

[2] Н. М. Благовещенский. Гораций и его время. СПб., 1864; 2 изд., Варшава, 1878.

[3] В. И. Модестов. Избранные оды Горация. СПб., 1893.

ГОЛУБОЧКИ — ЭТО НЕПОРОЧНОСТЬ

В окно виднелись уродливые московские крыши; вдали неясно рисовались главы собора; у самого стекла мелькали голуби.

— Ты что там делаешь, Анюточка?— позвал старик.

— Мне, дедушка, велели прошение переписать.

— Ну, успеешь, поди, посиди со мной.

Она села на ручку кресла, совсем прижавшись к деду и обняв его рукой.

— Вот этот вид в окно, он тоже симво́л,— говорил старик.— Это высоты жизни, им и приходится встречать непогоду, но рядом главы собора. А голубочки — это непорочность. Анюточка, брось им крошек.

Девочка отыскала кусок хлеба и стала крошить его в форточку. Приятная свежесть ранней весны проникла в душную комнату.

— В деревне теперь,— опять заговорил старик,— хорошо: пахнет весной, разгребают снег, все тает. Эх, вот не думал я, что старость придется тянуть в городе.

Анюта опять присела на ручку кресла.

* Из Горация я имел в виду главным образом те из его произведений, которые есть в издании Модестова, а из Овидия — «Tristia» и «Ars amandi» (*примеч. автора*).

— Дедушка! ведь и здесь все тает. Слышите, вода каплет из желобов. А вот посмотрите: вчера эта крыша была вся в снегу, а сегодня железо видно.

Старик покачал головой, он не хотел и слушать о городе.

— А помнишь, Анюточка, как у меня в «Новоселье» описана деревенская жизнь?

— Конечно, помню! А мы теперь одни, можно почитать.

Старик как-то беспокойно задвигался.

— Да что читать... ты ведь ничего не понимаешь ... нет, не надо.

— А вы мне объясните. Дедушка, милый, хороший! ну, пожалуйста. Я достану, да?

— Да нет... я решил.

Но Анюта уже спрыгнула с кресла, выдвинула из-за комода тяжелый чемодан и, раскрыв его, стала перебирать лежавшие там бумаги. Стоя на коленях, низко наклонив русую головку, несмотря на свои одиннадцать лет, она казалась совсем маленькой.

— Смотри... не перепутай там.

— Что вы, дедушка! Я стихи достану?

— Ну хоть стихи... Синяя тетрадь с разводами; сестра-покойница переписывала.

— Знаю, дедушка, знаю.

Анюта уже достала объемистую тетрадь в синей обертке. Отдав ее деду, она так поместилась на ручке кресла, чтоб читать через плечо. Дед нерешительно перелистывал страницы.

— Да ведь ты все уж знаешь.

— Нет, что вы! да мне и еще раз...

— Ну разве что-нибудь попроще.

Старик поднес тетрадь ближе к глазам. Эта рукопись была собранием его стихов, которые так никогда и не были напечатаны. Еще вчера он с горечью в сотый раз повторил самому себе обещание никогда не прикасаться к ней, а сегодня опять не устоял перед искушением...

Анюта слушала, притаив дыхание. Старик сначала читал свои шутливые произведения, эпиграммы, басни. Потом незаметно перешел к своим любимейшим стихам, к тем, которые он писал еще юношей, почти шестьдесят лет назад, в годы Пушкина, Баратынского, Дельвига, Крылова...

Читая, он увлекался; его голова с седыми прядями волос гордо закинулась назад; сухие руки часто подымались для угловатого, но смелого и выразительного движения. Анюта слушала, притаив дыхание, хотя все, что читал дед, уже знала наизусть.

Когда она что говорит,
Гляжу я, глаз с ней не спуская.
Когда задумчиво молчит,
Я думаю: ты дева рая!
Взор, полный нег, ее блестит,
Как в небе звездочка ночная,
А звук из уст ее летит,
Как песня птички неба, рая...

— Дедушка! это вы написали к бабушке?

Этот робкий вопрос прервал чтение. Старик повернулся и взглянул на личико своей юной слушательницы. Он тихо улыбнулся.

— Нет, Анюточка, это не к ней.

Анюте было уже стыдно за свой вопрос, она не знала, как загладить его.

А. Я. БАКУЛИН, ДЕД БРЮСОВА
Фотография Д. А. Александрова.
1880-е годы
Мемориальный кабинет Брюсова, Москва

— Ведь вы же любили бабушку?
Вместо ответа старик перевернул несколько листов.

Я помню ту... люблю и эту.
Но той уж нет...

— Не будем, Анюточка, говорить о старом... Да!.. той уж нет... Но и этой нет... Ничего не осталось. Вот так и сижу я никому не нужный, сыновья кормят да попрекают. Без толку жизнь прожил. Говорила мне она частенько: чем бы бумагу изводить, ты в хозяйство заглянул бы; а то срам, не знаешь, твое это поле или чужое. А ведь кроткая была. Ах, боже мой господи! что за душа у нее была. Светлая, как свеча теплилась. Помилуй, господи, рабу твою... При ней все словно жизнь была, а теперь...

Дед говорил это, совсем забыв о своей слушательнице. Минуту подумав, он начал тихо, наизусть.

Я слышу благовест... Народ идет молиться,
А я лишь думаю, зачем еще живу!
За жи́во погребен, я не могу стремиться
К тому, что грезилось когда-то наяву.
Душа отягчена тяжелыми цепями —
Нуждой, безволием житейской суеты,
Как незаметно я терял год за годами
И силы лучшие, и светлые мечты.
Простился я давно с надеждами живыми,
Теперь прощаюся с заветнейшей из дум.
Я расстаюсь теперь с твореньями своими
И усыпить хочу свой беспокойный ум.

Тетрадь выпала из рук старика и бессильно раскрылась на полу; его голова опустилась на грудь, и челюсть как-то жалко повисла; глаза были бессмысленны. То был одряхлевший, разбитый старик.

Анюта охватила его руками, на ее глазах были слезы, она покрывала лицо деда поцелуями.

— Дедушка! милый! что вы! ну что ж, что вас забыли. Это ничего. Вы мне рассказывали вот про Кальдерона. Вас еще вспомнят. Вы пишете такие хорошие стихи.

Дед медленно улыбнулся, приходя в себя.

— Полно, Анюточка, разве мне это горько? Стихи все равно не умрут, хотя бы их и никто никогда не прочитал. Что написано, то навеки живо. Да и разве это такие хорошие стихи?

Он оживлялся, говоря.

— Вот у Пушкина, у Державина — вот это стихи. У Державина в кантате «Христос»:

О Сый! которого пером,
Ни бренным зрением, ни слухом,
Ниже́ витийства языком
Не можно описать, а духом
И верой пламенной молить...

Или это:

Кто Ты? — и как изобразить
Твое величье и ничтожность,
Нетленье с тленьем согласить,
Слить с невозможностью возможность?

А! какие стихи! Мицкевич говорил, что «Христос» лучшее, что написано на славянских языках...

Стук с силой распахнувшейся двери прервал старика. Послышались голоса и шум снимаемых калош. Анюта одним прыжком вернулась к столу, где она списывала прошение. Старик остался в кресле один, кивая головой и про себя договаривая стихи кантаты.

Две женщины вошли в комнату. Обе уже не молодые, лет за тридцать, с сухим и угрюмым выражением лица. То были две тетки Анюты, Леночка и Юлечка.

— Ну радуйтесь, папаша,— заговорила Юлечка злобным голосом,— ничего не удается. Смотрецкий говорит, что мы пропустили срок и теперь уже нельзя подавать в Сенат.

— И все вы,— вмешалась Леночка.— Мы вам говорили, надо спешить, а вы то да то, посоветоваться надо, поговорить...

— Ну вот теперь все и провалилось, и нет ничего,— дополнила Юлечка.

Старик беспомощно смотрел на них.

— Да может быть, оно еще и не так,— слабо возразил он.

— Да не так!— взвизгнула Юлечка.— Как бы не так! совсем так! Вот это вы всегда. Да может быть, да не может быть. А дело верное. Нам должны были выдать двенадцать тысяч. А теперь...

— Да ведь там завещание было,— вымолвил старик.

— Завещание! Что вы нам колете глаза завещанием,— затараторила Леночка.— Не умели своих дел устроить, оставили дочерей ни с чем! Помните, сын Политковского ко мне сватался, а узнав, что у вас ничего нет, он и не мог.

Старик безмолвно опустил голову.

— А ты что здесь делала?— накинулась Юлечка на Анюту.— Как! не готово! да ведь мы два часа ходили! Видно, болты била, слонов продавала.

Тут она заметила на полу тетрадь, и ее голос сразу перешел в крик.

— А вот что! Это все ваше дело! Вы ее развращаете. Загубили век маменьки! а потом наш! а теперь вот ее погубить хотите. Тут ваше бумагомаранье не нужно. Тут работать надо.

Старик возвысил голос.

— Юлия, я, кажется, отец тебе.

— А ну что ж, что отец,— вставила Леночка.— Разве вы о нас заботились? Замуж выдать нас не сумели. Без куска хлеба оставляете, кабы не братья...

Юлия тем временем схватила с полу тетрадь за отдельный листок и швырнула ее в угол. Анюта спрыгнула со стула, чтобы убрать ее.

— Что? Куда? Так-то ты работаешь.

— Да я уже кончила, тетя,— мне всего две строчки оставалось.

— Кончила? Ну, живо, собирайся. Отнеси это Николаю и скажи, чтобы он непременно сегодня же зашел к Ореневу, слышишь?

Анюта юркнула в маленькую переднюю и поспешно натягивала свою шубку. Она так рада была ускользнуть от этого шума. Через минуту она была уже за дверью. Голоса теток, которые вступили было в спор между собой, стихли.

Анюта почти не помнила деревни. Она уже шесть лет как живет в Москве. Она полюбила Москву. В этих грязных улицах, в этих неровных домах чудилась ей странная красота. Этими мечтами она не смела поделиться с дедушкой.

Они жили на ⟨Остоженке⟩, а ей надо было пройти через Кремль. На мосту через Александровский парк она остановилась. Она любила смотреть отсюда на Замоскворечье. Видны сначала спутанные ветви бульвара, потом река и дальше целая панорама домов и церквей, исчезающая в тумане. Анюта любовалась долго.

Потом она прошла через Боровицкие ворота со страшными, окованными железом воротами, прошла вдоль решетки Кремля, любуясь с нагорного берега другим, низким. Башенки Кремля, старые, с полинявшей краской еще казались легкими и воздушными; их итальянские верхушки придавали какое-то новое освещение всему кругом.

Вот наконец через Спасские ворота с их расписным потолком она вышла на Красную площадь. Обширное поле, обставленное зданиями в старорусском стиле, с одной стороны кремлевская стена, напротив здание новых рядов с пузатенькими колонками; налево Исторический музей, а направо стародревний храм Василия Блаженного. И в этой старинной, древней обстановке, в этом мире старой Москвы — тянулся длинный ряд электрических фонарей. Как большие бабочки, качающиеся высоко над землей, они медленно вспыхивали месячным светом.

В этом сочетании старины и новизны было какое-то несказанное обаяние. Анюточка чувствовала, что вся горечь, переполнявшая ее детское сердце, куда-то уходила; даже образ дедушки бледнел и отступал; в душе было — мир и успокоение...

. . . . . .

Бедный дедушка! Когда ты умрешь, твои дочери и сыновья разбросают дорогие тебе бумаги с твоими стихами; иные будут уничтожены, иные сохранит ⟨Анюточка⟩ и будет, может быть, хранить долгие годы; потом и они там затеряются, там пропадут, рассеются все... Исполнится ли твое чаянье, и правда ли, что стихи все равно не умрут, хотя бы никто никогда и ⟨не⟩ прочитал их?

20 сент⟨ября 18⟩9
(первые наброски в феврале 97)

ГБЛ, ф. 386. 34. 14, л. 1—6. Беловой автограф с правкой Брюсова.

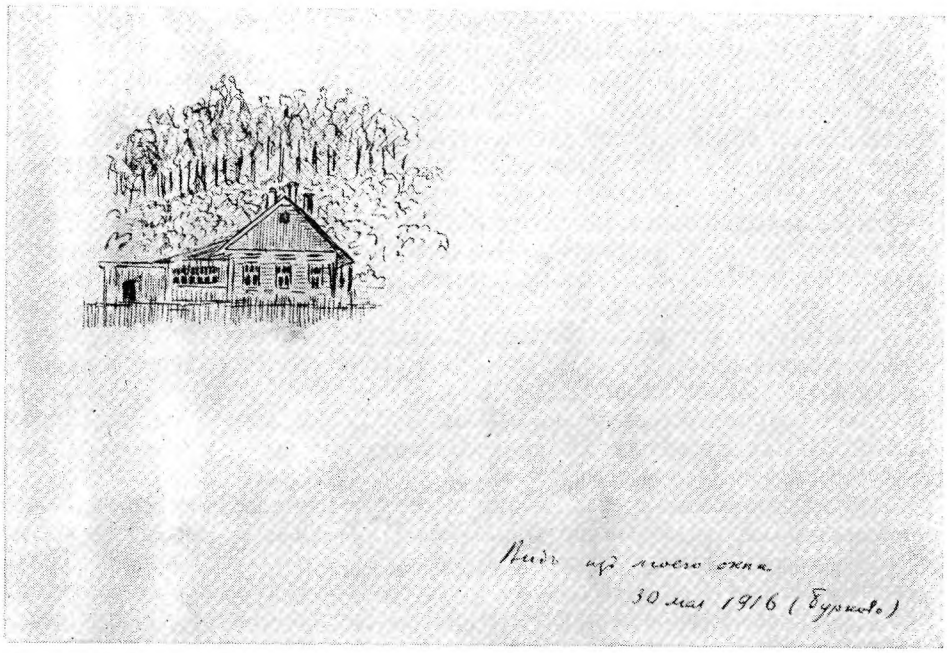
РАССКАЗЫ МАШИ, С РЕКИ МОЛОГИ, ПОД ГОРОДОМ УСТЮЖНА

Ой, барышня, как в Ярославле хорошо, только одних жуликов и боишься, а у нас в деревне как худо: и дворовые, и домовые, и баечники, перебаечники. На дворе дворовой живет, а домовой в доме; дворовой с лица, как хозяин, а домовой шерстнатый. Дворового все видеть могут, кто после девяти на двор к лошадям выйдет. Так нельзя выходить, надо кашля́ть. А то вот отец раз вышел на двор и увидал, стоит дворовой и сено лошади подкладает. (Он лошадь нашу очень любит, все ей косу заплетает; косу длинную заплетет. А корову не взлюбил, языком ее всю против шерсти вылизал.) Домового реже видать можно, и в своем виде он редко показывается. А вот на печке спать одной страшно: придет ночью шерстнатый, давить будет. А баечника худо увидать, он сердитый, не любит, чтобы ему мешали. Старуха поздно вечером парилась, после всех; вдруг в дверь стучат. Она думала, это ее невестка, и говорит: «Входи, входи, я тут одна моюсь». А никто не входит, и в дверь все стучат. Он, значит, париться пришел, она ему мешает. Он уж под конец рассердился, стал дверь отворять и затворять: просунет голову и спрячет. Старуха увидала, что шерстнатый пришел, испугалась до смерти, кричит ему: «Батюшка, батюшка, погоди, я сейчас». Сбежала с полка и без памяти, как была, рубашки не надела, побежала на деревню, дорогой на сук наткнулась, глаз себе выколола, теперь кривая ходит. Вы, барышня, сами поезжайте, увидите: теперь кривая ходит. Спать в бане совсем худо. Если кто с крестом, того, конечно, баечник задавить не может, так только походит, потолкает, потому что он тоже спать в бане пришел, а они ему мешают.

Леший очень худой, это уж самый худой. Раз девушки коней пасли, ночью. И вздумали ночью слушать пойти. Кресты сняли и пошли за лес на опушку и стали всех нехороших призывать. Услыхали гул, все ближе, ближе. Им бы сказать: «Чур, пока полно», а они все не говорят, все больше, больше призывают. Потом видят, идет на них копна сена и в середине как кочерга, и вся огнем горит. Горит не прямо, а все кружится, вьется. Они закричали: «Каравул, каравул!», побежали на деревню, прибежали на беседу, кричат, что за ними копна горящая гонится. А на беседе старуха-колдунья была. Она им говорит: «Плохо ваше дело, девицы, он непременно сюда придет, вы наденьте на головы горшки и сядьте. Он как вас ударит по горшку, вы и валитесь». Пришел нехороший в избу, стал по избе кружить. Нашел девушек, ударит по горшку, они и валятся, он и думает, что им голову разбил. Тем только и избавились.

А русалка у нас, барышня, каждую ночь на кладбище на камне сидит. Вот сторож церковный, когда ходит к утрене звонить, каждый раз ее видит. Волосы длинные-длинные и расчесывает большим гребнем. А еще у нас в реке камень есть, мы раньше туда купаться ходили, не знали, что там русалка сидеть любит. А вот наши мужики шли раз тихо, она их и не заметила. Подошли, а она сидит на камне и волосы расчесывает. Увидала их, глаза у нее большие, черные,— испуганная, и сразу нырнула в воду.

Ой, барышня, а как у нас в деревне нехорошо делают. На святках (святки у нас длинные, у нас в деревне, у деревенских, от Николы до Рождества, а в городе, у городовых, от Рождества до Крещения) слушать ходят. Вечером пойдут девицы на беседу. Потом которая-нибудь скажет: «Пойдемте слушать». Сейчас они кресты снимут, на гвоздь повесят. Такие там, в избах, где беседы, ⟨гвозди⟩ вбиты по стенам. Сядут, кто на кочергу, кто на ухват, кто на сковородник, и поедут на перекресток. Там сделают дорогу: три полосы по снегу проведут. Встанут и начнут всех нехороших призывать: «Черти, дьяволы, лешие, водяные, русалки, домовые, баечники, перебаечники — приходите и покажитесь нам». Тогда услышат звон ко-



«ВИД ИЗ МОЕГО ОКНА». БУРКОВО, 30 МАЯ 1916 г.
Рисунок Брюсова. Перо
Мемориальный кабинет Брюсова, Москва

локольчика. Когда уж он близко будет, надо кричать: «Чур, пока полно». Рано нельзя кричать — ничего и не будет. А если поздно крикнуть — проедут и задавят. Если же вовремя скажут, проедут мимо, скоро-скоро, на хороших конях, нарядные кавалеры; все в белых высоких-высоких острых шапках, и с шапки на лицо и сзади длинные желтые кисти висят. Старые с длинными бородами, молодые без бороды. Проедут и прозвонят колокольчиком каждой девице, сколько ей лет замуж не выходить.

А еще слушать ходят к бане, на колокольню руки протягивают, кто за руку схватит — суженый ли, нет ли. Худо, если шерстнатый за руку схватит.

А как у нас в деревне худо: колдунов сколько! Они, колдуны, молитвы говорят и берут на себя *их*, кто сколько, много берут. Если сорок кто возьмет, то это у них ни за что считается, а берут несколько сот, несколько тысяч. И уж *они* колдунам покою не дают ни днем, ни ночью, все нужно, чтобы колдун с ними говорил. У нас, когда колдун приходит, его пивом угощают, боятся, чтобы он порчи не напустил. Раз колдун у нас ночевал, так я сама слышала, как он с ними говорил. Тятя ему говорит: «Да спи ты, дядя Михайло!» Он говорит: «Я сплю, я сплю». А потом: «Срубите елок, срубите елок». А они говорят часто-часто и плохо-непонятно, густым голосом и много раз одно и то же слово повторяют: «Сколько елок, сколько елок, сколько елок?»—«Десять елок, десять елок». Они скоро-скоро назад придут и опять спрашивают: «Мы срубили, мы срубили. Что нам делать? что нам делать? что нам делать?»—«Кирпичи делать». — «Сколько тысяч? сколько тысяч?» Он скажет, сколько тысяч. Они опять скоро вернутся: «Мы сделали, мы сделали».—«Хорошо ли сделали?»—«Хорошо сделали. Что нам делать? что нам делать?» Он и в церковь войдет, только успеет сказать: «Господи Иисусе Христе, пресвятая Богородица», а они опять его спрашивают, не дают в церкви стоять. А

перед смертью *их* надо кому-нибудь отдать, а то они помереть не дадут, как ни мучайся.

Одной старухе некому было отдать, а уж очень тяжело было — помереть хотелось. Был тут только мальчик десяти лет. Она говорит ему: «Сними с меня». Он и согласился. Она велела ему крест снять и молитвы сказать. Она и отдала ему сорок. Они и стали его все спрашивать. Мать его забранила нехорошими словами. Его и унесли. Гадалка сказала, что она поймать не может. Поймать может только крестная мать и то в диком виде. Крестная мать пошла в поле жать и увидала, что он по полю зайчиком прыгает. Она за ним погналась и поймала и свой крест на него надела. Тогда они его и отпустили.

А если колдун или колдунья венчаться будет, должен хоть на время их кому-нибудь сдать, клятву дать, что назад возьмет, а то не дадут в церкви слов сказать, каких надо.

Гадалки это совсем другие, чем колдуньи. Им не надо нисколько на себя брать и никаких молитв говорить. Им нужно перед гаданьем только гада́ * съесть, поймать гада́ черного, сварить, кусочек и съесть.

У одной девицы был жених, и она очень его любила. А он помер. Она о нем так плакала, что ее собственная мать хотела ее топором зарубить. Его положили в церкви. За полторы версты от деревни церковь была. А девица вечером надела тулуп церковного сторожа, пошла к дьякону, ее там не узнали, спросила ключ от церкви. Пошла в церковь и принесла мертвого оттуда на беседу, принесла и в угол посадила, и стала перед ним плясать. А он, конечно, сидит мертвый, ничего не понимает, голову закинул. А она плясала и говорит: «Теперь ты пляши». Тут уж, верно, враг в него вошел, он встал и стал плясать. Потом опять сел в угол, как мертвый. Она опять стала плясать. Потом он опять плясал. Потом говорит: «Теперь неси меня назад». А она уж испугалась, говорит: «Иди сам». Он говорит: «Я не просил, чтобы ты меня приносила, ты сама за мной пришла, теперь неси назад, откуда принесла». А парни на беседе сидят в углу и говорят: «Ну что ж, неси, снесешь, потом назад на беседу приходи». Она хотела его нести, а он тут ее задавил.

Задумали девицы беседу устроить в усадьбе, в четырех верстах от деревни. Ходили они уж целую неделю на беседу, а кавалеры к ним не ходили. Им скучно одним было. Вот собрались они раз на беседу идти. А у одной девицы сестра маленькая, пять лет, просится: «Ва́рюшка, возьми меня с собой на беседу». Она говорит: «Куда я тебя с собой возьму». А мать говорит: «Ничего, возьми». Она взяла привела ее и посадила на печку. И стали девицы плясать. Вдруг отворяется дверь — к ним кавалеры пришли. Эти кавалеры были *нехорошие*, а они не узнали. Говорят: «Что вы к нам давно не приходили, как с вами веселее будет». Стали они с ними плясать. Девицы-то не видят, они им не показываются, а девочка видит: они как отвернутся, у них изо рта огонь. Девочка испугалась, зовет сестру: «Ва́рюшка, я домой хочу». Она говорит: «Подожди, сейчас пойдем». Она говорит: «Нет, Ва́рюшка, я сейчас хочу, я спать хочу». Она говорит: «Да подожди, сейчас пойдем, спать будешь». Она говорит: «Ва́рюшка, да подойди сюда». Сестра подошла, она ей тихонько говорит: «Ва́рюшка, я боюсь: у ваших кавалеров изо рта огонь». Девица испугалась, говорит: «Я домой пойду». Ей говорят: «Да погоди, куда ты». Она говорит: «Нет, я только девочку домой снесу и назад вернусь». Она схватила девочку и всю дорогу домой бегом бежала. Прибежала, залезла на печку и говорит: «Мамушка, я на беседу больше не пойду: у наших кавалеров изо рта огонь». Наутро пошли на усадьбу, а все девицы, кто задавленная лежит, а кто к потолку повешенная.

* змею *(примеч. автора)*.

У нас в деревне худо, все браниться любят, а браниться очень худо. Скажут кому: «Ну тебя к лешему» или черта помянут, он тогда и унесет, пойдет ли кто на овин или на поле, человек ли, конь ли, корова ли. Нужно идти к колдуну, он скажет, через сколько дней его отдадут. Ходят, зовут, сколько дней ищут. Первый раз они ему дают голос подать и увидать можно, а потом уж не видно, и голоса не слыхать. Они его мучат, ездят на нем, за волосы таскают, в грязь кладут, в болото заводят и ничего не велят рассказывать, а то опять унесут. Колдун так и говорит: «Вы его ни о чем не расспрашивайте, ему ничего сказать нельзя».

‹1905›

ГБЛ, ф. 386. 35а. 20, л. 2—8. Автограф.

ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТА МАЛИНИНА

Предисловие редактора

Рукопись «Записок Малинина» отыскана мною среди различных бумаг первой половины прошлого века, которые предложено мне было разобрать летом 1904 г., в одной из старинных усадеб в Воронежской губернии. Имение, вместе с усадьбой и всей ее обстановкой, переходило не раз из рук в руки, и установить определенно, каким путем эта рукопись оказалась в домашнем архиве, оказалось невозможным. По наведенным справкам выяснилось, что автор «Записок» Александр Никанорович Малинин скончался в конце 50-х годов (кажется, в 1859) в своем родовом имении, тоже Воронежской губернии. Семьи у него не было, и все его имущество — надо полагать, в том числе и рукопись «Записок» — перешло к его родственникам по матери, К-им. К-ие, с которыми я снесся письменно, отказались от всяких литературных прав на это произведение, поставив только условием, чтобы их имя не было полностью названо в печати. После этого я счел себя вправе обнародовать эти «Записки».

Малинин не принадлежал к числу видных деятелей 14 декабря. Он был рядовым в числе декабристов. Но он сознательно разделял их убеждения и был довольно коротко знаком с вождями движения. В «Записках» его слишком много места отведено романтической интриге, заслоняющей факты общественной жизни, но это же придает рассказу непринужденность и красочность. Нового для истории декабристов «Записки» не дают почти ничего, но в них довольно ярко отразилась столичная жизнь начала прошлого века перед 14 декабря и довольно живо охарактеризованы некоторые значительные его участники. Можно смотреть на эти «Записки» скорее как на роман, чем как на исторический документ, но нельзя, кажется мне, отказать им в некотором значении.

Судя по разным указаниям в тексте, «Записки» написаны в конце 40-х или начале 50-х годов. Николай Павлович везде называется Государем. О Крымской войне автор записок ничего не знает. С другой стороны, он уже знает о смерти кн. Одоевского (1839 г.) и В. Кюхельбекера (1846 г.). Рукопись «Записок», дошедшая до нас, писана рукой самого Малинина. В общем она сохранилась в полной исправности, и почерк автора, кроме двух-трех незначительных мест, не представляет никаких затруднений. Мы не позволили себе ничего изменять или сокращать в тексте «Записок», вынеся все свои объяснения в примечания. Изменено только старинное правописание на общепринятое.

В. Б.

Предисловие автора*

Когда ныне, в зимнем бездействии деревенском, озираю я прошлую мою жизнь, сдается мне, что все силы, дарованные мне Природой, были изжиты мною в несколько месяцев, предшествовавших катастрофе 1825 года. До того времени я еще не знал жизни и лишь готовился к ней, но страшные потрясения этих ста с небольшим дней обратили юношу в старца, молодость — в дряхлость, и все последующие годы были лишь медленным умиранием тела после смерти души. Никто не может повторить с большим правом, как я, прекрасные стихи Е. А. Баратынского:

Свой подвиг ты свершила прежде тела,
Безумная душа! [1]

И в ожидании желанной, хотя и преждевременной кончины, я не нахожу себе более достойного дела, как возобновить в воспоминаниях и запечатлеть в записках сей эпизод моей жизни, когда страсти во мне кипели с неистовством, когда и мне суждено было стать участником, пусть малозначительным, событий исторических и сблизиться с людьми, коих чтить не перестану я до последнего дыхания. Одинокий на земле, не имею я детей, дабы завещать им свою исписанную тетрадь. Но верую, что прекрасная мечта благородных умов, за которыми сам тщился последовать, станет некогда для родной страны действительностью, и с русского слова снято будет позорное ярмо цензорского прещения. Тогда мой рассказ, быть может, станет общим достоянием, и благосклонный читатель, пробежав снисходительно страницы, где, невольно увлекаясь, я слишком много говорю о себе самом, остановится не без благодарности на тех местах, где я пытаюсь со всем чистосердечием и со всей точностью воспроизвести образы несчастных страдальцев за возвышенные свои идеалы, завещанные ими всем истинным русским, и верно описать самое событие 14 декабря, горестное и безнадежное, но не прошедшее без следа, ибо память его поныне призывает стремиться к светлым целям, еще не достигнутым нашей родиной.

А. Малинин

ЗАПИСКИ

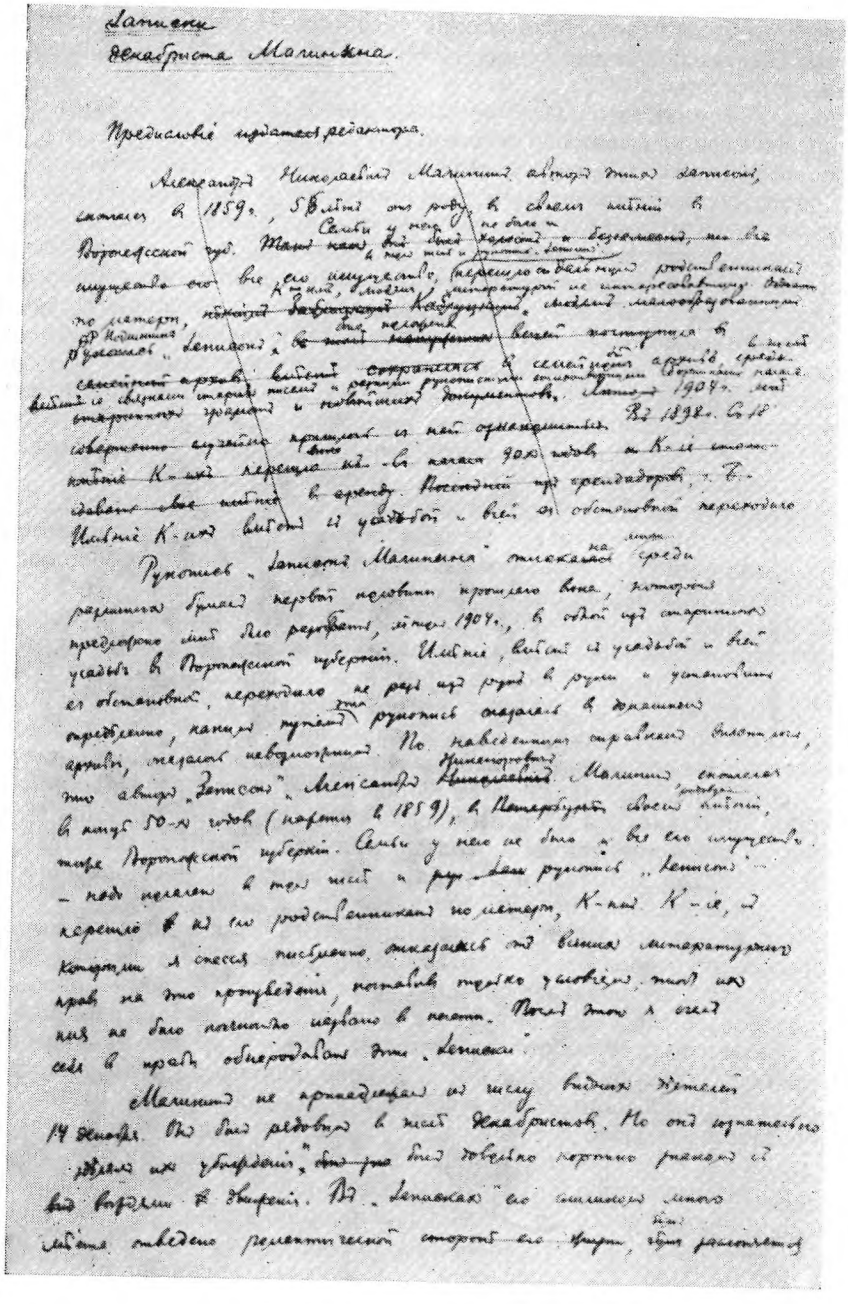
Глава I. Детство. Годы учения. Заграничное путешествие

О детстве своем и годах учения скажу кратко. Родился я в нашем родовом имении Двоекурове Воронежской губернии, в 1802 году. Отец мой служил во флоте и дослужился токмо до чина лейтенанта, хотя самостоятельно водил транспорты в Америку, в Ситху, и, не поладив с местным начальством, вышел в отставку. После этого он уже не служил, поселился безвыездно в деревне, но сельским хозяйством занимался мало, более всего предаваясь чтению. К книгам у него была истинная страсть, и он проводил целые дни в своем кабинете, заваленном книгами. Ежемесячно нам пересылали почтой от московских книгопродавцев целые тюки новых изданий. К сожалению, вся эта великолепная библиотека сгорела во время бывшего у нас пожара 1820 года.

Я был в семье единственным ребенком, и потому неудивительно, что я рос мальчиком диким и необщительным. У нас в доме, не в пример прочим, не велось, чтобы я играл с детьми дворовых. Общество их почитали для меня неприличным, и я обречен был на горькое одиночество без сверстников. С детства привык я предаваться упорным мечтам моим. Я строил из древесной коры фрегаты, спускал их в пруд в нашем саду и устраивал

---

* *В рукописи над текстом помета автора:* смягчить слог.



«ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТА МАЛИНИНА»
Автограф, ⟨1912⟩
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

между ними морские баталии, воображая себя адмиралом, одерживающим великую победу Или водил свои корабли на ниточках в кругосветное плавание, мечтая, что прославлю себя своим путешествием более, чем Крузенштерн, и что историки будут славить мое имя Выучившись рано грамоте, я, по примеру отца, целые часы стал проводить за книжками, кои

мне позволено было читать безо всякого разбора. Но любимым моим чтением были Плутарх и «Российский Феатр» [2], где особенно увлекали меня трагедии Сумарокова.

Матушку я помню мало, ибо она постоянно занята была хлопотами по хозяйству и по всему имению, оставленному всецело на ее попечение. Она скончалась, когда мне было едва десять лет, в черный год Наполеонова нашествия, получив известие о пожаре Москвы, где оставались ее близкие. По смерти матушки перешел я на попечение к тете Маше, ее двоюродной сестре, векоушке, издавна жившей в нашем доме, но до кончины матушки не игравшей в нем никакой роли, а после забравшей все хозяйство в руки. По отношению ко мне тетя Маша держалась тех же правил, что и матушка. Мне запрещалось сближаться с дворовыми ребятишками и считалось приличным, чтобы я или чинно гулял по парку или сидел за книгами. Затем ко мне взяли гувернера, одного из тех пленных французов, которые воспитали все наше поколение. От него узнал я о славной французской революции и великом Императоре, о Вольтере и Руссо, о жизни в Европе и о парижских театрах.

Знакомство с этим миром дало иное направление моим мыслям. Я перестал мечтать о морской карьере и стал воображать себя преобразователем Российской империи. Я мечтал о возможности у нас такой же революции, как во Франции, воображал себя демагогом, руководителем народных масс и главой временного правительства. Каждый вечер, ложась в постель, я подхватывал те сцены, на которых прервал мои мечты накануне сон, и развивал их далее. Я целыми часами, притворяясь спящим, развивал перед собой сцены мятежа, сочинял речи, которые я буду говорить, вел разговоры с другими вождями движения и сочинял во всех подробностях новые законы, основанные на началах свободы и равенства для всех. Замечательно, что, предаваясь в мечтах этим благородным мыслям, я не делал попыток в жизни приблизиться к своим идеалам; по-прежнему сторонился мужиков, считал позволительным не только кричать на дворовых, когда они недостаточно быстро исполняли мою барскую волю, но — сознаюсь в том со стыдом — и поднимал на них руку.

Мне было 14 лет, когда отец решил определить меня в морской корпус. С этой целью он лично отвез меня в Петербург, после того как около 10 лет не выезжал из своей губернии. Я был принят по своим познаниям во 2-ой класс, где были ученики и много моложе меня. Дичок, робкий и неловкий, я попал в круг сорванцов-мальчишек, большей частью из столичных семей. Сознаюсь, что мне пришлось круто. Товарищи презирали меня, смеялись надо мной, били меня. Я не умел ни ловко отпарировать их насмешки, ни отвечать кулаками. В течение 2—3 лет я был невольным шутом всего класса. Можно представить, каково было мне выносить эти первые уроки жизни после мечтаний о блистательном поприще и всемирной славе! Но, конечно, унижения, коим я подвергался, нисколько не уменьшили моей гордости. Чем большим униженьям подвергался я за день, тем более упоительные картины грядущего моего торжества рисовало мне воображение в часы перед сном.

Понемногу, однако, я свыкся с обстановкой. Нашлись у меня и товарищи, немногочисленные, правда, которых сроднила со мной любовь к литературе. Они ознакомили меня с новой русской поэзией, которой я не знал до сих пор совсем, с Жуковским, Батюшковым и, наконец, с Пушкиным. Увлеченный ⟨ими⟩, я сам начал сочинять стихи, и с того времени мечты мои переменились. Я стал мечтать о славе великого поэта, подобно Вольтеру или лорду Байрону. Вместе с товарищами издавал я в корпусе рукописный журнал, под названием «Астрея», и тайком читал строго нам запрещенные «Сын Отечества» [3] и «.....».

Курс своего корпуса кончил я в 1822 году, совершив при этом гарде-

марином два плавания на корвете «Слава» к берегам Швеции и в Пруссию. Съездив повидаться с отцом в Двоекурово, я остаток того года провел в Москве.

Я мечтал отказаться от морской службы и посвятить себя литературе. Между прочим, предлагал я свои стихи в разные тамошние журналы, но нигде не удалось устроить. В Петербурге отважно я явился к барону Дельвигу, готовившему выпуск «Северных цветов», и предложил ему довольно длинное «Послание к А. С. Пушкину». Барон Дельвиг встретил меня довольно приветливо, обласкал, но стихи печатать решительно отказался, заверив, что у них много материалов «первых» поэтов. Сознавая слова эти мне глубоко оскорбительными, тотчас же записался я на корабль «Сис‹ой› Вел‹икий›», шедший в Америку. Путешествие это благодаря разным авариям затянулось на две навигации. Только весной 1825 года возвратился я на Кронштадтский рейд. Взяв отпуск, я поехал опять в Двоекурово.

Отдельные события и некоторые истории, рассказать которые я задумал *‹на этом текст обрывается›*

‹1912›

ГБЛ, ф. 386, 34.21, л. 1—4. Черновой автограф.

Текст «Предисловия редактора» и «Предисловия автора» приведен в статье Н. С. Ашукина «В. Брюсов и П. И. Бартенев» (в кн.: Н. А ш у к и н. Литературная мозаика. «Московское товарищество писателей», ‹1931›, стр. 188—191).

[1] Из стихотворения Баратынского «На что вы, дни!..» (1840), вошедшего в его сборник «Сумерки».

[2] «Российский феатр или полное собрание всех российских феатральных сочинений» — непериодические сборники оригинальных и переводных пьес, издававшиеся в 1786—1794 гг. в Петербурге Академией наук; вышло 43 части.

[3] «Сын Отечества» — исторический, политический и литературный журнал, издававшийся с 1812 г. до конца 1825 г., был наиболее передовым русским журналом, в нем участвовали члены декабристских организаций. После 1825 г. перешел в лагерь консервативной журналистики.

ВОССТАНИЕ МАШИН

Из летописей ***-го века

I

Дорогой друг!

Уступаю твоей настойчивости и приступаю к описанию чудовищных событий, пережитых мною и похоронивших мое счастие. Ты прав: кто своими глазами видел подробности страшной катастрофы, небывалой в летописях мира и остался после нее в здравом уме, обязан сохранить ее черты для историков будущего времени. Такие свидетельства современников будут драгоценным материалом для исследователей нашей эпохи и, быть может, помогут следующим поколениям уберечь себя от ужасов, выпавших на нашу долю. Поэтому, как ни тягостно мне вспоминать те дни, подобные кошмарному бреду, дни, отнявшие у меня всех, кого я любил, и превратившие меня самого в калеку,— я все же буду писать, беспристрастно изображая все, что сам наблюдал и об чем слышал от очевидцев.

Впрочем, если бы не твои убеждения и не соображения, что после трагической борьбы уцелело всего несколько человек, я никогда не принял бы на себя этой ответственной задачи, потому что во многом она мне не по силам. Я едва ли не менее всех других подготовлен к такому предприятию, так как могу рассказывать лишь о внешних явлениях: их смысл и причины недоступны моему пониманию. Все, что я могут обещать, это —

воспроизводить, насколько сумею живо и ярко, фантастические происшествия, известные теперь под названием «Восстание машин», и быть правдивым, насколько то возможно для человека, который терял грань между явью и сном и уже не сознавал, что́ реальность и что́ призрак. Дать правильное толкование фактам, объяснить их — дело других, более осведомленных и более образованных.

Ты знаешь, что я — рядовой человек своего века, простой обыватель, который честно выполнял свои обязанности на общественной службе и считал, что свое свободное время он вправе посвящать отдыху и удовольствиям. Возвращаясь к себе после трудовых часов, я был счастлив в кругу своей семьи, с женой, моей бедной Марией, с моими двумя детьми, твоим любимцем Андреем и его сестрой, малюткой Анной, и с их бабушкой, моей матерью, старушкой, которую все кругом называли «доброй Елизаветой». Чему я когда-то учился в школе, оставалось у меня в памяти, как что-то очень смутное, и позднее у меня не было ни времени, ни охоты освежать и пополнять свои довольно скудные познания. Пусть науками занимаются,— думал я,— люди, избравшие себе это поприще, а мы, очередные граждане, свершив свой долг, можем спокойно наслаждаться результатами их работ.

Подобно всем, кто живет в нашу эпоху, я пользовался всеми благами современных машин, но никогда не задумывался над вопросом, как и где они приводятся в движение или каково их устройство. Мне было достаточно, что машины обслуживают нужды мои и моих близких, а чем это достигается, мне было все равно. Мы нажимали определенные кнопки или поворачивали известные рукоятки и получали все, необходимое нам: огонь, тепло, холод, горячую воду, пар, свет и тому подобное. Мы говорили по телефону и слушали в мегафон утреннюю газету или, вечером, какую-нибудь оперу; переговариваясь с друзьями, мы приводили в действие домашний телекинема и радовались, видя лица тех, с кем говорим, или в тот же аппарат любовались иногда балетом; мы подымались в свою квартиру на автоматическом лифте, вызывая его звонком, и так же подымались на крышу, чтобы подышать чистым воздухом... Вне дома я уверенно вспрыгивал в автобус, в вагон метрополитена и империала, или становился на площадку дирижабля; в экстренных случаях я пользовался мотоциклетками и аэропланами; в магазинах охотно передвигался по движущемуся тротуару, в ресторанах — автоматически получал заказанные порции, на службе — пользовался электрической пишущей машиной, электрическим счетчиком, электрическими комбинаторами и распределителями. Разумеется, нам случалось обращаться к помощи телеграфа, подвесных дорог, дальних телефонов и телескопов, бывать в электро-театрах и фоно-театрах, обращаться в автоматические лечебницы при незначительных заболеваниях и т. д. и т. д. Буквально на каждом шагу, чуть ли не каждую минуту мы обращались к содействию машин, но решительно не интересовались, чем оно обусловлено; только досадовали, когда получали извещение по административному телефону, что тот или другой аппарат временно не будет действовать.

Обращение с машинами, как все знают, просто до крайности. Даже мой маленький Андрей умел различать все кнопки и рукоятки и никогда не ошибался, если надо было прибавить тепла или света, вызвать газету или цирк, остановить лифт или предупредить проходящий мимо автобус. Мне кажется, что у современного человека выработался особый инстинкт в обращении с машинами. Как люди прошлых эпох, не отдавая себе в том отчета, соразмеряли, например, силу размаха, чтобы затворить дверь, мы соответственно нажимаем кнопку и заранее знаем, что дверь захлопнется без шума. Точно так же мы инстинктивно поворачиваем рычажки ровно настолько, чтобы пение оперы было слышно только в одной нашей комнате,

или переходим с движущегося тротуара на твердую землю, хотя непривычный человек непременно при этом упал бы. И нам кажется совершенно естественным, что такому-то слабому движению руки, такому-то чуть заметному наклону рукоятки соответствуют определенные следствия. Мы почти верим, что все это совершается «само собою», что это — в природе вещей, как прежде, поджигая спичкой костер, знали, что получат пламя.

Теперь поневоле я стал гораздо осведомленнее: обо многом пришлось подумать, обо многом расспросить и, наконец, многое я узнал из газет, которые вот уже два месяца не устают передавать всему миру подробности катастрофы. Теперь я знаю (впрочем, знал это и раньше, учил в школе, только основательно позабыл), что вся земля разделена на 84 «машинных района», из которых каждый имеет свою самостоятельную, не зависящую от других, станцию. Каждый такой район делится на «дистрикты»; в нашем их было 16, и в каждом дистрикте также устроена центральная станция, причем все они связаны между собой. Наконец, дистрикт подразделяется на «фемы», с «подстанциями» в каждом, получающими энергию с центральной станции. В нашем Октополе была расположена именно центральная станция дистрикта, обслуживавшая 146 фем. И если несчастье охватило сравнительно небольшое пространство, это объясняется исключительно тем, что большая часть коммуникаций с фемами была своевременно прервана. Поэтому восстание, начавшееся на центральной станции, потрясло только самый Октополь с окрестностями и около 30 окружных фем, тогда как могло захватить все полтораста.

Можно ли говорить о *плане* восстания, его «подготовленности», его «сознательности»,— я не знаю. Как ни нелепа подобная мысль, но после всего пережитого мною, я более не знаю, что́ немыслимо и что́ возможно. Машины во время восстания действовали с такой систематичностью, с такой дьявольской логикой, что я готов, несмотря на все насмешки огромного большинства и суровые выговоры со стороны ученых, старающихся образумить безумных «фантастов»,— готов допустить, что восстание было, если не «обдумано», то «подготовлено» заранее. Тогда план мятежников окажется совершенно ясен: они начинали восстание не на маленькой подстанции, где значение его оказалось бы сравнительно незначительным, но на центральной станции, чем надеялись привести в смятение целый дистрикт, а потом, может быть, по коммуникациям — и весь район, т. е. огромное пространство, равное одному из прежних государств. Было ли в замыслах мятежников в дальнейшем произвести революцию на всей земле, мне, разумеется, неизвестно.

Остается добавить,— к стыду моему, это я также узнал только теперь, после пережитого, из газет и лекций,— что некоторые ученые давно предсказывали возможность такого мятежа. Оказывается, уже много столетий назад был подмечен параллелизм в явлениях жизни, так называемых — органической и неорганической. Например, рост кристалла аналогичен росту растения и животного; поломы кристаллов заполняются «силами природы» аналогично тому, что происходит при поранениях «живого» тела; жемчуга подвержены болезням; минералы также; металлы имеют предел напряжения и выносливости; проволочные провода «устают», если их принуждают работать слишком много и отказываются повиноваться; некоторые элементы (или вещества, не знаю, как должно сказать) намагничиваются самопроизвольно; электрические токи при значительной конденсации (опять извиняюсь за, вероятно, неправильный термин) тоже начинают действовать самопроизвольно; все шоферы и пилоты наблюдали, что моторы «капризничают» без всякой внешней причины и т. д. и т. д. Впрочем, все это я знаю столь смутно, что не мне писать об этом: я и так, должно быть, в этих немногих строках много напутал. Повторяю: пусть толкова-

ние фактам дают более сведущие: мое дело — рассказывать, что я видел.

К рассказу я и перехожу теперь и даже постараюсь совсем устранить из него всякие объяснения. Оставляю в стороне «почему?» и «зачем?» и буду отвечать лишь на вопрос: «что?» Да и то мои ответы будут касаться лишь весьма небольшого круга событий: предел моих наблюдений был ограничен Октополем, так как за все время катастрофы я не покидал города. Я — маленький человек, пылинка в великом урагане, но ведь из миллиарда пылинок слагается весь ураган, и в моем ограниченном сознании все же умещался весь ужас, потрясший всю землю и даже, как говорят, всю вселенную.

II

Как началась катастрофа, я ничего не могу рассказать. Теперь известно, что первые грозные явления, так сказать, сигнал к общему восстанию, произошли на Центральной Станции. Но что́ там свершалось, какое чудовищное зрелище предстало людям, работавшим там,— не расскажет из них никто, потому что все они погибли до последнего. Теперь, по разным догадкам, стараются восстановить адски-фантастическую сцену, разыгравшуюся в огромных подземных залах Станции: ливни внезапно вспыхнувших молний, целый потоп электрических разрядов, грохот, подобный миллиону громов, ударивших одновременно, сотни и тысячи людей,— инженеров, помощников, рядовых рабочих,— падающих обугленными, уничтоженными, разорванными в куски или кривляющимися в мучительно-невероятной пляске... Но все это — лишь предположения, и, может быть, все происходило совсем не так. Во всяком случае, я об этом ничего не знаю и ничего не знал в те минуты, скорее — мгновения, когда все это совершалось.

Примечательно, что нас, всю семью, разбудил, как всегда, утренний звонок, поставленный на 7.15. Следовательно, четверть восьмого утра аппараты еще действовали нормально, если только то не было дьявольской хитростью со стороны заговорщиков, не желавших, чтобы раньше времени узнали о начавшемся восстании. Мы зажгли свет, жена поставила на плитку автоматический кофейник, Андрей прибавил тепла в комнатах,— и все наши распоряжения исполнялись аккуратно. Или катастрофа произошла несколько минут спустя, или в нашем доме действовал не ток со Станции, а местный аккумулятор, или, повторяю, мятежники коварно скрывали от жителей города истинное положение вещей... За стенами слышался обычный гул моторов и пропеллеров.

Я торопился, так как по пути на службу предполагал навестить своего друга Стефана, который был болен. Не желая терять времени, я попросил бабушку (так все в семье называли мою мать) сказать Стефану по телефону, что буду ⟨у⟩ него. Старушка взяла трубку городского телефона, поднесла ее к уху, нажала соответствующие цифры на таблице и, наконец, соединительную кнопку... И вдруг произошло нечто, чего мы сразу не могли понять. Бабушка трагически вздрогнула, вся вытянулась, подпрыгнула в кресле и рухнула наземь, выронив телефонную трубку. Мы бросились к упавшей. Она была мертва; это было несомненно по ее искаженному лицу и по отсутствию дыхания, а ухо, которое она держала у телефона, было прожжено, словно ударом молнии невероятной силы.

Мы глядели друг на друга и с отчаяньем и с удивлением. Конечно, сделаны были попытки привести старушку в чувство, но я сразу увидел, что это бесплодно. «Надо вызвать врача»,— сказал я и нагнулся, чтобы поднять телефонную трубку. Но жена бросилась ко мне одним прыжком, схватила меня за руку и закричала решительно: «Нет! Нет! Не трогай те-

лефона! Ты видишь: в нем что-то испортилось! Тебя убьет, как бабушку!» Каким-то инстинктом Мария угадала правду, почти насильно,— так как я возражал и сопротивлялся,— не допустила меня до телефона, и тем спасла мне жизнь,— увы! напрасно! Много лучше для меня было бы погибнуть тогда, в самом начале ужасов, такой же мгновенной смертью, как моя бедная мать!

После недолгого спора мы решили было, что я немедленно поднимусь в 14-й этаж, где, как мы знали, жил молодой врач. Уже я направился к двери, как внезапно погас во всей квартире свет. Было уже достаточно светло на улице, но все же это явление нас поразило. И опять Мария, с удивительной проницательностью, сразу определила совершающееся. «Что-то испортилось на Станции,— сказала она,— будь осторожен!» Потом она повелительно приказала Андрею не прикасаться более ни к каким кнопкам и рукояткам: чудесная прозорливость женщины, не спасшая, однако, ее самое! А я между тем уже был на площадке. К моему изумлению, там толпилось человек двадцать, встревоженных, взволнованных. Оказалось, что почти в каждой квартире случилось какое-нибудь несчастие: некоторые были убиты, как бабушка, при попытке говорить по телефону, другие получили страшный удар при прикосновении к рычагу телекинемы, третьих обварило вырвавшимся паром, одному заморозило руку из холодильника и т. д. Было ясно, что правильная работа машин нарушилась, и что все провода таили теперь опасность.

Обменявшись бессвязными объяснениями, мы решили вызвать лифт. Долго никто не решался дать нужный сигнал. Наконец, какой-то пожилой человек отважился нажать кнопку. Мы смотрели на него со страхом, но он остался невредим. Однако, каретка не появлялась: ток не действовал. После некоторого колебания, я побежал вверх по лестнице, так как мне надо было пройти только 5 этажей. На всех площадках показывались испуганные лица; меня беспрерывно спрашивали, что случилось. Не отвечая, я добежал до квартиры врача и, уже не смея звонить, постучал в дверь кулаком. Доктор открыл мне сам, изумленный дикими стуками, так как я колотил, как сумасшедший. Он еще ничего не знал и выслушал мои сбивчивые объяснения не без сомневающейся улыбки; однако согласился тотчас идти к нам, чтобы оказать помощь бабушке, при этом успокаивал меня, что она, вероятно, лишь в обмороке.

Перед моим приходом доктор был занят какой-то работой в своей маленькой лаборатории, куда я прошел за ним из передней. Теперь, собираясь идти со мной, он хотел, должно быть, что-то герметически закрыть или, наоборот, что-то привести в действие. В точности я не знаю, что именно собирался сделать доктор, только, забыв о моих предостережениях или не обратив на них внимания, он небрежно протянул руку и взялся за какой-то рычажок, чтобы повернуть его. Очевидно, к рабочему столу доктора были приспособлены особые провода, только вдруг, на моих глазах, от рычажка отделилась синеватая искра величиною с добрую веревку и послышался роковой треск — род маленького грома. И доктор рухнул передо мною на ковер, пораженный насмерть этой домашней молнией... Я замер в *〈на этом текст обрывается〉*

〈1908〉

ГБЛ, ф. 386. 34. 13, л. 20—24. Автограф.

МЯТЕЖ МАШИН

Фантастический рассказ *

1

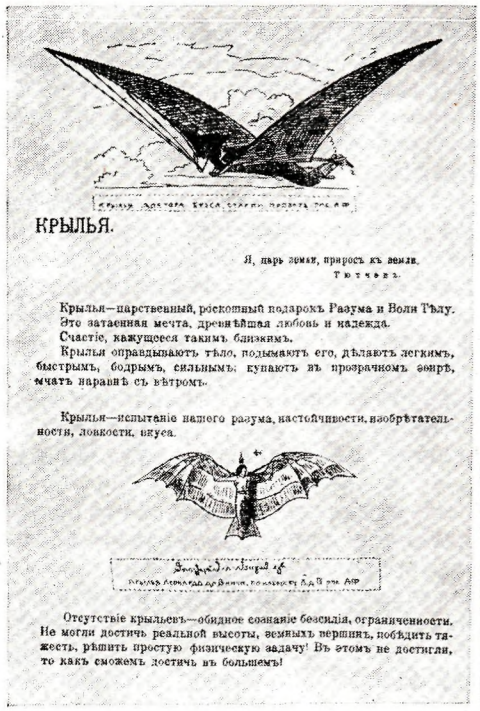
Чтобы понять ход событий, которые будут рассказаны, надобно ясно представить себе всю организацию жизни в ту эпоху.

Усиленное развитие техники началось в XIX веке. До этого времени человечество в течение двух тысячелетий в области техники лишь восстановляло открытия древних. Такие строения, как Пантеон Агриппы, колосс Родосский, великая римская клоака, не говоря о больших пирамидах, даже заставляют думать, что древние народы обладали более могущественными техническими средствами, нежели Европа Средневековья, Возрождения, Реформации и «века философов». На то же намекают смутные известия о познаниях древних египтян в области электрофизики и о паровых машинах, конструированных жрецами Мемфиса и Фив. Исключение составляло лишь военное искусство: введение огнестрельного оружия было значительным шагом (вперед или назад, не будем спорить) и, конечно, ни в какое сравнение с порохом не мог идти «греческий огонь» византийцев. Чтобы быть справедливыми, помянем еще книгопечатание, впрочем, известное задолго до того китайцам, да и небезызвестное римлянам, печатавшим таблицы с гравированных досок, и изобретение Диаса, компас, хотя оно не без натяжки подходит под понятие «техники» и хотя свойства магнита были достаточно известны древним.

В XIX веке все это сразу изменилось. Людей обуяло какое-то безумие в непременном желании удесятерить и утысячерить свои силы через посредство машин. Подчинение стихий — такова была первая задача, поставленная себе человеком. Подмена физического труда человека, животных и, так сказать, непосредственного труда природы работою особых аппаратов — вторая. Наконец, третья — сокращение пространства. Вторая задача могла быть решена лишь после разрешения первой; третья — лишь тогда, когда были удачно решены обе первых. Но каждое новое изобретение способствовало совершенствованию более ранних; одно цеплялось за другое, поддерживало и поднимало его; получался беспрерывный ряд успехов техники, настолько расширивших ее области и изощривших человеческую сообразительность, что, наконец, быть изобретателем стало самым обычным явлением. Каждый неглупый человек, поучившись немного, мог сделать изобретение, которое две тысячи лет назад обессмертило бы имя нового Архимеда и Гиерона.

В деле победы над стихиями особенно выдавались две: подчинение пара и овладение силой электричества. Древние знали обе эти силы, но древним не приходило в голову, какие применения можно сделать из этой мощи. Отчасти, может быть, древние меньше нуждались в работе стихий, довольствуясь трудом рабов, тоже своего рода стихией древнего мира. Век XIX-ый заставил пар возить себя и работать за себя. Поплыли первые «пироскафы», бороздя моря; стальные иглы рельс пронзили все страны от океана до океана; застучали всякого рода машины, исполняя

* Басни принято сопровождать нравоучением. Моральные следствия из рассказов обычно предоставляется делать читателям или, в крайнем случае критике. Подчиняясь такому обыкновению, и я не решаюсь истолковать аллегорию своего вымысла. Но да будет мне все же позволено сделать один намек. В наши дни, дни «великой войны», когда наши противники значительнейшую долю своих упований основывают на *техническом превосходстве* Германии, может быть, не столь несвоевременной покажется фантастика, пытающаяся олицетворить технику. Та пропасть, в которую ведут крайние выводы германского символа веры,— вот то темное и грозное видение, предносившееся пред воображением автора, когда он обдумывал излагаемую здесь невероятную историю (*примеч. Брюсова*).



КРЫЛЬЯ.

Я, царь земли, приросъ къ земли.
Тютчевъ.

Крылья—царственный, роскошный подарокъ Разума и Воли Тѣлу.
Это затаенная мечта, древнѣйшая любовь и надежда.
Счастіе, кажущееся такимъ близкимъ.
Крылья оправдываютъ тѣло, подымаютъ его, дѣлаютъ легкимъ, быстрымъ, бодрымъ, сильнымъ; купаютъ въ прозрачномъ эѳирѣ, мчатъ наравнѣ съ вѣтромъ.

Крылья—испытаніе нашего разума, настойчивости, изобрѣтательности, ловкости, вкуса.

Отсутствіе крыльевъ—обидное сознаніе безсилія, ограниченности. Не могли достичь реальной высоты, земныхъ вершинъ, побѣдить тяжесть, рѣшить простую физическую задачу! Въ этомъ не достигли, то какъ сможемъ достичь въ большемъ!

КРЫЛЬЯ 39

И повелъ Его въ Іерусалимъ, и поставилъ Его на крылѣ храма, и сказалъ Ему: если Ты сынъ Божій, бросься отсюда внизъ.

Ибо написано: Ангеламъ своимъ заповѣдуетъ о Тебѣ сохранить Тебя;
И на рукахъ понесутъ Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею (Псал. 90, 11—12).
Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: сказано: не искушай Господа Бога твоего (Второз. 6, 16), (Луки 4, 9—12). Здѣсь говорится о полетѣ, а не о чупѣ вообще.
Полетъ съ христіанской точки зрѣнія есть демоническое явленіе, дерзость, обольстительное искушеніе. Это гордыня Тугарина.

Втапоры Тугаринъ и вонъ ушелъ,
Садился на своего добра коня,
Поднялся на бумажныхъ крыльяхъ подъ небесью летать...
...Даетъ Господь Богъ тучу съ градомъ дождя,
Замочилъ Тугарина крылья бумажныя,
Падаетъ Тугаринъ какъ собака на сыру землю.

Но мы-то видимъ возможность, простоту, легкость полета, поэтому для насъ здѣсь не гордыня, искушеніе дерзость, а только красивое, любезное искусство.

Не шары, надутые газомъ, а крылья дадутъ намъ удовлетвореніе эстетическаго чувства; только крылья могутъ украсить голубое небо.
На крыльяхъ сможемъ мы бороться съ вѣтромъ, мчаться ночью надъ пустыней среди тучъ, пролетать надъ черными ущельями, нестись надъ безплоднымъ моремъ; тренировать грудь и мускулы, повышать энергію жизни, вести воздушные хороводы.

«КРЫЛЬЯ»
Очерк А. Филиппова об истории создания летательных аппаратов. С рисунками автора «Весы», 1905, № 5

в несколько минут то, на что когда-то человек был должен тратить часы и дни. Еще могущественнее оказалось электричество. Во многом оно заменило пар, работая еще стремительнее, еще совершеннее его, но в то же время оно разлило свой волшебный свет по городам и дорогам; оно стало передавать мысли через сотни и тысячи верст с молниеносной быстротой, сначала по телеграфной проволоке, а потом и без всякой проволоки, и голос из одного города в другой по телефонным проводам; оно сумело запечатлеть навсегда мгновение, и то, что было, стало вечным, затаенное в валиках фонографа или пластинках граммофона и в фильмах синематографа; оно осуществило тысячи чудес, которые только снились прежним векам. Рядом развивались разные технические приспособления: работали машины швейные, ткацкие, прядильные, чесальные и другие; машины заменили человека в поле: пахали, сеяли, косили, жали, молотили, мололи за него; машины заменили человека на заводах, и прежние рабочие, которые владели то иглой, то молотом, то ножом, то мехами, стали только присматривать за стальными чудовищами; машины заменили человека дома, писали за него и готовили за него кушанья, стирали за него и делали за него вычисления. Наконец, были приспособлены те приборы, которые получили название «двигателей внутреннего сгорания», и вот изобрели автомобили, поплыли турбинные корабли, нырнули под воду субмарины, а в небе зареяли дирижабли и аэропланы...

Так обстояло дело к концу XIX и началу XX века. Пар, электричество и «двигатели внутреннего сгорания» позволили человечеству победить пространство. Не говоря об том, что люди проникли на оба полюса и в пустыни всех материков, не говоря об том, что люди научились летать, соперничая с птицами,— расстояния между отдельными пунктами земного шара сократились на сотни раз. Что прежде было путешествием

многих недель, стало переездом одних суток; места, куда еще недавно могли проникнуть лишь отважнейшие из пионеров, сделались доступны для скучающих туристов; вести дня в несколько минут становились достоянием всех читающих газеты; вместо письма, которое когда-то должен был нести раб, прячась от разбойников на больших дорогах, мои мысли стали передаваться телеграфом и телефоном.

Наконец, во владение человечества вошла новая могущественная энергия: радий. Это сила, которая была небезызвестна во все былые времена. Прежние люди и две тысячи лет назад лечились грязью из радиоактивных источников; кусок радия лежал в чудесных амулетах, которыми колдуны исцеляли больных. Но XX век извлек из радия тысячи других применений. Человек заставил радий не только лечить себя, но светить себе и работать на себя, как пар и электричество. Возникли машины, основанные на свойствах радиоактивности, машины, страшные своей всеобъемлющей силой и страшные тем, что они были губительны для неосторожных. В этих таинственных изобретениях была и великая польза людям и смерть для незнающих.

Последним шагом того же века было открытие метода, получившего название «мутационного», то есть способа обращать одну энергию в другую без посредства сложных приборов. И прежде для выработки, например, электрической энергии пользовались силой пара. Мутационный метод дал возможность любую энергию обратить в ту, которая в данном случае наиболее применима. Особенную важность имело это для использования энергии, заключенной в радиоактивных веществах, которая сама по себе была мало пригодна для целей практических. Таким образом человечество получило неиссякаемый запас электрической энергии, притом получаемой с таким притоком и быстротой, что производство ее превысило потребности всего земного шара. Явилась возможность применить электрическую силу ко всем сторонам жизни, ко всем надобностям научным, общественным и частным, во всех, без исключения, местностях земли. Всюду и для всех было всегда наготове, к услугам электричество. Его стало столь же много, как воздуха, может быть, больше; ежедневно, ежеминутно электрическая энергия вырабатывалась в таком количестве, что всякий желающий мог расходовать ее по своему усмотрению, по своему капризу, хотя бы для забавы, и тем не менее оставался еще огромный избыток, который и скапливался в неприкосновенном запасе, способном, благодаря тому же мутационному методу, сохраняться долгие столетия с ничтожной потерей — 0,0001% в год.

Таково было положение к началу той эпохи, когда началось столь знаменитое «техническое объединение» человечества и «техническая организация земного шара».

2

Население земли исчислялось в то время,— берем везде круглые цифры,— в 5 миллиардов людей. Четвертая часть этого количества — даже немного больше четвертой части — жила в главных городах, или так называемых столицах мира, которых насчитывалось 122, так что в каждой было средним числом 10 миллионов жителей. Такое же количество, то есть примерно около одной четвертой всего населения, жило в меньших городах, которых было много тысяч, причем города с населением в пол-миллиона принадлежали к числу весьма обычных. Вторая половина человечества, $2^1/_2$ миллиарда, были, по старинной терминологии, сельские жители, хотя это название совершенно утратило свой прежний смысл. Деревень или сел в прежнем смысле слова на земле не было; были или маленькие городки со специальным назначением: города-фабрики, города-университеты, города-библиотеки, города-лечебницы и

тому подобные, или отдельные группы домов и одиночные строения, где жили люди, связанные с землей: то есть или занятые обработкой ее для земледелия и огородничества, для лесоводства и скотоводства и тому подобного, или имеющие какое-либо административное назначение, или, наконец, приезжие, поселившиеся вне города для собственного удовольствия. Усовершенствование средств сообщения делало почти безразличным расстояние жилья от любого города: жители в несколько минут могли достичь на своем аэроплане до ближайшей станции подземной дороги и оттуда в «автоматических сигарах» в полчаса до ближайшей «столицы» или в несколько часов до любого другого пункта. Если же к числу «городских» жителей принадлежали и жители «малых» специальных городов, то, очевидно, что почти все население земли перебежало в города: вне их, действительно среди полей, гор или лесов, жителей не было и 400—450 миллионов, т. е. менее 10% всего населения.

Городская жизнь, о которой только и стоит говорить по отношению к этой эпохе, благодаря тому скоплению электрической и иной энергии, о которой мы говорили выше,— везде была единообразна. Физический труд, даже всякое телесное усилие почти вовсе исчезли из жизни человека, оставаясь только в области игр, гимнастики и спорта. Люди еще забавлялись полетами на аэропланах, поездками на электрических автомобилях, плаванием на моторных субмаринах, еще играли в мяч, упражнялись в бегании, плавании, прыжках; были чудаки, которые еще ездили верхом или на велосипедах, поддерживали традиции бокса и состязания на рапирах, но все это относилось к той же области, как игра в карты или на биллиарде, как шахматы и т. п. Потребности в физическом труде не было в такой мере, что врачи согласно констатировали начинающуюся у людей атрофию мускулэв, умения быстро ходить и бегать, способности владеть руками.

С первого часа после пробуждения человек вступал во власть машины. О часе пробуждения возвещал автоматический будильник; процесс одевания и утренней ванны был облегчен разными приборами до minimum'а. Выйдя из своей квартиры, человек, нажав пуговку, вызывал к себе лифт своего многоэтажного дома и спускался прямо до глубин «метрополитена» или «империала», смотря по тому, куда надо было ехать. Там проходил в вагон подземной дороги, опять-таки обслуживаемой машинами и приборами без всякого участия людей, и достигал нужной станции; с нее по другому лифту поднимался до места своей дневной работы. Так как на всех поприщах работа исполнялась машинами, то человеческий труд состоял почти исключительно в вычислениях. Все производство совершалось с помощью машин; вся торговля велась автоматически; товары перевозились из страны в страну и через океаны⟨*на этом текст обрывается*⟩

⟨1915⟩

ГБЛ, ф. 386. 34. 13, л. 1—6. Черновой автограф.

ПЕРВАЯ МЕЖДУПЛАНЕТНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

От издателей

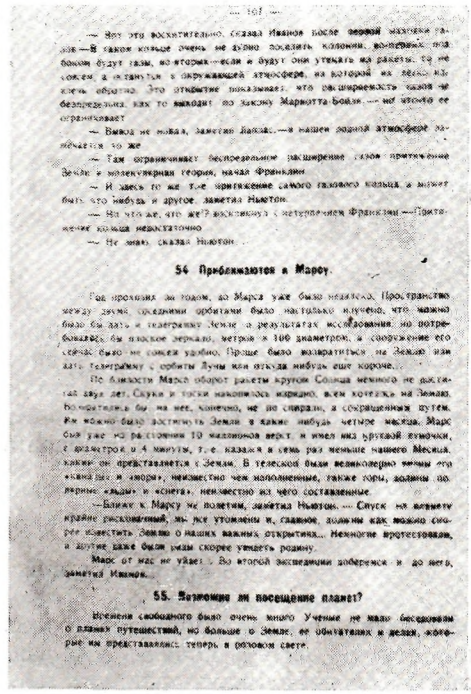
Получив право опубликовать *раньше появления в печати оригинала* наиболее замечательные и наиболее захватывающие по содержанию страницы из дневника одного из участников Первой Междупланетной Экспедиции, товарища Уильяма Джемса Морли, мы сочли излишним предпосылать им подробное предисловие. Экспедиция возбудила такой напряженный интерес во всем цивилизованном мире, ей было посвящено так

много отдельных брошюр и статей в журналах и газетах на всех языках, что ее организация и все, что было до сих пор оглашено о ее ходе и трагическом завершении, конечно, хорошо знакомо каждому читателю. Авторы предисловия, по нашему предложению, решили ограничиться лишь самым кратким изложением основных фактов, относящихся к отважному, еще небывалому в летописях человечества предприятию, останавливаясь несколько подробнее на некоторых мелочах, которые могли ускользнуть от внимания иного читателя, но которые, безусловно, необходимы для понимания самого текста публикуемого дневника. Точно так же в примечаниях к дневнику, составление которых любезно приняли на себя те же ученые, перу которых принадлежит Предисловие, даются почти исключительно те пояснения, которые пришлось извлекать из других материалов, собранных той же экспедицией и, следовательно, еще не ставших общим достоянием науки; что касается до общих сведений,— разумеется, тоже необходимых для уяснения текста,— то они за последнее время столь часто излагались в печати в связи с обсуждением Экспедиции, что, несомненно, тоже стали общеизвестными даже для лиц, никогда прежде астрономией не интересовавшихся.

С своей стороны, как издатели, мы имеем еще добавить несколько слов относительно ценности публикуемого нами документа.

Было официально объявлено, что все материалы, которые удалось извлечь из обломков междупланетного корабля, поступили в распоряжение особой комиссии, составленной из ученых астрономов, физиков, биологов, зоологов, ботаников и минералогов, при A. S.A. S. (Американском Государственном Астрономическом Обществе). Материалы эти состоят частью из коллекции, собранной участниками Экспедиции, частью из таблиц с их наблюдениями, фотографических снимков и т. п., частью, наконец, из трех дневников этих трех пионеров, которые первые из людей вступили на почву другой планеты. Дневник организатора Экспедиции, тов. Пэриса, обрывается на дне прибытия междупланетного корабля на Марс — по причинам, которые будут ясны для читателей из дальнейшего; дневник назабвенного товарища О'Рука, потерю которого приходится оплакивать не только как смелого исследователя, но и как великого ученого, обнимает время, по причинам, также излагаемым дальше, всего на два дня бóльшее; кроме того, оба эти дневника очень кратки. Напротив, дневник товарища Морли содержит описание всего хода Экспедиции, начиная со дня отбытия ее с Земли до того дня, когда междупланетный корабль вновь должен был опуститься на ее почву; вместе с тем дневник этот изложен с самой широкой обстоятельностью, переходя во многих частях как бы в художественное повествование.

Точнее говоря, то, что мы называем «дневником» товарища Морли, не является собранием ежедневных, сделанных наспех записей: это, скорее, мемуары, написанные уже после того, как самые изображаемые события отошли от автора на некоторое расстояние. Так как параллельно сохранилась и записная книжка тов. Морли, в которую он, по примеру своих сотоварищей, вкратце заносил каждый день свои впечатления, то надо предположить, что так называемый его «дневник» был им составлен в дни обратного перелета от Марса до Земли. Нам представляются факты в таком порядке: во время перелета от Земли до Марса Морли, как и два других члена Экспедиции, Пэрис и О'Рук, вел только краткие записи пережитого им за день; в дни своего пребывания на Марсе он, хотя менее систематично, продолжал делать то же; на обратном же пути, внося изредка краткие сообщения в ту же записную книжку, он использовал досуги шестидесятидневного перелета для того, чтобы дать первую обработку своих беглых заметок в форме связного рассказа. Это происхождение «дневника» ни в коем случае не лишает его всей прелести непосред-



— 107 —

— Вот это восхитительно, сказал Иванов после первой находки газов.— В таком кольце очень не дурно поселить колонии, во-первых, под боком будут газы, во-вторых — если и будут они утекать из ракеты, то не совсем, а останутся в окружающей атмосфере, из которой их легко извлечь обратно. Это открытие показывает, что расширяемость газов не безпредельна, как то выходит по закону Мариотта-Бойля,— но что-то ее ограничивает.

— Вывод не новая, заметил Даллас,— в нашей родной атмосфере замечается то же.

— Там ограничивает беспредельное расширение газов притяжение Земли и молекулярная теория, начал Франклин.

— И здесь то же, т.-е. притяжение самого газового кольца, а может быть что нибудь и другое, заметил Ньютон.

— Но что же, что же? воскликнул с нетерпением Франклин.— Притяжение кольца недостаточно.

— Не знаю, сказал Ньютон...

54. Приближаются к Марсу.

Год проходил за годом, до Марса уже было недалеко. Пространство между двумя соседними орбитами было настолько изучено, что можно было бы дать и телеграмму Земле о результатах исследования, но потребовалось бы плоское зеркало, метров в 100 диаметром, а сооружение его сейчас было не совсем удобно. Проще было возвратиться на Землю или дать телеграмму с орбиты Луны или откуда нибудь еще короче...

По близости Марса оборот ракеты кругом Солнца немного не достигал двух лет. Скуки и тоски накопилось изрядно, всем хотелось на Землю. Возвратились бы на нее, конечно, не по спирали, а сокращенным путем. Им можно было достигнуть Земли в какие нибудь четыре месяца. Марс был уже на расстоянии 10 миллионов верст, и имел вид круглой луночки, с диаметром в 4 минуты, т.-е. казался в семь раз меньше нашего Месяца, каким он представляется с Земли. В телескоп были великолепно видны его «каналы» и «моря», неизвестно чем наполненные, также горы, долины, полярные «льды» и «снега», неизвестно из чего составленные.

— Ближе к Марсу не полетим, заметил Ньютон.— Спуск на планету крайне рискованный, мы все утомлены и, главное, должны как можно скорее известить Землю о наших важных открытиях... Немногие протестовали, и другие даже были рады скорее увидеть родину.

Марс от нас не уйдет... Во второй экспедиции доберемся и до него, заметил Иванов...

55. Возможно ли посещение планет?

Времени свободного было очень много. Ученые не мало беседовали о планах путешествий, но больше о Земле, ее обитателях и делах, которые им представлялись теперь в розовом свете.

ПОВЕСТЬ К. Э. ЦИОЛКОВСКОГО «ВНЕ ЗЕМЛИ»
Калуга, 1920
Обложка и страница повести

ственных наблюдений, так как писался он в те дни, когда они должны были оставаться еще крайне острыми и живыми, притом почти при полном отсутствии новых впечатлений.

Известно, что тов. Морли был единственным членом Экспедиции, которому суждено было предпринять обратный путь на Землю, после того как все трое исследователей сравнительно благополучно вступили на негостеприимную почву планеты Марс. Но трагический конец ждал Морли, так сказать, у самой пристани. Спуск на Землю первого междупланетного корабля оказался неудачным; вместо того чтобы, медленно опускаясь, вонзиться в почву своими острыми «якорями»,— как то неизменно удавалось при пробных спусках и как то было достигнуто при спуске на Марсе,— корабль ударился с еще довольно значительной скоростью о Землю своим боком, что скорее походило на падение, чем на спуск. Оно было так сильно, что корабль дважды подскочил, снова ударяясь о землю, как резиновый мяч. Вдобавок от сотрясения внутри корабля произошел частичный взрыв в силу смешения разных находившихся там химических элементов. В результате весь снаряд оказался страшно изуродованным, а все содержимое каюты частью уничтоженным, частью разбитым вдребезги. Тело несчастного тов. Морли представляло обугленную массу мяса и костей.

Все, что уцелело от этой катастрофы, было с величайшей тщательностью рассортировано, причем удалось отделить от обломков разбитых инструментов и утвари скудные остатки коллекций, минералогической и ботанической, собранных исследователями на Марсе; несмотря на жалкий вид этих остатков, надеются, что они дадут драгоценный материал

для выводов о строении почвы Марса и о растительности на нем. В более счастливом положении оказались рукописи исследователей, так как шкаф, в котором они лежали, был в числе уцелевших от взрыва; эти рукописи — содержание которых указано выше — и послужат основными документами, на основании которых будет возможно восстановить всю картину экспедиции и использовать наблюдения и открытия, сделанные смелыми исследователями.

Полностью все эти рукописи будут опубликованы в монументальном издании A. S. A. S., которое имеет появиться под названием: «Материалы, касающиеся первой экспедиции на планету Марс», и над редактированием которого ныне работает вышеуказанная комиссия. В настоящем издании мы публикуем часть «дневника» тов. Морли, именно те страницы, которые описывают десять дней его пребывания на планете Марс. То, что непосредственно предшествовало этим десяти дням и следовало за ними, то есть путь от Земли до Марса и обратно от Марса до Земли, вкратце изложено, также на основании того же дневника, в Предисловии редакторов.

Издатели

Предисловие редакторов

Известно, что принципиально проблема междупланетных сообщений была решена еще в начале XX века, причем первые междупланетные корабли, сконструированные в то время, получили название «ракетных», по характеру тех двигателей, которыми они были снабжены. Однако на твердую почву конструкция подобных кораблей стала лишь с того времени, когда удалось найти практическое применение внутриатомной энергии и использовать ее в качестве моторной силы. Всем, вероятно, памятно, что после ряда неудачных и частью трагических опытов, был, наконец, найден тип этеронефов *, обеспечивавших сравнительную безопасность полета, и что несколько смелых исследователей, имена которых записаны в золотую книгу науки, совершили ряд удачных экспедиций за пределы земной атмосферы, причем некоторые из них приближались к Луне на расстояние 120 ее радиусов.

Однако существовало одно затруднение, долгое время казавшееся неодолимым, которое не позволяло человеку предпринять путешествие в более отдаленные области пространства. Дело в том, что при всей скорости, какую можно было развить, пользуясь внутриатомной энергией, огромность расстояний между небесными телами все же требовала значительного времени для перелета от Земли хотя бы до ближайшей к ней планеты — времени, исчисляемого десятками дней. Между тем этеронавтам приходилось уносить с Земли все, необходимое им в пути, и прежде всего кислород для дыхания и воду для питья. Трудность и состояла в том, чтобы сконструировать снаряд, подъемная сила которого была бы такова, чтобы он мог вместить в себе запасы, достаточные для поддержания жизни путешественников в течение всего их пути, как вперед, так и обратно, так как было мало надежды на возможность пополнить их на другой планете.

Трудность эта была разрешена только новыми техническими открытиями в области химии, когда найден был способ обращать все газы в твердое состояние,— сохранять их в форме плиток, по внешности напоминающих металлические. Рядом с этим стоит изобретение простых при-

* Кораблей для полетов в междупланетном пространстве (от греч. aither — эфир и франц. nef — корабль).

боров, дающих возможность без труда обращать эти конденсированные газы в продукты, необходимые для жизни человека, т. е. в воздух для дыхания и в воду для питья. Эти два важных открытия нашего времени сделали, наконец, вопрос о междупланетных сообщениях практически разрешимым*

‹ИЗ «ДНЕВНИКА» МОРЛИ› **

...минуты были ужасны. Уиль один стоял у мотора, опустив обе руки на рычаги; по внешности он казался спокойным, но лицо его было торжественно бледно. Нам, Крафту и мне, оставалось бездействовать, и то было мучительней всего. В напряженном волнении хотелось что-то схватить, усилием рук удерживать падающий этеронаф, что-то делать, к чему-то приложить свою силу, но приходилось неподвижно стоять.

Я смотрел на циферблат. Стрелка показывала более двух километров в секунду. То был не спуск, то было падение, чудовищное падение с высоты 500 000 метров. Еще несколько минут, «Пироент»*** со скоростью пушечного ядра ударится о поверхность планеты, разлетится в осколки от страшного толчка и от взрыва заключенных в нем газов, обратит все, находящееся в нем, нас в том числе, в горсть пепла! Погибнуть у самой пристани, погибнуть, когда мы уже достигли пределов того мира, где еще никогда не был человек, погибнуть, почти ступая ногой на почву того Марса, о котором ряд веков мечтали и гадали поэты и мыслители! Погибнуть — и тем обратить в ничто все наши усилия, всю нашу борьбу со стихиями и законами природы, весь подвиг нашего стодвадцатидневного перелета! Погибнуть!

Все это и многое, слишком многое другое успел я думать, пока в стремительном падении мы пролетели десять, двадцать, сто километров... Такого отчаянья я не испытывал еще никогда; мертвящая тоска уничтожала самый страх. Я взглянул в нижнее окно: уже диск планеты заполнял все пространство; уже то было не небесное тело, к которому устремлялся междупланетный корабль, но *земля*, земля, расстилающаяся под нами! Об эту землю сейчас мы будем разбиты вдребезги. Но почему? Отчего мотор не действует так же властно, как на пробных полетах? Не сошел ли с ума Уиль? Не кинуться ли на него, вырвать у него рычаги, спасти себя и все наше дело?

Вновь я взглянул на циферблат. Стрелка показывала скорость в один километр в секунду. Значит, падение замедлилось? И на моих глазах стрелка откачнулась еще: пятьсот метров в секунду! Сердце успело простучать не более десяти раз, цифра была 300. Потом я видел 280, 250, 200, 150... Я посмотрел на Крафта; тот стоял не шевелясь, но его пальцы были судорожно зацеплены за ручку двери, а глаза недвижно уставлены на тот же циферблат. *Пятьдесят метров**** в секунду*. Нет! уже только тридцать... двадцать пять... восемнадцать... десять... Успеем ли? Еще взгляд в нижнее окно,— там серая масса какой-то равнины; опять на стрелку,— полтора километра — скорость хорошего автомобиля *****.

---

* «Предисловие редакторов» осталось незаконченным.

** Имена персонажей в главах из «дневника», кроме самого Морли, не совпадают с именами, названными в предисловии «От издателей». Вместо Пэриса и О'Рука появляются Уиль и Крафт.

*** Наименование, данное здесь междупланетному кораблю (от одного из древнегреческих названий планеты Марс — Pyroeis, огненный). В архиве Брюсова сохранилась и его драма «Пироент», героем которой является изобретатель снаряда, предназначенного для полета на другие планеты.

**** *В автографе явная описка*: километров.

***** Названная здесь скорость — полтора километра в минуту, т. е. 25 метров в секунду, не согласована с достигнутой уже раньше скоростью 10 м. в секунду.

Уиль повелительно крикнул:

— Лечь!

Безотчетно я повиновался. Я бросился на свою койку и привычным жестом застегнул ремни, привязывающие меня к стене. Еще я видел, как то же сделал Крафт. Потом мелькнул жест Уиля, поворачивающего центральный рычаг. В тот же миг Уиль закрыл электричество, и было слышно, как в темноте он сам прыгнул к своей койке. Может быть, после того прошла еще секунда или две, но мое ощущение было таково, что мгновенно затем последовал удар. «Пироент» соприкоснулся с почвой Марса и вонзился в нее всеми своими тремя якорями.

VII

От сотрясения я потерял сознание, но, по-видимому, лишь на самое краткое время. Очнувшись, я сразу сознал положение. Сделав попытку двинуться, я убедился, что не получил никаких серьезных повреждений; было ушиблено бедро, но сначала боли не чувствовалось. Тотчас же я встал на ноги; пол под ногами был совершенно ровным. Ощупью я ориентировался в темноте, нашел уступ мотора, дотянулся до выключателя, зажег электричество. О, радость! Оно действовало, и все вокруг наполнилось светом.

Наша каюта имела почти обычный вид. Все было на своих местах: моторный стол, шкапы, которые даже не раскрылись, наши койки, даже инструменты, вделанные в стены; только барометр был выбит из своего гнезда и валялся разбитым. Но оба мои товарища, подобно мне, были сброшены на пол, так как ремни оборвались; Уиль лежал около самой койки, Крафт — по самой середине каюты. Ни тот, ни другой не двигался.

Разумеется, следовало раньше всего оказать помощь товарищам, убедиться, живы ли они. Но неодолимое любопытство было сильнее. Окна были закрыты; Уиль успел захлопнуть и нижнее. Я прямо шагнул к окну у мотора и нервно нажал кнопку; механизм тоже оказался в исправности, ставня соскользнула и прямо передо мной открылось то, чего еще никогда не видел человеческий глаз. Первый из людей я взглянул на пейзаж Марса.

Казалось, были поздние сумерки, хотя солнце, стоя сравнительно высоко над горизонтом, прямо било в стекло лучами — солнце ослепительное, более яркое, чем на Земле, но в форме маленького кружка, меньшего, чем видимый с Земли диск Луны. А под этим солнцем простиралась даль — не скажу степь, не скажу пустыня, но что-то однообразно-ровное и одноцветно-тусклое, не то бурого, не то коричневатого цвета. Никакой растительности, ни признака реки или ручья, ни малейшей возвышенности, сколько-нибудь значительной, ни гор, ни холмов, лишь кое-где ничтожные изломы поверхности, словно загрубелые морщины на старческой коже. И самая почва слабо, но отражавшая лучи маленького солнца, напоминала то слой лавы, то кованность металла, то какой-то потемнелый лед. И над всем этим тусклое небо, голубое, но не бледное, а с чернотой, как будто здесь художник подмешал в жидкую синь слабый раствор туши. Все — жутко, не величественно, а уныло, не поразительно новизной, но тоскливо в своей монотонной безжизненности.

— Товарищ Морли!

Вероятно, я смотрел на пейзаж не более двух секунд. Но Уиль уже стоял на ногах и звал меня, звал строго, тоном выговора подчиненному.

— Товарищ Морли! Прежде всего мы должны оказать помощь Крафту.

Опять безмолвно я повиновался.

Мы подняли Крафта, все еще бесчувственного, положили на койку.

Наскоро я освидетельствовал его. Легко было обнаружить вывих левого запястья, так как при падении у него подвернулась рука, и разрыв кожных покровов головы за левым ухом от удара об угол шкафа. Сердце однако билось равномерно, не было признаков опасного сотрясения.

Молча я стал выполнять свое дело врача. Уиль не помогал мне: он осматривал мотор, приборы, хранилища газов. Через несколько минут Крафт пришел в себя. Осторожно я объяснил ему его состояние. Все без содействия Уиля, я раздел больного, вправил и забинтовал ему руку, промыл его рану и наложил повязку на голову. Несколько капель евбиоза закончили мою работу. Крафт, как то было в его характере, перенес болезненную операцию без всякой жалобы и, присев на койке, объявил, что теперь чувствует себя вполне хорошо.

Уиль расслышал эти слова и снова отдал мне приказание:

— Товарищ Морли, потрудитесь достать для анализа пол-литра внешнего воздуха.

Начальнический тон раздражал меня; я не двигался. Уиль спросил насмешливо:

— Вы забыли, что у нас для этого есть особое приспособление?

Не желая начинать новых споров, я исполнил приказание. Механизм, придуманный самим Уилем, оказался вполне целесообразным. Через несколько минут в нашем распоряжении была алюминиевая реторта, наполненная воздухом Марса.

Уиль взял ее из моих рук, откинул стол и занялся анализом. Я сел на койку Крафта, делая вид, что для меня безразлично оказываемое мне пренебрежение, и мы начали тихо беседовать, конечно, о том великом моменте, какой переживали оба.

— Вывихнутая рука и эта рана за ухом — пустяки,— говорил Крафт.— Завтра же я отправляюсь исследовать эти страны. Что они безжизненны, неверно. В той или иной форме, мы найдем здесь и флору и фауну. А если даже нет, то ведь для открытий минералогических и геологических — или, как сказать? марсолотических! — здесь неисчерпаемая копь! Завтра, в один день, мы совершим открытий больше, чем все земные натуралисты за десятки лет трудолюбивейших исканий! Завтра!

Уиль подошел к нам.

— Товарищи,— сказал он,— нам надо поговорить серьезно. Вы способны, Крафт?

— О да! еще бы! — отвечал тот.

— Тогда слушайте.

Не спеша, Уиль взял один из переносных стульев, сел у койки Крафта, оглядел нас обоих, но, не ожидая от нас слов, начал говорить. Он излагал свои соображения тоном, как если бы был на кафедре в университете перед малоподготовленными студентами.

XVI

— Мы достигли поверхности Марса,— говорил нам Уиль,— чего это нам стоило, вы знаете. Все же я должен обратить ваше внимание на два обстоятельства: на время, которое нам пришлось потратить на перелет, и на место, которое нам пришлось принять за точку спуска. Вы помните, что по теоретическим расчетам предполагалось, что перелет от Земли до Марса потребует, при максимальной скорости 5,6 километра в секунду, время от 116 минимум до 120 максимум земных суток. По тому же расчету предполагалось, что на обратный путь от Марса до Земли потребуется ввиду, увеличения расстояния в связи с поступательными движениями обеих планет по их орбитам, время от 120 минимум до 125 * максимум земных

* *Первоначально было*: 124.

суток. Итого оба перелета, от Земли до Марса и обратно, должны были предположительно занять от 236 минимум до 244 максимум суток. На пребывание на поверхности Марса предполагалось, при наших расчетах, 20 марсийских суток, которые, как вам известно, почти равны земным суткам, именно содержат 23 земных часа вместо 24. Всего путешествие должно было занять максимум 264 земных суток или около 6.336 земных часов.

Покорно я слушал сообщение Уиля, хотя испытывал при этом озлобленную досаду: все эти цифры были нам давно известны наизусть, и было нелепо терять на их повторение драгоценные минуты, которые можно было употребить с гораздо большей пользой хотя бы на простое обозрение ландшафтов Марса.

Уиль невозмутимо продолжал свой доклад.

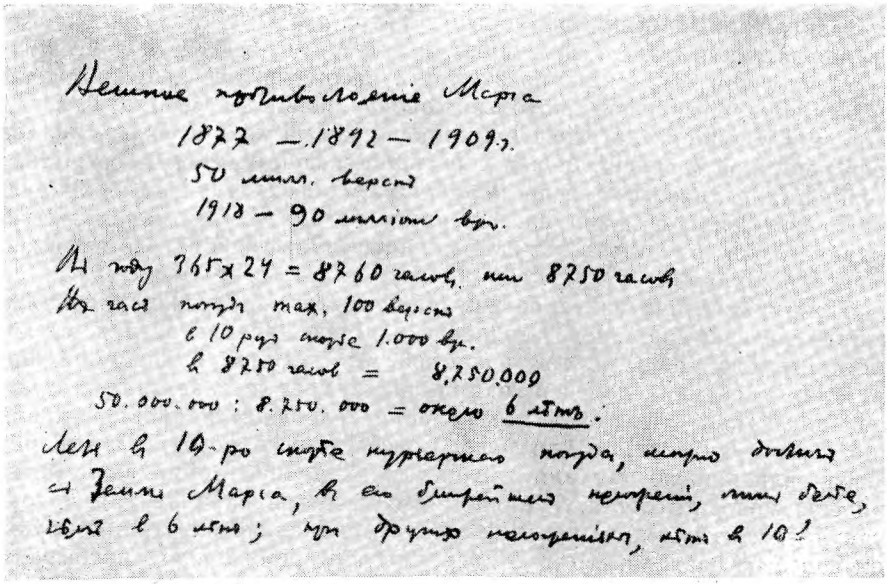
— Сообразно с таким вычислением был сконструирован наш этеронеф и его грузоподъемность была рассчитана таким образом, чтобы он мог нести в себе количество кислорода, необходимого для дыхания трех человек в продолжение, круглым счетом, 6.400 земных часов. Точно так же количество водорода и других элементов, взятых на этеронеф, было рассчитано таким образом, чтобы можно было обратить их в такое количество питьевой воды, которое необходимо для трех путешественников в течение 265 земных суток, полагая не свыше 4 стаканов на человека в сутки. Наконец, количество зарядов, приводящих в действие наш мотор, было рассчитано как на два перелета, один максимум в 120 дней при покрытии расстояния в 56 миллионов километров и другой максимум в 125 дней при покрытии расстояния несколько больше, имея небольшой запас, достаточный для небольшого перелета с одной точки поверхности Марса па другую, например, из одного полушария планеты в другое.

Уиль остановился и обвел нас глазами. Крафт неподвижно смотрел в окно, приходившееся прямо перед его лицом, на марсианский пейзаж. Я столь же упорно рассматривал стену над койкой Крафта — зрелище гораздо менее любопытное. Уиль, по-видимому, остался доволен нашим вниманием и продолжал дальше.

— Непредвиденные обстоятельства нарушили наш расчет. Первый перелет от Земли до Марса занял, как вам известно, время свыше 127 земных суток, именно превысил почти на 170 часов то, которое мы считали максимально потребным. Это составляет увеличение почти в 6%. Причины, вызвавшие это замедление пути, как вам известно, не уяснены еще нами с полной отчетливостью, но есть много вероятия искать их частично в гораздо более сильном влиянии притягательной силы малых планет, испытанной нами в часы, когда наш «Пироент» пересекал орбиту астероидов; частично в гораздо большем сопротивлении мирового эфира, нежели то предполагалось по расчету, не давшем нам довести скорость полета до максимальной величины 5,6 километров в секунду, но понижавшем ее в разные моменты движения на величину от нескольких сотых до одной и даже двух с половиною десятых километра в секунду; возможно еще, что причиною указанного явления были некоторые несовершенства сконструированного нами мотора...

«Последней причины вполне достаточно,— подумал я не без злобы,— и ни к чему ссылаться еще на фантастическое трение мирового эфира и на сомнительное увеличение притягательной силы астероидов! Порочность конструкции мотора принадлежит вовсе не *нам*, а *вам* одному, любезнейший товарищ Уиль!» Конечно, вслух я этих мыслей не высказал и старался изобразить на лице выражение холодного внимания.

— По аналогии с опытом перелета от Земли до Марса,— с прежней невозмутимостью продолжал Уиль,— мы должны допустить, что обратный путь потребует такого же увеличения своей максимальной продол-



РАСЧЕТ ДЛИТЕЛЬНОСТИ ПУТЕШЕСТВИЯ НА МАРС
Автограф, до 1918 г.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

жительности, т. е. приблизительно в 6%, т. е. займет максимум не 125, а около 132 с половиною земных суток, даже при условии, что наше отбытие с поверхности Марса произойдет не позже ранее намеченного срока и, следовательно, расстояние между обеими планетами останется то же, какое предполагалось по предварительному расчету. Таким образом, на оба перелета, путь к Марсу и обратно к Земле, мы обязаны пока класть сумму 127 земных суток, уже потраченных нами на перелет сюда, и 132,5 земных суток, предположительно необходимых для перелета отсюда до Земли, причем последняя цифра должна ныне считаться минимальной, ибо возможны еще новые случайности, столь же не предусмотренные нами в настоящую минуту, как те, которые задержали наше прибытие на Марс. В общем итоге 127 плюс 132,5 составляет 259,5 земных суток, или, в часах, 6.228 земных часов, точнее же 6.230 часов, так как наш перелет сюда занял на 2 земных часа больше времени, нежели ровно 127 раз по 24 часа. Вычитая эту цифру 6.230 часов из цифры 6.400 часов — время, на которое мы могли взять запас с собою кислорода для дыхания, мы получаем в остатке 172 часа, иначе говоря, немногим больше 7 земных и около $7^1/_2$ марсианских суток. Это и есть тот срок, который, при сложившихся условиях, мы теперь можем провести на поверхности Марса, пользуясь нашим запасом кислорода. Однако, повторяю еще раз, что эта цифра скорее должна считаться максимальной, т. к. число часов, требуемых для обратного перелета, исчислено нами предположительно и может потребовать увеличения. Следовательно, благоразумнее для нас начать наш обратный перелет ранее, чем через 7 суток, или ранее, чем по истечении 172 земных часов от момента нашего соприкосновения с поверхностью Марса.

Несомненно, вывод Уиля был достаточно поразительным, хотя все мы и предвидели его уже в течение ряда последних дней, когда выяснилось наше опоздание. Тем не менее манера говорить Уиля, совершенно излишняя точность его слов, напоминавшая элементарный учебник арифме-

тики, раздражала меня до крайности. На этот раз я не мог воздержаться, чтобы не вставить едкого замечания.

— Между тем вы, Уиль, из этих 172 часов тратите добрых полчаса на объяснение нам вещей, которые хорошо знаем без вас!

Мое впечатление было, что Крафт посмотрел на меня с ужасом, словно я своей репликой совершил перед убежденным монархистом преступление «оскорбления величества», если не произнес перед верующим богохульства. Но сам Уиль обратил на мои слова не больше внимания, чем на жужжание мухи; он только выждал маленькую паузу и заговорил снова, все тем же тоном.

— Приблизительно на такое же время остается в нашем распоряжении запас того же кислорода, водорода и других элементов для вырабатывания питьевой воды, с той разницей, что рацион выдаваемой воды может быть уменьшен, доведен, например, до трех и даже двух стаканов в день; тогда как уменьшить потребление человеком кислорода крайне трудно и даже губительно для него. Совсем ничего не буду я говорить о запасах для нашего питания, так как сокращение порций в этом отношении еще менее тягостно. Наконец, что касается зарядов для мотора, то, как я уже напоминал, мы имеем некоторый запас их, и, кроме того, можем вовсе не расходовать на Марсе, так что время нашего пребывания на планете не зависит от их количества.

— Однако, в плане нашей экспедиции стоит перелет «Пироента» из одной точки Марса в другую,— заметил я.

— К этому вопросу я и перехожу,— ответил мне Уиль с той холодностью, с какой отвечает профессор ученику, перебивающему его лекцию.

Опять сделав паузу, Уиль начал изложение второй части своего доклада.

— Вам известно, что по плану экспедиции, только что упомянутому тов. Морли, предполагалось, что мы совершим спуск поблизости от той местности поверхности Марса, которая на наших земных картах этой планеты носит именование «Озера...» Согласно с распространенной гипотезой, сторонником которой являюсь и я, подобные «озера» являются средоточием цивилизованной жизни на Марсе. Оказавшись вблизи подобного центра, мы имели бы возможность сравнительно легко, во всяком случае — быстро, вступить в сношения с разумными обитателями планеты. Однако, как вам тоже известно, непредвиденные условия полета, частью наше опоздание, главным же образом недостаточно исправное действие мотора, не позволили нам самим избрать точку спуска. По причинам, мною еще не приведенным в полную известность, задерживающая сила мотора в период спуска на поверхность планеты оказалась гораздо менее энергичной, нежели то предполагалось по теоретическому расчету и нежели то наблюдалось во время нашего пробного перелета и при опытах с моделями этеронефов моей системы. Возможно, что здесь сыграла роль инерция движения, развитая во время стадвадцатисемидневного пролета по междупланетному пространству...

«Какие нелепости говорит этот человек, выдающий себя за ученого физика!»— подумал я, но решил не вызывать новых споров.

— Как бы то ни было,— методически сказал Уиль,— наш спуск первоначально имел характер падения, тогда как мне, как управляющему мотором, предстояло иметь в виду разрешение двух задач: во-первых, замедлить это падение, обратя его в планомерный и медленный спуск; во-вторых, направить этот спуск на заранее намеченную точку планеты. Так как я с несомненностью увидел полную невозможность выполнить одновременно оба задания, то и должен был сосредоточить свою энергию на осуществлении лишь одного из них. Естественно, что я должен был

избрать первое из них, так как от замедления быстроты падения зависела судьба всей экспедиции...

Я еще раз не выдержал и воскликнул:

— Дорогой Уиль! Это нам всем слишком намятно, известно и понятно! Уж если ваш мотор оказался недостаточно мощным, разумеется, лучше было спуститься хоть куда-нибудь, но благополучно, чем точнейшим образом, на заранее избранное место рухнуть из поднебесья и разлететься при этом вдребезги!

Уиль сделал вид, что не понял моей иронии и самоуверенно заявил:

— Мне удалось достичь поставленной себе цели, и наш спуск произошел совершенно благополучно...

Я взглянул на Крафта с его вывихнутой рукой и перевязанной головой и готов был расхохотаться; Уиль же продолжал:

— Зато я должен был пожертвовать второй стоявшей предо мной задачей, и мы оказались на таком пункте поверхности Марса, который не был нами предварительно избран и местонахождение которого, в сущности, остается нам неизвестным.

— Я полагаю,— сказал Крафт, впервые за все время доклада прерывая свое молчание,— что мы опустились где-либо в области...

— Очень возможно,— благосклонно согласился Уиль.— Пейзаж, видимый нами из окна, соответствует тому представлению, какое я могу себе составить о ... Точнее мы определим наше местонахождение, сделав необходимые наблюдения.

— Каким образом? — спросил я.— Может быть, вам известно, через какой пункт марсиане проводят свой первый меридиан и который там час теперь?

Уиль не удостоил меня ответом, но вернулся к своей лекции.

— Явно одно,— сказал он,— что мы находимся в пределах какой-то пустыни, по-видимому, весьма далеко от населенных, культурных центров. Ввиду этого наши исследования потребуют значительного времени уже на один переход от этой точки до какого-нибудь города марсиан или чего-либо, что здесь соответствует нашему понятию о городе. Очень возможно, что один такой переход и потребует срока бо́льшего, чем те семь суток, которые находятся в нашем распоряжении.

— Позвольте, Уиль,— вставил я,— вы забываете, что мы ⟨*на этом текст обрывается*⟩

⟨1920—1921⟩

ГБЛ, ф. 386.35.13, л. 2—18. Автограф. В публикации сохранена авторская нумерация глав. Цифра XVI, вероятно, описка вместо VIII. В архиве имеются еще отдельные наброски, предшествующие данному тексту (ф. 386.35.11—12).

РОМАН ИЗ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

(Незавершенный замысел)

Предисловие и публикация Ю. П. Благоволиной

В архиве Брюсова среди многих набросков и незаконченных рукописей прозаических произведений сохранились фрагменты нескольких редакций романа, название которого в сознании автора, по-видимому, окончательно так и не сложилось. Этих названий несколько: «На мировом [рас⟨путьи⟩] перепутьи. Роман в четырех частях»; «На мировом перепутьи. Роман из современной жизни»; «Под стеклянным шаром. Записки наблюдателя жизни (нравы предреволюционной поры)»; «Стеклянная башня»; «Стеклянный столп».

Самый поздний вариант заглавия — «Стеклянный столп». Так озаглавлены планы романа, а также самый последний из сохранившихся фрагментов текста.

Время действия первого фрагмента — канун мировой войны (упоминаются «военные приготовления немцев»); в последнем фрагменте это уже «эпоха между двумя войнами и двумя революциями», вторая половина «тягостного десятилетия от седьмого до семнадцатого года»[1]. Очевидно, Брюсов начал писать роман не ранее августа 1914 г. и продолжал работать над ним в 1917 г., но не позже, поскольку все сохранившиеся фрагменты написаны по старой орфографии (новая орфография была введена в январе 1918 г., и Брюсов принял ее сразу же). Однако прямых сведений об этой работе или каких-либо определенных упоминаний о ней в переписке Брюсова и в его автобиографических заметках, а также в исследованиях, ему посвященных, нам обнаружить не удалось [2].

Роман интересен во многих отношениях. По-видимому, он был задуман и частично написан как роман главным образом бытовой, но широкая картина нравов России предреволюционной поры должна была включаться (об этом свидетельствуют и первый, и последний фрагменты) в широкий философский и социально-исторический контекст, смыкаясь с издавна волновавшей Брюсова темой «fin de siècle» — и шире — с проблемой кризиса мировой цивилизации, с проблемой мировой катастрофы.

Первый фрагмент содержит вступление — некую философскую интродукцию, предваряющую начало действия. Это разговор двух «стихийных духов», Алого и Голубого, пролетающих над Землей и уловивших в жизни планеты нечто такое, что предвещает катастрофу, причем это катастрофа не космическая: «Нет никакой кометы в виду, которая могла бы налететь с разбегу и разбить этот ком вдребезги»,— говорит Алый. Это и не мировая война, приготовления к которой явственно заметны в Германии: «Военные приготовления немцев не поразили Голубого: кажется, он не это разумел, когда говорил о катастрофе».

Но, очевидно, с темой катастрофы связана возникающая дальше тема преступления: «Я видел: чья-то рука бросила яд в стакан питья, который должен был выпить старик...»

Тут же наступает резкий стилистический слом:

«— Лимончика три молодцу достанется!

— Ну, уж и три миллиона! Преувеличиваете, Марк Маркович!»

Действие переносится в клуб, где идет оживленное обсуждение смерти купца-миллионера, которая во всех сохранившихся редакциях романа составляет его сюжетный центр.

Сюжет романа вкратце таков: отравлен старик, в отравлении подозревают сына, который, однако (читателю это ясно с самого начала), в смерти отца не повинен. Ста-

рика отравила, очевидно, его дочь Анна, которая особенно агрессивно обвиняет брата в убийстве.

На этой сюжетной канве Брюсов развертывает широкую картину нравов. Одной из самых значительных в авторском замысле становится глава, где обстоятельно излагается история купеческого рода Ходаковых, к которому принадлежат главные персонажи романа [3]. Глава эта имеет немало «автобиографического» в своей основе. История семьи Твердых во многом повторяет историю семьи Брюсовых. Это Яков Кузьмич Брюсов, как и Илья Твердый, в 60-е годы «сблизился с кружком студентов, стал читать книжки, учиться, даже сам поступил было в Петровскую академию». Это он, «несмотря на возражения деда», пригласил к сыну гувернанток и учителей, отдал его в гимназию, а затем в университет. И это его волей семья Брюсовых, как и семья Твердых, из «замоскворецких» перешла в «интеллигенцию» [4].

Интерес Брюсова к истории своего рода, которая служит для него отправной точкой в создании бытового фона романа, симптоматичен. До сих пор принято было считать, что этот интерес нашел выход в его художественной прозе лишь однажды — в повести «Обручение Даши», которую критика всегда считала явлением как бы случайным и для Брюсова-прозаика нехарактерным. Д. Е. Максимов замечает, что эту реалистическую повесть из жизни людей 60-х годов Брюсов «написал в виде опыта» (*Максимов 1969*, стр. 198). Повесть действительно представляет собой пробу пера в новой для Брюсова повествовательной реалистической манере.

Этот опыт был продолжен в романе «Стеклянный столп», построенном почти целиком на материале реальных жизненных наблюдений. Например, один из планов романа свидетельствует, что для Брюсова были важны прототипы: рядом с фамилией Медведникова он ставит в скобках добавление «(= Гиршман)», а его молодая жена Гликерия Павловна обозначается как «$^1/_2$ Генриетты» [5] (см. стр. 163). Прообразом кружков, обществ и клубов, подробно описанных в романе, послужил, вероятно, в известной степени Московский литературно-художественный кружок, нравы которого были так близко знакомы Брюсову, многолетнему его председателю (см. настоящ. том, стр. 33) [6]. Ветхозаветный быт купеческой семьи, знакомый Брюсову с детства, послужил материалом для изображения семейного уклада Ходаковых. В целом же основой картины нравов, нарисованной в романе, является русская действительность 1910-х годов [7].

Но если художественная задача «Обручения Даши» бытописательством в общем исчерпывалась, то «Стеклянный столп», как уже говорилось, по замыслу гораздо шире. В нем намечены многие проблемы, волновавшие Брюсова-художника: это и угроза мировой катастрофы, и тема «преступления и наказания», и проблема ницшеанства, данная в упрощенном восприятии героя-подростка, и образ ученого, смелые замыслы которого не могут воплотиться в жизнь из-за непонимания и отсутствия поддержки окружающих. При этом последний из сохранившихся фрагментов свидетельствует о том, что с годами замысел Брюсова расширялся и усложнялся: роман нравов превращался в роман социально-исторический, характеризующий «эпоху между двумя войнами и двумя революциями».

Быть может, именно эта многоплановость романа была причиной того, что он остался незавершенным: по-видимому, Брюсову так и не удалось найти единое стилевое решение, в котором воплотилось бы столь разнообразное содержание. «Историческая, повествовательная» [8] манера изложения, уместная в главах нравоописательных, явно вступала в противоречие с той манерой, в которой написаны главы «психологические» (например, разговор Федора с Анной — см. стр. 147). В тех фрагментах, которые сохранились в архиве, роман стилистически очень разнороден — и не оставляет впечатления органичности и целостности.

Ассоциации, вызываемые романом, уводят нас, с одной стороны, к юношеским тетрадям Брюсова 1880—1890-х годов (например, рассказ «Борьба», где впервые возникает проблема нравственного права незаурядной личности утвердить себя в жизни любой ценой, даже ценой преступления [9]), а с другой — соприкасаются с проблематикой творчества зрелого Брюсова (например, сборник рассказов «Ночи и дни», с его «попыткой всмотреться в особенности психологии женской души» [10], и чаще всего души

преступной; драма «Пироэнт», где крупный ученый, конструирующий межпланетный корабль, во имя достижения своей цели вынужден идти на преступление [11]; повесть «Моцарт», где поставлена проблема нравственной ответственности человека перед окружающими [12],— и многое другое).

Идейно-художественная проблематика романа может быть осмыслена лишь в контексте всего творчества Брюсова, и сколько-нибудь подробный ее анализ в нашем кратком предисловии не может быть дан. Но введение в научный оборот этого произведения, долгие годы остававшегося вне поля зрения исследователей, есть задача насущно необходимая.

Материалы романа заложены в обложку, на которой рукой И. М. Брюсовой число страниц обозначено как «150 с лишним». Однако налицо только 44 листа, из которых исписано 57 страниц (остальные обороты листов остались чистыми). Но даже если предположить, что И. М. Брюсова считала страницы независимо от того, заполнены они или нет, то и это составит всего 88 страниц. Возможно, что какие-то куски текста были ею кому-то подарены и со временем обнаружатся в частных коллекциях. Но возможно также, что в обложку по ошибке были заложены листы, к роману отношения не имевшие и затем переложенные без соответствующего исправления надписи на обложке.

Сохранилось десять фрагментов, восходящих, как нам кажется, к различным редакциям романа, а также планы и рабочие материалы (родословные таблицы семьи Ходаковых, чертежи расположения комнат в их доме). Первый и два последних фрагмента представляют собой совершенно самостоятельные редакции, и с другими фрагментами автор их никак не соотносит. Остальные семь фрагментов Брюсов, видимо, пытался свести в некий единый текст, каждый из кусков которого соответствует тому или иному пункту плана, образуя в результате определенное сюжетное единство. Однако эта работа не была доведена до конца.

Планы романа сохранились в трех вариантах. Они записаны на одном листе (ГБЛ, ф. 386.35.26, л. 29), и последовательность их определяется по расположению (стр. 163—164). Именно эти планы могут служить до некоторой степени ориентиром в определении последовательности редакций текста.

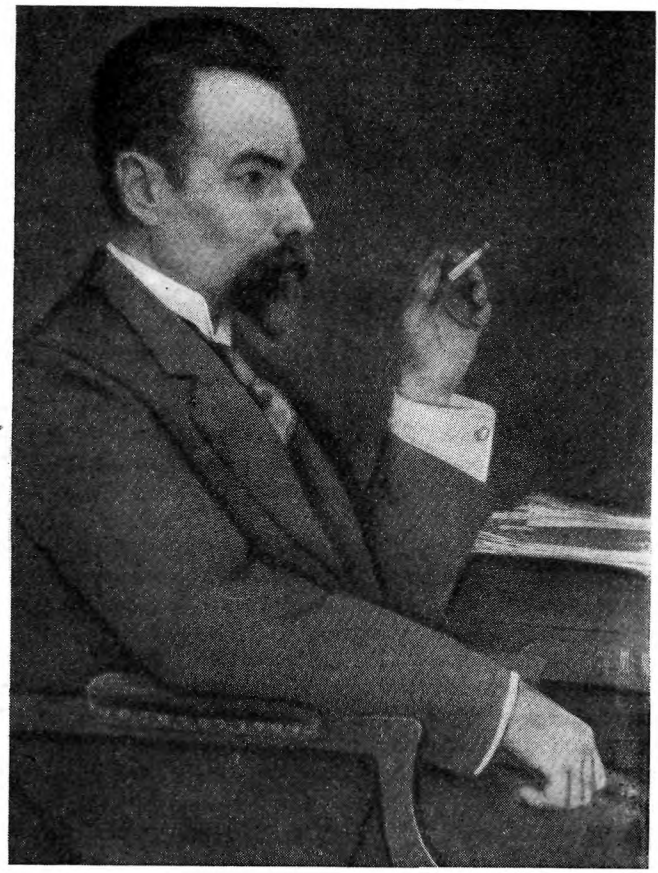
Ниже дается описание всех фрагментов романа, сохранившихся в архиве Брюсова [13]. Цель описания — установить их хронологическую и сюжетную последовательность, определить их соотношение между собой и проследить, по возможности, развитие авторского замысла от первой редакции к последней.

Фрагмент 1. «На мировом [рас⟨путьи⟩] перепутьи. Роман в четырех частях. Часть первая. Отцеубийца. Глава первая. Три миллиона» (35.37, л. 1—10). Черновой автограф; написан на бумаге, которая появляется в рукописях Брюсова 1910-х годов и к 1915 г. почти совсем исчезает. На бумажной обложке, в которую вложен автограф,— другое заглавие (рукой Брюсова): «На мировом перепутьи. Роман из современной жизни. Часть первая».

Фрагмент представляет законченную первую главу, которая состоит из двух подглав: I и II. Первая содержит беседу двух «стихийных духов» (см. стр. 114), вторая — сцену в ночном клубе, где становится известно о смерти старика-миллионера.

Последующие главы, соотносимые с этим фрагментом, в архиве Брюсова не обнаружены. В свою очередь, первая часть этой главы никак не соотносится с планами романа. Это позволяет считать данный фрагмент началом наиболее ранней редакции. Брюсов приступил к работе над нею не ранее августа 1914 г. (Петербург здесь уже назван Петроградом), однако более вероятно, что эта редакция относится к осени 1915 г., так как обложка, на которой написано второе заглавие, сделана не ранее этого времени (Брюсов использовал для нее лист бумаги из материалов к сборнику «Поэзия Армении» [14], над которым начал работать в августе 1915 г.).

Эта редакция представляется нам самой ранней не только потому, что остальные фрагменты написаны на бумаге более позднего происхождения. Она явно предваряет последующую разработку текста. В качестве иллюстрации приведем из *фрагментов I* и *III* характеристики персонажа, сообщающего в клубе о смерти старика:



БРЮСОВ
Фотография. Москва, 1910-е годы
Мемориальный кабинет Брюсова, Москва

«О трех лимончиках сообщал Тимолкин, господин неопределенных лет, бритый, как актер, в небрежном пиджаке, один из тех людей, которые все и обо всем знают» (*Фр. I*).

«Петр Петрович Краснов — человек, не знавший в жизни иного дела, кроме карт, но замечательный еще тем, что все, совершающееся в Москве, было ему известно, как дела своего дома. Бывают такие люди, которые со всеми знакомы, осведомлены обо всех отношениях — кто, когда, где и что и, в особенности, с точностью знают, у кого сколько денег в деле, в банке, на текущем счету и чуть ли не в бумажнике, лежащем в левом кармане пиджака» (*Фр. III*).

«Вторичность», т. е. большая разработанность и стилистическая завершенность *фрагмента III* не вызывает сомнения.

Таким образом, первая редакция устанавливается довольно точно. Ввиду недостаточной ее разработанности и ввиду того, что Брюсов совсем не использовал ее в дальнейшей работе, эта редакция в данной публикации не воспроизводится.

Фрагмент II. «Глава [VI.] II. 1. Дом Ходаковых делился как бы на две партии ∽ когда произошла катастрофа» (35.26, л. 8—15; стр. 134 —140). Черновой автограф с авторской пагинацией листов: «2—8» (первый лист не нумерован).

Зачеркнутая цифра «VI» свидетельствует, что глава была написана в соответствии с первым вариантом плана и, следовательно, относится к одной из ранних редакций — по всей вероятности, ко второй. Авторская пагинация позволяет предположить, что эту

главу, особенно занимавшую его внимание, Брюсов написал раньше предыдущих (иначе нумерация листов была бы продолжающейся), и вполне возможно, что главы I—V этой редакции вообще не были написаны. Затем Брюсов решил писать роман в соответствии с третьим вариантом плана («Глава II. 1. Дом Ходаковых») и включил в него написанный фрагмент уже как первый раздел главы II.

Фрагмент III. «Было рано; большая игра еще не начиналась ∞ Идеже несть страсти, печали и воздыхания, но жизнь вечная...» (35.26, л. 1—7; стр. 121—133). Черновой автограф с авторской нумерацией страниц: «103—116». Начиная с л. 2 об., в тексте обозначены номера разделов — «3», «4», «5», «6». Первые страницы, по-видимому, утеряны, так как раздел первый и начало второго отсутствуют.

Этот фрагмент соответствует построению первой главы по третьему варианту плана. Отступлением является только указание на предполагавшийся, но, видимо, не написанный раздел седьмой (цифра «7» в конце последнего листа).

Авторская нумерация страниц этого фрагмента является загадкой. Предположить, что утерянное начало растянулось на 100 страниц, тогда как остальной текст занимает всего 14 страниц, невозможно. Кроме того, ни в одном из вариантов плана нет темы, разработка которой потребовала бы такого объема. Возможно, что со временем обнаружатся какие-то новые фрагменты, которые помогут разрешить эту загадку.

Можно полагать, что этот фрагмент является началом (главой I) еще одной — третьей редакции романа. К ней были присоединены: *фрагмент II* (в качестве первого раздела главы II) и ряд последующих *фрагментов* (*IV—VII*).

Фрагмент IV. «Глава (номер не указан.— *Ю. Б.*). Федор Васильевич предпочитал не держать постоянного лакея ∞ Лицо Кромчеделова выразило такое» (35.26, л. 16—17; стр. 141—142). Черновой автограф с авторской пагинацией («9—10»), продолжающей нумерацию страниц *фрагмента II*. Глава не закончена — текст обрывается на половине фразы, лист до конца не дописан.

По содержанию продолжает *фрагмент II* и соответствует первому варианту плана («VII. Панихида ⟨...⟩») и третьему («Глава II ⟨...⟩ 2. Панихида»). Судя по бумаге, цвету чернил и нумерации страниц, относится к той же второй редакции, что и *фрагмент II*.

Следующие четыре фрагмента (V—VII) носят разрозненный характер и установить их принадлежность к какой-либо определенной редакции и последовательность их создания не представляется возможным.

Фрагмент V. «X. Федор не мог выносить долее этой нравственной пытки ∞ «чуткая цензура» быстро стесняла «в журнальных выходках балагура» (35.26, л. 18—19; стр. 142—147). Черновой автограф с авторской нумерацией страниц: «11—13».

Соответствует первому варианту плана («Глава VII ⟨...⟩ В саду: Фео и Ани») и третьему («Глава II ⟨...⟩ 4. Леонид и (его друг) Вадим»), но лишь отчасти: действие происходит в саду, однако вторым действующим лицом является не Анна, а Ирина; затем следует беседа не двух, а трех приятелей. Нумерация глав («X», «XI», «XII») не соответствует ни планам романа, ни другим фрагментам; глава XII не завершена.

Фрагмент VI. «В невольном порыве он обнял ее и поцеловал ∞ Хотелось поскорее ото всех спрятаться, броситься на кушетку, закрыть глаза и не думать ни об чем, позабыть события последних суток» (35.26, л. 22—23; стр. 147—150). Черновой автограф с авторской нумерацией страниц: «12-I—12-IV».

По содержанию соответствует всем трем вариантам плана (гл. VII — в первом, гл. III — во втором, гл. II, раздел 3 — в третьем).

По-видимому, эти страницы, изъятые из неизвестного нам текста, были предназначены для вставки во *фрагмент V* (на стр. 12 по авторской пагинации). Это соответствует общей логике развития сюжета, однако в тексте *фрагмента V* нет места, куда такая вставка могла бы войти органически.

Фрагмент VII. «В каждой газете читались более или менее сенсационные заголовки ∞ опутывая Федора какой-то сетью низких подозрений и намеков...» (35.26, л. 20—21; стр. 151—155). Черновой автограф с авторской пагинацией: «14—17».

По этой пагинации и по содержанию примыкает к *фрагменту V*, однако не является его продолжением, т. к. написан на другой бумаге.

Фрагмент VIII. «Дома Федор почувствовал такую духовную усталость ∞ Она говорила, она» (35.26, л. 24—25). Черновой автограф с авторской пагинацией: «а1 —а4». Текст обрывается на полуфразе.

Содержит сцену ночного свидания Федора с Ириной, во всех вариантах плана отсутствующую. Ни в один из сохранившихся фрагментов эта сцена не вписывается и, по-видимому, предназначалась (судя по авторской пагинации) для вставки в какой-то несохранившийся фрагмент. Ввиду его обособленности, *фрагмент VIII* в настоящей публикации не воспроизводится.

Фрагмент IX. «Под стеклянным шаром. Записки наблюдателя жизни (нравы предреволюционной поры)» (35.26, л. 27—34 об.; стр. 155—161). Беловой автограф. Представляет собой совершенно самостоятельную редакцию начала романа, написанную в форме дневника одного из родственников Ходакова. Судя по заглавию, Брюсов работал над ней в 1917 г.

Прямого соответствия планам эта редакция не имеет, но общая схема сюжета остается прежней (известие о смерти Ходакова и подозрения в убийстве, падающие на его сына), а сцена на панихиде, когда одна из дам не желает подать руки Федору, почти полностью аналогична соответствующей сцене из *фрагмента III*. На этой сцене *фрагмент IX* обрывается, но лист до конца не дописан и можно полагать, что продолжения просто не было.

Фрагмент X. «[Стеклянн[ая]ый [башня] столп. Часть первая. Глава I» (35.26, л. 35—36; стр. 161—163). Беловой автограф; вторая страница не дописана.

Представляет собой самостоятельную редакцию начала романа — вступление, рисующее картину безвременья в эпоху «между двумя войнами и двумя революциями». Судя по содержанию, Брюсов работал над этим фрагментом в 1917 г.

Таким образом, устанавливается предположительно наличие не менее пяти редакций романа, которые, по всей вероятности, имеют такую последовательность:

Первая редакция — *фрагмент I.*

Вторая редакция — *фрагмент II и IV.*

Третья редакция — *фрагмент III.*

Четвертая редакция — *фрагмент IX.*

Пятая редакция — *фрагмент X.*

Кроме того, мы располагаем тремя разрозненными *фрагментами* (*V—VII*), сюжетно развивающими третью редакцию, в которую автор, по-видимому, намеревался их включить. К ней, вероятно, предполагалось присоединить и фрагменты второй редакции (II и IV), также сюжетно с ней связанные.

Таким образом, *фрагменты III, II и IV—VII* связаны единым замыслом и общим сюжетным развитием. Этим мы и руководствовались, устанавливая последовательность их публикации. *Фрагменты IX и X*, относящиеся к более поздним редакциям, публикуются в конце. *Фрагменты I и VIII*, как уже было сказано, в публикацию не включены.

Роман не только не закончен, но не отделан даже внутри каждой из самостоятельных редакций. Так, например, старик Ходаков первые три раза назван Ходотовым, и эта ошибка не исправлена Брюсовым, т. е. на одном листе (35.26, л. 1—1 об.) герой назван двумя разными фамилиями. Мать Ирины в двух соседствующих абзацах названа сначала Ксенией, а потом Евгенией (л. 11) — и это тоже оставлено без исправления. Таких примеров множество (Людмила называется Генриеттой, Грабовецкий вдруг неожиданно для читателя становится Грабовским, Анна — Еленой и т. п.). Все эти несообразности в публикации сохраняются и никак не оговариваются, ибо черновой, «предварительный» характер текста публикуемого романа самоочевиден и в излишних назойливых оговорках, на наш взгляд, не нуждается.

Бóльшая часть текста представляет собой черновой автограф и прочитывается с трудом. Слова, как это обычно бывает в черновиках Брюсова, сокращены, не дописаны, зачеркнуты, вписаны между строк и т. п.

Исчерпывающего воспроизведения текстологических особенностей автографа наша публикация не дает. Из зачеркиваний восстанавливаются и приводятся под строкой лишь те, которые несут в себе оттенок смысла, в результате правки исчезнувший. На-

пример, во фразе: «Краснов невольно как-то съежился, но не потерял апломба [т. к. был не труслив] и возразил насмешливо», — слова «т. к. был не труслив» зачеркнуты Брюсовым и приводятся в публикации под строкой. Но далее в той же фразе глагол был повторен трижды: «[и возразил] [спросил] и возразил». Из этих трех глаголов оставлен только третий, не зачеркнутый. Если из двух синонимов один, зачеркнутый, как-то экспрессивно окрашен («почему вы так [вспетушились] вскинулись?»), он приводится под строкой, если же стилистически нейтрален, он, как правило, опускается и наличие его в авторском тексте никак не оговаривается. Например, в предложении: «это не мешало им [оф〈ициально〉] формально даже не быть представленными друг другу»,— слово «официально» опущено без всяких оговорок.

Недописанные части слова заключаются в ломаные скобки только в том случае, если в точности конъектуры мы сомневаемся. Если же в точном прочтении слова сомнений не возникает, оно дописывается без всяких оговорок. Например, в предложении: «Краснов сообщ〈ал〉 известие сенсационное, наст〈олько〉 пораз〈ительное〉, что многие из др〈угих〉 групп, услышав его слова, поспешили подойти поближе» — ломаные скобки сохраняются только в слове «сообщал», так как возможно и прочтение «сообщил». Точно так же и с фамилиями. Пока старик Ходаков назывался Ходотовым, фамилия его раскрывается с ломаными скобками: Ход〈отов〉. Но как только он стал единообразно по всему тексту именоваться Ходаков, то и дописываться его фамилия стала уже без всяких указаний на неполное написание слова.

Явные описки автора исправлены в тексте без оговорок. Текст публикуется по правилам современной орфографии и пунктуации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. наст. том, стр. 161. Далее ссылки на страницы нашей публикации даются в тексте предисловия без указания на источник.

[2] В письмах Брюсова к жене за 1915 г. (ГБЛ, ф. 386.142.19—20; 69.7—8) и в «*Дневнике поэта*» (1917 г.; см. наст. том, стр. 29) есть упоминания о работе над романом, название которого не указано. В 1910-е годы Брюсов работал также над романом «Юпитер поверженный». Установить, к какому из этих романов относятся эти упоминания, не представляется возможным.

[3] Эту главу Брюсов обдумывал особенно тщательно, о чем свидетельствуют подготовительные материалы к роману: подробнейшие родословные таблицы семьи Ходаковых и детально вычерченные планы расположения комнат в их доме (см. наст. том, стр. 133, 139).

[4] Интересные архивные материалы, раскрывающие историю купеческой семьи Брюсовых, переданы сестрой В. Я. Брюсова Е. Я. Калюжной в ГБЛ.

[5] Т. е. Генриетта Леопольдовна *Гиршман* (см. о ней наст. том, стр. 34)

[6] «Общество телескопов» тоже имеет свой «прототип» — московское «Общество аквариума и комнатных растений».

[7] Об эволюции эстетических взглядов Брюсова 1910-х годов, приведшей к утверждению, что «начало всякого искусства — наблюдение действительности»,— см.: *Максимов 1969*, стр. 187—189 и далее.

[8] На полях первой страницы главы, посвященной истории рода Ходаковых, рукой Брюсова написано: «Изложить исторически, повествовательно» (ГБЛ, ф. 386.35.26, л. 8).

[9] Этот рассказ и ряд других юношеских набросков Брюсова интересны не только как истоки темы преступления и наказания в творчестве писателя, но и как прямые «прототипы» отроческих сочинений («мальчишеских глупостей») героя романа — Федора Ходакова, которые служат для его сестры основным аргументом в доказательстве его виновности (см. стр. 147): «Яд! У меня есть добойя, есть кураре, есть синильная кислота,— рассуждает, например, герой рассказа «Борьба».— 〈...〉 Как жалки, смешны люди со своими угрызениями совести! Чувствовать что-нибудь подобное я не могу 〈...〉 Счастья не вырвать у меня из рук. Дядя умер, и оно мое!..» (ГБЛ, ф. 386.126.1).

[10] Валерий Брюсов. Ночи и дни. М., 1913. Предисловие.

[11] ГБЛ, ф. 386. 29. 1—9.

[12] ГБЛ, ф. 386. 35. 5—9.

[13] ГБЛ, ф. 386. 35. 26 и 35. 37. Далее ссылки на этот источник даются в тексте статьи, при этом первая часть шифра (ГБЛ, ф. 386) опускается.

[14] На обороте обложки — машинописный заголовок: «Ануш. Поэма Туманяна».

*Было рано; большая игра еще не начиналась. Устав Собрания разрешал играть без «штрафа», уплатив лишь по 3 р. за «карты», с 8 часов вечера до 2 часов ночи. После следовал, согласно с «нормальным уставом» всех клубов, штраф за каждые $^1/_2$ часа, в 30 к., 90 к., 1 р. 20 к. и т. д., заканчиваясь штрафом в 38 р. 10 к. для уходящих из игорных зал после 6 часов утра... Словно в насмешку над этими правилами, игроки редко садились за «круглые столы» раньше полночи, «большая игра», игра с «пулькой», большей частью, начиналась лишь около 2, перед самым началом уже штрафного времени, и завсегдатаи Общества, каждый, ежедневно, уходя, платил — или оставался должен кассе — свою привычную дань: четыре десятирублевых бумажки, требовать сдачи с которых считалось неприлично... Неудивительно, что доход Общества редко был меньше 〈?〉 2—3 тысяч рублей в день, и четыре главных «старшины» — в сущности, содержатели притона — весело потирая руки, тоже ежедневно клали в карман несколько сотенных бумажек и, со вздохом, оставляли остальное на необходимейшие расходы.

В начале первого был занят только один круглый стол, за которым разместились преимущественно дамы. Тут шла мелкая «серебряная» игра, т. е. не брезгали ставками и монетою 〈не〉 золотою, меньше 5 р. Обороты здесь ограничивались десятками рублей, и выигрыш в несколько сот составлял событие. В гостиных играли в винт и в преферанс, кто «по маленькой», а кто и по столь «крупной» и с такими условиями игры — разными «винтами», «гайками», «скачками» 〈?〉 «разницами» 〈?〉 и тому подобным, что она, в сущности, ничем не отличалась от любой азартной. Но крупные игроки в железку, гнушаясь «серебряного стола», пренебрегали и коммерческими играми, в которые результата надо было ждать слишком долго, а поджидали своих обычных партнеров, чтобы составить «золотой стол» и стол «с пулей», где закладывали в банк тысячи и где, при удаче, в несколько минут можно было загрести десят〈ки〉 тысяч, а за ночь выиграть целое состояние. В ожидании этого рыцарского зеленого поля вели свои беседы; «Общество Люб〈ителей〉» было не только игорным домом: оно, д〈ейственно〉, выполняло и функции клуба, так как здесь сходились все темные дельцы Москвы, чтобы узнать друг от друга новости дня, и все московские «дисконтеры», как они сами себя именовали, или «биржевые зайцы» и «биржевые волки», как их называли другие, чтобы подготовить «кулису» завтрашней биржи.

Одна группа оживленно обсуждала последние котировки, и там слышались привычные восклицания: «Нобель», «Сормово», «дают», «берут», «валятся», «на повышение» и т. д. В другой группе, чуть не шопотом, совещались трое сомнительного вида мужчин, которые явно не желали, чтобы кто-нибудь расслышал их конфиденциаль〈ные〉 сообщени〈я〉. В третьей, самой многочисленной группе, ораторствовал громко один из самых рьяных 〈?〉 игроков, Петр Петрович Краснов — человек, не знавший в жизни иного дела, кроме карт, но замечательный еще тем, что всё, совершающееся в Москве, было ему известно, как дела своего дома. Бывают такие люди, которые со всеми знакомы, осведомлены обо всех отношениях — кто, когда, где и что, и, в особенности, с точностью знают, у кого сколько денег в деле, в банке, на текущем счету и чуть ли не в бумажнике, лежащем сегодня в левом кармане пиджака.

Краснов сообщ〈ал〉 известие сенсационное, настолько поразительное, что многие из других групп, услышав его слова, поспешили подойти ближе. Один из таких любопытствующих даже переспросил:

— Ходотов умер? Василий Тимофеевич?

---

* *Фрагмент III.*

— Да, господа! — подтвердил всезнающий Петр Петрович,— умер Василий Тимофеевич Ходотов, скоропостижно, часа два тому назад.

— Но это же невероятно ⟨?⟩,— возразил подошедший,— я сегодня имел с ним дело (в этих словах был оттенок хвастовства, ибо лестно иметь дело с архимиллионером), в два часа дня старик был совершенно здоров, крепок, как дуб. Я думал, он нас с вами переживет.

— В два часа был крепок, как дуб,— ответил Краснов,— вечером пообедал, потом имел беседу с сыном, Федором Васильевичем, разгневался, разволновался, слег и в 11 часов ночи отдал богу душу.

Окружающие восклицаниями выражали свое изумление.

— Экое дерево рухнуло,— сказал кто-то,— у старика давно за 5 миллионов перевалило.

— Извините-с, — поправил ⟨?⟩ Краснов,— наличного капитала у Ход⟨отова⟩ свыше шести миллионов, в деле основного капитала миллион двести имел; фабрик⟨а⟩ с землей, со всеми машинами — minimum полтора миллиона; товару с моск⟨овских⟩ складов ⟨?⟩, по последнему счету, на четыреста тысяч; дом в Таганке, по нашим ⟨?⟩ ценам, не считая мебели и всей рухляди, мало-мало двести пятьдесят тысяч; да тысяч пятьдесят — дача в Сокольниках. Вот и складывайте.

— Вы насчитали,— быстро ⟨?⟩ сложил один еврей,— вы насчитали девять миллионов четыреста тысяч.

— Я еще много пропустил. ⟨1 нрзб⟩ десять миллионов и то будет ниже действительности.

Наступила пауза,— словно цифра в 10.000.000 подавила всех своей громадностью.

— Отчего же он умер? — деловито спросил кто-то.

Краснов без малейшего промедления мог удовлетворить любопытство.

— Сегодня у него обедал сын, Федор Васильевич. Вы знаете, что Ходаков в ссоре с сыном; тот живет отдельно, но все же бывает в отцовском доме и иногда обедает с семьей. Сегодня после обеда старик позвал Федора к себе в кабинет. Им туда подали кофе, так как старик, хотя был и ветхозаветных правил, но к кофею пристрастился. За кофе старик стал что-то сыну доказывать; тот не соглашался. Вышла ссора. Старик начал кричать: «А коли так, с глаз долой, вон из дома и лишаю тебя наследства!» Федор взял шляпу и ушел. А старик залпом проглотил чашку кофе, чтобы успокоиться, сразу почувствовал себя плохо и слег. Началась рвота, и к ночи, только что ⟨?⟩, старика не стало.

— Позвольте! Ведь это же черт знает что вы говорите!

Эти слова были произнесены так резко, что все невольно оглянулись: говорил один из завсегдатаев Собрания, молодой человек неопределенной профессии, Владислав Грабовецкий. В Собрании необычным явлением был голос искреннего негодования; все так привыкли спокойно выслушивать любые гнусности и инсинуации, что теперь смотрели ⟨на⟩ Грабовецкого с истинным изумлением. Краснов невольно как-то съежился, но не потерял апломба* и возразил насмешливо:**

— А позвольте вас спросить, почему вы так *** вскинулись? Я, знаете, не привык к подобным замечаниям.

— Да вы понимаете, что вы говорите?

— Во-первых, я даже не имею чести быть с вами знаком и обращался не к вам...

Краснов и Грабовецкий много вечеров игрывали за одним столом, но это не мешало им формально действительно не быть представленными друг другу.

* *Далее зачеркнуто*: т. к. был не труслив

** *Далее зачеркнуто*: — Что же, собственно ⟨?⟩ вас так изумило, что вы

*** *Далее зачеркнуто*: вспетушились

— Мне все равно, к кому вы обращались,— не понижая тона продолжал Грабовецкий,— а только в ваших словах есть клевета. Вы обвиняете молодого Ход⟨акова⟩ не более не менее как в том, что он мог отравить отца! Я лично знаком с Федором Васильевичем и не позволю инсинуировать на его счет в моем присутствии.

Краснов хорошо владел собою, как и должно всем игрокам, и потому, не волнуясь ⟨?⟩, но твердо отвечал:

— Никого ни в чем я не обвиняю и обвинять не имею ни права, ни оснований. Передавал я то, что мне самому рассказывали. А вас я попрошу взять ваши слова обратно-с. Я не позволю говорить с собой в таком тоне.

Началась ссора. Присутствующие вмешались, спеша ее потушить. Уже на месте события был «дежурный старшина», юркий и изворотливый Устимович, который перебегал от одного из противников к другому, убеждая их успокоиться. Всякий скандал в благородном собрании угрожал самому его бытию, и первой задачей дежурного старшины было погашать всякие недоразумения в самом их зародыше.

На этот раз дело оказалось труднее, чем обыкновенно. Краснов требовал непременно, чтобы Грабовецкий извинился за свои выражения; поляк и слышать об этом не хотел. Наконец, Устимовичу удалось увлечь их за собой в кабинет дежурного старшины, где ⟨он⟩ продолж⟨ал⟩ свои великодушные старания примирить ссорящихся. Между тем оставшиеся продолжали вполголоса обсуждать и инцидент, и известие, привезенное Красновым. Кончина старика-миллионера была огромным событием в жизни Москвы. Все знали или лично Ходакова или, по крайней мере, его дело. Говорили тоже о Федоре Васильевиче и о странном подозрении, брошенном Красновым. Однако скоро ⟨?⟩ [подъехали новые] посетители, стали составляться «столы», и скоро все позабыл⟨ось⟩ за жутким волнением игры, и слышались только иератические восклицания:

— Даю! — Своя! — En carte! — D'emblée!* — Получите!..

3

В кабинете дежурного старшины, как и ожидал многоопытный Устимович, противники быстро пошли на уступки. Краснов согласился признать, что неосторожно передавал непроверенные слухи, а Грабовецкий после того выразил что-то вроде извинения или сожаления в резкости своих слов. Устимович разорвал «протокол», который для вида начал было составлять, и «дело» было покончено. Краснов и Грабовецкий не подали друг другу руки, но это, конечно, не помешало бы им тут же сесть за тот же стол,— таких примеров бывало достаточно,— если бы молодой поляк тотчас по окончании переговоров не уехал из Собрания. Грабовецкий внезапно решился разыскать Федора Ходакова, так как действительно был с ним знаком,— познакомились в те дни, года три назад, когда Федор был усердным посетителем всяких кабаков и притонов.

Поспешно выйдя из подъезда с электрической дыней, Грабовецкий кликнул «своего» извозчика, лихо подкатившего к крыльцу и словно заправский кучер спросившего, сняв шапку:

— Куда прикажете, ваше сиятельство?

Грабовецкий знал, где разыскать Федора: в этот день было заседание Общества любителей телескопов, которое усердно посещал молодой Ходаков. Гнедой мерин тряхнул хвостом и полетел по пустеющим улицам, обдавая фонтаном грязи неосторожных прохожих. «Чтой-то там не бывали допрежь,— соображал лихач, обдумывая адрес, который ему назвал

* На карту! Сразу! (*франц.*).

Грабовецкий*,— или там новое заведение открылось, или мой новую себе сударышню нашел: разведаем!»

В Собрании тем временем игра разгоралась; ставки росли; одни игроки бледнели, вынимая последние пятисотенные, другие с трудом подавляли выражение ликования, запихивая по всем карманам пачки крупных кредиток. Однако каждому вновь прибывающему, который временно становился сзади играющих, чтобы «мазать» «со стороны», шопотом сообщалось о смерти старика Ходакова. Скоро «вся Москва», по крайней мере** биржевая, знала о событии, и завтрашним газетам предстояло сообщить уже устарелое известие.

Был, однако, один человек, весьма близко стоявший к событию, который об нем совершенно не был осведомлен, и это — сам Фе[о]дор Васильевич Ходаков. Он, действительно, обедал в тот день в старом отцовском доме, на Таганке, из которого ушел часа полтора назад, и, действительно, имел тяжелую сцену с отцом. Спор шел по тому самому вопросу, который разделил отца с сыном. Стар⟨ик⟩ Ходаков, нажывший миллионы своими мануфактурами, желал передать фабрики и все дело единственному сыну Федору***, но Федор чувствовал неодолимое отвращение ко всякой коммерции. Разные обстоятельства, о которых еще будет сказано потом, сделали так, что Федор получил прекрасное образование, кончил курс Университета по математическому отделению, побывал за границей, учился в Лейпциге **** и с наивным энтузиазмом молодости увлекался астрономией. По мнению Федора, 10 миллионов отца было более чем достаточно для того, чтобы и он, и отец, и вся их семья могли доживать свой век в полном довольстве. Поэтому Федор упрямо отказывался принять наследство отца, предлагал дело ликвидировать и просил, чтобы отец позволил ему на досуге отдаться своему любимому делу. Дело же это было какое-то фантастическое изобретение, о котором никто в точности не знал ничего определенного, но которое сам Федор считал не менее важным для человечества, чем открытия Коперника и Колумба. Молодость не рассуждает, молодость упорна и отважна; да Феодор вдобавок наследовал крутой нрав всех Ходаковых. Другой на месте Феодора ради перспективы в 10.000.000, в⟨ероятно⟩, уступил бы отцу, принял бы для видимости дело, тем более, что старику Ходакову было уже за 70 и жить ему оставалось во всяком случае не так долго. Но Федор поставил вопрос ребром: «Не могу и не хочу заниматься вашим делом, папаша, я неспособен к нему, все равно все погублю!» Отец сначала ⟨?⟩ ⟨2 *нрзб*⟩, потом пришел в ярость, грозил лишить сына наследства, передать все своему старшему приказчику, продувному малому Сусурову; Федор ушел из отцовского дома, поселился отдельно, получая, однако, от отца по тысяче рублей в месяц и бывая в старом Таганском доме. Но отношения все напрягались, ссоры с отцом становились всё жесточе, и, наконец, разразилась катастрофа. Стар⟨ик⟩ Ходаков окончательно вышел из себя, почти ⟨?⟩ форменно выгнал Федора и кричал ему вслед:

— Нет у меня больше сына! Чтоб ноги твоей здесь не было! Всё раздам по монастырям! Копейки не получишь! Вон!

Федор выбежал на улицу подавленный. Несколько минут он колебался, не вернуться ли, не уступить ли... Но гордость превозмогла. Тряхнув головой, он зашагал прочь и был в таком волнении, что не заметил, как пешком прошел весь не близкий путь от Таганки до своей квартиры в Малом Кисельном. Только у подъезда дома, где он жил, Федор несколько

---

* *Далее зачеркнуто*: али

** *Далее зачеркнуто*: деловая

*** *Далее зачеркнуто*: А Федор воспитанный в новом

**** Над словом «Лейпциг» знак вопроса, поставленный Брюсовым.

Г. Л. ГИРШМАН
Рисунок В. А. Серова. Карандаш. 1900-е годы
Третьяковская галерея, Москва
В плане романа против имени Гликерии Медведниковой (в тексте она — Людмила Бучугина) помета Брюсова: «½ Генриетты»

опомнился. Было еще рано, часов 8 вечера; Федор вспомнил, что за ним хотел заехать один из его приятелей, Чиличенко, чтобы ехать вместе на заседание Общества телескопов. Но Федору не хотелось пока видеть никого; крадучись, пробрался он к себе, наскоро переоделся и опять выбежал на улицу, оставив извинительную записку для своего друга.

И потом часа два* Федор продолжал бесцельно бродить по улицам, обдумывая свое положение. Зажигались вечерние фонари и ночные звезды в небе, быстро проносились трамваи, обдавая синим блеском, яростно вонзали белые огни авто, вырывавшиеся с неимоверной быстротой, чтобы вдруг исчезнуть, катили экипажи, шли пешеходы, порой бульварные феи окликали робко: «Мужчина! Пойдемте?» — Феодор ничего не замечал, он шел по каким-то улицам и переулкам, доходил до застав, поворачивал назад, останавливался у блестящих витрин, иногда садился на скамейки в сквере; душа была подавлена; мысль отказаться от богатства отца угнетала его, но уступить не было сил. В общем в душе была горечь, злоба, не то раскаянье, не то желание мести, то нестерпимо-тоскливое чувство, которое сопровождает нас, когда мы соверш⟨аем⟩ поступ⟨ок⟩ непоправим⟨ый⟩... Федор с удовольствием не пошел бы на собрание Общества, так как видеть людей ему было нестерпимо; но пойти было необходимо, так как в этот вечер он назначил там свидание с той, кого Федор любил или кого, как ему казалось, что он любил: с Людмилой Павловной** Бучугиной, котор⟨ая⟩ не даром считал⟨ась⟩ «первой красавицей» Москвы, по крайней мере в кругах haute bourgeoisie. Федор знал, что Людмиле нелегко будет добиться от своего мужа разрешения приехать в Общество, и потому на это свидание прийти было необходимо...

Федор посмотрел на часы: было ровно 11 — самое время идти в Собра-

* *Далее зачеркнуто*: или три
** *Далее зачеркнуто*: Хренниковой

ние. Сделав над собой усилие, подавив волнение, Феодор направился на Неглинную, где Общество телескопов снимало роскошную квартиру для своих аквариумов и для своих вечеров.

4 *

Федор не ошибался, когда думал, что Людмиле будет не легко попасть на назначенное свидание.

В то время как Федор Ходаков бесцельно бродил по улицам, Кирилл Кузьмич** Бучугин, муж Людмилы, имел конфиденциальную беседу со своим шофером. Хренников сидел в своем кабинете, выдержанном строго в стиле empire (так как в доме каждая комната была словно лавкой антиквара), за великолепным столом красного дерева с бронзовыми веночками, а шофер почтительно стоял у порога и тихим голосом делал свой обычный, каждодневный доклад. Кирилл Кузьмич время от времени сурово окидывал говорящего взглядом разгневанной рыбы и лаконически подталкивал его одним словом:

— Потом?

— А потом, Кирилл Владимирович (Бучугин каждый раз как-то морщился, когда шофер называл его по имени-отчеству), барыня изволили мне сказать: «Ты, мол, отправляйся домой, а я хочу погулять пешком».

— Потом?

— Что ж я мог сделать, сами понимаете, ежели барыня мне приказывают...

— Дурак! Сколько раз я вам говорил, что вы не должны оставлять барыню одну!..

Спохватившись, Бучугин добавил:

— Мало ли что может случиться на улице! Вы всегда должны быть поблизости, на всякий случай.

— Я, Кирилл Кузьмич, помню, что вы мне приказывали, и повел машину за барыней, тихим ходом. Но Людмила Павловна изволили заметить, раскричались: Ты что, следить за мной вздумал!— и опять приказали ехать домой.

— Вы поехали?

— А как же-с?

Бучугин даже встал и сделал несколько шагов по комнате. Ему было 50 лет, и ревность, неистовая, слепящая, лишающая здравого ума, грызла его душу к молодой жене, первой московской красавице, откровенно «купленной» в бедной семье за солидный куш денег. Помолчав, Бучугин отрывисто спросил:

— Долго гуляла барыня?

— Нет-с, только что я доехал до дома, как они уже пешком дошли, почти одновременно со мной, Кирилл Кузьмич.

В этом было некоторое облегчение. После новой паузы Бучугин *⟨1 нрзб⟩*.

— Я поговорю сам с барыней. А вам я еще раз повторяю: вы не имеете права оставлять барыню одну. Я полагаюсь на то, что близ нее всегда находится верный человек, а вы бросаете ее одну на улице.

Шофер поклонился; у него было энглизованное лицо и ***выдержка не то**** старого дворецкого, не то ***** метр д'отеля, но загорелое и обветренное. Глядя прямо в упор на хозяина, он заявил:

---

* Рядом с цифрой «4» помета Брюсова: «глава неудачная, переделать!»

** *Далее зачеркнуто*: Хренников

*** *Далее зачеркнуто*: манеры

**** *Далее зачеркнуто*: жокея

***** *Далее зачеркнуто*: английского

— Слушаю-с, Кирилл Кузьмич. Только так как это мою службу увеличивает, дозвольте просить вас увеличить мой оклад-с. Иначе я не могу.

Сказано это было со всей внешней почтительностью, но с последней внутренней наглостью. Смысл слов был ясен: «Ты хочешь, чтобы я служил у тебя шпионом за женой? Согласен, но заплати за это!»

Бучугин был человек дела. Своего шофера он понял сразу и не стал тратить слов даром, еще раз оглядел энглизованного юношу и потом бросил кратко:

— Сколько?

— Полтораста, Кирилл Кузьмич.

— Будете получать сто двадцать пять.

— Не могу, Кирилл Кузьмич.

— Вы желаете получить расчет?

Шофер в свою очередь измерил глазами Бучугина, понял, что тот не уступит, и поклонился.

— Слушаю-с, Кирилл Кузьмич, как вам будет угодно.

— Завтра получите новую расчетную книжку.

У Бучугиных все, и лакеи, и горничные, и повара, служили по книжкам и получали жалованье в конторе под расписку; были даже особые книги для выдачи сахара, кофе, вина и т. д.— целая домашняя бухгалтерия.

Знаком головы Бучугин дал понять, что аудиенция кончена. Шофер выскользнул из дверей кабинета, оставив хозяина под гнетом мрачных дум. В такую неподходящую минуту и попала к нему Людмила — просить позволения ехать на заседание Общества телескопов.

Без разрешения мужа Людмила не могла ступить ни шагу. Бучугин изобрел оригинальный способ отнять у жены все пути к измене: он не давал ей буквально ни копейки денег.

— На что тебе деньги, милочка? — уверял он,— у тебя всё есть. Если ты хочешь что-либо купить, заезжай в магазин, выбери вещь и прикажи прислать счет в контору. Можешь покупать, что хочешь, но все счета должны проходить через мои руки.

В этом пункте Бучугин был неумолим, и Людмиле пришлось подчиниться. Жена миллионера, она не могла бы подать нищему даже грош. В редкие дни, когда ей позволял⟨ось⟩ выехать из дома без мужа, это создавало тысячу мелких неприятностей.

Просьбу жены Бучугин встретил более чем враждебно.

— Ты знаешь, милочка, мои взгляды,— заявил он,— я считаю, что женщине неприлично выезжать одной.

— Но за мной заедет тетка Фаина Ефимовна...

— Ах, твоя тетка! Она до сих пор мечтает о женихах и на тебя не обращает никакого внимания.

— Да разве за мной надо присматривать, как за младенцем? Ведь это только для соблюдения конвенансов.

— И что тебе делать на этом собрании?

— Помилуй! Я целую неделю сижу дома! Ты всегда занят, мы никуда не выезжаем.

— Ты знаешь, я болен, милочка. Но еще в понедельник мы были в опере.

Начался торг. Людмиле очень не хотелось пускать в ход силы женского кокетства ⟨?⟩, но более не оставалось ничего делать. Пришлось сделать ласковое лицо, поцеловать выцветшие усы мужа, назвать его «Кирюшей», намеком что-то пообещать ему... Людмила редко прибегала к таким средствам, так как пока они действовали неодолимо и дóлжно было беречь их силу. Против таких соблазнов Кирилл Кузьмич не устоял и на этот раз, Людмила получила разрешение ехать с теткой на собрание, с тем, однако, чтобы непременно раньше 12 быть дома. Условие было поставлено формаль-

но, и Людмила знала по горькому опыту, к каким неприятностям повело бы неисполнение его.

Людмила еще раз поцеловала рыбьи глаза своего Кирюши и выпорхнула <?> из кабинета, чтобы одеться в подходящий случаю туалет. Бучугин остался один, по-прежнему раздраженный. Доктор решительно запретил ему выезжать, и он, дорожа своим здоровьем, был бессилен. Утешала его только мысль, что каждый шаг жены будет под надзором: от дому до Общества и обратно — шофер, в самом собрании — тетка Фаина, которая тоже давала свои отчеты Кириллу Кузьмичу, за что и получала на рождество, на пасху и в свои именины бонбоньерку конфект со вложенным в нее пятисотрублевым билетом. В наши дни все оплачивается: хочешь, чтобы тебе служили,— плати.

5

Общество любителей телескопов было посвящено не изучению звездного пространства, как можно было бы подумать по его названию, а разведению тех * очаровательно-чудовищно-восхитительно-безобразных рыб, которые носят то же наименование, как и прибор астрономов. Кажется, этот невольный каламбур и завел в число членов Общества Федора Васильевича Ходакова, страстного астронома, который способен был целые ночи просиживать, прильнув к стеклу своего телескопа, или в университетской обсерватории, разглядывая в зеркало восходящую зарю Сириуса. Здесь, на собраниях этого Общества, Федор познакомился и с Людмилой, так как Бучугин считал долгом следить за модой и, кроме старинной мебели, увлекался также орхидеями и рыбами-телескопами.

Состав членов Общества был самый изысканный. Высшая буржуазия, московские богачи второго поколения, которых уже не удовлетворяло битье зеркал по ресторанам, любимое развлечение их отцов и дедов, блазированные юноши, которые *(1 нрзб)* утонченно рисоваться своим пристрастием к редким сортам водяных чудищ, наконец, скучающие дамы, которым надоела забава благотворительности, а затем небольшое число истинных любителей ихтиологии, профессоров и дилетантов, — таковы были обычные посетители вечеров Общества. Собиралось оно в собственном помещении, так как было достаточно для того богато, в прекрасных залах, уставленных аквариумами, в которых, поводя своими громадными перистыми плавниками, медленно двигались причудливые создания, поводя на любопытных зрителей свои глаза, посаженные на длинные нервы, чему они и были обязаны своим именем. На этих вечерах читались какие-то доклады, которых никто не слушал, и демонстрировались какие-то диаграммы, которые смотрели, потому что в темноте некуда было девать глаза и приходилось поднимать их на экран волшебного фонаря. Но сущность была не в этих докладах и даже не в аквариумах, а в том, что по окончании демонстрации подавался чай и собрание превращалось в малый клуб, где можно было встретить «toute Moscou», блеснуть туалетом, увидеть туалет соперницы и перекинуться словом с кем нужно. Особая же притягательная сила собрания была в том, что в нем появлялись лица из другого круга: здесь бывали молодые приват-доценты, несколько художников из новейшей группы «Зеленой Астры», несколько поэтов почти что футуристов («но очень-очень comme il faut!»), несколько композиторов школ Скрябина или Стравинского, одним словом — представители Москвы художественной и литературной, которых нельзя было увидеть ни в салоне у -овых, ни на балу у -иных, ни на обеде у -уских.

Собирались по-московски, т. е. поздно. Известно, что в час, когда весь Париж уж в постели и каждый истинный парижанин уж храпит, надев

---

* *Далее зачеркнуто*: причудливо-безобразных и отвратительных

ночной колпак, под огромной периной, рядом со своей женой или сожительницей, и только для иностранцев, которыми кишит мировая столица, огни освещают ее два полюса: Монмартр и Монпарнас,— в этот час Москва только начинает свой * «вечер». «Просим к нам сегодня вечером» на московском диалекте означает: пожалуйте после 11 часов ночи, да и то приехавший слишком близко к этому часу рискует оказаться первым и вызвать неприятное удивление хозяев неурочно-ранним появлением. Поэтому в начале 12-го, когда вошел Федор, в зале было еще довольно пустынно: приглашенный лектор, добросовестно зарабатывавший установленный гонорар в 50 рублей, монотонным голосом читал что-то ⟨*1 нрзб*⟩ скучное о рациональных приемах обновления воздуха в воде аквариумов, и кучка из 10—15 человек, разместившихся в первых рядах стульев, делала вид, что слушает. Но уже быстро ⟨?⟩ собирались обычные посетители вечеров; у подъезда каждую минуту останавливались огненные глаза автомобилей, и швейцар едва поспевал принимать разноцветные пальто и sorties de bal: дамы умели с необыкновенной грацией сбрасывать их одним небрежным движением плеч и потом шли дальше, словно не обратив внимания на судьбу своего одеяния, зная, что вышколенное ⟨?⟩ искусство швейцара никак не даст им коснуться пола, но что они будут подхвачены на лету и бережно помещены на вешалку.

Федор обвел глазами присутствующих. *Ее* не было. Но ⟨он⟩ даже не успел испытать чувство досады за то, что понапрасну появился в Обществе, как из коридора легкой поступью воздушной феи — поступью, кажется, тоже старательно заученной,— выступила Людмила в сопровождении тетки Фаины, следовавшей сзади, как тень за человеком. Людмила была более чем очаровательна: на ней был изящнейший вечерний туалет, простота которого стоила раз в пять дороже, чем самое роскошное платье, а вместо всех украшений, на груди был только один бриллиант в виде кулона на тончайшей золотой цепочке — огромная сверкающая слеза,— но бриллиант, за который было заплачено ровно ** тридцать тысяч (Бучугину не удалось выторговать у ювелиров даже 5% скидки!).

Федор издали поклонился. Единственным его желанием было бежать навстречу, поцеловать руки, заговорить, спросить, сказать,—но условия «света» требовали оставаться на месте, даже не смотреть пристально на ту, к которой были обращены мысли, и делать вид, что слушаешь лектора. Людмила прошла еще лучшую светскую школу, нежели Федор, который, собственно говоря, многое постиг в деле этикета только «своим умом»; и потому с еще большей выдержкой Людмила чуть-чуть кивнула в ответ головой, показав изумительную прическу, где каждый волосок лежал покорно рядом с другим волоском присела с милой непринужденностью на ближайший свободный стул и, казалось, вся обратилась в слух, с любезной улыбкой узнавая подробности об устройстве новоизобретенного насоса для накачивания воздуха в аквариумы.

Прошло не менее четверти часа, в продолжение которых Федор все не смел первым приблизиться к Людмиле. Несколько раз он порывался нарушить все правила этикета, подойти и сесть рядом; нога уж готова была сделать первый шаг; но один взгляд на все это общество, на безукоризненные смокинги, на проборы юношей, проведенные словно по циркулю, на неподвижность улыбок, застывших на женских лицах, парализовал волю. В таком обществе нельзя, невозможно, немыслимо было сделать хотя бы один жест, нарушающий этикет: к сыновьям и дочерям, внукам и внучкам недавних Тит Титычей перешли, казалось, все предрассудки Версаля времен Короля Солнца и Людовика XV!

---

* *Далее зачеркнуто*: «день»
** *Далее зачеркнуто*: шестнадцать

Наконец, лектор кончил. Никто на самом деле не слышал, что именно он читал. В памяти смутно оставались только слова: «воздушное давление», «предельная атмосфера», «коэффициент расширения»... Тем не менее раздались аплодисменты, не слишком громкие, ибо это было бы вульгарно, но достаточно оживленные, чтобы они выражали удовлетворение аудитории: хлопали покровительственно, совершенно так же, как в ресторанах дают лакею «на чай», если тот добросовестно исполнил свои обязанности. Послышался шум отодвигаемых стульев, легкий шорох юбок и первые голоса; все вставали с мест и обменивались приветствиями, так как большинство приехало уже после начала чтения.

Федор, вежливо уклоняясь от целого ряда обращенных к нему лиц, решительно двинулся в сторону к Людмиле, как вдруг кто-то осторожно подхватил его под руку. Федор даже вздрогнул от неожиданности: мы так привыкли считать свое тело неприкосновенным, что всякое касание к нему чужой руки вызывает в нас дрожь: чувство незнакомое в тех кругах, где «затрещина» и «тычок» считаются заурядней шим случаем. Быстро обернувшись, Федор увидел перед собой Грабовского, которого даже не сразу узнал, так как уже давно не встречал нигде. Это еще больше раздосадовало Федора и, с трудом сдерживая негодование, он, намеренно не сдерживаясь, бросил резко:

— Простите, у меня дело...

Но поляк знал, что делал; наклонясь, он столь же быстро шепнул:

— Вы знаете, что ваш отец умер?

— Что-о?

Удар молнии, которая вдруг испепелила бы лектора, читавшего о коэффициентах давления, не более поразил бы Федора. Он стоял, буквально остолбенев, и смотрел на поляка, принесшего такое чудовищное известие. Грабовский продолжал шептать:

— Я догадался, что вы ничего не знаете, и принял на себя смелость разыскать вас. Вероятно, из дому послали сказать вам на квартиру, но там не знают, где вы находитесь. Вам нельзя здесь оставаться, пойдемте.

Федор был еще настолько поражен известием, что покорно позволил вывести себя в коридор. Там только он опомнился и спросил * отрывисто:

— Откуда вы узнали? Я сегодня обедал с отцом. Он был совершенно здоров три часа назад.

— Во-первых, не три часа, а пять часов тому назад. Во-вторых, тотчас после ваше⟨й⟩... после вашего разговора ваш батюшка почувствовал себя дурно. Его уложили в постель. Произошел, вероятно, удар, и в $9^1/_2$ часов вечера его не стало.

Федор все еще не мог освоиться с этой мыслью.

— Что ж? Был доктор? Констатировал смерть?

— Простите, Федор Васильевич, у меня нет подробностей. Но я достоверно знаю, что ваш батюшка скончался. Притом при таких странных обстоятельствах, что я в силу нашей старинной дружбы счел долгом тотчас известить вас.

Грабовский говорил неправду о старинной дружбе: Федор едва знал его, и знакомство ограничивалось несколькими кутежами за Тверской заставой. Но было не время останавливаться на этих мелочах и Федор только переспросил:

— Какие странные обстоятельства?

Хотя разыскивать Федора Граб⟨овский⟩ и отправился именно для того, чтобы сообщить об этих обстоятельствах, он теперь не сразу нашел слова, как их определить.

---

* *Далее зачеркнуто*: решительно. *Затем снова зачеркнуто*: с недоверием

— Видите ли... Уж ходят по городу слухи... Вам это необходимо знать... Одним словом, говорят, что ваш отец был отравлен.

Это было уже более того, что Федор мог вынести. Разумеется, современный человек в обморок не падает, не вскрикивает от ужаса и вообще всегда настолько владеет своей внешностью, что ничем не выражает своего волнения, когда находится в присутствии других, но на этот раз Федор почти изменил этим правилам. Он вдруг высвободил свою руку от рук Гр⟨абовского⟩, крепко его сжимавшего, и кинулся к выходу, едва не забыв кинуть:

— Благодарю вас!

Но Гр⟨абовский⟩ догнал Федора на площадке лестницы.

— Федор Васильевич! Куда же вы?

— Благодарю вас за известие, я должен ехать.

— Куда?

— Простите, это уж мое дело.

Однако последняя фраза до такой степени нарушала все установленные правила приличия, что и сам Федор, произнеся ее, тотчас почувствовал неловкость и поспешил поправиться:

— *Извините меня* *, Владислав Феликсович, вы видите, я расстроен. Я, разумеется, тотчас поеду к отцу.

— Вы действительно расстроены, так что позвольте мне ехать с вами.

Гр⟨абовскому⟩ во что бы то ни стало хотелось использовать момент и втереться в дружбу и в близость к будущему миллионеру. Но Федор был человек ⟨?⟩ решитель⟨ный⟩:

— Еще раз извините, я должен быть один.

И, поворотившись, Федор пошел вниз, но потом, вспомнив, вернулся.

— Вы были так любезны, Владислав Феликсович, окажите мне еще одну услугу.

— Я в вашем распоряжении.

— Вы знакомы с Людмилой Николаевной?

— Бучугиной?

— Да. Пожалуйста, сообщите ей причину, почему я уехал, не повидавшись с ней.

6

Гр⟨абовский⟩ не успел еще ответить, как Федор уже сбежал вниз, перескакивая через две ступени, накинул пальто и вырвался на улицу. Прохладный воздух апрельской ночи пахнул в лицо. Засияли перед глазами созвездия: Большая Медведица, Плеяды, Орион... Федор вздохнул полной грудью и сразу почувствовал себя другим человеком: энергия, бодрость, спокойная деловитость вернулись к нему: бессознательно он ощущал у себя под ногами твердую почву десяти миллионов.

Через двадцать минут лихач подкатил Федора к воротам Таганского дома Ходаковых. В окнах, выходящих во двор, виднелся свет: значит, в доме не спали. Федор дернул ручку старомодного звонка на проволоке и стал ждать.

Громыхая ключами и шлепая валенками, подошел к калитке хорошо знакомый дворник Филипп, залаяли собаки, Нерон и Цыган, калитка, скрипя, отворилась.

— Это ты, Филипп! Как же это случилось?

— Божья воля,— отвечал мрачно Филипп.

Но Федора поразило, что старик продолжал стоять в дверях, закрывая своим телом вход. Федор подождал мгновение. Филипп молчал.

---

* *Далее зачеркнуто*: Феликс

— Ну пусти пройти! Я же тороплюсь.

— Так что, барин,— медленно произнес Филипп,— матушка ваша теперь почивают, и сестрица легли-с. Все, значит, спят...

— Все равно, ведь есть кто-нибудь в доме!

Федор хотел отстранить Филиппа, но тот решительно загородил дорогу.

— Так что пожалуйте завтра, барин,— мрачно сказал он.

Второй раз в этот вечер Федор остолбенел. Он чувствовал, что этот мужик, дворник, старый Филипп, которого он знает с детства, наносит ему оскорбление, тяжелее любой пощечины. Федор даже не мог говорить от гнева; обеими <?> руками он схватил Филиппа за ворот*, шагнул через подворотню и, наконец, проговорил задыхаясь:

— Ты понимаешь, мерзавец, что ты говоришь!

В минуту гнева утонченный мечтатель Федор Ходаков, член Общества телескопов и автор исследования по вариационному счислению, становился диким купцом, способным «бить по роже» «половых» и «ребят».

Старику было не под силу бороться с молодым человеком, к тому же не чуждым футбола и тенниса, и он только забормотал <?> вслед Федору, уверенно шагавшему по двору:

— Да мне что ж, барин, как что приказано.

Федор обернулся:

— Тебе что ж, приказано не пускать меня?

— Так точно, приказано.

Филипп служил когда-то солдатом и органически уже не мог выговорить иного утверждения, кроме «так точно». Федор пожал плечами и решительно взошел на ступеньки крыльца и нажал кнопку звонка; Нерон и Цыган, узнав молодого барина, прыгали кругом.

За стеклянной дверью вспыхнуло электричество (новшество, введенное в Таганском доме по настоянию самого Федора). За стеклом появилась фигура Григорьича, полу-лакея, полу-дворецкого **, переведенного на эту должность из приказчиков, после того как он в чем-то проворовался. Узнав Федора, Григорьич, не отпирая двери, отрицательно закачал головой. Ярость Федора дошла до последних пределов, он готов был разнести вдребезги этот дом, в котором считал себя хозяином и куда его не пускали; с безумным ожесточением он начал колотить по стеклу. Григорьич испуганно приотворил дверь.

— Батюшка Федор Васильевич! — заговорил он,— помилосердствуйте! Барыня Матрена Тихоновна легли, так как очень наплакамшись, и барышня Анна Васильевна также почивают. Никого не приказано пущать, настрого не приказано!

— Да ведь не меня же!

— Нет-с, так и сказать изволили. И ежели, говорят, приедет Федор, скажи ему, чтоб завтра на панафиду приезжал.

— Послушай, Григорьич,— спросил Федор, наконец овладев собой,— да кто здесь хозяин теперь, в этом доме? Я или нет?

— Этого я не могу знать,— осторожно возразил лакей,— оно, может быть, и вы-с, но пока здесь распоряжается вдова покойного вашего батюшки, матушка ваша, и они мне настрого заказали. Ежели, говорят, приедет Федор, скажи, пусть, мол, приезжает завтра на панафиду.

— А если я хочу поклониться телу отца? Помолиться перед телом?

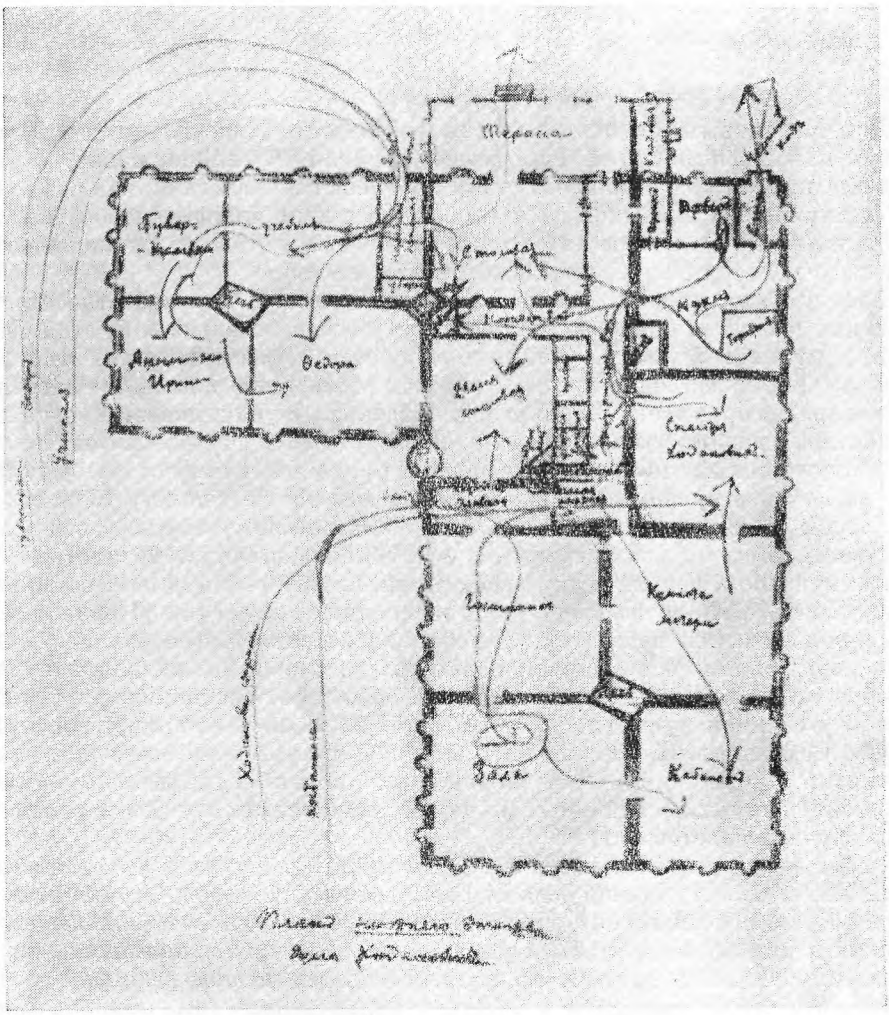
— А это никак-с невозможно, потому что, значит, полиция никого не дозволила пущать, и печать на дверь наложен, да-с.

Федор посмотрел растерянно на Григорьича... И вдруг сразу, как вспышка зарницы, истина представилась Федору: это его, сына, подозревают

---

* *Далее зачеркнуто*: и хотел отшвырнуть его от ворот. Но, к изумлению Федора, Филипп оказался смел, высвободился из рук барина

** *Далее зачеркнуто*: нянчившего Федора



ПЛАН ДОМА ХОДАКОВЫХ
Материалы к «роману из современной жизни»
Рисунок Брюсова
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

в отравлении отца! То был третий страшный удар в этот вечер. Сразу все * возбуждение Федора упало: не стало ни сил, ни воли. Еще раз он тупо посмотрел на Григорьича, стоявшего в прежней, полупочтительной, полувызывающей позе, потом круто повернулся и побрел прочь.

Филипп дожидался у калитки с ключами в руках. Федор не сказал ему ни слова, молча вышел, сел на дожидавшегося его лихача и коротко приказал:

— В Малый Кисельный!

Лошадь рванула. Филипп закрыл калитку. Григорьич погасил электричество в прихожей. Тело Василия Тимофеевича покоилось в опечатанной комнате и только перед стеклянной дверью в нее был поставлен аналой, и монашенка заунывно вычитывала:

— Идеже несть страсти, печали и воздыхания, но жизнь вечная...

---

* *Далее зачеркнуто*: сила; *затем снова зачеркнуто*: энергия

Глава [VI] II*

1

Дом Ходаковых делился как бы на две партии. Конечно, глава семьи, теперь покойный Василий Тимофеевич, правил ** самодержавно, и его воле всё кругом подчинялось. В часы его гнева все трепетали, как рабы перед ассирийским владыкою. Но в обычное время младшие члены семьи составляли как бы особое автономное царство, к которому принадлежал, до своего изгнания из родительского дома, и Фео.

Василий Тимофеевич жил на «своей половине», к которой относились парадные комнаты, большею частью пустынные, с мебелью, закрытой чехлами, и кухня с разными к ней примыкавшими помещениями. В этих же неуютных, торжественно-пустых хоромах проводила жизнь и Матрена Тихоновна, вторая жена Ходакова, урожденная Кумачникова. Девятнадцатилетней «девкой» вышла она за вдовца, которому шел 45-ый год, правда, богатого и бездетного (дети от первого брака все к тому времени умерли), но крутого нравом и бравшего себе в дом новую хозяйку только затем, чтобы «порядку было больше» и чтобы «стало кому имущество и дело передать». Матрена эти требования послушно исполнила, хозяйство повела аккуратно и родила мужу троих детей, из которых в живых остались двое: Феодор и Анна, но своей воли не проявила ни на миг. Попав в богатый дом из семьи небогатой, застенчивая девочка Мотря сначала дрожала перед своим господином и повелителем, словно бы он властен был в любое мгновение испепелить ее, потом обжилась, располнела, приняла манеры степенной купчихи, но так и осталась верной «старине», заветам старого Замоскворечья, в которых выросла, несмотря на все веяния новой жизни, проникшие и в дом Ходаковых. Василий Тимофеевич по-своему любил жену и последние годы даже снисходил до того, что с ней в иных случаях советовался.

Вокруг стариков, Василия Тимофеевича, которому во втором десятилетии XX в. пошел восьмой десяток, и Матрены Тихоновны, которой тоже подошло уже под пятьдесят, группировался целый мирок «своих людей», близких к ним по воззрениям и угождавших им и низкопоклонничавших перед ними. Один за другим, по разным поводам и под разными предлогами, эти люди попадали в богатый ходаковский дом, оседали или как-то застревали в нем и уже оставались навсегда, на положении «бедных родственников» и на правах «приживальщиков» и «приживалок». На первом месте тут была «тетя Феня», сестра Мотри, моложе ее на три года, замуж не вышедшая, кроткая и робкая «старая дева». Поселилась она при более счастливой сестре после смерти отца, под конец совсем обедневшего, но, впрочем, оставившего дочерям какие-то крохи в наследство. Василий Тимофеевич великодушно отказался за свою жену от ее доли, а тетя Феня никогда никому не признавалась, сколько именно наскребла она по ликвидации отцовского дела: может быть, и до десятка тысяч. Деньги эти она держала в банке, а так как тратить ей было почти некуда, то капитал ее все рос да рос, и это придавало ей в доме Ходаковых некоторую самостоятельность, которой во зло она не пользовалась.

Напротив, «дядя Костя», мужчина лет сорока, тоже проживавший у Ходаковых, по его собственному выражению, был «гол как сокол» и жил только подачками. По паспорту Константин Кондратьевич Клушин, дядя Костя высчитывал, что Василию Тимофеевичу он приходится «внучатым племянником», но получил свой угол, конечно, не столько по родству, сколько по умению прислуживаться, когда — польстить, когда —

---

* *Фрагмент II*

** *Далее зачеркнуто:* домом

позабавить. Однако водился за ним один грех: он запивал, и не раз в такие дни разгневанный Василий Тимофеевич грозил «вышвырнуть эту слякоть» на улицу, чтобы «и запаха ее не осталось»... Но запой проходил, дядя Костя являлся с повинной, и все вновь шло обычным порядком.

Третьим членом «партии стариков» была Лукерья Ниловна, совсем даже не родственница ни Матрене Тихоновне, ни Василию Тимофеевичу, хотя и пытавшаяся подвести какое-то свойство через его первую жену. Подлинный, ныне исчезающий тип «приживалки», Лукерья Ниловна, издавна навещавшая Ходаковых и получавшая на кухне остатки обеда, однажды, лет десять тому назад, попросила позволения, под каким-то предлогом, переночевать, да так и осталась в доме. Сначала перетащила к Ходаковым свой скудный скарб, потом выхлопотала себе каморку подле кухни, а там уже стала появляться за «хозяйским» столом: одним словом, втерлась в семью и незаметно стала ее членом, так что скоро уже стало невозможным представить себе у Ходаковых обеденный стол * без черной фигуры Лукерьи Ниловны. «Дальняя родственница», говорили про нее, и она сама, кажется, поверила, наконец, в это выдуманное ею же родство.

Наконец, таким же постоянным членом семьи была «странница» Серафимочка — тоже одна из «последних могикан» своего рода. По внешности словно вышедшая из старой комедии Островского, она была, однако, куда более «культурной», чем ее прототип из «Грозы»: десятилетия сделали свое дело. Серафимочка не только не могла уверять, что паровоз это — запряженный дьявол, но и сама охотно пользовалась и железными дорогами и телефоном, и даже очень полюбила тайно посещать кинематограф. Это не мешало ей длинно повествовать о своих «странствиях», как с паломниками побывала она во Иерусалим-граде, и в Италии, в городе Баре, где мощи Николая чудотворца, заушившего поганого еретика Ария, и в Киевских печерах, и в Соловках. И не только Матрена Тихоновна, но и сам Василий Тимофеевич способен был целыми вечерами слушать эти рассказы о заморских диковинах и святынях.

Четверо этих лиц поселились в ходаковском доме прочно, так что до последних дней, до самой смерти Василия Тимофеевича, им, вероятно, перестал даже приходить в голову вопрос: а по какому праву я здесь живу? Но, кроме них, беспрерывно в доме гостили другие личности, тоже какие-то «родственники» и «родственницы», «старцы», «странники», «монашенки», неизвестно откуда появлявшиеся, кто — пообедать, кто — переночевать, кто — провести день, два, а то и несколько недель или даже месяцев. В сущности, вся семья Ходаковых состояла из 4—5 человек, но со всеми проживающими в доме редко за обед садилось меньше 15, а часто и больше. Летом же, когда Ходаковы выезжали на свою дачу в Сокольники, набиралось порой и до 30 человек! Каждый день был словно званый обед.

За этими обедами «старики» встречались с «молодыми». Как возникла в суровом ходаковском доме, казалось бы, закрытом от всех живых влияний извне, эта вторая партия «молодых», надо рассказать отдельно.

У Василия Тимофеевича была младшая сестра, Марья. Ее, тоже почти девочкой, лет 19, выдали за сына богатого скорняка — Никифора Лукича Твердого. Семья Твердых была такая же ветхозаветная, московско-купеческая семья, как Ходаковы, Клушины и Кумачниковы. Но юность Никифора пришлась на горячее время, 60-ые годы; он как-то сблизился с кружком студентов, стал читать книжки, учиться, даже сам поступил было в Петровскую академию... Увлечение это длилось недолго; после бурных ссор с отцом Никифор уступил, из академии вышел и, покорный родительской воле, женился на Марье Ходаковой. Однако одно у Никифора от

---

* *Далее зачеркнуто*: — за который ежедневно садилось человек 15 —

периода его «эмансипации» осталось: уважение к науке. Когда у него родился сын, Илья, он твердо, «по-твердовски» (ибо их род отличался упрямством), порешил — дать сыну образование. Деньги были, к Ильюше, несмотря на возражения деда, пригласили гувернанток и учителей; потом отдали Илью в гимназию, а потом он уже сам пошел в университет. Так, во втором поколении, Твердые из «замоскворецких» перешли в «интеллигенцию». Илье было 22 года, когда в 1888 г. он встретил свою будущую жену, Ксению Ивановну Залужскую, бедную сироту, но девушку с характером посильнее, чем у всех Твердых, взятых вместе. Молодые люди поженились, и Илья, отказавшись от ненавистного ему скорняжества *, получил место управляющего частной обсерваторией (он был математик и астроном). Дед Ильи, старик Твердый, к тому времени умер; отец, Никифор Лукич, видя, что сын не хочет продолжать родового дела, ликвидировал скорняжную мастерскую, выручив что-то до ста тысяч, и хотел доживать век на покое. Но тут-то и обрушились на Твердых несчастия.

Илья был женат уже лет семь; было у него две дочери — старшая Ольга, младшая Ириночка; внезапно, простудившись, Илья заболевает воспалением легкого и через неделю умирает. Семья была еще под гнетом этого удара, как падает второй. Оказывается, что «дедушка», Никифор, поместил свои деньги, думая выручить большие % %, в известный банк ***, о крахе которого в 90-х годах прошлого века с месяц говорила «вся Москва». Банк «лопнул», и от крупного капитала остались крохи. Никифор, которому было тогда под 60, не снес удара: говорили, будто старик наложил на себя руки, отравился, но, может быть, это и пустые россказни. Но жива была еще бабка, Марья Тимофеевна, сестра Василия Тимофеевича. Она пошла просить помощи у брата, и так в доме Ходаковых поселилась целая семья: старуха Марья, ее золовка Ксения Ивановна и две ее дочери Ольга и Ирина. С этого и вошло новое в дом Ходаковых.

Евгения была женщина, которая не теряется ни в каких обстоятельствах. Без копейки денег, с двумя малютками-дочерьми, принужденная жить из милости в чужом доме — и каком доме! у Василия Тимофеевича Ходакова, которого его приказчики боялись, как грозы божией,— Евгения сумела не только завоевать себе самостоятельное положение, но даже оказывать свое влияние. Василий Тимофеевич в ту пору был уже лет 12 женат на своей Мотре, уже были в семье и Феодор, и Анна. Молодая «учительша», как называли сначала у Ходаковых Евгению, словно околдовала старика: в первый раз ходаковская воля столкнулась с другой, не менее решительной. В один из первых же дней после того, как Евгения поселилась у Ходаковых, вышло жестокое столкновение между ней и Василием Тимофеевичем. Тот вспылил, у Мотри от ужаса язык отнялся, но «учительша» безбоязненно встретила все молнии грозного хозяина.

— Вы — умный человек,— сказала она ему,— подумаете и сами увидите, что неправы. И вам самим стыдно станет, что вы понапрасну кричали. А меня пустым криком не напугаете.

Василий Тимофеевич остолбенел; посмотрел на Евгению, тонкую, чахоточную женщину, которая без всякого страха перечила ему, хотя во всем от него зависела,— посмотрел и удивился.

— Однако ж... Ты, того,— бой-баба!— вымолвил он, наконец, помолчав.

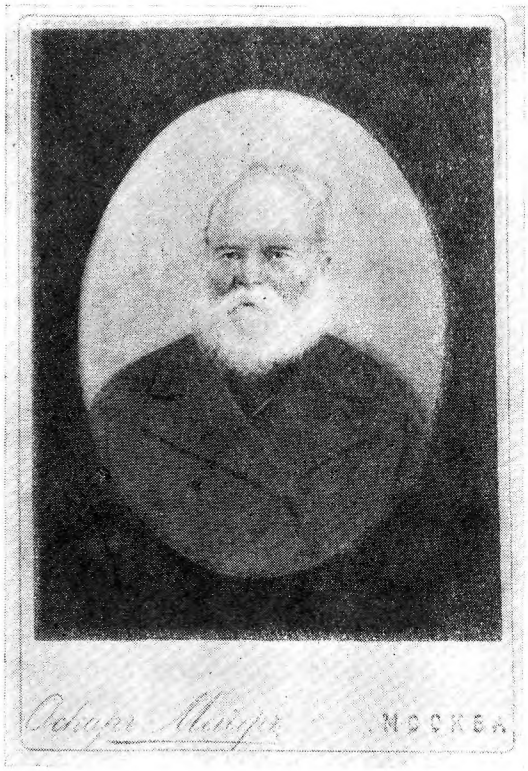
Гнев его вдруг остыл, и с того часа Василий Тимофеевич стал испытывать новое для него чувство: уважение к другому лицу.

Евгения не торопливо, но решительно овладевала своей долей власти в ходаковском доме. Для себя и для своих дочерей, и для бабушки Марьи она вытребовала совершенно отдельный флигель, куда назначили и от-

---

* *Далее зачеркнуто*: поступил лаборантом в университет; заведующим

К. А. БРЮСОВ, ДЕД ПИСАТЕЛЯ
Фотография О. Мейера. Москва, 1880-е годы
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва



дельную прислугу. Мало того, Евгения потребовала, чтобы ее дочерям взята была гувернантка, и к потрясающему удивлению всех Василий Тимофеевич уступил.

— Разве вы не видите,— сказала ему Евгения,— насколько выгоднее быть человеком образованным. Оглядитесь вокруг, посмотрите, что делается даже в вашем мире, торговом...

Василий Тимофеевич, действительно, был человек далеко не глупый, и убедить его в пользе образования было не так трудно. Втайне и сам давно подумывал дать образование своим детям. Евгения только положила последнюю гирьку на чашу весов, уже готовую перевесить. И вот, в ходаковском доме появилась m-lle Blanche, а за ней и разные учителя и наставники. Было решено, что Анна, Ольга и Ирина будут учиться вместе, так как они были одного возраста, а Феодора стали готовить в гимназию...

Так зародилась новая жизнь в ходаковском доме. Евгения была не жилица на свете: чахотка медленно, но беспощадно точила ее силы. Она прожила, однако, в доме Ходакова лет десять, занимая в нем совершенно особое положение. Ни в чем не позволяла она себе посягнуть на права Матрены Тихоновны, хозяйки, но едва ли не все кругом творилось по воле Евгении. Дом был заново отремонтирован, в комнатах появилась великолепная рояль, прислуге пришлось во многом «подтянуться»; Евгения, кстати, прекратила неимоверное воровство, которое царило в доме при всей расчетливости Ходакова, да, осторожно действуя, выселила пять или шесть приживальщиков, уже пустивших корни у Ходаковых: устояли только «тетя Феня», да «дядя Костя», да Лукерья Ниловна (Серафимочка водворилась уже позже). Зато с беспощадностью был изгнан «старец Ириней», занимавшийся пророчеством, но у которого нашли множе-

ство уворованных из дома вещей, а «блаженненький Ваня», тихий идиотик, иногда становившийся буйным и опасным, был помещен в психиатрическую лечебницу; с ними исчезли с кругозора еще какая-то «Лизавета», врачевавшая травами, майор Усатов, терроризовавший одно время робкую Мотрю, «племяша» Петя, втершийся в родство, и другие такого рода весьма «темные» личности.

Важнее было то, что прорвана была плотина, закрывавшая молодому поколению путь к образованию. Феодор поступил в гимназию и учился хорошо; Анна и Ирина вскоре последовали за Феодором и тоже стали ездить в гимназию на прекрасных рысаках Ходаковых. Ольгу почему-то отдали в закрытый пансион. Это послужило к ее гибели: девочка заразилась тифом и умерла на чужих руках, причем начальство пансиона так долго откладывало известить родных, что мать уже не застала дочери в живых... Это несчастье сильно потрясло Евгению; она вдруг состарилась, даже утратила свою обычную энергию и через год последовала за дочерью, перед смертью взяв торжественную клятву с Василия Тимофеевича, что он даст возможность и своим детям и Ирине завершить образование. Старуха Марья скончалась еще года на три раньше. Ирина осталась в доме Ходаковых круглой сиротой, но ее уже считали «своей». Феодор и Анна любили ее как родную сестру, а Василий Тимофеевич, тряхнув головой, после смерти Евгении положил на ее дочь в банк 30 тысяч.

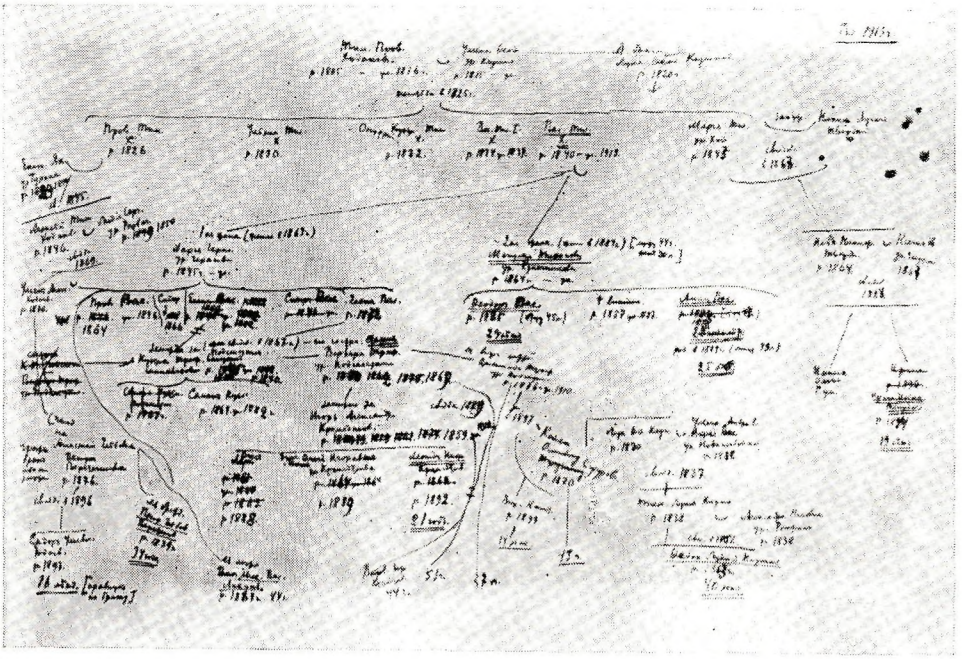
— Ежели, значит, я что делаю,— заявил он,— так в полноту, а не наполовину!

Впрочем, злые языки и тут говорили, что для десяти миллионов, которыми исчислялось состояние Ходакова, 30 тысяч была сумма довольнотаки скромная.

Эти трое «ученых», Феодор, Анна и Ирина, и образовывали ядро партии «молодых» в ходаковском доме. После того как появилась в нем Евгения, они собрались вокруг нее и чуть ли ее не обожествили: Анна ребенком была буквально влюблена в «тетю Женю» и ради нее готова была бы пойти на смерть и муки. Для самой Евгении единственным утешением в ее тяжелой жизни в доме Ходаковых было — заниматься с детьми: она всячески заботилась об них, играла с ними, учила их, воспитывала их. По смерти Евгении дети остались верны ее памяти и долго в своих детских молитвах поминали ее имя, наивно повторяя: «И упокой, господи, тетю Евгению на небесах».

Как мальчик и как старший, Феодор естественно заступил после Евгении ее место, став, так сказать, главой партии. По обычаю дома, она постоянно пополнялась новыми рекрутами: Ольга, сестра Ириночки, умерла, но в доме постоянно гостили то подруги двух девочек, то товарищи Феодора. Кроме того, в доме осталась жить m-lle Blanche: дети выросли, но никто не предложил бывшей гувернантке покинуть ее место, а т. к. m-lle Blanche было буквально некуда деться, то она и осталась в обширном ходаковском доме в качестве не то экономки, не то дуэньи при Анне...

Матрена Тихоновна жила, окруженная своими приживалками и странниками; на ее половине служились молебны, слышались повествования о путешествиях по святым местам, горели лампадки перед огромными божницами. Во флигеле, куда понемногу перебралась вся молодежь, царило оживление и веселие. Там собирались зачастую целые маленькие митинги юношей и девушек, что-то читали, спорили, шумели, причем поедались неимоверные груды конфект, в которых никогда не было недостатка в доме Ходаковых. Важно было только, чтобы митинги эти происходили в будни и в те часы, когда Василий Тимофеевич находится «в анбаре». К 6 часам все посторонние посетители исчезали; оставались лишь те, кто гостил в доме. За обедом молодежь чинно крестилась перед тем, как



РОДОСЛОВНАЯ СЕМЬИ ХОДАКОВЫХ
Материалы к «роману из современной жизни»
Автограф
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

сесть за стол, сидела скромно, не вмешиваясь в речи старших. Потом вечером, в своем флигеле *, еще долго шептались под покровительством на все смотревшей сквозь пальцы m-lle Blanche. А Феодор с товарищами запирался у себя «на верху» (ему был отведен второй этаж — ряд низеньких «антресолей»), где первые годы затевались разные проказы, а позднее, когда юноши подросли, тайно устраивался «банчок» и появлялись на столе бутылки с вином... Здесь покровителем молодежи был некий Евфим; он когда-то служил «в деле», но при одном несчастном случае потерял руку и был приставлен к «молодому барину», как говорила прислуга, хотя сам Василий Тимофеевич терпеть не мог этого выражения («Какие мы баре?» — негодующе говаривал он).

Так шли годы. Долгое время каким-то чудом поддерживалась видимость полного согласия между двумя половинами дома, и грозный Василий Тимофеевич ничего не знал об том, как проводили жизнь его дети. «Учатся»,— думал он, и довольствовался этим убеждением. Но тайну можно было хранить лишь до поры до времени; то одно, то другое стало всплывать перед стариком Ходаковым, тем более что в добровольных шпионах в доме недостатка не было. Понемногу дошло дело до суровых разговоров между отцом и сыном и отцом и дочерью. На беду Федор склонен был покутить: широкая отцовская натура сказалась,— и студентом познал сладость разных «Аркадий» и «Эрмитажей». Понадобились деньги, гораздо бóльшие, нежели сколько отпускал отец... появились на сцену векселя... Вышло очень неприятное объяснение с отцом; Василий Тимофе-

* *Далее зачеркнуто*: девочки

евич разгневался очень, грозил сыну, что проклянет и прогонит из дому, но на первый раз смилостивился и заплатил долги — что-то около десяти тысяч: для студента, хотя бы и сына миллионера, сумма немалая. К несчастью <?>, грех повторился. На этот раз Феодор сам сознал свою вину, раскаялся, просил прощения, дал клятву исправиться и опять был помилован. После этого Федор, действительно, «остепенился», стал работать, отстал от товарищей по кутежам. Но тут началась новая история.

Феодор увлекся своим проектом — построить свою «стеклянную башню» или «стеклянный столп» для сношений с другими планетами. Опять потребовались деньги, и гораздо большие, нежели на кутежи. Естественно, что отец не мог понять, на что сыну нужны тысячи и десятки тысяч рублей, чтобы строить какое-то нелепое сооружение близ их подмосковной фабрики. Он требовал, чтобы Феодор бросил свои глупости и занялся делом, так как сам старел и желал передать и фабрики и торговлю своему наследнику <?>. Неожиданно Фео заявил, что он не намерен продолжать отцовского дела, что пора дело ликвидировать и обратить всё в деньги.

— На что нам больше, папаша? — заявил он.— Я не знаю, конечно, вашего капитала, но во всяком случае на всех нас хватит. Вы уже довольно поработали и можете отдохнуть.

Отец, конечно, вспылил страшно. Когда же из разговора выяснилось, что план Ф<еодора> состоит в том, чтобы отец, ликвидировав дело и фабр<ики>, теперь же выделил ему и сестре по миллиону, оставив все остальное себе,— Василий Тимофеевич пришел в ярость. Для чего же он, Василий Тимофеевич, работал всю жизнь, собирал сначала по грошам, потом по рублям, потом по тысячам, десяткам и сотням тысяч, умножая капитал и расширяя дело! Зачем же он создал прославленную по всей России фирму Ходакова, чтобы по его смерти всё пошло прахом? Вот к чему привело «учение»!

Ф<еодор> был молод. Будь на его месте человек постарше, он, может быть, ради перспективы в 10 миллионов и сумел бы лицемерить, уверять отца, что дело будет продолжаться. Василий Тимофеевич был стар, ему в 10 году стукнуло семьдесят, а Фе<одор> — молод, ему было всего 25 лет. Но молодость не рассуждает: Фе<одор> так прямо заявил отцу, что его призвание — иное, что с мануфактурой он ничего общего иметь не будет, что работать он намерен, и много работать, но совершенно на другом поприще — старику Ходакову решительно непонятном и неизвестном, да едва ли и не «сатанинском». Тяжелая распря длилась долго, несколько месяцев. Василий Тимофеевич любил сына, единственного наследника скопленных миллионов, которого он в мечтах всегда считал преемником фирмы Ходаковых; старик употребил все старания, все усилия, грозил и просил, то кричал, то пытался уговаривать, но Фео<дор> остался непреклонен <?>. И кончилось тем, что Фео<дор> ушел из дому отца. Не то чтобы отец его «выгнал», но просто им стало жить вместе невтерпеж. Так возникли странные отношения между отцом и сыном. Феодор жил отдельно, получая от отца еж<егодно> по тысяче рублей,— скудное содержание для сына архимиллионера,— но упорно не хотел уступить. Старик грозил, что передаст все дело старшему приказчику, продувному и хитрому Капитону Осиповичу Сусурову (из родственников первой жены Ходакова), но втайне надеялся, что сын придет с повинной. Феодор поддерживал отношения с родным домом, зачастую ходил к отцу обедать, но стоял на своем.

В таком положении было дело, когда произошла катастрофа.

Глава *

Федор Васильевич предпочитал не держать постоянного лакея: комнаты убирала жена швейцара. Поэтому утром Фео был разбужен звонком телефона, стоявшим у изголовья постели. Заснул Фео после волнений предыдущего дня поздно и потому проснулся не сразу от звонка, хотя был уже десятый час утра. Привычным движением руки Фео схватился за трубку телефона и, только приложив ее к уху, отчетливо вспомнил всё, что произошло накануне.

— Слушаю. Что угодно?

— Фео, это ты?

Он узнал голос Иночки.

— Я, Ина, я! Только что проснулся. Очень, очень рад, что ты позвонила. Говори. Я ничего не знаю. Меня вчера не пустили к вам.

— Знаю, но у нас бог знает что́ делается.

— Расскажи всё, подробно!

— Разве же всё расскажешь! Потом я совсем расстроена. Я не спала всю ночь, буквально, совсем. Я слышала, как ты приезжал...

— Почему же ты не вышла ко мне?

— Ах, ты не знаешь, что здесь делается!

— Так рассказывай!

— Нет, не могу! Вот что: ты приедешь на панихиду?

— Ну, конечно, должен приехать! Но после всего, что случилось... Я не знаю, а что, если тот же Григорьич меня не впустит! Я не понимаю, неужели мамаша тоже...

У него не достало сил выговорить: «подозревает, что я отравил отца».

— Нет, ты приезжай непременно! Мне надобно многое, многое тебе сказать.

— Так говори.

— Не могу, Фео! Ну, совсем не могу. Ты не чувствуешь, что со мной. У меня все в голове спуталось. Я — как сумасшедшая.

— Но почему?

— Что здесь было! С дедушкой удар, бабушка рыдает, Анечка побледнела, как смерть, люди потеряли голову... Дедушка требует нотариуса... Хотели послать меня... Нет, я не могу, Фео, я не могу говорить! Приезжай!

— Постой! Когда панихида? Было ли вскрытие?

Ина уже положила трубку. Федор тотчас позвонил и назвал номер отцовского телефона, по которому только что говорил. Но к телефону уже подошел Григорьич.

— Это ты, Григорьич? Попроси к телефону Ирину Ильинишну.

— Ирина Ильинишна еще спят-с, Федор Васильевич!

— Как спит! Я с ней сейчас говорил!

— Не могу знать-с: они не сходили вниз-с.

Федор рассердился.

— Какой вздор! Она здесь где-нибудь! Я минуту назад с пей говорил!

— Не могу знать-с, Федор Васильевич.

Телефон опять был положен.

«Это черт знает что такое!» — почти произнес Федор. Он яростно начал одеваться. Но на душе было мрачно. Лакеи в отцовском доме унижали его; значит об нем, о Федоре, в доме, мать и сестра, говорили враждебно. Его, Федора, считают за убийцу, который не сегодня-завтра будет в тюрьме! Иначе ничем нельзя объяснить наглого поведения Григорьича — того Григорьича, который знавал Федора еще ребенком!

---

* *Фрагмент IV*

Как ни торопился Федор, ушло больше часу времени, пока он оделся и выпил утренний кофе, проглядывая газету. Во всем теле была тяжкая истома, и, торопя себя сознательно, Федор бессознательно откладывал минуту выхода, позволяя себе читать газетные известия и медленно втыкать золотую булавку в галстук.

Был 12-й час, когда Федор опять подъехал к таганскому дому. У ворот стояли автомобили и экипажи, толпился народ; очевидно, совершалась панихида. На дворе Филипп почтительно поклонился, но Федор не ответил ему. В передней Григорьич столь же почтительно бросился снимать пальто. Федор сдержал себя и спросил только:

— Вскрытие тела было?

— Так точно-с! Сегодня утром-с, в 7 часов-с...

Федор прошел в залу, где посередине, на столе, лежало в роскошном гробу тело отца, уже окруженное первыми венками, серебряными и из живых цветов. В зале было много народа; у самого изголовья стояли мать и сестра и другие родственники. Хорошо знакомый священник, своего прихода, истово возглашал слова панихиды. Горели свечи.

Федор остановился на пороге. Поблизости от него оказалась Наталья Дмитриевна Куркина, соседка-домовладелица, одна из немногих, часто бывавших в доме Ходаковых. Федор знал ее с детства; забывшись, он быстро поклонился ей и уж сделал первое движение, чтобы поздороваться. Но в тот же самый миг он заметил, что Куркина, как-то вздрогнув, торопливо кивнула ответно головой и чуть-чуть подвинулась назад, словно избегая подавать руку. Может быть, это только показалось Федору, но во всяком случае, когда он, пораженный, остался на месте, Наталья Дмитриевна сама не сделала к нему ни шагу и первая руки не протянула.

Федор почувствовал, что бледнеет; сердце застучало. Он — отвержен! В родном доме — его сторонятся! Какие-то Куркины боятся подать ему руку! — *Отцеубийца*!

Последнее слово Федор отчетливо выговорил в мыслях.

Но может быть, что ему все же только показалось. Забыв о панихиде, о покойном отце, Федор сделал еще одну попытку. Неподалеку стоял Игорь Алекс⟨андрович⟩ Кромчеделов, дальний родственник Ходаковых по первой жене Василия Тимофеевича. Федор решительно шагнул к Кромчеделову и определенно ему поклонился... На этот раз не могло быть сомнения. Лицо Кромчеделова выразило такое ⟨*на этом текст обрывается*⟩.

X *

Федор не мог выносить долее этой нравственной пытки. Не дожидаясь конца панихиды, он тихо, но быстро отошел назад к двери, вышел в гостиную и потом, почти бегом миновав ее, хорошо знакомыми темными коридорчиками выбежал в сад.

Был март, деревья стояли голыми, кое-где только пушились первые почки, должно быть, верб; прошлогодняя трава торчала странно-бурыми пиками; дорожки еще не были посыпаны песком. Но, вдохнув свежий воздух, Федор сразу почувствовал успокоение.

Он медленно прошел всю аллею до беседки, стараясь решить, что́ делать: уехать? остаться? а если и мать с ужасом от него отшатнется? и при всем обществе?

Федор обернулся. Перед ним стояла Ирина: она подошла так тихо, что он не оглянулся.

---

* *Фрагмент V*

Как ни был взволнован Федор, он увидел сразу, что Ирина бледна неестественно, синевато-молочной бледностью, с полукруглыми, точно нарисованными, подглазницами.

— Иночка, что с тобой?

— Да, я очень изменилась? Здравствуй, Фео, сядем. Мне надо много тебе сказать, и каждую минуту могут помешать.

— Постой: а ты не отвернешься от меня, как другие?

— Другие!

— Мне не подают руки. Меня не впустили в дом. Меня, кажется, считают убийцей отца.

Фео впервые выговорил все это вслух и старался говорить шутя, с улыбкой, но ему стало жутко даже от звуков своего голоса. Ина вдруг приподняла глаза, не удивившись на вопрос, и ответила торжественно, как обычно не говорят:

— Фео, я знаю, что ты не мог это сделать. Если б даже все стали тебя обвинять, я знала бы, что это неправда!

Еще раз Фео почувствовал словно хлест пощечины. Значит, об этом можно было говорить! Значит, это никак не шутка! Ина ставит себе в заслугу, что не поверила глупой клевете.

— Так об этом говорят, Ина?

Ирина молча кивнула головой.

— Кто? и сестра? и мать?

Опять наклонение головы: да...

— Тогда мне остается только уйти отсюда.

Фео не вполне сознавал, почему должно уйти, а не наоборот — объясниться: главное, хотелось скорей убежать, уйти от стыда. Ирина удержала.

— Выслушай сначала. Может быть, после не придется говорить.

Фео безвольно остался стоять. Ирина говорила. Она путалась, голос ее прерывался. Но она и Фео привыкли понимать друг друга с детских лет. Полунамека было достаточно. Перед Фео ярко вырисовывалось, что произошло вчера.

Федор встал и вышел из кабинета отца, когда отец стал на него кричать в одном из свойственных ему припадков ярости: «Вон! Чтоб духу твоего не было в доме! Прокляну!» Так кричать старику случалось и раньше, и Фео думал, что через ½ часа отец успокоится. Не простившись, Фео прошел в переднюю, надел пальто ⟨и⟩ уехал.

Но отец на этот раз не успокоился. К нему вошли. Старик, побагровев, продолжал выкрикивать брань и вдруг упал. Думали, что с ним второй удар (первый был года полтора назад). Поднялась суматоха. Но старик скоро очнулся, и у него началась рвота. Первую минуту не догадались вызвать доктора, теперь бросились к телефону. Но, несколько придя в себя, старик требовал: «нотариуса», — требовал так настойчиво, повторяя одно слово, что решили исполнить его волю. Вызвался разыскать нотариуса дядя Гриша (?) *. Все потеряли голову, никто не мог ничего сообразить, и Ирина дала дяде Грише 25 рублей, чтобы тот взял лихача. Но дать этому человеку деньги значило наверное — направить его в трактир. Так и случилось. Дядя Гриша пропал, и нотариус так и не явился. Но через час (не раньше), наконец, приехал доктор, какой-то чужой, потому что никого из знакомых не оказалось дома. Доктор, довольно молодой человек, чрезвычайно не понравился старику, которому становилось все хуже и хуже. Ходаков не желал отвечать на вопросы доктора, гнал его и опять повторял: «нотариуса... завещание»: говорить связно он уже не мог. Доктор прописал промывательное и рвотное, но ста-

* Знак вопроса — рукой Брюсова.

рик отказывался принимать лекарство и не допускал *(1 нрзб)* себя. Никто не смел оказать насилие над грозным Ходаковым. Время шло. Рвота усиливалась. Матрена О. (?) сама упала без чувств и пришлось хлопотать еще об ней. Одна Анна сохранила присутствие духа. Она несколько раз звонила по телефону брату, но Федора не было дома. Упорно звонила Анна и знакомым докторам. Наконец, только в 10 часов вечера приехал Б., старичок, которому Ходаков доверял. Доктор пришел в ужас, узнав, что до сих пор, в сущности, ничего не сделано. Старик к тому времени уж потерял сознание. Б-в выслал всех из комнаты больного и послал за другим доктором, который тоже вскоре приехал. Что делали с больным, Ирина не знает, но около 11 часов Б-в вышел в гостиную, очень бледный, и объявил, что его пригласили слишком поздно, что ничего уж сделать нельзя. Матрена О. (?), придя в себя, заголосила отчаянно и тотчас послала «за попом». Тогда и Ирине от волнения и потрясений сделалось дурно. Что было потом, она почти не знает. Ее отнесли к ней в комнату. Потом пришла туда Анна, очень бледная, но владеющая собой, и объявила, что отца отравили. Ирина спросила: «Кто же мог это сделать?» Анна ответила, медленно произнося слова: «Кто? Ты не понимаешь? Кому было нужно, чтобы отец умер?» Ирина все еще не понимала страшного намека. Тогда Анна сказала: «Яд был брошен в кофе, который отец пил вместе с Федором, а они были вдвоем в комнате».

— Я, — рассказывала Ирина,— в негодовании вскочила с кровати, я закричала не своим голосом: «Да понимаешь ли ты, что ты говоришь?» Анна мне ответила: «Вполне понимаю, * но ведь если это сделал не он, то или я, или ты, или мамаша: выбирать можно только из четырех». Я просто ум потеряла, что-то говорила, сама не знаю что, а Анна посмотрела на меня строго и вышла из комнаты. Потом я слышала, приказали тебя не допускать в дом, если ты вдруг придешь. Но я больше ни с кем не говорила, всю ночь не спала, и сегодня я — как безумная.

Ф(едор) выслушал этот рассказ, как выносят трудную операцию, сжав зубы. Он только спросил:

— И мамаша?

— Ах, Фео! Совсем ты не знаешь своей матери! Разве ж у нее есть свои мысли?

— Но ведь я ее сын!

— А Анна ее дочь, и теперь Матрена Тихоновна только и твердит: «Проклял его покойный, проклял! И я проклинаю материнским проклятием! Анафема!»

— Да ведь это же бред! — почти закричал Фео.

Ему (?) все еще не верил(ось), что в самом деле, с сегодняшнего дня он вдруг оказался подозреваем в убийстве, нет! в отцеубийстве! Вчера он был всеми уважаемый человек: сегодня — преступник. Хотелось закричать, как кричат дети, когда игра начинает пугать: «Не хочу больше играть!»

Ирина стояла перед Федором, по-прежнему бледная, как бывают бледны только привидения на сцене. Ф(едор), наконец, собрался с духом, чтобы расспросить ее, но тут Ирина остановила его, кивком головы указав на другой конец сада. Там стояли двое юношей и пристально смотрели на Ирину и Федора, однако не делая ни малейшей попытки подойти и поздороваться. Федор знал их: то был его троюродный брат **, Леонид Игоревич Кромчеделов и его два товарища ***, Рецкий и Лоботов.

---

* *Далее зачеркнуто*: а если ты не хочешь понимать, то, может быть, потому что заранее знала об этом плане

** *Далее зачеркнуто*: Игорь

*** *Далее зачеркнуто*: Ирецкий

И. А. БАКУЛИН, М. А. БРЮСОВА, Е. Я. БРЮСОВА — ДЯДЯ, МАТЬ и СЕСТРА ПИСАТЕЛЯ
Фотография, конец 1890-х годов
Библиотека СССР им. В. И. Ленина. Москва

— Пойдем во флигель,— шепотом позвала Ирина, там никого нет и можно договорить.

Федор опять безвольно повиновался, и они быстро прошли по боковой дорожке во флигель.

XI

Леонид * покачал головой.

— Присутствие духа! Приехать на панихиду!

Рецкий переспросил:

— Ты серьезно думаешь, что *это* — он?..

— Кто же другой? Сочти. Некому.

— Но зачем было? Он и без того наследник всему.

— Во-первых, — время: старик мог легко прожить еще лет 10, а то и больше. Во-вторых, ты говоришь «наследник»; однако старик перед смертью спрашивал нотариуса, хотел, значит, изменить завещание.

— Все-таки не верю! Тогда не приехал бы сюда.

— Ты забываешь: отец! панихида по отце! Ведь он не дурак же. Не приехать значило бы сделать признание: мол, я.

— Но если это так явно, его арестуют, будут судить и он ничего не получит. Ты сам сказал: ведь не дурак же он: это-то мог сообразить.

— Арестуют? А доказательства? Надо полагать, он сумел чистенько срезать концы. Арестуют, подержат и принуждены будут выпустить.

— А скандал? Ведь он будет скомпрометирован навсегда!

— Ми-илый! Десять миллионов! Золото омывает всякую грязь, и из золотой ванны выходят белыми, как вершина Девы! Кстати: заметил ты, что они ушли, едва мы стали смотреть на них?

* *Было*: Игорь

— Так что же?

— На языке прежнего времени это называлось термином «совесть».

— Ну это совсем вздор! Просто, кому охота, чтоб на него смотрели в упор. Кстати, кто эта девица с ним?

— Как, ты не знаешь? Почти что сестра его. Есть Анечка, родная сестра, и есть Ирочка, полуродная сестра, бедная родственница, которая с детства воспитывалась с ними, с Аней и Федором.

— Они дружны?

Леонид * наклонился⟨?⟩ к Рецкому и проговорил почти шепотом:

— Подозреваю, что не то что дружны, а проводят ночи на одной постели.

— Ну, послушай! — Рецкий искренне возмутился.— Ты же сам сказал, что она ему почти сестра.

— Тем пикантнее связь.

Игорь говорил все свои чудовищные обвинения с особой снисходительной улыбкой, которую тщательно заучил перед зеркалом и которой умел управлять в совершенстве. Рецкий был гораздо проще, и его еще коробило от цинизма друга. Чтобы перевести ⟨?⟩ разговор, Рецкий спросил:

—Что же твоя «тень»?

— А в ⟨*1 нрзб*⟩

«Тенью» на жаргоне друзей назывался их третий спутник, Лоботов, занимавший странное амплуа: полутоварища, полулакея. Игорь платил Лоботову 50 р. в месяц на том условии, чтобы он всегда сопровождал его и заносил в записную книжку все, что Игорь скажет интересного или остроумного. «Гениальные мысли соскальзывают с языка случайно,— объяснял Игорь,— и теряются ⟨?⟩, если их не подбирать». Лоботов, молчаливый юноша, гимназист, не кончивший курса, с необычайной покорностью переносил свое двусмысленное положение, участвовал во всех кутежах своего патрона-товарища (на его счет, разумеется), спал с ним в одной комнате, расставаясь только на те часы, когда Игорю приходила в голову мысль — зайти на лекции в Университет, ибо Игорь был еще студент.

Мановением руки, которое сам Игорь определил бы как «царственное», он сделал знак Лоботову подойти и взял у него карнет с записями. На последней странице было аккуратно записано: «Золото омывает всякую грязь, и из золотой ванны выходят белыми, как вершина девы».

— Видишь! — торжествующе показал Игорь,— я и сам не заметил этого афоризма. А ведь не дурно сказано, а?

Тут же Игорь взял у Лоботова карандаш и хотел сделать поправку, но остановился.

— Нет, не надо,— сказал он. — В сущности вы (он обратился к Лоботову) ошиблись: я имел в виду Деву-гору, т. е. Юнгфрау, а вы написали «дева» с маленькой буквы. Но... пусть так остается: «девы». Это пикантнее! «вершина девы», а? Это даже — что-то загадочное! Запишите еще один афоризм: «Иногда острота возникает из ошибки, красота из случайности, и истина из лжи».

XII

Газеты были переполнены сенсационным делом об отравлении миллионера Ходакова. Был период, когда писать было «не об чем», а если бы газеты и пытались писать об «чем-нибудь», то «чуткая цензура» быстро стесняла «в журналь⟨ных⟩ выходк⟨ах⟩ балагура». ⟨*На этом текст обрывается*⟩

---

* *Было*: Игорь

* В невольном порыве он обнял ее и поцеловал, как бывало целовал в детстве. И именно в эту минуту, как то бывает в театре, на сцене, вошли мать и сестра Анна. Федор неловко отшатнулся и, все еще продолжая чувствовать по-детски, не знал, что делать. На мгновение он стал ребенком, которого старшие застали за шалостью.

Конечно, это чувство прошло тотчас и сразу мелькнула мысль, что настало время решительно выяснить положение. Федор пошел навстречу матери, говоря твердым голосом:

— Мамаша! Вы со мной и поздороваться не хотите! Неужели, мамаша, вы на одну минуту могли поверить глупым выдумкам разных негодяев? Разве вы меня забыли, разве не знаете, как я люблю отца!

Фраза была подготовлена, и Федор сам сознавал, что она прозвучала фальшиво. Но Матрена С. была ведь не из тех, кто способен разбираться в оттенках произношения. Федор рассчитывал на ее простой здравый смысл и материнское чувство.

Может быть, будь они наедине, все и произошло бы так, как Федор ожидал. Матрена остановилась в недоумении, колеблясь, что ответить. Она так привыкла повторять чужие слова, что всегда терялась, когда ей приходилось говорить самой за себя. И уж она начала:

— Да ведь, Федечка, вот тут говорят...

Но Анна стремительно заслонила мать. Высокая, стройная девушка, Анна приняла театрально-властную осанку и, строго глядя на брата, отчетливо произнесла:

— Федор! Мать тебя любит. Мать тебе способна простить *все* (слово «все» было резко подчеркнуто). Но сам ты считаешь себя вправе пользоваться снисхождением матери, пока *это* подозрение над тобой тяготеет? Не должен ли ты сначала оправдаться перед всем миром, а потом уже прийти к матери?

Последнее время Федор и Анна, правда, были в ссоре. Но никогда Федор не ожидал, чтобы сестра могла принять такой тон в разговоре с ним. Это было что-то невероятное, несообразное. Федор сознавал, что в присутствии матери должен был бы говорить мягко, подействовать на чувства старухи, но грубость сестры возбуждала в душе такое негодование, что сдерживаться не хватало сил. Все же, еще не повышая голоса, Федор возразил:

— Тебе не стыдно того, что ты говоришь, Анна? Ведь мы с тобой прожили всю жизнь вместе. Ведь не можешь ты в самом деле считать, что это я — принес какой-то яд, всыпал его в кофе отцу, отравил старика? Ведь это же последняя несообразность для каждого, кто меня знает!

Все продолжая смотреть в упор в глаза Федору, Анна раздельно произнесла:

— Да, я тебя знаю, Федор,— знаю. И я помню, чему ты меня учил, когда я была девчонкой. Теперь, может быть, поздно, а я хорошо помню те твои рассуждения,— о кураре. И даже (Анна сделала паузу) у меня сохранилась одна твоя рукопись под названием «Право сильного». Ты ее помнишь?

Это был уже такой удар, от которого Федор сначала побледнел, потом покраснел багрово и потерял все самообладание. То, что называется «кровь бросилась ему в голову». Он почти закричал на сестру.

— Подлая! Ведь ты же знаешь, что это мальчишеские глупости! А ты мне что в те дни говорила? Помнишь твои мечты об том, чтобы продаваться на бульваре? А! Это ты забыла!

---

* *Фрагмент VI*

Минута — и произошла бы безобразная сцена, так как Федор, не видя другого способа доказать свою правоту, был готов схватить свою сестру за ворот и бить ее кулаком по ⟨*1 нрзб*⟩ лицу. Вмешалась Ира.

— Федя! Аня! Вы себя не помните! Разве ж так можно? После, после! Теперь разойдитесь. Федор, уходи! Уходи, я прошу тебя.

Анна тоже опомнилась и сказала матери, которая беспомощно смотрела на происходящее:

— Мама, пойдемте. Вы видите, ему ничего другого не осталось, как оскорблять нас.

Федор круто повернулся и в два шага был в передней. Ему не хотели ⟨*2 нрзб*⟩. Ира, что-то повторяя ему вслед, кажется, догоняла его, но Федор сорвал с вешалки пальто и шляпу, не надевая их *, толчком ноги растворил выходную дверь и выскочил на двор, когда ⟨*4 нрзб*⟩ шептал, стоя в углу:

— Господи Иисусе, да он словно белены объелся.

У подъезда Федор постоял несколько мгновений, подумал, не вернуться ли, чтобы теперь, когда, кажется, все посторонние разъехались, пойти проститься с покойным отцом, но потом вздернул плечо, зашагал к калитке ** и через минуту уже ехал домой, закурив папиросу, хотя сердце продолжало биться от волнения.

Намек Анны относился к действительному факту. То было *** больше 10 лет тому назад, когда Федору было лет **** 15, а Анне ***** едва 13. В те годы до Федора дошли сочинения Ницше, и Федор весьма был под обаянием автора Заратустры, конечно, по-своему толкуя соблазнительные максимы. В те годы ****** брат и сестра были неразлучны: между ними существовала — не то что дружба, но нечто большее, какое-то единение юных душ. Они откровенно поверяли друг другу все самые тайные свои помыслы. Доходило это до того предела, что когда Федор, 13 лет, поступил в гимназию и там от товарищей в скором времени узнал теорию полового вопроса, он, нимало не поколебавшись, поспешил поделиться дома своими новыми знаниями с сестрой *******, которая была почти на два года моложе его. И Ане это не показалось странным: ей нисколько не было стыдно слушать рискованные признания от мальчика, потому что этот мальчик был ее брат Федя; напротив, Анна, может быть, скорее постыдилась бы говорить о чем-либо подобном с Ирой или с другой девочкой. Все, что в следующие годы проходило через душу Федора, он тоже приносил сестре, и они просиживали целые часы в интимных беседах; сначала на эти странные беседы Ира не допускалась как «маленькая» (она была еще на 3 года моложе Ани, следовательно, на 5 лет моложе Федора), потом ей позволили присутствовать в стороне, так сказать «без права голоса», и лишь последний год, когда Федор уже кончил гимназию, Ира сделалась полноправным членом их «тройственного союза».

Не удивительно поэтому, что когда Федор подпал под власть Ницше, идеи Заратустры скоро стали известны и Анне. Федор теперь готов был целые часы, свободные от приготовления уроков, развивать перед сестрами теорию «сверхчеловека», «вечного возвращения» и пребывания «по ту сторону добра и зла». Анна, как всегда, слушала брата как оракула, каждое его слово считая святыми и нерушимыми истинами. Jurare in verba ma-

---

* *Далее зачеркнуто*: трясущимися руками

** *Далее зачеркнуто*: Извозчик Федора оставался последним у ворот; Федор успел принять спокойный вид, сел и распорядился ехать домой.

*** *Далее зачеркнуто*: около; десять; 15 тому лет

**** *Далее зачеркнуто*: 15; 14, а Ане лет 11; не было и 12; 11; 12

***** *Далее зачеркнуто*: не было и 14

****** *Далее зачеркнуто*: все трое, Федор, Анна и Ира

******* *Далее зачеркнуто*: сестрами, которым было одной 11, а другой всего 9 лет

gistri * было столь для нее естественно, что когда Ирина, несмотря на свою молодость, первая осмелилась делать критические замечания, это привело Анну в некий ужас. Оспаривать Федора! Это было что-то вроде святотатства! Один раз Анна была так разгневана на Ирину, которая усомнилась в справедливости какого-то утверждения Федора, что схватила подвернувшуюся под руку маленькую кочергу и с размаха ударила свою подругу по спине. Ирочка упала без сознания. Конечно, это напугало Анну, она бросилась подымать Иру, приводить ее в чувство. Характерно для двух девочек, что Ира никому не сказала о происшедшем, хотя ушиб болел у нее после того несколько недель; а Анна, которая сначала заливалась слезами, каялась и на коленях умоляла «простить, *совсем* простить» ее, после только сильнее возненавидела Иру, к которой, в сущности, всегда таила скрытую злобу **.

Увлекаясь Ницше, Федор сам стал писать афористические сочинения в манере своего учителя. Эти первые опыты пера благоговейно собирала Анна, которая тщательно переписывала их в цветные тетрадки, каллиграфически выводя на первой странице: «сочинение Феодора Ходакова (Москва)»,— ей почему-то особенно нравилось это добавление города, может быть, потому, что в немецких научных журналах приват-доценты мелких университетов часто *** ставили название города после подписи. Среди этих рукописных трактатов юного философа было одно, носившее заглавие: «Право сильного. Пролегомены к суждению о природе всякого права». Федор Ходаков (Москва) доказывал там не слишком новую мысль, что не только практически право опирается на силу, что закон имеет смысл лишь потому, что ⟨*2 нрзб*⟩ придает полиция и армия, но что и теоретически, отвлеченно, идея права есть трансформация идеи силы. В трактате юный автор, видимо желая уподобиться дерзновенному Заратустре, приходил к ряду парадоксов, вроде того, что быть сильным всегда есть и быть правым, что слабый всегда неправ и т. д. Последовал вывод, что «кроме силы, нет иного права в мире. Желание становится правом, когда оно сопровождается возможностью его исполнить; желание есть преступление, если нет силы его осуществить. Грех есть бессилие, преступление есть отсутствие возможности. Достаточно желать и мочь, это и значит — быть правым. Если ты можешь, ты и имеешь право».

По поводу этого трактата между сестрой и братом был долгий разговор. Анна спросила, способен ли брат применить свои идеи в жизни. Конечно, неофит-ницшеанец, не задумываясь, ответил утвердительно. Да, он, Федор, будет жить так, как он мыслит; он будет видеть себя правым тогда, когда будет силен ****; «Если я буду чего-либо хотеть,— говорил Федор,— я спрошу себя: есть ли во мне, во-первых, внутренняя нравственная сила совершить это и, во-вторых, внешняя, физическая возможность это исполнить: если есть и то и другое, я буду считать себя вправе осуществить свое желание». — «А если,— спросила сестра,— твое желание будет такое, что это будет преступление? если ты, например ⟨?⟩, пожелаешь украсть или убить? Федор на такой вопрос рассердился и стал гневно выговаривать сестре, которая от этого вся засмущалась: «Значит, ты ничего не поняла в моем трактате! Какое-такое может быть *преступление?* Ты говоришь: убить. Если я чувствую, что не могу убить, что меня будут мучить угрызения совести, раскаяние и все такое, тогда да, убить будет преступление. И если я чувствую, что не в силах убить, т. е., ка-

---

* Слепо верить (*лат.*).

** *Слово* злобу *вписано над незачеркнутым словом* ненависть

*** *Далее зачеркнуто*: подписывались: такой-то aus Heidelberg или aus Jena.

**** *Далее зачеркнуто*: иного права — нет в мире: достаточно *желать* и *мочь*, это и значит — не совершить преступления. Желание стан

пример, тот, кого я хочу убить, сильнее меня, не дастся, тогда мое желание будет преступлением. А если я знаю, что раскаиваться не буду, и знаю, что у меня хватит силы проломить такому-то череп, я имею на то право!» Но Аня все еще не понимала и спросила: «А если тебя будут судить?» Тут Федор не выдержал и самым откровенным образом выругался: «Дура! Если я боюсь суда, так я нравственно бессилен! Если я не умею увернуться от суда, значит я физически бессилен. В обоих случаях убийство — преступление. А если я суда не боюсь и если достаточно ловок, чтобы никто меня не мог уличить, я — прав». Разговор продолжался еще долго, и Федор, конечно, и забыл, что тогда он до последней крайности развивал эту свою теорию: убивать можно, только надо иметь крепкие нервы, сильные руки и сообразительную голову.

На этот именно трактат и намекнула Анна в последнем разговоре. Федор ответил другим намеком, который Анна должна была хорошо понять. Это был другой факт их юности, случившийся года на $2^1/_2$ позже, чем обсуждение трактата о «праве сильного». Между братом и сестрой еще продолжали оставаться прежние отношения и они по-прежнему поверяли друг другу все самые интимные свои мысли. Анне шел уже 15-й год; она развилась рано и на вид казалась старше своего возраста: у нее уже была довольно развитая грудь, почти женские бедра, и она уже давно знала ежемесячное женское недомогание (о начале которого тоже не преминула сообщить брату, что, может быть, всего более доказывало их близость, ибо нет ничего другого в жизни, что девушка так стыдливо скрывала бы, как первое появление этих недомоганий). Тогда, «по пятнадцатому годку», как говорил⟨а⟩ Васильевна ⟨?⟩, Анну уже волновали далеко не детские мечты. Рано ознакомившись с теорией страсти, она томилась желанием ближе изведать запретный плод. И часто вечерние ⟨?⟩ беседы с братом были посвящены этой рискованной теме. Федор в то время уже не был новичком в «любви»: с товарищами он уже изведал удовольствие продажных ласк «по 2 рубля за час». Анна, замирая и бледнея, расспрашивала брата, что именно он испытывал, и Федор,— настолько он привык говорить с Анной как с самим собой, — просто и откровенно рассказывал ей, как сделал бы это школьному товарищу. Вот в один из этих вечеров Анна и призналась брату, что ей соблазнительно хочется разыграть роль продающейся женщины: выйти на бульвар, позволить «пригласить» себя какому-нибудь прохожему, пойти с ним в гостиницу и там отдаться ему. Федор был уже достаточно опытен и умен, чтобы настойчиво отклонить сестру от ее безумного проекта. Доводы брата были столь несомненны, что Анна должна была отказаться от своих эксцентрических мечтаний и «поклялась» брату, что никогда не сделает этого опыта.

В горячке спора Федор бросил сестре, как парирующее обвинение, это напоминание. Но Федор понимал, что его удар был слабее. Сестра напомнила ему ту теорию, которая придавала какое-то вероятие низким обвинениям... А что же было в намеке Федора? Анна могла в конце концов ответить: «Ты сам, будучи старше меня на два года, развращал меня»,— и будет в значительной степени права. Федору становилось все тяжелее и тяжелее на душе, по мере того как он приближался к дому. Хотелось скорее от всех спрятаться, броситься на кушетку, закрыть глаза и не думать ни об чем, позабыть события последних суток. *(На этом текст обрывается).*

ДОМ БРЮСОВЫХ
Москва. Цветной бульвар, дом № 24 (ныне — № 22)
Здесь Брюсов жил до сентября 1910 г.
Фотография, 1890-е годы
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

* В каждой газете читались более или менее сенсационные заголовки: «Таинственное убийство миллионера», «Отравленный миллионер», даже «Преступление вокруг миллионов», и только «Русские ведомости», со своей обычной сдержанностью, удовольствовались заметкой в двадцать строк в отделе «Московские вести». Однако эта заметка содержала все существенное: **

К кончине В. Т. Ходакова. Кончина В. Т. Ходакова *** продолжает служить предметом оживленного обсуждения в кругах московских коммерсантов, среди которых покойный был хорошо знаком как владелец известной мануфактурной фабрики, больших магазинов в городе и других торговых предприятий. Как теперь выяснилось, смерть произошла при обстоятельствах, возбудивших подозрения, так что по требованию судебных властей было произведено вскрытие тела, обнаружившее наличность сильно действующего яда. Остается неясным, имело ли здесь место преступление или несчастная случайность. Следствие поручено судебному следователю по особо важным делам, но пока по делу никто не арестован. Состояние В. Т. Ходакова и принадлежащую ему недвижимость оценивают в сумме до десяти миллионов рублей, причем главным наследником является единственный сын покойного, Федор Васильевич Ходаков, небезызвестный в научных кругах Москвы своими докладами в ученых

---

* *Фрагмент VII.*

** Далее зачеркнута первоначальная редакция газетной заметки «Кончина В. Т. Ходакова», почти совпадающая с редакцией, вошедшей в дальнейший текст романа.

*** *Далее зачеркнуто*: хорошо известного всей коммерческой Москве

обществах по вопросам астрономии. Покойный Василий Тимофеевич Ходаков скончался в преклонных годах, почти 73 лет от роду; он состоял церковным старостой своего прихода, почетным членом многих благотворительных обществ и неоднократно делал крупные пожертвования на дела благотворения.

На этой скромной канве бульварной прессой были расшиты самые причудливые узоры. Одна газетка не стесняясь намекала на подозрения, возникшие против Федора Васильевича, и один вечерний листок даже красноречиво рассказывал, как «преступник» приехал было на панихиду по отце, но не вынес вида своей «жертвы», побледнел так же, как лежащий в гробу мертвец, и «выбежал из дома». Другая газета, не менее развязная, рассказывала, что когда Федор явился на панихиду, его встретила мать, которая, глядя ему в лицо «горящими глазами», спросила повелительно: «Отвечай! Чувствуешь ли ты себя вправе здесь присутствовать?» — в ответ на что преступный сын не мог произнести ни слова и, потрясенный, немедленно покинул дом. Впрочем, в этой газете имена были заменены инициалами: Х. и Ф. В. Наконец, в третьей газете, уже совершенно «желтой», было прямо написано: «По слухам, которые мы еще не могли проверить, арестован, по подозрению в отцеубийстве, сын покойного». Но, чтобы лишить заметку характера клеветы, газета добавляла: «Мы хотим верить, что эти слухи ошибочны или что, по крайней мере, подозрения окажутся несправедливыми. Сердце отказывается верить, что у молодого человека не хватило терпения дождаться естественного конца своего более чем 80-летнего отца!»

Федор читал эти заметки, и его охватывала дрожь ярости при таких наглых оскорблениях. С лихорадочным * волнением развертывал он газетные листки, принесенные ему, торопливо ища соответствующие заголовки и читая новую гнусность, направленную против себя. Что нужно было сделать? Поехать немедленно в редакцию, пригрозить судом или личной расправой? Может быть, редакторы этих листков и смутятся, принесут свои извинения, дадут обещания не печатать бол⟨ьше⟩ ничего подобного, но все то, что напечатано,— уж прочтено всей Москвой! Да и противно было Федору лично разговаривать с людьми, которые печатно называют его убийцей. Поехать в полицию и там просить защиты от нападок прессы? Федор слишком уважал печать, чтобы унизиться до такого приема. Написать письмо в редакцию? Но что же сказать в этом письме? «Господа, я не убил» или «Пока не доказано, что я виноват, никто не имеет права меня обвинять»: все было одинаково грубо, не то отвратительно, не то смешно. Во всяком случае то, что напечатано,— уже напечатано, уж вся Москва прочитала это, и если завтра появится любое «опровержение», оно не сотрет впечатления сегодняшних заметок.

Подавленный волнением, Федор почти позабыл, что ему надо ехать на похороны. Это воспоминание обожгло его словно раскаленным железом. Нет! вмешаться в толпу, среди которой каждый прочел все гнусности, напечатанные в газетах? Идти за гробом, когда кругом будут шептаться: «Это Федор Васильевич, тот самый... а читали вы, как сегодня в...»

Федор, кажется заскрежетал зубами, как дантовы грешники, при этой мысли. Нет! он не может, не в силах повторить вчерашнюю пытку в удесятеренной степени! Не может выставить себя на позорище перед всеми этими тупоумцами, толстосумами, увешанными бриллиантами купчихами, своими родственниками, близкими и далекими, праздными зеваками, которые стекутся на дешевое зрелище «богатых» похорон! Все они станут смаковать каждое слово газетных писак, даже зная, что напечатанное — ложь, будут злорадствовать тому, как ловко это «за-

---

* *Далее зачеркнуто*: порывом покупал он все вновь выходящие листки

корючено»! — «не хватило терпения дождаться естественной кончины». Мать опять отвернется, сестра оскорбит, дядья не подадут руки, безграмотные купцы будут торжествовать: «Вот оно, ученье-то!», а футуризирующие племянницы презрительно заявят (?): «Не сумел даже ловко вывернуться!» Нет! Этого вытерпеть нельзя: Федор не поедет.

Но что тогда скажут об его отсутствии на похоронах? Скажут, что угрызения совести не позволили ему присутствовать на похоронах того, кого он убил! Обрадовавшись безнаказанности своих первых заметок, фельетонисты распишут всё это в 10 раз подробнее. Каких риторических фраз не наговорят гг. сочинители трогательных газетных статей, к которым всем применимы стихи Грибоедова:

Когда ж о честности высокой говорит,
Каким-то демоном внушаем,
Глаза в крови, лицо горит...
И крепко на руку нечист.

Мысли Федора путались, и вдруг раздался звонок. Швейцарша, убиравшая соседнюю комнату, пришла доложить: «Там вас господин спрашивает». На карточке стояло: «Гр-ский». Федор не без труда вспомнил, что это тот поляк, который первый сообщил ему, в Обществе любителей телескопов, о смерти отца.

Гр-ский вошел размашистой походкой, как входят в комнату лучшего друга, «с распростертыми объятьями», так сказать.

— Дорогой Федор Васильевич! Здравствуйте! Как я рад, что застал вас еще дома! Я приехал предупреждать вас (Гр. не совсем чисто говорил по-русски). Простите мою дружескую навязчивость. Но вы не должны поехать на похороны.

Минуту до того Федор сам пришел к такому же выводу, но вмешательство постороннего заставило тотчас возразить резко, едва пожимая руку гостю:

— Извините, собственно почему вы считаете себя... призванным давать мне такие советы?

Гр. обладал неисчерпаемым благодушием, которое не могли поколебать никакие резкости.

— Дорогой Федор Васильевич! Я понимаю, в каком вы состоянии! Я читал все это (жест в сторону вороха газетных листов), но сейчас вы должны довериться дружескому принуждению. Мы встречались мало, но, верьте, я, в душе, всегда вас глубоко чтил. Да мы ведь не были обыкновенными знакомыми, я вас выделял из ряду друзей...

Гр. тараторил быстро, с той скоростью произнося слова, как то умеют делать лишь французы и иногда поляки. Из речи оказывалось, что Гр. «в душе» всегда признавал Федора своим лучшим другом, то есть, о! не — другом, он, разумеется, не имеет права притязать на такое высокое имя, но все же как бы другом, и потом, в трагический момент, как сейчас, что права дружбы, и т. д. и т. д.

Федор слушал не без брезгливого чувства, но он был бессилен перед этим потоком быстро льющейся речи, похожей на какой-то кисель, который быстро обволакивал душу, залепляя все мысли и заглушая сознание.

— Ведь вы могли же заболеть,— не останавливаясь убеждал Гр.,— да и в самом деле у вас очень больной вид. Мы сейчас телефонируем на дом, что вы лежите в постели и извиняетесь (?). Мы даже доктора можем пригласить. Потому что, видите, вы никак не должны поехать.

Федор был по характеру упрям и способен на взрыв ярости. Но сейчас им овладело какое-то оцепенение, также ему свойственное, странное

безволие апатии. Он без возражений смотрел, как Гр. распоряжался в его квартире, звонил по телефону, извещал кого-то о внезапной болезни Федора, что-то приказывал швейцарше, распорядился даже, чтобы вскипятили несколько порций кофе. Только время от времени Федор вставлял всего два-три слова:

— Будьте любезны, в это дело не вмешивайтесь...

— Хорошо, хорошо! — успокаивал Гр. словно * капризничающего ребенка,— все будет по-вашему. Я только скажу одно слово. Барышня! № 5-12-47. Мерси. Алло? Дом Ходаковых?

И продолжал скользить по комнатам, распоряжаясь, как хозяин или доктор в доме тяжело больного.

Федор чувствовал такой упадок сил, что лег на кушетку; иногда ему казалось, что он теряет сознание. Смерть отца, чудовищное обвинение в убийстве, ночной приход Иры, посылка Генриеттой утренних газет,— все это сломило его душу. В это мгновение Федору было всё всё равно, всё безразлично, хотелось одного, чтобы его оставили в покое. Но именно этого не хотел Гр-ий.

Когда кофе был вскоре ⟨?⟩ подан, поляк придвинул кресло к кушетке, сел рядом с Федором и, глотая горячий напиток, заговорил.

— Теперь, дорогой мой, будем разговаривать серьезно. Это ж ⟨*1 нрзб*⟩. Вы — человек неопытный в делах, вы не понимаете человеческой низости. Я, к сожалению, с ней хорошо ознакомлен. Я вам все объясню. Вы думаете, эти статьи написаны случайно? Нет, дорогой мой, они инспирированы и оплачены. Вот за эту (он взял в руки один листок) заплачено двести рублей, мне это доподлинно известно. А эта (в руках поляка оказалась другая газета) стоила только угощения в Метрополе. Наконец, эта (то была заметка «по слухам») была только подписана одним сотрудником, а писал ее знаете кто? Я вам скажу. Ее писал Леонид Игоревич Кромчеделов.

Федор буквально привскочил. Это имя прорезало муть его сознания, как луч прожектора.

— Леонид? Зачем?

— Вы видите, дорогой мой, как вы неопытны! Кто наследник после вашего покойного батюшки? Я предполагаю, что завещания не имеется, ведь так?

— Вероятно, нет...

— Так вот. Во-первых: вы и ваша сестрица, та в $^1/_7$ доли. Потом ваша мамаша, в $^1/_{14}$ доли. Потом еще кто? — дальние родственники. Какие? Потомки дядюшки вашего Прова Тимофеевича, тетушки вашей Марьи Тимофеевны и по известному желанию вашего батюшки — господин Кромчеделов. Ясно? Как же, однако, проложить путь к наследству при существовании такого бесспорного наследника, как вы? Надобно его, этого бесспорного, устранить. Возникает гениальная идея. Устроить газетную травлю. Сегодня на похоронах вас ждали бы оскорбления всякого рода. Вы человек благородный, о! я вас знаю! Вы — высоко благородный человек. Что же вы делаете? Вы — так рассуждают эти господа — подавлены всеми этими обвинениями; вы хотите во что бы то ни стало доказать, что гнусные обвинения — ложь! Как вы можете этого достигнуть? Отказавшись от наследства. Вы этим как бы скажете: вы меня обвиняете, что я совершил преступление потому, что отец намеревался лишить меня наследства. А я от наследства отказываюсь. Это будет благородный жест, но, дорогой мой, простите меня,— жест неразумный! Ох, какой неразумный!

Федор слушал слова поляка, как сказку. Слабым голосом он спросил:

---

* *Далее зачеркнуто*: больного или

— А Аня?

— Ваша сестра? А вы не обратили внимания, как она относится к вам эти дни? Заметили? Поверьте, ей тоже полный расчет, чтобы вы отказались от своей доли.

Федор хотел рассердиться.

— Послушайте! Вы клевещете на мою сестру.

— Не волнуйтесь, дорогой Федор Васильевич! Я ничего не утверждаю. Но сопоставьте сами факты. Я вам честью клянусь, что все эти газетные статьи инспирированы. Теперь припомните поведение Анны Васильевны. Она влияет ⟨?⟩ на вашу матушку; она внушает ей не впускать вас в дом; она отдает приказани⟨е⟩ старым слугам...

Федор сел на кушетке, ⟨*2 нрзб*⟩, произнес тоном, завершающим круг раздумий:

— Или вы сейчас говорите такую ложь, которую нет даже слов достойно определить, или все это — такая гнусность, которой я даже не мог вообразить.

— Вот именно! вот именно! — обрадовался поляк, — или то, или другое. Или я — гнусный клеветник и ⟨вы⟩ в праве ⟨?⟩ избить меня хлыстом, убить, как собаку; *или* я — ваш искренний друг, открывающий вам глаза на чудовищный заговор, затеянный против вас.

Федор опять лег, закрыл глаза и погрузился в свою апатию

Гр. был в восторге; он достиг своей цели. Сидя около Федора, он успокаивающим, убаюкивающим голосом продолжал свои объяснения, мешая факты, и не ⟨*4 нрзб*⟩ своей богатой фантазии, перемешивая правду и вымысел, опутывая Федора какой-то сетью низких подозрений и намеков...

ПОД СТЕКЛЯННЫМ ШАРОМ *

Записки наблюдателя жизни

(Нравы предреволюционной поры)

I

5 сентября 1913 года

Эту новую — уже которую! — тетрадь своего дневника начинаю сообщением, говоря условно, «печальным»: сегодня, накануне того дня, когда мне исполняется сорок шесть лет (как женщины, я признаюсь в своих годах лишь на этих интимных страницах), умер, как мы его называем, «наш дедушка»,— точнее: двоюродный дед моей жены, Василий Тимофеевич Ходаков. Лет 15, даже 10 тому назад, когда я еще мог ждать, что и на нашу долю достанется что-нибудь из ходаковских миллионов, это известие произвело бы на меня сильное впечатление; но я уже давно примирился с мыслью, что из этого наследства мы не получим ни копейки,— в лучшем случае, по завещанию (если оно существует), «на добрую память» пару старых и плохих литографий, висящих в гостиной Таганского дома. Поэтому сообщение о смерти старика я принял совершенно без волнения,— выразил ровно столько участия, сколько требовалось приличием. Но Василий Тимофеевич Ходаков — слишком видная фигура в московском коммерческом мире, и в клубе (где я и узнал о смерти) все только об нем сегодня и говорили. Молва, как всегда, преувеличивала его состояние: насчитывали что-то до двенадцати миллионов, но я знаю, что это — неверно. Наличными деньгами у старика вряд ли было много больше *трех* миллионов рублей (помню, он сам говорил с гордостью: «оставлю по миллиону сыну, дочери и жене»), фабрика стоит приблизительно столько же

---

* *Фрагмент IX*

(но, при спешной ликвидации, не удастся выручить и половины), дом на Таганке — тысяч двести, если не меньше, дача в Сокольниках — едва ли тысяч пятьдесят: вот и все,— не набралось и 7 миллионов, вместо 12. Хотя, разумеется, и этого достаточно для человека, начавшего с того, что он был подмастерьем у портного и получал «жалованья» три рубля в месяц да хозяйский «харч»!

Видеман, который всегда все знает (он и принес известие в клуб), уверял, что кончина старика — загадочна. Возникли, будто бы, подозрения в отравлении. Когда я подошел к группе, обсуждавшей этот вопрос, все замолчали, так как меня считают родственником, и я ничего не узнал. Думаю, что эти предположения — вздор. Когда умирает видный человек, всегда начинают искать какую-нибудь особенную причину, ибо людей выдающихся (все равно чем: талантами, властью, богатством) окружающие привыкают считать бессмертными. Когда скончался Август, на 76 году жизни, стали уверять, что его отравила Ливия. Василию Тимофеевичу было 73 года: возраст, в котором естественно умереть и без отравы. Но личностям, вроде Видемана, всегда нужны новости сенсационные: это — атмосфера, которой они дышат и без которой чахнут. Если нет сенсации подлинной, они не задумаются «домыслить».

Вернувшись домой, хотел сообщить жене о смерти ее двоюродного деда, но она уже знала: ее известили по телефону. Я постарался рассеять у нее последние иллюзии относительно возможности получить наследство Чтобы меньше было разочарования. Но — пора спать. До скорого свидания, новая тетрадь!

II

6 сентября, утро

Должно быть, смерть Ходакова станет злобой дня. В наше безвременье, в эту эпоху омертвения всех элементов жизни, которую мы переживаем после вспышки 905—906 года, рады бывают любому происшествию чуть-чуть выходящему из ряда, чтобы превратить его в событие,— все равно, большому пожару, скандалу на заседании, ловкому мошенничеству: все-таки в дни, когда говорить и писать не об чем! Поэтому сегодня все газеты посвятили статьи «видному представителю коммерческой Москвы, известному благотворителю» и тому подобное. Одна даже успела за ночь достать и напечатать портрет, впрочем, столь же похожий на «почетного гражданина В. Т. Ходакова», сколько на любого старика с бородой: я никогда не видал такой фотографии у Василия Тимофеевича (он и снимался-то, кажется, раз или два раза в жизни, почитая фотографию таким же «бесовским наваждением», как новейший кинематограф), так что газетный портрет, вероятно, — вольное «сочинение» развязного репортера.

Но вот что плохо. Во всех газетах повторено, что кончина Василия Тимофеевича признана неестественной, что приглашенный доктор (надо узнать, кто именно) заподозрил отравление, что будет следствие и вскрытие. Кстати: в какой же ужас пришла добрейшая Матрена Тихоновна и с нею весь синклит ходаковских приживалок, когда стало известно, что покойника будут «резать»! И как она могла на это согласиться? Очевидно, потребовали не на шутку! И, наконец, самое плохое. В одной бульварной газетке это сообщение изложено буквально так: «В этот день у В. Т. Ходакова обедал его сын, Сергей Васильевич, который живет отдельно. После обеда отец и сын удалились в кабинет, куда им подали кофе. Говорят, что между ними произошло там довольно бурное объяснение, после чего Сергей Васильевич немедленно уехал, а Василий Тимофеевич почувствовал себя дурно, вскоре потерял сознание и, несмотря на усилия немедленно приглашенных врачей, скончался не приходя в себя. Предпо-

БРЮСОВ

С рисунка С. А. Виноградова. 30 апреля 1916 г.

«Известия Московского литературно-художественного кружка»,
вып. 14—15, сентябрь — октябрь 1916 г.

лагают, что имело место отравление. Следствие энергично ведется». — Ведь подобная заметка чуть ли прямо не обвиняет Сережу в отцеубийстве! Черт знает что такое! Печатать фантастические портреты — еще туда-сюда, но намекать, что человек совершил тягчайшее уголовное преступление, это — выходит за пределы!

Звонил к Ходаковым по телефону, но старый Онисим ответил мне, что все потеряли головы, а барышня, т. е. Анюта, «с горя больны-с, лежат-с».

Еду с женой на панихиду, назначенную в 12,— на месте узнаю все подробности. А ведь сегодня день моего рождения, но — «молчание!», как говорит гоголевский герой.

В тот же день, вечером

По случаю неожиданного траура, у нас приказано посетителям отказывать. Жена лежит, уверяет, что у нее — мигрень. Я рад свободе: могу на досуге беседовать сам с собой в этой тетради. А записать есть что.

Странное овладело мною чувство, когда мы подъехали к Таганскому дому Ходаковых, где последнее время я бывал ровно два раза в году: на рождество и на пасху, выполняя традиционный обряд поздравления. Мне почти стало казаться, что там, в Таганке, и не бывает ничего иного: всегда по-праздничному убранные «парадные» комнаты (куда обычно никто не заглядывает), огромный стол, уставленный всевозможными яствами и разноцветными бутылками, толпа поздравителей, лиц, с которыми встречаешься тоже два раза в году, и среди них непременно какие-то «батюшки» и «ваши преподобия». Сегодня дом имел иной вид, хотя и остался по-прежнему выходцем с другого света, одним из самых последних обломков купеческой Москвы Островского. У ворот, как в праздник, множество автомобилей, карет, колясок и щегольских пролеток; в «большой передней» — груды сложенных пальто, которым уже недостало места на вешалках; но в зале, вместо стола с закусками — стол, покрытый чем-то черным и белым, на котором простерто тело Василия Тимофеевича: буквально, как у Державина: «где стол был яств...» Явившихся на первую панихиду было так много, что трудно было протиснуться через толпу.

Мы хотели было пройти к Матрене Тихоновне или к Анюте, но Онисим, который внезапно принял чрезвычайно важный вид и стал распоряжаться как какой-то мажордом, решительно отказался «докладывать».— «Очень они расстроены-с, и барыня и барышня, не приказали никого до себя допущать, без исключениев-с!» — так он нам объяснил. Мы узнали только, что вскрытие тела утром было и что, по всему, хотя доктора и «скрывают-с», яд, действительно, обнаружен.

Жена пошла к дамам, а я пожимал руки направо и налево и, что называется, «перекидывался словом» то с тем, то с другим. В сборе была * вся бессчетная родня Ходаковых **, старые и молодые, мужчины и женщины, люди всех возрастов, всех положений в обществе и всех состояний. Был здесь почтеннейший Капитон Кондратьевич Клушин, как всегда *** степенно самодовольный; был мрачный и словно подмигивающий Кузьма Трофимович Подсалазкин, купец еще старой складки, а рядом Игорь Александрович Кромчеделов, самоуверенный, «энглизованный», с женой Варварой Трофимовной, уже одетой в новосшитый траурный «тайер», и с сынком, полуфутуристом Леонидом (около которого его alter ego — «знаменитый поэт» Лягушинский) ****; была вся семья Кумачниковых, отец, мать и две дочки-неразлучницы, Мотря и Феня; в сторонке жалась «бедная родственница» Вера Алексеевна Грамоткина, а Георгий Владимирович Лихов, напротив, как будто выставлял напоказ свой потертый сюртук и починенные штиблеты,— но всех не перечислишь! Кроме родственников, были здесь все приживальщики и приживальщицы ходаковского дома и его постоянные посетители «с черного хода»: «дядя Петя», «тетушка Улья-

---

* *Далее зачеркнуто*: все бессчетное потомство

** *Далее зачеркнуто*. и Клушиных

*** *Далее зачеркнуто*: торжественно

**** *Далее зачеркнуто*: В сторонке жалась «бедная родственница» Ирина Ильинишна Твердая, а Георгий Владимирович

на», «мать Серафима» и другие, даже «странник Феодор»; были — соседи и знакомые по «городу» и по «приходу», кто — одетый по последней моде, с видом «негоцианта» из лондонского Сити и с пробором английского денди, кто — в длиннополом сюртуке, с оттенком «мы — по старой вере» и с волосами, расчесанными на двое; были, наконец, и совсем никому незнакомые, если только удавалось проскользнуть мимо бдительного надзора Онисима, который время от времени строго приказывал Петру, исполнявшему роль швейцара: «Этого гони: шантрапа!» В зале скучивались черные костюмы мужчин, атласные рясы батюшек, крепы дамских шляп и какие-то фантастические одеяния старозаветных купчих, с кружевными наколками на головах... Кроме дам, все стояли, ожидая хозяйку, и разговор вполголоса был похож на жужжание роя пчел.

Замечательно, что в зале не было никого, кто мог бы играть роль хозяина. Ни Матрена Тихоновна, ни Анюта не показывались; не появлялась даже Ириночка (очевидно, она оставалась при Анюте). Но всего поразительнее, что не было Сергея. Меня это тревожило, тем более что, когда я решился назвать его имя, мои собеседники посмотрели на меня как-то странно. Не было сомнения, что газетная клевета сделала свое дело и бросила свои семена в души, падкие до всяких скандалов *.

Зато я узнал подробности о смерти Василия Тимофеевича: рассказал мне Подсалазкин, откуда их узнал он, я не мог дознаться: «Сказывали мне»,— вот всё, что он мне ответил.

По словам Подсалазкина, Сергей действительно вчера обедал у отца. Последнее время их отношения еще ухудшились, поэтому от этого обеда ожидалось многое: думали, что состоится примирение между отцом и сыном (кто думал? Должно быть Анюта и Матрена Тихоновна, — я точно записываю рассказ Подсалазкина, только изменив его намеренно неправильные, «простые» — «мы говорим по-простецки» — обороты речи). Обед прошел «ни так ни сяк»: столкновений не было, но Василий Тимофеевич несколько раз брови хмурил. (Рассказ весь был пересыпан такими мелочами, словно этот Подсалазкин сидел под столом и все наблюдал сам.) После обеда Сергей попросил у отца позволения переговорить с ним наедине. Пошли в кабинет к Василию Тимофеевичу: туда им подали *и кофе* (у Ходаковых после обеда подавалось кофе: одно из новшеств, бог весть почему принятых Василием Тимофеевичем,— «для желудка пользительно», объяснял он сам). Об чем разговаривали отец с сыном в кабинете, неизвестно, но было слышно (опять: кто слышал?), что голоса повышались: разговор явно шел крупный. Вдруг из кабинета послышался прямо крик. Семейные в испуге бросились к дверям, не смея, однако, войти, ибо перед «самим» все, не исключая Анюты, трепетали. Но дверь распахнулась, появился Сергей, очень бледный, посмотрел вокруг на всех, не сказал ни слова и побежал («рассказывают, что именно бегом побежал»,— подчеркнул Подсалазкин) в переднюю; там Сергей спешно накинул на себя пальто и вышел, ушел совсем. Между тем Анюта и Матрена Тихоновна осмелились войти в кабинет. Василий Тимофеевич был не бледен, а красен, в

---

* *Далее зачеркнуто*: Раздосадованный, я подошел к Подсалазкину и прямо спросил его:

— Вы не знаете, что Сергей Васильевич здесь?

Хитрый купец пристально посмотрел на меня и потом произнес осторожно:

— Я так рассуждаю, что оно, пожалуй, Сергею Васильевичу не совсем, может быть, удобно сейчас пожаловать. Оно, конечно, его батюшка скончался, и он, значит, выходит — глава всему, так сказать,— первый наследник и хозяин. А только по поводу этих самых слухов как будто выходит и неладно.

Подсалазкин нарочно коверкает свою речь на гостинодворский лад, тогда как может говорить совершенно правильно. Я решился возразить: — Неужели вздорные газетные сплетни могут иметь какое-нибудь значение?

Подсалазкин опять

раздражении крайнем, стучал кулаком по столу и повторял: «Прокляну! Лишу наследства! Всего лишу!» Увидя жену и дочь, Ходаков стал требовать, чтобы немедленно послали за нотариусом, чтобы составить новое завещание, лишающее сына наследства. Так как это было не в первый раз, и прежде случалось, что после ссоры с сыном Ходаков начинал требовать нотариуса: «Сейчас, сию минуту, чтобы здесь был!» — то особого внимания на приказание не обратили. Дочь и жена стали успокаивать Ходакова, объясняли ему, что уже поздно, что нотариуса пригласят завтра, хотели уложить старика на диван и поставить ему горчичник (почему-то это был традиционный способ укрощать припадки ходаковского гнева). Но пока возились около старика, ему вдруг сделалось дурно, он зашатался и повалился в кресло без сознания. Всем присутствующим (а здесь были еще Ириночка и Онисим) тотчас пришла одна мысль в голову: удар! Побежали не за нотариусом, а за доктором; стали звонить по телефону ко всем соседним врачам. Ходаков между тем оставался без чувств; его перенесли на кровать и раздели. Первый доктор — какой-то Зайчиков — приехал не раньше, как через полчаса: он положил компресс на голову Ходакова и велел растирать ему тело. Это не помогало: старик не приходил в себя. Позже приехал доктор Свирляков, который всегда лечил Ходакова, но тоже ничего не мог сделать, чтобы привести старика в сознание. Всего, наконец, собралось пять врачей: целый консилиум. Старик хрипел, чуть-чуть приоткрывал глаза, смотрел мутным, бессознательным взором, но не шевелил ни одним членом, словно был парализован. Так Василий Тимофеевич и умер, часа через три после беседы с сыном и после *чашки кофе*, выпитой в его присутствии. Кто первый высказал предположение об отравлении, неизвестно; во всяком случае, несмотря на протесты Матрены Тихоновны, которая все это время «выла» и «ревмя ревела», были опечатаны чашки с остатками кофе, назначено на утро вскрытие и сделано заявление судебным властям. Сегодня утром вскрытие состоялось, но результаты его держатся пока в тайне.

Рассказ Подсалазкина я выслушал с понятным волнением, но оспаривать его намеков не стал. Да и не было времени, потому что прибыли священники — служить панихиду: приходской и приглашенный из Донского монастыря, где покойный нередко бывал. Одновременно появились в зале — Матрена Тихоновна, Анюта и Ириночка. Я едва успел с ними поздороваться, не мог сказать ни слова, но заметил, что Анюточка бледна необычайно, «как мел» или «как бумага», даже неестественно. Какой-то толстый господин, во фраке, с полным лицом и маленькими, словно наклеенными усиками — тип метр д'отеля из хорошего ресторана, стал «оправлять» покойного, вновь перекладывать венки, которых набралось уже немало, менять мешки со льдом и тому подобное, а батюшки начали готовиться к служению. Все мы, приехавшие «отдать последний долг», выстроились было, как на смотр, но тут произошло событие неожиданное и на меня произведшее впечатление поистине трагическое. Именно: вдруг появился Сергей Васильевич.

Я не заметил, как Сергей вошел в залу, но, случайно обернувшись, вдруг увидел его стоящим у окна; он был тоже очень бледен, почти как сестра. Я хотел было подойти к Сергею, чтобы поздороваться, как вдруг увидел такую сцену. Неподалеку от Сергея стояла, в своем безукоризненном траурном тайере, Варвара Трофимовна Кромчеделова. Сергей, повидимому невольно, по привычке воспитанного человека, шагнул к ней, поклонился и почти готов был поднять руку, чтобы пожать ту, которая протянется к нему. Должно быть, Сергей вошел только что и еще не успел ни с кем поздороваться и в тесноте не мог рассмотреть, где сестра и мать. И вот,— все это произошло в одно мгновение,— вдруг для меня и, конечно, для Сергея стало ясно, что Варвара Трофимовна ему *руки не подаст*.

Почему это стало так несомненно, я даже не сумею объяснить: Варвара Трофимовна не сделала никакого резкого жеста, не отвела, например, руки в сторону, даже наклонила немного голову, отвечая поклоном на поклон, но всё же нельзя было сомневаться, по всей ее фигуре, по выражению глаз, что Сергей, если первый протянет руку, останется так — с рукой, «повисшей в воздухе». Я видел, что Сергей побледнел еще более, если то было возможно, как-то замер и вдруг резко отвернулся, должно быть, хотел скрыть свое потрясение. Повторяю: этот краткий миг мне показался — трагическим. Я невольно задержал свой шаг, чтобы дать Сергею время оправиться, но в ту же минуту раздался голос батюшки: панихида началась.

СТЕКЛЯННЫЙ СТОЛП *

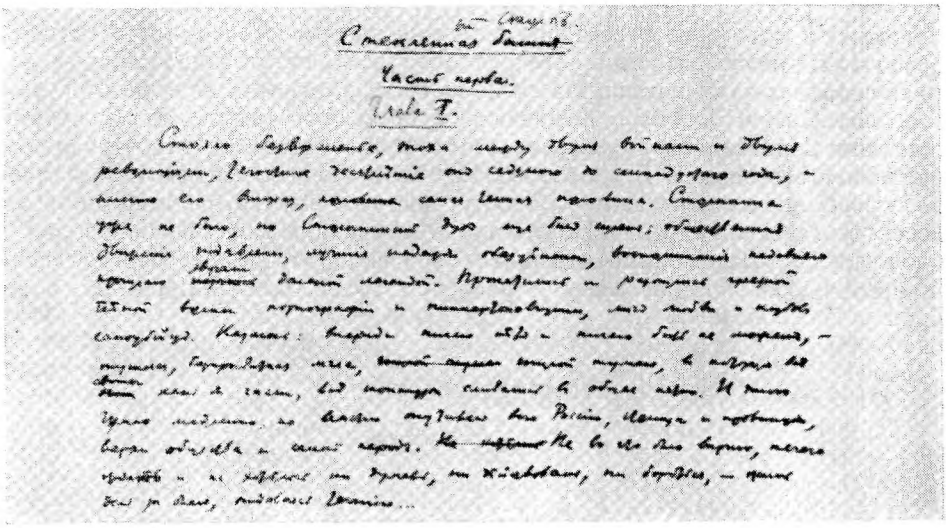
Часть первая

Глава I

Стояло безвременье, эпоха между двумя войнами и двумя революциями, тягостное десятилетие от седьмого до семнадцатого года, и именно его вторая, самая тяжкая ⟨?⟩ половина. Столыпина уже не было, но столыпинский дух еще был силен; общественные движения подавлены, лучшие надежды обесценены, воспоминания недавнего прошлого ** звучали далекой легендой. Прокатились и разошлись грязной пеной волны порнографии и пинкертоновщины, лиг любви и клубов самоубийц. Казалось: впереди ничего нет и ничего быть не может — тусклая беспросветная мгла, гнилой туман, в котором все светы как бы гасли, все контуры сливались в общее пятно. И этот туман медленно, но властно окутывал всю Россию, столицы и провинции, верхи общества и самый народ ***. Не во что было верить, нечего ждать и не хотелось ни думать, ни действовать, ни бороться,— жить день за днем, отдаваясь течению...

В эти дни, в этой тусклой мгле, самыми яркими огнями, которые одни преодолевали сырой сумрак, горели только фонари ресторанов, игорных притонов да публичных домов, все равно — роскошных или нищенских. К подъездам торжественных «отелей», с громкими названиями «Империал», «Интернациональ», «Метрополь», подкатывали вереницы авто; в скромные трактиры — «Москва», «Лондон» или «Ливорно»,— вваливались уже пьяные чуйки и поношенные пальто; в кафе-шантанах этуали блистали со сцен тэтовскими и даже настоящими бриллиантами в ожидании шампанского и устриц, а в жалких «заведениях» пьяные Дины и Маруси хриплыми голосами выпрашивали пару пива; в изысканных салонах, содержатели которых наживали тысячи в сутки, проигрывались целые состояния и на карту шутя ставилось сто тысяч, а в задней комнате подозрительной пивной полуграмотные шулера обыгрывали в подержанные карты пьяного чиновника на двенадцать целковых... Но разница была только в обстановке, во внешнем: содержание, душа были везде одинаковы: то был всероссийский гашиш, который, ценой **** здоровья, состояния, а часто и жизни, давал обывателю похмельное забвение от мучительной действительности. «Играй, гармошка! Дашка, пляши!», «Кэк-уок амэрикэн! ⟨*I нрзб*⟩ брот!», «В банке сто сорок тысяч, даю!», «Раздевайтесь, девочки, все: плачу!», «Братцы, он девятку из рукава вытянул! Бей мер-

* *Фрагмент X. Первоначальное заглавие:* Стеклянная башня — *зачеркнуто.*
** *Далее зачеркнуто*: казались
*** *Далее зачеркнуто*: Не хотелось
**** *Далее зачеркнуто*: головной боли



«РОМАН ИЗ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ»
Фрагмент X (начало). Автограф
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

завца!» — эти * голоса нарушали по крайней мере мертвое безмолвие общества, газет и всего беспредельного простора России. Казалось, лучше кричать «Бей мерзавца!», чем слушать молчание приказанного свыше благополучия.

Среди таких огоньков, выступавших из мглистой сырости столицы, была и огромная электрическая дыня над подъездом с кариатидами, где дверь была украшена солидной медной дощечкой: ** «Собрание сельских хозяев и любителей правильного животноводства». Можно было ждать, что в числе основателей этого «Собрания» были какие-нибудь сельские хозяева и один или два *** животновода, но теперь среди членов трудно было бы найти господина, который сумел бы различить пшеницу от ячменя или козла от барана. Да, впрочем, и были ли подлинные «члены» в этом «Собрании»? По-видимому, подлинное общество сельских хозяев и любителей уже давно прекратило свое кратковременное бытие за отсутствием средств и надобности в своем существовании, raison d'être, как пишут в газетах, а фирма была куплена ловкими предпринимателями, специалистами по содержанию клубов, открывавшими гостеприимно двери перед любителями не «правильного животноводства», а «девятки» или «двадцатки». При помощи надлежащих сумм, переходивших с зеленых полей в бумажники околоточных, приставов, полицеймейстеров и иных градоначальников, такие двери до поры до времени оставались широко распахнутыми. Потом наступал час, когда последние пределы приличия заставляли того же градоначальника по докладу того же полицеймейстера объявлять «клуб» закрытым. Но у гг. предпринимателей для этого-то случая и имелись скупленные по дешевой цене фирмы разных других «Обществ», «Собраний» и «Кружков». С двери в подъезде снималась одна медная дощечка и приколачивалась другая. А посетители продолжали входить на

* *Далее зачеркнуто*: крики, восклицания
** *Далее зачеркнуто*: Собрание служащих
*** *Далее зачеркнуто*: любителя

те же ступени, отдавать шубу тем же швейцарам и садиться за те же столы, нередко даже не замечая, что дощечка на двери переменена и что они *, формально, сегодня находятся совершенно в другом учреждении, нежели вчера...

Около года назад ** электрическая дыня над подъездом с кариатидами освещала свежеотполированную медную доску со словами: «Инженерно-технический кружок». Потом, внезапно, двери подъезда оказались заперты и доска исчезла, но всего через несколько дней дыня опять засветилась, чтобы освещать черную *⟨на этом текст обрывается⟩*

ПРИЛОЖЕНИЕ

⟨План романа⟩

Стеклянный столп

1-й вариант

Гл. I. Клуб

II. —» — Разговоры о смерти Вас⟨илия⟩ Тимоф⟨еевича⟩ Ходакова
[Типы:] Алексинский ($^1/_2$ Зейдемана)
[Сугрузов] директор
Ливерный
Сургузов ($^1/_2$ приняте⟨ля⟩)

III. У Ходакова-сына Фео-дора Вас⟨ильевича⟩

III. У Медведникова(=Гиршм⟨ану⟩)
[Типы:] сам Медв⟨дников⟩ и кучер
мол⟨одая⟩ жена: Гликерия Павл⟨овна⟩ ($^1/_2$ Генр⟨иетты⟩)

IV. О⟨бщество⟩во [акв] люб⟨ителей⟩ телескопов.
[Ти⟨пы:⟩] [Ходаков jun⟨ior⟩]
Рысин, внуч⟨атый⟩ плем⟨янник⟩ Ходакова, и его «тень»
[Су] Кремлев осведомляет Х⟨одакова⟩ — Ходаков

V. Фео заезжает домой. Швейцар.

VI. Дом Ходаковых. Две партии.

I. 1. В. Т. Ходаков
2. Матрена Тихоновна, его жена
3. Тетя Феня
4. Дядя Костя
5. Лукерья Ниловна (приживалка)
6. Серафимочка (странница)

II. (Фео)
Ани Анна Вас⟨ильевна⟩, его сестра } Дети В. Т. и М. Т. Ходаковых
[Вера]
[Груша(Аграф⟨ена⟩ Ник⟨олаевна⟩Сахарова)] } [замужем, дв⟨оюродная⟩ сестра]
[Вера (Ник⟨олаевна⟩Сахарова)]
[Груша]
Вера (Никол⟨аевна⟩ [Зин⟨аида⟩ Ник⟨олаевна⟩ Сохатая] Слонская, ур⟨ожденная⟩ Сахарова) } дочери Марфы Тим⟨офеевны⟩, сестры В. Т.
Груша (Агр⟨афена⟩ Ник⟨олаевна⟩ Сахарова)
Дунечка (Авд⟨отья⟩ Серг⟨еевна⟩ Милицына), подруга Груши
M-lle Blanche (la Fayette), пожилая гувернантка

VII Панихида. Сохатая (Олимпиада Григ⟨орьевна⟩)
В саду: Фео и Ани

VIII. Допрос у следователя

IX. Газетные известия. Вскрытие. Завещание.

---

* *Далее зачеркнуто*: в сущности
** *Было*: Месяца три назад

2-й вариант

Глава 1. Убийство

2. Панихида
3. Свид‹ание› бр‹ата› и сестр‹ы›
4. Тюрьма
5. Завеща‹ние›
6.

3-й вариант

Глава I.

1. Клуб
2. Разгов‹ор› в клубе
3. У[Ход‹акова›] Фео
4. У Медведни‹ко›ва
5. О‹бщество› Люб‹ителей› т‹елескопов›
6. Швейцар Х‹одаковы›х

Глава II.

1. Дом Х‹одаковы›х
2. Панихида
3. Фео и Ани
4. Леонид и (его друг) Вадим
5. Допрос

Глава III

1. Анна
2. Жизнь в доме

БРЮСОВ
О ЛИТЕРАТУРЕ И ТЕАТРЕ

БРЮСОВ И ТЕАТР

Вступительная статья и публикация Г. Ю. Бродской

Театральные идеи Брюсова неотделимы от его литературно-эстетических взглядов, сформировавшихся на рубеже веков в теорию символизма.

Искусство, символизм, поэзия — слова-синонимы, понятия-тождества; искусство не существует вне поэзии, проникающей в тайны творящего духа, вне мира творящей личности — такова была исходная эстетическая декларация Брюсова 1890-х годов. Брюсов этого периода осознавал свой символизм как лирическую поэзию, как поэтический метод отражения духовной жизни современника, его кризисного, декадентского сознания. Символизму, поэзии противостояли в эстетической системе Брюсова слова и понятия другого ряда: реализм, как отражение обыденной жизни, мелочей повседневности в жизнеподобных формах, и проза, как антитеза поэтическим способам выразительности.

«Задачи театра должны зависеть от общих задач искусства, вытекать из них. Смысл театра должен совпадать со смыслом искусства вообще»,— писал Брюсов, определяя свою театрально-критическую методологию [1]. А современный театр — даже в спектаклях европейских гастролеров и в первых постановках Художественного театра — казался ему лишенным творческих, лирико-поэтических начал. Сара Бернар в «Клеопатре» Сарду поразила его холодностью чувств, не искупаемой, по его мнению, утонченной отделкой роли. В театре Станиславского — так называли Московский Художественный театр — Брюсов до начала сезона 1902/1903 гг. видел «Антигону» Софокла и пьесы драматургов-современников, Ибсена, Гауптмана, Чехова: «Одиноких», «Доктора Штокмана», «Когда мы, мертвые, пробуждаемся», «Дядю Ваню». Оценка «пошлый реализм» (дневниковые записи, письма к разным лицам) по адресу Художественного театра означала в свете брюсовской эстетики, что спектакли, им просмотренные, лишены необходимого признака искусства: поэтического преображения жизненного материала, преломления его индивидуальным сознанием творца новой художественной реальности. Действительно, Станиславский и Немирович-Данченко пользовались другим творческим методом: они работали в принципах «театральной прозы», т. е. воспроизводили в бытовых и психологических деталях картины жизни, подобные жизненным, современным или историческим, как бы не имеющим автора, не зависящим от него, картины жизни как объективной данности, а не субъективного ее восприятия.

В 1902 г. Брюсов опубликовал в журнале «Мир искусства», № 4, статью «Ненужная правда. По поводу Художественного театра», вышедшую по жанру и проблематике за пределы обозначенного подзаголовка. В полемике с Художественным театром Брюсов создавал здесь свою модель театра, театра как искусства символистской сцены.

Театр, который становится искусством только тогда, когда в нем раскрывается личность творца, Брюсов отождествил с лирикой. Артист,— протягивал он свои эстетические аналогии от поэзии к сцене,— это тот же художник, творец. Материалом ему служат голос, мимика, жесты, тело, а также слова, сюжет, действие, образы и идеи исполняемой драмы. Творческое самочувствие актера в роли и есть содержание искусства театра. Драматург — слуга актера, литературная драма на сцене — вместилище содержания, заложенного в индивидуальности исполнителя,— распространял Брюсов свою эстетику на театральное искусство. Символизм освободил поэта от форм и логики реального, поэтому и театр должен освободить актера, его жаждущую самовыражения душу от «ненужной правды» вещной, предметной обстановки, с помощью которой режиссеры МХТ воссоздавали на сцене бытие героев данной пьесы. Станиславский

утверждал своими спектаклями, что бытие определяет психологию, характеры, связи и взаимоотношения между людьми. Брюсов же, подвергая критике постановочные принципы МХТ, считал, что они затемняют духовную сторону жизни на сцене — творческие чувства артиста. «Помочь актеру раскрыть свою душу перед зрителями — вот единственное назначение театра»[2],— писал он в статье «Ненужная правда», завершая ее общую, теоретическую часть.

Позитивная программа, выдвинутая Брюсовым в полемике с «иллюзионистскими» приемами МХТ, предполагала замену правды, «ненужной» и недостижимой на подмостках в предельно совершенном, жизненном ее варианте,— ее художественным образом, позволяющим актеру вырваться из плена овеществленного быта. Литературной основой «нового» театра намечалась метерлинковская драматическая поэзия и драматургия позднего Ибсена. «Новому» театру, в котором все материальное должно было быть выражено в духовном, Брюсов предлагал обратиться к условным приемам античного театра: к постоянной декорации — для всех пьес, к вмешательству в действие хора, к маскам и котурнам у актеров, к приемам, откровенно подтверждающим, что театр — искусство, а не жизнь, искусство со своим языком, со своим, отличным от других искусств, способом выражения духовной жизни современника.

Художественный театр, «последнее слово сценического искусства», продолжал оставаться в центре внимания Брюсова — театрального критика и в конце 1902 г., и на протяжении последующих лет. Известно, что Брюсов был на первом представлении «Власти тьмы» — этот факт отмечен дневниковой записью, а более подробно спектакль критически оценен в письме к П. П. Перцову [3]. Тому же Перцову Брюсов сообщал, что хотел бы написать для журнала «Новый путь» рецензию на «Юлия Цезаря», «ужасающе плохо поставленного» [4]. В конце января — начале февраля 1904 г. Брюсов готовил также для «Нового пути» статью о «Вишневом саде» Чехова в Художественном театре. Но, несмотря на то что ни одна из этих работ Брюсова об отдельных спектаклях МХТ не появилась — по разным причинам — в печати, постановки Станиславского и Немировича-Данченко, были, по существу, единственным объектом серьезной, в русле теоретических идей «Ненужной правды», критики Брюсова. Документальные свидетельства тому, сохранившиеся в его архиве: рецензия на «Власть тьмы», подписанная обычным псевдонимом Брюсова — «Аврелий», и незаконченная статья о «Вишневом саде». Обе они впервые публикуются в настоящем томе.

Рецензия на спектакль Художественного театра «Власть тьмы» (премьера 5 ноября 1902 г.), быть может, не представляет самостоятельного интереса для изучения спектакля Художественного театра. В газетно-журнальных откликах на эту постановку есть куда более значительные работы. Однако, написанная через полгода после «Ненужной правды», рецензия эта раскрывает взаимосвязи Брюсова и Толстого, Брюсова и Станиславского и, в конечном счете, углубляет наши представления о причинах оппозиции рецензента Художественному театру.

Интерес Брюсова к Толстому несомненен, что уже стало предметом специального изучения [5]. Отметим, только, что брошюра Брюсова «О искусстве» написана вслед за трактатом Толстого «Что такое искусство?». А «Ненужную правду», обосновавшую принципы эстетического индивидуализма в искусстве, можно рассматривать как трактат Брюсова на тему «Что такое театральное искусство?», написанный рукой поэта из лагеря Метерлинка и Малларме, Толстым отвергнутых, или как ответ Брюсова Толстому и Станиславскому, увлеченному художественным мастерством и эстетикой Толстого, его идеями добра, правды, простоты и общедоступности.

В рецензии на «Власть тьмы» Брюсов сохраняет угол зрения «Ненужной правды» на искусство сцены. Более того, он смотрит спектакль Станиславского глазами Метерлинка, Толстым осмеянного. За полгода до премьеры «Власти тьмы» в МХТ Брюсов познакомил читателей «Русского листка» с мнением Метерлинка о Толстом и о пьесе «Власть тьмы», в частности. Брюсов подобрал, перевел и прокомментировал материалы «Метерлинк о Толстом» [6]. Основой для заметки послужило предисловие бельгийского поэта к новому изданию его ранних драм. Брюсов по существу присоединялся к метерлинковской символистской концепции «Власти тьмы». Метерлинк находил, что Толстой преодолевает быт — внешность событий, власть тьмы, власть среды, окружаю-

щей человека, через свет, устойчивый, не зависящий от обстоятельств, струящийся из первобытной, верующей души Акима. Брюсов, вслед за Метерлинком, религиозно-нравственную идею Толстого — поиски бога в душе каждого человека — воспринимал как близкую ему безрелигиозную апологию сверхчувственной интуиции. Аким, отторгнутый от житейской повседневности, непричастный ей (он — лишь наблюдатель, созерцатель страшных, кровавых событий драмы), в контексте брюсовской подборки превращался в лирического героя Толстого, носителя авторской философии, воспринятой через Метерлинка. Аким оказывался подобен «ключевым» персонажам Метерлинка, физически немощным его старикам, в которых неполноценность связей с окружающей реальностью (слепота, например) компенсировалась обостренной духовной интуицией, духовной чуткостью — «сверхчеловечностью». Через «прозрения» Акима Метерлинк и Брюсов «расширяли» мир, изображенный Толстым во «Власти тьмы», и выводили его за пределы конкретного. Аким в такой трактовке пьесы осуществлял связь «видимого с невидимым, временного с вечным».

В спектакле МХТ Брюсов хотел бы видеть, как сквозь «внешность событий», сквозь «ненужную», по Брюсову, правду проступят «высшие силы, тяготеющие над нашим существованием» (формулировка Метерлинка). Но вместо этого перед ним предстала на сцене реалистическая — с элементами натурализма — постановка Станиславского. Вместо актера, который, согласно брюсовской теории, должен был влить свою душу в драматическую форму, предложенную Толстым, Брюсов видел одну «внешность», нелепый и ненужный искусству маскарад сцены под Тульскую губернию и персонажей пьесы Толстого под баб и мужиков деревни. Станиславского действительно привлекали во «Власти тьмы» метод и глубина художественного анализа Толстым жизни русского крестьянства. Приступая к работе над спектаклем, режиссер стремился докопаться до корней народной трагедии через «подлинного» мужика — «подлинного» не только по костюму, как думал Брюсов, но главным образом по внутреннему складу [7]. Для изучения реальной среды и быта, породивших героев драмы, была предпринята поездка постановочной группы в Тульскую губернию. Но, работая над драмой Толстого по личным наблюдениям, раскрывая логику мыслей и действий обыкновенного мужика, «подсмотренного» в действительности, «художественники» невольно подменяли толстовскую философию собственной, сказавшейся в образном строе спектакля. Они ставили не столько пьесу Толстого, сколько историю из подлинной жизни России, послужившую для Толстого материалом.

«К Толстому — проповеднику новой жизни и новой морали мы относились с холодком» [8],— пишет Вл. И. Немирович-Данченко. Театр не разделял теории непротивления злу насилием и не верил в религиозную проповедь «покаяния и смирения». В истолковании Станиславского и Артема, исполнителя роли Акима, толстовская мораль оказывалась жизненно-беспомощной, бесплодной и тем самым развенчанной. Аким был тем же порождением «темного царства», воспроизведенного на сцене в максимальном приближении к действительному. Он был «слишком отсюда», из этих изб. из этой нищей деревни, чтобы жить, «погрузившись в симфонию святого, небесного мира» [9],— писал рецензент «Русского листка» . В Акиме Артема нет воинствующего защитника бога,— утверждало «Новое время» [10]. Аким Артема постоянно смущался, ежился, его слабость граничила с растерянностью, добросердечие, добродушие, заменявшие толстовскую мудрость, были беспомощны перед жестокими противоречиями жизни. И финал «Власти тьмы», у Толстого просветленный, у «художественников» разворачивался как картина отчаяния. «Вместо восторга, с каким этот старик посылает во имя спасения души, своего сына на муки, мы видели только скорбь» [11],— замечало «Русское слово».

В таком прочтении толстовской пьесы сказывалось мировоззрение Станиславского. «Тот тяжелый, давящий, убивающий людей быт, который с большой силой был изображен театром во «Власти тьмы», не может быть изменен никакими душевными порывами» [12],— такой общий вывод делает современное советское театроведение, оценивая позицию режиссера в интерпретации Толстого.

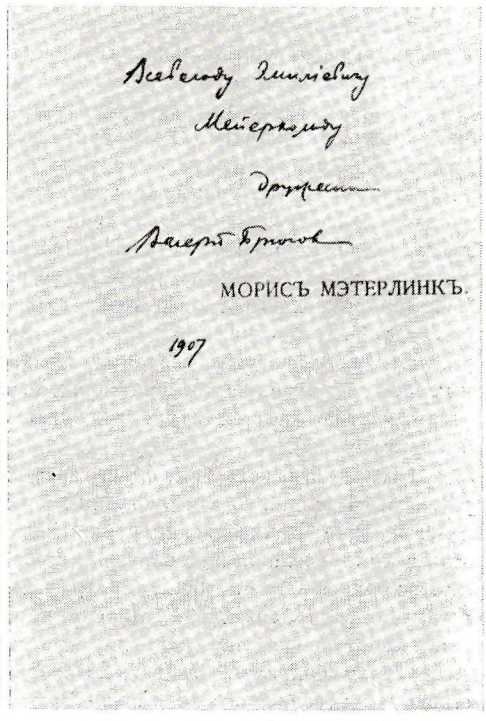
Брюсов открывал спектакль ключом «Ненужной правды» и оказывался отброшенным к периферии зрелища, к декорациям и звукоподражаниям. С бесстрастной объек-

тивностью, ограничивая себя примерами, он перечислял в рецензии изобразительные, внешние приемы режиссуры, не проникая в их суть. А Станиславский, замыкая сценическое пространство избой, двором или улицей, тускло освещенной, расставляя скамьи вдоль «четвертой» стены и рассаживая актеров спиною к публике, не просто усиливал «иллюзию» сцены, не просто приближал игру к правде жизни, как считал Брюсов, восставая против постановочного метода режиссера. Станиславский переводил толстовскую нравственную идею «власти тьмы» во власть темного, духовно нищего быта, из которого не было выхода. В спектакле режиссер говорил о беспросветности «власти тьмы» в деревне, о современной ему трагедии русской крестьянской жизни. Эту трагедию, за бытом и этнографией постановки, все же разглядели наиболее проницательные критики премьеры [13]. Брюсов не принадлежал к их числу. Он обнимал своим поэтическим взором бесконечные дали Вселенной и времени, будущего и прошлого, соизмеряя себя и свое творчество с «вечностью», открытой взгляду Акима, но вблизи, в далекой ему повседневности, замечал лишь ее внешнюю сторону — мимолетную, «преходящую» — как люди «едят, пьют, спят, потом умирают». Социальные и человеческие драмы, волновавшие Станиславского, в поле зрения Брюсова не попадали.

Анализ «Власти тьмы», а впоследствии «Вишневого сада» и «Горя от ума» — постановки конца 1906 г. [14] — подменялся набором аргументов, доказывающих «нехудожественность» Художественного театра, якобы занятого одним «бытописательством». Отрицая театральную «прозу» как явление искусства, отождествляя ее с реализмом, Брюсов сводил спектакли МХТ — вплоть до «Горя от ума» — к обстановочным деталям и звуковым эффектам, режиссуру — к натуралистической зрительно-звуковой реконструкции быта: деревенского — во «Власти тьмы», провинциального — в «Вишневом саде», московского 20-х годов XIX в.— в «Горе от ума». Он проходил мимо плодотворно-материалистической концепции быта у Станиславского — быта как власти жизненной среды и обстоятельств, формирующих человека. И если в рецензии на спектакль 1902 г. «Власть тьмы» Брюсов в известной мере справедливо указывал на натуралистические издержки режиссуры,— сам Станиславский в «Моей жизни в искусстве» отмечал излишний этнографизм постановки,— то Брюсова, автора заметки о «Горе от ума» в 1906 г., так же справедливо обвиняли в «слепом доктринерстве», в том, что он исходит из устарелых аргументов «Ненужной правды»: Художественный театр, прислушиваясь к критике, изживал натурализм, присущий режиссуре его ранних постановок [15]. И «Власть тьмы», и «Вишневый сад», и «Метерлинковский спектакль» (триптих одноактных пьес, открывший сезон 1904/1905 гг.), и «Горе от ума» — все рецензированные Брюсовым постановки МХТ были неизмеримо сложнее тех обескровленных аналитических реконструкций, которые вырастали со страниц его театрально-критических высказываний. В них не отразилась эволюция МХТ, приступавшего к экспериментам в «новом стиле» и осуществившего их под руководством Мейерхольда в 1905 г. в молодежной Студии на Поварской улице; в них не отразилась и эволюция самого рецензента, особенно заметная в период 1904—1905 гг. В отношении к МХТ Брюсов был стабильно полемичен, но чем дальше, тем более уважителен. В публикуемом нами письме к Н. Е. Эфросу (1908 г.) Брюсов писал: «Я высоко чту и самого Станиславского и весь его театр, но чту преимущественно как доблестных противников. И все же мне более к лицу сражаться с ними, чем венчать их»,— добавлял он, отказываясь от участия в юбилейном — к 10-летию МХТ — сборнике статей и материалов, подготовляемом к печати Эфросом.

В обосновании же принципов символистского театра Брюсов не был столь последователен.

К моменту организации Студии на Поварской улице (май 1905 г.) Брюсов — признанный поэт, глава литературной школы, вождь поэтического символизма. Мейерхольд привлекает Брюсова к ближайшему участию в делах молодежного коллектива. Брюсов становится председателем Литературного бюро Студии. В архиве Студии хранится ответ Брюсова Мейерхольду: «Всегда готов помочь, чем сумею» [16]. Мейерхольд действительно создавал свой театр по плану Брюсова. В этом он признавался сам, подводя итоги работы Студии. «Литература подсказывает театр. Подсказывают не только



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДУ

на книге М. Метерлинка «Пеллеас и Мэлизанда» в переводе Брюсова (М., 1907): «Всеволоду Эмилиевичу Мейерхольду дружески. Валерий Брюсов. 1907».

Собрание Р. Л. Щербакова, Москва

драматурги, которые дают образцы новой формы, требующей иной техники, но и критика, которая отвергает старые формы»,— писал Мейерхольд, имея в виду Брюсова, его «Ненужную правду» и критические статьи «Весов» [17]. Мейерхольд не раз ссылался на «Ненужную правду» как на первоисточник своей режиссерской системы, и в поисках сценического языка, соответствовавшего формам философской лирики Метерлинка, он шел непосредственно от брюсовской идеи «сознательной условности». Опираясь на Брюсова, Мейерхольд порывал с «театральной прозой» МХТ, стилизовал эпоху или среду, данную в пьесе, с помощью декоративного панно, заменявшего макет «художественников». На фоне живописного задника режиссер строил ритмо-пластические, барельефные композиции, ритмика и единообразная мелопластика создавали особый тип общности персонажей, отличный от психологического ансамбля в спектаклях Станиславского. Ритмика и пластика заменяли жизнеподобные движения и жесты, мелодекламация — повседневную разговорную речь.

Мейерхольд пригласил Брюсова на просмотр «Смерти Тентажиля» Метерлинка, спектакля, подготовленного для открытия Студии. С этой генеральной репетиции завязываются личные контакты Брюсова и Мейерхольда. Уже на следующий день, 20 сентября 1905 г., Брюсов получил записку от Мейерхольда: «От имени всей труппы слезно молю подправить текст ⟨...⟩ перевода «Смерти Тентажиля». Обаяние ваших слов все еще витает в стенах нашего Храма, и мы ждем вас снова к себе с нетерпением» [18]. В том же конверте Мейерхольд посылал Брюсову расписание репетиций Студии на ближайшие дни. От режиссерского управления просил А. П. Зонов: «Было бы прелестно, если вы послушаете репетицию «Шлюка», на которой будет присутствовать Станиславский. Слышать ваше мнение, ваши замечания праздник для труппы. У всех свежо очарование ваших слов на репетиции «Смерти Тентажиля» [19]. Брюсов поддержал мейерхольдовский эксперимент и выступлением на просмотре спектакля (в числе

гостей в театре был Горький), и рецензией «Искания новой сцены» [20]. За Брюсовым, вошедшим в гущу театрального быта, отныне закрепляется репутация друга и советчика энтузиастов-практиков «нового театра».

Студия Мейерхольда так и не открылась. Ни один из подготовленных спектаклей не был показан публике. 21 декабря, после окончательной и официальной ликвидации Студии, Мейерхольд переехал в Петербург, где познакомился с Вяч. Ивановым и Г. Чулковым, затевавшими новый литературно-художественный журнал и театр «Факелы». Для «Факелов» Блок переделал свое стихотворение «Балаганчик» в драму, впоследствии поставленную Мейерхольдом в петербургском театре В. Ф. Комиссаржевской. Уже 23 декабря 1905 г. Брюсов получил письмо от Мейерхольда, Иванова и Чулкова: «Факелы» будут выходить альманахами. Ждем ваших стихов или что-нибудь о театре» [21]. Прочитав книгу Брюсова «Земная ось», Мейерхольд писал поэту 2 марта 1907 г.: «Вспоминаю вас не только тогда, когда наслаждаюсь чтением ваших прекрасных книг, но очень часто. Вспоминая, тоскую, потому что Театр без вас. Вы должны отдать частичку себя Театру. Это будет очень важно для Русского Театра, который без кормчего» [22].

К голосу Брюсова прислушивались все, кто дорожил судьбою театрального эксперимента. «Функции бывшей Студии возрождаются в Художественном театре,— пишет Брюсову уже Станиславский в мае 1906 г.— Хотелось бы очень заинтересовать вас этим делом и воспользоваться вашими советами» [23]. И 5 февраля 1907 г.: «Я обращаюсь к вам с большой просьбой <...> Завтра <...> в Художественном театре будет генеральная репетиция «Драмы жизни». Помогите нам вашим советом и не откажитесь посмотреть нашу работу перед тем, как показывать ее публике» [24]. Ф. Ф. Комиссаржевский и Мейерхольд собирались издавать в Петербурге театральный журнал и в числе его желательных корреспондентов называли Брюсова. Чуковский ждал от него «обещанных заметок о театре». Комиссаржевская, открывая четвертый сезон в своем театре «Пробуждением весны» Ведекинда, просила Брюсова познакомить актеров ее труппы с творчеством малоизвестного в России драматурга. Для нее перевел он «Пелеаса и Мелисанду» Метерлинка и, совместно с Вяч. Ивановым, «Франческу да Римини» Д'Аннунцио. Комиссаржевская мечтала о собственной художественной школе, где бы она растила актеров с «новым», метерлинковским, духовно утонченным строем души. Лекции для учащихся по истории драмы и театра она рассчитывала поручить Брюсову.

Однако Брюсов, воспринимавшийся деятелями сцены как вождь символистского искусства, от символизма постепенно отходил. Эстетическая и вытекающая из нее театрально-критическая перестройка, объясняющая противоречивость брюсовских статей разных лет по вопросам «новой» сцены, была связана с кризисом его символистских идей. В канун первой русской революции он уже отвергает философию Метерлинка как переставшую отвечать современному общественному содержанию жизни [25]. А в 1906 г. он объявляет о конце «новой поэзии», исчерпавшей свои исторические функции, объявляет о расколе и распаде созданной им литературной школы, о конце символизма, утверждавшего универсальность форм лирики и драматической поэзии Метерлинка. Главный тезис брюсовской философии и эстетики — «весь мир во мне» — был опровергнут развитием исторических событий, а усложнившееся содержание времени не вмещалось в каноны символистской поэтики.

Факт «отречения» Брюсова от символизма давно отмечен в литературе о нем. Уточним только, что свои новые эстетические идеи Брюсов зашифровал в статье «Карл V. Диалог о реализме в искусстве», напечатанной в журнале «Золотое руно» (1906, № 4). Брюсов не открыл себя читателю, предпочел выступить «инкогнито». Советские исследователи не угадали ни в одном из персонажей автора статьи, утверждая, что все участники «Диалога» (квинтета) наделены аргументами равной силы. «Саморазоблачение» состоялось весной 1907 г.: реплики «Автора», действующего лица диспута о символизме, реализме и драматургии Метерлинка, Брюсов перенес почти дословно от своего имени в лекцию «Театр будущего», прочитанную в первый раз 26 марта 1907 г. в Московском Историческом музее. Свою лекцию Брюсов читал трижды в «пере-переполненных» залах и с «успехом чрезвычайным» [26].

Собственно театру Брюсов посвятил последнюю, заключительную часть своей лекции. Анализу искусства сцены — постановки и исполнения пьесы,— он предпослал новую теорию искусства. Драматическое творчество и театр он по-прежнему рассматривал как виды искусства и подчинял их «смыслу и задачам искусства вообще». Он открыто заявил о своей ориентации на эстетику русского филолога А. А. Потебни. Брюсов заимствовал у Потебни определение искусства как познания, как работы мысли, аналогичной научному познанию. Сближая искусство и науку, Брюсов выводил на первый план не интуитивный, как в «Ключах тайн», а сознательный, аналитический элемент творчества и творческого восприятия. Драма, театр — это способ познания мира со стороны проявляющегося в нем действия, говорил Брюсов, цитируя определение трагедии, данное Аристотелем и соглашаясь с ним: «Трагедия есть подражание единому, важному, в себе законченному действию». Уже здесь сказался отход поэта от символизма, сводившего искусство к поэзии узколирического диапазона и художественным формам индивидуалистического, субъективного восприятия и отражения действительности. Действие отличает драму и театр от поэзии, только акты воли составляют содержание драмы; драма — самостоятельный вид искусства, отличный от прозы и поэзии; действие важно само по себе, а не как символ или аллегория чего-то другого, говорит Брюсов. Он сразу исключает из репертуара театра будущего драму лирическую и бытовую, как не совершающую акт познания, оставляющую зрителя «лицом к лицу с тем хаосом впечатлений», который изображается или выражается в ней через настроения. Выпадают из репертуарного списка театра будущего и символистские пьесы, подобные «Слепым» и «Смерти Тентажиля» Метерлинка; они насильственно притягивают художественную форму для защиты отвлеченной мысли или философского тезиса, считает Брюсов. И именно философский план метерлинковских пьес представляется ему «ничтожным», а истины, извлекаемые из него,— «плоскими трюизмами».

Драма будущего будет реалистична, как реалистичны трагедии Шекспира, Кальдерона, Гете, Пушкина, предсказывал лектор. Он понимал реалистичность как «высшее правдоподобие». «Высшее правдоподобие»,— разъяснял Брюсов,— это соответствие художественного мышления писателя, драматурга уровню философских и естественнонаучных знаний своего времени, наиболее полно, как у Шекспира, Кальдерона, Гете, и Пушкина, передающих реальное, объективное состояние мира, отраженное,— введем сюда фразеологический оборот «автора» из «Диалога», — «хотя бы в новых, фантастических сочетаниях ее элементов» [27]. «Начала театра будущего», театра «реалистической» драмы заложены в «лучших вещах» Ибсена, Метерлинка и Гауптмана, «если не обращать внимания на их аллегоризм или символизм» [28],— пишет Брюсов в «Лекции» и добавляет к этим именам еще Ведекинда, Уайльда, Гамсуна и Верхарна как автора трех трагедий. Интересно, что «Драма жизни» Гамсуна прошла в начале 1907 г. у Станиславского и Мейерхольда, «Пробуждением весны» Ведекинда и «Пелеасом и Мелисандой» Метерлинка открывался сезон 1907/1908 гг. в театре Комиссаржевской на Офицерской улице, «Саломею» Уайльда ставил Евреинов после разрыва актрисы с Мейерхольдом.

Брюсов настойчиво подчеркивал в лекции отличие своего «неореализма» от понятия «реализм» в высказываниях периода «Ненужной правды» и «Ключей тайн». Реализм в том смысле, который он придавал этому слову тогда, означал «простое повторение природы и жизни», «бессмысленное зеркало действительности». Тот реализм отождествлялся с натурализмом. Реализм постсимволистской эстетики Брюсова, «неореализм», натурализму противопоставляемый, включал в себя «фантастический элемент» и представал обогащенным завоеваниями символистского искусства. «Выявить сущность вещи—значит воспроизвести ее особенно правдиво,в высшей степени реально» [29],— писал Брюсов в «Диалоге». Или, варьируя эту тему, продолжал: «Кто хочет быть истинным реалистом, конечно, должен заглядывать в самую глубину явления» [30].

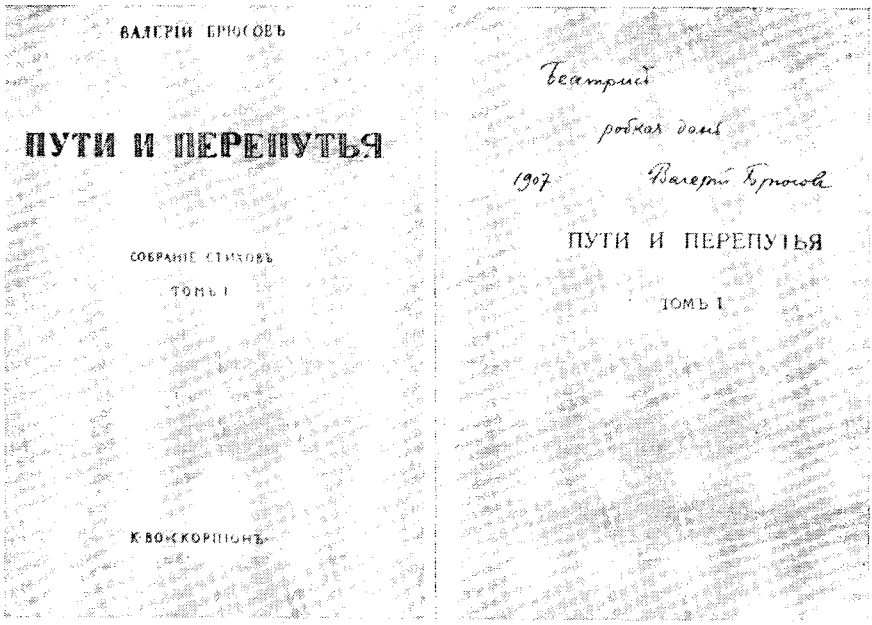
«Апология реализма» новых драматургических образцов, перенесенная в сферу сценического искусства, потребовала пересмотра теории театра. «Ненужная правда» подчиняла сцену законам поэтического творчества, законам символизма. Лекция, опиравшаяся в некоторой своей части на опыт Студии Мейерхольда, отменяла теоретические

установки «Ненужной правды» на самовыражение актера, окончательно лишала его автономии, лишала его на сцене даже физической, человеческой самостоятельности. Театр конструировался теперь как образная система «реалистической» пьесы, существующей не в лирических излияниях поэта, не в лирических выплесках действующих лиц и актеров-исполнителей, а в причинной связи волевых актов, в драматическом действии. Брюсов не отделял спектакля от пьесы, театра от литературы, от художественного воображения писателя, драматурга. Он распространял на искусство сцены теперь уже не принципы поэзии, как раньше, в бытность воинствующим поэтом-символистом, а законы драматургического, литературного творчества. Если театр хочет быть искусством, воплощающим в своих формах действие — свой предмет исследования, вычленяемый из общего хаоса жизни,—говорил Брюсов в лекции, то актер должен стать материалом драматурга, автора пьесы. «Творчество актера вторично, и оно может и должно развиваться только в тех пределах, какие поставлены ему автором,— не более. И все внимание зрителей должно быть приковано к исполняемой драме, не к исполнению» [31].

Из безраздельного хозяина, «господина» сцены, каким был идеальный актер, смоделированный «Ненужной правдой», он превращался в «материал», подобный мрамору, краскам или струне — в руках скульптора, живописца или музыканта. Актер театра будущего должен победить, подавить свою психофизическую природу путем особого тренинга,— писал Брюсов. «Истинная условность должна подчинить все элементы театра единой цели: выявлению драматического действия. Эта условность должна охватить все стороны драматической техники: не только декорацию, но все аксессуары и в особенности то, что важнее всего на сцене—игру актера. Если реалистические постановки признаны нами недостижимыми и ненужными, — мы должны будем позаботиться прежде всего о том, чтобы условность проникла в игру актера» [32].

Ко времени брюсовской лекции о театре Мейерхольд завершал свой первый сезон в театре Комиссаржевской на Офицерской улице в Петербурге, сезон, отмеченный победами «условного метода» в постановках «Сестры Беатрисы» Метерлинка, «Балаганчика» Блока и «Жизни человека» Андреева. Мейерхольд, идя в режиссерской практике по логике мыслей Брюсова, мыслил последовательнее Брюсова. Проект репертуара театра будущего в брюсовской лекции он определял как «неореализм», но взгляды поэта на исполнительскую технику актера, с «реализмом» не связанные, он разделял [33].

Приступая к работе над пьесой «Пелеас и Мелисанда», переведенной Брюсовым, Мейерхольд ставил перед собой задачу: раскрыть сценическими средствами близкое ему мироощущение Метерлинка, сделать лирическим героем постановки автора, драматурга, который придумал персонажей пьесы, ее любовный треугольник для наглядной иллюстрации своего взгляда на трагическое, пронизывающее человеческое существование. Режиссер обнажал замысел автора «Пелеаса и Мелисанды», заложенную в пьесе философскую идею. Возвышенный, сказочный пласт этой поэмы о любви Мейерхольд отрицал трагической предопределенностью, заданностью любого индивидуального порыва. Отсюда в спектакле возникала главная его тема — скованности, обреченности всего живого, тема человека — марионетки в руках Смерти. Именно поэтому Мейерхольд добивался укрощения живой актерской «плоти»: требовал от исполнителя замедленной «статуарной» пластики, «холодной чеканки слов», дикции — без вибрирования, плачущих звуков и неврастенической скороговорки, в которых могла бы выразиться индивидуальная человеческая эмоция. Комиссаржевская, исполнительница роли Мелисанды, самоотверженно подчинялась воле Мейерхольда. Актриса, как и требовала брюсовская эстетика театра, уступала свое «соло» автору, Метерлинку, его концепции трагического, воспринятой Мейерхольдом и преломленной в художественно-декоративном решении спектакля. Она не страдала на сцене, а изображала нервно-психологические состояния Мелисанды, стилизовала их во внешнем рисунке роли: ходила, двигалась, жестикулировала, как кукла, отказываясь от своей природной хрупкой пластики. И говорила она не своим, редким по красоте, богатству тонов и музыкальности тембров голосом, который так восхищал современников, а щебетала, пищала на высокой ноте,— так писали рецензенты.



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ БРЮСОВА В. Ф. КОМИССАРЖЕВСКОЙ
на книге «Пути и перепутья», т. I, М., «Скорпион», 1908:
«Беатрисе робкая дань, Валерий Брюсов. 1907»
Литературный музей, Москва

В день премьеры 10 октября 1907 г. Брюсов, по личному приглашению Комиссаржевской, прибыл в Петербург. После спектакля он выступал на заседании дирекции театра. 13 октября в газете «Голос Москвы» появилась его заметка о «Пелеасе и Мелисанде» Мейерхольда, подписанная псевдонимом Латник. За нею последовала статья «Реализм и условность на сцене» в «Книге о новом театре». Здесь Брюсов изложил свои новые взгляды на искусство постановщика и драматического актера, пересматривая соответствующие положения своей весенней, 1907 г., лекции о театре. На сей раз «музой» Брюсова — теоретика театра стала Комиссаржевская, которую постигла отведенная ей в лекции участь «живого материала».

К периоду постановки «Пелеаса и Мелисанды» относится сближение Брюсова с Комиссаржевской. Он никогда не сталкивался прежде с «живым» актером, даже когда писал о тайнах его души в «Ненужной правде» или в «Исканиях новой сцены». Комиссаржевская посвящала его в тайны своего исключительного таланта и своей профессии. И своей творческой трагедии, завершившейся после «Пелеаса и Мелисанды» разрывом с Мейерхольдом. Комиссаржевская могла бы создать живой образ Мелисанды в спектакле — сказке о любви, т. е. в спектакле, который осуществлял бы поэтическую историю Пелеаса и Мелисанды, «внешнее» содержание пьесы Метерлинка, столь высоко ценимое Брюсовым, а не ее «банальную», по мнению «Автора» в «Диалоге» и Брюсова в лекции, философию, утратившую связь с современным научным знанием о мире. Актрисе, призванной жить и страдать на сцене вдохновенно, завораживая зал, близка была лирическая стихия Метерлинка. Но в спектакле Мейерхольда, режиссерская концепция которого соответствовала философии марионеточности Метерлинка, Комиссаржевская выполняла заданный ей Мейерхольдом рисунок роли Мелисанды как игрушки, куклы в руках трагической судьбы. Брюсов был прав, угадав невозможность дальнейшего творческого союза Комиссаржевской и Мейерхольда, актрисы личной темы и режиссера, для которого проблема взаимоотношения художника с миром была важнее единичной, частной человеческой драмы, хотя бы и выводящей к обобщениям.

Творческие муки актрисы, потерявшей контакт со зрителем, умалившейся до роли материала в руках режиссера, открыли Брюсову парадоксы его театральной мысли. Сцена к брюсовским идеям прислушивалась, но и корректировала их. Брюсовская теория актера — материала драматурга, не допускавшая живых людей на сцену и осуществленная Мейерхольдом, противоречила его же, Брюсова, «апологии реализма», сказавшейся в интерпретации драматургии Метерлинка и созвучной дарованию Комиссаржевской.

В статье «Реализм и условность на сцене» Брюсов возвращается к культу актера — творца искусства сцены. Эта статья подводит итог почти десятилетней эволюции поэта в его отношениях с символистским театром. Спектакль, поставленный по условному методу, перестает быть искусством, потому что неизбежно становится театром марионеток, механических, мертвых кукол,— пишет Брюсов, имея в виду «Пелеаса и Мелисанду» Мейерхольда и всю его режиссерскую практику в театре на Офицерской. «Нельзя, сохранив артистов, заставить их действовать, как механизм: на это, в такой мере, неспособно существо живое» [34],— защищает Брюсов актера от режиссера-постановщика. Театр будущего, по мнению Брюсова,— это синтез реалистической игры актера, воплощающего действие, и условного оформления. Реалистическая игра — это соответствие интонаций, жестов и мимики актера «жизненной правде»; условное оформление — это всевозможные аксессуары, связанные единством стиля и замысла, помогающие зрителю вообразить необходимые по ходу действия обстоятельства и место, разъясняет он.

Перемена театральной формулы Брюсова произошла под влиянием индивидуального таланта Комиссаржевской. Ей действительно было тесно в отпущенных ей Мейерхольдом ритмопластических пределах. Ее сценические возможности оставались неиспользованными. Новая брюсовская теория театра предоставляла ей большую свободу.

Брюсов, однако, торопился оформить «исключительный случай» в установки для театра будущего, обосновывающие необходимость реалистической игры на фоне условного решения сцены. Уже в рецензии на «Жизнь человека» Андреева, пьесу, поставленную Станисла вским в «черном бархате» и «веревочных декорациях», Брюсов, вопреки выводам статьи 1908 г., писал о несоответствии реалистической игры стилизованным «под Бердслея» картинам [35]. А в статье о «Гамлете» Шекспира в Художественном театре Брюсов говорил о том, что условная, в архитектурных объемах-ширмах, постановка требует «условной игры» [36].

Вопрос о соотношении достоверного и условного, жизнепохожего и необычного в искусстве режиссера, театрального художника и драматического актера не мог быть решен на заре поэтического театра. Более того, не существует его однозначного, на все времена, теоретического решения, которое искал Брюсов. История развития сценического искусства показывает, что образные соотношения реализма и условности подвижны, что исторически изменчивы и сами понятия «реализм» и «условность» и граница между ними относительна. Условный прием пришел в театр «иллюзии», наполнившись новым содержанием. Обозначилось множество типов условности, взятых на вооружение режиссерами разных стилевых течений. Появилось множество типов содружества режиссера и актера.

Сегодня доказано, что условность — органическое качество реалистического искусства театра, существующего в многообразных формах, стилях, жанрах [37]. Теоретическая идея Брюсова — театр условен по своей природе как вид искусства—воспринятая современными ему деятелями сцены и претворенная в сценической практике Мейерхольда, расширила горизонты реалистической поэтики драматического театра наших дней, его режиссуры и актерской техники.

Другой важный тезис брюсовской эстетики — взаимоотношение театра и зрителя, которому театр адресован непосредственно, сиюминутно в силу особенностей искусства сцены, также развивался в соответствии с эволюцией поэта от «апологии символизма» к «апологии реализма». Брюсов начинал с борьбы за автономию творчества художника, поэта. Мера искусства — полнота души художника, сила его индивидуальности, запечатленная в звуках, красках, жестах, словах, и наслаждаться произведением искусства может лишь его творец,— так оформил Брюсов в теоретической эстетике на

рубеже веков свой философский индивидуализм. В лекции «Театр будущего» Брюсов поставил в ряд эстетических проблем и проблему публики в театре. Популярная в начале века идея Вяч. Иванова: театр — Храм, где актеры и зрители будут творить «соборно», заражаясь и зажигаясь общностью чувств,— вызывала у Брюсова резкое неприятие. «Менее всего должно театральное представление превращаться, как того требуют некоторые, в слепое видение. Зрительный зал должен быть наполнен не толпой грезящих сомнамбул, но аудиторией напряженно-внимательных слушателей. Бессознательное искусство такая же нелепость, как бессмысленная наука» [38],— говорил он.

Брюсов символистского периода отстаивал свободу искусства от практических целей, он равно не принимал ни теории искусства для искусства, ни теории «утилитарного» искусства. Искусство не должно служить ни гражданской идеологии, ни революции, ни мистике,— не раз писал он. Брюсов «постсимволистского», «неореалистического» периода заговорил о воспитательной функции театра. Он мечтал превратить зрителей в студентов, которые рано утром будут спешить в просторные аудитории, где художники — учителя человечества будут давать уроки в образах трагедии, заставляя своих учеников преображаться. Театр, заканчивал Брюсов лекцию,— «будет не храмом, где молятся, [благодарят бога и просят у него защиты,] [и не местом веселья], — но академией, в которой человечество учится постигать себя и все окружающее и ищет все новых и новых средств для окончательного торжества во вселенной» [39].

В последующие годы Брюсов обратился к проблемам взаимоотношения театра и народа. В 1909 г. он выступил со статьей о книге Ромена Роллана «Народный театр»; [40] в «Предисловии» к неизданному сборнику статей о театре, намечавшемуся после 1912 г., он писал о беспокоившем его разрыве театра и общества [41]; в статье по поводу предстоящего в Художественном театре «Пушкинского спектакля» Брюсов обращался к примеру Пушкина, автора «маленьких трагедий», написанных вне всяких притязаний быть понятыми «чернью» и «толпой», но обращенных, тем не менее, к народу, и дождавшихся своего читателя [42].

Народ и чернь — понятия разные, говорил Брюсов в речи перед труппой Камерного театра 8 февраля 1916 г. Народ, нация — понятие собирательное и историческое. «Задача театра — через головы «черни» обратиться к «народу» — в этом видел Брюсов единственно возможный выход сценического искусства из тупика трагических, неразрешимых в буржуазном обществе противоречий сцены и зрителя [43].

«Театр вне общества невозможен, не существует. Театр должен, принужден, по самой своей сущности, быть слитым с определенным движением в обществе. Но общество, современники, не представляют собою одно, безразличную массу: оно делится на группы с разными идеалами, с различием художественных вкусов и принципов»,— говорил докладчик [44]. В канун Октябрьского переворота Брюсов приходит к мысли о необходимости выбора для художника сцены «среди современных ему течений и общественных групп» выбора, уже лежащего за пределами чисто эстетического.

В бумагах Брюсова сохранились следующие материалы, относящиеся к лекции «Театр будущего»:

1) Развернутый план лекции, без окончания, автограф — ГБЛ, ф. 386. 52.6, л. 3—6 об.;

2) Полный текст лекции, автограф со значительной авторской правкой (чернилами и карандашом), с вычерками, вклеенными вырезками печатного текста и т. п.— ГБЛ, ф. 386.52.23, л. 3—32 (авторская нумерация синим карандашом: 0—39);

3) «Лекция № 3» — начало текста, автограф — ГБЛ, ф. 386. 52.6, л. 2—2 об.;

4) Текст лекции, без заглавия, незаконченный, автограф — там же, л. 7—12 (по авторской нумерации страниц: 1—11). По содержанию представляет третий раздел лекции, рассматривающий вопросы театра (первые два посвящены общим вопросам искусства). Сопоставление с полным текстом (см. п.2) позволяет сделать вывод, что это позднейшая его редакция, написанная, по-видимому, для третьего выступления, состоявшегося 10 мая 1907 г. (Лекция № 3);

5) Кроме того, в обеих единицах хранения находятся разрозненные наброски, относящиеся к лекции и к проекту ее переработки в статью «Театр будущего. Искания» (ед. хр. 6, л. 1; 23, л. 1—2). Здесь же находится экземпляр афиши лекции 10 мая (см. ее воспроизведение — наст. том, стр. 181).

6) Афиши первых двух лекций «Театр будущего» (26 марта в Историческом музее, 11 апреля 1907 г. в Политехническом) хранятся в брюсовской коллекции афиш (ГБЛ, ф. 386.122.7, л. 3 и 5).

Ниже публикуется текст, описанный в п. 4. В приложении к нему даны фрагменты из раннего текста (см. п. 2), которые содержат существенно важные высказывания Брюсова, дополняющие то, что представлено в основной публикации.

Вслед за лекцией «Театр будущего» публикуется рецензия на «Власть тьмы» (ГБЛ, ф. 386.52.26) и письмо к Н. Е. Эфросу от 9 октября 1908 г. (ГЦТМ, л. ф. 316, ед. хр. 65447).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В. Брюсов. Предисловие.— «Литературная Армения», 1973, № 12, стр. 89.
[2] «Мир искусства», 1902, № 4, стр. 70.
[3] Письмо к Перцову от 6 ноября 1902 г.— *ЛН*, т. 27-28, стр. 289.
[4] Письмо к Перцову от 6 октября 1903 г.— ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 23, л. 27.
[5] Э. Л. Нуралов. В. Я. Брюсов и Л. Н. Толстой.— *Чтения 1963.*
[6] Аврелий. Метерлинк о Льве Толстом.— Приложение к газете «Русский листок», 1902, № 14, 7 апреля.
[7] К. С. Станиславский. Моя жизнь в искусстве.— Собр. соч. в 8 томах, т. 1. М., «Искусство», 1954, стр. 259—260.
[8] Вл. И. Немирович-Данченко. Из прошлого. М., Гослитиздат, 1938, стр. 274.
[9] «Художественный театр» ‹без подписи›.— «Русский листок», 1902, № 305, 6 ноября.
[10] Не фельетонист ‹Н. М. Ежов›. Наши злобы дня.— «Новое время», 1902, № 9585, 9 ноября.
[11] С. П. ‹С. В. Потресов›. Художественный театр. «Власть тьмы» Л. Н. Толстого.— «Русское слово», 1902, № 307, 7 ноября.
[12] И. Н. Базилевская. «Снегурочка», «Власть тьмы» и «На дне».— В кн.: К. С. Станиславский. Материалы. Письма. Исследования. М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 589.
[13] — Ф — ‹Н. Е. Эфрос›. «Власть тьмы».— «Новости дня», 1902, № 6974, 7 ноября.
[14] ‹В. Брюсов›. «Горе от ума» в Художественном театре.— «Весы», 1906, № 10, стр. 78.
[15] ‹Г. И. Чулков›. Спектакли Московского Художественного театра. «Горе от ума».— Газета «Товарищ», СПб., 1907, № 250, 25 апреля.
[16] Письмо к Мейерхольду от 25 сентября 1905 г.— Музей МХАТ, К. С., № 14548/100, л. 152.
[17] В. Э. Мейерхольд. Театр. К истории и технике театра (1907 г.).— В кн.: В. Э. Мейерхольд. Статьи. Письма. Речи. Беседы, ч. 1. М., «Искусство», 1968, стр. 123.
[18] ГБЛ, ф. 386.94.35.
[19] Там же, ф. 386.36.63. «Шлюк и Яу» — пьеса Г. Гауптмана, постановка которой также готовилась к открытию Студии.
[20] Аврелий. Вехи. II. Искания новой сцены.— «Весы», 1906, № 1, стр. 72.
[21] ГБЛ, ф. 386.94.35.
[22] Там же.
[23] Письмо, написанное в мае (до 15) 1906 г.— В кн.: К. С. Станиславский. Собр. соч. в 8 томах, т. 7. М., «Искусство», 1960, стр. 339.
[24] Там же, стр. 362.
[25] В. Брюсов. Метерлинк-утешитель («О желтой опасности»). Опыт статьи. — ГПБ, ф. 105, оп. 1, ед. хр. 17.
[26] Из письма к З. Н. Гиппиус, между 16 и 21 апреля 1907 г. (см. наст. том, стр. 692), из письма к ней же от 3 апреля 1907 г. (ГБЛ, ф. 386.70.38, л. 10). Полностью текст лекции «Театр будущего» никогда не публиковался. Краткое ее изложение поместила газета «Обозрение театров» (1907, 6 апреля). Один из разделов лекции Брюсов переработал в статью «Реализм и условность на сцене» для сб. «Театр. Книга о новом театре» (СПб., 1908).
[27] В. Брюсов. Карл V. Диалог о реализме в искусстве.— «Золотое руно», 1906, № 4, стр. 62.
[28] «Театр будущего».— ГБЛ, ф. 386.52.23, л. 31.

[29] «Золотое руно», 1906, № 4, стр. 65.
[30] Там же.
[31] ГБЛ, ф. 386.52.23, л. 25 об.
[32] Там же, л. 26.
[33] В. Э. Мейерхольд. Max Reinhardt (Berliner Kammerspiele) (1907).— В кн.: В. Э. Мейерхольд. Статьи. Письма..., ч. 1, стр. 162—166.
[34] В. Брюсов. Реализм и условность на сцене.— В сб.: «Театр. Книга о новом театре». СПб., «Шиповник», 1908, стр. 256—257.
[35] Аврелий. «Жизнь человека» в Художественном театре.— «Весы», 1908, № 1, стр. 143—146.
[36] В. Брюсов. «Гамлет» в Московском Художественном театре.— «Ежегодник имп. театров», 1912, вып. II, стр. 42—59.
[37] См. подробнее: Ю. Смирнов-Несвицкий. Условность и стиль спектакля.— В сб.: Режиссура в пути. М.— Л., «Искусство», 1966, стр. 9—46.
[38] ГБЛ, ф. 386.52.6, л. 12.
[39] Там же, ед. хр. 23, л. 32 (см. также наст. том, стр. 187).
[40] Валерий Брюсов. Литературная жизнь Франции. 1. Народный театр Р. Роллана.— *РМ*, 1909, № 5, стр. 147—158.
[41] «Литературная Армения», 1973, № 12, стр. 90.
[42] Валерий Брюсов. Маленькие драмы Пушкина (к предстоящему спектаклю в Художественном театре).— «Русские ведомости», 1915, № 67, 22 марта.
[43] В. Брюсов. Реальные задачи театра.— «Известия Московского литературно-художественного кружка», вып. 13, март 1916 г., стр. 5.
[44] Там же.

ТЕАТР БУДУЩЕГО

...Результаты анализа, произведенного в предыдущем чтении, могут быть выражены в следующих формулах. Задача искусства — познание. К этой цели искусство стремится путем сокращения действительности. Искусство ни в каком случае не воспроизводит действительности в ее целом, но лишь выбирает и подчеркивает отдельные стороны ее.

Возникает вопрос, не противоречит ли этим основным свойствам искусства — театр, искусство сцены, которое соединяет в себе все особенности пластических искусств и поэзии, а иногда воспринимает в себя и пение и музыку. Как живопись и скульптура театр говорит нашим глазам; как музыка — нашему слуху, как поэзия — нашему творческому воображению. Театр дает как бы статуи, но окрашенные во все цвета действительности, со всеми ее особенностями; театр это картина, но движущаяся; это — музыка, но воплотившаяся в конкретные образы; поэзия — но зримая. Другие искусства, пользуясь различными материалами природы, пресуществляют их для своих целей. Живописец воссоздает мир пространственный, мир трех измерений на плоском холсте, линиями и пятнами красок. Поэзия воссоздает те же самые предметы, имеющие вес, краску, запах,— с помощью отвлеченного знака: с помощью слова. Музыка передает внешним звуком то, что лишено звучности и таится внутри нас: чувство и мысль. А на сцене все то же, что и в жизни: мускулы, чтобы двигаться, горло, чтобы кричать, глаза, чтобы выражать настроение. Предположим, что надо представить дуэль Ромео с Тибальтом *. Художник воспользовался бы для этого несколькими линиями, несколькими красками, противоположением света и тени; музыкант передал бы чувства обоих героев — в звуках; поэт — в ритмических словах. А театр выводит на сцену двух мужчин, одетых в платье своей эпохи, которые скрещивают настоящие клинки,— и перед нами словно не изображается, а совершается самая дуэль **.

И вот спрашивается, можно ли считать такое соединение свойств разных искусств художественным. Не погрешает ли театр против основного

---

* *В автографе описка*: с Тальботом
** Jean de Gourmont [1] (*примеч. Брюсова*).

требования искусства: сосредоточивать внимание на одной стороне видимости. Через это не оказывается ли он бессильным исполнить главное назначение искусства [вести человека своим путем художественного синтеза к познанию]? Не есть ли театр уже не искусство, а передразнивание жизни, и не стоит ли он на лестнице искусств на низшей ступени, там, где уже начинается простое мастерство, рядом с панорамами и восковыми фигурами музеев? [Если же театр только смешивает в одно все виды искусства, не теряет ли он право на самостоятельное место в их ряду?] Не уподобляется ли он фотографии, фонографу и синематографу, если хочет пересадить на сцену действительность целиком, так сказать, с корнями и куском земли?

Разъяснить эти противоречия возможно, только признав, что разыгрываемые артистами перед зрителями сцены еще не есть самое искусство театра, но лишь материал его. Артисты, декорации, вся сценическая обстановка для театра то же самое, что для скульптора мрамор, для художника краски и холст. Театр, как и другие искусства, не имеет притязания сосредоточить внимание зрителя сразу на нескольких сторонах видимости. Подобно тому как, рассматривая скульптурное произведение, мы воспринимаем только его форму, забывая не только о его весе, но, большей частью, даже о его окраске,— так в театральном исполнении мы должны забыть, должны отвлечься от всех других сторон видимости, кроме одной, на которой и сосредоточено внимание драматурга. Эта сторона действительности, избранная драмой, была раз навсегда прекрасно определена уже 2000 лет тому назад, Аристотелем, в его трактате о поэзии. «Трагедия,— говорит он,— есть подражание единому, важному, в себе законченному действию» [2]. И этими словами с поразительной точностью он отделил искусство театра от других видов искусства. Таким образом, содержанием драмы являются не сами по себе зрительные образы, получаемые нами со сцены, и не речи, произносимые актерами, но причинная связь изображаемых ими действий. Скульптуре — формы, живописи — линии и цвета, лирике — настроения, эпике — события, но действие, непосредственное действие — остается уделом только драмы.

Если мы обратимся к драматическим произведениям, которые вызывают наш восторг и поклонение, мы убедимся, что все они вполне соответствуют определению Аристотеля. Не говоря уже о греческих трагедиях, которые служили ему исходными точками для создания его теории, но и все позднейшие мастера драмы воплощали в своих созданиях именно действие: Кальдерон, Шекспир, Корнель, Ибсен, Гауптман. В самом деле, в чем особенности Отелло? Это не статический образ, как, например, «Beata Beatrix» Россетти [3], это не излияние настроения, как стихотворение Шелли,— это образ действующего человека. Мы узнаем Отелло не из его внешнего вида и не из его речей, а именно из его поступков в течение драмы. К тому же выводу придем мы, если будем рассматривать и других героев Шекспира или какого угодно другого из значительных драматургов. Даже многие из тех драм, которые, казалось бы, противоречат определению Аристотеля, в действительности подтверждают его. Таковы первые драмы Метерлинка, который много писал именно против театра действия, в защиту неподвижного театра. Но бездейственность его первых драм чисто внешняя. В то время как все их действующие лица остаются все в том же положении, как и в первом явлении, в их душах действие совершается, нарастая с каждой сценой, и совершенно явственно, зримо для зрителей, разрешается катастрофой в последней.

Но если театр в лучших своих созданиях всегда, даже бессознательно, был верен своему призванию, то, конечно, в творчестве своих рядовых работников он часто уклонялся с истинного пути. И наш современный театр, если исключить очень немногочисленные произведения, особенно

АФИША ТРЕТЬЕЙ ЛЕКЦИИ БРЮСОВА «ТЕАТР БУДУЩЕГО»
Москва, 10 мая 1907 г.
Библиотека СССР им. В. И.Ленина, Москва

далек от тех возвышенных целей, к которым должен был бы стремиться, и от тех приемов деятельности, которые одни могут дать ему действительно важное, нужное положение в жизни человечества. [Может быть, именно этим уклонением театра в сторону от его основного пути объясняется то в общем пренебрежительное отношение, какое существует к нему в современном обществе, объясняется, почему у нас на театр так часто смотрят как на место отдыха и увеселения. Менее, чем каким-либо другим искусством, можем мы в наши дни удовлетвориться искусством сцены и принуждены мечтать о новом театре, о театре Будущего.]

Прежде всего, громадное большинство современных драматургов остается совершенно чуждо основной задаче искусства, и это, конечно, потому, что они не ⟨*1 нрзб.*⟩ истинные художники. В современной Европе театр, к сожалению, находится в руках [ловких] ремесленников, знающих так называемые «условия сцены» и заполняющих своими изделиями 9/10 всех существующих театров. От живописца, от скульптора, от стихотворца всегда требуют художественного дара; гораздо реже от романиста; а драматургу охотно позволено обходиться и без него! Давно ли французские сцены были заняты Сарду, немецкие Зудерманом, а русские Виктором Крыловым? Но и теперь во многих ли театрах можно увидеть произведения настоящих художников: Ибсена, Гауптмана, Гамсуна, Метерлинка, Аннунцио, Уайльда, Верхарна? Их дают как исключение, а повседневный репертуар составляется из пьес таких писателей, которых было бы очень неловко назвать художниками.

И мечтая о будущем театре, [о театре будущего] хочется прежде всего надеяться, что он перейдет, наконец, исключительно в руки поэтов, в руки художников. Только действительно художественные создания, служащие великим целям искусства, достойны того, чтобы быть воплощен-

ными на сцене. И напротив, целые классы разнообразных произведений, заполняющих современный театр, должны быть решительно отвергнуты.

Так, должны быть отвергнуты обычные в современном репертуаре драмы тенденциозные, драмы, развивающие какой-либо тезис. Это о такого рода произведениях сказал Потебня слова, которые мы имели случай привести выше: «Плох тот художник, который имея готовую идею, только подыскивает образы для ее выражения» [4]. Отвлеченная идея, отвлеченная мысль не может стать предметом драмы, имеющей только одно содержание — действие. И в большинстве тенденциозных пьес в театр переносятся приемы ученого диспута или суда. Одни действующие лица защищают в своих речах один тезис, другие другой. Вспомним хотя бы «Les affaires sont les affaires» Октава Мирбо [5]. Но если идея, мысль может быть высказана в форме отвлеченного положения, к чему же приводить в ход сложный аппарат сцены? Не для того ли, чтобы преподнести зрителям эту идею в более доступном, подсахаренном виде? Но в таком случае искусство подойдет под определение Тассо, который сравнивал вымыслы поэзии с сосудом, обмазанным по краям сластями, в котором мать подает ребенку невкусное лекарство [6]. Но я сомневаюсь, чтобы театр добровольно захотел играть роль сиропа, а зрители роль капризных младенцев.

Рядом с тенденциозными драмами должны быть отвергнуты драмы бытовые, вроде, например, драм Максима Горького, как противоречащие самой сущности искусства[7]. Пытаясь представить перед зрителями как бы кусок жизни, они ставят зрителя опять лицом к лицу с действительностью, с тем хаосом впечатлений, из которых искусство должно было сделать свой выбор. Представим себе, что драматургу-реалисту в самом деле удалось бы (что, конечно, невозможно) сфотографировать действительность и что перед зрительным залом в самом деле словно упала бы стена одного из домов, за которой кипит жизнь. Что увидали бы зрители, кроме того, что видят ежедневно не идя в театр? Какую помощь в понимании, в познании действительности оказал бы нам театр? В подобном случае художник исчез бы, превратившись в простое [прозрачное] белое стекло, стоящее между зрительным залом и жизнью, а вместе с художником исчезло бы и искусство. Бытовые драмы могут быть полезны в той же мере, как стенные объяснительные таблицы в школах; они могут быть занимательно и ловко поставлены на сцене, как красивые панорамы, но они не имеют ничего общего с искусством Шекспира и Кальдерона.

По другой причине должны быть отвергнуты драмы настроений, каково большинство драм Чехова. Настроения души полнее и сильнее умеет передавать лирика и музыка. Чтобы воспринять настроение с театральной сцены, надо стараться забыть образы актеров, надо пытаться не замечать тысячи мелочей, отвлекающих внимание. Настроение по самому своему свойству интимно и неподвижно; в театре все внешне, все приспособлено к движению. Нет сомнения, что сильный талант может преодолеть эти трудности, сумеет даже в формах драмы передать нам лирическое волнение, как это и делает порой Чехов. Но это значит — пользоваться театром для меньшего, чем то, на что он способен. Театр передает настроения с трудом, настроения не без значительного изъяна воплощаются в драме. Авторы драм настроений напоминают людей, которые за неимением чернил пишут молоком. Молоко пригодно совершенно для другого, да вдобавок и написанное им еле можно разобрать.

Можно было бы подумать, что искусству как познанию — прямо служит так называемая символическая поэзия и что символическим драмам должно быть предоставлено первое место на сцене, — но это было бы очень ошибочно.

[При поверхностном взгляде может показаться, что к той характеристике драмы, какая была дана мною, ближе всего подойдет тот род драмы, который мы знаем преимущественно из творчества Метерлинка, отчасти Ибсена, Гауптмана и Аннунцио и который мы называем символическими драмами. Но я должен решительно отвергнуть и этот род драмы, как совершенно ложный, и позволю себе остановиться на этом вопросе несколько внимательнее].

Слову символизм часто придают слишком широкое значение, означая им в целом все движение в искусстве, возникшее в конце XIX века. Это неверное словоупотребление, потому что никаких определенных «символов» не найдем мы в произведениях целого ряда поэтов, несомненно принадлежащих к этому движению и бывших в нем видными деятелями, каков, например, Верлен. В строгом смысле символистами можно и должно называть только тех поэтов, которые видели в своих созданиях символы чего-то иного, которые за внешним содержанием своих произведений стремились скрыть другое, более глубокое. Вот как определяет символизм К. Бальмонт в своей статье «Элементарные слова о символической поэзии»: «Символическая поэзия это та, в которой органически, не насильственно сливаются два содержания: скрытая отвлеченность и очевидная красота. Причем, несмотря на скрытый смысл того или другого символического произведения, непосредственное, конкретное его содержание всегда закончено само по себе» [8]. При таком определении возникает вопрос, чем же символическое произведение отличается от аллегории? Бальмонт отвечает на это так: «В одном случае (т. е. в символе) мы видим родственное слияние двух смыслов, рождающееся самопроизвольно, в другом насильственное их сочетание. Аллегория говорит монотонным голосом пастора или шутливо поучительным тоном площадного певца; символика говорит исполненным недомолвок и намеков нежным голосом сирены или глухим голосом сибиллы [вызывающим предчувствия]» [9]. С таким делением никак нельзя согласиться, так как из слов Бальмонта видно, что он имеет в виду плохую аллегорию и удачную символику: справедливо ли такое сравнение? Неужели автор какой-либо аллегории сознательно имеет в виду «насильственное сочетание внешнего образа и его смысла»? Нет, конечно, он тоже стремится к «родственному их слиянию» и, конечно, все истинные аллегории «родились самопроизвольно». Напротив, в плохих символических произведениях второе, внутреннее содержание тоже бывает притянуто насильственно к внешним образам. Разве в аллегорических группах Микель Анджело внешнее их выражение натянуто, неестественно придумано? Следуя разделению Бальмонта, пришлось бы аллегорией называть плохую символику, а символом — хорошую аллегорию.

Но если символическая поэзия, в сущности, отождествляется с аллегорической, ее создания придется отнести к одному роду с произведениями тенденциозными. И действительно, во всех символических произведениях мы всегда находим как два совершенно раздельных элемента: отвлеченную идею и художественное создание. При этом очень характерно, что та отвлеченная идея, которую удается открыть в символическом произведении, большей частью оказывается истиной довольно известной и не нуждающейся в повторении. Обратимся, например, к символическим драмам и возьмем «Смерть Тентажиля» Метерлинка. Как художественное произведение, как ряд образов — это прекрасное произведение. Но какое внутреннее содержание вложено в эту драму самим автором? Что смерть беспощадна и безжалостна, что все мы должны умереть. Для этого не стоило писать драмы. Допустим даже, как требуют некоторые, что символические драмы имеют не одно, а несколько толкований. Пусть Царица в Тентажиле не только Смерть, но и Судьба, и Ужас, и Неизбежность, а остров Тентажиль и наш мир, и наша душа, и области, доступные нашему познанию. Все рав-

но, из драмы можно будет вывести только самые скудные истины. Совершенно то же самое со «Слепыми» того же Метерлинка. Слепых повел на прогулку старый священник и умер; без проводника они предвидят свою гибель в лесу, из которого не знают дороги, и в отчаянии взывают ко всякому прохожему о спасении. Аллегория очень ясна: остров — мир; слепые — человечество; проводник — вера; вера в людях умерла, и они готовы следовать за любым пророком. Вообще изо всех символических драм извлекаются только общеизвестные положения: «Красота оправдывает все», «Истина, не оживленная чувством, бессильна», «Любовь искупает всякий грех» и т. д.—[афоризмы, которые не решился бы вставить в статью ни один публицист] афоризмы, доказательство которых вообще не может быть предметом научного трактата, а следовательно не должно быть и задачей искусства.

Это и понятно. Истинное содержание драмы — в действии; но никакое действие, никакое сцепление ряда действий не может соответствовать отвлеченной идее. Это величины несоизмеримые, и никогда ни из одной истинно великой драмы нельзя вывести какой-нибудь философской, моральной или общественной сентенции. Законным властителем сцены остается и должен остаться тот род драмы, который нашел себе высокое воплощение у Шекспира, у Кальдерона, у Гете, у Пушкина. Эту драму нельзя назвать реалистической в том смысле, в каком мы применяем это название к драмам Максима Горького, потому что она не задается целью изображать действительность, но только пользуется иногда таким изображением, как средством. Но эту драму и можно назвать реалистической, противополагая ее символическим драмам, так как содержание ее будет иметь значение и будет важно само по себе, а не как символ, не как прообраз чего-то иного, что предстоит разгадывать умом. Драматург будущего, как и истинные драматурги прошлого, как еще Эсхил, Софокл или Калидаса, сосредоточит свое внимание и внимание своих зрителей на «едином в себе законченном действии», стремясь вскрыть причинную связь поступков людей, а вовсе не нарисовать картину нравов или доказать какое-либо отвлеченное моральное или политическое положение. Драма будущего, если она пойдет по истинному пути, должна будет заботиться прежде всего об том, чтобы сбросить с себя ненужные ей украшения, которые кажутся золотыми запястьями и кольцами, а на деле опутывают ее как узы, как оковы, не давая двигаться свободно.

[Но, разумеется, новое время ставит перед искусством, не изменяя его вечной цели, и отдельные новые задачи, и в этом смысле драма будущего должна будет далеко уйти не только от созданий Эсхила и Шекспира, но даже от произведений Ибсена и Ведекинда.] Если искусство есть акт познания, то художник всегда учитель, учитель человечества, и это великое призвание налагает на него и великие обязанности. Шекспир был в числе передовых умов своего времени, и характерно, что его драмы приписываются часто Бэкону, величайшему философу и естествоиспытателю его эпохи [10]. К числу таких же передовых умов принадлежал и Гете. Кроме чисто художественного таланта, у них были громадные запасы знаний, и человечество действительно могло идти к ним в школу, как шли ученики в Академию Платона. Но признаем ли мы такое право учить нас, уже не говорю за Зудерманом или г. Найденовым, но даже за Гауптманом или за Леонидом Андреевым? Нет сомнения, что когда впервые играли «Гамлета», зрителям было сказано так много нового, что никто из них, ни один, не мог воспринять всей глубины этой трагедии. При всех отдельных и очень значительных достоинствах драмы Л. Андреева «Жизнь человека» вряд ли из ее чтения или из созерцания ее на сцене можно получить новое понимание человека, его назначения на земле, цели его существования. Порой, в отдельных сценах Л. Андреев, как истинный художник, открывает нам

что-то неведомое, но в целом, в общей концепции и драмы и своего героя, он остается на уровне среднего зрителя, заурядного человека современности.

[От ученого, если он хочет быть деятелем в области знания, требуется, чтобы ⟨он⟩ давал новые вклады в науку. Посмотрели бы как на сумасшедшего на географа, который снарядил бы экспедицию, чтобы еще раз совершить открытие Колумба. Вряд ли получил бы большую славу физик, который тем же самым способом, как Рентген, открыл бы еще раз икс-лучи. И только в искусстве, особенно в поэзии и драме, художнику не только позволяется, но почти вменяется в обязанности трактовать о бесспорном.]

Подступая со своих художественных путей к вопросам, например, морали, современные драматурги сплошь и рядом обнаруживают свое полное незнакомство с тем, как решает эти вопросы современная наука. Точно так же пытаясь, опять-таки в художественных созданиях, дать ответ на вопрос метафизический, драматурги нередко показывают, что с современной философией они не знакомы. Разумеется, никакие философские или научные познания не заменят таланта художника. Талант это крылья, без которых невозможен полет. Но художнику не мешает и знать, куда ему лететь. Чем шире, чем всестороннее будет его миросозерцание, тем глубже, тем значительнее, тем нужнее для людей будет его творчество. В идеале искусство, философия и наука должны идти рядом, и каждый шаг одного из них должен отзываться на другом. Представим себе, что химия сделала новое открытие, изменившее наши взгляды на строение вещества. Это открытие не может не влиять на наши представления о веществе вообще и через это на все наше философское миросозерцание. А неужели изменение нашего миросозерцания не выразится в творчестве художника? Так и подобными путями даже самые, казалось бы, чуждые искусству науки могут и должны влиять на его жизнь.

Но эта мечта о художнике будущего еще так далека от осуществления, что мы почти не можем представить себе, в какие формы она воплотится. Мы не можем вообразить, что будут за драмы, которые напишет драматург будущего, обладающий и талантом Шекспира и, подобно ему, стоящий на уровне своего века. Мы так давно утратили связь между наукой и искусством (конечно, под влиянием ложной мысли, что они противоположны между собой), мы так давно не видели среди нас человека, в котором гармонически сочетались бы могучий аналитический ум и смелый художественный синтез, что об этих областях, открытых искусству будущего и драме будущего, мы можем только гадать.

Гораздо с большей определенностью можем мы наметить те пути, по которым должно будет пойти искусство сцены в узком смысле слова, т. е. искусство воплощения драмы на театральных подмостках. Выходя из нашего определения драмы, мы должны признать, что у театра может быть только одна задача: особенно четко выявить действие драмы. Между тем ⟨*на этом текст обрывается*⟩

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Жан *де Гурмон* (1877—1928) — французский романист, поэт и критик. В «Весах» печатались его статьи: «Французский роман и романисты» (1906, № 1), «Около премий Гонкуров» и «Смерть Гюисманса» (1907, № 6). В какой связи Брюсов внес в лекцию имя Гурмона, установить не удалось.

[2] Из трактата Аристотеля «Поэтика». Брюсов дает это определение, вероятно, по памяти: ни в одном из имевшихся к тому времени русских переводов «Поэтики» нет точно такого текста.

[3] Данте Габриэль *Россетти* (1828—1882) — английский живописец и поэт, один из основателей школы «Братство прерафаэлитов». На его картине «Beata Beatrix» изо-

бражена дантовская Беатриче, сидящая на балконе во дворце своего отца во Флоренции.

[4] Точно такой цитаты в работах А. А. Потебни не обнаружено. Идею, выраженную здесь Брюсовым, Потебня развивает в своей книге «Мысль и язык» (Харьков, 1892; см. гл. X. Поэзия. Проза. Сгущение мысли).

[5] Пьеса Октава Мирбо «Les affaires sont les affaires» («Дела есть дела») была написана в 1903 г. В России была известна под заглавием «Власть денег»; шла в театре Корша (Москва, 1903, «Рабы наживы»).

[6] Эта мысль выражена Т. Тассо в поэме «Освобожденный Иерусалим» (песнь I, строфа 3).

[7] Отношение Брюсова к драматургии Горького не оставалось неизменным. Недооценив такие пьесы, как «Мещане» и, особенно, «Дачники», Брюсов выделил в своем обзоре 1903 г. для журнала «Athenæum» драму «На дне» как произведение, в котором очень ярко выступают отличительные черты творчества Горького (см. статью: Э. С. Литвин. Горький и Брюсов.— В кн.: «Труды Ленингр. гос. библ. ин-та им. Н. К. Крупской», т. II. Л., 1957).

В 1917 г. Брюсов так характеризовал «На дне» в сонете «Максиму Горькому»:

И так же образы любимой драмы,
Бессмертные, величественно прямы
Стоят над нами в ясной вышине.

[8] Названная статья Бальмонта вошла в его сборник: «Горные вершины. Книга I. Искусство и литература» (М., «Гриф», 1904). Цитируемое Брюсовым (не вполне точно) определение см. на стр. 77.

[9] Там же.

[10] Гипотеза о Френсисе Бэконе как авторе трагедий, приписываемых Шекспиру, возникла в середине XIX в. В настоящее время «бэконовская теория» признается в научном шекспироведении несостоятельной, хотя в Англии она до сих пор имеет своих сторонников. См. об этой теории: А. Аникст. Кто написал пьесы Шекспира? («Вопросы литературы», 1962, № 4).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЗ ПЕРВОЙ ЛЕКЦИИ «ТЕАТР БУДУЩЕГО»

Какой же род драмы останется властителем театра, если мы исключим все те, о которых только что говорили? Да все тот же старый вид драмы, который нашел себе высокое воплощение у Шекспира, Кальдерона, Гете. [Но только современный драматург должен стоять в современной жизни на той же интеллектуальной высоте, на какой в свое время стояли эти поэты. Шекспир и Гете были передовыми умами своей эпохи]. Если хотите, его можно будет назвать реалистическим, но только не в том смысле, какой мы придаем этому слову, говоря о произведениях Максима [Горького или Боборыкина. Искусство никогда не могло исполнить своей задачи иначе как] Горького. Искусство всегда реалистично в том смысле, что [воплощается в образы], черпая свои внешние образы из действительности, стремится придать им внешнее правдоподобие. Художники всех времен ставили себе идеалом реализм, правду — и только самое понятие правды менялось: лже-классик думал, что он вернее всего будет верен правде, подражая античным образцам; [романтик] натуралисты, школы Золя, верили предпосылкам позитивизма и думали, что правда в фотографировании современности; [декаденты] импрессионисты не знали другой правды, кроме правды [мига и] впечатления, и старались воспроизводить его во всей неприкосновенности и т. д. Драма будущего будет реалистична в том смысле, что будет верна нашим понятиям о возможном, мыслимом, в том смысле, что она ничем не будет противоречить нашим представлениям о реальности (*стр. 28—29*).

Если хотите, драмы будущего будут объективными, но только в том смысле, какой мы придаем этому слову, говоря о театре Шекспира. Совершенно объективного творчества существовать не может. Каждое художественное произведение носит на себе печать своего времени, своей страны и своего создателя (*стр. 30*).

Но оставаясь верным старым образцам в своих принципах, Театр будущего должен быть верен и своему времени — должен стоять не ниже его по своему сознанию. Незыб-

лемая форма театра как искусства остается, но новый век должен выдвинуть новые задачи. Театр должен стоять на уровне современной науки и философии, и деятель театра, драматург должен не только обладать специальным даром, но и понимать ответственность своего дела. Если искусство всегда познание, то художник всегда учитель (*стр. 30*).

Нашу европейскую культуру надо признать однобокой или, точнее, кривобокой, потому что одна сторона духовной деятельности в современной Европе значительно перевешивает другую: наука подавляет искусство. <...>

Мы, европейцы, по преимуществу аналитики. В этом наша сила, но в этом и наше несовершенство. Гармоничной станет наша жизнь лишь тогда, когда мы поймем, что смотрим на вселенную односторонне, понимаем ее неполно. Цельными людьми станем мы только тогда, когда искусство станет для нашей души [неод<олимой>] необходимым, [когда мы, свершая все нужное для того, чтобы жить, мы целью нашей жизни будем считать науку и искусство] проникнет в нее, сроднится с ней, сделается [естественной] повседневностью, а не прихотью, не роскошью, не отдыхом. И в этой новой, просвещенной, гармоничной жизни театр займет одно из первых мест. Он будет не храмом, где молятся, [благодарят бога и просят у него защиты] [и не местом веселья],— но академией, в которой человечество учится постигать [свою] себя и [вселенную] все окружающее и ищет все новых и новых средств для [конечного] окончательного торжества [над природой] во вселенной (*стр. 39. Заключение текста первой лекции*).

«ВЛАСТЬ ТЬМЫ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ

В фойе Художественного театра больше говорят о постановке пьесы, чем об исполнении. Это дурной признак. Постановка стала между зрителем и сценой. Зрители следят не столько за ходом пьесы, сколько ловят новые выдумки режиссера.

Художественный театр думает, что своей постановкой он усиливает «иллюзию» сцены, приближает игру к правде жизни. Прежде всего остается еще вопросом, нужно ли такое приближение. Не похоже ли это на раскрашивание мраморных статуй в телесные цвета? Все равно зрителя, заплатившего деньги за свое место и в антрактах идущего в буфет, не заставишь вообразить, что перед ним совершаются события действительной жизни.

Но дело в том, что Художественный театр не достигает даже своих, хотя бы ложных целей. Он не усиливает иллюзии, а ослабляет ее. Режиссерские ухищрения только резче заставляют чувствовать, что перед вами «представление», «лицедейство».

Во «Власти тьмы» все актеры говорят по-мужицки, говором тульских крестьян. Когда мы слышим со сцены обычную речь, мы не обращаем внимания на язык, а следим за развитием драмы. Теперь же мы невольно прислушиваемся к непривычным звукам и начинаем ловить промахи исполнителей. То есть мы усиленно помним, что перед нами «играют». Следуя методу Художественного театра, придется «Ипполита» исполнять по-гречески, а «Тартюфа»— по-французски.

Художественный театр для большей верности жизни предполагает, что четвертая стена в изображенной комнате, та, которая обращена к зрителям,— существует. Вдоль этой стены ставятся скамьи, а поперечные перегородки показаны в разрезе. Мы все до такой степени привыкли к условностям сцены, что и не думаем об отсутствии этой четвертой стены. Художественный театр заставляет нас вспомнить, что ее недостает, и, следовательно, опять разбивает иллюзию.

«ВЛАСТЬ ТЬМЫ» НА СЦЕНЕ МОСКОВСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА
Действие III, явл. IV. Аким — А. Р. Артем, Матрена — А. И. Помялова, Анисья — Н. С. Бутова
Фототипия К. Фишера, 1902
Литературный музей, Москва

Во втором действии сцена изображает улицу в деревне. Избы написаны на полотне. Никто и не претендует на то, чтобы они были сложены из бревен. Но вот в эту полотняную деревню вводят живую лошадь, запряженную в настоящую соху. Контраст между лошадью и нарисованными воротами становится чересчур резким. Излишняя реалистическая подробность, не согласованная со всем строем сцены, опять нарушает то впечатление, какое могло получиться от декораций.

В четвертом действии на сцене ночь. Художественный театр так старается приблизиться к действительности, что зрители, особенно из отдаленных рядов, не видят ничего, несмотря на мелькающий по временам фонарь. На сцене не то люди, не то лошади, не то телеги. Между тем голоса актеров слышны совершенно явственно. Что-нибудь одно. Или актеры должны говорить обыкновенным «комнатным» голосом, и тогда зрители не только ничего не будут видеть, но и не услышат ничего. Или, допустив условность в произношении, допустить ее и в освещении. Ведь сами по себе действующие лица, при свете фонаря, видят друг друга!

Ограничимся этими примерами, хотя их можно было бы привести и гораздо больше. Заметим только еще, что разные мелкие «подделки» под действительность, особенно звукоподражания, прямо губительны для драмы. Лай собак и скрип полозьев, например, ни одной душе в зрительном зале не поможет вообразить зиму и деревню; а очень многих эти звуки заставят подумать или даже спросить полушепотом соседа: «А как это у них делается?» Эти «подделки» отвлекают внимание к пустякам от главного — идейного содержания драмы. Мы идем в театр не слушать звукоподражателя, а смотреть драму Льва Толстого.

Аврелий

ПИСЬМО К Н. Е. ЭФРОСУ

Paris ‹26 сентября/› 9 октября 1908 г.

Многоуважаемый Николай Ефимович!

Простите, что отвечаю письмом на вашу телеграмму [1]. Но очень трудно ответить одним «нет». Это имело бы совсем иной смысл. Я не могу написать статьи для вашего сборника по многим причинам. Во-первых, мне лень садиться за работу: причина вовсе неуважительная, но очень важная. Я поехал «отдыхать» и хочу отдыхать до самого своего возвращения в Москву. Во-вторых, я уже столько писал о театре, что в новой статье неизбежно буду повторяться. А кому приятно повторять свои собственные слова! В-третьих, я столько раз ожесточенно нападал на Художественный театр, что участвовать в сборнике, издаваемом *в честь его*, мне как-то не идет. Я высоко чту и самого Станиславского и весь его театр, но чту преимущественно как доблестных противников. И все же мне более к лицу сражаться с ними, чем венчать их. Вот три причины, но есть и другие. Во всяком случае время проходит, а так как статьи я не пишу, то уже окончательно у меня отрезаны пути, чтобы попасть в ваш сборник. Не сердитесь за это на меня, и верьте, что во всяком другом вашем предприятии я буду участвовать и работать с радостью. Очень благодарю и очень тронут, что вы меня вспомнили.

Не откажитесь передать мой привет Надежде Александровне [2].

Ваш всегда Валерий Брюсов

«Франческа» в Малом провалилась решительно [3]. А я наивно воображал, что она там будет иметь успех. Вот, рассуждал я, пьеса по-оперному красивая, не очень глубокая, но очень пышная, крикливая и романтическая — совсем для Малого театра и его публики. Ах, как еще много иллюзий и как еще обольщаешься, думая хорошо о людях.

Николай Ефимович *Эфрос* (1867—1923) — театральный критик, историк театра, автор ряда трудов о Художественном театре.

Эфрос готовил в это время сборник статей к десятилетию Московского Художественного театра, которое исполнялось 14 октября 1908 г. К участию в нем были приглашены многие писатели и критики. Сборник осуществлен не был.

[1] Телеграмма Эфроса в архиве Брюсова не сохранилась. Эфрос писал о ней в конце сентября 1908 г. И. А. Бунину: «... дал телеграмму Брюсову, который где-то у черта на куличках» (ЦГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 246). Лето и осень 1908 г. Брюсов путешествовал по Италии, Франции, Бельгии (*Дневники*, стр. 139—141).

[2] Надежда Александровна *Смирнова* (1873—1951) — драматическая актриса, жена Н. Е. Эфроса. В архиве Брюсова хранится 5 писем от Смирновой — 1908, 1910-е годы (ГБЛ, ф. 386.103.4).

[3] О постановке «Франчески да Римини» в Малом театре см. переписку Брюсова с Вяч. Ивановым (наст. том, стр. 507—512).

НЕОКОНЧЕННАЯ СТАТЬЯ О «ВИШНЕВОМ САДЕ» ЧЕХОВА

Предисловие и публикация Э. А. Полоцкой

«Вишневый сад» Чехова — так озаглавлена рукопись Брюсова, датируемая приблизительно второй половиной января — началом февраля 1904 г. Обстоятельства, которые вызвали к жизни эту «примечательную рукопись», как назвал ее Г. Чулков [1], уже упоминались в литературе о Брюсове [2].

Брюсов, бывший на премьере «Вишневого сада» в Художественном театре 17 января 1904 г. [3], еще раньше, очевидно, обещал редакции журнала «Новый путь» дать отзыв об этом спектакле. Во всяком случае через 6 дней после премьеры З. Н. Гиппиус писала ему о рецензии, как о чем-то уже обещанном: «Заметку о «Вишневом саде» *очень* просим поскорее! Умоляем! И с искренностью, без улыбок Чехову (если сад их не стоит)» [4]. Такой заказ — «без улыбок» — отвечал общему отношению старшего поколения символистов к искусству Художественного театра и его чеховскому репертуару. И еще не кончив писать статью, Брюсов поторопился сообщить телеграммой в «Новый путь», что уже отослал ее. Но статьи к сроку в Петербурге не получили, время шло, и 16 февраля З. Н. Гиппиус написала Брюсову:

«Признаюсь, я изумлена, и нельзя сказать, чтобы совсем не сердилась: вашу статью мы ожидали до последней минуты, чуть не до вчерашнего дня — и ничего! Я понимаю, если бы вы ее обещали гадательно, в письме, но ведь вы телеграфировали, что она *выслана*! Что помешало вам ее выслать и, в продолжение двух недель после телеграммы, известить меня, что статьи не будет? Я не могу допустить, что она пропала, я знаю, что заказные пакеты никогда не теряются. Очень прошу написать мне, как и почему вышла эта досадная для всех нас история. З. Гиппиус.

P. S. Скоро надеемся быть в Москве. Уж там ли вы?» [5]

Вероятно, Брюсов признался, что статьи не выслал. Через месяц, 21 марта, уже по поводу нового заказа Гиппиус писала: «Боюсь и надеяться на ваши переводы (что́ может быть неверней Брюсова!)— но на всякий случай умоляю о них ⟨...⟩ Только не телеграфируйте, что выслали, если еще не выслали. Я, пожалуй, опять поверю» [6].

Четыре страницы сохранившейся рукописи (л. 1—3) свидетельствуют, что статья не была дописана. По степени завершенности текста автограф состоит из двух частей:

1) Лист первый, половина второго листа и лист третий представляют собой беловую рукопись с незначительной правкой чернилами (на 1 л., кроме того, есть несколько исправлений карандашом); последние фразы первого листа — о языке героев «Вишневого сада», с противопоставлением ему речи Лопахина,—текстуально почти совпадают с первыми строками третьего листа, начинающегося с середины фразы: «исключение — роль того же Лопахина)». Разночтения этих двух отрывков позволяют думать, что лист третий принадлежит другой, не сохранившейся редакции статьи (возможно, незаконченной); нижняя часть третьего листа отрезана.

2) Примерно с середины второго листа правка становится интенсивнее, и рукопись превращается в черновую. Заполнив весь второй лист, Брюсов продолжал писать на оборотной стороне первого листа; эта последняя страница исписана почти до конца.

Рукопись отражает неприятие Брюсовым-символистом реалистического искусства, отождествлявшегося им тогда с натурализмом. Как критик, он искал в художественном явлении условных форм, и если не находил их, то не принимал этого явления. Не принял он и «Вишневый сад» Чехова. Изучение автографа со всей наглядностью показывает, насколько сложной оказалась для Брюсова работа над статьей, обещанной редакции «Нового пути».

БРЮСОВ
Фотография. Москва, 1900-е годы
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Не сразу определилась композиция будущей рецензии. Основная редакция рукописи, в ее беловой и черновой частях (листы 1, 2, 1 об.), имеет заглавие и состоит из следующих тематических разделов: вступление к теме (место Чехова в ряду современных драматургов), недостатки «Вишневого сада» (устарелость драматических положений, отсутствие развития характеров), достоинства пьесы («компактность» композиции), постановка пьесы в Художественном театре (принцип подражания действительности), недостаточность чеховского реализма по сравнению с искусством Достоевского или Ибсена — истинно великих художников (которые не остаются на почве реальности, а ищут более высоких форм искусства). К тезису о фотографичности чеховской драматургии, намеченному уже во вступлении, Брюсов возвращается на последней черновой странице рукописи (л. 1 об.) и дополняет его сравнением Чехова с актером, пытающимся «вернее всего» изобразить Наполеона с помощью тщательного грима; не признавая ценности внутреннего содержания пьесы, Брюсов замечает в ней единственную идею — «дворянское оскудение» (но с приговором: «Это заставлять Пегаса — пахать»). Последние два слова, заключающие эту редакцию рукописи: «Не современен».

Фрагмент другой редакции (л. 3), продолжая несохранившийся текст, в котором была уже речь о Лопахине (очевидно, в связи с достоинствами пьесы, как и на л. 1), содержит общую оценку Чехова и его места в русской литературе. Некоторые формулировки этого фрагмента близки к конспективным записям чернового автографа. Это — упоминание идеи дворянского оскудения, с выражением: «заставлять пахать Пегаса»; это — противопоставление Чехова великим творцам — Пушкину, Достоевскому, Толстому (имя Ибсена, дважды упоминавшееся в основной редакции, здесь отсутствует), а чеховской драматургии — искусству «в святом смысле слова».

По заключительным строкам этого фрагмента — о совершенствовании «техники» чеховской драматургии при ее внутренней устарелости — можно предполагать, что Брюсов хотел сделать экскурс в прошлое Чехова-драматурга. «Когда-то сумеречные настроения его пьес гармонировали с душой человечества»,— последняя фраза фрагмента. Это единственная мысль в л. 3, не совпадающая с содержанием основной редакции рукописи.

Главный упрек Брюсова Чехову-художнику — это его стремление писать так, чтобы изображаемая жизнь была похожа на действительность. В этом Брюсов видит и порочность сценических приемов Художественного театра. Как ни старается он в своей рецензии быть объективным, отмечая и достоинства и недостатки чеховской пьесы, он логикой своих доказательств представляет «Вишневый сад» будущему читателю рецензии как явление, опасное для развития русского искусства.

Сценичность чеховской пьесы Брюсов признает, но с существенной оговоркой — о банальности главных драматургических приемов Чехова. Само сравнение картин, нарисованных Чеховым, с альбомом фотографий, который можно смотреть «с любопытством», звучит более чем сомнительной похвалой. По правке Брюсова даже в беловой части автографа заметно, что он пытается подавить в себе глухое раздражение, которое у него вызывает принцип жизненности изображения — как в пьесе, так и в ее постановке. Он оценивает актерское исполнение ролей словами: «Играют обычно плохо», но затем зачеркивает слово «плохо» и свои критические замечания об игре актеров (стараются «говорить так, как в жизни») обосновывает более объективно: «Это — недостижимо, потому что в жизни слова произносят в то самое мгновение, когда они «приходят на ум», и все сказанное одушевлено мыслью. В театре актер говорит, заранее зная, что он скажет. Но вопрос, как иначе играть Чехова? В других театрах такие пьесы играют еще хуже». Но и это обоснование, с невольной оценкой МХТ в словах «еще хуже», показалось Брюсову излишним, он снял его, сохранив лаконичное: «Но вопрос, как иначе играть Чехова?»

По поводу самой пьесы Брюсов пишет, что в выведенных Чеховым лицах «нет никакого развития характеров», и зачеркивает затем слово «никакого». Характеризует — весьма положительно — появление Лопахина в III действии как «единственное сильное» и, не успев дописать следующее слово: «место», зачеркивает слово «единственное»; оценка, в конце концов, и здесь становится более объективной: «сильная и истинно драматическая сцена».

Однако в стараниях смягчить резкость своего отношения к драматургии Чехова и, в частности, к его последней пьесе Брюсов явно непоследователен. Характеристику Лопахина он предварил словами: «Некоторые фигуры очень удались Чехову», но зачеркнув слово «очень», хотел было выразить мысль иначе — усилить положительный смысл своей оценки чеховских «фигур»: «принадлежат к числу лучших и наиболее жизненных в ряду созданных им лиц». Здесь, однако, похвала «жизненным» фигурам оказывалась не в ладу с критикой жизненности как художественного принципа. Брюсов зачеркнул и эти слова, заменив их скупым и более сдержанным: «очерчены очень рельефно».

Абзац, посвященный «искусному распределению материала», обнаруживает причину общего неприятия Брюсовым художественного метода Чехова. По мнению Брюсова, Чехов не вдохновенный творец (далее, в черновых записях, об этом будет сказано и специально), а драматург, «поставляющий» театру пьесы; он не создает произведения искусства в высоком смысле слова, а просто пишет для публики — и делает это ловко, искусно, обдуманно. В соответствии с этой концепцией чеховского метода Брюсов, написав сначала одобрительно, что в каждом акте «Вишневого сада» «выходы» и «уходы» героев «естественны», вносит в эту оценку уточнение: «подстроены естественно». Далее, в связи с компактностью актов (длящихся не более 20 минут), Брюсов отмечает как достоинство пьесы то, что в ней нет длинных речей, но тут же в скобках язвительно добавляет: «и уж, конечно, нет монологов».

В рукописи осталась неустраненной противоречивость оценки художественной формы «Вишневого сада»: с одной стороны, Брюсов констатирует все большее совершенствование технических приемов Чехова-драматурга, с другой — перечисляет довольно большое количество именно технических недостатков пьесы (в том числе и статичность характеров). При всей незавершенности проделанной Брюсовым работы видно, что он ставил себе задачи более широкие, чем этого требовал отзыв об определенном чеховском спектакле. Несостоявшаяся рецензия должна была стать статьей о Чехове-драматурге, с характерным для критических работ Брюсова обстоятельным, монографическим подходом к теме.

Чем все-таки объяснить, что Брюсов не дописал свою статью? Обострением отношений с заказчиком — редакцией журнала «Новый путь», уводящей своих читателей все более и более в чуждый Брюсову мир религиозных исканий? Но почему тогда он не докончил статью о «Вишневом саде» для своего журнала — для «Весов» (а поместил в нем прямо противоположный его собственному мнению о Чехове отзыв А. Белого [7])? Охлаждением к спорам против «натурализма» Чехова? Но почему Брюсов не охладел к борьбе против «натурализма» Художественного театра (ведь он не отделял искусство Чехова от искусства МХТ) и в 1906 г. с неослабевающей остротой продолжал писать о ненужности подражания жизни в постановках этого театра? [8] Видимо, тут были причины более глубокие, связанные с общим внутренним состоянием Брюсова в это время. Позже Брюсов так оценил духовные перемены, происшедшие с ним в 1904—1905 гг.:

«Для меня это был год бури, водоворота <...> Временами я вполне искренно готов был бросить все прежние пути моей жизни и перейти на новые, начать всю жизнь сызнова.

Литературно я почти не существовал за этот год, если разуметь литературу в верленовском смысле. Почти не работал: «Земля» напечатана с черновика. Почти со всеми порвал сношения, в том числе с Бальмонтом и Мережковскими. Нигде не появлялся. *Связь оставалась только с Белым, но скорее связь двух врагов...*» [9].

Весь этот сложный процесс сопровождался отходом Брюсова от сторонников религиозной философии, с которыми он поневоле сблизился, сотрудничая в журнале «Новый путь». И совсем чуждый мистическому прочтению Чехова, он не хотел быть ни вместе с Гиппиус [10], ни вместе с Белым [11].

Между тем бурное желание «начать всю жизнь сызнова» отодвинуло на время старые замыслы, Брюсову просто «не работалось» в 1904 г. А слухи о прогрессирующей болезни Чехова, усилившиеся после премьеры «Вишневого сада», не могли не остудить обличительного пыла Брюсова. Иначе же он тогда писать не смог бы.

Да и резкость тона рецензии (даже в похвалах своих Чехову Брюсов был ироничен) расходилась с его обычной терпимостью к тем крупным явлениям искусства, которые не отвечали его субъективному вкусу. А позже, с изменением эстетических взглядов Брюсова и, в частности, с его переоценкой реализма, отпала и идейная почва, на которой была основана критика Чехова-драматурга в его рукописи о «Вишневом саде».

На первый взгляд, рецензия, которую Брюсов писал для журнала «Новый путь», резко противоречит известному его отзыву о «Вишневом саде», напечатанному в начале сентября 1904 г. в «Athenaeum'е» [12] и перепечатанному в сентябрьской же книжке «Весов» за 1904 г. Отзыв весьма лаконичен: «В области драмы единственным значительным явлением была новая пьеса А. Чехова «Вишневый сад». В четырех небольших, но чрезвычайно изящных актах перед зрителями проходит ряд мастерски написанных картин русской помещичьей жизни, прямо с натуры срисованных типов. Благодаря идеальному исполнению Московского Художественного театра пьеса имела большой успех в Москве и Петербурге. Первое представление ее сопровождалось восторженными овациями ее автору со стороны всех без различия литературных партий».

Нужно, однако, иметь в виду, что в «Athenaeum'е» Брюсов обращался к иностранным читателям, не осведомленным в культурной жизни России, и ему было важно прежде всего ознакомить их с важнейшими фактами текущей русской литературы. Тон его литературных обозрений (в частности, и цитируемого) — сдержанный, почти информационный [13].

Тем не менее при чтении этих обзоров в контексте «русских» работ Брюсова становится ясным его субъективное отношение к художественным явлениям. В сущности, и в характеристике «Вишневого сада» в английском журнале Брюсов не спорит с самим собой как автором недописанной рецензии на этот спектакль. То, что выражено в рецензии с полной откровенностью, в «Athenaeum'е» приобрело характер официального «рапорта». В самом деле, публикуемая нами рукопись Брюсова содержит материал об «изяществе» четырех актов «Вишневого сада» (см. начало л. 2), о жизненности картин

и типов в пьесе (конец второго абзаца на л. 1), о соответствии постановки МХТ пьесе Чехова и об успехе спектакля (записи на л. 2).

Лишь одна мысль в этом обзоре Брюсова звучит диссонансом по отношению к идеям, которые он собирался высказать в статье для «Нового пути». Как уже было сказано, в рукописи Брюсова Чехов исключается из плеяды великих, место его значительно скромнее: один из видных неореалистов, творчество которых не принадлежит к области «святого искусства». Заметка в «Athenaeum'е» кончается словами: «Уже по окончании этой статьи пришла весть о кончине Антона Павловича Чехова, самого известного в Европе русского писателя после Л. Толстого; эта смерть — громадная потеря для русской литературы». Надо думать, впрочем, что эти слова были в какой-то мере откликом на поток восторженных отзывов о Чехове, вызванных его смертью; одну из самых высоких оценок Чехову дал сам Толстой в беседе с корреспондентом газеты «Русь» 15 июля 1904 г. В заключении обзора сказалось то же уважение Брюсова к чужому мнению, которое сделало возможным публикацию в «Весах» статей А. Белого о Чехове [14]. Общественное мнение готово было перевести только что умершего Чехова в ранг великих — и Брюсов не мог с этим не считаться.

При публикации автографа места, зачеркнутые Брюсовым в беловых его частях, если они имеют смысловое значение, приводятся под строкой (л. 1, начало л. 2, л. 3). Вычерки, сделанные в черновых записях, заключены в квадратные скобки, и воспроизводятся прямо в тексте.

В расшифровке черновых записей приняли участие Ю. П. Благоволина, Т. Г. Динесман и А. Н. Дубовиков, за что их сердечно благодарю.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Надпись Г. И. Чулкова, в архиве которого хранится автограф, на его первой странице (ГБЛ, ф. 371, 6.7).

[2] Г. Ю. Бродская. Брюсов и Чехов. По новым материалам.— «Театр», 1972, № 2, стр. 97—100. В статье впервые цитируются отдельные выражения из рецензии и отрывок, начинающийся словами: «Для обсуждения таких вопросов гораздо пригоднее газетные фельетоны или специальные трактаты». Характеристику рецензии Брюсова на «Вишневый сад» в связи с его эстетическими взглядами начала XX в. см. также в статье: Э. А. Полоцкая. Театр Чехова в восприятии Брюсова.— *Чтения 1973*.

[3] В воспоминаниях Н. Петровской рассказывается о встрече Брюсова с А. Белым на этой премьере (см. наст. том, стр. 780).

[4] З. Н. Гиппиус — Брюсову, 23 января 1904 г. (ГБЛ, ф. 386. 82.37, л. 2 об. —3).

[5] Там же, л. 4—4 об. Письмо приведено полностью.

[6] Там же, л. 6.

[7] А. Белый. «Вишневый сад» (Драматургия Чехова).— «Весы», 1904, № 2.

[8] См.: «Вехи, II. Искания новой сцены».— «Весы», 1906, № 1.

[9] *Дневники*, стр. 136.

[10] Майский номер журнала «Новый путь», в котором Гиппиус, не получив от Брюсова рецензии на «Вишневый сад», выступила с собственной оценкой этого спектакля, обнаружил и ее общее с Брюсовым неприятие МХТ, и сходное с ним понимание драматургии Чехова. Не искусство, а «искусность»; излишнее, бессмысленное подражание жизни (впрочем, по мнению Гиппиус, у Чехова оно менее последовательно, чем у театра,— и это говорит в его пользу); отход от глубокого изображения жизни, которое было характерно для великих классиков (Гончарова, Тургенева, Толстого),— все это в ее статье звучит как вариации на мотивы, уже развитые в рукописи Брюсова (Антон Крайний. Что и как. Гл. I. Вишневые сады.— «Новый путь», 1904, № 5).

[11] Когда между Брюсовым и Белым назревало отчуждение, Брюсов в письме к нему противопоставлял свой идеал будущего идеалу Чехова (имея в виду слова Вершинина в пьесе «Три сестры»): «Да, я знаю, наступит иная жизнь для людей: не та, о которой наивно мечтал ваш Чехов («через 200—300 лет»)...» — здесь симптоматично ревнивое: «ваш Чехов», т. е. Чехов, которого Белый представил публике как глубокого, а не наивного художника (без даты, август 1904 г.— см. наст. том, стр. 379).

[12] «The Athenaeum», 1904, № 4010, september, 3.

[13] Концептуальность обзоров в «The Athenaeum'е», о которой пишет С. П. Ильёв (см.: *Чтения 1969*, стр. 569—579), облечена в форму рассказа скорее *свидетеля* литературной жизни России, чем участника ее или судьи.

[14] Кроме упоминавшейся статьи Белого о «Вишневом саде», в «Весах» появился написанный им же некролог Чехова (1904, № 8).

«ВИШНЕВЫЙ САД» ЧЕХОВА

⟨*л.1*⟩ В наших столицах и в провинциальных городах, которые побольше, есть театры: того требует наша «европейская» цивилизация. Каждый вечер, вероятно, несколько десятков тысяч человек, русских обывателей, отправляется в театр провести вечер. Они не удовольствуются одними переводами с немецкого и французского да повторениями старых пьес, им нужны новинки — драмы из русской жизни. Таков «спрос». Отвечая ему, Чеховы, Федоровы [1], Горькие, Найденовы [1*], Сумбатовы пишут пьесы, более или менее удачные, более или менее занимательные.

Если смотреть с такой узкотеатральной точки зрения, пьесы Чехова окажутся одними из лучших в современном репертуаре. Чехов — писатель образованный, умный, не без таланта. Он не напишет крикливо-риторической «Измены», покорившей в этом году все русские сцены; [3] он посовестится тех грубо-мелодраматических эффектов, на которые падок Горький; наконец, Чехов не допустит в своих вещах той явной бессодержательности, которая раздражает в пьесах Найденова. Драмы Чехова написаны по последнему слову реалистического искусства, не менее ловко, чем бытовые драмы Гауптмана. Как можно с любопытством просмотреть альбом фотографа-любителя, объездившего со своим кодаком такие местности, куда сам, пожалуй, не попадешь, так без скуки смотришь картины, нарисованные Чеховым, и выведенных им лиц [2*].

«Вишневый сад» — пьеса интересная и сценичная, хотя, конечно, не без недостатков. В первом акте действующие лица слишком явно занимаются «экспозицией», т. е. выяснением своих взаимных отношений [3*]: видны белые авторские нитки. Комизм пьесы — самой низкой пробы, доходящий порой до простой «бастонаты» [4]. Драматические положения очень не новы [4*]. Третий акт, имевший особенный успех, весь построен на избитых [5*] эффектах, давно [6*] использованных в самых популярных драмах. В доме идет бал, тогда как настроение главных героев драмы — угнетенное, подавленное: контраст, которым щеголял еще Дюма [5] и потом его подражатели [7*]. В то же время где-то за сценой происходит аукционная продажа дорогого всем вишневого сада: как давно известно [8*], нет ничего более драматического, как то, что совершается за закрытыми дверями. В выведенных [9*] лицах нет развития[10*] характеров; они сразу дают узнать себя[11*] и до последнего явления остаются все теми же [12*] (исключение роль Лопахина [13*]). Заранее знаешь, что такой-то в таком-то случае скажет, и это повторение действующими лицами [14*] «присвоенных» им речей под конец довольно-таки надоедает. Но пьеса вовремя кончается на четвертом акте эффектным закрыванием ставней.

1* *Далее зачеркнуто*: Ждановы [2]

2* *Далее зачеркнуто начало следующего абзаца*: «Вишневый сад», может быть, самая удачная из пьес Чехова.

3* *Далее зачеркнуто карандашом*: а в следующих актах слишком заботятся о том, чтобы выяснить зрителям свои характеры.

4* *Над* очень не новы *вписано*: такие приемы

5* *Было*: на таких избитых

6* давно — *вписано*

7* и потом его подражатели — *вписано*

8* как давно известно — *вписано карандашом вместо зачеркнутого*: завет Виктора Гюго, который говорил, что [6]

9* выведенных — *вписано карандашом вместо зачеркнутого*: действующих

10* *Было*: никакого развития

11* *Вместо* сразу дают узнать себя *было начато*: показывают себя сразу в

12* *Далее следовало*: так что заранее знаешь (кро⟨ме⟩

13* *Было* (исключение, пожалуй, Лопахин)

14* *Вместо* действующими лицами *было начато*: героям⟨и⟩

⟨*Далее л. 2*⟩ К достоинствам пьесы надо отнести искусное распределение материала. Каждый акт представляет маленькое, законченное целое; каждый акт отличается от другого. Первый — живая картинка приезда, в которой много настоящей житейской суетни [1*]; второй — летняя прогулка; третий — бал в усадьбе; четвертый — разоренное гнездо, стены со снятыми картинами, сдвинутая с мест мебель. Каждый акт длится не больше 20 минут, «выходы» и «уходы» подстроены естественно [2*], нет длинных речей (и уж, конечно, нет монологов). Наконец, некоторые фигуры очерчены очень рельефно [3*], особенно — Лопахин [4*]. Его появление в усадьбе, среди дружески расположенных к нему ее владельцев, после того как он купил с аукциона все имение,— сильная [5*] и истинно драматическая сцена.

Разыгрывается пьеса МХТом со всеми обычными приемами труппы Станиславского. Весеннее утро в деревне изображается с помощью машинок, имитирующих птичье пение, и с помощью фонографа, воспроизводящего звуки свирели [6*]. Декорация II акта [7*] взята из «Юлия Цезаря»: небо поставлено тоже полукругом, а пол сцены [8*] постепенно опускается, образуя лощину [7]. Играют обычно [9*], т. е. во что бы то ни стало стараясь говорить так, как в жизни [10*]. Но вопрос, как иначе играть Чехова? [11*]

Вот весь разбор, какого [12*] заслуживает «Вишневый сад». И только потому, что первое представление сопровождалось восторженными овациями, что газеты и журналы прославляют «Вишневый сад» как драгоценный вклад в русскую поэзию, приходится прибавить несколько слов. Место Чехова в русской литературе очень определенно. Среди писателей-неореалистов он один из самых ви⟨дных⟩. У него нет такого могучего таланта, как у Достоевского, чтобы самый реализм обратить в создание истинного искусства. У него нет и такой ясности мысли, как у Ибсена, чтобы сознать всю недос⟨таточность⟩ реализма и перейти от него к высшим формам искусства. Наоборот, Чехов отл⟨ичается⟩ именно тем, что доводит реалистические приемы до крайности, и чем да⟨ет⟩ явно почувствовать всю недостаточность этих приемов. Но и этот реализм Чехова уже ис⟨черпан?⟩им. В тех 12 пьесах, которые изд⟨аны⟩ Маркс⟨ом⟩ [8], Чехов закл⟨ючен?⟩ весь и даже⟨?⟩ с ⟨*2 нрзб*⟩. «Вишневый сад» написан, может быть, искуснее, ловчее, чем другие пьесы Чехова [считая с «Чайки»], но ничего

[1*] житейской — *вписаны*; *далее начато*: заканчивается он

[2*] *Вместо* подстроены естественно *было*: естественны

[3*] Очерчены очень рельефно — *вписано вместо*: [очень] удались Чехову, принадлежат к числу лучших и наиболее жизненных в ряду созданных им лиц. Таков

[4*] *Далее начато*:, вообще

[5*] *Вместо* сильная *было начато*: единственное сильное

[6*] *Далее начато*: Когда по сцене таскают сундуки, то они кажутся набит⟨ыми⟩

[7*] *В автографе описка*: III акта

[8*] *Далее начато*: изображ⟨ает⟩

[9*] *Далее зачеркнуто*: плохо

[10*] *Далее зачеркнуто*: Это — недостижимо, потому что в жизни слова [пропитаны как] произносят в то самое мгновение, когда они «прих⟨одят⟩ на ум», и все сказанное одушевлено мыслью. В театре актер говорит, заранее зная, что́ он скажет.

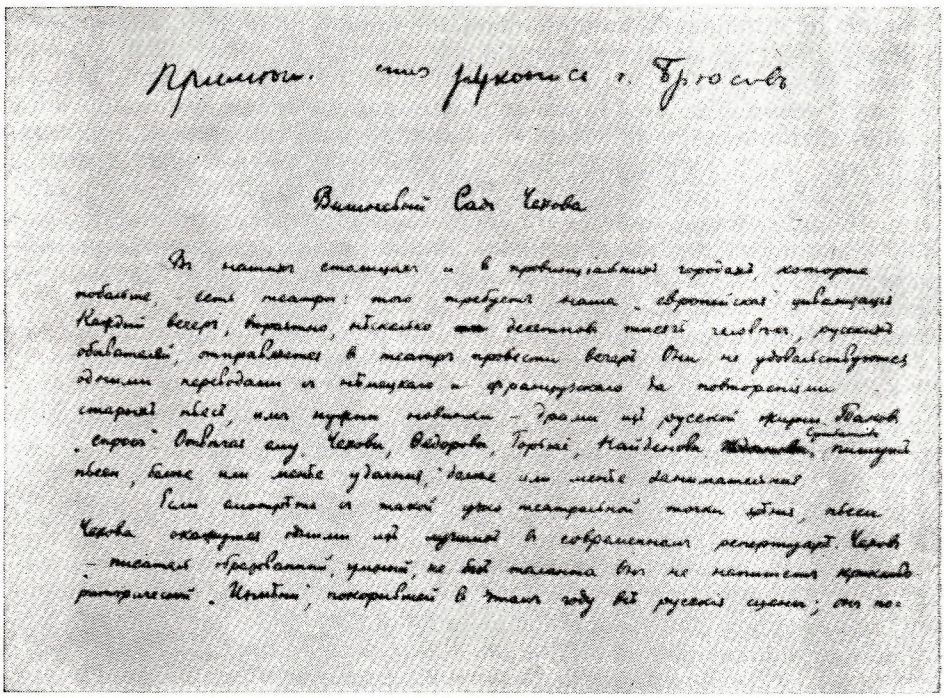
[11*] *Далее зачеркнуто*: В других театрах [играют его еще хуже] такие пьесы играют еще хуже.

[На этом] Этими немногими словами и следовало бы окончить разбор пьесы Чехова [, если б]. Но [первое представление [было связано] [оказалось] сопровожд⟨алось⟩] слишком многие смотрят на Чехова не просто как на поставщика драм. Первое представление сопровождалось [самыми неож⟨иданными⟩] самыми восторженными овациями общ⟨ества?⟩. Газеты и журналы прослав⟨ляют⟩ новую пьесу Чехова как новую драгоценность русской поэзии...

Приходится прибавить несколько слов.

Место Чехова в русской литературе очень определенно. Он принадлежит к школе писателей-реалистов

[12*] *Было*: Вот все, что



СТАТЬЯ О «ВИШНЕВОМ САДЕ»
Автограф, 1904. Фрагмент первого листа
Вверху помета Г. И. Чулкова: «Примечательная рукопись, г. Брюсов»
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

существенно нового он не говорит нам. Это Чехов, ⟨*Далее л. 1 об.*⟩ умноживший себя словно с помощью клише. Ведь «Вишневый сад» это ⟨?⟩ лучшая написанная им ⟨?⟩ пьеса, но это пьесы, которые все можно было ⟨?⟩ без скуки показать в театре. Но русская литература от этого не приобрела ничего. Как не приобрела русская живопись от того, что фотография умнож⟨ает⟩ число снимков с хороших и плохих картин.

«Вишневый сад» тоже написан даже⟨?⟩ искусней других пьес Чехова, но это относится именно к технике писательства. Чехов весь ушел теперь, по-видимому, (если не считать ⟨*1 нрзб*⟩ и ненужной «идеи») на усовершенствование техники театрального дела. Он все более и более старается уподобить свои пьесы жизни. Но он похож только ⟨?⟩ на актера, который думает вернее всего изобразить Наполеона, тщательно гримируясь ⟨?⟩. Чехов накладывает все новые и новые краски на свои драмы, чтобы сделать их подобными ⟨?⟩ жизни. Но [за ни⟨ми⟩ все более исчезает истинный лик] они — странно ⟨?⟩ — становятся все более и более непохожи на действительность: живые лица [из-под], краски жизни все более и более обращаются в чудовищную и безжизненную маску.

[В лучшей пьесе пришла к нему ⟨?⟩ «идея»]

«Вишневый сад» — хорошая пьеса, но это ни в каком случае не создание искусства. Ставить «Вишневый сад» наряду с созданиями Пушкина [или Ибсена], Достоевского, Толстого — значит напрасно подвергать унижению [«Вишневый сад»] Чехова. У истинного искусства есть свои задачи, есть вопросы, всегда для всех главные ⟨?⟩, которые может решать только

искусство. В «Вишневом саде», в лучшем случае, есть ⟨*1 нрзб*⟩ мелкая ⟨?⟩ общ⟨ественная⟩ идея: дворянское оскудение. Дворяне уходят, уступая место разночинцам, а на третьем плане стоит ф⟨игура⟩ босяка, прохожего во 2 [действии] акте. Но эти вопросы куда удобнее и целесообразнее ⟨?⟩ обсуждать в газетах или в научных сочинениях. Искусству с ними делать нечего. Это заставлять Пегаса — пахать [зем⟨лю⟩]. Право ⟨*1 нрзб*⟩, нужна лошадь сильнее ⟨?⟩. Пьесы Чехова — созданы, чтобы нравиться всем в театре, хорошо, не без того ⟨*4 нрзб*⟩. Но творит истинный художник для искусства. Он ведет человечество по его пути сквозь хаос к новому небу. Те — заслуживают поклонения и восторгов. С Чеховым — добиваются ⟨?⟩ хороших сборов.

Не современен.

ФРАГМЕНТ ДРУГОЙ РЕДАКЦИИ (л. 3)

исключение — роль того же Лопахина). Заранее знаешь, что такой-то [1*] в таком-то случае скажет, и это повторение героями «присвоенных» им речей, да еще с разными назойливыми словечками (их «лейтмотивами») под конец довольно-таки раздражает. Но пьеса вовремя кончается на 4-м [2*] акте эффектным закрыванием ставней.

Искать какого-либо более глубокого содержания в «Вишневом саде» совершенно бесплодно [3*]. Если есть в пьесе «идея», то разве только изображение дворянского оскудения: дворяне покидают свои разоренные имения, попадающие в руки разночинцев, а на третьем плане уже стоят босяки, которых символически изображает «прохожий» во втором акте. Но для обсуждения таких вопросов гораздо пригоднее газетные фельетоны или специальные трактаты. Искусству с ними делать нечего. Обсуждать [4*] такие вопросы в драме — значит заставлять пахать Пегаса. Право, для этого гораздо пригоднее лошади... иной породы.

Равнять Чехова с Пушкиным, Достоевским, Толстым, говорить, что «Вишневый сад» новый драгоценный вклад в русскую литературу, как это делают поклонники Чехова,— значит подвергать его ненужному унижению. «Вишневый сад»— хорошая пьеса, но это не искусство в святом смысле слова.

Чехов остался сам собой, пошел вперед в технике своего дела, но не изменился внутренне. Но жизнь пошла вперед и опередила Чехова. Когда-то сумеречные настроения его пьес гармонировали с душой человечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Александр Митрофанович *Федоров* (1868—1949) — беллетрист, драматург, поэт и переводчик. Его пьеса «Бурелом» была поставлена Александринским и Малым театрами (1900); «Старый дом» — Александринским (1901); обе пьесы шли также в провинции: «Бурелом»— в 1900 г. (Ярославль, Харьков), «Старый дом»—в 1901 г. (Ярославль) и в 1902 г. (Харьков). 15 января 1904 г. состоялась премьера «Обыкновенной женщины» в Александринском театре. В сборник пьес Федорова (СПб., 1903), кроме названных, вошла «Стихия».

[2] Л. *Жданов* (Лев Григорьевич Гельман, 1864—1951) — прозаик и драматург, автор романов-хроник, бытовых пьес и исторических драм псевдопатриотического содержания. Его пьесы ставились в Малом театре: «Она жизнь поняла...» (1895), «В северной глуши» (1897), «Ночной пикник» («На огонек», 1898); в Новом театре (Москва): «Она жизнь поняла...» (1898). Ставились его пьесы и в петербургских театрах.

[3] Героико-романтическая пьеса А. И. Сумбатова (Южина) «Измена» (1903) была написана в форме драматизированной легенды из истории Грузии. Ее премьера в Ма-

---

[1*] *Далее начато*: скажет
[2*] *Далее зачеркнуто*: действии
[3*] *Было*: бесплодная задача
[4*] *Было начато*: Вопло⟨щать⟩

лом театре 19 ноября 1903 г. имела шумный успех. Пьеса шла также в Ростове-на-Дону и в Тифлисе (1903—1904 гг.).

[4] «Бастоната» —от франц. bastonnade (палочные удары); здесь — грубый, примитивный комизм.

[5] Имеется в виду IV акт драмы А. Дюма-сына «Дама с камелиями» (1852): на веселом вечере с танцами и карточной игрой происходит драматическое объяснение между Маргаритой Готье и Арманом Дювалем.

[6] Гюго, отстаивая в «Предисловии к «Кромвелю» (1827) свободные принципы романтического искусства, протестовал против норм классицистской трагедии и, в частности, доказывал, что единство места несовместимо с художественной правдой: «...все слишком характерное, слишком сокровенное, слишком локализованное для того, чтобы происходить в передней или на перекрестке, то есть вся драма,— происходит за кулисами. На сцене мы видим, можно сказать, только локти действия; рук его здесь нет» (Виктор Г ю г о. Собр. соч. в 15 томах, т. 14. М., 1956, стр. 99).

[7] Станиславский писал об оформлении V акта «Юлия Цезаря» (премьера 2 октября 1903 г.): «Действие происходит на большой равнине, удобной для столкновения двух неприятельских войск. С помощью горизонта во всю сцену, который имеется в театре, с помощью живописной перспективы удалось добиться необходимой шири» (К. С. С т а н и с л а в с к и й. Собр. соч. в 8 томах, т.1. М., 1954, стр. 264). Далее он отмечает еще одну деталь: с помощью большого люка была создана лощина, через которую проходили войска Брута. Ко времени работы над «Вишневым садом» театр, имея уже опыт постановки «Юлия Цезаря», располагал «всеми возможностями создания иллюзии беспредельной дали в пейзажных картинах» (А. Б а с с е х и с. Художники на сцене МХАТ. М., 1960, стр. 33). Но декорация II акта «Вишневого сада» принципиально отличалась от декорации V акта «Юлия Цезаря», хотя оба спектакля оформлял один художник — В. А. Симов. В каждом спектакле оформление было подчинено общему режиссерскому решению. Имевшиеся технические средства, на которые и обратил внимание Брюсов, естественно были использованы в обоих постановках, но в общем тоне оформления было мало сходного, о чем свидетельствуют и немногие сохранившиеся в музее МХАТ изобразительные материалы: эскиз декорации II акта «Вишневого сада» (акварель В. А. Симова) и фотография V акта «Юлия Цезаря».

[8] Во второе издание Собрания сочинений Чехова, выпущенное А. Ф. Марксом в 1903 г., вошло 11 пьес (т. XIII и XIV). Двенадцатой пьесой стал «Вишневый сад», вышедший отдельной книжкой в начале июня 1904 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ФРАНЦУЗСКОЙ «АНТОЛОГИИ РУССКИХ ПОЭТОВ»

Публикация Т. Г. Динесман

Одной из весьма существенных сторон многогранной деятельности Брюсова является роль посредника между западноевропейской и русской культурой — роль, которую он взял на себя с самого начала своего творческого пути. Широко известно, сколько сделал он в этой области как переводчик, издатель, редактор журнала и критик, последовательно знакомивший Россию с современной литературой Запада. Вместе с тем, другая сторона этой деятельности — постоянное стремление Брюсова ввести западноевропейского читателя в курс литературной жизни России—очень мало изучена, и многое здесь, по-видимому, пока еще неизвестно. Так, например, за пределами внимания исследователей до сих пор оставался факт участия Брюсова в подготовке французской «Антологии русских поэтов» Жана Шюзевиля (Jean Chuzeville. Anthologie des Poètes russes. Paris, 1914) и, в частности, предисловие Брюсова к ней, хотя на существование этой работы он сам указывал (*РМ*, 1917, № 1, отд. II, стр. 8).

Поэт, критик и переводчик, Жан Шюзевиль много занимался русской литературой; помимо указанной «Антологии», он выпустил в своем переводе сборник русских народных сказок, стихотворения и повести Пушкина, ему принадлежит перевод сборника рассказов Брюсова «Земная ось» («Axe terrestre». Paris, 1914). В 1913—1914 гг. Шюзевиль вел обзоры русской литературы в парижском журнале «Mercure de France».

Обстоятельства знакомства его с Брюсовым неизвестны. По-видимому, оно состоялось в 1908 или 1909 г., в один из приездов Брюсова в Париж. Во всяком случае, к 1910 г. они уже были знакомы,— об этом свидетельствует дарственная надпись Шюзевиля на экземпляре сборника его стихов «Пыльная дорога» («La Route poudroyée». Paris, 1910), сохранившемся в библиотеке Брюсова (ГБЛ, ф. 386).

Осенью 1912 г. Шюзевиль приезжал в Россию, побывал в Петербурге и в Москве, встречался с Брюсовым. С этих пор между ними установилась оживленная переписка. Получив приглашение вести русский отдел в «Mercure de France», Шюзевиль незамедлительно обратился к Брюсову за помощью и более года систематически получал от него информацию о событиях русской литературной жизни, а также книги, необходимые для работы (см. письма Шюзевиля Брюсову за 1912—1914 гг.— ГБЛ, ф. 386.109. 28).

«Антология» Шюзевиля вышла в свет в декабре 1913 г. (см. там же, л. 9). Состав ее не вполне отвечает названию — правильнее было бы назвать книгу «антологией русского символизма», поскольку она посвящена исключительно поэзии символистов, а также молодым поэтам, истоки творчества которых так или иначе связаны с символизмом. В ее состав входят стихи Вл. Соловьева, Мережковского, Минского, З. Гиппиус, Сологуба, Бальмонта, Брюсова, Белого, Блока, Вяч. Иванова, Анненского, Кузмина, Волошина, Гумилева, А. Толстого.

Брюсов считал эту книгу немаловажным фактом в литературной жизни Франции и России, и не только потому, что это была первая попытка познакомить французских читателей с современной русской лирикой, на что он указывает в своем незавершенном отзыве об «Антологии» (ГБЛ, ф. 386. 47.18-б, л. 7). Брюсов высоко оценил переводы Шюзевиля, которые «прекрасно передают русские ритмы», а это, отмечает он, «весьма ново для французской литературы, в которой чужеземные стихи обычно передаются прозой или перекладываются «en vers français», без всякого соответствия с размерами подлинника» (там же). Шюзевиль первый сумел использовать те новые возможности, которые открывал переводчику преобразованный символистами французский

стих и на которые уже давно указал Брюсов, утверждая, что «только современный французский стих получил, наконец, способность передать музыкальную сторону русской поэзии» («Весы», 1904, № 1, стр. 73).

Предисловие Брюсова было написано в 1911 г., т. е. более чем за два года до выхода «Антологии». Это позволяет предположить, что работа Шюзевиля шла в соответствии с намеченным в этом предисловии планом. Во всяком случае, сопоставление состава сборника не только с предисловием, но и со статьями Брюсова о современной поэзии, которые в 1909—1912 гг. печатались в «Русской мысли» и затем вошли в сборник «Далекие и близкие», дает все основания считать, что взгляды Брюсова послужили для Шюзевиля ориентиром в его работе. Об этом убедительно говорят два обстоятельства: с одной стороны, творчество всех поэтов старшего поколения, чьи стихи вошли в «Антологию», получило в этих статьях Брюсова высокую оценку с точки зрения вклада каждого из них в развитие русской поэзии; с другой стороны, из множества молодых поэтов, активно заявивших о себе на рубеже 1910-х годов, в книгу включены лишь те, кого Брюсов отметил как «почти сложившихся мастеров» или «уверенно идущих к полному мастерству», тогда как ни один из поэтов, заслуживших отрицательную или хотя бы сдержанную его оценку, в сборник не вошел.

Состав и композиция «Антологии» перекликаются с одним неосуществленным замыслом Брюсова: уже в 1906 г. он считал своевременным «подвести итоги» движению символизма, «выяснить, что оно дало, отделить истинно ценное в творчестве его адептов от случайного и уродливо лишнего» (ГБЛ, ф. 386.47.18-б, л. 2). Отнюдь не претендуя на выполнение подобной задачи, «Антология» Шюзевиля построена с явным учетом этой мысли Брюсова. Та же мысль лежит и в основе предисловия к ней.

Брюсов строит свое предисловие, исходя из созданной им концепции развития русского символизма, который уже в середине 1900-х годов «перестал быть однородной группой» (там же, л. 2),— концепции, которой он намеревался посвятить незаконченную статью «Опыт о современной русской поэзии» (ГБЛ, ф. 386.37.5, л. 15—20). Однако, учитывая стоящую перед ним цель — дать читателю-иностранцу элементарное представление о поэтах, чье творчество предложено его вниманию, Брюсов ограничивает себя одной задачей: выявить в их творчестве лишь «истинно ценное». Поэтому он сознательно обходит все противоречия и срывы, все «случайное и уродливо-лишнее» как внутри символизма в целом, так и в творчестве отдельных его представителей.

Брюсов написал предисловие по-русски; на французский язык его перевел, повидимому, Шюзевиль. На титульном листе «Антологии» имя Брюсова не указано: оно стоит только под текстом предисловия (там же поставлена дата: «1912»). Публикуется по беловому автографу, текст которого почти полностью соответствует французскому переводу (ГБЛ, ф. 386.40.27, л. 1—4; дата: «1911»).

После блестящего расцвета русской лирики в начале XIX века,— расцвета, связанного преимущественно с именем Пушкина и поэтов его «плеяды»,— лирическая сила в русской литературе как бы ослабела. Вскоре по смерти Пушкина падучим метеором проблестела краткая деятельность Лермонтова (1838—1841 г.). К 50-м годам относится лучшая пора творчества Тютчева, лирика поразительно глубокого и утонченного, поэзия которого, однако, не нашла себе отголоска в широких кругах русского общества, в те годы решительно чуждого интересов искусства, и не создала своей школы. Позднее еще раздавались проникновенные песни Фета, и еще звучали, часто прекрасные, вдохновения Майкова, А. Толстого, Полонского и глубокие раздумья ученика Фета, философа Вл. Соловьева,— но они были одинокими и как бы терялись в пустоте. С 80-х годов прошлого века в русской лирике наступает глубокий упадок; стихами никто не интересуется; поэты того времени теряют даже умение владеть формой; у читателей некоторым успехом пользуются самые плоские, самые наивные повторения общих мест, изложенных в стихотворной форме.

Своим возрождением в 90-х годах русская лирика обязана отчасти обращением молодых поэтов этих дней к старым, забытым образцам, особенно к Пушкину и к Тютчеву, отчасти внимательным изучением новой поэзии Западной Европы, особенно Англии и Франции. Ознакомившись с поэзией английских прерафаэлитов и первых французских символистов, молодые русские поэты попытались перенести их завоевания в области идей и в области стиха в свою родную литературу. Они попытались расширить круг тем, разрабатываемых поэзией, затронуть те вопросы, которых их предшественники не смели касаться в стихах, усложнить и утончить русский стих, чтобы дать ему возможность выражать самые сложные и самые тонкие ощущения.

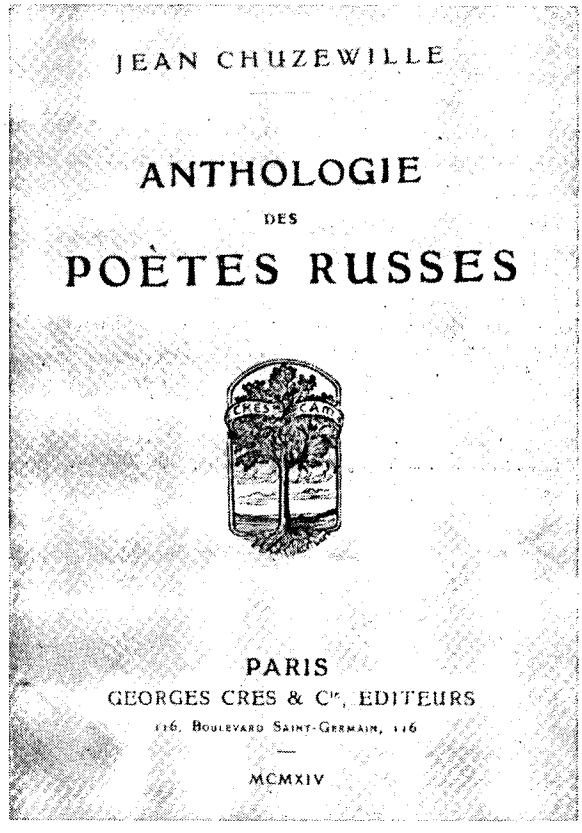
Первыми пионерами на этом пути выступил кружок поэтов, группировавшихся вокруг журнала «Северный вестник»,— Д. Мережковский, Н. Минский, г-жа З. Гиппиус и Ф. Сологуб. Д. Мережковский один из первых в русской литературе заговорил о Верлене, дал несколько прекрасных переводов Эдгара По, в своих стихах, безукоризненно сделанных, вдохновился идеями Ницше. Тому же Мережковскому Россия многим обязана в возрождении культа Пушкина. Н. Минский, автор вдумчивых поэм, переводил Метерлинка и, обладая умом философским, развивал в своих статьях новое миросозерцание, дававшее самодовлеющее значение эстетике. Изящные, изысканные стихи г-жи Гиппиус отражали ее глубокую и вполне современную душу, исполненную непримиримых противоречий. Сильный и строгий поэт, Сологуб, давший также ряд прекрасных переводов ⟨из⟩ Верлена, воплотил в своих стихах темное начало жизни, написал гимны Греха и Смерти.

Несколькими годами позже выступили писатели, сгруппировавшиеся вокруг московского книгоиздательства «Скорпион» и издававшегося им журнала «Весы». Руководителями этой группы обыкновенно называют К. Бальмонта и пишущего эти строки. К. Бальмонт воспитался преимущественно на поэтах английских; он подарил русской литературе совершенные переводы Шелли и Эдгара По. В своих собственных поэмах он достиг еще небывалой в русской лирике мелодичности. Поэт оттенков, он чарует читателей музыкой своего стиха и кажется волшебником Орфеем, заставляющим своей лирой двигаться камни. Поэт мимолетного, он сумел запечатлеть в своих строфах самые тонкие, едва уловимые переживания современной души. Что до пишущего эти строки, то, предоставляя другим оценивать его деятельность как поэта, он считает возможным здесь сказать, что немало работал над ознакомлением русских читателей с новыми французскими поэтами. Им изданы отдельными книгами переводы Верлена, Верхарна, Метерлинка и особый том, посвященный всем новым французским поэтам. Им написан также ряд теоретических статей, в которых он исходит от многозначительной идеи Ст. Малларме о символе.

Несколько позже к той же группе примкнули А. Белый и А. Блок. Они внесли в русскую лирику новое веянье — веянье мистицизма. В задумчивых стихах А. Блока о «Прекрасной Даме» и в огненных, несколько беспорядочных, но ослепляющих стихах исключительного верлибриста А. Белого — выразилась тоска по вечному. Стихи А. Белого замечательны еще по совершенно свежему словарю, которым пользуется поэт, смело создающий неологизмы и воскрешающий забытое значение слов.

Отдельно стоит Вяч. Иванов, выступивший в литературе сравнительно поздно, уже не молодым человеком. Обладающий энциклопедическими познаниями, замечательный знаток античного мира, он принес в литературу силу и зоркость ума глубокого и опытного. Это не мешает его поэмам быть исполненными страсти, а самому поэту — быть смелым новатором в области стихосложения. В творчестве Вяч. Иванова веет дух зрелой мудрости, крепкой воли и нестареющего юношеского увлечения.

«АНТОЛОГИЯ РУССКИХ ПОЭТОВ». ПАРИЖ. 1914
С предисловием Брюсова
Титульный лист



Еще более в стороне от литературного движения стоял И. Анненский, также преданный античному миру, профессор Петербургского университета[1]. Его поэзию оценили лишь после его смерти (1910 г.). Это — поэт-импрессионист, стихи которого ближе всего подходят к поэмам «Jadis et Naguère» Верлена. Анненский также много переводил Верлена и других французских поэтов.

Более молодое поколение, частью по возрасту, частью по году выступления в литературе, образуют — Кузмин, М. Волошин, Н. Гумилев, А. Толстой. Кузмин, напитанный духом французского XVIII века,—поэт изысканных поэм, немного жеманных, но иногда и очаровательных по своей намеренной простоте. М. Волошин, отправляющийся преимущественно от поэзии парнасцев, любит создания строгие, законченные, несколько холодные, но часто похожие на обдуманные комбинации драгоценных камней. Н. Гумилев — поэт зрительных картин, может быть, не всегда умеющий сказать новое и неожиданное, но всегда умеющий избежать в своих стихах недостатков. А. Толстой вдохновляется русской родной стариной и воссоздает, в новой форме, народные песни и сказания[2].

Перечисленными поэтами, конечно, не ограничивается круг русских лириков конца XIX и начала XX века. Много других имен могли бы найти себе по праву место рядом с названными. Оживление интереса к поэзии, новые завоевания в области стихотворной техники вызвали к деятельности громадное число молодых поэтов, из которых многие так или иначе оставили свой след в истории поэзии или хотя бы в истории русского стиха. Не всегда объединенные в одну группу, часто распадаясь на враждующие между собой школы, они все же образовывали единое, общее течение, которое

вновь подняло значение русской лирики, поставило ее в уровень с лирикой других стран. И в настоящее время, оглядываясь на этот период, который можно считать уже завершившимся, все участники этого движения могут сказать, что они сделали свое дело: они вновь заставили своих современников читать стихи; они вернули поэзии ее высокое назначение и вновь потребовали от поэта, чтобы он был не милым рассказчиком никому уже не нужных пустяков, но глашатаем и открывателем новых истин, тех, которых страстно ищет душа современного человека.

1911

[1] Неточность: И. Ф. Анненский не был профессором Петербургского университета; он преподавал на петербургских Высших женских курсах и был директором Царскосельской гимназии.

[2] В 1911 г. вышел сборник стихов А. Н. Толстого «За синими реками», целиком посвященный разработке мотивов народного творчества. Брюсов высоко оценил эту книгу («Новые сборники стихов»— *РМ*, 1911, № 2); стихи из нее Шюзевиль включил в свою «Антологию». Об отношении Брюсова к творчеству других молодых поэтов, отмеченных им в публикуемом предисловии, см. наст. том, стр. 205—209.

‹ОБ ОТНОШЕНИИ К МОЛОДЫМ ПОЭТАМ›

Предисловие и публикация Т. В. Анчуговой

Нередко молодые поэты обращались к Брюсову с настойчивыми просьбами дать оценку их стихам. Однако «в девяти случаях из десяти» его критика вызывала негодование начинающего автора, «и он,— пишет Брюсов,— заявлял мне, что я это говорю из зависти, что мои собственные стихи ничем не лучше» (ГБЛ, ф. 386.53.12, л. 31). В 1913 г. такое обвинение появилось уже в печати: на критический отзыв Брюсова о втором сборнике Марины Цветаевой (*РМ*, 1912, № 7) поэтесса ответила стихотворением «В. Я. Брюсову», где прямо упрекнула своего критика в зависти (Марина Цветаева. Из двух книг. М., 1913). Вероятно, именно этот упрек, который Брюсов цитирует в начале публикуемой заметки, привел его к мысли ответить на подобные обвинения, осветив свою роль открывателя и руководителя молодых талантов.

Свой ответ Брюсов облек в форму краткой заметки, предназначенной для неосуществившегося сборника «Miscellanea» (черновой автограф ее сохранился в архиве Брюсова среди материалов сборника). Брюсов готовил «Miscellanea» осенью 1913 г. для издательства «Сирин», затем предполагал выпустить сборник в издательстве «Альциона» (см. письмо Р. В. Иванову-Разумнику от 3 сентября 1913 г.— ГБЛ, ф. 386.71.19; *Ашукин*, стр. 320). О намерении включить в сборник «возражения полемические» и «ответы» критикам Брюсов сообщал в предисловии к нему (ГБЛ, ф. 386.53.8а, л. 1). К их числу относится публикуемый ответ, целиком выдержанный в жанре «Miscellanea» (ср.: *Избр. соч. 1955*, т. 2, стр. 535—559).

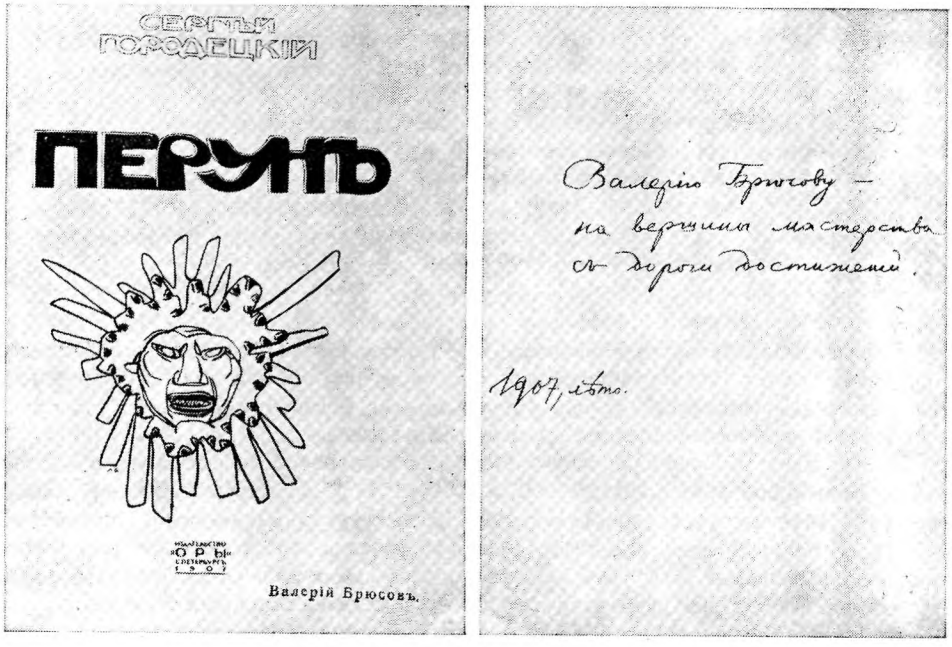
Брюсов писал его не ранее июля 1913 г. (упоминаемая здесь рецензия на драму И. Анненского «Фамира-кифаред» появилась в июле 1913 г.— *РМ*, № 7) и не позже ноября того же года (характер упоминания об Н. Г. Львовой свидетельствует, что заметка писалась до ее самоубийства, т. е. до 23 ноября 1913 г.).

К теме, затронутой здесь, Брюсов обращался неоднократно (см. наст. том, стр. 524; «Письмо М. Г-овой» — «Новый мир», 1926, № 6; «Вчера, сегодня, завтра русской поэзии» — «Печать и революция», 1922, № 7, стр. 48). К публикуемой заметке примыкает «Открытое письмо молодым поэтам» (ГБЛ, ф. 386.53.17), в котором Брюсов отвечает на упреки в невнимании к молодым авторам, чьи письма остались без ответа: «...продолжая получать сотни тетрадок со стихами в год, ‹...› я отныне ставлю себе правилом отвечать лишь тем авторам, которые покажутся мне людьми талантливыми» (л. 14).

Жестоко упрека‹ли› меня как критика, находя, что я слишком беспощадно отношусь к стихам молодых поэтов; видели в этом даже зависть. Одна поэтесса так и писала, что вся моя поэзия создана

из книг
Да *из зависти* критика...

Но — во-первых. Оценивая стихи, я предъявляю поэту требования *высокие* и считаю, что это — долг критика. Право на существование имеют лишь те поэты, которые вносят что-то новое в область поэзии. Перепеватели чужого, хотя бы и искренние, не нужны. Я считаю себя вправе решительно отвергать стихи тех молодых поэтов, в которых не чувствую будущего истинного поэта, а до того, искренно ли писал свои строфы юный стихотворец, «плакал ли» он, их сочиняя, мне нет дела.

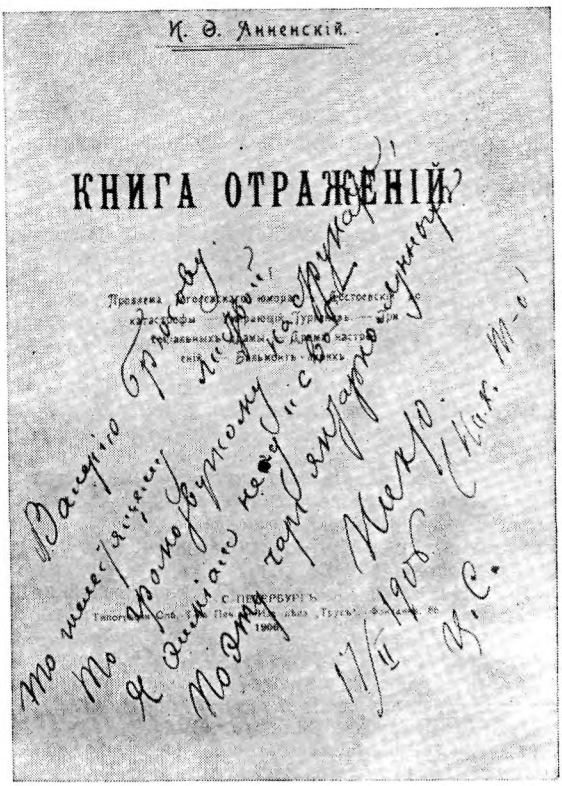


ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ С. М. ГОРОДЕЦКОГО
на сборнике стихов «Перун». СПб., 1907:
«Валерию Брюсову — на вершины мастерства с дороги достижений. 1907, лето»
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

А — во-вторых. Скольких истинных поэтов я первый «представил» читателям! Я горжусь этой стороной своей деятельности. В свое время, юношей, я оценил поэзию и личность Александра Добролюбова [1–2]. Я был один из первых, кто приветствовал Ив. Коневского [3]. Под моим влиянием была издана «Скорпионом» первая книга Андрея Белого «Симфония II», и под моей редакцией печатались его первые стихи в «Северных Цветах» [4]. То же — стихи А. Блока [5]. Я взял под свое «покровительство» в редакции «Весов» Н. Гумилева и решительно защитил его от столь же решительно отрицательных его оценок (которые высказывала, например, З. Гиппиус) [6]. Я отметил в свое время достоинства первой книги Анненского, не зная, кто ее автор [7]. Я был «крестным отцом» в литературе С. Городецкого,— хотя позднее и сурово относился к его новым книгам [8]. Я «разыскал» М. Кузмина, тогда никому не известного участника «Зеленого сборника», и ввел его в «Весы» и «Скорпион». То же сделал я для его тогдашнего сотоварища Верховского, но в то же время определенно говорил (мнение, которого я держусь и теперь), что его поэзия гораздо менее самостоятельна и менее значительна, чем поэзия Кузмина [9]. Я один из первых приветствовал стихи Игоря Северянина [10].

Упомяну о том, что я всегда любил Ф. Сологуба и радостно встречал его новые книги (кроме «Мелкого беса», который мне не очень нравится), когда его мало кто хотел читать [11]. Что я первый рекомендовал Вячеслава Иванова —«Новому пути» и, сколько мог и умел, содействовал его вступлению на широкий литературный путь [12]. (Конечно, его высокое дарование не нуждалось ни в чьей помощи, и я говорю это не для того, чтобы заявить претензию на какую-либо признательность, но чтобы защитить себя от упреков в неумении различать истинную поэзию от ложной).

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
И. Ф. АННЕНСКОГО
на титульном листе
«Книги отражений». СПб., 1906:
«Валерию Брюсову.
То шелестящему листвой,
То громкозвучному на струнах,
Я фимиам несу и свой
Поэту чар янтарно-лунных.
Никто
17/II 1906 (Ник. Т—о). Ц. С.»
Библиотека СССР им. В. И. Ленина,
Москва



И сколько еще молодых поэтов мне обязаны своим первым появлением в печати! Не перечисляю всех имен, но назову только Н. Львову [13]. Перечитайте стихи в книжках «Весов» и «Русской мысли», когда я заведовал стихотворными отделами этих журналов. Сколько имен, тогда мало кому известных, но теперь «признанных». И много ли, наоборот, таких имен, за появление которых в печати меня можно упрекнуть.

Добавлю еще, что я обратил внимание читателей на Леонида Андреева и на Б. Зайцева, когда они едва *начинали* свою деятельность (мои статьи в английском «Athenaeum») [14].

Вряд ли критик может быть непогрешимым. Совершал ошибки и я. Могу покаяться в том, что, отметив первое выступление И. Анненского, я не сделал достаточно энергичных попыток привлечь его к участию в «Весах»; позднее отнесся строго к его драме «Лаодамия» (она и теперь мне кажется самым слабым из его произведений). Но этот «грех» я искупил, правда, своей рецензией о его посмертных книгах [15]. Может быть, мне следовало более внимательно отнестись к Виктору Гофману. Я тоже *первый* начал печатать его стихи (в «Северных цветах»), но потом, под влиянием чисто личных отношений, несколько разошелся с ним как с человеком и некоторое время просто 〈?〉 *не настаивал* на его сотрудничестве в «Весах». Позднее, однако, мы вновь сблизились, и он в «Весах» работал и помещал стихи [16].

Позднее найдут и другие мои промахи. Но я «с чистым сердцем» не помню ни одной крупной своей ошибки, напротив 〈?〉. Я не помню, чтобы я резко отрицательно высказался о поэте, который позднее выказал подлинное дарование, и, наоборот, я не помню, чтобы я настойчиво рекомендовал стихи поэта, который позднее обнаружил свое творческое убожество.

Да, я сурово отзывался о многих и многих авторах стихотворных сборников... Но где они теперь, авторы этих сборников?.. Я вижу необходимым признать, что вся современная русская поэзия (если оставить в стороне поэтов старшего поколения) меня не удовлетворяет.— Но разве уж так радует ⟨?⟩ современная молодая поэзия?

⟨1913⟩

Черновой автограф. ГБЛ, ф. 386.53. 12, л. 29—30.

[1] Марина Цветаева. Из двух книг. М., 1913, стр. 23

[2] Об А. М. Добролюбове см. наст. том, стр. 379. «Он талантливейший и оригинальнейший из нас, из числа новых поэтов»,— утверждал Брюсов в 1898 г. (*Дневники*, стр. 43). «Собрание стихов» Добролюбова (М., 1900) было первой книгой, выпущенной издательством «Скорпион».

[3] Ив. *Коневской* (Иван Иванович Ореус, 1877—1901) — поэт-символист. «Жду от него много»,— писал Брюсов в 1898 г., а после выхода первого сборника Коневского («Мечты и думы». СПб., 1900) считал его поэзию «одной из замечательнейших на рубеже двух столетий» (*Дневники*, стр. 70, 78). Трагическая смерть Коневского глубоко потрясла Брюсова (см. наст. том, стр. 646). В статье «Мудрое дитя» Брюсов отмечал среди достижений Коневского философский характер его лирики и поиски новых поэтических форм («Мир искусства», 1901, № 8-9). Эта статья вошла в качестве предисловия в собрание сочинений Коневского, вышедшее под редакцией Брюсова («Стихи и проза». М., «Скорпион», 1904).

[4] А. Белый. Симфония (2-я драматическая). М., «Скорпион», 1902; А. Белый. Призывы. I—VIII (*СЦ — 1903*). См. также наст. том, стр. 328.

[5] А. Блок. Стихи о Прекрасной Даме. I—X (*СЦ — 1903*). О привлечении Блока к сотрудничеству в «Весах» см.: *Блок*, т. 8, стр. 71, 72, 76, 88—89, 112.

[6] Брюсов одобрительно отозвался в «Весах» (1905, № 11; 1908, № 3) о первых книгах Н. С. Гумилева («Путь конквистадоров». СПб., 1905; «Романтические цветы». Париж, 1908). В начале 1906 г. он писал ему: «... мне очень бы хотелось, чтобы вы стали нашим постоянным вкладчиком: присылайте ⟨...⟩ стихи, рассказы, статьи, заметки о книгах» (ГБЛ, ф. 386.84.19, л. 42). С 1906 г. Гумилев стал активным сотрудником «Весов». «Вы сделали все, чтобы вывести меня на путь известности»,— писал он Брюсову 22 апреля 1908 г. (ГБЛ, ф. 386.84.19). В 1910 г. в изд-ве «Скорпион» вышел его сборник «Жемчуга». Эта книга, а также сб. «Чужое небо» (СПб., «Аполлон», 1912) получили высокую оценку Брюсова (*РМ*, 1910, № 7; 1912, № 7). Однако вскоре Брюсов выступил против «бесплодного притязания» Гумилева создать «школу акмеизма» (*РМ*, 1913, № 4), и после этого отношения их осложнились (сообщено Д. Е. Максимовым). О резко отрицательной оценке Гумилева со стороны З. Н. Гиппиус см. наст. том, стр. 691.

[7] О первой книге И. Анненского (Ник. Т-о. Тихие песни. СПб., 1904) Брюсов писал: «Книга Ник. Т-о — дебют не известного нам автора. У него хорошая школа ⟨...⟩ В нем есть художник, это уже явно» («Весы», 1904, № 4, стр. 62—63).

[8] «Поиски «молодых» и «новых» идут очень успешно,—писал Брюсов С. А. Полякову 19 января 1906 г.— Во-первых, нашел очень юного и очень интересного поэта *Городецкого*» (ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 33). Позднее Городецкий вспоминал: «Брюсов был одним из первых людей, сказавших мне слова привета и поощрения, и так сказал он это дружески и веско, что именно ему в «Весы» я отдал свои любимые тогда стихи» («Красная нива», 1925, № 41, стр. 979). Эти стихи были напечатаны в «Весах» (1906, № 6). В отзыве о первом сборнике Городецкого («Ярь». СПб., 1907) Брюсов сочувственно отметил «юношескую дерзость обещаний», «новизну песен, запетых на свой лад» («Весы», 1907, № 2), однако о новых его книгах («Перун». СПб., 1907; «Ива». СПб., 1913) отозвался очень холодно, считая, что автор не оправдал возлагавшихся на него надежд («Весы», 1907, № 10; *РМ*, 1913, № 4).

[9] «Зеленый сборник стихов и прозы (Юрий Верховский, Вл. Волькенштейн, К. Жаков, П. Конради, М. Кузмин, В. Менжинский)». СПб., кн-во «Щелканово», 1905. Рецензию Брюсова на эту книгу см.: «Весы», 1905, № 1. 19 января 1906 г. он писал С. А. Полякову: «....нашел весь состав «Зеленого сборника», из которого *Верховский* и *Кузмин* могут быть полезны как работники в разных отношениях» (ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 33). Оба поэта стали постоянными сотрудниками «Весов», их книги выходили в изд-ве «Скорпион». Брюсов высоко ценил «блестящее мастерство» Кузмина и его «власть над стилем» («Весы», 1907, № 7, стр. 80—81). «Чувство нежной и благодарной гордости,— писал Кузмин,— не позволяет мне умолчать, что первое одобрение имел я от В. Я. Брюсова» («Книга о русских поэтах последнего десятилетия». Под ред. М. Гофмана. СПб.— М., 1909, стр. 383). Об Ю. Н. Верховском и отношении к нему Брюсова см. наст. том, стр. 495.

[10] Первые выступления Игоря Северянина вызвали сочувственные отзывы Брюсова, который считал его поэтом «с дарованием, бесспорно выдающимся», и ценил его по-

пытки «обновить поэтический язык» (*РМ*, 1913, № 3, стр. 126; 1911, № 7, стр. 24). В декабре 1912 г. Брюсов организовал в обществе «Свободная эстетика» вечер И. Северянина. Однако его новый сборник («Златолира». М., 1914) разочаровал Брюсова «шаблонностью ритма», «бесцеремонным обращением со словами», «узостью и однообразием тем» (*РМ*, 1914, № 6, отд. III, стр. 15—16). Эта оценка вызвала со стороны Северянина упрек в зависти, на который Брюсов отвечал в статье «Игорь Северянин» (сб. «Критика о творчестве Игоря Северянина». М., 1916).

[11] Ф. Сологуб — постоянный участник изданий, возглавлявшихся Брюсовым: он печатался в «Северных цветах» и в «Весах», его книги издавал «Скорпион». В рецензиях 1904—1910 гг. Брюсов неизменно отмечал его как замечательного мастера стиха («Весы», 1904, № 11; 1905, № 3; 1908, № 6; *РМ*, 1910, № 3). В то же время Брюсов не поддержал предложение Сологуба издать в «Скорпионе» роман «Мелкий бес» (см. письма Сологуба к нему от 7 и 23 июня 1904 г., 17 октября 1905 г.— ГБЛ, ф. 386.103. 25—26).

[12] «Вячеслав Иванов — настоящий художник, понимающий современные задачи стиха»,— писал Брюсов в рецензии на его первый сборник «Кормчие звезды» (*НП*, 1903, № 3, стр. 213). Подробно об отношениях Брюсова с Ивановым и об оценках его поэзии см. наст. том, стр. 428—433.

[13] Надежда Григорьевна *Львова* (1891—1913) дебютировала в 1911 г. в журнале «Русская мысль» (№11). Единственный сборник ее стихов («Старая сказка». М., «Альциона», 1913) вышел с предисловием Брюсова.

[14] В обзорной статье «Русская литература за 1901 год» Брюсов назвал рассказы Л. Андреева «ценным приобретением» литературы; в обзоре за 1902 г. отметил успех его первого сборника и оценил рассказ «Бездна» как лучший в нем; в последующих обзорах указал на достоинства повести «Жизнь Василия Фивейского» и рассказа «Красный смех» («The Athenaeum», 1902, № 3897, 5 июля; 1903, № 3949, 4 июля; 1904, № 4010, 3 сентября; 1905, № 4068, 14 октября. См. также: С. П. Ильёв. Статьи В. Брюсова в журнале «The Athenaeum».— *Чтения 1971*, стр. 572—574). Упоминания о Б. Зайцеве в этом журнале не обнаружены.

[15] Упрек в замалчивании И. Анненского принадлежит Гумилеву («Аполлон», 1910, № 9, стр. 44). В рецензии на второй, посмертный сборник Анненского Брюсов писал: «Истинный поэт, тонкий критик, исключительный эрудит, человек всегда и во всем оригинальный, на других не похожий, И. Анненский должен был, наконец, обратить на себя внимание «большой публики» (*РМ*, 1910, № 6, отд. III, стр. 162). Драму Анненского «Фамира-кифаред» Брюсов считал «бесспорно гораздо выше» его трагедии «Лаодамия» (*РМ*, 1913, № 7, отд. IV, стр. 266).

[16] О В. В. Гофмане см. наст. том, стр. 653.

СТАТЬИ, РЕЧИ, ДОКУМЕНТЫ

Публикация Н. А. Трифонова, Т. В. Анчуговой, К. С. Герасимова, Т. Г. Динесман, К. Н. Суворовой

Предисловие Н. А. Трифонова

Подобно многим русским писателям Брюсов на протяжении всего своего творческого пути был не только художником слова, но и литературным критиком, историком литературы, теоретиком искусства, организатором литературной жизни, руководителем литературных объединений. Эту свою деятельность, которой поэт всегда отдавал много сил, он со всей энергией продолжал и после Великой Октябрьской социалистической революции.

В качестве заведующего Литературным отделом Наркомпроса, председателя Союза поэтов, редактора журнала «Художественное слово», рецензента Госиздата, автора многочисленных статей и обзоров в «Печати и революции», председателя многих литературных вечеров и диспутов, одного из руководителей художественного образования страны, преподавателя ряда литературных учебных заведений — он много писал и говорил о вопросах литературы, рассматривал и обсуждал ее насущные проблемы, характеризовал отдельных писателей и оценивал их произведения.

Во всех этих выступлениях проявились многие черты, свойственные Брюсову-критику и до революции. Он так же пристально следил за развитием литературы, прежде всего поэзии, проявлял глубокое и тонкое понимание вопросов формы и поэтического мастерства, был требователен к художественному качеству литературных произведений, с особым вниманием относился к творчеству молодых талантов, поддерживал и направлял их первые шаги.

Но в послереволюционной работе Брюсова-критика выступают и важнейшие новые черты. Тот решительный перелом, который произошел во всей жизни Брюсова, во всем его мировоззрении, во всем его творчестве под влиянием великих социальных событий, не мог не отразиться и на его литературно-эстетических позициях и взглядах. У Брюсова послеоктябрьских лет появляются новые критерии оценки литературных произведений, только намечавшиеся в его статьях начала 1910-х годов; он все больше внимания уделяет социально-идейному содержанию и общественной роли художественного творчества, принимает активное участие в обсуждении животрепещущих вопросов о путях новой литературы, порождаемой революцией, проявляет особый интерес к стихам пролетарских поэтов.

Брюсов все больше ценит и выдвигает на первый план реалистические, социально-познавательные и воспитательные качества литературы, ждет от писателей в первую очередь отражения современности, выражения характерных для нее переживаний, критически расценивает неопределенность взглядов и позиций художника, приветствует здоровые, бодрые ноты в лирической поэзии. При этом его внимание, его требовательность к формально-художественной стороне, к художественной ткани произведений ни в какой мере не ослабляются. Откликаясь, например, на книгу стихов А. Безыменского «Как пахнет жизнь» (1924), он подчеркивает: «Чтобы человек с «октябрьскими» мыслями и настроениями стал «октябрьским поэтом», надо, чтобы он то и другое умел претворять в поэзию. Просто перекладывать в стихи марксистские положения недостаточно» (ГБЛ, ф. 386.37.2).

Указанные особенности Брюсова — критика, Брюсова-теоретика литературы отчетливо раскрываются и в тех неопубликованных материалах, которые вошли в настоящий раздел.

Он открывается наброском проекта воззвания от имени московских писателей, написанным в марте 1917 г. под впечатлением только что совершившегося февральского переворота.

Содержащееся в этой декларации утверждение, что «теперь исполнились лучшие чаяния прекраснейших умов нашей истории», свидетельствует, что Брюсовым еще владели тогда либеральные иллюзии. Это было совершенно закономерно: такое огромное событие, как свержение самодержавия, сотни лет угнетавшего народные массы, вскружило голову многим и более последовательно демократически настроенным интеллигентам, еще не выстрадавшим тогда верного политического мировоззрения.

Но важно, что Брюсов выступает в этом документе как писатель-гражданин, подчеркивающий в качестве главного достоинства всей передовой русской литературы ее освободительно-демократический характер и сознающий себя продолжателем этих высоких заветов. В прошлом певец индивидуалистической личности, Брюсов теперь заявляет, что задача писателей раскрывать, чем люди живы в данное время. Поэтому основной темой его воззвания оказывается актуальнейший вопрос о прекращении войны, об установлении мира. Брюсов находит сильные, выразительные слова о войне как величайшем зле и о том, что́ должно быть достигнуто в нашей стране после окончания войны, хотя, как показала брошюра писателя «Как прекратить войну», он еще заблуждался в вопросе о путях достижения мира.

Проект брюсовского воззвания остался нереализованным. Очевидно, слишком разнородны социально и политически были тогдашние писательские круги, и Брюсову пришлось убедиться в нереальности и невозможности для того времени провозглашаемого им тезиса о стремлении писателей «освободиться от ⟨...⟩ влияния мнений личных, групповых, классовых».

К предоктябрьским месяцам 1917 г. относится и незаконченная статья, начинающаяся словами «Тридцать лет тому назад...». В ней выражена глубокая неудовлетворенность тогдашней поэзией, обнаружившей полное бессилие перед лицом «событий важности неизмеримой».

Брюсов успел сказать здесь конкретнее только о своих недавних соратниках и коллегах по символизму. Вспоминая о их прошлых успехах, он теперь не видит в поэтах-символистах прежней силы, не ждет от них «ничего такого, что глубоко потрясло бы душу». Эта оценка вызвана была не только тем, что большинство поэтов символистского лагеря явно мельчало и деградировало, теряло свое художественное значение, но прежде всего тем, что изменился сам Брюсов.

Можно сказать, что, намечая те требования, которым должен удовлетворять настоящий поэт, Брюсов готов вслед за Я. Полонским провозгласить: «Писатель, если только он// Волна, а океан — Россия, // Не может быть не возмущен, // Когда возмущена стихия». Вскоре — в стихах, составивших сборник «В такие дни»,— он сам реализует эти требования.

В полной мере новое качество в высказываниях и раздумьях Брюсова о литературе проявилось в его статьях и выступлениях начиная с 1920 г. К ним следует причислить и статью «Октябрь и литература». Она была опубликована тогда без подписи автора в качестве передовицы, открывавшей № 2 редактировавшегося Брюсовым журнала «Художественное слово». Мы перепечатываем эту статью как принадлежащую перу Брюсова.

Здесь со всей отчетливостью выражено ожидание художественных произведений, «которые воплотят в себе дух нашей революции», уверенность в том, что русские писатели, оставшиеся верными своему народу, поймут величие переживаемого исторического момента и найдут яркие образы для его воплощения. Жизнь вскоре оправдала надежды и прогнозы Брюсова.

Если на пороге Октября Брюсов еще не находил ничего принципиально нового в текущей поэзии, не видел настоящих откликов на явления и события современности, то в 1920 г. он уже говорит о начале обновления, начале возрождения поэзии.

В это время он неоднократно выступает перед различными аудиториями с лекциями о путях и задачах поэзии. Фрагменты этих лекций составили его статью «Смысл современной поэзии», напечатанную в «Художественном слове» (1920, № 2). К ней примыкает и тот текст, который мы печатаем в настоящем томе, озаглавив его брюсовскими словами «Мы переживаем эпоху творчества» (в рукописи он без названия и без начала). Повторяя в какой-то мере некоторые положения упомянутой статьи из «Художественного слова», публикуемый текст существенно их дополняет и развивает. Со всей силой звучит здесь мысль о живительности и целебности для поэзии воздействия революции. Надо учесть, что Брюсов провозглашал эту мысль, когда многие из литераторов дореволюционной формации, в том числе из его бывших коллег, заявляли о губительности революции для художественного творчества. «Прикасаясь к революции,— писал Брюсов,— поэт невольно расширяет свой кругозор, для него встают большие, мировые вопросы, и личные его переживания невольно связываются с чувствами и надеждами масс». В этих словах отражался собственный опыт их автора. Это он сам, прикасаясь к революции, грандиозно расширял свой кругозор. Это у него «субъективное» растворялось «в сознательном выражении переживаний коллективных». Это его поэзия переставала «быть только поэзией своего Я» и выходила «на следующую ступень лестницы, которая ведет к искусству человечества в его целом».

Статья проникнута заботой о том, чтобы литературное творчество не отставало от стремительно развивающейся и меняющейся жизни. Пафос статьи в утверждении необходимости для современной литературы новаторства, исканий в области и содержания и художественной формы. Брюсов, в частности, ставит вопрос, очень актуальный и сегодня: как литература может пойти в ногу с совершающейся в мире научно-технической революцией, с «электризацией нашей жизни», по его выражению.

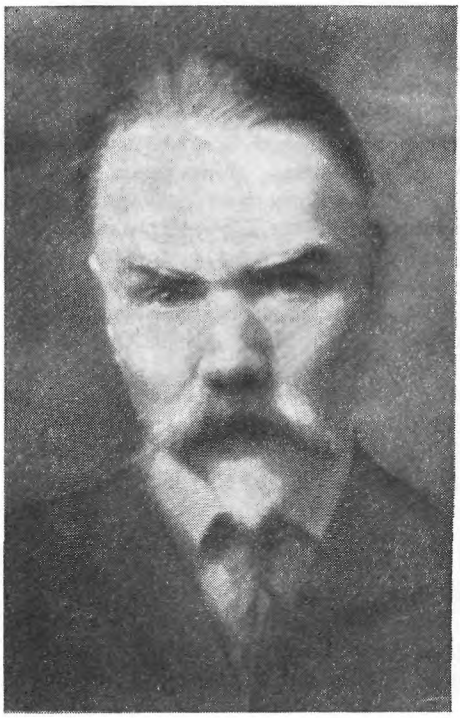
Далеко не все бесспорно в высказываниях Брюсова, особенно там, где он делает слишком прямолинейные выводы из тезиса об ускорении темпа нашей жизни, требует революции языка, говорит о необходимости нового синтаксиса, отвергает плавную и якобы слишком многословную речь поэтов XIX в., призывает «откинуть в речи все лишнее, сжать ее до последней остроты, оставив только слова значимые и горящие собственным светом». Эту программу, включающую отказ в поэзии от придаточных предложений с их соединительными словами, пропуск глаголов и т. п., сам Брюсов, со свойственной ему и прежде склонностью к максимализму в разных сферах, пытался реализовать в своих стихах последних лет, но часто не достигал успеха. Брюсов готов был принести в жертву новым художественным устремлениям «ясность выражения», однако на практике это давало отрицательный художественный эффект.

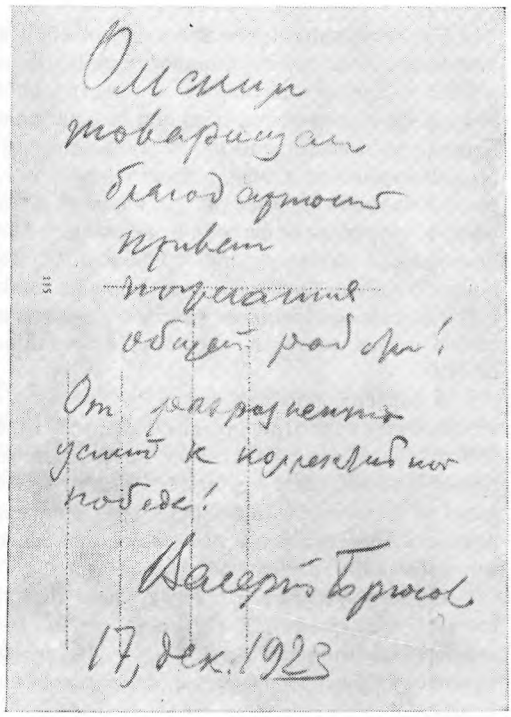
Можно найти в статье и переоценку значения так называемых левых течений в тогдашней поэзии, и некоторые другие ошибочные утверждения. Но публикуемая статья интересна для историка литературы и этими своими элементами, отражающими увлечения и искания, свойственные Брюсову и вообще литературной жизни тех лет.

Литературно-эстетические позиции Брюсова послеоктябрьских лет, Брюсова-коммуниста нашли выражение и в его конкретной критической практике, в частности в его рецензиях на книги и рукописи разных авторов.

Ниже печатается несколько образцов кратких рецензий на рукописи, поступившие в Литературный отдел Наркомпроса. Очень характерно, что в отзыве на сборник стихов В. Ильиной Брюсов выступает с осуждением «мелочного анализа узкосубъективных переживаний, весьма не новых». А в рецензии на книгу стихов К. Большакова он с одобрением отмечает, что, кроме стихов, «интересных лишь для ограниченного круга читателей», у автора есть произведения, «имеющие право на общее внимание». Для Брюсова теперь тема переживаний какой-нибудь «босоногой солдатки» или описание современной казармы гораздо важнее, значительнее, чем мечты об экзотических странах со «знойными мулатками» и прочими традиционными атрибутами.

Работая в эти годы в разных отделах Наркомпроса, Брюсов, как известно, был одним из ближайших сотрудников и помощников А. В. Луначарского в области и библиотечного дела, и литературной политики, и художественного образования. Их сотрудничество было длительным, успешным и плодотворным, потому что в это время их взгляды по основным вопросам культурного строительства оказались во многом





БРЮСОВ

Фотография, 1923

С дарственной надписью на обороте: «Омским товарищам благодарность. привет, пожелания общей работы! От разрозненных усилий к коллективной победе! Валерий Брюсов. 17, декабрь 1923»

Собрание Л. Н. Мартынова, Москва

совпадающими или близкими. Отношения между поэтом и наркомом просвещения характеризовались большим взаимным уважением. Об этом свидетельствует и новый документ, публикуемый нами: написанное Брюсовым в 1920 г. от имени коллегии ЛИТО приветствие Луначарскому в связи с двадцатилетием его литературной деятельности.

Приветствие перекликается с известным стихотворением «А. В. Луначарскому», вошедшим в сборник «В такие дни». Здесь есть даже текстуальные совпадения. Например, абзац приветствия, начинающийся словами: «С одной стороны, стоя в рядах передовых борцов за новую, пролетарскую культуру, вы указываете товарищам, какие из культурных завоеваний прошлого должны быть сбережены и могут быть восприняты новым, борющимся миром»,— напоминает строфу:

Стоя первым в ряду озаренном
Молодых созидателей, ты
Указал им в былом, осужденном,
Дорогие навеки черты.

Брюсов на собственном опыте убедился в том, как ленинский нарком умел уяснить деятелям культуры «все значение новой, открывающейся перед ними работы и направить все их знания, все их способности на те пути, где они должны принести наибольшую пользу молодой советской России», как он

Открывая им светлые дали,
Дал им слышать грядущего зов,
Чтоб их струны созвучно звучали
С хором новых живых голосов.

(Из чернового варианта стихотворения)

Не менее характерен для послеоктябрьского Брюсова и другой публикуемый нами документ того же жанра: приветствие Всеволоду Мейерхольду по случаю отмечавшегося в 1923 г. двадцатипятилетия его театральной деятельности. С Мейерхольдом Брюсов находился в творческом общении еще с середины 1900-х годов, принимая участие в работе «Студии на Поварской», задуманной как экспериментальный филиал Московского Художественного театра. Своими статьями и выступлениями по вопросам театра, своими атаками на «ненужную правду» в театре и защитой театра условного Брюсов оказал несомненное влияние на позиции Мейерхольда тех лет. Во многом сходными оказались и их дальнейшие судьбы: оба они, преодолев декадентство, встали на сторону Октября, активно включились в строительство новой культуры, возглавляли в Наркомпросе отдельные участки художественной работы, отдавали много сил воспитанию новых деятелей искусства в созданных ими художественно-учебных учреждениях.

В дореволюционную эпоху Брюсова и Мейерхольда сближали искания новых театральных форм. Приветствие 1923 года говорит о том, что для Брюсова в искусстве Мейерхольда теперь важно не просто новаторство, смелые поиски еще неизведанных путей, а стремление «возвратить театру значение учителя жизни, <...> помочь ему давать, в художественной форме, ответы на *социальные* вопросы». Примечательна и уверенность Брюсова в том, что «при социальных условиях, созданных в РСФСР», наступит небывалый расцвет всех искусств.

И до революции и после Брюсов играл активную роль в ряде литературных обществ и объединений. В частности, он был некоторое время одним из первых председателей образовавшегося в 1918 году Всероссийского союза поэтов. С этой линией деятельности Брюсова связан текст его выступления 1923 года на праздновании пятилетия Союза.

В приветственной речи Брюсова звучит настоятельное пожелание, чтобы Союз поэтов оказался «деятельным сотрудником в том строительстве новой жизни, которое так энергично продолжает наша молодая Республика». Однако Союз поэтов не смог по-настоящему осуществить такое пожелание, а порой играл и довольно отрицательную роль в литературной жизни тех лет. Объясняется это главным образом той его слабой стороной, о которой упоминал Брюсов,— его идеологической разношерстностью, наличием в нем поэтов и еще больше просто окололитературных людей «с ярко-буржуазной психологией».

Из числа печатаемых в данном разделе брюсовских материалов два связаны с его собственным художественным творчеством.

Это, во-первых, его предисловие к неосуществленному сборнику «Planetaria». Оно лишний раз демонстрирует уверенность поэта во всемирной победе социалистического строя и показывает его тяготение к большим темам и проблемам космического масштаба, его настойчивое стремление заглянуть в будущее.

Второй текст — это краткое ответное слово Брюсова на торжественном заседании 17 декабря 1923 г., посвященном 50-летнему юбилею поэта. Стенограмма заседания целиком не публиковалась, из нее был воспроизведен (в 82 томе «Лит. наследства») только доклад Луначарского.

При всей своей краткости публикуемое слово дает дополнительные штрихи для понимания психологии Брюсова, тех изменений, которые произошли в ней после революции.

Если ранний Брюсов порой подчеркнуто горделиво преувеличивал значение своего творчества, то в выступлении на юбилейном заседании бросается в глаза его скромность и требовательность к себе. Реагируя на превознесение его заслуг как поэта-гражданина, он самокритически заявляет, что именно в данной сфере сделал гораздо меньше, чем утверждалось в юбилейных приветствиях.

В заключение раздела даются два документа, характеризующие некоторые стороны многогранной деятельности Брюсова на фронте культурного строительства за пределами литературы. Это прежде всего записка об издании объяснительного словаря русского языка. Брюсов первый, по поручению Луначарского, начал работать над реализацией предложения В. И. Ленина о создании такого словаря. Намечаемый Брюсо-

вым проект словаря был близок к ленинским пожеланиям: об этом свидетельствует совпадение некоторых пунктов «Записки» с отдельными конкретными замечаниями Ленина.

Из другого документа — отчета Брюсова как члена Моссовета, прикрепленного к факультету общественных наук I МГУ, мы узнаем, какое близкое участие принимал он в организации и во всей жизни факультета, как он стремился подойти с партийных позиций к оценке и студенческого и профессорско-преподавательского состава.

В целом материалы раздела дают возможность лучше и полнее представить себе литературно-критическую и общественную деятельность Брюсова, его позицию и взгляды в то незабываемое революционное время, когда он стал коммунистом, когда совершался решительный и благотворный перелом в его мировоззрении, во всем его человеческом и поэтическом облике.

Рецензии для ЛИТО публикуются Т. В. Анчуговой, предисловие к книге «Planetaria» — К. С. Герасимовым, «Пятилетие Союза поэтов» — К. Н. Суворовой, приветствие Вс. Мейерхольду — Т. Г. Динесман, остальные материалы — Н. А. Трифоновым. Предисловие к «Записке об издании объяснительного словаря» написано В. П. Петушковым.

‹ПРОЕКТ ВОЗЗВАНИЯ МОСКОВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ›

Писатели города Москвы, собравшись на совещание, без различия политических партий и литературных школ, постановили обратиться к читателям со следующим воззванием:

Мы, писатели, привыкли и умеем вслушиваться в голос народный, всматриваться в тайники сердец, угадывать, чем люди живы в данную минуту. Вот в этом ведь и состоит наше призвание и наша прямая задача. Каковы бы ни были убеждения каждого из нас, в каких формах ни выражали бы мы волнующие нас идеи,— основу всему дают наблюдения над жизнью, над человеком. Мы верим поэтому, что в коллективном нашем заявлении мы не ошибаемся. То, что мы хотим сказать, есть «глас народа — глас божий»!

Не может быть двух мнений о совершившемся в России перевороте. Мы уверены, что только духовные слепцы могут не видеть, как величественно-прекрасно свершившееся, только враги народа могут отрицать его неизмеримое значение, только люди, чуждые самым основным заветам нашего прошлого, в частности всей нашей литературы и ее великих творцов, могут сомневаться в том, что теперь исполнились лучшие чаяния прекраснейших умов нашей истории. Мы не хотим сказать, что присоединяемся к энтузиазму и восторгу всей России: нет, мы, наконец, имеем возможность открыто, во всеуслышание провозгласить то, что всегда утверждали и прежде, что написано во всех наших книгах, но всегда бывало искалечено и обескровлено в течение двух веков цензурного гнета. Наши читатели знают, что мы вправе с энтузиазмом и с восторгом приветствовать эру русской свободы, потому что всегда были ее поборниками, приверженцами, защитниками, каждый из нас по мере своих сил, своего умения, своего таланта.

Но в эти грозно-прекрасные дни, которые мы переживаем теперь, какие же первые, самые настоятельные задачи стоят перед освобожденной Россией? Чего хочет народ, чего ждет Родина именно сегодня, что ей сейчас — нужнее всего? Россия велика, Россия многообразна, в миллионах ее населения сталкиваются и перепутываются самые различные ожидания и желания. Каждому со всей искренностью кажется, что его мнение есть самое истинное, что оно-то и заключает в себе благо России. Мы, писатели, стремимся освободиться от этого влияния мнений личных, групповых,

классовых; мы хотим — силой того чутья, которое и есть дар, сделавший нас писателями,— угадать желание всеобщее, всего народа, всей России, это то всеобщее желание, которое, быть может для многих бессознательно, таится в глубине народной души, желание, которое должно только высказать, чтобы народ вдруг узнал в нем свою сокровенную думу.

Мы верим, что сокровенное желание сегодняшнего дня в России у всех одно, и это желание выразить просто. Оно гласит:

Должно окончить войну!

Война всегда — величайшее зло, война — проклятие и ужас истории, война — пережиток варварства, недостойный, позорный для просвещенного человечества. Но в наши дни, для России, война — зло двойное, тройное. Нам нужен мир, для того чтобы укрепить еще нетвердые основания нашей свободы, чтобы пересоздать весь строй нашей жизни на новых, свободных началах, чтобы наверстать потерянное царским режимом за несколько веков на всех поприщах: в деле народного образования, в деле организации труда, в деле развития народного хозяйства и т. д. Нам нужен мир, чтобы спокойно отдаться созидательной работе, огромной, почти безграничной, предстоящей нам: коренной перестройке везде подгнившего здания нашей государственности и нашей общественной жизни. Справедливы требования разных национальностей, населяющих Россию, рабочих масс, крестьянства, молодежи, стремящейся к высшему образованию, родителей, ищущих первоначального образования для всех детей, печати, желающей полно воспользоваться свободой слова, общества, желающего столь же полно пользоваться свободой собраний, каждого гражданина, желающего пользоваться, наконец, в полной мере неприкосновенностью личности *⟨на этом текст обрывается⟩*

⟨Март 1917 г.⟩

Черновой автограф. ГБЛ, ф. 386. 36.21, л. 2—3 об.

⟨«В ПОЭЗИИ ДОРОГО ТОЛЬКО ЗАВТРА!»⟩

(Незаконченная статья о поэзии накануне Октября)

Тридцать лет тому назад я уже следил внимательно за всем, что печаталось в России, прежде всего — за сборниками стихов. И за прошедшие с тех пор три десятилетия мало появилось по-русски стихотворений, которые не были бы прочитаны и продуманы мною. Вероятно, я прочел даже гораздо больше стихов, чем сколько их было напечатано, потому что прочел и целые горы рукописей, присланных мне поэтами-дебютантами то как редактору того или другого журнала, то просто как «известному» литератору. За те же годы читал я и все что-либо выдающееся, что печаталось на других европейских языках, особенно — на французском, итальянском, немецком, английском...

Эту автобиографическую справку позволяю себе поставить в виде предисловия к своей статье, чтобы объяснить ее характер. За те же 30 лет, точнее — за последние 25, я постоянно давал читателям отчеты о своих чтениях: в форме критических статей, заметок и рецензий. По поводу многих *сотен* книг я печатно высказывал свои суждения, объясняя, *почему* такие-то стихи я ценю высоко, а такие-то считаю неудачными, не признаю поэзией. Надеюсь, что эта моя четвертьвековая работа придает некоторый интерес моим оценкам; даже оставляя в стороне вопрос о моем критическом даровании, не может не иметь значения оценка стихов, сделанная человеком, который десятки лет занят больше всего стихами: их пишет, их изучает, над ними думает—и который лучшие силы своего духа и лучшие

«ПУТИ И ПЕРЕПУТЬЯ», ТОМ II, М., «СКОРПИОН», 1908

С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ:

«Николаю Владиславовичу Рыковскому дружественно.

Валерий Брюсов. 1918.

Мои цветы благоуханны,
Горят края их лепестков,
Но знает розами венчанный
Уколы тайные шипов!

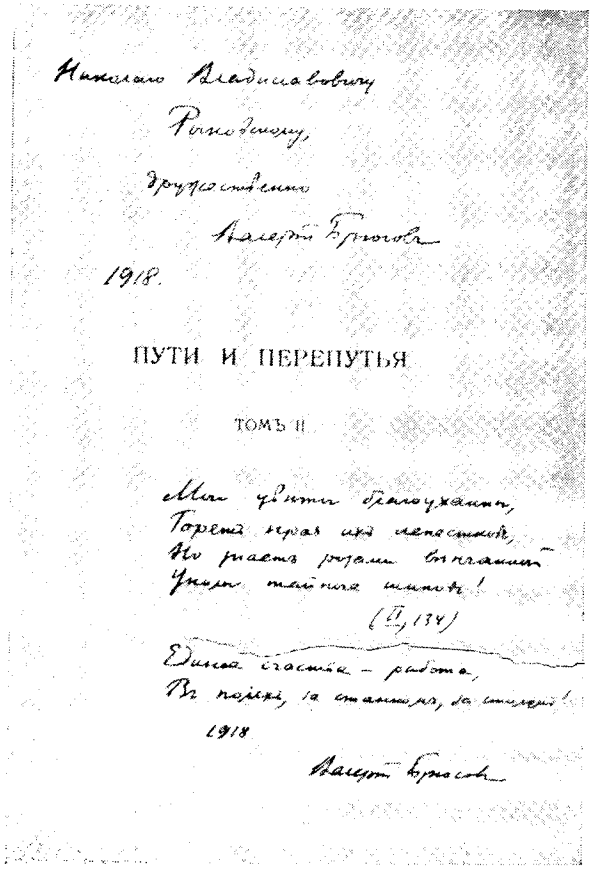
(II, 134)

Единое счастье — работа,
В полях, за станком, за столом!

1918. Валерий Брюсов»

Шмуцтитул

Литературный музей, Москва


Николаю Владиславовичу
Рыковскому,
дружественно
Валерий Брюсов
1918.

ПУТИ И ПЕРЕПУТЬЯ

ТОМЪ II

Мои цветы благоуханны,
Горят края их лепестков,
Но знает розами венчанный
Уколы тайные шипов!
(II, 134)

Единое счастье — работа,
В полях, за станком, за столом!
1918

Валерий Брюсов

годы своей жизни отдал решению вопросов: что же такое поэзия, в чем сила великих поэтов, в чем основные достоинства истинно-прекрасных стихов...

Всем более или менее известно, какое огромное количество стихов пишется и печатается в России последние годы. До последнего времени, до типографского кризиса средним числом появлялось по одному печатному сборнику стихов каждый день (около 350 в год!). Вдесятеро больше рукописей оставалось не напечатанными, гибло в редакционных портфелях, а еще безмерно большее число написанных стихотворений не выходило из «портфелей» их авторов. Вряд ли я ошибусь, приняв, что число «поэтов», людей пишущих стихи — и пишущих систематически, с надеждой стать «поэтом», должно считать в России десятками тысяч. Если бы собрать их всех вместе, получился бы целый корпус, а по старым понятиям, чуть ли не маленькая армия.

Чтобы дать серьезный отчет об этой армии, должно написать огромную книгу. Каждый вправе потребовать, чтобы его судили не голословно, чтобы высказанное мнение было подтверждено доказательствами, цитатами. Но для кого же была бы нужна такая книга? Читатель хочет в немногих словах узнать, что́ представляет современная поэзия. Если ему предложат для этого изучить солидный том, он, по всей справедливости, откажется. Ввиду этого-то я и позволил себе вспомнить свое прошлое. Конечно, ни на один миг я не прошу читателя верить мне на слово. Возможно, что я ошибаюсь в иных своих приговорах, может быть, ошибаюсь в самом осно-

вании. Но я говорю не легкомысленно, говорю на основании опыта, занявшего три десятилетия, говорю после многолетних раздумий. При таких условиях и «голословный» приговор приобретает свою цену. Доказательства я заменяю своей подписью: пусть это — не убедительно, но, в данном случае, это — справедливо. Своей статьей я хочу сказать только одно: вот что думаю я о современной русской поэзии.

И раньше всего скажу прямо: я глубоко неудовлетворен современной русской поэзией. Мне кажется, что сейчас, в годы великой европейской войны и в годы великой русской революции, она с безнадежной ясностью выказывает свое бессилие. Как! совершаются события важности неизмеримой, каких не бывало за все сотни тысячелетий, памятных истории; рушатся устои прежней жизни, что-то совершенно новое вырастает из развалин, уже озаряется иная эпоха в бытии человечества... и — ничего! в нашу поэзию, в наши стихи все это проникает какими-то глухими отголосками, вялым откликом, словно громам кто-то вторит на детской, заржавевшей дудке! Я не жду непременно стихов «о войне» или «о свободе», но ведь должны же быть потрясены души поэтов, когда потрясена вся стихия народа! Должно это потрясение вырваться в строфах, которые в свою очередь потрясут читателя!— Ничего такого. Множатся книжки стихов, порой со стихотворениями и военными, и революционными, но тусклые, бледные, сделанные по трафарету. Не явилось ни одного поэта, ни написано ни одного стихотворения, которое должно было бы остаться навсегда в памяти... Нет! наша первая революция, 1905 год, дал безмерно больше поэзии! Тогда потрясение было, а поэты нашего дня бессильно опустили руки.

Поэтов, повторяю, много. Еще в полном расцвете лет, и должны были бы быть в полном расцвете деятельности, те, которые создали в поэзии знаменательное движение «символизма» 90-х и 900-х годов. Тогда русская поэзия также была в параличе. В 80-х годах «молодыми поэтами», надеждами русской поэзии, почитались (см. сборник «Молодая поэзия» изд. 1895 г.) ныне всеми забытые г.г. Лебедевы, Коринфские, Величко, Афанасьевы и т. под. Но пришел Бальмонт, раньше него по-новому «настроили лиру» Мережковский, Минский, Гиппиус, появились стихи Сологуба, позже Коневского, Блока, Белого и др. (к этой группе обычно причисляют и меня),— и все изменилось. Стихи стали вновь поэзией и читатели вновь стали читать стихи. Почему? Потому что в стихах читатели нашли не мертвые упражнения в рифмах на академические темы, а живую жизнь, нашли те чувства, те мысли, которыми сами жили или, может быть, с которыми боролись. Нет нужды, что в те годы поэты чуждались «гражданских тем»: тем не менее стихи были тогда современными, в лучшем смысле слова, и потому были живым, серьезным делом, а не прихотью, любопытной лишь кучке специалистов.

Создатели этого движения еще с нами, все, кроме покойного Коневского, но большая часть их как-то примолкла. Мережковский почти не пишет более стихами. Минский дает одно-два стихотворения в год, часто — ценных, но всегда — отвлеченных, далеких от жизни. Сологуб пишет чаще, и пишет хорошо, но уже давно мы не слышали всей силы его голоса. Последняя книга стихов Сологуба, вышедшая еще до войны, была сборником изящных триолетов, подтвердивших, что автор их — мастер стиха, и только. Совсем замолчал и Белый, но, кажется, по причинам случайным, личным: верится, что он вдруг встанет среди нас, с прежним своим обаянием. Блок время от времени дарит читателей превосходными стихами, но он сознательно уклоняется от современности. Наконец, Бальмонт, не то отрекшись от своей прежней «стихийной силы», не то утратив власть над своим чарующим напевом, пишет только раздумия в стихах, иногда интересные, редко новые, а часто — горестно-прозаические...

Так работают «старшие». Когда они составляли «школу», один голос поддерживал другой. Теперь они все разбились, разъединились. Большинство даже перестало быть именно «поэтами». Мережковский — прежде всего — мыслитель и романист; А. Белый — тоже; Сологуб — романист; Минский — философ и публицист; Гиппиус — критик. Только Бальмонт и Блок — поэты, par excellence; но теперь уже ясно, что лучшие дни Бальмонта — в прошлом, и что Блок, хотя и истинный художник, не тот венчанный поэт, которому суждено быть властителем дум. И читатели остывают к недавним любимцам. От стихов, подписанных именами, которые мы перечисляли, уже не ждут такого, что глубоко потрясло бы душу. Их читают, и их стоит, их должно читать; но в русской поэзии не только Мережковский и Минский, но и Бальмонт, даже Гиппиус уже — вчерашний день; Сологуб — сегодня, такое же, как вчера; Блок — сегодня без завтра; Белый — вряд ли завтра (в стихах). Ни об одном из них нельзя сказать, что его стихи — завтрашний день, а в поэзии дорого только «завтра»! ⟨*На этом текст обрывается*⟩

⟨1917⟩

Автограф. ГБЛ, ф. 386. 36.35, л. 18—21.

⟨«МЫ ПЕРЕЖИВАЕМ ЭПОХУ ТВОРЧЕСТВА»⟩

(Фрагмент статьи о задачах современной поэзии)

...Это обновление, это возрождение направляется сейчас по двум путям — по пути исканий в области формы и по пути исканий в области содержания.

Давно стало трюизмом, общим местом, положение, что в поэзии, в искусстве вообще, форма неотделима от содержания. Но это справедливо, конечно, для совершенных, законченных произведений. Область исканий — иное дело. Там, разумеется, одно от другого может быть искусственно отделено, или, по крайней мере, одному дано преимущество над другим. Так, например, музыкант-виртуоз дает полную гармонию формы (техники) и содержания в своих концертных исполнениях; но дома, готовясь к выступлению, он может и даже должен специально разрабатывать технику, и не даром говорят, что великие виртуозы рояля посвящают ежедневно часы на упражнения, вновь играя гаммы. То же следует сказать о поэте и о поэзии вообще. Прежде чем в законченных произведениях достигается совершенная гармония формы и содержания, длится подготовительный период, когда отдельно разрабатываются то преимущественно задачи техники, то задачи содержания.

Сейчас мы переживаем именно такой подготовительный период. Более или менее бессознательно писатели, и прежде всего поэты, чувствуют, что в современной литературе должны быть преобразованы оба эти основные элементы литературного творчества. По личным склонностям одни отдаются преимущественно исканиям в области техники, довольствуясь выражением тех идей и переживаний, которые уже завоевали свое место в поэзии прошлого; другие, наоборот, прежде всего стремятся выявить то новое, что выдвинула за последнее время история, ее новые запросы и надежды, новые уклады жизни, применяя в своем творчестве технические приемы прошлого. Но из согласной работы тех и других должна родиться та новая поэзия, та новая литература, которой мы ждем, давая пока ей разные именования.

Прошлое нашей литературы оставило нам богатое наследство. Проникновенное творчество Пушкина, до сих пор еще не исследованное вполне

в его последних глубинах; слепительная яркость образов, созданных Гоголем; дерзновеннейшие откровения Достоевского; вообще все произведения наших классиков захватили огромный круг наблюдений, в мире внешнем и в тайниках человеческого духа. В то же время наши великие поэты разработали великое многообразие технических приемов, в частности, в поэзии, метров и ритмов; стих Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева, Фета — способен был, кажется, выражать все оттенки дум и чувствований; проза Гоголя, Достоевского, Лескова и др. способна была принять любое содержание в свои гибкие формы. Это богатство было еще умножено, увеличено работою символистов, стихом Бальмонта, Андрея Белого, Вяч. Иванова, смею сказать — моим;— прозою Ф. Сологуба, Мережковского, Кондратьева [1] и др.

Но жизнь властно идет вперед — идет в наше время со стремительностью головокружительной. Изменяется самая сущность наших взаимных отношений; прежние миросозерцания не могут более удовлетворять нас; многое, что было острым, жгучим десятилетия назад, теперь уже представляется тупым и холодным. Для нового мироощущения, для новых идей и чаяний уже не достаточно прежних форм: они слишком «медленны», они слишком узки, они давят творчество, которое перерастает их, переливается через их края, как лава из кратера. Наша жизнь требует новых приемов творчества и ставит перед поэтом новые задачи.

Мы присутствуем при великом перестроении мира. Пусть его начало еще не так ярко, не так всеобще, как, может быть, мы того желали бы. Пусть наша жизнь еще полна противоречий. Но каждый из нас лично видит, непосредственно на своем собственном опыте ощущает, что условия жизни стали иными. Бросая более широкий взгляд вокруг себя на нашу молодую Советскую Россию, на всю Европу, на всю землю — он везде находит то же брожение, ту же жажду сломать старое и воздвигнуть новое. Прежде всего мы переживаем эпоху *творчества*. Мы, люди, живущие после Великой Войны в эпоху Великих Социальных Революций, прежде всего *строители*. И таковой должна быть, не может не быть и наша литература, наша поэзия. Творческое начало, начало строительства должно в ней господствовать над всеми другими. Дала ли нам наша прошлая литература завершенные, совершенные образцы такой поэзии?— Нет!

Пафосом ли творчества, всемирного творчества, могла быть проникнута литература, выраставшая в годы режима Николая I, Александров и последнего Николая, в годы господства цензур, произвола, усмотрений? Ее пафос был пафосом протеста или резиньяции, пафосом уединения и раздумия, но не страстью строительства. В мире философов в 18 лет, как Онегин, разочарованных Печориных, лишних людей Тургенева, хмурых людей Чехова не было места для лирики созидания.

И могут ли, поэтому, формы нашей прошлой поэзии отвечать запросам современного поэта? Опять нет. Самые дерзновенные протесты Достоевского, колеблющие основы всего, чем тысячелетия жило человечество, перенесены в глубь интимных переживаний, затаены в индивидуальном сознании, и не случайно действие большинства романов Достоевского развивается в каком-нибудь маленьком провинциальном городке: им еще не было места на мировой арене. Самые смелые протесты наших поэтов все сводятся к освобождению своей личности, и только. Тютчев и Фет были безгранично смелы в отстаивании прав своего «я», но только своего «я». И очень не случайно воскликнул когда-то Бальмонт:

Я ненавижу человечество,
Я от него бегу спеша,
Мое единое отечество —
Моя свободная душа! [2]

Теперь мы научились понимать все человечество как свою истинную родину, теперь мы смеем открыто стоять на сцене мирового театра, в ярких огнях его рампы, теперь для нас уже слишком глухи, слишком бессильны, просто не нужны уже протесты прошлого, бывшие когда-то дерзновением. Поэтому современной поэзии нужны совершенно новые формы для выражения нового содержания. Этих форм еще нет, еще предстоит создать их, и поэтому еще нет и новой литературы.

И еще. Насколько изменилась современная жизнь, в ее высших условиях, сравнительно с недавними десятилетиями! Уже не говорю об том, что не только во времена Пушкина, но и в годы Достоевского связь между странами, между народами, между отдельными людьми была безмерно более слабой, нежели теперь. Самый телеграф получил свое полное значение лишь в последние десятилетия XIX века; телефон связал дела и города еще позднее; одновременно помчались поезда-молнии и быстроходные стимеры. Но уже аэронавтика — создание совсем последних дней; символизм, уже в полном своем расцвете, присутствовал при зарождении первого аэроплана. Между тем ныне, если не у нас, то на Западе, воздушное передвижение стало обиходом; воздушные корабли, поднимающие десятки пассажиров, регулярно перекидываются через Атлантический океан. Могущественные радиостанции, разливающие свои волны из Японии в Европу, из любой точки земного шара в любое место на земле или даже под землей, выросли лишь в период войны: прошлая поэзия не знала их. А десятки, сотни других технических приспособлений, ускоряющих нашу жизнь, видоизменяющих ее темп,— и эти отряды самокатчиков или мотоциклистов, эти разбеги автомобилей, эти экраны кинематографов, ставящие наслицом к лицу с далеким или прошедшим, вся эта электризация нашей жизни,— ведь все это достигло своего победного развития, своего торжества, своего апогея лишь на нашей памяти, на наших глазах. Как же может этот новый темп жизни вложиться, вместиться в ритмы поэтов и в стиль прозаиков, писавших в годы длинных писем, шедших от одного к другому по неделям, в годы волшебного фонаря laterna magica или литографий и гравюр, а тем более в годы «поспешных дилижансов» или старинных рыдванов и путешествий «на долгих»!

Поэты вынуждены, как говорили в старину, «перестроить свою лиру». Поэты не могут более писать, как писали прежде, не только в эпоху Пушкина или Фета, но даже в период господства символизма. Новое вино не вливается в старые меха, оно разрывает их.

И вот начинаются спешные, буйные искания — те, что со стороны представляются каким-то хаосом литературных школ, направлений или даже просто чудачеств и экстравагантностей. Начинается второй период футуризма, возникает имажинизм, объявляются экспрессионисты, неоакмеисты, презентисты и все другие течения, намеченные выше; складываются в объединенную группу пролетарские поэты. Каждое из течений утверждает себя как единственно истинное, все стремятся поделить ризы умершего символизма, все враждуют между собою, но все, не замечая того, ведут дальше общую историческую работу, которую начали классики и продолжали романтики, реалисты, символисты.

На одном из первых мест стал вопрос о языке. Потрясен весь организм нашего языка *. В него хлынуло множество новых слов и выражений; ему пришлось бороться и приспосабливаться для выражения множества новых понятий. Перед поэзией явилась задача усвоить, осмыслить все эти новшества, влить живое содержание в те формулы, которые строились наспех, в силу необходимости,— вплоть до таких терминов, как названия

---

* *Первоначально было*: Великие перевороты последних лет потрясли организм нашего языка

наших новых учреждений, Совнарком, Наркомпрос, Совдеп и само Рсесфесер; указать подлинное значение всем тем речениям, которые выросли на почве войны, принесены нашей армией с Запада и с Востока, заимствованы изо всех языков, которые были сближены в годы всемирных столкновений, вплоть до китайского и японского; принять и освятить слова, вскинутые ввысь из глубин народной жизни в том общем водовороте, когда по-новому смешивались классы нашего общества, когда население фабрик и деревни стирало собой былую интеллигенцию, когда солдатский говор заменял речь профессоров и профессиональных публицистов, когда громом митингов заглушалось шуршание газетных листов, все, вплоть до свободной брани, до откровенных ругательств; найти, построить, создать новые слова, новые речения, которые выражали бы понятия и отношения, выросшие в последнее время, для которых язык еще не имеет формул или которые он лишь в слабой степени и лишь условно выражает терминами прошлого, все те особенности нашей жизни, которые вытекают из ее названной выше электризации, из того вихревого темпа, которым мы повседневно дышим. Задача грандиозная—и именно поэзии предстояло и предстоит решить ее, именно поэзии надлежит выработать новую речь, вобрав в нее все те новые стихии, которые сейчас грохочут и шипят в современном русском языке, как химические элементы в реторте, как будто чуждые сродства.

В то же время поэзии предстоит задача — сохранить за словом его живую выразительность. Во все эпохи потребности повседневной жизни порываются обратить слово в условность для выражения понятий, в мертвую схему; тем более происходит это теперь, когда насущные надобности властно каждому заявляют о себе, не оставляют времени для сознания вырваться из стальных тисков повседневных нужд. Дело поэзии всегда было противоборствовать такому уклону языка, как бы заново чеканить слова, чтобы стертая монета вновь получила свой первоначальный блеск. Поэты всегда ищут такого сочетания слов, чтобы каждое из них, переставая быть только схемой, говорило бы чувственности, глазу, слуху, воображению. Наше время требует усиленной работы в этом направлении. Уже первые футуристы провозгласили принцип «слово как таковое», но не сумели пойти дальше попыток так называемого «словоновшества», т. е. построения новых слов, неологизмов, нередко достаточно уродливых. Осуществление принципа осталось на долю поэтов сегодняшнего дня. Им приходится бороться за живые слова и творить новые и воскрешать старые; величайшими усилиями им приходится отстаивать яркость слова, иногда принося для того в жертву многие элементы речи, кажущиеся необходимыми, например, ясность выражения. Но потребность живого слова слишком настоятельна; во имя яркости поэт готов временно отказаться от ясности.

Но мало и этого. Недостаточно одних новых слов, одного пополнения и видоизменения словаря. Необходимы новые обороты речи, новый синтаксис, и эта необходимость даже еще настоятельнее. Стремительность нашей жизни, стремительность наших переживаний требует иных способов выражения, нежели плавная и медленная речь прошлого. Стихи Тютчева, стихи Фета уже представляются слишком многословными для нашей мысли, научившейся перескакивать через второстепенные звенья рассуждения, воспитанной на формулах военных приказов и радиотелеграмм. Откинуть в речи все лишнее, сжать ее до последней остроты, оставив только слова значимые и горящие собственным светом,— такова одна из важнейших очередных задач поэзии. Современный поэт ищет такого синтаксиса, который, с одной стороны, отметал бы все то, что может подразумеваться, что отягчает речь и стих, не придавая им новой силы, и который, с другой стороны, ставил бы слова в непривычные сочетания и тем заставлял бы

«ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СЛОВО»
Временник Литературного отдела НКП
1920, кн. 1
Выходил под редакцией Брюсова

воспринимать их как нечто новое, позволял бы вновь видеть всю их внутреннюю силу. Современный поэт отвергает сложные придаточные предложения с их тяжелыми, многобуквенными вводящими союзами, «который», «потому что», «для того чтобы», отказывается часто от глагола, довольствуясь связью имен, т. е. существительных и прилагательных, ищет выразить отношение между словами одними предлогами и т. д. И пусть на этом пути опять создаются неясности, трудные для понимания места: задача все же должна быть выполнена, русский синтаксис должен быть перестроен, наша речь должна быть упрощена такими ее усложнениями.

Но речь в художественном творчестве неразрывно связана с ритмом, все равно в стихе ли, в прозе ли. Прежние размеры и ритмы были приспособлены к медлительной речи прошлого. Степенное чередование ударных и неударных гласных у наших классических поэтов насильственно замедляло темп речи. Новая поэзия требует и новых ритмов. Все то, что в прошлом являлось исключением, все те нарушения классического метра, которые, например, у Пушкина встречаются как редкие особенности, невольно возводятся в наши дни в правило, начинают преобладать. Отважнейшие ипóстасы ямба и хорея [3] (извиняюсь за технические термины, пояснить которые нет места) как бы разрушают — но лишь по видимости — сущность этих метров, на деле — расширяют, углубляют ее. Одновременно с тем поэты ищут новых метрических построений, более гибких, более разнообразных. Прежняя гармония стиха, прежняя его звучность тоже представляется уже недостаточной; ее область как бы исчерпана поэтами прошлого. Новые хотят более острой и вместе с тем более глубокой звукописи; отказываются от безраздельно господствовавших прежде точных рифм, все сочетания которых уже повторялись несчетное число раз и которые закрепощают мысль в знакомые русла, заменяя рифму ассонан-

сами и диссонансами. Конечно, этот путь искания новых ритмов и новых созвучий — опасен и скользок. В понятном увлечении молодые поэты готовы отрицать, отвергать и то, что составляет самое существо стиха и рифмы, но никакие искания невозможны без опытов крайних, порой переступающих за пределы. Нужно разрушить, разломать привычную гармонию прошлого, чтобы могла родиться новая.

Но что́ же должны вливать новые поэты в этот новый стих, в свои новые ритмы, что́ выражать этим новым языком, своим новым синтаксисом? Ради чего влекут они слово и метр на свое прокрустово ложе? Прежде всего, конечно, ради непосредственности тех впечатлений, которые читатель должен получать от новых произведений поэзии. Современному искусству предстоит остановить поэзию на том склоне к отвлеченному, по которому она покатилась после символизма. Не к мысли, а к чувственности всегда должно обращаться художественное творчество; в этом его основной закон, непреложный, который не может измениться, доколе будет существовать искусство. Может рядом возникнуть какое-то иное творчество, пусть равноценное или даже более ценное, но оно, искусство, по самой своей сущности может и должно говорить сознанию человека только через его внешние чувства, а не путем логики, не непосредственно мысли. И потому современная поэзия стремится всеми силами развить красочность своих образов. Она решительно отказывается от всяких рассуждений, желает говорить только картинами, только изображениями. Больше того: она зачастую не хочет даже указывать на связь между своими образами, довольствуясь тем, что сопоставляет их. Порою это ведет к внешне бессвязному нагромождению картин, но самый принцип вряд ли может быть оспариваем. Пусть по дороге встречаемся мы с излишним нагромождением красок, с безудержностью образов: это все же целительнее для искусства, чем мертвые схемы логических рассуждений в стихах.

Однако мало поставить себе целью извечное требование искусства: образность. Надобно отдать себе еще отчет, какого рода будут эти образы. Подобно словам в языке, образы в поэзии от долгого употребления тоже стираются, тускнеют. Каждое новое поколение обязано искать новых образов, а не механически повторять образность своих предшественников, если хочет, чтобы его поэзия была живой и действенной. Эти новые образы поэт черпает, конечно, из жизни, и ценность поэзии каждого данного периода прежде всего определяется тем, насколько ее образы связаны с современностью. В этом отношении современная поэзия, разумеется, выполняет свою задачу. Уже ранний футуризм, в своем течении так называемого урбанизма, стремился широко использовать все возможности новой жизни: отказывался от тех приевшихся, обезличившихся эпитетов, метафор, сравнений, которые поэзия прошлого (пассеистическая) черпала из условий жизни природы, уже давно чуждой современному человеку, и заменял их аналогиями из картин города, из эпизодов жизни в поезде, в автомобиле, на пароходе,на аэроплане. Новейшая поэзия расширяет эту область: берет свои образы не только из жизни горожан, но и из всего мира природы, но только с тем подходом к нему, какой естествен для человека современного. Эти новые образы часто поражают читателя странностью, неожиданностью, кажущейся вычурностью, но зато они именно поражают, останавливают внимание, принуждают прочувствовать их, тогда как обычные романтические клише уже скользят по сознанию без следа. С этими новыми образами в поэзию уже широко вливается вся современность, независимо от внешнего содержания поэм.

Наконец, и это внешнее содержание в новой поэзии тоже перерождается. Неодолимо проникают в нее явления нашей новой жизни, вносимые частью поэтами, вышедшими из другого класса, нежели огромное большинство наших прежних писателей, частью поэтами более чутко относящимися к

переживаемому моменту, частью даже его несомненными противниками, не могущими не посчитаться с ним хотя бы в стихах. Теми, другими, третьими путями Революция заполняет поэзию, то встает во весь рост, то просвечивает между строками, то сказывается в самом подходе к теме. Ее веянье, как дыхание всякого переворота, живительно и целебно для поэзии. Даже тот, кто хулит ее, в самом негодовании своем обретает новые силы. Прикасаясь к революции, поэт невольно расширяет свой кругозор, для него встают большие, мировые вопросы, и личные его переживания невольно связываются с чувствами и надеждами масс. То субъективное, что было характерным содержанием поэзии прошлого, невольно растворяется в сознательном выражении переживаний коллективных. Поэзия перестает быть только поэзией своего «я» и выходит на следующую ступень лестницы, которая ведет к искусству человечества в его целом.

Таковы задачи, как бы само собой, как бы безвольно вставшие перед современной нашей поэзией и перед всей нашей литературой. Намеренно я не назвал имен и не приводил цитат, чтобы не свести общего движения к частным случаям. Но тот, кто следил за поэтической эволюцией последнего десятилетия, легко подставит факты под мои обобщения. Он вспомнит борьбу футуристов за слово и его самостоятельную ценность («слово как таковое»); сломанные ритмы и неверные рифмы или ассонансы наших молодых поэтов от Маяковского до Пастернака и самых молодых; проповедь образности и только образности у имажинистов (от слова «image»); урбанистические сравнения и метафоры в стихах Шершеневича; славословия Революции и Коммунизма у наших пролетарских поэтов и т. д. Одни заняты пристально вопросами формы и техники; другие, пренебрегая техникой стиха, заботятся раньше другого о выявлении нового содержания; но все вместе, друзья и литературные противники, то приветствуя друг друга, то хуля один другого, силой вещей, т. е. исторической необходимостью, принуждены работать в одном направлении: создавать врата к той новой жизни, которой ждет наше время.

Нет сомнения, что многое в этих исканиях слабо, ошибочно, подчас нелепо и дико. Вот новые слова, сочиненные нашими футуристами, которые звучат фальшиво, не отвечают духу языка; вот совсем бессмысленные сочетания звуков и букв, которыми они мечтали заменить обветшалые слова; вот темные, уже совсем невнятные обороты речи, грубо изломанный синтаксис, несообразные словосочетания; вот гибельные попытки совсем отказаться от метра, а следовательно и от стиха, от ритма, отнимающие у поэзии ее лучшее могущество — напев слов; вот далее неудачные ассонансы, плачевно-небрежные созвучия, которые только оскорбляют слух; вот в напряженной погоне за образностью поэт доходит до комических сопоставлений или до отвратительно-грубых уподоблений; вот в жажде скорее, скорее выразить современность забыта, пре́зрена форма, и перед нами только тягучие стишки с плохими созвучиями на концах, чем убиты, может быть, высокие порывы автора; вот сотни, тысячи таких промахов, которые легко было бы выискать и высмеять. Но именно это и было бы высшей несправедливостью по отношению к нашей молодой поэзии.

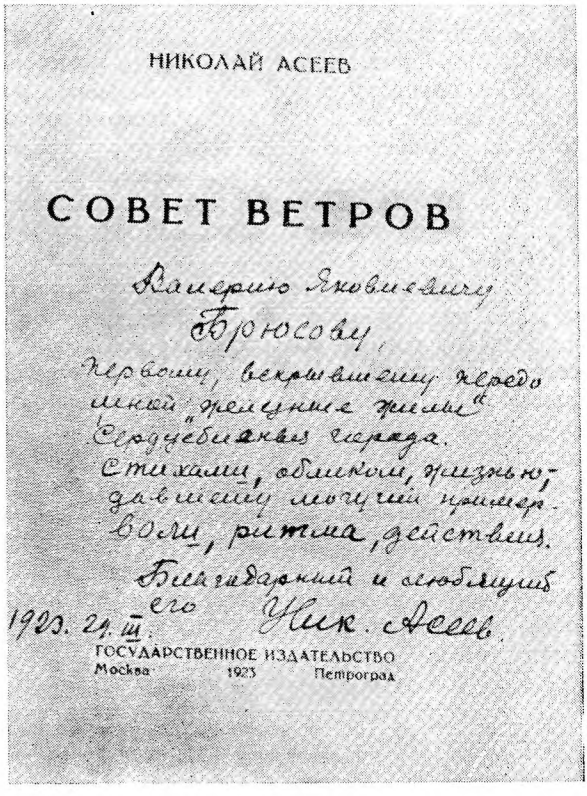
Неподготовленный читатель, приступая к стихам современных поэтов, должен испытать одно из следующих четырех впечатлений. Если он возьмет стихи поэтов старшего поколения,— конечно, символистов, ибо других в недавнем прошлом не было,— например, Бальмонта, Андрея Белого, А. Блока, Вяч. Иванова, он невольно скажет: но все это мне уже давно известно, зачем они повторяют сами себя! Если в руки такого читателя попадут стихи наших так называемых ново-классиков, он, вероятно, просто ничего не скажет, так как ему станет невыразимо скучно. Взявшись за чтение наших пролетарских поэтов, этот читатель должен будет отдать долг интересности и значительности иных их замыслов, но печально пока-

чает головой над бессилием их формы, всецело заимствованной у их предшественников; в лучшем случае он скажет: они еще не научились писать, но будем надеяться, что это придет со временем. Подлинные чувства испытает наш читатель, только столкнувшись со стихами наших новаторов, с ново-футуристами, имажинистами, молодыми экспрессионистами и др. Не думаю, чтобы эти чувства читателя, по нашему предположению неподготовленного, были бы именно приятными. Нет, скорее это будет удивление и негодование, вплоть до того, что он готов будет швырнуть в угол взятую книгу (и сколько раз так швырялись книги футуристов и имажинистов!). Но этих стихов читатель все же не забудет, и в этом их первое оправдание.

Разумеется, истинно сильные произведения создаются только поэтами большого таланта. Дарование, тем более гений, независимы от школы и в конце концов всегда перерастают ее рамки, как Гете перерос условия Sturm und Drang'a, как Пушкин перерос грани Романтизма. Среди многих имен русских стихотворцев, которые ныне пишут и отчасти печатают свои стихи, действительно талантливых далеко не так много. Но творчество даже великих поэтов, не исключая таких, как Шекспир, все же вырастает из коллективных усилий множества. Новое направление, новый стиль создаются не вожаками, не chefs d'école, но именно школой, массой безымянных и безвестных, все сделанное которыми властно берет один, чтобы претворить его в создания уже совершенные. Не будем поэтому говорить об отдельных дарованиях,— для них нужно особое слово,— но скажем определенно: истинная художественная жизнь существует ныне лишь в левых течениях нашей поэзии. Там десятки явных бездарностей, там сотни скромных и скучных полезностей, там тысячи всяких нелепостей, там ряд произведений, справедливо оскорбляющих наш вкус, по праву возбуждающих наш смех, но там — жизнь, поиски, там же—рассыпанные блестки, которые кто-то, еще не пришедший, не проявившийся, обратит когда-то в яркий светоч новой жизни.

Воспользуюсь одним старым сравнением. Когда поднимаешься в горы, идешь к тем водоразделам, откуда берут свое начало горные ручьи и водопады, кажется, что удаляешься от жизни в область холода и льда. Между тем именно там зарождаются те мощные реки, которые в дальнейшем своем течении плодотворят целые страны и многоводным потоком вливаются в океан. То же самое должно сознавать, удаляясь в лабораторию поэзии. Она подобна лаборатории ученого, который занят какими-то мелочными экспериментами с разными химическими элементами или странными наблюдениями над микроскопическими бациллами — опытами, казалось бы, никому не нужными, но которые в своем развитии могут оказаться благодеянием всего человечества. Так и поэт в глуши своего кабинета, работая над ритмами, рифмами и образами, только с виду занят делом, не нужным никому и чуждым всему миру. Если искусство, если поэзия не праздная игра, а важное, великое дело, без которого люди никогда не умели и не хотели жить, то и лабораторная работа поэтов — тоже серьезное и нужное дело. Они иногда заблуждаются в своих исканиях, как заблуждаются порой и ученые и путешественники по неизведанным странам, но они ищут, и результатом их темных поисков будет новое искусство.

Теперь иные опыты новых поэтов недоступны и непонятны многим. Но разве всем понятны и доступны исследования математиков и астрономов, работы физиков и химиков, статистические выкладки социологов и историков? Значит ли это, что всю науку должно ограничить пределами практики, сделать только прикладной? Чтобы наука служила человечеству, необходимо, чтобы разрабатывались ее высшие отрасли, чтобы она жила, развивалась, шла вперед. Только из исканий и работ специалистов слагаются те новые истины, которые потом перековываются в практические


НИКОЛАЙ АСЕЕВ

СОВЕТ ВЕТРОВ

Валерию Яковлевичу
Брюсову,
первому, вскрывшему передо
мной "железные жилы"
сердцебиенья города.
Стихами, обликом, жизнью,
давшему могучий пример
воли, ритма, действия.
Благодарный и любящий
его
Ник. Асеев.
1923. 29. III.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва 1923 Петроград

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
Н. Н. АСЕЕВА
на сборнике стихов «Совет ветров».
М. — П., 1923:
«Валерию Яковлевичу Брюсову,
первому вскрывшему передо мной
«железные жилы»
сердцебиенья города.
Стихами, обликом, жизнью,—
давшему могучий пример
воли, ритма, действия.
Благодарный и любящий его
Ник. Асеев. 1923. 29. III»
Библиотека СССР им. В. И. Ленина,
Москва

примснения, пользу которых уже непосредственно ощущают все люди. Так и поэзия, литература, близкая и нужная всем, может родиться только из дружной работы специалистов-поэтов, которые в тиши выкуют новые приемы творчества и изобразительности. Кто хочет увидеть новое всенародное искусство, должен примириться с тем, что ему будет предшествовать период творческих исканий, отъединенных, отрешенных временно от понимания масс.

Момент, переживаемый нами в истории, остр и жгуч во многих отношениях. Для литературы, между многим другим, он характеризуется безмерным расширением аудитории. Миллионы новых читателей прихлынули к книге, в частности — к созданиям художественного слова. Благодарная и поистине великая задача открывается перед современными писателями — идти к этим миллионам, нести им свое слово, сказать им нужное и должное для них. Пропаганда художественного слова, преображающего и облагораживающего людей,—вот яркий лозунг нашего времени. Но как ни соблазнителен этот лозунг, как ни прекрасна задача такой пропаганды, ради нее нельзя, не должно забывать основных задач литературы. Наше время в ее истории — лишь звено между эпохой предшествующей и той, которая за нами последует. Современное поколение поэтов унаследовало ряд задач от своих предшественников и обязано разрешить их, чтобы поколение следующее могло бы сделать шаг еще дальше. Безумной ошибкой было бы отказаться от разрешения этих задач, имеющих значение для столетий — больше, для всей бессмертной жизни литературы — ради временных интересов момента. Мало того: пропагандировать возможно лишь живое. Если мы остановим поступательное движение литературы, она умрет, как все то, что не движется вперед. Тогда нечего будет и пропагандировать, ибо останется лишь одно мертвое тело литературы. Незримыми нитями прошлое связано с настоящим, и все наши великие поэты прошлого,

наши классики, как Пушкин, Гоголь, Некрасов, Достоевский, живы и жизненны лишь потому, что жива, развивается, идет вперед современная русская литература. Убейте в литературе современную жизнь, и сразу все прошлое станет классическим трупом, каковы, например, литературы античные, прекрасные, но мертвые.

Итак, оставьте жизнь современной литературе и прежде всего ее авангарду — поэзии. Наша современная поэзия выполняет свое дело: по разным путям она стремится, упорно и даже буйственно стремится к новому. Не подходите к ней с требованиями, ей чуждыми; ей нельзя сказать: дай сейчас, немедленно, то, чего я хочу,— изображение нашей жизни, выражение наших чувствований, отражение наших надежд. Поэзия должна будет ответить: я еще не могу дать все это, у меня еще нет нужного языка, еще не выкованы новые приемы, еще не отлиты новые формы. Когда я тороплюсь говорить новое на старом языке, ты сам бываешь не удовлетворен мною. Оставь меня работать и знай, я не медлю, я тороплюсь, я кую даже с лихорадочной спешкой. Я не прошу у тебя ничего, никакого покровительства, даже, если хочешь, смейся надо мной, но дай мне работать так, как я это считаю нужным. Здесь я одна, я, сама поэзия, могу судить, что́ нужно и что́ нет. И ты, читатель, если хочешь быть справедливым, должен будешь ответить нашей молодой поэзии: да, она права! она идет вперед, и это наибольшее, что можно от нее требовать. Navigat haec summa est,— пусть она плывет (а не стоит на месте), ибо в этом *все*, как сказал когда-то Вергилий [4].

1920

Автограф. ГБЛ, ф. 386. 52. 5, л. 1—22.

[1] Александр Алексеевич *Кондратьев* (1876—1966) — поэт и прозаик, ученик Иннокентия Анненского, автор произведений на мифологические темы. После Октябрьской революции — в эмиграции. Первую книгу — «Стихи» (СПб., 1905) — выпустил под инициалами: А. К. В 1906—1919 гг. был в переписке с Брюсовым. В личной библиотеке Брюсова имеется ряд книг Кондратьева с дарственными надписями автора: «Белый козел. Мифологические рассказы». СПб., 1908; «Стихи. Книга вторая (Черная Венера)». СПб., 1909; «Улыбка Ашеры. Вторая книга рассказов». СПб., 1911; «Граф А. К. Толстой. Материалы для истории жизни и творчества». СПб., 1912; «Елена. Драматический эпизод из эпохи Троянской войны». Пг., 1917. Брюсов опубликовал рецензии на первый и второй сборники стихов Кондратьева («Весы», 1905, № 7; *РМ*, 1909, № 5) и высоко оценил его рассказ «Голова Медузы»: «Вещь тонкая, но немного экзотическая» («Литературный архив», вып. 5. М.—Л., 1960, стр. 317).

[2] Начальная строфа стихотворения без заглавия из сборника Бальмонта «Только любовь» (1903).

[3] Ипо́стаса — термин, заимствованный Брюсовым из античной метрики и введенный им в русское стихосложение для обозначения замены одной стопы другой, равносложной, но иной по характеру ударений (такова, например, замена ямбической или хореической стопы пиррихием).

[4] «Энеида», IV, 237.

ОКТЯБРЬ И ЛИТЕРАТУРА

Что такое Октябрьская коммунистическая революция?

Великий рубеж, разделивший, как мы верим, историю всего человечества на две половины: по одну сторону остался весь прошлый мир, с его рабством, физическим и экономическим, с его грубым национализмом, с неорганизованностью материального производства, с беспрерывной и жестокой борьбой классов и народов; по другую — новая, ныне начинающаяся эпоха равенства всех в труде и в благах жизни, интернационального братства товарищей-работников, сознательная организация борьбы человека с природой, которая должна привести к полному торжеству человеческой воли над стихийными силами.

В России коммунистическая революция есть переход к новым, более совершенным условиям жизни, к раскрепощению масс, к открытию доступа

высоких радостей культурной жизни для всего народа, к новым, более широким горизонтам и к новым, более высоким идеалам.

Коммунистическая революция изменяет не только социальный строй, но вместе с тем, неизбежно, и все миросозерцание человека, разрушая традиционную буржуазную идеологию.

Такой переворот не может не отразиться ярко в литературе, всегда являющейся чутким показателем всех социальных изменений. Мы ждем глубокого переворота в русской литературе, ждем произведений, которые воплотят в себе дух нашей революции, и приветствуем все первые намеки на такое воплощение. Но торопить художественное творчество никто не в силах. Дело не в том, чтобы писать о революции, но чтобы художественно претворить ее. Мы твердо верим, что все русские писатели старшего и младшего поколения, оставшиеся верными России, не могут не понять все величие переживаемого нами исторического момента и не могут не найти для выражения его ярких образов в своем творчестве.

‹1920›

«Художественное слово. Временник Литературного отдела НКП», кн. II. М., 1920. В журнале напечатано как передовая редакционная статья без подписи.

ПРИВЕТСТВИЕ А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ В СВЯЗИ С 20-ЛЕТИЕМ ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Дорогой Анатолий Васильевич!

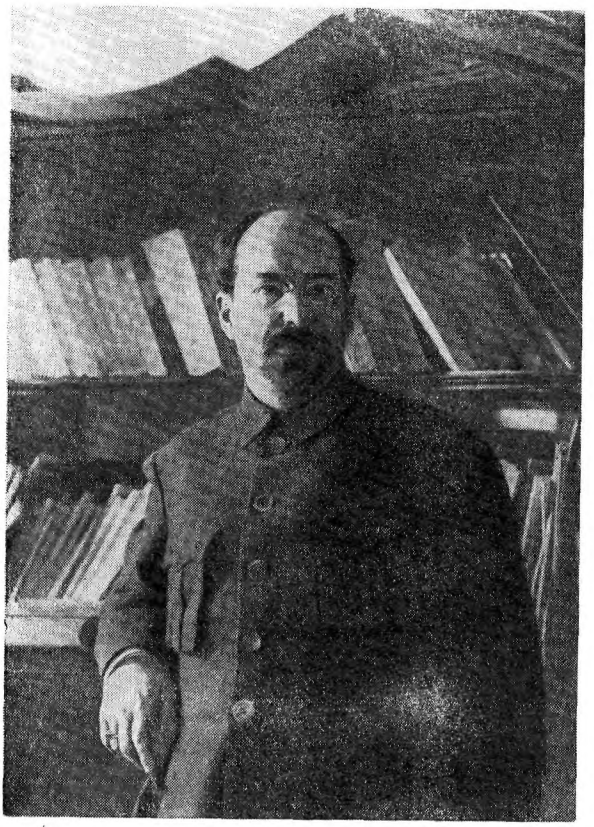
В кратком приветствии мы не считаем возможным охарактеризовать все стороны вашей деятельности как революционера и государственного человека, как оратора и пропагандиста, как мыслителя и писателя, как поэта и драматурга. К тому же сегодня мы собрались здесь, чтобы чествовать вас преимущественно как писателя в день 20-летия вашей литературной деятельности. Поэтому мы, члены центральной коллегии Литературного отдела Наркомпроса, хотим прежде всего отметить, как ценно для всех деятелей искусства, что во главе высшего в республике учреждения, ведающего всей ее художественной жизнью, стоит человек, которому интересы и задачи искусства, в частности художественной литературы, близки, понятны и дороги.

В ваших произведениях, особенно в возбуждающих общее внимание драмах, вы показали, как, сохраняя высокую художественность формы, властно влияя на слушателей чарами поэзии, можно в то же время оставаться могущественным проповедником тех высоких идей, на служение которым вы отдали всю свою жизнь, и эти произведения являются как бы символом всей вашей деятельности.

С одной стороны, стоя в рядах передовых борцов за новую, пролетарскую культуру, вы указываете товарищам, какие из культурных завоеваний прошлого должны быть сбережены и могут быть восприняты новым, борющимся миром, а также какие культурные деятели прошлого, способные понять величие переживаемого нами, могут и должны быть привлечены к делу этого строительства.

С другой стороны, в вас есть и достаточно сил и достаточно умения, чтобы уяснить этим деятелям все значение новой, открывающейся перед ними работы и направить все их знания, все их способности на те пути, где они должны принести наибольшую пользу молодой Советской России.

В переживаемое нами мгновение истории первые камни новой культуры всего успешнее могут быть заложены совокупным и согласным трудом пролетариата и интеллигенции при условии, что этот труд будет умелой



А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ
Фотография, 1920
Ленинградский государственный архив кинофонофотодокументов

и авторитетной рукой направлен к заветной цели пересоздания социального строя на основах коммунизма.

Руководить таким трудом вы и взяли на себя, дорогой Анатолий Васильевич, и мы, ваши непосредственные сотрудники, представители и пролетариата и интеллигенции, присоединяем здесь к нашим приветствиям и нашу благодарность.

‹1920›

Черновой автограф. ГБЛ, ф. 386. 37. 5, л. 7—8 об.

О сотрудничестве и отношениях Брюсова и Луначарского см. работы: Н. А. Трифонов. Луначарский и Брюсов («Русская литература», 1973, № 4); В. С. Дронов. А. В. Луначарский и Валерий Брюсов (в кн.: «Брюсовский сборник». Ставрополь, 1974), а также воспоминания: Н. Луначарская-Розенель. Память сердца. М., «Искусство», 1962, стр. 55—66.

ПРИВЕТСТВИЕ Вс. Э. МЕЙЕРХОЛЬДУ В СВЯЗИ С 25-ЛЕТИЕМ ЕГО ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Дорогой и уважаемый товарищ, Всеволод Эмилиевич!

Внезапное нездоровье лишает меня огромной радости — быть участником праздника в честь 25-летия вашей театральной деятельности. Предоставляя, с сожалением, другим передать вам горячие приветствия от учреждений, представителем коих я мог бы явиться на вашем юбилее, я хочу в этих строках приветствовать вас от своего имени как писатель и друг театра. Четверть века вы работали на сцене и для сцены, и за последние 10—

Вс. Э. МЕЙЕРХОЛЬД
Фотография, 1920-е годы
Центральный архив литературы и искусства СССР, Москва

15 лет стоите во главе движения, которое стремится обновить судьбы театра, русского и всемирного. Найти новые средства, новые приемы, которые, в полном соответствии с современностью, могли бы могущественно действовать со сцены на сознание зрителей,—такова ваша программа. Возвратить театру значение учителя жизни, каким он был в свои лучшие времена, помочь ему давать, в художественной форме, ответы на социальные вопросы — такова ваша задача. Видеть сценическое представление вновь всенародным действом, в едином порыве сливающим широкие массы трудящихся,— таковы ваши лучшие надежды. И у нас, и в Западной Европе все, кому дороги успехи в области искусства, с пристальным вниманием следят за вашей неутомимой и многообразной деятельностью как артиста, режиссера, педагога, теоретика, который от одного достижения переходит к другому, никогда не останавливается на временном успехе, смело устремляется по еще неизведанным путям и не смущается встречаемым иногда непониманием, в сознании, что конечная цель — высока и прекрасна. И я верю, что эта ваша работа, ваши гениальные прозрения и ваши мастерские сценические создания окажутся в ряду важнейших сил, ведших русский театр к новому расцвету, связанному с тем небывалым расцветом всех искусств, которого, при социальных условиях жизни, созданных в РСФСР, мы вправе ожидать в самом близком будущем.

Валерий Брюсов

2 апреля 1923

Автограф. ГБЛ, ф. 386.135.38, л. 2—3.
Сохранились также написанные рукой Брюсова приветствия Мейерхольду от Высшего литературно-художественного института и от Отдела художественного образования Главпрофобра Наркомпроса (там же, л. 4 и л. 6—7).

ПЯТИЛЕТИЕ СОЮЗА ПОЭТОВ

Всероссийский союз поэтов как профессиональное творческое объединение поэтов разных литературных школ, групп, направлений (символисты, неоклассики, имажинисты, акмеисты и пр.) возник в 1918 г. в Москве. 14 ноября 1918 г. состоялось учредительное собрание, на котором были сформулированы цели и задачи союза, принят проект устава, выработанный инициативной группой, избран первый председатель — В. В. Каменский [1]. Устав ВСП был утвержден на заседании коллегии Наркомпроса 16 декабря 1918 г. [2] Устав определял ВСП как «учреждение культурно-просветительное», целью которого является «духовно-экономическое объединение членов союза во имя революционного строительства нового искусства». Союз считал своей задачей «пропаганду и самое широкое распространение творческих идей революционного искусства среди трудящихся масс путем издания книг, журналов, газет, а также устройства концертов, художественных вечеров, лекций, дискуссий и т. д.» [3]

В 1920 г. было создано петроградское отделение союза. 27 июня на собрании организационной группы были избраны президиум петроградского отделения и председатель его — А. А. Блок [4]. 4 июля состоялось общее собрание петроградского отделения [5]. Осенью 1920 г. было организовано московское отделение [6]. Отделения ВСП возникли в разное время и в других городах (Нижнем Новгороде, Ярославле, Смоленске и др.). К 1921 г. ВСП насчитывал свыше 10 провинциальных отделений.

Состав президиума ВСП в первые годы его работы неоднократно менялся. Брюсов был избран председателем президиума ВСП, видимо, сразу после Вас. Каменского. 23 января 1919 г. А. В. Луначарский подписал мандат, выданный Брюсову как председателю президиума ВСП и предлагающий всем советским организациям оказывать союзу содействие [7]. Уже в мае 1919 г. председателем ВСП являлся В. Г. Шершеневич, он вошел также в состав президиума, избранного общим собранием 24 августа 1919 г. Брюсов в состав этого президиума (Ю. К. Балтрушайтис, А. Белый, С. А. Есенин, Б. С. Земенков, П. С. Коган, А. Б. Кусиков, Р. Ю. Рок, В. Г. Шершеневич, Б. С. Шихман) не избирался [8]. В 1920 г. (не позднее 22 июля) Брюсов вновь возглавил ВСП и работал, вероятно, до середины февраля 1921 г. [9] 26 мая 1921 г. Брюсов подтверждает свое согласие на выставление его кандидатуры в члены президиума ВСП [10]. Некоторое время председателем ВСП в 1921 г. являлся Р. Ивнев, в 1922 г. был избран И. А. Аксенов, который руководил ВСП и в 1923 г. [11]

Первый президиум ВСП сразу же организовал кафе поэтов («эстраду-столовую»), которое иногда называли «СОПО» (сокращение от Союза поэтов). Для кафе поэтов было приспособлено помещение бывшего кафе «Домино» (Тверская, д. 18). Там находился президиум ВСП, была столовая для поэтов, здесь же устраивались общие собрания и литературные вечера [12].

В первые годы существования ВСП его деятельность в основном сводилась к организации вечеров поэзии, литературных судов, лекций, диспутов и т. п. общественно-литературных выступлений поэтов. Эти выступления происходили, кроме кафе поэтов, в Политехническом музее, в Большом зале Консерватории, в ЛИТО Наркомпроса, в разных литературных кафе («Стойло Пегаса», Тверская, д. 37; «Красный петух», Кузнецкий мост, д. 13 и др.).

Издательская деятельность союза из-за полиграфических трудностей в стране налаживалась медленно. Выпуск поэтических сборников осуществлялся большей частью отдельными литературными группировками. После создания союза возникал вопрос о подготовке сборника, «в котором отразились бы все имеющиеся в союзе поэтические течения». Но этот вопрос «был решен отрицательно самими же членами союза» [13]. При обследовании издательской деятельности ВСП в мае 1921 г. ревизоры НК РКИ отметили: «За союзом зарегистрировано право издательства, но, кроме «Стихов о Революции» (1920), никаких изданий Союза поэтов из печати не выходило» [14]. В 1921 г. вышел сборник «СОПО. Первый сборник стихов», впоследствии издательская деятельность союза становится более регулярной. Кроме сборников с участием представителей

различных литературных школ, входящих в союз, начинают появляться книги отдельных авторов, создается собственное издательство [15].

Будучи председателем ВСП, Брюсов стремился сплотить в союзе поэтов разных литературных школ и направить их творчество на службу молодой Республики. Он выступал в кафе поэтов с лекциями, с чтением своих стихов, участвовал в вечерах импровизаций. И. В. Грузинов, который был членом президиума ВСП, вспоминает: «Нередко Валерий Брюсов давал активу Союза поэтов ту или иную тему стихотворения. Для выполнения задания назначался определенный, обычно весьма короткий, срок. Брюсов писал стихи на ту же тему и к тому же сроку и сам» [16]. Брюсов неизменно председательствовал на вечерах, устраиваемых ВСП в таких больших аудиториях, как Политехнический музей, где происходили ожесточенные схватки между представителями разных литературных направлений и выносились на суд публики новые стихи. Брюсов старался организационно укрепить ВСП. По его инициативе возникло петроградское отделение союза и в это же время стало создаваться издательство ВСП.

В 1923 г. исполнялось пять лет ВСП. Была создана комиссия по организации юбилея. В нее вошли: Брюсов (в то время почетный член ВСП) — председатель; В. А. Гиляровский, П. Н. Петровский, С. А. Поляков, А. А. Чумаченко — члены; Н. Н. Захаров-Мэнский, Я. Н. Полонский — секретари [17]. Пятилетие ВСП отмечалось 20 ноября 1923 г. В этот день в помещении ВСП (Тверская, д. 18) была открыта однодневная выставка книг, портретов, плакатов, документов. Вечером в помещении Всероссийского союза писателей (Тверской бульвар, д. 25) состоялось «академическое собрание» под председательством Брюсова и при участии поэтов И. А. Аксенова, Н. Н. Асеева, М. П. Герасимова, С. А. Есенина, Р. Ивнева, В. В. Каменского, О. Э. Мандельштама, В. В. Маяковского, Б. Л. Пастернака, В. Г. Шершеневича и др. [18]

ВСП просуществовал до 1929 г. Постепенно он стал в своей работе дублировать Всероссийский союз писателей (в который входили и поэты, состоящие в ВСП), и его деятельность перестала быть целесообразной. Последним председателем Союза поэтов был П. А. Радимов.

Текст выступления Брюсова на собрании, посвященном 5-летию ВСП, публикуется по автографу (ЦГАЛИ, ф. 56).

[1] П. К о с о л а п о в. Как был создан Всероссийский союз поэтов.— «Литературная Россия», 1967, № 11, 10 марта, стр. 15.
[2] ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 125.
[3] ЦГАЛИ, ф. 1638, оп. 3, ед. хр. 6.
[4] См.: *Блок*, т. 6, стр. 543.
[5] См. протокол собрания (ЦГАЛИ, ф. 2182, оп. 1, ед. хр. 140, л. 312—313).
[6] См. заявление инициативной группы от 9 ноября 1920 г. с просьбой зарегистрировать при ВСП московское отделение (ГБЛ, ф. 386. 117. 14).
[7] ГБЛ, ф. 386. 117. 15.
[8] ЦГАЛИ, ф. 237, оп. 2, ед. хр. 170.
[9] См. удостоверение ВСП, выданное В. А. Рождественскому, с подписью председателя В. Я. Брюсова (ЦГАЛИ, ф. 2182, оп. 1, ед. хр. 140, л. 323); черновики протоколов общего собрания ВСП и заседаний президиума (ГБЛ, ф. 386. 117. 15).
[10] М. Р о й з м а н. Все, что помню о Есенине. М., «Советская Россия», 1973, стр. 124.
[11] ЦГАЛИ, ф. 226, оп. 2, ед. хр. 17; ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 14; ф. 941, оп. 6, ед. хр. 8, л. 64.
[12] О кафе поэтов см.: И. В. Г р у з и н о в. Маяковский и литературная Москва (ЦГАЛИ, ф. 336, оп. 7, ед. хр. 56).
[13] ЦГАЛИ, ф. 237, оп. 2, ед. хр. 170, л. 1 об.
[14] ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 607, л. 3.
[15] См. доверенность, выданную заведующим книгоиздательством ВСП С. Ф. Буданцевым 14 сентября 1920 г. Г. И. Макухину на подыскание помещения для издательства (ЦГАЛИ, ф. 2268, оп. 1, ед. хр. 158); договор, заключенный в 1921 г. между заведующим издательством ВСП С. Ф. Буданцевым и членом союза Брюсовым на книгу стихов «В такие дни» (ГБЛ, ф. 386. 117. 29, л. 41).
[16] ЦГАЛИ, ф. 336, оп. 7, ед. хр. 56, л. 87.
[17] ЦГАЛИ, ф. 878, оп. 2, ед. хр. 4, л. 44.
[18] Сведения о юбилее ВСП см.: «Правда», 1923, № 263, 20 ноября, и «Известия», 1923, № 266, 21 ноября.

Союз поэтов — это объединение, построенное не по общности той или иной общественно-политической платформы, как группируются партии и иные классовые объединения, а по признаку производства, то есть, как организуются, в принципе, профессиональные союзы.

В этом — и слабая сторона Союза поэтов, но в этом — и его сила.

В члены Союза входят лица из различных классов общества, примыкающие, сознательно или бессознательно, к самым различным политическим программам, приносящие в себе самые различные социальные идеалы. Никакой идеологической связи между членами Союза нет, никакого общего мировоззрения Союз не отражает. В его составе есть истинные пролетарии и по происхождению и по мировоззрению, но в нем могут участвовать и поэты с ярко-буржуазной психологией — теоретически даже и монархисты; в нем могут объединяться писатели с материалистическими предпосылками и идеалисты самой чистой воды, мистики, религиозные писатели.

Это отсутствие общей идеологической основы ведет к определеннейшим литературным следствиям. Здесь, в этом компетентном собрании, нет надобности разъяснять, в какой мере идеология, содержание в поэзии предопределяет форму, технику творчества. Различие идеологии ведет к величайшей разноликости форм, к отсутствию единства в поэтической технике, что мы и видим в Союзе. Ни в коем случае он не образует единого литературного направления. В литературных школах прошлого единство чисто литературных устремлений само собой создавало и известную общность идеологии. В Союзе каждому предоставлена полная свобода ставить себе те или иные литературные задания, и через это члены Союза остаются как бы толпой, объединенной лишь внешним признаком: все они пишут стихи.

Но в то же время, в этом таится и сила Союза. Объединяя поэтов по профессиональному признаку, Союз тем самым неизбежно признает, что писание стихов является одним из производств, по существу, таким же, как производство машин, мануфактуры, керамики и т. д. Из такого признания Союз, чтобы быть последовательным, должен сделать ряд выводов. Он должен признать, что те общие экономические законы, которые управляют производством вообще, должны иметь силу и для производителей стихов.

Первое и важнейшее требование, которое предъявляется к производству, состоит в том, что оно должно быть полезно, должно служить жизни. Нелепо было бы производить машины, ни к какой работе не пригодные, или ткани, которые ни на что нельзя употребить. Следовательно, и стихи должны быть на что-то пригодны. Такие стихи, которые в общей экономике решительно не нужны, как, например, повторяющие то, что давно было уже сделано,— явно не удовлетворяют этому требованию.

Далее, производство подчиняется закону спроса и предложения. Бесполезно было бы выпекать в Москве хлеба впятеро больше, чем его может потребить город. Следовательно, и бесполезно изготовлять стихов во сколько-то раз больше, чем их может потребить страна. Точно так же бессмысленно изготовлять какие-нибудь пуговицы, которые никто не пожелает нашить себе на одежду. И бессмысленно, если данное время требует от литературы выполнения определенных заданий, изготовлять вместо того множество элегий, которых никто не собирается читать.

Наконец, производство должно быть на уровне современной техники. Если существуют определенные машины, дающие, например, 1000 штук вещи в час, было бы странно строить худшие, которые могут дать только 10 штук. Поэтому странно было бы, если бы пишущие стихи вместо современной поэтической техники стали пользоваться той техникой, какая существовала 20 лет назад, или даже сознательно отступали еще дальше

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ПОЭТОВ
утвержд. Народн. Коммиссар. по Просвещению.
БИЛЕТ
Действительного члена
Брюсова
Валерия Яковлевича
№ 1 на ~~1919~~ 1920 год.
Председатель Екатерина Волчанецкая
Секретарь Захарьинский
По 1 ое/I 1921 ~~1919~~ года

БИЛЕТ БРЮСОВА — ЧЛЕНА ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ПОЭТОВ, 1920
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

и довольствовались техникой 80-х годов (хотя бы и именуя это неоклассицизмом)[1].

Правда, сочиняющие стихи охотно ссылаются на то, что они пишут не для сегодняшнего дня, а для будущих времен. Однако есть все основания думать, что будущие времена сумеют сами о себе позаботиться. Кроме того, предусмотреть, что́ этим будущим временам понадобится, дело достаточно мудреное. И исторический опыт учит нас, что от поэтических созданий доживает даже до следующего десятилетия весьма малый процент. Между тем, современная жизнь властно предъявляет свои законнейшие права на силу, на работу всех современников. И насущные задачи дня опасно приносить в жертву темным мечтаниям о ином будущем.

Поэтому думается, что три вывода, неизбежно вытекающие из самой организации Союза поэтов как объединения по производственному признаку, являются лучшими основами для направления его деятельности. Принять современную технику, учесть современные требования и стремиться к тому, чтобы поэзия служила жизни — вот основные задания, стоящие перед Союзом поэтов. В прошлом у него есть несомненные заслуги, широко вскрытые здесь предыдущими ораторами. Союз окреп, встал на ноги, объединил большое количество сил. Указанные мною особенности Союза открывают ему и прекрасное будущее. Празднуя сегодня первое пятилетие Союза поэтов, будем же твердо надеяться, что далее его работа пойдет по верному пути и что Союз окажется деятельным сотрудником в том строительстве новой жизни, которое так энергично продолжает наша молодая Республика.

18 ноября 1923

[1] Неоклассиками называла себя одна из небольших групп русских поэтов, существовавшая в Москве в первые послеоктябрьские годы и не игравшая сколько-нибудь заметной роли в тогдашней литературной жизни. В нее входили Н. Захаров-Мэнский, М. Гальперин, О. Леонидов и др.

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕОСУЩЕСТВЛЕННОМУ СБОРНИКУ СТИХОВ «PLANETARIA»

Публикуемое «Предисловие» является единственным свидетельством неизвестного замысла Брюсова — других следов работы над сборником «Planetaria» в его архиве не обнаружено.

По-видимому, идею этой книги Брюсов обдумывал в 1922—1923 гг. «Предисловие» содержит перечень предшествовавших «Planetaria» сборников, где названы «Миг» и «Дали» (вышли в 1922 г.), но отсутствует «Меа», над которым в начале 1924 г. Брюсов уже работал (стихи из этого сборника включены в третий том *Избр. произв. 1926*, сданный в издательство весной 1924 г.).

В «Предисловии» декларируется один из важнейших творческих принципов Брюсова, впервые заявленный им в сборнике «Urbi et Orbi»,— взгляд на книгу стихов как на единое целое, «объединенное единым замыслом». По этому принципу Брюсов предполагал построить и «Planetaria».

«Предисловие» впервые раскрывает замысел Брюсова — целиком посвятить новый сборник грядущему космическому бытию человечества, в частности, различным аспектам его контакта с внеземными цивилизациями.

Сложность поставленной задачи заставила Брюсова вновь обратиться к проблеме, издавна его волновавшей,— в «Предисловии» ставится вопрос о взаимосвязи и различии, общих целях и разных методах науки и поэзии. При этом Брюсов высказывает мысль, что поэтическое мировосприятие позволяет преодолеть с помощью интуиции то, что недоступно логическому анализу. Эта мысль скорее дополняет, чем повторяет содержание статьи «Синтетика поэзии» (сб. «Проблемы поэтики». М., 1924), создававшейся в тот же период, что и «Предисловие».

«Предисловие» позволяет сделать некоторые выводы о предполагавшемся составе «Planetaria». Вероятно, Брюсов думал открыть сборник стихотворением «Из лесной жути», впоследствии вошедшим в «Меа» (его зачеркнутое заглавие предваряет в автографе текст «Предисловия»). Некоторые стихи, соответствовавшие замыслу книги, Брюсов намеревался перенести в нее из сборников «Миг» и «Дали». И, наконец, ряд стихотворений, составивших сборник «Меа», очевидно сначала предназначался для «Planetaria» (идее, сформулированной в «Предисловии», отвечает часть стихотворений таких разделов «Меа», как «В наши дни», «В мировом масштабе», «В деревне», «Из книг», «Мысленно»).

По-видимому, Брюсов рассматривал «Planetaria» как своего рода подведение итогов. Об этом свидетельствует характер выбранных эпиграфов и настойчивое желание автора поставить «Planetaria» на двенадцатое место в ряду своих стихотворных сборников (стремясь к этой цели, он находил возможным одни сборники оставить «вне счета», а другие объединить между собой).

Причины, по которым Брюсов отказался от своего замысла, неизвестны. Состав «Planetaria», вероятно, так и не был определен, а «Предисловие» осталось незаконченным — Брюсов оборвал его на середине фразы и больше к нему не вернулся.

Текст «Предисловия» публикуется по незавершенному черновому наброску, предоставленному в распоряжение редакции «Литературного наследства» И. С. Поступальским и К. С. Герасимовым (после выхода настоящего тома автограф будет передан последним в Отдел рукописей ГБЛ). Из многочисленных вычерков, сделанных Брюсовым, воспроизводятся (в квадратных скобках) только те, которые имеют смысловое значение; вычерки, сделанные по соображениям стилистическим, не фиксируются.

PLANETARIA

Стихи о нашей планете

Эпиграф

Vixi et quem dederat cursum fortuna peregi.
Verg. Aen. IV, 653
Sit mihi fas audita loqui.
Verg. Aen. VI, 266 [1]

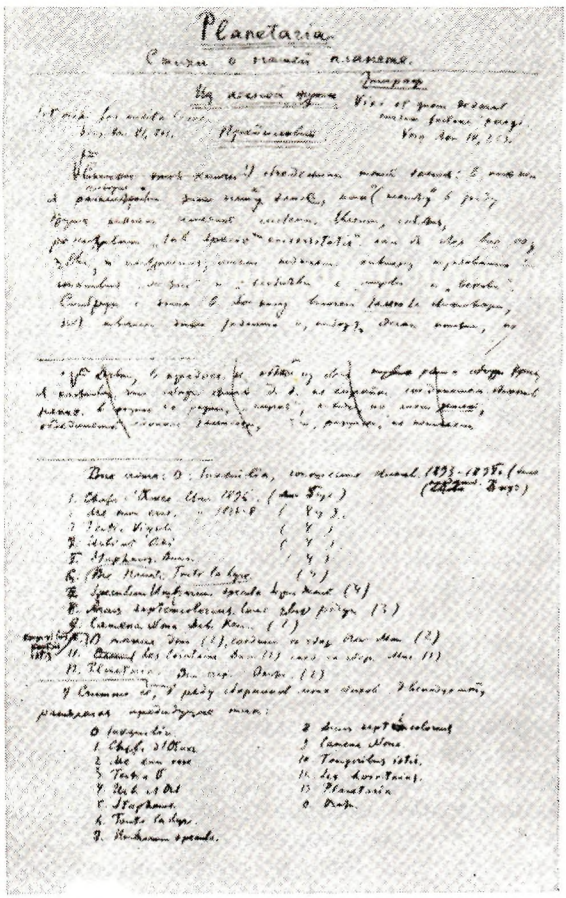
Предисловие

Давно, в предисловии к одному из своих ранних изданий, я настаивал, что книга стихов должна быть не случайным собранием стихотворений, написанных по разным поводам и только механически сопоставленных под одной обложкой, но именно *книгой*, т. е. некоторым *целым*, которое объединено единым замыслом. Этим, разумеется, не отрицается право автора издавать, время от времени, параллельно, также и «центоны» [2], т. е. сборники, где он помещает свои стихи, не нашедшие места в ряду подлинных книг, написанные, так сказать, «по пути»,— как и назвал один из своих сборников Э. Верхарн, «Au Bord de la Route» [3]. Точно так «центоны», по существу, могут быть лишь дополнениями к основным работам поэта, в которых он методами и средствами поэзии стремится разрешить определенные задачи, дать ответ на осознанные им вопросы. Поэт не может, не должен быть просто граммофоном, безразлично запечатлевающим разные впечатления, идущие к нему извне: совершил поездку в деревню — написал стихи о лесах, побывал в Англии — явились стихотворения про Лондон, целовался с понравившейся женщиной — готова любовная поэма, прочел книгу по истории — зарифмованы факты из биографии такого-то царя или полководца, и т. д. Что мы сказали бы об ученом, который давал бы нам исключительно такие разрозненные странички отдельных соображений и обособленных наблюдений? Опять-таки, *в виде исключения* вполне уместны иногда сборники мыслей, «Pensées», или сборники афоризмов, «Максимы» [4], но, если мы требуем цельности от научных трудов, мы вправе ее ждать и от работ поэта. Примеры такой цельности,— все основные книги Э. Верхарна, начиная от «les Flamandes», «les Moines» и т. д., через «les Villes Tentaculaires», «les Campagnes Hallucinées» и др., до «les Forces Tumultueuses», «les Rythmes Souverains», не говоря уже о резко объединенном «les Ailes Rouges de la Guerre» или последовательности частей в серии «Toute la Flandre».

Эта двенадцатая книга моих стихов * объединена точкой зрения: в ней я говорю о нашей Земле, как о планете в ряду других планет Солнечной системы. Явления, события рассматриваются «sub specie universitatis» [5], как бы стоя *вне* ее; чувства, настроения, мысли подчинены основному требованию — согласовать «местное» и «злободневное» с «мировым» и «вековым». Сообразно с этим в книгу включены *только те* стихотворения, которые отвечают этому заданию и, наоборот, сделана попытка по возможности *исчерпать* мыслимые с этой точки зрения ответы. По этой же причине в данную книгу *перенесены* некоторые стихотворения, ранее помещенные в двух предыдущих моих книгах («Миг» и «Дали»): там они тоже входили в определенные серии, но, как мне кажется, ближе по мысли к циклу, образующему этот сборник. (При переиздании «Мига» и «Далей» место этих стихотворений будет заменено другими).

---

* Считаю ее, в ряду сборников моих стихов, двенадцатой, располагая предыдущие так: 0. Juvenilia. 1. Chefs d'Oeuvre. 2. Me eum esse. 3. Tertia Vigilia. 4. Urbi et Orbi. 5. Stephanos. 6. Toute la Lyre. 7. Umbrarum specula. 8. Arcus septicolorens. 9. Camena Nona. 10. Temporibus istis. 11. Les Lointains. 12. Planetaria. 0. Опыты [6].



«PLANETARIA»
Предисловие к неосуществленному сборнику стихов Брюсова
Автограф, ⟨1922—1923⟩
Собрание К. С. Герасимова, Тбилиси

Молода ли Земля, по возрасту планет,— на это наука дает теперь определенный ответ: да, молода, уже потому, что по сю пору на Земле... ⟨*в автографе мысль не закончена*⟩.

Минувшие исторические эпохи заняты сплошь борьбой между собою сначала мелких племен, потом народов и государств, наконец рас и культур,— причем к последнему типу должно отнести и мировую борьбу пролетариата, как носителя своей культуры, с ранее господствовавшим классом, создавшим прежнюю аристократически-буржуазную культуру. Скоро ли закончится эта борьба, предугадать в сколько-нибудь точных цифрах трудно. Но нет сомнения, что наступит такой этап в жизни Человечества, когда вся Земля будет объединена, в виде ли единого «государства» (всемирной социалистической республики) или в иной форме, соединяющей труд и усилия *всех людей*, живущих на планете, для общих целей. Тогда наступит новый период жизни: завоевание своего места в Солнечной системе — период, который, может быть, тоже будет ознаменован «борьбой», может быть, даже губительными войнами (лелеять мечты слишком радужные было бы неосторожно), но уже борьбой и войнами не людей между собой, а Человечества, с одной стороны, и населения иных планет, с другой. Людям до́лжно будет доказать свое право на их долю общемировых благ, и, вероятно, *завоевать* это право,— может быть, не пушками или чем-нибудь аналогичным, а доводами научного знания и мощью развитого разума, но все же силами, подготовлен-

ными и организованными на самой Земле. Каково наше место в этой нашей вселенной (понимаемой пока только — как пределы орбит Солнечной системы), каковы могут быть наши отношения к нашим «небесным» соседям (обитателям других планет), что́ мы сможем им противопоставить, чему у них научиться и чему их научить, чем будем перед ними горды и за что будет перед ними нам стыдно — вот темы, которые я себе ставил в стихах этой книги. Но, конечно (боюсь, что это до́лжно напомнить), читатель не должен забывать, что я писал не ученый трактат, а книгу стихов, поэзии, что в моем распоряжении были не методы анализа, не научные силлогизмы, а средства искусства, следовательно, прежде всего — синтез представлений, связь образов, что я хотел не доказать, а показать: разница — огромная, лишающая выводы автора «точности» (précision) и «достоверности» (certitude) [по терминологии Огюста Конта], но зато позволяющая их сделать «аксиоматичными» (axiomatiques) и «наглядными» (évidentes), позволяющая там, где недостаточно наблюдений и опыта (и где, может быть, их *никогда* не будет достаточно), непосредственно от известных фактов сделать скачок, путем аналогий, к общеобязательному *закону*, не доказанному логически, но самоочевидному, как самоочевидно, например, утверждение древнего поэта: ⟨*на этом текст обрывается*⟩.

[1] Приводим эти строки из «Энеиды» Вергилия в переводе Брюсова: «Я жила и тот путь, что судьба мне дала, совершила»; «Будь мне дано, что я слышал, сказать».

[2] «Центоны» — от лат. cento (платье, сшитое из лоскутов).

[3] Заглавие этого сборника Верхарна Брюсов перевел как «Края дороги». Далее упоминаются сборники: «Фламандские картины», «Монахи», «Города-спруты», «Обезумевшие деревни», «Мятежные силы», «Властительные ритмы», «Алые крылья войны» и серия «Вся Фландрия».

[4] Классическим примером такого рода изданий являются книга Блеза Паскаля «Pensées» («Мысли») и сборник афоризмов Франсуа Ларошфуко «Maximes» («Максимы»).

[5] Sub specie universitatis — с точки зрения вселенной (*лат.*). Брюсов перефразирует здесь известное выражение: «Sub specie aeternitatis» (с точки зрения вечности).

[6] В автографе этому примечанию предшествует набросок:

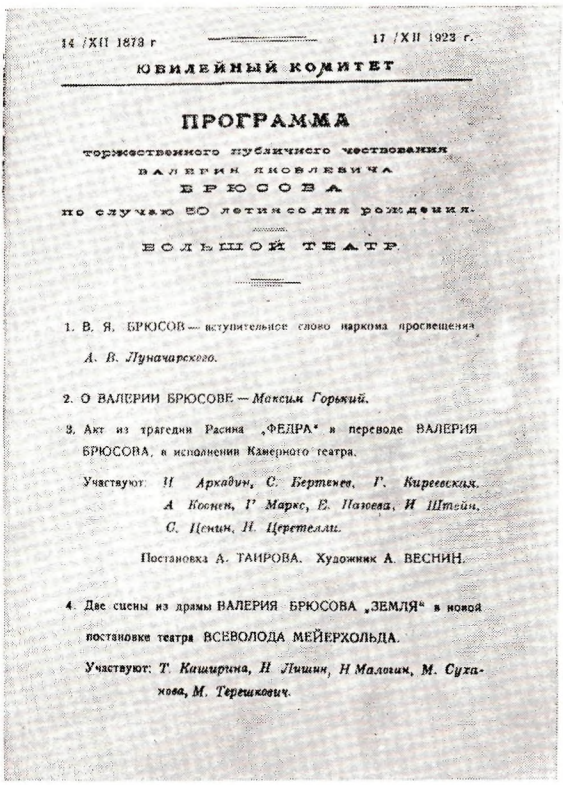
«Вне счета: 0. Juvenilia, юношеские стихотворения 1893—1895 г. [было готово] пред⟨стоит⟩ 3 изд. 1. Chefs d'Oeuvre. Стихотворения 1896 г. ([было] 5 изд.). 2. Me eum esse. Стихотворения 1897—8 (4 изд.). 3. Tertia Vigilia (4). 4. Urbi et Orbi (4). 5. Stephanos. Венок (4). 6. Toute la Lyre. Все напевы (4). 7. Umbrarum specula. Зеркало теней (4). 8. Arcus septicolorens. Семь цветов радуги (3). 9. Camena Nona. Девятая камена (1). 10. Temporibus [nostris] istis. В такие дни (2), соединенные со сборником «Последние мечты» (2). 11. Les Lointains. «Дали» (2), соединенные со сборником «Миг» (2). 12. Planetaria. Вне счета: Опыты (2)». Отмечая количество изданий своих сборников, Брюсов, по-видимому, учитывал неосуществленное собрание сочинений, подготовленное им для изд-ва Гржебина, или трехтомник *Избр. произв. 1926*, подготовку которого он закончил весной 1924 г.

ОТВЕТНОЕ СЛОВО НА ТОРЖЕСТВЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ПО СЛУЧАЮ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ 17 ДЕКАБРЯ 1923 ГОДА

Председатель ⟨А. В. Луначарский⟩: Список исчерпан. Слово для ответа на приветствия предоставляется юбиляру.

Голос: Привет от галерки.

Брюсов: Товарищи, что же я могу сказать в ответ на все приветствия? Для меня ясно, что честь, оказанная мне, безмерно выше моих заслуг. Сам-то я, конечно, это знаю и чувствую лучше всякого другого. Что здесь говорилось о моих стихах в этом широком единодушии многих учреждений, которые захотели вспомнить обо мне как о поэте, это я могу объяснить только тем, что я посильно старался выражать мысли, чувства, стремления и желания определенных групп, которые поныне продолжают



14 /XII 1873 г. — 17 /XII 1923 г.

ЮБИЛЕЙНЫЙ КОМИТЕТ

ПРОГРАММА

торжественного публичного чествования
ВАЛЕРИЯ ЯКОВЛЕВИЧА
БРЮСОВА
по случаю 50 летия со дня рождения.

БОЛЬШОЙ ТЕАТР

1. В. Я. БРЮСОВ — вступительное слово наркома просвещения *А. В. Луначарского.*

2. О ВАЛЕРИИ БРЮСОВЕ — *Максим Горький.*

3. Акт из трагедии Расина „ФЕДРА" в переводе ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА, в исполнении Камерного театра.

Участвуют: *И. Аркадин, С. Бертенев, Г. Киреевская, А. Коонен, Г. Маркс, Е. Полевая, И. Штейн, С. Цемин, Н. Церетелли.*

Постановка А. ТАИРОВА. Художник А. ВЕСНИН.

4. Две сцены из драмы ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА „ЗЕМЛЯ" в новой постановке театра ВСЕВОЛОДА МЕЙЕРХОЛЬДА.

Участвуют: *Т. Каширина, И. Лишин, Н. Малохин, М. Сухачева, М. Терешкович.*

ПРОГРАММА
ЧЕСТВОВАНИЯ БРЮСОВА
(50-ЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)
Москва, Большой театр
17 декабря 1923 г.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

работать в нашей современности, и, поскольку умел, был голосом товарищей, которые были одного мнения со мной.

Но что касается тех приветствий, в которых меня называют поэтом-гражданином, то здесь мне было это стыдно слышать, стыдно потому, что то малое, что на этом пути, может быть, я сделал, было меньше моих прямых обязанностей.

Но, товарищи, тем более поэтому я, чувствую, глубоко, глубоко тронут сегодняшним днем. Он останется одним из самых дорогих воспоминаний моей жизни. Я приношу мою самую искреннюю благодарность всем пожелавшим почтить меня, всем пожелавшим примкнуть к этому маленькому юбилею. Повторяю, за мою жизнь я не сделал, товарищи, и сотой доли того, что я хотел бы сделать и что я, может быть, обязан был сделать. Но сегодняшний день, конечно, должен послужить стимулом для новой энергии, к новой работе. И если мне суждена эта новая работа, то я надеюсь, товарищи, написать и исполнить что-либо лучшее того, что мною было сделано, и что будет сколько-нибудь да стоить тех приветствий, которые я сегодня выслушал.

Л у н а ч а р с к и й: Валерий Яковлевич выразил желание прочесть свои стихи.

Б р ю с о в: Эта мысль мне пришла совершенно экспромтом, так как об этом я совершенно не думал. Но я чувствую, что не умею, не могу сказать то, что мне в ответ нужно и хотелось бы сказать. Мне захотелось чем-нибудь выразить вам мою признательность.

Я прочитаю стихи о Пушкине и Мицкевиче, вариация — подражание уважаемому моему сотоварищу Борису Пастернаку, вариация на тему «Медный всадник».

Машинопись. Неправленная стенограмма. ЦГАЛИ, ф. 941, оп. 6, ед. хр. 9, л. 129—130.

РЕЦЕНЗИИ НА РУКОПИСИ

(для ЛИТО Наркомпроса)

Брюсов в послеоктябрьские годы часто выступал как рецензент не только в печати. Он был и автором многочисленных «внутренних» рецензий.

Известны его рецензии для Госиздата. Многие из них были опубликованы впоследствии в «Вопросах литературы» (1965, № 5), «Литературной России» (1963, № 51, 20 декабря), в журнале «Литературная Армения» (1973, № 12).

Аналогичные рецензии Брюсов писал и для ЛИТО Наркомпроса. Литературный отдел Народного комиссариата по просвещению был создан в декабре 1919 г. и начал функционировать в феврале 1920 г. В составе ЛИТО существовал Литературно-издательский подотдел, во главе которого стоял А. С. Серафимович. В задачи подотдела входили просмотр и рецензирование всех рукописей, поступавших в ЛИТО, за исключением адресованных непосредственно редакции журнала «Художественное слово» и Пролетарской секции. За время с 17 апреля по 6 июля 1920 г. было принято к печати 11 рукописей. Список их, открывающийся поэмой В. Маяковского «150 000 000», был помещен в журнале «Художественное слово» (1920, № 1, стр. 62—63). Некоторые рукописи, как указывалось в записке ЛИТО в коллегию Наркомпроса от 11 июня 1920 г., приобретались «в целях поощрения литературного творчества, независимо от возможности их издания» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 418, л. 5).

Брюсов, бывший заместителем заведующего (а с 22 ноября 1920 г. заведующим) ЛИТО, выступал (наряду с И. Аксеновым, Ю. Балтрушайтисом, И. Касаткиным и другими писателями) и в качестве рецензента присылаемых в отдел рукописей. В ЦГАЛИ (ф. 56, оп. 1, ед. хр. 64) хранится 14 автографов и машинописных текстов рецензий Брюсова. Из них здесь печатается пять.

Кроме того, публикуется отзыв о сборнике стихов Дира Туманного (Н. Панова) «Московская Америка» (1924), сохранившийся в архиве Брюсова (ГБЛ, ф. 386.37.37).

В. ИЛЬИНА. «ЖУРАВЛИ»

Вполне согласиться с предыдущими рецензентами *не могу*. В стихах В. Ильиной нахожу только мелочный анализ узкосубъективных переживаний, весьма не новых и рассматриваемых с весьма не новых точек зрения. Сходных стихотворений уже написано тысячи, если не миллионы. Техника — благопристойна, хотя от мастерства далека. Лично я не считаю счастливым нововведением систематическое применение плохих рифм. Талантлив ли автор? Кажется, не лишен дарования. Поэтому В. Ильина заслуживает внимания, а ее книга — нет.

Валерий Брюсов

4 мая 1920

Вера Васильевна *Ильина*, по мужу Буданцева (1894—1966), выступила впервые в печати в 1914 г. в журн. «Млечный путь». В 1920-е годы печаталась в альманахах и сборниках ГИЗа и артели писателей «Круг». Ее первая книга стихов «Крылатый приемыш» (М. — Пг., «Круг», 1923) не оставила заметного следа в литературе. Ильина выступала также как детская писательница («Шоколад. Повесть в стихах для детей». М., «Красная новь», 1923; «Гудок. Стихи». М., ЗиФ, 1927).

Сборник «Журавли», о котором идет речь в публикуемой рецензии, не был издан. Мнение о сборнике, противоположное брюсовскому, высказывали: И. Аксенов, предложивший «*купить* рукопись и *напечатать* эту книгу» (ЦГАЛИ, ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 1, л. 5), и Н. Асеев в рецензии для Госиздата от 7 октября 1920 г. (ЦГАОР, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 42).

В. ШЕРШЕНЕВИЧ. «ЛОШАДЬ КАК ЛОШАДЬ»

Все стихи т. Шершеневича составлены по одному шаблону, можно сказать по одному «рецепту». Автор задается целью писать метафорически, причем метафоры (и другие «фигуры») берутся им исключительно из современной городской жизни, притом из областей, которые считались романтиками «не поэтическими». Что касается идей, то автор старается высказывать мысли прямо противоположные тому, что считается общепризнанным. В длинном ряду стихотворений есть сравнения удачные, есть афоризмы острые, самый метод писания не лишен права на суще-

ствование. Но однообразие приемов крайне утомляет; зная два-три стихотворения т. Шершеневича, знаешь их все. Притом автор исходит преимущественно, если не всегда, «от ума», а не от эмоций. Его стихи скорее рифмованные и ритмованные рассуждения человека умного и образованного, чем поэзия.

Валерий Брюсов

11 мая 1920

Вадим Габриэлевич *Шершеневич* (1893—1942) — поэт, переводчик, драматург. Дебютировал эстетски-эпигонскими книгами стихов («Весенние проталинки». М., 1911; «Carmina». М., 1913), затем примкнул к эгофутуризму, был участником альманахов, выпускавшихся издательствами «Петербургский глашатай» и «Мезонин поэзии», автором стихотворных сборников («Романтическая пудра. Поэзы». Пб., 1913; «Экстравагантные флаконы». М., 1913; «Автомобилья поступь». М., 1916; и др.). В 1919 г. становится одним из руководителей группы имажинистов, выступает с обоснованием ее позиций («2 × 2 = 5. Листы имажиниста». М., 1920; и др.).

С Брюсовым Шершеневич познакомился в 1912 г., бывал на «средах» в его доме. «Брюсову я обязан тем, что я выучился работать», — утверждал Шершеневич в своих воспоминаниях «Великолепный очевидец» («Литературная Россия», 1975, № 2, 10 января, стр. 14). В архиве Брюсова сохранились письма Шершеневича к нему. В одном из них (от 17 декабря 1923 г.), поздравляя Брюсова с юбилеем, Шершеневич писал: «Мне очень грустно, что уже долгое время мы, в силу литературных условий, оказываемся как бы по две стороны баррикад искусства» (ГБЛ, ф. 386. 108. 24).

Сборник «Лошадь как лошадь», о котором идет речь в рецензии,— пример самоцельной имажинистской метафоричности. В рецензии на рукопись этой книги для Госиздата В. Фриче писал: «...поэт сравнивает себя с лошадью, задравшей трубою хвост, а свои стихи с конским пометом, в котором люди, как воробьи, будут рыться. Разрешить только в 4-ю очередь» (ЦГАОР, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 277, л. 13). Против принятия книги к печати высказывался также И. Аксенов (ЦГАЛИ, ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 1). Книга вышла в свет в издательстве «Плеяды» в 1920 г. В рецензии на нее Брюсов отмечал: «...стихи написаны в угоду теории. Это вредит и имажинизму и стихам т. Шершеневича. В книге больше мыслей, чем эмоций, больше остроумия, чем поэзии, больше формул, чем живых образов» («Художественное слово», 1920, кн. 1, стр. 57).

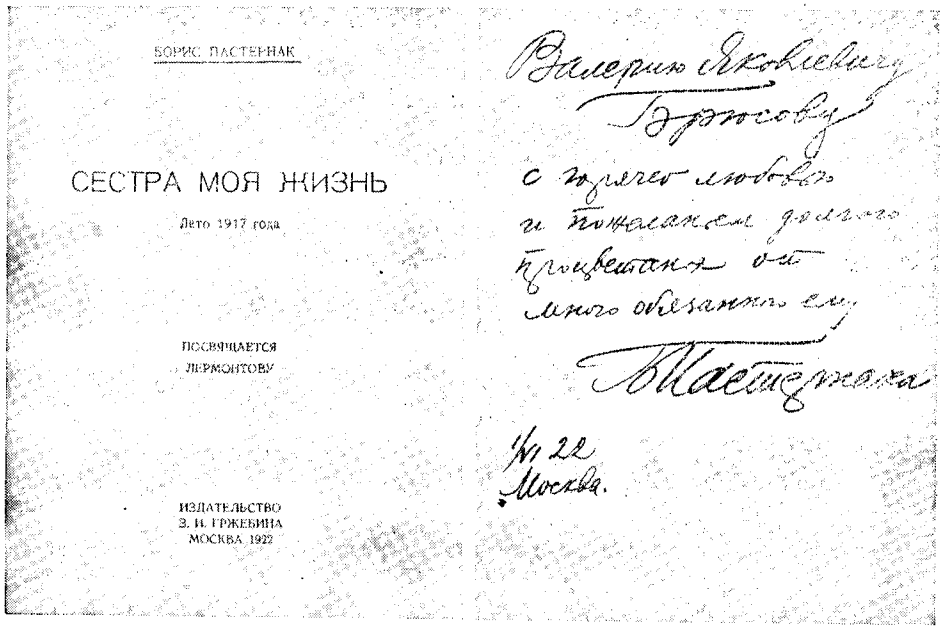
‹Б. ПАСТЕРНАК. СОЧИНЕНИЯ, т. I›

Б. Пастернака считаю поэтом и поэтом интересным, заслуживающим внимания. Однако в его поэтических работах есть немало и отрицательных сторон. Его стихотворения большею частью не сконцентрированы, распадаются на отдельные строки. В книге есть заглавие: «Отрывки целого»; многое другое в ней похоже на такие отрывки. Кроме того, Пастернак не владеет напевом стиха, который непосредственно воздействовал бы на читателя. Отдельные стихи инструментованы хорошо; другие вовсе не инструментованы; инструментовка одних стихов в стихотворении не приведена в согласие с другими и т. д. Часто стих же́сток, груб. Лучшее в поэзии Пастернака — мысли и образы; гораздо слабее — стих и музыка. Наконец, в книге немало повторений (основных замыслов), есть строфы и целые стихотворения безусловно слабые. Полагаю, что сборник много выиграл бы, если бы был значительно сокращен.

Валерий Брюсов

8 июня 1920

Внимание Брюсова привлекли еще первые выступления Бориса Леонидовича *Пастернака* (1890—1960) в печати — стихи в альманахе «Лирика» (1913) и сборник поэта «Близнец в тучах» (М., изд-во «Лирика», 1914). В своей рецензии Брюсов писал: «Наиболее самобытен Б. Пастернак‹...› у Б. Пастернака чувствуется наибольшая сила фантазии; его странные и порой нелепые образы не кажутся надуманными: поэт в самом деле чувствовал и видел так; «футуристичность» стихов Б. Пастернака — не подчинение теории, а своеобразный склад души» (*РМ*, 1914, № 6, разд. III, стр. 17). В более полном и законченном виде мысли Брюсова о Пастернаке выражены в отзыве на книгу «Сестра моя жизнь. Лето 1917 года» (М.— Берлин, изд-во З. И. Гржебина, 1922). Критика недостатков техники стиха при оценке ранних произведений,


БОРИС ПАСТЕРНАК

СЕСТРА МОЯ ЖИЗНЬ

Лето 1917 года

ПОСВЯЩАЕТСЯ
ЛЕРМОНТОВУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
З. И. ГРЖЕБИНА
МОСКВА 1922

Валерию Яковлевичу
Брюсову
с горячей любовью
и пожеланьем долгого
процветанья от
много обязанного ему
Пастернака
№ 22
Москва.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ Б. Л. ПАСТЕРНАКА
на сборнике стихов «Сестра моя жизнь». М., 1922:
«Валерию Яковлевичу Брюсову с горячей любовью и пожеланьем долгого процветанья
от много обязанного ему Б. Пастернака. 1/VI 22. Москва»
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

в том числе и в публикуемой рецензии, сменяется высоким признанием новаторских достижений поэта (см.: «Печать и революция», 1922, № 7, стр. 57).

Рецензируемая рукопись была принята к печати Литературно-издательским подотделом ЛИТО (см.: «Художественное слово», 1920, № 1, стр. 63). Другим рецензентом этой рукописи был И. Аксенов (извлечение из его отзыва см. там же, стр. 60). Книга «Сочинения, т. I» издана не была.

Б. ТОМАШЕВСКИЙ. «ПУШКИН И ФРАНЦУЗСКИЕ ПОЭТЫ»

Решительно не могу согласиться с автором предшествующего отзыва.

Статьи Б. Томашевского построены по избитому шаблону «историко-литературных исследований» о «влияниях» одного писателя на другого. Сообщаются общие сведения (весьма не новые, взятые из любой истории литературы) о «влияющем» писателе, потом такие же о писателе, «подвергающемся влиянию» в тот или иной период его деятельности. Цитируются все случаи, когда второй упоминает имя первого. Приводятся все места из произведений обоих, где есть внешнее сходство,— одинаковые мысли или одинаковые слова, хотя то же самое можно было найти у многих других авторов. В заключение — вывод: ясно, что такой-то «влиял» на такого-то. Из такого «исследования», как бы оно ни было кропотливо, *не следует ровно ничего*. Что Пушкин с детства хорошо знал Мольера и Лафонтена (о которых говорит т. Томашевский), это — бесспорно. Что среди цитат, приведенных автором, есть такие, где сказываются у Пушкина реминисценции из этих поэтов, тоже — несомненно. Но истинное «влияние» есть нечто большее. Оно выражается в замыслах, в методах работы, в миросозерцании; часто места, по внешнему содержанию вовсе не сходные, глубже вскрывают влияние другого писателя, нежели почти тождественные. В самой настойчивости отрицания того

или другого метода можно иногда вернее проследить влияние, нежели в подражаниях. Влияние Мольера на Пушкина, например, должно прежде всего искать в «Борисе Годунове», нежели в таких общих местах, как стих лицеиста Пушкина:

С Мольером исполином...

Все это в исследовании т. Томашевского или вовсе обойдено молчанием, или едва затронуто. Зато в этом исследовании безмерно много лишнего, давно известных соображений, фактов, повторяемых во всех статьях о Пушкине, и т. д. В специальном издании, каково было, например, изд. С. А. Венгерова или «Пушкин и его современники», работа т. Томашевского еще могла бы, *с необходимыми сокращениями*, найти свое место, но в отдельном издании она решительно неуместна и ненужна.

Валерий Брюсов

23 июня 1920 года

Борис Викторович *Томашевский* (1890—1957) — филолог, литературовед, пушкинист. Работа, подвергнутая критике в публикуемой рецензии, не была напечатана (см. список работ Томашевского: «Ученые записки ЛГУ», № 261, 1958. Серия филологических наук, вып. 49). Затронутую тему исследователь разрабатывал затем на протяжении многих лет, результатом чего явилась книга «Пушкин и Франция» (Л., «Сов. писатель», 1960).

В 1911—1912 гг. Томашевский посылал Брюсову свои первые опыты по изучению пушкинского стиха (см. публикацию писем Томашевского к Брюсову в «Ученых записках Тартуского университета. Труды по знаковым системам», вып. 284, 1971). Его позднейшие расхождения с Брюсовым отразились в отрицательном отзыве на книгу Брюсова «Наука о стихе» («Книга и революция», 1921, № 10—11).

Кто был автором предшествующего отзыва о работе Томашевского «Пушкин и французские поэты», установить не удалось.

К. БОЛЬШАКОВ. «АНГЕЛ ВСЕХ СКОРБЯЩИХ»

В эпоху зарождения нашего футуризма, лет 10 тому назад, К. Большаков был отмечен критикой, как один из наиболее талантливых представителей этого движения. С удовлетворением должно отметить, что молодой поэт не остановился на первых своих достижениях. Его новые стихи значительнее ранних и по содержанию и по форме. Во многом поэзия К. Большакова еще остается в пределах технических «исканий» и, как таковая, нужна и интересна лишь для ограниченного круга читателей. Но отдельные стихотворения уже являются вполне завершенными созданиями, имеющими право на общее внимание. Такова, напр., «Тихая повесть», с описанием современной казармы, где —

— и рассказ о выигранной казначейше
Не кажется старым,—

и с восклицаниями —

А вам, мечтатели о знойных мулатках,
О странах лучших солнц на свете,
Понять ли, что сердце в груди босоногой солдатки,
Как солнце, светло и радостно светит!

В наши дни вряд ли есть необходимость спешно печатать книгу т. Большакова, но автор заслуживает поощрения.

Валерий Брюсов

21 окт. 1920

Константин Аристархович *Большаков* (1895—1940) сообщал в автобиографии: «Стихи начал писать с 14-ти или 15-летнего возраста. Примерно около этого же времени — встреча с В. Я. Брюсовым. На наивно-обязательный вопрос: «стоит ли мне писать» получил пространное наставление, как и над чем нужно работать, чего доби-

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ДИРА ТУМАННОГО (Н. Н. ПАНОВА)
на книге «Московская Америка». М., 1924: «Валерию Яковлевичу Брюсову,— старшему мастеру и учителю в поэзии,— с искренним уважением, —Д. Туманный. 19 23/XI 23»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

ваться, к чему стремиться. Этими предначертаниями руководился, очевидно, мало ‹...› вышедшая книга стихов (в 1913 г.) «Le futur» (кстати: конфискованная царской цензурой) поставила меня в лагерь тогдашних футуристов. Через год-два юношеское тщеславие могло удовлетворяться рецензиями и заметками, называвшими одним из мэтров новой школы» («Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков». Под ред. Вл. Лидина. 2-е изд. М., «Современные проблемы», 1928, стр. 60—61).

Вышедшие в 1910-х годах сборники стихов Большакова («Мозаика. Стихи и проза 1904—1910». М., 1911; «Сердце в перчатке». М., «Мезонин поэзии», 1913; «Солнце на излете. Вторая книга стихов 1913—1916». М., «Центрифуга», 1916; и др.) и выступления поэта в альманахах футуристов не оставили заметного следа в истории русской литературы. Большаков более известен в советской литературе как прозаик — автор повестей и рассказов о солдатской жизни, о событиях гражданской войны, участником которой он был («Сгоночь». М., «Никитинские субботники», 1927; «Путь прокаженных. Рассказы». Изд-во Московского товарищества писателей, 1927, и др.), и романов на историко-биографические темы: «Бегство пленных, или История страданий и гибели поручика Тенгинского пехотного полка Михаила Лермонтова». Харьков, «Пролетарий», 1929; «Маршал сто пятого дня». М., Гослитиздат, 1936.

Сборник «Ангел всех скорбящих» был принят в ЛИТО к изданию в первую очередь только 17 мая 1921 г. на основании отзывов И. Касаткина и И. Аксенова (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 22, ед. хр. 65). Издание его не было осуществлено.

О КНИГЕ: Д И Р Т У М А Н Н Ы Й. МОСКОВСКАЯ АМЕРИКА.

1-я книга стихов (1919—1923)

По книге Дира Туманного видно, как он учится писать стихи. Хотя это «первая книга стихов», но вспоминая эстрадные выступления автора, должно признать, что его новые стихи — шаг вперед. Слабее начало книги. Это — явно ученические опыты. Автор старается усвоить себе

реалистическую манеру и тщательно описывает картины, какие попадаются ему на глаза. Технически же стихи очень слабы: натянутые рифмы etc. Следующий отдел удачнее. Автор довольно хорошо усваивает себе технику символистов (и *через них* немного манеру Верхарна). Этим приемом он изображает «агитатора» etc. Как зарисовки нашей современной жизни эти стихи не лишены некоторого значения. Будем надеяться, что Дир Туманный, совершенствуясь далее, сможет, наконец, написать что-либо оригинальное.

1924 г.

Под псевдонимом Дир Туманный в 1920-х годах выступал Николай Николаевич *Панов* (1903—1973); начал печатать стихи в 1919 г. в газете «Коммунар» и журн. «Творчество»; в 1920—1922 гг. был организатором группы поэтов «презантистов»; в 1924 г. вошел в образовавшийся тогда литературный центр конструктивистов (ЛЦК).

После опубликования первой книги стихов «Московская Америка» (М., изд. «Новая Москва», 1924), Панов обращается к прозе. Его первые романы «Всадники ветра» (1925), «Дети черного дракона» (1925) носят приключенческий характер. В дальнейшем Панов получил известность как автор произведений, посвященных жизни военных моряков: поэма «Баренцево море» (1946), повести и романы: «Боцман с «Тумана» (1948), «Повесть о 2-х кораблях» (1950), «Колокола громкого боя» (1959), «Голубое и черное» (1962) и др.

ЗАПИСКА ОБ ИЗДАНИИ ОБЪЯСНИТЕЛЬНОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

18 января 1920 г. В. И. Ленин обратился к А. В. Луначарскому с письмом, в котором содержалось предложение: «Не пора ли создать словарь *настоящего* русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых *теперь* и *классиками*, от Пушкина до Горького» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 122).

Несмотря на огромную занятость Ленина, он не забывал о словаре. 5 мая того же года он поручает заместителю наркома просвещения М. Н. Покровскому (Луначарский находился тогда в агитационной поездке по Украине) проверить, как обстоит дело с подготовкой такого издания. «Луначарский сказал,— отмечается в письме,—что об этом он уже думал и что это не то делается, не то будет сделано» (там же, стр. 192).

Можно предположить, что Луначарский с глубокой заинтересованностью отнесся к заданию В. И. Ленина и обратился к Брюсову, бывшему тогда заместителем заведующего литературным отделом (ЛИТО) Наркомпроса, с просьбой взяться за организацию создания такого словаря современного русского языка. Луначарский учитывал, конечно, не только служебное положение Брюсова, но и то, что он был высокообразованным филологом, отлично знавшим все лучшие словари того времени. Брюсов не замедлил взяться за порученное дело и составить публикуемую ниже «Записку».

В обоих цитируемых письмах Ленин высказывал мысль о том, что новый словарь, предназначаемый «для пользования (и учения) всех», должен отличаться по своему типу от знаменитого словаря Даля: «Это *областнический* словарь и устарел» (там же, стр. 192, 122).

Трудно сказать, познакомили ли Луначарский и Покровский Брюсова с текстами ленинских писем, но можно заметить, что автор «Записки об издании объяснительного словаря русского языка» разделял это ленинское мнение.

Отдавая должное «Толковому словарю живого великорусского языка» Даля, Брюсов подчеркивает его особое назначение — служить преимущественно научным интересам филологов, лицам, «желающим знакомиться с языком научно». Словарь же для широкого круга читателей не обязательно должен стремиться охватить весь лексический состав языка, тем более областные слова (провинциализмы), столь щедро представленные в Далевом словаре, а также архаизмы; нет большой необходимости разъяснять в нем и происхождение слов (существовавший тогда незаконченный «Этимологический словарь русского языка» А. Преображенского убеждал, насколько это сложно для восприятия неподготовленного читателя).

В «Записке» рекомендуется ориентироваться на малый французский словарь Ларусса, как наиболее отвечающий требованиям массового читателя. Известно, что В. И. Ленин также высоко ценил этот компактный, удобный для справок словарь и нередко им пользовался. В его личной кремлевской библиотеке сохранилось два издания этого словаря — 1909 и 1910 гг. А в письме второму заместителю наркома просвещения Е. А. Литкенсу от 19 мая 1921 г. Ленин прямо предлагает взять «малый Ларусс» за образец (т. 52, стр. 199).

В «малом Ларуссе» Брюсова особенно привлекает объединение филологического толкования слова и «реального толкования», т. е. «объяснения по существу дела».

Большое значение автор «Записки» придавал правильному, научному объяснению слов «иностранного корня» и специальной лексики, а также терминологических значений общенародных слов. Русский язык, особенно язык публицистики, все время пополняется социально-политическими словами международного хождения, так называемыми интернациональными словами, для называния тех новых явлений, которые возникают в общественной и культурной жизни.

Неправильное применение иноязычных слов, злоупотребление ими в речи вызывало резкий протест В. И. Ленина, отразившийся в заметке «Об очистке русского языка», написанной в том же 1920 г. Однако без слов «иностранного корня» нельзя было обойтись, и чтобы новый читатель полно и верно осваивал современную политическую и научную литературу, Брюсов полагал необходимым представить их точное объяснение в массовом практическом словаре.

Брюсов ясно понимал нарастающую роль науки и техники в революционной стране. Его внимание, можно сказать, увлеченность проблематикой научно-технического прогресса видны и в его поэтических сборниках «Дали», «Меа». Сказалось это и в «Записке», где предлагается широко включить в словарь специальную лексику с ее подлинно научным реальным объяснением, для чего к составлению словаря должны быть привлечены специалисты всех отраслей знаний.

Затронутый в «Записке» вопрос о способах объяснения терминов в словаре массового типа остается актуальным и в наше время, о чем свидетельствуют материалы Всесоюзного совещания, посвященного проблеме определения терминов в словарях и проходившего в Ленинграде (1974).

Следует отметить, что, чуткий к языку, Брюсов обратил внимание на существование терминов, состоящих из нескольких слов. Он предлагает помещать в словаре терминологические сочетания вроде «теории вероятностей» или «руля высоты», что являлось новаторством для лексикографии того времени.

Уделяя много внимания характеру словника проектируемого словаря, Брюсов подчеркивал и необходимость обратить в нем особое внимание «на красоту и чистоту русской речи», т. е. рассматривал словарь как пособие для воспитания культуры подлинного, настоящего русского языка.

Брюсов не мыслил свой будущий словарь и вне определенной идейной направленности, рассматривал его как одно из доходчивых средств пропаганды коммунизма.

«Записка» встретила, надо полагать, благоприятную оценку у руководителей Наркомпроса. Из сохранившегося письма Брюсова к Покровскому от 14 июня 1920 г. (ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 182, л. 116) видно, что ему предложили представить смету расходов по составлению словаря, и он выполнил это поручение.

В дальнейшем по каким-то причинам Брюсов перестал заниматься задуманным словарем, а в начале 1921 г. прекратилась его работа в литературном отделе Наркомпроса. Когда через год В. И. Ленин вновь заинтересовался организацией дела составления словаря и обратился по этому вопросу к Литкенсу, то к делу были привлечены другие лица. Возглавить работу по составлению однотомного словаря современного русского языка было поручено заведующему Главнаукой Наркомпроса И. И. Гливенко. Будучи профессором по романской филологии Московского университета, он прежде всего привлек к участию в словарном предприятии своего коллегу, специалиста по русскому языку, профессора Д. Н. Ушакова и одного из его учеников, А. А. Буслаева, затем и других профессоров Московского университета: П. Н. Сакулина, Н. Н. Дурново, А. Е. Грузинского. Как стал создаваться этот словарь, вкратце

сообщается в статье Е. А. Левашова и В. П. Петушкова «У истоков советской лексикографии», опубликованной в «Известиях АН СССР. Серия литературы и языка», т. XXIX, вып. 2, 1970.

Имя Брюсова больше не упоминается в сохранившихся материалах по истории словаря, однако публикуемая записка позволяет считать Брюсова причастным к выработке основных принципов советской лексикографии, призванной в первую очередь служить интересам народа.

Объяснительный словарь живого языка может преследовать цели или научные или практические.

Задачи научного словаря — дать *исчерпывающий* список слов, объяснить их происхождение, выяснить их различные значения и употребления. Таков классический французский словарь Литтрэ [1], у нас — словарь В. И. Даля (с дополнениями проф. Бодуэна де Куртене) [2]. Сокращение объема подобных словарей — невозможно, так как их основное достоинство в полноте подбора слов и их значений. Обращается такой словарь преимущественно к специалистам, вообще к лицам, желающим знакомиться с языком научно.

Задачи практического словаря — объяснить читателю слова, которые могут затруднить его. Таков, напр., «малый» французский словарь Ларусса [3]. Объем таких словарей — произволен, зависит от того, какой круг читателей имеется в виду.

Но практический словарь не может ограничиваться только филологическим толкованием слов, так как его недостаточно для объяснения читателю значения слова.

Затруднять читателя могут следующие слова: 1) архаизмы, 2) неологизмы, 3) провинциализмы, 4) идиотизмы [4], 5) иностранные, 6) специальные (термины и др.).

Архаизмы в новой литературе встречаются редко (исключения, как стихи Вяч. Иванова, не существенны). Из числа писателей, ныне читаемых, только Державин и Радищев могут затруднить архаизмами. Уже у Пушкина их мало. Притом только немногие архаизмы действительно непонятны даже в контексте. Такие слова, как *брег*, *злато*, *сие*, *втуне*, хотя и вышли из употребления, большинству понятны.

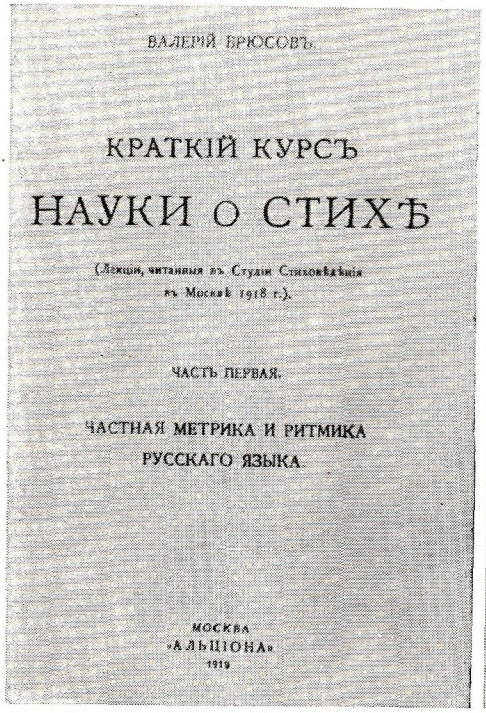
Неологизмы еще меньше могут затруднить читателя. Новообразованные слова быстро проникают в массы, потому что созданы современной потребностью. Такие слова, как *хулиган*, *шимоза*, *аэроплан*, *радио*, *Совнарком*, конечно, затруднят читателя менее других.

Провинциализмы у каждого писателя — разные, одни — у Гоголя, другие — у Печерского и т. д. В общем словаре значительная часть их была бы балластом. Полезнее — объяснять их в примечаниях к изданию текстов.

То же относится к идиотизмам отдельных писателей.

Действительное затруднение читатели встречают в словах иностранного корня и специальных. Если понимать литературу более широко, иметь в виду не только художественные произведения, стихи, драмы, повести, но и статьи по общим вопросам, критико-литературные, философские, общественно-политические и др., то в этом отношении современная литературная речь представляет немало трудностей для неподготовленного читателя.

Но именно эти слова и требуют, кроме *филологического*, также и *реального* толкования. Даже в словаре Даля такие слова сопровождаются реальным толкованием, большею частью, однако, неудовлетворительным. Напр., слово *дифференциал* объяснено так: «матем. бесконечно малое количество», что и неверно, и недостаточно, а главное — ничего не объясняет читателю. Слово *гипербола* объяснено там же: «линия, которая обо-


ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ

КРАТКІЙ КУРСЪ

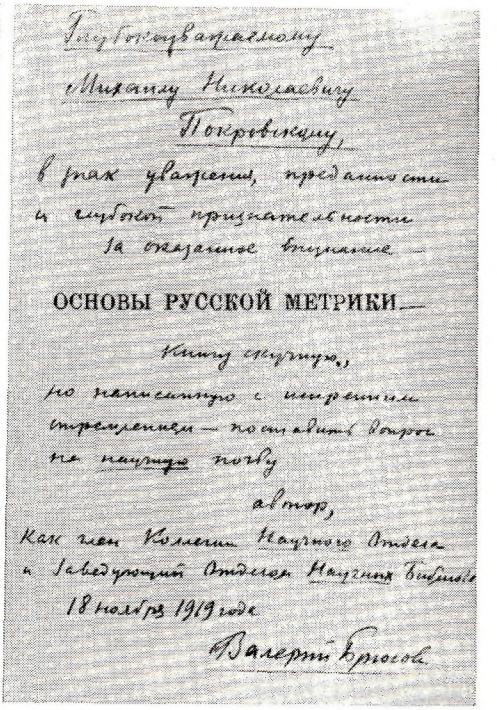
НАУКИ О СТИХѢ

(Лекціи, читанныя въ Студіи Стиховѣдѣнія
въ Москвѣ 1918 г.).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЧАСТНАЯ МЕТРИКА И РИТМИКА
РУССКАГО ЯЗЫКА.

МОСКВА
«АЛЬЦІОНА»
1919


Глубокоуважаемому
Михаилу Николаевичу
Покровскому,
в знак уважения, преданности
и глубокой признательности
за оказанное внимание —

ОСНОВЫ РУССКОЙ МЕТРИКИ.—

Книгу скучную,
но написанную с искренним
стремлением — поставить вопрос
на научную почву

автор,
Как член Коллегии Научного Отдела
и Заведующий Отделом Научных Библиотек
18 ноября 1919 года
Валерий Брюсов

«КРАТКИЙ КУРС НАУКИ О СТИХЕ». М., «АЛЬЦИОНА», 1919
С дарственной надписью: «*Глубокоуважаемому Михаилу Николаевичу Покровскому*, в знак уважения, преданности и глубокой признательности за оказанное внимание 〈—«*Основы русской метрики*» —〉 книгу скучную, но написанную с искренним стремлением — поставить вопрос на *научную* почву, автор, как член коллегии *Научного* отдела и заведующий Отделом *научных* библиотек. 18 ноября 1919 года. *Валерий Брюсов*»
Титульный лист и шмуцтитул
Литературный музей, Москва

значилась бы на поверхности сахарной головы, если ее рассечь сбоку отвесно»,— объяснение, несомненно, реальное, но при всей его «наглядности», вряд ли способное помочь читателю понимать хотя бы романы Жюля Верна и Фламмариона.

Возьмем несколько примеров — иностранных слов, имеющих *несколько* значений, как термины и иначе.

Можно ли уяснить читателю слово *потенциальный*, не объяснив его значение в применении к явлениям механики, физики, химии? Можно ли, объясняя слово *индукция*, не упомянуть об электричестве? Можно ли при слове *инерция* промолчать о механике? при слове *феномен* — о философии? при слове *критический* — забыть о Канте? и т. д.

Подобные же слова можно указать и чисто русские: напр., *сродство* (химический термин), *удельный* (исторический термин), *предел* (математический термин).

Читатели будут введены в затруднение, если в словаре будут объяснены слова *теория* и *вероятность*, но не будет термина *теория вероятностей* (математическая), или — слова *руль* и *высота*, но не выражение *руль высоты* (на аэроплане).

Реальных объяснений несомненно требуют многие разделы слов. Таковы прежде всего термины политической экономии: *капитал*, *рента*, *прибавочная стоимость* и т. д.; термины исторические: *эллинизм*, *иудаизм*, *средневековье*, *легитимизм* и др.; термины точных наук: *корень*

(математ.), *орбита*, *диффузия*, *тайнобрачные* и др.; названия приборов и машин: *термометр*, *компас*, *телефон*, *кинематограф*, *радиотелеграф* и др.; сравнительно «простые» слова, как *христианство*, *революция*, *античный* и др.

Без реальных объяснений таких слов читатель после объяснения *формального* все равно принужден будет обращаться к энциклопедиям.

Из этого следуют два вывода:

1) Что объяснительный словарь должен непременно давать *объяснения по существу дела*, реальные.

2) Что к составлению такого словаря должны быть привлечены *специалисты всех отраслей знаний*. (Словарь Даля — пример, как неосторожно поступает филолог, берясь давать определения терминам и математическим, и химическим, и политическим и всяким иным).

Однако объяснительный словарь *не должен быть и энциклопедией*. Энциклопедический словарь, как бы краток он ни был, задается целью *дать знания*, объяснительный — только *объяснения*. Этим, между прочим, объяснительный словарь должен по существу отличаться от проектированной и уже начатой «Советской Энциклопедии».

Остается добавить, что удачно составленный объяснительный словарь явится могущественным средством *пропаганды*, так как все ответственные статьи и заметки, конечно, должны быть в нем составлены с определенной коммунистической точки зрения.

Литературный Отдел Наркомпроса считает себя в силах взять на себя организацию объяснительного словаря с привлечением в сотрудники специалистов по всем отраслям знания.

При редактировании словаря особое внимание будет обращено на *красоту* и *чистоту* русской речи, с сохранением, конечно, научной точности определений.

Предполагаемые размеры словаря: часть I (слова нарицательные) — около 30 печ. листов; часть II (имена собственные) — около 25 листов. Всего — от 55 до 60 печатн. листов. Впрочем, размеры словаря, как указано выше, могут быть свободно сужены или расширены.

Срок выполнения, при 50 главных сотрудниках, около 3 месяцев.

В случае одобрения общих принципов, будет представлен подробный план работы.

Зам. заведующего Литературным отделом

ОБЪЯСНЕНИЯ

В словаре предполагается 80 листов по 32 столбца, всего 2560 столбцов; в каждом столбце — 80 строк, всего, вычитая пробелы, до 200.000 строк (204.800)

Пояснительных рисунков и чертежей около 2000; географических и исторических карт — 15.

К работе над Словарем будут привлечены редакторы отделов:

1. Философия. Религии	—1 ред.
2. Чистые науки	—2 ред.
3. Прикладные науки. Техника	—1 ред.
4. Социальные науки. Право	—1 ред.
5. История	—2 ред.
6. Искусство	—1 ред.
7. Литература	—2 ред.
8. Лексический материал. Философия	—2 ред.
9. Спорт, игры, хозяйство и др.	—1 ред.
10. Общий редактор издания	—1 ред.
Всего	14 человек

К составлению Словаря — 30 ближайших сотрудников и неопределенное количество других сотрудников.

Редакция Словаря должна обладать исполнительным аппаратом в составе, указанном в смете (6 человек), с расчетом на 6 месяцев.

Техническая часть, по заведыванию печатанием Словаря, должна быть организована особо (см. смету), с расчетом на 3 месяца.

Ввиду важности, огромности и спешности труда оплата его не может быть подчинена ставкам Государственного издательства. Статьи Словаря должны быть исключительно сжаты, но требуют и обширных познаний и напряженнейшей работы как редакторов, так и сотрудников. Несколько строк Словаря могут требовать работы в несколько дней; ряд статей, предложенных сотрудниками, может быть и будет вычеркнут редакторами или возвращен для переработки и т. д. Некоторые, особо ответственные статьи требуют оплаты повышенным гонораром (приблизительно $^1/_4$).

Все это заставляет утвердить специальные ставки для всех сотрудников Словаря, как литературных, так и технических.

Кроме того испрашиваются:

Для 14 редакторов — семейные пайки.

Для 30 ближайших сотрудников — академические пайки.

Для Секретариата и технической части — 1 извозчик на 6 месяцев, для разъездов по библиотекам, учреждениям, типографиям и т. д.

‹1920›

Автограф. ГБЛ, ф. 386. 116.7, л. 1—5.

[1] E. Littré. Dictionnaire de la langue française, t. 1—4. Paris, 1874.

[2] В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е исправленное и значительно дополненное издание под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртене. Т. I—IV. СПб., 1903—1909; 4-е издание, являющееся стереотипным повторением 3-го. СПб., 1912—1914.

[3] «Petit Larousse illustré. Nouveau dictionnaire encyclopédique, publié sous la direction de Claude Augé». Paris.

Выходил с 1906 г. Назван по имени известного французского лексикографа Пьера *Ларусса* (1817—1875), который основал в 1852 г. издательство, выпускавшее энциклопедические словари. В личной библиотеке Брюсова находилось издание «малого Ларусса» 1908 г.

[4] Неупотребительное теперь обозначение лингвистического понятия «идиома» (оборот речи, выражение, свойственное какому-нибудь языку и непереводимое дословно на другой язык).

ОТЧЕТ В. Я. БРЮСОВА,

члена Моссовета, бил. 840/1492,
прикрепленного к Ф. О. Н. 1-го М.Г.У.

Секцией МОНО Моссовета я был прикреплен к Совету Ф. О. Н. 1-го Моск. Гос. Университета. Заседаний Совета Ф. О. Н. за истекший период состоялось всего два, что, конечно, давало мне крайне ограниченную возможность наблюдения и личного влияния. Такое положение компенсировалось, однако, тем, что я состою профессором ФОНа, по Отделению языка и литературы, и потому вхожу в совет Отделения; что я служу как заведующий одного из Отделов Главпрофобра и потому участвую в заседаниях Коллегии Главпрофобра и Совета по делам ВУЗов, где нередко обсуждаются вопросы, касающиеся ФОНа 1-го МГУ; что я состою членом Президиума в Научно-исследовательском Институте Отделения языка и литературы ФОНа и через то имею сведения о Научно-исследовательских институтах других Отделений ФОНа; наконец, что по делам службы и профессуры я имею отношения как к декану ФОНа, т. Сережникову, так и к ректору 1-го МГУ, т. Волгину. Все это дало мне возмож-

ность достаточно полно знакомиться с общей деятельностью ФОНа и в случаях, когда я то считал обязательным или полезным, высказывать свои суждения как члена секции Моно Моссовета.

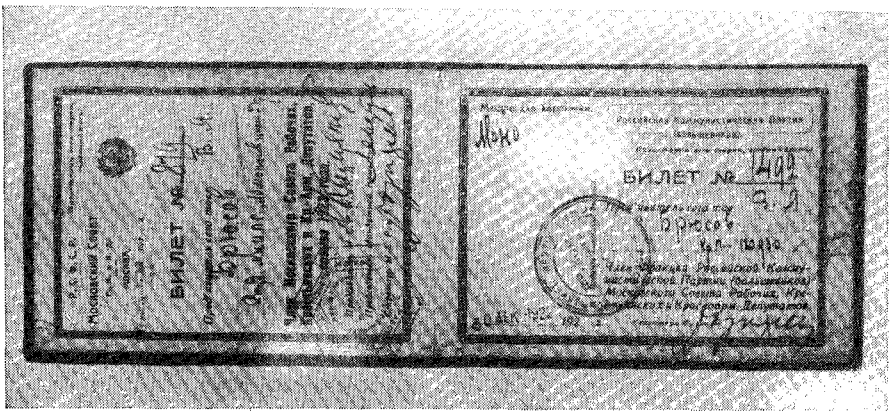
Работа ФОНа при новом декане, т. Сережникове, шла преимущественно в четырех направлениях:

1) Общая организация факультета и выработка нового учебного плана; 2) «чистка» студенческого состава; 3) «чистка» состава профессоров и преподавателей; 4) реорганизация Исследовательских институтов. К этому должно добавить работы по хозяйственной части и по улучшению быта студентов, в частности перевод ФОНа и части его общежитий в новые помещения; но в этой работе, производимой Правлением МГУ, я не имел возможности участвовать, не считая частного случая — именно размежевания ФОНа и Моск. Госуд. Консерватории в помещении бывш. Хоровой Академии, в чем я участвовал, как заведующий Охобром Главпрофобра.

Реорганизация ФОНа состояла в сокращении непомерно разросшегося числа его Отделений, что я должен был признать совершенно рациональным. Отделения «художественно-литературное» и «лингвистическое» были слиты в одно: «языка и литературы»; точно так же Отделения «искусствоведения» и «археологии»— в одно: «археологии и искусств». Студенты бывших 4-х отделений распределены по 2-м новым; студентам последнего курса разрешено кончить Университет по старым программам, 10-м триместром, в январе 1924 г. В составе ФОНа осталось, однако, еще одно отделение, по своим заданиям и по общим программам не соответствующее размеру других, именно — «статистическое». Мною на одном из заседаний было на это указано, но временно это отделение оставлено как самостоятельное, однако оно лишено было специальной предметной комиссии. Последнее обстоятельство, хотя и подчеркивает меньшую самостоятельность статистического отделения сравнительно с другими, вряд ли вполне целесообразно (что также отмечалось мною), ввиду несомненной своеобразности специальных дисциплин этого отделения. Вообще организация предметных комиссий ФОНа может возбуждать спор. Число их *меньше*, чем число отделений, почему, напр., отделение «языка и литературы» имеет общую предметную комиссию, несмотря на все различие дисциплин лингвистики и истории литературы. Я, однако, не счел полезным настаивать на увеличении числа предметных комиссий, по причинам, которые изложены ниже: именно — ввиду *партийного* состава профессуры (при большем дроблении, некоторые комиссии остались бы без партийных представителей).

В связи с реорганизацией шла и выработка новых учебных планов, на которой я не могу здесь долго останавливаться, так как это потребовало бы детального рассмотрения разных чисто академических вопросов по разным отраслям знания. Скажу только, что новые планы бесспорно являются шагом вперед сравнительно с прежними. Но основной недостаток прежних еще остается. ФОН *перегружен* огромным количеством предметов, из которых многие вряд ли необходимы. Так, например, есть случаи, когда отдельно читается история литературы XVII века одной страны и история литературы XVIII века той же страны и т. под. Студенты загружены сдачей большого числа «зачетов», что заставляет их относиться к этому формально и довольствоваться для ряда предметов самым поверхностным с ними ознакомлением. Повторяю все же, что в этом отношении новый план внес ряд несомненных улучшений и облегчений.

«Чистка» студентов проходила без моего участия, но с результатами ее я знаком по докладу декана т. Сережникова, сделанного им зам. зав. Главпрофобра т. Истомину. Чистка была произведена по принципу академическому, т. е. на основании количества зачетов и т. под. Тем не менее при чистке принимался во внимание и момент социальный. Для элементов, желательных в составе студенчества, допущены были некоторые



БИЛЕТЫ БРЮСОВА — ЧЛЕНА МОСКОВСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ (СОЗЫВА 1923 ГОДА) И ЧЛЕНА ФРАКЦИИ РКП(б) МОССОВЕТА

Выданы Брюсову 30 декабря 1922 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

«послабления», к элементам нежелательным академические требования были приложены во всей их полноте. Во всяком случае, результат чистки оказался в общем удачным. Надо признать, что в прошлом, 1922—23, ак. году состав студенчества ФОНа оставлял многого желать. Позволю себе сказать, что в прошлом году среди студентов ФОНа было много таких, которых я не сумею характеризовать иначе, как «барышни», с чисто буржуазной психологией, чуждых по существу и вопросам науки. В текущем году это значительно изменилось. Что касается 1-го курса, то в текущем году состав его должен оказаться совершенно иным, так как принимались почти исключительно окончившие рабфаки.

Чистка состава профессоров и преподавателей была произведена на фракционном собрании профессоров и преподавателей ФОНа. Эта чистка, в которой принимали участие многие видные партийные деятели, в том числе зам. наркома М. Н. Покровский, была проведена *очень твердо*. Ряд профессоров, пользующихся громким именем, был отстранен от преподавания в Университете ввиду их общественно-политических взглядов, их идеалистического мировоззрения и т. под. соображений — напр., проф. Челпанов. Между прочим, при этой чистке выяснилось, что на бывш. лингвистическом отделении, ныне — секция языка на Отделении языка и литературы, в составе профессоров нет *ни одного* партийного; на секции литературы того же Отделения — только два партийных: В. М. Фриче и В. Я. Брюсов (но, впрочем, еще несколько очень видных марксистов, как П. С. Коган и В. Ф. Переверзев). То же — по отделению археологии и искусств. Это наблюдение показывает, что на такие отделения должно обратить особое внимание, чтобы подготовить для будущего профессоров-марксистов по таким важным отраслям знания, как история литературы, языкознание, археология, искусствоведение.

Исследовательский институт ФОНа получил свою организацию, свой устав, только с весны этого года. Поэтому он находится еще в периоде устроения. Некоторые трения возникают между отдельными секциями Института, стремящимися к известной автономии, президиумами секций и Президиумом всей Ассоциации. Некоторые секции отстаивают право вести работы индивидуальные; президиумы и Ассоциация, напротив, настаивают на работах коллективных, подчиненных единому плану. Так,

напр., Президиум секции языка и литературы предлагает как общую работу — разработку марксистских методов в применении к изучению литературы... Вопрос пока остается в стадии обсуждения. С своей стороны, я настаиваю на принятии предложения Президиума. Помимо того, Институты заняты отбором лиц, кончивших Университет и желающих готовиться к профессорскому званию, и предварительным «коллоквированием» с ними (т. е. проведением своего рода поверочных испытаний), за чем должно следовать руководство их работой. Подобные научные коллоквиумы уже имели место, причем я принимал в них участие. После научного коллоквиума по уставу полагается сдача так наз. «марксистского минимума», т. е. выяснение знакомства с основными произведениями марксистской литературы.

Что касается чисто цифровых данных — числа студентов, числа членов РКП и КСМ между ними и т. под., я их не привожу, так как для 1-го МГУ они всегда могут быть получены официальным путем, и более точные, нежели я их мог бы сообщить по своим сведениям. Точно так же считаю излишним указывать, что все студенческие организации, предусмотренные Положением о ВУЗах, на ФОНе имеются.

В заключение отмечу, что декретированные общественно-политические предметы на ФОНе читаются в полном объеме. Но декретированные же Совнаркомом естественнонаучные предметы (физика, химия и биология) из учебных планов ФОНа исключены. Мною было указано на это, причем я считал эти предметы необходимыми не только потому, что они декретированы, но по общим соображениям, как обязательные для каждого образованного человека. Однако Совет не мог согласиться с моим мнением, ссылаясь на недостаток времени и на оторванность естествознания от других дисциплин ФОНа.

Валерий Брюсов

Октябрь 1923.

Автограф. ГБЛ, 386.117.27, л. 1—6.

БРЮСОВ – РЕДАКТОР

БРЮСОВ И «ВЕСЫ»

(К истории издания)

Статья К. М. Азадовского и Д. Е. Максимова

Среди многочисленных периодических изданий русских символистов основное место занимает московский журнал «Весы» (1904—1909). «История «Весов» может быть признана историей русского символизма в его главном русле»,— подводил итоги деятельности этого журнала преемственно связанный с ним «Аполлон» [1]. «Трудно себе представить, что «Весы», хотя бы временно, прекратились: до такой степени стал необходимым и привычным этот завоевательный орган»,— отмечает М. А. Кузмин в своей «некрологической» статье о «Весах» [2]. А. А. Блок, которого в «Весах» не раз подвергали критике, писал в 1907 г.: «Весы» очень, очень дороги и близки мне, сейчас это единственное место, где я чувствую себя «не в гостях»[3] И даже В. И. Иванов, одно время занимавший враждебную «Весам» позицию, признавался в 1910 г.: «С «Весами» как движением чувствую себя связанным органически» (письмо к Брюсову от 27 мая 1910 г.— см. наст. том, стр. 529). Но если «Весы» справедливо считаются главным центром русского символизма, то центром «Весов» с полным основанием принято называть Валерия Брюсова. «Весы» — журнал Брюсова. Это мнение, лаконично и категорически сформулированное Д. С. Мережковским [4], разделялось почти всеми литераторами того времени и было распространено также среди позднейших историков литературы. Между тем сам Брюсов систематически корректировал, смягчал это утверждение, а иногда и прямо опровергал его (особенно в последние годы издания «Весов»). «...Я не редактор «Весов», но лишь один из ближайших сотрудников журнала»,— заявлял он на страницах газеты [5]. «Устно, письменно и печатно уверяю я всех, что «Весы» никогда не были «моим» журналом, и никто мне не верит»,— жаловался Брюсов Бальмонту [6].

Безоговорочное признание Брюсова полновластным редактором «Весов» и «отречения» самого поэта представляют собой две крайние точки зрения. Брюсов был, как известно, одним из инициаторов журнала и в течение ряда лет его бессменным руководителем. Однако роль его в «Весах» при ближайшем рассмотрении вопроса оказывается различной на разных этапах существования журнала. Она менялась по мере того, как менялись литературные и идейно-художественные воззрения, позиция Брюсова и соотношение сил внутри редакции. Определить степень подлинного участия Брюсова в редакционной жизни «Весов» и в связи с этим охарактеризовать некоторые особенности этого журнала — такова цель настоящей работы *.

Она написана преимущественно на основании неопубликованных материалов, хранящихся в ряде московских и ленинградских архивов, прежде всего в фонде Брюсова в Отделе рукописей ГБЛ. В ней использованы также устные сообщения и разъяснения, записанные Д. Е. Максимовым в 1928—1935 гг. со слов участников «Весов» — их официального редактора С. А. Полякова (запись 1935 г.), Андрея Белого (запись 1930 г.), М. А. Кузмина, К. И. Чуковского и некоторых современников, осведомленных в редакционных делах журнала — И. М. Брюсовой, Г. И. Чулкова, П. П. Перцова, Л. Я. Гуревич и др.

---

* Авторы не претендуют на исчерпывающий анализ всего содержания журнала, его философских и литературно-эстетических установок и его роли в истории общественной жизни и культуры России.

1

История «Весов» начинается за несколько лет до того, как вышел в свет первый номер журнала. В самом конце 90-х годов XIX в. в Москве формируется кружок молодых людей, увлеченных новыми исканиями в современном искусстве. В этот кружок входили К. Д. Бальмонт, Ю. К. Балтрушайтис и С. А. Поляков. Сближение их произошло летом 1899 г. «В это лето,— рассказывает Бальмонт,— кроме радостей причащаться собственных глубин и глубинностей солнечного бытия, у меня была еще острая, нежно-больная и сладко-ядовитая радость двух новых дружб — братская дружба с Ю. Балтрушайтисом и С. Поляковым» [7]. К этому кружку примыкал и литератор М. Н. Семенов, побочный сын деятеля «крестьянской реформы», сенатора Н. П. Семенова, состоятельный человек, опытный в издательском деле. «Семенов законченного образования не получил, читал много, но беспорядочно, корреспонденции писал довольно красочно; считал себя марксистом, хотя Маркса и не читал. Называл он себя народным учителем, но учительствовал очень недолго и теперь тянулся к писательству»,— вспоминает о нем В. А. Поссе [8]. Отзыв Поссе относится к 1897 г., когда, находясь в Петербурге, М. Н. Семенов взял на себя издание близкого к марксизму журнала «Новое слово». В 1899—1901 гг. Семенов увлекался переводческой деятельностью: он перевел, в частности, нашумевший роман Пшибышевского «Homo sapiens» (М., 1903) и возбудившую толки брошюру Г. Ландсберга «Долой Гауптмана» (М., 1902). Позднее Семенов женился на сестре С. А. Полякова (родственные отношения связывали также Полякова с Бальмонтом). К 1899 г. относится и знакомство Полякова с Брюсовым (его первое письмо к Брюсову датировано 29 июля 1899 г. и начинается со ссылки на Бальмонта) [9].

Молодые москвичи сблизились на основе общих литературно-эстетических взглядов. Все пятеро тяготели к «новому искусству»— символизму, который уже утвердился в Западной Европе, а к середине 90-х годов распространился и в России. Энтузиастов «нового искусства», москвичей, привлекали прежде всего творчество западноевропейских, особенно французских символистов и такие философы, как Шопенгауэр и Ницше. Впрочем, преобладающим в этом кругу был интерес не к философии, а к самой поэзии и к «культуре» как таковой. Индивидуализм, эстетизм, резко выраженная ориентация на Запад — именно эти принципы соединяли группу москвичей, близких к Бальмонту и Брюсову. Их позиция обозначалась общепринятым в ту эпоху термином «декадентство». Здесь начиналось расхождение московской группы с другими символистами, которых — уже в то время — не устраивали ни крайний индивидуализм москвичей, ни их тяготение к «чистому эстетизму». Это крыло русского символизма представляли петербургские литераторы: З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский, Н. М. Минский, а также близкий к ним В. В. Розанов (хотя последний и не причислял себя к символистам). Опираясь главным образом на русскую религиозную философию, они стремились к преодолению индивидуализма на почве христианской мистики, которая позже сменилась у Мережковских тем, что они называли «религиозной общественностью». Понятие «литературной школы» вытеснялось для них понятием «мировоззрение».

Зачатки этой дифференциации обнаружились уже в 90-е годы (петербургский журнал «Северный вестник» — с одной стороны, и московские «брюсовские» сборники «Русские символисты» — с другой). Более явное членение наметилось в начале XX в. с появлением «неохристианского» журнала «Новый путь» (1903—1904), возглавляемого фактически Мережковским. Этот журнал охотно печатал символистов на своих страницах, но по своему направлению уже выходил за пределы школы в более строгом смысле этого слова [10].

Московские «декаденты» редко прибегали в ту пору к отвлеченному теоретизированию, тем более что противопоставить «неохристианам» они могли главным образом лишь принципы своего художественного творчества и свою чисто литературную ориентацию. Впрочем, в первые годы XX в. москвичи (т. е. Бальмонт, Брюсов и их окружение) и не помышляли о том, чтобы обособиться от своих товарищей по символизму. Возникшее в их среде издательство «Скорпион» (1899—1916), тогда еще очень скромное по своему масштабу, носило общесимволистский характер. «...В начинавшемся

БРЮСОВ
Фотография Д. С. Здобнова. Петербург, 1904
На обороте рукой Брюсова: «1904»
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

«Скорпионе» не было четкого разделения на декадентов и символистов»,— вспоминает А. Белый (*Начало века*, стр. 112). То же самое можно сказать и об альманахе «Северные цветы», издававшемся при «Скорпионе» (первые четыре выпуска вышли в 1901—1905 гг., пятый — в 1911 г.). «Северные цветы», по существу, объединяли обе линии русского символизма под знаменем общего литературного направления.

«Скорпион»,—свидетельствует Брюсов,—сделался быстро центром, который объединил всех, кого можно было считать деятелями «нового искусства», и, в частности, сблизил московскую группу (я, Бальмонт и вскоре присоединившийся к нам Андрей Белый) с группой старших деятелей, петербургскими писателями, объединенными в свое время «Северным вестником» (Мережковский, Гиппиус, Сологуб, Минский и др.). Объединение это было как бы засвидетельствовано изданием альманаха «Северные цветы», в котором впервые появились на тех же страницах и вся группа «московских символистов» и большинство сотрудников «Северного вестника» (*Автобиография*, стр. 113—114).

Совершившееся объединение не устранило, однако, принципиальных разногласий между московской и петербургской группами, скорее даже усилило их. Уже самая широта авторского состава «Северных цветов» и преобладание в них эстетской ориента-

ции заставляли новопутейцев относиться к этому органу «Скорпиона» критически. «Северные цветы» <...> в общем мальчишески сумасшедши и мало приличны», — писала З. Н. Гиппиус П. П. Перцову [11]. Брюсов же, несмотря на свое сотрудничество в «Новом пути» и непродолжительное организационное участие в редакционных делах этого журнала (конец 1902 — начало 1903 г.), упрекал Мережковских в том, что они приносят эстетическую сторону литературы в жертву христианской проповеди [12]. Новопутейцы и москвичи-скорпионовцы и сами сознавали, что их взгляды на задачи искусства в корне различны. Журнал Мережковских хотя и привлекал к сотрудничеству символистов-«эстетов» («Мы любим декадентов»,— заявляли руководители «Нового пути» [13]), но все же печатал их статьи и стихи в ограниченном объеме и лишь тщательно профильтрованные. Это обстоятельство москвичи переживали болезненно. Располагая одним маленьким, еще не развернувшимся издательством и альманахом, выходящим всего раз в год, они имели возможность печатать свои произведения с большими затруднениями и лишь от случая к случаю. Общая пресса того времени относилась к «новому искусству» враждебно. Исключение составлял лишь петербургский «Мир искусства» (1899—1904), охотно открывавший символистам свои страницы. Однако этот журнал, уже доживавший свои дни и посвященный прежде всего изобразительным искусствам, стоял в стороне от московской группы и не мог удовлетворить ее потребностей. В таких условиях назревал вопрос об издании «Скорпионом» собственного ежемесячного журнала.

Потребность в новом журнале ощущалась всеми участниками «Скорпиона», включая его владельца С. А. Полякова. Личность Полякова, сыгравшего немаловажную роль в судьбе русского символизма, заслуживает подробной характеристики, которая, к сожалению, не может быть развернута в этой статье. Сергей Александрович Поляков (1874—1942) был сыном московского купца А. Я. Полякова, владельца «Фабрично-торгового товарищества Знаменской мануфактуры» (основано в 1885 г.). Балансы этого предприятия в начале 900-х годов колебались между тремя и четырьмя миллионами, а ежегодная прибыль составляла сто, а иногда и двести тысяч рублей [14]. Сергей Поляков был разносторонне образованным, веселым и общительным молодым человеком, в котором, по словам И. М. Брюсовой (устная характеристика), большая культура совмещалась с некоторыми чертами, отражающими его связь с московской купеческой средой. В 1897 г. он окончил физико-математический факультет Московского университета. Однако его интересы лежали больше в сфере литературно-художественной. Поляков увлекался поэзией, живописью, знал многие иностранные языки. «За ним была слава образованнейшего, необычайно жадного до языков человека. С особой приверженностью Поляков переводил с языков шведского и норвежского. Увлекался он санскритом, изучал китайские иероглифы и даже сделал ряд переводов с якутского языка» [15]. Следует добавить, что среди языков, которые изучал Поляков, были также грузинский и персидский.

В начале 900-х годов он перевел на русский язык и опубликовал романы К. Гамсуна «Пан» и «Виктория», его пьесу «Драма жизни», переводил также произведения других западноевропейских авторов (Г. Ибсена, Ф. Ницше, С. Пшибышевского). Кроме того, он и сам писал стихи.

Поляков рос и воспитывался в традиционной торгово-промышленной среде, еще сохранившей в Москве тех лет свою старозаветную колоритность. Однако в его облике было мало старозаветного. «Поляков был «горе-купец»,— отозвался о нем Белый (устный отзыв). В секретном донесении министру внутренних дел, поступившем из Управления московского генерал-губернатора, сообщалось, что Поляков «знакомство ведет в интеллигентном купеческом кругу <...> образа жизни и нравственных качеств хороших...» [16]. Интеллигентность, мягкость Полякова подчеркивают знавшие его современники. Г. И. Чулков вспоминает, что «среди московских меценатов наиболее просвещенным и тонким был С. А. Поляков» [17]. Бальмонт назвал своего друга «нежным как мимоза» [18]. Б. А. Садовской в неопубликованных мемуарах «Весы» (воспоминания сотрудника)» отмечает, что «все существо» Полякова дышало «деликатной нежностью». Ему были свойственны, продолжает Садовской, «сбивчивая с коротким смешком речь, какие-то пугливые движения, взгляд исподлобья и неожиданно детская

улыбка» [19]. Приблизительно такое же впечатление вынес от встречи с Поляковым (1935) один из авторов этой работы, Д. Е. Максимов. Аналогичный отзыв о редакторе «Весов», как о человеке очень мягком и стремившемся сгладить нередко возникавшие противоречия между членами редакции, Д. Е. Максимов услышал и от А. Белого (запись беседы 1930 г.). Белый утверждал вместе с тем, что «символизм не был для Полякова идеологией, исповеданием, а лишь фактом наиболее приемлемой для него общей культуры. Только поэтому, связавшись с группой будущих скорпионовцев, он и стоял за символизм, но в литературные дела «Весов» редко вмешивался, оставив в своем личном ведении лишь художественную часть, вопросы оформления и пр.» (та же запись).

Решительнее других на издании нового журнала настаивал Брюсов. К 1903 г. он фактически стал литературным руководителем «Скорпиона», его организующим началом. Брюсову был жизненно необходим печатный орган, находящийся в его распоряжении. Без такого органа он не мог осуществить ту большую задачу, которую ставил перед собой уже в начале своей творческой деятельности: «создать в России «школу нового искусства»— по образцу французских модернистов» (*Чулков*, стр. 94). Брюсов надеялся расширить круг приверженцев «нового искусства», интерес к которому в России значительно возрос в первые годы XX в. [20] Впрочем, на большое число сторонников скорпионовцы рассчитывать не могли. В связи с выходом в свет первой книжки «Нового пути» Брюсов 22 января 1903 г. пишет Полякову: «У «Нового Пути» подписчиков 1217. Каково! ⟨...⟩ Сколько раз мы уговаривали вас издавать журнал. Эти 1217 были бы наши!» [21]. Примечательно, что даже эта более чем скромная цифра казалась Брюсову в то время весьма значительной.

К середине 1903 г. договоренность между Поляковым и его единомышленниками была достигнута. Определив характер и направление журнала, дав ему «символическое» название «Весы» (по одному из созвездий Зодиака, соседнему с созвездием Скорпиона), члены кружка (к нему теперь примкнул и А. Белый) образовали ядро будущей редакции. Согласно первоначальному замыслу, всю работу по изданию «Весов» должны были осуществлять шесть человек — Ю. Балтрушайтис, К. Бальмонт, А. Белый, В. Брюсов, С. Поляков и М. Семенов [22].

3 июля 1903 г. Поляков подал прошение на имя начальника Главного управления по делам печати, ходатайствуя о разрешении ему издавать в городе Москве «ежемесячный научно-литературный и критико-библиографический журнал «Весы» [23]. Скорпионовцы с нетерпением ожидали исхода дела. Летом 1903 г. Брюсов пишет Полякову: «Очень мечтаю о «Весах». Составил (в уме, конечно) все объявления, все циркуляры, все воззвания... Жаль, если пропадет». 10 августа 1903 г. Брюсов признается ему же: «Мои мечты теперь двуликие: или «Весы», или, если нет, Париж» (т. е. поездка в Париж) [24]. Главное управление отнеслось к ходатайству Полякова милостиво. Не получив о нем никаких порочащих сведений, оно 4 ноября 1903 г. уведомило Московский цензурный комитет о разрешении «означенному Полякову» приступить к изданию журнала [25].

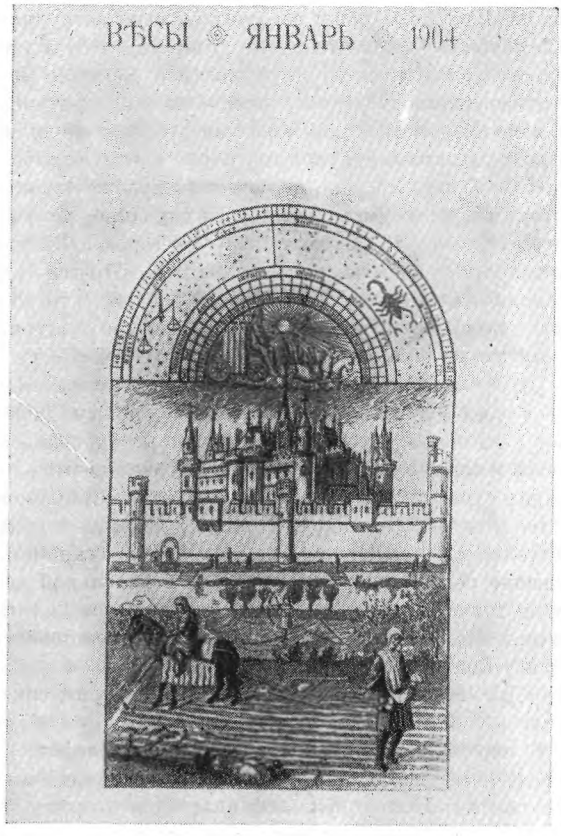
В своем прошении, характеризуя будущее издание, Поляков счел нужным подчеркнуть, что «вопросы социологические и политико-экономические в журнале не обсуждаются» [26]. Этот тезис, бесспорно, отражал принципиальные установки группы основателей журнала, желавших видеть «Весы» «не-общественным», «вне-партийным» органом. Кроме того, из прошения, написанного Поляковым, ясно, что в 1903 г. скорпионовцы представляли себе «Весы» как журнал чисто критический, лишенный литературно-художественного отдела, призванный пропагандировать «новое искусство» и информировать читателей о наиболее выдающихся событиях культурной жизни в России и на Западе. «...мне кажется, что «Весам» с первого же номера надо придать вид журнала критико-библиографического, который не должен конкурировать с «Новым путем» и «Миром искусства», его задача, скорее, добавлять их. Этого можно достигнуть, во-первых, боевым характером критических статей, а во-вторых, помещением возможно большого количества рецензий. Книги должны рецензироваться немедленно по появлении их на книжном рынке»,— пишет М. Н. Семенов Брюсову из Флоренции 13 декабря 1903 г. [27]

Организаторы «Весов» с самого начала пытались придать журналу в значительной мере «западническую» ориентацию. Наряду со сведениями о русских изданиях, большое место в «Весах» должна была занимать (и впоследствии действительно заняла) характеристика современного зарубежного искусства, разумеется, прежде всего — «нового искусства». Не случайно в программу журнала, представленную Поляковым в Главное управление по делам печати, входили такие разделы, как «Перечень вновь выходящих русских и иностранных книг», «Письма из-за границы научного и литературно-художественного содержания», «Отзывы о книгах русских и иностранных» [28]. Предельно четко эта позиция скорпионовцев выражена в письме Брюсова (видимо, неотправленном) к З. Н. Гиппиус (1903). Подвергая резкой критике литературный и общественно-политический отделы «Нового пути», Брюсов пишет: «...продолжаю думать, что лучше издавать журнал в 4 листа ежемесячно для 200 человек, чем в 15 листов для 20 000 <...> Наконец, если уж нет подходящих оригинальных статей и рассказов,— сколько их на Западе! Благороднее половину журнала сделать переводным, чем унижаться до «Прочной общины» и «Наших задач в Сибири» [29]. Можно делать обзоры западных литератур — там теперь работают художники, равные величайшим творцам всех веков: Верхарн, Гриффин, Ренье, Георге, Гофмансталь, Демель, Рильке, Гамсун, Аннунцио...» [30]. О «западнической» тенденции «Весов» свидетельствует и печатный проспект журнала, распространенный скорпионовцами в конце 1903 г. «Читатели «Весов» будут осведомлены о литературной жизни всего мира <...> «Весы» дают критические отзывы о всех выдающихся книгах, появившихся на русском и на всех европейских языках. «Весы» имеют своих корреспондентов во всех главных городах Европы. «Весы» сообщают о всем новом в театральном, музыкальном и художественном мире». В цитируемом проспекте указывалось и на то, что «Весы» — журнал «объективный», чуждый «партийных» оценок. «Весы» стремятся к полному беспристрастию, не понимая под этим беспринципности» [31].

Замышляя издание «Весов», скорпионовцы стремились не только к популяризации в России «нового искусства», но и к созданию «нового» журнала — по образцу некоторых современных им западноевропейских изданий. В отличие от России, где в начале нового века еще господствовала традиция «толстого» литературно-научно-политического журнала («Вестник Европы», «Мир божий», «Образование», «Русская мысль», «Русское богатство» и др.), содержащего в себе, помимо художественных произведений и литературной критики, статьи по вопросам общественно-политической жизни и лишенного каких бы то ни было художественных иллюстраций, в странах Западной Европы в 90-е годы XIX в. стали появляться журналы нового типа. Тонкие, изящные, изданные на хорошей бумаге и эффектно оформленные, с виньетками и заставками, эти журналы пропагандировали модернистское искусство во всех его проявлениях. Особенно много изданий такого рода выходило в начале XX в. в Германии («Ver sacrum», «Pan», «Insel»). В них было немало стилизаторства и вычурной экзотики; сказывалось увлечение восточным, негритянским и древнеегипетским искусством. В России, кроме «Мира искусства», таких изданий в начале 900-х годов еще не существовало. Правда, уже организаторы «Нового пути» стремились к тому, чтобы обновить структуру своего издания. В статье «Новый путь», открывавшей первый номер этого журнала, Перцов, его редактор, призывал «перейти от ненужной тяжеловесности русских ежемесячников к более эластичной и литературно-выдержанной форме западных «revues» [32]. Однако в «Новом пути» этот «принцип новизны» был осуществлен лишь отчасти.

«Весы» ориентировались также и на более солидные современные западноевропейские журналы, в которых обширный литературный отдел сочетался с критико-библиографическим. В предуведомлении от редакции, напечатанном в первом номере «Весов», извещалось, что каждый выпуск журнала будет иметь два отдела: первый — «общие статьи по вопросам искусства, науки и литературы», второй — «хроника литературной и художественной жизни» [33]. Анализ и обоснование «нового искусства» должны были сопровождаться подробной информацией о нем. В дальнейшем «Весы» не раз сами подчеркивали свое родство с соответствующими периодическими изданиями на Западе. «По полноте обзора заграничной жизни «Весы» приближаются к таким

«ВЕСЫ», 1904, № 1
Титульный лист с миниатюрой XIV века



изданиям, как немецкое Litterarisches Echo, английский Athenaeum, французский Mercure de France, итальянский Marzocco»,— утверждалось в одном из редакционных проспектов [34].

Ноябрь-декабрь 1903 г. — период интенсивной работы по организации «Весов». Брюсов, энергично принявшийся за дело, находился в эти месяцы в радостном настроении. «Сколько раз,— писал он Белому 5 декабря 1903 г.,— говорили мы с вами о недостатках «Мира искусства» и «Нового пути» (вы его называли «Бедным путем»), и вот у нас журнал, который мы можем сделать таким, каким мы хотим» (см. наст. том, стр. 372). Брюсов вел оживленную переписку, касающуюся организации «Весов». Он обращался к петербургским литераторам из символистского лагеря, уже известным и только еще начинающим, предлагал каждому из них сотрудничество в «Весах» и спешил заручиться их согласием. Блок, например, отвечает Брюсову 23 ноября 1903 г.: «Многоуважаемый Валерий Яковлевич, ваше предложение участвовать в журнале «Весы» для меня необыкновенно лестно и приятно. Благодарю вас от всей души и постараюсь оправдать ваши ожидания» [35]. Перцов пишет (13 ноября 1903 г.): «Поздравляю с «Весами». Желаю им пребывать в надежном равновесии. За приглашение спасибо. Но что же я вам напишу? Ведь я не декадент» [36]. Ясно, что Брюсов первоначально вовсе не собирался противопоставлять «Весы» «петербуржцам» как особый «фракционный» орган московских символистов. Напротив, предполагалось, что журнал, как и книгоиздательство «Скорпион», будет представлять все движение в целом. Во всех рекламных проспектах «Весов» рядом с именами москвичей фигурируют в 1904 г. имена А. Блока, З. Гиппиус, В. Иванова, Д. Мережковского, Н. Минского, П. Перцова, В. Розанова, Ф. Сологуба, Г. Чулкова и других.

Оформление «Весов» было поручено Л. С. Баксту — художнику из объединения «Мир искусства». Отвечая на предложение, сделанное Брюсовым, Бакст писал ему в

ноябре 1903 г.: «Прошу вас считать меня сотрудником «Весов». С удовольствием сделаю обложку ‹...› Название интересно и будит художественное воображение рисовальщика» [37]. Решение, предложенное Бакстом (и принятое скорпионовцами), было насквозь «символистским»: черно-белый декоративный рисунок, полный таинственности и невнятных намеков. Уже одно это было новинкой и резко выделяло «Весы» среди прочих русских журналов той поры. «Весы» отличались также своим небольшим объемом (6—7 печ. листов), включением художественных, иногда цветных иллюстраций, высоким сортом бумаги (верже). Не случайно, получив первый номер журнала, Перцов писал Брюсову 19 февраля 1904 г.: «Дорогой Валерий Яковлевич! Спасибо за «Весы». Внешность — событие в журналистике. «Новый путь» в сравнении неуклюж, как «либеральный» журнал» [38]. В. Иванов (он жил тогда в Швейцарии) также поздравлял Брюсова с «прекрасным началом «Весов», журнала истинно изящного — внешне и внутренне» (письмо от 10/23 февраля 1904 г.— см. наст. том, стр. 446).

Срок выхода журнала был установлен ежемесячный, подписная цена — пять рублей в год с пересылкой. Дело было поставлено более чем скромно, что не мешало ему быть убыточным и требовать постоянных субсидий издателя. Камерность «Весов» бросается в глаза с первого взгляда. Журнал возглавлялся теми же лицами, что и параллельно существующее книгоиздательство «Скорпион». Постоянно ощущалась нехватка технических сотрудников. В начале издания журнала читать и править корректуры приходилось домочадцам Брюсова. Весьма скромно (хотя и изящно) выглядело и помещение редакции, разместившейся в маленькой квартирке из двух комнат на пятом этаже только что построенного и поражавшего тогда своей архитектурной новизной здания «Метрополь». Вид этой квартиры живописно изображен в «Воспоминаниях» Бориса Садовского.

«Две высокие комнаты в стиле «модерн»; синие обои, пол паркетный, огромные окна.

В первой комнате направо от входа телефон, слева вешалка и полка для книг; за полкой незаметная дверца в каморку Василия [39]; стол перед окном. В простенке большой портрет Ницше: философ опирается на руку, глаза закрыты; за ним простирает крылья орел. Снимок с этого портрета можно найти в каталоге «Скорпиона» при первой книжке «Весов» ‹...› Тут же портрет-триптих З. Н. Гиппиус в белом со шлейфом платье.

Направо дверь в кабинет редактора.

Письменный стол завален бумагами и книгами. Типографские счета, пачки корректур, письма Рене Гиля и Реми де Гурмона, роскошно переплетенные экземпляры «Весов», рукописи, конверты. В глубине комнаты, справа от входа, стол с книгами, присланными для отзыва; на краю стола, свесив ноги, сидит гипсовая нимфа; всюду статуэтки, безделушки, изящные вещицы. Над шифоньеркой между столами портреты Метерлинка, Пшибышевского с женой, Достоевского, Верлена, Верхарна, много рисунков. На стенах портреты Борисова-Мусатова, Феофилактова [40], Сапунова. У задней стены турецкий большой диван.

Здесь собирались мы по вторникам для дружеских бесед. Ни вина, ни чаю не полагалось; не было ни шуток, ни смеха; юмор целиком уходил в статьи. Но как весело было ходить сюда! Как мы любили нашу редакцию!» [41]

Скорпионовцы были также завсегдатаями кафе «Грек», находившегося на Тверском бульваре. Здесь, как и в редакции, обсуждались и решались дела «Весов». В устных воспоминаниях С. А. Полякова (записанных В. М. Лобановым) говорится:

«Частенько, не закончив разговоров в редакции, мы продолжали беседу у «Грека». Феофилактов иногда здесь же получал заказ или уточнял подробности выполняемой работы. У «Грека» все что-нибудь придумывали. Что-то медленно записывал Брюсов. Белый нервно набрасывал на меню строки новых стихотворений. Наши беседы, мысли и думы всегда были около искусства» [42].

2

Первые два года «Весы» выходили как «критико-библиографический ежемесячник», посвященный литературе и искусству. Беллетристического отдела не было. Более половины текста отводилось под обстоятельные, хотя часто довольно сухие, обзоры западной литературно-художественной жизни. Многочисленные рецензии на русские и иностранные книги дополняли этот информационный раздел журнала, которому в течение всех шести лет издания «Весов» редакция уделяла особое внимание.

Первый период «Весов» охватывает два с небольшим года и замыкается на № 3—4 за 1906 г. В 1904—1905 гг. «Весы» продолжали начатую в «Северных цветах» тактику объединения русского символизма. С теоретическими статьями в журнале чаще других выступали в эти годы Брюсов, В. Иванов и А. Белый. Первый номер журнала за 1904 г. открывался программной эстетической декларацией Брюсова «Ключи тайн». В этой статье Брюсов кратко характеризует большинство распространенных определений искусства, в том числе и так называемую теорию «чистого искусства», искусства как служения «бесцельной Красоте», и решительно их отвергает. Ближе других оказывается для него подновленная позднейшими модернистскими наслоениями эстетика Шопенгауэра—взгляд на искусство как на интуитивное постижение таинственной сущности мира, аналогичное мистическому откровению и реализуемое в «мгновениях прозрения». К этому выступлению непосредственно примыкает и другая программная статья Брюсова — «Священная жертва»; она была напечатана в первом номере «Весов» за 1905 г.

Суть эстетической позиции Брюсова, представленной этими статьями, сводилась к тому, чтобы обосновать свободу искусства. «Искусство свободно» — таков был основной обобщающий лозунг, приемлемый в то время для всех главных сотрудников «Весов». Не случайно и в объявлении о подписке на 1904 г., и в «Introduction» к № 1 значилось: «Весы» отстаивают безусловную свободу художественного творчества». Тезис о независимости искусства Брюсов — в гораздо большей мере, чем другие теоретики русского символизма,— связывал тогда с принципом абсолютной свободы личности. Крайний индивидуализм и субъективизм мыслились Брюсовым в начале века как отличительные признаки «нового искусства». «Декадентов»,— писал Брюсов в 1907 г. в статье «Торжество победителей»,— единит не стиль, но сходство и сродство мировоззрений. То мировоззрение, которое было дорого всем «декадентам», уже достаточно выяснено: это — крайний индивидуализм» («Весы», 1907, № 9, стр. 55).

Художник, как считал в то время Брюсов, не должен признавать над собою авторитета каких бы то ни было норм, внешних по отношению к субъективному сознанию личности. Отсюда — отрицательная оценка Брюсовым того, что он называл «утилитарными» теориями искусства. В своих многочисленных печатных выступлениях тех лет Брюсов стремился теоретически обосновать «независимость» искусства от общественной жизни. В статье «Современные соображения», написанной в самый разгар первой русской революции, Брюсов рассуждает так: «Может быть, в иные дни поэт, как гражданин, обязан идти на баррикады, но он не обязан рассказывать об этом в особой поэме ⟨...⟩ Требовать, чтобы все искусство служило общественным движениям, все равно, что требовать, чтобы вся ткацкая промышленность только и делала, что приготовляла материю для красных флагов. У искусства есть своя область — тайны человеческого духа» [43]. Этот же взгляд Брюсов отстаивал и в «Весах», что проявилось, в частности, в его известной статье «Свобода слова» (1905, № 11, стр. 61—66), полемически направленной против работы В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература» [44]. К неприемлемым для себя «утилитарным» требованиям, предъявляемым к искусству, Брюсов относил, однако, не только требование «общественной пользы», но и религиозные императивы и критерии. «Ты говоришь,— упрекает он, например, А. Белого в своем открытом письме к нему,— только о тех поэтах, в творчестве которых сказался Апокалипсис. Но, как хочешь, поэтов можно мерить только по достоинствам или недостаткам их поэзии, ни по чему другому» (1905, № 5, стр. 38). Это осуждение Брюсовым попыток сделать искусство средством религиозного воздействия чрезвычайно важно: оно не только развело его с руководителями «Нового пути», но, в конце концов, нарушило единство самих «Весов».

Конечно, идейную позицию Брюсова в целом, выразившуюся прежде всего в его поэзии, невозможно свести к тезису о «свободном» или «автономном» искусстве [45]. В качестве критика он подходил к этому тезису исключительно как к орудию борьбы с «тенденциозностью». Но вместе с тем Брюсов— главным образом как поэт — понимал этот лозунг в широком смысле, видя в нем оправдание творческой независимости художника. Поэтому призывы Брюсова к «свободному искусству» формально не противоречили проявлениям его высоко развитого чувства исторической действительности, его взволнованным и нередко тенденциозным откликам (в стихах, а иногда и в обзорных статьях) на текущие события политической жизни. В 1902—1903 гг. его увлекали вопросы международной политики, к которым он склонен был тогда подходить в аспекте консервативной идеологии. Но поражение русской армии на Дальнем Востоке, разраставшееся революционное движение открыли перед Брюсовым новые перспективы—помогли ему осудить в своей лирике того времени весь строй самодержавной России, почувствовать силу и красоту революционной борьбы. Цикл его стихов, выражающих его отношение к русско-японской войне и революции, хорошо известен. Между тем в «Весах» 1904—1905 гг. эти общественные устремления Брюсова почти не отразились. Брюсов как бы сознательно разграничивал свою позицию в «Весах» и вне этого журнала. Так, публикуемые Брюсовым в английском еженедельнике «Athenaeum» критические обзоры русской литературы отличались в те годы повышенным вниманием именно к общественно-политической теме; в «Весах» же Брюсов выступал как идеолог «свободного» искусства.

В течение 1904—1905 гг. Брюсов был одним из ведущих авторов «Весов». Число его выступлений в «Весах» (согласно новой библиографии работ Брюсова) равняется в 1904 г. 81, а в 1905 г. — 58 [46]. Однако статей, посвященных теоретическому обоснованию искусства (по сути — символизма), Брюсов опубликовал немного. К ним, помимо двух вышеназванных, можно отнести еще статью «Страсть» (1904, № 8). Возражая некоторым критикам, обвиняющим «новое искусство» в «безнравственности», Брюсов защищает чувственную любовь, «страсть». Отдельными положениями статья эта перекликается с «Ключами тайн» («Страсть прежде всего тайна. . .» и т. д.). Статья «Страсть» должна была открыть в 1904 г. серию статей Брюсова под названием «Вехи». Этот замысел Брюсов осуществил в 1905—1906 гг., публикуя под таким заглавием программные выступления на актуальные темы. Предполагалось, что это будут «ежемесячные беседы с читателями «Весов» по различным вопросам современности» (1905, № 11, стр. 61). В серии «Вехи» были напечатаны такие статьи, как уже упоминавшаяся «Свобода слова», «Искания новой сцены» (1905, № 12), «Черт и хам» (1906, № 3—4) — своеобразный отзыв о последних выступлениях Мережковского, но после 8-го номера за 1906 г. этот ряд статей не продолжался.

Кроме статей общего характера, Брюсов почти в каждом номере «Весов» печатал рецензии на различные отечественные и зарубежные издания. Диапазон выступлений Брюсова-рецензента поражает своей широтой и может служить лучшим свидетельством его многообразных литературно-художественных и научных интересов. Брюсов рецензировал самые различные издания по русской литературе XIX в. (прежде всего — связанные с Пушкиным), книги и сборники современных ему русских писателей (в первую очередь поэзию), произведения иностранных авторов (преимущественно — французских), их переводы на русский язык. Внимание Брюсова привлекали также книги по истории французской литературы, работы по стихосложению. В «Весах» встречаются кроме того, рецензии Брюсова на новые издания по искусству, отзывы о художественных выставках, театральных спектаклях и т. д.

Свои наиболее принципиальные и обстоятельные статьи в «Весах» Брюсов в 1904—1905 гг. обычно подписывал либо своей настоящей фамилией, либо псевдонимом «Аврелий». Более мелкие выступления (рецензии и заметки разного рода) Брюсов неизменно печатал под псевдонимами, которыми он, как и прочие сотрудники «Весов», пользовался чрезвычайно широко. Псевдонимы Брюсова в «Весах» (с 1904 по 1909 г.) следующие: Аврелий, В. Бакулин, К. Веригин, Гармодий, Доброжелатель, Пентаур, Д. Сбирко, И. Смирнов, Товарищ Герман, Турист, А., Б., В., В. Б., В. П., К. К. К., Л. Р., М. П., Р., Ch., Enrico R., L. [47] Объяснить эту «игру в псевдонимы» нетрудно.

К. Д. БАЛЬМОНТ, С. А. ПОЛЯКОВ, Ю. К. БАЛТРУШАЙТИС
Фотография, 1900-е годы
Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва

Круг основных сотрудников журнала был очень узок, некоторые из них порой выступали в одном лишь номере свыше десяти раз. Кроме того, в «Весах» сотрудничали ближайшие родственники Брюсова: его сестра Н. Я. Брюсова (псевдоним — Сунанда), его свояченица Б. М. Рунт (псевдоним — Б. Р.), его брат А. Я. Брюсов (псевдоним — Alexander). Псевдонимы во всех этих случаях были необходимы: бесконечное повторение одних и тех же фамилий могло произвести на читателей невыгодное впечатление. Следует добавить, что, помимо публикаций под псевдонимами, Брюсову принадлежит в «Весах» значительное количество неподписанных статей и материалов: различные «Заметки», разделы «В журналах и газетах», «Хроника», «Горестные заметки», «Мелочи», выступления от имени редакции журнала, подписанные «Весы» или «Скорпион», и т. д. [48] И, наконец, Брюсовым переведены многие опубликованные в «Весах» корреспонденции французских авторов.

Параллельно с Брюсовым в «Весах» первого периода их существования систематически печатался Вяч. Иванов. (Его псевдонимы в «Весах»: В. И-в, Вяч. Ив., The Twins, Ζαχλὴς). По количеству теоретических статей, опубликованных им в 1904—1905 гг. на страницах «Весов», В. Иванов, бесспорно, занимал первое место.

В. Иванов выступил как теоретик символизма в зрелом возрасте, с мировоззрением, уже сложившимся. По крайней мере к 1905 г. основные взгляды его вполне оформились. Деятельно сотрудничая в «Весах» первого периода, он беспрепятственно излагал свои суждения в этом журнале, несмотря на то, что они явно контрастировали с доминирующей «брюсовской» линией. В противовес подчеркнутому индивидуализму Брюсова Иванов развивал в своих работах мысль о преодолении индивидуализма на почве «теургических» воззрений. Важной вехой в истории русского символизма была статья Иванова «Кризис индивидуализма» в журнале «Вопросы жизни». В ней Иванов впервые с полной отчетливостью констатирует, что, несмотря на высокое развитие в современности индивидуализма, «несмотря на все это, какой-то переворот совершился в нашей душе, какой-то еще темный поворот к полюсу соборности» [49]. «Соборность» (т. е. религиозно понимаемая коллективная связь людей) становится для В. Иванова центральным лозунгом, отправным пунктом его философско-эстетических взглядов.

Понятие «соборности» В. Иванов соединял — не без влияния славянофилов — с идеей России. По его мнению, Россия стояла на пороге возникновения всенародной, религиозной, «органической» культуры. Путь искусства, согласно Иванову,— в его движении от индивидуализма и субъективизма к национальной почве, к религиозно понимаемой народности. Когда искусство современных художников будет строиться на началах «соборности», когда уединенные «кельи» символистов откроются, тогда лишь, как считал Иванов, возникнет истинная, лишенная субъективизма «всенародная» культура. Основой такой культуры был для Иванова миф. Поэтому главной задачей художественного строительства Иванов провозгласил «мифотворчество», т. е. создание новой мифологии.

Эти центральные идеи В. Иванова, изложенные и развитые им в 1904—1905 гг. на страницах «Весов», содержали, как уже говорилось, скрытую полемику с Брюсовым, которая, однако, не всегда оставалась скрытой. Так, завершая первую из своих статей в «Весах», В. Иванов пишет о том, что «ключи тайн», вверенные художнику,— это прежде всего ключи от заповедных тайников души народной» [50]. Намек на программную статью Брюсова здесь довольно прозрачен. Однако эти принципиальные разногласия в 1904—1905 гг. не превращались в идейные столкновения. В совмещении статей В. Иванова с высказываниями Брюсова и близких ему авторов и выражалась, в сущности, установка «Весов» на объединение символизма, которое за первые два с лишним года осуществлялось редакцией более или менее последовательно.

Важно отметить, что и сам Иванов, со своей стороны, горячо поддерживал «объединительную» тактику «Весов» и был в этом вопросе единомышленником Брюсова. Наблюдатель тонкий и вдумчивый, В. Иванов лучше других понимал, каково значение «Весов» для русского символизма, и все дела, связанные с журналом, принимал близко к сердцу. В письмах к Брюсову (август-сентябрь 1904 г.) Иванов делится с ним своими соображениями относительно усовершенствования «Весов». Заботясь об «интернациональном» лице журнала, В. Иванов предлагал Брюсову привлечь к участию в «Весах» западноевропейских писателей «с именем»: Метерлинка, Андре Жида и пр. «Необходимо изыскивать и *расширяться*, иначе все упадет» (письмо от 22 июля/4 августа 1904 г.— см. наст. том, стр. 453). Подобно Брюсову в 1904—1905 гг., В. Иванов рассматривал «Весы» как центр русского символизма, призванный сплотить вокруг себя все разрозненные его группировки. «...Я знаю с достоверностью, что «Весы» ничего не желают больше, как объединения своих сотрудников»,— пишет он А. Белому 2 июня 1904 г. [51] В. Иванов был искренне озабочен литературно-общественным престижем «Весов». В письме к Брюсову от 28 сентября 1904 г. он со всей определенностью утверждает: «Весы» не просто журнал для чтения, а орган какого-то коллективного самоутверждения, какого-то жизненного процесса в русском — европейском, если хочешь,— самосознании» (см. наст. том, стр. 462).

Иным, чем у Брюсова, было и миросозерцание А. Белого. Утверждая, подобно В. Иванову, определяющее значение сверхиндивидуального мистического начала, А. Белый признавал его реальность в аспекте субъективного сознания. Идея творческого преображения превалировала в его эстетике над принципами отображения действительности. Метавшийся между В. Соловьевым и Ницше, увлеченный Риккертом, А. Белый пытался в годы своей работы в «Весах» обосновать свои религиозно-мистические воззрения гносеологически.

Активно сотрудничая в «Весах» с самого начала их существования, Белый в 1904—1905 гг. напечатал в органе «Скорпиона» ряд статей; некоторые из них имели принципиальное значение: «Критицизм и символизм», «Чехов», «Апокалипсис в русской поэзии», «Луг зеленый». Кроме того, Белый часто рецензировал новые русские и иностранные издания (прежде всего — научно-философского характера). Подобно Брюсову, Белый охотно пользовался псевдонимами. Помимо своей настоящей фамилии (Б. Бугаев), Белый подписывался еще по меньшей мере тринадцатью псевдонимами (Альфа, А. Б-ый, Бета, В. Быков, Гамма, Дельта, Зигмунд, Яновский, А. (вместе с Брюсовым), А. Б., 2Б, Spiritus, Tacituгno).

Вопрос об индивидуализме был, таким образом, основным для Брюсова, В. Иванова и А. Белого и определил оттенки их идейных отношений в 1904—1905 гг., а так-

же — их разногласия в будущем. «Именно вопрос об индивидуализме,— писал Брюсов в статье «Торжество победителей»,— и был той точкой, с которой началось расхождение между членами прежде «единой» школы» (1907, № 9, стр. 56). Такое же мнение высказывал в то время и Белый (1907, № 6, стр. 66). Однако до 1906 г. три теоретика русского символизма сотрудничали на страницах «Весов» сравнительно мирно, хотя иногда и вели друг с другом полемику.

С философско-теоретическими статьями выступал в «Весах» также и В. В. Розанов, живший в Петербурге. Впрочем, его философско-критические эссе, крайне своеобразные по своей проблематике и стилю, не имели прямого отношения к основному направлению журнала. Активно участвовал в «Весах» первого периода К. Д. Бальмонт, печатавшийся также под псевдонимом «Дон» (1904, № 2). Статьи Бальмонта были, в частности, посвящены вопросам искусства, религиозных культов и народной символики в малоизученных странах Центральной Америки. Роли остальных участников «Весов» сводились преимущественно к рецензированию русских и иностранных изданий. Ю. К. Балтрушайтис подписывал свои статьи и заметки инициалами Ю. Б. и М. Р. С. А. Поляков, писавший в «Весах» под псевдонимом С. Ецбоев, опубликовал в 1904 г. две рецензии (на «Всеобщую историю письмен» Я. Б. Шницера и на русские переводы Пшибышевского), а также реферат одной из статей Р. де Гурмона в «Mercure de France». В дальнейшем Поляков участвовал в «Весах» лишь как переводчик. Роль Блока в «Весах» 1904 г. ограничилась двумя краткими отчетными статьями (первая — о выставке «Нового общества художников» в петербургской Академии наук, вторая, подписанная А. Б-ъ,—о публичной лекции Н. Минского). Позднее, в № 2 «Весов» за 1906 г., Блок опубликовал рецензию на сборник «Свободная совесть» и более как критик в органе «Скорпиона» не выступал ни разу.

Из других петербургских символистов в «Весах» сотрудничал Ф.Сологуб; впрочем, поначалу — сравнительно редко. На скромных ролях выступали в этот период А. Ремизов и К. Чуковский (в дальнейшем каждый из них существенно расширил свое сотрудничество в «Весах»). Малозаметным было также участие Г. Чулкова и В. Ходасевича (эти авторы появляются в «Весах» 1904—1905 гг. лишь однажды). Случайным для «Весов» автором оказался и С. Дягилев — в № 4 за 1905 г. была напечатана речь, произнесенная им в Москве на товарищеском ужине, устроенном в его честь. Что касается Мережковских, то их сотрудничество началось лишь в конце 1905 г.

Большую роль в «Весах» в течение всех шести лет издания журнала играли иностранные корреспонденты. В 1904—1905 гг. их участие было особенно ощутимым. В известной мере их функции осуществляли и сами скорпионовцы (особенно Балтрушайтис и Бальмонт), которые часто и подолгу жили за границей. Однако «Весы» стремились к тому, чтобы иметь своих «специальных» корреспондентов в Париже, Берлине и других крупнейших литературно-художественных центрах Западной Европы. Неоценимую помощь оказывал «Весам» в 1904 г. Максимилиан Волошин, который, живя в то время в Париже, выполнял роль активного эмиссара Брюсова во Франции. Волошин завязывал знакомства в среде французских литераторов и художников, рассказывал им о «Весах» и пытался привлечь их к сотрудничеству [52]. В одном из первых своих «донесений» из Парижа Волошин так «отчитывается» перед Брюсовым: «С Моклером мне еще не удалось увидеться. Но зато я виделся с Рене Гилем (Ghile) — («глава инструменталистов» — помните?), и он обещал писать для «Весов». Он очень близко стоял к движению как близкий друг Малларме ⟨...⟩ Он обещал первую статью кончить к концу здешнего января, но с тем, чтобы она была переведена мною здесь же. Это только для первой статьи. Потом он будет отправлять непосредственно. Он хочет написать общий обзор поэзии настоящего дня ⟨...⟩ Вообще же я ему предлагал говорить о настоящем с постоянными экскурсами в историю символизма. Он очень заинтересован идеей и программой журнала ⟨...⟩ Редон делает обложку. Но что он сделал, я пока не видел. Из художников я видел Вюиллара и Серюзье. Они обещали виньетки и заставки. Может, каждый из них возьмется даже за исполнение целого номера» [53].

Рене Гиль, о котором рассказывает Волошин, стал со временем постоянным сотрудником журнала. Представитель «второго поколения» французских символистов,

обособившийся в их среде благодаря своей теории «научной поэзии», Р. Гиль оставался во Франции 900-х годов хорошо известным, но одиноким и мало популярным автором. Его эстетические взгляды не встречали сочувствия даже у его соратников по символизму. Отсюда — вполне понятная надежда Гиля на поддержку за пределами Франции. Отсюда же — его заинтересованность в «Весах» и готовность писать для них. В одном из своих писем-«отчетов» к Брюсову Волошин сообщает о Рене Гиле: «Прилагаю ту общую программу, которую он намерен выполнить в будущих письмах. Это грандиозно! Это целая книга! «Весы» будут иметь первую полную историю символизма, раньше Франции» [54]. Р. Гиль, действительно, опубликовал в «Весах» в 1904—1909 гг. серию литературных обзоров и статей под общим названием «Письма о французской поэзии», а также ряд рецензий [55]. По обилию корреспонденций (более ста) и по их согласованности с главным направлением журнала Р. Гиль может считаться наиболее близким и активным среди иностранных сотрудников «Весов». Как известно, Брюсов расценивал Гиля и его идеи очень высоко. Он одобрял не только общее отношение Гиля к французской литературе 900-х годов, но в особенности его теорию «научной поэзии». В № 1 «Весов» за 1905 г. появилась анонимная заметка под заглавием «Гибель литературных школ во Франции», принадлежавшая, несомненно, Брюсову (который в этот период был автором почти всех неподписанных материалов, печатавшихся в журнале). В этой заметке выражалась, между прочим, надежда на то, что «научная поэзия» окажется «возрождением литературного творчества во Франции» (стр. 79). В развернутой форме сочувственное отношение Брюсова к теории Гиля проявляется в двух его статьях, посвященных этому поэту: «Рене Гиль» (1904, № 12) и «Литературная жизнь Франции. Научная поэзия» [56].

Среди других французских авторов, привлеченных Волошиным к сотрудничеству в «Весах», следует назвать Ван Бевера, известного французского критика и библиографа, секретаря журнала «Mercure de France». Ван Бевер писал для «Весов» в 1904 г. небольшие обзорные статьи и рецензии на новые книги.

Благодаря Волошину «Весы» в 1904 г. и в первой половине 1905 г. представляли французскую культуру, т. е. прежде всего культуру французского модернизма, достаточно полно и широко. Тем более, что сам Волошин, активно сотрудничая в этот период в «Весах», писал для журнала «Письма из Парижа» (подписанные также М. В.). В одном из писем к Волошину Брюсов заметил, что «Весам» угрожает опасность превратиться из журнала «интернациональ» в журнал «франкорюсс» [57]. С 1905 г. участие Волошина в «Весах» заметно ослабевает, хотя отдельные его статьи публиковались вплоть до закрытия журнала.

«Весам» удалось быстро установить контакты и с немецкими художниками. В Берлине находился в то время Максимилиан Шик (1884—1968), молодой поэт и переводчик, немец по происхождению. Шик был лично знаком с Брюсовым и другими «москвичами». Начиная с 1900 г. Шик выступал на страницах немецких периодических изданий с переводами из русских авторов и статьями о них. Например, в известном журнале «Magazin für die Literatur» он в 1904 г. напечатал свои переводы на немецкий язык стихотворений Брюсова, а в ежемесячнике «Die Gegenwart» — свою статью о Чехове. Подобно Волошину, Шик вел переговоры с художниками и пытался склонить их к участию в «Весах». «Относительно привлечения лучших художников я постараюсь,— пишет Шик Брюсову.— Что бы вы сказали о Маркусе Бемере (Marcus Behmer), который в свое время был иллюстратором журнала «Insel» [58]? Его рисунки поразительно интересны. Интересен также другой молодой художник Alfred Kubin, напоминающий немного Одилон Редона в его фантастических рисунках» [59].

Сам Шик в 1904 г. регулярно печатал в «Весах» свои статьи о немецкой литературе. Он писал, например, о С. Георге и Г. Гофманстале, ведущих немецких поэтах-символистах 900-х годов, о берлинских сецессионистах, позднее, в 1906 г.,— рецензии на книги немецких писателей (А. Момберт, Ф. Ведекинд, В. Шольц, Г. Фукс и др.). С начала 1907 г. сотрудничество Шика в «Весах» затухает.

В поле зрения «Весов» находилась художественная жизнь не только крупнейших стран Западной Европы, но и других, например, Греции, Латвии, Польши и

РЕНЕ ГИЛЬ
С рисунка Е. С. Кругликовой
Заставка к статье Р. Гиля
«Письма о французской поэзии»
«Весы», 1904, № 6

т. д. Информация поступала также из стран Северной, Центральной и Южной Америки, из Азии (Индия, Япония). «Весы» отличались поэтому свежестью, полнотой и редкой содержательностью сведений.

Разумеется, «Весам» удавалось держать своих «специальных корреспондентов» далеко не во всех странах; однако и те иностранные сотрудники, которые писали для «Весов» (одни регулярно, другие — время от времени), вполне удовлетворяли потребностям журнала. Наиболее заметными фигурами среди иностранных корреспондентов «Весов» (помимо Рене Гиля) были: Рене Аркос и братья Гурмоны — во Франции, член Британской академии У. Морфилл — в Англии, известный прозаик и публицист Дж. Папини, литераторы Дж. Амендола и Дж. Ванникола — в Италии (связанные с «Весами» через Ю. Балтрушайтиса). О литературно-художественной жизни Германии читателей «Весов» начиная с 1906 г. информировали главным образом переводчик А. Элиасберг (псевдоним — А. Э.) и А. Лютер, известный впоследствии специалист по русской литературе.

Весь 1904 год издание журнала протекает при ближайшем и самом непосредственном участии Брюсова, выполняющего редакторские, организаторские и даже корректорские обязанности. Многие другие скорпионовцы подолгу жили за границей и прямого отношения к редакционной работе иметь не могли (хотя и присылали в «Весы» свои статьи и рецензии). Несомненную заинтересованность в делах журнала проявлял на первых порах Поляков. Однако владелец «Скорпиона», «большой знаток и ценитель художественных вымыслов» (по словам Бальмонта)[60], тяготел, как уже отмечалось, преимущественно к художественно-полиграфической стороне дела и вопросами общей идейно-эстетической программы журнала интересовался сравнительно мало. Инициатором, дирижером и фактическим руководителем всего начинания оставался Брюсов. «Работников, конечно, не оказалось. Все делаю я один и, разумеется, не без ошибок», — записывает Брюсов в своем дневнике (неопубликованный отрывок) [61]. В самом деле «Весы» были в то время «журналом Брюсова».

В дневниковой записи Брюсова 1904 г. отмечается, что Поляков «в первое время выказывал притязания на фактическое редакторство. Впрочем, он желал, чтобы делал все я, но под его руководством» [62]. Разумеется, властная натура молодого Брюсова — человека самостоятельного и независимого — противилась вмешательству Полякова. Эта черта, всегда присущая Брюсову, сочеталась в нем с искренним убеждением в практической необходимости единовластия. «Мое твердое убеждение, что делать что-либо возможно только по личной воле, а все коллегиальное, все, где будто бы работают сразу многие,— есть самообман»,— писал он Чулкову в ноябре 1902 г. (*Чулков*, стр. 318). Спустя несколько месяцев в письме к Перцову Брюсов заявляет: «Мне необходимо взять всецело в свои руки «Северные цветы», иначе ничего не будет издано» [63]. И, наконец, еще откровеннее Брюсов высказывается — уже в связи с «Весами» — в своем (неотправленном?) письме к М. Н. Семенову 16 декабря 1904 г.: «работать я могу только самостоятельно и ничьей указки признать не в силах» [64].

Стремление Брюсова к «единовластию» привело в начале 1904 г. к обострению его отношений с Поляковым. «При выходе первого № у нас было несколько столкновений с Сергеем Александровичем, и я решительно подумывал бросить все дело. Понемногу все обошлось» [65]. «Обошлось» на языке Брюсова означает, что он отстоял за собой право единолично распоряжаться внутренней жизнью журнала. Однако, оттеснив Полякова, Брюсов оказался практически единственным редакционным работником и был вынужден все делать в одиночку. В письме к Перцову Брюсов рассказывает: «Весы» должен был делать я один, т. е. сочинять, писать, редактировать и корректировать (слава богу, что не набирать еще!). В № 7 и № 8 большая половина текста — написана моей рукой!» [66]. В итоге в «Весах» складывается к середине 1904 г. кризисная ситуация, подробно описанная Брюсовым в его недатированном письме к В. Иванову летом 1904 г. (Сохранилось четыре черновых редакции письма; ниже цитируется первая из них).

«Продолжать дело с «Весами», как оно идет сейчас, я отказываюсь окончательно. Работа отнимает у меня всю жизнь, т. е. каждый день оставляет столько времени, чтобы отдыхать, ничего не делая,— не больше. По этому самому, потому, что я слишком занят, все идет гораздо хуже, чем могло бы идти. Мне часто некогда сделать самонужнейшей вещи <...> например, я часто не пишу совсем неотложных редакционных писем (а кто их напишет кроме меня) или, еще пример, совсем не забочусь о распространении журнала, о рекламах или, третий пример, упускаю многое, что надо бы взять в хронику, не поручаю разобрать очень важной книги и т. д. и т. д. Не говорю уже о том, что, будучи совершенно *один* в «Весах», я не могу никуда уехать, не могу получить отпуска хотя бы на месяц,— а в случае моей болезни «Весы» просто остановятся. В интересах самого дела — столь же, если не больше, как в моих личных,— нужно расширить «состав редакции». Когда «Весы» основывались, полагалось, что будет работать Юргис и сам Сергей Александрович и, м. б., Бальмонт. Ты знаешь, что ни один из них за шесть месяцев не сделал *ничего*, ровным счетом ничего». Далее Брюсов перечисляет еще целый ряд обстоятельств, которые, по его мнению, тормозят редакционную работу. Среди них — частые столкновения с Поляковым, «гордость» Балтрушайтиса (который отдает свои рукописи прямо в типографию, минуя Брюсова как редактора), неравномерность и нерегулярность выплаты гонораров и т. д.

Во второй редакции того же письма Брюсов намечает выход из создавшегося положения. «Необходимо, чтобы кто-нибудь другой поделил со мной редакционную работу, и необходимо, чтобы Сергей Александрович предоставил нам деятельное участие в издательских делах. Если эти два требования не будут исполнены, то лучше бросить мертвое дело, которое несмотря на все местные средства (приглашение новых сотрудников, напр.) может только разлагаться». И Брюсов предлагает В. Иванову переехать в Москву и взять на себя соредактирование «Весов» (см. наст. том, стр. 456—457).

Однако В. Иванов решительно отказался от предложенного Брюсовым соредакторства. Свой отказ Иванов мотивировал тем, что Поляков не желает его ближайшего участия в «Весах». Брюсов же, продолжая издание журнала, по-прежнему пытался изменить сложившуюся обстановку в свою пользу. В сентябре 1904 г. между ним и Поляковым было достигнуто соглашение, цель которого заключалась в том, чтобы

снять с Брюсова часть выполняемой им работы. В письме к В. Иванову (черновой вариант), датированном 20 сентября 1904 г., Брюсов подробно рассказывает о намеченных изменениях. «Мы с Сергеем Александровичем успели уже выработать некоторый modus vivendi * для «Весов» на 905 г. Я решил поручить одному лицу всю Германию (т. е. все, касающееся Г‹ермании› (отзывы о книгах, цитаты из журналов, заметки хроники), другому — Францию, третьему — Англию, четвертому — Италию, пятому — Скандинавию. Этим способом, кажется мне, я сокращу свою работу на $^1/_4$. Затем я решил найти для редакции лицо, которое могло бы делать всю неответственную работу: читать непоследние корректуры, переводить не столь важные отрывки и письма корреспондентов, ездить в типографию, вести корреспонденцию и т. д. (Таким лицом намечена сестра Иоанны Матвеевны — Брониславa Матвеевна) [67]. Это, вероятно, сократит мне работу еще на $^1/_4$» (см. наст. том, стр. 461). Впрочем, достигнутое соглашение, очевидно, лишь в малой мере облегчило положение Брюсова. В ноябре 1904 г. в письме к М. Н. Семенову он вновь жалуется на то, что «Весы» «гнетет отсутствие работников, т. е. единомышленников. Вы взялись за работу в ноябре, Юргис от своей отказался в марте. Летние книжки целиком *писались, редактировались и корректировались* одним мною. Не желал бы я повторять этого опыта» [68]. И даже в декабре 1904 г. Брюсов по-прежнему жалуется ему на то, что «делать именно журнальную работу, писать рецензии, «обозревать» журналы, выбирать материал для хроники — решительно некому» [69].

В таком состоянии «Весы» вступили во второй год издания. Брюсов оставался редактором и фактически полновластным руководителем журнала. Внутриредакционные отношения в 1905 г. временно выровнялись. Преодолев частные разногласия, Брюсов, Поляков, Семенов и другие ближайшие участники издания ищут новых способов реорганизации журнала. «Весы», действительно, нуждались в реформе: подписчиков было слишком мало, а пресса встретила появление журнала крайне недоброжелательно [70]. И это неудивительно — круг приверженцев «нового искусства» был в России того времени еще очень узок, а имен Брюсова, Белого и других ведущих сотрудников «Весов» (за исключением Бальмонта) подавляющее большинство читателей почти не знало. Новизна журнала, мелькание иностранных имен и обилие библиографических сведений также не привлекали подписчиков: неподготовленный читатель чувствовал себя перегруженным информацией и тяготился этим. Что же касается теоретических статей, необычных по своему идейному направлению и форме, то и они могли только отпугнуть подписчиков, воспитанных в духе русского демократического реализма. Так или иначе Брюсов еще в конце 1904 г. испытывал тревогу в связи с тем, что подписка на «Весы» протекала крайне вяло. «Как у вас подписка? — спрашивал он Перцова, имея в виду «Новый путь».—У нас, сознаюсь, прямо плохо. Должно быть, наше научное объявление никого не соблазняет. Написал я новое, где прямо провозглашаю «Весы» декадентским журналом» [71]. В другом письме к Перцову (20 декабря 1903 г.) Брюсов пишет: «Что до подписки, у нас плохо очень. У вас вот по 20—30 в день, а у нас по 2—3, больше 5 не было ни разу» [72].

По данным архива книгоиздательства «Скорпион», количество подписчиков на «Весы» выражалось в 1904 г. более чем скромной цифрой: 670 человек. (За количество подписчиков здесь и в дальнейшем, исключая данные 1906 г., опубликованные на страницах «Весов», принимаются цифры, выражающие число адресов, проставленных в счетах типографии.) В журнале «Новый путь» число подписчиков к концу 1903 г. доходило до 2558. О том, насколько невелики обе эти цифры, можно судить, сопоставив их с соответствующими данными о подписке на другие журналы. Так, «Русское богатство» к началу 900-х годов имело 11 000 подписчиков, «Вестник Европы» в 1904 г.— 6424, «Современный мир» в 1909 г.— 14 417, а «Журнал для всех» в 1905—1906 гг.— до 70 000 подписчиков.

Вопрос о подписчиках был на грани 1904—1905 гг. наиболее острым для «Весов» и серьезно беспокоил руководителей журнала, которые — в первую очередь Брюсов, Поляков и Семенов — стремились приспособить его к потребностям и интересам чита-

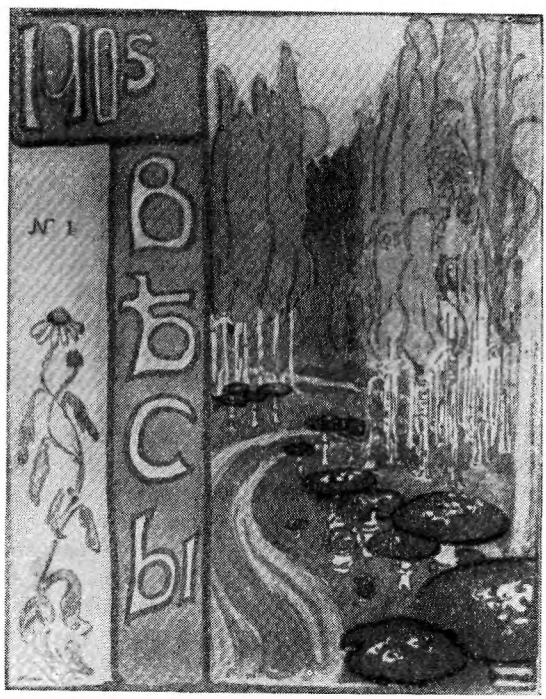
* условия существования (*лат.*).

телей. «Беседовал недавно в поезде случайно с одним нашим провинциальным подписчиком, — писал Брюсов Полякову. — Он высказал мне совершенно справедливую мысль, что мы читателей отпугиваем. Сразу целый океан новых имен, которых раньше и не слыхивали. По-видимому, надо давать поменьше отвлеченных статей, а побольше конкретных, например, биографии, которые до известной степени могут заменить беллетристику. Я думаю начать такие попытки уже со следующего №» [73]. М. Семенов советовал исправить положение дел иным способом. Он был убежден, что «Весам» не хватает крупных имен, и рекомендовал Брюсову привлечь к участию в журнале известных иностранных писателей. Еще до выхода первого номера «Весов» Семенов предлагал Брюсову: «Пусть Сергей [74] напишет Гамсуну, может быть, он согласится корреспондировать из Норвегии» [75]. В письме к Брюсову из Парижа 23 ноября 1904 г. Семенов пишет: «Говорил ли Вам Сергей, что у меня есть возможность достать статью Реми де Гурмона о французском романе? Получу от него ответ на днях. Я думаю, что нам надо также заручиться сотрудничеством Метерлинка и Гюисманса, что сделать, мне кажется, не так-то трудно. Если «Весы» мне поручат, то я достану также Гофмансталя, готов для этого даже поехать к нему в Вену» [76]. Предложение Семенова не было поддержано Брюсовым. «Имена Метерлинка, Реми де Гурмона, Гофмансталя, разумеется, соблазнительны. Но не надо забывать, что «Весы» — русский журнал. Что хорошего будет, если большая половина наших статей будет переводами, хотя бы и с рукописей. И так мы уже отягчены Гилем» [77]. Семенов не согласился с Брюсовым и продолжал защищать ориентацию на Запад: «В своем предложении о привлечении европейских «имен» я исходил из вашего же предыдущего письма. Вы писали, что «Весы» имеют очень мало подписчиков, что Иванов Дионисом разогнал последних [78], что «Весы» должны быть журналом более доступным ⟨...⟩ Я знаю также, что русская публика падка на «имена» и думаю, что уж если «Весы» имеют иностранцев-сотрудников, то пусть это будут Метерлинки, Гамсуны, Гофманстали и др., а не какие-то иксы, как вы выразились о Ван Бевере. Рене Гиля я считаю также иксом, да к тому же скучным⟨...⟩ Я совершенно убежден, что «Весы» имели бы несравненно больше подписчиков, если бы среди их сотрудников были крупные иностранные имена»[79].

Впрочем, можно предположить, что Брюсов и его товарищи по редакции не рассчитывали на массовый успех журнала. В марте 1902 г. Брюсов писал Перцову: «Со всем, что вы говорите о «Новом пути», я согласен до конца. Я всегда был убежден, что ни вы, ни Мережковские, никто из нас не сумеет издавать журнал на 3000 подписчиков. В области чистой литературы нам, ценителям стихов Зинаиды Николаевны [80], долго еще быть в великом меньшинстве. Стало быть, вся надежда на религиозное движение в обществе, но оно существенно *не журнально*⟨...⟩ Да, «Новый путь» должен быть аристократичен, долго, может быть, лет пять-шесть, пока в среде этой самой аристократии не наберется 3000 подписчиков» [81]. Итак, даже для «Нового пути», редакция которого рассчитывала на связь с религиозным движением в широких слоях общества, Брюсов считал нереальным приобрести 3000 подписчиков. Ясно, что в отношении «Весов», представлявших собой камерное, элитарное литературное предприятие, он не надеялся и на более скромные цифры. Брюсов смотрел на возможную в России аудиторию для «декадентского» журнала вполне трезво: такой журнал мог иметь в то время лишь «аристократический» характер, мог обслуживать лишь узкий круг «избранных». Редакция «Весов», несомненно, считалась с этим обстоятельством и сознательно шла на риск. И все же результаты подписки в 1904 г. оказались значительно ниже, чем ожидали издатели.

Решающая причина, определившая ограниченность читательской аудитории «Весов» в первый период их издания, заключалась в идейной позиции журнала. Проводя в жизнь, хотя и с отступлениями и оговорками, индивидуалистический принцип так называемого «свободного искусства» или «автономного искусства», редакция «Весов» стремилась оградить свой журнал от обсуждения острых общественно-актуальных вопросов, которые все сильнее и настойчивее волновали интеллигенцию начала века. Русско-японская война и даже события первой русской революции не привели к существенным изменениям «аполитичного» по своим преобладающим тенденциям характера издания.

«ВЕСЫ», 1905, № 1
Обложка по рисунку
М. В. Якунчиковой



Правда, к военным действиям на Дальнем Востоке «Весы» поначалу проявили некоторый интерес. В проспекте книгоиздательства «Скорпион» на 1905 г. говорилось: «В виду переживаемого нами важного исторического момента «Весы» дают особо подробную библиографию изданий, посвященных Дальнему Востоку ⟨...⟩ Вместе с тем будут даваться подробные критические обозрения выдающихся книг и статей о Дальнем Востоке» [82]. Однако это обещание «Весы» сдержали лишь отчасти. Зато на страницах журнала появилось в 1904—1905 гг. несколько заметок, проникнутых сочувствием к позициям официальной России в русско-японской войне — «глупой и преступной колониальной авантюре русского самодержавия», как характеризовал ее В. И. Ленин [83]. В неподписанной рецензии на № 4 журнала «Вестник Европы», принадлежащей несомненно Брюсову [84], по поводу войны говорится следующее: «Великие события, переживаемые нами, объединили в одном общем чувстве всю Россию. Русским людям всех направлений понятно, что ставка идущей теперь борьбы: будущее России. Ее мировое положение, вместе с тем судьба наших национальных идеалов, а с ними родного искусства и родного языка, зависит от того, будет ли она в XX веке владычицей Азии и Тихого океана. Каковы бы ни были личные симпатии того или другого из нас к даровитому народцу восточных островитян и их искусству, эти симпатии не могут не потонуть в нашей любви к России, в нашей вере в ее назначение на земле» (1904, № 4, стр. 73). Позиция Брюсова в вопросе о русско-японской войне укрепляется и другими выступлениями «Весов», например, статьей П. Сидорова «О Японии» (1904, № 10, стр. 39—41). Такие же тенденции, окрашенные панславянской идеологией, проскальзывают и у Б. Садовского — постоянного сотрудника «Весов» в течение всех шести лет издания журнала (его псевдонимы в «Весах» — Б. С., Ptyx, И. Голов). Садовской выражает надежду на «соединение славян» и недвусмысленно упоминает о вожделенном звоне «цареградских колоколов» (1904, № 10, стр. 70).

Однако эти отдельные выступления не влияли на доминирующую линию «Весов». Тезис о своей непричастности к политической «злобе дня» «Весы» пытались продемонстрировать в конце 1904 г. В тот самый момент, когда вся Россия напряженно следила за военными действиями на Дальнем Востоке, Брюсов и Поляков организуют «японские» выпуски «Весов» (№№ 10 и 11). В каждом из этих номеров обильно воспроизводились

образцы прославленной японской графики. Смысл этой демонстративной акции раскрывается в черновом варианте письма Брюсова к М. Н. Семенову. Возражая своему корреспонденту (Семенов счел все предприятие с «японскими» номерами «бестактным» шагом), Брюсов так оправдывает это «эпатирующее» выступление «Весов»: «Как только возникла у нас с Сергеем Александровичем мысль сделать «японский» №, мы спросили себя: не будет ли это бестактно. И, рассудив, решили, что нет. «Весы» должны среди двух партий, японофильствующих либералов и японофобствующих консерваторов, занять особое место. «Весы» должны во дни, когда разожглись политические страсти, с мужеством беспристрастия исповедать свое преклонение перед японским рисунком. Дело «Весов» руководить вкусом публики, а не потворствовать ее инстинктам; иначе надо было пригласить не Валерия Брюсова и Андрея Белого, а Максима Великолепного и Леонида I» [85]. Так, отчасти противореча собственным политическим высказываниям того времени, Брюсов пытался утвердить в «Весах» именно те принципы, которые он отстаивал и в своих программных эстетических статьях («Ключи тайн», «Священная жертва» и др.).

И все же в условиях мощного общественного и идейного подъема, охватившего Россию, основная масса читателей интересовалась прежде всего творчеством М. Горького и Л. Андреева, а проповедь «автономного искусства» не имела и не могла иметь широкого распространения. Более того: именно на страницах «Весов» в течение всех шести лет существования журнала шла открытая и неуклонная борьба с тем направлением в русской литературе, которое полнее всего было представлено тогда творчеством Горького и возглавляемой им группой писателей-«знаньевцев»,— демократическим реализмом. Искусство и критика, непосредственно связанные с освободительным движением эпохи, не допускались в орган «Скорпиона» и вызывали в нем резкий отпор. Это обстоятельство являлось основным барьером, отделявшим «Весы» от массового читателя (особенно в 1904—1905 гг.).

Полемический задор, агрессивный тон и непримиримость по отношению к противникам «декадентства» определяли критический отдел «Весов» уже с самого первого номера. Явно забывая о «мужестве беспристрастия» — формула, которую редакция хотела сделать своим принципом, — «Весы» на протяжении шести лет оставались журналом в высшей степени «пристрастным». Неустанно держа под прицелом того, кого они в данный момент считали своим противником, «Весы» мало походили на академически спокойное и эстетски равнодушное издание (хотя не были лишены ни академизма, ни тем более эстетизма). «*Весы*» прежде всего тенденциозный орган с фанфарами, плакатами, зазываниями в сторону «*нового искусства*»,— писал А. Белый [86]. Нанося чувствительные удары по враждебным группировкам, «Весы», как правило, действовали энергично и резко. Современники отмечали остро-полемический тон «Весов» как одну из главных особенностей этого журнала. С. Л. Рафалович, поэт и драматург модернистского склада, печатавшийся в 1904—1906 гг. в «Весах» рецензии и обзоры, писал Брюсову в начале 1904 г.: «Что касается «Весов», то мне бесконечно нравится отчетливый характер журнала, резкий, боевой. Чувствуется крепкая основа в смысле подготовленности редакции, ясное сознание цели и направления и цельность...» [87] А Блок признавал в 1907 г., что «Весы» в настоящий момент «самый боевой журнал в России» [88].

В первый период, когда «Весы» объединяли на своих страницах «московский» и «петербургский» символизм, объектом их нападок служили главным образом давно определившиеся противники «нового искусства» и связанной с ним идеологии: материализм и позитивизм в философии, реализм, натурализм, «тенденциозность» в литературе [89].

Реалистический метод, с которым «Весы» нередко отождествляли натурализм и бытовизм в литературе, вызывал у сотрудников журнала враждебность, независимо от того, кто применял его — Горький, Бунин, Чехов или Московский Художественный театр. И все же самые яростные, самые ожесточенные удары «Весы» наносили по писателям, сгруппировавшимся вокруг сборников «Знание». Жестоко критикуя эти сборники, «Весы» выдвигали против писателей-реалистов три обвинения. Первое касалось «наивного реализма», якобы отличавшего мировоззрение и стиль «знаньевцев» и несовместимого, по убеждению редакции «Весов», с уровнем современного художест-

РИСУНОК В. Э. БОРИСОВА-МУСАТОВА
Эскиз к картине «Призраки»
Заставка к статье К. Бальмонта «Тайна одиночества и смерти. О творчестве Метерлинка»
«Весы», 1905, № 2

венного сознания. Второе обвинение было направлено против «нарочитой тенденциозности» писателей «Знания», т. е. их стремления выдвигать на первый план и решать социально-политические вопросы. И, наконец, «Весы» обвиняли писателей-знаньевцев в «антихудожественности», упрекали их в избитости и шаблонности творческих приемов и в натуралистическом подходе к изображаемому. Эта длительная борьба с реализмом окрашивала деятельность «Весов» в течение всех шести лет, то усиливаясь, то ослабевая. Особенно настойчиво велась она в рассматриваемый период.

Непосредственным участником полемики со знаньевцами в 1904—1905 гг. был Брюсов. Правда, самые первые сборники, выпущенные товариществом «Знание» (книги первая и вторая за 1903 г.), он рецензировал не сам, а возложил эту задачу на второстепенных сотрудников журнала, М. Пантюхова (М. Пант-ов) и Н. Пояркова (Ник. Ярков). Тон рецензии М. Пантюхова (1904, № 5) весьма характерен для отзывов «Весов» о знаньевцах. За исключением повести Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» (разобранной в том же номере «Весов» и В. Ивановым), рецензент не обнаруживает в сборнике ничего значительного. Стихи Бунина и его рассказ «Чернозем» он расценивает как «лепет», рассказ Вересаева «Перед завесою» как «мямленье», путевые очерки Серафимовича как «малоинтересные и шаблонные»; Горький — автор известного программного монолога «Человек» — высказывает, по его мнению, «избитые мысли», его пафос «смешон» (стр. 53). Н. Поярков — рецензент второго сборника товарищества «Знание» — выделяет лишь «Вишневый сад» Чехова и уже упоминавшуюся повесть Л. Андреева. Что же привлекает в этих авторах критика из «Весов»? «Оба они,— пишет Поярков о Чехове и Андрееве,— тяготеют к символизму, за грани эмпирического, по ту сторону земной жизни, иногда, быть может, вполне бессознательно» (1904, № 6, стр. 57). *Зато «почти все остальное* ‹...› *и в первой, и во второй книжках, изданных* «Знанием», скучно, серо, нежизненно, трафаретно» (стр. 56).

О третьем сборнике «Знания» пишет уже сам Брюсов под псевдонимом «Пентаур» (1905, № 2). Упоминая драму Горького «Дачники», Брюсов квалифицирует ее как «не

возвышающуюся над уровнем заурядной посредственности» (стр. 60). Нападки на Горького содержит и следующая рецензия Брюсова (1905, № 4), подписанная «И. Смирнов». Разбирая в ней четвертый и пятый сборники товарищества «Знание», Брюсов доходит до утверждения, что «Горький исписался» (стр. 48). «В последних произведениях Горького,— заявляет Брюсов,— нет ничего кроме резонерства» (стр. 50). Выше других писателей-знаньевцев Брюсов по-прежнему ставит Л. Андреева, хотя и замечает о Горьком, что «все же он — литературная величина». Общий вывод, который делает Брюсов о сборниках «Знания», заключается в том, что «они развращают и принижают литературный вкус читателей» (стр. 50). Аналогичны по духу и две следующие рецензии на сборники товарищества «Знание», помещенные в «Весах» (1905, № 5 и 1906, № 6). Их автором был опять-таки Брюсов (подпись — Пентаур). В последней рецензии Брюсов вновь выделяет Л. Андреева, опубликовавшего в десятом сборнике товарищества «Знание» за 1906 г. драму «К звездам», но о сборнике в целом замечает, что его содержание «ничтожно» (стр. 63) [90].

Можно отметить, что некоторые ведущие сотрудники «Весов» воздерживались в то время от полемических выпадов против Горького и его группы. Это прежде всего относится к А. Белому, чьи «левые» тенденции и симпатии заметно обособляли его от остальных скорпионовцев в период первой русской революции [91]. Не принимал участия в этой полемике и В. Иванов, глубоко увлеченный своими философско-эстетическими построениями.

В первой половине 1905 г., когда в России стремительно нарастает революция, отчуждение «Весов» от читателей достигает апогея [92]. Желая усовершенствовать журнал и надеясь спасти его от полного разобщения с читателями, скорпионовцы принимают решение реорганизовать его — открыть в «Весах» отдел художественной литературы.

Идея эта принадлежала, по-видимому, М. Н. Семенову. Уже в начале 1905 г. Волошин писал Брюсову из Парижа: «Как будет хорошо, если проект Михаила Николаевича о расширении «Весов» удастся <...> У меня есть несколько беллетристических планов (это между нами), и я их непременно приведу в исполнение, если расширенные «Весы» осуществятся» [93]. В другом письме (видимо, апрель 1905 г.) Волошин спрашивает Брюсова: «Какова судьба идеи Михаила Николаевича о расширении «Весов»?» [94]. Предложение, выдвинутое Семеновым, объяснялось еще и тем обстоятельством, что, несмотря на принятый скорпионовцами статут, беллетристика все равно просачивалась в «Весы» уже в 1904—1905 гг. Некоторые материалы, опубликованные в эти годы, лишь с большой натяжкой могли соответствовать «научно-литературному и критико-библиографическому» профилю журнала. Целый ряд статей (главным образом на общие темы) был написан авторами, которые в несравненно большей степени являлись поэтами, нежели теоретиками; потому и философские опыты их были подчас похожи скорее на лирические эссе, нежели на теоретические рассуждения. Примерами таких «эмоциональных» статей могут служить «Поэзия стихий» Бальмонта (1905, № 1), «Маска» и «Сфинкс» Белого (1904, № 6 и 1905, № 9—10). Подобными же «отклонениями» от первоначально заданного направления «Весов» можно считать и предисловие Пшибышевского к русскому изданию его романа «Сыны земли» (1904, № 5), и своеобразный этюд Сологуба «Елисавета» (1905, № 11). И, наконец, прямым нарушением принципов, установленных для «Весов» при создании журнала, была публикация «Семи песен Метерлинка», переведенных Брюсовым (1905, № 7).

21 июня 1905 г. Поляков вновь обращается в Главное управление по делам печати с ходатайством «о разрешении расширить программу издаваемого мною журнала введением в него отдела *беллетристики* (стихи, рассказы, повести, романы и драматические произведения, как оригинальные, так и переводные)» [95]. Московский генерал-губернатор в ответе на запрос Главного управления по делам печати счел нужным подчеркнуть, что «побудительной причиной к такому расширению программы журнала служит желание увеличить круг читателей, ограниченное число которых не дает ныне издателю возможности успешно вести дело» [96]. Главное управление и на этот раз удовлетворило просьбу Полякова; разрешение было получено 7 октября 1905 г.

Тем временем Брюсов — весьма неожиданно для своих товарищей — предпринимает решительную попытку отказаться от руководства «Весами».

«Весы» покидаю на заботы Брони [97] и Сергея Александровича»,— пишет он 3 июля 1905 г. Н. Я. Брюсовой [98]. Еще более определенно Брюсов высказывается в письме к А. М. Ремизову (август 1905 г.): «Без малейшей лжи я более не участвую в редакции «Весов» и «Скорпиона» [99]. О том же Брюсов информирует и Г. И. Чулкова (письма от 29 июля и 20 августа 1905 г.), причем в обоих письмах речь идет лишь об отказе от редакторских обязанностей: «Но я решительно покинул свое редакторство, оставаясь только «близким» (а уже не «ближайшим») сотрудником» (*Чулков*, стр. 327). В этом же письме, двумя строками ниже, Брюсов предлагает себя для «*систематической* работы» в «Вопросах жизни» — петербургском журнале, сменившем с января 1905 г. «Новый путь»,— органе философов-идеалистов, близких к символизму (Чулков был в то время секретарем «Вопросов жизни»). 24 сентября 1905 г. Брюсов извещает Перцова: «Я отказался от вершения дел в «Весах». Давно уж, с весны, с отъезда в Финляндию...» [100]. Желание Брюсова отойти от «Весов» прослеживается вплоть до самого конца 1905 г. «Весы» будут выходить в 906 〈...〉 Я отдаю туда свой роман. Но в редакционных делах участвовать не буду»,— пишет он Чулкову в ноябре 1905 г. (*Чулков*, стр. 340).

Чем же объясняется столь резкое охлаждение Брюсова к журналу, издание которого он еще совсем недавно с таким энтузиазмом подготовлял, осуществлял, направлял? Несомненно, в этом сказалась потребность отдавать больше времени поэтической работе и острота чисто личных обстоятельств и переживаний. Однако не менее важная причина — нараставшее изменение общественных настроений и эстетической ориентации Брюсова, связанное с событиями 1905 г. Как известно, первая русская революция оказала на поэта сильнейшее воздействие. Интерес к революции и сочувствие к ней с полной определенностью проявляются у Брюсова уже в начале 1905 г. «Я вижу новые эры истории»,— пишет он Перцову на четвертый день после 9 января [101]. Эти настроения, овладевающие поэтом, отражаются во многих его стихотворениях («Грядущие гунны», «К счастливым», «Паломники свободы», «К народу» и др.) [102]. 1905 год — период его искреннего увлечения революцией и стремления вступить в большой мир русской действительности, что, естественно, сопровождалось все возрастающим сомнением в основах и путях «декадентского» искусства. Еще в конце 1904 г. в рецензии на «Книгу сказок» Ф. Сологуба Брюсов писал: «Мы, «декаденты», деятели «нового искусства», все как-то оторваны от повседневной действительности, от того, что любят называть реальной правдой жизни» (1904, № 11, стр. 50). Эту же мысль Брюсов еще более резко повторяет в рецензии на книгу Н. Вашкевича «Дионисово действо»: «Отчужденность искусства от народа, его замкнутость в круге меньшинства всегда была и остается проклятием нашего века, тяготеющим над современными поэтами» (1905, № 9, стр. 93).

Ощущение кризиса современной культуры и сдвиг во взглядах Брюсова на символизм отражены отчетливее всего в известном письме поэта к Перцову от 24 сентября 1905 г. «Для меня этот прошедший год (1905) был годом исключительным очень,— признается Брюсов.—〈...〉 Мне все сдается, что рубеж был,что новая эпоха истории настала, и мне обидно, нестерпимо, что никто, совсем-таки никто не хочет этого видеть 〈...〉 Юные под-бальмонтики, под-брюсники и под-весники (Ходасевичи etc.) разливаются в уверениях, что время реализма прошло, что мир — тайна, что только великие писатели бывают непонятны, что грех сладостен и что университет создан для науки, а не для революции.— Почти глазами видишь, как все кругом костенеет, мертвеет, превращается в «мертвый символ», люди, идеи и журналы (в их числе «Весы»). А куда уйти?» [103]. Ясного ответа на этот вопрос у Брюсова не было.

Однако, поборов свои внутренние сомнения, в сентябре-октябре 1905 г. он возвращается к редакционной работе в «Весах». «С осени началось как бы выздоровление. Я вновь обрел себя» [104]. Немаловажную роль в этом «возвращении» Брюсова сыграли, видимо, его соратники по символизму, которые «уговаривали» поэта не покидать «Весы». Некоторые из них, близкие к «Весам» и озабоченные их судьбой, считали, что самоустранение Брюсова равносильно прекращению самого журнала. В. Иванов, например, расценивал уход Брюсова как «дезертирство» и «побег». Свои мысли по поводу предпо-

лагавшегося ухода Брюсова Иванов высказал в письме к нему 1 августа 1905 г. «Ты знаешь, ⟨...⟩ как «Весы» мне дороги и как они неразрывно связаны с тобой, писателем и личностью ⟨...⟩ «Весы» без тебя — невозможность или *уже не «Весы»* (см. наст. том, стр. 477). Такое же мнение высказывал и Чулков. «Зачем вы покидаете редакторство «Весов»? Без вас они, разумеется, не будут существовать»,— писал он Брюсову (письмо не датировано; видимо, октябрь 1905 г.) [105].

К концу 1905 г. в «Весах» сложилась острая ситуация, потребовавшая от редакции неотложных организационных мер. Дело в том, что к этому времени в России были уже, помимо «Скорпиона» и «Весов», и другие органы символизма или непосредственно с ним связанные: журнал «Вопросы жизни», московское книгоиздательство «Гриф», выпускавшее книги и альманахи. Кроме того, в Москве готовился к изданию журнал, посвященный «новому искусству»,— «Золотое руно». Но авторов, действительно причастных к символизму, было сравнительно немного. Сотрудничать в символистских изданиях могли лишь все те же 10—15 литераторов, которые участвовали и в «Весах». Скорпионовцам, особенно накануне реорганизации журнала, возникновение нового символистского органа грозило, с одной стороны, утратой ценного для них материала, а с другой,— потерей лица, стиранием индивидуальных различий между «Весами» и остальными более или менее аналогичными изданиями. Редакция считала также (и не без оснований), что «Гриф» своими альманахами дискредитирует символизм, публикуя произведения слабые и эпигонские. Поэтому «Весы» — журнал, негласно считавший себя академией символизма и яростно боровшийся за «чистоту» его теории и практики,— пытались закрепить за собой своих наиболее ценных сотрудников.

Особенно непримиримую позицию в этом вопросе занимал Брюсов. Уже в конце 1903 г. он требовал от А. Белого и А. Блока, чтобы они не участвовали в альманахах «Грифа». Писатель М. И. Пантюхов вспоминает в своем дневнике: «В ноябре 1903 г. Белый на улице окликнул меня и между прочим сказал: вы слышали, Брюсов рассылает какие-то циркуляры о том, что, кто участвует в «Грифе», не может участвовать в «Северных цветах».— Он сказал это немного возмущенным тоном и добавил: после этого я решил не печатать ничего в «Скорпионе». Он, по-видимому, хотел склонить к этому и меня, но так как я, кажется, первый подал эту мысль Брюсову, то ответил, что участвовать в «Грифе» вообще не стоит...» Далее Пантюхов сообщает о неприятной сцене, разыгравшейся на его глазах между Белым и Брюсовым в помещении «Скорпиона». «Белый подошел к Брюсову и сказал: — Валерий Яковлевич, верните мне, пожалуйста, мой рассказ, который я отдал в «Скорпион». Я его обещал Соколову.— Брюсов заволновался ⟨...⟩ Он говорил, что Белый портит дело, что «Гриф» бесполезен и проч. Но Белый был непоколебим: — Я дал слово Соколову» [106]. Сохранилось также неотосланное письмо Брюсова и самому С. А. Соколову, датированное 6 ноября 1903 г. Брюсов пишет в нем, что «Гриф» «утратил всякую индивидуальность, стал повторением, копией, т. е. тем, что мне более всего нелюбезно в мире» [107].

Несомненно, Брюсов явился и инициатором и автором документа, который он назвал в дневнике «Конституцией Весов» (она была составлена в первой половине декабря 1905 г.). «Конституция» требовала от основных сотрудников журнала, чтобы они печатали свои сочинения прежде всего в «Весах». Сохранился проект «Конституции», написанный рукой Брюсова, кроме добавления «часть материальная», сделанного рукой Семенова и подписанного им. Текст ее приводится здесь полностью.

ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «ВЕСОВ»

§ 1. Редакция состоит из С. А. Полякова, М. Н. Семенова, В. И. Иванова, В. Я. Брюсова и, в случае их согласия, также из К. Д. Бальмонта и Б. Н. Бугаева.

§ 2. Члены редакции обязуются печатать все, ими написанное, подходящее к программе «Весов», исключительно в «Весах», а «Весы» обязаны давать место всем таким их произведениям.

Примечание 1. Нарушением этого § не должно считаться напечатание членами редакции в других изданиях статей, к программе «Весов» не подходящих, а также *и от-*

дельные случаи помещения в других изданиях произведений, которые могли бы быть напечатаны в «Весах», если только это помещение не имеет характера постоянного сотрудничества.

Примечание 2. К. Д. Бальмонт может быть принят в члены редакции, не давая обязательства, требуемого § 2.

§ 3. Произведения членов редакции никакому предварительному редактированию не подлежат и могут быть лишь опротестованы перед редакционным собранием С. А. Поляковым.

§ 4. Остальной поступающий в редакцию материал члены редакции распределяют между собой по отделам, причем каждый член редакции пользуется по отношению к произведениям своего отдела правом абсолютного veto.

§ 5. Предполагаемый состав книги журнала, согласно с предложениями редакторов отделов, обсуждается на редакционном собрании, причем спорные вопросы решаются большинством голосов присутствующих.

§ 6. С. А. Полякову доставляются в сверстанном виде все листы №, причем ему предоставляется право опротестовывать те или другие места текста, но в случае, когда это будет касаться вопросов литературных, спор должен быть передан на редакционное собрание.

Схолия. Желательно, чтобы «Весы» были выразителем идей кружка, так что при обсуждении статей посторонних сотрудников могут быть принимаемы во внимание не только литературные достоинства статьи, но и руководящая ее идея.

Сия программа должна быть принята целиком (en bloc) или целиком отвергнута.

⟨*Подписано рукой В. Я. Брюсова*⟩: М. Семенов, В. Иванов, В. Брюсов.

⟨*Подписано рукой подписавших*⟩: К. Бальмонт, С. Поляков, Б. Бугаев.

Часть материальная.

Все счета с типографиями и бумажными фабрикантами ведутся непосредственно С. А. Поляковым.

На редакционные расходы С. А. Поляковым должно быть ассигновано *ежемесячно по 300 рублей* (на уплату гонораров редакции и сотрудникам), а кроме того ежегодно по 1000 р. на рекламу [108].

Основным в «Конституции» был, несомненно, параграф второй. Это подтверждается записью в «Дневниках» Брюсова, где поставлен знак равенства между всей «Конституцией» и ее вторым параграфом. «... Перед рождеством «Весы» гибли. Мы с Мих. Ник. (Семеновым) поехали к С. А. Полякову ⟨...⟩ и устроили «Конституцию «Весов». По ней все ближайшие сотрудники должны были давать все свои вещи сначала в «Весы» на выбор» (*Дневники*, стр. 135). Что касается оговорки о Бальмонте, то она лишь формулировала издавна сложившееся положение: Бальмонт сотрудничал во многих изданиях, относящихся не только к символистской прессе, и его нельзя было ограничивать наравне с другими сотрудниками «Весов».

«Конституция» наглядно отражает сдвиги, происшедшие за два года в лагере русских символистов, но, кроме того,— и внутриредакционные изменения. Так, в тексте «Конституции» отсутствует имя Балтрушайтиса, который, живя в Риме, в 1905 г. совсем отошел от «Весов». Зато сотрудником редакции назван В. Иванов, возвратившийся в апреле 1905 г. в Россию. Оговорка о Бальмонте и Белом («в случае их согласия») свидетельствует о том, что участие обоих в редакции «Весов» рассматривалось Поляковым и Брюсовым как возможное и желательное, но отнюдь не как обязательное.

Под текстом «Конституции» стояли подписи шести человек; однако полного единогласия между ними не было. А. Белый подписал «Конституцию», не вникая в существо дела. «Мне дали бумажку, я ее и подмахнул, вероятно, не читая»,— так прокомментировал он в беседе с Д. Е. Максимовым свою подпись, стоящую под документом. Это признание Белого совпадает с записью в «*Дневниках*» Брюсова (стр. 135). Резко отрицательно отнесся к идее «Конституции» В. Иванов (с самим текстом ее он ознакомлен не был), который увидел в этом документе ущемление своих авторских прав (см. письмо от 17 декабря 1905 г. в наст. томе, стр. 488).

Тем не менее текст приведенной «Конституции» был, по свидетельству А. Белого (беседа с Д. Е. Максимовым), положен в основу редакционного уклада «Весов».

Принятие «Конституции» совпало по времени с выходом первого «расширенного» номера журнала. Последний (декабрьский) выпуск «Весов» за 1905 г. (он же — первый номер за 1906 г.) открывался уже не теоретической статьей, а стихами К. Бальмонта. В последующих номерах появляются стихи В. Иванова, Мережковского, З. Гиппиус, рассказ Ф. Сологуба, а также переведенные произведения иностранных авторов — Ж. Мореаса, С. Пшибышевского, О. Уайльда. Журнал вступал в новую фазу своего существования.

И все же периодизация «Весов» определяется не изменением их структуры, а их литературной позицией. Приняв это положение, можно утверждать, что первый период издания журнала обрывается не на грани 1905—1906 гг., а несколько позже — на сдвоенном 3—4 номере за 1906 г. Дело в том, что по своему содержанию первые номера «Весов» за 1906 г. еще продолжают тактику объединения русского символизма, установленную в раннем «Скорпионе» и «Северных цветах». Размежевание «Весов» с другими символистскими изданиями происходит во второй период, открывающийся пятым номером за 1906 г., и теряет свою остроту к концу 1908 г. Деятельность «Весов» в эти годы отражает общий процесс дифференциации русского символизма.

3

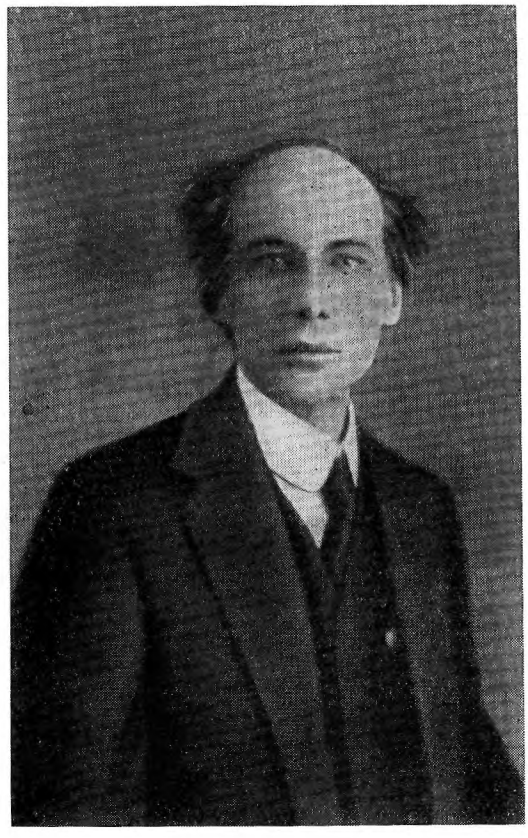
Еще в 1904 г. в «Весах» появился молодой человек по фамилии Ликиардопуло. Владея новогреческим языком, он предложил «Весам» свои услуги в качестве рецензента и обозревателя литературы современной Греции. Брюсов, стремившийся к тому, чтобы в «Весах» отражалась культурная жизнь самых разных стран, принял это предложение Ликиардопуло и время от времени публиковал его заметки. Впоследствии Михаил Федорович Ликиардопуло (1883—1925) стал секретарем «Весов» и, начиная приблизительно с 1907 г., приобретал в редакции «Весов» все более ощутимое влияние.

Облик Ликиардопуло выразительно обрисован в воспоминаниях Садовского. «. . .Смуглый, высокий юноша ‹...› темноглазый, красивый, с южным профилем. В синей куртке и студенческих «диагоналевых» брюках, он мягко и вкрадчиво становился у книжного стола. Передаст Брюсову какие-то листочки, поговорит с ним вполголоса и опять к столу. Юноша был скромен до того, что даже сесть не решался. Никто в «Весах» не слыхал его голоса ‹...› кто он и откуда неизвестно. Сам Ликиардопуло рассказывал, что предок его Рикардо, родом итальянец, переселился в Грецию из Генуи и стал называться Рикардопуло, а дети его Ликиардопуло. В нашем «греке» выгодно соединились положительные черты обеих культур. Меркантильную практичность эллина сдерживал артистический темперамент потомка Тасса» [109].

Как и многие весовцы, Ликиардопуло был переводчиком. Он особенно увлекался Уайльдом, переводил его сочинения на русский язык и регулярно рецензировал в «Весах» новые издания английского писателя, а также исследования о нем. (Псевдонимы Ликиардопуло в «Весах»: Л-о, М., Ричардс, Эллин.) Позже — когда «Весы» уже прекратились — Ликиардопуло не раз бывал в Англии, встречался там с Г. Уэллсом и сыновьями Уайльда и писал корреспонденции для русских периодических изданий. После Октябрьской революции Ликиардопуло окончательно переселился за границу.

Приобщение к работе в «Весах» Ликиардопуло — никому тогда не известного автора — не было в жизни журнала исключительным случаем. Брюсов охотно предоставлял страницы «Весов» молодым писателям, готовым защищать и пропагандировать «новое искусство». В каталоге издательства «Скорпион» подчеркивалось, что круг сотрудников журнала «постепенно пополняется молодыми силами»[110]. После расширения «Весов» редакция стала еще внимательней приглядываться к петербургской молодежи, желая привлечь к участию в журнале наиболее даровитых литераторов. В январе 1906 г., находясь в Петербурге, Брюсов вступает в переговоры с некоторыми из них. Об этом рассказывается в его «отчетном» письме к Полякову, написанном 19 января 1906 г. «Поиски «молодых» и «новых» идут очень успешно. Во-первых, нашел очень юного и очень интересного поэта *Городецкого*; во-вторых, нашел весь состав «Зеленого

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ
Фотография, 1916
Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград



сборника» [111], из которого *Верховский* и *Кузмин* могут быть полезны как работники в разных отношениях; в-третьих, видел очень много еще более молодых, которых просил прислать на просмотр стихи, статьи, рассказы — может, что и выберется: это *В. Пяст*, *Н. Хомяков* и др.» [112].

Достойно внимания, что из начинающих литераторов — участников «Зеленого сборника», большая часть которых впоследствии ничем себя не проявила, Брюсов с присущим ему литературным чутьем выделяет Кузмина и Верховского. Оба писателя стали в дальнейшем сотрудниками «Весов». Но если участие Верховского в «Весах» было эпизодическим (его псевдоним — Ю. В.), то Кузмин со временем очень приблизился к кругу «Скорпиона». Он регулярно выступал в журнале со своими стихами и рассказами, а в № 11 за 1906 г. была опубликована его большая повесть «Крылья». В одном из писем к Брюсову Кузмин признавался, что считает «Весы» своей «родиной» [113]. Дважды печатался в «Весах» и С. Городецкий (в 1906 и 1907 гг.). Тогда же, в начале 1906 г., Брюсов предлагает участие в «Весах» Н. С. Гумилеву, который вскоре становится постоянным сотрудником журнала, публикуя в нем стихи, рассказы и отчеты о художественной жизни Парижа (его псевдоним в «Весах» — Г. Н.).

Для многих молодых писателей «Весы» оказались школой, своего рода воротами в большую литературу. Решающую роль в этом играла личность самого Брюсова, авторитет которого безоговорочно признавала литературная молодежь. «Я люблю называть вас своим учителем, и действительно всему, что у меня есть лучшего, я научился у вас»,— писал Брюсову Гумилев (письмо от 7 января 1908 г.). «То же,— добавляет Гумилев,— я думаю, можно сказать и о других молодых поэтах, сгруппировавшихся вокруг вас» [114]. И в самом деле: многие молодые сотрудники «Весов» считали себя верными и преданными учениками Брюсова, видели в нем своего наставника, «мэтра». К. Чуковский, например, писал Брюсову в 1904 г.: «Я — прямой ваш питомец

и вскормленник» [115]. «Питомцами» Брюсова были также и молодой Шик, и Садовской, которого С. А. Соколов называл «пажем Брюсова» и его подголоском» [116], и многие другие.

В цитированном выше «отчетном» письме к Полякову Брюсов, кратко характеризуя ряд явлений столичной культурной жизни, между прочим замечает: «Факелы» — пуфф, их нет и не будет» [117]. Брюсов имеет в виду сборник петербургских символистов, который готовился в то время к печати. Слова Брюсова следует воспринимать, разумеется, в переносном смысле: глава московских символистов скептически относился к очередной попытке «самоутверждения», предпринятой петербуржцами. Первоначально, правда, он даже принял участие в этом издании (стихотворения «Близким» и «Нам руки свободные свяжут»), однако в идейном отношении «Факелы» — орган так называемого «мистического анархизма» — были чужды и даже враждебны и Брюсову и его товарищам по «Весам».

Первая русская революция и то идеологическое брожение, которое она вызвала, глубоко повлияли на судьбы и самую суть русского символизма. Доминирующая линия в «Весах» с господствующим в них принципом «автономного искусства» уже не удовлетворяла многих прежних его сторонников. В литературных кругах, связанных с символизмом, стали все чаще раздаваться голоса о необходимости обратиться к актуальным общественным проблемам. Уже в 1905 г. в журнале «Вопросы жизни» поэзия символистов сосуществует с социально-политическими статьями ведущих идеологов журнала. Именно в недрах «Вопросов жизни» зарождается так называемый мистический анархизм.

Течение это было крайне расплывчатым по своему содержанию и более чем ограниченным по составу сочувствующих ему литераторов. Как выяснилось в дальнейшем, к последовательным его защитникам принадлежал, в сущности, один лишь его «создатель» — Г. И. Чулков. Однако идейные тенденции, скорее настроения, в какой-то мере отвечавшие содержанию термина «мистический анархизм», распространились в кругах, близких к символизму, и вне прямой связи с именем Чулкова. Высказывания Чулкова дали лишь условное и приблизительное обозначение того, что и без Чулкова «носилось в воздухе». Чулков не был теоретиком, а скорее создателем лозунгов и их популяризатором. Решающую роль в зарождении «мистического анархизма» сыграл В. Иванов, на которого пытался опереться Чулков. Последовательно развивая идеи, изложенные в своих более ранних статьях, Иванов выступил с прямым осуждением того, в чем он видел индивидуалистическое начало символизма. Эстетике, основанной на принципах крайнего индивидуализма и субъективизма («идеалистический символизм», «иллюзионизм»), В. Иванов противопоставлял утопическую концепцию религиозного «соборного» искусства («реалистический символизм», «реареализм»), которое, согласно убеждениям Иванова, может превратиться во всенародное творчество. А. Белый в одной из своих рецензий в «Весах» остроумно заметил, что «если В. Иванов составляет проекты путешествия к Солнцу, г. Чулков их приводит в исполнение» (1907, № 7, стр. 74). Понятием-этикеткой «мистического анархизма» покрывались (в восприятии его противников) и «соборность» В. Иванова, и блоковские искания путей к народности, и, конечно, все то, что писал сам Г. Чулков. Сторонником идей В. Иванова выступал в то время и С. Городецкий. Близки к ним были также А. Мейер со своей ориентированной на Бакунина идеей о революции как цели, К. Эрберг со своим «инормализмом» и М. Гофман, изобретатель теории, названной им «соборным индивидуализмом». Центром этих новых веяний был Петербург, где жили все эти литераторы и где главным образом они печатались. В Петербурге происходили знаменитые собрания «на башне» у В. Иванова, игравшие в формировании этого движения важную роль. Там же в 1906—1908 гг. выходили организованные Чулковым альманахи «Факелы», которые, по мысли их организатора, должны были служить идейным центром «мистического анархизма» и сплотить причастных к нему авторов [118].

Выступление «мистических анархистов» вызвало у сотрудников «Весов» дружный протест. Они увидели в этом выступлении попытку пересмотреть индивидуалистический канон символизма, нарушить его эстетические принципы, внести в него тенденциозный, публицистический элемент и смешать его с посторонними ему течениями

(в «Факелах», помимо символистов, приняли участие такие писатели, как Бунин, Л. Андреев и Сергеев-Ценский).

Брюсов ранее других москвичей почувствовал, что «Факелы» — орган, враждебный символизму (в понимании его группы) [119]. Сразу же после появления первого выпуска этого альманаха он пишет А. Блоку, опубликовавшему в «Факелах» лирическую драму «Балаганчик»: «Перечел ваш «Балаганчик». Прекрасно, хорошо совсем. Выделяю лишь его да стихи Вяч. Иванова, пожалуй, еще отчасти рассказ Л. Андреева. Все остальное в «Факелах» (в том числе стихи мои и Бориса Николаевича)—дрянь, вещи, которые к искусству причислить нельзя никак. И никакого «мистического анархизма» не оказалось, а—просто тенденциозная беллетристика, во вкусе «Русского богатства». И эту старую пережеванную муку нам выдают за истинный хлеб, которым должно будто бы заменить очерствелый символизм. И эти «факельщики», подлинные реакционеры в искусстве, воображают себя прогрессистами и новаторами. Стыдно. Пишу все это в более приличных выражениях в «Весах» [120]. Действительно, суждения Брюсова из его письма к Блоку были почти полностью повторены им в рецензии на «Факелы», опубликованной в майском номере «Весов». Эта рецензия послужила началом длительной и ожесточенной полемики между «Весами» и «мистическими анархистами» [121].

Полемический выпад Брюсова против «Факелов» сразу же вызвал ответную реакцию В. Иванова. Возражая Брюсову, Иванов писал — пока еще в «Весах» — о том, что символизм «по самой природе своей и в силу внутренней своей логики устремлен к соборности» и подчеркивал, что это положение он отстаивал «с первой до последней статьи своей в «Весах» (1906, № 6, стр. 55). Столкновение приобрело настолько резкий характер, что сотрудничество В. Иванова, столь активное в 1904—1905 гг., почти прекратилось на два года [122]. В. Иванов был, бесспорно, наиболее серьезной и, пожалуй, наиболее «виновной» фигурой среди противников «Весов» в 1906—1908 гг. Однако высокий авторитет В. Иванова, его дипломатически осторожное и мягкое поведение предохраняли его во многих случаях от беспощадных выпадов, которые «Весы» делали в те годы против «петербуржцев». Даже в самых ожесточенных своих выпадах «Весы» сохраняли по отношению к В. Иванову уважение, видя в нем, по выражению А. Белого, «*почтенного, но как-то растерявшегося» мэтра (1907, № 6, стр. 66). Зато настоящим* жупелом, каким-то именем нарицательным, олицетворившим чуть ли не все литературные пороки современности, представлялся «Весам» Чулков.

В отличие от В. Иванова Чулков, также сотрудничавший в «Весах» в 1904—1905 гг., решительно порывает с ними в начале 1907 г. Разрыву предшествовала отрицательная рецензия Чулкова на книгу Брюсова «Земная ось», опубликованная в «Перевале» — ежемесячнике книгоиздательства «Гриф», близком к «мистическому анархизму» [123]. «Очень прошу вас вычеркнуть мою фамилию из списка сотрудников «Весов»,— пишет Чулков Брюсову 7 апреля 1907 г. [124] После этого «Весы» еще шире развивают наступление на Чулкова. Разумеется, в этой полемике ни о какой объективности со стороны «Весов», а также их противников не могло быть и речи. Роль Чулкова в кругах петербургских символистов, его резкие отзывы о Брюсове, его слишком легкомысленное, по убеждению москвичей, отношение к идейным заветам символизма — все это было раздуто весовцами до гигантских размеров. Дело еще более осложнилось чисто личным, не относящимся к литературе конфликтом между Белым, с одной стороны, и Блоком и Чулковым,— с другой. «... Вот эти-то личные переживания,— «каялся» впоследствии Белый,— неправильно перенесенные на арену борьбы, путали, превращая даже справедливые нападки на враждебные нам течения в недопустимые резкости, обезоруживали меня <...> таковы безобразные мои выходки против Г. И. Чулкова» (*Начало века*, стр. 387). В непрекращающихся нападках на Чулкова заключалась, как шутили в то время в модернистских кругах, одна из главных литературных миссий «Весов».

Летом 1908 г. из числа сотрудников «Весов» был исключен С. Городецкий за одну из его статей, направленную против «Весов» [125]. Более сложным было положение А. Блока: подвергаясь критике «Весов», и порой очень резкой и несправедливой, он все же время от времени выступал на страницах журнала со своими литературными произведениями. В 1907 г. в «Весах» была напечатана его драма «Незнакомка»; кроме

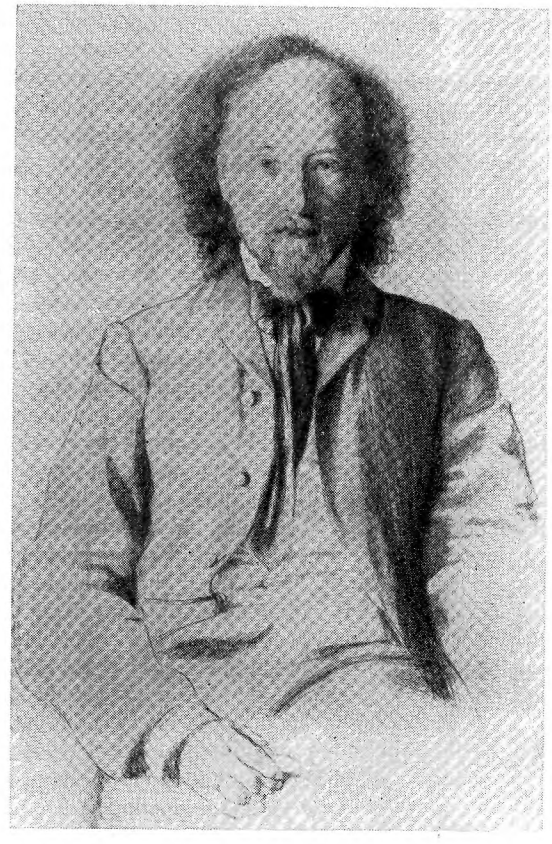
того, в течение 1906—1909 гг. Блок несколько раз публиковал в органе «Скорпиона» отдельные стихотворения и стихотворные циклы, в том числе такие существенные, как «Осенняя любовь», «Снежная дева», «Заклятие огнем и мраком и пляской метелей» (в общей сложности — 24 стихотворения). Как и В. Иванов, Блок дорожил «Весами» и старался избежать разрыва с ними. Требуя от Блока большей определенности по отношению к «Весам», С. Городецкий писал ему осенью 1908 г.: «И у тебя, и у него ‹т. е. В. Иванова› есть все-таки какая-то связь с «Весами», мне уже непонятная» [126]. Москвичи разрывают отношения не только с отдельными петербургскими литераторами, но и с изданиями «петербургской группы». 30 апреля 1907 г. в письме к Г. Чулкову Брюсов отказывается от участия во второй книжке «Факелов» (*Чулков*, стр. 348). Его поддерживают другие москвичи. В августе 1907 г. прекращается участие весовцев в «Золотом руне» (ближайшая причина — конфликт с Н. П. Рябушинским, издателем журнала). После этого в «Руне», редакция которого ранее ориентировалась на курс, близкий «Весам», устанавливается влияние «петербургской группы».

Начавшись в 1906 г., полемика затянулась на несколько лет. В этот период, т. е. в 1907—1908 гг., в период политической реакции, «новое искусство» получило широкое признание, но его торжество совпало с наметившимся в нем распадом. Вспоминая свою литературную деятельность тех лет, А. Белый характеризует ее как «тушение пожара, охватившего символизм, которого кризис — не эпоха 1912—1914 годов, а 1907—1908-го» [127].

Целый ряд журналов и газет «общей прессы» начинают охотно предоставлять символистам свои страницы; символисты и реалисты печатаются теперь рядом. Создается издательство «Шиповник», выпускающее альманахи с двадцатитысячными и более тиражами, где это смешение литературных направлений и стилей окончательно канонизируется. И сама литература вырабатывает некие «гибридные» формы, в которых символистские и реалистические начала совмещаются. «Литература эта,— пишет о символизме известный критик демократического лагеря М. Неведомский,— не только количественно размножается в усиленной степени, но и качественно расползается за недавние узкие свои границы, и влияние ее то и дело ощущается на литературе иной формации, с иными задачами, с иными источниками творчества — на литературе — скажу без обиняков — доселе здоровой» [128].

В этих условиях расслоение символизма протекает с удвоенной быстротой. И уже в 1907 г. внутри символистского лагеря складывается следующая ситуация. «Весы» и издательство «Скорпион» выступают в качестве охранителей «ортодоксального» символизма (т. е. символизма с уклоном «в индивидуализм» и преобладающей ориентацией на западноевропейскую культуру). Противостоящий им лагерь систематически нападает на эту группу из журналов «Золотое руно» и «Перевал», опираясь также на свое небольшое руководимое В. Ивановым издательство «Оры» и ряд спорадически возникающих сборников и альманахов. Огромный «Шиповник», хотя и печатает скорпионовцев, но воспринимается ими как враждебное, «распыляющее» символизм издательство. Полемика перебрасывается и в газеты. «Литературно-художественная неделя», которой заправляет модернистская молодежь (В. Стражев, Б. Грифцов и др.), объявляет «Весы» устаревшим и пережившим себя журналом. Следы междуусобной войны между символистскими группировками сохранились на страницах таких газет, как «Товарищ», «Столичная почта», «Столичное утро», «Час», печатавших символистов независимо от их ориентации. В письме к своему отцу Брюсов летом 1907 г. так характеризует сложившуюся обстановку: «Среди «декадентов», как ты видишь отчасти и по «Весам», идут всевозможные распри. ‹...› «скорпионы», «золоторунцы», «перевальщики» и «оры» — в ссоре друг с другом и в своих органах язвительно поносят один другого. Слишком много нас расплодилось и приходится поедать друг друга, иначе не проживешь» [129].

Атмосфера в «Весах» в период 1906—1908 гг. была весьма напряженной. Небольшая группа писателей, объединившихся вокруг «Весов», чувствовала себя противопоставленной не только литературе, чуждой символизму, как в 1904—1905 гг., но и многим из своих недавних товарищей по оружию. Однако чем сильнее становился разрыв между этой группой и «Петербургом», тем воинственнее делалась она, тем рельефнее выступали ее групповые установки. Полемика с «внешними» врагами символизма (позити-



ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ
Рисунок К. А. Сомова, 1906
Фотокопия с дарственной надписью Сомову на обороте:
«Твоя от твоих.
Несравненному художнику
на добрую память о модели.
Глубоко признательный
и любящий его почитатель.
Вяч. Иванов»
Литературный музей, Москва

висты, реалисты, натуралисты и др.) постепенно отступала на второй план. Из органа, в какой-то мере объединяющего весь русский символизм, «Весы» превращались в своего рода «фракцию» символизма. Новое направление журнала и его тактика обсуждались и были окончательно утверждены на одном из заседаний редакции летом 1907 г.

Фактическим редактором «Весов» и в этот период оставался Брюсов. В его руках находилось общее руководство журналом, распределение в нем ролей отдельных сотрудников, дирижирование полемикой. «Из Петербурга бурдили идеями в нас,— вспоминает А. Белый,— мы боролись с наветрием; и старались единоумье создать при «Весах»; Брюсов же, единовластец весовский <...> бичевал петербургский идейный изъян и издой...» [130]. «Единовластью» Брюсова подчинялись в этот период все его ближайшие соратники; противники же упрекали его в «диктаторстве». «...ты имеешь в «Весах» твой «большой дом», где ты поместил и свой департамент поэтических дел. У тебя свои чиновники, которые иногда похожи на лакеев...»,— пишет Брюсову В. Иванов 4 августа 1907 г. (см. наст. том, стр. 502). Слова В. Иванова, если очистить их от полемического задора, во многом справедливы. В те годы Брюсов, действительно, имел в «Весах» неограниченную власть. И не удивительно: среди весовцев Брюсов был наиболее цельным человеком, властным, сильным и твердым. Деятельный, решительный, авторитетный и разносторонне образованный, Брюсов обладал именно теми качествами, которых требовала тактика «фракционной» борьбы. В то же время Брюсов был руководителем достаточно дипломатичным, правителем «мудрым, тонким и либеральным» (как отмечает В. Иванов в том же письме от 4 августа 1907 г.). Дипломатичную тактичность Брюсова признает и А. Белый. «Брюсов диктаторствовал,— рассказывал А. Белый,— но вместе с тем был деликатным редактором и часто совещался с сотрудниками «Весов» (устный отзыв).

Однако, возглавляя поход за «чистоту» символизма, Брюсов сам по себе не проявлял особой воинственности и участвовал в конкретных боевых действиях далеко не на всех

участках фронта. Вместе с тем его выступления в «Весах» — более или менее систематические в этот период — носили скорее критический, нежели теоретический характер и, лишенные оригинального и ярко выраженного философского кредо, не могли заменить необходимой журналу идейно-эстетической платформы. Вместе с тем и как критик Брюсов не вполне отвечал тем требованиям, которые предъявляла к нему сложившаяся ситуация. Он был нередко академичен и сдержан по тону и не любил тратить слишком много сил на злободневную борьбу. Поэтому его участие в «весовской полемике» не достигало той степени накала, которым отличались полемические выступления других сотрудников. Возглавляя отделы истории литературы и поэзии, публикуя в журнале свои стихи, переводы и роман «Огненный ангел», Брюсов предоставил область теории символизма, а также полемическую часть своим сподвижникам.

Главным из них был А. Белый. Его приближение к журналу — одно из важнейших отличий «Весов» второго периода. Именно участие Белого придавало в то время «Весам» «обличительный» характер и вносило в содержание журнала философско-теоретический элемент. Если оставить в стороне организационную сторону дела, то можно без особой натяжки сказать, что примерно с марта 1907 г. (т. е. с момента возвращения Белого из-за границы в Россию) «Весы» по своему содержанию были столько же журналом Брюсова, как и Белого. Таким образом, Белый как бы занял в журнале место отошедшего от «Весов» В. Иванова. Восприняв «мистический анархизм» как недопустимую вульгаризацию символизма или, говоря его собственными словами, как «кражу интимных лозунгов» [131], А. Белый часто и охотно выступал в эти годы в «Весах» с полемическими статьями. «Я, никогда не думавший стать газетчиком и более всего мечтавший написать философский трактат о символизме, видя в доме символизма пожар,— лечу на пожар с пожарной кишкой: окатывать мистико-анархический пыл струей холодной воды; так я втянут в газету; все статьи мои того времени в «Весах» носят газетный характер ⟨...⟩ Моя ярая полемика против Иванова, Блока, Чулкова, Городецкого и других «анархистов» — борьба с «обманом». В ответ на соборность, вынесенную в газету, я провозгласил свое отходное: «назад в индивидуализм» ⟨...⟩ На газетное искажение задач символизма я отвечаю газетным наскоком» [132]. Этой борьбе Белый предавался увлеченно и истово. «Я для «Весов» и нашей тактики жертвовал всем, местом в «Руне», где я имел возможность печатать объемистые статьи (в «Весах» я в этом отношении с обрезанными крыльями); я жертвовал личными отношениями» [133].

Малый объем «Весов», действительно, не позволял Белому печатать в них больших теоретических работ. Но и в лаконичных эссе, в кратких рецензиях и беглых фельетонах Белый умел так концентрировать свою мысль, так насыщать ее философским содержанием, что и эти «малые жанры» в какой-то мере восполняли отсутствующие в «Весах» фундаментальные исследования. Кроме того, Белый умел писать едко, обидно и даже злобно, что вполне соответствовало настроениям редакции. Печатая серию критических статей под общим названием «На перевале», Белый задавал в них тот хлесткий и задиристый тон, который держался в «Весах» в течение всего периода полемики. Таковы, например, его статьи «Штемпелеванная калоша», «Детская свистулька», «Вольноотпущенники» и др. Среди теоретических работ Белого, появившихся за эти годы в «Весах», выделяются его реферат «Символизм и современное русское искусство» и лекция «Символизм». Активное участие Белого в «Весах» сблизило его в эти годы с Брюсовым, которого он всячески превозносил, хотя, с другой стороны, страдал от его диктатуры и не раз бунтовал против «единовластца весовского» [134]. «... Нет иного бога кроме символизма, и Брюсов — пророк его...» — такова была литературная позиция Белого и его товарищей по журналу в то время (*Между двух революций*, стр. 341).

Но как бы полезно для «Весов» ни было совместное сотрудничество Брюсова и Белого, тем не менее в самую бурную эпоху полемики, т. е. приблизительно с середины 1906 г., журнал нуждался в новых боеспособных авторах и острых критических статьях. Б. Садовской в этом помочь не мог: он был далек от символистской платформы и участвовал в «Весах» скорее на роли «попутчика». Заметную роль в «Весах» второго периода играл Эллис, однако он сблизился с журналом лишь в середине 1907 г. В «Весах» продолжал ощущаться недостаток бойкого и острого пера, пригодного к стремительным литературным атакам и маневрированию. Желая восполнить этот пробел, Брюсов об-

ращался к К. И. Чуковскому. «Год обещает быть для нас буйным и бранным,— писал ему Брюсов 12/25 октября 1906 г.,—на «Весы» идет походом «Перевал» или «Провал», как у нас называют сие создание «Грифа». Не примете ли вы участие в начинающейся кампании? (...) мы очень нуждаемся в остроте вашей полемики» [135]. Однако и Чуковский, несмотря на его довольно интенсивное участие в «Весах», не мог спасти положения: он был все же критиком, посторонним символизму, и для «фракционной» борьбы не подходил.

Несколько парадоксальной, но значительной поддержкой, способствовавшей укреплению боевых качеств «Весов», послужило сближение редакции с Мережковскими, главным образом — с З. Н. Гиппиус.

Конечно, идея «религиозной общественности», которую отстаивал в то время Мережковский, была чужда Брюсову. Более того: антииндивидуалистическая проповедь Мережковского с ее абстрактным отрицанием гражданской пассивности в известной мере перекликалась с декларациями «мистических анархистов». Но в противоположность другим петербуржцам Мережковские, осуждая декадентство, т. е. возникшую еще в 90-х годах крайне индивидуалистическую стадию развития символизма, не противопоставляли ей своей собственной литературно-эстетической программы: от символистской эстетики они уходили в своеобразную религиозную публицистику. Однако они не блокировались ни с какими враждебными символизму группами. К тому же Мережковский пользовался тогда широкой известностью, и Брюсов рассчитывал, что союз с ним и с З. Гиппиус значительно поднимет авторитет «Весов» и расширит их читательскую аудиторию. По словам Белого, Брюсов посвятил в свои замыслы, касающиеся этого союза, и других сотрудников журнала (запись беседы с Белым). Знал об этих переговорах и Поляков, давний поклонник Мережковского (запись беседы с Поляковым).

Начало переговоров Брюсова с Мережковскими относится к 1906 г. [136] Правда, Брюсов и раньше настойчиво приглашал их обоих к сотрудничеству в «Весах», и они охотно откликались на это, присылая свои статьи (Мережковский), стихи, рассказы и критические заметки (Гиппиус). К середине 1906 г. Мережковский опубликовал в «Весах» уже четыре большие статьи с явным уклоном к «религиозно-общественной» проблематике: «Умытые руки», «О Чехове», «Пророк русской революции» и «Декадентство и общественность». Сотрудничество Мережковских в «Весах» и оживленная переписка, установившаяся между ними и Брюсовым, вылилась, наконец, в конкретное предложение: войти в состав редакции «Весов». «Весы» очень хотели бы вашего более постоянного участия, вашего и Зинаиды Николаевны. Я думаю, уверен, что в вопросах литературы, искусства, культуры — мы вовсе не так далеки друг от друга, т. е. мы, «Весы», и вы, Д. Мережковский»,— писал Брюсов [137]. Более определенно о союзе Мережковских с редакцией «Весов» говорится в одном из писем Брюсова к З. Н. Гиппиус, сохранившемся в брюсовском архиве (лето 1906 г.): «Мне кажется, что, соединив свои силы, мы могли бы завоевать этому журналу и внешний «успех» и настоящее «влияние». Разумеется, ради такой цели можно и стоит принести некоторые жертвы. Мы, «скорпионовцы», готовы на них. Согласитесь ли вы? Нам надо, чтобы вы не только внешне вошли в «Весы», но и действительно отдали бы им часть сил как журналу» [138].

Мережковские были согласны. Ближайшее участие в «Весах» и в руководстве журнала представлялось им в то время не только возможным, но и очень желательным: Мережковские, которые с 1906 г. жили в Париже, чрезвычайно тяготились отсутствием собственного печатного органа. Из «Нового пути» они — его основатели и руководители — были вытеснены еще до закрытия журнала. С «Вопросами жизни» (1905), возникшими на развалинах «Нового пути» и возглавлявшимися теми, кто участвовал в вытеснении Мережковских, они по вполне понятным психологическим и идеологическим причинам не могли близко сойтись. Еще 6 февраля 1905 г. Гиппиус писала Брюсову: «Что всем нам *неизмеримо* ближе «Весы», чем «Вопросы жизни», вы, теперь, после устных объяснений, уже знаете» [139]. Совершенно ясно, что контакт с либеральными и либерально-демократическими журналами для Мережковских был в то время еще более труден. К «Весам» же Мережковские издавна испытывали расположение: «Весы» нам становятся все более симпатичны — это ведь единственный теперь культурный и «взрослый» журнал у нас»,— писал Мережковский Брюсову 12 апреля 1906 г. [140] З. Гиппиус

была вполне солидарна со своим мужем. «... Мы очень серьезно и почти любовно смотрим на «Весы» как на единственный теперь журнал, с которым можно чувствовать связь» [141].

В начале 1906 г. Мережковские и их единомышленник Философов (а также Бердяев и Булгаков) пытаются объединиться в группу под названием «Меч» (так называлась и статья Мережковского, вошедшая в его сборник «Не мир, но меч») и даже проектируют издание аналогично озаглавленного журнала [142]. В том же 1906 г. сборник «Меч» был предложен ими известному мюнхенскому издательству Пипера (письмо А. Белого к Брюсову от 14 декабря 1906 г.— см. наст. том, стр. 403). Однако ни одно из этих начинаний не увенчалось успехом. Безуспешными оказались и переговоры с книгоиздателем М. В. Пирожковым, которого Мережковские и Д. Философов хотели склонить к изданию нового журнала. Потребность Мережковских в «собственном» литературном органе становится все более острой. «Вы не можете себе представить, до чего у нас наболела душа без своего журнала...»,— признается Д. Философов в письме к Брюсову из Парижа 5/18 августа 1906 г. [143] В этих условиях между Брюсовым и Мережковскими идет оживленная переписка относительно соединения «Меча» и «Весов».

Мысль о возможности такого союза Брюсов впервые высказал в цитированном выше письме к З. Н. Гиппиус, отправленном, видимо, в конце июня 1906 г. Брюсов, как можно судить из ответного письма Гиппиус от 3 июля 1906 г., предполагал ради этого существенно реорганизовать журнал. Лишь в одном он был непреклонен: «Весы» должны были оставаться журналом литературно-художественным и критическим. З. Гиппиус писала: «Нет, если можно на более или менее прочных основаниях соединиться нам с «Весами» — мы и стараний не станем прилагать для создания отдельного журнала. Об «изгнании» чего-либо со страниц «Весов» — мы затрудняемся думать. Я, по крайней мере, не могла бы вспомнить ничего «ненавистного» в «Весах» за долгий последний период. Говоря о том, что «Весы», конечно, не заменят «Меча», потому что «это все-таки будет журнал литературы и искусства»,— вы жестоки, Валерий Яковлевич! Вы заранее решили, что наш «Меч» был бы, если б был, вне первой — и второго! Вы жестоки — но, пожалуй, оказались бы фактически правы ⟨...⟩ Но тем более ценно возможное (если оно действительно возможно) соединение «Меча» с «Весами», т. е. попросту говоря,— нас с вами» [144].

В ответном письме (лето 1906 г.), которое отчасти уже цитировалось, Брюсов, развивая мысль о возможном объединении «Весов» и «Меча», пишет: «Нам не довольно того, что в «Весах» будет печататься большее число статей Дмитрия Сергеевича, ваших, Дмитрия Владимировича [145] и Бердяева: мы мечтаем на самом деле о слиянии «Весов» и «Меча», о том, чтобы этот «меч» мог естественно вплестись в эмблему «весов». Как этого достичь? Если хотите, давайте искать. Я прилагаю к этому письму наш проект соединения...» [146].

Составленный Брюсовым проект соединения «Весов» и группы Мережковских сохранился в двух экземплярах в архиве Брюсова. Ниже приводится полный текст одного из них (условно: «первый» вариант проекта).

ПРОЕКТ СОЕДИНЕНИЯ

1. Название журнала и внешность (формат, бумага, виньетки) остаются прежние.

2. Каждый № будет заключать в себе около 120 стр. (от 7 до 8 листов) при подписной цене 7 р. в год.

3. Редакция остается в Москве и ведает все внешние дела: распределяет материал по №№, сносится с авторами, печатает объявления и т. д.

4. Из числа 7 листов в каждом № *три* назначаются для беллетристики, *два* — для статей, принятых нами, и *два* для статей, принятых вами.

5. Статьи, принятые нами, *не* посылаются на ваш просмотр. Статьи, принятые вами, считаются принятыми редакцией.

Примечание: Мы оставляем за собой право отложить немедленное напечатание той или другой принятой вами статьи и вступить с вами в переговоры по поводу нее — (об

ЭСКИЗ ОБЛОЖКИ ЖУРНАЛА «ВЕСЫ», 1905, № 9 и 10
Рисунок А. А. Арапова. Тушь
Литературный музей, Москва

ее сокращении или совершенном устранении) — во всех крайних случаях, напр., если бы нам показалось, что помещение данной статьи грозит закрытием журнала.

6. Все более значительное из своих произведений вы и Дмитрий Сергеевич печатаете в «Весах».

7. Все, помещенное в «Весах», не должно появляться в отдельном издании раньше как через 4 месяца по напечатании в журнале.

8. В объявлениях мы пишем, что «Весы» издаются при ближайшем участии в редакции Д. С. Мережковского.

9. Гонорар остается прежний: для вас и для Дмитрия Сергеевича за лист прозы 75 руб. и 50 коп. за стих. Для других сотрудников 3 р. страница прозы и 30 к.— стих.

Валерий Брюсов [147]

Сознавая, что частичные уступки — в случае, если соглашение с Мережковскими будет достигнуто,— неминуемы, Брюсов стремился свести их до минимума. Наиболее «принципиальная» из уступок была сформулирована в примечании к пункту 4 («второй» вариант проекта). «Очень желательно, чтобы вы в своем отделе образовали какие-либо постоянные рубрики: «Религиозно-философская хроника», «Обзор современности» и т. д. Само собой разумеется, что этим самым «Весы» расширяют свою программу и включают в нее статьи по общественным вопросам»[148]. По-видимому, Брюсов послал Мережковским не только первый, но и второй вариант проекта, расширенный подробными примеча-

ниями. Брюсов — как видно из проекта соглашения — учитывал и то, что статьи Мережковских, нередко окрашенные в антиправительственные тона, могут привлечь к себе внимание цензуры. Этим и объясняется оговорка, сделанная Брюсовым к пункту 5. Очевидно, допуская Мережковских в «Весы», Брюсов пытался, по возможности, ограничить их. Чтобы журнал не изменил своего лица, его следовало оградить от чрезмерного наплыва «общественных» и религиозных материалов. Именно поэтому Брюсов предложил Мережковским участвовать в критическом отделе наровне с прежними сотрудниками, определив для обеих сторон по два листа. Эти «два листа» и породили спор.

Оба варианта проекта были вскоре возвращены Брюсову с подчеркнутыми пунктами 2, 4, 6 и 9, сомнительными для Мережковских. В сопроводительном письме от 12/25 августа 1906 г., вновь подтверждая свою принципиальную готовность соединиться с «Весами», З. Гиппиус писала:

«Все пункты, не отмеченные мною, нами в полноте приемлются. Четвертый и шестой, если и подлежат возражению, то лишь в зависимости от второго, который, таким образом, и является главным. «Каждый номер будет заключать в себе от 7 до 8 листов». Семь листов. Отсюда естественно и разделение ваше: *два* листа для статей наших — и наших авторов. При этом вы прибавляете, что желательны были бы и рубрики, постоянные отделы (что кажется и мне очень желательным и даже необходимым). Теперь мы и соображаем. Предположим, что пол-листа займу я (а ведь иногда могу и больше написать), лист кто-нибудь из наших, пол-листа другой — и вот для громоздких статей Дмитрия Сергеевича абсолютно нет места. Тянуть какую-нибудь его статью по пол-листа в продолжение года — совершенно не имеет смысла. Вы знаете, как он пишет. Таким образом, естественно выйдет, что «все более значительное» свое (пункт 6) он будет отдавать в другое место, а в «Весы» станет писать случайные заметочки,— если станет их писать. И «Весы» для него не будут «своим» журналом. А я это даже психологически считаю страшно важным. Шестой пункт важен для преуспеяния *дела*. ⟨...⟩ И вот, ввиду всего этого, мы хотели бы предложить вам: нельзя ли увеличить для нас и наших место *до 4-х листов* ежемесячно, т. е. увеличить размер журнала *до 10 листов*. За возможность этого говорит и увеличенная вами на два рубля цена журнала ⟨...⟩ Вы скажете, что, помимо экономических затруднений, тут может выйти неравновесие, и если у нас будет четыре листа, а у вас два, то «Весы» фактически будут *больше* наши, нежели ваши. Но мне кажется, неравновесие скорее будет при *равном* арифметическом разделении, именно ввиду легкости, сжатости вашего материала и громоздкости нашего. Может ведь так случиться, что все два листа займет кусок статьи Дмитрия Сергеевича, а вы в ваши два листа сумеете уложить, кроме статей, и все хроники, и обзоры и т. д. Я невольно буду уступать свое место Дмитрию Сергеевичу, да и другому, а между тем мне (опять-таки и психологически) хотелось бы тянуть свою ниточку из книжки в книжку, как это приблизительно было в «Нов⟨ом⟩ пути» [149].

Как видно из приведенного письма, осуществить объединение, желанное для обеих сторон, оказалось не просто. Разногласия по вопросу о взаимном размежевании в будущих «Весах», о степени участия и влияния в них «Меча» и «Скорпиона» были весьма значительными. В основе этих разногласий лежали идеологические соображения. Позиция, занимаемая Мережковскими с их проповедью «религиозной общественности», была чуждой Брюсову, продолжавшему защищать принцип «автономного искусства» и настроенному скептически ко всякой идеологии, в том числе и религиозной. Это главное, принципиальное расхождение осознавалось обеими сторонами. Недаром еще в 1905 г., отвечая на предложение Брюсова расширить свое участие в «Весах», З. Гиппиус писала: «Я совершенно верю в ваше искреннее «отпирание дверей», я только не уверена, что не могу написать чего-нибудь такого, перед чем с тою же искренностью эти двери затворятся» [150]. О своем несогласии с «Весами», хотя и чисто литературном, З. Гиппиус заявляла Брюсову 1/14 сентября 1906 г. [151] В «прибавлении» к этому письму, сделанному на другой день, 2/15 сентября 1906 г., З. Гиппиус высказывалась еще более определенно: «А что известная доля какой-то общественности необходима «Весам» — это факт» [152]. И, наконец, в более позднем своем письме к Брюсову (27 декабря 1907 г.), обнажая самое существо расхождений Мережковских с «Весами», она пишет: «Я с вами вполне согласна: у нас разные *тенденции*, и у каждого из нас так они крепки, что трудно вступать в

компромисс ⟨...⟩ я никак, нигде, ни в стихах, ни в рассказах, ни в критике не могу удовлетворить ваших требований — чистого искусства» [153].

И тем не менее, признавая полное единство с «Весами» неосуществимым, группа «Меча» все же не хотела окончательно отказаться от соблазнительной идеи намеченного союза, хотя бы в форме ближайшего сотрудничества. В письме к Брюсову, написанном 6/19 октября 1906 г., Мережковский выражает готовность к дальнейшим переговорам, а главное — к существенным уступкам.

«Дорогой Валерий Яковлевич,— писал Мережковский,— нам всем очень прискорбно, что из письма Зинаиды Николаевны вы заключили, будто мы не желаем иметь *постоянного отдела* в «Весах». Мы хотим иметь не два листа, а четыре. Вы нашли это последнее невозможным. Но как вы могли заключить из этого, что и двух листов мы не хотим? Тут произошло недоразумение, которое хотелось бы выяснить. Если вы поверите, что наше желание принять ближайшее и деятельнейшее участие в «Весах» искренне и если вы вернетесь к вашему первому предложению 2 листов, то мы его готовы принять». При этом, ясно сознавая чуждость литературных установок «Весов» и «Меча», Мережковский добавляет: «Мне кажется вообще, что никакими «договорными пунктами» и внешними условиями нельзя определить внутреннего соглашения таких все-таки чуждородных, близко-далеких сторон, как мы и вы!» [154]

Неизвестно, что ответил бы Брюсов на это письмо, если бы неожиданно для самого себя не узнал, что аналогичные дипломатические сношения Мережковские ведут за его спиной с «Золотым руном». Переговоры были сорваны. По тону приводимой ниже выдержки из чернового письма Брюсова к Мережковскому, написанного 10/23 октября 1906 г., можно догадаться, как возмутила его эта новость. «За это время Н. П. Рябушинский, в ответ (по его уверению) на ваше предложение, послал вам свои условия соединения вашей группы с группой «Золотого руна». ⟨...⟩ Раз вы ведете переговоры с Рябушинским и «Золотым руном», мы решительно не хотим вмешиваться в это дело и предоставляем вопрос его собственному течению. Возобновиться наши переговоры могли бы только в том случае, если бы вы объяснили нам и Рябушинскому, что переговоры «Золотого руна» с вами — плод недоразумения, что никакого предложения «Золотому руну», одновременно с вашими предложениями «Весам», вы не делали» [155].

Трудно сказать, было ли это письмо послано Брюсовым в его настоящем виде или он заменил его каким-либо смягченным вариантом или же вообще не отправил. Группа «Меча», по-видимому, не представила разъяснений, которых требовал Брюсов. Во всяком случае в дальнейшей переписке Брюсова с Мережковскими они отсутствуют. Переговоры не возобновились. Мережковские, правда, остались сотрудниками журнала, но прежней теплоты в их отношениях с «Весами» уже не было. Каковым же оказалось реальное сотрудничество представителей группы «Меча» в органе «Скорпиона»? Прежде всего следует отметить, что ни соратник Мережковских Д. В. Философов, ни близкий к ним в то время Бердяев, которого Гиппиус и Философов с особой настойчивостью рекомендовали Брюсову, на страницах «Весов» не появились вовсе (если не считать небольшой статьи Д. В. Философова в № 6 «Весов» за 1904 г.). Сам Мережковский — автор статей, превышающих принятые в «Весах» размеры и в сущности далеких по содержанию от основной линии журнала,— был после переговоров представлен в органе «Скорпиона» лишь одним критическим отрывком и маленьким стихотворением, напечатанными в 1909 г. Зато З. Гиппиус оказалась действительно близкой и плодовитой сотрудницей «Весов», интенсивно работавшей в журнале в 1906—1907 и отчасти в 1908 г. (ее псевдонимы в «Весах»: Антон Крайний, товарищ Герман и Алексей Кириллов). Гиппиус не поддерживала некоторых лозунгов «Весов» и решительно осуждала «декадентские» традиции, которые продолжал отстаивать «Скорпион», но ее бойкие остроумно-язвительные фельетоны и рецензии, направленные против «мистического анархизма» Г. Чулкова и журнала «Золотое руно», были именно тем ферментом, которого заметно не хватало «Весам» в их полемике.

С 1907 г. Мережковские начали закрепляться в других изданиях («Русская мысль», «Образование», газета «Речь») и все больше отдалялись от «Весов». Преемником Гиппиус, сыгравшим в журнале еще большую роль, чем она, был ее литературный недруг — критик, теоретик, поэт и переводчик Эллис (псевдоним Л. Л. Кобылинского).

Эллис, необузданный энтузиаст и фанатик по темпераменту, оставил в истории символизма заметный и своеобразный след. В течение первых трех лет существования «Весов» он находился в остром конфликте с Брюсовым и потому держался от «Скорпиона» на значительном расстоянии. Его сотрудничество в «Весах» начинается лишь с № 5 в 1907 г. В молодости Эллис интересовался философией и одно время называл себя «марксистом». Придя в «Весы», он был уже страстным приверженцем «ортодоксального» символизма. По своим взглядам Эллис занимал как бы срединную позицию между Брюсовым и Белым. Он, как и Брюсов, был увлечен культурой французского декадентства (в особенности — Бодлером), но так же, как и Белый, не мог удовлетвориться «чистым» декадентским индивидуализмом и эстетизмом и рассматривал символизм как форму религиозного сознания. Подобно Брюсову, Эллис не доверял гносеологическим построениям, которыми увлекался Белый, и был склонен к обоснованию искусства интуицией. Но еще глубже характеризует Эллиса его глубокое презрение к демократическому искусству. В этом смысле Эллис представлял в «Весах» крайнюю позицию [156]. Идея избранности кружка «Весов» и аристократической обособленности символизма связана прежде всего с именем Эллиса. «Искусство по существу — дело немногих и для немногих» — таков был один из основных тезисов этого критика (1909, № 7, стр. 74).

Эллису принадлежат также самые неумеренные, переходящие в панегирик восхваления своих друзей по кружку, прежде всего Брюсова, которому в 1907—1909 гг. Эллис истово поклонялся. «Я окончательно сблизился с Брюсовым и вижусь с ним каждый день <...>,— писал он Э. К. Метнеру в 1907 г. — В нем я нашел такие душевные черты, которые для меня были «нечеловеческим идеалом» <...> В Москве же остался один человек, преклоняющийся перед искусством,— это Брюсов. За последнее время я сошелся с ним «в глубинах», и у нас возникло полное понимание друг друга. По вопросам, специально касающимся эстетики, я договорился с Брюсовым до такого понимания, которое мне никогда и не снилось. «*Героическое в демонизме*» — вот его сущность, а это для меня самое важное <...> Брюсов пригласил меня в редакционное бюро «Весов», которое теперь состоит из него, Белого, меня и Полякова» [157].

Провозглашая эзотерический культ искусства, Эллис со злостью писал о тех, кто вносил в литературу и эстетику общественный, «утилитарный» элемент, а также о тех, кто, с его точки зрения, профанировал символизм. К противникам «строгого», как он выражался, искусства Эллис относился со всей нетерпимостью, постоянно призывал своих соратников по журналу к новым и еще более ожесточенным выступлениям против «Петербурга» и даже пытался составить в этом духе «Манифест «Весов» (лето 1907 г.). «Разве есть иная возможность спасти «чистое искусство» (без которого нельзя жить),— писал Эллис Брюсову,— <...> как раз навсегда бесповоротно и логично порвать всякие связи со всеми, кто осмеливается смотреть на искусство как на средство...» [158] Самые резкие оценки противников, самые бешеные наскоки на них принадлежали Эллису. Он совершенно не стеснялся в выражениях, особенно в тех случаях, когда речь заходила о «мистических анархистах» и прежде всего о ненавистном ему Чулкове [159].

Ведущий состав боевой группы «Весов» второго периода сводился, таким образом, к следующим авторам: Брюсов, Белый, З. Гиппиус, Эллис и на более скромных ролях — Б. Садовской. «Коренные» скорпионовцы (Балтрушайтис, Бальмонт, Поляков) печатали в «Весах» свои стихи, статьи или переводы, однако в борьбе с «петербургским символизмом» участия не принимали. С 1908 г. к «Весам» значительно приблизился С. М. Соловьев, один из «младших» московских символистов, в то время наряду с Эллисом ближайший друг Белого. Вскоре С. Соловьев, сотрудничавший в «Весах» уже с 1905 г., стал одним из основных членов группы скорпионовцев (он подписывался также С. С.). Однако он помещал в «Весах» главным образом стихи, а в своих критических выступлениях лишь поддерживал общую линию журнала, не внося в нее существенного своеобразия.

Литературная борьба «Весов» с «мистическими анархистами», с вульгаризаторами символизма и его расплодившимися эпигонами и с эклектиками отличалась в 1906—1908 гг. необычайной интенсивностью и соответствовала тогда доминирующей линии

«Весов» [160]. Однако в то же время «Весы» продолжали — хотя и с несколько меньшей силой и заинтересованностью, чем в первые два года их существования,— наступление на писателей демократического лагеря, прежде всего реалистов.

«С каждым новым сборником чувствуется все определеннее, что писателям «Знания», в сущности, чужды задачи художественные, и литература является для них лишь средством для достижения целей, не имеющих ничего общего с искусством»,— писал В. Гофман, рецензируя XX и XXI книги знаниевских сборников (1908, № 4, стр. 48). Весьма уничижительно отзывалась о Горьком и Л. Андрееве З. Гиппиус. Эллис нападал на драматургию Горького в статье «Еще о Соколах и Ужах» (1908, № 7). Особенно же ополчался этот критик на писателей, пытавшихся соединить символизм с реализмом. «Смешение стилей,— восклицал Эллис,— самая страшная и самая страшная болезнь нашего литературного сегодня. После Б. Зайцева самый печальный, самый роковой пример ее — Л. Андреев» (1908, № 10, стр. 84). Что касается самого Брюсова, то его участие в полемике с реалистами было в 1907—1908 гг. минимальным. Он не писал рецензий на сборники товарищества «Знание» (как в 1905—1906 гг.), воздерживался и от анализа произведений отдельных авторов — «знаньевцев». Его отзыв о постановке драмы Л. Андреева «Жизнь Человека» в Художественном театре — пожалуй, единственное исключение. «Талант Л. Андреева — талант некультурный» — таков один из центральных тезисов этой статьи-рецензии (1908, № 1, стр. 144). Для поддержания непрерывной атаки на реализм «Весы», как правило, прибегали к помощи своих менее значительных сотрудников. К их числу принадлежали Б. Садовской, А. Курсинский, В. Гофман, Н. Петровская, печатавшаяся в «Весах» и под псевдонимом — Н. Останин. Именно эти литераторы — с некоторыми вариациями в своем составе — выступали против реалистов с наибольшим ожесточением.

Основным оружием, которое применяли сотрудники «Весов» в этой упорной и затяжной войне, было понятие *культуры* — критерий универсальный и в тактическом отношении очень удобный. Нападая на своих многочисленных противников, «Весы» предпочитали обвинять их не столько в идейных заблуждениях, сколько в «некультурности». «...Особенно излюблен термин «культурность», который встречается чуть ли не на каждой строке с самыми разнообразными префиксами: «культурность», «некультурность», «антикультурность», «бескультурность»; этими словечками, как дешевой майоликой, украшена критическая постройка автора»,— так писал о «Весах» критик из «Золотого руна» (по поводу некоторых статей З. Гиппиус) [161]. Свою неутомимую критику враждебных им течений весовцы действительно воспринимали и неизменно подавали как борьбу с «одичалостью», «отсталостью», «бескультурьем». И Брюсов и вся его группа рассматривали символизм как явление общекультурного порядка, как основную форму, в которую облеклась культура в современном мире. «Символизм — это культура — вот самое общее из самых общих мест...» — заявлял Эллис (1909, № 10—11, стр. 153). А. Белый, говоря в 1908 г. о группе «собственно символистов с центральной фигурой Валерия Брюсова», подчеркивал, что для них «теория символизма — есть вывод многообразной работы всей культуры...» (1908, № 10, стр. 62).

«Весы»,— говорилось в каталоге издательства «Скорпион» на 1908 г.,— не могут не быть сторонниками всех культурных начинаний. Напротив, «Весы» считают своим долгом восставать как против всех явлений, враждебных свободному развитию духовной жизни, так и против всякого варварства, посягающего на культурные ценности. Полагая идею культуры неотделимой от идеи преемственности, «Весы» хотят соединить искания нового с уважением и любовью к прошлому...» [162].

Воспринимая культуру как явление универсальное, мировое, «Весы» не ограничивали себя одной лишь современностью, не замыкались в пределах России, но стремились охватить самые разнообразные области духовной жизни многих стран. Эта ориентация на «мировую» (а фактически на западноевропейскую) культуру, характерная для журнала на всех этапах его существования и во многом определявшая его лицо, связана в первую очередь с именем Брюсова. Ученый-филолог, глубоко и разносторонне образованный человек, Брюсов насыщал свое собственное творчество и издания, которыми он руководил («Северные цветы», «Весы»), большим и разнообразным материалом культуры различных национальностей и эпох. В «Весах» публиковались статьи о лите-

ратуре, живописи, театре, музыке, балете и даже одежде; рецензировались также и книги научного содержания, включая работы по математике, астрономии — вплоть до кристаллографии, а также труды по философии, эстетике, истории. Однако наряду с этим в журнале с такой же серьезностью рассматривались и книги по оккультизму и спиритизму (их рецензировал обычно сам Брюсов).

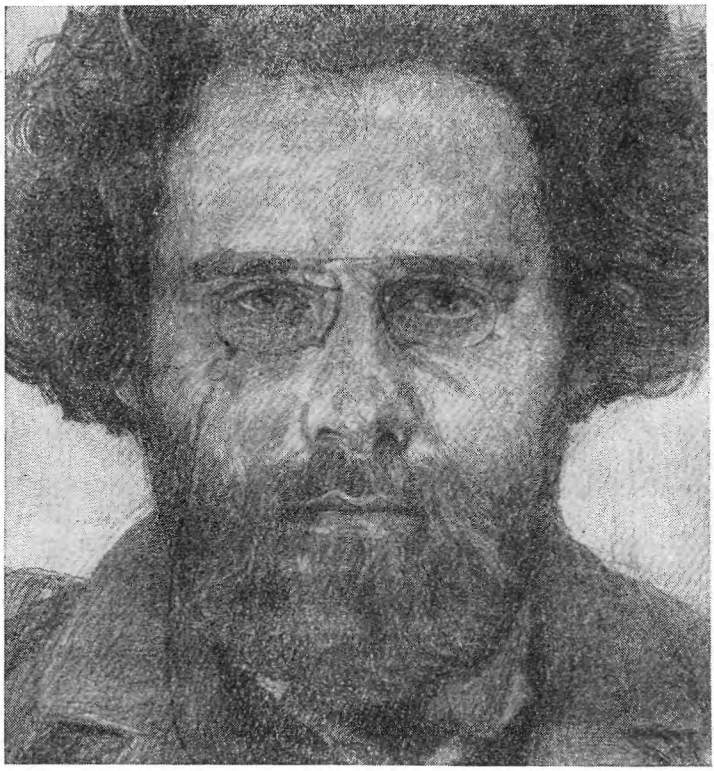
В «Весах» значительное место занимали материалы, связанные с культурой прошлого: статьи об Овидии, Шиллере, Байроне, Гейне, Гюго и других классиках античной и западноевропейской литературы; большие эссе о Лермонтове, Гоголе, Достоевском, отзывы, рецензии и заметки, посвященные Крылову, Пушкину, Лермонтову, Гоголю, Герцену, Тютчеву, Толстому и т. д. «Весы» охотно отмечали юбилейные даты, внимательно следили за новыми литературоведческими книгами. На страницах журнала оценивались работы Е. Аничкова, Ю. Айхенвальда, С. Венгерова, М. Гершензона, Р. Иванова-Разумника и других критиков и историков литературы (в том числе и иностранных). Время от времени «Весы» публиковали неизданные тексты русских классиков: Пушкина, Баратынского, Рылеева, Жуковского, Огарева, А. К. Толстого и др. Особенно охотно «Весы» печатали неизвестные тексты Пушкина, откликались также на новые издания его сочинений и новые работы о нем. Инициатором большинства этих рецензий и публикаций был, видимо, Брюсов — пушкинист, знаток и исследователь русской литературы XIX в.

Стремясь к широкому охвату культуры, редакция «Весов» привлекала к участию в журнале профессиональных литературоведов, филологов, а также знатоков театра, музыки, живописи. Постоянно сотрудничали в «Весах» Н. Лернер — тогда начинавший, а впоследствии известный пушкинист (псевдоним — Пушкинианец), историки русской литературы В. Саводник и В. Каллаш. Среди авторов, писавших в «Весы», были искусствоведы И. Грабарь, П. Муратов, К. Сюннерберг, П. Эттингер, а также коллекционер И. Щукин. Однократно выступили в органе «Скорпиона» философ П. Флоренский (1904, № 9) и В. Мейерхольд, напечатавший в «Весах» свои заметки «Из писем о театре» (1907, № 6). Нельзя, наконец, не вспомнить, что «Весы» были журналом не только литературным и критико-библиографическим, но и художественным, причем некоторые живописцы, принимавшие участие в оформлении «Весов», выступали в журнале и как художественные критики, например, Н. Рерих, В. Милиоти (В. М-и), М. Шестеркин (Арбалет, А-т) [163].

«Весы» справедливо должно признать одним из самых культурных явлений русской жизни»,— писал автор анонимной заметки о «Весах» в газете «Новая Русь» [164]. Таким было мнение многих современников, близких к модернизму. Г. Чулков, например, который в 1905 г. находился еще в хороших отношениях с журналом «Скорпиона», называл его тогда «истинно культурным органом» [165–166]. Впрочем, некоторые литераторы модернистского лагеря считали, что Брюсов уводит «Весы» в сторону от символизма с его исканиями и тревогами, и упрекали журнал в «академизме» [167].

Но совершенно очевидно, что подход весовцев к культуре отличался крайней субъективностью и модернистской специфичностью, «аристократическим эстетизмом», ориентацией на элитарные слои индивидуалистической интеллигенции, резким разрывом с демократическими традициями. Это обнаруживалось с особенной ясностью, как только «Весы» обращались к современному искусству. Поставив знак равенства между понятиями «символизм» и «культура», весовцы как бы вынесли за скобки те художественные явления современности, которые не принадлежали к «новому искусству» и не смыкались с ним. Упрекая своих противников в «бескультурье», они не понимали, что имеют дело — по крайней мере, во многих случаях — не с «отсутствием культуры», а с наличием *другой* культуры — демократического и реалистического склада. Возникало явное противоречие между декларируемым «Весами» стремлением к универсализму и суженим современной им культуры до одного лишь «нового искусства». Это противоречие сказывалось и на суждениях весовцев о культуре прошлого.

В «Весах» публиковались иногда материалы о Радищеве, декабристах, Герцене, Кропоткине и т. п. Об этих чуждых символистам явлениях русской общественной жизни и культуры «Весы» писали нередко со сдержанным уважением. Однако, отстаивая принципы «свободного искусства» и эстетической критики, «Весы» рассматривали револю-



М. А. ВОЛОШИН

Литография по рисунку А. Я. Головина, 1909
Литературный музей, Москва

ционных демократов 60-х годов как своих идейных противников. Особую враждебность по отношению к русской революционно-демократической литературе проявлял наиболее «правый» по своим воззрениям сотрудник «Весов» Б. Садовской. Он заявлял: «Вред, принесенный старой критикой русскому обществу, громаден». По его мнению, «весь необозримый исторический путь», пройденный русской критикой, «надо сплошь зачеркнуть, выкинуть, как пустое место» (1905, № 9—10, стр. 75). В статьях Белинского о литературе Садовской усматривал «односторонность и поспешность выводов и суждений»; «прямым и естественным преемником социалиста Белинского» является, по утверждению весовского критика, «нигилист Писарев с его вандализмом» (1904, № 9, стр. 63—64). Разбирая книгу А. Н. Пыпина о Некрасове, он выражал сожаление, что поэт чрезмерно увлекался современностью и что его муза служила общественным идеям (1905, № 4, стр. 55). О Чернышевском Садовской писал в оскорбительно резких или подчеркнуто снисходительных выражениях, пытаясь принизить его общественную и историко-культурную роль. Садовскому вторил Эллис, отвергая великие общественные традиции всей русской литературы: он утверждал, что все столетнее «проповедничество» русских писателей «от Державина до Толстого» не принесло ничего, «кроме непоправимого, смертельного вреда чистому искусству и прежде всего творчеству самих проповедников» (1907, № 10, стр. 56).

Односторонность и модернистская специфичность культуры, которую насаждали и отстаивали «Весы», стала особенно ощутимой с открытием беллетристического отдела. Конечно, диапазон журнала расширился: «Весы» не только информировали теперь своих читателей о наиболее видных представителях русского и западноевропейского модер-

низма, но и печатали нередко их произведения (или переводы). Однако выбор авторов, печатавшихся в «Весах», был намеренно ограниченным. В беллетристическом отделе публиковались в первую очередь ближайшие сотрудники «Весов» (Балтрушайтис, Белый, Брюсов, Гумилев, Садовской, Соловьев), а также петербургские литераторы, тесно связанные с «Весами» (Кузмин, Сологуб). С 1906 по 1909 г. все эти писатели неоднократно появлялись на страницах «Весов» со стихотворными и прозаическими произведениями. Со своими рассказами и новеллами в «Весах» регулярно выступал С. Ауслендер, эпизодически О. Дымов, А. Ремизов. Что касается раздела поэзии, то, помимо названных выше авторов, «Весы» постоянно публиковали Бальмонта, Блока, Волошина, В. Иванова. Появлялись в «Весах» и стихи менее значительных поэтов: Эллиса, Ю. Верховского, В. Гофмана, А. Кондратьева, В. Пяста, А. Тинякова (псевдоним — Одинокий) и других (некоторые из них попали на страницы «Весов» лишь один раз). Таким образом беллетристический отдел «Весов» достаточно полно, хотя и неравномерно, представлял только символистов и близких к ним писателей, как московских, так и петербургских.

Пропагандируя современную западноевропейскую культуру, «Весы» опять-таки уделяли внимание прежде всего представителям «нового искусства». Уайльд, Пшибышевский, Реми де Гурмон и Шарль Ван Лерберг (его переводил Поляков) заслонили для весовцев таких уже признанных в ту пору авторов, как Г. Гауптман, А. Франс, Б. Шоу и др. Правда, среди западных писателей, высокоценимых «Весами», были Верлен, Верхарн, Гамсун, Ибсен, Метерлинк, Рильке. Произведения некоторых из них (Верхарн, Метерлинк) появлялись на страницах «Весов» в переводе Брюсова.

Переводческая работа, связывающая русского читателя с западными традициями, имела в глазах руководителей «Весов» огромное значение. Почти все скорпионовцы — Балтрушайтис, Бальмонт, Поляков, Семенов — были профессиональными переводчиками. Десятки статей и рецензий, помещенных в «Весах», были посвящены анализу и оценке переводов. Брюсов, Волошин, Ликиардопуло, Чуковский, Эллис систематически, в ряде случаев с большой эрудицией и художественным чутьем, критиковали низкое качество переводов, заполнявших тогда русский книжный рынок. Весовцы не останавливались даже перед критикой переводчиков из собственной среды, например, Бальмонта и Эллиса. В «Весах» вырабатывалось культурное и профессиональное отношение к переводу, еще не ставшее в то время нормой. Известное внимание «Весы» уделяли и теории перевода. Достаточно вспомнить статью Брюсова «Фиалки в тигеле» (1905, № 7), не утратившую своего значения до наших дней, или полемику Волошина с Брюсовым по поводу переводов Верхарна (1907, № 2).

В целом же, стремясь пропагандировать высокую культуру, «Весы» в очень большой мере оказались выразителями рафинированного эстетства и индивидуалистически-декадентской линии символизма с характерной для нее нетерпимостью и агрессией по отношению к традициям русской реалистической литературы и революционно-демократической критики. Печать эстетского гурманства и претенциозной изысканности лежала и на содержании журнала и на его внешнем оформлении. В высказываниях некоторых скорпионовцев проступало порой характерное для «конца века» и начала нового столетия декадентское ощущение «гибели культуры». Истощение и кризис буржуазной культуры нередко принимались ее идеологами за «распад» культуры в целом. Одним из носителей этого кризисного мироощущения был, бесспорно, Эллис, откровенно причислявший себя к людям «осенней культуры» и «увядающей красоты», которые ткут человечеству «золотой саван» и у которых слова и мысли — «последние» (1907, № 9, стр. 52). Даже названия изданий «Скорпион» и «Весы» были выбраны не случайно: оба созвездия, соответствующие знакам Зодиака, появляются на *осеннем* небе, т. е. в пору увядания природы. «Астрономический знак осени» — так истолковывал название журнала Брюсов (насколько можно судить по воспоминаниям С. Боброва [168]).

Художественная высота, которую редакция объявляла своей нормой, уживалась в «Весах» с произведениями малохудожественными и подражательными. Модернистская дешевка, разоблачавшаяся в «Весах», зачастую проникала в журнал и утверждалась на его страницах (например, эротическая графика Феофилактова). «То, что бичевалось в

олной половине журнала, насаждалось в другой», — вспоминал А. Белый (*Между двух революций*, стр. 204) [169].

Естественно, что «Весы» вызывали последовательно-критическое отношение к себе у подлинно передовых представителей демократической культуры. В одном из писем к Л. Андрееву М. Горький подчеркивал, что признает за символистами «серьезную культурную заслугу», ценит их «любовь к слову», «живой интерес к литературе». За их работу по обогащению поэтического языка, стихотворного мастерства он готов был сказать им спасибо и был уверен, что такое спасибо скажет им со временем и история. Но в том же письме Горький резко отзывается о литераторах, «поющих панихиду российской революции», и в качестве примера называет статью З. Гиппиус «Братская могила», появившуюся в № 7 «Весов» за 1907 г. Рассматривая произведения Л. Андреева, З. Гиппиус относила их (а вместе с ними и роман Горького «Мать») к «лжеискусству», над которым, по ее выражению, «стоит общий чад русской некультурности». «...Насколько смешно и как нахально все это!» — с негодованием восклицает Горький. И далее он возмущается тем, что «Весы» провозгласили творцами новой культуры таких литераторов, как М. Кузмин, автор повести «Крылья» с ее извращенной эротикой [170].

Столь же критическое отношение к «Весам» и их пониманию культуры мы находим у А. В. Луначарского в его полемическом выступлении против статьи З. Гиппиус, помещенной в «Mercure de France» (1908, 1 января). Гиппиус всячески возвеличивала «Весы», хотя отвергала мистических анархистов и «эротоманов», в частности «циничные сальности Кузмина». Выступая на страницах социал-демократической «Заграничной газеты» (Женева), Луначарский задавал язвительный вопрос: «Но разве «Весы» Брюсова, которые являются по Гиппиус проводниками культуры, не переполнены Сологубом, Кузминым и нелепыми, грубо непристойными и ребячески неискусными эротическими картинками Феофилактова?» [171].

Антидемократизм журнала и его оторванность от живых общественных интересов русского общества не прошли для «Весов» даром. Редакции приходилось расплачиваться за это не только внутренне (ущербность и раскол в символизме, растрата энергии на бесплодную полемику), но и внешне. Число читателей «Весов» продолжало оставаться чрезвычайно низким даже в 1907—1908 гг.— в период признания и популярности символизма, хотя, как показывают материалы архива книгоиздательства «Скорпион», количество подписчиков на журнал, будучи крайне ограниченным, из года в год возрастало. Так, в 1905 г. их насчитывалось уже около 800 (по сравнению с 670 в 1904 г.), в 1906 г.— 845, в 1907 г.— 1095, в 1908 г.— 1691 [172]. Но даже этот незначительный прирост воспринимался редакцией как крупное достижение. «...Мы считаем великой удачей,когда в этом году у нас собралось на несколько единиц больше 1000 подписчиков»,— сообщал Брюсов Чуковскому 21 февраля 1907 г. [173]

Ограниченное распространение «Весов» тесно связано с элитарным характером их читательской аудитории. Судить об этой аудитории позволяет даже простое сопоставление количества столичных и провинциальных подписчиков «Весов». Оказывается, что в 1906 г. из общего числа 845 годовых подписчиков, считая 93 заграничных (список читателей за этот год опубликован в № 12), на провинцию приходилось 319, а на обе столицы — 433. Чтобы понять всю выразительность этих цифр, достаточно привлечь материал других периодических изданий того времени. В результате произведенных подсчетов на каждую сотню провинциальных подписчиков получается следующее количество столичных: для «Весов» 1906 г.— 136, для «Золотого руна» 1906 г.— 106, для «Нового пути» 1903 г.— 38, для «Вопросов философии и психологии» 1906 г.— 46, для «Вестника Европы» 1904 г.— 35, для «Современного мира» 1909 г.— 15. Понятно, что именно в столицах, а не в провинции жили наиболее «рафинированные» читатели.

Кто же были подписчики «Весов»? К каким общественным кругам они принадлежали? Ответить на этот вопрос помогает детальный анализ списка подписчиков 1906 г. и возможное выяснение личности каждого из них. Эта работа по отношению к 226 петербургским читателям «Весов» была отчасти проделана Д. Е. Максимовым в 1930 г. Пользуясь свидетельствами современников, многие из которых тогда были живы и хорошо помнили тех, кто умер или уехал, а также данными, почерпнутыми из справочников, удалось получить некоторые сведения о 70% всех петербургских читателей журнала.

Прежде всего приходится отметить большое число читателей, принадлежащих к литературным кругам. Если за количество петербургских подписчиков принять 203 человека (226 минус 23 — библиотеки, редакции и т. п.), то число журналистов, писателей, поэтов и представителей академического мира (последние — в небольшом количестве) составит 27%. Эту категорию читателей «Весов» представляют, главным образом, литераторы модернистского склада и сотрудники либеральных изданий. К подписчикам-литераторам примыкают художники, музыканты, артисты — число их достигает 8%.

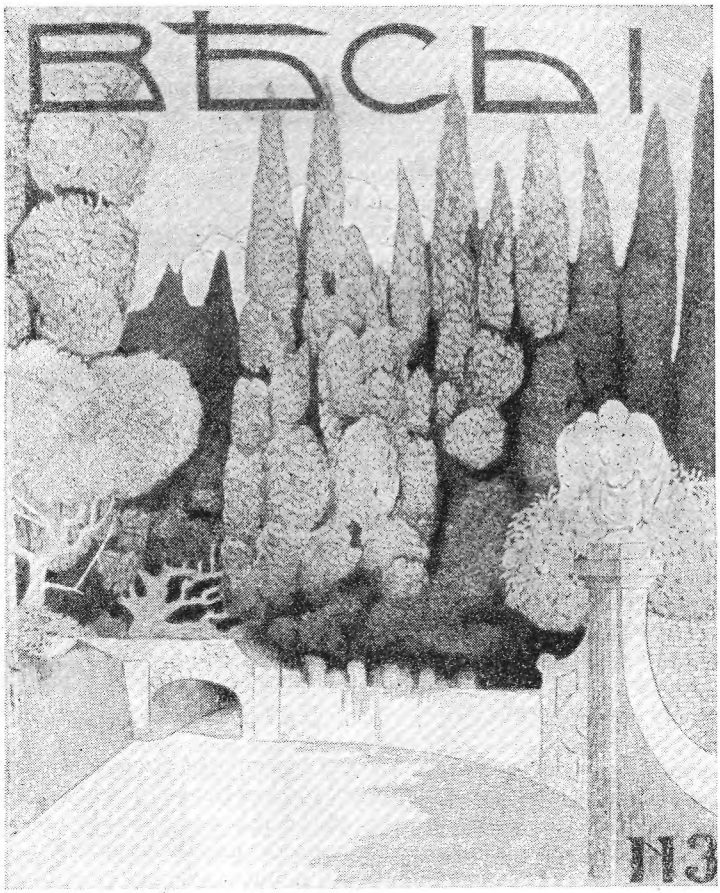
Другие читатели «Весов» — известные юристы, врачи, инженеры, крупные чиновники, торгово-промышленные деятели, любители искусств, коллекционеры и т. д. Этот перечень следует дополнить сравнительно небольшим количеством лиц, принадлежащих к землевладельцам и аристократии, среди которых одни только титулованные особы составляют (по отношению к числу выясненных подписчиков) 7%.

4

Вплоть до конца 1908 г. Брюсов продолжал оставаться бессменным руководителем «Весов» и одним из наиболее деятельных сотрудников журнала. За 1906—1908 гг. он опубликовал в «Весах» несколько стихотворных циклов (в общей сложности 31 стихотворение), 3 рассказа («Республика Южного креста», «В подземной тюрьме» и — под псевдонимом К. Веригин — «Ночное путешествие»), роман «Огненный ангел», ряд программных и острых критических статей («Факелы», «Мистические анархисты», «Торжество победителей», «Всем сестрам по серьгам» и др.), а также немалое количество переводов, рецензий и разного рода заметок. Много времени приходилось Брюсову уделять и чисто редакционной работе: отбору, редактуре и правке рукописей. «За эти годы,— вспоминает Брюсов, имея в виду первые четыре года издания «Весов»,— не было в журнале ни одной строки, которую я не просмотрел бы как редактор и не прочитал бы в корректуре. Мало того, громадное число статей, особенно начинающих сотрудников, было мною самым тщательным образом переработано, и были случаи, когда правильнее было бы поставить мое имя под статьей, подписанной кем-нибудь другим» (*Автобиография*, стр. 115).

Возглавляя «Весы» в период полемики, Брюсов стратегически и тактически объединял авторов, не только близких, но и относительно далеких друг от друга по своим взглядам. В сущности говоря, у Брюсова не было подлинных единомышленников среди ближайших сотрудников «Весов» в 1906—1908 гг.: он не поддерживал ни мистико-гносеологических исканий Белого, ни воинствующего элитаризма Эллиса, ни «религиозной общественности» Мережковских. Однако сотрудники «Весов», спаянные тактикой совместной борьбы, не декларировали в этот период своих разногласий. Не заявлял о них и Брюсов, который в 1907—1908 гг. все более отходил от специфически символистских тем и теорий. Задавая «Весам» общий тон, он избегал тех идеологических крайностей, в которые впадали в первую очередь Белый и Эллис. Поэтому «Весы» могли выглядеть и действительно выглядели органом монолитным и, конечно, «брюсовским», хотя при более внимательном подходе разнобой во взглядах ведущих сотрудников определенно ощущался (об этом с большой резкостью писали иногда противники «Скорпиона») [174]. На деле же с именем Брюсова можно связать далеко не все аспекты «Весов».

По сути в эти годы — в период напряженной и активной работы в «Весах» — Брюсов относился к журналу двойственно. Воспринимая свою редакторскую работу как долг и обязанность, он выполнял ее добросовестно и заинтересованно, но уже без прежнего энтузиазма. В Брюсове постепенно нарастает чувство исчерпанности того «нового искусства», за которое «Весы» вели свою борьбу. В середине 1906 г. в одном из писем к Н. Петровской Брюсов восклицает: «...Я не могу более жить изжитыми верованиями, теми идеалами, через которые я перешагнул. Не могу более жить «декадентством» и «ницшеанством», которые, верю я, верю — и тебе уже чужды ⟨...⟩ в поэзии не могу жить «новым искусством», самое имя которого мне нестерпимо более. Хорошо Мережковскому, который перепархивает с пушкинианства на декадентство, с декадентства на язычество, с язычества на христианство, с христианства на религию троицы и духа свя-



«ВЕСЫ», 1906, № 3
Обложка (гравюра Умберто Брунеллески)

того〈...〉 Так, как сейчас, я не могу жить: без бога,без алтаря» (письмо с пометой «Ночь с 13 на 14 июня» — см. наст. том, стр. 791). В письме к Е. А. Ляцкому, написанном в начале 1907 г., Брюсов признается, что чувствует себя среди своих соратников как «заложник в неприятельском лагере» и что лишь «по старой памяти» остается их главою. «Давно уже все, что я пишу, и все, что я говорю, решительно не по душе литературным моим сотоварищам, а мне, признаться, не очень нравится то, что пишут и говорят они» [175]. Хотя Брюсов, по-видимому, намеренно преувеличивает здесь остроту сложившейся ситуации, но его признание не очень далеко от истины. Настроения такого рода, разумеется, способствовали постепенному внутреннему обособлению Брюсова в «Весах». Наблюдательный В. Иванов ошибался значительно меньше, чем это может показаться с первого взгляда, когда писал Брюсову 4 августа 1907 г.: «Весы» тебя внутренно не интересуют» (см. наст. том, стр. 502).

«Весы» тяготили Брюсова еще и потому, что не давали ему выхода к широкой читательской аудитории. Популярность Брюсова в России к 1907 г. возросла настолько, что в лагере символистов с ним мог бы соперничать в этом отношении один лишь Бальмонт. Перед Брюсовым распахиваются двери редакций многих «толстых» журналов, тогда как для большинства его товарищей по «Весам» они остаются закрытыми. Как писатель Брюсов уже не мог уложиться в рамки «Весов», и ему самому они кажутся теперь слишком узкими. «Мне всегда тесно в узком пределе почитателей одной литературной школы,—писал Брюсов Ляцкому,—и в высшей степени важно, что мой голос находит отклик не только в нашем маленьком urbi, но и в более широком orbi русских читателей» [176].

Мысль об уходе из «Весов» не покидала Брюсова и в самый разгар его журнальной деятельности, когда сплоченность скорпионовцев и авторитет их вождя казались незыблемыми. Не случайно в известном письме к отцу от 21 июня/4 июля 1907 г. он набрасывает такие планы: «Я думаю провести «Весы» еще $1^1/_2$ года, до конца 1908 года, а потом бросить и удалиться, как Диоклетиан, сажать капусту» [177]. Однако свойственное Брюсову чувство долга, о котором говорилось выше, связь его с символизмом как школой, личные отношения со скорпионовцами и, наконец, отсутствие другой журнально-издательской базы неизменно удерживали его на редакторском посту.

Новый, третий этап в истории «Весов» и отношений с ними Брюсова начинается осенью 1908 г., когда журнал неожиданно оказался на краю гибели. Поляков заявил о том, что он не хочет продолжать издание «Весов», во всяком случае, в их прежнем виде. Для такого заявления Поляков имел некоторые основания. Он давно уже заметил, что взгляд на «Весы» со стороны основного ядра сотрудников, включая Брюсова, переменился: издание журнала перестало их воодушевлять в той степени, в какой воодушевляло прежде. Кроме того, личные обстоятельства (прежде всего женитьба) отвлекали Полякова от издательских дел. Утратив для него свой внутренний смысл, «Весы» стали восприниматься им как значительное материальное бремя. «Ведь все время у меня с вами шел разговор о тяжести для меня *материальных затрат на дело*, которое даже самые ближайшие участники и духовные создатели его стали считать ненужным и даже вредным»,— писал Поляков Брюсову [178]. Переговоры Брюсова с Поляковым начались, по всей вероятности, в первой половине 1908 г. и продолжались летом того же года, когда Брюсов путешествовал по Западной Европе. Намерения Полякова поначалу не вызывали протеста со стороны Брюсова. Письмо Полякова к нему от 11/24 декабря 1908 г. содержит следующие многозначительные слова: «... иногда я разделял в разговорах с вами вашу мысль прекратить «Весы» совершенно за их полнейшей ненадобностью...» [179]

И все же ни Брюсов, ни его ближайшие сподвижники не были в 1908 г. подготовлены к столь внезапному финалу. Они старались убедить Полякова в необходимости продолжать «Весы» и в 1909 г. Впрочем, до осени 1908 г. положение оставалось неопределенным. «Когда мы не раз перед вашим последним отъездом рассуждали с вами о судьбе «Весов» в 1909 г.,— писал Поляков Брюсову,— я никогда не мог ответить определенно на ваш вопрос о размере субсидии, которую я мог бы выдавать на «Весы» ежемесячно в будущем году» [180].

Переговоры приобрели особую остроту в конце октября 1908 г., когда Брюсов возвратился в Москву (Поляков находился тогда в Италии). Позиция Полякова сводилась к следующему: не желая участвовать в редакторской работе, он согласен поддерживать дальнейшее существование «Весов» небольшой суммой. Ближайшие сотрудники «Весов» не были удовлетворены предложением Полякова и попытались получить журнал в полное свое распоряжение. 28 октября/10 ноября 1908 г. Брюсов писал Полякову: «И вот мы все (т. е. я, Белый, Эллис, С. Соловьев, Михаил Федорович [181] и др.) обращаемся к вам с последней просьбой: передайте «Весы» в 1909 г. в наши руки, позвольте нам попытаться вести их самостоятельно» [182].

На это предложение Поляков ответил согласием. Он требовал только, чтобы редакция подыскала нового издателя, точнее, соиздателя, который взял бы на себя бóльшую часть затрат по изданию «Весов» в 1909 г. Свое решение Поляков изложил в письме к Брюсову от 10/23 ноября 1908 г.: «1) Я согласен выдавать ⟨...⟩ субсидию, пусть в высшем размере (3600 р. в год), если это необходимо. Далее, 2) я согласен предоставить журналу для редакции и склада то помещение, в котором они находились при моем единоличном издательстве ⟨...⟩ 3) Я согласен остаться на первое время и, если это будет желательно, на весь год *номинальным* редактором-издателем для того, чтобы избежать хлопот об учреждении какого-то издательского «товарищества» или чего-либо подобного» [183].

Поиски соиздателя, как ни старались сотрудники «Весов», не увенчались успехом. «Брюсов тогда уже,— вспоминает Белый,— предлагал издавать «Весы» нам; мы разыскивали капиталиста; и мне поручили тогда обратиться за помощью к С. И. Щукину ⟨...⟩ через Анну Михайловну Метнер [184]; и Щукин ответил: он лично не дал бы «Весам»

ничего; если мне «Весы» нужны и если считаю я бытье их совсем неизбежным, он даст мне субсидию, а не «Весам» как журналу. Но я отказался» [185]. Были и другие кандидатуры соиздателя. Хотели, например, привлечь к делу С. А. Соколова, М. Г. Владимирова, В. П. Рябушинского (брата издателя «Золотого руна»). Однако все эти попытки по разным причинам кончились неудачно. В частности, против кандидатуры Соколова заранее и очень энергично возражал Поляков; он крайне рассердился на своих товарищей по журналу и еще больше охладел к «Весам», узнав, что втайне от него эти переговоры все-таки ведутся (из беседы с С. А. Поляковым). Ситуация таким образом оставалась по-прежнему неопределенной.

Кризис, переживаемый «Весами», достиг апогея в ноябре 1908 г. Брюсов подробно рассказывает об этом в письме к Н. Петровской 8/21 ноября 1908 г., т. е. вскоре после своего возвращения в Москву. По словам Брюсова, он, вернувшись, нашел «страшный разгром всего того дела, которое привык считать своим». Далее Брюсов уточняет: «Весы» медленно погибали и должны были прекратиться к январю. Все враждебные нам и мне партии подняли голову<...>Все газеты были против нас. Крохотный кружок, уцелевший около «Весов», явно распадался. Белый, конечно, тянул куда-то в сторону. Эллис тоже. Даже во внешнем, при первых столкновениях, я тотчас увидел, как все повернулось к нам враждебной стороной. Где прежде я имел абсолютный вес, меня слушали только из вежливости» (см. наст. том, стр. 793).

При таких обстоятельствах обнаружилось, что Брюсов даже теперь, на новой стадии своего развития, продолжал дорожить тем делом, одним из основных инициаторов и вдохновителей которого он некогда выступил. С присущей ему энергией он пытался спасти журнал от краха и руководствовался при этом не столько личными, сколько «цеховыми» соображениями. Об этом убедительно свидетельствует продолжение его письма к Петровской. Верность своим прежним «идеалам», которую подчеркивает Брюсов, явно преувеличена и объясняется, конечно, остротой ситуации:

«Я много раз говорил тебе, что «Весы» мне надоели, что я хотел бы отказаться от заботы об них. Но видя такое неожиданное и стремительное крушение всего, что я делал в течение пятнадцати лет; видя, как внезапно все значение, вся руководящая роль переходит в литературные течения, мне и моим идеалам враждебные; видя, как торжествуют те, кто в сущности обокрал меня и моих сотоварищей,—я не мог не изменить решения <...> Я решил бороться во что бы то ни стало. Я решил в 1909 г. так или иначе, но издавать «Весы» или другой журнал и удержать за своими идеями в литературе то место, какое им надлежит» (см. наст. том, стр. 793).

Настроенный таким образом, Брюсов обращается к Полякову с новым проектом: предоставить «Весы» с 1909 г. в единоличное его, Брюсова, распоряжение. «Переходя к вашему новому предложению,— отвечает Поляков,— передать ведение «Весов» в 1909 г. лично вам, под вашу полную ответственность, я, конечно, вполне соглашаюсь на него, так как это была бы первая попытка поставить дело ведения журнала на твердый и правильный путь...» [186]. Видимо, Брюсов считал этот вопрос решенным окончательно, ибо в своем письме к Н. Петровской 16/29 декабря 1908 г. сообщает: «... с 1909 г. я беру на себя издание «Весов» (ЦГАЛИ, ф. 376, оп. 1, ед. хр. 4, л. 63 об.).

Однако, не удовлетворившись достигнутым, Брюсов попытался осуществить новую комбинацию. Суть ее заключалась в том, чтобы закрепить за собой «Весы» не только на один 1909 г., а на более долгий срок. «Я уверен,— писал Брюсов Полякову 21 декабря 1908/3 января 1909 г.,— что ни наша «компания» и никто иной не согласятся взять издание «Весов», так сказать, *на подержание на год* ...» [187] Однако здесь дипломатия Брюсова потерпела поражение. Письмо Брюсова возмутило Полякова, который после запутанных двухмесячных переговоров о «Весах» и без того находился во взвинченном состоянии. Он наотрез отказался обсуждать эти «совершенно новые условия» и отложил окончательное решение вопроса до личной встречи в Москве [188]. «Весы» вновь оказались на грани катастрофы; о единоличном редакторстве Брюсова уже не шла речь. «Дела мои в «Весах» крайне плохи», — признается Брюсов Н. Петровской 4 января 1909 г. (ЦГАЛИ, ф. 376, оп. 1, ед. хр. 4, л. 79 об.).

Через неделю Поляков вернулся в Москву; начались устные переговоры между ним и основными сотрудниками «Весов». По их настоянию Поляков дал согласие про-

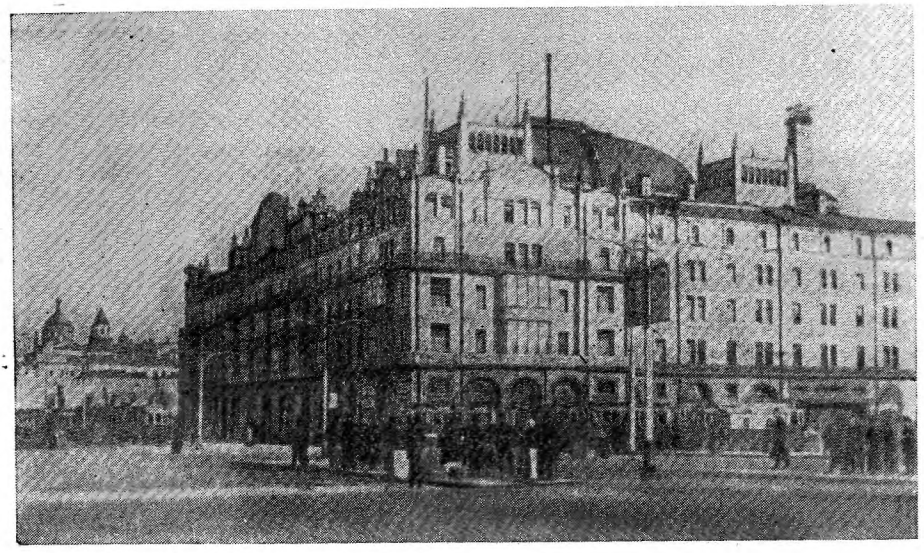
должать «Весы» еще год. Была выработана новая конституция «Весов», в корне изменившая их редакционный уклад. Во главе журнала (как видно из воспоминаний Белого и переписки сотрудников журнала в 1909 г.) был поставлен Комитет, состоявший из Полякова, Брюсова, Балтрушайтиса, Ликиардопуло, Соловьева и Эллиса. Заведование отделами распределялось между отдельными членами Комитета. Руководство литературным отделом поручалось Брюсову, отдел теоретических статей достался Белому. Официальным редактором продолжал считаться Поляков.

«Сколько кажется, положение определилось такое,— пишет Брюсов Н. Петровской 25 января/7 февраля 1909 г.,— «Весы» издаваться будут, но я не буду их редактировать. Остаюсь лишь одним из «ближайших сотрудников». Редактировать официально берется сам Сергей Александрович, но сведется это, конечно, к тому, что будут «Весы» выходить под редакцией М. Ф. Ликиардопуло. Думаю, что от этого они *не станут хуже*, чем были, потому что все в них заведено на несколько лет. Но, разумеется, они *не станут лучше*, а это — смертный приговор. Живо только то, что идет вперед, что становится «лучше». Что же делать! Более я не могу приносить себя, свою душу, свою деятельность и свою гордость в жертву «Весам» (см. наст. том, стр. 796).

Свое отдаление от редакционной жизни «Весов» Брюсов — как явствует из приведенных выше строк его письма к Н. Петровской — воспринял в конечном счете сравнительно спокойно. По-видимому, такой финал даже устраивал Брюсова — освобождал его от тяжелой редакционной работы, предоставлял возможность отдавать больше сил своему художественному творчеству и развязывал руки для сотрудничества в других периодических изданиях, имеющих широкую читательскую аудиторию. Об изменении своих отношений с «Весами» Брюсов счел необходимым заявить и со страниц журнала. В особом «письме в редакцию», датированном 1 марта 1909 г. и адресованном Полякову, Брюсов писал: «С января 1909 г. обстоятельства личной моей жизни и разные предпринятые мной работы заставляют меня несколько видоизменить мои отношения к «Весам». Надеясь быть по-прежнему деятельным сотрудником «Весов», я, вероятно, не буду иметь возможности содействовать журналу как-либо иначе» (1909, № 2, стр. 89).

Известие о том, что Брюсов покидает «Весы», привлекло к себе общественное внимание. Пресса немедленно откликнулась на этот факт [189]. Показательна в этом плане реакция А. В. Амфитеатрова. В письме к Брюсову от 9 июля 1909 г. он писал: «Итак, вы перестали редактировать «Весы»? Чувствую себя маленьким пророком, потому что несколько месяцев тому назад говорил Горькому и напечатал в одной статье, что в «Весах» 1908 года сказывается, будто платье это вами сношено и вы шьете себе какое-то другое <...> Кто же, однако, заменит вас в «Весах»? Роль редактора в таком журнале представляется мне дьявольски трудною...» [190] Интерес к заявлению, сделанному Брюсовым, лишний раз свидетельствует о том, что современниками он всегда воспринимался как руководитель журнала или, говоря словами М. Кузмина, как «душа «Весов» [191].

Описывая конфликтную ситуацию в журнале конца 1908 г., А. Белый сообщает некоторые подробности. Согласно его воспоминаниям, в 1908 г. «на горизонте Москвы» появился С. В. Лурье, весьма состоятельный человек и литератор, автор рецензий и статей на философские темы, сотрудник газеты «Русские ведомости» и журнала «Русская мысль». Лурье был в то время «преисполнен планами и проектами реформы захиревающей «Русской мысли» [192]. Из этого журнала Лурье, по словам Белого, задумал сделать универсальный орган, в котором кадеты во главе с П. Б. Струве должны были печататься вместе с символистами. Чтобы освободить сотрудников для этого нового органа, Лурье предполагал ликвидировать «Весы» и «Московский еженедельник» философа Е. Н. Трубецкого. Для осуществления своих замыслов Лурье, по утверждению Белого, и вступил в переговоры с Брюсовым. «Нас поразили,— пишет Белый,— тревожные слухи о том, будто Брюсов с Лурье за спиною у нас переговариваются о том, как удобнее покончить с «Весами»; В. Брюсов, которого мы подняли на щит и который был нужен нам как знамя,— передавался «чужим», топя собственный орган; и — нас; тот поступок его рассердил нас до крайности; в нем мы увидели явно измену «заветам» [193]. Вместе с М. К. Морозовой, издательницей «Московского еженедельника», ближайшие сотрудники «Скорпиона»,— рассказывает А. Белый,— решили препятствовать проектам Лурье и отстаивать «Еженедельник» с «Весами».



ГОСТИНИЦА «МЕТРОПОЛЬ» В МОСКВЕ
В этом здании помещались издательство «Скорпион» и редакция «Весов»
Фототипия, 1900-е годы
Музей истории и реконструкции Москвы

Материалы архива Брюсова позволяют существенно уточнить факты, изложенные Белым. На грани 1908—1909 гг. Брюсов действительно вел переговоры с Лурье. Возможно также, что дипломатичный Брюсов поддерживал (во всяком случае, на словах) планы Лурье, предусматривавшие полную ликвидацию «Весов». Стремление выйти за пределы символистского лагеря, отсутствие «собственного» печатного органа, личная обида — все это, бесспорно, толкало Брюсова на сближение с «Русской мыслью». И все же переговоры с Лурье велись скорее всего не в конце 1908 г., а в начале 1909 г., т. е. уже после того, как положение Брюсова в «Весах» 1909 г. окончательно определилось. Это подтверждают, как уже было сказано, и архивные документы. Письма С. В. Лурье к Брюсову, в которых говорится о возможностях сотрудничества Брюсова в «Русской мысли», относятся к марту 1909 г. [194] В открытке Брюсова из Петербурга, адресованной И. М. Брюсовой, сказано: «*...дело с «Русской мыслью» налаживается.* 〈...〉 Начинаю заговаривать с главными авторами. Впрочем, пока не окончательно». Открытка Брюсова датирована 7 марта 1909 г. [195] Наконец, в «Дневниках» Брюсова, в записи, относящейся к «зиме 1908—1909», события тех месяцев изложены в следующей последовательности: «Переговоры о «Весах». Согласие С. А. (находящегося в Италии) уступить их бывшим сотрудникам. Сношение с С. А. Соколовым. Чета Владимировых и их изворотливость. Неожиданный оборот дела с «Весами». С. А. отказывается от своего слова. Я оставляю «Весы». Тщетные переговоры с «Русской мыслью» Лурье» (*Дневники*, стр. 141) [196].

После размолвок и столкновений конца 1908 г., приведших к отдалению Брюсова от журнала, единство скорпионовцев было нарушено. Последний год существования «Весов» окрашен постоянными недоразумениями. В новообразованном Комитете сложились, по словам Белого, две группировки — размежевание, отразившее не столько идеологические разногласия, сколько личные и внутриредакционные отношения. Одна группа состояла из Эллиса и С. М. Соловьева, которые продолжали настойчиво выдвигать Брюсова как признанного вождя русского символизма «Я 〈...〉 *верю только в вас одного*,— писал Эллис Брюсову.— Ни Мережковский, ни А. Белый (что говорить о других) не способны быть вождями движения, будучи гениальными людьми» [197].

Остальные члены Комитета — Балтрушайтис, Ликиардопуло, Поляков — в идейном отношении были еще менее связаны между собой. Они выдвигали своим лидером

Белого. Впрочем, Балтрушайтис в делах Комитета почти не участвовал. Всеми организационными и хозяйственными делами в 1909 г. ведал Поляков; ему активно помогал Ликиардопуло.

Отношения между Брюсовым, с одной стороны, и Поляковым и Ликиардопуло — с другой, были в 1909 г. чрезвычайно неровными и неспокойными. Трения между Поляковым, владельцем журнала, и Брюсовым, его фактическим руководителем, возникали и ранее, но в начале 1909 г. они стали еще острее. «Одной из внутренних [основных] причин моего окончательного уклонения от [редакционных] дел в «Весах»,— писал Брюсов Бальмонту,— и было то, что я [требовал решительной реформы конторы и мне в этом было отказано. Сергей Александрович еще готов был, скрепя сердце, соглашаться на реформы редакционные, но решительно почел вне моей компетенции дела конторы]» [198].

В этом же письме Брюсовым живописно обрисована ситуация, сложившаяся в редакции «Весов» в первой половине 1909 г. Отвечая Бальмонту, который был глубоко уязвлен невниманием к нему редакции, Брюсов писал: «Дорогой Константин! ⟨...⟩ Все, что ты сообщаешь об отношении к тебе конторы «Весов», ужасно, даже чудовищно. Но должен сознаться, что удивить меня твое письмо не удивило. Почти то же писали мне раньше З. Гиппиус, Н. Лернер, А. Элиасберг и др. Наконец, я сам испытал нечто подобное, когда жил в Петербурге. Помнится, я уже рассказывал тебе, как я написал в «Весы» пять писем (два — Сергею Александровичу, три — Ликиардопуло) и получил в ответ одно, подписанное нашим Василием. Отношение к сотрудникам в «Весах» и «Скорпионе» похоже на отношение к пиратам или точнее (ибо с пиратами ведется открытая и порою красивая борьба) на отношение какой-то высокой особы к надоедливым просителям». Письмо Брюсова содержит резкие выпады против Ликиардопуло, который на последнем этапе существования «Весов», как уже было упомянуто, принимал активнейшее участие в редакционной жизни журнала. «Ликиардопуло ⟨...⟩ после моего ухода,— пишет Брюсов,—почувствовал себя временщиком на том основании, что ежедневно завтракает за счет Сергея Александровича и держит себя со смешной, но все же неприличной надменностью» [199].

Описывая «дрязги «Весов», Брюсов тем не менее уговаривал Бальмонта не порывать с журналом. «Однако ⟨...⟩ очень прошу тебя — не принимай решения, которое порою как бы напрашивается: не покидай «Весов» и «Скорпион». Прошлое «Весов» и «Скорпиона», пусть исполненное всяких промахов, оставляет за ними самые широкие возможности в будущем. Необдуманно было бы из-за недостатков отдельных лиц отвергать целое дело, которое уже получило самостоятельное бытие, переросло своих основателей и движется далее своей собственной внутренней силой» [200]. Однако доводы Брюсова не помогли. Бальмонт, который еще совсем недавно был преисполнен решимости расширить свое сотрудничество в журнале [201], порвал с ним в мае 1909 г. и печатно объявил, что считает роль «Весов» «окончательно сыгранной» [202]. Если к этому добавить, что и М. Н. Семенов в последний период существования журнала в редакционных делах участия не принимал, то станет ясно: некогда дружный кружок зачинателей «Скорпиона» и «Весов» к 1909 г. быстро распадался.

Глубокие разногласия между членами Комитета неоднократно побуждали их к действиям, направленным на достижение единства, хотя бы временного. Так, А. Белый предпринял (видимо, в апреле-мае 1909 г.) отчаянную попытку объединить разрозненные силы сотрудников «Весов». В недатированном письме к М. Ф. Ликиардопуло Белый писал: «Дорогой и многоуважаемый Михаил Федорович ⟨...⟩ Ввиду разговора с Валерием Яковлевичем, который говорит приблизительно все то же, что и мы, и минуя личные споры, возможно идейное продолжение нашей группы, возможно и безидейное; «Весы» во всяком случае должны быть. *Но*: я настаивал на том (почин мой) с согласия Брюсова, Эллиса, Соловьева (повторяю, мысль моя) на экстренном заседании *Комитета* (вне очереди) в течение этой недели ⟨...⟩ Заседание это *чрезвычайно важно*! Имеется целый ряд принципиальных заявлений; если такового собрания не будет, ближайшее обсуждение программы следующего № (майского) не будет иметь, пожалуй, никакого смысла. «Весы» должны быть (это прежде всего и бесспорно); но вот — *как* должны быть «Весы» — вопрос другой; и для него-то экстренное собрание необходимо...» [203].

Однако усилия Белого оказались тщетными: журнал агонизировал. Работа в «Весах» становится для сотрудников все более тягостной. Члены Комитета не справляются со своими обязанностями. Журнал выходит с большим опозданием; порой не хватает материала для очередного номера. «Все чаще появляется в «Весах» С. А. Поляков, растерянный, не знающий, что делать. Былой дисциплины и в помине нет. Ликиардопуло доходит до того, что правит брюсовские статьи»,— рассказывает Садовской в «Воспоминаниях сотрудника» [204]. Садовской, видимо, не преувеличивает, когда пишет, что «к осени почти все видные сотрудники отошли от журнала; им заправлял Ликиардопуло...» [205]. «Положение дел в «Скорпионе» и «Весах» довольно плачевное,— сообщает Брюсову Поляков 1 октября 1909 г.— № 8 еще не выходил, для № 10 не набрано ни строчки, набрана только половина № 9» [206].

Наиболее деятельным сотрудником «Весов» (наряду с Белым) в 1909 г. оставался Эллис. Почти каждый номер журнала за этот год содержит его стихи или статьи (из них наиболее принципиальные: «О современном символизме», «Итоги символизма», «Культура и символизм»). В июне-июле Эллис даже замещал Ликиардопуло на посту секретаря редакции. Однако в августе 1909 г. вокруг Эллиса разразился громкий скандал. Эллис был обвинен (со значительным преувеличением его действительной вины) в хищении книг из Румянцевского музея. Обвинению дали ход. Оно стало достоянием прессы, которая, связав имя Эллиса с «Весами», подняла шум [207]. «Дело Эллиса» истрепало нервы не только злополучному герою скандала, но и его коллегам по журналу. В недатированном письме к А. Белому (судя по содержанию, оно относится к началу августа 1909 г.) Ликиардопуло рассказывал: «Дорогой Боря. Пишу тебе конфиденциально. Вчера и сегодня все газеты трубят про инцидент с Эллисом в Румянцевском музее, который ставят в непосредственную связь с «Весами» и всей нашей группой. В публике творится нечто ужасное, ни с кем нельзя почти говорить, чтобы не нарваться на оскорбления. Приводится, конечно, довод, что «Весы» и «Скорпион», так отстаивающие культуру и уважение к книге, терпят среди своих человека и т. д. ⟨...⟩ Необходимо во что бы то ни стало редакционное собрание *12 августа*. Ты обдумай, что нам делать. Положение отвратительное. У меня прямо руки опускаются» [208].

Некоторое время спустя Ликиардопуло писал Брюсову: «...наше положение здесь в течение 2—3 недель было ужасным. Каждого почти откровенно называли вором, обобщая дело Эллиса...» [209]. Эллис яростно защищался: он опровергал инсинуации со страниц «Весов» (1909, № 7, стр. 104, и № 10—11, стр. 178—179), готов был драться на дуэли с каждым, кто предъявит ему «обвинения, обидные для чести» [210]. Судебное дело вскоре было прекращено за недостаточностью улик против Эллиса. Однако «Весам» был нанесен тяжелый моральный урон. «Мы ославлены на всю Россию как шарлатаны, как воры; нужен по крайней мере ряд судебных процессов, чтобы реабилитация была; нужен по крайней мере год, чтобы оправиться»,— писал Белый Э. К. Метнеру [211]. «Скандал Эллиса, хоть и косвенно, но задел «Весы» и, несомненно, ускорил их агонию»,— подытоживает Садовской [212–213].

Трения между сотрудниками журнала, жестокое потрясение извне — все это, без сомнения, подрывало жизнеспособность «Весов». Однако закат журнала был предопределен и иными причинами — более общего порядка. Новая перегруппировка сил внутри русского символизма, которая обозначилась именно к 1909 г., привела к тому, что «Весы» стали терять свою роль боевого «фракционного» органа, борющегося за «ортодоксальные» принципы школы.

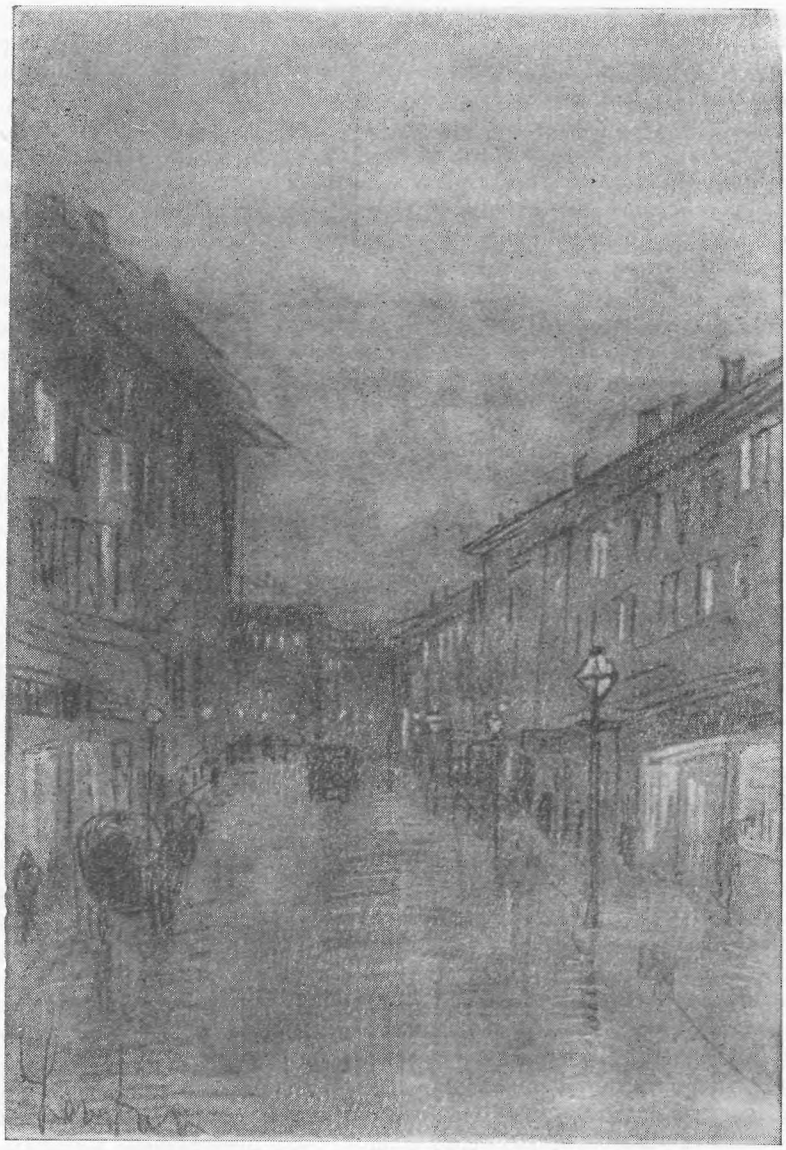
Во-первых, модные в 1906 и 1907 гг. тезисы петербургских символистов о «мистическом анархизме», «соборности», «преодолении индивидуализма» и т. д. притупились и потеряли свежесть уже к концу 1907 г. Во второй половине 1907 г. Блок выступил (и притом со страниц «Весов») против причисления его к «мистическому анархизму» (1907, № 8, стр. 81). Чуть позже в газете «Товарищ» было опубликовано заявление В. Иванова, в котором он, не отрекаясь прямо от «мистического анархизма», все же отмежевался от деклараций Чулкова [214]. Заявление это было перепечатано в «Весах» (1907, № 9, стр. 75—76). Кризис «мистического анархизма» был осознан, по-видимому, и редакцией «Факелов»: на 3-м выпуске (1908) это издание прекратилось. Отступая от своих прежних заявлений о «преодолении индивидуализма», Г. Чулков пи-

сал в 1909 г.: «Не станем себя обманывать: наша эпоха еще индивидуалистическая...» [215]. Еще более решительно о кризисе «мистического анархизма» заявил С. Городецкий [216].

Эти заявления, а также положительные отзывы о Брюсове и Белом, которые начали появляться в «Золотом руне», свидетельствовали, по существу, о затухании полемики. «Весы», в свою очередь, стали мягче относиться к «петербуржцам» и уже в 1908 г. заметно ослабили атаку. Пикировка между обеими «фракциями» символизма продолжалась в 1909 г., так сказать, «по инерции» и не выдерживала никакого сравнения с прежней схваткой. Одновременно «Весы» заметно смягчают (хотя и продолжают) критику «вульгарного» символизма, которую столь активно вели в предыдущие годы. Процесс распространения модернизма в его различных формах приобретал такие размеры, что всякая мысль о сопротивлении ему казалась несбыточной. «Весы» не изменили своего мнения о «эпигонах» и «примазавшихся», но продолжать бесплодную борьбу с ними считали, видимо, нецелесообразным. Несколько ослабляется в «Весах» 1909 г. и борьба с демократическим реализмом. Еще в № 9 за 1908 г. А. Белый превозносил «Исповедь» Горького, в первую очередь, конечно, за «богостроительские» идеи повести, за сочувственное изображение социально-религиозных исканий ее героя. В первом номере журнала за 1909 г. высокую оценку рецензента (В. Гофмана) получила и повесть Горького «Жизнь ненужного человека». Нападки на многочисленных противников «Весов» продолжает главным образом Б. Садовской — один из наиболее активных сотрудников журнала в 1909 г. Он по-прежнему ополчается против реалистов (Вересаев, Серафимович), в частности против писателей народнического направления (Муйжель, Олигер, Тан) и, разумеется, против Чулкова. В статье «Не оступитесь» (рецензия на третий сборник «Земля») Садовской «расправляется» со всем творчеством Куприна (1909, № 6).

Среди основных сотрудников «Весов» намечается некоторая переориентация. Как только боевые задачи потеряли для них прежнее значение, распалась и та коллективная, в большей мере тактически-негативная, чем позитивная, платформа, которая еще недавно объединяла столь различных по своим взглядам сотрудников журнала. Протест против попыток «преодоления индивидуализма» сменяется теперь осторожным признанием кризиса индивидуалистического мировоззрения. Еще осенью 1907 г. Г. Э. Тастевен, секретарь редакции «Золотого руна», писал Г. И. Чулкову, улавливая сдвиг в позиции скорпионовцев: «Весы», в сущности, прекрасно сознают реакционность своей идеологической платформы и в изготовляемой под большим секретом программе они, как мне достоверно известно, будут что-то лепетать о преодолении индивидуализма (вероятно, под влиянием Белого...)» [217]. И, действительно: в каталоге на 1909 г. редакция, явно забывая свои прежние установки, оповещала читателей о том, что «Весы» решительно отделяют от вопроса об индивидуализме вопрос о символизме как методе творчества и защищают лишь последний». Там же говорилось и о том, что «миросозерцание передовых умов недавнего прошлого, которое можно определить названием «крайнего индивидуализма», ныне отжило свой век» [218]. Сужение задач, уступка петербургским символистам чувствуется в этой декларации, вне всяких сомнений [219].

Тастевен не ошибался: вдохновителем этого нового для «Весов» направления был прежде всего Белый. Если в 1906—1908 гг. Белый руководствовался в первую очередь групповыми интересами, то теперь, когда «фракционная» борьба ослабла, он начал проводить собственную линию, которая уже резко отличалась от прежней линии «Весов», связанной главным образом с именем Брюсова (точнее, с его ориентацией на «автономное» искусство и западноевропейский модернизм). В некоторых отношениях Белый приблизился теперь к позиции В. Иванова. Согласно воспоминаниям Белого, перелом наступил именно на грани 1908—1909 гг. «В разговорах с Ивановым,— пишет он,— крепло сближение: в одинаковом понимании религиозно-философских задач; и отсюда же — в одинаковом понимании символизма; падало разделение на «Скорпион», на «Оры» (Москву, Петербург)... Намечался идейный союз нас троих (символистов): я, Блок, Иванов; ликвидировалась *«полемика»* [220]. Впрочем, не один Белый — все члены редакции ясно сознавали, что полемический период изжит. Вопрос о «ликвидации полемики» обсуждался коллегиально еще в конце 1908 г. В письме к В. Ива-



ТВЕРСКАЯ УЛИЦА В МОСКВЕ
С рисунка И. И. Левитана
«Весы», 1907, № 1

нову от 12 ноября 1908 г. Брюсов пишет: «С 1909 года «Весы» будут вновь преобразованы.〈...〉 часть полемическая в «Весах» будет сведена на minimum: это единогласное решение всех московских «ближайших сотрудников»» (см. наст. том, стр. 516).

Сдвиг, образовавшийся в «Весах», засвидетельствован содержанием журнала за 1909 г. Особенно показательна в этом плане статья Белого «Настоящее и будущее русской литературы». В воспоминаниях Белого сказано: «...К концу 908 года 〈...〉 рвались нити «Весов», иль культурного дела с В. Брюсовым; это я выразил в лекции «Настоящее и будущее русской литературы» (*Начало века*, стр. 172). В этой статье Белый, в сущности, изменяет «индивидуалистической» линии «Весов» и установке на «автономное искусство», а «западнический уклон» объявляет пережитком. «В литературных вкусах русских символистов,— с удовлетворением констатирует Белый,—

углубилась старая, тенденциозная, национальная литература» (1909, № 3, стр. 75). Развивая одну из основных тенденций собственного мировоззрения, определившуюся значительно раньше (ср. его статью «Луг зеленый» в № 8 «Весов» 1905 г.), Белый выдвигает теперь на первый план национальную культуру. Перекликаясь с Блоком и В. Ивановым, Белый трактует ее, условно говоря, в «славянофильско-народническом» утопическом аспекте. Белый упрекает даже русских «ницшеанцев» и «индивидуалистов» в игнорировании народной религии, в то время как в предшествующий период он говорил о законности одной лишь индивидуалистической нормы религиозного сознания. По духу своему вся статья Белого — скрытая полемика с Брюсовым. «Анти-западнический» дух пронизывает и статью Белого «Штемпелеванная калоша». «Ударяясь в космополитизм,— пишет в ней Белый,— мы подкапываемся под самое содержание души народной, т. е. под собственную культуру...» (1909, № 9, стр. 74). Тема «Россия — Запад» (в целом чуждая «Весам») становится центральной в романе Белого «Серебряный голубь», текст которого занял значительную часть журнала в 1909 г. И хотя в решении этой основной темы сказалась характерная для «Весов» «западническая» ориентация, но все действие романа было погружено в ту самую русскую стихию, которая являлась тогда объектом пристального внимания для Блока и отчасти В. Иванова. Полемичный по отношению к «петербуржцам», роман Белого — скорее «петербургский» по своей проблематике.

Таким образом, «западническая» тенденция «Весов» в 1909 г. ослабевает. В предыдущие годы интерес к новой западной литературе — главным образом, модернистского типа — преобладал в журнале «Скорпиона» над стремленнем связать себя с традициями русского классического искусства. Правда, и в 1904—1908 гг. в «Весах» появлялись статьи о Чехове и Достоевском, рецензировались, как было указано выше, многие книги по истории русской литературы XIX в., но в общем потоке журнального материала эти статьи и рецензии занимали сравнительно скромное место. Недаром Блок, для которого русская литература XIX в. всегда стояла на первом плане, еще осенью 1908 г. с раздражением отзывается о «западническом» направлении «Весов» [221].

В 1909 г. положение меняется. Материалы, связанные с русской темой, начинают преобладать на страницах «Весов» над обзорами западноевропейской литературы и корреспонденциями иностранных авторов. Характерный пример — 4-й номер «Весов» за 1909 г., почти целиком посвященный Гоголю.

В «Весах» наблюдается сдвиг и в соотношении двух главных линий русского символизма: линии Брюсова — с одной стороны, и «младших символистов» — последователей и продолжателей Вл. Соловьева,— с другой. Если в первый, «синтетический» период развития «Весов» «брюсовская» линия сосуществовала с линией Вяч. Иванова, а в 1906—1908 гг. господствовала, подавляя несходное с нею, то в 1909 г. она значительно отступает, тогда как на передний план отчетливо выдвигается линия Белого и Эллиса с преобладанием мистического уклона. Это последнее направление, близкое исканиям «петербургских» символистов, было представлено в «Весах» также и статьями В. В. Розанова, участие которого в журнале становится теперь, после трехлетнего перерыва, весьма ощутимым. Именно статьей Розанова с «христианским» заглавием «О радости прощения» завершался последний, 12-й номер «Весов» за 1909 г.

Изменение курса «Весов» по отношению к «петербургским» символистам обозначилось даже у наиболее яростного их врага — Эллиса. Если еще недавно самое имя В. Иванова вызывало в этом неистовом критике раздражение и даже ярость (Эллис не стеснялся называть В. Иванова «мерзавцем», «царем хулиганов» и «лжецом в александрийском стиле» [222]), то теперь, в 1909 г., он рассуждает о «петербургском мэтре» в совершенно ином для себя тоне. Рецензируя книгу В. Иванова «По звездам», Эллис говорит о ней как о «вдохновенной», «глубокой» и «дерзкой». Его восхищает в Иванове «самостоятельность методов и выводов, работа над первоисточниками», отсутствие «духа эклектизма и эпигонизма», хотя при этом Эллис принимает далеко не все положения В. Иванова. Прежние споры «Весов» с В. Ивановым Эллис объясняет известной нечеткостью терминологии, присущей, по его мнению, петербургскому теоретику. «Ведь именно эта самая запутанность терминов,— пишет Эллис,— дала повод некоторым критикам, и мне в том числе, возложить на В. Иванова значительную долю

ответственности за тот нелепый бред, который под этикеткой «мистического анархизма» несли адепты его, в роде Чулкова» (1909, № 7, стр. 55 и 60).

Хотя Эллис и раньше отклонялся в сторону «мистической линии» символизма, а позже, в 1910 г.— в эпоху известной итоговой полемики символистов в журнале «Аполлон»,— определенно осознал свою близость с В. Ивановым, он все же в 1909 г. оставался преданным Брюсову гораздо более, чем кто-либо иной из сотрудников «Весов». Сомнения в Брюсове как в идеологе символизма отчетливо выражены в статье Белого «Настоящее и будущее русской литературы» (1909, № 3, стр. 81); проскальзывают они и у Соловьева, в его статье «Символизм и декадентство» (1909, № 5, стр. 53—56). В целом же взгляд на Брюсова как на вождя группы, как на знамя, символизирующее ее единство, сохранялся дольше, чем верность принципам, которые традиционно связывались с представлением о Брюсове и которые для самого Брюсова в значительной мере потеряли прежнюю актуальность («индивидуализм», «автономное искусство», тяготение к западноевропейской культуре). Именно этим обстоятельством, а также остатками былой дисциплины, сохранившейся в журнале от «боевого» периода, объясняется отсутствие в «Весах» 1909 г. междоусобной полемики Белого и Брюсова (предпосылки к ней уже существовали).

Сам Брюсов все больше отдалялся от журнала. Его отношение к религиозно-мистическим исканиям Белого и других сотрудников «Весов» было, как известно, скептическим. Еще в 1905 г. в письме к Перцову он называл Белого «запредельным граммофоном» и «выкликателем условно мистических слов» [223]. Со временем это чувство отчужденности все более возрастало. И не удивительно: все видные русские символисты, участвовавшие в «Весах», уже не поддерживали «брюсовскую» линию журнала. Она была чуждой не только В. Иванову, Белому и Блоку, но и Гиппиус, и Мережковскому, и Сологубу, и даже Соловьеву и Эллису. Некоторые из них, например, Мережковский, порой оказывались временными «тактическими» союзниками Брюсова, но никогда — его подлинными единомышленниками. Ближе других по духу своей поэзии стоял к Брюсову будущий акмеист Гумилев, но он был тогда еще начинающим, малоизвестным автором. Не случайно Брюсов уже в 1907 г. сравнивал себя — хотя бы и гиперболически — с «заложником в неприятельском лагере». Граница между ним и другими членами редакции существовала всегда. В «Весах» последнего периода она обозначилась с полной очевидностью и резкостью.

Растущее отчуждение Брюсова от его товарищей по символизму было вызвано также изменением его собственных эстетических взглядов, о котором отчасти уже говорилось. К концу существования «Весов» Брюсов был уже далек от приверженности к «новому искусству». Он воспринимает теперь критически не только «религиозно-мистическую» линию русского символизма, но и «эстетическую» и даже шире — все движение в целом. Так, в одной из своих статей 1908 г. Брюсов решительно осуждает крайний субъективизм Ф. Сологуба. «Совершенно чужды нам стихи,—заявляет Брюсов,— в которых Сологуб излагает свою философию крайнего солипсизма...» (1908, № 6, стр. 53). Прежнее пристрастие Брюсова к интуитивной эстетике сменяется у него интересом к научным теориям Потебни и Рене Гиля. О «Ключах тайн» — основополагающей для «Весов» статье 1904 г.— Брюсов пишет Венгерову 16 декабря 1910 г.: «...Давно я с этой статьей не согласен» [224]. Бесспорно, прав был А. В. Луначарский, который уже в 1908 г. писал о том, что по отношению к своим прежним единомышленникам Брюсов — «отпавшее звено» [225].

По устному сообщению Белого, Брюсов в начале 1909 г. на собрании ближайших сотрудников журнала вполне серьезно предлагал пригласить в «Весы» Горького, и Горький, будто бы, знал об этом брюсовском проекте («*цельный* Горький,— пояснил Белый в той же беседе,— был приемлемее *смешанного* Леонида Андреева»). Сообщение Белого не кажется невероятным, поскольку отношение Брюсова к Горькому за пять лет, действительно, изменилось. «Пользуюсь еще раз случаем выразить вам мое глубокое уважение и лично к вам и к вашему творчеству — уважение, которое с годами освобождается от примеси разных случайных чувств, растет и крепнет»,— пишет ему Брюсов 27 июля 1910 г. [226]. Эти слова Брюсова резко контрастируют с его прежними выпадами против Горького.

Приблизительно к этому же времени намечается — поначалу еще не вполне определенно — перелом и в поэзии Брюсова (стихи 1906—1909 гг., сборник «Все напевы»). Апология героев гордых, неистовых, презирающих человечество, условные формы и иносказания сменяются у Брюсова «зарисовками с натуры», движением к психологизму и большей конкретности [227]. В одной из своих статей 1910 г. Брюсов высказывает давно назревшее в нем убеждение в том, что «начало всякого искусства — наблюдение действительности» [228]. Заключительный отдел «Всех напевов» открывается стихотворением, выразительно озаглавленным «Оправдание земного». Характерно также признание, сделанное Брюсовым в письме к А. Малеину 30 июля 1911 г. «Всячески сетую на писателей IV в.,— писал Брюсов, имея в виду римских поэтов периода упадка,— что они так заботились о красоте слога и так сравнительно мало говорили об окружающей жизни: урок современным писателям и, прежде всего, мне самому...» [229]. Едва ли не резюмирующим выводом звучит признание Брюсова в беседе с одним из его интервьюеров: «...Я ушел из «Весов» именно потому, что почувствовал, каким уже пережиточным, отсталым явлением стала их проповедь» [230].

Приняв все это во внимание, нетрудно понять, почему в последний год издания «Весов» Брюсов печатался в этом журнале значительно реже, чем прежде. Число выступлений Брюсова в «Весах» в 1909 г. (согласно новейшей библиографии его работ) равняется 12, тогда как в 1904 г. их насчитывалось 81 (если при этом вспомнить, что в «Весах» первого периода Брюсову принадлежит целый ряд неподписанных заметок и материалов, то разрыв между этими цифрами станет еще более внушительным). Наиболее значительные выступления Брюсова в «Весах» 1909 г.— его статья «Испепеленный», посвященная Гоголю (№ 4), рассказ «Через пятнадцать лет» (№ 12), три стихотворения в №№ 1, 2 и в 10—11 и перевод двух поэм Верхарна. Все остальное — мелкие заметки и рецензии. Несмотря на это очевидное обстоятельство и даже на заявление, сделанное самим Брюсовым, современники продолжали вплоть до прекращения «Весов» воспринимать его как фигуру, имеющую для журнала центральное значение. На деле же идейным руководителем «Весов» в 1909 г. был, скорее, А. Белый, чем Брюсов. Недаром Белый столь активно боролся за направление журнала в 1909 г., за определенность его платформы и призывал «принять все меры к водворению ясности и единения во взглядах на идейные задачи журнала между членами Комитета» [231]. Об этой «стихийно» установившейся роли Белого не догадывались, однако, даже такие близкие к «Весам» литераторы, как, например, З. Гиппиус. Она писала Белому, который, как можно предполагать, уведомил ее о переговорах Брюсова с Лурье: «Что же касается самих «Весов» — то я «гадких» причин ухода Брюсова и не подозревала, он мне лично говорил весной, что все очень мирно, я же и тогда думала,— и от него не скрывала,— что «Весы» с его уходом кончатся. Вы нам не писали (вспомните-ка!), что после Брюсова — «Весы» делаются *вашим* делом, и мы ничего об этом не знали. И, напротив, были слухи, что и вы оттуда уходите, основывая свой журнал «Плеяды». Мы ждали вашего дружественного туда зова и уж, конечно, если бы мы вам понадобились для *вашего* журнала (как я порой надобилась Брюсову), то не вам бы мы отказали! Но от вас не было ни слова, как же мы могли знать, что «Весы» — *ваш* журнал! Напротив, убежденная, что и вы, как Брюсов, относитесь уже к ним индифферентно, не находя там близкого кружка,— я совершенно от них отдалилась» [232].

Разногласия между сотрудниками, редакционные неурядицы в известной мере отразились и на издании «Весов»: сдвоенные выпуски, неравномерное распределение материала внутри номеров и т. д. Впрочем, по содержанию «Весов» читателю, не посвященному в проблематику символизма, трудно было уловить перемены, свершившиеся в журнале. Сохранился в целом и состав сотрудников, а новые сравнительно с 1906—1908 гг. нотки, которые зазвучали в выступлениях Белого, Эллиса, Соловьева, были слышны лишь в среде лиц, близких к журналу. Что касается подписчиков, то число их в 1909 г. вновь понизилось — до 1190 человек, т. е. стало на 500 человек меньше, чем в «рекордном» 1908 г. Соответственно упал и тираж издания: достигнув на рубеже 1908—1909 гг. своей высшей точки (около 2000 экземпляров), он определяется в 1909 г. средней цифрой в 1490 экземпляров. Начиная с № 7 за 1909 г. до последнего номера журнала, тираж «Весов» твердо останавливается на цифре 1300 [233].

ЗАСТАВКА К СТИХОТВОРНОМУ ЦИКЛУ ВЯЧ. ИВАНОВА «СЕВЕРНОЕ СОЛНЦЕ»
По рисунку И. Заттлера
«Весы», 1906, № 2

Эти кризисные явления не становились катастрофическими. Тем не менее все основные участники «Весов», понимая, что их общий путь уже пройден, спешат во второй половине 1909 г. обеспечить себе иные возможности литературной работы. Взгляды Брюсова, как уже говорилось, были устремлены к «Русской мысли». В Петербурге подготавливалось издание журнала «Аполлон» — к нему тянулись некоторые сотрудники «Весов», более других Гумилев. Этот журнал, в будущем связавший себя с акмеизмом, отчасти продолжал, видоизменяя, «брюсовскую» линию «Весов». Наконец, в кругу ближайших участников «Весов» шла напряженная работа по организации «Мусагета». Во главе дела стояли А. Белый, Эллис и главным образом Э. К. Метнер [234]. Возникнув в 1910 г., это книгоиздательство стало новым центром русского символизма. Образование «Мусагета», в котором теоретические проблемы вытеснили художественную литературу на задний план, знаменовало собой новый этап в истории символизма.

1909 год, в течение которого Поляков обязался субсидировать «Весы», подошел к концу. В беседе с Д. Е. Максимовым Поляков сообщил, что намеревался продолжать «Весы», изменив форму издания по образцу журнала Реми де Гурмона «Revue des idées», где печатались бы научные статьи («ведь я по образованию математик»,— заметил Поляков). Сведения, полученные от Полякова, подтверждаются уведомлением от книгоиздательства «Скорпион», завершающим последний номер «Весов» за 1909 г. В этом уведомлении, подписанном Поляковым, сообщается, что «Весы» будут выходить и впредь в виде библиографических известий с литературным и художественным отделами» (стр. 192). Однако эта мысль не осуществилась. Не суждено было реализоваться и новому проекту Брюсова (он все еще не сговорился с «Русской мыслью») продолжать «Весы» при условии их расширения.

В марте 1910 г. вышел последний номер «Весов» (№ 12 за 1909 г.). В прощальном обращении редакции «К читателям» говорилось: «...С чувством полного удовлетворения и с сознанием необходимости того, что мы делаем, мы приостанавливаем издание журнала, бывшего для нас в течение шести лет одновременно и тем островом, где мы укрывались от враждебных нашим идеям стихий, и питомником, где были заложены, согреты и дали свои всходы все дорогие нам идеи, переживания и образы. Из этого, само собой, следует, что причины, побуждающие нас приостановить «Весы»,— не

поражение, а, напротив, достижение некогда поставленной ими себе цели». И далее: «Весы» были шлюзой, которая была необходима до тех пор, пока не слились два идейных уровня эпохи, и она становится бесполезной, когда это достигнуто, наконец, ее же действием. Вместе с победой идей символизма в той форме их, в какой они исповедовались и должны были исповедоваться «Весами», ненужным становится и сам журнал. Цель достигнута и eo ipso средство бесцельно! Растут новые цели!» (стр. 186, 190).

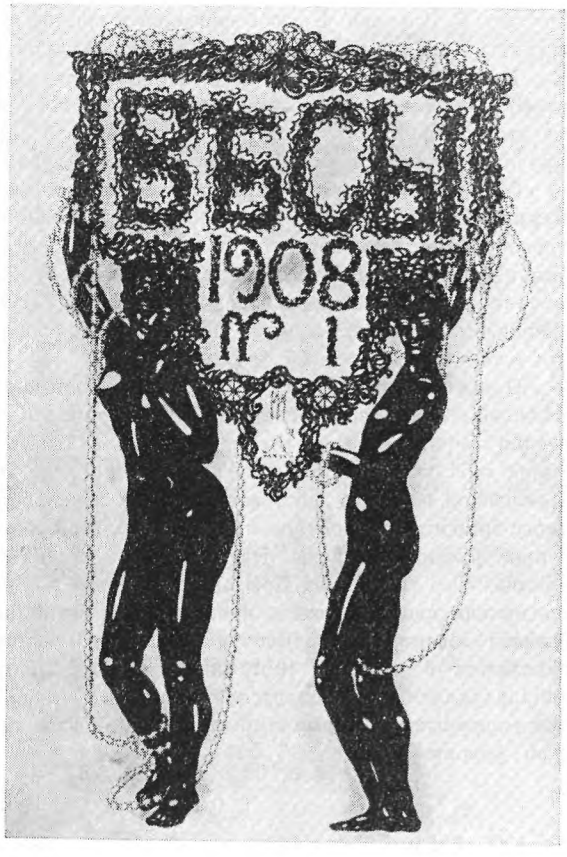
Разумеется, «победа», о которой с гордостью заявляли «Весы» в своем последнем номере, была призрачной. Было бы вернее сказать, что журнал проделал путь, отражающий развитие русского символизма, и остановился в тот момент, когда «новое искусство», которое «Весы» исповедовали в течение шести лет, было в своем первоначальном виде исчерпано и стремилось перестроиться на новых основах. Ощущение перелома, начала новой литературной эпохи проступает и в «прощальном слове» редакции «Весов», хотя и выраженное очень туманно. «Мы не хотим сказать ⟨...⟩, что символическое движение умерло, что символизм перестал играть роль идейного лозунга нашей эпохи. Немногим словам дано гореть и светить в великой исторической ночи. Немногим словам дано быть лозунгами, вести и озарять. Бесспорно, эта власть дана современному «символизму». Однако слова-лозунги горят неодинаковым светом в каждую эпоху ⟨...⟩ Вот мы победили! ... Но завтра то же слово станет иным лозунгом, загорится иным пламенем, и оно уже горит по-иному над нами!» (стр. 191).

«Весы» прекратились. Однако не прошло и двух месяцев, как основным сотрудникам бывшего журнала пришлось вновь объединиться для того, чтобы составить письменный протест, направленный С. К. Маковскому, редактору-издателю «Аполлона». Поводом для этого совместного (и на этот раз — уже последнего) выступления скорпионовцев послужила статья Г.Чулкова «Весы» [235].

В этой статье-«некрологе» Чулков — по причинам, видимо, не только объективным,— попытался дать шаржированную характеристику «Весам» и их вдохновителю — Брюсову. История «Весов» в его изложении распадается на два периода: до 1906 г. и после 1906 г. В течение первых трех лет, согласно Чулкову, «Весы» были исключительно журналом Брюсова, каждый их номер — «как бы новым портретом одного и того же лица». С явным пристрастием был обрисован Чулковым и сам «кормчий» «Весов»: «Журнал и человек,— пишет Чулков,— сливаются для меня в один образ. Это — русский стихотворец конца XIX века. Он уже не хочет быть «интеллигентом». Он свободен от политики, ему дорога литература, только литература, он — пушкинианец прежде всего. Но, кроме того, ему хочется быть завоевателем новых стран. Ему нравится война эстетических школ и смена направлений в искусстве ⟨...⟩ Ему хочется быть таинственным: он любит, чтобы ученики называли его «магом», и он занимается французским оккультизмом, невинным салонным оккультизмом...» Однако, продолжает Чулков, «злой жребий выпал на долю «Весов» после 1906 года. По-видимому, утомленный кормчий бросил челн на произвол судьбы и бедные юнги пустились в открытое море «без руля и без ветрил». В 1907—1909 гг. «Весы», по мнению Чулкова, стали выражением «русской истерики» начала века и утратили идейную и эстетическую цельность, отличавшую журнал в его первый период (по схеме Чулкова). «Сколько странных противоречий, смешных восклицаний, сколько бессильной и неумной полемики»,— так характеризует Чулков «Весы» после 1906 г. «Пока чувствовалось влияние Брюсова, «Весы» были «Весами». С тех пор как влияние Брюсова стало незаметным, с тех пор как вместо живого человека с плотью и кровью в журнале стали появляться фантомы, повторявшие мертвыми устами мертвые формулы,— журнал перестал быть интересным и значительным...» [236].

В своем «протесте», составленном в середине мая 1910 г., бывшие участники «Весов» резонно указывали С. К. Маковскому на то, что «различные обвинения, в общем довольно тяжелые, выставленные в «некрологе» «Весов», в значительной степени теряют свою силу, так как подписаны лицом, у которого есть свои «счеты» с «Весами». В письме решительно опровергался также главный тезис Чулкова о «двух» принципиально разных «Весах»: «с Брюсовым» и «без Брюсова». «...Фактическая часть «некролога», написанная г. Георгием Чулковым,— отмечали сотрудники «Весов»,—

РИСУНОК
Н. П. ФЕОФИЛАКТОВА
ДЛЯ ОБЛОЖКИ «ВЕСОВ»,
1908, № 1
Тушь
Литературный музей, Москва



исполнена всяческих ошибок, промахов и пропусков. Характеристика, которую он делает двум периодам жизни журнала или точнее двум его руководителям, будто бы (что неверно) направлявшим его деятельность до 1906 и после 1906 года, может вызвать только улыбку у всех, знакомых с истинным положением дел» [237].

Письмо подписали Брюсов, Белый, Ликиардопуло, Садовской и Эллис. В сопроводительном письме к Е. А. Зноско-Боровскому, секретарю журнала «Аполлон» (через него этот документ и был отправлен Маковскому), Брюсов писал: «Вероятно, к подписям под письмом присоединится еще имя С. Соловьева, которого сейчас нет в Москве и которому предложение подписать письмо послано» [238]. Таким образом, против Чулкова единодушно выступили все ведущие сотрудники журнала 1909 г. Протест их, правда, не был опубликован в «Аполлоне»; зато в № 9 за 1910 г. редакция поместила два более объективных «некролога». Один из них принадлежал Н. С. Гумилеву, другой — М. А. Кузмину [239].

Выступление участников «Весов» не вызывает удивления: они все дорожили репутацией журнала, открывшего им дорогу в литературу, созданного ими и как бы олицетворявшего их собственное прошлое. В настоящем же их пути все более и более расходились. Перед каждым из них стояли «иные цели». Это с полной отчетливостью проявилось в первой половине 1910 г.— в эпоху известной полемики русских символистов, начавшейся с диспута на докладе В. Иванова в московском «Кружке свободной эстетики» и перекинувшейся затем на страницы журнала «Аполлон». Спор завязался вокруг основной идеи В. Иванова о «теургическом» («жизнестроительном») характере искусства, которая в несколько упрощенном толковании Брюсова сводилась к тезису «искусство должно служить религии» (*Дневники*, стр. 142). Все прежние союзники Брюсова по «Весам» (Белый, Эллис, С. Соловьев) приняли в этом расколе

сторону Б. Иванова. Брюсов оказался в одиночестве; ему пришлось отстаивать свои взгляды едва ли не против всех наиболее видных русских символистов [240].

Дальнейшая эволюция Брюсова как поэта и критика подтверждает, что его отход от «Весов», точнее — от символизма, был закономерен. Все резче критикует Брюсов на этом этапе своего развития представителей «нового искусства» независимо от их ориентации внутри символистского лагеря. Красноречивый пример — его рецензия на сборник стихотворений А. Герцык, в прошлом — сотрудницы «Весов» (псевдоним — Сирин). Брюсов ставит в упрек поэтессе «оторванность ее поэзии от жизни» и с явным неодобрением замечает, что «почти все в стихах г-жи Герцык — иносказанье» [241]. Столь же показателен его некролог художнику В. А. Серову, которого Брюсов оценивает как «величайшего русского художника наших дней» прежде всего за то, что, «Серов был реалист, в лучшем значении этого слова. Он искал одного— верности тому, что есть» [242].

О значительном эстетическом сдвиге, поставившем Брюсова на путь преодоления прежней символистской поэтики, уже говорилось. О нем свидетельствует также лирический сборник Брюсова «Зеркало теней» (1912). Та творческая потенция, которая проявила себя уже в книге «Все напевы», привела теперь к новым формам сближения брюсовской поэзии с действительностью, к усилению в стихах Брюсова психологического момента, обращению к эмпирическим, предметным деталям и зарисовкам обыденной русской природы. На этой новой стадии эволюции эстетических взглядов и поэтического творчества Брюсова его работа в «Весах», если бы этот журнал даже и продолжал свое существование, вряд ли была бы возможна. Пути Брюсова и его бывших товарищей по «Весам» решительно разошлись и, очевидно, уже не могли сблизиться и привести к прежнему союзу. Постепенно преодолевая декадентский индивидуализм и символистскую поэтику, Брюсов шел к новым идейным и творческим горизонтам, которые открылись ему во всей своей широте только после Октябрьской революции.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Н. Гумилев. Поэзия в «Весах».— «Аполлон», 1910, № 9, стр. 44.

[2] М. Кузмин. Художественная проза «Весов».— Там же, стр. 35.

[3] Письмо к В. Я. Брюсову от 20 октября 1907 г.— *Блок*, т. 8. М.— Л., 1963, стр. 217. У Блока встречаются, однако, и иные отзывы о «Весах», свидетельствующие о том, что его отношение к журналу, в особенности в период 1907—1908 гг., колебалось. См., например, его письма к С. М. Соловьеву от января и 26 февраля 1905 г., письма к Г. И. Чулкову от 26 августа 1907 г. и 18 сентября 1908 г. (*Блок*, т. 8, стр. 117, 119, 206, 254).

[4] Д. Мережковский. В тихом омуте. СПб., 1908, стр. 101.

[5] В. Брюсов. Открытое письмо В. П. Буренину.— «Новое время», 1908, № 11494, 12 марта, стр. 14. Ср. также письмо С. А. Полякова в редакцию газеты «Столичная почта», 1908, № 253, 4 марта, стр. 6.

[6] Черновик письма от 19 апреля 1909 г.— ГБЛ, ф. 386. 69. 26.

[7] К. Бальмонт. Морское свечение. СПб., 1910, стр. 197.

[8] В. А. Поссе. Мой жизненный путь. М.— Л., 1929, стр. 119.

[9] ГБЛ, ф. 386. 99. 17, л. 1.

[10] См. статью Д. Максимова «Новый путь» в кн.: В. Евгеньев-Максимов и Д. Максимов. Из прошлого русской журналистики. Статьи и материалы. Л., 1930, стр. 131—254.

[11] Письмо от 14 апреля 1903 г.— ИРЛИ, разряд 3, оп. 2, ед. хр. 1249.

[12] Более подробно см.: Д. Е. Максимов. В. Брюсов и «Новый путь».— *ЛН*, т. 27-28, стр. 276—298.

[13] Д. Максимов. «Новый путь», стр. 203.

[14] В. А. Дмитриев-Мамонов. Указатель действующих в Империи акционерных предприятий. СПб., 1903, стр. 959. См. также: Список фабрик и заводов Российской империи. СПб., 1912, стр. 50.

[15] В. М. Лобанов. Кануны. М., 1968, стр. 176.

[16] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 8, дело 1753, л. 7. В этом же деле имеются и сведения о Полякове, присланные Департаментом полиции в ответ на запрос Главного управления по делам печати (л. 6).

[17] *Чулков*, стр. 92.

[18] К. Д. Бальмонт. Будем как солнце. Книга символов. М., 1903. Ненумерованный лист с посвящениями.

[19] ЦГАЛИ, ф. 464 (Б. А. Садовской), оп. 1, ед. хр. 3, л. 8.

[20] О все возрастающем интересе к «новому искусству» живописно рассказывает А. Белый в своем письме к Э. К. Метнеру 9 апреля 1903 г.: «У нас в Москве страшное брожение: «*новое*» искусство разливается вширь, стучится в двери; «*скорпионовская кучка*» интересует всех: ее ругают, хвалят — но все интересуются. Словом, начался процесс ассимиляции. Образовалась целая порода молодых людей и девиц, которых газетные репортеры уже окрестили позорным, по их мнению, прозвищем «*подбрюсков*», «*брюссенят*», «*брюссиков*»... Характерно, что бывали случаи, когда Брюсовым увлекались и почтенные люди (даже старики) ‹...› Если Москва будет прогрессировать в том же направлении, то, по словам Бальмонта, она превратится в декадентский городок менее чем через два года» (ГБЛ, ф. 167 (Э. К. Метнер). 1. 13).

[21] ИМЛИ, ф. 13 (В. Я. Брюсов), оп. 3, ед. хр. 30.

[22] См. письмо Брюсова к М. Н. Семенову от 15/28 декабря 1904 г.— «Литературный критик», 1939, № 10—11, стр. 242.

[23] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 8, д. 1753, л. 1.

[24] ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 30.

[25] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 8, д. 1753, л. 12.

[26] Там же, л. 10.

[27] ГБЛ, ф. 386. 102.31.

[28] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 8, дело 1753, л. 10.

[29] Брюсов имеет в виду статьи, печатавшиеся в «Новом пути» в 1903 г.: Ю. С. Наши задачи в Сибири (№ 2) и А. Е р о п к и н. Сельская община и прочный правопорядок (№№ 6—7).

[30] ГБЛ, ф. 386. 70. 37, л. 45—46.

[31] ИРЛИ, ф. 240 (С. А. Поляков), оп. 2, ед. хр. 220. Аналогичный проспект «Весов» был опубликован в журнале «Новый путь», 1903, № 12 (раздел «Объявления», стр. 1).

[32] «Новый путь», 1903, № 1, стр. 7.

[33] «Весы», 1904, № 1 (ненумерованный лист-вклейка). В дальнейшем все ссылки на «Весы» даются в тексте, без обозначения названия журнала, с указанием только года, номера и страницы.

[34] «Весы — Скорпион». Проспект на 1905 г., стр. 2.

[35] *Блок*, т. 8, стр. 71.

[36] ГБЛ, ф. 386. 98.11, л. 37.

[37] Письмо от 24 ноября 1903 г.— ГБЛ, ф. 386.75.31, л. 11.

[38] ГБЛ, ф. 386. 98.12, л. 2.

[39] Василий — рассыльный «Весов».

[40] Николай Петрович *Феофилактов* (1878—1941) — московский художник-модернист, стилизатор; заведовал художественной частью «Весов».

[41] ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 3, л. 7—8.

[42] В. М. Л о б а н о в. Кануны, стр. 83; ср. роман С. Ауслендера «Последний спутник» (М., 1913), где, между прочим, описано помещение редакции «Весов». См. также лирическую повесть С. Боброва «Мальчик» (М., 1966, стр. 230—233); в ней дан живописный портрет Брюсова в редакции «Весов».

[43] «Искусство», 1905, № 8, стр. 55.

[44] Полемика Брюсова с В. И. Лениным подробно освещена в исследовательской литературе. См., напр.: И. Я м п о л ь с к и й. Валерий Брюсов и первая русская революция. — *ЛН*, т. 15, стр. 208; Б. М е й л а х. Символисты в 1905 году.— *ЛН*, т. 27—28, стр. 188; *Максимов 1969*, стр. 172—173; Б. М е й л а х. Ленин и проблемы русской литературы XIX — начала XX в. Л., 1970, стр. 149—153; Б. С о л о в ь е в. «Весы» или «Коран московских упадочников».— В кн.: Б. С о л о в ь е в. От истории к современности. М., 1973, стр. 157—162.

[45] Этот термин представляется более точным, чем весьма неопределенное понятие «чистого искусства», которое, кстати сказать, не раз относили к «Весам» литераторы, враждебные или сторонние журналу «Скорпиона». Брюсов, как уже указывалось, отвергал теорию «чистого искусства». «Кумир Красоты,— писал он,— столь же бездушен, как кумир Пользы» (*TV*, стр. 5). Не принимали ее и другие весовцы, да и весь русский символизм в целом. Эстетизм являлся характерной чертой художественной практики многих крупных и мелких представителей символизма, не превращаясь вместе с тем в их литературное кредо. Отметим, что это принципиальное положение отстаивает в своей статье о «Весах» и австрийский славист Г. В. Вытженс. См. его статью: Гюнтер В. В ы т ж е н с. Значение журнала «Весы» для истории русской литературной критики.— «Slavica pragensia». XII. (Acta universitatis Carolinae. Philologica 2-4), 1970, p. 257—269. «Понятие самодовлеющего эстетизма,— пишет Вытженс,— глубоко чуждо всем критикам «Весов» (стр. 264).

[46] «Библиография В. Я. Брюсова». Ереван, изд. Ереванского университета (находится в печати). Сведения сообщены Э. С. Даниелян.

[47] Псевдонимы Брюсова установлены путем сопоставления следующих изданий и документов: «Библиография Валерия Брюсова. 1889—1912». М., 1913; И. Ф. М а-

с а н о в. Словарь псевдонимов, т. 1—4. М., 1958; И. М. Б р ю с о в а. Псевдонимы Валерия Брюсова (машинопись с авторской правкой).— ГБЛ, ф. 386. 131. 5; В. Я. Б р ю с о в. Список всего, напечатанного мною, с указанием отзывов печати (автограф в тетради).— ГБЛ, ф. 386. 130. 19; Вырезки «Весов» с пометами, сделанными рукой В. Я. Брюсова.— ГБЛ, ф. 386, без шифра. Псевдонимом «Товарищ Герман» Брюсов подписался лишь однажды (1906, № 5), выступая против «Золотого руна». До и после него этим же псевдонимом пользовалась З. Гиппиус (1906, № 2, и 1907, № 5 и № 7). Однократно встречаются также псевдонимы: В. П. (1906, № 6), М. П. (1908, № 11) и К. Веригин (1908, № 11).

[48] В начальный период «Весов» эти разделы составлялись и писались одним Брюсовым (см.: В. Я. Б р ю с о в. Список всего, напечатанного мною, с указанием отзывов печати...— ГБЛ, ф. 386. 130. 19, л. 39, 43, 47).

[49] «Вопросы жизни», 1905, № 9, стр. 54.

[50] Статья «Поэт и чернь».— «Весы», 1904, № 3, стр. 8.

[51] ГБЛ, ф. 25 (А. Белый). 16.2.

[52] Об участии М. Волошина в журнале «Весы» пишет В. А. Мануйлов в статье «Валерий Брюсов и Максимилиан Волошин» в кн.: *Чтения 1971*, стр. 438—474. См. также: В. А. М а м о н т о в. М. А. Волошин в журнал «Весы».— В сб.: «Вторая научная конференция. Тезисы докладов по итогам научно-исследовательской работы за 1966 год». Южно-Сахалинск, 1967, стр. 201—203.

[53] Письмо от 17 января 1904 г.— ГБЛ, ф. 386. 80. 33, л. 11. Камил *Моклер* (Mauclair, 1872—1945)— французский живописец и художественный критик; Одилон *Редон* (Redon, 1840—1916) — французский художник, один из родоначальников символизма в живописи; Эдуард *Вюйар* (Vuillard, 1868—1940) — французский живописец, автор многих работ в декоративном стиле; Поль *Серюзье* (Sérusier, 1863—1927) — французский художник, инициатор известной группы «Наби», в которую входили П. Боннар, Ф. Валлоттон, Э. Вюйар, М. Дени и некоторые др. Последователи Пювис де Шаванна и О. Редона, «наби» были тесно связаны с литераторами-символистами.

Среди французских художников, с которыми Волошин встречался в Париже, был также Шарль Лакост (Lacoste, 1870—1959). В своем следующем письме из Парижа (почт. штемпель — 26 января 1904 г.) Волошин сообщает Брюсову: «Я вам уже писал, что переговорил ⟨...⟩ с Вюилларом, Серюзье и Лакостом, они уже переговорят с остальными. В принципе они согласны взять на себя украшения «Весов» ⟨...⟩ Лакост — младший из них — берется сделать сейчас же виньетки и украшения для целого номера, т. е. виньеток 20, не считая разных мелких рамок для заглавных букв...» (ГБЛ, ф. 386.80.33, л. 13—14). Переговоры, которые вел Волошин, оказались не безрезультатными. Редон выполнил обложку и все художественные украшения к №№ 4 и 5 за 1904 г., а Лакост — к № 7. Обложка Лакоста украшала также №№ 8 и 9 за 1904 г. (подробнее об оформлении «Весов» см. примеч. 163).

[54] Недатированное письмо 1904 г.— ГБЛ, ф. 386.80.34, л. 3.

[55] Подробнее — в статье А. Е. Маргарян «В. Брюсов и Рене Гиль».— *Чтения 1966*, стр. 511—538.

[56] *РМ*, 1909, № 6, стр. 155—167.

[57] Архив М. А. Волошина (ИРЛИ). Цит. по статье: В. А. М а м о н т о в. М. А. Волошин и В. Я. Брюсов.— «Ученые записки Хабаровского педагогического института», т. 31. Хабаровск, 1971, стр. 55.

[58] Маркус *Бемер* (1879—1957) — немецкий художник-иллюстратор. «Insel» — модернистский журнал, выходивший в 1899—1902 гг. в Берлине.

[59] Недатированное письмо начала 1904 г.— ГБЛ, ф. 386, 108.34, л. 9.

[60] К. Б а л ь м о н т. Морское свечение, стр. 196.

[61] В. Я. Б р ю с о в. Записные книжки. «Моя жизнь». Книга XIV. Записи предшествует помета: «1904. Начало года».— ГБЛ, ф. 386.1.16, л. 37 об.

[62] Там же.

[63] Письмо от 22 февраля 1903 г.— ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 22.

[64] ГБЛ, ф. 386.72.32.

[65] В. Я. Б р ю с о в. Записные книжки. «Моя жизнь». Книга XIV— ГБЛ, ф. 386.1.16, л. 37 об.

[66] Письмо от 25 августа 1904 г.— ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 24.

[67] Б. М. Рунт, свояченица Брюсова, исполняла в 1905 г. обязанности секретаря редакции и выступала на страницах «Весов» с небольшими рецензиями.

[68] ГБЛ, ф. 386.72.32.

[69] «Литературный критик», 1939, № 10-11, стр. 242.

[70] Отзывы некоторых русских газет о первых номерах журнала «Весы» см.: *Ашукин*, стр. 187—189.

[71] Письмо от 13 декабря 1903 г.— ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 24.

[72] Там же.

[73] Письмо помечено августом 1904 г.— ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 31.

[74] С. А. Поляков.

ПРОГУЛКА В ЛЕФОРТОВЕ
С рисунка С. Ю. Судейкина
«Весы», 1909, № 2

[75] Письмо от 13 декабря 1903 г. из Флоренции.— ГБЛ, ф. 386 102.31.
[76] Там же.
[77] Черновой текст письма Брюсова к М. Н. Семенову от 19 ноября 1904 г.— ГБЛ, ф. 386.72.32.
[78] Имеется в виду статья В. Иванова «Ницше и Дионис» (1904, № 5).
[79] ГБЛ, ф. 386.102.31.
[80] З. Н. Гиппиус.
[81] Письмо от 26 марта 1902 г.— *ЛН*, т. 27-28, стр. 281.
[82] «Весы — Скорпион». Проспект на 1905 год, стр. 2.
[83] В. И. Ленин. Падение Порт-Артура.— Полн. собр. соч., т. 9, стр. 155.
[84] Авторство Брюсова установлено на основании имеющегося в его архиве экземпляра корректурных оттисков «Весов» (ГБЛ, ф. 386, без шифра). В этом экземпляре рукой Брюсова зачеркнут весь не принадлежащий ему текст. Указанная рецензия не зачеркнута. Кроме того, авторство Брюсова подтверждается совпадением содержания рецензии и его письма к Перцову от 19 марта 1904 г. («Печать и революция», 1926, № 7, стр. 42).
[85] ГБЛ, ф. 386.72.32. В последней фразе имеются в виду Максим Горький и Леонид Андреев.
[86] Письмо к Э. К. Метнеру от 14 июля 1904 г.— ГБЛ, ф. 167.1.37.
[87] Недатированное письмо к Брюсову.— ГБЛ, ф. 386.100.8.
[88] А. Блок. Записные книжки. 1901—1920. М., 1965, стр. 97.
[89] Этот аспект деятельности «Весов» подробно освещен в статье Б. Соловьева «Весы» или «Коран московских упадочников».— В кн.: Б. Соловьев. От истории к современности. М., 1973, стр. 140—181.
[90] См. подробнее в статье Ю. М. Панияна «Критическая деятельность Брюсова в журнале «Весы».— «Молодой научный работник. Научные исследования, № 4, серия общественных наук». (На армянском и русском языках). Ереван, 1966, стр. 94—101. См. также: К. Д. Муратова. Возникновение социалистического реализма в русской литературе. М.— Л., 1966, стр. 178—200.
[91] «Не напишете ли рецензию для «Весов» о сборнике «Знания» (XI-м)?,— спрашивал Белого М. Ф. Ликиардопуло, секретарь «Весов».— Главным образом о драме

Андреева и о отрывках Горького <...>Все, кому мы здесь предлагали писать, намеревались чрезмерно хвалить Андреева, с чем редакция не совсем согласна. Надеюсь, вы сумеете лучше сообразоваться с симпатиями и взглядами «Весов» (недатированное письмо, написанное, судя по содержанию, в июле 1906 г.— ГБЛ, ф. 25.28.21). Белый, видимо, отказался; во всяком случае рецензия на XI сборник товарищества «Знание» в «Весах» не появилась.

[92] «Студенты-сотрудники перестали ходить в редакцию «Весов» и решили бойкотировать наш журнал»,— жалуется Брюсов Перцову в начале 1905 г. (Письмо недатированное; получено 17 февраля 1905 г.— ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 25.)

[93] Письмо не датировано.— ГБЛ, ф. 386.80.34, л. 6.

[94] Там же, л. 9.

[95] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 8, дело 1753, л. 15.

[96] Там же, л. 18.

[97] Б. М. Рунт.

[98] ГБЛ, ф. 386 (без шифра).

[99] ГПБ, ф. 634 (А. М. Ремизов), оп. 1, ед. хр. 37.

[100] «Печать и революция», 1926, № 7, стр. 44.

[101] «Русский современник», 1924, № 4, стр. 234.

[102] Подробнее см. в ст.: Э. С. Литвин. «Революция 1905 года и творчество Брюсова» — в кн.: «Революция 1905 года и русская литература». М.— Л., 1956, стр. 198—245. См. также *Максимов 1969*, стр. 164—175.

[103] «Печать и революция», 1926, № 7, стр. 43—44.

[104] *Дневники*, стр. 136.

[105] ГБЛ, ф. 386.107.46, л. 28.

[106] «Михаил Иванович Пантюхов. Автор повести «Тишина и старик» (1880—1910)». Киев, 1911, стр. 16—17.

[107] Письмо опубликовано И. М. Брюсовой в ее статье «Материалы к биографии Брюсова» (в кн.: *Избр. стихи 1933*, стр. 134).

[108] ГБЛ, ф. 386.113.17.

[109] ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 3, л. 16—17.

[110] «Скорпион — Весы». Каталог № 4, 1907, стр. 4.

[111] «Зеленый сборник стихов и прозы». СПб., изд-во «Щелканово», 1905. Рецензия на это издание, написанная Брюсовым, была напечатана в № 1 «Весов» за 1905 г.

[112] ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 33.

[113] Письмо от 30 мая 1907 г.— ГБЛ, ф. 386.91.12.

[114] ГБЛ, ф. 386.84.19.

[115] ГБЛ, ф. 386.107.52.

[116] Письмо С. А. Соколова к Г. И. Чулкову от 18 ноября 1906 г.— ГБЛ, ф. 371 (Г. И. Чулков). 3.45.

[117] ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 33.

[118] О «мистическом анархизме» см. подробнее в кн.: В. Н. Орлов. Пути и судьбы. Литературные очерки, Л., 1971, стр. 562—572.

[119] Первое столкновение Брюсова с идеями «мистических анархистов» произошло в январе 1906 г., во время пребывания его в Петербурге. В письме к Н. Я. Брюсовой от 31 января 1906 г. И. М. Брюсова рассказывает о споре, который происходил на квартире В. Иванова между Брюсовым, с одной стороны, и В. Ивановым и Чулковым — с другой. «Чулков и Вячеслав разъяснили Вале, что такое мистический анархизм <...> На этом м<истическом> ан<архизме> построены целый ряд «Факелов», журнал, театр, издательство <...>Валя им, факельщикам, не сочувствует, а они не находят у Вали «неприятия мира» и повиновения им. Понятно, что Валя не будет в школе Чулкова, ни даже Вячеслава» (ГБЛ, ф. 386.145.34, л. 33 об.).

[120] Письмо от 24 апреля 1906 г.— ЦГАЛИ, ф. 55 (А. Блок), оп. 1, ед. хр. 174.

[121] Г. И. Чулков в беседе с Д. Е. Максимовым утверждал, что основа будущей полемики была заложена еще в 1904 г. в рецензии Брюсова (Аврелия) на его книгу «Кремнистый путь» (1904, № 1). Он говорил, кроме того, что главной причиной полемики считает запальчивость и наивность своих статей того времени, а также возникшее на чисто личной почве раздражение Андрея Белого против него.

[122] Очевидно, что сам В. Иванов не намеревался порывать с «Весами»; его отдаление от журнала произошло не без участия Брюсова. Об этом свидетельствует, например, фраза из письма И. М. Брюсовой к Н. Я. Брюсовой от 31 января 1906 г.: «Вчера Броня передавала Валин разговор с Сергеем Александровичем: «Иванов и Лидия Дмитриевна очень согласны сотрудничать, но я думаю, их надо держать в черном теле» (ГБЛ, ф. 386. 145.34, л. 36).

[123] «Перевал», 1907, № 4, стр. 64—65. Известную роль в этом конфликте сыграл С. А. Соколов, уже в конце 1906 г. побуждавший Чулкова выступить против Брюсова и руководимого им журнала. «Помыслите для будущего о сокрушительной статье против «Весов»,— писал Соколов Чулкову 28 ноября 1906 г.— ГБЛ, ф. 317) Г. Чулков). 4.2.

[124] ГБЛ. ф. 386.107.47, л. 20.

[125] С. Городецкий. Глухое время.— «Золотое руно», 1908, № 6.

[126] Письмо от 4 сентября 1908 г.— ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 224.

[127] А. Белый. Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть на всех фазах моего идейного и художественного развития. (Рукопись 1928 г.) — ЦГАЛИ, ф. 53 (А. Белый), оп. 1, ед. хр. 74, л. 5.

[128] М. Неведомский. О «навьих» чарах и «навьих» тропах.— «Современный мир», 1908, № 2, стр. 209.

[129] Письмо В. Я. Брюсова к Я. К. Брюсову от 21 июня/4 июля 1907 г. Опубликовано И. Ямпольским в его статье «В. Брюсов и первая русская революция».— *ЛН*, т. 15, стр. 214.

[130] Андрей Белый. Начало века. Берлинская редакция.— ГПБ, ф. 60 (А. Белый), ед. хр. 121, л. 168.

[131] А. Белый. Почему я стал символистом...— ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 74, л. 24.

[132] Там же, л. 24—25.

[133] Письмо А. Белого к Эллису, с датой: «Среда, февраль 1908 года».— ГБЛ, ф. 25.30.6.

[134] Яркое свидетельство той остроты, которой достигали порой в «Весах» разногласия между Белым и Брюсовым,— цитированное выше письмо Белого к Эллису.

[135] В кн.: Корней Чуковский. Из воспоминаний. М., 1959, стр. 435.

[136] Об этом эпизоде из истории «Весов» впервые сообщено в кн.: *Максимов 1940*, стр. 75 и 289.

[137] Черновик письма Брюсова к Д. С. Мережковскому (апрель 1906 г.).— ГБЛ, ф. 386.71.60, л. 15.

[138] ГБЛ, ф. 386.70.38, л. 5.

[139] ГБЛ, ф. 386.82.37, л. 19 об.

[140] ГБЛ, ф. 386.94.44, л. 12.

[141] Письмо З. Н. Гиппиус к Брюсову от 25 сентября/8 октября 1906 г.— ГБЛ, ф. 386.82.38, л. 36.

[142] В журнале «Золотое руно» (1906, № 2, стр. 120) сообщалось: «В Петербурге возникает новый религиозно-общественный, философский и литературный журнал «Меч» при близком участии гг. Мережковского и Бердяева». Ср. письмо Д. В. Философова к Брюсову от 5/18 августа 1906 г.— ГБЛ, ф. 386.106.32, л. 24.

[143] ГБЛ, ф. 386.106.32, л. 23.

[144] ГБЛ, ф. 386.82.38, л. 18 об.—19.

[145] Д. В. Философов.

[146] ГБЛ, ф. 386. 70. 38, л. 5.

[147] Там же, л. 17. Кроме двух беловых автографов проекта, сохранились два черновые его наброска в письме к З. Гиппиус от 31 июля/13 августа 1906 г. (л. 4—4 об. и л. 15—15 об.).

[148] Там же, л. 16 об.

[149] ГБЛ, ф. 386.82.38, л. 24—26.

[150] Письмо от 20 февраля 1905 г.— ГБЛ, ф. 386.82.37, л. 21 об.

[151] ГБЛ, ф. 386.82.38, л. 21 об.

[152] Там же, л. 39.

[153] ГБЛ, ф. 386.82.39, л. 58—58 об

[154] ГБЛ, ф. 386.94.44, л. 14—14 об.

[155] ГБЛ, ф. 386.71.60. л. 16—16 об. О том же Брюсов писал Гиппиус 8/21 октября 1906 г. (там же, ф. 386.70.38, л. 9).

[156] Подробнее см.: С. С. Гречишкин, А. В. Лавров. Эллис — поэт-символист, теоретик и критик (1900—1910 гг.).— «XXV Герценовские чтения. Литературоведение. Краткое содержание докладов». Л., 1972, стр. 59—62.

[157] Письмо не датировано (лето 1907 г.).— ГБЛ, ф. 167.7.6. Однако увлечение Брюсовым продолжалось у Эллиса сравнительно недолго. «...Я задыхаюсь, мне страшно грустно, что и Брюсов для меня умирает, что он бросил путь служения и сделался писателем, официальным литератором»,— пишет Эллис М. И. Сизовой 31 октября 1909 г. (ЦГАЛИ, ф. 575 (Эллис), оп. 1, ед. хр. 20).

[158] Письмо не датировано.— ГБЛ, ф. 386.109.44, л. 36 об.

[159] Настроения Эллиса 1907—1908 гг. красочно отражает, например, его письмо к А. Белому, написанное в июне 1907 г. — ГБЛ, ф. 25.25.31.

[160] Любопытное свидетельство об очередном обострении «военных действий» между «Весами» и их противниками содержится в недатированном письме З. Н. Гиппиус к Брюсову, написанном осенью 1907 г. «Знаете ли вы,— пишет Гиппиус,— что «побежденные декаденты» вновь вооружают свою армию для сражения с «Весами»? «Петербуржцы» замышляют свои «Весы» для генеральной битвы с «Весами» московскими и дерзким руководителем сего журнала. Считают «подданных» «Весов» — и находят, что их не много: я, Белый <...> да «какой-то» еще Эллис, вот и все. Рябушинский и Соколов будут тайными союзниками,— или явными для тех, кого перфидные «Весы» не успели явно оторвать от питающего лона Коленьки или Сереженьки <т. е. Н. П. Рябушинского и С. А. Соколова>. Правда, что такое московские «Весы»? А в петербургских, под крылом «отца блудодейства» — Вячеслава, кроме бесчисленных вьюношей и кроме

чулкистов,— будет Осип Дымов писать пьесы в «аморальных тонах». Таким образом «они» (кто? мистические анархисты или такие же реалисты?) восторжествуют, что, конечно, не замедлит привести к ним и кающегося Белого,— ведь у этой разноцветной бабочки легкие крылышки! Так, впрочем, думают они,— не я. А вы что думаете? Пишу вам все эти сплетни под свежим впечатлением, за достоверность их существования, кажется, можно ручаться» (ГБЛ, ф. 386.82.39, л. 49).

[161] Эмпирик. О культурной критике.— «Золотое руно», 1907, № 5, стр. 75.

[162] «Скорпион — Весы». Каталог № 6. 1908, стр. 3.

[163] В течение всех шести лет существования «Весов» редакция не ослабляла внимания к художественной стороне издания. Правда, помимо О. Редона, Ш. Лакоста и итальянского художника У. Брунеллески (им были выполнены обложка, заставки, рисунки и все виньетки к № 3 за 1905 г.), никто из иностранных художников к полному оформлению номеров не привлекался. Эту задачу «Весы», как правило, возлагали на молодых московских художников, тяготевших к символизму и пытавшихся утвердить его в русской живописи (большинство из них вошло в 1907 г. в состав художественного объединения «Голубая роза»). Журнал оформляли В. Борисов-Мусатов и его преемники — «голуборозовцы»: А. Арапов, В. Милиоти, Н. Сапунов, С. Судейкин и, наконец, Н. Феофилактов, вытеснивший со временем остальных. Начиная с № 11 за 1906 г. и вплоть до последнего номера 1909 г. оформлением «Весов» занимался один лишь Феофилактов (сверх того, он часто публиковал в журнале собственные рисунки). Полное оформление журнала (обложка и все художественные украшения) осуществляли в 1905 г. также Н. Рерих и А. Якимченко. Обложка, рисунки и все виньетки № 1 за 1905 г. принадлежали М. Якунчиковой (ум. в 1902 г.). К оформлению «Весов» Брюсов в 1904 г. привлекал Д. Митрохина: заставка к № 6 за 1904 г.— первая напечатанная графическая работа этого художника. В «Весах» нередко воспроизводились работы русских живописцев; среди них: М. Волошин, М. Врубель, Е. Кругликова, И. Левитан, М. Ларионов, Л. Пастернак, К. Сомов, К. Юон, Г. Якулов. Из «голуборозовцев» (кроме перечисленных выше) в «Весах» встречаются В. Дриттенпрейс, Н. Крымов, П. Кузнецов, А. Фонвизин. Можно обнаружить, однако, и работы художников, не оставивших заметного следа в русской живописи (Н. Зарецкий, Л. Мейстер, А. Силин, М. Шестеркин и др.). Появление в «Весах» малоизвестных и просто «случайных» имен (это относится и к беллетристическому отделу) объясняется в первую очередь неизменной готовностью редакции сотрудничать с начинающей молодежью. Что касается иностранных мастеров, то «Весы» явно предпочитали популярных представителей «нового искусства», в особенности же — связанных с символизмом и стилем «модерн» (О. Бердслей, Ф. Валлоттон, К. Вальзер, Т. Гейне, Д. Уистлер, Фидус, Г. Фогелер, А. Цорн, Д. Энсор). Отдельный выпуск «Весов» (1906, № 6) знакомил русских читателей с работами польских живописцев (М. Вавженецкий, К. Норвид и др.). Среди книжных украшений «Весов» следует отметить виньетки по рисункам П. Боннара, М. Дени, Э. Каррьера, П. Синьяка, виньетки и заставки по рисункам А. Дюрера, виньетки со старинных гравюр и т. д.

[164] «Новая Русь», 1908, № 122, 15 декабря, стр. 3. Автором неподписанной заметки был Н. О. Лернер (см. его письмо к В. Я. Брюсову от 12 декабря 1908 г.— ГБЛ, ф. 386.22.15, л. 18).

[165–166] Г. Чулков. Критические заметки.— «Вопросы жизни», 1905, № 8, стр. 235.

[167] И. Лобанов. Обзор журналов.— «Новый путь», 1904, № 2, стр. 235.

[168] С. Бобров. Мальчик. Лирическая повесть. М., 1966, стр. 232.

[169] Уже в 1904 г. в письме к Э. К. Метнеру (от 14 июля) Белый проницательно отметил, что «Весы» банальны декадентской банальностью...» (ГБЛ, ф. 167.1.37).

[170] Письмо от августа-сентября 1907 г.— *ЛН*, т. 72, стр. 297.

[171] «Заграничная газета» (Женева), 1908, № 2, 29 марта.— Цит. по *ЛН*, т. 82, стр. 202.

[172] Эти цифры не отражают розничной продажи «Весов» и их распределения среди сотрудников. Однако об этом нетрудно получить представление, сопоставив приведенные данные со средними цифрами тиражей журнала (весьма различными для каждого номера): 1904 г.— 1270 экземпляров, 1905 г.— 1120, 1906 г.— 960, 1907 г.— 1120, 1908 г.— 1850.

[173] К. Чуковский. Из воспоминаний, стр. 445.

[174] См., например: «Золотое руно», 1907, № 4, стр. 80 (неподписанные заметки, озаглавленные «Вести отовсюду») или «Золотое руно», 1908, № 5, стр. 78 (статья «О «чистом символизме», теургизме и нигилизме», подписанная «Эмпирик»).

[175] Письмо от 19 января 1907 г.— «Новый мир», 1932, № 2, стр. 191.

[176] Письмо от 5 мая 1906 г.— «Новый мир», 1932, № 2, стр. 191. О том же Брюсов еще раньше писал В. С. Миролюбову, редактору петербургского «Журнала для всех» (письмо от 19 августа 1905 г.): «Мне в высшей степени дорого сотрудничество в «Журнале для всех», потому что это единственный путь, которым мои стихи вырываются из узкого круга любителей декадентской поэзии».— «Литературный архив», вып. 5. М.— Л., 1960, стр. 178.

[177] *ЛН*, т. 15, стр. 214.

[178] Письмо от 10/23 ноября 1908 г.— ГБЛ, ф. 386.99.18, л.1.
[179] Там же, л. 3—4.
[180] Письмо от 10/23 ноября 1908 г.— Там же, л. 1.
[181] М. Ф. Ликиардопуло.
[182] См. письмо Полякова к Брюсову от 29 декабря 1908 г., в котором цитируется приведенный отрывок.— ГБЛ, ф. 386.99.18, л. 9.
[183] Там же, л. 1.
[184] В то время жена Э. К. Метнера.
[185] А. Белый. Воспоминания о Блоке.— «Эпопея», 1923, № 4, стр. 77.
[186] Письмо от 11/24 декабря 1908 г.— ГБЛ, ф. 386.99.18, л. 3.
[187] Слова Брюсова цитируются в письме Полякова к нему, датированном 29 декабря 1908 г.— Там же, л. 11.
[188] Там же, л. 11—12.
[189] «Весы» в этом году лишились своего главного идейного руководителя: В. Брюсов совершенно устранился от редактирования журнала, который ведется теперь редакционным комитетом из С. А. Полякова, А. Белого, Эллиса и М. Ликиардопуло»,— сообщалось в газете «Новая Русь» (1909, № 64, 7 марта, стр. 5). Инициатором и, возможно, автором этой анонимной заметки Брюсов считал Максимилиана Волошина («Сегодня в «Руси» сообщается, что я покинул «Весы». Должно быть, Макс постарался»,— пишет он И. М. Брюсовой 7 марта 1909 г. из Петербурга.— ГБЛ, ф. 386.69.6, л. 14).
[190] ГБЛ, ф. 386.74.31, л. 5—6 об.
[191] Письмо М. А. Кузмина к Брюсову от 11 августа 1907 г.— ГБЛ, ф. 386.91.12, л. 17.
[192] «Эпопея», 1923, № 4, стр. 76.
[193] Там же.
[194] ГБЛ, ф. 386.92, 40.
[195] ГБЛ, ф. 386.69.6, л. 14.
[196] Переговоры Брюсова с «Русской мыслью», в конечном счете, оказались не «тщетными». В августе 1910 г. (после реорганизации журнала и переезда редакции в Петербург) Брюсов возглавил литературно-критический отдел «Русской мысли», сменив самого Лурье, занимавшего до него это место.
[197] Письмо не датировано (почт. штемпель — 29 апреля 1909 г.).— ГБЛ, ф. 386.109.44, л. 17.
[198] Черновик письма от 19 апреля 1909 г.— ГБЛ, ф. 386.69.26. В прямых скобках — слова, зачеркнутые Брюсовым.
[199] Там же.
[200] Там же.
[201] См. письма Бальмонта к Брюсову от 29 мая 1908 г. и 11 декабря 1908 г.— ГБЛ, ф. 386.76.1.
[202] См.: «Золотое руно», 1909, № 6, стр. 79.
[203] Цитируется по недатированному письму Эллиса к Брюсову, в котором полностью приведен текст письма А. Белого к М. Ф. Ликиардопуло.— ГБЛ, ф. 386.109.44.
[204] ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 3, л. 28.
[205] Там же, л. 31.
[206] ГБЛ, ф. 386.99.18, л. 16.
[207] Инцидент с Эллисом изложен в кн.: *Между двух революций*, стр. 368—375.
[208] ГБЛ, ф. 25.28.21.
[209] Письмо не датировано (август — сентябрь 1909 г.?).— ГБЛ, ф. 386.92.23, л. 3.
[210] Недатированное письмо Эллиса Белому.— ГБЛ, ф. 25.25.31. В этом же письме Эллис пишет: «Конечно, впредь до формальной реабилитации я выхожу из «Весов» вовсе, ибо честь «Весов» абсолютно важнее даже моей жизни».
[211] Недатированное письмо 1909 г.— ГБЛ, ф. 25. 30. 10.
[212–213] ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 8, л. 31.
[214] «Товарищ», 1907, № 379, 23 сентября, стр. 5. Там же было опубликовано заявление Чулкова, возражавшего против истолкования «мистического анархизма» как «некоторого литературного течения».
[215] Г. Чулков. О лирической трагедии.— «Золотое руно», 1909, № 11—12, стр. 53.
[216] С. Городецкий Формотворчество.— «Золотое руно», 1909, № 10, стр. 52—58.
[217] ГБЛ, ф. 371.4.70.
[218] «Весы — Скорпион». Каталог № 8, 1909, стр. 3.
[219] Это отклонение «Весов» от их прежней доктрины было отмечено «Золотым руном». См. неподписанные заметки под общим заголовком «Мелкие сведения».— 1909. № 2—3, стр. 120.
[220] «Эпопея», 1923, № 4, стр. 167—168.
[221] Запись от 12 сентября 1908 г.— А. Блок. Записные книжки, стр. 113.
[222] Недатированное письмо Эллиса к Брюсову.— ГБЛ, ф. 386.109.44.

[223] Письмо от 24 сентября 1905 г.— «Печать и революция», 1926, № 7, стр. 43. Конечно, к этим «репликам» отнюдь не сводится отношение Брюсова к А. Белому. См. в наст. томе переписку Брюсова с Белым и вступ. статью к ней.

[224] ИРЛИ, ф. 377 (С. А. Венгеров).

[225] А. Л у н а ч а р с к и й. Книга о новом театре.— «Образование», 1908, № 6, стр. 51.

[226] См. наст. том, стр. 660.

[227] Подробнее см. в кн.: *Максимов 1969*, стр. 176—218.

[228] *РМ*, 1910, № 7, стр. 200 (рецензия Брюсова на книгу Н. Гумилева «Жемчуга»).

[229] Цит. по статье А. Малеина «В. Я. Брюсов и античный мир».— «Известия Ленинградского государственного университета», 1930, кн. 2, стр. 190.

[230] А я к с (А. Измайлов). У Валерия Брюсова.— «Биржевые ведомости», 1910, № 11630, 24 марта, стр. 4. Приводится в кн.: *Ашукин*, стр. 264.

[231] Черновик недатированного письма А. Белого к М. Ф. Ликиардопуло.— ГБЛ, ф. 25.20.8.

[232] Письмо от 1 декабря 1909 г.— ГБЛ, ф. 25.14.6. См. также письмо Белого к Э. К. Метнеру от 17 июня 1911 г.— ГБЛ, ф. 167.2.43.

[233] Журнал «Весы». Тетрадь учета рассылки журнала подписчикам 1909 г.— ИРЛИ, ф. 240, оп. 2, ед. хр. 219, л. 3—23.

[234] «В сентябре мы все должны знать наверное о будущем журнале, ибо тогда только возможно быстрое и решительное потопление «Весов», этого судна, уже лишенного части пушек, парусов и одной мачты, подгнившей уже лет 6 тому назад. Я говорю о Бальмонте <...> Мне известно, что Брюсов ведет переговоры с издателями и разными рябушинскими, держа пока в секрете все, к чему он пока пришел...» (недатированное письмо Эллиса к Э. К. Метнеру; судя по содержанию, лето 1909 г.— ГБЛ, ф. 167.7.14).

[235] «Аполлон», 1910, № 7, стр. 15—20.

[236] Там же, стр. 17, 18, 19, 20.

[237] ГПБ, ф. 124 (Собр. П. Л. Вакселя), ед. хр. 673.

[238] Там же.

[239] Как явствует из письма С. К. Маковского к Брюсову от 16 июня 1910 г., первоначальный план редакции «Аполлона» был несколько иной. «Предполагалось посвятить «Весам» ряд статей: Кузмин — проза, Сюннерберг — идейные течения, Гумилев — стихи, бар. Врангель — худож. иллюстрации. Эти статьи должны были появиться одновременно после выхода последней, 12-й книжки «Весов» (ГБЛ, ф. 386.93.29, л. 6 об.).

[240] См. подробнее: письмо Брюсова к П. П. Перцову от 23 марта 1910 г.— «Печать и революция», 1926, № 7, стр. 46.

[241] *РМ*, 1910, № 8, стр. 247—248.

[242] *РМ*, 1911, № 12, стр. 119—120.

ПИСЬМА

ПЕРЕПИСКА С АНДРЕЕМ БЕЛЫМ
1902—1912

Вступительная статья и публикация С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова

Творческие и личные взаимоотношения Брюсова и Андрея Белого (Б. Н. Бугаева) представляют для истории русской литературы начала XX в., для характеристики основных тенденций развития русского символизма чрезвычайно благодарный и показательный материал. Они позволяют осмыслить философские и эстетические особенности двух поколений символистов, ярчайшими представителями которых выступают перед нами Брюсов и Белый. Как Брюсов явился одним из первооткрывателей новых путей для русской литературы в 1890-е годы, так и Белый выступил «на рубеже двух столетий» основным выразителем творческих устремлений младшего поколения символистов. В глазах критики и читающей публики того времени писатели воспринимались зачастую как единомышленники, приверженцы единой философско-эстетической позиции: «Со стороны казалось: все символисты — одно, а Белый — верный Личарда своего учителя, Валерия Брюсова» (*Начало века*, стр. 414). Однако при внимательном рассмотрении отношений писателей друг к другу становится ясным, как они были далеки от идеальных представлений об учителе и ученике. Религиозно-мистические искания и произвольные теоретические построения Белого, его стремление обусловить искусство религией — все это не могло найти признания у Брюсова — рационалиста и эстета. Противоположность их натур обнаруживается с исключительной яркостью в их личных взаимосвязях. Отношение Брюсова к Белому как писателю было на протяжении многих лет неизменно устойчивым: Белый для него прежде всего — крупный художник и высоко ценимый литературный сотрудник, союзник в борьбе за утверждение «нового искусства». Отношение же Белого к лидеру символистского движения было неровным, отличалось исключительной полнотой переживания и в любви, и в отвержении; это во многом объяснялось тем, что в сознании Белого Брюсов всегда был связан с самыми животрепещущими для него проблемами жизненного и творческого пути. Резкие перепады в восприятии Белым Брюсова отражают существенные особенности внутреннего мира Белого, его сознания, постоянно мечущегося в исканиях истины.

1

Судьбы Брюсова и Белого переплелись уже в юношеские годы: оба писателя в разное время окончили гимназию Л. И. Поливанова, одно из лучших частных учебных заведений Москвы. В памяти Белого сохранился образ Брюсова-гимназиста (*На рубеже двух столетий*, стр. 322—323). Знаменательно, что в выпускных классах гимназии и Брюсов и Белый проповедовали среди соучеников свое понимание идей символизма. Осмысляя связь жизненных судеб — своей и Брюсова, Белый подчеркивает духовное сродство их юношеских устремлений: «Но в целом несхожие Брюсов и Белый пересекаются в атмосфере, в точке исхода: от позитивизма к символизму. Случайна ли их встреча впоследствии? Разумеется — нет: они должны были встретиться» (там же, стр. 198).

С поэзией Брюсова Белый познакомился в 1899 г.: «...читаю «Шедевры» Валерия Брюсова (это имя чаще все подымается в наших беседах с Соловьевыми; помнится,— именно в это время Соловьевы знакомятся у Шестеркиных с Брюсовым и рассказывают мне о нем)» [1]. В том же 1899 г. Брюсов вместе с С. А. Поляковым создает изда-

тельство «Скорпион», приступившее к систематическому выпуску книг русских и западноевропейских символистов. Белый формируется тем временем в оригинального художника, автора ряда стихотворений, драматических отрывков и симфоний. «Декадентство» он считает лишь временной стадией развития «нового» искусства; символисты же, по Белому, должны стремиться к «творчеству жизни», к преображению жизни и искусства. При этом Белый отмечает: «Брюсов и Гиппиус (особенно Гиппиус) мне говорят; прочие — нет...» [2] Белый считает Брюсова поэтом, находящимся на промежуточной стадии развития от «декадентства» к символизму, «ибо в нем силы упадка казались уравновешенными потенцией к новому творчеству» (*Начало века*, стр. 112).

Интерес к Брюсову-поэту восполнялся интересом к личности Брюсова. В памяти Белого запечатлелись первые случайные встречи с Брюсовым на улице, на театральном представлении [3]. В свою очередь, в дневниковой записи Брюсова о визите к Соловьевым, относящейся к сентябрю 1901 г., мы впервые находим упоминание о Белом: «Ждали сына проф. Бугаева, декадентствующего юношу, жаждавшего меня видеть, но случилось, что его не было дома (он живет рядом)» (*Дневники*, стр. 106).

В 1901 г. Белый вступил в литературу при непосредственном содействии Брюсова. В сентябре он читал свою вторую «Симфонию» в доме Соловьевых; М. С. Соловьев обратился к Брюсову как руководителю «Скорпиона» с предложением ее напечатать. Брюсов высоко оценил произведение молодого автора. «Получается ответ Брюсова на запрос М. С. Соловьева о моей «Симфонии»; Брюсов считает «Симфонию» прекрасным произведением и уведомляет, что «Скорпион» печатает ее, но только через год, ибо «Скорпион» уже на год завален работой; тогда М. С. Соловьев решается лично спешно печатать «Симфонию» под маркой «Скорпиона» (который на это соглашается); я не хочу печатать «Симфонию» под моим именем; мы выдумываем псевдоним мне; я предлагаю: «*Буревой*», но М. С. смеется: «Нет, когда узнают, что автор — вы, то будут смеяться: это не Буревой, а «*Бори вой*»... М. С. придумывает мне псевдоним: «Андрей Белый» и делается моим крестным отцом в литературном крещении» [4].

Личное знакомство Брюсова и Белого состоялось 5 декабря 1901 г. на квартире у Соловьевых (*Начало века*, стр. 153). На другой день Брюсов вместе с Мережковскими вновь был у Соловьевых; на вечере опять присутствовал Белый. Брюсов отнесся к знакомству с ним поначалу несколько иронически: «Были там еще два наших студента-декадента: Бугаев, Борис Николаевич (автор «Симфоний» и сын проф. Бугаева) и Петровский, чуть-чуть заикающийся: Бугаев старался говорить вещи очень декадентские. Оба благоговели перед Мережковским и Зиночкой» [5].

С начала 1902 г. Брюсов устанавливает с Белым прочные личные контакты, знакомит его со своими литературными соратниками. Без преувеличения можно утверждать, что Брюсов ввел Белого в круг символистов и стал его непосредственным литературным наставником. Дневниковые записи Брюсова в июле 1902 г. свидетельствуют о том, что он начал воспринимать Белого как талантливейшего выразителя новой волны символизма: «В те же дни был у меня Бугаев, читал свои стихи, говорил о химии. Это едва ли не интереснейший человек в России. Зрелость и дряхлость ума при странной молодости. Вот очередной на место Коневского!» [6]. В октябре того же года Брюсов записывает свои впечатления от знакомств с «целым рядом новых и молодых»: «Всех этих мелких интереснее, конечно, А. Блок, которого я лично не знаю, а еще интереснее вовсе не мелкий, а очень крупный Б. Н. Бугаев — интереснейший человек в России» (*Дневники*, стр. 122). «Он очень настоящий человек,— признается Брюсов П. П. Перцову.— У меня душа успокаивается, когда я думаю, что он существует» [7].

Эта увлеченность объяснялась, конечно, ярким художественным талантом молодого писателя, обаянием его личности, но также в немалой степени интересом Брюсова к тем новым идейным тенденциям, которые принес с собой в символизм Белый. Ко времени сближения с Брюсовым вокруг Белого сплотились молодые московские поэты, художники и философы, образовался кружок «аргонавтов». Вдохновлявшиеся религиозной философией позднего Вл. Соловьева и философско-поэтическими произведениями Ницше, «аргонавты» жаждали насыщения жизни новым духовным смыслом, пытались развивать апокалипсическое миросозерцание. Упоение «музыкой зорь»

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ
С рисунка А. А. Тургеневой, 1909
Assja T u r g e n i e f f. Erinnerungen an Rudolf Steiner und die Arbeit am ersten Goetheanum. Stuttgart, 1972

и стихийная, импульсивная передача эмоционального состояния — гармонического предчувствия грядущих свершений — в этом, по существу, и заключался весь пафос «аргонавтизма». Отношение Брюсова к «аргонавтизму» Белого было двойственным. С одной стороны, он не скупился на иронию при обрисовке мистического кружка: «Все, иже с Белым, замкнулись в общество «Арго», где выискивают «чистых» духом и говорят раз в неделю, по пятницам, о добродетели» [8]; с другой — стремился всерьез и глубоко осмыслить идеалы «младших» символистов и собственную в этой связи позицию, жалея даже, порой, что ему недоступны прозреваемые ими духовные сферы. Об этом свидетельствует его стихотворение «Младшим», опубликованное в апреле 1903 г. и вошедшее в книгу «Urbi et Orbi».

Наряду с пристальным интересом к философским исканиям Белого, Брюсов всячески старался способствовать развитию молодого писателя, подходя к его произведениям со строгой требовательностью. Белый неоднократно отмечал значение этих советов и разборов для своего творчества, Брюсов для него — «воспитатель вкуса» и «учитель стиховедения» [9]. «...я обязан ему всей карьерой своей; я ни разу себя не почувствовал пешкой, не чувствовал «ига» его: только помощь, желанье помочь, облегчить»,— подчеркивал Белый (*Начало века*, стр. 159). Подтверждением этих слов служит хотя бы история печатания первого сборника стихов Белого «Золото в лазури» в «Скорпионе»: Белый полностью доверял литературному вкусу и опыту Брюсова, в том числе даже в сугубо авторском деле — выборе заглавий.

Брюсов откликнулся рецензией на этот сборник, сравнив в ней поэтическое мастерство Белого и Вяч. Иванова [10]. «В Белом больше лиризма, в Вяч. Иванове больше

художника. Творчество Белого ослепительнее: это вспышки молний, блеск драгоценных камней, разбрасываемых пригоршнями, торжественное зарево багряных закатов ⟨...⟩ В Белом есть восторженность первой юности, которой все ново, все в первый раз». Белый достигает поэтических высот исключительно интуитивными художественными прозрениями, которые перемежаются явными недочетами и промахами. В рецензии Брюсова он предстает значительным талантом, находящимся в процессе становления.

В свою очередь, и для Белого Брюсов после выхода «Urbi et Orbi» вырастает во всем своем значении. В письме к Э. К. Метнеру (ноябрь 1903 г.), предваряя обширные выписки из книги Брюсова, Белый восторженно заявляет: «*Брюсов по этому сборнику оказывается единственным современным поэтом, держащим в руках судьбы будущей русской поэзии. Все иные (включая сюда и Бальмонта) мелкие величины сравнительно с Брюсовым. Такой концентрации, мощи, порой Микель-Анжеловских взмахов, вдумчивости русская поэзия не видала со времен Фета, Тютчева, Майкова. Правда, легко просмотреть (особенность всех крупных авторов) Брюсова (он не ярок), но мое глубочайшее убеждение, что отныне к именам Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Дельвига, Тютчева, Майкова, Полонского, Ал. Толстого должно присоединять имя Брюсова*!..» [11].

К концу 1903 г. Брюсов имел в лице Белого надежного и преданного литературного союзника. Эта консолидация осуществилась реально на страницах журнала «Весы», вокруг которого Брюсов объединил основные силы символизма. Оба писателя придавали огромное значение «Весам» в деле самоопределения «нового» искусства, равно как обоих не удовлетворял опыт предшественника «Весов» — религиозно-философского и литературного журнала «Новый путь». «Весы» явились для Брюсова воплощением потребности именно в своем журнале, с преобладанием собственно эстетических задач над религиозными и идеологическими. С 1904 г. началась совместная журнальная работа Брюсова и Белого, длившаяся шесть лет.

Различия в понимании сущности искусства Брюсовым и Белым определились еще до начала издания «Весов», но в 1904 г. они ими сознательно не заострялись. Над эстетическими ценностями, апологетом которых был Брюсов, Белый воздвигал систему религиозно-философских построений; искусству как самоценному творчеству он противопоставлял искусство в его провиденциальном, теургическом значении, художественному творчеству отводилось подчиненное место перед «творчеством жизни». Белый писал Э. К. Метнеру 14 июня 1904 г.: «Весы» прежде всего тенденциозный орган с фанфарами, плакатами, зазываниями в сторону «*нового искусства*» ⟨...⟩ Но в «Весах» молодая русская литература прокладывает себе путь к официальному признанию ⟨...⟩ Я понимаю: «Весы» банальны декадентской банальностью, но для того, чтобы стать *выше* этой банальности, публика должна переболеть ею. И вот рассадники декадентской банальности *суть* полезные этапы на пути развития» [12].

Таким образом, основой единения Брюсова и Белого в «Весах» было общее литературное дело, хотя и различно понимаемое. Глубокие личные конфликты 1904—1905 гг., о которых пойдет речь ниже, писатели стремились не переносить в литературу; Белый писал: «...мы оба перешагнули через личную вражду, порой даже ненависть — там, где дело касалось одинаково нам дорогой судьбы литературного течения: под флагом символизма» (*Начало века*, стр. 414). Объединение Брюсова и Белого на страницах журнала было, однако, не только тактическим, но отчасти и мировоззренческим. В начальный период издания «Весов» Брюсов решительнее, чем когда бы то ни было, склонялся к иррационалистической интерпретации художественного творчества. «Искусство есть постижение мира иными, не рассудочными путями. Искусство — то, что в других областях мы называем откровением. Создания искусства — это приотворенные двери в Вечность»,— писал он в программной статье «Ключи тайн», открывавшей первый номер «Весов» [13]. Грядущей судьбе искусства Брюсов придает жизнетворческий и даже мессианский смысл: именно искусству суждено указать пути к «вечной свободе». И в статье Брюсова «Священная жертва» можно отметить близость с «теургической» концепцией искусства Белого: «Мы требуем от поэта, чтобы он неустанно приносил свои «священные жертвы» не только стихами, но каждым часом

своей жизни, каждым чувством <...> Пусть поэт творит не свои книги, а свою жизнь» [14]. Примечательно, что Белый неоднократно цитировал эти слова Брюсова для защиты своих воззрений [15]. Именно в 1904 г. Брюсов написал знаменитое стихотворение «Конь блед», навеянное апокалипсическими мотивами, столь близкими Белому. Утверждая, что это стихотворение «лучшее, что мной пока написано», Брюсов отметил: «А. Белый и юный С. М. Соловьев, когда я им его прочел, повскакали со стульев» [16].

Творчество друг друга писатели оценивали неизменно в высшей степени положительно. Так, рецензируя альманах издательства «Гриф» (1905), в котором был помещен цикл стихов Белого «Тоска по воле», Брюсов писал: «Первая книга Белого («Симфония драматическая») показала сразу столько своеобразия в творчестве начинающего поэта, что его позднейшие произведения были для многих некоторым разочарованием. Но — при смелости такого сравнения — мне хочется напомнить о солнце, которое, стремительно пройдя первую часть небосвода, начинает подыматься к зениту медленнее и более плавно. В новых стихах Белого <...> его лиризм входит в свои берега, словно расплавленный и кипящий металл постепенно принимает свою определенную, ему предназначенную форму» [17]. Что касается Белого, то творчество Брюсова стало для него объектом постоянного восхищения и сферой поэтических откровений, а также и самым благодарным материалом для проведения своих взглядов на искусство. В июле 1904 г. Белый публикует статью «Поэзия Валерия Брюсова». В ней предпринята попытка раскрыть философскую сущность творчества Брюсова. Поэзия Брюсова оказывается созвучной идеальным представлениям Белого о символистском искусстве: в ней он находит наиболее полное проявление вечного во временном, сочетание свободы творчества с внутренней необходимостью, высокого поэтического порыва с безукоризненной четкостью и строгостью воплощения: «Везде стремление соединить в символе случайность обыденного явления с его вечным, мировым, не случайным смыслом. И чем случайней поверхность явления, тем величественнее сквозящая в нем Вечность» [18].

Развитием подобного истолкования творчества Брюсова явилась статья Белого «Апокалипсис в русской поэзии», опубликованная в апрельском номере «Весов» за 1905 г. и приведшая к открытой полемике между Брюсовым и Белым на страницах журнала [19]. В этой статье Белый рассматривает исторический опыт русской поэзии под мистико-теургическим углом зрения. Искусство, долженствующее стать теургическим творчеством, явится преодолением господствующего в мире хаоса, шагом на пути к достижению жизненной цельности и гармонии. Преодолеть хаос суждено именно русской поэзии, которая, по убеждению Белого, исполнена апокалипсического смысла.

Белый выделяет «два русла», по которым развивается русская поэзия; одно из них берет начало от Пушкина, другое — от Лермонтова. «Отношением к тому или иному руслу определяется характер поэзии Некрасова, Тютчева, Фета, Вл. Соловьева, Брюсова и, наконец, Блока. Только эти имена и западают глубоко в нашу душу: талант названных поэтов совпадает с провиденциальным положением их в общей системе развития национального творчества» [20].

Одно из утвержденных Белым метафизических начал, идущее от Пушкина и дробящее пушкинскую гармонию в неорганизованный хаос, осуществляется в поэзии Брюсова. Однако Белый с сожалением констатирует отсутствие в ней «огня религиозных высот»: «Прекрасное тело его музы еще не оживлено, оно механизировано хаосом: это автомат, движимый паром и электричеством» [21]. Другое русло, в котором смогли отразиться религиозные помыслы, присущие «русской душе», Белый выводит из поэзии Лермонтова, его развитие он видит в поэзии Вл. Соловьева и его преемника А. Блока. «Лермонтовская и пушкинская струя русской поэзии, определившись в Брюсове и Блоке, должны слиться в несказанное единство»,— заключает Белый [22].

Брюсов остался недоволен статьей. Теоретические установки Белого безусловно противоречили его воззрениям на искусство, которые он стремился утвердить в «Весах». И, несмотря на то, что Белый неслыханно высоко охарактеризовал его поэзию, Брюсов решил печатно возразить ему. В следующем номере «Весов» появилось «открытое письмо Андрею Белому» под названием «В защиту от одной похвалы». «Конечно, лестно оказаться в числе шести избранных, рядом с Тютчевым и Фетом,— писал

Брюсов,— но не понадеялся ли ты, Андрей, слишком на свой личный вкус?» И он приводит имена значительных поэтов, которые оказались за пределами предложенной Белым схемы. Брюсов требует выводить критерии достоинств поэзии исключительно из внутренних художественных качеств самих произведений; эстетические концепции, объясняющие искусство по признакам, с искусством общих черт не имеющим, будут грешить тенденциозностью и только обеднять художественные произведения. И Брюсов предлагает оценивать поэтов «только по достоинствам и недостаткам их поэзии, ни по чему другому» [23]. Брюсов сознавал известную резкость своего открытого письма к Белому, он даже советовался с С. А. Поляковым о возможности помещения письма на страницах «Весов»: «Статья моя о Белом, хотя и резка, но, на мой вкус, очень хороша. Если вам покажется, что ее неудобно печатать в «Весах», пошлю ее в «Вопросы жизни» [24].

В июньском номере «Весов» было напечатано ответное «открытое письмо Валерию Брюсову» — «В защиту от одного нарекания». Вслед за Брюсовым Белый признал правомерной идею независимости художественного творчества, однако защищал и свое право ставить искусство в обусловленную связь с религией, не усматривая противоположности между точкой зрения «теургической» и собственно эстетической: «Так почему же ты отнимаешь у меня право рассматривать, как преломилась та или *иная религиозная идея в тех или иных эстетических формах? Или должен я снова* и снова провозглашать независимость Красоты?» [25].

«Бесовскими» открытыми письмами Брюсов и Белый заявили о себе как о приверженцах различных теоретических позиций в символизме. В «семейной полемике» [26] Брюсова и Белого впервые определенно проявились кардинальные различия в лагере сгруппировавшихся вокруг «Весов» символистов, казавшемся тогда читательскому миру единым и монолитным. Эти различия намечались, впрочем, не только в теоретической, гласной полемике, но еще более ощутимо и значительно для обоих писателей в их личных взаимоотношениях 1904—1905 гг., своеобразно преломившихся в романе Брюсова «Огненный ангел».

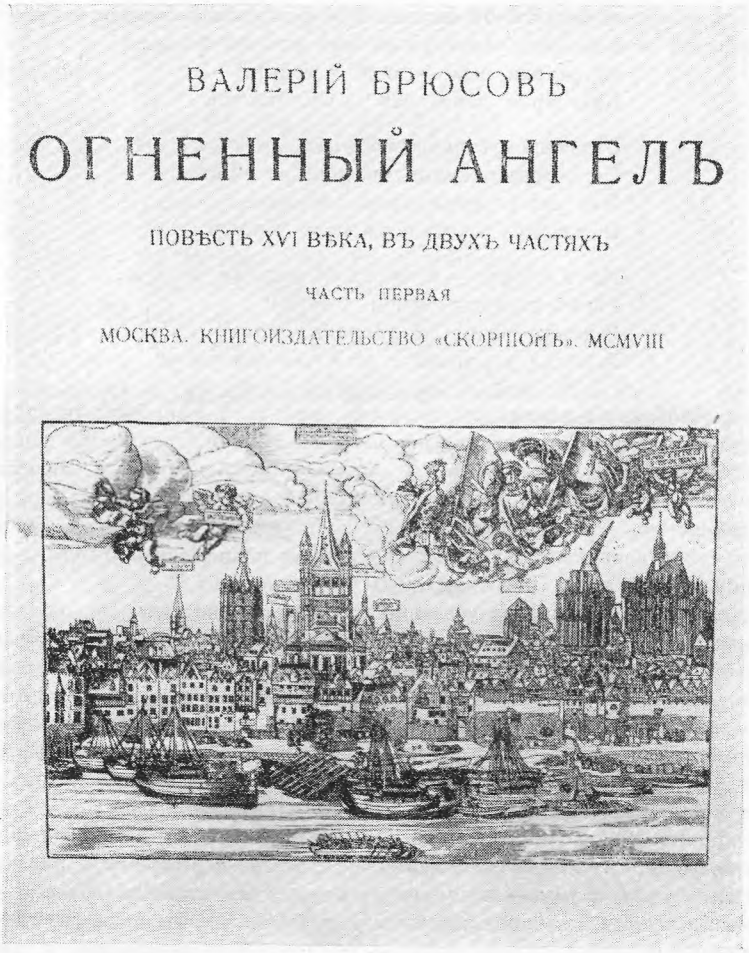
2

Известно, что в основу сюжета «Огненного ангела» легли биографические коллизии: «треугольнику» Рупрехт — Рената — граф Генрих соответствуют личные отношения Брюсова, Нины Петровской и Андрея Белого. Брюсов сознательно запечатлел в отношениях персонажей реальные ситуации и характеры. В черновиках последовательно биографических глав романа мы находим пояснительные пометы Брюсова: «Преимущественно о Белом», «Понял, что ее любовь — истерия, не ко мне, не к Б. Н., а вообще» [27]. На жизненную основу романа многократно указывал и Белый: он писал, что Брюсовым осуществлена «мифизация» <...> наших отношений в эпоху 1904—1905 годов в его романе «Огненный ангел», где он меня удостоил роли графа Генриха» [28].

В символистском окружении к тому времени определилось восприятие Брюсова как поэта-«мага», в значительной степени это было обусловлено его известной увлеченностью спиритизмом и вообще «тайными науками». Белый способствовал созданию такого восприятия: в 1903 г. в альманахе «Гриф» появилось его стихотворение «В. Я. Брюсову», вошедшее в сборник «Золото в лазури» под заглавием «Маг»:

...В венце из звезд, над царством скуки,
Над временем вознесены,—
Застывший маг, сложивший руки,
Пророк безвременной весны.

В письме к Э. К. Метнеру от 25 июля 1903 г. Белый дал свое истолкование брюсовского «магизма» и значения этой маски в утверждении нового: «Среди официальных выразителей магизма, с сознательным актерством ретуширующих себя перед обществом, пальма первенства принадлежит, конечно, Брюсову, который «*играет роль*» с чувством, с пафосом, исполняя свою миссию (миссию показного мага) перед целой



ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ РОМАНА «ОГНЕННЫЙ АНГЕЛ»
М., «Скорпион», 1908
Обложка

Россией, и, конечно, заслуживает уважение и признание за это, ибо он же — громоотвод, принимающий львиную долю грязи, оскорблений на себя, приучающий нашу мужиковато удивляющуюся толпу не удивляться. Не знаю, понятно ли характеризую его, но для меня понятен и по-своему близок an sich Брюсов. Вот почему в своем стихотворении я и постарался дать изображение идей и *прототипа* Брюсова» [29].

В сборнике «Urbi et Orbi» Брюсов в свою очередь поместил стихотворение «Андрею Белому», явившееся откликом на первый сборник стихов Белого и перепевом его основных мотивов и стиля.

Я многим верил до исступленности,
С такой надеждой, с такой любовью!
И мне был сладок мой бред влюбленности,
Огнем сожженный, залитый кровью.

Как глухо в безднах, где одиночество,
Где замер сумрак молочно-сизый...
Но снова голос! зовут пророчества!
На мутных высях чернеют ризы!

«Брат, что ты видишь?» — Как отзвук молота,
Как смех внемирный мне отклик слышен:
«В сияньи небо — вино и золото! —
Как ярки дали! как вечер пышен!»

Отдавшись снова, спешу на кручи я
По острым камням, меж их изломов.
Мне режут руки цветы колючие,
Я слышу хохот подземных гномов.

Но в сердце — с жаждой решенье строгое,
Горит надежда лучом усталым.
Я много верил, я проклял многое
И мстил неверным в свой час кинжалом.

В стихотворении в первый раз намечена оппозиция, приобретшая определенность в последующих личных отношениях поэтов: Белому, приобщенному к мировой гармонии и пророчествующему на «мутных высях», противопоставлен Брюсов в маске страстного и мстительного героя; первый образ отмечен цельностью и лучезарной оптимистичностью, второй — трагической дисгармонией. В 1904 г. Белый воспринимал это стихотворение исключительно в личном плане, связывая его с обострением отношений между ним, Брюсовым и Н. И. Петровской [30].

Петровская была одной из участниц кружка «аргонавтов». Из числа соратников Белый с осени 1903 г. начал выделять Петровскую, подчеркивая ее «особую чуткость» к нему. Отношение Петровской к Белому было благоговейным; в мемуарах она сообщает, что считала его «новым Христом». Постепенно эта духовная связь начинает восприниматься Белым как реальное воплощение открытых им качественно новых человеческих отношений — непосредственной духовной близости, осуществляющейся в мистическом откровении и «мистериальной» любви. Раннюю стадию своих отношений с Петровской Белый отразил в стихотворении «Преданье» (декабрь 1903 г.). Однако в конце января 1904 г. произошло изменение в их отношениях, потрясшее все его жизненные устои: «...вместо грез о мистерии, братстве и сестринстве оказался просто роман ‹...› чувствовалось — недоумение, вопрос; и, главным образом,— чувствовался срыв: я ведь так старался пояснить Нине Ивановне, что между нами — Христос; она — соглашалась; и — потом, вдруг,— «*такое*». Мои порывания к мистерии, к «*теургии*» потерпели поражение» [31]. Целостность жизненной концепции Белого не выдержала натиска извне, отсюда глубокий трагизм разочарования в себе, утрата уверенности в способности к жизнетворческому «подвигу», ощущение себя самозванным пророком. Отношения Белого и Петровской при этом не составляли тайны в символистском окружении, и Брюсов едко иронизировал над близостью «грифихи» и «ангелоподобного Андрея» [32]. В августе 1904 г. между Белым и Петровской происходит разрыв, но еще более драматический оттенок отношениям трех участников этой истории стало придавать зарождавшееся сближение Петровской и Брюсова.

Переживания 1904—1905 гг. Брюсов осознавал как этапный, кризисный процесс в своем мироощущении, вызванный, с одной стороны, революционными катаклизмами, с другой — глубоко личными переживаниями, связанными с любовью к Петровской. Для него наступил «год бури, водоворота»: «Связь оставалась только с Белым, но скорее связь двух врагов...» (*Дневники*, стр. 136). Как «связь двух врагов» воспринимал свои отношения с Брюсовым и Белый. Потрясенный крушением своих упований, он все отчетливее начинает воспринимать Брюсова как некий роковой феномен, овладевший его сознанием: «...с Брюсовым устанавливаются холодные, жуткие отношения» [33].

В феврале 1904 г. Белый пишет ряд стихотворений; упоминая позднее о них, он отмечал влияние брюсовской поэтики на свое творчество: «Я пишу несколько отрывков стихотворных, посвященных Брюсову, и с удивлением вижу по ним, что от ритмов «Золота и лазури» и следа не осталось; влияние поэзии Брюсова на себе я ощущаю болезненно; в этом влиянии точно сламывается во мне что-то; февраль могу назвать

перегоранием «*Золота в лазури*» в «*Пепел*» [34]. Все это ярко проявилось и в новом стихотворении «Маг», в котором Белый изображает Брюсова властелином, одиноко царящим над вселенной.

Упорный маг, постигший числа
И звезд магический узор,
Ты — вот: над взором тьма нависла...
Тяжелый, обожженный взор.
. . . . . .
Ты знаешь: мир, судеб развязка,
Теченье быстрое годин —
Лишь снов твоих пустая пляска;
Но в мире — ты, и ты — один... [35]

В этом стихотворении гордый повелитель мира — лишь одна из брюсовских личин, одновременно Брюсов предстает Белому как «черномаг и отдушник, из которого, как из печки, в дни ужасов кто-то выбрасывает столбы серных паров» [36]. О своих отношениях с Брюсовым в 1904 г. он вспоминал: «...весь стиль наших встреч — откровенное, исступленное нападение Брюсова на устои моего морального мира; и я отвечал не предвзято на это — перчаткою, брошенной Брюсову; между нами господствовал как бы вызов друг друга на умственную дуэль» [37].

В это время Брюсов уже был готов к реализации замысла «Огненного ангела», его позиция объяснялась в известной мере и писательской заданностью — воплотить возможно точнее и полнее задуманные психологические типы, проверить «жизнью» сюжетные ходы. Белому же мотивы поведения Брюсова были поначалу неведомы, и он мучился в поисках выхода из создавшегося положения. Если верить многочисленным свидетельствам Белого, Брюсов действительно стал сознательно выступать в роли «мага», демонического искусителя и служителя «тьмы». Такая установка, несомненно, была лишь умелым исполнением этой роли, но она имела под собой серьезное и глубокое внутреннее противостояние всей мировоззренческой системе Белого. Это противостояние осуществлялось и в поэтическом творчестве.

В том же 1904 г. Брюсов работал над стихотворением «Предание». Это был отклик на упомянутое выше стихотворение Белого под тем же названием [38]. Брюсов посвятил его Белому, но в трактовке темы он утверждает именно те ценности, отказ от которых воспел Белый. В стихотворении Белого воплощены мистические томления по «мистериальной» любви, Брюсов воспевает земную любовь. В описании заката на море и отплытия пророка вдаль Брюсов почти буквально повторяет Белого, но завершает картину противоположным образом. У Белого пророк перед отплытием надевает сибилле венок из ландышей:

Сибилла грустно замерла,
Откинув пепельный свой локон.
И ей надел поверх чела
Из бледных ландышей венок он.

В брюсовском же «Предании» после отплытия пророка перед сибиллой появляется верховный жрец и снимает надетый пророком венок:

И тень, приблизившись, легла,
Верховный жрец отвел ей локон,
И тихо снял с ее чела
Из белых ландышей венок он.

Далее Брюсов живописует тайную любовь жреца и сибиллы. Любовь «святую», воспетую Белым, он заменяет всепоглощающей эротикой; на сибилле вместо венка из белых ландышей — венок из роз. В стихотворении Белого сибилла остается ждать пророка, и на камне навеки остается надпись «Sanctus Amor». Стихотворение Брюсова заканчивается иной картиной: пророк возвращается к сибилле. Любовь небесная и

единение с вечностью снижены, и это позволяет Брюсову воспеть как несравненно большую ценность «хаотическое» земное, человеческое чувство. Все цитаты из Белого, тщательно воспроизводимые Брюсовым, действуют против первоисточника. Брюсов писал стихотворение в ноябре 1904 г., затем дорабатывал его, но так и не опубликовал.

В ноябре 1904 г. Белый воплотил ощущение своей роковой подвластности Брюсову в строках стихотворения «Отчаянье»: [39–40]

Двойник мой гонится за мной;
Он на заборе промелькает,
Скользнет вдоль хладной мостовой
И, удлинившись, вдруг истает.
Душа, остановись — замри!
Слепите, снеговые хлопья!
Вонзайте в небо, фонари,
Лучей наточенные копья!

«Брюсов становится для меня темным, безвестным другом-врагом, пронзающим *копьями* гипноза,— писал Белый в ноябре 1904 г.— То я начинаю осознавать, что все *«это»* есть наваждение <...> И когда я восклицаю — *«вонзайте в небо, фонари, лучей наточенные копья»*, то я как бы уступаю действию гипноза Брюсова» [41]. Трансформированный образ Брюсова возникает и в философско-поэтической прозе Белого («Химеры», «Сфинкс»). В первом из этих произведений описана борьба «юноши с солнечными волосами» с преследующими его «химерами», одна из которых — некий «профессор мрака», бросающийся на противника «жадно и мстительно», «слова его — море шипящих змей» [42]. В «Сфинксе» представления, внушенные восприятием Брюсова, воплощены в образе «мага, закрытого пледом»; решительно ниспровергается магия: «Не ремесло человеку магия. Ужас — она» [43].

Конфликт достиг высшего напряжения, когда Брюсов отправил Белому свое стихотворение «Бальдеру Локи» [44], свернув лист в виде стрелы.

Светлый Бальдер! Мне навстречу
Ты, как солнце, взносишь лик.
Чем лучам твоим отвечу?
Опаленный я поник.
Я взбегу к снегам на кручи:
Ты смеешься с высоты!
Я взнесусь багряной тучей:
Как звезда, сияешь ты!
Припаду на тайном ложе
К алой ласковости губ:
Ты метнешь стрелу,— и что же!
Я, дрожа, сжимаю труп.
Но мне явлен Нертой мудрой
Призрак будущих времен.
На тебя, о златокудрый,
Лук волшебный наведен.
. . . . . .

Угрозы «светлому богу» завершаются пророчеством о гибели «небесных сил» («Нет! не вечен в мире свет!») и воцарении «сумрака». Учитывая, как обостренно воспринимал Белый борьбу света с мраком, небесного с земным, можно представить, что послание Брюсова он мог воспринять (и воспринял) как нападение на всю свою жизненную позицию [45]. Борьба с брюсовским «искушением» стала в этот период главным стимулом его духовной жизни. 14 декабря 1904 г. Белый отправил Брюсову — в ответ на «Бальдеру Локи» — стихотворное послание «Старинному врагу», сопроводив его особым листом, на котором начертал крест и привел несколько цитат из Евангелия;

КАРИКАТУРА НА БРЮСОВА
Рисунок Андрея Белого
В подписи — строки из стихотворения Брюсова «Бальдеру Локи»: «Светлый Бальдер, ты, как солнце, мне навстречу взносишь лик»
Центральный архив литературы и искусства СССР, Москва

несомненно, он придавал этому определенный мистический смысл: отвержение крестным знамением «дьявольского» наваждения: «Пока писал — чувствовал: через меня пробегает нездешняя сила; и — знал: на клочке посылаю заслуженный неотвратимый удар (прямо в грудь), отучающий Брюсова от черной магии — раз навсегда, грохотала во мне сила света» [46].

Старинному врагу

в знак любви и уважения

Я был в ущелье. Демон горный
Взмахнул крылом — затмился свет.
Он мне грозил борьбой упорной.
Я знал: в борьбе пощады нет.

И длань воздел. И облак белый
В лазурь меня — в лазурь унес.
Опять в эфирах вольный, смелый,
Омытый ласковостью рос!

Ты несся ввысь со мною рядом,
Подобный дикому орлу.
Но опрокинут тяжким градом,
Ты пал, бессильный, на скалу.

Ты пылью встал, но пыль, но копоть
Спалит огонь, рассеет гром.
Нет, не взлетишь: бесцельно хлопать
Своим растрепанным крылом.

Моя броня горит пожаром.
Копье мне — молнья, Солнце — щит.
Не приближайся: в гневе яром
Тебя гроза испепелит.

1904 года, 9-го декабря [47].

Стихотворение «Старинному врагу» произвело сильнейшее впечатление на Брюсова, что стало известно Белому: «Получив это стихотворение, он видит во сне, что между нами дуэль на рапирах и что я проткнул его шпагой; просыпается — с болью в груди (это я узнал от Н. И. Петровской)» [48]. Белый воспринял реакцию Брюсова как победу своего образа мышления, как торжество «света» над «тьмою». Брюсов, действительно, почувствовал несостоятельность своей роли «демона-искусителя» перед выстраданными морально-религиозными устоями Белого. 1 января 1905 г. он написал стихотворение «Бальдеру. II», предпослав ему характерный эпиграф из З. Н. Гиппиус: «Тебя приветствую, мое поражение», которое завершило умственный поединок поэтов.

Кто победил из нас,— не знаю!
Должно быть, ты, сын света, ты!
И я, покорствуя, встречаю
Все безнадежные мечты.

Своим и я отметил знаком
Ту, за кого воздвигся бой,
Ей на душу упал я мраком
И в бездны ринул за собой.

Но в самом ужасе падений,
На дне отчаянья и тьмы,
Твой дальний луч рассеял тени,
И в небеса взглянули мы! [49]
. . . . . .

Впоследствии ощущение мистической подвластности Брюсову у Белого постепенно исчезало, но неприязненные отношения оставались, грозя привести к новым осложнениям. Именно такое столкновение и произошло в феврале 1905 г.; это был чисто «внешний» конфликт, не сопровождавшийся какими-либо психопатологическими переживаниями, но едва не приведший к дуэли. Брюсов, зайдя к Белому, завел разговор о Мережковском и оскорбительно отозвался о нем. После ухода Брюсова Белый написал ему письмо с осуждением его «злословия» (см. п. 44); на следующий же день (20 февраля) Брюсов отправил Белому ответное послание, фактически явившееся вызовом на дуэль (см. п. 45). Поступок Брюсова привел Белого в полное недоумение, так как он не видел для дуэли, и вообще для ссоры, никакого повода; вызов он воспринял как заранее организованное нападение. В ответном письме Белый отказался признать свои слова оскорбительными и еще раз, более сдержанно, разъяснил их смысл. Брюсов счел себя удовлетворенным объяснениями. Белый осмыслял вызов Брюсова в непосредственной связи со всем характером их предшествующих отношений: «...у меня с Брюсовым должна была быть *эмпирическая*, а не символическая дуэль, или, лучше сказать, тут символизм наших отношений хотел *«окончательно воплотиться»* (как черт в Ивана Карамазова)» [50].

Обостренное ощущение обоими писателями личных конфликтов в 1905 г. вытеснялось интересом к общественным проблемам, который всколыхнула первая русская революция. В 1905 г. Брюсов писал, что ему «по душе революционное действие» [51], а Белый признавался в начале 1906 г.: «О, как полюбил я красные стяги революции <...> Я вне партий, но если бы *необходимость* толкнула, конечно был бы с крайними. Я их так полюбил» [52]. Революционные события усилили гражданские мотивы в поэзии Брюсова, переосмысление собственного политического сознания. Белый упоенно воспринял революцию как первый катаклизм в ожидаемом катастрофическом потря-

сении основ мироздания. Оба писателя равно стремились преодолеть в общественном пафосе кризисность своего мироощущения.

Летом 1905 г. в отношениях Брюсова и Белого наметились новые стороны, прежде всего — попытка отрешиться от внутренней враждебности, оставшейся после напряженных психологических схваток. Постепенно между писателями установились спокойные дружеские отношения, которые, все более укрепляясь, приобрели оттенок своеобразной нежности и любви. Основой этого сближения было общее дело — издание «Весов». В конце 1906 г. вышел сборник рассказов Брюсова «Земная ось» с посвящением: «Андрею Белому память вражды и любви» — своего рода резюме личных отношений Брюсова и Белого 1903—1906 гг.

Когда Белый ознакомился с первыми главами «Огненного ангела», печатавшегося в «Весах», ему открылась заданность тех странностей, которыми его преследовал Брюсов: «...он, бросивши плащ на меня, заставлял непроизвольно меня в месяцах ему позировать, ставя вопросы из своего романа и заставляя на них отвечать; я же, не зная романа, не понимал, зачем он, за мною — точно гоняясь, высматривает мою подноготную и экзаменует вопросами: о суеверии, о магии, о гипнотизме, который-де он практикует; когда стали печататься главы романа «Огненный ангел», я понял «стилистику» его вопросов ко мне» (*Начало века*, стр. 284).

И действительно, отношения Белого, Петровской и Брюсова обнаруживают прямые параллели в сюжете «Огненного ангела». Андрей Белый — глава кружка «аргонавтов», чтимый в нем как «пророк»,— становится прототипом графа Генриха фон Оттергейма — члена некоего тайного мистического общества, поставившего задачей искание пути к «правде и свету». История отношений Белого и Петровской, послужившая одной из причин кризиса «аргонавтического» мироощущения Белого, аналогична коллизиям, запечатленным в романе: граф Генрих сближается с благоговеющей перед ним, как перед «ангелом», Ренатой, которая склоняет его и к «земной» любви, после этого он переживает крушение своих жизненных надежд; внезапное «бегство» графа Генриха от Ренаты соответствует стремлению Белого прервать связь, которая начала тяготить его. Постепенное сближение Петровской и Брюсова также находит отражение в истории приключений Рупрехта и Ренаты. Центральный эпизод романа — встреча и последовавшая дуэль Рупрехта и графа Генриха — совмещает две биографические предпосылки: «умственную дуэль» Брюсова и Белого, сопровождавшуюся «гипнотическими» опытами и стихотворными посланиями, и вызов на дуэль «эмпирическую». Поединок героев романа представляет собой символическое изображение личных и мировоззренческих столкновений писателей: «...я очень скоро убедился, что совершенно неосновательно судил о фехтовальном искусстве своего соперника, ибо под своим клинком обрел я шпагу твердую, быструю и ловкую (...) И вот уже стало казаться мне, что глаза Генриха сияют где-то в высоте надо мною, что наш бой идет в свободных надземных пространствах, что это не я отбиваю нападения врага, но что темного духа Люцифера теснит с надзвездной высоты светлый архистратиг Михаил и гонит его во мрак преисподней...» [53]. Рупрехт при этом терпит поражение подобно Брюсову на дуэли «умственной». В романе преломляются и последующие дружеские отношения Брюсова и Белого: после смерти Ренаты Рупрехт встречается с графом Генрихом и мирится с ним. В одном из черновых вариантов этой сцены Рупрехт дарит графу молитвенник Ренаты с надписью «Память вражды и любви» [54], дословно совпадающей с посвящением Белому сборника «Земная ось». Самый облик графа Генриха, тщательно воссозданный Брюсовым, можно рассматривать как исходящий от внешности Белого; все особенности характера и поведения этого героя романа также восходят к его прототипу.

3

Мучительная личная борьба с Брюсовым не могла не активизировать у Белого тенденций противостояния «декадентству», представление о котором у него, естественно, связывалось с именем Брюсова. Например, 21 декабря 1904 г. (неделю спустя после отсылки стихотворения «Старинному врагу») он написал письмо Полякову, в котором

объявил о своем решении порвать всякие отношения с Брюсовым: «Я совершенно разуверился в убежденности большинства так называемых декадентов, т. е. я уверен в их полной беспринципности <...> Валерия Брюсова я ненавижу и презираю теперь, когда открылись для меня его карты» [55]. Но вслед за этим письмом последовало другое, рисующее душевное состояние Белого: «Все, что я писал вам,— неправда, неправда, неправда. Я исступленный, нервный, измученный человек, мне самому больно, и я другим делаю больно. За что, за что я так отнесся к Бальмонту и Брюсову? Ведь я их люблю <...> Мне бы хотелось и писать в «Весах» и не разрывать связей с людьми, которые мне дороги» [56]. Вместе с тем неудовлетворенность «декадентством» вылилась у Белого в цельную систему взглядов, которую он изложил в большом письме, адресованном Брюсову, но по существу направленном ко всему брюсовскому литературному окружению (см. п. 52).

К концу 1905 г. в мировоззрении Белого происходит постепенное смещение в сторону большей трезвости и реальной обусловленности. «Аргонавтический символизм» сменяется «теоретико-познавательным символизмом»; Белый начинает черпать вдохновение уже не столько в Соловьеве и Ницше, сколько в «чистой логике» неокантианства. В последнем номере «Весов» за 1905 г. он объявил о новых стимулах духовных исканий, отличных от заповеданных «учителями»: «Мы преклонились пред будущим. Но теперь, когда будущее запоздало, мы требуем гарантий, во имя чего мир прекрасных форм, мыслей и знаний должны мы предавать исступленному безумию <...> Не отказываясь от религии, мы призываем с пути безумий к холодной ясности искусства, к гистологии науки, к серьезной, как музыка Баха, строгости теории познания» [57]. Это повлекло за собой постепенно и изменение отношения Белого к ниспровергаемому «декадентству»: если не время говорить о «грядущем», то закономерной «ближней» задачей оказывается утверждение символизма как художественно-эстетического течения. Белый лапидарно охарактеризовал эту «перемену декораций»: «вместо «*аргонавтизма*» — журналистика от «*символической*, *московской*» школы <...> до «*1905*» года не «Весы» *par excellence*; с 906 *до 908* и *909* — «Весы» par excellence» [58]. С этого времени деятельность Белого осуществляется уже не просто на страницах «Весов», как ранее, но все более во славу «Весов», что сближало его с Брюсовым в тактических, а отчасти и в эстетических позициях вплоть до 1909 г. Уже в 1905 г., когда Брюсов сузил рамки своей непосредственной работы в «Весах», Белый отчасти компенсировал это расширением своего участия: в 1905 г. в «Весах» появилось вдвое больше статей и рецензий Белого, чем в 1904 г.

В 1906 г. писатели заняли единую позицию по отношению к новым тенденциям в литературе, отстаивая символизм «Весов» в широко развернувшейся полемике по поводу попытки Г. И. Чулкова и Вяч. Иванова создать новую философско-эстетическую теорию — мистический анархизм. Около двух лет продолжалась ожесточенная литературная борьба, расколовшая лагерь символистов и объединившая Брюсова и Белого, а также некоторых других писателей, прежде всего Эллиса и З. Н. Гиппиус, в группу самых последовательных и непримиримых ниспровергателей мистического анархизма, равно как и других попыток обновления символизма.

В рецензии на книгу Чулкова «О мистическом анархизме» (1906) Белый выдвинул в тезисной форме основные упреки: «случайность и неотчетливость определений», смешение и недостаточная дифференциация понятий анархизма и индивидуализма, поверхностная связь с общественностью, невнятность политических аллюзий [59]. Столь же критичной явилась статья Брюсова о книге. Брюсов адресует мистическим анархистам упрек в создании лишь новых терминов («ярлычков» и «кличек»), а не оригинальной теории, в эклектическом объединении положений из различных философских и социальных учений для изготовления «слабого раствора позаимствованного мистицизма» [60]. Своей рецензией, наиболее категоричной по тону среди других откликов на книгу Чулкова, Брюсов предварил последующий натиск «Весов», и в первую очередь Белого, на мистический анархизм.

Сплочению Брюсова и Белого в полемике с мистическим анархизмом сопутствовали их почти панегирические отзывы о творчестве друг друга: над былым идейным противостоянием к этому времени возобладало стремление к взаимопониманию и

творческому взаимообогащению. В частности, в рецензии на «третью симфонию» «Возврат» Брюсов назвал Белого провозвестником и первооткрывателем новых миров, пронизывающим действительность «светом иного бытия». Охарактеризовав «пророческие» основы таланта Белого, Брюсов высоко оценивает собственно эстетические достоинства его «симфонийного» творчества: «Возврат» должен быть признан лучшей, наиболее совершенной из трех симфоний А. Белого <...> Как все истинно значительные произведения искусства, симфонии А. Белого создают свою собственную форму, не существовавшую до них» [61]. В рецензии на литературно-философский сборник «Свободная совесть» (кн. 1) Брюсов называет в целом его мистическую проблематику «грудой мертвых костей» и, напротив, вдохновенно пишет о Белом [62]. Брюсов стремился упрочить авторитет Белого и за пределами России. «Тронула меня ваша похвала Андрею Белому, которого я лично чту очень высоко,— писал он шведскому писателю Альфреду Йенсену.— У него есть страстные поклонники, но до сих пор он не занял в нашей литературе подобающего ему положения» [63].

В свою очередь Белый опубликовал в 1906 г. статью «Венец лавровый» — о поэзии Брюсова. Вероятно, это вообще самая высокая оценка его творчества, когда-либо высказывавшаяся. Белый утверждает, что имя Брюсова должно стоять в одном ряду с именами величайших русских поэтов; единственно равновеликой Брюсову фигурой во всей русской поэзии Белый считает Пушкина: «То, что укрыл Пушкин, выдал Брюсов <...> И если в Брюсове мы подчас угадываем Пушкина, то в Пушкине с равным правом мы начинаем видеть ряд новых брюсовских черт». Брюсов в концепции Белого характеризуется и тем, что он, «достигнув художественной цельности <...> стоит между творчеством и жизнью, очищенной творчеством» [64].

Совместная работа укрепляла сближение поэтов. Если Брюсов был «инспиратор и вождь самой активной, сплоченной и ортодоксальной группы символистов» [65], то Белый стал наиболее непримиримым и темпераментным полемистом среди возглавляемых Брюсовым «весовцев». В 1907 г. Белый обрушился на завоевавшее популярность «чулковство» со всей силой своего критического таланта. Одна за другой появлялись статьи Белого, большей частью в «Весах», в которых он обличал мистический анархизм и вызванное им брожение в среде петербургских литераторов («Штемпелеванная калоша», «Иван Александрович Хлестаков», «Люди с «левым устремлением», «Вольноотпущенники» и др.). В своих филиппиках Белый уже не ограничивался приемами привычной литературной критики, но придавал мистическому анархизму значение некоего мирового глумления и опошления духовных ценностей. Резкость и ожесточенность Белого оказались созвучными установкам Брюсова на неприятие мистико-анархического обновленчества и определили тон литературной полемики в «Весах».

Существенную роль в обострении литературной борьбы сыграл конфликт Белого и Брюсова с журналом «Золотое руно», с которым писатели, в силу ряда внешних и внутренних причин, разошлись еще в первой половине 1907 г.; в разгар полемики состоялся окончательный разрыв. Поводом к инциденту послужила статья Белого «Против музыки» и возражение на нее его ближайшего друга Э. К. Метнера «Борис Бугаев против музыки», помещенное в «Золотом руне» [66]. Белый написал ответное «письмо в редакцию» «Золотого руна», в котором полемизировал с Метнером по существу проблемы, однако владелец журнала Н. П. Рябушинский наотрез отказался его печатать [67]. Отказ был чисто формальным, ибо Рябушинский сразу же дал согласие на публикацию при условии возвращения Белого в состав сотрудников «Золотого руна», что было расценено писателем как наглое оскорбление. Возмущенный Белый опубликовал протест в газете «Столичное утро» (5 августа 1907 г.). Через три дня в той же газете появился ответ Рябушинского, который Брюсов расценил как попытку «оклеветать Белого, говоря неправду, заведомую и непростительную» [68]. В тяготах газетной распри Белый пользовался полной поддержкой Брюсова. Опытный литературный дипломат и писатель, обладавший большим авторитетом у символистов, он склонил на сторону Белого многих писателей, числившихся сотрудниками «Золотого руна». 21 и 22 августа в газетах появились два коллективных письма с отказом от сотрудничества в журнале Рябушинского [69].

Помимо защищаемых теоретических положений, «весовцы» опирались на творчество Брюсова, которое мыслилось ими как эталон художественных ценностей; имя Брюсова было знаменем, а поэтические достоинства его творчества — каноническими и неоспоримыми. И С. Соловьев, и Эллис, и другие «весовцы» опубликовали немало панегирических строк — и в стихах и в прозе,— посвященных Брюсову; пальма первенства в этом, безусловно, принадлежала Белому. «Огненный ангел» глубоко импонировал Белому и Эллису своей классической строгостью, ясностью и тонким чувством стиля. Белый в своей статье о романе противопоставлял его модной современной литературе: «Нет здесь кричащих перьев модернистского демимонда; нет косметики выкриков и страшных псевдосимволистских зубовных скрежетов; нет здесь шелестящих шелков импрессионизма, ни брызжущих в нас дешевых духов современных словечек, то есть всего того, чем жив модернизм; несовременен, в высшей степени несовременен Валерий Брюсов в своем романе. Но за это и оценят его подлинные любители изящной словесности» [70].

Одна за другой появляются статьи Белого, анализирующие творчество и писательский облик Брюсова [71]; все они продолжают линию его апологетической статьи «Венец лавровый». Особенную известность приобрела статья «Поэт мрамора и бронзы», оказавшая большое влияние на читательское восприятие поэзии зрелого Брюсова. Белый создал литературный портрет Брюсова, сопоставимый с известным портретом поэта работы Врубеля: «Когда я вспоминаю образ В. Брюсова, этот образ неизменно предстает мне со сложенными руками. Застывший, серьезный, строгий, стоит одиноко Валерий Брюсов среди современной пляски декаданса». В поэтическом мастерстве Брюсова Белый неустанно подчеркивает его классическую завершенность и стройность. «Творческий материал» Брюсова — «всегда мрамор», стихи его отчетливо изваяны, «как мраморные статуи», изощренны, «как мраморное кружево», их созидает он «рыцарским мечом». «Вчитайтесь теперь в эти стихи и вы получите большее, чем могут вас одарить почти все современные русские поэты» [72].

Существовала, однако, и оборотная сторона монолитного единства Брюсова и Белого, все явственнее и настойчивее обнаруживались противоречия, связанные с проведением литературной тактики, с новой силой сказывалось различное отношение к символизму самих лидеров «Весов». Хотя Белый и Эллис и встали на защиту брюсовской школы от модного эклектического сочетания символизма с натуралистическими тенденциями, не менее рьяно они выступали против эстетизма, свойственного и брюсовской ветви в символизме. Белый и Эллис отстаивали в «Весах» строгое, чисто духовное, «рыцарское» искусство, образцом которого служило им творчество Брюсова, а сам Брюсов зачастую предоставлял те же страницы произведениям подчеркнуто эстетским, с примесью изощренного эротизма. Недовольство положением дел в журнале было вызвано у Белого и тем, что он не мог в полной мере развернуть теоретико-философскую деятельность по обновлению «системы символизма»; этот аспект, глубоко занимавший Белого, не был интересен большинству его соратников, и в первую очередь Брюсову. Белый писал о своей «весовской» работе: «Мои 65 статей напоминают мне тугие колбасы, набитые двумя начинками: начинкою *«темы дня»* с подложенными в тему кусочками мыслей о символизме; эти последние всегда — *«контрабанда»* ‹...› в «тылу», в «штабе», где заседал Брюсов, нами провозглашенный вождь, с удовольствием относились к обкладыванию петербуржцев и с сонным зевком к заданиям и теориям *«символистской школы»*: Брюсов, Ликиардопуло, Борис Садовской; и еще сколькие!» [73]. Наконец, положение в «Весах» обостряла фактическая диктатура Брюсова. Белый сам способствовал ее утверждению своими восхвалениями и даже был заинтересован в ее существовании с целью укрепления платформы «Весов». Однако единовластие Брюсова не могло не повлечь за собой новых конфликтов; неизбежно обнаруживалась разнонаправленность теоретических и художественных установок создателей «ортодоксального» символизма, давали о себе знать и личные разногласия. К началу 1908 г. относится пространное письмо Белого к Эллису, свидетельствующее об обострении отношений между ведущими сотрудниками журнала. Белый адресует Брюсову упреки в «варварском» подходе к нему, в превышении своих «председательских» прав, во всевозможных бестактностях и т. д. [74]

В 1908 г. журнал Брюсова и Белого перешел в новую, последнюю фазу своего существования. Белый утрачивал интерес к «Весам», вплотную работая в 1909 г. над организацией издательства «Мусагет», ставившего своей задачей утверждение религиозно-философского символизма; Брюсов также находился в поисках нового литературного пристанища, пока не стал (с сентября 1910 г.) заведующим литературно-критическим отделом журнала «Русская мысль».

Годы издания «Весов» были временем наибольшего общения Брюсова и Белого, которое оказывалось настолько тесным, что позволяло порой объединять их далеко не совпадавшие литературные позиции. Как бы итогом шестилетнего взаимодействия писателей явилась книга стихов Белого «Урна», посвященная Брюсову. Во вступительном цикле к ней Белый объединил стихи, в которых запечатлел образ Брюсова — «поэта», «мага», «созидателя»; этим стихам суждено было стать едва ли не самым известным литературным портретом Брюсова.

Грустен взор. Сюртук застегнут.
Сух, серьезен, строен, прям —

Ты над грудой книг изогнут,
Труд несешь грядущим дням.

Вот бежишь: легка походка;
Вертишь трость — готов напасть.

Пляшет черная бородка,
В острых взорах власть и страсть [75].
. . . . . .

Поэтическую характеристику своих отношений с Белым дал и Брюсов в стихотворении «Андрею Белому», написанном в начале 1909 г. В нескольких строфах Брюсов вновь, вслед за «Огненным ангелом», воссоздал эту многолетнюю тесную, противоречивую связь — изначальное несходство «двух путей», вражду, вдохновленную «палящей страстью», которая сменилась «путем единым»:

И,— помню,— кроя в сердце муку,
Как смертный, впившийся кинжал,
Братоубийственную руку
Я на поэта подымал...

И что ж! На пламени сомненья,
Что злобно зыблила вражда,
Сковались тайной цепи звенья,
Нас съединившей навсегда.

Я, в миги страшные, измерил
Твоих безумий правоту,
И ты, восторженный, поверил
В мою спокойную мечту [76].

В ответном стихотворении Белого «Встреча», обращенном к Брюсову — «поэту и брату», также изображено в символической форме былое противоборство («И острое вонзилось жало // В мою взволнованную грудь») и единение писателей («Братоубийственную руку // Я радостно к груди прижал...»):

Нам с высей не идти назад:
Мы смотрим на одни вершины,
Мы смотрим на один закат... [77]

Брюсов откликнулся на «Урну» рецензией, определив книгу как «чисто лирическую», как «исповедь» поэта, в отличие от сборника «Пепел», в котором Белый «объективирует свои чувства, ищет для выражения своего *я* приемов эпоса». Большое значение стихов Белого, воплотившего в них «трагедию своего «самосожжения», несомненно для Брюсова, и своей задачей он ставит характеристику поэтики сборника: «В «Урне» А. Белый выступает как новатор стиха и поэтического стиля и вводит в русскую поэзию метод письма, которым до него еще никто не пользовался. Стихи «Урны» гипнотизируют читателя, заставляют его, против воли, войти в настроение поэта. То впечатление, какое они производят, ближе напоминает впечатление от музыки, чем от поэтического произведения» [78]. Подчеркивая достоинства стиха Белого, разработку его звуковой стороны, Брюсов указывает и на определенные недочеты — недостаточную заботу о шлифовке языка, неловкость и натянутость иных выражений и пр.

Высокая оценка Брюсовым художественного творчества Белого всегда шла вразрез с его отношением к теоретическому осмыслению символизма Белым, причем расхождение это после прекращения «Весов» опять выдвинулось на первый план и было декларировано со всей определенностью. В новом журнале «Аполлон» разгорелась полемика о символизме, во многом напоминавшая старый спор по поводу «Апокалипсиса в русской поэзии» [79]. Брюсов, которому неизменно было «до тошноты отвратительно всасывание художественным творчеством мистического духа» [80], вновь выступил со страстной защитой «автономности» искусства; Белый написал ответную статью «Венок или венец», где обвинил Брюсова в измене идеалам символизма [81].

Взаимоотношения писателей в 1910—1911 гг. носили уже, в сравнении с предшествующими годами, в основном внешний, эпизодический характер, а в январе 1912 г. между ними произошла решительная размолвка, способствовавшая их разъединению в течение ряда лет,— инцидент с романом Белого «Петербург». В 1911 г. Белый договорился с Брюсовым о публикации в «Русской мысли» своего еще не написанного романа. За октябрь — декабрь 1911 г. Белый с огромным напряжением сил написал половину романа и передал Брюсову рукопись, но редактор «Русской мысли» П. Б. Струве решительно воспротивился публикации романа в журнале. Струве объявлял роман «небрежным», «незрелым» и «уродливым», но Белый имел основания утверждать, что для редактора «Русской мысли» была скорее неприемлема в его произведении резкая критика правительственно-бюрократических кругов. Брюсову пришлось выступать в роли посредника между Струве и Белым. «Брюсов вертелся-таки, как пойманный с поличным,— вспоминал Белый;— разрываясь между мной и Струве, то принимался он похваливать «Петербург» <...> то он менял позицию и начинал доказывать, что роман недоработан и нуждается в правке» [82]. Брюсов, действительно, находил «Петербург» (вернее, раннюю редакцию романа, так и не увидевшую света) произведением неровным, но целесообразность его опубликования в журнале считал неоспоримой и пытался склонить Струве к такой же точке зрения. «Достоинства у романа есть бесспорные,— писал он Струве.— Все же *новый роман Белого* есть некоторое событие в литературе, интересное само по себе, даже независимо от его абсолютных достоинств. Отдельные сцены нарисованы очень хорошо, и некоторые выведенные типы очень интересны. Наконец, самая оригинальная манера письма, конечно, возбудит любопытство, наряду с хулителями найдет и страстных защитников и вызовет подражания» [83]. Струве не изменил своего категорического решения, а раздраженный Белый возложил равную вину за отклонение романа и на Брюсова: «Брюсов очень уж мне перегрыз горло, так что я совсем пал духом как писатель» [84]. «Считаю: роль Брюсова в этом деле отнюдь красотою не блещет,— писал он в 1923 г.— С этого времени к Брюсову у меня водворилось одно отношение: шапочного знакомства» [85]. Смертельная обида повлекла за собой литературное размежевание писателей, а отъезд Белого за границу в марте 1912 г. сделал невозможными даже случайные встречи.

Только в конце августа 1916 г. Белый возвратился в Москву. Вскоре после этого со стороны Брюсова была сделана попытка восстановить отношения с Белым. 20 октября с письмом к нему обратилась И. М. Брюсова; очевидно с ведома и одобрения Брюсова она писала: «Глубокоуважаемый Борис Николаевич, вы в Москве и до сих

ТИПЫ ГЕРМАНИИ XVI ВЕКА

Перерисовки Брюсова из книги: Fr. H o s s e n r o t h. Deutsche Volkstrachten. Frankfurt, 1900, т. I

Материалы к роману «Огненный ангел»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

пор не захотели нас с Валерием Яковлевичем повидать. Это грустно. А мы жаждем посмотреть, услышать вас, поговорить с вами» (ГБЛ, ф. 25.10.8). Но примирение между писателями тогда не состоялось.

Вновь судьбы Брюсова и Белого перекрестились после Октябрьской революции, когда писатели оказались по одну сторону баррикад. Оба они, хотя и каждый по-своему, приняли революцию, оба, хотя и в разной мере, участвовали в строительстве новой культуры. Миросозерцание их, однако, оставалось по-прежнему сугубо различным. Белый, солидаризировавшийся в эти дни с Блоком и развивавший «скифскую» идеологию, переживал революцию под углом своих философско-поэтических воззрений, отмеченных влиянием антропософского учения Р. Штейнера. Брюсов более последовательно распрощался с былыми идеалами, изменив, в частности, позицию по отношению к символизму; направление, лидером которого он был долгие годы, Брюсов оценивал теперь только как историческое прошлое русской литературы. Убеждение в отсутствии поступательного движения в символизме сказывалось и на оценке Брюсовым новых книг Белого. Упоминая о сборнике «Королевна и рыцари» и поэме «Первое свидание», Брюсов отмечает: «...решительно ниже себя во всех своих новых стихах был и Андрей Белый» [86]. Рецензируя «поэму о звуке» Белого «Глоссолалия», в которой изложены субъективнейшие построения о природе звуков человеческой речи, Брюсов заключает, что она содержит только «пустые гадания» и «произвольнейшие параллели между творчеством языковым и всем мирозданием»: «Это все столь же убедительно, как и то, что для Андрея Белого звук А — белый, для Артюра Рембо — черный, для К. Бальмонта — опаловый» [87].

В первые пореволюционные годы писателям приходилось встречаться, но лишь случайно, мельком, при неизбежном перекрещении литературных и организационных дел. Возобновлению личных отношений препятствовала память о конфликте 1912 г. Примирение произошло лишь в августе 1924 г. в Коктебеле, в доме Волошина, куда приехал отдохнуть Брюсов и где жил тогда Белый. «Я очень благодарен Коктебелю хотя бы за то,— писал Белый после кончины Брюсова,— что перед смертью Валерия Яковлевича с ним встретился и мирно прожил, можно сказать, под одним кровом 3 недели: мы примирились — без объяснений; и как бы простилися (даже дурачились вместе); он был очень хил: ходил, опираясь на палку, и кашлял; но был примиренный и тихий, какой-то грустящий; точно он примирялся, прощаясь,— с миром, с писателями» [88].

А несколько месяцев спустя Белый провожал гроб с телом Брюсова по улицам Москвы: «...я не участвовал в процессии,— лишь «от себя самого» проводил на тротуаре Брюсова вдоль Пречистенки...» [89]. На кончину Брюсова Белый откликнулся мемуарным очерком, полным глубокого и благодарного осознания величия Брюсова и значения его литературной деятельности для русского искусства и для писательского пути самого Белого [90]. Впрочем, позднейшая оценка Белым личности, творчества и литературной позиции Брюсова составляет тему, заслуживающую специального освещения.

Переписка Брюсова и Белого сохранилась неполностью. Всего до нас дошло 140 писем (67 — Брюсова, 73 — Белого). Из них публикуется 97. Остальные письма представляют собой краткие записки, написанные, как правило, по случайным и малозначащим поводам.

Основная часть писем Брюсова хранится в ГБЛ, в фонде Андрея Белого (ф. 25. 10. 9а); там же, в фонде Брюсова,— большинство писем Белого (ф. 386. 79. 1—3). Местонахождение писем из других архивохранилищ указано в примечаниях.

Письма Белого к Брюсову ранее не публиковались. Из писем Брюсова к Белому ранее были опубликованы (с неточностями) А. Островским письма 19, 23, 31 и 40 («Литературный критик», 1939, № 10-11, стр. 236—241).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Андрей Белый. Материал к биографии (интимный), предназначенный для изучения только после смерти автора (1923).— ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 2, ед. хр. 3, л. 11 об.— 12. О Соловьевых см. п. 1, примеч. 2. О Шестеркиных см. наст. том, стр. 622—623.

[2] Там же, л. 26 об. Запись относится к декабрю 1901 г.

[3] См.: Андрей Белый. Валерий Брюсов.— «Россия», 1925, № 4 (13), стр. 265; *Начало века*, стр. 151—152.

[4] «Материал к биографии...», л. 25 об. Первая книга Белого — «Симфония (2-я, драматическая)». М., «Скорпион», <1902>. Белый передает здесь первое впечатление Брюсова о «Симфонии». Позднее оно несколько осложнилось. В библиотеке Брюсова сохранился экземпляр этой книги с многочисленными пометами: одни отрывки перечеркнуты, другие выделены на полях; на первом листе Брюсов написал: «Пустота и искренность смешаны тут везде...» (ср.: К. Пуришева. Библиотека Валерия Брюсова.— *ЛН*, т. 27-28, стр. 670).

[5] *Дневники*, стр. 110. Об А. С. Петровском см. п. 13, примеч. 5.

[6] Там же, стр. 121.— Об Иване Коневском см. наст. том, стр. 208.

[7] Письмо от 19 октября 1902 г.— ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 21. В ответном письме от 20 октября 1902 г. Перцов предостерегал: «Вы переоцениваете восходящего Бугаева» (ГБЛ, ф. 386.98.9).

[8] Письмо к Перцову от 24 сентября 1905 г.— «Печать и революция», 1926, № 7, стр. 43.

[9] «Россия», 1925, № 4, стр. 272; *Начало века*, стр. 164.

[10] «Весы», 1904, № 4, стр. 60—62.

[11] ГБЛ, ф. 167. 1.27. Столь же восторженная оценка книги Брюсова дана Белым в письме к Блоку (*Переписка*, стр. 58).

[12] ГБЛ, ф. 167.1.37.

[13] «Весы», 1904, № 1, стр. 19. Ср. суждение Брюсова о «Ключах тайн» в письме к С. А. Венгерову от 16 декабря 1905 г.: «Много там вздору, и давно я с этой статьей не согласен» (цит. в кн.: К. Д. Муратова. Возникновение социалистического реализма в русской литературе. М.— Л., 1966, стр. 171).

[14] «Весы», 1905, № 1, стр. 29.
[15] См. статьи Белого «Обломки миров» («Весы», 1908, № 5) и «Венок или венец» («Аполлон», 1910, № 11).
[16] Письмо к Перцову от 19 марта/1 апреля 1904 г.— «Печать и революция», 1926, № 7, стр. 42.
[17] «Весы», 1905, № 3, стр. 60.
[18] «Новый путь», 1904, № 7, стр. 135.
[19] См. об этом также: В. Ф. А с м у с. Эстетика русского символизма.— В его кн.: «Вопросы теории и истории эстетики». М., 1968, стр. 548.
[20] «Весы», 1905, № 4, стр. 17.
[21] Там же, стр. 20.
[22] Там же, стр. 26.
[23] «Весы», 1905, № 5, стр. 37—38.
[24] ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 32. «Вопросы жизни» — журнал, издававшийся в 1905 г. Д. В. Философовым, Д. Е. Жуковским и Г. И. Чулковым после прекращения «Нового пути».
[25] «Весы», 1905, № 6, стр. 40. Судя по письмам Б. М. Рунт к Брюсову (июнь 1905 г.), опубликованный вариант ответа Белого был значительно сокращен редакцией по сравнению с рукописью (ГБЛ, ф. 386.101.9а).
[26] Выражение Вяч. Иванова в письме к Брюсову от 20 сентября 1905 г.— См. наст. том, стр. 486.
[27] См.: С. С. Г р е ч и ш к и н, А. В. Л а в р о в. О работе Брюсова над романом «Огненный ангел».— *Чтения 1971*, стр. 134; ср. стр. 123—124.
[28] Андрей Б е л ы й. Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития (1928).— ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 74, л. 9.
[29] ГБЛ, ф. 167.1.19.
[30] О Н. И. Петровской см. наст. том, стр. 773—774.
[31] «Материал к биографии...», л. 42 об.— 43.
[32] «Грифихой» Брюсов назвал Петровскую в письме к Перцову от 5 ноября 1903 г. (ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 23); «ангелоподобный Андрей» — из письма Брюсова к З. Н. Гиппиус, лето 1903 г. (ГБЛ, ф. 386.70.37, л. 43).
[33] «Материал к биографии...», л. 43 об.
[34] Там же.
[35] Андрей Б е л ы й. Урна. Стихотворения. М., «Гриф», 1909, стр. 18—19. Стихотворение датировано здесь: «1904, 1908»; в изд. 1923 г.: «1904. Март».
[36] Письмо к Э. К. Метнеру ‹1904, вторая половина мая›.— ГБЛ, ф. 167. 1.35.
[37] Андрей Б е л ы й. Начало века. Берлинская редакция (1921—1922).— ГПБ, ф. 60, ед. хр. 11, л. 69.
[38] *Неизд. стих. 1935*, стр. 116—119. Авторская датировка стихотворения: «1904 — ноябрь, 1905 — март, 1906 — март». «Преданье» Белого вошло в кн. «Золото в лазури».
[39—40] Альманах «Гриф». М., 1905, стр. 9.
[41] «Материал к биографии...», л. 50 об.
[42] «Весы», 1905, № 6, стр. 4—5.
[43] «Весы», 1905, № 9-10, стр. 40, 41.
[44] Бальдр и Локи — герои скандинавских мифов. Бальдр — юный светлый бог, сын Одина; характерна его роль пассивной жертвы. Локи — стихийный, «демонический» многоликий герой, сеющий распри между богами (см.: «Младшая Эдда», Л., 1970, стр. 81—82). Ср. комментарий Брюсова к этому стихотворению (*St*, стр. 172). Опубликовано впервые стихотворение было с подзаголовком «Андрею Белому» (*СЦ—1905*, стр. 35—36).
[45] Сохранилось несколько рисунков Белого, созданных под впечатлением от этого послания. Опубликованы В. Н. Орловым в кн.: «*Переписка*»; см. также наст. том, стр. 337 и 383.
[46] «Начало века». Берлинская редакция, л. 74.
[47] Стихотворение опубликовано в журнале «Вопросы жизни» (1905, № 3), с посвящением «В. Б.»; в прижизненные сборники не включалось; перепечатано в кн.: Андрей Б е л ы й. Стихотворения и поэмы. М.— Л., 1966, стр. 465. Первая строфа здесь существенно отличается от публикуемой нами по рукописи (ГБЛ, ф. 386.79.1, л. 47—47 об.).
[48] «Материал к биографии...», л. 51.
[49] *Стихотворения и поэмы*, стр. 502—503. Брюсов первоначально предполагал включить «Бальдеру. II» в *St*.
[50] Письмо к Э. К. Метнеру от 1 апреля 1905 г.— ГБЛ, ф. 167.1.44.
[51] Письмо к Г. И. Чулкову (октябрь 1905 г.).— В кн.: *Чулков*, стр. 336.
[52] Письмо к А. М. Ремизову.— ГПБ, ф. 634, ед. хр. 38.
[53] *Собр. соч.*, т. 4, стр. 161.
[54] ГБЛ, ф. 386.32.5, л. 16.
[55] ИМЛИ, ф. 11, оп. 2, ед. хр. 21.
[56] Там же.

[57] Борис Бугаев. На перевале.— «Весы», 1905, № 12, стр. 70—71.
[58] Письмо к Р. В. Иванову-Разумнику от 1—3 марта 1927 г.— ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 18.
[59] «Золотое руно», 1906, № 7-8-9, стр. 174—175.
[60] Аврелий. Вехи. V. Мистические анархисты.— «Весы», 1906, № 8, стр. 47.
[61] «Весы», 1905, № 12, стр. 59—60.
[62] Валерий Брюсов. Звенья. 1. Сборник «Свободная совесть».— Литературное приложение № 3 к газете «Слово», № 389, 1906, 20 февраля.
[63] Письмо от 8/21 декабря 1906 г. (Nils Åke Nilsson. Eight Letters from Valerij Brjusov to Alfred Jensen.— «Studia slavica Gunnaro Gunnarsson sexagenario dedicata». Göteborg — Stockholm — Uppsala, 1960, p. 79—80).
[64] «Золотое руно», 1906, № 5, стр. 44, 50.
[65] *Максимов, 1940*, стр. 204.
[66] Борис Бугаев. На перевале. VI. Против музыки.— «Весы», 1907, № 3; Вольфинг ⟨Э. К. Метнер⟩. Борис Бугаев против музыки.— «Золотое руно», 1907, № 5.
[67] «Письмо в редакцию» Белого появилось в журнале «Перевал» (1907, № 10).
[68] Письмо к Ф. Сологубу от 31 августа 1907 г.— «Литературный Ленинград», 1934, № 51 (73), 8 октября.
[69] См. наст. том, стр. 698.
[70] «Весы», 1909, № 9, стр. 91.
[71] «Валерий Брюсов. Пути и перепутья».— «Критическое обозрение», 1907, вып. 5, стр. 32—35; «Поэт мрамора и бронзы».— «Раннее утро», 1907, № 27, 19 декабря; перепеч. в кн. Белого «Арабески» (М., «Мусагет», 1911); «Валерий Брюсов. Силуэт».— «Свободная молва», 1908, № 1, 21 января; перепеч. в кн. Белого «Луг зеленый» (М., «Альциона», 1910).
[72] «Арабески», стр. 451, 453.
[73] «Почему я стал символистом...», л. 28.
[74] ГБЛ, ф. 25.30.6.
[75] «Урна», стр. 16.
[76] *Пути и перепутья*, том III, стр. 139—141. Набросок другой редакции этого стихотворения приведен в примечаниях в *Собр. соч.*, т. 1, стр. 652.
[77] «Урна», стр. 21.
[78] *РМ*, 1909, № 6, библиографический отдел, стр. 135, 136.
[79] См. об этом предисловие к переписке Брюсова и Вяч. Иванова (наст. том, стр. 431).
[80] Эти слова Белого «со стенографической точностью» воспроизводит Н. Валентинов в мемуарах «Два года с символистами» (Stanford, California, 1969, s. 145).
[81] См.: Валерий Брюсов. О «речи рабской» в защиту поэзии.— «Аполлон», 1910, № 9 ⟨отд. 1⟩, стр. 31—34; Андрей Белый. Венок или венец.— «Аполлон», 1910, № 11 ⟨отд. II⟩, стр. 1—4. К этому времени относится и имеющая специальный характер полемика между Брюсовым и Белым по стиховедческим проблемам: Брюсов откликнулся на стиховедческие работы Белого, помещенные в его кн. «Символизм» (М., «Мусагет», 1910), статьей «Об одном вопросе ритма» («Аполлон», 1910, № 11, ⟨отд. I⟩, стр. 52—60), на которую возразил Белый (статья «К вопросу о ритме».— ГБЛ, ф. 190.55.19). См. об этом нашу заметку «О стиховедческом наследии Андрея Белого» («Материалы XXVI научной студенческой конференции. Литературоведение. Лингвистика». Тарту, 1971, стр. 67—68).
[82] Андрей Белый. Воспоминания, т. III, ч. II.— *ЛН*, т. 27-28, стр. 455. Подробнее инцидент с «Петербургом» рассмотрен в статье: Л. К. Долгополов. Андрей Белый в работе над «Петербургом» (Эпизод из истории создания романа).— «Русская литература», 1972, № 1, стр. 157—167.
[83] И. Ямпольский. Валерий Брюсов о «Петербурге» Андрея Белого.— «Вопросы литературы», 1973, № 6, стр. 317—318.
[84] Письмо к Э. К. Метнеру от 30 января 1912 г.— ГБЛ, ф. 167.2.52.
[85] Андрей Белый. Воспоминания о Блоке.— «Эпопея», 1923, № 4, стр. 217.
[86] Валерий Брюсов. Вчера, сегодня и завтра русской поэзии.— «Печать и революция», 1922, № 7, стр. 49. Ср. другую его оценку стихотворений сборника «Королевна и рыцари»: «В общем они повторяют мысли и приемы других книг Андрея Белого» («Художественное слово», 1920, № 1, стр. 57).
[87] «Печать и революция», 1923, № 3, стр. 246.
[88] Письмо к Р. В. Иванову-Разумнику от 8 декабря 1924 г.— ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 15. В этом же письме Белый описывает шуточное представление при участии своем и Брюсова — «коллективный кинематограф». Ср.: Леонид Гроссман. Борьба за стиль. М., 1927, стр. 294—295.
[89] Письмо к Р. В. Иванову-Разумнику ⟨март 1925 г.⟩.— ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 16.
[90] Андрей Белый. Валерий Брюсов.— «Россия», 1925, № 4 (13), стр. 263—280.

1. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨Москва. До середины октября⟩ 1902

Дорогой мне Борис Николаевич!

Очень мне грустно, что вы меня не застали. Но в этот час я всегда в «Русском архиве» [1]. Одновременно с этим пишу Михаилу Сергеевичу [2], прошу позволения быть у него в субботу: может быть, будете у них и вы. Если это неудобно Соловьевым или вам, не назначите ли заранее вечера — я буду вас ждать. В пятницу у меня спириты [3]. Вам это, вероятно, нелюбопытно.

Ваш Валерий Брюсов

Датируется приблизительно по упоминанию о работе в *РА*: 14—15 октября 1902 г. Брюсов «разошелся» с этим журналом (*ЛН*, т. 27-28, с. 283).

[1] «Русский архив» — ежемесячный исторический и историко-литературный журнал (1863—1917), издававшийся П. И. Бартеневым (см. о нем наст. том, стр. 629). В течение четырех лет (1899—1902) Брюсов активно сотрудничал в журнале Бартенева, «был его помощником по изданию «Русского архива» (В. Брюсов. За моим окном. М., «Скорпион», 1913, стр. 56).

[2] Михаил Сергеевич *Соловьев* (1862—1903) — сын историка С. М. Соловьева, переводчик, педагог, издатель сочинений своего старшего брата, Вл. С. Соловьева. М. С. Соловьев познакомился с Брюсовым в сентябре 1901 г., когда прочитал статью последнего «Поэзия Владимира Соловьева», появившуюся в *РА*, 1900, № 8 (см.: *Дневники*, с. 106). Его жена, Ольга Михайловна *Соловьева* (1855—1903),— художница, переводчица, поклонница модернистской литературы и искусства.

[3] В начале 1900-х гг. Брюсов увлекался спиритизмом и устраивал у себя на квартире спиритические сеансы с участием русских и иностранных медиумов.

2. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨Москва. 2—4 ноября⟩ 1902

Дорогой Борис Николаевич!

Очень спасибо за стихи. Мне они очень по сердцу. Читаю и заучиваю наизусть [1]. Очень бы хотелось видать вас. Жалел, что вас не было в прошлую среду. А на эту среду перенесен вторник Литературного кружка [2]. Мне по обязанности «члена комиссии» придется быть там. Неужели вы так заняты, что не выберете когда-нибудь часа? Вам я готов отдать любое время и любой день.

Очень ваш Валерий Брюсов

Датируется приблизительно, по упоминанию о перенесенном «вторнике» (см. примеч. 2).

[1] Стихотворения Белого, посланные Брюсову М. С. Соловьевым, который в сопроводительном письме от 30 октября 1902 г. писал: «Думал быть у вас сегодня вечером, но простудился и должен посидеть дома. Надеюсь, что удастся побывать в следующую среду, а теперь посылаю вам: 1) V том брата, 2) стихотворения Блока, 3) стихотворения и отрывок из мистерии Бугаева «Антихрист», который, как сами увидите, лучше бы назвать «Пришедший» (ГБЛ, ф. 386.103.22; о «Пришедшем» см. п. 6 примеч. 1).

[2] О «Литературно-художественном кружке» см. наст. том, стр. 33. В сентябре 1902 г. Брюсов вошел в состав комиссии, ведавшей «вторниками» (*Дневники*, стр. 122). В среду 6 ноября 1902 г., вместо вторника 5 ноября, в «Кружке» состоялось выступление И. Ф. Шмидта на тему «Роль режиссера в современном театре» («Новости дня», 1902, № 6973, 6 ноября).

3. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

Москва. 8 ноября 1902 года

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

Очень жаль, что вас не было дома. Ну все равно: мы с Михаилом Сергеевичем собираемся к вам в середу (ближайшую) [1]. Посылаю «Скорпиону» свою первую «Симфонию». Не напечатаете ли? [2] Хотелось бы третью послать вам [3]. Да времени нет переписывать для ремингтона. Волей-неволей посылаю эту.

Остаюсь искренне преданный и готовый к услугам.

Борис Бугаев

[1] Ближайшая среда была 13 ноября.

[2] «Северная симфония (1-я, героическая)» была издана «Скорпионом» и вышла в свет в октябре 1903 г. (на книге: 1904 г.).

[3] Книга Белого «Возврат. Третья симфония» вышла в свет в издательстве «Гриф» в 1905 г.

4. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨Петербург. Вторая половина декабря⟩ 1902

Дорогой мне Борис Николаевич!

«Новый путь» просит вас написать рецензию на «Драму жизни» [1]. Напишите то, что вы говорили мне, и будет прекрасно. Но я уверен, что напишете вы без конца лучше, чем говорили. Читал ваше об Олениной-д'Альгейм. Начало — удивительно, слова для вечности. Но все могло быть сказано и *не* по поводу Олениной-д'Альгейм [2]. Если будет у вас время, не покидайте нас. Рецензия нужна скоро, но думаю, что числу к 15—18 еще не будет поздно [3]: книжка выйдет к 15 февраля. Дело становится все более устойчивым.

Очень ваш Валерий Брюсов

К письму приложена вырезка из неустановленной газеты — ироническая заметка о концертах М. А. Олениной-д'Альгейм и отзыве о них, помещенном «в одном декадентском журнале».

Датируется приблизительно по содержанию.

[1] «Драма жизни» (1896) — пьеса К. Гамсуна. Белый рецензировал издание: Кнут Гамсун. Драма жизни. Пер. с норвежского С. А. Полякова. М., «Скорпион», 1902. В своем лирически-субъективном отклике Белый охарактеризовал пьесу как «художественное произведение, в котором во многих отношениях превзойден Ибсен» («Новый путь», 1903, № 2, стр. 170—172). Ср. его же письмо к Э. К. Метнеру от 11 декабря 1902 г.: «Едва ли она не лучшее, что появлялось у нас за последние года в России, кроме «Пана», «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» и «Михаила Крамера»... Не знаю, быть может, я вообще слишком очарован Гамсуном,— но «Драма жизни» произвела на меня редкое впечатление» (ГБЛ, ф. 167.1.5).

[2] В статье «Певица» («Мир искусства», 1902, № 11) Белый описал свои впечатления от концертов Марии Алексеевны Олениной-д'Альгейм (1869—1970), выдающейся камерной певицы. Белый очень высоко оценивал ее выступления, обнаруживая в них близость к его собственным идеалам. Начальные строки статьи: «Мы окружены тайнами. Мы живем среди пропастей. Ветер рвет наши одежды. Небо над нами. Тишина нас окружает. Мы срываемся с круч. Мы падаем в бездны. Мы не знаем этих бездн, ни круч. Мы не хотим *знать*. Сладко нам думать, что мы движемся в плоскости: кругом — гладко, ясно, плоско... Путь освещен... Путь освещен — нога не споткнется». Ср.: Андрей Белый. Окно в будущее (Оленина-д'Альгейм).— «Весы», 1904, № 12.

[3] Т. е. к 15—18 января 1903 г. 4 января 1903 г. Брюсов писал Перцову: «Бугаев напишет о Гамсуне и доставит вам до 15-го» (ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 22). В тот же день Перцов извещал Брюсова: «Сегодня получен Бугаев (о «Драме жизни»)» (ГБЛ, ф. 386,98.10).

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ. «СЕВЕРНАЯ СИМФОНИЯ (1-я, ГЕРОИЧЕСКАЯ)»
М., «Скорпион», 1904
Обложка
по рисунку Обри Бердслея

5. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨Москва. 11—14 января 1903 г.⟩

Дорогой Борис Николаевич!

Заходил я к Михаилу Сергеевичу и узнал, что он очень болен [1]. Уверен, что это минет, между прочим уже потому, что еще неизменно хочу говорить с ним о многом. Не будете ли вы у нас в *четверг* вечером (вместо «среды»). Знаю, что вы без конца заняты, но будет Бальмонт. Вам следовало бы быть с ним знакомым, а ему с вами [2]. А в пятницу я, наконец, и в самом деле уезжаю в Петербург.

Ваш сердечно Валерий Брюсов

Датируется приблизительно, по упоминанию о тяжелой болезни М. С. Соловьева. Из-за его смерти (в четверг, 16 января) Брюсов отложил поездку в Петербург (см.: *Дневники*, стр. 129). Письмо было написано после предыдущей пятницы (10 января), но не позднее вторника 14 января: он приглашает Белого на «четверг» (16 января) вместо «среды».

[1] Предсмертная болезнь М. С. Соловьева (см. п. 6, примеч. 4).
[2] Белый познакомился с Бальмонтом в феврале 1903 г. на квартире Брюсова (см. *Начало века*, стр. 215—218).

6. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

26 янв⟨аря 1⟩903. П⟨етер⟩б⟨ург⟩

Дорогой Борис Николаевич!

Я направил к вам корректуру «Пришедшего» [1], ибо мне ее доставили без оригинала, и во многих случаях я не мог угадать, *как* они (типограф-

щики) изменили ваши слова. Непременно прочтите, ибо есть искажения явные. И после доставьте в типографию Общества распространения полезных книг (где, по иронии, печатается «Скорпион»), Моховая, против Манежа, дом князя Гагарина.

Ваш рассказ здесь получен [2] Он очень *не* понравился Мережковскому. Мне нравится. Перцов [3] еще не читал, но я ему рассказывал, и он заинтересован. Подписчиков *свыше* 1300 Не напишете ли мне, как Сергей Михайлович, которого вы называете Сережей? [4] Немного строк. Адрес — «Нового пути».

Ваш Валерий Брюсов

Брюсов предполагал выехать в Петербург в пятницу 17 января (см. п. 5), но из-за смерти и похорон М. С. и О. М. Соловьевых отложил свой отъезд на несколько дней. Пробыл он в Петербурге «три недели» (*Дневники*, стр. 129).

[1] Драматический отрывок «Пришедший» был включен в третий выпуск *СЦ* (1903). О работе Белого над этой «мистерией» см.: *На рубеже двух столетий*, стр. 401—402.

[2] Рассказ Белого в «Новом пути» напечатан не был. Возможно, это была «Световая сказка» (Альманах «Гриф». М., 1904).

[3] Петр Петрович *Перцов* (1868—1947) — критик и публицист, официальный «редактор-издатель» «Нового пути», решающую роль в котором играли Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус.

[4] Сергей Михайлович *Соловьев* (1885—1943) — сын М. С. Соловьева, поэт-символист, переводчик, ближайший друг Белого. 16 января 1903 г. в семье С. М. Соловьева произошло трагическое событие: от воспаления легких скончался его отец и застрелилась мать, не перенесшая утраты мужа (см. заметку Брюсова «Похороны М. С. и О. М. Соловьевых».— «Русский листок», 1903, № 19, 19 января).

7. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

Москва. 27 января 1903 года

Многоуважаемый и близкий мне Валерий Яковлевич!

Сергей Александрович [1] уже сообщал о том, что «Скорпион» пришлет мне корректуры «Пришедшего». С охотой сделаю соответствующие поправки. Если я и отказывался до сих пор от корректирования, то отнюдь не из лени, а из нежелания быть «*автором, слишком автором*» [2], т. е. перемарывать и переделывать раз отданное по своему капризу.

Очень благодарен вам за Сережу. Он уехал в Киев, где и останется недели две. Самочувствие его великолепно. Я на него возлагаю большие надежды. Он из закаленных. Безбоязненно и теперь выносит такую глубину духа, которая не снится многим мудрецам. В нем сейчас есть то, чего не было даже у Владимира Сергеевича: это какая-то непостижимая ясность, почти осязательная реальность в мистических прозрениях, ничем не фиксируемых; в Москве про него уже успели сложить легенду, будто он страдает «*mania religiosa*» и поступает в скором времени в монастырь. Мало ли что болтают. В Киеве за ним будет следить брат московского Трубецкого [3] и профессор Сикорский [4].

Что касается моего рассказа, присланного в «Новый путь», то я знаю — он бледен. Но у меня то, что менее бледно, быть может «*кричаще*» для «Нового пути»; вот почему я и послал нечто более скромное. Да и кроме того: занят. Не могу уделять много времени «Новому пути». Если мой рассказ очень не нравится Дмитрию Сергеевичу, то лучше бы его и не печатать.

Очень рад, что количество подписчиков продолжает увеличиваться. Не пришлете ли вы мне несколько десятков листков, чтобы я мог способствовать их распространению, если в этом есть надобность?

Скоро ли вы приедете из С.-Петербурга? Я непременно буду у вас. Если позволите, я приведу с собой одного молодого человека, который очень хочет с вами познакомиться.

Он — поэт и, кажется, довольно сносный. (Кажется, потому что направление его таланта в общем мне не нравится, а потому и трудно сказать про него что-нибудь более объективно.) Его фамилия — Кобылинский. По роду занятий он — финансист и, кажется, подающий большие надежды [5].

Пока до свиданья. Остаюсь искренне преданный и готовый к услугам.

Борис Бугаев

Ответ на п. 6.

[1] О С. А. Полякове см. наст. том. стр. 260—261.

[2] Парафраз заглавия книги Фр. Ницше «Человеческое, слишком человеческое» («Menschliches, Allzumenschliches», 1878), чрезвычайно популярной в символистском кругу.

[3] Евгений Николаевич *Трубецкой* (1863—1920) — философ, в те годы преподававший в Киеве; его брат, Сергей Николаевич *Трубецкой* (1862—1905),— один из редакторов журнала «Вопросы философии и психологии», профессор Московского университета. Оба они были последователями Вл. Соловьева. О приезде в Киев и встрече с Е. Н. Трубецким С. М. Соловьев сообщил Г. А. Рачинскому в письме от 28 января 1903 г. (ЦГАЛИ, ф. 427, оп. 1, ед. хр. 2903).

[4] Иван Алексеевич *Сикорский* (1845—1918) — профессор Киевского университета, психиатр.

[5] Лев Львович *Кобылинский* (псевд. Эллис, 1879—1947) — поэт-символист, критик, друг Белого. О нем см.: С. С. Гречишкин, А. В. Лавров. Эллис — поэт-символист, теоретик и критик (1900—1910-е гг.).— «XXV Герценовские чтения. Литературоведение». Л., 1972, стр. 59—62.

8. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨Москва. Около 10 февраля⟩ 903

Уважаемый и дорогой мне Борис Николаевич!

И опять я в Москве. Желал бы вас видеть очень. Если вам можно, будьте у нас в среду вечером [1]. Перескажу вам новости о «Новом пути» и о всех петербуржцах. Буду очень ждать.

Ваш Валерий Брюсов

[1] Вероятно, 12 февраля.

9. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

⟨Москва. 19⟩03 года, 20 февраля

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич!

Посылаю вам стихи [1]. Покорнейше прошу, если вам не трудно, сообщить мне адрес Бальмонта. Он просил меня зайти к нему во вторник, а я по рассеянности сейчас же и забыл.

Остаюсь готовый к услугам, искренне любящий вас

Борис Бугаев

Настоящее письмо, вместе с автографами двух стихотворений Белого: «Встреча» («Вельможа встречает гостью...») и «Объяснение в любви» («Сияет роса на листочках...»), было подарено Брюсовым в «Альбом собрания автографов русских писателей московского Литературно-художественного кружка», где оно и хранится (ЦГАЛИ, ф. 1336. оп. 3, ед. хр. 14).

[1] Цикл стихотворений для третьего выпуска *СЦ* — дебют Белого как поэта.

10. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Москва. После 21 февраля〉 1903

Дорогой Борис Николаевич!

Спасибо за присланное. Адрес Бальмонта — Ваганьковский пер., д. Куманина, кв. 18, вход против Румянцевского музея.

Мне кажется, что оставить вторично «протянута шкура» нельзя, но и ваши две поправки не хороши; не найдете ли иной? а то уж пусть стоит «ше-шкуры»! [1] Надо бы общее заглавие к вашим стихам. Я поставил пока «Призывы» [2], потому что не почитал себя в праве ставить более красочного. Если у вас есть, сообщите. Придется некоторые из набранных стихов пропустить: нет места, и вообще в «Северных цветах», и в этом году особенно, ибо куплена какая-то редкостная бумага, которой мало и хватит лишь на книгу в 14—15 листов.

Не забывайте меня и наши среды [3]. Непременно в ближайшем буду у вас.

Ваш Валерий Брюсов

Ответ на п. 9. Датируется приблизительно по этому письму и п. 11.

[1] Поправки относятся к стихотворению «Поет облетающий лес...». В печатном тексте в первой строфе:

У склона воздушных небес
протянута шкура гепарда;

в последней строфе:

На склоне воздушных небес
сожженная шкура гепарда

(*СЦ—1903*, стр. 27; Андрей Белый. Золото в лазури. М., «Скорпион», 1904, стр. 23—24).

[2] Это заглавие было сохранено. См. п. 11.

[3] Вечера с участием литераторов и деятелей искусства, которые Брюсов устраивал у себя дома.

11. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

〈Москва. 1 марта 1903 г.〉

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

Мне очень нравится ваше общее заглавие к моим стихам. Пусть так и остается. Постараюсь быть у вас в среду. Не навестите ли меня? Буду вас ждать. Все вечера — дома, кроме воскресенья 2 ч〈исла〉 марта. Остаюсь любящий вас и готовый к услугам.

Б. Бугаев

Открытка; почт. шт.: Москва. 1.III.1903; Москва. 1.III. 1903.
Ответ на п. 10.

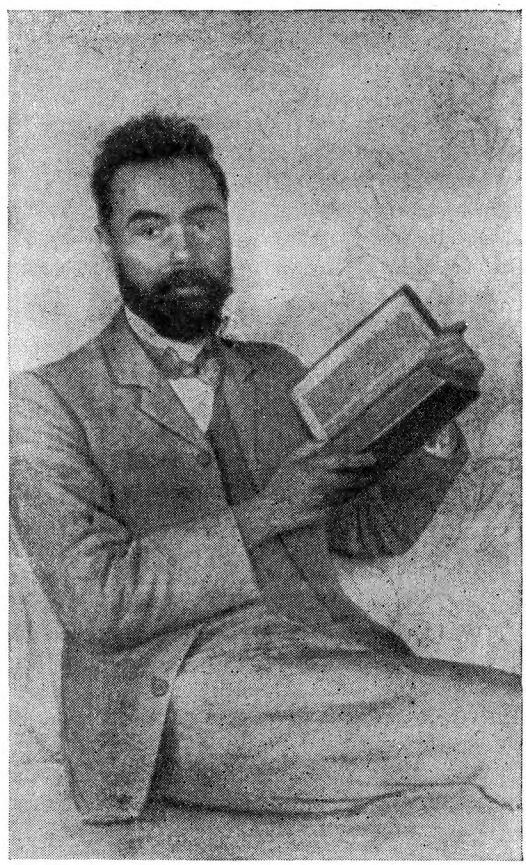
12. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

Москва. 1903 года. 17 апреля

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич!

Рад чрезвычайно получить от вас письмо. Поздравляю вас и Анну Матвеевну с праздником: Христос Воскрес! [1] Завидую вам: [2] теперь в Москве как-то особенно уныло. К яростно напряженной и лихорадочной суетне присоединяется еще и невыносимо гнетущая астральная атмосфера. Газеты сулят вихрь снегов, летящий на Москву. Быть может, холод освободит Москву от тучи уныния: пришла — уйдет. Лично для меня *все*

БРЮСОВ
Фотография.
Москва, начало 1900-х годов
Мемориальный кабинет Брюсова, Москва



отягощается еще одним странным обстоятельством: у меня такое чувство, как будто моя личность как бы оторвалась от индивидуальности: она *вернулась*, *совсем вернулась сюда*, а индивидуальность ушла туда сквозь конец — *окончательно*. Мне кажется, что «*я*» еще недавно смотрел отсюда *туда* — бесконечно говорил о «*тамошнем*» в качестве созерцающего. Теперь произошло обратное. *Оттуда* смотрю я *сюда* и еще умею говорить, как и «*они*», а они ничего не понимают — думают, что я все тот же. Мне хочется говорить с ними о *внешнем* и молчать о том, что приблизилось; как это трудно: отовсюду обращаются с умными разговорами, когда «*оно*» — безумная реальность. Они думают — я с ними, но из духа протеста хочется крикнуть: «*Ничего не понимаю*» — огорошить трезвостью тех, кто слишком трезв, чтобы без рассуждений «*о*» отдаться глубине — уплыть от их рассуждений. Когда к Стеньке Разину пришли, чтобы исполнить приговор, он нарисовал лодочку на стене и смеясь сказал, что уплывет в ней из тюрьмы. Глупцы ничего не понимали, а он знал, что делал. Можно всегда быть аргонавтом: можно на заре обрезать солнечные лучи и сшить из них броненосец — броненосец из солнечных струй. Это и будет корабль Арго; он понесется к золотому щиту Вечности — к солнцу — золотому руну...[3]

И вот тот, кто слишком много обсуждает безумную реальность, недостоин приобщиться аргонавтизму — не аргонавт он. Не хочется с ним летать, хочется удивить позитивным: «*Не знаю вас, не понимаю...*»[4]

Он суетлив, мелочен в вопросах «*потустороннего*» (напр., Розанов), когда там все усмиренно и грандиозно. *Там* нет речей даже о *Конце*.

Конец разыгрывается в душе на пути туда, а *Конец мира сего* там вовсе не занимателен, потому что растаял в душе *образ мира сего* [5].

Как мне странно.

Мне казалось — прежде был «*я*» и еще какое-то далекое «*оно*», взламывающее лед поверхности. Теперь «*оно*» стало «*я*», а прежнее «*я*» — бедное — оно трепещет на мне, как моя одежда, терзаемая ветром. Я стал вывернутым наизнанку, но сохранил свои контуры; вот этого-то не замечают знающие меня люди. Если всмотрятся в меня люди, не видящие *Другого*, они к ужасу заметили бы *черный контур* [6], очерчивающий хаос,— и ничего больше. Но они вообще не пристально смотрят: поэтому они допускают меня.

Странно мне.

Странны и смешны мне слова о двух путях, о раздвоении, о полюсах святости. Так много слов — это едва ли не преподавание... Зачем? Разве нельзя просто, без фанфар, пройти сквозь ворота *Конца* — стать за Концом? Зачем в *такой мысли* все эти «*культурные, слишком культурные*» ужимки? [7] «*Культура, это только тонкая яблочная кожица вокруг бушующего хаоса*», — сказал Ницше. Культура — прибавлю я — есть временность, а временность (в каком угодном смысле понимаемая) — только перепонка между двумя безвременьями: хаосом до- и после-временным, расплющивающим время. Время — пористая перегородка, сквозь которую мы процеживаемся, а *сама эта перегородка* (что очень важно) *только поверхностное натяжение двух противоположно заряженных сред*, а не что-либо *третье*, разделяющее; но и противоположность тоже видимая, заключающаяся в разности направления по существу однородных вибраций. Но и разность направления получается от разности восприятия нами, от разности нашего положения как к одному, так и к другому (в существе все тому же) безвременью. И не в том суть, что два пути — две линии, убегающие в до-временность и в после-временность, равнозначущи (ветхий завет = новому, тело = духу и т. д.), а следовательно обязательны,— дело в том, что оба пути бесконечны и никогда не родиться *молнии*, пробивающей перегородки (серединности, временности, маленького «*я*»), ибо перегородка *есть величина мнимая* для тех, кто заглянул *туда*, и фильтрующая перепонка для тех, кто весь обусловлен отношением двух взаимно-противоположных натяжений хаоса — то есть кто позитивен. Это не «*нечто*», задерживающее соединение бездн, это простое отношение двух бездн; бездны несоединимы; каждая ведет к безвременью; *обе вместе — никуда*. *Серединность* — переход, в серединности противоположности *даже не смешаны* (не может быть смешанности — смешного). Выход из серединности есть выход *в один из хаосов*. *Соединения*, *смешения*, *синтезы* — игра слов без переживаний, переживания, основанные на оптическом обмане! Все это слишком просто для того, чтобы быть принято всерьез, и лишено Великой Легкой Простоты, убивающей всякую возможность серьезных возражений.

Простите, дорогой Валерий Яковлевич, я пишу таким странным тоном. Мне хотелось бы только сказать одно простое и для меня самое важное: как мне легко и странно!

Остаюсь готовый к услугам и глубоко уважающий вас

Борис Бугаев

P. S. Мой поклон и уважение Анне Матвеевне.

Ответ на недошедшее письмо Брюсова.

[1] Поздравление запоздалое: Пасха в 1903 г. была 6 апреля.

[2] Брюсовы в это время находились в Париже (см.: *Дневники*, стр. 131—132).

[3] Белый развивает в этом письме систему «аргонавтических» образов, нашедшую поэтическое воплощение в апрельских стихах 1903 г., вошедших в сб. «Золото в лазу-

ри» («Бальмонту», 1; «Золотое руно», 1; «Образ Вечности» и др.). Сходные мысли и образы в неизданном письме Белого к Э. К. Метнеру от 19 апреля 1903 г. (ГБЛ, ф. 167.1.15).

[4] Слова апостола Петра, отрекающегося от Христа: «Когда Петр был на дворе внизу, пришла одна из служанок первосвященника и, увидевши Петра греющегося и всмотревшись в него, сказала: и ты был с Иисусом Назареянином. Но он отрекся, сказав: не знаю и не понимаю, что ты говоришь» (Марка, XIV, 66—68).

[5] «...ибо проходит образ мира сего» (Первое послание к коринфянам апостола Павла, VII, 31).

[6] Эллис уверял, что у Белого есть двойник — «черный профиль», «черный контур». Сам Белый писал, что порой «черный контур» овладевал его поступками: «тень становилась хозяином тени» («Воспоминания о Блоке».— «Эпопея», № 4, 1923, стр. 111, 112).

[7] Парафраз заглавия книги Фр. Ницше «Человеческое, слишком человеческое» (см. п. 7, примеч. 2).

13. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨Москва. Конец апреля 1⟩903

Дорогой Борис Николаевич.

Я очень извиняюсь перед вами и особенно перед Александрой Дмитриевной [1] за мои излишне злобные слова братьям Кобылинским. Но правда и то, что эти братья (хотя вы их и любите и цените) одни из самых пустых, вздорных и несносных болтунов в Москве [2]. Я всегда верю своему первому впечатлению, а оно таково о них, еще с весны.

Жду вас к себе. И не пойти ли нам вместе к Бальмонту? Это было бы совсем прекрасно. Сообщите мне, пожалуйста, адреса Владимирова [3], Печковского [4] и Петровского [5] (и их имена-отчества). Мне очень хотелось бы видеть их на моих *6* средах этого года [6].

Очень ваш Валерий Брюсов

[1] Александра Дмитриевна *Бугаева* (1858—1922) — мать Белого.

[2] Эллис и его брат, Сергей Львович *Кобылинский* (р. 1882),— также один из «аргонавтов», тогда студент-философ. Белый вспоминал: «Уже в конце апреля состоялась у меня первая вечеринка, на которую я пригласил своих «литературных» знакомых: у меня были: Бальмонт, Брюсов, Балтрушайтис, Соколов, Поляков, П. П. Перцов (из Петербурга), Александр Койранский, писатель Пантюхов, Петровский, Л. Л. и С. Л. Кобылинские, В. В. Владимиров ⟨...⟩ произошла только бурная ссора между Брюсовым и братьями Кобылинскими, после которой Л. Л. Кобылинский (Эллис) грозился прибить Брюсова, а Брюсов написал маме извинительное письмо, в котором сожалел, что был резок с «*несносными братьями*» в ее присутствии. На папу Брюсов произвел скорее благоприятное впечатление; он после ухода Брюсова сказал: «Однако,— умная шельма этот Брюсов!» (Андрей Белый. Материал к биографии (интимный), предназначенный для изучения только после смерти автора (1923).— ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 2, ед. хр. 3, л. 36 об.). Этот вечер описан также в *Начале века* (стр. 232—237) и в дневнике М. И. Пантюхова («Михаил Иванович Пантюхов. Автор повести «Тишина и старик». Киев, 1911, стр. 15).

[3] Василий Васильевич *Владимиров* (1880—1931) — художник и иконописец, делал обложки для книг символистов в издательстве «Гриф»; участник кружка «аргонавтов», один из ближайших друзей Белого в 1900-е годы. В Мюнхене Владимиров был постоянным спутником Белого в Старой Пинакотеке и собеседником по вопросам живописи (см.: *Между двух революций*, стр. 110—115).

[4] Александр Петрович *Печковский* — студент-химик, один из «аргонавтов».

[5] Алексей Сергеевич *Петровский* (1881—1958) — один из «аргонавтов», близкий друг Белого, впоследствии — переводчик, музеевед.

[6] Во второй половине 1903 г. Брюсов объявил приемы у себя по средам: октября 1, 15, 29, ноября 12, 26, декабря 10. Типографски отпечатанное извещение об этом хранится среди писем Брюсова к Белому.

14. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

〈Москва. 12 июня 1903 г.〉

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

Простите за нарушенное обещание, выполнить которое я стремился всей душой, но чисто внешние препятствия (все дела) удержали меня. Приходится уезжать так, не простившись. Последние дни у меня часто бывал Семенов из «Нового пути». В конце концов он мне очень понравился [1]. Из деревни (Тульская губ., г. Ефремов, сельцо Серебряный Колодезь) [2] буду вам писать непременно. Остаюсь любящий вас и готовый к услугам.

Борис Бугаев

Москва. 1903 года. 12 июня

[1] Леонид Дмитриевич *Семенов-Тяньшанский* (1884—1917) — поэт-символист, после 1905 г. вступил на путь религиозных исканий, опростился и сделался странником, толстовцем, впоследствии перешел на позиции православия. В 1903—1905 гг. был близок с Белым (см.: *Начало века*, стр. 250—254; *Между двух революций*, стр. 34—37). Касаясь своих встреч с Семеновым в Москве в июне 1903 г., Белый писал: «... почти каждый день ко мне приходил Леонид Дмитриевич Семенов; мы с ним совершали длинные прогулки по Москве, чаще всего оканчивающиеся сидением на лавочке в Новодевичьем монастыре; мы посещали могилы Соловьевых, отца, Поливанова, Владимира Соловьева, и у этих могил происходили горячие и оживленнейшие разговоры наши о боге, о России, о самодержавии и революции, о стихах, о Блоке, о Мережковских» (Материал к биографии..., л. 39).

[2] Имение, приобретенное Н. В. Бугаевым, отцом Белого.

15. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

Серебряный Колодезь, 6 июля 〈1903 г.〉

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич!

Вследствие кончины моего отца [1] некоторые планы, которые я имел в виду, изменились. Изменилось и мое материальное положение. По крайней мере на несколько лет я обязан сам зарабатывать 〈для〉 себя средства к существованию [2]. Так как получить место преподавателя в Москве очень трудно, а сразу и невозможно, а в акциз идти (куда попадают почти все естественники [3], не знаю — почему) как-то... больно (хочется пока повременить), я не знаю, что мне делать. Единственно что я мог бы делать, это писать в газетах, но писать в тех газетах, где сперва вас обольют помоями грязи, для меня немыслимо, несовместимо с моим достоинством.

Все это заставляет меня предложить «Скорпиону» нижеследующие — верьте, самые неприятные для меня вопросы — 1) на каких условиях печатается в «Скорпионе» моя «Симфония»? [4] 2) Не сочтет ли возможным «Скорпион» заплатить мне за напечатанные стихи и прозу в «Северных цветах» [5] то, чего по соображениям «Скорпиона» они заслуживают?

Время провожу очень скучно. Какое-то опустошенное настроение и некоторая расшатанность здоровья вследствие кончины отца, экзаменов и некоторых личных разочарований не покидают меня... Какое-то тяжелое похмелье. Писать ничего не могу. Думать тоже. В погоне за средствами строю различные фантастические проекты, вроде чтения публичных лекций по разным городам России и т. д. Жду, что астральная атмосфера прочистится или по крайней мере резко определится ко времени открытия мощей Серафима [6]. Мне все кажется — произойдет нечто, ускоряющее *события* либо в дурную, либо в хорошую сторону.

Нет ни от кого известий. Как вы поживаете? Буду ждать от вас письма. Здесь пробуду, быть может, до конца сентября. Остаюсь готовый к услугам ваш

Борис Бугаев

P. S. Мой привет и уважение Анне Матвеевне.

На конверте почт. шт.: Ефремов, Тульск. г. 9.VII.1903; Москва, 10. VII. 1903.

[1] Отец Белого, Николай Васильевич *Бугаев* (1837—1903),—выдающийся математик и оригинальный мыслитель, профессор, декан физико-математического факультета Московского университета, скончался 29 мая 1903 г.

[2] В мемуарах Белый в более благоприятных тонах обрисовывает свое материальное положение после смерти отца (см.: *Начало века*, стр. 254—255).

[3] Белый окончил в мае 1903 г. естественное отделение физико-математического факультета Московского университета.

[4] См. п. 3, примеч. 2.

[5] О произведениях Белого в *СЦ — 1903 г.* см. п. 6, 9 и 10.

[6] Серафим Саровский (1759—1833) — иеромонах Саровского монастыря (пустыни); в начале XX в. был канонизирован православной церковью. Мощи Серафима были открыты в Сарове 19 июля 1903 г. при стечении огромного количества паломников. Серафим Саровский занимал во внутреннем мире Белого значительное место. «Все чаще и чаще мне начинает казаться, что старец Серафим — единственно несокрушимоважная и нужная для России скала в наш исторический момент»,— писал он Э. К. Метнеру 3 марта 1903 г. (ГБЛ, ф. 167. 1. 10).

16. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Москва. 〈Около 20 июля〉 903

Дорогой Борис Николаевич!

Пишу вам наскоро, несколько слов, в Москве, где бываю мгновения[1] и где все мгновения сосчитаны,— в ответ. «Скорпион» не может заплатить вам за «Северные цветы», потому что ваши рукописи считались бесплатными и сообразно с этим делалась вся расценка. Теперь поздно, немыслимо все это изменять. Но ваша «Симфония», конечно, будет оплачена, это мы решили и до вашего письма. В ней около 6 листов. Если напечатать 1200 экз., то цену можно будет назначить 1 р. При 1000 проданных экземплярах это даст рублей 300 прибыли. «Скорпион» предлагает вам за книгу поэтому 150 р., т. е. по 25 р. с листа, разумеется вперед, независимо от того, будет она продаваться или нет. Напишите, если согласны. Рукопись вышла из цензуры. Читал Бартенев[2]. Помарок нет. Посылать ли теперь вам корректуры? и по какому адресу? Затем. Не перемените ли вы теперь условий с Грифом, который гонорара платить не может, и не отдадите ли сборник ваших стихов «Скорпиону»? [3] Этим косвенно мы оплатили бы и ваши стихи в «Северных цветах». Хорошо, если б вы тоже написали, согласны ли и как велик может быть сборник. Мы печатаем сейчас одиннадцать книг. Простите скоропись почерка и фраз и всю трехмерность письма. Повторяю, это лишь ответ. О себе — другой раз, в другом конверте.

Очень ваш Валерий Брюсов

Ответ на п. 15.

[1] Лето 1903 г. Брюсов проводил под Москвой, в Старом Селе Можайского уезда.

[2] Юрий Петрович *Бартенев* (1866—1908) — историк, цензор, сын П. И. Бартенева.

[3] Об издании первого сборника стихотворений Белого см. п. 30, примеч. 1.

17. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

Серебряный Колодезь, 24 июля 〈1903 г.〉

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич!

Отвечаю на ваши предложения. Да, конечно, я согласен на условия «Скорпиона» относительно «Симфонии». Что касается корректур, то в сущности мне они не нужны за *исключением* второй половины второй части, где (собственно в конце ее) есть, насколько помню, какая-то путаница. Если вы мне перешлете ее (т. е. вторую половину второй части), то я буду очень признателен. Остальное можете не посылать. Высылайте по следую-

щему адресу: Тульская губерния, г. Ефремов. Сельцо Серебряный Колодезь. Мне.

Что касается сборника, то я охотно отдам его «Скорпиону», потому что в таком случае я буду уверен за *внешность* издания. Напишите, издадите ли вы сборник в течение осени, ибо позднее его не имеет смысла издавать. Если издадите, то я августа 15-го переслал бы вам рукопись. Размер сборника мне чрезвычайно трудно определить. Если сравнивать его в размере с «Будем как солнце» [1], то таких страниц от 150 (это минимум) до 200 (максимум). Вернее: *около двухсот*. Итак буду ждать ответа относительно того: 1) Согласны ли вы издать его в течение осени (сентябрь, октябрь, ноябрь)? (В «Грифе» он должен был выйти в течение сентября.) 2) На каких условиях вы согласны его печатать?

Остаюсь искренне преданный и готовый к услугам

Борис Бугаев

P. S. Если какие-нибудь непредвиденные обстоятельства не помешают, я остаюсь в деревне до конца сентября; следовательно адрес мой все *тот же* (Тульская губ. и т. д.).

Ответ на п. 16.

[1] Сборник стихотворений К. Д. Бальмонта (М., «Скорпион», 1903).

18. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈31 июля 1903 г.〉

Дорогой Борис Николаевич!

Простите карандаш — пишу в вагоне [1]. Конечно, высылайте рукопись. К ноябрю всегда напечатаем. Подробно и точно о гонораре — когда точно увидим размеры. Ф. Сологубу «Скорпион» заплатил за 10 печатных листов 100 р. Важно то, что сейчас мы издаем 6 стихотворных сборников: Дмитрия Сергеевича, Зинаиды Николаевны, Сологуба, мой, Коневского, Балтрушайтиса. Бальмонта 7-й, ваш будет 8-й [2]. Вся русская поэзия будет в «Скорпионе». Эта осень — что-то вроде генерального сражения. Ватерлоо или Аустерлиц? [3]

Ваш Валерий Брюсов

Открытка. Почт. шт.: Почт. вагон, 31. VII. 03; Ефремов, Тульск. г. 1. VIII. 1903. Ответ на п. 17.

[1] Открытка написана Брюсовым, вероятно, на пути из Москвы в Старое Село.

[2] В октябре 1903 г. «Скорпион» выпустил сборники стихотворений (некоторые из них помечены 1904 г.): Д. С. Мережковский. Собрание стихов 1883—1902 гг.; З. Н. Гиппиус. Собрание стихов 1889—1903 гг.; Федор Сологуб. Собрание стихов. Книга 3 и 4; Валерий Брюсов. Urbi et Orbi; в ноябре — Ив. Коневской. Стихи и проза. Посмертное собрание сочинений. Сборник Белого «Золото в лазури» вышел в апреле 1904 г. В каталогах «Скорпиона» был объявлен сборник Ю. Балтрушайтиса «Бедуины. Морской царь. Вечер. Спутники Колумба. Книга поэм», который не был осуществлен. Книгу стихотворений «Только любовь. Семицветник» Бальмонт напечатал в издательстве «Гриф» в октябре 1903 г.

[3] Под Ватерлоо 18 июня 1815 г. Наполеон потерпел сокрушительное поражение от англо-прусской армии, приведшее к окончательному его падению. Под Аустерлицем (ныне Славков, Чехословакия) 2 декабря 1805 г. наполеоновские войска одержали победу над русской и австрийской армиями.

19. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈После 1 августа〉 1903. Старое Село

Дорогой Борис Николаевич!

Я писал вам (карандашом, в вагоне) о вашем предложении. «Скорпион» может напечатать книгу ваших стихов к ноябрю (не раньше, ибо сейчас мы печатаем 12 книг) и предлагает вам (приблизительно, ибо размер

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ
Фотография О. Ренара. Москва, март 1904 г.
Литературный музей, Москва

вашей книги нам не известен) от 100 до 150 р. за 10—12 листов. Сумма эта получается так. Напечатать 1200 экз. книги такого размера стоит (с ценой бумаги) 300 р. Из 1200 экз. 100 разойдется бесплатно (рассылка в редакции, вам и т. д.). С 1100 экз., продаваемых по 1 р., книжные магазины возьмут 30% — т. е. 330 р. На содержание конторы книгоиздательства считаем мы 10% — 110 р. Объявления (в том числе % на печатаемый обширный каталог) — до 50 р. Всего 300 + 330 + 110 + 50 = 790 р. Возможная прибыль, если продать *все* экземпляры, 1100 р.— 790 р.= = 310 р. Но согласитесь, что издательство, рискуя всем вперед, имеет право на бóльшую половину, чем автор, получающий свою долю прибыли вперед, без риска.

Покончив с этими довольно-таки скучными необходимостями, поговоримте о вас общée. Я не представляю себе вас «литератором». «Скорпион», «Новый путь», «Мир искусства» это ведь не литература, в том смысле, как сказал Верлен,—

Et tout le reste est littérature [1],—

т. е. тот «Скорпион» и тот «Новый путь» и тот «Мир искусства», к которому вы можете и будете иметь отношение. Здесь есть дело, но нет «работы» и нет «профессии». Scribere ut edas *, вы сами знаете, мучительно. Даже Розанов [2], в лучших условиях, при том исключительном даре, что хороши у него только импровизации, что прелесть его письма именно в неотделанности, даже Розанов гибнет от многописания. Он повторяет в сотый раз все те же приемы речи, которые были в первый раз так «божественны» и которые превращаются в розановский трафарет, становящийся достоянием разных рцы [3]. Он прилагает свои мысли, свои откровения, виденные им при «сапфирных» молниях, к вопросу о петербургских мостовых [4]. Не разобрав в чем дело, он при всяком стечении народа начинает кричать: «Что? пол? мистическая тайна брака? центр тяжести в сокровенном месте? Приложение силы к точке деторождения!» и т. д. (Так было с ним, например, во время спора андреевцев и С. А. Толстой [5].) Неужели вы *себе* хотите чего-либо подобного? Мне за вас страшно. Я слишком верю в вас. Что до меня, например, я могу писать и в «Пути» и в «Архиве» и даже «бог знает» где, как могу целовать всех женщин и не женщин, могу доходить до последних пределов позорного. *Вы* этого не можете. И конечно, в этом-то все ваше безмерное преимущество надо всеми нами. Все входит в вашу душу до самого ее дна. У нас есть временные слова, которые мы забываем. Вы говорите только вечные слова, только слова навеки. Нет, вам нельзя быть литератором.

Что же вам делать? — Не знаю.

Ваш Валерий Брюсов

P. S. Читаете ли вы «Новый путь»? Он падает (как Метерлинк [6]) все безнадежнее и жалче. Вычтите Мережковского, Минского, Розанова, (и случайных, вас, меня, Бальмонта) — все остальное — позор и мерзость. Самая робость «Нового пути», как бы не сказать чего-нибудь, что́ недозволено у либералов, есть робость раба, того «хама», о котором столько кричит Дмитрий Сергеевич. Бальмонт писал мне: «Новый путь» — помойная яма и не очень глубокая, так что в нем нет даже истинной отвратительности» [7]. Он не неправ.

В. Б.

Ответ на п. 17.

[1] Заключительная строка стихотворения Поля Верлена «Поэтическое искусство» («Art poetique»), в пер. Брюсова: «Все прочее — литература!» (Поль Верлен. Собрание стихов в переводе Валерия Брюсова. М., «Скорпион», 1911, стр. 98).

[2] Василий Васильевич *Розанов* (1856—1919) — реакционный писатель и публицист, один из деятелей религиозно-философских собраний, активный сотрудник журналов «Мир искусства» и «Новый путь»; в течение многих лет был связан с суворинским «Новым временем».

[3] Рцы — псевдоним Ивана Федоровича *Романова* (1861—1913), публициста консервативного направления, испытавшего большое влияние Розанова и находившегося с ним в тесном личном общении.

[4] Брюсов иронизирует над парадоксальным сочетанием «профетических» писаний Розанова с его консервативно-бытовыми статьями, печатавшимися в газете «Новое время». Белый цитирует это суждение Брюсова в письме к Блоку от 19 августа 1903 г., замечая, что Брюсов «верно пишет», и добавляет: «Губит, губит Розанова многописание и благодушество. А это редкий, блестящий, несравненный талант... А потом, зачем он религией прикрывается и почтенных протоиереев морочит?» (*Переписка*, стр. 47).

[5] Бурная полемика по поводу рассказа Л. Н. Андреева «В тумане» («Журнал для всех», 1902, № 12) началась с опубликования в «Новом времени» «Письма в редакцию» жены Л. Толстого, С. А. Толстой, выступившей с резкими нападками на творчество Андреева («Новое время», 1903, № 9673, 7 февраля). Выступление С. А. Толстой поддержал В. В. Розанов, опубликовавший в той же газете статью «По поводу письма гр. С. А. Толстой» («Новое время», 1903, № 9677, 11 февраля). Подробнее об этом см. письмо Л. Андреева к В. С. Миролюбову и комментарии к нему К. Д. Муратовой («Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения», т. 5. М. — Л., 1960, стр. 101—103).

* Писать, чтобы есть (*лат.*).

[6] Слова Брюсова характеризуют его отношение к драматургическим опытам Мориса Метерлинка — «Монна Ванна» (1902) и «Жуазель» (1903), в которых намечался переход от условного символического театра к исторической драме и романтической легенде. В частности, о пьесе «Монна Ванна» Брюсов писал: «Это одна из самых слабых драм Метерлинка, потому, вероятно, и имевшая наибольший успех ‹...› «Монна Ванна» написана слишком по-театральному, слишком «применительно к условиям сцены» (М о с к в и т я н и н ‹В. Я. Брюсов›. Монна Ванна и г. Дорошевич.— «Новый путь», 1903, № 2, стр. 191). Еще более резкой была его рецензия на «Жуазель»: «Если «Монна Ванна» знаменовала новую фазу в творчестве Метерлинка, то «Жуазель» — его бесспорное и почти безнадежное падение ‹...› в «Жуазели», в погоне за общедоступностью, он свел свое учение к самым элементарным положениям, утратившим всякую личную окраску» (там же, № 9, стр. 235).

[7] 26 июля 1903 г. Бальмонт писал Брюсову: «Новый путь» — помойная яма, и не очень глубокая помойка, так что в ней нет даже очарования истинной отвратительности» (ЦГАЛИ, ф. 56, оп. 3, ед. хр. 6).

20. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

Серебряный Колодезь. 9 августа 1903 года

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич!

Спасибо за детальное объяснение мне (профану) всех условий книгопечатания. Посылаю на днях в «Скорпион» сборник. Я включил туда и несколько лирических отрывков в прозе [1], ибо если им не здесь место, то — нигде. Точно так же сомовские стихотворения вместе с некоторыми другими составляют замкнутый в себе отдел, разрознивать который помещением некоторых стихотворений в «Северные цветы» мне не представляется целесообразным [2]. Постараюсь для «Северных цветов» написать что-нибудь новое [3]. Вообще я смотрю на печатаемый сборник, как на свое прошлое, а не теперешнее. «Nota bene» я поставил над теми отрывками, которые мне лично кажутся сомнительными даже для прошлого [4]. «Скорпион» пусть устанавливает над ними окончательный приговор.

Думаю остаться здесь до конца сентября, а засим двинуться в Саров [5]. Все больше и больше внутренних нитей связывают меня с этим пред-апокалипсическим местом. Тем более, что пока это единственно придуманное мной *дело* среди разнообразных нелепостей, которые мне, очевидно, суждены в жизни. Для того *дела*, которое мне представляется серьезным и нужным — делом *окончательности* — перехождением черты мира, — для этого дела я не приготовлен. А то бы мне следовало удалиться в пустыню. Но я сам знаю, что для меня еще не настала пора. Все же остальное — до нелепости не по мне. Между прочим, и официальное занятие поэзией и литературой, для которых у меня нет ни выдержки, ни подготовки. И это не потому, что я мню о себе. Просто я человек, чуждый всему этому, как-то случайно начавший писать. Вероятно, и в будущем, если мне не выпадет места преподавателя, или мало-мальски сносных уроков, *пока* придется пополнять кадры *«бездельников»*, *«хулиганов»*... Вот почему для видимости *дела* я хочу прочесть лекцию (одну или две) об изменившемся сознании человечества — ну, конечно, только дидактического характера и достаточно внешние [6]. Надо же все-таки кричать, чтобы хоть кто-нибудь шел — переходил. Иначе к чему же двигаться путем слова: достаточно *удалиться*, *уйти*, а *удаление совсем* предполагает в человеке сверх-человека. Ну как, *уйдя*, поймешь, что слишком *рано* ушел и — о ужас и срыв — потянет назад. Тогда — *все кончено в этой жизни*... Вот почему меня всегда притягивает известное преподавание *первых ступеней*, тем более что это все-таки призрак *дела*. Кричать, бунтовать, бесноваться, юродствовать во Христе ведь позволено. Кричать, бунтовать, бесноваться о Вечности — тоже.

Настоящее дело (я твердо уверен в этом) должно начаться с упорной, долгой, вечной молитвы. Только она зажжет пожар. Только она выбросит

ламя. Только в ней истинный восторг. Это — путь из мира, во все времена ведущий и приводящий к Концу; это — путь, которым, быть может, удастся и для других вскрыть конец. Это — единственное дело, а всякие «*новые пути*» — фикция, трафарет. А тем более «[Новый] Бедный путь» Мережковских, который я не читаю вот уже два месяца. Я просил их выслать мне в деревню, но они не выслали. Вообще они не обнаруживают слишком много вежливости... Но я все еще надеюсь, что удивительная бессодержательность журнала («Бедного пути») — это бедность «*пока*»...— маска. Иначе ведь действительно получается мелкое явление, за которое делается стыдно перед «Русским богатством» (которое [кажется] начинает казаться Бо́гатством), «Миром божьим» и т. д., ибо в упомянутом журнале не только нет *прозрения*, но и суррогата — обоснованности, логики — этих самых элементарных условий. Да ведь с настоящим багажом этот журнал не только не способен *вскрыть* Новый путь, но не способен бороться с любой застарелой философской системой, где все-таки часты *полеты* и *восхищения*, которых нет в «Бедном пути»...

Пока до свиданья. Остаюсь готовый к услугам и искренне преданный

Борис Бугаев

Ответ на п. 19.

[1] В сборнике «Золото в лазури» был помещен ряд «лирических отрывков в прозе» («Видение», «Волосатик», «Ревун», «Ссора», «Этюд», «Сон», «Аргонавты»).

[2] Стихотворный цикл «Прежде и теперь» из сб. «Золото в лазури», навеянный творчеством художников К. А. Сомова и В. Э. Борисова-Мусатова (см.: *Начало века*, стр. 206).

[3] Выпуск *СЦ* на 1904 г. не был осуществлен.

[4] В «Золото в лазури» вошли не все «лирические отрывки в прозе» (неизданные «отрывки» см.: ГБЛ, ф. 25. 1.1).

[5] Белый посетил Саровский монастырь в августе 1904 г.

[6] По-видимому, имеется в виду реферат Белого «Символизм как миропонимание», прочитанный им в октябре 1903 г. в кружке «аргонавтов» (см.: Андрей Белый. Себе на память. Перечень прочитанных рефератов, публичных лекций, бесед (на заседаниях), оппонирований, председательствований и участий (активных) в заседаниях и т. д. с 1899 до 1932 года.— ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 96, л. 1).

21. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

〈Серебряный Колодезь. 16—17 августа 1903 г.〉

Дорогой Валерий Яковлевич!

Посылаю в «Скорпион» обещанный сборник с бестолковым человеком, неоднократно все путавшим. Вот почему черкните два слова о получении.

Весь ваш Борис Бугаев

Открытка. На обороте репродукция: Arnold Böcklin. Poezja i Malarstwo (изд. в Варшаве). Почт. шт.: Ефремов, Тульск. г. 18.VIII. 1903; Москва, 19.VIII.1903 (см. примеч. к п. 37).

22. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

Серебряный Колодезь. 18 августа 〈1903 г.〉

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич, простите за беспокойство. Прошу вас и вместе весь «Скорпион» об одном одолжении. Нельзя ли оттянуть печатание 1-й «Симфонии» на вторую половину зимы, а сборник пустить в первую очередь. Меня просил об этом Соколов (очень просил, так что мне стыдно перед ним не попросить вас) [1]. Если можно, то будьте любезны — исполните мою просьбу, а если нельзя — что делать!.. Сейчас экстренно едут в город. Простите за краткость и скоропись письма.

Остаюсь уважающий и любящий вас

[Валерий Брюсов] Борис Бугаев

На конверте почт. шт.: Ефремов, Тульск. г. 19.VIII.1903.

[1] 14 августа 1903 г. С. А. Соколов, глава издательства «Гриф» (в котором предполагалось издание «третьей симфонии» Белого «Возврат»), писал Белому: «Раз вы уступили стихи «Скорпиону», то я очень просил бы вас поставить ему условием (а, если этого нельзя, то просить у него, как одолжения) печатать ваши стихи в первую же очередь, а печатание 1 Симфонии отложить до второй половины зимы. Тогда я имел бы возможность издать ваш «Возврат» этою осенью. В противном случае,— если «Скорпион» выпустит этой же осенью *разом* и 1 Симфонию и стихи, то по условиям книжного рынка я уже буду вынужден оттянуть очень надолго печатание «Возврата», *чего мне очень не хотелось бы*» (ГБЛ, ф. 25. 23. 2).

23. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Москва, август ⟨около 20⟩ 1903.

Дорогой Борис Николаевич!

Стихи получили в целости. Я просматривал бегло (читать времени не было, при всей жажде): конечно, это будет интереснейший сборник из одиннадцати издаваемых нами. (Но заметьте, я говорю «интереснейший», выбирая слово.) И как легко было дышать после корректур лампадных стихов Зинаиды Николаевны и плоской риторики Дмитрия Сергеевича [1]. Первая была когда-то поэтом, и перестала быть; второй и не был никогда.

«Симфония» ваша набрана на $^1/_3$; это неизбежно, как нечто, что́ уже в прошедшем. Я очень защищал ваше желание, но кон-скорпионы неумолимы. Они уверяют, что одновременное появление трех ваших книг (ибо стихи решено печатать *тотчас* и торопить очень, к началу октября) только увлечет покупателей... Не знаю, правы ли... Корректуру $^1/_3$ книги вы получите не для поправления ее, а только для большей наглядности, что останавливать книгу уже поздно.

«Призывы» как заглавие недурно, но и не очень хорошо [2]. «Золото на лазури» — прекрасно и верно из Белого. Хорошо бы и обложку сделать лазурную с золотыми буквами. Остальные заглавия отделов — слабы. Особенно «Прежде и теперь». Не то! нет! не то! Поищите еще [3]. Корректуры будем посылать непременно. Спасибо за посвящения [4]. Я решился в своей книге напечатать стихи к вам, о которых однажды говорил [5]. Пришлю, как только получу корректуру.

«Мир искусства», кажется, преобразуется в меньший (по формату) журнал, но со стихами, рассказами, драмами, симфониями [6]. Этот микрокосм будет полнее макрокосма. Положим, пока это секрет, но мне хочется порадоваться. Я разочаровался в «Новом пути» еще, и еще, и даже еще. Мережковские не могут допустить рядом с собой никакой мысли. Постепенно «Новый путь» наводняется тихими всхлипываниями слабоумных юношей, подражающих Дмитрию Сергеевичу. Антон Крайний поносит беллетристику «Русского богатства» [7], но никогда «Русское богатство» не падало так низко, чтобы допускать на свои серые страницы ту позорную дрянь, которую горделиво печатает «Новый путь» [8]. Еще немного—и мне будет стыдно, что я имел что-то общее с этим «тощим» журналом, раздувающимся как лягушка, чтобы стать — увы! — толстым.

Не оставляйте меня без известий о себе. Прошу опять и очень.

Ваш Валерий Брюсов

Ответ на п. 21 и 22.

[1] См. п. 18, примеч. 2.

[2] Одно из предполагаемых названий сборника, повторявшее предложенное Брюсовым заглавие цикла стихотворений Белого в *СЦ — 1903*.

[3] Это заглавие второго отдела сборника было сохранено.

[4] См. п. 46, примеч. 1.

[5] Стихотворение «Андрею Белому» («Я многим верил до исступленности...»), включенное Брюсовым в *UO*.

[6] Этот проект не был реализован.

[7] Непосредственных выступлений З. Н. Гиппиус (Антона Крайнего) против беллетристики «Русского богатства» в отделе «Литературная критика» «Нового пути» к августу 1903 г. не появлялось; однако там регулярно печатались ее полемические статьи против писателей реалистического лагеря.

[8] Беллетристику «Нового пути» составляли в значительной степени посредственные произведения третьестепенных авторов. Аналогичные мысли Брюсов высказывал тем же летом и в письме к З. Н. Гиппиус: «Рассказы Сологуба, даже моего Пантюхова — неизмеримо лучше всего, что печатает «Путь». Вы скажете — это неприличие, это декадентство. А я скажу — в «Пути» пошлость и глупость. Кому что больше нравится. «Путь» не печатает статей Бугаева, потому что они «непонятны», а печатает какие-то «переписки», в которых и понимать нечего. Конечно, «Пришедший» Бугаева и его три еще ненапечатанные «Симфонии» — детскости. Но куда они выше, чем драма Леонида II-го!» (ГБЛ, ф. 386. 70. 37); Михаил Иванович *Пантюхов* (1880—1910) — второстепенный писатель круга «Скорпиона»; драма Леонида Семенова «Около тайны» («Новый путь», 1903, № 5).

24. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

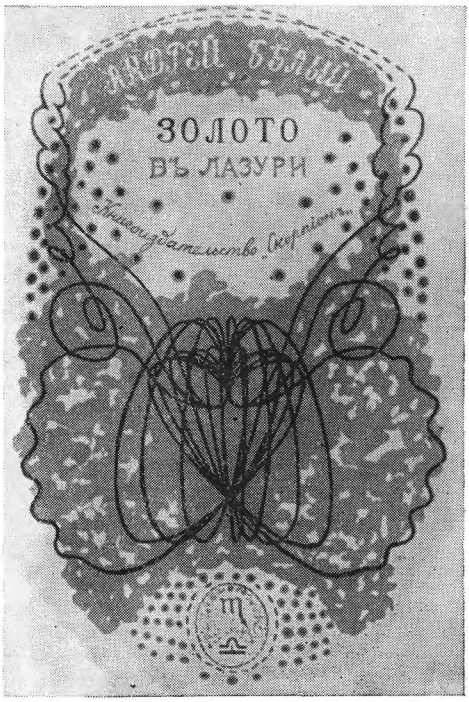
С〈еребряный〉 К〈олодезь. 19〉03 г. 30 августа

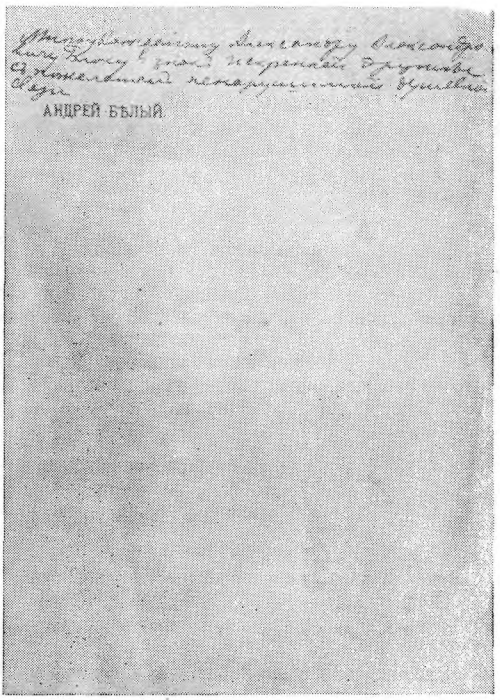
Многоуважаемый и вечно дорогой Валерий Яковлевич!

Нельзя отложить печатание — что делать! Лично мне приятней, если «Первая Симфония» появится раньше *третьей*. Последовательность будет соблюдена. Я вам писал о своем желании формально, чтобы не огорчить Сергея Алексеевича, перед которым я *не* совсем *не* виноват [1]. Далее: нельзя ли озаглавить «Симфонию» как-нибудь индивидуальнее, а то произойдет неизбежная путаница со *второй*. Я предлагаю ряд заглавий, предоставляя вам выбор наиболее подходящих: «Северная симфония», «Север», «Северные страны», «Рыцарь и королевна», «Королевна». Если угодно в скобках (первая), а то и этого не нужно. Мне думается лучше всего: «Королевна» и «Северная симфония» [2].

Что касается сборника, то, быть может, вместо «Призывы» озаглавить весь сборник «Золото в лазури», оставив это же заглавие за первой частью. А то: «Закаты», «Светы», «Лучи и отсветы». Вместо «Образы» предлагаю: «Пришельцы из хаоса», «Фантомы из бездны» (а может и: «над бездной»...), «Из бездны веков», «Сказки хаоса» [3]. Вполне постигаю свою крайнюю бездарность в выборе заглавий, но лучше придумать не умею. Вместо неудачного: «Прежде и теперь» так и не мог придумать ничего, кроме ужасного: «Парики и пиджаки» [4]. Вместо: «Пурпур и тернии» — «Багряница», «Багряница в небе», «Любовь и багряница», «Красные светы», «Капли крови» [5]. Вместо «Северные элегии» — «Туманы», «Северный туман», «Север» [6]. Вот все, что мне пришло в голову. Простите за убогость фантазии. Опять, опять, опять — милая осенняя ограниченность! В голове ни мыслей, ни образов — свищет бездумный ветерок, влетая и вылетая из ушей. Все, срываясь, несется — проносится, кружится. Опять возвращается пронестись. Ежеминутно срываешься вслед за летящим. Еще и еще срываешься, чтоб никуда не улететь.

Из окна слышу стук молотилки и насмешливое «*сиканье*» синиц. Иногда происходят неожиданности: ветер подсвистывает севером, небеса подтягиваются, носы — краснеют. И не жалеешь о летнем, сожженном золоте. Вчера по голубому привалил белый, пузатый ледник, стал над страной, и несмотря на осень тявкал громом, пока не спровадили. Пришел и ушел. Это было последним воспоминанием. Да. Всюду смолкают золотые крики. И пожарные ночи канули в Лету. И снова, и снова эти знакомые слова: «Ныне плачущие, как не плачущие, и радующиеся, как не радующиеся... ибо проходит образ мира сего» (Павел) [7]. Как странно!..





АНДРЕЙ БЕЛЫЙ. «ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ». М., «СКОРПИОН», 1904
С дарственной надписью автора: «Многоуважаемому Александру Александровичу Блоку в знак искренней дружбы с пожеланием ненарушимой душевной связи»
Обложка (по рисунку Н.П. Феофилактова) и форзац
Литературный музей, Москва

Никогда не перестану удивляться этим «*естественным*» повторениям. Воистину, они «*сверхъестественны*»! Всякий раз говоришь: «Как, опять понадобилось им переплавить летние изумруды в золото... Ну конечно, это в последний раз!..» Через год — старая история: только разводишь руками. Со временем удивление вырастает до невозможности его выразить. Впоследствии, конечно, оно убьет. Клянусь, и нынешний год повторится чудо: деревья облетят, а со временем замелькают первые снежинки. Мы все будем в Москве. Вот увидите!..

Дорогой Валерий Яковлевич, передайте, если увидите Бальмонта, что я, помня уговор, в «*золотых днях сентября*» выпью «*мирового вина*»... [8] Клянусь, на закате ничего не оставлю... И это я сделаю в первый же день сентября, а вместе никак не могу: мы едем в Саров [9], не останавливаясь в Москве, потом я проведу несколько дней в Нижнем [10], так что раньше 1 октября вряд ли увидимся... Но помня обещание, я выпью закат.

Дорогой Валерий Яковлевич, если будете посылать корректуры, то только до 12, 13 сентября, а позднее в Москву. Из «Симфонии» мне нужен только конец второй части: больше ничего. Хотелось бы повидаться. И очень. Но пока до свиданья. Остаюсь глубокоуважающий и любящий

Борис Бугаев

P. S. Спасибо за посвящение. Радуюсь о «Мире искусства». Мое уважение вашим. Поклон «*кон-скорпионам*» и вообще всем.

P. P. S. Простите за клочок [11], но я позабыл: нельзя ли в отделе «Золото в лазури» стихотворение, озаглавленное «Золотое руно», связать с

«Аргонавтами», дать общее заглавие «Золотое руно», а бывшее «Аргонавты» озаглавить: 2 (полагая, что первый отрывок есть «1»). Эти стихотворения, посвященные одному лицу, психологически связаны *одним*, хотя и написаны в разное время [12].

Б. Б.

Ответ на п. 23.

[1] См. п. 22.
[2] Брюсов остановился на последнем варианте: «Северная симфония (1-я, героическая)». Ср. п. 28.
[3] За третьим разделом сборника было сохранено заглавие «Образы».
[4] Брюсов не принял вариант «Парики и пиджаки», оставив за вторым разделом сборника заглавие «Прежде и теперь».
[5] Из предложенных вариантов Брюсов контаминировал заголовок последнего, пятого раздела сборника — «Багряница в терниях».
[6] Предполагавшийся раздел сборника, стихотворения которого были включены в «Образы».
[7] См. п. 12, примеч. 5.
[8] Образ из стихотворения Бальмонта «К людям» («О, люди, я к вам обращаюсь, ко всем...»):

Я знаю и чувствую только одно,
Что пьяно оно, мировое вино.
Когда же упьюсь я вином мировым,
Умру и воскресну и буду живым...

(К. Д. Бальмонт. Только любовь. Семицветник. М., «Гриф», 1903, стр. 212).

Этот образ использовал и сам Белый в сб. «Золото в лазури»:

В сосудах пенных мировые вина:
Вот тут лазурь, а там — напиток солнца (стр. 146).

[9] См. п. 20, примеч. 5.
[10] В Нижний Новгород к своему другу Эмилию Карловичу Метнеру Белый в сентябре 1903 г. не ездил; до середины этого месяца он оставался в Серебряном Колодезе, затем вернулся в Москву (см. п. 25).
[11] Вторая приписка на небольшом листке бумаги, приложенном к письму.
[12] Оба стихотворения были посвящены Э. К. Метнеру. Брюсов выполнил это желание.

25. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨Москва. 18 сентября⟩ 1903

Дорогой Борис Николаевич!

Как хорошо, что вы опять близко. Буду у вас непременно скоро, «на днях». Печатание ваших книг идет своим чередом. Корректуры *стихов* непременно будут вам доставлены. Задумана книга (типографски) очень интересно.

Ваш Валерий Брюсов

Открытка, почт. шт.: Москва. 18.IX.1903.

26. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨Москва. Около 20 сентября⟩ 1903.

Дорогой Борис Николаевич!

О «делах». Здесь приложены 2 страницы 4-го листа. Посмотрите, пожалуйста, *три* сделанных мною поправки, в которых я не уверен. Может быть, поправлять не следовало. Если так, т. е. если не следовало,— надо известить типографию, теперь же, в понедельник. Если же поправки нужны, не извещайте никого, они будут сделаны.

«О теургии» не совсем меня удовлетворило [1]. Там и сям что-то начато говорить, но не договорено, не высказано, оборвано, сбито. «Написа-

но» всё слабо, неубедительно; особенно начало — конец сильнее. Есть непростительные промахи. Как могли вы, например, написать «курсив наш» (и вообще-то такого «ежедневного сочетания повседневных слов» [2] можно и не писать) — при выписке из Апокалипсиса! Ну разумеется курсив *наш*, чей же еще? не Иоаннов же! [3] Но, конечно, дело не в промахах, а в том, что вся статья осталась ненаписанной, что ее существование не исключает необходимости еще раз сказать, написать о том же. И уже ваш «Перевал» исполнение этой необходимости [4].

Очень ваш Валерий Брюсов

Датируется приблизительно, по упоминанию о понедельнике — это могло быть 22 сентября.

Сохранилась ранняя редакция этого письма, незначительно отличающаяся от отосланной (ГБЛ, ф. 386, 70, 11, л. 1—2).

[1] Андрей Белый. О теургии.— «Новый путь». 1903, № 9.

[2] Слова из поэмы Бальмонта «Художник-дьявол» (К. Бальмонт. Будем как Солнце. Книга символов. М., «Скорпион», 1903, стр. 262). Белый цитирует их в своей статье.

[3] В ранней редакции письма Брюсов более резко высказывался о статье: «Теургия меня не удовлетворяет <...> «Написано» очень плохо все, особенно начало. Конец сильнее и более увлекает, побеждает. Есть промахи непростительные, почти что немыслимые». Ср. характеристику этой статьи в письме Брюсова к П. П. Перцову от 6 октября 1903 г.: «Теургия — совсем гимназическое упражнение. Как могли ее хвалить Мережковские? И какие промахи! «Бесплодное» виденье вместо «бесплотное», и рассуждение о бесплодности. «Курсив наш» в цитате из... Иоанна-евангелиста (только и недоставало, чтобы *курсив* был *его*)! и т. д.» (ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 23).

[4] О каком произведении Белого говорит Брюсов, неясно.

27. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

<Москва. 23 сентября 1903 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич!

Поправки верны. Я «*просмотрел*». Ужасно сознаю бесцветную фальшивость и серединность заметки, помещенной в «Новом пути». Дело в том, что, когда я писал для «Нового пути», я находился в положении гимназиста, пишущего сочинение: я боялся и выраженности, и «*иных речей*»— бессознательно подделывался под общий тон «Нового пути» (исключая Розанова, Минского, Мережковского). Они же ведь не находили возможным печатать то, что мне казалось более истинным по тону [1]. Вот у меня и осталась известная фальшивость тона. А потом я писал это наскоро, не обдумав плана — лишь бы что-нибудь написать. Потом я горевал и даже «*требовал*» у Зинаиды Николаевны статью обратно, но уже было поздно. Жалею, что напечатано.

Остаюсь любящий и уважающий вас Борис Бугаев

P. S. Как-нибудь на минуту буду у вас или в «Скорпионе» по одному делу.

На конверте почт. шт.: Москва. 23. IX. 1903.
Ответ на п. 26.

[1] В марте 1903 г. «Новый путь» отклонил статью Белого, о чем ему сообщил Блок 20 марта: «Перцов нашел статью «О религиозных переживаниях» непонятной и не хочет ее печатать» (*Переписка*, стр. 27). В июле того же года был отклонен рассказ Белого, о чем он писал Э. К. Метнеру 25 июля: «... обиделся Мережковский за присылку рассказа, в котором Вл. Соловьев выставляется перлом создания (он терпеть не может Соловьева) и который они не поместили» (ГБЛ, ф. 167. 1.19; возможно, что это был рассказ «Мы ждем его возвращения», напечатанный позднее в кн.: «Свободная совесть». Литературно-философский сборник, кн. 1. М., 1906).

28. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

‹Москва. Начало октября› 1903

Дорогой Борис Николаевич!

Вот в чем дело. Надо изобрести что-нибудь, чтобы на заглавном листе не стояло дважды слово симфония. Ваша прежняя (т. е. раньше изданная) симфония называлась «2-я драматическая»; нельзя ли назвать и эту как-нибудь в том же роде — например, «1-я патетическая», «1-я F-dur» или что-либо подобное (беру слова лишь для примера, зная, что именно они не подходят). Очень просим об этом. И нельзя ли получить ответ скоро, совсем скоро, сегодня, завтра. Рисунок для обложки вашей книги [1] будет готов в среду и в среду же, в крайнем случае в четверг, книга должна поступить в магазины. «Скорпион» надеется на вашу снисходительность.

Стихи ваши набираются.

Ваш Валерий Брюсов

Датируется приблизительно, по упоминанию о скором выходе в свет «Северной симфонии» (вышла в середине октября).

[1] На обложке книги Белого «Северная симфония (1-я, героическая)» помещен рисунок Обри Бердслея.

29. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

‹Москва. 22 октября 1903 г.›

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

Как мне прискорбно, что вы не застали меня — вдвойне прискорбно: 1) так хотелось бы видеть вас, 2) вспоминаю, что говорил вам о том, что я по вторникам дома (вы были как раз во вторник), забыв оговорить, что *со следующего вторника*, так как этот вторник я должен был быть вне дома по маминым делам. Читаю и вчитываюсь в «Urbi et Orbi» и «Только любовь» [1], вынося много глубоких и радостных впечатлений: «Urbi et Orbi» нравится мне как ни одна из ваших книг [2], «Только любовь» — пожалуй, лучший Бальмонтовский сборник. А я как раз в настроении внимать.

Буду на днях у вас. Не забывайте меня, Валерий Яковлевич. *Со следующего вторника я всегда дома.*

Весь ваш Борис Бугаев

На конверте почт. шт.: Москва, 22. X. 1903.

[1] К. Бальмонт. Только любовь. Семицветник. М., «Гриф», 1903. Книга вышла одновременно с *UO* в октябре 1903 г.

[2] О высокой оценке Белым этого сборника см. во вступительной статье (наст. том, стр. 330).

30. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

‹Москва. До 12 ноября 1903 г.›

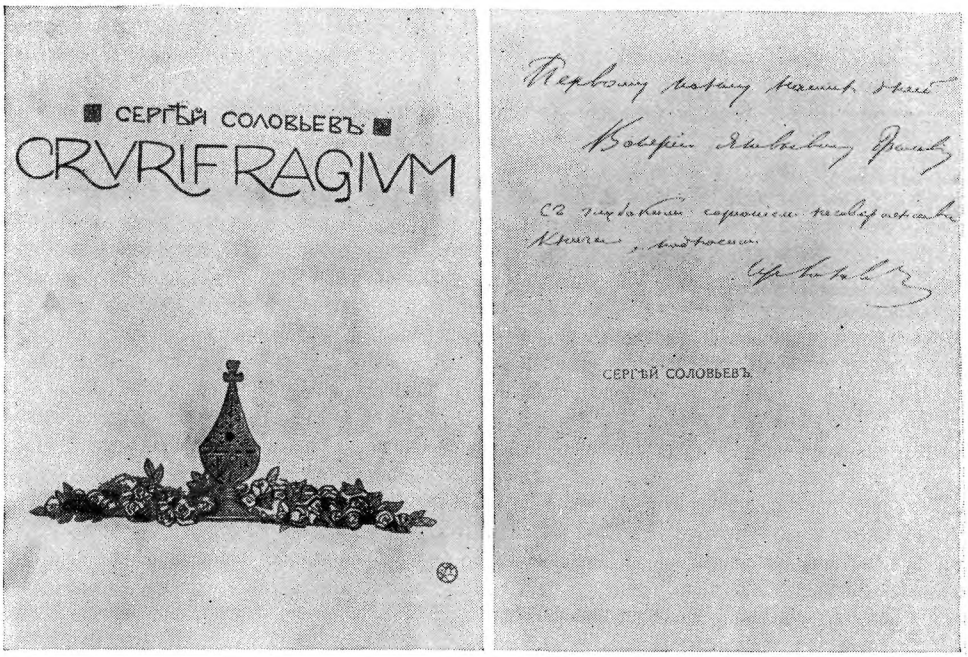
Дорогой Борис Николаевич!

Как ни неожиданно это, но в четверг рано утром предстоит мне лечь на операционный стол и отдать свое тело на волю хирургических напилков и сверл [1]. Поэтому не будет у меня и «среды». Мне ужасно жаль, что через это откладывается встреча с С. М. Соловьевым. Завезите его ко мне — проведать больного — после четверга.

«Весы» разрешены [2]. Пишите, пишите, пишите. Нам нужны теперь десятки, сотни, тысячи статей. Как только воскресну после болезни — все силы положу на эти «Весы».

903

Ваш Валерий Брюсов



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ С. М. СОЛОВЬЕВА

на книге «Crurifragium». М., 1908: «Первому поэту наших дней Валерию Яковлевичу Брюсову с глубоким сознанием несовершенства книги, подносит Сергей Соловьев»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Датируется приблизительно, по упоминанию об операции «в четверг», т. е. 13 ноября.

[1] В письме к Г. Бахману от 11 ноября 1903 г. Брюсов писал: «В четверг мне делают операцию, настоящую, с хлороформом. И «среды» моей, 12-го, не будет» (ГБЛ, ф. 386.70.5). См. также: *Дневники*, стр. 134—135.

[2] Разрешение на издание «Весов» было дано 4 ноября 1903 г.

31. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

‹Москва› 5 декабря 1903.

Дорогой мне Борис Николаевич!

Ваше письмо в «книгоиздательство» поразило меня. Я верил, что после всех слов, какие вам случалось говорить мне, какие нам случалось говорить друг другу,— между нами более тесные связи, чем те, которые разрываются десятиминутным обменом попреков. Неужели же вы не узнали меня изо всех моих стихов, изо всех моих речей и поступков, а узнали вот в те четверть часа, что мы стояли у полки с изданиями «Скорпиона»! Я говорил с вами *через* все условности общежития, *через* всякие «вежливости» и «салонности», а вы расслышали только обидные слова! Для меня вы уже никогда не можете стать отвлеченным Андреем Белым, и нет никого кругом, кого я так желал бы знать близким себе, как вас,— а вы пишете обо мне в третьем лице, как о чужом и чуждом!

Но дело не *только* во мне и вас. Среди нас иная сила, пренебрегать которой мы не смеем. Маленькие чародеи, мы закляли страшного духа; он предстал; и его не заставят исчезнуть наши бессильные заклинания. Мы уже не над «Скорпионом», а в нем; мы управляем им не бо-

лее, чем кормщик кораблем, крутимым бурей. И с вашим уходом «Скорпион» и «Весы», конечно, не пропадут [1]. К нам примкнут еще многие, ибо вокруг уже образовался тот водоворот, который засасывает всех, плывущих мимо. Но с вашим уходом от «Скорпиона» будет отнято все присущее лично вам, *ваша* вера, *ваша* зоркость, *ваша* молодость. Наш путь изменится, правда, на ничтожный угол, но если мы продолжим линию этого пути в даль годов и в даль влияний,— как изменится цель! В вашей воле дать торжество вам желанному направлению, но вы от этого хотите отказаться. Сколько раз говорили мы с вами о недостатках «Мира искусства» и «Нового пути» (вы его называли «Бедным путем»), и вот у нас журнал, который мы можем сделать таким, как *мы* хотим,— и опять от этого вы хотите отказаться. Если вам дороги не только ваши стихи, и образы, и книги,— но и власть их над людьми, и торжество всего, чему вы верите,— уходя из «Скорпиона», вы совершаете преступление.

И во внешнем вы совершенно не правы. Совсем неверно, будто мы, «скорпионы», наложили на вас какие-то деспотические требования. Вы были среди нас, когда мы решали, что участвовать в «Грифе» не должно, вы были из тех, кто решал это [2]. Я помню ваши глаза и как звучал ваш голос, когда вы говорили Зинаиде Николаевне: «Я возьму, я все возьму!» (т. е. все рукописи из «Грифа»). И если б не было этих ваших слов, этого вашего согласия с доводами Дмитрия Сергеевича, мы наверное не решились бы отказывать Блоку, Миропольскому [3], многим другим... И до сих пор я не могу понять, почему вы изменили ваше решение. У Бальмонта есть *специальные* причины покровительствовать не «Грифу», а Соколову [4], но вы, но вы? Не можете же вы не видеть, что Соколов — балаганный шут, неумело-бездарный шарлатан, в устах которого все самые истинные слова становятся фиглярством и пошлостью! Конечно, может быть, вы, Бальмонт и Блок создадите новый «Гриф», ничего общего с прошлым не имеющий, вы трое достаточно сильны для этого, но на что это нужно? Существующий же «Гриф» есть только пародия настоящего дела. Людям, подобным Соколову, можно поручать свой гражданский процесс, но позорно поручать им и доверять им свои мысли [5].

И в заключение еще о себе. Если я вам сказал, тогда или сегодня, обидные слова,— простите меня. Я сказал их не с целью вас обидеть, а чтобы выразить, что́ во мне. Перед вами извиниться мне не будет стыдно никогда и не будет никогда унижением [6]. Для меня образ человека стоит выше всех его поступков и слов. Меняются убеждения, слабеют и крепнут силы духа, волоса становятся седыми и лицо — в морщинах, но человек остается все тем же, каким мы его увидали в истинный миг близости. Я вас не перестану любить, кем бы вы ни стали, что́ бы вы ни совершили, что́ бы мне на это письмо ни ответили. Я не могу не упрекать вас, потому что считаю ваши поступки достойными упреков, но мне будет бесконечно горько и тягостно, если вы останетесь чужим мне, если нам придется продолжать наше дело без вас.

Верю, что вы мне ответите.

Ваш Валерий Брюсов [7]

Ответ на несохранившееся письмо Белого.

Это письмо сохранилось в двух полных редакциях (ГБЛ, ф. 386, 70, 11, л. 3—6 об. и 7—9 об.); полностью публикуется вторая, позднейшая редакция, существенные варианты ранней редакции приводятся в примечаниях.

Письмо посвящено конфликту с Белым, возникшему из-за отношения к издательству «Гриф», основанному в 1903 г. С. А. Соколовым. «Гриф» ставил перед собой те же задачи, что и «Скорпион»: издавать книги представителей «нового искусства» и тем способствовать распространению символизма. С самого начала деятельности «Грифа» Брюсов стал к нему в оппозицию. Это объяснялось отчасти неприязнью к возможному конкуренту, но еще более тем, что требования «Грифа» к художественному уровню издаваемых произведений были не на высоте. Белый, в отличие от Брюсова, установил прочные связи с «Грифом». «Я очень рад их нарождению,— писал он 9 апреля

1903 г. Э. К. Метнеру о новом издательстве,— а то «Скорпион» всегда переполнен и крайне медлителен» (ГБЛ, ф. 167. 1. 13). В ноябре 1903 г. Белый извещал Блока о своем твердом решении участвовать в изданиях «Грифа» (*Переписка*, стр. 64—66). Брюсов отказался публиковать произведения писателей из «Грифа» в очередном альманахе *СЦ* и предъявил требование авторам «Скорпиона» не печататься в «Грифе». «Одно время Белый взял все свои рукописи из «Грифа» и отдал нам <...> Но после, внезапно, Белый заявил, что участвовать в «Грифе» будет, и потребовал рукописи обратно. Я так рассердился, что наговорил ему довольно-таки неприятных вещей. Он обиделся, написал, что вовсе не будет участвовать в «Скорпионе» и «Весах» (*Дневники*, стр. 134). Упомянутое Брюсовым письмо Белого с отказом от участия в «Скорпионе» и «Весах», ответом на которое является публикуемое письмо, как уже указано, не сохранилось.

Брюсов был не на шутку обеспокоен инцидентом. 5 декабря 1903 г. он писал П. П. Перцову: «У нас серьезная и тягостная распря. Андрей Белый решительно и, кажется, окончательно ушел из «Скорпиона» в «Гриф» и даже не хочет участвовать в «Весах» <...> Подуськанный Бальмонтом, Белый пришел в «Скорпион» и потребовал назад «3-ю Симфонию» и рассказ, которые раньше *отнял* у Грифов, в те дни, когда из него лепила фигурки Зинаида Николаевна. Разумеется, я рассердился очень и сказал ему довольно много злого и обидного. Назвал Грифа балаганным шутом (каков он и есть) и бездарно-неумелым шарлатаном. Прибавил, что все равно какое-нибудь «слово» Белый да нарушит (он об этом очень тосковал), ибо если Грифу он клялся *печататься* у него, то нам не менее торжественно, и при свидетелях, клялся *не печататься* у Грифа. Белый ангелочек с демонскими крылышками обиделся совсем и — теперь окончательный разрыв <...> Чашки «Весов все пустеют и скоро «Весы» придут в весьма естественное равновесие: я буду держать их за коромысло, а ни сотрудников, ни подписчиков не будет... Не может ли хоть Зинаида Николаевна приструнить белого мальчика с Арбата?» (ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 23). Конфликт, впрочем, не перерос в окончательный разрыв: Брюсов не отправил Белому публикуемое письмо, но вскоре заехал к нему на квартиру, где они «умилительно примирились» (*Дневники*, стр. 34), и Белый остался ближайшим сотрудником будущих «Весов». Андрей Белый сообщал об этом Э. К. Метнеру: «Едва написал вам письмо, как пришел Брюсов извиняться, а также и укорять меня в совершённом ужасе. Оказывается, что я произвел переполох не на шутку в «Скорпионе», так что они отправили в Петербург «Новому пути» и «Миру искусства» жалобы на мое поведение и просьбу повлиять на меня и изменить мое намерение бросить «Скорпион» и «Весы». Мы, конечно, помирились» (ГБЛ, ф. 167. 1. 29). Единственным последствием инцидента из-за «Грифа», таким образом, явилось неучастие Белого в очередном альманахе «Скорпиона», предполагавшемся в 1904, но вышедшем только в 1905 г. («Северные цветы ассирийские»).

[1] В первой редакции далее следовало: «...у них остаюсь я, остается Вяч. Иванов, надеюсь — Бальмонт, наверное — Балтрушайтис (который больше, чем вы думаете)» (л. 4).

[2] В первой редакции: «И во внешнем вы совершенно не правы. Вы давали нам определенное *обещание* участвовать только в «Северных цветах» и не участвовать в «Грифе» (л. 4 об.).

[3] А. Л. *Миропольский* (Александр Александрович Ланг, 1872—1917) — поэт-символист, товарищ Брюсова по гимназии Ф. И. Креймана, участник всех трех сборников «Русские символисты». Первый свой сборник («Одинокий труд. Статья и стихи». М., 1899) выпустил под псевдонимом «Александр Березин». Следующая его книга (А. Л. М и р о п о л ь с к и й. Лествица. М., «Скорпион», 1902) вышла с предисловием Брюсова. Лангу посвящено третье издание *ChdO* (*Пути и перепутья*, I).

[4] Брюсов был убежден, что в случившемся инциденте повинен Бальмонт. «Началось, конечно, с наущений Бальмонта»,— писал Брюсов Перцову 5 декабря 1903 г. (ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 23).

[5] Тексту: «И если б не было этих ваших слов ∞ доверять им свои мысли» в первой редакции соответствует: «Если б не было этих ваших слов, этого вашего согласия с доводами Дмитрия Сергеевича, очень вероятно, даже наверное, мы не решились бы на наше злополучное постановление. А теперь, полагаясь на ваше согласие, мы отказали А. Блоку, отказали А. А. Лангу (моему школьному товарищу), иным многим,— а вы-то от нас и уходите. Как можете вы говорить о внешнем принуждении, о деспотизме «Скорпиона», когда вы были сами одним из тех, кто решал, вместе со всеми нами, что участвовать в «Грифе» не должно! И как не видите вы и теперь, что этого действительно не должно. Что «Гриф» (если только вы, Бальмонт и Блок не создадите новый Гриф, ничего общего с прошлым не имеющий) — есть пародия на «Скорпион», есть изнанка «Скорпиона», его отброс <...>

Еще раз. Уходя из «Скорпиона», вы его не погубите; своих читателей, своей публики у вас еще нет. Но с детской капризностью вы бросаете из своих рук поданные вам вожжи от тех крылатых драконов, которые скоро повлекут, может быть, всю Россию. Вы из-за личных счетов отказываете своим книгам, своим словам в том распространении, которое может им доставить теперь же «Скорпион» и которое во всяком

случае станет доступным «Грифу» (если станет) еще очень в далеком будущем» (л. 4 об.— 6).

[6] В первой редакции далее следовало: «Но я знаю, что я и сейчас готов сказать вам много и еще более жестоких слов. Своей изменой «Скорпиону» вы меня обидели гораздо более, гораздо глубже, гораздо острее, чем всей своей холодностью при упоминании обо мне лично. Да, я этого не ждал» (л. 6—6 об.).

[7] В первой редакции было: «Ваш (в настоящем смысле слова) Валерий Брюсов» (л. 6 об.).

32. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

‹Москва. После 5 декабря 1›903

Дорогой Борис Николаевич!

Если вы все-таки хотите взять вашу симфонию для «Грифа», то, конечно, она в вашем распоряжении. Сегодня я принесу ее в «Скорпион», где вы и можете получить ее в любое время.

Очень просим вас не задержать статьи о д'Альгейм [1].

Ваш Валерий Брюсов

Датируется приблизительно, по связи с п. 31.

[1] Андрей Белый. Окно в будущее (Оленина-д' Альгейм).— «Весы», 1904, № 12, стр. 1—11.

33. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

‹Москва. 12 февраля 1904 г.›

Дорогой Борис Николаевич!

Заходил к вам, чтобы проверить некоторые сомнительные места в вашей статье о Канте [1]. Не застав вас и по недостатку времени, должен исправить по своей догадке.

Сообщите, пожалуйста, *место* издания «Учебника логики Дармакирти» (Москва или Петербург?) и *цену* книги [2].

Ваш Валерий Брюсов

В «Русском слове» от 10 и 11 февраля статьи о «Весах» [3].

Открытка. Почт. шт.: Москва. 12.2.04.

[1] Андрей Белый. Критицизм и символизм. По поводу столетия со дня смерти Канта.— «Весы», 1904, № 2.

[2] Ф. И. Щербатской. Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Часть 1. Учебник логики Дармакирти с толкованием на него Дармоттары. СПб., 1903. Книга содержала «Краткий учебник логики» («Капля логики») крупнейшего индийского теоретика логики буддийской школы Дхармакирти (VII в.). Перечисляя в автобиографической поэме «Первое свидание» (1921) увлечения своей юности, Белый упоминает, что среди них был и «Великий делом Дармотарра» (Андрей Белый. Стихотворения и поэмы. Библиотека поэта, большая серия. М.— Л., 1966, стр. 407). Точные данные о книге были нужны Брюсову в связи с ее включением в перечень новых книг («Весы», 1904, № 2).

[3] В. Артабан. «Весы» («Русское слово», 1904, № 42, 11 февраля); здесь дан в основном разбор статьи Брюсова «Ключи тайн». Он же. Гнилая душа (там же, № 43, 12 февраля); здесь анализируется статья Бальмонта «Поэзия Оскара Уайльда», напечатанная, как и «Ключи тайн», в первом номере «Весов».

34. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

‹Москва.› Февраль ‹13› 1904 года

Дорогой Валерий Яковлевич,

Простите, я не мог вчера же ответить вам на письмо. Спешу ответить сегодня: год издания «Логики»: *1903*. Место издания: *С. Петербург*. Цена *2 р. 50 к.*

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ АНДРЕЯ БЕЛОГО
на книге «Возврат. III симфония». М., «Гриф», 1905:
«Многоуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову в знак глубокого расположения и любви»
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

На меня напал период внутренней сосредоточенности. Вот почему я редко показываюсь в «Весах». Вот почему я так давно не был у вас. За исключением двух, трех мест в настоящее время я нигде не бываю.

От многого просто руки отваливаются, так что я даже прекратил переписку решительно со всеми друзьями. Надеюсь, скоро пройдет период этой сосредоточенности, и я буду в состоянии вновь быть самим собой. Буду на днях или у вас, или в «Весах». Ужасно жаль, что не застали меня.

Остаюсь готовый к услугам, искренне любящий и уважающий вас

Борис Бугаев

P. S. «Русское слово» читал.

Ответ на п. 33. Датируется по связи с ним.

35. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

‹Москва. 26 февраля› 904

Дорогой Борис Николаевич!

Не напишете ли вы еще рецензийку на книгу Грота? (сборник его статей — см. понедельник, «Русские ведомости»)[1]. Автор — личность вам знакомая и написать вам труда не составит. Но нужно спешно. *Крайний* срок и для этой статейки и для тех, которые вы обещали раньше,— вечер ближайшего вторника [2]. Позднее ничто не пойдет в № 3.

Очень хорош 1 № «Мира искусства» [3].

Ваш Валерий Брюсов

Открытка. Почт. шт.: Москва. 26.2.04.

[1] Н. Я. Грот. Философия и ее общие задачи. Сб. статей под ред. Московского психологического общества. СПб., 1904. Брюсов отсылает к газетной заметке об этой

книге: «Русские ведомости», 1904, № 53, 23 февраля. Белый о книге Грота не написал (см. п. 36). Рецензия на нее была помещена в «Весах», № 3, за подписью В. С.

[2] 2 марта.

[3] В № 1 журнала «Мир искусства» за 1904 г. были опубликованы, в частности, «Медный Всадник» Пушкина с иллюстрациями А. Н. Бенуа, репродукции с картин финских художников, статьи А. Н. Бенуа, С. П. Дягилева и др.

36. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

‹Москва. 4 марта 1904 г.›

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

Приношу мои извинения за рецензии, но я буквально не могу в настоящую минуту ничего писать. Я прислушиваюсь к глубинным звучаниям и совершенно не могу оторваться от самого себя. Если бы вы знали, какая пытка в настоящую минуту для меня писать рецензии к сроку, то вы бы не осудили меня.

Остаюсь глубокоуважающий Борис Б у г а е в

P. S. Дни такие, что надо быть начеку, и не хочешь себя парализовать внешностями.

Открытка. Почт. шт.: Москва. 4. 3. 04.
Ответ на п. 35.

37. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

‹Серебряный Колодезь. Около 5 августа 1904 г.›

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

Сейчас почувствовал, что должен вам писать, не знаю почему. Меня иногда непроизвольно, неожиданно бросает к письму. Тогда все, что ни пишешь, выходит такое уродливое, «*нервическое*». Когда бываешь искренен, то откуда-то является «*истерика*». Простите, если усмотрите ее: но я хочу писать «*вам*», а не кому-нибудь иному, и от «*себя*», а не от «*кого-нибудь другого*». Сейчас я пишу не Валерию Яковлевичу Брюсову, не художнику, перед талантом которого склоняюсь, а кому-то позади этих «*тоже*» мне знакомых и близких «стоящему»— Тому, Которого я *чую*, *вижу*, *предугадываю*, но с Которым не говорю; «*То*» или «*Тот*» молчит,— *но скажите*, *скажите*, а то все молчат. Скажите!

Мне безумно грустно: неужели исступленность счастья, которая иногда охватывает, не охватывает других? Тот восторг, который вырастает из боли, когда боль сменяет блаженная анестезия, «*вино новое*» [1]— вино истекающей крови из тысячи ран, неужели этот восторг «*ни к чему*»? Когда все в жизни, начиная с «микроскопических» неприятностей и кончая крупными страданиями, оставляет в душе тысячи ран, которые принимаешь с улыбкой восторга, так что чем больше ран, тем больше восторга,— неужели всего этого еще недостаточно чтобы просиять? Почему мы не чудотворцы — мы, отстрадавшие, почему не можем мы исцелять чужих ран? Мне безумно грустно — тоскую. *Скажите*, *скажите — вы*, *молчащий*!! Или не знаете?

Ах, «*ночью в тумане неясном так страшно, так страшно идти*» [2]. Я *весь истекаю в крови*, не знаю за что, не знаю во имя чего, и когда из этого источника рождается блаженная уверенность и радость, неужели это только «*эпикурейство*»? Но тогда к чему эта ненормальная изощренность в чувствовании всего, что может *опечалить*, откуда эта гиперестезия боли? Мне так печально — *скажите*!?!

Почему малейший пустяк оставляет в сердце какой-то ужасный укол?

Как будто душа о желанном просила,
И сделали ей незаслуженно больно.
И сердце простило, но сердце застыло
И плачет, и плачет, и плачет невольно [3].

А этих уколов тысячи каждый день. Но страшней страдания эта безумная надежда, что чем больше горя, тем вольнее, счастливей — почему «поется» в те минуты, когда «все разрывается». В результате сидишь в грустной оставленности, израненный, оцепеневший, безгласный... Но окружающие говорят: «Хорошо вам, вы такой жизнерадостный!»

Разве тут нет какого-то вечного, постоянного оскорбления «*того*», что стыдливо прячешь где-то в самом далеком уголке души...

Почему это — скажите? Почему «*тайна*» в человеке оскорбляется. Почему — соберутся люди, изнутри тонкие,— не пройдет двух минут, как уже все изъязвили друг друга. Ужас, ужас! И все люди извне кажутся прокаженными?

А когда видишь страдание и желаешь утешить — утишить, залить «*горение*» хотя бы своей кровью,— «миллион терзаний» [4] не научает, как «*нежно*» окрылить бескрылого? С ужасом вижу, что пишу все глупости, не решаюсь перечитать. Спешу запечатать письмо, чтобы не изорвать.

Простите за этот крик «*куда-то*». Или, быть может, я не рассчитал «*пространство*» и слова мои не туда упадут, куда мне хотелось бы. Тогда вдвойне простите за тон.

Скажите хоть что-нибудь!

Остаюсь любящий вас Борис Б у г а е в

На конверте почт. шт.: Ефремов, Тульск. г. 7.VIII.04; Москва. 8.8.04. Как явствует из других писем Белого, отправленных из Серебряного Колодезя, они обычно доставлялись на почту в Ефремов на второй-третий день.

[1] Образ восходит к притче Христа о молодом вине в ветхих мехах (Матфея, IX, 17; Марка, II, 22; Луки, V, 37—38).

[2] Заключительные строки стихотворения Бальмонта «Когда я был мальчиком, маленьким, нежным...»:

Ты знаешь, что ночью, в тумане неясном,
Так страшно, так страшно идти?

(К. Д. Б а л ь м о н т. Только любовь. Семицветник, стр. 95).

[3] Заключительная строфа стихотворения Бальмонта «Безглагольность» («Есть в русской природе усталая нежность...») — там же, стр. 132.

[4] Слова Чацкого («Горе от ума», д. III, явл. 22).

38. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

‹Антоновка. 11 августа 1904 г.›

Дорогой Борис Николаевич!

Пожалуйста, объясните противоречие в вашей статье трех слов, подчеркнутых на приложенной странице синим карандашом. Почему в цитате речь идет только о «*лучшей* жизни», а у вас она превращается уже в «*вечную* жизнь»?[1] Как бы критика нас не забранила. Очень прошу ответить тотчас по получении письма: (надо уже печатать) — по адресу «Скорпиона», мне.

Мечтаю скоро видеться с вами в Москве, где я уже.

Сердечно ваш Валерий Б р ю с о в

1904, август

Число определено по п. 39.

[1] В статье «Чехов» Белый допустил неточность в цитате из повести «Три года» (см. п. 41). Статья была напечатана в «Весах», 1904, № 8.

39. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

‹Антоновка. 12 августа 1904 г.›

Дорогой Борис Николаевич!

Сейчас получил ваше письмо [1]. Очень не во время — вчера — отослал свой вопрос, вместо ожидаемого вами ответа. Но вы все-таки ответьте. Вам, за письмо, спасибо. Пишу вам [2].

Ваш Валерий Брюсов

1904

P. S. По условиям деревенской почты у меня сейчас всего 2 минуты на письмо.

Открытка. Почт. шт.: Москва. 12.8.04; Ефремов, Тульск. г. 14.VIII.1904.

[1] П. 37. Брюсов, живший на даче, получил его с запозданием.
[2] См. п. 40.

40. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Село Антоновка. ‹После 12 августа› 1904 г.

Дорогой Борис Николаевич! (И это слово — дорогой — примите не в «эпистоларном» значении, а в настоящем, первичном: как знак, что вы, что всякое приближение к вам мне желанно, дорого. И как жаль, что мы утратили возможность всегда, во всех случаях, все слова принимать в их настоящем смысле!) Дорогой Борис Николаевич! Я рад, что вы написали свое письмо мне; даже больше, чем рад, немного счастлив. Когда я читал его, я вдруг, как в молнии, увидал — вас, того вас, который однажды предстал мне «отмеченным» сразу навсегда, которого я опять иногда вижу в ваших глазах, но далеко не всегда в общежитии, в ваших разговорах, статьях, даже стихах. Конечно, вы были неправы, обращаясь в своем письме ко мне с *вопросами*. Почему не я к вам? — и, правда, на эти вопросы скорее вам отвечать мне. И только моя горькая привычка молчать, пришедшая ко мне после десяти лет жизни, не дала мне бросить все те же безнадежные «зачем» вам. Думаю, «мы» все равно чувствуем их. И ваше письмо — были все те же, наши общие, одинокие мысли, которые, когда они вновь приходят, даже нет необходимости вновь продумывать, так как все их пути уже истоптаны раздумием.

И все-таки хотите ответ? Вернее не ответ, а грустное признание, мое признание, которое кажется мне тоже нашим общим. Вот оно. *Нет в нас достаточно воли для подвига.* То, чего все мы жаждем, есть *подвиг*, и никто из нас на него не отваживается. Отсюда всё. Наш идеал — подвижничество, но мы робко отступаем перед ним, и сами сознаем свою измену, и это сознание в тысяче разных форм мстит нам. Измена евангельскому завету: «Кто возлюбит мать и отца больше меня...»! [1] Мы, вместе с Бальмонтом, ставим эпиграфом над своими произведениями слова старца Зосимы: «Ищи восторга и исступления» [2] — а ищем ли? то есть ищем ли всегда, смело, исповедуя открыто свою веру, не боясь мученичества (о! не газетных рецензий, а истинного мученичества каждодневного осуждения!). Мы придумываем всякие оправдания своей неправедности. Я ссылаюсь на то, что мне надо хранить «Весы» и «Скорпион». Вы просите времени в четыре года, чтобы хорошенько подумать. Мережковский лицемерно создал для самого себя целую теорию о необходимости оставаться «на своей должности». И все так. Двое разве смелее: А. Добролюбов [3] и Бальмонт. И я думаю, что у Добролюбова нет этих криков «зачем»! — хотя он и облегчил свою задачу, назначив себе строгие уставы, надев тяжелые вериги,

которые почти не дают ему свободы двигаться. И Бальмонт при всей мелочности его «дерзновений», при всем безобразии его «свободы», при постоянной лжи самому себе, которая уже стала для его души истиной,— все же порывается к каким-то приближениям, если не по прямой дороге, то хотя бы окольным путем.

А мы, пришедшие для подвига, мы, ищущие восторга, покорно остаемся в четырех условиях «светской» жизни, покорно надеваем сюртуки и покорно повторяем слова, утратившие и первичный и даже свой вторичный смысл. Мы привычно лжем себе и другим. И вдруг удивляемся, что не дано нам чудотворить, что не дано нам просиять! Мы, у которых намеренно «сюртук застегнут» [4], мы, которые научились молчать о том, о чем единственно подобает говорить, — вдруг не понимаем, что все окружающее *должно, обязано* оскорблять нас всечасно, ежеминутно. Мы самовольно выбрали жизнь в том мире, где всякий пустяк причиняет боль. Нам было два пути: к распятию и под маленькие хлысты; мы предпочли второй. И ведь каждый еще миг есть возможность изменить выбор. Но мы не изменяем. Да, я знаю, наступит иная жизнь для людей: не та, о которой наивно мечтал ваш Чехов («через 200—300 лет») [5],— жизнь, когда все будет «восторгом и исступлением», когда все люди будут как безумные, когда блаженство будет повергать на земь и отчаяние будет, как смерть. Нам не вместить сейчас всей этой полноты. Но мы можем провидеть ее, можем принять ее в себя, насколько в силах,— и не хотим. Те, кто когда-то уходили в пустыни Фиваиды [6], смели. Мы не смеем. Справедливо, чтобы мы несли и казнь.

Мне жаль, что всего этого я не могу сказать вам в тот самый час, когда писалось ваше письмо. Мне жаль, что пройдут дни — много дней — между тем, когда вы мне писали, и когда вы будете читать этот ответ или эту исповедь. Я обращаю ее к вам так же полно, как — верю — было обращено ко мне ваше письмо. И так же уверенно подписываю я свои страницы —

вас любящий Валерий Брюсов

Датируется приблизительно, по п. 39.

Ответ на п. 37.

Это письмо приведено в мемуарах *Начало века*, стр. 147—149. Каждую страницу письма Белый перечеркнул карандашом и на каждой написал: «Ложь»; неизвестно, сделал он это по получении письма или впоследствии (ср. п. 42).

[1] «Кто любит отца или мать более, нежели меня, не достоин меня; и кто любит сына или дочь более, нежели меня, не достоин меня; и кто не берет креста своего и следует за мною, тот не достоин меня» (Матфея, X, 37—38; ср. Луки, XIV, 26—27).

[2] Поучение старца Зосимы в «Братьях Карамазовых»: «Землю целуй и неустанно, ненасытимо люби, всех люби, всё люби, ищи восторга и исступления сего» (Ф. М. Достоевский. Собр. соч. в 10 томах, т. 9. М., 1958, стр. 403). Бальмонт взял эти слова эпиграфом к сборнику стихотворений «В безбрежности» (1895).

[3] Александр Михайлович *Добролюбов* (1876—1942?) — поэт, в 1890-е гг. — выразитель крайнего «декадентства»; затем вступил на путь религиозных исканий, опростился и стал странником. По признанию Брюсова, знакомство с Добролюбовым (1894) открыло ему «много нового в поэзии» (*Дневники*, стр. 18). Позднее он охладел к Добролюбову. «Стоило ли уходить в Соловецкий монастырь и на Урал, чтобы через пять лет прийти к старому» (запись начала 1903 г., *Дневники*, стр. 130). Весьма иронически отозвался Брюсов о скитаниях Добролюбова и об его «опрощении» также в письме к Венгерову от 3 июля 1905 г. (см. наст. том, стр. 678—679).

[4] Из еще не опубликованного тогда стихотворения Белого «Одинокий» (1904), в котором запечатлен образ Брюсова (впервые: «Весы», 1906, № 8; см. также: «Андрей Белый. Стихотворения и поэмы. М. — Л., 1966, стр. 603—605). Брюсов получил от Белого рукопись этого стихотворения, хранящуюся среди писем Белого к нему. Белый написал на брюсовском экземпляре посвящение: «Учителю [и ... быть может... другу] от «кандидата в желтый дом»; на обороте надпись: «*В знак любви, уважения и доброжелательства*». Текст этого автографа несколько отличается от опубликованного. Разночтения имеются и в рукописи стихотворения, посланной Блоку в конце марта 1904 г. (*Переписка*, стр. 75—76; здесь его подзаголовок: «Учителю и врагу»).

[5] Слова Вершинина (А. П. Ч е х о в. Полн. собр. соч. и писем в 20 томах, т. XI. М., 1948, стр. 282). В 1904 г. Белый выступил с несколькими статьями о Чехове, усматривая в его творчестве истинный символизм («Вишневый сад».— «Весы», 1904, № 2; «Чехов».— Там же, 1904, № 8; «Иванов» на сцене Художественного театра».— Там же, 1904, № 11).

[6] В пустыни Фиваиды (южной части Египта) в III—IV вв. удалялись христиане, становившиеся отшельниками (анахоретами). Отшельничество было формой протеста против рабовладельческого строя и господствовавшей в Римской империи религии. Позднее, в VI—VII вв., в Фиваиде находился христианский монастырь. Описание кающихся затворников в нем оставил Иоанн Лествичник («Лествица», слово 5 «О покаянии»).

41. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

⟨Серебряный Колодезь. Около 18 августа 1904 г.⟩

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич!

Там, где в приведенной мною у Чехова цитате стоит «*лучшей жизни*», нужно «*вечной*». Это я ошибся ввиду спешности переписывания (я думал, что нужно к июльской книжке). Вместе с письмом еду в Москву проездом на один день и потом в Саров до сентября [1]. С удовольствием думаю, что скоро увидимся. Остаюсь любящий вас

Борис Б у г а е в

Открытка. Почт. шт.: Ефремов, Тульск. г. 20.VIII.04; Москва. 21 ⟨?⟩.8.⟨1904⟩. Ответ на п. 38.

[1] См. п. 15, примеч. 6 и п. 20, примеч. 5.

42. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

⟨Москва. 30 августа 1904 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

Да, вы правы. Мне только и нужно было от вас этого знака — этих слов. Спасибо!

Любящий вас.

P. S. Я в Москве. Буду на днях в «Скорпионе».

Открытка. Почт. шт.: Москва. 30.8.04; Москва. 31.VIII.1904. Ответ на п. 40.

43. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨Москва⟩ 2 декабря 1904

Дорогой Борис Николаевич!

Простите, что вчера, увлекшись шариком, качающимся над числами, я вас так покинул. После горько раскаивался (поскольку способен я раскаиваться) [1]. Вы часто проводите вечера «бесполезно». Не проведете ли так и вечер субботы, если не предстоит вам Филармоническое? Мы посетили бы — вы, я и Бальмонт (который все-таки «Бальмонт»!) — Георгия Бахмана [2]. Его надо бы посетить нам втроем. Если согласитесь, будьте *у меня* в субботу [3] раньше 8 вечера: он от меня живет близко.

Жду ответа Бальдера [4]. Очень ваш В а л е р и й

[1] В этих словах — проявление той «демонической» маски, которую надел на себя Брюсов для умственно-психологического поединка с Белым. См. вступит. статью — наст. том, стр. 335—336.

[2] Георг *Бахман* (1852—1907) — немецкий поэт, преподаватель немецкого языка в московских учебных заведениях; на его «субботах» собирались московские символисты. Брюсов писал в «Воспоминаниях о Викторе Гофмане»: «Особенно интимно чувствовали мы себя у Георга Бахмана. Прекрасный поэт, страстный поклонник и тонкий ценитель поэзии всех народов и всех веков, исключительный знаток литературы, которая была ему доступна в подлиннике на всех европейских языках,— Г. Бахман был средоточием маленького кружка друзей, которых умел зажигать своим неистощимым энтузиазмом» (Виктор Г о ф м а н. ‹Сочинения›, т. 1. Берлин, «Огоньки», 1923, стр. 11).

[3] 4 декабря.

[4] Т. е. ответа на стихотворение Брюсова «Бальдеру Локи», обращенное к Белому. См. вступит. статью — наст. том, стр. 336—337.

44. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

‹Москва. 19 февраля 1905 г.›

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

Считаю нужным написать вам эти несколько строк. Я не протестую против лично ваших слов о Мережковских, хотя они меня глубоко оскорбляют за Мережковских. Ведь вы ругаете *периодически* всех. Вы и пишете нехорошие вещи про всех (про меня, например). Лично я относительно себя совершенно ничего не имею: вам так подходит. Я вас часто про себя называю — «*ругателем*» — это одна из ваших черт. Наконец, мне приходилось много присматриваться к вам и думать о вас, так что я в себе уяснил эту вашу черту. Далее, я позволил вам бранить Мережковских сегодня в разговоре. Но предупреждаю, что *без позволения* я бы не мог выслушать *теперь* ваши слова о Мережковских, особенно в присутствии третьего постороннего лица. Мережковские мне близки и дороги, и я очень близок к ним. Считаю нужным предупредить вас, Валерий Яковлевич, что впредь я буду считать ваши слова, подобные сказанным мне сегодня (*по моему позволению*), обидой себе.

С уважением остаюсь Б. Б у г а е в ы м

На конверте почт. шт.: Москва. 19 февраля 1905.

Белый особенно сблизился с Мережковским и Гиппиус в январе 1905 г., проживая как гость в их петербургской квартире. «Я ужасно как привязался к Дмитрию Сергеевичу и Зинаиде Николаевне ‹...›,— сообщал он матери из Петербурга.— Ведь то, что я в религии получил от Мережковских, *есть самое главное, что у человека должно быть в жизни*. У меня на многое открылись глаза. Первый раз в жизни мои религиозные убеждения вполне закончились и определились» (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 358).

19 февраля 1905 г., по возвращении Белого из Петербурга, Брюсов зашел к нему домой по поводу выверки корректур. Белый вспоминал: «Вдруг без всякого повода, точно бутылка шампанского пробкою, хлопнул ругательством — не на меня: на Д. С. Мережковского, зная, что у этого последнего я жил и что для внешних я в дружбе с ним; я — оборвал Брюсова; он, отступая шага на два, свой рот разорвал: в потолок:

«— Да, но он продавал...» — «что» опускаю: ужаснейшее оскорбление личности Мережковского; я — так и присел; он, ткнув руку, весьма неприязненно вылетел» (*Начало века*, стр. 469). Сохранился изображающий описанную сцену рисунок Белого.

45. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

‹Москва› 20 февраля 1905

Милостивый государь Борис Николаевич!

Полагаю, что вы не откажетесь принять на себя ответственность за те слова, которые вы позволили себе обратить ко мне. После всего, что вам случалось говорить мне лично и высказывать обо мне печатно, я не могу принять многих выражений вашего письма иначе, как за сознательное желание оскорбить меня. Если вы находите, что я неверно понял ваши слова, я настаиваю, чтобы вы *письменно* опровергли их, причем я оставлю

за собой право сообщить это опровержение всем, кому сочту нужным, из числа наших общих знакомых. В противном случае поручите одному из ваших друзей (большим снисхождением ко мне с вашей стороны было бы, чтобы то не был г. Эллис[1]) переговорить о дальнейших последствиях ваших слов с С. А. Поляковым, которому я передам все подробности происшедшего между нами. (Видеть С. А. Полякова можно ежедневно в конторе книгоиздательства «Скорпион», около 3 $^1/_2$ час. дня.) Если же вы уклонитесь от того и другого, я найду средство публично выразить свое презрение вашей трусости.

Уважающий ваш литературный талант Валерий Брюсов

Ответ на п. 4.

В архиве Брюсова сохранился черновик этого письма (ГБЛ, ф. 386.70.11, л. 11). Окончательный текст черновика полностью совпадает с отосланным.

[1] Об отношении Брюсова к Эллису в то время см. п. 13, примеч. 2. Белый все же известил Эллиса (и С. М. Соловьева) о вызове Брюсова, прося их быть в случае дуэли секундантами (Андрей Белый. Воспоминания о Блоке.— «Эпопея», 1922, № 2, стр. 234). Эллис поклялся, что, если Брюсов убьет Белого, то он сам вызовет Брюсова на дуэль.

46. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

‹Москва. 21 февраля 1905 г.›

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

С несказанным удивлением я прочел ваше неожиданное для меня письмо и ничего не понимаю. Зная мое всегдашнее отношение к вам (неоднократные ссоры мои из-за вас, посвященные вам стихи[1] и т. д.), неужели в моем письме вы могли отыскать что-либо оскорбительное для себя? Я его написал быстро и не помню достоверно выражений, в которых вы могли бы найти нечто оскорбительное для себя; потрудитесь сообщить мне досконально те из моих фраз, в которых вы могли найти для себя оскорбление. Все письмо написано не из желания вас обидеть, а из желания исполнить свой долг относительно людей, с которыми я связан теснейшими узами дружбы. Помня, что я сказал вам, что позволю вам говорить о Мережковских, что угодно (зная и прежде ваши слова о них, а также ваш страстный, стремительный, парадоксально-пылкий темперамент, а также считая вас среди немногих, кому я *многое* позволяю) — помня все это, я принужден был со страданием выслушать ваши неверные слова о Мережковском. Когда вы ушли, я спохватился, что не предупредил вас о полной несовместимости наших дружественных или по крайней мере добрых отношений, если вы впредь в моем присутствии будете так выражаться о Мережковском. Я *быстро* написал вам обидевшее вас письмо, в котором называл вас без злобы или обидных для вас смыслов «*ругателем*», намекая на ваш вспыльчивый темперамент (может быть, тут был добродушный юмор... не больше)...

Впрочем, не могу опровергать или объяснять всех своих слов, ибо не понимаю, в каких именно оттенках слов вы увидели нечто, оскорбившее вас. Потрудитесь или переслать мне письмо с подчеркнутыми местами, которые вам не нравятся, или процитировать их, чтобы я мог их объяснить.

С своей стороны выражаю мое глубокое удивление как странному тону вашего письма, так и полному незнанию моего отношения к вам... Если вы человек честный, вы пойдете навстречу моему желанию прекратить возникшее недоразумение. В противном случае, конечно, я меняю тон моего отношения к вам.

Всякое письмо, если в нем нет ничего интимного, можно показывать всякому, кому угодно. Пожалуйста, показывайте *всем все, что я пишу вам.*

Еще раз удивляюсь так странно возникшему недоразумению.

Остаюсь готовый ко *всяким* услугам

Б. Бугаев

P. S. Жду ответа.

Ответ на п. 45. Датируется по связи с этим письмом.

Письмо было отправлено спешно с рассыльным. На конверте (без почтовых марок) адрес: «Его высокородию Валерию Яковлевичу *Брюсову. Очень нужное*».

В мемуарах Белый разъяснял характер и смысл своего ответа Брюсову: «Очевидно, что Брюсов искусственно строит дуэль, что причин к дуэли меж нами и нет; Мережковский — предлог, чтоб взорвать; вся дуэль — провокация Брюсова; для провокации этой имел он причины; а у меня причин не было принимать этот вызов. И Брюсову написал я письмо; и просил В. Я. Брюсова взвесить: коль будет он твердо настаивать на дуэли, то буду я вынужден согласиться, но именно — вынужден» (*Начало века*. Берлинская редакция (1921—1922).— ГПБ, ф. 60, ед. хр. 11, л. 138).

[1] В книге «Золото в лазури» Брюсову посвящены стихотворный цикл «Не тот» и стихотворение «Маг» («Я в свисте временных потоков...»); стихотворение «Свидание» написано «на мотив из Брюсова»; к этому времени было написано также стихотворение «Одинокий», в котором запечатлен образ Брюсова (см. п. 40, примеч. 4); позднее он переработал их в цикл «В. Брюсову» (Андрей Белый. Урна. Стихотворения. М., «Гриф», 1909, стр. 15—19).

47. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

<Москва. 22 февраля 1905 г.>

Многоуважаемый Борис Николаевич!

Считаю себя вполне удовлетворенным вашими поступками и рад, что вправе смотреть на недоразумение, возникшее между нами, как на улаженное.

Вполне готовый к услугам Валерий Брюсов

22 февраля 1905, у С. М. Соловьева [1]

Ответ на п. 46.

[1] Брюсов оставил письмо у С. М. Соловьева для передачи Белому.

48. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

<Москва. 22 февраля 1905 г.>

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

Мне приятно убедиться в своем мнении относительно вас. Я был уверен, что вы были введены в заблуждение относительно моих намерений, когда прочли в моем письме себе обиду.

С своей стороны нахожу нужным заявить, что в своем объяснительном письме мною руководило только искреннее желание выяснить недоразумение. Я всегда готов идти на какое угодно удовлетворение, посредством слов или посредством дуэли.

Готовый к услугам Борис Бугаев

22 февраля 1905 года

Ответ на п. 47.

49. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

‹Москва. Март› 1905

Дорогой Борис Николаевич!

Вы много раз говорили мне, что присутствовали бы с удовольствием на чтении моей драмы [1]. Последний раз обещали мне это с уверенностью. А мне очень хочется иметь вас в числе своих слушателей. Я решил читать в *понедельник*, вечером, в 9, в «Скорпионе». Итак, надеюсь видеть вас в этот вечер. Если день для вас неудобен, прошу известить меня: я переменю день чтения.

Ваш Валерий Брюсов

P. S. Если Сергей Михайлович в Москве, разумеется, я всячески прошу присутствовать и его.

[1] Драма Брюсова «Земля» (впервые: «Северные цветы ассирийские». Альманах IV книгоиздательства «Скорпион», 1905). С подзаголовком «Сцены будущих времен» включена Брюсовым в книгу «Земная ось» (1907), посвященную Белому. Настойчивость, с какою Брюсов желал непременно видеть Белого в числе слушателей драмы, может объясняться тем, что в ней Брюсов по-своему разработал проблему конца мира, волновавшую Белого. В рецензии на альманах «Северные цветы ассирийские» Белый высоко отозвался о «Земле»: «Своеобразно глубока драма В. Брюсова «Земля». По-шекспировски просты нарисованные образы. Везде сдержанный драматизм в противовес современной ходульной «*метерлинковщине*». Символизм везде воплощенный» («Весы», 1905, № 6, стр. 70).

Точную дату чтения драмы установить не удалось. Понедельник в марте 1905 г. приходился на числа: 7, 14, 21, 28.

50. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

‹Дедово. 9 июня 1905 г.›

Воистину дорогой мне Валерий Яковлевич,

Неожиданно пишу. Хочу сказать вам из тишины, где ближе душа к самому себе, что я вас всегда любил, а теперь еще более глубоко люблю, что̀ бы между нами ни было в прошлом или в будущем. Вы из числа тех, которых я никогда не забываю. Верьте мне, потому что теперь, вдали от людей, передо мной отчетливо ‹в›сплывают узоры дней, и в этих узорах я вижу многое, чего прежде не понимал. Сколько людей расплываются тенью, но ваш образ отчетливо высечен в моих глазах. Если я когда-нибудь говорил о вас, как о мареве, то верьте, это потому, что считал вас едва ли не единственным из *сущих, добровольно служащих Химере Смерти. «Облак черный»* [1] — если бы он не затуманивал часто и моих глаз, я никогда не боролся бы с ним, я никогда не стал бы на определенную точку зрения в жизни. Ваш «облак черный» — это я сам борюсь с собой, и для себя пригвождаю криком «*марева*»: все, что стоит на пути моего успокоения. Вы — единственный почти *сущий*.

Глубоко любящий вас Борис Бугаев

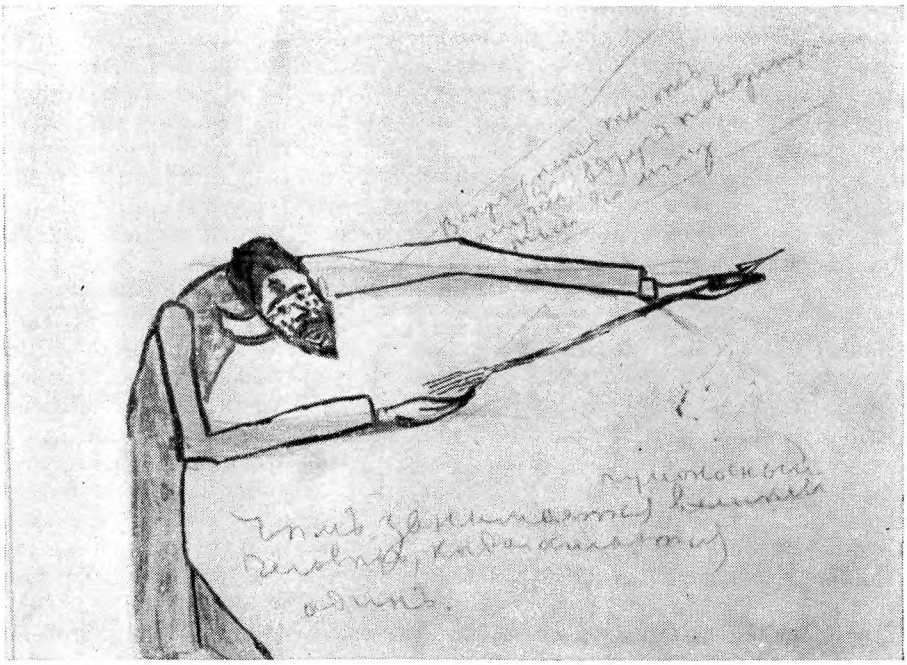
На конверте почт. шт.: «Крюково, Московск. г. 9.VI. 1905»; «Москва. 10.6.05».

[1] Слова Эвридики из стихотворения Брюсова «Орфей и Эвридика»:

Ты — ведешь, мне — быть покорной,
Я должна идти, должна...
Но на взорах — облак черный,
Черной смерти пелена.

(*St*, стр.39)

Это стихотворение использовано в карикатуре Белого, на которой Брюсов — Орфей изводит из ада Петровскую — Эвридику (см. наст. том, стр. 387).



КАРИКАТУРА НА БРЮСОВА

Рисунок Андрея Белого

Подпись: «Чем занимается [великий] чумоносный человек, когда остается один»

Выше — строки из стихотворения Брюсова «Бальдеру Локи»: «Вскрикнешь ты от жгучей боли, вдруг повергнутый во мглу!»

Центральный архив литературы и искусства СССР, Москва

51. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Москва〉 1905, сент〈ября〉 12

Дорогой Борис Николаевич!

Пришедши домой и перелистав еще раз «Религию будущего» Минского [1], я решил-таки написать об ней страничку, не столько критики, сколько соображений «по поводу». Думаю, вы за это не будете на меня «в претензии». Если бы вы, тем не менее, захотели написать рецензию на ту же книгу, «Весы», конечно, поместили бы и ваши строки. Книга Минского заслуживает такого разбора с двух разных точек зрения.

Всегда ваш Валерий Брюсов

[1] Н. Минский. Религия будущего. (Философские разговоры). СПб., изд. М. В. Пирожкова, 1905. Ни Брюсов, ни Белый в «Весах» об этой книге не писали. «Религия будущего» была только объявлена в «Перечне новых книг» («Весы», 1905, № 9-10).

52. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

〈Москва. Около 28 сентября 1905 г.〉

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

Не удивитесь этому моему письму. В нем вы, вероятно, будете иметь последний образчик моего юродства, т. е. это моя последняя попытка говорить с вами не литературным или «*сверх*»-человеческим языком,

а просто человеческим. Обращаюсь к вам как к человеку, способному понимать слова «*душа*», «*искренность*» и т. д. Мне хотелось бы нарисовать картину моего нелепого и комичного положения в московском кружке представителей «*нового искусства*». Я никогда не делал попыток вступить на литературное поприще. Еще менее претендовал я быть какой-то «*сверхмирно-безмирной*» арабеской. Я всегда жил среди людей простых, ученых, обыденных. Я не чувствовал никогда среди них такого отчаянного одиночества, которое чувствую в вашей среде. Я всегда был просто человеком, с просто человеческими запросами души. Неожиданно для себя я стал «*литератором*». Мое произведение «Симфония», которое я с боязливостью прочел М. С. Соловьеву, было отобрано у меня покойным. Дальнейшее вы знаете [1]. Вы знаете и то, что я никогда *насильно* не врывался в среду представителей «*нового искусства*». Но волей-неволей участвуя в общих с вами и с вашими товарищами литературных предприятиях, я, естественно, обращаюсь ко всем вам с запросами, если хотите, даже с требованиями чисто человеческих отношений. Ввиду этого я считаю долгом обратиться к вам и к вашим открыто и честно с покорной просьбой или ограничиться чисто деловыми, литературными отношениями, или прямо судить меня (не тайно), чтобы и я в свою очередь мог судить вас (чтобы всякая тень затаенности, предательства или софистики исчезла из наших отношений).

Мое общение с вашим кружком возникло неожиданно. Теперь повсюду у вас говорят о моей неустойчивости, беспринципности, чуть ли не предательстве. Никто мне не заявляет этого открыто, прямо, честно. Ввиду всего этого я сам чувствую обязанность высказать некоторые соображения относительно своего положения в вашей среде.

С первого момента моего знакомства с «*декадентами*» (я так говорю исключительно для краткости) я поражался в высшей степени упрощенным пониманием моей личности, какое меня встретило у вас. В литературе у меня есть свой аспект, но, боже мой, до какой степени я не весь выражаюсь в литературе. И строить мой облик по тому, что́ я пишу, значит рисовать вместо человека руку, или вместо лица — губы, нос, брови (без глаз) и т. д. Вот такое-то упрощение, упорное и стихийное, встретило меня в вашей среде, и из деликатности я слишком мало боролся, к сожалению, за себя среди всех вас. Вы все увидели мой призрак вместо меня, и, быть может, оттого сами стали казаться мне *призраками*. Это был мой стихийный протест против вашего стихийного непонимания меня (в сознании я удерживался от объяснений по многим причинам, которые могу изложить). В самом начале моего общения с вашей средой меня неприятно поражал какой-то вначале трудноуловимый оттенок ваших отношений ко мне. Впоследствии я сообразил, что этот оттенок — холодное, книжное любопытство. Меня брали одни как виньетку, заставку, орнамент, другие — как кликушу, фокусника, юродивого и т. д. *Человека, человека все одинаково забыли во мне. Дружеского сочувствия ни в ком я не встретил. А я искал его. Я имел на него право.* Я всегда полагал, что внешнее общение — кореллат внутреннего, и всем раскрывал свою душу, и вначале не хотел думать, что все, кто смотрит на меня,— смотрят мимо. А я-то удивлялся в свое время, говорил себе: «*Не то, не то, не то...*» Удивлялся, что *не умею* говорить с декадентами. Просто *не тонко* ко мне отнеслись, а я-то и не предполагал, что у «*новых поэтов*» старые представления о формах общежития, что они — еще «*старые люди*», способные грубо обрывать цветы души. Смутно мне чувствовалось, что *здесь* я обречен на одиночество.

Когда я, так сказать, афишировал свою принадлежность к вашей группе, ряд лиц, с *детства* меня знавших и близких мне, отступили от меня [2]. Стал я изгнанником, но и к вашему берегу не пристал, потому что нет у

КАРИКАТУРА НА БРЮСОВА
Рисунок Андрея Белого
Подпись: «Орфей и Эвридика»
Центральный архив литературы и искусства СССР, Москва

вас своего берега, все вы не любите друг друга и соединяетесь только для совместного нападения. Мне было тяжело одиночество, но я все же стал под вашим флагом, считая вас протестантами во имя новых форм жизни *, а вы же меня обвинили в попрании всех форм, исходя из воззрений старой жизни. И понял я, что «*новая жизнь*» у вас только слова, что *не я арабеска, а вы все*. Но я молчал. Я и теперь молчал бы. Но вы браните меня у меня за спиной, и я сам предъявляю к вам этот иск.

Еще обижались на меня, если созданное представление обо мне не совпадало с моей личностью. В этом виноват не я, а ваши фантазии обо мне. Много нервности во мне породило такое отношение. Я совсем закрылся от вас и в полушутку обращал все серьезно книжные и литературные наши словопрения. Вы за это называли меня предателем. Из-под «*маски*» сколько раз я всей душой порывался к вам, к людям, и сколько раз в этом моем бескорыстном порыве я был введен в заблуждение, одни соглашались со мной на словах, а на деле подменяли мои переживания и тем вводили меня в соблазн; и, каюсь, много совершил я греховного. Другие люди вашего кружка утонченно, так сказать артистически, пытали меня— вы все, вы, Валерий Яковлевич, Бальмонт и другие... Да, я не сумел поставить себя в сухих, корректных границах относительно вас и людей вашего толка, но разве мое присоединение к вам было основано на литературном знакомстве, а не на общности в деятельной работе творчества — и не форм искусства, а форм жизни (между прочим искусства). Вы скажете, я ошибся. Да, я ошибся. Каюсь, я не знал, что внешней неловкостью человека пользуются подчас, чтоб ее усилить, устраивать из неловкости

* *Первоначально было*: протестующими против разваливающихся форм жизни

различного рода психологические эксперименты и подчас жестоко, холодно, почти цинично. Я не знал, что «*декаденты*» ходят в колючих панцирях и не щадят доверчивого.

Согласен, что вы внешним образом были добры и снисходительны ко мне, и, каюсь, я злоупотреблял вашей снисходительностью своим неровным поведением. Но неровность эта явилась следствием полной растерянности от незнания, как же оградить себя от внутренней несправедливости и предвзятости ко мне, от упорного нежелания меня «*увидеть*». Снисхождение ко мне, мне обидно; ибо если я добровольно присоединялся к вам, я присоединялся *свободно*, *с достоинством*, *как равный к равным*.

Согласитесь, ваш прошлогодний вызов меня на дуэль [3], или вызов меня на дуэль Соколовым за отказ мой в «Весах» от участия в журнале «Искусство» [4] до такой степени не вяжется с моей сущностью, показывает такое упорное непонимание меня, что я с горькой улыбкой спрашиваю себя: «Неужели я мог когда-то принимать их за близких к себе в каком бы то ни было смысле?» Мне не хотелось, чтобы меня называли трусом, и я принципиально не отвергал дуэлей, делая все шаги к хотя бы формальному примирению. Не отвергал я дуэли также из желания уважить мотивы моего вызова. Тут при всей моей внешней неровности все же сказалась замаскированная деликатность по отношению к вам и вашим друзьям. Но вы это принимали как должное. Во всем этом какое нежелание подойти ко мне, а я только и делал, что шел к вам навстречу, хотя и встречал по дороге колючую проволоку.

И вот махнул рукой. В разговорах, в общении с вами я теперь автомат; и вы еще претендуете на мою неискренность. Спорить хотя бы с вами, Валерий Яковлевич, бесплодно и долго. Я вас люблю, ценю, уважаю. Но во-первых: властность вашего тона (не то сверхчеловеческая, не то бюрократическая) часто исключает возможность спокойного обсуждения спорных пунктов наших мировоззрений и отношений к людям. Различность темпераментов не позволяет нам понимать друг друга. Наконец, методы вашей речи столь различны с моими, что прежде, нежели стать на *равноправную* точку зрения в словесном общении (а оно часто создает фон для всего прочего), мы должны были бы привести методы эти в соприкосновение (т. е. стоять не на различных догматических точках зрения, а на критической). Вы этого часто не принимали во внимание. Я из деликатности вам уступаю, властность и безапелляционность ваших утверждений воцаряется над спокойным течением отношений, и уступчивость мою вы принимаете как нечто должное. То же я могу сказать и о Бальмонте. Оба вы догматики. Оба вы еще в старом. К «*новому*» вы относитесь одними знаками «минус». (Я не о художественном творчестве, ибо почитаю вас большим художником.)

Я не с вами. Да. Меня отделяет от вас 1) маска моей легкомысленности, невольно появившаяся как защита против вашей нетерпимости к спокойному обсуждению чужих вам мыслей, поступков, переживаний. Я с вами серьезно говорить не могу, ибо у нас разные критерии серьезности. Да, я не умею говорить с вами. Может быть, вы улыбнетесь наивности моих слов: искать неподдельности, общения, души — это старо, скучно, не дельно: но я заявляю, я хочу только человеческого, а если и говорю о несказанном, то уповаю его найти в *сказанном*. Я ищу символов, новых сложностей, вы разлагаете символ. *Вы не символисты. Я человек*. Человека во мне попрали в вашем круге, превратили в «*арабеску*». Духом я ушел от вас.

Теперь меня бранят. Но я не считаю себя ни в чем виновным (исключая неровностей в поведении, за которые приношу искреннее извинение). Я никого из вас не предавал. Наоборот, духом, словом, отношением я себя отдавал вам и вы мною пользовались подчас, как игрушкой,— сни-

сходили. Ныне я искренне хочу освободить всех от своего общества, *п р о ш у* и меня принимать исключительно со стороны моего участия в «Весах» и т. д.— участия, которое я назову, если хотите, долгом.

Извне нас принимают за одно. Я заявляю, что нет у меня с вами ничего общего.

Вот все, Валерий Яковлевич, что приходится мне вам передать. Это немного, но я считаю нужным открыто сказать это немногое, ибо у меня одно искреннее желание: поставить себя в должных границах относительно всех вас, чтобы вы были избавлены от неприятных черт моего характера, и чтобы я, наконец, был избавлен от той горечи, которую выношу из общения со всеми вами.

Примите уверение в моем глубоком уважении к вам

Борис Б у г а е в

P. S. Ввиду того, что это письмо только частию обращено лично к вам, я не считаю нужным утаивать его содержание от кого бы то ни было. Пишу вам, а не Бальмонту, ибо Бальмонт для меня вечно останется в Мексике *[5].

Датируется по указанию в следующем письме, вместе с которым оно было отослано Брюсову. Письмо является одним из наиболее выразительных документов, свидетельствующих о направлении идейных устремлений Белого: отрицание современного символистского искусства в силу того, что оно не способно вести к высшим жизнетворческим целям, и своеобразное противопоставление «литераторам» себя, как стоящего на пути решения сверххудожественных задач. Вместе с тем в письме сказывается и осознание распада идеалов «аргонавтизма». Об отношении Брюсова к такого рода исповедальным посланиям Белого может косвенно свидетельствовать его письмо к П. Б. Струве (январь 1912 г.) о Белом: «Мне передавали, что он написал вам какое-то странное письмо, в духе тех, которые должны были писать герои Достоевского. Должен вас предупредить, что это — свойственно Белому; он уже много в своей жизни написал таких писем, в которых, конечно, потом раскаивался» (И. Я м п о л ь с к и й. Валерий Брюсов о «Петербурге» Андрея Белого.— «Вопросы литературы», 1973, № 6, стр. 317).

[1] Белый напоминает Брюсову обстоятельства своего вступления в литературу (см. вступит. статью — наст. том, стр. 328).

[2] Белый имеет в виду «профессорское» окружение своего детства и юности — знакомых и друзей своего отца.

[3] См. п. 44—48.

[4] Имеется в виду происшедший в сентябре 1905 г. инцидент между Белым и С. А. Соколовым, редактировавшим в 1905 г. художественно-критический журнал «Искусство». В № 5-6-7 этого журнала была помещена (за подписью «Нарцисс») рецензия на альманах «Северные цветы ассирийские», в которой содержалась резко отрицательная характеристика опубликованной в нем трагедии Вяч. Иванова «Тантал». Белый, восторженно встретивший трагедию и считавший тогда Иванова близким себе писателем и человеком, был оскорблен рецензией и отправил Соколову письмо, в котором отказывался от сотрудничества в этом журнале и сообщал, что печатно объявит об этом в «Весах». 8 сентября 1905 г. Соколов отвечал: «Помещение вами в «Весах» письма с отказом от участия в «Искусстве» я буду рассматривать как личное себе в качестве редактора оскорбление, в ответ на каковое мне не останется ничего иного, как только потребовать от вас удовлетворения путем дуэли» (ГБЛ, ф. 25. 23.2). Белый не решился на этот шаг — дуэль не состоялась, и «письмо в редакцию» в «Весах» опубликовано не было. В дневнике Брюсова содержится неопубликованная запись о конфликте Белого с Соколовым (помечена осенью 1905 г.): «Гриф вызвал его на дуэль (как раньше я). Б. испугался, извинился (как со мной), исполнил все требования Грифа (взял назад «письмо в редакцию» из «Весов»)». (ГБЛ, ф. 386. 1. 16 (1), л. 38).

[5] Намек на невосприимчивость Бальмонта к волнующим Белого вопросам. Бальмонт предпринял в марте — июне 1905 г. путешествие в Мексику, плодом которого явились путевые заметки с описанием памятников древних мексиканских культур, стихотворения и переводы мифов ацтеков и майя (см.: К. Д. Б а л ь м о н т. Змеиные цветы. М., «Скорпион», 1910).

---

* *Первоначально было*: я не считаю [долгом] нужным от вас скрыть, что таковое же письмо посылаю С. А. Полякову и В. И. Иванову. Бальмонт все равно ничего не услышит.

53. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

〈Москва. 12 октября 1905 г.〉

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

Приложенное письмо мое к вам написано две недели тому назад исключительно с целью доброй, чтобы отношения наши получили определенный контур. Я не хочу, чтобы вы в письме моем видели 1) предлог ссориться с вами, а тем более обижать вас. 2) Мне бы не хотелось также, чтобы вы в ответ на письмо, идущее от души, отвечали *диалектически и формально*. Чтобы в письмо мое не вкралось чего-либо, могущего оскорбить вас, я предварительно дал прочесть его С. А. Полякову, не доверяясь собственному чутью, и лишь по удостоверению С. А., что здесь нет ничего личного, оскорбительного, я со спокойным сердцем отсылаю его вам [1]. Далее: вероятно все личное, что создает тон дружественному общению между людьми, исчезло из наших отношений. Поэтому, *любезности ради*, не трудитесь отвечать мне, если вы почувствуете хоть каплю тягости при мысли об ответе. Я лично не чувствую к вам ничего дружественного, кроме уважения и удивления перед вашим талантом, и потому для меня *лично* ничего не стоит поддерживать с вами формальные отношения, как с сотрудником и главным организатором журнала да и вообще *движения в искусстве*, столь любезного мне.

Примите уверение в совершенном уважении.

Ваш Борис Бугаев

12 октября 05 года

[1] Поляков по прочтении письма писал Белому 10 октября 1905 г.: «Очень извиняюсь в замедлении возвратом письма 〈...〉 Я нахожу это письмо вполне безобидным для Валерия Яковлевича, Бальмонта и прочих, и если оно вызовет с чьей-либо стороны какой-нибудь резкий ответ или вызов, я вполне признáю справедливость вашего дела и стану на вашу сторону» (ГБЛ, ф. 25. 21.27).

54. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Москва. 1—3 января〉 1906

Дорогой Борис Николаевич!

Благодарю за привет. У меня есть многое, что́ сообщить вам о «Весах». Позвольте быть у вас на днях. Лучше бы после 4-го, например, 5-го [1]. Хорошо было бы, если б вы не предпринимали ранее никаких решений относительно вашего участия в «Весах» [2].

Всегда ваш Валерий Брюсов

P. S. Я очень рад, что моя книга уже у вас [3], но позвольте, при встрече, сделать ее, несколькими словами надписи, приношением вам как моему любимому поэту.

Ответ на открытку от 27 декабря 1905 г., написанную после возвращения Белого из Петербурга и содержавшую поздравление «с праздником» (в настоящую публикацию не включена).

[1] Встреча состоялась на квартире у Белого вечером 5 января, о чем свидетельствует открытка Брюсова ему от 6 января 1906 г.

[2] В данном случае речь могла идти о присоединении Белого к так называемой «конституции» «Весов». См. об этом письме Вяч. Иванова к Брюсову (наст. том, стр. 488) и статью Д. Е. Максимова и К. М. Азадовского (наст. том, стр. 280—282). Разговор мог относиться, однако, и к другому эпизоду в истории «Весов». Брюсов отмечал в дневнике, что Белый по возвращении из Петербурга в декабре 1905 г. «написал два тождественных письма — нам, в «Весы», и в «Золотое руно». Просил обеспечить себе 60 р. в месяц (в «З. Р.» 80). Писал: «Я продавщик — вы покупатели. Я продаю

кровь своего сердца». «Во сколько оценят «Весы» («З. Р.») крик души Андрея Белого». Гриф ответил первым. Согласился. Белый *взял* отданные нам стихи, под предлогом поправки их, и передал в «З. Р.» (ГБЛ, ф. 386. 1. 16 (1), л. 38; упомянутый цикл стихотворений Белого — «Горемыки»: «Золотое руно», 1906, № 1).

[3] *St.* Книга вышла в последних числах декабря 1905 г.

55. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

〈Февраль — март 1906 г.〉

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

Есть у меня к вам несколько покорных просьб: 1) В случае напечатания отдела «На перевале», убедительно прошу напечатать то, что я хотел напечатать в № 1, т. е. теоретическую часть [1]. О Мережковском и Бердяеве *очень прошу* не печатайте: *мне необходимо изменить там* несколько фраз [2]; 2) В цикле моих стихов исключите два слабых, неудачных, но несомненно *«мистико-анархических»* стихотворения «Анархист» (или «Революционер») и «Манифестация»; оные произведения отданы мною в «Факелы» [3]. Для замены же их у меня есть более подходящие еще не вполне отделанные стихотворения (на днях будут готовы). На днях принесу рассказ и «Феникса» [4].

Если бы вы зашли ко мне как-нибудь вечером, был бы весьма счастлив. (Лучше тогда известите открыткой.) Да, нельзя ли мне будет получить Сережины произведения [5]. Остаюсь глубоко уважающий и преданный вам

Борис Бугаев

[1] См.: Борис Бугаев. На перевале. А. Л. Волынский. Достоевский. СПб., 1906. В. Розанов. Около церковных стен, т. 1. СПб., 1906.— «Весы», 1906, № 1 (эта книжка вышла одновременно и как № 12 за 1905 г.); «теоретическая часть» этой статьи в «Весах» напечатана не была.

[2] Отзывы о книгах Мережковского и Н. А. Бердяева в 1906 г. в «Весах» не появлялись.

[3] Стихотворения «Опять он здесь в рядах борцов» и «Толпы рабочих в волнах золотого заката» («Факелы». Книга первая. СПб., 1906). Первое из стихотворений в рукописи имеет заглавие «Революционер» (см.: Андрей Белый. Стихотворения и поэмы, стр. 626). Второе стихотворение, в котором запечатлены похороны Н. Э. Баумана 20 октября 1905 г. в Москве, вошло в сб. Белого «Пепел» (СПб., «Шиповник», 1909, стр. 145—146) под заглавием «Похороны», а в переработанном издании сборника (М., «Никитинские субботники», 1929) получило название «Манифестация» (стр. 65). Брюсов, как и Белый, был невысокого мнения об этих стихах. Высоко оценивая (в письме к Блоку) опубликованные в «Факелах» «Балаганчик» и стихотворения Вяч. Иванова, он отмечал: «Все остальное в «Факелах» (в том числе стихи мои и Б. Н.) — дрянь, вещи, которые к искусству причислить нельзя никак» (*Блок*, т. 8, стр. 578). В печатном отзыве о «Факелах» Брюсов иронически комментировал стихотворение Белого: «Г. Андрей Белый не удовольствовался городовым и сочинил стихи про самого частного пристава, обзывая его даже не «дурным», а прямо «лютым» («Весы», 1906, № 5, стр. 57).

[4] Рассказ Белого в 1906 г. в «Весах» напечатан не был; возможно, речь идет о рассказе «Горная владычица» (см. п. 66, примеч. 3). «Феникс» — статья Белого («Весы», 1906, № 7).

[5] О каких произведениях С. М. Соловьева идет речь, неясно. Возможно, это стихотворения, составившие его первую книгу «Цветы и ладан» (М., 1907).

56. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

〈Мюнхен. 21 сентября / 4 октября 1906 г.〉

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич! Привет вам из Мюнхена. Спешу сообщить адрес. München, Barer Strasse, 53 II l. Скоро напишу подробнее. Гробовой цикл прошу выбрать для печати по вашему усмотрению [1]: я с «Руном» договорился относительно «Выноса» [2]. Привет Сергею Александровичу. Любящий вас Борис Бугаев

Открытка. На обороте цветная репродукция: München. Wittelsbacherbrunnen. Почт. шт.: München. 4. Oct. 06; Москва. 24.9.1906.

[1] См.: Андрей Белый. Панихида. Лирическая поэма из 9 отрывков.— «Весы», 1907, № 6. Заглавие «гробовому циклу» было дано Брюсовым.

[2] Вероятно, Белый договорился о передаче этого стихотворения, первоначально отданного в «Золотое руно», «Весам», чтобы напечатать его в составе цикла. См. пятый отрывок «Панихиды»: «Венки снимут...», напечатанный впоследствии под заглавием «Вынос» как самостоятельное стихотворение (сб. «Пепел»).

57. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

München. $19\frac{26}{X}$ 06 года ‹13 октября ст. ст.›

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

Все собирался написать вам. Один раз даже до середины написал, но пришли знакомые, оторвали, потом нахлынуло *иное*, так что письмо пришлось разорвать. Я здесь очень отдыхаю. Здесь все для отдыха и работы. Только сегодня первый день дождь. А то еще два дня тому назад была жара, плескались голубыми струями фонтаны, зацветали маргаритки и розы. Я очень хорошо оклиматизировался здесь. Думаю пробыть здесь во всяком случае до весны [1]. Познакомился со многими художниками и некоторыми поэтами, немцами, поляками, швейцарцами. Малоинтересны. «*Пшики*» [2] и Койранские [3] могли бы здесь распускать павлиний хвост. В 5 дней исчерпал немецкую молодежь.

Познакомился между прочим с Шоломом Ашем (есть такой еврейский драматург) [4]. Малоинтересен. Познакомился с Пшибышевским, который здесь живет [5], Пшибышевский очень мил, но я еще его не раскусил. Буду у него на днях.

«Сецессион» — просто дрянь. В некультурных выходках московских художников больше свежести, чем в зализанном, учтиво-приторном модернизме сецессионистов [6]. Конечно, есть исключения: Лавари [7], Каррьер [8], Штук [9], Рафаэлли [10], Диц [11], Коттэ [12]; но это — имена известные. Зато Дюрер [13] и оба Гольбейна [14] совершенно заполонили душу. Очень хороши старые немцы: Wolgemut [15], Strigel [16], Grünewald [17] и др.

Здесь, кроме того, лучшие гравюры Клингера [18]. По-моему, Клингер бесконечно интереснее, а главное интеллигентнее, умнее Штука, Бёклина [19] и прочих ветеранов «*нового искусства*».

Теперь о делах.

С прискорбием извещаю, что по очень *серьезным внутренним* причинам я не могу допустить напечатание сборника «Тоска по воле» [20]. Верьте мне — мотивы серьезные. Года через два, быть может, можно мне будет печатать этот сборник. Вот почему прошу «Скорпион» вернуть мне рукопись.

Конечно, в случае, если когда-нибудь будет возможно мне напечатать эту книгу, я *сперва* обращусь в «Скорпион» с просьбой ее напечатать. Само собой, что никому не передам рукописи, кроме вас и Сергея Александровича.

По тем же мотивам появление *гробовых песен* [21] сейчас совершенно невозможно в печати. Верьте мне, если бы мотивы не были бы серьезны, я не обратился бы к вам с просьбой отдать рукопись. Итак, не печатайте в «Весах» «*гробовые песни*».

Еще: пусть редакция сохранит про себя *причины* моего нежелания печатать «Сборник».

Пишу «*Бокал метели*» [22]. Как только закончу, пришлю рукопись.

Пришлю на днях статью «Психология и теория познания» [23]. Она —

плод долгого и усидчивого чтения и работы, и мне очень хотелось бы видеть ее напечатанной в «Весах». Содержание — отвлеченное.

Примите уверение в совершенном почтении и искренней любви.

Борис Бугаев

P. S. Сергею Александровичу мой привет и уважение.

Мой адрес. München. Barer Strasse 53 II 1. Очень жду «Весы». Когда выйдет А. Блок, пришлите мне, пожалуйста, книгу [24].

[1] Белый пробыл в Мюнхене до 1 декабря 1906 г.

[2] Вероятно, имеется в виду Максимилиан Яковлевич *Шик* (1884—1968) — переводчик, автор корреспонденций о немецкой литературе в «Весах».

[3] Братья *Койранские* — Александр Арнольдович, Борис Арнольдович и Генрих Арнольдович (псевд. Г. Тверской) — молодые писатели из круга издательства «Гриф». Наиболее приметной фигурой из них был Александр Койранский, поэт и художник, автор критических статей по вопросам искусства и литературы, который, согласно воспоминаниям Н. Петровской, «остался поэтом невыявленных потенций» (ЦГАЛИ, ф. 376, оп. 1, ед. хр. 2, л. 18)

[4] Шолом *Аш* (1880—1957) — еврейский писатель, пользовавшийся в 1900-е годы известностью в России. О своих мюнхенских встречах с ним Белый рассказал в очерке «Шолом Аш. Силуэт» («Час», 1907, № 28, 16 сентября) и в мемуарах (*Между двух революций*, стр. 125—127, 131—132).

[5] Станислав *Пшибышевский* (1868—1927) — польский писатель и публицист, крупнейший выразитель модернистских тенденций в польской литературе. Белый описал мюнхенские встречи с ним в «силуэте» «Пшибышевский» («Час», 1907, № 18, 2 сентября), дал характеристику его творчества в статье «Пророк безличия» («Киевская мысль», 1909, № 133, 15 мая; см. также: Андрей Белый. Арабески. М., «Мусагет», 1911, стр. 3—16). Белого познакомил с Пшибышевским Шолом Аш (см.: *Между двух революций*, стр. 127—128).

[6] «Сецессион» («Sezession») — наименование ряда немецких и австрийских художественных группировок конца XIX — начала XX в., объединявших художников различных творческих направлений, противопоставлявших себя официальному академическому искусству. Мюнхенский «Сецессион» был основан в 1892 г.

[7] Джон *Лейвери* (Lavery, 1856—1941) — английский художник, работавший главным образом в жанре портрета.

[8] Эжен *Каррьер* (Carrière, 1848—1906) — французский живописец, портретист.

[9] Франц *Штук* (Stuck, 1863—1928) — немецкий живописец и скульптор, автор многочисленных картин на библейские, мифологические и аллегорические темы; один из основателей мюнхенского «Сецессиона».

[10] Жан-Франсуа *Рафаэлли* (Raffaelli, 1850—1924) — французский живописец и гравер; жанрист, бытописатель предместий Парижа, испытавший воздействие импрессионизма.

[11] Вильгельм фон *Диц* (Diez, 1839—1907) — немецкий художник и иллюстратор.

[12] Шарль *Коттэ* (Cottet, 1863—1925) — французский художник, ученик Ролля и Пюви де Шаванна; представитель так называемой «школы мрака», возникшей в виде протеста против крайностей импрессионизма.

[13] Альбрехт *Дюрер* (1471—1528) — живописец, гравер, рисовальщик и теоретик искусства. Его произведения богато представлены в мюнхенской Старой Пинакотеке.

[14] Ганс *Гольбейн Старший* (ок. 1465—1524) и его сын Ганс *Гольбейн Младший* (ок. 1497—1543) — живописцы и графики, также представленные в собрании Старой Пинакотеки. Творения классиков немецкого изобразительного искусства заняли во внутреннем мире Белого огромное место. В мюнхенском письме к М. К. Морозовой (от 12 октября 1906 г.), говоря о своем разочаровании в буржуазной Германии, он пишет: «Иногда мне казалось, что Мюнхена нет, а это синематограф, мелькающий перед глазами, но когда вспомню Дюрера, Гольбейна, Кранаха, грозящих сердцу жуткой, еще не испытанной далью, горизонты которой изрезаны образами грядущих титанов,— нет, опять верю в Германию» (ГБЛ, ф. 171.24.1а).

[15] Михаель *Вольгемут* (Wolgemut, 1434—1519) — немецкий художник и резчик по дереву, учитель Дюрера.

[16] Бернхард *Штригель* (Strigel, ок. 1460-1461—1528) — немецкий художник.

[17] *Грюневальд* (Grünewald) — немецкий живописец, настоящее имя Маттиас Нитхардт (Nithardt, он же Neithardt, ок. 1460-1470—1528). Согласно воспоминаниям Белого, именно работы Нитхардта в Старой Пинакотеке оказались ему особенно близки (*Между двух революций*, стр. 115).

[18] Макс *Клингер* (Klinger, 1857—1920) — немецкий офортист и скульптор, примыкал к символизму. Белый вспоминал о своей мюнхенской жизни: «Часто часами сижу я в пустом кабинете гравюр над альбомами Сегантини и Клингера — для понимания отличий гравюры-модерн от следов на дереве резца Дюрера» (*Между двух революций*, стр. 110).

[19] Арнольд *Бёклин* (Böcklin, 1827—1901) — швейцарский художник, оказавший воздействие на формирование символизма в живописи.

[20] В неосуществленный сборник «Тоска по воле» должны были войти стихи, позднее объединенные в книгах «Пепел» (1909) и «Урна» (1909). Многие из них отразили переживания, связанные с отношением Белого к Л. Д. Блок, и поэтому наиболее вероятной причиной решения Белого было получение им в Мюнхене ее письма от 2 октября 1906 г. (ГБЛ, ф. 25. 9. 18).

[21] См. п. 56, примеч. 1.

[22] Белый работал над окончательной редакцией «четвертой симфонии» «Кубок метелей» (издана «Скорпионом» в 1908 г.).

[23] Статья «О границах психологии»; в «Весах» напечатана не была, впервые опубликована в кн.: Андрей Б е л ы й. Символизм. М., «Мусагет», 1910.

[24] Александр Б л о к. Нечаянная радость. Второй сборник стихов. М., «Скорпион», 1907; книга вышла в свет в декабре 1906 г. Белый откликнулся на нее резко критической рецензией («Перевал», № 4, 1907).

58. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Москва〉 16/29 окт〈ября〉 1906

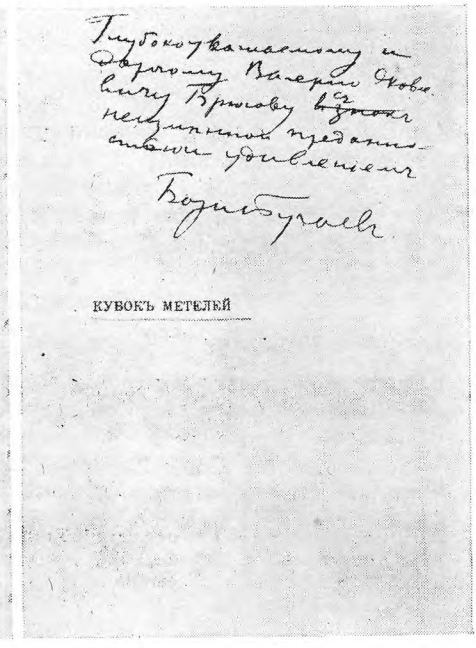
Дорогой Борис Николаевич!

Спасибо, очень спасибо за память, за вести о себе, вообще за письмо. Все, что вы сообщаете о своей жизни, о своих встречах, очень интересно. Я по-прежнему уверен, что новая обстановка, новые впечатления дадут вам много. Вы слишком долго жили в сфере все одних и тех же, или сходных, явлений. Ах, не презирайте внешнего. Внешнее часто бывает только ударником, разрежающим скопившееся электричество, которое без него, однако, осталось бы в скрытом виде. (Может быть, мои физические термины неверны, простите.) Внешнее [часто] дает только форму для внутреннего, но что такое содержание без формы? полное ничто, нечто, о чем нельзя даже говорить. Надеюсь увидать вас весной, или вообще когда вы приедете — воскресшим, если не перерожденным, то возрожденным в свою новую, вторую жизнь.

Воля ваша относительно «Песен» будет, конечно, свято исполнена, хотя я ее и не понимаю. Могу еще до некоторой степени представить себе причины или поводы, которые отклоняют вас от печатания отдельной книги, сборника. Но почему не напечатать вам в «Весах» — «Панихиды», после того как вы печатали целый ряд отдельных стихотворений из сборника и в «Весах», и в «Руне», и в «Перевале»? [1] Подумайте еще, может быть, передумаете. А мне все жаль лишить «Весы» ваших прекрасных стихов.

Раз заговорили о «делах», скажу и о «Кубке метелей». Мы его очень поджидаем. Начнем печатать тотчас, как получим рукопись. (Кстати: не позволите ли вы при этом несколько избранных отрывков напечатать в «Весах», сообразно с чем будет нами увеличен гонорар за книгу: это прием, который мы теперь применяем вообще по всем нашим изданиям.)[2] Ждем и вашей теоретической статьи [3], которой мы, конечно, *как всему вашему*, рады, но которой, не знаю, будут ли рады наши читатели. Ведь вы знаете, что «читатели» вообще, как существо собирательное, очень легкомысленны и все предпочитают нечто в «повествовательном» роде, а не в роде «рассуждений». IV-ый «перевал» идет в № 10 [4]; будет ли V-ый в № 11? [5] Вы говорили, что писать «перевалы» вам не в тягость. Ах, не оставляйте «Весы» без своей подписи!

В Москве нового мало, а, может быть, и совсем ничего нет. Единственное «событие» в нашем круге вы, конечно, уже знаете: умер Н. Я. Тароватый [6], очень скоро, в 48 часов, от менингита, от которого когда-то все боялись умереть вы. Его место в «Руне» занял В. Д. Милиоти [7]. У «Весов»



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ А. БЕЛОГО

на книге «Кубок метелей». М., «Скорпион», 1908: «Глубокоуважаемому и дорогому Валерию Яковлевичу Брюсову с неизменной преданностью и удивлением. Борис Бугаев»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

соглашение с Мережковскими не состоялось [8]. Вероятно, оно состоится у Мережковских с «Руном» [9]. Неожиданно, не правда ли? Но Мережковские вообще люди довольно неожиданные. «Провал» еще не воплотился [10].

Пишите мне, прошу.

Всегда и сердечно ваш Валерий Брюсов

P. S. Получаете ли вы «Весы» аккуратно?

Ответ на п. 57.

[1] В 1906 г. Белый напечатал в «Весах» стихотворный цикл «Одинокие» (№ 8), в «Золотом руне» — стихотворения из цикла «Горемыки» (№ 1) и несколько отдельных стихотворений, в «Перевале» — стихотворения из цикла «Горемыки» (№ 2).

[2] Отрывки из «Кубка метелей» в «Весах» не печатались.

[3] См. п. 57, примеч. 23.

[4] Борис Бугаев. На перевале. IV. Литератор прежде и теперь.— «Весы», 1906, № 10. Статья включала полемический аспект: в ней была подвергнута сомнению спасительность мистико-анархических «грез о соборном творчестве».

[5] № 11 «Весов» за 1906 г. был целиком отведен повести М. Кузмина «Крылья».

[6] Николай Яковлевич *Тароватый* (ум. 6 октября 1906 г.) — редактор-издатель художественно-критического журнала «Искусство» (1905), член редакции «Золотого руна».

[7] Василий Дмитриевич *Милиоти* (1875—1943) — русский живописец и график.

[8] О предполагаемом соглашении с Мережковским и Гиппиус по поводу совместного издания и редактирования «Весов» см. наст. том, стр. 289—293.

[9] Союз Мережковских с «Золотым руном» также не состоялся.

[10] Ироническое сообщение о том, что еще не вышел № 1 нового журнала «Перевал», под редакцией С. А. Соколова (см. наст. том, стр. 497). Брюсов в «Перевале» не участвовал — об отказе сотрудничать в этом журнале он известил С. А. Соколова 18 августа 1906 г. (ГБЛ, ф. 499.1.8).

59. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

⟨Мюнхен, 21 октября / 3 ноября 1906 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Спасибо за письмо, ужасно утешило. На днях отвечаю [1]. Привет! Здесь, к удивлению, вижу, что вы мне и в *идейном смысле* один из самых близких, и, кроме того, люблю вас очень. Печатайте мои гробовые песни, кроме одной «*Она гуляла в черном трауре вдоль реки*» [2] и не печатайте ничего облачного в роде «Ей поет ветерок» [3] или «Угроза» [4]. Перевал № 5 пришлю [5].

Уважающий и любящий вас Б. Б у г а е в

Сборник не надо: он — гадкий [6].

Открытка. Почт. шт.: München. 3. Nov. 06; Москва. 24.10.06.
Ответ на п. 58.

[1] См. п. 60.

[2] См. отрывок 6 в поэме «Панихида» — «Она гуляла вся в черном» («Весы», 1907, № 6, стр. 11—12; впоследствии не печатался).

[3] Стихотворение под таким названием опубликовано не было.

[4] Написанное в 1905 г. стихотворение «Угроза» («В тот час, когда над головой...») впервые напечатано в цикле «Голоса в полях» (альманах «Шиповник», кн. 6. СПб., 1908, стр. 155); вошло в сб. «Пепел».

[5] Статья Белого «На перевале. V» в «Весах» не появлялась; после IV статьи этого цикла («Весы», 1906, № 10) была опубликована статья «На перевале. VI. Против музыки» («Весы», 1907, № 3). Возможно, что «Перевалом № 5» являлась статья «Против музыки» (написанная в Мюнхене), либо статья о мистическом анархизме (см. п. 69).

[6] Сборник «Тоска по воле». См. п. 57, примеч. 20.

60. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

⟨Мюнхен. После 3 ноября н. ст. 1906 г.⟩

Дорогой, многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Спасибо еще за ваше письмо. Теперь окончательно выяснилось мне, что можно печатать стихотворения мои вот какие: «Сидишь на постели, обагренный закатом» [1], «Панихида» [2], «Вынос» [3], «Память» (Тужила о милом... Весною левкою и т. д.) [4]. Другие же гробовые не надо. «Симфонию» кончу через месяц. Что угодно из нее прошу печатать в «Весах» [5]. А *сборника* сейчас по внутренним мотивам печатать не надо.

Живу тихо и сосредоточенно. Здесь еще все голубое. Тепло. По вечерам сижу у открытого окна с трубкой, и рисуется бессмыслица последних лет моей жизни. Знаю — так жить нельзя. Одиночество мое сейчас посещают тени. Слышу сладкие веяния. И верю, верю... и даже как-будто голоса.

Пришло ко мне далекое прошлое — детство (или, быть может, старость). Знаю, что громадный кошмарный период жизни для меня отходит маревом. «Вижу солнце завета, вижу небо вдали. Жду вселенского света от воскресшей земли» (Блок) [6]. Мне больно и грустно: одиноко, но спокойно. Если кому-нибудь сделал больно, прошу прощения. Мне хочится перед всеми каяться, чтоб от всех уйти — уйти туда, куда призывают голоса. Здесь в Мюнхене был период, когда со всеми перезнакомился и так же быстро прервал все знакомства: неинтересно. Интересны поляки: особенно один (бывший секретарь «Химер») [7]. Пшибышевский мне очень нравится. Он — превосходный музыкант, но как литератор — неинтересен. Был у него раз, второй раз не тянет.

Утром гуляю в золотом громадном парке или сижу за коллекцией гравюр в Пинакотеке. От 2-х до 6-ти работаю. Вечером с Владимировым

у меня варим чай и закусываем. Потом подолгу сидим с трубками. Сидим и молчим. И душа умиляется тишине. Иногда идем в кафе и молчим над кружками пива, слушая вальс. Так идет день за днем.

Любящий вас Б. Бугаев

P. S. «Весов» не получал ни одного №. Очень жажду иметь их. Последний №, какой я знаю, это с моими стихами. Да вот еще: молодой поляк из «Химер», очень смыслящий и утонченный в вопросах искусства, хочет попробовать для «Весов» перевести кого-нибудь из новейших и интереснейших поляков (Жеромского [8], Выспянского [9], Берендса [10]).

Что ему сказать?

Ответ. на п. 58. Датируется приблизительно, по связи с п. 59.

[1] «Сидишь на постели...» — 1-й отрывок из поэмы «Панихида» («Весы», 1907, № 6). Белый предлагает для опубликования те отрывки, в которых менее отчетливо проступает подтекст его личных отношений с Л. Д. и А. А. Блоками.

[2] Вероятно, 4-й отрывок из «Панихиды» — «Вокруг // И жена, и любовница, и друг...» (там же).

[3] См. п. 56, примеч. 2.

[4] 8-й отрывок из «Панихиды» («Весы», 1907, № 6); как самостоятельное стихотворение под заглавием «Свидание» включено в сб. «Пепел».

[5] См. п. 58, примеч. 2.

[6] Неточная цитата из стихотворения Блока «Верю в Солнце Завета...» (1902, из сб. «Стихи о Прекрасной Даме»).

[7] Казимеж *Врочиньский* (о нем. см. п. 62, примеч. 2). «Chimera» (1901—1907) — литературно-художественный журнал, орган польского модернизма.

[8] Стефан *Жеромский* (Żeromski, 1867—1925) — польский писатель. Первый сборник его рассказов вышел в 1895 г.

[9] Станислав *Выспяньский* (Wyspiański, 1868—1907) — польский драматург, поэт и художник; выступил в литературе в 1898 г.

[10] О Вацлаве Беренте (а не Берендсе) см. п. 62, примеч. 7.

61. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

‹Мюнхен, 25 октября / 7 ноября 1906 г.›

Дорогой Валерий Яковлевич!

Привет из Leopold'a [1].

Б. Бугаев

С. Вулих [2]

В. Владимиров [3]

P. S. «Весы» ни одного № не получил. Вышлите, пожалуйста. Ужасная жажда читать по-русски, а особенно «Весы». Еще одна просьба: нельзя ли в счет гонорара мне выслать «Северную симфонию» (если можно, 2 экземпляра) и 1 экз. «Золота в лазури». Буду очень благодарен.

P. S. «Перевал» № 5 [4] на днях вышлю.

Открытка. Почт. шт.: München. 7. Nov. 06; Москва. 28.10.06.

[1] Мюнхенское кафе. Белый писал о нем: «Здесь уютно работать: сколько раз я набрасывал в «Leopold'e» план завтрашней работы, пыхтя трубкой, глотая пиво» (Андрей Белый. Мюнхен вечером.— «Киевские вести», 1908, № 165, 22 июня).

[2] *С. А. Вулих* — социал-демократ, меньшевик, находившийся в Мюнхене в эмиграции. Белый писал матери о нем из Мюнхена 31 октября 1906 г.: «Один только русский (еврей) — друг В‹асилия› В‹асильевича› пришелся мие очень по душе. Это социал-демократ, человек благородный и неподкупно честный. Может быть, через месяца полтора он будет в Москве. Прошу тебя, милая мама, отнестись к нему поласковей. Он такой одинокий, гордый и замкнутый, с виду даже неприятный, но в душе удивительный человек. Я ему дам письма к московским знакомым» (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 358; см. письма Вулиха к Белому за 1907 г.: ГБЛ, ф. 25. 13. 16).

[3] См. п. 13, примеч. 3.

[4] См. п. 59, примеч. 5.

62. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

⟨Мюнхен. 7/20 ноября 1906 г.⟩

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

Получил ваше письмо из Петербурга. Спасибо. Мне всегда так приятно и интересно получать известия от вас.

Позволю себе обратиться к вам на этот раз с деловым письмом.

Последнее время мне часто приходится встречаться с поляками. Из разговоров некоторых из них я вынес крайне много поучительного и свежего. В среде польских художников и литераторов, сгруппированных главным образом вокруг «Химер» [1], происходит то, чему следовало бы поучиться и нам. Вот почему я довожу до вашего сведения предложение одного высокообразованного и интересного польского молодого поэта Kazimierz'a Wroczyński [2], друга Пшесмыцкого [3], издателя-редактора «Химер» — и сотрудника, переводить от времени до времени для «Весов» сливки молодой польской литературы, которая у нас совершенно неизвестна (за исключением сказавшихся и потухающих Пшибышевского [4], Тетмайера [5] и др.). Кроме того, интересуясь и высказывая сочувствие «Скорпиону» и «Весам», он просил меня известить вас и Сергея Александровича, что в случае, если бы «Скорпион» захотел когда-либо познакомить русскую публику с последним словом польского молодого искусства, остановиться на следующих недавно появившихся произведениях:

«Popioły» — Żeromski («Зола» — Жеромского) [6].

«Próchno» — Berent («Труха» — Берента (напечатана в «Химерах») [7].

«Milczenie» — Norwida («Молчанье» — Норвида; Норвид совсем неизвестный в России огромный художник) [8].

История двоих влюбленных — Мицинского [9].

4 источника. И. Врочинского [10] (родственника K. Wrocziński).

Жду от вас ответа. Было бы очень хорошо, если бы вы выслали мне в счет гонорара последний и предпоследний год «Весов». Я имел бы возможность познакомить поляков с «Весами», которыми они очень интересуются, но которых не читали. Если бы редакция прислала «Весы» Пшибышевскому, он был бы глубоко благодарен. Сам он не владеет русским языком, но вокруг него целый клуб поляков, которые бы могли постоянно видать «Весы», рассказывать ему содержание и т. д. Его жена понимает по-русски. Адрес Пшибышевского: München, Bismark Strasse. 28 III l.

От времени до времени я к нему захожу, чтоб послушать музыку: он считается одним из лучших исполнителей Шопена [11]. Он очень милый, простой и уставший человек, сознавший свой закат и грустно присутствующий при своей смерти. В его грустной мешковатости и кроткой иронии есть что-то трогательное до слез. Если бы редакция «Весов» оказала ему внимание присылкой «Весов» или других изданий «Скорпиона», он был бы глубоко тронут. Я ему показал № «Золотого руна», и он с большим интересом рассматривал каждую деталь издания и показывал своим друзьям. Он высказал мне пожелание, чтобы редакция «Руна» выслала ему № (но он очень беден, и не может выписывать лично). Напишу «Руну». Но мне немного обидно, если б польская молодежь, столь интересующаяся «Скорпионом», имела представление о русском искусстве по «Руну». Вот почему я и прошу вас и Сергея Александровича, если можно, выслать Пшибышевскому хоть последний год «Весов». Он (Пшибышевский) — стоит того. И, кроме того, это полезно в деле ознакомления. Здесь сейчас масса поляков. Очень многие бывают у Пшибышевского.

Русская колония просила меня прочесть здесь реферат, но я пока отклонил, не имея времени и подходящих материалов. Во втором полу-

годии хочу познакомить здешних русских с вами, прочтя им реферат, посвященный вам[12]. У многих русских есть большой интерес к вам, но они ничего не знают: все южане, провинциалы и часто партийные и нелегальные. Очень жду «Весов»; мне не присылали ни одного №. Когда выйдет что-нибудь новое в «Скорпионе», пожалуйста, пришлите мне. Сейчас напал такой период, что ничего не могу писать, а если и могу, то только «Симфонию». Поэтому «перевал» придется только прислать к декабрю[13]. Очень жду обещанного письма. О себе до другого раза. Примите уверения в совершенной преданности и любви.

Б. Бугаев

На конверте почт. шт.: Москва. 10.11.06; мюнхенский штемпель отсутствует (марка вырезана).

Ответ на утраченное письмо Брюсова.

[1] См. п. 60, примеч. 7.

[2] Казимеж *Врочиньский* (Wroczyński, 1883—1957) — польский поэт и драматург, директор и режиссер театров в Лодзи и Варшаве. Ко времени знакомства с Белым вышел в свет только его первый сборник стихотворений «Circenses» (Warszawa, 1904).

[3] Зенон *Пшесмыцкий* (Przesmycki, псевд. Мириам, 1861—1944) — один из основоположников и теоретиков польского модернизма, редактор-издатель журнала «Химера».

[4] Наиболее значительные произведения Станислава Пшибышевского вышли в 1890-х годах.

[5] Казимеж *Тетмайер* (Tetmajer, 1865—1940) — польский поэт и прозаик, один из наиболее популярных польских писателей на рубеже XIX и XX вв.

[6] Роман «Пепел» («Popioły», 1902—1903) в русском переводе (под названием «Пепелище») печатался в 1903 г. в журн. «Русское богатство» (№ 1—12).

[7] Роман «Гнилье» польского писателя-символиста Вацлава *Берента* (1873—1940) впервые напечатан: «Chimera», 1901, zeszyt 4—12; отд. изд.: Wacław B e r e n t. Próchno. Powieść współczesna. Warszawa, 1903.

[8] Циприан Камиль *Норвид* (Norwid, 1821—1883) — польский поэт, драматург, живописец, скульптор. Не признанный при жизни, Норвид обрел вторую жизнь в начале XX в.; его творчество открыл и популяризировал Зенон Пшесмыцкий, выпустив в 1904 г. VIII том журнала «Химера», специально посвященный Норвиду. «Молчание» (1882) — философско-эстетическое исследование Норвида.

[9] Тадеуш *Мициньский* (Miciński, 1873—1918) — польский поэт, драматург, прозаик и публицист, выразитель идей символизма. Имеется в виду его новелла: «Historia dwoig'a kochanków i pani Hoan-Tho. Z chińskich porcelan i Księgi: Kim Vân-Kiên-Tân-Truyen» («Chimera», 1901, IV, s. 131—142).

[10] Ян *Врочиньский* (Wroczyński, 1883—1905) — второстепенный польский писатель, модернист, автор книги «Gawoty gwiezdne» (Lwów, 1905).

[11] Ср.: «Когда Пшибышевский играет, он точно худеет, вырастает: бледное, бледное лицо с горящими глазами, пальцы терзают рояль, точно орлиные когти свою добычу. И рояль гремит. И Пшибышевский, большой-большой, несет нас на крыльях своей души ⟨...⟩ Он один из лучших исполнителей Шопена. Шопеном он говорит с вами» (Андрей Б е л ы й. Пшибышевский. Силуэт.— «Час», 1907, № 18, 2 сентября; см. также: *Между двух революций*, стр. 130).

[12] Это намерение осуществлено не было. В мюнхенском кафе для русских Белый читал реферат «О символизме».

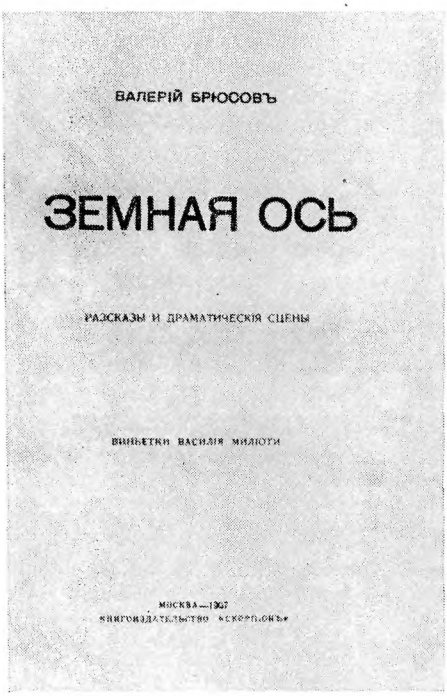
[13] Очередная статья из цикла «На перевале».

63. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨Москва⟩ 16 ноября 1906

Дорогой Борис Николаевич!

Письмо ваше и порадовало меня и повергло в отчаянье. Порадовало все, что вы говорите о себе, и ваша память обо мне. Отчаяло все, что вы пишете о польской литературе. Боже мой! для чего же «Весы» издаются три года, если даже вы не знаете, что́ в них печатается! Вы советуете «Весам» остановиться как на новинках польской литературы на романе Берента «Próchno», на писаниях Норвида, Жеромского, Врочинского... Но о «Próchno» мы писали два года назад [1], и самый этот роман уже *трижды* пе-

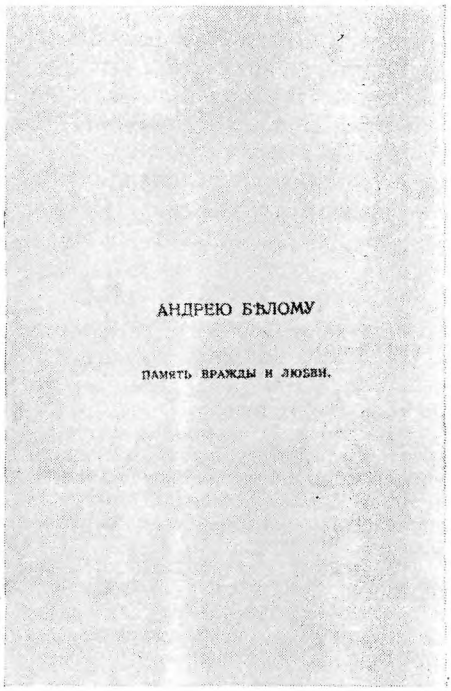

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ

ЗЕМНАЯ ОСЬ

РАЗСКАЗЫ И ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ

ВИНЬЕТКИ ВАСИЛІЯ МИЛЮТИ

МОСКВА—1907
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СКОРПІОНЪ»


АНДРЕЮ БѢЛОМУ

ПАМЯТЬ ВРАЖДЫ И ЛЮБВИ.

«ЗЕМНАЯ ОСЬ». М., «СКОРПИОН», 1907.
Сборник рассказов Брюсова, посвященный Андрею Белому
Титульный лист и посвящение
Экземпляр с дарственной надписью на форзаце: «Сергею Михайловичу Соловьеву дружески Валерий Брюсов. 1907»
Собрание В. П. Нечаева, Москва

реведен на русский язык, один раз в «Вопросах жизни»! [2]. Вы называете Норвида «совершенно неизвестным в России», но в «Весах» *этого года* был помещен его рисунок [3]; притом надо заметить, что это писатель и художник вовсе не современный нам, а живший чуть не сто лет назад (в начале XIX в.). О Жеромском мы говорили немного, а большего он не стоит [4]. Еще меньшего стоит Врочинский, переводы произведений которого не раз присылались в «Весы» и с которыми мы хорошо знакомы. Помилосердствуйте, Борис Николаевич, не ломитесь в открытую дверь: мы польской литературой интересуемся, «Химеру» получаем с ее основания, о польских книгах всегда говорим, польским художникам посвятили отдельный №...[5] и т. д. Но если *вы* всего этого не заметили в «Весах», что же заметила публика! Для кого же мы работаем? Для кого же мы издаем журнал? Страшно. Страшно.

В Москве ничего нового. Москва все более и более становится городом провинциальным. Вся жизнь отлила в Петербург. Устраиваем «среды» и «вторники» [6], есть Общество «Леонардо да Винчи» и другое — «Единение» [7], но все это как-то вяло и безнадежно. Усилие, создавшее «Скорпион» и всех нас, временно истощило силы Москвы. Чувствую себя в самой подлинной пустыне. Хотя мы с вами и встречались редко, и говорили мало, а вернее — по разным «историческим» причинам — совсем не говорили (всерьез), но пока в Москве были вы, чувствовалось веянье живой души. Ныне — кругом видение Иезекииля [8]. А Юргис Балтрушайтис среди мертвых костей, как живая, но, увы, безмолвная скала [9].

Я издаю сборник своих рассказов («Земная ось») [10]. Как рассказчика меня не любят. Книгу будут бранить. Вы тоже не любите моих рассказов? Если нет, т. е. если не не-любите, позвольте посвятить ее вам, именно как единственной живой душе, которую я знаю. Но напишите об этом совсем откровенно. Если не хотите, я ни на миг не почувствую себя обиженным.

Пишите мне.

Всегда ваш Валерий Брюсов

P. S. Все ваши просьбы передал в «Весы».

Ответ на п. 62.

[1] Отзыв о романе Берента «Гнилье» в «Весах» не печатался.

[2] Брюсов ошибочно назвал журнал «Вопросы жизни» вместо «Нового пути», напечатавшего роман Берента в переводе Вл. Высоцкого («Гниение» — 1904, № 7—9, 11); под названием «Блестящая пыль» роман был опубликован в приложении к журналу «Театр и искусство» — «Библиотека «Театра и искусства», 1904, кн. 1—13. Появилось и отдельное издание: Вацлав Берент. Гнилушки. Современная повесть. М., изд. В. М. Саблина, 1907.

[3] Портрет Зыгмунта Красиньского работы Норвида («Весы», 1906, № 6). Ср. сообщение «Киприан Норвид» — о выпуске журнала «Химера», специально ему посвященном («Весы», 1905, № 2, стр. 73).

[4] Отзывы о произведениях Жеромского в «Весах» не появлялись.

[5] Рисунками и виньетками польских художников иллюстрирован № 6 «Весов» за 1906 г. Кроме упомянутого рисунка Норвида, были помещены работы Э. Окуня, С. Турбы-Кшишталовича, Э. Надельмана, И. Мехофера, Ст. Выспяньского и М. Вавженецкого.

[6] «Среды»— собрания только что организованного «Общества свободной эстетики»; «вторники»— вечера Московского литературно-художественного кружка.

[7] «Единение» — «Общество свободной эстетики» — см. о нем наст. том, стр. 33. Как сказано в кратком отчете о деятельности «Общества свободной эстетики» за 1906—1907 г., «весною 1906 года среди нескольких лиц, поклонников искусства, возникла мысль основать общество, которое соединяло бы в себе служителей всех родов искусства — художников, музыкантов, поэтов, драматических и балетных артистов, с целью сближения их между собою. Литературно-художественный кружок (Дмитровка, дом Вострякова) любезно предложил для собраний часть своего помещения. На одном из первых собраний произошел спор по поводу названия и задач нового общества. Часть членов основала свой кружок под названием «Общества Леонардо да Винчи», остальные же лица отделились и впервые собрались ‹...› *в среду 8 ноября 1906 г.*» (ГБЛ, ф. 386. 114. 36). По возвращении в Россию Белый, как и Брюсов, принял активное участие в собраниях «Общества свободной эстетики», выступая с докладами и чтением собственных произведений (см.: *Между двух революций*, стр. 218—245).

[8] Т. е. картина всеобщего опустошения (см.: Книга пророка Иезекииля, VI—VII, XXXV—XXXIX).

[9] О Ю. К. Балтрушайтисе см. наст. том, стр. 678.

[10] Валерий Брюсов. Земная ось. Рассказы и драматические сцены (1901—1906 гг.). М., «Скорпион», 1907. Книга вышла в декабре 1906 г. (см. также п. 65).

64. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

‹Мюнхен. 17/30 ноября 1906 г.›

Дорогой Валерий Яковлевич!

Привет! Еду в Париж завтра [1]. Об адресе извещу.

Весь ваш Б. Бугаев
В. Владимиров
Маргарита Дидерихс
Андрей Дидерихс [2]

Открытка. Почт. шт.: München. 30 Nov. 06; Москва. 20. 11.06.

[1] Белый поехал в Париж по приглашению Мережковского и Гиппиус.

[2] Мюнхенские знакомые Белого — художник Андрей Романович Дидерихс и его сестра Маргарита. См: *Между двух революций*, стр. 117; Андрей Белый. Воспоминания о Блоке.— «Эпопея», № 3, 1922, стр. 196.

65. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨Москва. После 20 ноября ст. ст. 1906 г.⟩

Дорогой Борис Николаевич!

Я писал вам в Мюнхен — длинное письмо. Вытребуйте его. Всех поляков, о которых вы пишете, мы хорошо знаем, и обо всех *не раз писали в «Весах»*. «Próchno» переводилось в «Вопросах жизни» [1]. Норвид жил в начале XIX в.; его рисунок помещен в «Весах» 1906 г. и т. д.[2]

Я просил у вас, в том же письме, позволения посвятить вам свою книгу рассказов «Земная ось». Можно ли? «В память вражды и любви»? [3] Книга быстро печатается, и хочется скорого ответа.

Все ваши статьи будут, конечно, напечатаны в «Весах». В «Весах» же думаем мы напечатать и «Кубок метелей», а книгой издать «Четыре симфонии» [4].

Не верьте Зинаиде Николаевне, что Париж — город старомодный. Он старомоден в целом, но в нем есть круги, есть люди, которые *впереди* всей современности. Их надо найти. Таково, например, общество «Abbaye» и его поэты: Arcos, Duhamel [5] и др. Хотите, пришлю адреса.

Если вам можно, познакомьтесь с Николаем Степановичем Гумилевым, Boulevard St.-Germain, 68; кажется, талантлив, и во всяком случае молод [6].

Любящий вас всегда

Валерий Брюсов

Датируется приблизительно по связи с п. 64.

[1] См. п. 63, примеч. 2.
[2] См. п. 63, примеч. 3.
[3] Посвящение сборника «Земная ось»: «Андрею Белому память вражды и любви» (см. п. 63, примеч. 10).
[4] «Кубок метелей» был издан «Скорпионом» в 1908 г. отдельной книгой. «Четыре симфонии» Белого в одну книгу объединены не были.
[5] См. наст. том, стр. 582.
[6] Брюсов был знаком тогда с Н. С. Гумилевым по переписке; в 1906 г. он опубликовал в «Весах» три его стихотворения (№ 6).

66. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

⟨Париж. 29 ноября/12 декабря 1906 г.⟩

Дорогой и глубокоуважаемый Валерий Яковлевич!

Глубоко признателен и благодарен вам за ваше намерение посвятить мне книгу ваших рассказов [1]. Мне это чрезвычайно лестно и интимно дорого. Ваши рассказы я очень люблю и ценю, так что, помимо вашего личного внимания ко мне, мне дорого это посвящение как посвящение высокоценимого поэта. Простите чепуху мою о польской литературе — о меня просил поляк. Жду ответа решительного о его предложении. Мне ужасно спокойно и тихо в Париже. Живу в спокойной части городаи Париж-Вавилон мелькает передо мной иногда и как панорама только. Вообще же Париж прост, здоров и вовсе не соблазнителен, но хорош и располагает к тишине [2].

Теперь о делах. У вас есть мой рассказ. Не знаю, годен ли он для «Весов». Но он озабочивает меня лишь в смысле возможного заработка. Поэтому, если он «Весам» не нужен, отдайте его в «Руно» или «Перевал» [3]. Прошу очень напечатать статью мою «Границы психологии» [4], обещаюсь *больше* не утруждать философией. Извиняюсь за безумие, именуемое «манифестом». Если будете печатать, опустите слово «манифест» [5]. Впрочем поступите, как вам угодно. Буду скоро писать для «Весов». Получили ли «Перевал» № 5[6]. Мы собир⟨аемся⟩ с Зинаидой Николаев-

ной для «Весов» написать коллективную повесть или рассказ в недалеком будущем [7]. Вот и все о делах.

В заключение позволю себе сказать, что ужасно вас люблю (помимо уважения) и ценю как человека, независимо от (иногда вопреки) «исторических причин», которые, хотелось бы верить, уже отступают в область спокойного прошлого. Примите уверение в самом искреннем расположении.

Б. Бугаев

P. S. Бедный Сергей Александрович! Как его здоровье? Мой привет и уважение ему.

На конверте почт. шт.: Paris. 12.12.06; Москва. 2.12.06.
Ответ на п. 63.

[1] В подлиннике описка: «Книгу ваших стихов».

[2] Ср. отзыв Белого о Париже в письме к матери (декабрь 1906 г.): «Это парадокс, что Париж — здоровый и спокойный город, но это так. Здесь совсем не ощущаешь неврастении, как у нас. У меня чувство, что я начинаю погружаться в глубокий спокойный сон, и меня озабочивает только то, как бы подольше не нарушился этот укрепляющий силы сон после годов усталости и мучений» (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 358).

[3] Вероятно, рассказ «Горная владычица» («Перевал», 1907, № 12).

[4] См. п. 57, примеч. 23.

[5] «Манифест» Андрея Белого — «Художник оскорбителям» («Весы», 1907, № 1). В этом произведении он от имени художников-созидателей бросил слова гнева и презрения сытой толпе буржуа и эстетов, завершив отповедь словами: «Мы, милостию божией, художник, посылаем вам наше неугасимое проклятие ныне и присно, и во веки веков. Аминь». Подзаголовок в печати был опущен.

[6] См. п. 59, примеч. 5.

[7] Замысел не был осуществлен.

67. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

〈Париж. 1/〉14 дек〈абря 19〉06 года

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

получил ваши письма — и большое, и малое.

Еще раз повторяю, мне чрезвычайно дорого и лестно ваше посвящение. Спасибо!

Относительно предложений Врочинского переводить жду положительного «*нет*» или «*да*», ибо должен тотчас же известить его в Мюнхен.

Еще важное деловое замечание. Мережковский просил меня сходить в Мюнхене к издателю Достоевского, а также и сборника «Меч» — Piper'у [1]. Пипер просил меня сообщить, что очень интересуется молодым русским искусством. Поэтому он просит молодых авторов, прежде чем выйдут на русском языке их произведения, присылать рукописи ему (на русском). Он хотел бы переводить их на немецкий. Но для того, чтобы немецкое издание было *его всецело*, ему важно, чтобы немецкий перевод хотя бы на несколько дней появился раньше русского. Так он просил ему представить рукопись «Симфонии», а также сообщить русским писателям его просьбу [2]. Адрес Piper'a: München. R. Piper. Verlagsbuchhandlung. Josephplatz 7.

Дорогой Валерий Яковлевич! Пришлите мне адреса вами упомянутых поэтов. Мне бы хотелось их повидать [3]. Но скажите, если вам не трудно, как мне для этого поступить? Неловко ведь прямо явиться на квартиру и т. д. Очень радостно, что «Весы» напечатают мою «Симфонию» [4]. Хотите, я вышлю вам первые отделанные главы (по крайней мере № на 3)? Или лучше выслать всю «Симфонию» сразу?

Но должен бежать. Кончаю. Остаюсь глубоко уважающий вас и любящий

Борис Бугаев

Мой привет и уважение Сергею Александровичу и Михаилу Федоровичу [5]. Привет и уважение Анне Матвеевне.

Ответ на п. 63 и 65.

[1] Рейнхард *Пипер* (1879—1953) — владелец издательства «Пипер и К°», основанного в 1904 г. в Мюнхене. В 1906 г. приступил к изданию первого полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского на немецком языке при участии Д. С. Мережковского и Д. В. Философова (об этом издании см.: *ЛН*, т. 86, стр. 696). «Меч» — неосуществленное издание (об этом замысле см. наст. том, стр. 290).

[2] Замысел Пипера, о котором сообщает Белый, не был реализован.

[3] Знакомство Белого с писателями «Аббатства» тогда не состоялось, возможно, по причине его болезни в январе 1907 г. (см. п. 68).

[4] См. п. 58, примеч. 2.

[5] Михаил Федорович Ликиардопуло — см. о нем наст. том, стр. 282.

68. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

‹Париж. 6/19 января 1907 г.›

Дорогой Валерий Яковлевич!

Спасибо за высланную книжку. Не писал до сих пор, потому что боль мучила. Пишу из больницы, едва оправляюсь от операции [1]. Больше писать не могу: мучительно.

Еще раз спасибо, спасибо за посвящение.

Примите уверение в совершенном почтении и любви.

Борис Б у г а е в

Закрытое письмо — «секретка». Почт. шт.: Paris. 19.I.1907; Москва, 10.I.07.

[1] А. Белый заболел в канун Нового года (флегмона, угрожавшая заражением крови). Болезнь усугублялась нервным расстройством, вызванным сложными отношениями с Л. Д. Блок. С помощью Мережковских и Д. В. Философова Белый был направлен в больницу, где 2 января ему сделали операцию. «Он очень подготовил свою болезнь ненормальным образом жизни, которую вел перед этим,— писала 3 января 1907 г. З. Н. Гиппиус матери Белого.—‹...› Нервы расшатал себе до такой степени, что вид у него был прямо ужасный. У него слишком слабая воля, чтобы взять себя в руки, и с этой стороны я даже рада, что он проживет несколько времени в больнице, под строгим режимом. Это очень успокоит его нервы» (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 366).

69. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

‹Москва. Около 10 февраля ст. ст. 1907 г.›

Дорогой Борис Николаевич!

Простите, что молчал столько времени. Надеюсь, вы не сомневаетесь, что я с большим вниманием следил за всеми известиями о вашей болезни [1]. Приветствую ваше выздоровление. Сейчас не могу писать подробнее, потому что болен сам, и довольно серьезно: инфлуэнца с плевритом. Обращаюсь к вам пока по делу. Вы прислали нам «перевал» о мистических анархистах. Говорить о них «вообще», согласитесь, поздно. Но не позволите ли вы выбрать из вашей статьи несколько страниц, как заметку по поводу новой книжки Чулкова «Анархические идеи в драмах Ибсена»? Подошло бы. Напечатали бы в № 2[2]. Ответьте, если можно, скоро. № 1 «Весов» вы, вероятно, получили. Мне он нравится. Всех очень живо задевает ваш манифест [3]. Подписчиков у «Весов» уже теперь много больше, чем в прошлом году, и новые все прибывают [4]. Поджидаем «Кубок метелей». Но начнем его уже со второй половины года [5]. Напишу вам подробно, как только поправлюсь. Но вы, умоляю, не считайтесь со мной письмами, известите о себе.

Ваш сердечно Валерий Б р ю с о в

РИСУНОК
Н. П. ФЕОФИЛАКТОВА
ДЛЯ ОБЛОЖКИ «ВЕСОВ»;
1907, № 1
Тушь
Литературный музей, Москва

Датируется приблизительно, по п. 70.

[1] 8/21 января 1907 г. З. Н. Гиппиус извещала Брюсова:
«...больной А. Белый лежал у нас перед операцией и почти кричал от боли, которая «туго, туго крутила жгут». Теперь все понемножку обошлось. Операция сделана, прошла хорошо, и Белый лежит кротким, веселым, больным ангелом среди ухаживающих за ним монахинь какого-то строгого католического ордена. На будущей неделе, вероятно, встанет. Туча близких и дальних навещают его. Его, ведь, как-то любят и те, и другие» (ГБЛ, ф. 386. 82. 39, л. 1—1 об.).

[2] Ни статья Белого о мистическом анархизме, ни его заметка по поводу книги Г. Чулкова (СПб., «Шиповник», 1907) в «Весах» помещены не были.

[3] См. п. 66, примеч. 5. Брюсов отстаивал «манифест» Белого, в частности, перед З. Н. Гиппиус (см. наст. том, стр. 692—693).

[4] Согласно типографским счетам издательства «Скорпион», в 1906 г. у «Весов» было 845 подписчиков, а в 1907 г.— 1095 (см. наст. том, стр. 299).

[5] См. п. 58, примеч. 2.

70. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

‹Париж. 14/27 февраля 1907 г.›

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич!

Как ваше здоровье? Ужасно печально, что вы больны: надеюсь, поправляетесь. Что касается меня, перевязка замучила: скучно, дорого и кропотливо. Но во всем прочем чувствую себя прекрасно. На днях читал лекцию «Социал-демократия и религия»[1]. Было много курьезов. Познакомил Мережковского с Жоресом [2]. Теперь Мережковский читает лекцию по-французски; председательствовать будет Жорес [3]. Ужасно полюбил Париж. Но мало, что видел: вы будете бранить за некультурность. Мне нравится шляться по улицам и застывать в кафе над пивом с трубкой. Был только на обеде, устроителем которых бывает Фор [4], Шарль Морис [5]

и др. Скучно — глупо. Был раз в кафе, где ораторствует Мореас [6]. Но Мореаса не оказалось. Мережковские с ним познакомились. Были раз с Минским и Зинаидой Николаевной в «пикантных» монмартрских кабачках — интересно [7]. Минский так и захлебывается *Монмартром*: не понимаю. Познакомился с Гумилевым [8]. Может быть, письма его и интересны, но общий облик его — «панычи — *ось сосулька*!» (Гоголь. «Вий»), и *сосулька* глупая. Первый № «Весов» очень хорош. Как хорошо, что есть «Весы»! Только там и пишешь с удовольствием. Кстати о «Весах» и о делах. Сделайте из «Перевала» (о мистическом анархизме) что угодно, особенно, если против Г. Чулкова [9]. Видел, что мои погребальные песни вы озаглавили «Панихидой». Если вы не против, то напечатайте погребальные песни целиком. Теперь у меня нет субъективных причин, препятствующих их появлению. Прилагаю еще одно гробовое: если хотите, вставьте его в цикл в виде эпилога [10]. «Кубок метелей» почти готов. Я привезу его сам (буду в середине марта в Москве). Если «Скорпион» согласится печатать мою «Тоску по воле» [11], то я тоже теперь ничего не имею личного, что препятствовало бы его появлению. Я выбросил бы только одно, два стихотворения и дополнил бы его стихами (у меня стихотворений 20) [12]. Мне было бы очень приятно, если бы вы напечатали мою книгу; но сперва я должен вставить дополнение из новых стихов. Поблагодарите Сергея Александровича за любезную присылку денег: мне тогда они так были нужны (для больницы). Как здоровье С. А.? Очень интересуюсь: ведь он был так болен. Передайте ему привет и уважение.

Еще одно дело: очень прошу напечатать то, что прислал я о *музыке* [13]. Писать ли для «Перевала»? [14] Дорогой Валерий Яковлевич, простите за лаконизм. Читает Мережковский социал-демократам. Мне надо подготовиться для возражения социал-демократическим оппонентам (они выставили против Мережковского своих тузов) [15]. Читаю «Mouvement socialiste» — орган синдикалистов, которые выуживают все, что только можно, против социал-демократии. По приезде надеюсь лично вам многое, многое рассказать. Ужасно хочу вас видеть. До скорого свидания. Будьте здоровы!

Остаюсь глубоко уважающий и любящий вас

Борис Бугаев

P. S. Стихотворение *гробовое* вышлю на днях: вспомнил, что оно у Зинаиды Николаевны.

На конверте почт. шт.: Москва, 18.2.07 (Парижский штемпель отсутствует — марка вырезана).
Ответ на п. 69.

[1] Белый читал лекцию «Социал-демократия и религия» 22 февраля 1907 г., в помещении кафе, в пользу парижской эмигрантской кассы (напечатана в журнале «Перевал» 1907, № 5). В ней утверждались сходство задач и общность путей «религиозного строительства» и «социального переворота». Белый писал матери 28 февраля 1907 г.: «Лекцию прочел: публики была масса. Произвела много толков. Было много нападок. Очень многие серьезно заинтересовались» (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 358).

[2] Сам Белый познакомился с Жаном Жоресом в декабре 1906 г. «Мне приходилось встречаться с ним почти ежедневно за завтраком в одном из уютных пансионов в Passy, куда он заходил перед отправлением в Палату депутатов. Здесь, в небольшом кругу знакомых лиц, он был необыкновенно прост и интимен» (Андрей Белый. Силуэты. I. Жорес.— «Накануне», 1907, № 20, 6 июля). В письме к матери от 18 февраля 1907 г. Белый сообщал: «Вчера познакомил Жореса с Мережковским. Я полюбил *очень* Жореса» (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 358). «Жорес был неподдельно мил и с интересом расспрашивал русских об их религиозных взглядах, об отношении мистического построения Мережковского к общественным вопросам вообще, об отношении его к социализму и анархизму, наконец, расспрашивал о России ⟨...⟩ Они расстались, по-видимому, довольные друг другом; по крайней мере Д. С. Мережковский потом говорил о Жоресе с большой теплотой и сердечностью. Мне неловко было говорить

с Жоресом о Мережковском, как человеку, слишком близко стоящему к интересам русского писателя» (Андрей Белый. Из встреч с Жоресом.— «Час», 1907, № 2, 14 августа; см. также: *Между двух революций*, стр. 149—168). Мережковский описал свою встречу с Жоресом в статье «Цветы мещанства» («Речь», 1908, № 35, 10 февраля), вошедшей в его книгу «В тихом омуте» (СПб., 1908).

[3] Этот проект не был осуществлен. См.: *Между двух революций*, стр. 163—164.

[4] Поль *Фор* (1872—1960) — французский поэт-символист, автор 34 сборников «французских баллад», многие из которых воскрешали народные мотивы и легенды старой Франции. В России его переводили Брюсов и Бальмонт.

[5] Шарль *Морис* (1861—1919) — французский поэт, теоретик и критик позднего символизма, автор работ по живописи, скульптуре, философии, искусству, а также католическо-символистских романов.

[6] Жан *Мореас* (наст. имя — Яннис Пападиамандопулос, 1856—1910) — французский поэт, грек по происхождению. Ему принадлежит самый термин «символизм», теоретически обоснованный в «Манифесте символизма» (1886). В кафе, «где ораторствует Мореас», Белого пригласила З. Н. Гиппиус (*Между двух революций*, стр. 180).

[7] О прогулках Белого совместно с Минским и Гиппиус по парижским кабачкам см.: *Между двух революций*, стр. 173—177.

[8] С Гумилевым Белый познакомился у Мережковских, куда Гумилев пришел по рекомендации писательницы В. Микулич (Л. И. Веселитской).— См. письмо З. Н. Гиппиус к Брюсову от 8/21 января 1907 г. (ГБЛ, ф. 386.82.39, л. 4—4 об.).

[9] См. п. 59, примеч. 5.

[10] 9-й, заключительный отрывок поэмы «Панихида» — «Я вышел из бедной могилы...» («Весы», 1907, № 6, стр. 14); под заглавием «Матери» напечатано в кн. «Пепел».

[11] См. п. 57, примеч. 20.

[12] Большинство новых стихотворений («В поле», «Совесть», «Ночь», «В лодке», «Полевой пророк», «Друзьям» и др.), вошедших впоследствии в сборники «Пепел» и «Урна», написаны Белым в январе 1907 г. в больнице: «...больной пишу ряд стихотворений, в которых впервые встает лейтмотив сборника «Урна» («Материал к биографии...», л. 54 об.).

[13] Борис Бугаев. На перевале. VI. Против музыки.— «Весы», 1907, № 3. Белый читал «Против музыки» как доклад в «Обществе свободной эстетики» 28 марта 1907 г.

[14] Т. е. очерки и статьи для «Весов» под рубрикой «На перевале».

[15] В основу лекции Мережковского была положена статья Гиппиус «О насилии» (в кн. З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского и Д. В. Философова «Le Tsar et la Révolution». Paris, 1907). Лекция состоялась 5 марта/21 февраля «в гигантской Salle d'Orient»: Сошло все хорошо. Было чуть не 1000 человек. А возражения пришлось перенести еще на другой вечер. Среди оппонентов был <...> и Андрей Белый» (З. Гиппиус-Мережковская. Дмитрий Мережковский. Париж, YMCA-Press, 1951, стр. 170).

71. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

<Москва. После 18 февраля 1907 г.>

Дорогой Борис Николаевич!

Приветствую сердечно. Благодарю за письмо. Очень жду вашего возвращения. Стоило ли читать лекции в кружке парижских русских! Куда осторожнее — сторониться их! Посылаю вырезку о вашей лекции из одной московской газеты [1]. Вашу «Музыку» напечатаем в № 3. О «Тоске» переговорим подробно при встрече. «Гробовые песни» можно поместить в № 4. Надеюсь увидеть вас не только выздоровевшим, но и бодрым и сильным.

Всегда ваш Валерий Брюсов

1907

Ответ на п. 70. Датируется приблизительно, по этому письму.

[1] Сообщение о лекции Белого «Социал-демократия и религия», прочитанной в Париже (см. п. 70, примеч. 1),— вырезка из газеты «Утро», 1907, № 54, 16 февраля. Автор его, М. Я. Семенов, излагает в иронической форме взгляды Белого и указывает, что «социал-демократы беспощадно расправились с рефератом, довольно грубо отвернувшись от протянутой им «товарищеской руки» (вырезка сохранилась в архиве Белого.— ГБЛ, ф. 25.7.7).

72. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

‹с. Надовражино. 19 апреля 1907 г.›

Дорогой, глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

Сейчас вдруг нервы рухнули. Бегу из Москвы дня на три. Я не знаю почему, но хочу вам сказать, как я вас люблю, ценю и *у в а ж а ю. У в а ж а ю* — примите в самом священном и серьезном смысле. Вы для меня (хотя мы во многом и разные) — образ настоящего рыцаря среди хаоса лиц, из которых почти всех внутренне презираю.

Не удивитесь ни тону, ни мотивам моего письма. Все эти дни я хотел внутренне низко вам поклониться.

Сердечно любящий вас Борис Б у г а е в

P. S. Я у вас забыл две книги по социальному вопросу: они до зарезу нужны одному человеку, г. Вулиху [1]. Он зайдет к вам за этими книгами. Можно ли предупредить вашу прислугу, чтобы она передала г-ну Вулиху этот пакет.

На конверте почт. шт.: Крюково, Моск. г. 20.IV.1907; Москва. 20.4.07.

[1] См. п. 61, примеч. 2.

73. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

‹Москва.› Ночь под Пасху ‹22 апреля› 1907

Дорогой Борис Николаевич!

Я очень ценю ваше письмо. Во время наших последних встреч мне много раз хотелось сказать вам почти те же слова, какие вы мне написали. И мне кажется, что близость наша должна остаться, потому что соединяет нас не столько наше «сходство» (хотя и оно существует при всех наших основных расхождениях), сколько наше решительное «отличие» от многих, многих и многих других. Вспоминая наше далекое прошлое и глядя на недавно пережитые дни, я думаю, что уже нет таких событий, которые сделали бы нас чуждыми друг другу. Здесь — нечто, стоящее выше всех расчетов человеческих.

Ваш всегда Валерий Б р ю с о в

Post scriptum. Читаете ли вы в кружке 24 на «вечере нового искусства»? [1] Я *отказался* решительно. Я соглашался читать на простом благотворительном вечере, но не хочу своим именем прикрывать спекуляцию на «новом искусстве», сопровождаемую к тому же грубой рекламой. «Новое искусство» для меня дело серьезное, и я не считаю, чтобы имел с ним что-либо общего вечер, сочиненный безо всякого идейного замысла, с помощью самых случайных участников. Кроме меня, от чтения отказались еще Юргис Балтрушайтис и Нина Ивановна. Если бы отказались и вы, было бы и справедливо и дорого для нас.

Ответ на п. 72.

[1] Вечер нового искусства в Московском литературно-художественном кружке был устроен 24 апреля 1907 г. с благотворительной целью и состоял из трех отделений: литература; музыка; мелодекламация и мелопластика. Среди участников вечера были объявлены — Брюсов, Ал. Брюсов, Ю. Балтрушайтис, Н. Петровская, Андрей Белый, С. Кречетов, переводчик Вл. Высоцкий и др. (см. «Русские ведомости», 1907, № 92, 21 апреля). Белый выступил на вечере с чтением отрывков из своей впоследствии утерянной поэмы «Дитя-Солнце».

74. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

‹Москва. После 22 апреля 1907 г.›

Дорогой Валерий Яковлевич!

Не осудите меня: конечно, по прочтении вашего письма я решительно отказался от вечера, тем более что решил в деревне не участвовать на вечере (схватил сильнейшую простуду). Я отказывался дважды: наконец, в последний раз барышня расплакалась, и я, растерявшись совершенно (не могу видеть как плачут), при всем нежелании участвовать принужден был согласиться. Еще раз не осудите [1].

Глубоко преданный вам Борис Бугаев

Ответ на п. 73. Датируется приблизительно, по этому письму.

[1] В письме к отцу, конец апреля 1907 г., Брюсов сообщал: «Я ‹...› в этом вечере не участвовал, ибо меня рассердило рекламное объявление. Приглашали меня читать просто в благотворительном концерте, а вдруг объявляют о «вечере нового искусства». Вместе со мной отказались еще — Игумнов, Балтрушайтис и Н. Петровская. Отказался было и Андрей Белый, но устроительница приехала к нему, рыдала, умоляла, и он уступил. Ко мне она тоже приезжала и передо мной тоже рыдала, но я остался тверд» (ГБЛ, ф. 386.142.9; см. о том же в письме к А. А. Шестеркиной, б.д.— ГБЛ. ф. ОР. 128. 12).

75. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

‹с. Надовражино, 25 мая 1907 г.›

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич!

Пишу вам из деревни. Ужасно жалею, что не простился. Устал. Надо работать — писать. В Москве не дают. На днях пришлю рецензию о Чулкове [1]. Скоро вышлю «Симфонию» [2] и «Перевал» [3]. Хотелось бы получить «Весы». Адрес: по Николаевской ж. д. Станция Крюково. Село Надовражино. А. С. Любимовой [4] для передачи мне. Можно узнать, будет ли печататься мой сборник? [5]. Если что нужно для «Весов», готов. Вообще готов для «Весов» все делать. Остаюсь глубоко преданный и любящий вас

Б. Бугаев

Открытка. Почт. шт.: Крюково Моск. г. 25.V.1907; Москва. 25.V.1907.

[1] Рецензия на кн.: Георгий Чулков. Тайга. Драма. СПб., «Оры», 1907 («Весы», 1907, № 6).

[2] «Кубок метелей». См. п. 61, примеч. 5.

[3] Борис Бугаев. На перевале. VIII. Синематограф («Весы», 1907, № 7).

[4] Одна из трех сестер-поповен (Любимовы Авдотья, Александра и Екатерина Степановны), живших в Надовражине, знакомых Белого и С. М. Соловьева. Имеется в виду, вероятно, Александра Степановна— «умница с «вкусами», она проницала все вздроги душевных изгибов Сережи» (*Между двух революций*, стр. 87).

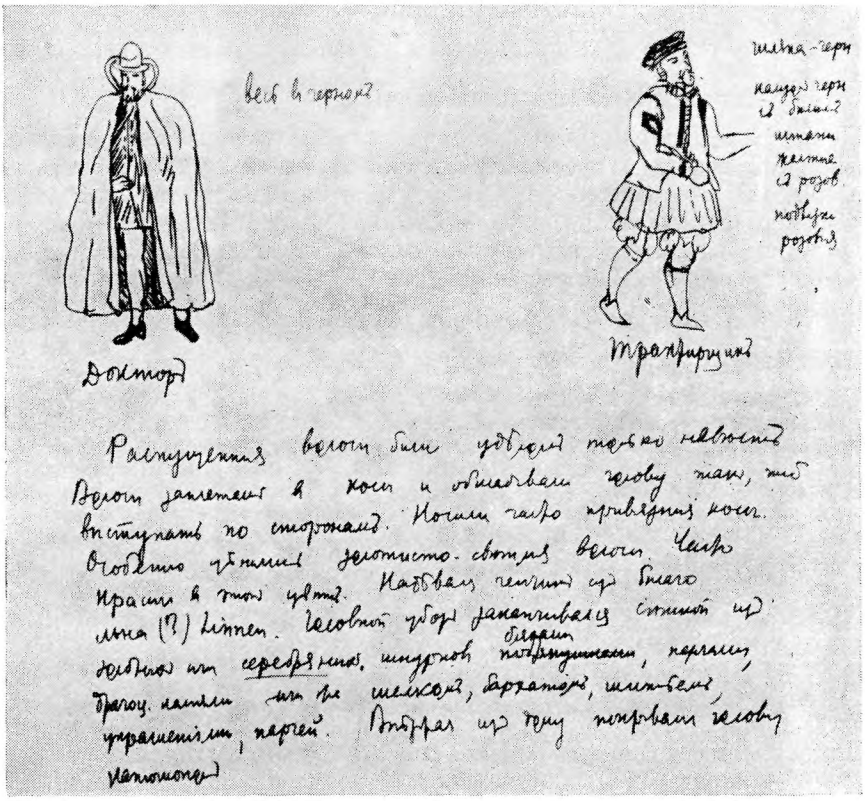
[5] См. п. 57, примеч. 20.

76. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

‹с. Надовражино. 19 июня 1907 г.›

Дорогой и многоуважаемый Валерий Яковлевич,

все собирался вам писать, но все время или недомогал, или был занят, да и думал быть в Москве. Ужасно хочу вас видеть: что за восторг ваше стихотворение «Встреча» [1]. Только в печати его оценил. Люблю вас ужасно: вы — самое дорогое, близкое, родное и *безусловное*, что есть сейчас для меня в литературе. От «Огненного ангела» тоже в восторге: хотелось бы очень много с вами о нем говорить [2].



ТИПЫ ГЕРМАНИИ XVI ВЕКА

Перерисовки Брюсова из книги: Fr. Hossenroth. Deutsche Volkstrachten. Frankfurt, 1900, t. I

Материалы к роману «Огненный ангел»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Через неделю я наверное буду в Москве: мне хотелось бы с вами поговорить о «Сборнике стихов» [3]. У меня есть для него добавление (стихотворений 10), которое должно составить особый отдел (предпоследний). Что касается «Симфонии», то ее представлю в готовом виде к 1 июля. Благодаря тому, что я ее 2 раза переделывал только из-за того, чтобы она была *верна* внутренним переживаниям моим (уже далекого) прошлого [4], ⟨представляла⟩, так сказать, точную фотографию моей *тогдашней души* (души меняются), я начал ее еще перерабатывать не столько с точки зрения «*художества*», сколько с точки зрения «*автобиографичности*» переживаний (только переживаний, а не событий); к июлю представлю ее и примусь за повесть, которую хотелось бы напечатать в «Весах» [5]; если к сентябрю ее окончу, то, быть может, «Весы» напечатают ее в *октябре* вместо «Симфонии»; мне немного жаль выхватывать из «Симфонии» одну часть, ибо части у меня конструктивно (лейтмотивами) сцеплены очень просто, а без общей конструкции пропадает половина смысла их. Льщу себя надеждой, что вы к нам с Сережей приедете: вот было бы прекрасно! Может быть, если вы захотите нас посетить, мы в Москве уговоримся о дне?

Остаюсь глубоко вас любящий и искренне преданный

Борис Бугаев

На конверте почт. шт.: Крюково Москов. г. 19.VI.1907; Москва. 19.VI.1907.

[1] Стихотворение «Встреча» (впервые: «Весы», 1907, № 5) вошло в цикл «Эротика» книги «Все напевы» (*Пути и перепутья*, т. III).

[2] Белый пишет о первых трех главах романа, напечатанных в «Весах» (1907, № 1—3, 5); в них уже отчетливо выступал биографический подтекст отношений Брюсова и Белого (см. вступит. статью).

[3] См. п. 57, примеч. 20.

[4] Белый работал над «четвертой симфонией» «Кубок метелей» с 1902 г.; см.: «Отрывок из 4-ой симфонии».— Альманах книгоиздательства «Гриф». М., 1903, стр. 52—61. Белый писал: «Время написания этой «Симфонии», вернее 4-ая переработка трех порч первой редакции (1902 года)— лето 1906 — до лета 1907 года, т. е. самый болезненный период моей жизни, когда я чувствовал угасание жизни в себе; и этою болезненностью пропечатаны образы «Симфонии...» («Материал к биографии...», л. 55). Белый закончил «четвертую симфонию» в мае-июне 1907 г. на даче.

[5] Как попытку реализации этого замысла можно рассматривать рассказ Белого «Адам. Записки, найденные в сумасшедшем доме» («Весы», 1908, № 4), явившийся предварительным наброском темы, разработанной позднее в романе «Серебряный голубь» (1909). О намерении Белого работать над новой повестью «Серебряный голубь» сообщала газета «Час» (1907, № 37, 3 ноября). Одновременно с этим в журнале «Перевал» (№ 10, 1907, стр. 51) извещалось, что в ближайшее время в издательстве «Гриф» выйдет роман Белого «Адмиралтейская игла». Объединив различные свидетельства, К. Н. Бугаева и А. С. Петровский пришли к выводу, что «в 1907—1908 гг. А. Белый работал над каким-то художественным произведением, текст которого нигде не обнаружен» (К. Бугаева, А. Петровский. Литературное наследство Андрея Белого.— *ЛН*, т. 27-28, стр. 599).

77. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

〈Петербург. Первая половина октября 1907 г.〉

Дорогой Валерий Яковлевич!

Обсудив условия, которые вы предложили нам для вступления в газету «Голос Москвы», и посоветовавшись с А. Блоком, я пришел к следующему решению.

Вступление наше возможно исключительно в том случае, если «Голос Москвы» открыто (печатно) объявит себя газетою беспартийною.

Это наше условие совершенно необходимое особенно ввиду теперешнего положения политических дел и успеха октябризма [1].

Примите уверения 〈в〉 глубочайшем почтении

Борис Бугаев

[1] «Голос Москвы» (1906—1915) — ежедневная газета, главный орган Союза 17 октября. В октябре 1907 г. Брюсов вел с редакцией переговоры об издании «Литературных приложений» к газете при ближайшем участии его самого, Белого, Блока и Сологуба. Основные условия издания «Приложений» Брюсов оговорил в письме к Сологубу от 16 октября 1907 г.:

«1. «Голос Москвы» становится газетой внепартийной.

2. «Литературное приложение» выходит отдельно от газеты, под нашим редакторством *, четыре раза в месяц.

3. В каждом № «Приложения» 2000 строк, оплачиваемых в 400 р., а в месяц 8000 строк, оплачиваемых 1600 р.

4. Каждый из нас четырех (я, вы, А. Блок, А. Белый) имеет право ежемесячно поместить своих произведений на сумму до 200 р.

5. Вы, я и А. Белый имеем право получить в месяц по 100 р., хотя бы в данный месяц и не поместили в газете соответствующего количества строк.

6. Наш гонорар **: стихи — 80 коп. стих; художественная проза — 25 коп. строка; критика — за подписью 20 к., без подписи — 10 к. строка» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 94).

---

* Общая редакция газеты сохраняет за собой право *veto* на тот случай, чтобы не появилось в газете произведений, которые могли бы повлечь за собою ее закрытие или тяжелый штраф (*примеч. Брюсова*).

** Это для нас четырех. Для других: стих — 35 к., проза 15 и 10 к. строка (*примеч. Брюсова*).

Предполагаемый договор не был реализован, что Брюсов связывал с победой октябристов на выборах в Государственную думу. В конце октября он сообщал Сологубу: «Октябристы после победы оказались гораздо менее сговорчивыми. С другой стороны, А. Белый, вспомнив вдруг, что он «левый», отказался от участия в «Голосе». В результате вся комбинация с этой газетой расстроилась» (там же). Сологуб, подобно Белому, отказался от участия в «Голосе Москвы»: «В данный момент я не могу уклониться вправо дальше кадетов»,— писал он Брюсову 28 октября 1907 г. (ГБЛ, ф. 386. 103. 26).

78. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

‹Москва. Апрель 1908 г.›

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

верьте, что все нижеследующее не есть продукт досады на ваши слова, в которых вы квалифицировали мою отдачу стихов в «Руно», как 1) *недобросовестный* поступок, 2) как *продажу* себя (так я понял) [1].

То, что я сам просил вашего *искреннего* мнения о своем отношении к «Руну», конечно, не вызывает во мне резкой отповеди, какая последовала бы, если бы вы по собственному почину назвали мой поступок так, как назвали сегодня: тогда это было бы оскорблением; теперь это ваша по отношению ко мне *«горькая правда»*. И я вам искренне благодарен за *«искренность»* ваших слов (от которых голова у меня идет кругом и которые, конечно, я отвергаю; ибо приняв их... —мне осталось бы пустить пулю в лоб; или заточить себя в арестантские роты). Люди отняли у меня все, жизнь лишила меня всего, и вот уже давно я живу лишь тем, что доброе имя мое не *запятнано низостью*. Если бы я был человеком продажным, я не был бы сейчас таким одиноким, несчастным; о, я сумел бы устроиться с жизнью. Вы пытались (невольно) у меня отнять сегодня и мое *сокровище*.

Нет, Валерий Яковлевич, я не принимаю ваших слов... И я не сержусь на вас: я вам искренне благодарен за прямоту: так давно от людей я не слышал прямого слова, хотя говорил и писал на своем веку много прямых слов; оттого-то, быть может, умею принимать от людей чужую *«правду»*, хотя и не разделяю, конечно, ее.

Конечно, не стану оправдываться: (схоластику к черту!) скажу только, что вовсе с другой точки зрения смотрел на возвращение в «Руно»; мне даже в голову не приходило, что можно квалифицировать кодексом нравственности мои внешние отношения к той или иной редакции, хотя мои отношения к «Весам» всегда мне казались внутренними. Вот я и хотел объяснить вам как редактору «Весов» то, что вынудило меня с неудовольствием дать стихи в «Руно». Вы взглянули иначе: вы судили мою нравственную личность. Не допускаю и мысли, что вы до глубины души раз навсегда высказались о моей сущности...

Какое создалось теперь положение из всего происшедшего:

1) Я уж, конечно, не могу допустить появления моих стихов в «Руне», раз есть хотя бы один человек, который может высказаться об этом поступке так, как высказались вы, которого я уважаю; я делаю все от меня зависящее, чтобы они (стихи) не появились; имею ли я юридическое право остановить №? Написал в «Руно» требование остановить печатание (хотя стихи уже сверстаны). Все, что в моей воле, я делаю: они могут только насильно напечатать. Тогда будет грандиозный скандал: пусть. Надеюсь, все же не напечатают. *Во всяком случае я не сотрудник «Руна»*.

2) Но чувствуя себя нравственно заподозренным, я не могу считать себя сотрудником идейного журнала, ибо не могу себя считать в ваших глазах идейным сотрудником; знаю себе цену (как нравственной личности), но не могу насильно заставить вас видеть себя таковым. Что мне остается? Только, увы, прекратить свое участие в «Весах», пока вы не

формально, а искренно снимете с меня ужасное подозрение, что я в ваших глазах черт знает кто. Не могу вас *оскорблять* (внутренно) участием с вами в столь дорогом и близком вам органе, как «Весы». Это мне и больно и горько: но иного выхода не существует. И во всяком случае формальное удостоверение меня в том, что я еще не негодяй, т. е. снисхождение *ко мне я не допускаю.*

Это не отказ, Валерий Яковлевич, от «Весов»; это не каприз, и не истерика; это — аксиома: как же иначе?

Я еще раз подчеркиваю свое уважение к вам, отсутствие личного чувства, т. е. неприязни, досады и т. д.

Но моя гордость унижена: я не могу быть там, где есть хоть один человек, который может смотреть на меня так, как взглянули вы на меня, утверждая мою бесчестность и продажность. Дорогой Валерий Яковлевич, во всех серьезных обстоятельствах, касающихся карьеры и чего-либо подобного, я поступал инстинктивно так, чтобы обстоятельства повернулись против меня, но чтобы я не имел возможности утверждать, что поступил, сообразуясь с выгодой.

Вопреки своей выгоде я бросил Университет, где мне предлагали остаться; вопреки выгоде разорвал круто с разными чиновниками; вопреки выгоде поступил так же в одном личном деле, отчего жизнь моя разбита [2]; вопреки выгоде ругаюсь вот уже год [3]. Когда я согласился дать стихи в «Руно», мной руководило желание напечатать 2—3 своих стихотворения. У меня много стихов и мне их негде печатать; я должен ограничиваться 7 — 8-ю стихами раз в год [4]. У меня есть фундаментальные статьи, и «Руно» собиралось их печатать (где я мог высказать свое «credo») [5]; в «Весах» не нашлось бы места; ни в каком другом журнале я не пишу; и мне приходится предстать в литературе не в моем настоящем облике.

Кроме того: деликатности ради я до сих пор не устроил дел со своим имением на Кавказе, которое дало бы мне возможность не вполне зависеть от печатных строк [6]; устройство этого дела есть вопрос для меня внутренне крайне трудный, хотя формально вполне возможный. И вот только из-за деликатности в настоящее время я как нищий; в последние месяцы я исключительно жил «Весами», а разве можно (вы сами знаете) существовать гонораром в «Весах»?

Более того, Валерий Яковлевич: мне не на что купить себе самых необходимых вещей. У меня нет даже костюма; каждую вещь необходимую (пальто, сапоги, калоши) мне трудно приобрести. Мне ужасно совестно всякий раз обращаться к «Весам». У меня же есть самолюбие.

Вдобавок: по выходе «Кубка метелей», за который я должен был получить по уговору 150 рублей, со мной не произвели расчета; правда, я дважды брал аванс (всего около ста рублей), но за это время в №№ журнала вышло рублей на 90 — на 100 моих произведений, считая от № 2 *до* 4-го (апрельского, который на днях выйдет) [7]; если бы в редакции были бы мне посторонние люди, я просто попросил бы сделать подсчет; но со знакомыми у меня язык не поворачивается говорить так.

И вот все эти мелочи при моем внутреннем убеждении, что вопрос о «Руне» просто вне плоскости вопроса о моей нравственности, в связи с желанием сказать свое «*credo*» и противопоставить его Иванову [8] (ведь у меня же есть что сказать: у меня груда материалов по теории символизма: в «Весах», я знаю, технически невозможно все это печатать) — все это присоединилось к тому, что я склонился отдать стихи. И ваши слова были *жестоки*: или вы не знаете, что резкость моего тона в «Весах» отрезала мне возможность писать где бы то ни было для заработка; ведь только потому одно время я пытался стать хоть фельетонистом (постыдное дело!) [9], а с заработком в «Весах» не проживешь.

Вот все это в связи с нравственным утомлением, в связи с чувством подрезанных крыльев создает для меня в области литературы не жизнь, а каторгу.

И я серьезно помышляю уйти вовсе из литературы, где, кроме оскорблений, напраслины, муки и нищеты, мне нечего ожидать.

Конспектирую все сказанное. 1) В «Руно» я не вернусь. 2) В случае нового скандала из-за стихов я принужден вовсе уйти из литературы. 3) С Блоком и Ивановым я разрываю всякие личные сношения [10]. 4) В «Весах» сотрудничать не имею права, пока нравственная физиономия моя там искажена для кого бы то ни было.

Все это, Валерий Яковлевич, я пишу конфиденциально вам.

Прочтите это не как нарекание, а как искреннее слово.

Остаюсь глубоко уважающий и искренне преданный вам

Борис Бугаев

P. S. Ввиду необходимости на этих днях вернуть гонорар «Руна» 50 рублей (большую половину которого заплатил в виде долга), я обращаюсь уже не конфиденциально, а формально к вам с просьбой передать в «Скорпион» следующую мою просьбу:

1) На этих же днях произвести подсчет того, сколько мне следует за № 2, 3 и 4 «Весов» гонорара; сличить, покрывается или не покрывается следуемая мне сумма взятыми авансами.

2) Усиленно прошу заплатить мне гонорар за «Кубок метелей» по условию (150 рублей). По моему расчету за вычетом авансов мне приходится от ста рублей (может быть немного более).

Мне это необходимо 1) для того, чтобы тотчас же вернуть «Руну» 50 рублей, 2) «Руно» может представить мне счет за изъятие *стихов* (уже сверстанных).

Жду вашего ответа, как официального, так и конфиденциального.

[1] В августе 1907 г. группа писателей-«весовцев» во главе с Брюсовым разорвала отношения с «Золотым руном» (см. вступит. статью, стр. 341). Основанием для этого послужил конфликт между Белым и издателем «Золотого руна» Н. П. Рябушинским; тем самым «весовцы» выступили в поддержку Белого. «Главная причина выхода сотрудников из «Золотого руна»— обида, нанесенная Н. П. Рябушинским Андрею Белому»,— писал С. М. Соловьев Брюсову 21 сентября 1907 г. (ГБЛ, ф. 386. 103. 23).

Белый в апреле 1908 г. отдал для опубликования в журнал «Золотое руно» цикл из четырех стихотворений «Меланхолия» («Золотое руно», 1908, № 3-4), который был незамедлительно принят к печати. Секретарь «Золотого руна» Г. Э. Тастевен писал Г. И. Чулкову: «Андрей Белый прислал стихи в «Руно» и вообще возвращается в число сотрудников, мотивируя это тем, что он принципиально ничего не может иметь «против «Руна» и что он не связан «Весами»; думаю, что во всяком случае сотрудничество А. Белого в беллетристическом отделе ценно, что касается его сотрудничества в других отделах, то пока об нем вопрос еще не ставится, но, во всяком случае, это будут статьи по вопросам общефилософским, в которых он не может разойтись с теоретической позицией «Руна» (ГБЛ, ф. 371. 4. 70).

[2] Намек на отношения с Л. Д. Блок.

[3] Белый имеет в виду свою интенсивную полемику с мистическим анархизмом и связанными с ним идейно-художественными веяниями, которую он вел на страницах «Весов», в заседаниях «Общества свободной эстетики», в обостренной переписке с Блоком и т. д.

[4] В «Весах» ежегодно публиковалось по одному циклу стихотворений Белого: в 1906 г. (№ 8) — «Одинокие» (7 стихотворений); в 1907 г. (№ 6) — «Панихида» (9 стихотворений); в 1908 г. (№ 5) — «Стансы» (10 стихотворений).

[5] В пору сотрудничества Белого в «Золотом руне» там публиковались его теоретико-философские статьи («Принцип формы в эстетике».— 1906, № 11-12) и рецензии.

[6] Белый унаследовал после смерти отца права на владение имением на Кавказе, которыми по ряду причин не воспользовался.

[7] В этих номерах были помещены статья «Далай-лама из Сапожка» (№ 3), рассказ «Адам» (№ 4), очередные статьи цикла «На перевале» (№№ 2—4) и несколько рецензий.

[8] Имеются в виду статьи Вяч. Иванова по философии и эстетике символизма, печатавшиеся в 1904—1905 гг. в «Весах», а затем в «Золотом руне».

[9] Белый говорит о своем сотрудничестве в 1907—1908 гг. в газетах «Накануне», «Час», «Правда живая», «Литературно-художественная неделя», «Раннее утро», «Свободная молва» и др.

[10] Это намерение не было осуществлено.

79. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

‹Москва. Апрель 1908 г.›

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич!

Спасибо за книгу [1].

Был тронут, получив ваше письмо.

Но верьте: мне нужно было знать ваше отношение ко мне; пробежавшая между нами тень в связи с целым рядом утверждений (переданных мне), что вы *вынуждены* печатать мои статьи, что вам они *неприятны*, что ко мне вообще нельзя относиться с доверием и т. д. и т. д.— все это давно меня досадовало; я полагал, что как бы ни были различны люди, есть общая почва, стоя на которой они могут говорить друг другу открыто все, не теряя уважения друг к другу; и вот, чувствуя себя заподозренным в чем-то, неуважаемым и т. д., я негодовал, что так или иначе вы печатаете статьи, подводящие «Весы» под неприятности, без оговорок; далее: прошлым летом вы высказывались о методе написания статей в том смысле, в каком я и писал; и я не чувствовал столь неприятной недоговоренности. Теперь область наших личных отношений: мы, конечно, люди разные: стало быть, у каждого из нас свой взгляд на мир; может быть, вы делите человека на человека и литератора; я же где-то внутри признаю примат достоинства *в человеке*, а не в литераторе. И вот, будучи не уверен в том, что вы считаете меня человеком *прямым* во всем серьезном, требующем прямоты действий, я чувствовал, что у меня рождается стена недоверия к вам, поскольку вы обращены ко мне.

Вот отчего я так серьезно отнесся к вашим словам, принимая их не внешним, а внутренним образом. И напрасно вы думаете, что я мог обидеться, я чувствовал, все что хотите: но это было нечто более серьезное, чем *обида*, *пафос*, *истерика*, уязвленность и т. д.

Чувствуя трудность своего положения в столь дорогом для меня органе, как «Весы», пока в составе сотрудников, которых я привык уважать, находится хотя бы один сотрудник (и тем более — вы), который мог бы меня не уважать как человека, я чувствовал, что нравственная моя обязанность по отношению к себе состоит в выяснении наших отношений; а пока я мог только *вообще не писать нигде*.

Вообще мой поступок с письмом к вам не носил ничего эмоционального, хотя я и был взволнован. Я просто не вдумывался в серьезность возвращения в «Руно» как поступка; а есть ряд областей, в которых моральная доброкачественность зависит не от факта, а от вносимого содержания (например: убийство миллионера с намерением ограбить, убийство миллионера с намерением отомстить за честь, наконец убийство на дуэли и т. д.).

Вы обратили мое внимание на серьезность поступка, и я задумался над самим собой. Скажу в оправдание себя еще и то, что разумел наш совместный выход как согласие в вопросе о тактике: то же, что прочие вышли из-за меня, *не было главным импульсом к выходу*. Я сам, так сказать, не вступил обратно в «Руно» лишь потому, что на условиях, которые они мне предоставляли лично, я не остановился и перенес вопрос на реорганизацию самой редакции по вашему совету; после этого я и разорвал переговоры с «Руном»; они не напечатали ответ Метнеру; т. е. в результате бывший инцидент [2]; теперь: чувствуя (как я теперь вижу, это чувство превратно) себя третированным как предатель, сумасброд, как «*сума-*

сбродная недотыкомка» [3], слыша о том, что подвожу «Весы» резкостями и т. д.; досадуя, что мне прямо не укажут на мои недостатки как публициста, а как с *человеком* не объясняются (если есть факт нашего личного общения как *человека* с *человеком*), я полагал, что я одинок в высказывании своих взглядов; т. е. *вне какой бы то ни было группы*. Я и отнесся к возвращению в «Руно» легко, полагая, что взгляды мои не изменятся от журнала, в котором пишу, раз идейная связь вышедшей группы между собой = «0» (я-то не менялся, но мог думать, что вы изменились во взгляде на существовавшую солидарность в вопросах тактики). Я не имел случая слышать ваше мнение месяцев семь. Конечно, мое возвращение неосторожно — и только. Принимаю все меры к исправлению своего поступка. Буду впредь осторожнее.

Теперь о фактическом положении. Конечно, в «Руне» буря. И вопрос осложняется невероятно. Во-первых: 1) соглашаясь, что я еще не вошел в состав сотрудников, они наотрез отказываются вырезать страницы с моими стихами, утверждая, что юридически я не прав и что они готовы идти на судебный процесс, но мне не уступят; я советовался с юристом, и он выдвигает ужасный факт (я взял аванс, и они вольны не принять его обратно); вопрос идет не о моем сотрудничестве, а о факте появления стихов, причем протест в газетах или в «Весах» мой есть сигнал для них, после которого они ни на чем не остановятся. Тастевен уже собирался ехать в Петербург для ультиматума Сологубу, Блоку, Иванову, Городецкому, Ремизову и другим: «Весы» или «мы», и при этом «Руно» утверждает, что у них все данные к тому, что эти писатели перейдут к ним. Утверждают и то, что сейчас они сами готовы быть журналом беспартийным, но с этого момента превратить журнал в узко тенденциозный, расширить место теоретических статей и т. д. Грозят обнародованием каких-то писем и т. д.

Словом скандал невероятный.

Вместе с тем они заявляют, что вполне способны понять мой взгляд на некорректность моего поступка относительно прочих из вышедших писателей, не считают факт появления стихов сотрудничеством и печатают в следующем № «Руна» мое заявление о том, что я сотрудником не состою, в форме для «Руна» элементарно-корректной. Ввиду этих осложнений в связи с поездкой Тастевена, с их неопределенными угрозами, с желанием потушить инцидент, мне остается только допустить появление стихов, а в следующем № заявить, что мое появление на страницах «Руна» есть недоразумение [4]. Конечно, я в смешном положении, но я охотно беру на себя эту роль. Дальнейшая же суматоха, и снова *роль моя* в связи с возможным скандалом, просто вредна общему делу, ставит меня *по-новому* в неловкое положение относительно «Весов» и прочее. Меня же лично она опять извне ставит в роль «*шута*», т. е. заставляет вовсе прекратить всякую публицистическую и критическую деятельность.

Вот, дорогой Валерий Яковлевич, как обстоит дело; спасибо вам еще раз за доверие ко мне и за ваше *хорошее* обо мне мнение.

Остаюсь глубоко уважающий и любящий вас

Борис Бугаев

Ответ на несохранившееся письмо Брюсова, содержащее отклик на предыдущее исповедальное послание Белого (п. 78). Судя по настоящему письму Белого и по тому, что положение его в «Весах» не изменилось, можно полагать, что Брюсов сумел понять тяжелое душевное состояние Белого и нравственно поддержал своего «весовского» соратника.

[1] Вероятно, вышедшая в апреле 1908 г. кн.: *Пути и перепутья*, т. II.

[2] О выходе группы писателей из «Золотого руна» см. наст. том, стр. 341.

[3] Образ, рождающийся в больном сознании Передонова (Ф. Сологуб. «Мелкий бес»).

[4] Подобное заявление Белого в печати не появилось.

ЖУРНАЛ «ЗОЛОТОЕ РУНО»
1907, № 1
Обложка

80. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

‹Москва. 20 февраля 1909 г.›

Дорогой Борис Николаевич!

Простите, если напомню вам, что сегодня, в пятницу, вы обещали заехать (ненадолго хотя бы!) ко мне, в 3 или $3^1/_2$ часа дня. У меня будет П. И. д'Альгейм [1]. Хотелось бы окончательно условиться о наших лекциях [2]. Если вам можно, умоляю, заезжайте. И очень обрадуете, и очень это нужно.

Всегда ваш сердечно Валерий Брюсов

[1] Пьер (Петр Иванович) *д'Альгейм*, барон (1862—1922) — французский журналист и романист, организатор (совместно с женой, М. А. Олениной-д'Альгейм) в Москве в 1908 г. «Дома песни» — с целью пропаганды классической и современной камерной вокальной музыки. Им была написана книга о М. П. Мусоргском (P. D' A l h e i m. Moussorgsky. P., 1896), а также переведено на французский язык либретто оперы «Борис Годунов».

[2] Брюсов и Белый предполагали выступить в «Доме песни» с лекциями о русских поэтах (см. п. 81).

81. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

‹с. Бобровка. 21 февраля 1909 г.›

Дорогой и многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Ужасно расстроен, что не мог быть у вас вчера. Я получил ваше письмо в момент отъезда и мог только послать вам уведомительную открытку.

Вашу программу вполне одобряю; я сделал лишь поправку у себя в лекциях, включив Ф. Туманского [1] и вычеркнув Щербину [2] и Жемчужникова [3], о которых буду говорить вскользь. Что касается до модернистов, то я беру две лекции (в первую включаю лишь Вл. Соловьева, о котором есть что сказать); во второй лекции я коснусь уже собственно модернистов [4]. Петр Иванович просит меня вам передать, что если бы вы в свою очередь захотели бы две лекции о модернистах, то стоит только передвинуть числа.

Ужасно хотелось бы с вами поговорить. Как-нибудь или попробую зайти, или если вы мне на той неделе назначите число; сегодня же нельзя. Остаюсь искренне любящий Б. Б у г а е в

P. S. Заняты: (вечер воскресенья, понедельник) [5].

На конверте обратный адрес: Виндавская ж.д. Станция Оленино. Село Бобровка, Анне Алексеевне Рачинской (для Бугаева). Почт. шт.: Оленино. 25.2.09; Москва, 26.II.1909.

Ответ на п. 80. Датируется по связи с ним.

[1] Федор Антонович *Туманский* (1799—1853) — второстепенный поэт из дельвиговского кружка (см. о нем в кн.: «Поэты 1820—1830-х годов». Библиотека поэта, большая серия, т. 1. Л., 1972, стр. 312—317). Вероятно, Белый спутал Ф. Туманского с его троюродным братом, Василием Ивановичем *Туманским* (1800—1860), видным поэтом романтической школы 1820-х годов (см. там же, стр. 252—311).

[2] Николай Федорович *Щербина* (1821—1869) — поэт, автор антологических стихотворений. В 1860-е годы примыкал к консервативному лагерю; в это время им написано много сатир и эпиграмм.

[3] Алексей Михайлович *Жемчужников* (1821—1908) — поэт, участник группы, создавшей Козьму Пруткова. Печатался в «Современнике», испытал влияние поэзии Некрасова.

[4] Проект цикла лекций в «Доме песни» о русской поэзии Белым не был осуществлен.

[5] На следующей неделе эти дни приходились на 1 и 2 марта.

82. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

‹Москва. 4 апреля 1909 г.›

Дорогой Борис Николаевич!

Позвольте рекомендовать вам Дмитрия Сергеевича Навашина, молодого поэта, который читал мне свои очень интересные стихи и сказки [1]. Надеюсь на ваше к нему внимание.

Ваш всегда Валерий Б р ю с о в

1909, апр. 4

[1] Дмитрий Сергеевич *Навашин* — поэт, студент-юрист Киевского университета, сын профессора ботаники, позднее академика С. Г. Навашина; к Брюсову обратился с рекомендательным письмом Ф. Ф. Зелинского от 5 марта 1909 г. (см. письма Д. Навашина к Брюсову.— ГБЛ, ф. 386. 95. 46). 6 апреля 1909 г. Навашин писал Белому: «Несколько дней тому назад я имел честь и удовольствие беседовать с Валерием Яковлевичем Брюсовым. Подводя итоги нашего разговора, Валерий Яковлевич предложил познакомить меня с вами, на что я отозвался живейшей благодарностью и, насколько помню, в тот же день оставил у вас его письмо. Ежели вы ничего не имеете против подобной встречи, не откажите в любезности сообщить мне, в какой день и час я мог бы застать вас дома...» (ГБЛ, ф. 25. 27. 17). Брюсов опубликовал стихи Навашина и его рассказ «Морской разбойник» в *СЦ—1911*. Белый сдержанно отозвался об этих произведениях: «...единственное их достоинство — та юная свежесть, которая присуща и многим другим начинающим, не попавшим однако на страницы «Северных цветов» (*РМ*, 1911, кн. 10, отд. III, стр. 25).

83 БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

‹Москва. 27 августа 1910 г.›

Дорогой Борис Николаевич!

Мне *очень надо* было бы вас видеть. Я заезжал к вам, но вы, к сожалению, были тогда в деревне [1]. Не могу ли я заехать к вам в понедельник между 2 и 3 часами дня? Если это возможно, не откажитесь известить меня. Если же вы предпочитаете приехать ко мне, то застанете меня дома в воскресенье вечером, между 7 и 9, или в понедельник и вторник утром, до 2 часов дня [2]. Своим посещением меня, конечно, очень обрадуете. Вы догадываетесь, что я хочу говорить с вами о вашем сотрудничестве в «Русской мысли» [3].

Я живу уже *не* на Цветном бульваре. Мой новый адрес: 1-я Мещанская, д. 32 (Баева), кв. 2, вход со двора.

Ваш всегда Валерий Брюсов

27 авг. 1910

Закрытое письмо — «секретка». Почт. шт.: Москва. 28.8.10.

[1] Летом 1910 г. Белый жил в селе Демьянове, Клинского уезда Московской губ., где снимала дачу его мать.

[2] 29, 30, 31 августа.

[3] С сентября 1910 г. Брюсов становится заведующим литературно-критическим отделом журнала «Русская мысль». Одновременно с письмом к Белому Брюсов разослал письма ряду других писателей (Бальмонту, Сологубу, Блоку, Мережковскому, Ремизову, А. Н. Толстому и др.), стремясь привлечь их к постоянному сотрудничеству в журнале (см.: «Литературный архив», т. 5. М.— Л., 1960, стр. 260).

84. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

‹Москва. Около 17 сентября 1910 г.›

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

извиняюсь, что задержал рецензии; но, право, я не виноват. Присылаю их [1].

Льщу себя надеждой, так же как все у нас, что вы посетите нас на чтении Садовского, которое имеет быть во вторник, 21-го, в $8^1/_2$ часов в редакции «Мусагета» [2].

Искренне преданный вам Борис Бугаев

Датируется приблизительно, по связи с п. 85.

[1] Рецензии Белого на книги: К. Бальмонт. Змеиные цветы. М., «Скорпион», 1910 («Русская мысль», 1910, № 10); В. Розанов. Когда начальство ушло... СПб., 1910 (там же, № 11).

[2] Чтение Б. Садовским своей повести «Двуглавый орел» (см.: *РМ*, 1911, № 7 и 8).

85. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

‹Москва. 19 сентября 1910 г.›

Дорогой Борис Николаевич!

Простите. Я ошибся. Во вторник я *не* могу быть в «Мусагете». В этот день очень важное общее собрание Литературного кружка. Мне на нем быть *необходимо* [1].

Но мне очень хотелось бы слышать повесть Б. А. Садовского. Нельзя ли, если еще приглашения не разосланы, перенести чтение хотя бы на четверг? Я был бы очень, очень благодарен. Извиняюсь за причиненное беспокойство [2].

Ваш Валерий Брюсов

Закрытое письмо — «секретка». Почт. шт.: Москва, 19.IX.1910; Москва, 19.9.10. Ответ на п. 84.

[1] 21 сентября 1910 г. состоялось «чрезвычайное» собрание членов Литературно-художественного кружка, посвященное разбору скандального инцидента, случившегося на одном из предшествовавших заседаний (см.: «Русское слово», 1910, № 217, 22 сентября; «Русские ведомости», 1910, № 217, 22 сентября).

[2] 22 сентября 1910 г. Брюсов писал Б. А. Садовскому: «К сожалению, мне, как вы знаете, не пришлось присутствовать в «Мусагете» на чтении вашего романа» — и просил дать иную возможность ознакомиться с рукописью (ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 33). Отзыв о повести «Двуглавый орел» Брюсов дал в письме к П. Б. Струве от 27 сентября 1910 г. («Литературный архив», т. 5, стр. 286—287).

86. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Москва. 19 $\frac{X}{18}$ 10

Дорогой Борис Николаевич,

весной вы дали мне одно обещание, которое я решаюсь вам напомнить. Именно, вы сказали мне, что после того, как кончите работу над своим «Символизмом» [1], вы охотно одолжите мне на время «Словарь» Остолопова [2]. Я не хотел просить у вас эту книгу раньше, чем кончу свою критическую статью о вашем «Символизме». Теперь не только статья написана, но уже и корректура ее мною просмотрена и возвращена в «Аполлон» [3]. Я почитаю себя поэтому вправе вновь обратиться к вам с той же просьбой, как и весной. «Словарь» Остолопова нужен мне для одной большой начатой мною работы. Вы знаете, что достать его не легко. Формально обещаюсь вам — возвратить вашу книгу не позже как через *семь* дней.

Если вы согласны оказать мне эту услугу, укажите, пожалуйста, день и час, когда я мог бы приехать к вам за словарем или кого-либо прислать за ним. Вряд ли нужно добавлять, что возвращу я вам книгу в полнейшей сохранности.

Всегда ваш Валерий Брюсов

[1] Андрей Белый. Символизм. Книга статей. М., «Мусагет», 1910; вышла в мае 1910. В книгу вошли стиховедческие исследования Белого.

[2] «Словарь древней и новой поэзии, составленный Николаем Остолоповым», ч. 1—3. СПб., 1821. Книга представляет собой один из первых в России опытов систематизированного справочника по теории и истории стиха.

[3] Валерий Брюсов. Об одном вопросе ритма (по поводу книги Андрея Белого «Символизм»).— «Аполлон», 1910, № 11; статья в основном содержит критический анализ предложенного в «Символизме» метода исследования русского четырехстопного ямба (см. наст. том, стр. 348, примеч. 81).

87. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

<Москва. 18 октября 1910 г.>

Дорогой Борис Николаевич!

Не свободны ли вы завтра, во *вторник*, днем, в 1 час дня. Я бы очень просил вас приехать к нам завтракать. Будет наш петербургский гость Ф. Сологуб. Но и помимо того, мне весьма хотелось бы повидать вас. Почему-то случилось так, что последние недели мы не встречались вовсе, и мне это очень грустно. Если приедете, обрадуете очень, и я вас «очень жду».

Сердечно ваш Валерий Брюсов

P. S. Я печатаю второе издание «Земной оси». Вы позволите оставить посвящение этой книги вам? И в той же форме? Мне это было бы очень дорого [1].

БРЮСОВ НА ЗАСЕДАНИИ ДИРЕКЦИИ
МОСКОВСКОГО ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО КРУЖКА
Фотография, 1910-е годы
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Датируется по связи с п. 88, в котором Белый отвечает одновременно на п. 86 и 87, а также по словам: «завтра, во вторник» (вторник был 19 марта).

[1] Посвящение Андрею Белому во втором издании «Земной оси» (М., 1910) было сохранено.

88. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

‹Москва. После 18 октября 1910 г.›

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

посылаю вам Остолопова. Извиняюсь, что вовремя не доставил. Надеюсь, что вы сегодня в «Русской мысли». На днях буду у вас в редакции. Так много есть к вам вопросов и просьб. Благодарю очень за любезное посвящение мне вашей книги.

Остаюсь неизменно преданный Б. Б у г а е в

Ответ на п. 86 и 87.

89. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

‹Палермо. Около 17 декабря н. ст. 1910 г.›

Дорогой Валерий Яковлевич,

привет из Палермо [1]. Море, пальмы, солнце, розы, апельсинные рощи, золотые апельсины. Тепло. Радостно-бестолково. На днях найду себе помещение: постоянный адрес пришлю. Привет!

Преданный Б. Б у г а е в

ЦГАЛИ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 88.

[1] Белый посетил Палермо во время своего путешествия по странам Средиземноморья с декабря 1910 по май 1911 г. (Венеция — Сицилия — Тунис — Египет — Палестина). Он подробно описал свои впечатления о Палермо (Андрей Белый. Путевые заметки, т. 1. Сицилия и Тунис. М.— Берлин, «Геликон», 1922, стр. 55—118; см. также: *ЛН*, т. 27-28, стр. 413—415). Письмо отправлено, очевидно, сразу по приезде в Палермо, когда Белый и его жена, Анна Алексеевна Тургенева (1891—1966), еще не устроились на жительство в Монреале (см. п. 90).

90. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

‹Монреале. 11/24 декабря 1910 г.›

Дорогой Валерий Яковлевич!

Постоянный мой адрес: Italia. Sicilia. Monreale. Ristorante Savoïa. Мне.

Я — в Монреале, старом городке у подножия гор; здесь все дико; много мавританско-испанского [1]. Мало итальянского. Жду указаний, книг для рецензий и самой «Русской мысли». Привет Иоанне Матвеевне.

Искренно любящий Б. Бугаев

Открытка. На обороте цветная репродукция: Palermo. Capella Palatina. Почт. шт.: Monreale — Palermo. 24.12.10; Москва. 16.12.10.

[1] Монреале — небольшой город в 5 км. от Палермо (см.: Андрей Белый. Путевые заметки, т. 1, стр. 121—170).

91. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

‹Тунис. 23 декабря 1910 г./5 января 1911 г.›

Дорогой Валерий Яковлевич, привет из Туниса!

Арабы великолепны; город (арабский) сказочен [1]. Мечтаю пробраться хотя бы к границе Сахары [2]. С Новым годом! Иоанне Матвеевне привет.

Любящий вас Б. Бугаев

Открытка. На обороте цветная репродукция: Tunis. Cathedrale et Avenue de Jules Ferry. Почт. шт.: Tunis — Tunisie. 5.1.11; Москва. 29.XII. 1910

[1] Белый жил в Тунисе и в деревне Радес в январе — феврале 1911 г. (см.: Андрей Белый. Путевые заметки, т. 1, стр. 173—308). Ср. в письме Белого Блоку, написанном в тот же день: «Тунис великолепен: арабы превосходны ‹...› Каждый араб — художественное произведение. Европейский город, как везде; арабский кольцом его окружает; он прямо сказочен» (*Переписка*, стр. 244).

[2] Белый совершил путешествие в глубь Туниса до Кайруана во второй половине февраля 1911 г. Описал его в путевых заметках «Кайруан» («Воля России», Прага, 1923, № 1; см. также: *ЛН*, 27-28, стр. 417—420).

92. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

‹Москва› 22 янв‹аря›/4 февр‹аля 1›911

Дорогой Борис Николаевич!

Благодарю вас за письма, которые меня очень радовали. Радовали, потому что я видел, что путешествие вам было нужно, что вы запасаетесь впечатлениями, образами, мыслями. Ждем вас сюда возрожденным, обновленным. Несколько слов о делах. Хотите ли вы писать для «Русской мысли» о книгах? Если да, если есть у вас для того досуг,— сообщите ваш более *точный* и более *постоянный* адрес: я книг пришлю [1]. Не напишете ли для «Русской мысли» и еще чего? Впечатлений с пути, кроме тех, которые, как

я слышал, назначены для «Речи»? [2] Не пришлете ли для «Русской мысли» стихов? новых, африканских? Обрадовали бы [3]. Вы говорили о помещении в «Русской мысли» продолжения «Голубя» [4]. Чтобы печатать роман в *этом* году, рукопись (более или менее законченную) надо нам иметь уже *теперь*. Если пришлете еще весной или к началу лета, назначим его в первые книжки 1912 года. Помните ли вы, что обещали Сергею Александровичу рассказ или отрывок (хотя бы из «Голубя») для «Северных цветов»? Альманах уже *печатается* и ваша рукопись нужна *безо всякого промедления* [5]. Ее надо выслать в 2—3 дня по получении этого письма.

Но все это, конечно, пустяки. Важнее — дышите южным воздухом, смотрите на синее небо, удивляйтесь на все неожиданное, что еще есть для наших душ в мире. Если нет охоты, не пишите ничего: это придет. А прежде всего будьте здоровы. И веселы. И счастливы. *Вам* это можно.

Ваш всегда Валерий Брюсов

[1] В 1911 г. в *РМ* появился только отзыв Белого о 5-м выпуске *СЦ* (см. п. 95).

[2] Заметки Белого о путешествии в *РМ* не публиковались. В газете «Речь» было опубликовано семь его путевых заметок (1911, № 24, 25 января; № 32, 2 февраля; № 43, 13 февраля; № 151, 5 июня; № 179, 3 июля; № 200, 24 июля; № 267, 29 сентября).

[3] В *РМ* стихи Белого не печатались.

[4] К работе над романом «Петербург», задуманным первоначально как продолжение «Серебряного голубя», Белый приступил во второй половине 1911 г. Предварительные переговоры с Брюсовым о помещении его в *РМ* Белый вел еще до отъезда за границу, надеясь начать работу над романом во время путешествия, однако этот проект не осуществился. По возвращении в мае 1911 г. в Москву он возобновил переговоры с *РМ*.

[5] В *СЦ*— *1911* произведения Белого помещены не были.

93. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

‹Каир.› 2‹/15› марта ‹1911 г.›

Дорогой Валерий Яковлевич!

Привет вам от Сфинкса. Он — нежный [1]. Искренне любящий вас

Борис Бугаев

P. S. Иоанне Матвеевне привет. Адрес: Kaire (Egypte). Poste restante.

Открытка. На обороте цветная репродукция: Vue de la grande Pyramide de Cheops. Почт. шт.: Cairo. 16.III.11; Москва. 12.III.1911.

[1] Сфинкс произвел на Белого сильное впечатление. «Пишу тебе, потрясенный Сфинксом,— писал он матери.— Такого живого, исполненного значением взгляда я еще не видал нигде, никогда. ‹...›На голубом небе, прямо из звезд в пустыню летит взор чудовищного Сфинкса; и он — не то ангел, не то — зверь, не то прекрасная женщина» (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 359); ср. письмо Белого к Блоку на ту же тему. (*Переписка*, стр. 249) и главу «Сфинкс» в путевых заметках (Андрей Белый. Египет.— «Современник», 1912, № 6). Эти переживания отразились также и в эпилоге романа «Петербург», в фельетоне «О злободневном и вечном» («Биржевые ведомости», 1916, 23 июня), в книге «На перевале. I. Кризис жизни» (Пб., «Алконост», 1918, стр. 24—26).

94. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

‹с. Боголюбы. 26 июля 1911 г.›

Дорогой и многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Простите мне деловое это письмо; для меня оно очень важно. Дело в том, что я очень и очень нуждаюсь в литературном заработке; для меня это дело жизни и смерти. Вы знаете *диапазон* моих литературных занятий; кроме стихов, рассказов, симфоний, я могу писать рецензии, небольшие статейки à la «На перевале» [1], публицистические статьи, статьи просто; тем у меня множество, но я не знаю *формы*, приемлемой для «Русской

мысли», в которой могло бы выразиться более близкое и постоянное мое в ней сотрудничество; что касается *до способа* письма, то вы знаете, что я могу приспособиться, писать популярней; и вот, очень нуждаясь в будущем в заработке, я хотел бы, чтобы вы мне сказали, в чем выразилось бы постоянное мое сотрудничество; нельзя ли мне каждый месяц печатать *рецензии*, маленькие статейки в «Русской мысли»; может быть, мне нужно было бы писать, как в «Весах», *на перевале*, разумеется, в формах приемлемых. Статьи, само собой, я буду писать. Главное в том, нуждаетесь ли вы в моем сотрудничестве, как я работал в «Весах». Мне бы было очень приятно работать в том журнале, где руководящее направление в литературном отделе у вас. На все это мне хотелось бы иметь ваш ответ в ближайшем будущем.

Пока же присылаю мой очерк тунисской жизни «Радес»; я писал популярно, но *все же* не в фельетонной форме. Мне хотелось бы скорей получить ответ, пойдет ли мой *очерк*. Если нет, то очень прошу вас сохранить рукопись; она войдет в *мою книгу* «Путевые заметки» [2].

Если в «Русской мысли» статья не может идти, то я попытаюсь ее пристроить (средств у меня нет никаких, а теперь я *«женат»*, так что приходится думать о будущем). В-третьих: кажется, в «Русской мысли» лежит моя статья о Достоевском; если она годится, уведомьте меня; если же нет, она пойдет брошюрой в «Мусагете» [3] («Мусагету» я много должен [4]).

Ну вот, все о делах...

Ужасно жалею, что мы виделись в Москве так мало [5]. Как ваше здоровье; надеюсь, теперь вы совсем поправились.

Я сейчас в Волынской губернии, у родителей жены [6]; здесь прелестно; начинаю много работать. На днях приступаю к «Голубю»[7]. Скоро пришлю для «Русской мысли» стихов [8].

Мой привет Иоанне Матвеевне.

Остаюсь глубоко преданный и любящий Б. Б у г а е в

P. S. Читаю много Верхарна. О вашей драме хотелось бы много поговорить: она меня удивила и озадачила [9].

На конверте почт. шт.: Луцк. 26.7.11; Москва. 29.7.11.

[1] Цикл статей Белого «На перевале», печатавшийся в «Весах» в 1906—1909 гг.

[2] «Радес» в *РМ* напечатан не был.

[3] Статья Белого о Достоевском в *РМ* опубликована не была; вместе со статьей «Лев Толстой» (*РМ*, 1911, № 1) она вышла отдельным изданием: Андрей Б е л ы й. Трагедия творчества. Достоевский и Толстой. М., «Мусагет», 1911.

[4] Белый был должен издательству «Мусагет» 3 тысячи рублей.

[5] Брюсов и Белый встречались в Москве в мае 1911 г.

[6] Лето 1911 г. Белый проводил в селе Боголюбы, близ Луцка, где жили мать и отчим А. А. Тургеневой, С. Н. и В. К. Кампиони.

[7] К непосредственной работе над романом «Петербург» Белый приступил в октябре 1911 г.

[8] См. п. 92, примеч. 3.

[9] Драматическая сцена Брюсова «Путник. Психодрама в 1 действии».— *РМ*, 1911, № 1.

95. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

‹Москва. Сентябрь — октябрь 1911 г.›

Дорогой и многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Боюсь, что рецензия о «Северных цветах» вышла длинна. Но принимая во вниманье, что в связи с последним альманахом я говорю о деятельности «Скорпиона» (1901, первый выпуск — 1911, нынешний) за десять лет, думаю, что некоторая длиннота рецензии искупает тему [1].

Остаюсь искренне преданный Борис Б у г а е в

«СЕВЕРНЫЕ ЦВЕТЫ
1901—1902—1903»
Обложка по рисунку К. А. Сомова
Переиздание первых трех выпусков альманаха

P. S. В пятницу приношу мою рукопись «О Египте»[2]. Очень хотел бы вас видеть; не знаю — где.

[1] Андрей Б е л ы й. Десять лет «Северных цветов» («Северные цветы» на 1911 г., собранные кн-вом «Скорпион». М., 1911).— *РМ*, 1911, № 10.
[2] Путевые заметки «Египет» в *РМ* напечатаны не были. См.: «Современник», 1912, № 5, 6 и 7.

96. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

Москва. 10 ‹января 1912 г.›

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич!

Спешу уведомить вас, что моя порция романа «Злые тени» [1] готова; задержка лишь за ремингтоном, который может опоздать и быть готовым 14-го, 15-го. Итак 15-го или 16-го числа я очень хотел бы видеться с вами, чтобы лично вам передать роман. Оконченная порция представляет собой около 13 печатных листов ($12^1/_2$ приблизительно); состоит из четырех очень больших глав (три последние представлю до апреля-мая, чтобы к моменту предполагаемого печатания у вас весь роман был на руках). Согласитесь, что раз я мог с октября до 25 декабря написать около 300 страниц, написанных мелко (285), причем у меня по непредвиденным обстоятельствам пропали 3 рабочих недели и, собственно говоря, я работал не более 2 с лишним месяца, то остающиеся 150—180 страниц в течение января, февраля, марта, апреля я напишу безусловно; и, таким образом, «Русской мысли» беспокоиться нечего.

Мною написаны четыре очень *больших главы* [2]; остаются 3 *меньших*. Главы рассчитаны так, чтобы соответствовать месячному печатанию. Всех глав — 7. Если будете печатать с июня по главе, то до декабря весь роман поспеет пройти; если же покажется, что иные главы слишком велики для напечатания в одной книжке, то можете успешно, начав с апреля печатать, печатать апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь; материала на 6 книжек *есть*. Если бы я даже на 3 месяца заболел и потерял работоспособность, все-таки вы ничем не рискуете, ибо в *крайнем*, отчаянном случае у меня для 3 глав есть *9 месяцев*...

Но обещаю весь роман доставить к апрелю-маю.

Сейчас же мне необходима двух-трехнедельная передышка, ибо уподобляюсь загнанной кляче (до того измучен).

Теперь, дорогой Валерий Яковлевич, я перехожу к вопросу, для меня сейчас существенному *весьма*. Ввиду того, что с октября до сих пор ничего *не мог написать* для заработка, я живу полтора месяца *в долг*, без единой заработанной копейки. Вы сказали, что в «Речи» неудобно мне было печатать отрывки романа; и далее — мой «Египет» неопределенно застрял у Струве [3] («Речь» предлагала печатать отрывки «Египта» или *романа* [4]); поэтому, согласно нашему условию, мне сейчас необходимо *очень* получить от «Русской мысли» часть гонорара, т. е. я хотел бы получить за минимум написанного, считая этот минимум *12 печатных листов*. Вот как я произвел подсчет написанного: не зная количества букв в вашем печатном листе, я исходил условно из 40 000 букв; средняя моей строки (54 буквы); взяв абсолютный минимум 52 буквы и умножая на количество строк моей страницы 34, имею $52 \times 34 = 1768$ букв; и деля 40 000 на 1768 имею $22^1/_2$ моих. *Страницы* моей рукописи равны печатному листу «Русской мысли» (цифры я беру средние, т. е. 54—52 буквы имеет моя средняя строка, колеблющаяся от 49 *до* 60 букв); откидывая $^1/_2$ страницы и для круглого счета считая 23 страницы за печатный лист «Русской мысли», я делю 285 страниц моей рукописи на 23, получаю $12^1/_3$ печатных листа. На самом деле около 13 печатных листов (ибо всюду брал минимумы).

Итак, я прошу очень вас, глубокоуважаемый Валерий Яковлевич, дать мне авансом 1200 рублей. Теперь: если это возможно *сразу*, то, конечно, лучше всего мне получить бы сразу; если же для этого нужен вам срок (7—10 дней, как говорил Струве), то я бы просил сперва рублей 400, тем более что я должен на эти деньги 1) съездить по делам журнала в Петербург, 2) прожить в Москве, 3) заплатить часть долгов. А на прочие деньги едем с женой в Бельгию, ибо работать вдумчиво в России сейчас мне невозможно. Гарантия того, что я из-за границы к середине февраля представлю вам 5-ю главу, к середине марта 6-ю и в апреле привожу вам 7-ю главу, есть та, что мне *нужны будут к лету деньги*, и потому буду работать.

Дорогой Валерий Яковлевич, надеюсь, вы поймете, что денежный вопрос есть для меня вопрос *роковой*, что условие скорейшего окончания романа, жизни и многого другого стоит для меня в связи с тем, что я пишу, т. е. необходимость получить 400 рублей сейчас и прочих 800 к концу января, а по возможности и всех 1200 теперь же. Иначе все для меня расстраивается.

Итак, жду назначенного вами числа и срока для сдачи рукописи (лучше всего 14—15-го) и получения *хотя бы* (до конца января) *400*, ибо по делам мне 17 января (или 16) надо ехать в Петербург.

Простите, дорогой Валерий Яковлевич, что утруждаю вас.

Было бы хорошо, если бы вы и Иоанна Матвеевна нашли вечер побывать у нас 13-го, 14-го, 15-го. Привет Иоанне Матвеевне.

Остаюсь преданный вам Борис Бугаев

P. S. Завтра, послезавтра поговорю с вами по телефону.

Наш адрес: Москва, Плющиха, Шестой Ростовский пер., д. Орлова, кв. 2.

[1] Одно из ранних названий романа «Петербург» (другие варианты — «Путники», «Лакированная карета», «Красное домино»). Окончательное название предложил Вяч. Иванов (в конце января — начале февраля 1912 г.).
[2] 4-я глава первой редакции романа к тому времени целиком написана не была; Белый закончил ее в мае 1912 г. в Брюсселе.
[3] См. п. 95, примеч. 2.
[4] В газете «Речь» Белый опубликовал на протяжении 1911 г. путевые очерки (см. п. 92, примеч. 2).

97. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

‹Льгов, вокзал. 17 марта 1912 г.›

Дорогой Валерий Яковлевич!

Простите, что пишу карандашом: пишу с дороги [1]. Извиняюсь за беспокойство, которое причинил вам письмом. Я думал, что рукопись моя о Египте в редакции. Но ввиду выхода книги, мне, то есть, верней, «Мусагету», она нужна. Конечно, дело не в дне, а в том, чтобы П. Б. Струве в возможно скором времени ее выслал, ибо книга уже набирается [2]. Вас же я попрошу *очень* переслать в «Мусагет». Едем в Брюссель. Мой привет Иоанне Матвеевне.

Остаюсь преданный вам Борис Бугаев

Открытка. Почт. шт.: Льгов, вокзал. 17.3.12; Москва. 19.3.12.

[1] Письмо написано в поезде, на пути из Москвы в Брюссель.
[2] Издание путевых заметок Белого в издательстве «Мусагет» не состоялось.

ПЕРЕПИСКА С ВЯЧЕСЛАВОМ ИВАНОВЫМ 1903—1923

Предисловие и публикация
С. С. Гречишкина, Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова

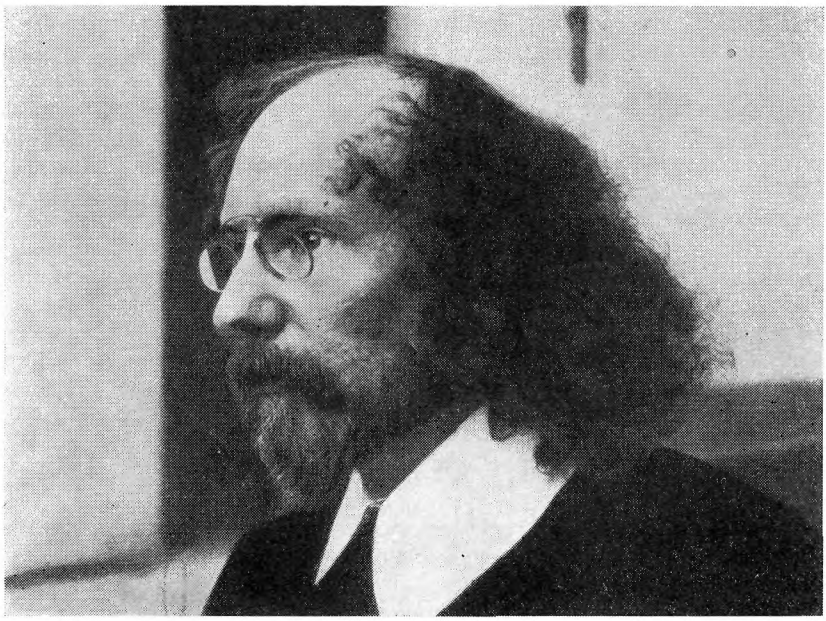
Переписка Брюсова с Вяч. Ивановым (1866—1949) — не только содержательный материал для историка русской литературы начала XX в., но и интереснейший человеческий документ. Выдающиеся поэты, лидеры символистской школы, Брюсов и Иванов вместе с тем — люди, разительно несхожие по своим жизненным устремлениям, мировоззренческим устоям, мироощущению и темпераменту, но вопреки этому в течение двух десятилетий тесно связанные сложными отношениями, дружественными и конфликтными одновременно.

Пути Брюсова и Иванова впервые пересеклись еще в 1900 г.: именно к Брюсову, фактически возглавившему только что созданное символистское издательство «Скорпион», попало письмо Иванова, предлагавшего издать антологию французских символистов, составленную группой сторонников «нового искусства» [1]. Проект остался нереализованным, но примечательно, что эта попытка завязать отношения с издательствами на родине привела Иванова (постоянно жившего тогда за границей и далекого от русских писательских кругов) именно в «Скорпион».

В 1903 г. Брюсов напечатал рецензию на первую книгу Иванова «Кормчие звезды». Он без колебаний признал в авторе своеобычность и зрелость поэтического дара: «Вячеслав Иванов — настоящий художник, понимающий современные задачи стиха, работающий над ними. Его стих — живое, органическое целое, самостоятельная личность» [2]. В своей рецензии Брюсов подчеркнул значение «Кормчих звезд» — явления высокой поэзии — на фоне эпигонства и провинциализма поэтической продукции конца XIX в. И хотя Брюсов, касавшийся в основном собственно литературных достоинств книги, воспринял как недостатки некоторые особенности поэтической системы Иванова (тяжеловесность, громоздкость, неблагозвучность иных строк), для него было ясно: новый поэт — безусловно одного лагеря с символистами.

Личное знакомство поэтов состоялось в Париже 29 апреля 1903 г. на лекции Иванова, читавшего курс о религии Диониса в Русской высшей школе общественных наук. «Лекция моя была ему интересной» [3],— писал Иванов о Брюсове жене, рассказывая и о других встречах с ним в Париже. И Брюсов из всех парижских впечатлений и знакомств выделил его: «Но самое интересное было, конечно, Вяч. Иванов ⟨...⟩ Это настоящий человек, немного слишком увлечен своим Дионисом. Мы говорили с ним, увлекаясь, о технике стиха...» (*Дневники*, стр. 132). Характерно, что, осмысляя первые встречи с Ивановым, Брюсов выделяет общность поэтических интересов и настороженно говорит о религиозно-философских устремлениях Иванова, как бы предвидя причины позднейшей близости и мотивы расхождения с ним.

Летом того же года между Брюсовым, вернувшимся в Москву, и Ивановым, жившим близ Женевы, устанавливается регулярная переписка — свидетельство все более тесного сближения поэтов, рождается ощущение того, что в их взглядах и переживаниях есть много общего. Это отразили и первые поэтические послания друг к другу. 16-м ноября 1903 г. помечены и стихотворение Иванова, воспевавшее стих — «правый» и «победный» — брюсовского «Urbi et Orbi», и стихотворение Брюсова, приветствовавшее ивановский «напев ⟨...⟩ победных хоров к неумиравшей красоте», которое впоследствии открыло книгу Брюсова «Stephanos», посвященную Иванову — «поэту, мыслителю, другу» [4]. Весной 1904 г., уже в «Скорпионе», вышла в свет вторая книга стихов Иванова «Прозрачность», на которую Брюсов тотчас откликнулся рецензией. Если в «Кормчих звездах» он еще находил «неудачи ищущего», то в «Прозрачности» высокие духовные порывы, по его убеждению, воплощены адекватным художественным



ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ
Фотография, 1903—1906 годы
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

образом. Теперь поэзия Иванова для Брюсова — законченная и совершенная по мастерству исполнения художественная система [5].

Дружеские отношения поэтов укрепились весной 1904 г., когда Иванов приехал на несколько недель в Москву. Через Брюсова он познакомился с московскими символистами и быстро занял в их среде почетное место. По воспоминаниям А. Белого, Иванов, «импонировавший эрудицией, красноречием и годами», был воспринят в кругу «Скорпиона» как естественный заместитель «мэтра» Брюсова [6].

В первые годы Брюсов оказывал Иванову интенсивную издательскую поддержку. При его содействии Иванов выпустил книгу «Прозрачность», печатался в альманахах «Северные цветы» и, главное, стал ближайшим сотрудником «Весов». В «Весах» Иванов выступил с несколькими программными философско-эстетическими статьями («Поэт и чернь», «Ницше и Дионис», «Копье Афины» и др.), многие идеи которых перекликались с теоретическими воззрениями Брюсова того времени. Насколько высоко ценил Брюсов деятельность Иванова и дружбу с ним, говорит хотя бы тот факт, что он предлагал Иванову летом 1904 г. стать соредактором «Весов» (п. 20).

Но Брюсов и Иванов представляли, в конечном счете, глубоко различные тенденции внутри русской символистской школы. В годы издания «Весов» Брюсов был еще неколебимо верен выработанным в 90-е годы эстетическим заветам «старших» символистов; Иванов же по духовным и творческим устремлениям тяготел скорее к «младшим» символистам — Андрею Белому и Александру Блоку. В то же время и с Брюсовым у него была общая основа, на почве которой он был незаменимым соратником в борьбе за утверждение «нового» искусства. Это прежде всего — филологическая культура, воспитавшая обоих поэтов. Брюсова и Иванова сближал постоянный творческий интерес к культурному наследию прошлого, в первую очередь — античного мира. Обусловленность символизма всем ходом развития мировой культуры неустанно подчеркивали и Брюсов и Иванов; это объединяло как их теоретические манифесты, так и поэтическое творчество. Для обоих поэтов характерны торжественность стиха, виртуозность поэтической техники, черты высокой книжности, а в идейном отношении — оптимистическая устремленность, пафос творческого дерзания. Намеченное

сходство не снимало, однако, кардинального различия поэтических кредо Брюсова и Иванова. Это сказывалось прежде всего в «заклятии» Ивановым проникающей творчество Брюсова «декадентской» стихии (см. стихотворение Иванова «Mi fur le serpi amiche», ему посвященное [7]); и Брюсову в конечном счете не были созвучны те «жизнетворческие», «теургические» задачи, которые Иванов выдвигал перед символистским искусством. Различие литературных позиций поэтов зримо проявилось вскоре после революции 1905 г.

Ранний этап русской революции взволновал и увлек Брюсова и Иванова, что нашло свое отражение в их творчестве [8]. Иванов тогда уже не был сторонним наблюдателем: в 1905 г. он поселился в Петербурге, и его квартира (знаменитая «башня») вскоре стала одним из заметных очагов культурной жизни столицы. Известно, что Брюсов в дальнейшем, особенно под влиянием поражения московского восстания, разуверился в революции, и поэтому для него был неприемлем радикализм (хотя и довольно расплывчатый), который культивировался в кругу Иванова. В конце 1905 г. в Петербурге у Брюсова произошло столкновение на этой почве с Ивановым, едва не приведшее к серьезной размолвке [9].

Революционный катаклизм, потрясший Россию, потребовал и от писателей-символистов отклика на поставленные действительностью проблемы. Вызванная революцией волна общественных настроений послужила одной из глубинных причин, приведших некоторых из них к попыткам преодоления индивидуалистического миросозерцания во имя сверхиндивидуальных ценностей. Своеобразным ответом на вопросы времени отчасти явилась платформа «мистического анархизма», которую выдвинул Г. Чулков и поддержал В. Иванов, что привело к известной в истории символизма полемике 1906—1908 гг. Стремление к переосмыслению системы ценностей символизма нашло отражение в первом выпуске альманаха «Факелы», изданном Чулковым и Ивановым. Брюсов откликнулся на него отрицательной рецензией: задачи символизма он видел исключительно в художественном творчестве, а радикальная декларативность и мистическое визионерство, провозглашаемые как новообретенные пути, вызвали с его стороны решительное осуждение. «Новую школу» он расценил как «не истинную, искусственно созданную» [10]. В полемическом ответе Брюсову Иванов, отрицая понимание группы «Факелов» как литературной «школы», сформулировал лозунг — «устремление *из уединения к соборности*» [11].

Летом 1906 г. увидела свет книга Чулкова «О мистическом анархизме» — главное теоретическое обоснование выдвинутой доктрины — со вступительной статьей Иванова «Идея неприятия мира и мистический анархизм». Основную мысль своей статьи, развивающей идеи его более ранних философско-эстетических работ, Иванов резюмировал в письме к Брюсову: «мистический анархизм — «символизм, пронизанный лучом соборности» (п. 51). Однако ход его рассуждений только подводил к раскрытию нового понятия. Четырем же статьям Чулкова, составившим книгу, присущи были эклектичность и сумбурность в изложении, шаткость аргументации, теоретическая беспомощность. Соединение мистического опыта и анархизма должно привести к гармоническому утверждению личности в обществе. Дальше этой декларации и не пошел Чулков, пытавшийся развить ивановскую идею неприятия реального разобщенного мира во имя грядущего соборного. В своем отклике на книгу Брюсов лишь мимоходом коснулся статьи Иванова (выразив недовольство чисто внешними ее сторонами — излишней приподнятостью тона и тяжеловесностью языка), но язвительно и беспощадно высмеял Чулкова [12]. Очевидно, Брюсов не хотел заострять в печати свои разногласия с Ивановым, ценя дружбу с ним и уважая убеждения друга. Однако тактичность Брюсова по отношению к Иванову не могла приостановить усиливавшееся размежевание двух лидеров символизма. Брюсов прямо заявил Иванову о своем категорическом неприятии мистического анархизма (п. 53).

В 1907 г. декларации Чулкова и Иванова снискали определенную популярность, особенно после издания специального теоретического выпуска «Факелов». Претенциозные заявления мистических анархистов (а затем и манифестированный Чулковым «мистический реализм» — синтез символического и реалистического методов в искусстве) привлекли внимание прежде всего не искушенных в философии и эсте-

тике молодых петербургских литераторов (С. Городецкий, М. Гофман, К. Эрберг и др.). В противовес мистико-анархическому «поветрию» Брюсов сплотил вокруг «Весов» «ортодоксально» настроенных символистов (Андрей Белый, Эллис, З. Н. Гиппиус и др.), которые под его эгидой развернули полемическую кампанию с позиций своеобразного модернистского «академизма». Брюсов при этом отнюдь не был адептом изживавшегося им «декадентства», сам он упорно искал новые идеалы. «Так, как сейчас, я не могу жить: без бога, без алтаря,— признавался он в 1906 г.— И не могу поставить себе «какого-нибудь» бога, наскоро смастеренного, чтобы только было перед кем возжигать фимиамы» [13]. Но таким именно «наскоро смастеренным богом» и представлялась ему мистико-анархическая теория, поддерживаемая Ивановым. Признавая в принципе перспективным отход от «крайнего индивидуализма», Брюсов настойчиво отвергал и эстетические лозунги новоявленных теоретиков.

Таким образом, Брюсов и Иванов в 1907 г. оказались вдохновителями двух враждовавших фракций внутри символизма — «Москвы» и «Петербурга». Однако их дружба все же выдержала испытание ожесточенной борьбой, что было убедительно подтверждено изданием совместного перевода трагедии Г. Д'Аннунцио «Франческа да Римини» (1908). И переписка поэтов этого времени свидетельствует о том, что былые дружественно-доверительные отношения сохранились; Иванов и Брюсов чувствовали ответственность друг перед другом и за собственную позицию, и за поведение своих соратников, когда обсуждали животрепещущую для обоих тему — тактическую линию «Весов» в ходе полемической кампании.

К 1909 г. полемика вокруг мистического анархизма исчерпала себя, но в 1910 г. между Брюсовым и Ивановым назрело новое столкновение, на этот раз обнаружившее, наконец, со всей определенностью, кардинальное различие в понимании писателями задач искусства, природы символизма и судеб символистской школы. К началу 1910 г. относится дневниковая запись Брюсова: «В Москве был Вяч. Иванов. Сначала мы очень дружили. Потом Вяч. Иванов читал в «Эстетике» доклад о символизме. Его основная мысль — искусство должно служить религии. Я резко возражал. Отсюда размолвка ⟨...⟩ Расстались с Вяч. Ив. холодно» (*Дневники*, стр. 142). Упоминаемый доклад был положен Ивановым в основу статьи «Заветы символизма». В ней прослежена эволюция «нового» искусства и высказана надежда на осуществление теургических задач, которые сделают достижимым путь от «символизации» к цельной символике, грядущему жизнетворчеству; в преображенном символизме «художество» превратится в «священное тайнодействие любви» [14]. Подчинение искусства любым находящимся вне его задачам было для Брюсова совершенно неприемлемым. В статье «О «речи рабской», в защиту поэзии» Брюсов безапелляционно заявил в ответ на прорицания Иванова о пророческой миссии символизма: «...своим методом искусство отличается от рационалистического познания мира в науке и от попыток внерассудочного проникновения в его тайны в мистике ⟨...⟩ Неужели после того как искусство заставляли служить науке и общественности, теперь его будут заставлять служить религии! Дайте же ему, наконец, свободу!» [15] Брюсов полемизировал с Ивановым и по частным вопросам. Для Иванова символизм — синкретический религиозно-философско-эстетический метод, «воспоминание о священном языке жрецов и волхвов»; для Брюсова — только «литературная школа», «определенное историческое явление, связанное с определенными датами и именами».

Отрицание Брюсовым религиозно-мистического истолкования задач поэтического творчества шло вразрез с его оценкой поэзии Иванова. Она была ценна и дорога Брюсову прежде всего мастерством воплощения, высокой культурой стиха, просветленностью взглядов на мир и судьбу человека. С такой меркой подошел Брюсов к книге Иванова «Cor Ardens», выпущенной «Скорпионом» в двух томах в 1911—1912 гг. О каждом томе Брюсов писал отдельно и оценил книгу как «самое значительное явление нашей поэзии» [16].

Осенью 1913 г. Иванов переехал в Москву, однако встречи поэтов не стали более частыми. Постепенно изменялся вообще характер их дружбы: некогда напряженная, взыскательная, она становилась ровной и спокойной. Пути писателей неуклонно расходились: Иванов склонялся к «неославянофильству», Брюсов же шел к переоценке сим-

волистских идеалов, во многом под знаком грядущих революционных изменений. К этому периоду относятся их итоговые, обобщающие высказывания друг о друге. Для «Нового энциклопедического словаря» Брюсов написал статью об Иванове, в которой свел воедино свои суждения о его творчестве: «Лирика Иванова принадлежит к числу замечательных явлений нашей новой литературы. Огромная эрудиция автора и глубина его постоянно развивающегося миросозерцания соединяются в ней с даром певучего стиха, с умением все изображать в ярких образах, с поразительной техникой». Отмечая, что Иванов в известном отношении пока «поэт для немногих», Брюсов прослеживает эволюцию его стиха: «С годами Иванов явно уклоняется в сторону большей ясности языка; некоторые из его последних стихотворений являются образцами высокой простоты речи». Теоретические статьи Иванова Брюсов называет «самым глубоким толкованием символизма», но указывает при этом, что «Иванов начало эстетическое почти подчиняет началу религиозному» [17]. В свою очередь Иванов выступил 5 марта 1916 г. с приветственной речью на вечере поэзии Брюсова. Он уверенно указал на выдающуюся роль Брюсова в развитии русской литературы: «...два десятилетия писательства Валерия Брюсова могут и должны быть ныне изучаемы в большой исторической связи; его место в судьбах нашего художественного слова уже наметилось крупными и неизгладимыми линиями; дело, им совершенное, чрезвычайно по своей огромности, разносторонности и тесной связи со всей нашей современною жизнью и со всем нашим литературным преданием и владением...» [18].

После Октябрьской революции жизненные пути Брюсова и Иванова окончательно разошлись. Общеизвестно плодотворное участие Брюсова в строительстве новой культуры. Иванов в послеоктябрьские годы также сотрудничал в советских учреждениях (преподавал, в частности, в 1920—1924 гг. в Бакинском университете) [19], но в отличие от Брюсова был далек от понимания и признания революционных преобразований. Реальная жизнь отвергла его историософские схемы, что обусловило глубокий и затяжной духовный кризис, приведший Иванова — в бакинский период — к творческому молчанию, а затем и к отъезду за границу в 1924 г.

Знаменательны брюсовские оценки, высказанные с новых позиций, тех произведений Иванова, которые увидели свет в первые послереволюционные годы. Суров его отзыв о трагедии «Прометей» (написанной в том же поэтическом ключе, что и ранняя трагедия Иванова «Тантал», некогда высоко оцененная Брюсовым). Брюсов упрекает Иванова в произвольности интерпретации мифа, в чрезмерной условности, безжизненности трагедии: «Все происходящее только символически намечается, а не совершается реально»; трагедия остается любопытным образцом «творчества в пустоте» [20]. В обзорной статье «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии» Брюсов, бегло охарактеризовав последние поэтические опыты Иванова («Младенчество», «Зимние сонеты»), отнес их к «вчерашнему дню» русской поэзии, «завтра» которой — «поэзия пролетарская» [21].

В последний раз Брюсов и Иванов встретились в Москве летом 1924 г., незадолго до смерти Брюсова. Встреча была мучительной и тяжелой. Свидетель ее, запомнивший отдельные подробности разговора, сохранил в памяти и последнюю фразу Иванова: «Прощай, Валерий, я тебя так любил...»[22],— в которой смешались и любовь, и горечь непонимания и расхождения, и предчувствие того, что эта встреча — последняя.

В том же году Иванов выехал в заграничную командировку и на родину уже не вернулся. Последние 25 лет жизни он провел в Италии, где в 1926 г. принял католичество. Итогом литературной деятельности Иванова за рубежом явились посмертный сборник стихов «Свет вечерний» (Оксфорд, 1962) и неоконченная «Повесть о Светомире царевиче. Сказание старца-инока» (Собр. соч., т. 1. Брюссель, 1971).

Обширная переписка Брюсова с Ивановым сохранилась далеко не полностью. В настоящее время нам известно 60 писем Брюсова (1903—1916) и 121 письмо Иванова (1903—1923). Утрачено более половины писем Брюсова, причем большая часть утраченного относится к 1903—1905 гг., т. е. ко времени самой близкой дружбы и интенсивной переписки его с Ивановым. Утеряны также все письма, написанные Брюсовым

ПЕРВОЕ ПИСЬМО БРЮСОВА ВЯЧ. ИВАНОВУ
Открытка. Париж, 13/26 апреля 1903 г.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

в 1917—1924 гг., когда он (как это видно из ответов его корреспондента) стремился привлечь Иванова к активной деятельности в области строительства советской культуры.

Письма Брюсова хранятся в ГБЛ: ф. 109, без шифра (53 п.)[23] и ф. 386.71.18 (7 п.— черновые автографы и неотосланные письма). В личном архиве Иванова в Риме писем Брюсова нет.

Письма Иванова (за исключением одного) хранятся также в ГБЛ: ф. 386.87.1—5 (118 п.); ф. 386.7.12 (1 п.); ф. 386.148.88 (1 п.). Одно незаконченное и неотправленное письмо (№ 60) находится в ИРЛИ (ф. 607, ед. хр. 345). Кроме того, в архиве Брюсова сохранился ряд творческих рукописей Иванова, в свое время приложенных к его письмам (ГБЛ, ф. 386.57.9); на некоторых из них есть приписки эпистолярного характера.

Ниже публикуется 35 писем Брюсова и 63 письма Иванова. В публикацию не включены чисто деловые и бытовые письма; письма, целиком посвященные подготовке к печати произведений Иванова; письма, касающиеся технических подробностей совместной работы Брюсова и Иванова над переводом трагедии Д'Аннунцио «Франческа да Римини»; письма, относящиеся к участию Иванова в сборнике «Поэзия Армении», поскольку они неоднократно цитировались в исследованиях, посвященных истории создания этого сборника (см.: И. Р. Сафразбекян. И. Бунин, К. Бальмонт, В. Иванов, Ф. Сологуб — переводчики антологии «Поэзия Армении».— *Чтения 1966*, стр. 210—228).

В «Приложениях» публикуется рецензия Иванова на сб. «Urbi et Orbi» (ГБЛ, ф. 386.57.10), а также два письма Иванова И. М. Брюсовой, написанные после получения известия о смерти Брюсова (ГБЛ, ф. 386.87.6).

В процессе подготовки настоящей публикации авторы обращались за консультациями к С. С. Аверинцеву, которому приносят свою благодарность. Весьма признательны они О. А. Шор (Дешарт), хранительнице архива Иванова в Риме, всегда любезно наводившей необходимые справки в бумагах поэта. Авторы выражают также искреннюю признательность старшему научному сотруднику Отдела рукописей ГБЛ Ю. П. Благоволиной за постоянную помощь в архивных изысканиях и ценные советы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Письмо Иванова М. А. Мамонтову от 9 октября 1900 г.— ГБЛ, ф. 386.87.8.
[2] «Новый путь», 1903, № 3, стр. 213—214.
[3] Письмо Иванова к Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от 29/16 апреля 1903 г.— ГБЛ, ф. 109, без шифра.
[4] См.: Вячеслав Иванов. Прозрачность. М., «Скорпион», 1904, стр. 87—88; *St*, стр. 3—4.
[5] См.: «Весы», 1904, № 4, стр. 60—62.
[6] Андрей Белый. Воспоминания о Блоке.— «Эпопея», 1922, № 3, стр. 153.
[7] Вячеслав Иванов. Cor Ardens, ч. I. М., «Скорпион», 1911; см. также п. 32.
[8] Ср. разделы «Година гнева» в книге Иванова «Cor Ardens» и «Современность» в *St*.
[9] См.: *Чтения 1971*, стр. 130.
[10] Аврелий. Вехи. IV. «Факелы».— «Весы», 1906, № 5, стр. 54—56.
[11] Вячеслав Иванов. О «факельщиках» и других именах собирательных.— «Весы», 1906, № 6, стр. 54—55.
[12] Аврелий. Вехи. V. Мистические анархисты.— «Весы», 1906, № 8, стр. 44.
[13] Письмо к Н. И. Петровской от 13—14 июня 1906 г.— См. наст. том, стр. 792.
[14] «Аполлон», 1910, № 7, апрель, отд. I, стр. 18.
[15] Там же, № 9, июль—август, отд. I, стр. 33.
[16] Валерий Брюсов. Новые сборники стихов.— *РМ*, 1911, № 7, отд. III, стр. 20—21; Валерий Брюсов. Сегодняшний день русской поэзии.— *РМ*, 1912, № 7, отд. III, стр. 17—18.
[17] Новый энциклопедический словарь, т. 18. СПб., изд. Брокгауз — Ефрон, б. г., стлб. 942—943.
[18] «Утро России», 1916, № 77, 17 марта.
[19] В 1918—1920 гг. Иванов был сотрудником Наркомпроса — заведовал исторической секцией театрального отдела и академической секцией литературного отдела; в 1920—1924 гг.— профессор, а затем зав. кафедрой классической филологии Бакинского гос. университета.
[20] «Художественное слово». Временник ЛИТО Н.К.П., кн. II. М., 1920, стр. 59—60.
[21] «Печать и революция», 1922, № 7, стр. 50, 68.
[22] Свидетелем беседы был В. А. Мануйлов (в то время студент Бакинского университета), любезно сообщивший авторам этот факт.
[23] Фонд Иванова (ГБЛ, ф. 109) ко времени работы над подготовкой настоящей публикации не был обработан, поэтому все ссылки на материалы этого фонда в дальнейшем даются без шифров.

1. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

Paris. Hôtel Port Mahon
<13/26 апреля 1903 г.>

Многоуважаемый Вячеслав Иванович!

Вероятно, вы уже получили «Северные цветы» этого года. Напечатать ваши стихи позволила нам Мария Михайловна Замятнина [1]. Не гневайтесь, что они помещены в общем отделе и в соседстве с дьяволом [2]. Это случайность. Предыдущие листы уже были отпечатаны. Мы позволили себе поместить и *объявление* о вашей книге [3].

Верьте сочувствию и уважению.

Валерий Брюсов

Открытка. Почт. шт.: Paris. 26.4.03. Адресована в Женеву, где не застала Иванова; была переадресована в Париж и получена им, по-видимому, 29 апреля (почт. шт.: Genève. 28.IV.03; Paris. 29.4.03).

[1] Мария Михайловна *Замятнина* (1865—1919) — близкий друг Ивановых, после брака которых (1901) оставила должность библиотекаря Высших женских курсов в Петербурге с тем, чтобы полностью посвятить себя заботам об их семье. См. о ней: *Дешарт*, стр. 41—42.
[2] В *СЦ—1903* (книга вышла в апреле 1903 г.) опубликовано стих. Иванова «Хор духов благословляющих» («Хвалите бога, силы сфер!..»); оно вошло в отдел «Разногласье», составленный из произведений разных поэтов. Непосредственно за этими стихами, которые заканчивались прославлением Христа, следовало стих. Ф. Сологуба («Когда я в бурном море плавал...»), герой которого славит дьявола.
[3] В *СЦ—1903* напечатано объявление о сборнике стихов Иванова «Кормчие звезды» (СПб., 1903).

2. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

‹Москва. 16/29 мая 1903 г.›

Уважаемый и дорогой мне Вячеслав Иванович!

Пишу вам несколько внешностей.

«Пламенники» будет очень трудно печатать в Москве. Нельзя будет *начать* раньше конца этого года. Всего удобнее было бы продолжать печатание в Петербурге. «Скорпион» при этом принимает издание на себя. Сообщите, согласны ли вы [1].

Мережковские только что уехали из Москвы. «Новый путь» *будет* существовать [2]. Он очень хочет ваших статей (о Дионисе). Будет печатать целиком, даже со всей библиографией. Но *пока* не может наверное обещать гонорара. Если одна комбинация осуществится — да, если нет — нет. Напишите о вашем решении мне или им. *Как читатель*, хочу очень, чтобы вы были согласны [3].

Сердечно ваш Валерий Брюсов

1903

Ответ на неизвестное письмо Иванова.
На конверте почт. шт.: Москва. 16.V.1903 ; Paris. 1.6.03.

[1] В начале 1900-х годов Лидия Дмитриевна *Зиновьева-Аннибал* (Иванова, 1866—1907) работала над романом «Пламенники». Первоначально предполагалось печатать его (как и сб. Иванова «Кормчие звезды») в Петербурге, в типографии А. С. Суворина; в 1903 г. здесь были изготовлены гранки некоторых законченных автором глав. Однако Ивановы, стремившиеся стать в равное положение с московскими символистами, по-видимому, придавали особое значение выпуску своих книг под маркой «Скорпиона», разделяя и те представления об эстетике книги, проводником которых было это издательство. Роман не был закончен; главы его, подготовленные к печати, не публиковались.

[2] В апреле 1903 г. в результате нападок ортодоксально-церковной печати были запрещены «Религиозно-философские собрания» в Петербурге. Угроза запрещения нависла и над «Новым путем», постоянно печатавшим «Записки» этих «собраний». Существованию журнала угрожала также его финансовая необеспеченность. Однако Мережковский и Гиппиус, фактические руководители «Нового пути», были полны решимости продолжать его издание: «Кончать журнал в этом году — нельзя (если не запретят)»,— писала 24 апреля 1903 г. Гиппиус официальному редактору «Нового пути» Перцову (ИРЛИ, Р. III, оп. 2, ед. хр. 1253).

[3] В 1903 г. Иванов прочел в парижской Русской высшей школе общественных наук курс лекций о религии Диониса, отмеченный Брюсовым как одно из значительных явлений русской культурной жизни: «Автор, обладая замечательной эрудицией, истолковывает с новой точки зрения культ Диониса в древней Греции. Он сближает его с христианством и усматривает между этими двумя религиями ряд замечательных точек совпадения» («The Athenaeum», 1903, № 3949, July 4, p. 23; цит. по автографу — ГБЛ, ф. 386, 36. 37, л. 2 об.). 20 марта 1903 г. Мережковский предложил Иванову напечатать его курс в «Новом пути»: «Об одном только очень просим: как можно понятнее, проще, наивнее! Наша главная задача — чтобы нас *нельзя было не понять*, так как наше главное препятствие — то, что нас всеми силами стараются не понимать. Ну, словом, мы не уходим от людей, а идем к людям, тут у нас глубочайший инстинкт, противоположный нашему же собственному недавнему индивидуализму и уединению ‹...› Говоря грубо и банально,— мы опять «идем в народ», но, разумеется, не с тем, с чем шли наши предки» (ГБЛ, ф. 109, без шифра). Вероятно, эти пожелания смутили автора, предполагавшего придать своему труду академическую основательность. Только в конце 1903 г. (см. п. 9) Иванов решился отдать его в «Новый путь» («Эллинская религия страдающего бога» — *НП*, 1904, № 1—4, 8, 9). «Согласно желанию редакции», он остановился на форме лекций, «далекой от научной и литературной законченности, ему мечтавшейся» (*НП*, 1904, № 1, стр. 110). В декабре 1904 г. журнал прекратился и заключительная глава курса была напечатана в «Вопросах жизни» (1905, № 6, 7) под заглавием «Религия Диониса. Ее происхождение и влияния».

3. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

89 rue de la Tour. Париж. XVI[e]
23/10 июня 1903

Дорогой Валерий Яковлевич,

Простите мою вину долгого молчания. Я был поглощен филологией, своим курсом в частности. Благодарю вас сердечно за письма. Нам *очень* хотелось бы, чтобы «Пламенники» печатались в Москве. Что раньше конца этого года нельзя начать печатание,— не пугает нас,— раз (под условием что *мы* не будем задерживать корректур) книга может выйти в свет к осени 1904 г. Жена занята в настоящее время трехактной драмой, уже готовой в первой редакции [1]. Формат романа, установленный в типографии «Нового времени», оказывается неудобным, стеснительным. И вот, наконец, еще важное соображение: Одилон Редон согласен сделать литографию для обложки [2] — думаем, голову Агавы [3], или, быть может, что другое,— но это делает именно желательным издание романа по образцу «Homo sapiens» [4],— не правда ли? Нам думается, книгоиздательство будет довольно участием Редона: но как быть с издержками по напечатанию обложки? Редон говорит, что издержки (с камнем, который именно дорог, и tirage'ем) не превысят 500 франков. Он бы желал напечатать обложку в Париже под своим наблюдением. Согласился ли бы «Скорпион» осуществить или помочь нам осуществить этот соблазняющий нас проект?

Мой курс я не хотел бы представить не убранным опрятно к печати. И потому еще хочу дополнить и обработать его. Но едва ли смогу сделать из него резюмирующую статью. Итак, «Новый путь» должен располагать листами пятнадцатью, по крайней мере, для напечатания моей «Греческой религии страдающего бога». Притом, я принужден настаивать на скорейшем напечатании курса — следовательно, в нескольких последовательных книжках журнала, без перерыва. Далее, мне необходимо иметь оттиски работы, в виде самостоятельного издания (т. е. отдельных книжек, с самостоятельной пагинацией) в *значительном* числе. Иначе мне легче и выгоднее издать курс отдельной книжкой. (Я имею намерение обработать текст и для заграничного, быть может, английского издания) [5]. Возможно ли условиться точнее с «Новым путем» на этой базе? И притом можно ли сохранить *форму* лекций?

Я еще должен письмо дорогому и уважаемому Дмитрию Сергеевичу; но пока прошу переговорить вас с членами редакции в ходе ваших обычных деловых сношений. Мне пишите уже в Женеву, villa Java, Châtelaine. Жена и я сердечно приветствуем вас и Иоанну Матвеевну.

С глубоким уважением и сочувствием ваш Вяч. Иванов

Ответ на п. 2.

[1] Драмой «Кольца» (М., «Скорпион», 1904) Л. Д. Зиновьева-Аннибал дебютировала как писательница.

[2] О французском художнике Одилоне Редоне и его роли в «Весах» см. наст. том, стр. 318, прим. 53.

[3] Основной мотив «Пламенников» был связан с древнегреческим мифом об Агаве (пораженная безумием в наказание за неверие в божественность Диониса, она в исступлении разорвала своего сына).

[4] «Homo sapiens» — роман Станислава Пшибышевского; его перевод был выпущен изд-вом «Скорпион» в 1902 г.

[5] Предполагавшееся английское издание исследования не осуществилось. В течение 15 лет Иванов не раз принимался за переработку курса, даже начинал печатать его в разных издательствах. В 1917 г. почти готовый набор книги сгорел при пожаре в типографии. Известно два экземпляра верстки этого издания — в римском архиве Иванова и в собр. М. В. Толмачева (Москва) — наст. том, стр. 475.

4. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

Villa Java, Châtelaine près Genève
29/16 сент‹ября 19›03

Сердечно уважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

Благодарю вас за любезное письмо и за ваши добрые строки обо мне в «The Athenaeum»[1]. На письмо пока не отвечаю: в Париже вместе с Редоном надеюсь выяснить и устроить все сомнительное; вашими обстоятельными указаниями буду руководиться. В настоящую минуту на очереди вопрос о нашей вчерашней посылке в ваше книгоиздательство. Согласится ли оно на издание двух наших вещей: только что законченной женой трехактной драмы «Кольца» и нового маленького сборника моих стихов, под заглавием «Прозрачность»? Рукопись жены вполне готова, я же еще пошлю вдогонку последние страницы. Как об особенном личном одолжении прошу вас о следующем: устроить так, чтобы моя книжка появилась как можно скорее и непременно в этом году. Издайте, если хотите, очень просто — только очень быстро. Мне нужна одна корректура (которую уж, конечно, не задержу) — лучше в гранках, чтобы иметь возможность перемещений или вставок. В остальном совершенно полагаюсь на вас. Мне хотелось бы надеяться, что эта быстрота возможна, несмотря на несомненно горячее время как для моей, так и для книжки моей жены; они же маленькие (думаю, 100 и 200 страниц приблизительно). Для жены также необходимо, чтобы драма вышла в свет *не позже* января [2]. Мы оба будем вам чрезвычайно обязаны и за ваше личное мнение о шансах на принятие драмы для постановки на сцене, например, в Художественном театре; если есть данные, чтобы надеяться на успех, можно было бы показать ее, хоть в корректурах, дирекции [3].— Не придется. к сожалению, увидеться скоро в Москве. С. А. Полякову пишу одновременно [4]. Жена шлет сердечный привет. Простите деловой лаконизм и невольно причиняемое беспокойство и верьте глубокой преданности благодарного вам

Вяч. И в а н о в а

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

[1] В обзоре русской литературы за 1902—1903 гг. («The Athenaeum», 1903, № 3949, July 4, p. 22—25) Брюсов сочувственно отозвался о парижских лекциях Иванова (см. п. 2, примеч. 3) и о «Кормчих звездах». Оценивая эту книгу, он повторил в несколько иной редакции те положения своей рецензии (*НП*, 1903, № 3), которые позже были приведены в объявлении о сборнике «Прозрачность» («Каталог книгоизд-ва «Скорпион»...», стр. 14.— «Весы», 1904, № 1).

[2] Обе книги были выпущены только в 1904 г.: «Кольца» — в сентябре, как это указано на титульном листе; «Прозрачность» — в апреле (см. дарственную надпись Иванова Брюсову.— *ЛН*, т. 27-28, стр. 99).

[3] Вероятно, постановка «Колец» в Московском Художественном театре показалась Брюсову невозможной: в дальнейшей переписке эта тема исчезает, не встречается она и в переписке Брюсова и Иванова с основателями Художественного театра.

[4] Это письмо неизвестно.

5. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

Villa Java, Châtelaine près Genève
12.X/29.IX ‹19›03

Дорогой Валерий Яковлевич, пишу вам под первым впечатлением сегодня полученного вашего письма, глубоко меня тронувшего, мой дальний — и друг, мой «чужой» — и близкий! Впрочем, близость нашу я вижу, а слово «чужой» пишу с ваших слов и на веру, вместо «неведомый», потому что вы принадлежите, по моему мнению, к типу непроницаемых лириков — тех, которые, будучи гордыми, многоликими и художниками

прежде всего, умеют петь даже о самом личном из своих многих *Я*, не вынося его «на диво черни простодушной» [1]. Что же до разделений ‹на› партии и секты,— существуют ли они в общине эсотерической? Одно разделяет — или соединяет мертвенно: окаменение; но уже не поэт, кто окаменел. А кто поэт, тот откликается — всегда, думаю,— весь на все... Благодарю вас за оттиск вашей прекрасной статьи, именно близкой мне — до встреч мысли в отдельных частностях [2]. Не во всем, впрочем, я с вами согласен. Так, например, я ставлю Бальмонта выше Фета, невозможным считаю сравнение его с Тютчевым (как величиной другого порядка и не лермонтовской филиации), а стих Бальмонта: «предо мною другие поэты — предтечи» [3], звучит для меня как богохуление. Неправы вы, на мой взгляд, и в оценке бальмонтовских rythmes brisés [4]: сошлюсь на чудесную ритмику «Старого дома» — этой гениальной вещи. Кажется мне, что стих и *стиль* Бальмонта в последних произведениях сгущается и консолидируется, приобретает более насыщенный колорит — и что наш поэт далеко не исполнил еще своих граней. Но его четыре стихии хорошо определены,— хотя и не родственны ему им любимые Кальдерон, По и Бодлер [5].

Обращаясь к «делам», прежде всего уверю вас, что поистине желал бы избегнуть предварительной цензуры (и спасти, между прочим, «Крест Зла» — где, быть может, полезно пожертвовать словом: «соблазна») [6]. Итак, доставлю материала на десять листов и потому прошу вас приступить к набору. Быть может, в самом деле хорошо издать книжку по образцу первого моего сборника, но думаю, что бумагу лучше было бы взять несколько плотнее и толще, а так же печатать *шире*, с бóльшими промежутками между строк, что и красивее. На предварительный гонорар никаких притязаний не предъявляю. «Кольца» же нам необходимо издать *теперь* и раньше «Пламенников», которых появление не заставит себя ждать. В отношении распространения, обе вещи будут взаимно друг друга рекомендовать и поддерживать. Если книгоиздательство все же боится убытка, не пожелает ли оно печатать драму в типографии «Нового времени», где на нашем счету лежит около 150 руб., которые могут войти в покрытие расходов по изданию? Свою книгу я бы думал издать только экземплярах в 500 (?); для драмы также, думаем, достаточно это число [7].

Ваш сердечно Вяч. Иванов

P. S. Жду корректуры и вышлю продолжение в скорейшем времени.

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

[1] Строка из стих. Лермонтова «Не верь себе».

[2] Брюсов послал Иванову свою рецензию на сборник стихов Бальмонта «Будем как Солнце» (М., «Скорпион», 1903).— «Мир искусства», 1903, № 7—8.

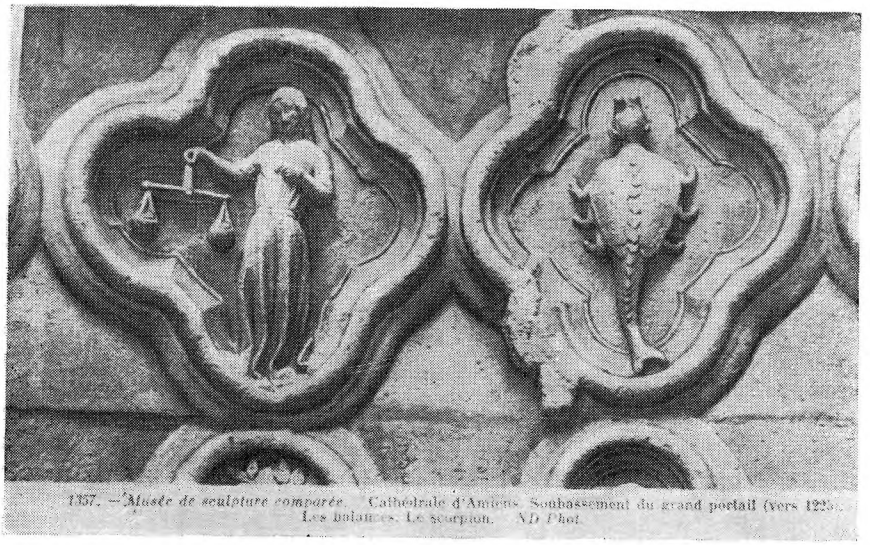
[3] Строка из стих. Бальмонта «Я — изысканность русской медлительной речи...» (сб. «Будем как Солнце»).

[4] Rythmes brisés (*франц.*) — рваные ритмы, или, как называл их Бальмонт, «прерывистые строки» — такой подзаголовок имело его стихотворение «Старый дом» (*СЦ—1903*)

[5] В своей статье Брюсов отводил Бальмонту место «в ряду наших лириков, тотчас после Тютчева и Фета» (стр. 36); определяя основные «стихии» его поэзии, он указал (стр. 34) четырех писателей, чье творчество явилось наиболее полным выражением этих «стихий»: Кальдерона («полнота жизни‹...› цельность характера»); По («чувство Тайны»); Бодлера (отношение к любви и женщине); Шелли (проникновение в жизнь стихий).

[6] Предварительной цензуре подвергались только книги объемом меньше 10 печатных листов. Сборник «Прозрачность» превысил этот объем и таким образом избежал цензуры. Стихотворение «Крест Зла» вошло в него без предложенных Ивановым изменений.

[7] «Прозрачность» была издана тиражом 1200 экз., «Кольца» — 600 экз.



ЗОДИАКАЛЬНЫЕ ЗНАКИ: ВЕСЫ И СКОРПИОН
Фрагмент барельефа на портале Амьенского собора (около 1225 г.)
Открытка З. Н. Гиппиус, посланная Брюсову в январе 1912 г. из Парижа
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

6. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

Châtelaine près Genève
1/14.XI.<19>03

Дорогой Валерий Яковлевич,

Привет вам и целование в Дионисе! Благодарю за книгу вашу — дорогую мне память наших общений [1]. Вы заставили меня испытать праздничную радость, истинный восторг. Вы совершили художественный подвиг... Впрочем, это письмо должно быть посвящено «делу» и мелочам. Свои первые впечатления я набросал для печати: род импрессионистской рецензии (если выражение возможно и понятно) [2] — и направляю ее на днях, вместе с одним новым (в «Прозрачность», конечно, не вошедшим) стихотворением,— в «Гриф»! Ибо «приглашение», которое вы предвидите, получено, подкрепленное ссылкою, в числе сотрудников, на вас и Бальмонта,— и книжка, уже ими выпущенная, ведь несомненно была симпатична [3]. Больше же одного стихотворения мне дать им и нечего. Я не знаю, возьмет ли «Гриф» рецензию и прошу редакцию,— если она им нежеланна,— передать листок одному из сотрудников «Скорпиона». Лучше я не сумел устроить дела. Отсюда — *просьба к вам пристроить где-нибудь* (в «Новом пути» или «Курьере» [4] или еще где) мой набросок в случае отказа «Грифа»; «Северных же цветов» дожидаться долго, так как дело идет о свежем впечатлении от вашей книги. Очень обрадовали вы меня своим одобрением; сердечное вам спасибо за сочувствие и поддержку. Что до «Северных цветов»,— желанна ли вам первая часть моей задуманной трилогии — «Тантал»? Трагедия займет не менее трех листов. Я хочу за нее приняться и, если Музы будут благосклонны, написать ее до Рождества. В отдельном же издании, как вы замечали, трилогии лучше не дробить [5]. Правда, я очень занят. В январе ожидают от меня в Париже курса о римской магистратуре. Но этот курс я прочту уже не для того, чтобы сообщать новые результаты своего исследования, как в курсе о Дионисе [6]. Этот последний все ждет своей окончательной обработки для печати. Тем не менее, я едва ли буду думать в ближайшее время об ином, чем «Тантал». Итак, желанен ли он

вам? Первые корректуры сегодня мной отосланы в типографию. Я рассчитываю на тщательность окончательной выправки в редакции. Позволю себе обратить ваше внимание на отмеченный мною в корректуре пропуск двух стихов в стихотворении «Прозрачность»:

И вечностью веешь случайной

и

Вечерние скорбные светы.

Также важны исправления, *сткло* (вместо *стекло* в стихотворении «Душа Сумерек»), *восходят* (вместо *выходят* в «Дриадах»), *сказания* и *изъяснят* (в 1-ой и 3-ей строфах стихотворения «Крест Зла») [7]. Кстати, о словах: incohasti = incohavisti, употребляемо и Цицероном [8]; стихотворение следует форме первого Катуллова [9]. Примечание о дифирамбе все же пришлю [10], тем более, что не уверен, что стихов достаточно для десяти листов, при сжатости набора и формате, по-видимому, более крупном, чем формат «Кормчих звезд» — не так ли? Обложку заказывать у Редона было бы уже поздно. При корректурах «Колец» просим прилагать текст рукописи.

Из ваших стихов, между столькими мне особенно милыми, люблю очень «У Земли» и «Мир».

Ваш сердечно Вяч. И в а н о в

P. S. Охотно направил бы я в «Курьер» две-три пьесы из «Прозрачности», в ожидании ее появления, но не знаю, насколько это желательно для «Скорпиона». Если бы было не нежелательно и дело могло бы быть устроено непосредственно (выбор стихотворений для меня безразличен), я был бы только рад. Пишу это на случай, что у вас есть с «Курьером» сношения.

Б. И.

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

[1] Брюсов послал Иванову сб. *UO*.

[2] См. Приложение I к наст. публикации.

[3] Приглашение в альманах изд-ва «Гриф» на 1904 г. было получено раньше: 2/15 октября 1903 г. владелец «Грифа» — С. А. Соколов (Кречетов) — обратился к Иванову с предложением принять участие в этом сборнике (ГБЛ, ф. 109). В «Альманахе Гриф» (М., 1904) напечатаны четыре стихотворения Иванова, позднее вошедшие в «Прозрачность» (см. п. 13). «Уже ими выпущенная книжка» — «Альманах книгоиздательства «Гриф» (М., 1903).

[4] «Курьер» — ежедневная политическая и литературная газета демократического направления (М., 1897—1904); основной круг сотрудников ее литературного отдела — писатели-знаньевцы.

[5] Из задуманной Ивановым трилогии трагедий окончены и увидели свет: «Тантал» (*СЦ—1905*) и «Прометей» (Пб., «Алконост», 1919). Трагедия «Ниобея» осталась незавершенной (наброски ее см.: ИРЛИ, ф. 607, ед. хр. 78; ГБЛ, ф. 386.129.29). Последующие письма освещают работу над «Танталом» и «Ниобеей». Судя по желанию Иванова «не дробить» трилогию, можно заключить, что он предполагал осуществить этот замысел целиком в ближайшее время.

[6] Позднее Иванов отказался от чтения этого курса в парижской Русской высшей школе общественных наук (см. п. 11).

[7] Указанные поправки внесены в текст сб. «Прозрачность».

[8] Стяженная форма incohasti (при полной — incohavisti) 2 л. ед. ч. прош. вр. (активный перфект) глагола incoho (или incho — начинать, приступать); употреблена Ивановым в посвященном Бальмонту латинском стихотворении «Sole sato» (сб. «Прозрачность»). Форма встречается у Цицерона (см., напр., «De fin.», IV, 15).

[9] Первое в корпусе лирики Катулла стихотворение написано одиннадцатисложником (Фалекиев стих: хорей с дактилем во второй стопе).

[10] Четвертый отдел «Прозрачности» составили стихи, написанные «в духе античных дифирамбов». В «Примечании о дифирамбе» Иванов охарактеризовал эту, «параллельную трагедии», форму древнегреческой культовой поэзии и дал, в своем переводе, ее «образец» — дифирамб Бакхилида «Тезей» (V в. до н. э.).

7. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Châtelaine.› 29/16.XI.‹19›03

Дорогой Валерий Яковлевич,

Как ваше здоровье, успешна ли была операция,— и что с вами случилось, что сделало необходимым такое героическое решение— ей подвергнуться? Удивляюсь вашей энергии — вести текущую переписку накануне операции! [1]

Вкратце отвечаю о делах.

Перевод книги, которую вы справедливо называете моей любимой, охотно предприму — конечно, не тотчас, но к концу лета, я надеюсь, он будет окончен [2]. Нужны ли примечания переводчика? — Условием ставлю, однако, свою независимость переводчика и не хочу дать своего имени, если перевод — все равно, этой ли книги Ницше, или всех произведений вообще — будет означен в заглавии сделанным *под редакцией* другого лица.

Что рукопись для «Северных цветов» должен представить уже в самом начале декабря, было для меня неприятной неожиданностью, так как я рассчитывал как раз написать для альманаха «Тантала»,— думая, что есть для того время: альманах ведь выходит к Пасхе, и я предполагал, что рукопись можно представить и в январе. Но если это не так, мне придется подумать о чем-нибудь другом — думаю, о небольшой статье; быть может, присоединятся к ней и одно-два стихотворения [3].

В «Весах» сотрудничать рад и надеюсь [4]; но конкуренция «Северных цветов» пока связывает мои руки.

Пожалуйста, не задержите набор «Прозрачности» и «Колец».

Ваш сердечно Вяч. И в.

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

[1] См.: *Дневники*, стр. 134—135.

[2] В 1903 г. «Скорпион» объявил об издании полного собрания сочинений Ф Ницше (не было осуществлено). Среди предполагаемых переводчиков назван Иванов, что было сделано без его ведома: «Свое имя неожиданно нахожу в числе переводчиков Ницше. *Принципиально* — очень рад участвовать»,— писал он Брюсову 6/19 ноября 1903 г. после получения *UO* (в конце сборника было напечатано объявление об издании). По-видимому, в ответ на это Брюсов предложил Иванову перевести книгу Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» (см. п. 10), проблематика которой ближайшим образом была связана с учеными интересами Иванова.

[3] Четвертый альманах книгоизд-ва «Скорпион» был издан только в 1905 г. (*СЦ—1905*). Эта задержка позволила Брюсову согласиться на ожидание «Тантала».

[4] По-видимому, Иванов отвечает на приглашение Брюсова принять участие в «Весах». В первом объявлении о подписке на журнал он был назван в числе сотрудников («Русские ведомости», 1903, № 321, 22 ноября); в дальнейшем его имя в объявлениях отсутствует (там же, № 326, 27 ноября; «Курьер», 1903, № 286, 14 декабря).

8. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Châtelaine. 21 ноября/› 4 дек‹абря 19›03

Дорогой друг мой Валерий Яковлевич,

Unus mihi instar omnium Plato [1].

Благодарю вас за ваши дорогие стихи [2]. Да будет так! — вот что приличествует стремящимся отвечать на похвалы, прозревающие их лучшие *возможности*. И если вам почудилась во мне такая возможность,— я этим горд и счастлив.

По стихам не вижу, что вы писали их «на другой день после хлороформа». Но что это было так и что вы «на другой день после хлороформа» [3] обо мне думали, меня трогает и делает привет еще милее...

Как вы теперь себя чувствуете?

О «Северных цветах» и «Весах» думаю добросовестно. Для «Северных цветов» уже шесть стихотворений. Вместо статьи пришлю для них, вероятно, небольшую поэму, связанную по мысли и со статьей (с посвящением Ницше),— которой придаю значение, несмотря на ее небольшой объем, и которую поэтому желал бы видеть напечатанною в *первой* книжке «Весов». Заглавие этой статьи, над которой работаю: «Ницше и Дионис» [4]. Я придаю мыслям этой статьи значение, потому что в них кристаллизованы все мои Да и Нет ницшеанству.— Если бы только вы могли поставить мне более определенные и несколько снисходительные сроки!

Ваш сердечно Вяч. Ив.

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

[1] «Платон мне заменяет всех» (неточная цитата из Цицерона).

[2] Стихотворение «Вячеславу Иванову», впоследствии опубликованное как посвящение к сб. *St.*

[3] Т. е. 14 ноября 1903 г. (см. наст. том, стр. 371, примеч. 1).

[4] Ст. «Ницше и Дионис» см.: «Весы», 1904, № 5. Замысел поэмы, посвященной Ницше, по-видимому, не был осуществлен.

9. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Châtelaine.› 28/15.XII.‹19›03

Дорогой Валерий Яковлевич,

Простите, что так долго не отвечал, не видя возможности сказать что-нибудь определенное; пишу, наконец, но все же буду говорить о своих предположениях только условно.

Прежде всего, однако, позвольте высказать вам несколько запоздалую благодарность. Ваша «летопись» [1] не только живо заинтересовала меня,— чему вы не удивитесь, зная и мою любовь к Тютчеву, и ее научную содержательность,— но и доставила живое эстетическое удовольствие, так как она — «nuda» и «tenuis»* — написана с какой-то латинскою «elegantia» **. Спасибо за сообщение критики из «Русских ведомостей» — недалекой, но любопытной [2]. Статью Розанова читал и нашел в ней обычно талантливые aperçus *** — только обижен за гениального старика, о котором он все-таки мало осведомлен; но исторические справки — как о «плебисците» по поводу бомбардировки Парижа — сомнительны [3].

Рад, что вы одобряете помещение «Эллинской религии страдающего бога» в «Новом пути». Меня просили известить о согласии телеграммой, и нужно было решиться тотчас [4]. Я подумал и решился — отказаться от мысли о дополнении статьи недостаточно использованным научным материалом и более тщательной (в филологическом отношении) ее обработке; отлагаю все это до будущей систематической работы.

Вы интересно и согласно моим собственным впечатлениям говорите мне о разнице в фракциях нашего идеалистического движения в литературе и критике. Конечно, я лично ближе всего к вашей. Против вашего реферата в Париже я мог бы возражать: искусство — не «ancilla»**** Познания [5]. Как я понимаю его действенную (теургическую) задачу, я сказал в стихотворении «Творчество» в «Кормчих звездах». Мы еще символисты; мы будем мифотворцами. Дорогой символа мы идем к мифу. Кстати: и здесь у Андрея Белого проблема лазури. Он создал *Авушку* [6].

* «проста» и «непритязательна» (*лат.*).
** «изящностью» (*лат.*).
*** замечания (*франц.*).
**** «служанка» (*лат.*).

Ваше восклицание о всех безумствах и опьянениях, которым вы отныне предаетесь, и решение не написать более ни одного трезвого стиха — очень мне любо. Да и нет у вас никакой трезвости. Реализм и трезвость вовсе не одно и то же. Пьяный Пушкин делается реалистом. Доказательство: «Пир во время чумы» или «Не дай мне бог сойти с ума». Перехожу к «делам».

«Тантала» очень хотел бы написать теперь и имею на то большую надежду; но излишне объяснять вам, что исполнение такого замысла зависит не от твердого желания или трудолюбия. Займет он едва ли значительно больше трех листов; считаю приблизительно, что число стихов не дойдет и до 1.500. Имею в виду объем эсхиловых трагедий («Прометей» — меньше 1.000). Вероятно мне, что трагедия не займет и 3 листов. Заботы о «Новом пути», о начатой поэме для «Северных цветов» (т. к. вы не хотели «Тантала»), о набросанной наполовину статейке для «Весов» опять было отвлекли меня от трагедии. Займусь ею, если располагаю, как вы пишете, январем. Повторяю, что *очень* надеюсь успеть.

В организации перевода всего Ницше принять активное участие — было бы моим большим желанием, и мое настоящее пребывание за границей не должно отвлечь меня от этой задачи. Я прошу вас известить меня, *поскольку* вам было бы желательно мое сотрудничество в предприятии; напишите ваши требования и условия. Я собираюсь побывать в Москве в скорейшем времени — хотя, правда, не говорю об этом намерении как о непременном решении: напишите, пожалуйста, насколько мой приезд желателен теперь же в деловом отношении. С осени же намереваюсь пробыть в Москве несколько месяцев, быть может — чуть не всю зиму. Вообще, мы только и думаем, что о переселении в Россию; это вопрос близкого времени, но покамест, правда, семейные обстоятельства тому препятствуют.

Нужна ли для «Весов» статья (популярная и сочувственная) о Гюставе Моро? Такой этюд, преимущественно описательный (очень изобразительный обзор его произведений по эпохам творчества) и на мой взгляд весьма живой и интересный, желала бы дать в «Весы» моя хорошая знакомая — парижская приятельница — Александра Николаевна Чеботаревская. Она писала в «Русской мысли» (весной этого года) о Бёклине, а раньше, между прочим, перевела книжку П. Гиро о Фюстель де Куланже. (Перевод «Монны Ванны» сделан ее сестрой, с ее сотрудничеством.) Кажется, она готовит заметку также о работах Якунчиковой, набросанную здесь, в то время как она гостила у нас,— на основании виденного в здешней вилле покойной Марии Васильевны Якунчиковой-Вебер. Напишите мне словечко, послать ли ей эти работы в «Весы» [7].

Издание наших книг, как с горестию вижу, очень запаздывает. Корректуры «Колец» еще не получены. Будьте добры, дорогой Валерий Яковлевич, сделайте от вас зависящее.

В последних моих корректурах дополно много поправок и изменений (между прочим, из уважения к педантическому, правда, «закону» Германа [8] — об избежании трохея в 4-й стопе гекзаметра): рассчитываю на ваше дружественное и филологическое внимание. Ибо, не правя последних корректур, нельзя быть уверенным, что стихи не выйдут искалеченными и притом перепутанными (в отношении порядка),— не имея une âme soeur * в Москве с глазами Линкея [9].

Я был бы чрезвычайно утешен, если бы листы «Прозрачности» по отпечатании были присылаемы мне хоть в одном экземпляре.

А пока — до возможного и мне сердечно желанного свидания... но повторяю, что осуществление плана остается проблематичным.

Ваш душевно Вячеслав Иванов

* родственной души (*франц.*).

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

[1] Валерий Брюсов. Ф. И. Тютчев. Летопись его жизни.— *РА*. 1903, № 11 (продолжение — № 12).

[2] Речь идет, вероятно, о статье И. (И. Н. Игнатова) «Литературные отголоски. Современная поэзия.— Издания «Скорпиона» ‹...›» («Русские ведомости», 1903, № 317 и 324, 18 и 25 ноября).

[3] В статье «Моммзен и Ренан» В. В. Розанов утверждал, будто немецкий филолог и историк Теодор *Моммзен* (1817—1903) во время франко-прусской войны высказался на референдуме за бомбардировку Парижа («Хроника журнала «Мир искусства», 1903, № 13, стр. 133). Иванов в 1886—1891 гг. учился у Моммзена в Берлинском университете, завоевал его расположение и позже поддерживал с ним связь. См.: *Дешарт*, стр. 12—14; М. С. Альтман. Из бесед с поэтом Вячеславом Ивановичем Ивановым (Баку, 1921 г.). — «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 209 (Труды по русской и славянской филологии. XI. Литературоведение). Тарту, 1968, стр. 306—307.

[4] 20 ноября/3 декабря 1903 г. Мережковский просил Иванова срочно выслать текст его курса для набора в январском номере «Нового пути» (ГБЛ, ф. 109, без шифра).

[5] 21 апреля/4 мая 1903 г. Брюсов выступил в парижском «Обществе русских студентов» с рефератом «Задачи искусства» (опубликован под заглавием «Ключи тайн».— «Весы», 1904, № 1). На этом чтении присутствовал Иванов (*Дневники*, стр. 132). После опубликования реферата он полемизировал с Брюсовым в статье «Поэт и Чернь» («Весы», 1904, № 3). В спорах выявились два различных понимания символизма, ретроспективно описанные в статье Иванова «Simbolismo» («Enciclopedia Italiana», т. 31, p. 793—795).

[6] «Добрый Авушка», «святой простачок Ава» — образ из четвертой части «Северной симфонии» Андрея Белого (М., «Скорпион», 1904, стр. 111). Книга вышла в октябре 1903 г.

[7] Александра Николаевна *Чеботаревская* (1869—1925) — критик и переводчица, близкий друг Иванова. Упомянуты ее работы: «Бёклин и его искусство» (*РМ*, 1903, № 5), перевод книги П. Гиро об известном медиевисте — «Фюстель-де-Куланж» (М., 1898) и перевод драмы Метерлинка «Монна Ванна» (СПб., 1903), выполненный при ее участии Анастасией Николаевной Чеботаревской. Работа ее о французском художнике Г. Моро в «Весах» не появлялась; статья о художнице Якунчиковой была напечатана в *РМ*, 1905, № 4. Несколько раньше «Весы» поместили статью М. Волошина «Творчество М. В. Якунчиковой» (1905, № 1).

[8] Иоганн-Готфрид *Герман* (1772—1848) — немецкий филолог-классик, известный исследованиями античной метрики.

[9] Линкей — один из персонажей древнегреческого мифа об аргонавтах — обладал всепроницающим зрением; во второй части «Фауста» Гете — дозорный на службе у Фауста. Ср. то же уподобление в указ. рецензии Иванова на *UO* (Приложение I) и соответствующем ей стихотворении: «Твой зорок стих, как око рыси, //И сам ты — духа страж, Линкей...» Образ рысеокого Линкея прочно связывается у Иванова с образом Брюсова. Ср.: М. С. Альтман. Указ. соч., стр. 305—306 (запись от 17 января 1921 г.).

10. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Châtelaine.›
25 дек‹абря 1903/7 января 1904 г.›

Счастливого и славного нового года желаю вам, дорогой мой Валерий Яковлевич! Сердечно благодарю вас, тронутый вашим дружеским чувством, за посвящение мне вашей ослепляющей,— как яркое красное пламя,—и близкой мне по духу «Медеи». Итак, волшебница, разлюбив «тщету объятий, сопрягающих тела», мчится в огневой эфир духа [1].

«Поэзия духа» — написано на нашем знамени; оглянувшись на землю и улыбаясь ей, она ниспошлет ей Миф. Ваше намерение дать посвященные мне стихи в «Мир искусства» приводит мне на память, что я только что был провозглашен в его хронике трудолюбивою бездарностью...[2] Благодарю вас еще и еще за эти дорогие посвящения, запечатлевающие наше общение и большую общность наших исканий. С нетерпением буду ждать вашей драмы. Напишите при случае определеннее, что такое «Земля» по роду. Мистерия в стихах? Философская драма? — «Тантал» пишется; далек от окончания, но перспективы прозрачны. Так что моя надежда приготовить его для «Северных цветов» стала твердой. Я дорожу видеть его напечатанным вместе с вашей драмой...[3] Но что возвещаете вы мне о «Северных цве-

тах»?! В них не будет Бальмонта? ни Белого? [4] Они не будут походить на прежние томы? Не будь «Весов», всех объединяющего издания, все это имело бы вид «великого раскола».

Кажется, что моя поездка в Москву, теперь же и на короткое время, не нужна. Можно приехать весной, если будет необходимо. Во всяком случае, я не только берусь перевести летом «Рождение трагедии» или еще что-нибудь, но и весьма рад взять на себя ведение всего издания. С осени буду в Москве надолго. Пишите мне, впрочем, о ходе ваших приготовлений к изданию и, если хотите, вызовите меня в Москву для организации работы.

Замедление в напечатании наших книг нас истинно огорчает и делает нам в разных отношениях einen Strich durch die Rechnung *. Конечно, мы далеки от мысли винить в том книгоиздательство. О, если бы можно было ускорить набор и печатание после праздников, чтобы хоть в январе книжки увидели свет.

Ваша приписка очень испугала меня, и потому я телеграфировал, как вы сказали. Такое размещение стихотворений совершенно калечит книгу. Прилагаю список стихотворений первых двух отделов. Едва ли какое забыл. Во всяком случае, *порядок* должен быть таков [5]. Удивляюсь, как при подробнейших указаниях моих относительно размещения вышла путаница.

Простите, дорогой Валерий Яковлевич. Крепко жму вашу руку и передаю новогодний привет и пожелания Лидии Дмитриевны, а также прошу поздравить от нас вашу супругу.

Ваш сердечно Вяч. Иванов

P. S. Жена просит известить вас, что своим литературным nom de guerre ** избирает: «Л. Д. Зиновьева-Аннибал». Ганнибалы — ее предки с материнской стороны.

Сердечная благодарность за присылку продолжения «летописи» [6].

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

[1] При публикации стихотворения «Медея» («Ежемесячный журнал для всех», 1904, № 9; *St*) Брюсов опустил это посвящение. В автографах, сохранившихся в его архиве, посвящение также отсутствует (ГБЛ, ф. 386, 6. 2, л. 47—49).

[2] См. рецензию на сб. «Кормчие звезды» за подписью «П. Н.»— «Хроника журнала «Мир искусства», 1903, № 14 (ценз. разрешение 4 декабря 1903 г.). Автор ее— Павел Николаев, художественный и литературный критик журнала (атрибуция делается на основании соседства статей, подписанных его полным именем и инициалами). Слов «трудолюбивая бездарность» в рецензии нет, но содержание ее резюмируется ими достаточно точно. По-видимому, замечание Иванова было причиной того, что Брюсов не отдал «Медею» в «Мир искусства».

[3] Драма «Земля» была опубликована в *СЦ—1905*. Там же см. трагедию Иванова «Тантал».

[4] Об отказе А. Белого участвовать в изданиях «Скорпиона» см. наст. том, стр. 371—372. Бальмонт принял участие в альманахе.

[5] Список стихов, составляющих два первых отдела сб. «Прозрачность», сохранился в архиве Брюсова среди писем Иванова (ГБЛ, ф. 386, 87. 2, л. 55—56). Порядок стихотворений в нем почти не отличается от окончательного расположения их в книге.

[6] См. п. 9, примеч. 1.

11. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Châtelaine.› 23/10.II‹19›04

Дорогой Валерий Яковлевич,

Завтра или послезавтра думаем выехать в Москву (где были бы уже недели полторы тому назад, если бы я не хворал все это время). Война изменила мои планы на ближайшее будущее: ехать в парижскую колонию

* расстройство планов (*нем.*).
** псевдонимом (*франц.*).

было слишком не по сердцу, увидеть же теперь Россию стало почти потребностью. Считаю войну за force majeure *, извиняющую отсрочку исполнения обещаний, данных Школе [1], и естественным представляется мне — временное понижение нашей преподавательской деятельности за границей в данных обстоятельствах.

Корректуры привезу сам, пока же прошу вас покорнейше:

1) напомнить в типографии, что так и не набраны «La Luna sonnambula» и «Кочевники Красоты» (чтобы 2-ой отдел не напечатали без этих стихотворений); 2) распорядиться набором четырех моих стихотворений, только что появившихся в «Грифе» и долженствующих войти в «Прозрачность» (о месте дам указания лично)[2]; 3) ускорить набор «Колец».

К печатанию можно приступить по моем приезде (дабы избежать возможной все-таки путаницы); набора же полезно запасти поболее, чтобы наши обе книжки вышли великим постом по возможности одновременно.

Поздравляю вас от души с прекрасной статьей и прекрасным началом «Весов», журнала истинно изящного — внешне и внутренне. Получена ли статья «Поэт и Чернь»?

В надежде на скорое, мне очень желанное свидание.— Ваш сердечно

Вяч. Иванов

[1] Т. е. обещания прочесть курс о римской магистратуре в парижской Русской высшей школе общественных наук (см. п. 6).

[2] Обе просьбы, касающиеся состава «Прозрачности», были выполнены; см. также п. 13.

12. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

904. Москва. ‹Середина февраля›

Дорогой Вячеслав Иванович!

Статьи ваши получены. Вы хорошо знаете, что они интересны очень. Первой мы думаем поместить о Поэте и Черни — во главе 3 № [1]. Я лично очень разделяю ваше мнение, что поэт должен стать мифотворцем, что символизм — путь к мифотворчеству [2],— буду его проповедовать. Но не думаю, что оно противоречит моим мыслям о Ключах тайн; только углубляет их, если хотите, даже преображает, вскрывая то, что мне только грезилось, что я не сказал словом. Пишите нам больше. Ждем от вас и мелочей.

Как только ваши корректуры будут здесь получены — «Прозрачность» станет законченной книгой. Уже напечатано 7 листов. Что «Тантал»? Хотя время сейчас неподходящее для альманахов.— Посылаю вам статью о Коневском, где поминают вас [3]. Кстати, получили ли вы Коневского и каково ваше впечатление? Он пытался сделать (в языке) кое-что из того, что вы свершили [4].

Ваш Валерий Брюсов

Ответ на п. 11. Датируется по связи с п. 11 и ответным п. 13.

[1] Вторая статья — «Ницше и Дионис» (см. о ней п. 8).

[2] Брюсов ссылается на заключительные положения статьи Иванова «Поэт и Чернь»: «Мы идем тропой символа к мифу. Большое искусство — искусство мифотворческое. Из символа вырастет искони существовавший в возможности миф, это образное раскрытие имманентной истины духовного самоутверждения народного и вселенского» («Весы», 1904, № 3, стр. 8).

[3] Эту статью обнаружить не удалось.

[4] Иван Коневской. Стихи и проза. Посмертное собр. соч. (1894—1901). Со статьей Валерия Брюсова. М., «Скорпион», 1904. В 1910 г. Брюсов дополнил свою

* чрезвычайное обстоятельство (*франц.*).

статью замечаниями о своеобразии языка и метрики Коневского: он отметил «точность и остроту выражений», которым «решительно приносились в жертву легкодоступность и плавность речи»; «хитрый синтаксис»; склонность к нарушению «законов метрики» при «крайней заботливости к звуковой стороне речи» (*Далекие и близкие*, стр. 71—72). Эти же черты Брюсов отмечал в поэзии Иванова (ср. его рецензию на сб. «Кормчие звезды» — *НП*, 1903, № 3).

13. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Châtelaine. 3 марта/› 19 февр‹аля› 1904

Дорогой Валерий Яковлевич,

Вот, «me magna minantem» * — вы видите все не двигающимся с места...[1] Сердечное спасибо за дружеский прием, оказанный статьям, за журнальную вырезку с добрым и обо мне словом и за дорогой томик Коневского. Меня влечет — но и пугает трудностью тонкой задачи — написать в свою очередь что-нибудь о нем [2]. Его искания и постижения представляются мне полными глубокого значения, а его душевный облик стихийно-загадочным и прекрасным. C'est une révélation **, этот томик: честь и слава «Скорпиону».

Я очень обрадован нашим единодушием в вопросе о мифотворчестве. На мое отношение к «ключам тайн» я указываю словами, что они «прежде всего» ключи к тайникам народной — мифородной — души. Быть может, объем понятия «ключи тайн» шире, чем «мифотворчество». Разница в наших взглядах все же есть, внутренняя и существенная. «Ключи тайн» предполагают как тайну некоторую истину — объект познания. Мифотворчество само налагает свою истину; соответствия же ее объективной сущности вещей вовсе не испытует. Оно воплощает постулаты сознания и, утверждая, творит. Поэтому искусство для меня преимущественно творчество, если хотите — миротворчество — акт самоутверждения и воли,— действие, а не познание (какова и вера); не «reine willenlose Anschaung»***, а «творца безвольный произвол» [3], дело лично-безвольного, вселенского воления.

Вы и радуете и немножко пугаете меня вестью, что уже 7 листов «Прозрачности» отпечатаны. Если случилось, что стихотворения «La Luna sonnambula» и «Кочевники красоты» (корректуры которых я не получал) не вошли во II отдел, то — ввиду опущения первоначального V отдела (хоров из трагедий) и небольшого объема книги — думаю, что не излишне образовать другой, V-ый отдел (предпоследний в книге) из стихотворений: 1) «Фуга», 2) «Кочевники красоты», 3) «La Luna», 4) «Темница», 5) «На чужбине», 6) «Кармил».

Предполагая, что альманах «Грифа» у вас под рукой, я просил бы в этом случае перепечатать из него мои названные стихотворения [4].

Если же есть время, то вставить во II отдел «Фугу», после «Кочевников красоты», перед «Beethoveniana», а «Темницу» — по соседству с «Luna sonnambula», а «Кармил» — в сонеты перед «Товарищами», а «На чужбине» — за «Трамонтаной».

Последние корректуры (примечание о Бакхилиде) отослал уже вчера. Просьба — не оставлять набора «Колец».

Ваш сердечно Вяч. Ив.

P. S. Мне кажется также, что не время теперь для альманахов. Не будут ли «Северные цветы» отложены? Не будет ли заявлено, что теперь Муза молчит?

---

* меня, многое сулящего (*лат.*).
** Это откровение (*франц.*).
*** чистое безвольное созерцание (*нем.*).

Посылаю заказным это письмо, боясь, что вы не будете предупреждены заблаговременно о желательном устройстве книги.

Ответ на п. 12.

[1] Из-за болезни Иванова и его жены возвращение их в Россию задержалось на год.
[2] На сборник стихов Ив. Коневского Иванов в печати не откликнулся.
[3] Строка из программного стихотворения Иванова «Творчество» (сб. «Кормчие звезды»).
[4] В «Альманахе «Гриф» (М., 1904) были напечатаны стихи: «Фуга», «Темница», «На чужбине», «Кармил»; все они вошли в сб. «Прозрачность», но несколько в ином порядке, чем указал Иванов в этом письме.

14. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹St.-Cergue.› 10.III/26.II‹1›904

Дорогой Валерий Яковлевич,

Пишу из Юры, куда, проболев всю зиму, мы с женой равно оба принуждены были спасаться, чтобы подышать укрепляющим горным воздухом. Давно были бы в Москве, если бы непрерывающаяся хворость не заставляла всякий раз снова отлагать назначенный отъезд.

Считаю безотлагательным известить вас о ходе работы над «Танталом». Он мог бы быть скоро закончен, если бы мне не представилось внутренне необходимым раздвинуть первоначальную схему плана, ввести новые сцены, одним словом, сделать перемены, увеличивающие объем произведения. Отсюда две трудности осуществить план напечатания трагедии в «Северных цветах»: вопрос времени и вопрос объема.

Если «Северные цветы» будут изданы этою весной (несмотря на ваше сомнение о том, подходящее ли теперь для того время),— мне остается предложить вам (так как с марта альманах должен уже набираться) то, что готово в настоящую минуту, следовательно — отрывки. Именно, предлагаю: «Ниобея. Отрывок из трагедии» (начало трагедии «Ниобея») [1]. Несмотря на неудобство сообщения фрагмента из произведения, долженствующего, по своему роду, действовать преимущественно как целое,— в данном случае считаю такое сообщение эстетически возможным и для *меня* приемлемым. Отрывок обнимает приблизительно один печатный лист и есть нечто законченное. Если же редакция альманаха имеет сомнения относительно допустимости *отрывка* из *трагедии*, я вполне понимаю и такую точку зрения, но «Тантала» как целое произведение также, к сожалению, не могу представить немедленно.

Представьте себе, что духовная цензура не пропустила стихотворения «Пришлец» в «Новом пути» [2]! Трепещу за эту вещь, которой придаю значение, как и за несколько других, важных, в «Прозрачности». Похлопочите, если представится нужда, дорогой Валерий Яковлевич, и верьте сердечной преданности вашего

Вяч. Иванова

Адрес: Villa Java. Châtelaine.

На бланке гостиницы: Hôtel de la Poste. St-Cergue sur Nyon.

[1] О трагедии «Ниобея» см. п. 6, примеч. 5. На следующий день (11 марта/27 февраля) Иванов писал: «...прошу вас, Валерий Яковлевич, в случае нужды иметь рукопись «Ниобеи», немедленно телеграфировать мне ‹...› Рукопись будет выслана тотчас же».
[2] Стихотворение «Пришлец» впервые опубликовано в сб. «Прозрачность».

15. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Москва. 16 июня 1904 г.›

ОТВЕТ
Валерию Брюсову

«В ее глаза зеленые
Взглянул я в первый раз,
В ее глаза зеленые —
Когда в них свет погас».

Над омутами темными —
Плавучие луга,
Над омутами темными —
Зыбучие снега...

И мы, в Луне таинственной,
Душ зыбкий хоровод, —
И мы, в Луне таинственной,
Над бледной ризой вод —

Летаем и влюбляемся
В печальные цветы,
Летаем и влюбляемся —
И ты, и я, и ты...

И клонимся, влюбленные,
Над зыбью стеблей, —
И клонимся, влюбленные,
И рвем стебли лилей.

Зеницам, окнам сумрака,
В тот сладкий миг видна
Вся глубь — чрез окна сумрака —
В тот краткий миг — до дна...

Лишь миг — и зыбью сонною
Смыкаются цветы...
Скользя над зыбью сонною,
Мы спим — и я, и ты...

Вяч. Ив.

16 июня 04.

Ответ на стих. Брюсова «В вагоне», написанное 12—13 июня 1904 г. («Беседа», 1904, № 9, под заглавием «Той, чье имя мне осталось неизвестно»; *St*). Эпиграф — строфа из этого стихотворения.

Брюсов и Иванов неоднократно обменивались письмами-стихами (см. п. 76 и 77, а также примеч. 1 к п. 19 и примеч. 1 к п. 31).

16. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

Ока, 1904, июль.
‹Антоновка. 30 июня/13 июля 1904 г.›

Дорогой Вячеслав!

Да будет это моим первым приветом тебе в твоей villa Java. Неужели воистину, приехав вновь в Москву, мне нельзя будет взбежать по лестнице у Никитских ворот и постучать в дверь, где № 20[1]. Меня всегда отчаивало, что то, что́ так близко в воображении, может быть далеко в «реальности». Когда я вернулся из Венеции, дома, у своего письменного стола,

я не мог поверить, что нельзя будет, бросив работу, сейчас выйти вздохнуть на Piazz'у и дальше, к морю [2]. Живо ли в тебе это чувство общности с нами? Если живо, ты вернешься. А мне сейчас кажется, что если вынуть тебя из нашего круга,— все распадется. Ты должен был прийти к нам, это было так необходимо или, как я говорю, «неизбежно», что всем показалось естественным и ожиданным. Ты именно тот недостававший луч, который сделал гармонию из того ряда случайных красок, какими мы были до тебя. И никто не стал спорить, потому что то была очевидность. Вынь себя опять и все опять вернется в хаос, но горший, потому что слишком будет уличать сравнение с недавним прошлым. Ты — *должен* быть с нами, и я верю, что ты себя чувствуешь лишь во временной отлучке.

Не знаю, отчего это письмо написалось на ты. Я попробовал изменить, ничего не вышло. Если это тебя смущает, забудем об нем. А стал я писать с целью. Хочу поручить тебе и очень просить тебя — написать две рецензии (кроме двух — о Сологубе и Жиде, которые надеюсь найти в Москве): именно, о новой книге Метерлинка «Double Jardin» и о книге его жены Leblanc «Choix de la Vie». Темы интересные [3]. Но умоляю, не позже как *к концу июля*, к числу 25.

Твой В а л е р и й

Привет Лидии Дмитриевне. Ее стилограф работает превосходно.

На конверте почт. шт.: Тарусская. 30 июня 1904; Genève. 17.VII.04.

[1] Весной 1904 г. Иванов приезжал в Москву, где останавливался в меблированных комнатах Троицкой у Никитских ворот. В это время он познакомился и сблизился с символистами брюсовского круга — Бальмонтом, Балтрушайтисом, Андреем Белым и др.

[2] Брюсов посетил Венецию в мае — июне 1902 г. (*Дневники*, стр. 120—121). Piazza di San Marco — площадь св. Марка в Венеции.

[3] Статья Иванова («Рассказы тайновидца») о сб. рассказов Ф. Сологуба «Жало смерти» (М., «Скорпион», 1904) и его же рецензия на книгу Метерлинка «Двойной сад» (см. о ней п. 18) напечатаны в «Весах» (1904, № 8). Статья об Андре Жиде («В раю отчаяния») написана Л. Д. Зиновьевой-Аннибал (№ 10). Ей же принадлежит рецензия на книгу Жоржетты Леблан «Выбор жизни» («Le Choix de la Vie». P., 1904), охарактеризованную ею «как знамение времени, как момент феминистического движения» (№ 8, стр. 60).

17. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Châtelaine.› Villa Java, июль ‹4/17.19›04

Дорогой Валерий,

Благодарю тебя. Благодарю за прошлое и живое, и за первины живого нового. И мне глубоко недостает твоей близости. Но отдаление заставило еще живее почувствовать, что мы уже не «далекие». Ego te ita desidero, ut certo nuntio mei in te amoris me consoler, ipso desiderio tui *.

Рецензии напишу. Прости, что прислал только о Сологубе: зато это статья. Посылаю на твой *неизбежный* суд новые стихи, и «Весы» в пристойной, наконец, надеюсь, редакции и «Вид на Москву» кстати, чтобы ты имел и этот текст, а также чтобы все эти стихи были у тебя под рукой для «Северных цветов» (куда охотно присоединил бы и «Ответ» тебе) [1].

Сижу над рукописью «Ниобеи», от которой неохота отрываться ни для чего другого. У нас, под стародавним, широко раскинувшимся кедром,— прямо рай. Солнце еще не угасло. Полдень прекрасен. А «Белая гора» — не «разоблачается» [2].

Твой В я ч е с л а в

Привет сердечный наш Сергею Александровичу.

---

* Я по тебе так томлюсь, что утешаюсь верным любви моей к тебе вестником, самим томлением по тебе (*лат.*).

БРЮСОВ
Рисунок Б. К. Рериха. Карандаш. 29 июля 1903 г.
Центральный архив литературы и искусства СССР, Москва

Ответ на п. 16. На конверте почт. шт.: Cenève. 17.VII.04.

Первое письмо, написанное Ивановым по возвращении в Женеву из Москвы. После отдыха в Инсбруке Ивановы приехали в Женеву 29 июня/12 июля 1904 г. (см. письмо Л. Д. Зиновьевой-Аннибал И. М. Брюсовой от 1/14 июля 1904 г.— ГБЛ, ф. 386, 86. 59).

[1] В архиве Брюсова сохранились автографы двух редакций стихотворения Иванова «Весы» (ГБЛ, ф. 386, 57.9, л. 9—10 об.). Первая имеет разночтения с печатным текстом (*СЦ—1905*), вторая полностью с ним совпадает; оба автографа имеют посвящение Брюсову, опущенное при публикации. «Вид на Москву» — по-видимому, стих. «Москва» («Cor ardens», ч. I); в *СЦ—1905* не вошло. «Ответ» — см. п. 15.

[2] «Белая гора» — Монблан.

18. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Châtelaine.› 2-е письмо из Женевы. Июль 1904.

Дорогой Валерий,

Как можешь ты думать, что мне неприятно столь желанное? Мало же ты меня знаешь. Так желанна мне близкая с тобою связь, что когда является естественная мысль, что наше окончательное самоутверждение в пред-

начертанной каждому из нас сфере исканий может разъединить нас,— я противопоставляю этой мнительности сердца, как лукавому искушению, все апотропеи [1] моего глубочайшего воления. Если неизбежно разногласие, будем как «разногласье волн, что меж собой согласны»! Недаром же нас обоих с младенчества заворожила Муза напевами

О жизни, тонущей в пурпуровом огне,
О крыльях, реющих за грезою надзвездной,
О славе золотой, пылающей над бездной,
О цели творческой священных берегов... [2]

И недаром обоим

Нам, как маяк, давно поставила
Афина строгая — копье [3].

Благодарю за «Тезея»; люблю его, но меньше, чем «Орфея»[4]. Прочитал вчера почти весь «Double Jardin», и подписал «d'ordures»*. Неизбежен крик протеста; не нравится вам — не печатайте. Заметку вышлю, быть может, завтра. Ужасное зрелище: Метерлинк «der Getröstete» ** — Метерлинк-филистер???![5]

Твой Вячеслав

Если еще можешь, поправь в рецензии на Сологуба, в начале: «в своей *строгой* простоте», а не «*художественной*». В конце — «радужному растворению», вместо «претворению»; зато «*претворить* жизнь» вместо «пресуществить». Но это все не слишком важно [6].

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

[1] Апотропеи — от греч. ἀποτροπή (предотвращение гнева богов, умилостивление, разубеждение). Ср. стихотворение Иванова «Апотропей» («Cor Ardens», ч. I).

[2] Из стихотворения Иванова «На высоте» (сб. «Кормчие звезды»).

[3] Из стихотворения Брюсова «Тезей Ариадне», написанного 1—2 июня 1904 г. («Беседа», 1905, № 1; *St*). Эти строки Иванов использовал в качестве эпиграфов к статье «Копье Афины» («Весы», 1904, № 10).

[4] Стихотворение «Орфей и Эвридика» закончено 10—11 июня 1904 г. (*НП*, 1904, № 8; *St*).

[5] В своей рецензии Иванов охарактеризовал философское произведение Метерлинка «Двойной сад» («Le Double Jardin». P., 1904) как итог деградации взглядов автора — «пеструю риторику самоудовлетворенности», являющую «Метерлинка, каким он стал, Метерлинка, успокаивающего умы и совести и, увы, успокоенного, Метерлинка — утешителя душ ‹...› и Метерлинка «утешенного» («den Getrösteten»), по слову Ницше» («Весы», 1904, № 8, стр. 58—59). Точка зрения Иванова полностью совпала с оценкой эволюции Метерлинка, высказанной Брюсовым в его неопубликованной статье «Метерлинк-утешитель» (ГПБ, ф. 105, оп. 1, ед. хр. 17).

[6] В журнальный текст статьи эти изменения не внесены.

19. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

5-е письмо [1]

‹Châtelaine.› Villa Java.
4 авг‹уста 19›04/22 июля, в саду.

Дорогой Валерий,

За это время были у меня последовательно в гостях: Макс Волошин, М. Н. Семенов[2] и Сергей Котляревский. Макс Волошин много рассказывал и много читал стихов; вокруг него широко развертывался, играя на солнце, павлиний хвост [3]. Семенов приехал в Женеву лечиться от неврастении, он собирается проехаться по Германии с целью привлечения сотрудников для «Весов». Зиму думает провести в Париже. Котляревс-

* нечистот, грязи (т. е. «Двойной сад грязи».— *франц.*).
** «утешенный» (*нем.*).

ский был мил и блестящ, как прежде; он желает, к моей радости, сотрудничать у нас серьезно — писать много рецензий и присылать статьи, рад числиться в списке сотрудников, куда и советую тебе внести его имя; писать будет ближайшим образом об импрессионизме как форме и методе (или в этом роде), но в *самом* скором времени пришлет статью о недавно открытом (как ты, несомненно, знаешь) памятнике вавилонского законодательства, причем, если статья будет соответствовать беседе, с поразительною живостью осветит общее значение этого открытия, удаляющего наши культурные дали на 3.000 лет до Р. Х.,— он ведь весь теперь в ориенталистских изучениях, вырабатывая курс по истории Востока [4]. Он нашел виллу Java Тускулумом и влюбился в пювис-шавановский силуэт Юры, близко ограничивающий нашу долину [5]. Мне кажется, «Весам» важно привлечь свежие силы, расширяющие мир кружка во внутренней гармонии с представляемою им идеей. Поэтому, когда я говорил с Котляревским о желательности новых сотрудников, удовлетворяющих этому требованию, то рад был услышать имя Булгакова, на которого он надеется [6]. Так как говорю о сотрудниках, то сообщу кстати, что Л. Аннибал кончает une étude approfondie et subtile * об Андре Жиде (литературный портрет), а наша М. М. Замятнина посылает в «Весы» сегодня же заметку «по поводу парижской выставки миниатюр» и о значении их для изучения фламандских и французских примитивов [7]; есть там речь о «livre d'heures» герцога de Berry, который, к счастью, вовсе не погиб [8].

Дорогой Валерий, продолжаю все о «Весах». Меня пугает уныние, которое сквозит в твоем письме. Не будем подражать жи́довскому Desperatus, найденному в двух шагах от полюса [9]. Nous devons réussir **. Мною ты можешь располагать, и я был бы по твоему зову на месте, если бы мне не приходилось считаться с фактом явно высказанного Сергеем Александровичем убеждения в ненужности моего ближайшего и, так сказать, органического участия в вашем деле. Но и помимо этого, есть обширное поле деятельности, и я—все, что ты хочешь, и villa Java, если ты хочешь,— филиал «Весов» в Женеве. Например, можно делать нужные для журнала поездки. Можно повидаться с Метерлинком (ему Бальмонт с Максом сделали бесполезный визит, вина в нелепости которого ложится очевидно на них, потому что Бальмонту Метерлинк не понравился, и наш друг стал молчать и злиться [10])— или с Андре Жидом etc., и предложить им обычные (?) 160 франков за лист размышлений, или вот еще что: Лидия Дмитриевна готова, если это *серьезно* желательно, съездить в Англию для ближайшего ознакомления с современными течениями в английской поэзии и искусстве — будет «Письмо» — и привлечения известных литераторов [11]. Необходимо изыскивать и *расширяться*, иначе все упадет. Ceterum censeo *** привлечь Л. Андреева, во что бы то ни стало [12].

Если отложим «Северные цветы» до января, это будет, мне кажется, и естественно, и выгодно. Но уж снимите интердикт. Белый выражал мне в письме склонность последовать моему совету и предложить самому свои вещи в «Северные цветы», чтобы уладить дело во имя Дела, но, естественно, выражает и страх, будут ли его намерения правильно поняты. Вообще, он *чрезвычайно* дорожит связью с «Скорпионом», но чем-то напуган, неуверен в ваших симпатиях, как-то мнительно недоверчив; его нужно ласкать [13].

Близость с тобой, о которой я почти и не мечтал, зная твой замкнутый, суровый, слишком, быть может, осторожный нрав, делает меня счастливым. То, что я знал, раскрывается явно: в замкнутости какое-то пленительное целомудрие мужественной и юношеской души; в сурсвости —

* глубокий и тонкий этюд (*франц.*).
** Мы должны добиться успеха (*франц.*).
*** Кроме того, полагаю (*лат.*).

пугливая нежность глубоко страстного сердца, знающего любовь и ненависть, как этот «палящий цветы» Сириус [14], что каждую ночь сияет над моим старым кедром.

Я пишу тебе иначе, чем говорил прежде, во имя этой близости. Знаю, что ты не выдашь меня. Не выдашь и Сергею Александровичу, что я говорю по поводу его. Не думай, что его упрекаю. Я не знаю его мотивов, но предполагаю возможным, что ему и нельзя поступать иначе, чтобы не изменить союзу вас двоих; я считал бы естественным и правильным его образ действий, если бы он предоставлял, в этом вопросе о моем ближайшем сотрудничестве, всю инициативу — тебе,— но кажется, что зовешь меня ты один.

Я написал «Carmen Saeculare (I. Subtile virus caelitum.— II. Morituri fata salutant.—III. Adamantina proles.—IV. Aevum aetherium)»,вышлю с другим письмом [15]. Понравится ли тебе, не знаю. В нем формулировано много внутренне пережитого; но оно может казаться только формулой передуманного. Этим стихотворением обязан опять тебе: это *ты* показал мне у Агриппы, что с 1900 г. судьбами Земли правит новый звездный демон. Текст, пожалуйста, припиши как эпиграф. Вот почему — carmen *saeculare* [16].

Твой глубоко В я ч.

P. S. Статейка Замятниной по поводу только что закрывшейся выставки примитивов так актуальна, что отсылку ее нельзя задержать. Потому извини грязный brouillon * и сгладь, где нужно, слог.

Вяч. И в.

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

[1] Третьим и четвертым письмами были стихи — «Дрожат леса дыханьем ливней...» и «В лепоту облечеся...» (опубликованы в «Cor Ardens»). На первом из них помета: «23/10.VII.904 (письмо 3-ье)»; на втором — «24/11.VII.904» и «Письмо из Villa Java 4-ое».

[2] О М. Н. Семенове см. наст. том, стр. 258.

[3] Видимо, к этой встрече следует приурочить беседу, которую Волошин приводит в статье «Пророки и Мстители. Предвестия Великой Революции» («Перевал», 1906, № 2, стр. 15).

[4] Сергей Андреевич *Котляревский* (1873—1940) — историк, юрист, политический деятель. В «Весах» статей не помещал, хотя в объявлении на 1905 г. назван среди «обещавших свое сотрудничество». Предполагаемая статья — о судебнике вавилонского царя Хаммурапи (XVIII в. до н. э.), текст которого был открыт в Иране в 1901—1902 гг. Этому памятнику С. А. Котляревский посвятил специальное исследование («Новый Восток», 1923, № 3).

[5] Тускулум (Тускул) — в древности город невдалеке от Рима, где располагались виллы римской знати. В «Тускуланских беседах» Цицерон излагает свои морально-этические взгляды в форме разговоров на философские темы между гостями его виллы в Тускулуме. Пьер *Пювис де Шаванн* (1824—1898) — французский художник, один из основателей символизма в живописи.

[6] С. Н. Булгаков в «Весах» не участвовал.

[7] Статья М. М. Замятниной в «Весах» не появилась, несмотря на повторную настоятельную рекомендацию Иванова в письме, написанном в конце августа — начале сентября 1904 г. О парижской «выставке примитивов» в «Весах» писал М. Волошин (1904, № 5). Позже Замятнина поместила в «Весах» разбор книги Гюисманса «Три примитива», близкий по теме к предполагавшейся статье (1904, № 12).

[8] Одна из иллюстраций часовника (livre d'heures) де Берри, шедевра средневекового книжного искусства, печаталась на титульном листе «Весов».

[9] Образ из романа Андре Жида «Путешествие Уриана» (1893): путники, стремящиеся к Северному полюсу, обнаруживают своего предшественника, отчаявшегося достичь цели, вмерзшим в ледяную стену, которая только и отделяла его от полюса; на ледяной гробнице надпись: «Hic desperatus...» —«Се отчаявшийся...» Эта сцена изложена в указ. ст. Л. Д. Зиновьевой-Аннибал об А. Жиде (см. п. 16, примеч. 3).

[10] Ср. мнение Бальмонта о философском эссе Метерлинка «Сокровище смиренных» («Le Trésor des humbles», 1896): «Я прочел «Le Trésor des humbles» с чувством скуки и

* черновик (*франц.*).

неприязни. Эта книга написана человеком бессильным, который никогда не знал, что такое крик страсти, и потому его отречение от страстей флегматично и плоско, как страна, в которой он вырос. Те немногие страницы и строки, которые действительно хороши в книге Метерлинка, представляют из себя выписки, частию заключенные в кавычки, частию не заключенные. Литературные заимствования вполне позволительны, когда они окрашены индивидуальной печатью блестящего языка, как, например, у Д'Аннунцио. Но язык Метерлинка безвкусен, как невинная фруктовая вода. А между тем те книги, откуда он почерпал свою, полны самой яркой, самой душистой пьяности! Какой же смысл имеет его книга? Он дурно говорит о том, что́ у других сказано хорошо. Он слишком о многом лепечет понаслышке» (письмо к Л. Н. Вилькиной от 8 января 1901 г.— ИРЛИ, ф. 39, оп. 3, ед. хр. 823). См. также статью Бальмонта «Тайна одиночества и смерти. О творчестве Метерлинка» («Весы», 1905, № 2).

[11] Предложения Иванова не осуществились с той систематичностью, которая ему рисовалась: зарубежные писатели участвовали в «Весах» преимущественно как «постоянные корреспонденты» (см. наст. том, стр. 269—271).

[12] Л. Н. Андреев в «Весах» не участвовал. Об отношении Брюсова к его творчеству см.: Б. М. Сивоволов. В. Брюсов и Л. Андреев (*Чтения 1971*, стр. 376—401).

[13] См. наст. том, стр. 371—372 (п. Брюсова 5 декабря 1903 г.) и п. 28, примеч. 4.

[14] Образ из стихотворения Брюсова «И снова ты, и снова ты...» (*СЦ*—1901, в *UO* под заглавием «Свидание», позднее снятым).

[15] Цикл «Carmen Saeculare» («Песнь веку»—*лат.*) напечатан в *СЦ—1905*, затем в «Cor Ardens», ч. I. Второе стихотворение получило в печати название «Vitati melle cicuta».

[16] *Агриппа Неттесгеймский* (1486—1535) — немецкий мыслитель, медик и оккультист. Фигура Агриппы в высшей степени интересовала Брюсова (см. об этом: Б. Пуришев. Брюсов и немецкая культура XVI века.— В кн.: *Собр. соч.*, т. 4, стр. 328—330). Согласно оккультному учению Агриппы, изложенному в его «Сокровенной философии» (1531—1533), «механизмом мироздания» управляют попеременно семь планетных духов, каждый из них владычествует 400 лет; шестой дух — Офиель («правитель вещей, принадлежащих Меркурию», и покровитель искусств) правит с 1900 по 2300 г. (подробнее см.: Агриппа. Магия Арбателя. СПб., 1912, стр. 13, 17). В обеих публикациях Иванов предваряет цикл стихотворным посвящением Брюсову («О, Тайн ключарь, проникший руны...»). В «Cor Ardens» заглавие посвящения развернуто: «Строки Валерию Брюсову, открывшему мне эру Офиеля, по учению Агриппы». Эпиграф — выдержка из «Магии Арбателя» о преемственности семи духов в управлении Вселенной и наступлении эры Офиеля.

20. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

Антоновка (Таруса, Калужской губ.),
‹28 июля› 1904

Дорогой Вячеслав!

Сегодня я прошу позволения говорить исключительно «о делах», о судьбе «Весов». На это вызывает меня твое последнее письмо, которое нашел, вернувшись сюда (за него спасибо, очень и очень). Итак прости, что буду длинным, подробным и скучным.

Продолжать «Весы» так, как они идут сейчас, я не хочу и не стоит. Да, hic desperatus...

Во-первых, я не в силах работать один. Когда «Весы» основывались, полагалось, что в редакционной работе будут участвовать, кроме меня,— сам Сергей Александрович, Юргис и, может быть, Бальмонт. Но вся работа оказалась на мне. «Весы» отымают у меня всю жизнь; изо дня ‹в день› у меня остается свободного времени только, чтобы отдохнуть, не более. И через это самое дело идет хуже, чем могло бы. У меня не достает ни времени, ни внимания, ни даже знаний — для многого. Я не успеваю писать нужнейшие редакционные письма. Я упускаю многое в хронике, еще больше в библиографии. Я не могу выправлять всех статей (а многие в этом нуждаются) и читать все корректуры. Не говорю уже о том, что, будучи один, я не могу отлучиться из Москвы и в случае моей болезни «Весы» просто остановятся.

Во-вторых, я не могу примириться с той беспорядочностью, какая царит в конторе. У меня опять-таки нет времени присматривать за конторскими и издательскими делами, а Сергей Александрович по свойствен-

ной ему беспечности ведет все слишком по-семейному. Прежде всего для распространения «Весов», для рекламы не делается ничего. Объявлений почти не печатается и совсем не рассылается. Суммы, получаемые Василием [1], не контролирует никто. Правильность рассылки журнала тоже. Типография подает *двойные* счета. Они оплачиваются. Зато иные сотрудники не получают гонорара по два — по три месяца. Гилю не заплачено за 2 месяца, Розанову за май, Рафаловичу ничего не заплачено, Шику не доплачено, Лакосту не заплачено за рисунки, присланные в апреле[2], и т. д. Знаю, что у Сергея Александровича до 30 000 рублей годового расхода (дохода больше) и что ему не жалко ничтожных сотен, должных этим лицам, но таков факт. А всю его тяжесть выношу я, который приглашал этих лиц и которые пишут жалобы не кому другому, как мне. В то же время я с января прошу выписать для «Весов» «La Revue», «Neue Rundschau», некоторые английские журналы, и тщетно [3]. Прошу покупать книги для рецензий, тщетно. Неловко настаивать по поводу 2—3 рублей, но иной раз сам все-таки не купишь, а ущерб журналу.

Я мог бы привести гораздо больше примеров и доказательств. Но поверь мне, что и редакцию и контору «Весов» надо перестроить в основании или бросить все дело. Быть редактором нечитаемого журнала, журнала, обреченного вечно иметь 500 подписчиков, я не хочу. Ведь не ради 100 рублей, получаемых мною за редактирование, хлопочу я о «Весах». Необходимо, чтобы кто-нибудь другой поделил со мной редакционную работу, и необходимо, чтобы Сергей Александрович предоставил нам деятельное участие в издательских делах. Если эти два требования не будут исполнены, лучше бросить мертвое дело, которое, несмотря на все местные средства (приглашение новых сотрудников, например), может только разлагаться.

Ты понимаешь, что говоря о «ком-нибудь другом», я думаю только о тебе. Мне представляется сейчас просто сказкой, если б мы стали работать вместе. В ближайшем я не желаю ничего лучшего. Какое-то достижение пристани, долгий отдых на «узловой» станции. И я еще раз прошу тебя ответить мне принципиально: можно ли тебе приехать в Москву и возьмешь ли ты на себя соредактирование «Весов»? От твоего принципиального ответа будет зависеть мое дальнейшее поведение.

Если ты ответишь утвердительно, я предложу Сергею Александровичу, как ультиматум:

1) «Весы» редактируют на равных правах: он, ты и я.
2) «Весам» гарантирован определенный месячный бюджет.
3) Этими деньгами, опять на равных правах, распоряжаемся мы трое.

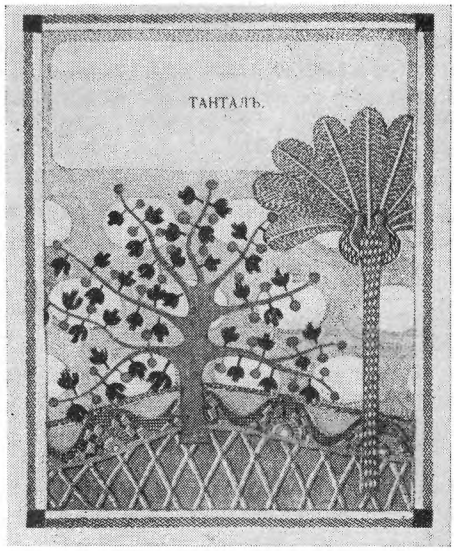
Если он не согласится, я слагаю с себя полномочия редактора.

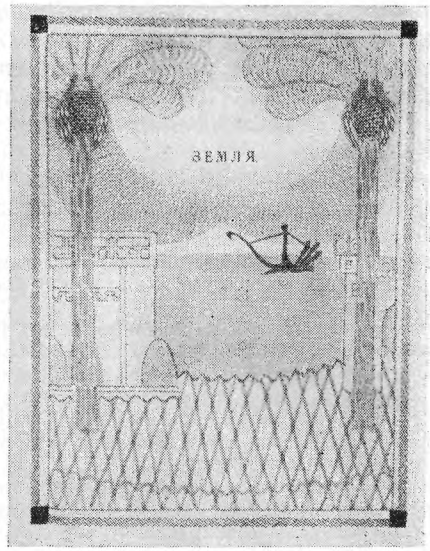
Остается решить размер этого бюджета.

Я дописал до этого места, когда мне принесли (точнее привезли «эстафетой») телеграмму. Именно от Сергея Александровича. Пишет, что приехал в Москву и послезавтра выезжает в Женеву. Это значительно меняет дело. Я сегодня же еду в Москву, увижу его, переговорю. В общих чертах я передам ему все, что здесь написал. Но не так категорически, не как ультиматум, потому что еще не знаю твоего ответа. Ты с ним, конечно, увидишься. Письма этого, полагаю, показывать ему *не должно*. Все это писал я *только для тебя*. Но, может быть, вы все-таки поговорите обо всем этом. Если же я не успею (т. е. не будет мне возможности) серьезно говорить с ним, я извещу тебя.— О частностях твоего письма (о Метерлинке, Жиде, Котляревском, Булгакове, Андрееве) напишу из Москвы.

Твой сердечно и просто твой В а л е р и й

Ответ на п. 19.





ШМУЦТИТУЛЫ К ТРАГЕДИИ ВЯЧ. ИВАНОВА «ТАНТАЛ» И ДРАМЕ БРЮСОВА «ЗЕМЛЯ»
По рисункам Н. П. Феофилактова
«Северные цветы ассирийские». М., «Скорпион», 1905

Датируется по сообщению о возвращении С. А. Полякова и об отъезде Брюсова «сегодня же» в Москву. О том же Брюсов одновременно писал А. А. Шестеркиной (письмо без даты, написано из Антоновки, но опущено в Москве — почт. шт.: Москва. 28.VII.04) — ГБЛ, ф. 218. 128.13.

В архиве Брюсова сохранились автографы четырех редакций этого письма. Публикуется вторая, наиболее законченная из них (первую редакцию см. наст. том, стр. 272). Возможно, что письмо не было отправлено.

[1] Служащий редакции «Весов».

[2] Об участии в «Весах» Р. Гиля, В. В. Розанова, М. Я. Шика и Ш. Лакоста см. наст. том, стр. 269—270, 318. Сергей Львович *Рафалович* (1875—1943) — поэт-символист, театральный критик, сотрудник «Весов».

[3] «La Revue» (Париж, 1890—1918) — общественно-политический и литературный журнал. «Neue Rundschau» (Франкфурт-на-Майне; основан в 1889) — журнал литературы, искусства и науки.

21. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

‹Москва.› 1904, ‹29 августа/11› сентябрь

Давно от тебя, Вячеслав, нет никаких вестей. Ничего не знаю и о Сергее Александровиче. По-прежнему изнемогаю за «Весами». Получил ли ты август и что́ об нем думаешь? [1] Нужны рецензии, рецензии и рецензии. Умоляю писать. Не напишешь ли, например, о новой драме Пеладана — «Sémiramis» (изд. «Mercure de France», 1 fr.) [2]? Просил ли я тебя также дать хоть маленький отчет (хотя бы по газетам) о философском конгрессе у вас, в Женеве? Сделай [3]. Вероятно, к осени появятся разные новинки на «книжном рынке» — поймай их, напиши о них. Ты знаешь, что твои рецензии будут предпочтены всем, в том числе и моим; написав их несколько десятков, я теперь чувствую более чем неспособность к этому делу. Все не могу ничего придумать, как будущее «Весов». Полагаю, декабрем они прекратятся. Феофилактов нарисовал поистине прекрасные рисунки для «Северных цветов» [4], но где текст для них? «Кольца» поступили в цензуру только в субботу — срок через два дня. Тотчас извещу о решении их судьбы. Бальмонт уехал в Крым, где по его словам вервена. Гриф проявляет усиленнейшую деятельность, печатает сразу 5 книг.

Белый только что приехал из Сарова, судя по письму, очень расстроен [5]. Начинаю думать, что *всю войну* с Японией мы проиграем. Мои бодрящие стихи, которых я написал несколько, производят теперь чуть не комическое впечатление [6]. Пиши, очень прошу.

Твой Валерий

На конверте почт. шт.: Москва. 29.08.04; Genève. 19.IX.04.

[1] Т. е. августовский номер «Весов» за 1904 г.

[2] Жозефен *Пеладан* (Сар Пеладан, 1859—1918) — французский писатель-символист. Рецензию Иванова на его трагедию «Семирамида» см.: «Весы», 1904, № 9.

[3] 4 сентября 1904 г. в Женеве открылся II Международный философский конгресс. Отчет Иванова о нем см.: «Весы», 1904, № 10 (подпись: Ζακλής; об этом псевдониме см. письмо Иванова к С. А. Венгерову от 4/17 декабря 1904 г.— ИРЛИ, ф. 377, 1-е собр. автобиографий Венгерова, № 1319). Посылая отчет, Иванов писал Брюсову (без даты): «Вот заметка о конгрессе, длиннее, чем думал, зато основательнее, чем думал».

[4] О Н. П. Феофилактове и его роли в «Весах» см. наст. том, стр. 322. Рисунки для *СЦ—1905* были выполнены им «по образцам древнеассирийского искусства»; отсюда название этого выпуска альманаха — «Северные цветы ассирийские».

[5] См. наст. том, стр. 363, 380.

[6] Из стихотворений о русско-японской войне, написанных к этому времени, Брюсов включил в сб. «Stephanos» только одно — «К Тихому океану» (впервые: «Русский листок», 1904, № 28, 29 января) и сопроводил его примечанием: «Будущее, уже пережитое нами, жестоко опровергло последние слова стихотворения. Я ‹...›, подобно многим, ошибался, ожидая конечного торжества России в начинавшейся войне» (стр. 173). См. также наст. том, стр. 45—46.

22. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Châtelaine.› 6/19 сен‹тября 19›04.

Longioris morae veniam peto, mi Valeri *. Я чувствую себя вполне эгоистом: с нетерпением жду твоих писем и радуюсь каждой строчке; а сам давно тебе не писал: быть может, признаю, что переписка между нами, теперь, тяготеет к большей углубленности,— тогда-то ведь и является бес, которому имя Taedium scribendi **. Но записка от тебя — все же суррогат твоего личного явления, и потому утром прежде всего справляешься, нет ли чего от тебя; и, если есть, переживаешь иллюзию твоего появления на пороге моей комнаты, как ты обыкновенно входишь, без улыбки, с широким взглядом строгих глаз. «То —там; а здесь...» [1] Сергей Александрович уезжал в Париж и опять приехал, и вот завтра совсем, кажется, уезжает. Видаемся чаще всего «у Ландольта», где подозрительно косятся на нас из всех углов российские Бруты [2]. Был конгресс (о нем все ленился писать, но завтра вышлю заметку, которую ты можешь назвать, как угодно, и поместить, куда угодно). Это была маленькая ярмарка, со всякого рода встречами и знакомствами; у нас гостил Ивановский [3]. Теперь все это, волновавшееся как море-окиян,— преодолено. Во мне же возилась целая кучка трагических бесов, из которых каждый хотел узурпировать маску и котурн моей Музы, но я их заклял. Месяца через полтора крепко надеюсь выслать тебе текст трагедии для «Северных цветов». Ita me Bacchus amet !.. *** Поздравляю тебя с августом: ведь эта книжка уже прямо твое единоличное дело. И ты справляешься с ним так, что нельзя догадаться о твоем пессимизме и о твоей усталости. Август, по-моему, хорош. И Суворовский [4] ne fait pas précisément mauvaise figure ****. «Вехи. I» безусловно хорошо написаны; конечно, произведут смуту [5]. Не могу отрицать, что важная и верная мысль могла бы быть

* Снисхождения к долгому молчанию прошу, мой Валерий (*лат.*).

** Неприязнь к писанию (*лат.*).

*** *Здесь*: Пусть Вакх меня разлюбит! (*лат.*).

**** совсем не хуже других (*франц.*).

трактована углубленнее. Жаль, по-моему, что ты не написал об этом более законченного essai, и притом в обособленной форме. Я думал, что «Вехи» ты посвятишь размышлениям по поводу текущих и частных явлений искусства, мысли и жизни,— что́ именно нужно для «Весов»*. Кстати, что ты скажешь о моей идее — о желательности передовых статей на общие темы, анонимных, подписанных именем или знаком «Весов»? «In necessariis unitas» **. Это учреждение было бы органом самоопределения нашей секты; и публика стала бы, может быть, прислушиваться к общему голосу. Желающие могли бы узнать о нас кое-что новое, кроме того, что мы — «декаденты». Знаю, что это предложение опасно: оно может внести рознь. Но покамест опасность не обострена. Во всяком случае, для каждой такой «передовой статьи» необходимо согласие всех лиц, близко стоящих к делу. Кто они — определите вы. В таком настроении писал я «Копье Афины». Вот почему дерзко поставил я в подзаголовок: «Поскольку *мы* — индивидуалисты». Эту статью я лично считал бы возможным сделать «передовой» в вышеуказанном смысле и при соблюдении вышеуказанного условия солидарности. В таком случае заглавие «Копье Афины» должно отпасть***. Если же (что́ вероятно) мое предложение покажется вам неприемлемым,— я сохраняю заглавие «Копье Афины» и перед подзаголовком желал бы поставить «I», так как думаю прислать ряд рассуждений на столь же общие темы, которые уместно объединить в одну группу у подножия воинствующей Паллады [6]. Быть может, успею выслать и продолжение, если ты отлагаешь статью до октября; во всяком случае, не думай о продолжении, потому что оно будет касаться иных вопросов. На днях Лидия Дмитриевна высылает «В раю отчаяния. Андре Жид: литературный портрет». Это большая статья для первого отдела. Нельзя ли напечатать в октябре? Присылай мне, пожалуйста, стихов. Твой «Голос» мне очень нравится и музыкальностью, и лиризмом [7]. Ты знаешь сам, что теперь каждая твоя строка — строка большого мастера. На зиму мне опять представляется искушение ехать в Париж, куда меня зовут. Если бы я решился, то уж оставил бы намерение воскрешать в своей памяти Рим, а занялся бы древнейшим периодом эллинской мысли — теургами и первыми философами [8]. Мысль нравится де Роберти [9], но, вероятно, не парижской «черни». Влечет же меня, конечно, в Москву. Ceterum censeo de Libra non esse desperandum ****.

Твой сердцем В я ч е с л а в

Напишу о «Sémiramis», о томе стихов T. de Visan (Paysages Introspectifs) [10], может быть, о Моммзене...[11]

Поздравляю с именинами «Скорпиона» [12]. Напиши, когда твое рожденье: мне кажется — в октябре.

[1] Из стихотворения Иванова «Эпод» (сб. «Прозрачность»).

[2] С. А. Поляков писал Брюсову из Женевы 6/19 сентября 1904 г.: «Вечером собираемся в кафе Ландольта, куда часто приходят Ивановы и другие женевские обитатели, бывал там постоянно и Волошин. Много рассуждали о ведении и распространении «Весов»; результатом одного из таких заседаний явилась статья Иванова о индивидуализме, которую вы, вероятно, уже получили; быть может, явятся и еще какие-то результаты со стороны Волошина и Михаила Николаевича, который начинает оживать и собирается работать для «Весов» (ГБЛ, ф. 386, 99.17); «российские Бруты»—русские политические эмигранты-эсеры.

---

* М. Н. Семенов убеждал меня написать обзор русской журналистики за год с нашей точки зрения: неисполнимо в Женеве (*примеч. Иванова*).

** «В необходимом — единство» (*лат.*).

*** Подзаголовок, напротив, именно желателен как заглавие; и эпиграф из тебя необходим (*примеч. Иванова*).

**** Кроме того, полагаю, что по поводу Книги ‹т. е. «Весов»› не следует отчаиваться (*лат.*).

[3] Владимир Николаевич *Ивановский* (1867—1931) — философ, проф. Казанского университета; был в дружеских отношениях с Ивановым, который посвятил ему два стихотворения в сб. «Прозрачность». Ивановский официально представлял Россию на философском конгрессе (см.: Вячеслав И в а н о в. Собр. соч., т. I, Брюссель, 1971, стр. 863—864).

[4] Подразумевается статья случайного сотрудника «Весов» Н. Суворовского «Чайковский и музыка будущего» (1904, № 8).

[5] В первой статье из цикла «Вехи» («Страсть». — «Весы», 1904, № 8) Брюсов выступил в защиту права художника на изображение и исследование «страсти»; отсюда вытекало оправдание «безнравственности» искусства, возмущавшей «добропорядочную» публику.

[6] Мысль Иванова о желательности для «Весов» как органа единой литературной школы передовых редакционных статей не нашла поддержки у руководителей журнала; вскоре и сам Иванов от нее отказался (см. п. 30). Статья его, напечатанная за подписью автора («Весы», 1904, № 10), сохранила первоначальное заглавие («Копье Афины»), подзаголовок («Поскольку мы — индивидуалисты?») и эпиграф из стихотворения Брюсова «Тезей Ариадне»; цифра «I» проставлена не была, и продолжения задуманного цикла не последовало.

[7] Стихотворение Брюсова «Голос прошлого» (впервые: «Беседа», 1905, № 12; затем — *St*).

[8] Этот замысел не осуществился.

[9] Евгений Валентинович *де Роберти* (1843—1915)—социолог и философ; один из организаторов Русской высшей школы общественных наук в Париже. Присутствовал на философском конгрессе в Женеве.

[10] Танкред *де Визан* (Tancrède de Visan; 1878—1945) — французский поэт-символист. В статье «Опыт о символизме», послужившей предисловием к упомянутому сборнику (P., 1904), высказал созвучные Иванову мысли о роли мифа в рождении «всенародного искусства». В своей рецензии Иванов остановился главным образом на этой статье («Весы», 1904, № 10).

[11] Статью «О Моммзене» (написана по поводу кн.: Ю. К у л а к о в с к и й. Памяти Моммзена. Киев. 1904) см.: «Весы», 1904, № 11.

[12] 10/23 сентября Солнце вступает в зодиакальный дом Весов, а через месяц — в дом Скорпиона; видимо, на это намекает Иванов. В конце 1904 г. истекала пятая годовщина деятельности «Скорпиона».

23. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

‹Москва. 15/28 сентября› 1904

Дорогой Вячеслав! Получил твою корреспонденцию из Женевы о конгрессе. Спасибо. Идет, конечно, уже в октябрь, ибо сентябрь почти готов. Ничего, что две твои статьи, ибо под двумя разными подписями [1].— Из наших новостей самая важная, что соединение «Нового пути» с ново-идеалистами таки состоялось [2]. Можно считать «Новый путь» покойным. Тем больше причин продолжать «Весы», хотя я все еще не изыскал для того средств. Жду со дня на день Сергея Александровича, от которого получил и письмо и телеграмму.— Почему ты интересуешься моим днем рождения? Не скоро еще. 1 декабря.

Всегда твой В а л е р и й

Видел ли мою «Медею» в «Журнале для всех»?

Ответ на п. 22. Открытка. Почт. шт.: Москва. 15.9.04; швейцарский шт. отсутствует.

[1] См. п. 21, примеч. 3 и п. 22, примеч. 6.

[2] «Ново-идеалисты» — группа философов (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Н. О. Лосский, С. Л. Франк и др.), организаторов и участников сборника «Проблемы идеализма» (М., 1903). Союз «Нового пути» с этой группой, далекой от выдвигавшихся журналом задач религиозного строительства, расценивался в среде символистов как отказ редакции от своей программы (см.: Андрей Б е л ы й. «Идеалисты» и «Новый путь».— «Весы», 1904, № 11).

24. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

‹Москва.› Пятница.
17 сент‹ября› 1904. (30 сентября)

Дорогой Вячеслав. Сейчас получил твою рецензию о «Семирамиде». Хотя сентябрь уже почти готов и весь сверстан, решил вставить эту рецензию еще в 9 №, дабы и там было что-либо твое. Твое суждение о Пеладане я предвидел [1].— Завтра, в субботу, приезжает Сергей Александрович.— Я получил письмо от Д. С. Мережковского [2], несколько смущенное, где он рассказывает о своем соединении с идеалистами и уверяет, что «они» (т. е. Мережковские) сохранили за собой «бразды правления» в литературном отделе (увы!). Предлагает купить «Петра» [3] для отдельного издания за 4 000 р. (скромно!).— Макс Волошин пишет мне о тебе (точно): «Он обогатил меня мыслями, горизонтами и безднами на несколько лет» [4]. Сестра моя, Надя, едет на зиму в Черногорию, в Цетинье, учительницей музыки в какой-то тамошний православный институт. Соблазнительное было предложение. Как отказаться? Едет через Афины.

Твой В а л е р и й. Пиши.

Открытка. Не была отправлена и сохранилась в архиве Брюсова. Описка в дате («30 окт.») исправлена.

[1] См. п. 21, примеч. 2.
[2] Это письмо (от 14/27 сентября 1904 г.): см. ГБЛ, ф. 386, 94.43.
[3] Роман «Петр и Алексей» («Антихрист») в «Скорпионе» напечатан не был.
[4] М. А. Волошин писал Брюсову: «Для меня Женева была наполнена, конечно, разговорами с Вячеславом Ивановым. Ведь я только теперь лично с ним познакомился. Он обогатил меня мыслями, горизонтами и безднами на несколько лет» (письмо без даты; ГБЛ, ф. 386.80.33).

25. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

‹Москва.› 20 сент‹ября/› 3 окт‹ября› 1904

Дорогой Вячеслав!

Благодарю тебя, что не забыл меня в часы, когда тебе, вероятно, приходилось думать и хлопотать слишком о многом. Ты веришь, что я очень близко принимаю к сердцу все, что тебя касается. Не откажись передать Лидии Дмитриевне, что по ее рассказам и по беглым описаниям Сергея Александровича я успел сродниться с образом ее отца, и мне грустно, что уже не придется увидать его, что Java — если мне тоже суждено попасть в нее — будет уже не такой, какой я ее знаю заочно.

Теперь не время, конечно, говорить о «делах». Но позволь мне все-таки несколько кратких эгоистичных слов,— только потому, что «время не терпит». Мы с Сергеем Александровичем успели уже выработать некоторый modus vivendi * для «Весов» на 905 г. Я решил поручить одному лицу всю Германию (т. е. все касающееся Германии: отзывы о книгах, цитаты из журналов, заметки, хроники), другому Францию, третьему Англию, четвертому Италию, пятому Скандинавию [1]. Этим способом, кажется мне, я сокращу свою работу на $^1/_4$. Затем я решил найти для редакции лицо, которое могло бы делать всю неответственную работу: читать не-последние корректуры, переводить не столь важные отрывки и письма корреспондентов, ездить в типографию, вести корреспонденцию и т. д. (Таким лицом намечена сестра Иоанны Матвеевны — Бронислава Матвеевна.) [2] Это, вероятно, сократит мне работу еще на $^1/_4$. Затем оставшуюся половину (ты признаешь: еще достаточно значительную) я соглашался нести еще год. Но теперь твое печальное письмо вернуло мне кое-что из моих весенних

* принцип существования (*лат.*).

надежд. Может быть, твой отказ войти более органически в состав редакции «Весов» обусловлен был не только подмеченным тобою (я этого никогда не замечал) нежеланием Сергея Александровича, а и чисто житейскими причинами, делавшими для тебя неудобной жизнь в Москве? Может быть, теперь трагически разрубленный узел изменил твое положение?

Ответ на п. от 15/28 сентября 1904 г., в котором Иванов сообщал о смерти Д. В. Зиновьева: «... большое событие совершилось в нашей семье: вчера вечером скончался отец Лидии Дмитриевны».

Полный текст, отправленный Иванову, неизвестен. Публикуется незаконченный черновой автограф, сохранившийся в архиве Брюсова.

[1] О корреспонденциях из Германии, Италии, Франции, а также об их авторах см. наст. том, стр. 270—271. Постоянным английским корреспондентом «Весов» был Уильям Морфилл (см. о нем наст. том, стр. 271). Корреспонденции из Скандинавии в 1904—1905 гг. в «Весах» не появлялись.

[2] См. наст. том, стр. 318, прим. 67, а также п. 44.

26. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Châtelaine.› Villa Java.
28 сент‹ября /11 октября 19›04

Дорогой Валерий,

Конечно, смерть Дмитрия Васильевича существенно изменяет наши планы: теперь переселение в Россию — вопрос решенный. До такой степени, что Михаил Николаевич [1] едва не опустошил нашей villa Java захватом почти всего скарба на свое парижское новоселье. Впрочем, мы вовремя опомнились и, наведя справки о стоимости перевоза, решили взять все почти здешнее достояние с собой. Тем не менее, семье спешить не следует, и, быть может, пройдет много времени, прежде чем l'exode * состоится [2]. Михаил Николаевич и нравственно содействовал тому подъему, который обычно сопровождает мобилизацию: энергично усылал меня в Москву. Авангардом будем я и Лидия Дмитриевна. Я намереваюсь быть в Москве сравнительно скоро: в конце ноября или даже ранее. А когда ты рассчитываешь завернуть сюда? В Париж не поеду, не по душе мне там; если еще спросят, напишу, что еду в Россию и не на временную побывку, а совсем. Если буду в Москве, ты не скажешь, что я не откликнулся вполне на твой призыв, поставив вопрос на формальную почву. Кажется мне, что время у вас горячее. Вырабатываются и принимают плоть некоторые течения мысли, к которым нужно стать в определенное отношение. Разумею молодежь московскую, с Андреем Белым. И *нам* нужно решительно самоопределиться как движению, потому что новая эра началась. Так или иначе, «Весы» — не просто журнал для чтения, а орган какого-то коллективного самоутверждения, какого-то жизненного процесса в русском — европейском, если хочешь,— самосознании. Мы в «Весах» ведь не только коммивояжеры западных frissons nouveaux **, мы хотим творить. Есть и коллективный момент в духовном творчестве. Вот отчего «Весы» мне дороги. И если «Новый путь» умер,— они должны жить. Думаю, что и мне найдется часть в общей работе. Все дело в солидарности взглядов и в доверии. Радуюсь успехам романа [3]. Верю в яркость твоей поэтической палитры — и сочувствую преуспеянию палитры живописца. «Орфея» и «Медею» видел [4].

В я ч.

Завтра высылаем этюд об André Gide.

---

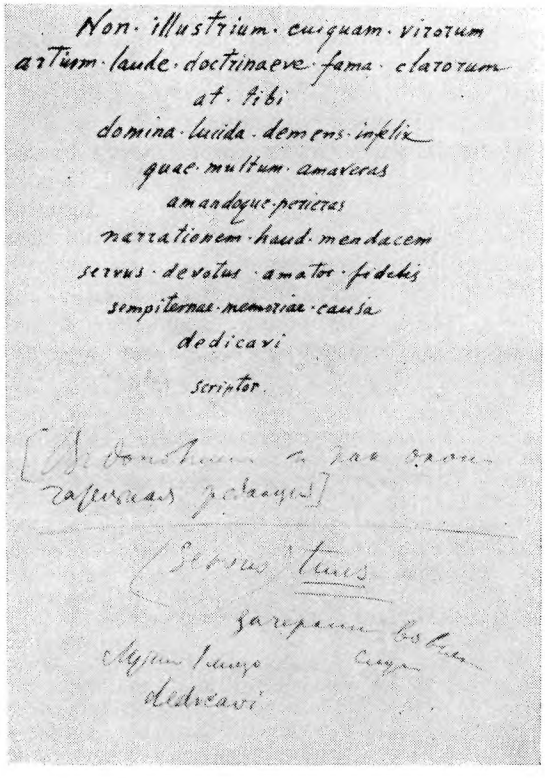
* исход, переселение (*франц.*).
** новомодных порываний (*франц.*).

ЛАТИНСКОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ К РОМАНУ «ОГНЕННЫЙ АНГЕЛ»:

«Не кому-либо из знаменитых людей, прославленных в искусствах или науках, но тебе, женщина светлая, безумная, несчастная, которая возлюбила много и от любви погибла, правдивое это повествование, как покорный служитель и верный любовник, в знак вечной памяти посвящает автор»

Одна из редакций, предложенных Брюсову Ивановым

Библиотека СССР им. В. И. Ленина Москва


Non illustrium cuiquam virorum
artium laude doctrinaeve fama clarorum
at tibi
domina lucida demens infelix
quae multum amaveras
amandoque perieras
narrationem haud mendacem
servus devotus amator fidelis
sempiternae memoriae causa
dedicavi
scriptor

Ответ на п. 23 и 25.

[1] Михаил Николаевич — М. Н. Семенов.

[2] Ивановы выехали в Москву только весной 1905 г.

[3] По-видимому, Брюсов писал Иванову о ходе предварительной работы над романом «Огненный ангел».

[4] «Медея» — см. п. 10, примеч. 1. Стихотворение Брюсова «Орфей и Эвридика» см.: *НП*, 1904, № 8; *St.*

27. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Châtelaine.› 1 ноября/19 окт‹ября 19›04

Дорогой Валерий, скучно мне без твоих строк, рифмованных дружбой или музой. О многом хотелось бы поговорить, но время течет, унося несказа́нные слова. Сентябрь превосходен (разумею № «Весов»). Балтрушайтис писал мне из Флоренции о своем маразме; я старался расшевелить его лирикой в прозе и стихах [1]. Мережковскому я ответил на его статью о нас стихотворением ad hoc *, не знаю, поместит ли его в следующей книжке [2]. Чулков извещает меня о происшедшем там печатным объявлением о «расширенном составе сотрудников» [3]. Tu y es, donc, figurons-y! ** Кто Max Hochschüler? Очевидно, впрочем, что Maximilian Schick, studiosus ***. Это — очень хорошая статья [4]. Мне он приписывает больше, чем я говорил: так что полемизирует против того, с чем я согласен. Конечно, Вагнер не чистый дионисик. Но что его «сонм был посвящен служению Муз и Диониса» — вполне точно: его *заслуга*, что он в теоретических статьях первый из художников заговорил о Дионисе. Мне весело, что Шик применил к Вагнеру метод моей статьи о Ницше; значит, он плодотворен.

* на случай (*лат.*).

** Ты — там; стало быть, появимся там и мы! (*франц.*).

*** Максимилиан Шик, студент (*лат.*).

Важно замечание о лейтмотиве как символе. Мой приятель, Острога, профессор здешней консерватории и композитор, хочет нам писать еще о лейтмотивах Вагнера [5]: нужно различать среди них символы и не-символы; кроме того, многое, принимаемое за лейтмотивы, обусловливается просто тематическим развитием...

Напиши мне о моих прилагаемых стихах (все они назначаются вместе с прежними для «Северных цветов»). Особенно, что думаешь о фрагментах «Из лабиринта»? [6] Все поджидаю письма от тебя. Получил ли Афину с эпиграфической стелой? [7] Если она запоздала к октябрю, то может, пожалуй, украсить моего Моммзена, который, боюсь, потребует большого пробела на 3-ей странице. Я его воспроизвел, с трудом припоминая, имея только жалкие наброски. Твой В я ч.

Мы будем в Москве еще не скоро — не раньше, чем через месяц.

[1] Эти письма Балтрушайтиса и Иванова нам не известны.

[2] В статье «За или против?» Мережковский упрекал главных сотрудников «Весов» — Иванова, Брюсова и А. Белого — в промедлении с ответом на вопрос «с Христом они или против Христа?» (*НП*, 1904, № 9). Иванов ответил ему стихотворением «Лицо — или маска?»; в качестве заголовка использована фраза из статьи Мережковского (*НП*, 1904, № 10; в «Cor Ardens» стихотворение озаглавлено «Лицо»).

[3] По-видимому, Г. И. Чулков (с апреля 1904 г. был секретарем «Нового пути») послал Иванову объявление о новом составе сотрудников журнала, напечатанное после «союза» его редакции с «ново-идеалистами» (см. п. 23 и 24).

[4] За подписью «Max Hochschüler» в «Весах» было напечатано «Письмо из Байрейта. «Кольцо Нибелунгов» и «Парсифаль» (1904, № 9). 23 ноября 1904 г. М. Н. Семенов сообщал Брюсову из Парижа, что к нему заходил человек, «отрекомендовавшийся Максом Гохшюлером». «Я был бесконечно удивлен,— добавлял он,— так как был совершенно уверен, что это псевдоним Шика (он Макс и Hochschüler). У этого Гохшюлера есть намерение извести «Весы» статьями о музыке; он говорит, что приехал в Париж с вашего разрешения, в качестве музыкального корреспондента «Весов» (ГБЛ, ф. 386.102.31; Hochschüler — студент университета). В названной статье автор сопоставлял творчество Р. Вагнера и Ницше, опираясь на основные положения статьи Иванова «Ницще и Дионис».

[5] Феликс *Острога* (1867—1936) — сын деятеля польского восстания 1863 г. Валериана Мрочковского-Остроги, профессор Женевской консерватории; учил музыке детей Ивановых (эти сведения сообщены Ольгой Дешарт). Одно письмо Остроги к Иванову и несколько писем его жены к Л. Д. Зиновьевой-Аннибал сохранились в архиве Иванова (ГБЛ, ф. 109). О судьбе статьи Остроги см. п. 30, 32.

[6] 24 ноября/7 декабря 1904 г., посылая Брюсову последнее стихотворение цикла «Из лабиринта», предназначавшегося для *СЦ—1905*, Иванов писал: «Ты говоришь, по поводу «Лабиринта», о возможности большей концентрации. Эта отрывочность мне нужна, соответствует общему замыслу. Написано у меня и дальнейшее; но думаю, что в «Северных цветах» моя антология и без того нескромно длинна». И далее: «Под заголовком «Из лабиринта» можно поставить подзаглавие «Детство». Цикл был опубликован в «Вопросах жизни» (1905, № 2) и впоследствии составил особый раздел в сб. «Cor Ardens». В обеих публикациях подзаголовок отсутствует, и цикл состоит из шести стихотворений (в цитируемом письме Иванов говорит о семи).

[7] 11/24 октября 1904 г. Иванов писал Брюсову: «Посылаю тебе Афину с копьем, на память,— я люблю ее (музей на Акрополе, № 695, барельеф), — только что полученную из Афин. Хотел доставить ее раньше, для воспроизведения в виде виньетки при моей статье; теперь, наверно, это уже невозможно». Снимок не был воспроизведен в «Весах» ни при статье Иванова «Копье Афины» (1904, № 10), ни при его заметке «О Моммзене» (1904, № 11).

28. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

‹Москва. 30 октября /12 ноября› 1904

Post Scriptum.

А о симфонии в *Л* ты конечно прав (помнишь свою «открытку»). Ее эпиграф был только *для тебя*, не для читателей. Этот эпиграф был вместо письма, намек. Что скажешь о второй симфонии? [1] Есть и третья, но она значительно слабее, и я не посылаю ее. Пишу свою драму [2]. *«Северные цветы» частью уже сданы в типографию.* Нам необходимо теперь знать

окончательно, может ли «Ниоба» быть у нас в течение ноября, не позже. И если нет, то лучше помириться на цикле лирических твоих стихотворений [3], тем более, что отдел стихов этот год у нас слаб: Белый на твое письмо не отозвался никаким шагом [4]. Прости торопливость речи.

Твой Валерий

Ответ на письмо Иванова от 20 октября/2 ноября 1904 г.

Открытка. Почт. шт.: Москва. 30.10.04; Genève. 15.11.04. Письмо, к которому открытка является припиской, неизвестно.

[1] Брюсов послал Иванову два стихотворения («симфонии»), позже напечатанные под общим заглавием «Жрице Луны» («Беседа», 1904, № 4; *St*). Первое из них («По твоей улыбке сонной...») построено на аллитерациях «л», «з» и «ж»; второе («Владыка слов небесных, Тот...») — на аллитерациях «т» и «п». По поводу первого стихотворения Иванов писал Брюсову 20 октября/2 ноября 1904 г.: «Твоя симфония в *Л*-majeur (луна), *З* (заклятие — змея) и *Ж* (жажда — кипение) нежно символизует божественное безличие страсти. Но зачеркни неподходящий эпиграф; он только сбивает с толку». Этот эпиграф в трех автографах стихотворения, сохранившихся в архиве Брюсова, отсутствует (ГБЛ, ф. 386, 6.1, л. 50—52). Отзыв Иванова о втором стихотворении см. в п. 29.

[2] Драма «Земля» (*СЦ—1905*).

[3] В *СЦ—1905* помещен цикл стихотворений Иванова «Змеи и Солнца», а также его трагедия «Тантал» (см. п. 29); о трагедии «Ниобея» см. п. 6, примеч. 5.

[4] Брюсов стремился вернуть в «Северные цветы» Андрея Белого, отказавшегося участвовать в «Скорпионе» (см. наст. том, стр. 371). Вероятно, по его просьбе Иванов писал Белому 2 июня 1904 г. «Я прошу вас *прислать* свой литературный вклад в «*Северные цветы*». Этим действием вы положите конец настоящему ненормальному положению дела, вносящему внешний раскол в дорогую область, где должно быть любовное единство, и обманчивую видимость разделения там, где самое согласие — уже действенная сила. Имейте же мужество и великодушие способствовать рассеянию соблазна и опасности устранением с *вашей* стороны того фактора личного самолюбия, который является единственным фактором, обусловливающим разделение. Ибо, за устранением самолюбивого упрямства, препятствующего каждому из заинтересованных взять на себя *почин* в забвении давно устаревшей путаницы отношений,— я знаю с достоверностью, что «Весы» ничего не желают больше, как объединения своих сотрудников в издании, которое должно представить ту же душу в ее поэтическом аспекте. Правда, и помимо чисто личного самолюбия, «Весам» трудно перейти к действию, могущему быть истолкованным как издательский расчет. Вы один, по моему убеждению, можете «rompre la glace» * игнорированием всего старого и личного, на что вам ответят, *наверное* и *без всякого сомнения*, таким же забвением устарелых и спутанных счетов <.. > Рассеките же, дорогой Борис Николаевич, этот Гордиев узел присылкой ваших произведений и поймите правоту и искренность любящего вас Вяч. Иванова» (ГБЛ, ф. 25, 16.2). Однако Белый участия в *СЦ—1905* не принял, хотя и отозвался на их появление приветственной рецензией («Весы», 1905, № 6).

29. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

<Châtelaine.> Суббота, 26/13. <XI. 19>04

Дорогой Валерий,

Если права старая эстетика, различая «прекрасное» от «возвышенного», то и в области «возвышенного» нужно, как кажется, выделить самостоятельную область «поразительного»: того «поразительного», которого я так не люблю, например у В. Гюго,— которое *должен* любить у тебя (пример: «Конь Блед»). И твое «Видение Крыльев» сюда же относится, плюс твой магизм и демонизм,— где ты владычествуешь. Это стихотворение привело меня в восторг [1]. Его любить я не *должен*, а просто люблю; столь близкое переживал я сам в своей долгой — как хочешь — жизни. Замечательно, что едва ли не каждое новое твое стихотворение — новое открытие в царстве поэтических форм. «Тота»,— с его языком почти «Анчара», но только магическим,— ценю высоко и люблю не меньше «симфонии в л». Ждал продолжения,— точнее, продолжений: намечалась целая поэма...—

* разбить лед (*франц.*).

«Тантала» я отослал [2].— Блока неожиданно полюбил. Недаром его книга пришла, хоть и поздно, но, по странной случайности, в двух экземплярах, последовательно. Даже стыдно мне стало, что прежде чем я увидел его вещи во всей их совокупности, я сомневался и в его самобытности, и в его непосредственности; мне они казались деланными и навеянными [3].

В «Тантале», как видишь, я начинаю стих с маленькой буквы. Казалось мне, что это облегчает фразировку. Но за эту поэтическую орфографию не стою: в «Северных цветах» нужно соблюсти единство. Притом я представляю себе трагедию напечатанною крупным (более удобным для чтения стихов в массе) шрифтом, а не шрифтом «Прозрачности» и «Urbi et Orbi» [4]. Стих, как ритмическая строка, только выигрывает от майюскулы *.— Корректуры и «Тантала» и лирических вещей мне необходимы; о них же просит и Лидия Дмитриевна для своих стихотворений в прозе [5].— О времени выезда в Россию предупрежу заблаговременно.

Отчего ты не упомянул в объявлении о «Северных цветах» поэмы Ремизова («Иуда»)? Он мне читал ее; вещь эта мне показалась замечательной. Жаль, если отвергнута [6].— Кстати, не знаешь ли ты его *адреса*?

Твоя статья о Случевском, несомненно, лучшее, что о нем написано [7].

В моей статейке о Моммзене зачеркни, пожалуйста, неуместный эпиграф: он объясняется шутливым настроением минуты [8].

Опять о «Тантале». Ты увидишь, что изменений, которые я тебе обещал, я все же не сделал. Оказалось, после пережитого тогда кризиса, что его первоначальный архитектурный план — художественная необходимость. Да и сомневаюсь, в конце концов, в абсолютной несценичности долгого вступительного диалога между Танталом и Хором. Этот пролог (трагедия в трагедии, первая, внутренняя трагедия) — все-таки диалог и требует богатой игры и героя, и хора. Удосужишься ли прочесть трагедию в рукописи? Если да, напиши первое впечатление; жду его, конечно, с нетерпением. Но знаю, что тебе не до чтения рукописей.

Очень рад твоему объяснению по поводу «Кинжала» [9]. Стихотворение по-пушкински красиво... но в октябрьской книжке «Нового пути» — cela déconcertait... **

Боюсь, что забыл многое, о чем нужно написать. Закончил ли «Землю»? Что — роман [10]? Пиши, пожалуйста.

Твой Вячеслав

Конечно, «Афина» — не твоя [11]. Ужели же думаешь, что я не понял образа? Японцы очень интересны [12].

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

В автографе ошибка в дате («26/13.X.04»): в 1904 г. суббота приходилась на 26/13 число в ноябре, а не в октябре.

[1] Стихотворение «Видение Крыльев» (*St*) написано 4—5 ноября 1904 г.

[2] 2/15 ноября 1904 г. Иванов отвечал Брюсову на его письмо от 30 октября: «Огорчу ли тебя — не знаю, но ... трагедия сегодня закончена, и трагедия эта — «Тантал»! Опять обманываю вас. Но лично рад, что это «Тантал»; написать «Ниобею» раньше было невозможностью».

[3] Сборник Блока «Стихи о Прекрасной Даме» (М., «Гриф», 1905) вышел в октябре 1904 г. 2/15 ноября Иванов писал Брюсову, по-видимому, в ответ на его просьбу: «Рецензию на Блока, думаю, напишу».

[4] Оба эти пожелания были выполнены, так же как и просьба, изложенная в письме от 5/18 ноября 1904 г.: «Нет ли возможности добыть шрифта гласных с ударениями, как и́, ы́ и особенно і́ — для «Тантала»? Вся моя метрика пойдет прахом, если читатель упорно будет произносить «Иксио́н» и «Амфио́н», как «Танта́л».

[5] В *СД—1905* напечатано 18 стихотворений в прозе Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, под общим заглавием «Тени сна».

---

* большой буквы (*лат.*).

** это озадачивало (*франц.*).

«ВЕСЫ». 1904, № 10
Обложка (по японским акварелям)

[6] Поэма А. М. Ремизова «Иуда» опубликована в альманахе «Воздетые руки» (М., «Орифламма», 1908).

[7] Статью Брюсова «Поэт противоречий (К. К. Случевский)» см.: «Весы», 1904, № 10.

[8] Об этой статье см. п. 22, примеч. 11. В печати она появилась без эпиграфа; автограф неизвестен.

[9] Письмо Брюсова с «объяснением» по поводу «Кинжала» остается неизвестным. Его содержание совпадало, вероятно, в основном с другим откликом Брюсова на публикацию этого стихотворения: в письме к Перцову от 10 ноября 1904 г. Брюсов указывал, что «Кинжал» «написан *несколько лет назад*» и что он «никому не давал прямого разрешения печатать его в «Новом пути»‹...› Обидно, если читатели отнесут его к теперешней «осенней весне». Но дело сделано» (ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 24, л. 6). Под «осенней весной» подразумевается период, когда правительство сделало ряд уступок либеральной общественности с целью предотвращения угрозы революции.

[10] См. п. 26, примеч. 3.

[11] Вероятно, Брюсов нашел изображение Афины (см. п. 27, примеч. 7) несочетаемым с образом этой богини из своего стихотворения «Тезей Ариадне» («Беседа», 1905, № 1; *St*).

[12] В № 10 и 11 «Весов» за 1904 г. воспроизведены работы японских художников (обложка, заставки, рисунки).

30. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Châtelaine.› Вторник, 29/16.XI ‹19›04

Дорогой Валерий,

Прошу тебя *очень* исправить в моей рецензии о книге Блока, после цитаты из А. Блока, все следующее до слов: «И трагика жизни...», заменив означенное место таким текстом:

— и меланхолик с «детским сердцем», Александр Блок. Что за дело, что в мастере стольких безупречных стихотворений подчас обличается художник все еще не довольно «взыскательный»? На счет этой невзыскательности можно поставить порой аморфность языка и образа, изредка

ритма, как и бутафорские условности медиевализма [1] и романтизма. Высшее требование, предъявляемое поэзии Верленом: «de la musique avant toute chose» *,— исполнено. Везде мелодия и живая ритмика. И трагика жизни... и т. д.

Я придаю *значение* этой поправке и очень прошу тебя не пренебрегать ею [2].

Острога, о котором я тебе писал и которого знает Сергей Александрович, принес мне первую часть своих замечаний — substantielles et approfondies ** — по поводу «Писем из Байрейта» Hochschüler'a (страницы $3\,^1/_2$ мелкого шрифта «Весов») и пишет вторую часть. Он оспаривает в первой части возможность установить эволюцию от Диониса к Аполлону в Вагнере, доказывая, что и в «Кольце» он уже недионисичен. Во 2-ой части — музыкальная трактовка лейтмотивов. Кажется, что эта полемика имеет значение для осмысления роли Вагнера. Пишет Острога по-французски. Я думаю, что это — не препятствие для помещения его работы. Но если хочешь — я переведу здесь. Напиши об этом сейчас. Статья по поводу тезисов Hochschüler, очевидно, не должна отстать по времени от самих тезисов. Но 1-ю часть не хотелось посылать отдельно, тем более, что к ноябрьской книжке уже нельзя было поспеть [3].

Сегодня читал фельетон Боцяновского в «Руси», № 333 [4]. Твой «Кинжал»—t'engage ***. Ceterum censeo **** (как развивал и Сергею Александровичу), что нужно «Весам» с нового года завести отдел Actualité *****— непринужденного обсуждения всего, что дает текущая действительность, писем <?> и общественных движений, поскольку они неотделимы от сферы наших исканий. Этот отдел нужно разделить, чтобы всякий был ответствен за себя. «Передовые» же статьи мне кажутся теперь неосуществимыми; да и излишними, если будет означенный отдел [5].

Твой В я ч е с л а в

Вчера прочел «Poésies religieuses» Верлена, собранные Гюисмансом, и хотел написать несколько слов об этом новом томике,— хотя это мне и трудно, постараюсь [6]. Кстати, если есть у тебя собственная рецензия о Блоке,— не вздумай предпочесть мою. Брось ее, или, наконец, помести рядом с твоей [7].

[1] Медиевализм — увлечение средневековьем (от франц. médiéval — средневековый).

[2] Эти исправления в рецензию Иванова Брюсов внес лишь частично (см. п. 31).

[3] Полемику Ф. Остроги с Гохшюлером по поводу музыки Р. Вагнера (см. п. 27, примеч. 4 и 5) Иванов считал принципиально важной для «Весов»: «Статья Остроги имеет лишь *форму* негатива; для вопроса о Вагнере она, по моему мнению, интересна, вопрос же о Вагнере должен был бы разрабатываться в «Весах» постоянно, ибо он все еще вопрос открытый и имеет центральное значение во всем искусстве, не только в музыке. Острога положил на нее много труда»,— писал он Брюсову 28 декабря 1904 г. (10 января 1905 г.). О дальнейшей судьбе статьи Остроги см. п. 32, примеч. 2.

[4] В статье В. Ф. Боцяновского «Критические наброски» отрицательно оценивается деятельность «Весов», а также поэзия Блока, Иванова и Сологуба, которым противопоставлен Брюсов — «первый из новых поэтов, принесший свой кинжал поэзии на службу общему делу, новый поэт-гражданин» («Русь», 1904, № 333, 13 ноября).

[5] Проект Иванова, который он обсуждал с С. А. Поляковым летом 1904 г. в Женеве, не был осуществлен.

[6] Рецензию Иванова на книгу: Paul Verlaine. Poésies religieuses. Préface de K. J. Huysmans (P., 1904) — см.: «Весы», 1904, № 12.

[7] Отдельной рецензии на «Стихи о Прекрасной Даме» Блока Брюсов не написал.

---

* «музыки прежде всего» (*франц.— из стих. Верлена «Искусство поэзии»*).
** существенных и глубоких (*франц.*).
*** тебя обязывает (*франц.*).
**** Кроме того, полагаю (*лат.*).
***** Злобы дня (*франц.*).

31. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

‹Москва. 28› ноябрь ‹/11 декабря› 1904.

Дорогой Вячеслав!

Мои стихи, вероятно, объясняют тебе, почему я не пишу писем [1]. Не плати мне тем же. Пиши. И приезжай. Ты здесь очень нужен. В № 11 идет твоего: Моммзен, Блок, Iv. Strannik [2]. В рецензии о Блоке я сделал указанные тобою поправки... но не все. Не сердись на это! Мне было бы очень легко формально избегнуть твоих упреков, строго исполнив твое желание, просто заменив прежний текст новым. Но на некоторые выражения прежней редакции у меня прямо-таки «не поднялась рука». Ведь вспомни, что ты сам исказил свой стих: «Тот бессмертен, кто погиб» [3]. Итак, я решил несколько слов оставить по-старому. Сделал это, как говорится, «по крайнему разумению».— Пришли что-нибудь для декабря. У меня твоего только заметка о Верлене (ее, конечно, помещу, хотя книга довольно старая, вышла еще в январе) [4].— Книги по указаниям Лидии Дмитриевны разосланы [5].— Ах, приезжай.

Твой Валерий

Ответ на п. 30. На конверте почт. шт.: Москва. 28.11.04; Genève. 14.XII.04.

[1] 21 ноября/4 декабря 1904 г. Брюсов послал Иванову, с надписью «Вместо письма», стихотворение «Опять душа моя расколота...» (написано 17 ноября; под названием «Молния» вошло в *St*). Посылая его же Л. Н. Вилькиной (ноябрь 1904 г.), Брюсов писал: «‹...› вы найдете здесь стихи, на которые смотрите не как на стихи (ибо, разумеется, у меня есть лучшие), но как на фотографию моей сегодняшней души» (*Собр. соч.*, т. 1, стр. 627).

[2] Ivan Strannik — Анна Митрофановна *Аничкова*, романистка и критик; писала на русском и французском языках. Рецензию Иванова на ее роман «L'Ombre de la Maison» (P., 1904) см.: «Весы», 1904, № 11. Там же напечатаны его статья «О Моммзене» (см. п. 22, примеч. 11) и рецензия на книгу Блока (см. п. 29, примеч. 3 и п. 30, примеч. 2).

[3] Строка из дифирамба «Гелиады» в сб. «Прозрачность» напечатана в другой редакции («Тот бессмертен, кто поник» — стр. 129). Позже Иванов восстановил редакцию, которую цитирует Брюсов (см.: Вячеслав И в а н о в. Собр. соч., т. I. Брюссель, 1971, стр. 798).

[4] См. п. 30, примеч. 6.

[5] 5/18 ноября 1904 г. Иванов сообщил Брюсову просьбу Л. Д. Зиновьевой-Аннибал «поручить разослать «Кольца» по прилагаемым адресам». Список этих адресов не известен.

32. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Châtelaine.› 2‹/15› дека‹бря 19›04

Дорогой Валерий! Что я постигаю,— поскольку твои стихотворения, эти укусы змеи, эти жгучие гимны, заменяют твои *письма*, — ты поймешь с своей стороны из моих стихов («Mi fur le serpi amiche») [1], которые ты, я надеюсь, получил в день твоего рождения.

Я хотел написать маленькое послесловие к посланной тебе статье Остроги *, тщательно составленной и могущей, на мой взгляд, способствовать своими полемиками и фактическими поправками уяснению важных вопросов, поднятых Schick'ом. Но у меня вышло и по содержанию, и по форме, нечто для крупного шрифта. И краткость статьи мне кажется ее преимуществом, с точки зрения формы. (Конечно, при условии отсутствия опечаток!). Вот тебе желаемое тобою для декабря: ибо, думаю, что моя и Остроги статьи не должны очень отстать по времени от «Писем из Бай-

* О лейтмотивах, подробнее и техничнее, он думает писать еще, если эта статья найдет одобрение (*примеч. Иванова*).

рейта» [2]. Вместе, как видишь, je plaide ma cause * в качестве автора хоровых трагедий, которые достигают, в моей мысли, полного действия только окруженные музыкальною симфонией.

Vale, Valeri! ** В.

Получил ли «Лабиринт VII» ?[3]

Ответ на п. 31.

[1] «Мне были змеи — дружны». «Укусы змеи» — образ из этого стихотворения, посвященного Брюсову («Cor Ardens», ч. I).

[2] Статья Ф. Остроги (см. о ней п. 27, примеч. 4 и 5; п. 30, примеч. 3) в «Весах» не появилась. Послесловие Иванова к ней было напечатано в виде отдельной статьи («Вагнер и Дионисово действо» — «Весы», 1905, № 2). В печатном тексте Иванов снял посвящение, связывавшее статью с «Письмом» Гохшюлера,—5/18 января 1905 г. он просил Брюсова: «〈...〉 зачеркни в заголовке моей статьи пометку: «Автору «Письма из Байрейта» — как совершенно излишнюю. Статья в той же мере обращена, например, к Андрею Белому, со-ревнителю мистерии».

[3] См. п. 27, примеч. 6.

33. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

〈Châtelaine.〉 Ява, 3〈/16〉 января 1905

Дорогой Валерий,

Получили ли вы вовремя наши (незаказные и подвергшиеся опасности затеряться в новогодней почтовой сутолоке) письма?[1] Так и не пришлось встречать с вами новый год. Но так как мыслью я был с тобой и с твоей семьей, то представляю тебе отчет о яванской встрече года. В наше уединение допущен был любимый нами Вл. Эрн. По-шведски его фамилия (Oehrn) значит, как он говорит: «орел», отношу bonum omen *** к русским победам в этом году [2]. Слыхал ли ты о милом Эрне, например, от Белого и Флоренского[3]? Мы вздумали написать ex tempore **** стихи 〈...〉 *****

А я, главным образом, занимался в это время следующим посланием к тебе:

В час новогодних суеверий
Тебя я помню, мой Валерий,
Хотя строптивою судьбой
Мы все разлучены с тобой.
Когда б справлял я с вами елку,
Мы ныне б, верно, без умолку
Читали взапуски стихи
(Так архаической трухи
Мои полны, твои — так ярки
И жизненны!)... Потом подарки
Срывали б... И в полночный час
Вновь рифмы подмывали б нас.
Мы дочитались бы до хрипа!
Тогда, быть может, твой Агриппа [4]
Вещал бы нам, что в новый год
Сужден России дар свобод...
Иль, вспомнив воскового Блока,
Мы б заклинали волю рока,
Плеская восковой расплав,—
И в миске флот российских слав

---

* я защищаю свое дело (*франц.*).
** Прощай, Валерий! (*лат.*).
*** добрый знак (*лат.*).
**** экспромтом (*лат.*).
***** *Далее в письме приводятся экспромты Эрна и Зиновьевой-Аннибал.*

Пред нами плавал бы, победный...
Быть может, Миропольский бледный
Прислал бы духа в гости к нам... [2]
А здесь потусторонним снам
Я предаюсь в объятьях шведа;
Не знаю, будет ли победа;
И делит юный Сведенборг [6]
Мой поэтический восторг...

Хохотали от души «Весенним цветочкам» [7]. Рад, что моя статья отложена и будет, вероятно, напечатана в отделе крупного шрифта. Привет твоим.

Твой В я ч е с л а в

Отсылаю вторую песнь «Острова» (Байрона), очень увлекся этой работой [8].

[1] Т. е. письмо от 28 декабря 1904/10 января 1905 г. с новогодними поздравлениями Брюсову, его жене и С. А. Полякову и, вероятно, стихотворение «Северные музы», посвященное Полякову (на автографе дата: «31 декабря 1904 г.»; в «Cor ardens» озаглавлено: «Зарева»).

[2] Владимир Францевич *Эрн* (1882—1917; фамилия шведского происхождения — в современном написании «орел» по-шведски «Örn») — студент, затем доцент и профессор философии Московского университета. В юности был связан с московскими символистами (Белый, Эллис). Дружба его с Ивановым окрепла в начале 1910-х годов в Риме, куда Эрн был командирован для подготовки диссертации. Последние годы жизни Эрн жил в московской квартире Ивановых, где и умер. Ему Иванов посвятил несколько стихотворений. Ср.: М. С. А л ь т м а н. Указ. соч., стр. 309; по устному свидетельству М. С. Альтмана, Иванов шутил: «У меня два Владимира на шее: Соловьев и Эрн».

[3] Павел Александрович *Флоренский* (1882—1943) — богослов, философ, искусствовед, математик. Ближайший друг Эрна с гимназических лет. Между Ивановым и Флоренским была глубокая приязнь; в их творчестве налицо ряд общих тем, разрешаемых часто сходным образом.

[4] См. п. 19, примеч. 16.

[5] Об А. Л. Миропольском см. наст. том, стр. 373.

[6] Эммануил *Сведенборг* (1688—1772) — шведский естествоиспытатель и теософ. Эрн назван Сведенборгом по родняшей их напряженности мистических переживаний.

[7] Карикатура немецкого художника Т. Т. Гейне, помещенная в «Весах» (1904, № 12).

[8] Для издания сочинений Байрона под ред. С. А. Венгерова (СПб., 1904—1905) Иванов перевел поэму «Остров»; перевод предваряла его же статья: «Настроения поэмы «Остров» (т. III). Об участии Брюсова в этом издании см. п. 44, примеч. 3.

34. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Châtelaine.› 14‹/27› янв‹аря 1905 г.›

Дорогой Валерий,

Твое молчание меня удручает. Не писал ли я, что об отъезде моем в Россию ты будешь мною извещен? И не просил ли тебя писать до извещения?

В настоящую минуту я легко болен и даже пишу в постели. Очень страдаю от невозможности общения с тобой, особенно личного. Надеюсь на скорое свидание, но — напишу отсюда раньше.

Дорогой Валерий, прости следующее изъяснение, излишнее по внутренней логике дела, но все же необходимое. По нынешним временам, всякое политическое заявление в «Весах» приобретает особенное значение. Если бы было напечатано такое заявление от имени редакции, ясно, что оно ставит каждого из сотрудников, особенно «ближайших», в деликатное положение; всякая несолидарность должна вызвать открытый раскол. Но и статьи, подписанные автором, могут, в силу авторитета подписи (скажем, к примеру: автор — ты), поставить других сотрудников в необходимость поднять вопрос о своей политической солидарности с данной

статьей. Желательно поэтому в чрезвычайной степени, чтобы, в случае наличности политических заявлений и в отдельных статьях, редакция радикально высказалась бы, что, так как «Весы» принципиально не занимаются политическими и общественными вопросами, то авторам предоставляется говорить о том и мыслить, как каждому по душе, что их мнение — лично и не предполагает общей солидарности, что политического мнения органа *нет*, но есть отдельные взгляды отдельных сотрудников, связанных общностью идей и стремлений не политических, а иного порядка. Такое заявление было бы, мне кажется, и всем симпатично, и правдиво, и предотвращало бы всякое разделение. Вовсе не хорошо, что в «декадентстве» видят и своего рода общественную секту. Политическое мнение таково лишь в связи с текущим моментом. То, что вчера было ложью, сегодня может быть истиной. Это знает всякий государственный человек. Знаю, что этот тезис выгоден подлецам. Но и слово: «оставь отца своего и мать свою» [1] — может быть выгодно подлецам. Все же тезис верен и для людей честных и твердо убежденных.— Я же лично думаю о переживаемом, что лозунг: «Теперь не время буйным спорам — вы, ликторы, закройте форум; молчи, неистовый трибун!» [2] — *теперь* неверен. А еще *недавно* война была — *императив* гражданского *воздержания*. Ныне же, *несмотря на войну*, форум должен быть открыт. А если в этом мы *теперь* не согласны, пусть это будет *личным* несогласием.

Твой сердечно В я ч.

На полях помета Брюсова: Châtelaine, 27/I—05 г.; Москва, 18/I—05.

[1] Бытие, II, 24; Матфея, XIX, 5; Марка, X, 7.

[2] Из стихотворения «К согражданам» («Слово», 1904, № 22, 22 января; *St*). Оно призывало к гражданскому миру и отказу от социальной борьбы в годину военной опасности (см.: *Собр. соч.*, т. 1. стр. 631). Видимо, Иванов (написавший письмо уже после событий 9 января) обеспокоился возможностью подобных политических выступлений и в «Весах»—органе, представлявшем группу писателей. Однако в «Весах» не появлялось никаких специальных политических заявлений, подобных тем, которые предложил Иванов.

35. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

⟨Châtelaine.⟩ 3/16 февр⟨аля 19⟩05

Дорогой Валерий,

Я надеюсь, что прилагаемая статья может мирно сосуществовать в февральском отделе мелкого шрифта с моею статьей первого отдела о Вагнере ?[1] (В последней не забудь, пожалуйста, исправить «сходы» (πάροδοι), вместо «всходы», как я тебе уже писал.)

Благодарю за стихи («Адам и Ева») [2]. В них есть душный язык страсти, но в целом — прости обязательную откровенность художнической дружбы — они мне не понравились. В них нет чего-то, что сделало бы их грандиозными. И есть несовершенства.

Твой В я ч е с л а в

4 февр⟨аля⟩

Дорогой Валерий,

Спасибо за новые стихи и письмо. Ты говоришь мне нечто своим нежным и немного туманным, пленительным стихотворением «Ахилл и Поликсена»,— но что́ говоришь — мне неясно...[3] Я душой с тобою и скоро-скоро надеюсь увидеть моего одинокого Овидия. Стихотворение «На новый год» превосходно [4]. Оно гремит, как пушкинская пушка. А либералы прощают тебе, как кажется, даже твоих ликторов. Я тому рад, и ты будь рад. Но, по-моему, форум все же открыть немедленно!

Твой В.

Ответ на два неизвестных письма Брюсова.

[1] Иванов посылает рецензию на рассказ Л. Андреева «Красный смех» («Весы», 1905, № 3). 1/14 февраля он писал Брюсову: «Завтра думаю написать несколько мыслей по поводу только прочитанного «Красного смеха» Андреева: не критическую заметку, а раздумье о «красном смехе» как стихии и о «правом безумии» — маленькую статью для мелкого шрифта». О статье «Вагнер и Дионисово действо» см. п. 32, примеч. 2.

[2] Это стихотворение опубликовано в *СЦ—1905*, затем в *St.*

[3] Подразумевается стихотворение «Ахиллес у алтаря», написанное 27 января 1905 г. («Вопросы жизни», 1905, № 3; *St*). Ср. оценку, которую дал ему сам Брюсов (*Собр. соч.*, т. 1, стр. 625).

[4] Как видно из п. 37, Брюсов послал Иванову стихотворение «На Новый 1905 год» в его первой редакции.

36. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Châtelaine.›24.II‹/9.III.19›05

Дорогой Валерий,

Благодарю силы, которые призываю на тебя, за то, что преступление совершено тобою *только* в мире возможного. Ибо ты хотел убить Бальдера [1]. Так я понял и твою записку (не сожалей, что ты вплел в нашу дружбу еще и это звено). Пусть она «не существует»; но ведь все, что *было*, вечно *есть*. Не могу описать ужаса душной тоски, в который ты поверг меня на целые сутки (даже не ответив телеграммой на мою телеграмму [2], которую я решил, после раздумья, направить в твой дом в выражениях, не могущих никого испугать и ничего выдать, после того, как победил первое, неразумное движение — тотчас выехать в Москву) ... Я предвидел, что Б‹альдер› все сделает, чтобы избежать этого кощунственного поединка; но считал возможным и принятие вызова, в каковом случае он, конечно, не поднял бы руки на тебя (твоя жизнь для него священна), но *ты* мог бы его убить, чтобы потом казнить самого себя (имя твое было бы все же казнено всеми, кто его произносит и будет произносить его)...Ибо знаю, что́ ты переживаешь, милый брат мой Валерий,— ведь ты еще не выстрадал постижения, что «последний царь вселенной» — не «Сумрак» [3]. Убивая Бальдера,— «ты с богом воевал в ночи»[4]. Σκληρόν σοι προς κέντρα λακτίξειν... [5] Но пойми пока уже одно: если вся жизнь поэта — «священная жертва», ведь все мы, сознающие себя и друг друга истинными и «настоящими», — жрецы и священны, братья-теурги [6]. Что бы ни случилось, мы не можем стать Каинами. Кроме того, я убежден, что в раздоре Б‹альдер› был прав. Говорю это с такою уверенностью потому, что знаю, что́ ты для него и он для тебя. Истинно оскорбить тебя он даже не мог, несмотря на горячий нрав свой, быть может — мгновенную заносчивость. Ты же хотел его крови изначала, хотя, быть может, лицо твое было кротко. Ибо ты должен был так волить в своих «узлах змеи» [7]. Но божественная радуга постлала тебе мост чрез преступление. «Вот жизнь тебе возвращена — умей же пользоваться ею» [8]. Исполни мое желание: помирись с Бальдером сполна и братски, ибо ведь и ты, себя не узнающий,— *светлый* бог.

Любящий тебя В я ч е с л а в

Ответ на два неизвестных письма Брюсова; первое содержало известие о том, что он вызвал Андрея Белого на дуэль (см. об этом наст. том, стр. 338, 381—383); второе — просьбу считать «не существовавшим» это письмо.

[1] Бальдер — Андрей Белый. См. обращенное к нему стихотворение Брюсова «Бальдеру Локи» (*St*; автограф, сохранившийся среди писем Брюсова к Иванову, озаглавлен «Бальдеру Локи (Андрею Белому)» и датирован «ноябрь 1904 г.»). Письмо Иванова развивает мифологическое истолкование столкновения между Брюсовым (Локи) и Белым (Бальдером). Подробнее см. наст. том, стр. 336—338.

[2] Эта телеграмма Иванова неизвестна.

[3] Заключительные строки стихотворения «Бальдеру Локи»:

Но последний царь вселенной,
Сумрак! сумрак!— за меня.

Союз Брюсова с «сумраком» стал знаменательной чертой в восприятии Ивановым его образа (см.: М. С. Альтман. Указ. соч., стр. 305).

[4] Неточная цитата из стихотворения Брюсова: «И снова ты, и снова ты...» (*СЦ—1901*; *UO* — под заглавием «Свидание»); в нем Брюсов прибегает к библейскому образу Иакова-богоборца (Бытие, XXXII, 24—32).

[5] «Же́стоко ти есть проти́ву рожну́ пра́ти» («трудно тебе идти против рожна»;— слова Иисуса к гонящему его Савлу (Деяния, IX, 5).

[6] Иванов призывает Брюсова сделать вывод из его собственной статьи «Священная жертва» («Весы», 1905, № 1), в которой утверждается, что поэзия требует от поэта жизнетворчества, ответственности его перед собственной жизнью.

[7] Ср. стихотворение Иванова «Узлы змеи» («Cor Ardens», ч. I), а также «Mi fur le serpi amiche» (см. п. 32, примеч. 1).

[8] Неточная цитата из стихотворения Пушкина «На выздоровление Лукулла» (ср. стихотворение «Выздоровление» — «Cor Ardens», ч. I).

37. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

Женева, 24.II/9.III.19>05

Забудем «не существующее» [1], дорогой Валерий, и восстановим прерванное. Поля Мукдена простерты и здесь за окном...[2] но пророс великий росток! Правда, общее безумие — *реально* — охватило Россию... *Пережить* нужно все, и *уцелеть*... Помни это!

В последние дни я занялся Бодлером. Толчком к тому были слова в письме Чулкова о желательности переводов из Верхарна и Бодлера. Верхарн — твой; Бодлера я люблю, как и ты. Посылаю тебе первые опыты — опасные, конечно. Суд твой, конечно, и дорог мне, и нужен [3].

Очень собираюсь в путь, но не раньше как после 10 марта (русского). Летаргия «Северных цветов» меня тревожит. Гриф прислал мне новый свой альманах, где лучшие стихи, по-моему, принадлежат Сологубу [4]. Рецензировать не могу. Получил ли «18 февраля» и «Бессонницу» [5]?

Твой В я ч.

Приглашенный «Вопросами жизни», выслал весь конец «Религии страдающего бога». Примечания к книге нахожу излишними. Издать ее можно хоть сейчас [6].

В.

Твой «Ворон» — превосходен [7]!

[1] Намек на неизвестные письма Брюсова, ответом на которые было п. 36.

[2] Ср. «Поля угрюмые Мукдена // У всех простерты за окном!» («На Новый 1905 год», первая редакция — см.: *Собр. соч.*, т. 1, стр. 631).

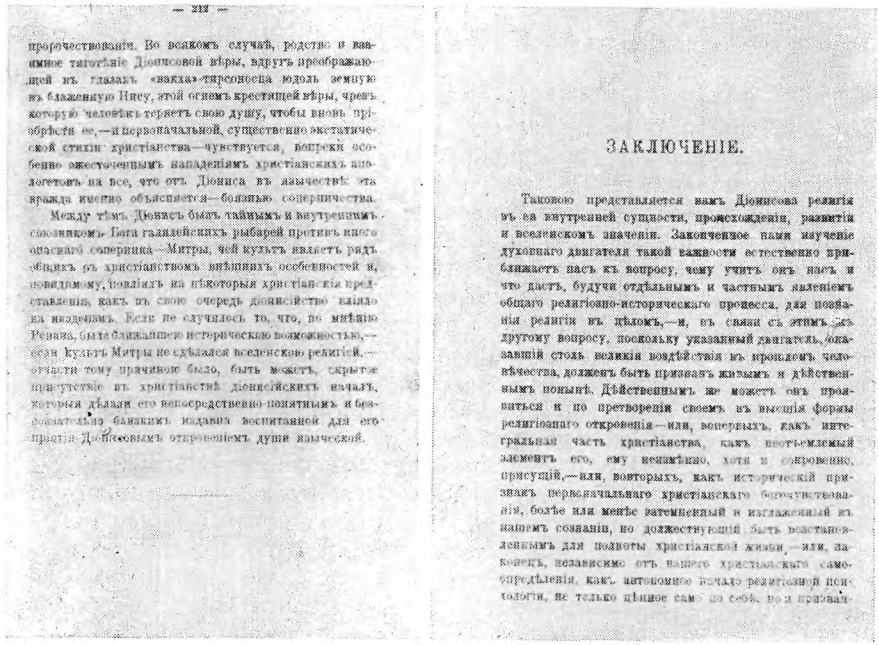
[3] 21 февраля/6 марта 1905 г. Иванов отвечал на предложение Чулкова: «Мысль о переводах, особенно из Бодлера, которого люблю, — мне очень по душе» (ГБЛ, ф. 371.3.45). Шесть стихотворений Бодлера в его переводе опубликовано в «Вопросах жизни» (1905, № 4 — 5). Там же (№ 10—11) напечатано два перевода Брюсова из Верхарна (см. наст. том, стр. 562, примеч. 3).

[4] Участниками третьего выпуска альманаха книгоиздательства «Гриф» (М., 1905) были Бальмонт, Белый, Блок, А. А. Кондратьев, С. А. Кречетов (Соколов), Сологуб и др. Рецензию на эту книгу написал Брюсов («Весы», 1905, № 3).

[5] Автографы обоих стихотворений Иванова (впервые: «Вопросы жизни», 1905, № 4—5 и 8) сохранились в архиве Брюсова (ГБЛ, ф. 386, 57.9, л. 25—26); первый имеет заглавие «19 февраля» и дату «19 февраля 1905» (в «Cor Ardens» озаглавлено «Под знаком Рыб»); второе датировано февралем 1905 (в «Cor Ardens» открывает цикл «Бессонницы»).

[6] Об исследовании Иванова «Эллинская религия страдающего бога» и его журнальных публикациях см. п. 2, примеч. 3. По-видимому, Иванов имеет в виду отдельное издание его, к работе над которым он приступил летом 1905 г. (см. п. 39, примеч. 2).

[7] Перевод стихотворения Э. По «Ворон» («Вопросы жизни», 1905, № 1).



— 212 —

пророчествованія. Во всякомъ случаѣ, родство и взаимное тяготѣніе Діонисовой вѣры, вдругъ преображающей въ глазахъ «вакха»-тирсоносца юдоль земную въ блаженную Нису, этой огнемъ крестящей вѣры, чрезъ которую человѣкъ теряетъ свою душу, чтобы вновь пріобрѣсти ее,—и первоначальной, существенно экстатической стихіи христіанства—чувствуется, вопреки особенно ожесточеннымъ нападеніямъ христіанскихъ апологетовъ на все, что отъ Діониса въ язычествѣ: эта вражда именно объясняется—боязнью соперничества.

Между тѣмъ Діонисъ былъ тайнымъ и внутреннимъ союзникомъ Бога галилейскихъ рыбарей противъ иного опаснаго соперника—Митры, чей культъ являетъ рядъ общихъ съ христіанствомъ внѣшнихъ особенностей и, повидимому, повліялъ на нѣкоторыя христіанскія представленія, какъ въ свою очередь діонисійство вліяло на иноземцевъ. Если не случилось то, что, по мнѣнію Ренана, было ближайшею историческою возможностью,—если культъ Митры не сдѣлался вселенскою религіей,—отчасти тому причиною было, быть можетъ, скрытое присутствіе въ христіанствѣ діонисійскихъ началъ, которыя дѣлали его непосредственно понятнымъ и безпощадно близкимъ издавна воспитанной для его пріятія Діонисовымъ откровеніемъ души языческой.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Таковою представляется намъ Діонисова религія въ ея внутренней сущности, происхожденіи, развитіи и вселенскомъ значеніи. Законченное нами изученіе духовнаго двигателя такой важности естественно приближаетъ насъ къ вопросу, чему учитъ онъ насъ и что дастъ, будучи отдѣльнымъ и частнымъ явленіемъ общаго религіозно-историческаго процесса, для познанія религіи въ цѣломъ,—и, въ связи съ этимъ, къ другому вопросу, поскольку указанный двигатель, оказавшій столь великія воздѣйствія въ прошломъ человѣчества, долженъ быть признанъ живымъ и дѣйственнымъ понынѣ. Дѣйственнымъ же можетъ онъ проявиться и по претвореніи своемъ въ высшія формы религіознаго откровенія—или, вопервыхъ, какъ интегральная часть христіанства, какъ неотъемлемый элементъ его, ему неизмѣнно, хотя и сокровенно, присущій,—или, вовторыхъ, какъ историческій признакъ первоначальнаго христіанскаго богочувствованія, болѣе или менѣе затемненный и изглаженный въ нашемъ сознаніи, но долженствующій быть возстановленнымъ для полноты христіанской жизни,—или, наконецъ, независимо отъ нашего христіанскаго самоопредѣленія, какъ автономное начало религіозной психологіи, не только цѣнное само по себѣ, но и призван-

КОРРЕКТУРА КНИГИ ВЯЧ. ИВАНОВА «ГРЕЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ СТРАДАЮЩЕГО БОГА»

Книга была подготовлена к печати в издательстве М. и С. Сабашниковых (М., 1917); весь тираж ее сгорел во время пожара в типографии

Собрание М. В. Толмачева, Москва

38. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

5 июля ‹1905 г.› Таруса. Калужская губ. Антоновка.

Дорогой Вячеслав!

Вот я в Москве, точнее в Антоновке [1]. Напишу много, как только устроюсь. О переводах Чулкова я написал целую отдельную статью, отнюдь не осудительную, хотя и весьма критическую, к которой приложу *свои переводы* тех же песен, давая возможность подвергнуть критике и меня [2]. Но *рецензия* на книгу очень нужна, и мы ждем ее от тебя [3]. Об «Инее» я тоже напишу [4]. Сообщи, прошу, о проектах воскресить «Новый путь» и об участии в этом Белого [5]. Я ничего не знаю о наших. Из финляндского уединения почти прямо попал в антоновское.

Твой Валерий

Открытка. Ответ на письмо Иванова от 23 июня 1905 г.

[1] Брюсов возвратился из Финляндии, где провел два месяца.

[2] Статья «Фиалки в тигеле» («Весы», 1905, № 7) — критический разбор выполненного Чулковым перевода сборника стихов Метерлинка «Двенадцать песен» (СПб., 1905). Брюсов критикует «неверный *метод*» переводчика и прилагает к статье семь «песен» Метерлинка в своем переводе.

[3] 23 июня 1905 г. Иванов сообщал Брюсову: «Пишу рецензию на «12 песен»; прошу тебя не печатать своей без моей. А еще лучше вместе столковаться и привести в согласие обе». В этой рецензии («Весы», 1905, № 7) высоко оцениваются «песни» Метерлинка, много внимания уделено иллюстрациям Шарля Дудле, но весьма сдержанную оценку получает работа переводчика.

[4] 23 июня 1905 г. Иванов спрашивал: «Что же, можно ли писать наконец об «Инее»?». Однако рецензию на книгу П. Соловьевой (Allegro) «Иней. Рисунки и стихи» (СПб., 1905) написал Брюсов («Весы», 1905, № 8).

[5] «Возобновляется «Новый путь», и Белый переселяется в Петербург»,— писал Брюсов Н. Я. Брюсовой 9 июля 1905 г. (ГБЛ, ф. 386.143. 1). Это не подтвердилось.

39. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Петербург.› 31 июля 1905 г.

Дорогой Валерий,

Я тебя люблю как прежде, а ты...?

Почему молчание?

Напиши о себе, и напиши о «Весах». Запоздание последней книжки уже наводило меня на мысли о конце всех человеческих дел, который часто бывает гораздо ближе, чем мы думаем.

Будут ли, и *как* будут «Весы» существовать?

Прости, что все не ответил на вопрос о «Новом пути». Тогда это газетное сообщение энергически опровергалось Философовым (в личной беседе). Мережковский и Философов продолжают говорить о намерении переселиться осенью в Париж. Даже сборник «Религия и общественность» должен появиться по-французски [1]. И Мережковский недавно опять просил меня о статье для сборника, но уже французского.

Адрес мой: Таврическая 25, кв. 24. Мы наняли здесь квартиру, так как моя книга надолго (сравнительно) привяжет меня к Петербургу. Я решил сделать ее научной по форме, *как следует*, и потому *еще не приступал* к печатанию [2].

Не думаю, чтобы мое присутствие в Москве было надобно «Весам» вообще. Во всяком случае желал бы и по этому вопросу обменяться мнениями.

Всегда твой В я ч е с л а в

Я решил издать свои статьи (как «Поэт и Чернь», «Ницше и Дионис» и пр. с новыми, которые пишу) отдельно от книги о религии Диониса, под заглавием «Дионис и всенародное искусство» или т. п. Маленький томик. Думаю, что «Скорпиону» издать его не привлекательно [3]. Если ошибаюсь, напиши. Издаст ли «Скорпион» сборник моих стихов, который скоро, думаю, созреет? [4] Как стоит вопрос о беллетристике или будущих «Северных цветах»?

Ждете ли вы от меня чего-нибудь *определенного* для «Весов» или нет?

[1] Замысел этого сборника не был реализован.

[2] Иванов предполагал выпустить свой труд о религии Диониса (см. п. 2, примеч. 3) в изд-ве Д. Е. Жуковского (СПб.).

[3] Сборник статей Иванова, составленный по иному плану, вышел только через четыре года («По звездам». СПб., «Оры», 1909).

[4] Это первое упоминание о замысле сборника «Cor Ardens» (М., «Скорпион», 1911). Дальнейшие письма документируют этапы и обстоятельства работы над ним (см. п. 51, 55, 57, 58, 61, 63, 69—72, 79, 80).

40. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Петербург.› Таврическая 25, кв. 24
1 авг‹уста 1›905 г.

Дорогой Валерий,

Вчерашнее письмо было написано до получения твоего. Спасибо, по крайней мере, что любовно меня помнишь. Хотелось бы обменяться хоть письмами, что ли, по существу,— но это так трудно... Ты вообще лаконичнее меня в переписке. Может быть, сделаешь опять одно из всегда мне памятных исключений и напишешь мне, как следует,— по принципу *общения*, а не *сообщения*. Я же сегодня пишу без надежды сказать что-нибудь, могущее заменить общение. Остается платонически мечтать — о свидании. Так как едва ли ты соберешься в Петербург *, то извести

* В сентябре, думаю, приехать даже следовало бы,— но сегодня ведь только 1 августа! (*примеч. Иванова*).

меня, когда именно будешь в Москве и с какого времени окончательно,— просто чтобы я имел это в виду.

Что касается области «сообщений», и в частности известия о задуманном тобою «побеге»,— ты ведь знаешь, что́ я об этом думаю. Ты знаешь, как мой, иногда ясно себя заявляющий, принципиальный ригоризм относится ко всякого рода (прости!) — дезертирству. Знаешь и то, как «Весы» мне дороги и как они неразрывно связаны с тобой, писателем и личностью. Но я упорствую и не верю в «побег», как не легко веришь во все, нарушающее закон «достаточного основания». Или же это равняется прекращению «Весов»? Для этого в эмпирии может быть «достаточное основание», хотя и противоречащее внутреннему логосу вещей... Но «Весы» без тебя — невозможность, или *уже не «Весы»*...

Вот все, что могу сказать пока. Я похож на посвящаемого в мистерии: меня держат в потемках, и до меня долетают только отрывочные устрашающие и непонятные восклицания или шепоты...

Пока — и в ожидании дальнейших звуков — до свидания.

Твой истинно В я ч.

P. S. «Вопросы жизни» любят мечтать о... слиянии с «Весами».

Нельзя ли выслать гонорар Остроге и «Северные цветы» Ремизову? [1]

Получен ли и принят ли рисунок miss Holdsworth (Женева)? [2]

Адрес Чулкова (дачный): Финляндская ж. д., ст. Териоки, деревня Лаударанта, дача Давида Туртиайнен.

Пожалуйста, исправь нелепую «струну» в «Письме из Вены». Нужно: «ступня» (стр. 46, 6-ая строка снизу). Там же, стр. 47, строка 18 снизу — «огражденной», вместо напечатанного «ограждений» [3].

Попроси Сергея Александровича о присылке мне *денег*, с заметкой, за что уплачено.

Что скажешь о моей заметке «contra Andream» ?[4]

Ответ на неизвестное письмо, в котором Брюсов сообщал о своем решении устраниться от руководства «Весами» (о том же он писал ряду других своих корреспондентов—см. наст. том, стр. 279).

[1] Ф. Острога (см. п. 27) напечатал в «Весах» (1905, № 4) «Письмо из Женевы. Музыкальный сезон». А. М. Ремизов участвовал в *СЦ—1905* циклом «Полунощное солнце».

[2] Рисунки Holdsworth в «Весах» не появлялись.

[3] На пути в Россию Иванов останавливался в Вене, откуда писал 3/16 апреля 1905 г. Брюсову: «Здесь я посещал выставки. Прошлый год ты наказывал мне осмотреть «Сецессион». Если вам нужны заметки о венских выставках (Secession, Hagen-Band, Künstlerhaus), оставь мне страницы три или четыре в апреле». Эти «заметки» («Письмо из Вены») см.: «Весы», 1905, № 6 (подпись: «The Twins», т. е. «Близнецы»; в мае, когда статья была окончена, Солнце вступает в созвездие Близнецов). Допущенные опечатки не были оговорены в последующих номерах «Весов».

[4] Заметка «против Андрея» («О «Химерах» Андрея Белого» — «Весы», 1905, № 7) — возражение Иванова на статью Белого «Химеры» («Весы», 1905, № 6), которую Иванов (выведенный в ней в образе «Феоретика») воспринял как оскорбительную клевету. Белый ответил примирительной заметкой «Разъяснение В. Иванову» («Весы», 1905, № 8), не удовлетворившей Иванова. См. об этой полемике п. 45 (примеч. 3) и 46.

41. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Петербург.› 23 авг‹уста› 1905

Дорогой Валерий, извини ты лично — и вы (коллективно) — что заставил ждать своего ответа. Ближайшим образом ответа на запрос моего мнения о новом устройстве «Весов» (которое, кстати, мне кажется очень старым). Но вот нахожу в редакции «Вопросов жизни» книжку «Весов», которой сам еще не получил, развертываю ее на своей заметке о «Химерах А. Белого» и с удивлением констатирую, что вся вторая часть ее, прибавленная мною в корректуре, редакцией опущена [1]. Произвольные

опущения такого рода в полемических ответах сотрудников на нападения, которым они подверглись, вообще недопустимы. Для меня же лично решающее значение имеет то обстоятельство, что *ныне нарушено право*, с основания журнала мне предоставленное и следовательно служащее основой моего положения в журнале,— право печатать все, что я предлагаю, без опущений и изменений. Это нарушение основных условий моего сотрудничества заставляет меня заявить в твоем лице редакции, что сотрудничество мое прекращается.

Твой В я ч е с л а в

P. S. Сообщи, пожалуйста, содержание этого письма Сергею Александровичу и поблагодари его за присылку 100 рублей, которые я получил.

Сегодня мне прочли в редакции твой цикл «Из современности». Это был для меня поэтический пир. Обнимаю тебя за эти стихи (хотя *первое* стихотворение мне, в виде исключения, совершенно *не* нравится) [2].

В.

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

[1] Корректура статьи «О «Химерах» Андрея Белого» была утеряна на почте (см. п. 43).

[2] Цикл «Из современности» составляли шесть стихотворений: «Одному из братьев», «Грядущие гунны», «К счастливым», «Знакомая песнь», «Близким», «К ним». Брюсов предназначал его для публикации в «Вопросах жизни». Первоначально цикл был полностью запрещен цензурой (см.: *Собр. соч.*, т. 1, стр. 630), однако Чулков добился (ценой ряда искажений) разрешения напечатать сначала три первых стихотворения, а затем и четвертое («Вопросы жизни», 1905, № 9 и 10—11; позднее вошли в *St*). Последние два стихотворения опубликованы в альманахе «Факелы» (кн. 1. СПб., 1906) под общим названием «Близким».

42. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Петербург.› 25 VIII. 1905 г.

Auctius te efflorescere gaudeham, mi Valeri, pulcherrimaque salutabam auctumnalia [1]. Coronam nectito.

V.

Перевод: Пышнейшему твоему расцвету возрадовался, мой Валерий, и встретил приветом прекраснейшие осенние песни [1]. Плети венок (*лат.*).

[1] «Осенние песни» («auctumnalia») — стихотворение «Умирающая любовь» («Ранняя осень любви умирающей») — *St*; в *Путях и перепутьях* озаглавлено «Ранняя осень». См. о нем п. 43 и 44.

43. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Петербург.› Таврическая 25, кв. 24
29 авг‹уста› 1905 г.›

Дорогой Валерий,— наконец пишу. Письмо будет пестрое: нужно сказать, кажется, о многом — понемногу.

Прежде всего: инцидент с моей заметкой о «Химерах», разумеется, разъяснен. Я сделал ошибку, послав корректуру простым (не заказным) письмом. Печатные строчки, просвечивающие через конверт, могут погубить посылку. Почтовой расписки у меня нет. Не удалось сказать, что́ следовало и как следовало; но habent sua fata *tabellae* ...*

Еще до твоего разъяснения послал тебе латинский привет, на который ты отвечаешь — не *роковым*, надеюсь,— *Vale* («*Valerius* dixit *vale*») **?

* у *писем* своя судьба (*лат.*).

** *Прощай* (*Валерий* сказал *прощай*) (*лат.*).

Шучу... Выражая радость, что ты все пышнее расцветаешь («auctius te efflorescere»), я разумел как твой цикл «Из современности», так и пленительные «auctumnalia»...[1] Кстати, между стихотворениями, тобою иногда присылаемыми, я делаю различие: одни мне кажутся дружескими, частными сообщениями — лирикой без маски, другие — проето произведениями искусства — признаниями замаскированными. Подчас не могу противиться искушению прочесть или показать стихи второй категории тому, кого считаю достойным. Прости и *предупреди*, если ты против того (чего однако не предполагал доныне, судя, быть может, по себе) [2]. «Умирание Любви» показал я поэтому третьего дня собравшимся у меня знакомым. Были тут Жуковский [3], Булгаков — и очень хвалил стихи, Рощина-Инсарова, здешняя актриса и твоя поклонница [4]. Последняя поручила мне просить тебя о разрешении читать это стихотворение, от которого она в восторге, до его напечатания как в кругу знакомых, так и перед публикой. Ответь, пожалуйста,— не забудь.

«Из ада изведенные» — *не* получены,— если это стихотворение не тождественно с «Астарта, Астарта...» [5] Напиши!!

О себе.— Живем (вдвоем с Лидией Дмитриевной) на верху круглой башни над Таврическим парком с его лебединым озером. За парком, за Невой фантастический очерк всего Петербурга до крайних боров на горизонте. В сумеречный час, когда тебе пишу, ухают пушки, возвещая поднятие воды в Неве, и ветер с моря, крутя вихрем желтые листья парка, стонет и стучится в мою башню. Приезжай — навести!

Книги своей я еще и не начинал печатать. Увлекся и углубился в те изучения, которые были необходимы для научной полноты и обстоятельности моих «примечаний». Надеюсь, что «примечания» выиграют от того, что книга не появляется уже теперь, как я раньше хотел. Думаю, ты найдешь, что я прав. Жуковский терпит [6].

Впрочем, за последнее время я забросил временно и Публичную библиотеку: кончал Байронов «Island» [7] и написал статью для «Вопросов жизни» [8].

Вижу, что нечувствительно перехожу к теме: «Весы». Согласись, что «устройство», о котором ты писал, ничего существенно не изменяет. Коллективного духа так и не будет, и «Весы» не определят положения своей группы в дифференцировавшемся отныне «новом движении», иначе как самоутверждением отдельных своих членов. Нарцисс (судя по стилю, С. А. Гриф) в «Искусстве» (принимаешь ли ты в нем участие?) пишет, что поэты «Скорпиона» стремятся по расходящимся линиям [9]. Такое впечатление оставляют «Северные цветы»; что же сказать о будущих «Весах»? De facto, однако, журнал будет по-прежнему органом двух. Другие автономные сотрудники — будут как бы провинциями с self-government *... Но «Весы» все же вводят беллетристику. Этот fait nouveau ** разбивает всю доселе выработанную схему?? [10]

Что до меня лично, я думаю остаться на всю зиму в Петербурге — и из-за моей книги, и из-за «Вопросов жизни» [11], и из-за «Современных настроений», которые для меня здесь гораздо ощутительнее, чем в Москве [12], а также и по отрицательному соображению — о моей ненужности в Москве. Я с охотой возьмусь, если вы хотите, писать регулярно и о «настроениях» и о «журналистике». Что касается редактирования рецензий по отделам публицистики, истории и истории литературы,— очень дорожу и этой функцией, но ведь не поселиться же *для этого одного* в Москве! Достаточно от времени до времени навещать вас...

---

* самоуправлением (*англ.*).
** новый факт (*франц.*).

Все это — в принципе; напиши, когда нужно будет, на чем вы окончательно и определенно останавливаетесь в отношении вопроса о моем сотрудничестве.

Ближайшим образом думаю писать в «Весы» о «мистическом анархизме», о Минском, Добролюбове, Шестове, Зелинском. Потом — о журналах. Поручалась ли рецензия о Венгеровой? *Напиши*, какие отзывы *не нужны* [13]. Напиши же, пожалуйста, об «Инее» — или позволь мне [14].

Твой В я ч е с л а в

P. S. В № 8 я очень ценю твои переводы — некоторые прямо пленяют [15]. Но — в целом — ужасно. «Весы» сделаются какой-то литературной безделушкой?

Редакции нужно молиться: «дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия — не даждь ми» [16].

P. S. Видишь, как я был прав, говоря «auctius te efflorescere» на основании последних твоих вещей,— оказалось, что ты в полосе особенного творческого подъема [17]. Работай! Ты, конечно, сам не знаешь, как много ты должен сделать. «On ne va jamais plus loin que quand on ne sait où l'on va» * Мы все сделали еще слишком мало, ничтожно мало.

Жалко ли тебе Лохвицкой? [18] «ὃν οἱ θεοὶ φιλοῦσιν, ἀποθνῄσκει νέος» [19]. Знал ли ты ее?

Передай мой сердечный привет Иоанне Матвеевне и Надежде Яковлевне. Спасибо ей за память и поэтическую весть, поданную о себе в дни ее чудного хождения в странах гиперборейских.

Напиши больше!

В.

Ответ на два неизвестных письма Брюсова.

[1] См. п. 41, примеч 2, п. 42, примеч. 1.

[2] Такое предупреждение Брюсов сделал, посылая Иванову 13 июня 1905 г. цикл «На Сайме» в его первоначальном варианте: «Стихи только для тебя, Вячеслав, и еще для Сергея Александровича, если он захочет прочесть».

[3] Дмитрий Евгеньевич *Жуковский* — издатель философской литературы, официальный редактор журнала «Вопросы жизни».

[4] Екатерина Николаевна *Рощина-Инсарова* (Пашенная, 1883—1970) — актриса, в 1905—1909 гг. состояла в труппе театра Литературно-художественного общества (СПб.).

[5] См. п. 44.

[6] См. п. 39, примеч. 2.

[7] О переводе поэмы Байрона «Остров» см. п. 33, примеч. 8.

[8] «Кризис индивидуализма. К трехвековой годовщине «Дон-Кихота» («Вопросы жизни», 1905, № 9).

[9] Автор рецензии на *СЦ—1905* утверждал, что альманах «менее всего являет собой объединенную общими лозунгами школу», что «поэты «Скорпиона», прежде шедшие дружной стаей ⟨...⟩, теперь разбрелись далеко друг от друга» («Искусство», 1905, № 5-6-7, стр. 165; подпись: Нарцисс). Предположение, что рецензия принадлежит С. А. Соколову (главе изд-ва «Гриф»), подтверждается тем, что именно с ним возник конфликт у А. Белого в результате отказа сотрудничать в «Искусстве» после возмутившего его отзыва об Иванове в этой рецензии (см. наст. том, стр. 389). О журнале «Искусство» и участии в нем Брюсова см. п. 44, примеч. 7.

[10] О проекте реформы «Весов» (см. наст. том, стр. 278) Иванов мог узнать из письма Брюсова Чулкову от 20 августа 1905 г. (*Чулков*, стр. 327).

[11] Обосновавшись в Петербурге, Иванов сблизился с редакцией журнала «Вопросы жизни», в частности с Чулковым.

[12] Иванов начал цикл статей «Из области современных настроений». Первая статья была напечатана в «Весах» («Апокалиптики и общественность» — 1905, № 6), однако продолжения цикла не последовало.

[13] В августе—декабре 1905 г. Иванов в «Весах» не печатался.

[14] См. п. 38, примеч. 4.

[15] Иванов ошибся: перевод «Семи песен» Метерлинка был помещен не в восьмом, а в седьмом номере «Весов».

* Дальше всего уходишь, когда не знаешь, куда идешь (*франц.*).

[16] Слова из великопостной молитвы Ефрема Сирина.
[17] По-видимому, этим постскриптумом Иванов отвечает на неизвестную «записку» Брюсова, о которой упоминается в п. 44.
[18] М. А. Лохвицкая скончалась 27 августа 1905 г. Некролог, написанный Ивановым, см.: «Вопросы жизни», 1905, № 9.
[19] «Кто мил бессмертным, умирает в юности» (Менандр. Комедии. Герод. Мимиамбы. М., 1964, стр. 291).

44. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

‹Москва.› 1 сент‹ября› 1905

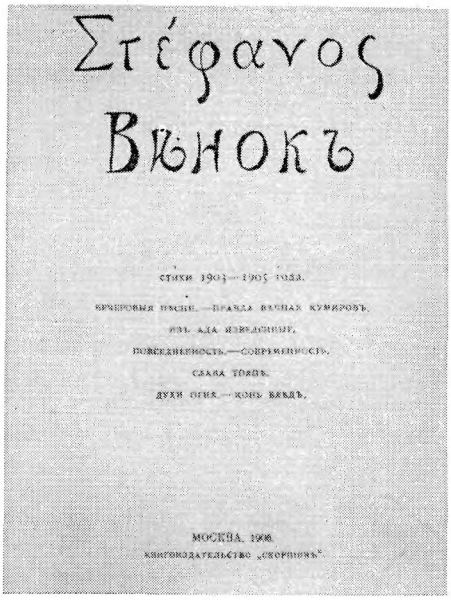
Дорогой Вячеслав!

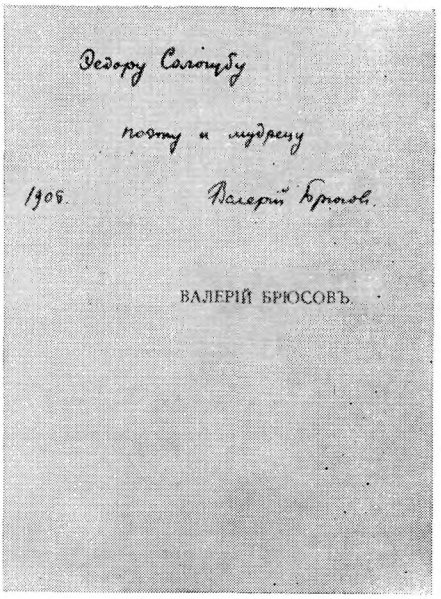
Твое письмо опять разошлось с моей запиской — не в первый раз. Когда я начинаю вконец тосковать без вестей от тебя и спешу на Николаевский вокзал, чтобы бросить тебе молящую открытку,— это верный признак, что конверт с твоими строками уже на пути ко мне. Спасибо, и радуюсь этому влиянию на расстоянии.

Я чувствую себя умирающим в одной части своей души и воскресающим в другой. Воскресающим в той, которую ты больше знаешь. Работаю очень много, как давно уже не работал. Уже и в «Вопросы жизни» шлю целые груды стихов, а кроме того, в «Журнал для всех» и в «Беседу» [1]. Пишу статьи, рассказы, роман [2]. Перевожу Байрона [3]. А замыслов хватило бы на всю жизнь, если не на две. Печатаю свой «Stephanos», где ты найдешь много нового [4]. Вообще в творчестве чувствую свежую бодрость, силу, возможность всего — окрыленность ясного утра, когда так легко дается, чего тщетно добивался и огненным вечером и в безвольную ночь. Написал, осуществил многое из такого, о чем безнадежно мечтал *целые* годы. И если по *бодрости* сил я только что сравнил переживаемое время с утром, то столь же был бы я прав, сравнивая его с полднем, по *полноте* сил, по чувству, по сознанию, что я достиг полного обладания всем, что́ во мне, что годы собирания кончены, пора расточать.

О «Весах» не могу сказать ничего нового. Обидно и досадно смотреть на их умирание. Это умирание, конечно, еще не заметно издали, но для меня, стоящего около, несомненно. Они движутся, но по инерции; говорят, но уже бессознательно. Плачевнее всего, что они, или говоря не фигурально, что Сергей Александрович не сознает положения. Он очень *доволен*, что я покинул редакторство, делает вид, что сам редактирует, но фактически все дело в руках Брониславы Матвеевны [5]. И надо признать, что она «набила руку» и «навострила глаз» в литературных мастерствах. О том, чтобы «представлять группу», как ты пишешь, не может быть и речи. И если, действительно, дана будет «Весам» беллетристика, они неизбежно обратятся в собрание литературных безделушек. Став теперь на положение сотрудника, я все более и более начинаю понимать, как был ты во всем прав в своих суждениях о «Весах». Они могли бы ожить лишь при коренной реформе in capite et in membris *, но на нее почти нет надежд. Однажды ты упрекнул меня в «отступничестве» за то, что я покинул редакторство. Но это было неизбежно. Я задумывался над этим с лета 1904 г. Осенью 1904 Сергей Александрович обещал (как русское правительство) реформы. Они оказались недостаточными. Я ждал, что приедешь ты, что приедет Михаил Николаевич, и все изменится само собой. Но после того, как Сергей Александрович отверг Михаила Николаевича и отверг тебя как соредакторов, мне не осталось больше надеяться ни на что. Я ушел. Даже писать в «Весах» не весело, и я охотно перенес бы центр своей деятельности в «Вопросы» [6], только боюсь их обременить своей

* *Здесь*: с головы до ног (*лат.*).


Στέφανος
Венокъ
Стихи 1903—1905 года.
Москва. 1906.
Книгоиздательство „Скорпионъ".


Федору Сологубу
поэту и мудрецу
1906. Валерий Брюсов.
Валерий Брюсовъ.

«STEPHANOS» («ВЕНОК»)
Стихи 1903—1905 года. М., «Скорпион», 1906
С дарственной надписью: «Федору Сологубу, поэту и мудрецу. Валерий Брюсов. 1906»
Обложка и шмуцтитул
Литературный музей, Москва

личностью. Впрочем, есть еще прибежище — «Искусство», куда я, конечно, очень зван [7].

Что до моих стихов, то разумеется они *для всех*. Это я и имел в виду, говоря «вплетаться всем телом в *гефестову* сеть» [8]. Поэтому я очень тронут желанием г-жи Рощиной-Инсаровой и буду очень «польщен», если она будет повторять мои строки. Только окончательный ли у тебя вариант «Осени» (или «Умирания любви»)? В *3-ей* строфе последние стихи надо читать:

Запах в садах доцветающих роз.
В сердце — родник успокоенной нежности,
Счастье — без ревности, страсть — без угроз.

В 4-ой строфе 4-ый стих:

Бледный — над яркими днями — венец.

«Из ада изведенные» — понятно, «Астарта». А посылал ли я тебе «В полдень» («Свершилось, молодость окончена...»), написанное в Финляндии? [9]

Совсем хороши твои стихи в «Вопросах» [10]. Но почему нет среди них моего любимого «Сладко месяцу темные реки...»? [11]

О том, какие статьи нужны «Весам», не берусь судить. Приходится спрашивать Брониславу Матвеевну или хотя «самого» Сергея Александровича.

Привет и благодарность за строки Лидии Дмитриевне.

Очень твой В а л е р и й

Не напишешь ли мне подробнее свои замечания о моих переводах Метерлинка [12]. Мне важно. И кстати: у тебя ли моя книжка «Serres chaudes»? [13]

Ответ на п. 43.

[1] В сентябре — декабре 1905 г. Брюсов опубликовал в «Вопросах жизни» (№ 9—12) шесть оригинальных стихотворений («Лик Медузы» и цикл «Из современности» — см. п. 41, примеч. 2) и шесть переводов (из Верхарна и Рене Гиля), в «Журнале для всех» — два перевода из Верхарна (№ 11 и 12), в «Беседе» — стихотворение «Голос прошлого» (№ 12).

[2] В конце 1905 г. Брюсов написал рассказ «Республика Южного креста» («Весы», 1905, № 12); о романе см.: С. С. Гречишкин и А. В. Лавров. О работе Брюсова над романом «Огненный ангел» — *Чтения 1971.*

[3] 10 стихотворений Байрона в переводах Брюсова см. в изд.: Д. Г. Байрон. Сочинения, т. III (под ред. С. А. Венгерова). СПб., 1905. Письма Брюсова к С. А. Венгерову, посвященные работе над этими переводами, см. в сб.: «Мастерство перевода». М., 1959, стр. 373—383.

[4] Из 70 стихотворений, составивших первое издание сб. «Stephanos» (вышел в декабре 1905 г.), 28 было опубликовано впервые.

[5] *Б. М. Рунт* — сестра И. М. Брюсовой; о ее роли в «Весах» п. 25.

[6] Т. е. в «Вопросы жизни».

[7] Журнал «Искусство» (М., 1905, № 1—8; изд. Н. Я. Тароватый, соредактор № 8 — С. А. Соколов) поначалу выступал против «Весов» и лично Брюсова (№ 2, стр. 69—70; № 3, стр. 69). 31 августа 1905 г. С. А. Соколов писал Брюсову, сообщая, что стал «редактором литературной части» журнала: «Я думаю, что это обстоятельство, в связи с устранением тех влияний, под которыми находилась прежняя редакция, вполне покрывает промахи и нетактичности, которые имели место в прошлом, на страницах «Искусства» (ГБЛ, ф. 386. 103.16). В этом же письме Соколов приглашал Брюсова участвовать в обновленном журнале и просил написать некролог М. А. Лохвицкой. В последнем номере «Искусства» (вышел в ноябре 1905 г.) фамилия Брюсова появилась в списке участников журнала; в том же номере напечатана его статья «Современные соображения».

[8] Строка из стихотворения «Из ада изведенные» (*St*). «Гефестова сеть» — образ, навеянный мифологическим сюжетом: Гефест поймал в сеть неверную Афродиту и ее возлюбленного Арея и выставил их перед богами Олимпа. Стихотворение затрагивает переживания интимной жизни Брюсова, которые Брюсов-поэт счел возможным пересказать «для всех».

[9] Первая редакция этого стихотворения написана в 1903, а вторая — в 1904 г. (см.: *Собр. соч.*, т. 1, стр. 626—627).

[10] Стихи Иванова (подборка из восьми стихотворений и отдельно — «Аттика и Галилея») см.: «Вопросы жизни», 1905, № 8, стр. 12—20, 85—86.

[11] См. п. 45, примеч. 9.

[12] См. п. 38, примеч. 2.

[13] «Serres chaudes» («Теплицы») — сборник стихотворений Метерлинка, два издания которого (Bruxelles, 1890 и 1900) сохранились в б-ке Брюсова (ГБЛ); в обеих книгах — его пометы, во второй — черновики переводов.

45. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Петербург.› 13 сент‹ября 1›905

Дорогой Валерий,— благодарю тебя за твои две полные и ласковые страницы. (Потом еще ты извещал меня о желании Сергея Александровича, которое я постараюсь удовлетворить — своею идейной хроникой и обзором нескольких журналов) [1]. Горько испытываю разлуку с тобой. Мне всегда вожделенна и часто душевно-нужна твоя близость. Не писать ли нам друг другу *чаще*? Именно в период подъема творческих сил ты должен был бы чаще делиться со мной — хроникой твоей музы... Я в отчаянии от цензурных насилий, которым, по-видимому, суждено исказить твой цикл «Современности»,— хотя последних известий и не имею о результатах борьбы Чулкова за цикл[2]. Что у вас, в Москве, нового? — пиши мне пожалуйста о характерном. Видишь ли Бальмонта? Белого? Последний, по предположению Мережковского, меня ненавидит [3]. Во всяком случае, он возложил на Чулкова (который, по чрезвычайной случайности, *распечатал* письмо Белого *у меня*) странное поручение передать мне ряд восклицаний не строго благопристойных и доказывающих, что он реагирует на мою вынужденную и корректную (внутренне и внешне) полемику лично и

мелочно; мне оставалось попросить Чулкова — сообщить Белому *мой точный адрес*. Ставит ли Мейерхольд «Землю»? Он звал меня и Лидию Дмитриевну в члены своего бюро; Вашкевич также писал мне [4].— «Искусство» меня презирает [5]... Здешние либеральные священники — уважают!—Отказ Сергея Александровича издать мои стихи несомненно обиден своей голой безусловностью и нежеланием нашего корифея хоров вступать даже в переговоры. «Скорпион» ли не существует как cénacle des poètes * — или я вычеркнут, как поэт, из списка cénacle'я? — и полезен еще как составитель хроник? — Пишу статейку для издания Байрона [6]. Ко мне приближается большой поэтический план — или я к нему приближаюсь, крадучись,— с «осторожностью», которую ты мне приписываешь. Не забудь сказать мне о твоем впечатлении от «Кризиса индивидуализма» («Вопросы жизни», сентябрь) [7]. Твои «Serres chaudes», каюсь, у меня. Пришлю. На днях напишу подробно, что́ думаю о твоих переводах. Напиши мне о прилагаемых стихах [8]. Твой вполне

В я ч е с л а в

P. S. «Сладко месяцу темные реки...» назначается мною для другого цикла [9].— Я был на реферате Булгакова, который он читал у Григория Петрова [10]. Архимандрит Михаил [11] иллюстрировал свою речь — песнею Метерлинка, в твоем переводе («Трех девушек...»). Как видишь, священники уважают и тебя — значит, надо мной не смейся.

Ответ на п. 44 и на другое, неизвестное письмо Брюсова.

[1] Цикл «Из области современных настроений» (см. п. 43, примеч. 12). Обзоры журналов Иванов в «Весах» не печатал.

[2] См. п. 41, примеч 2.

[3] Отношения Иванова и Белого в 1905 г. носили неровный характер, отразившийся и в полемике по поводу статьи Белого «Химеры» (см. п. 40, примеч. 4); Иванов назвал этот этап их взаимоотношений «порой видимой борьбы» (письмо к Белому от 1 декабря 1905 г.— ГБЛ, ф. 25.16. 2). К концу 1905 г. дружба вновь возобладала, не без влияния, вероятно, инцидента с журналом «Искусство», когда Белый выступил в защиту Иванова (см. п. 43, примеч. 9).

[4] В 1905 г. в Москве были созданы «Театр-студия» (во главе с В. Э. Мейерхольдом и К. С. Станиславским) и «Театр Диониса» (руководитель — бывший актер Художественного театра Н. Н. Вашкевич). Внешнее сходство эстетических программ, требовавших всестороннего обновления театрального действия, породило соперничество между двумя студиями: обе стремились заручиться поддержкой ведущих представителей модернистской литературы. Во главе литературного бюро «Театра-студии» встал Брюсов; в репертуарном плане театра значились его драма «Земля» и «Тантал» Иванова (см.: «Вопросы жизни», 1905, № 9, стр. 248), а также литературные вечера, посвященные Брюсову, Белому, Иванову (см.: «Весы», 1905, № 4, стр. 75). Вашкевич просил у Иванова разрешения назвать свой театр «Дионисово действо» — «название, которое навеяно вашими произведениями и которое выразит лучше всех сочетаний наши искания» (ГБЛ, ф. 109). Первоначально «Весы» отнеслись к начинанию Вашкевича благожелательно (см.: 1905, № 4, стр. 75—76; № 8, стр. 72), однако выпущенный им поверхностно-эстетический манифест вызвал крайне резкую рецензию Брюсова («Весы», 1905, № 9-10). Оба театра оказались начинаниями эфемерными. Оценку их Брюсов дал в статье «Вехи. II. Искания новой сцены» («Весы», 1905, № 12; см. также: Н. В о л к о в. Мейерхольд, т. I. М.— Л., 1929, стр. 196—217).

[5] Рецензия «Нарцисса» в журнале «Искусство» содержала резкий отзыв о произведениях Иванова в *СЦ—1905* (см. п. 43, примеч. 9).

[6] См. п. 33, примеч. 8.

[7] См. п. 43, примеч. 8.

[8] В архиве Брюсова сохранилось около тридцати стихотворений, присланных ему Ивановым (ГБЛ, ф. 386.57.9); датированы лишь немногие из них, и установить, какие из них имеет в виду Иванов, не представляется возможным.

[9] «Сладко месяцу темные реки...» — строка из стихотворения Иванова «В алый час», вошедшего в цикл «Северное солнце» («Весы», 1906, № 2).

[10] Вероятно, Иванов был на вечере, воспринятом участниками как возобновление деятельности петербургских «Религиозно-философских собраний», о чем, со слов Чул-

* сообщество поэтов (*франц.*).

кова (см. его письмо Брюсову от 28 сентября 1905 г.— ГБЛ, ф. 386.107.46), сообщили «Весы»: «В Петербурге открываются явочным порядком «Религиозно-общественные собрания». Отчеты об этих собраниях будут печататься в журнале «Вопросы жизни» (с января 1906 г.)» (1905, № 9-10, стр. 121). Регулярную деятельность общество начало с лета 1907 г. (см.: «Перевал», № 8-9, 1907, стр. 93—94). Григорий Спиридонович *Петров* (1867—1925) — православный священник, позднее лишенный сана; публицист.

[11] Архимандрит Михаил (Павел Васильевич *Семенов*; 1874—1916) — профессор церковного права Петербургской духовной академии, один из основных участников Религиозно-философского общества. В 1907 г. порвал с официальной церковью и примкнул к старообрядчеству.

46. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Петербург.› 20 сент‹ября 1›905

Дорогой Валерий,

пишу тотчас по получении твоего письма. Хочу оживить нашу переписку и способствовать реализации добрых намерений, мною высказанных и на которые ты — спасибо за это — горячо откликнулся... Приезжай и остановись у нас.

Я думал, что ты уже виделся с Бальмонтом, и поджидал от тебя вести о впечатлении. Оказалось, что первым твоим впечатлением был «шум в Вавилоне» [1]... Ко мне он явился в прошлую среду [2]. Это было случайностью; но среда день наших приятелей. Его появление мне показалось чудесным; может быть, потому, что шутя я предсказывал на этот вечер его приезд. Инстинктивно я, обнимая его, заговорил с ним на ты и лишь через несколько времени поймал себя на неосторожности; но и это совпало с его намерениями, потому что он только что сочинял мне «Bruderschaftsbrief» [3]. Он показался нам совсем обновленным... Неужели же «обманул»? И сам он говорил, что теперь — иной. Стихи, которые он читал, только укрепили наши надежды. Намечаются две новые струи: *детская* поэзия, которая кажется будет действительно детской, в лучшем смысле (а это в своем роде «венец»,— конечно, завидный для каждого поэта), и *сатирическая* [4]. Я советовал ему объединить сатиры в самостоятельный сборник, написать «Xenien» на недруга и друга [5],— потому что он часто хорош как сатирик (вопреки мнению большинства) и даже прикоснулся к стихии *юмора* (также «венец»). Наконец — last not least * — его старый лиризм— как старое вино — сделался еще сильнее и благоуханнее, его «певучая сила» еще энергичнее,— вольней и задушевней. Он сидел с нами до 5 часов утра и неохотно ушел, пил вино и не пьянел. Между прочим, я сказал: «На твоем *знамени* написано *Мгновенность*». Это оказалось совпадающим с одним его новым стихотворением [6]. Правда, придя, покапризничал, разочарованный присутствием чужих лиц, и нам стоило труда и дипломатии, чтобы провести при нем предполагавшееся чтение: Осип Дымов [7], приведенный Чулковым, все же прочел новый рассказ; Сологуб, нахохлившийся и отошедший далеко при появлении Бальмонта, читал сказки [8]; Чулков сообщил два стихотворения Блока и твое новое (мне, увы, чуждое) [9],— после чего и Бальмонт прочел наизусть твоего «Крысолова» [10]. Я не помнил заглавия и знал его как «Тра-ла-ла...» Прочел так музыкально, что я впервые оценил его вполне. В твоем чтении оно меня тогда не захватило; а между тем Бальмонт подражал именно твоим приемам. И *все* были очарованы. Наконец, он начал читать свои стихи... На другой день Бальмонт завтракал у нас, мы гуляли по крыше нашего жилища и опять, как некогда, заглядывались в бездны, потом я проводил его на вокзал.

---

* последнее, но не по важности (*англ.*).

Здесь, перед отходом поезда, все время сожалел, что не остался в Петербурге на день, чтобы побыть с нами и съездить вместе к *Сологубу* (!),— вдруг начал исповедь: «Ты бы меня не встретил так, если бы знал, что недавно в письме к Валерию я тебя уничтожил в трех строчках»... Дальше — цитата, из которой мне запомнились выражения: «аптекарские весы» и «медоточивый дистиллятор» [11]. Я сказал: «Ты не *смеешь* отрицать меня,— или ты не поэт»... В общем, следовательно, возрождение всех надежд на Бальмонта — и ужели же он «обманул»?

Боюсь, что семейные полемики в «Весах» не кончатся. Если Белый «извиняется»,— это колкость [12]. Моя полемика не имеет ничего личного. За «Θеоретика» как карикатуру извиняться нечего; я умею смеяться от души над карикатурами. Но в «Θеоретике», с точки зрения *личной*, есть и клевета. Θеоретик — шарлатан. Он не пережил того, что проповедует. Он соглядатай чужих переживаний, репортер, плагиатор. Но я, поистине, не записывал в памятную книжку прозрений Белого... Кстати, спасибо за восстановление литературной собственности моих идей. Надеюсь, ты высмеивал не их в своей речи, а их интерпретации или применения [13]. Даже не «надеюсь», а *знаю*. Ты едва ли идеи эти разделяешь, по крайней мере, едва ли целиком, и в применении к данным условиям,— но ты знаешь им цену... Белого же я нахожу — весьма загадочным...

Очень твой — В я ч е с л а в

Могут ли тебе быть по душе прилагаемые стихи ?

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

[1] Библейская реминисценция (Бытие, XI, 1—9).

[2] 14 сентября. Далее описывается одна из первых «сред» Иванова.

[3] Это «братское послание» (*нем.*) неизвестно. Ср. стихотворение «Вячеславу Иванову» (1915) в кн.: К. Д. Б а л ь м о н т. Стихотворения. Л., 1969, стр. 478.

[4] «Детская поэзия» Бальмонта составила сб. «Фейные сказки. Детские песенки» (М., «Гриф», 1905; вышел в сентябре 1905 г.). «Сатирическая поэзия» — вероятно, его политические стихи, обличающие самодержавие и воспевающие революцию и рабочих (осень 1905 г.; см.: К. Б а л ь м о н т. Стихотворения. СПб., «Знание», 1906; К. Б а л ь м о н т. Песни мстителя. Париж, 1907).

[5] Ксении — в древнегреческой поэзии — небольшие стихотворные посвящения хвалебного или юмористического содержания; в новой литературе знамениты юмористические и сатирические ксении Шиллера и Гете. Возможно, что Бальмонт читал в этот вечер ксении, в которых выведены Белый, Иванов и Брюсов (см. его письмо Брюсову от 5 сентября 1905 г.— ЦГАЛИ, ф. 56, оп. 3, ед. хр. 6).

[6] Вероятно, «Зарево мгновений» (К. Д. Б а л ь м о н т. Литургия Красоты. Стихийные гимны. М., «Гриф», 1905) или «Гений мгновенья» (там же). Апология «мгновенности» — один из основных мотивов лирики Бальмонта. Ср.: *Далекие и близкие*, стр. 73—75.

[7] Осип *Дымов* (Осип Исидорович Перельман, 1878—1959)— писатель и журналист; получил известность после выпуска в мае 1905 г. сборника рассказов «Солнцеворот» (М., «Гриф»), на который Г. И. Чулков дал сочувственный отклик («Вопросы жизни», 1905, № 6).

[8] «Сказки» Ф. Сологуба объединены в сборниках «Книга сказок» (М., «Гриф», 1905) и «Политические сказочки» (СПб., «Шиповник», 1906).

[9] Вероятно, Чулков читал стихи цикла «Из современности» (см. п. 41, примеч. 2).

[10] Стихотворение «Крысолов» (*St*), написанное 18 декабря 1904 г., было известно Бальмонту в рукописи.

[11] См. письмо Бальмонта к Брюсову от 5 сентября 1905 г.: «Хорош многим Вячеслав, но, к сожалению, он более чем что-либо — ученый провизор. Медоточивый дистиллятор» (ЦГАЛИ, ф. 56, оп. 3, ед. хр. 6). Два года спустя он повторил эти слова печатно: «И в одних вещах это истинно русский пленительный лесной поэт, в других, в огромном большинстве, он не более как словесник-дистиллятор» («Наше литературное сегодня. Заметка».— «Золотое руно», 1907, № 11-12, стр. 62).

[12] См. п. 40, примеч. 4.

[13] Вероятно, речь идет о публичном выступлении Брюсова по поводу «Театра Диониса» (см. п. 45, примеч. 4).

47. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Понесем зажженные светы
В катакомбы, в пустыни, в пещеры[1].

‹Петербург.› 24 окт‹ября 19›05

Дорогой Валерий,

Я начинал писать тебе, но ничего не выходило из прерываемых фрагментов. Да и что теперь писать?

Говорить ли, как взволновала меня весть о твоей близкой опасности? Решительно, ты заходишь слишком далеко для «наблюдателя»,— хотя бы этот наблюдатель был и поэт, царственно обязанный видеть и пережить,— чье «наблюдение» — уже дело [2].

У вас, в Москве, теперь особенно чувствуется, как дохнуло неистовство из бездны темных сил.

Конституции ты «не веришь» и «не радуешься» [3]. «Верить» в ее близкую реальность, конечно, трудно, принимать Государственную Думу с функциями учредительного собрания, если она основана не на общеизбирательном праве и не выражает, следовательно, всенародной воли, не следует, но не радоваться нельзя тому, что самодержавие, принужденное к самоубийству, нанесло себе рану на этот раз смертельную,— тому, что самый лозунг недавней борьбы — «долой самодержавие» — отныне стал праздным.

Что до самодержавия,— мы, художники, конечно, знаем, какой вместимости разбился сосуд для гениальной силы. Но ведь наш Петр не только Первый, но и единственный. Уже давно самодержавие — «личина пустоты», маска, из-за которой искаженно и хрипло говорит не личность, а чужая воля. Ведь уже Александр III был только фонографом общенародной реакции восьмидесятых годов; а он был все-таки личностью. Пусть же всенародный голос прямо слышится. Пусть мир увидит (это мой исконный идеал) — государственное единство славянских народоправств.

Не забывай, впрочем, что я рассуждаю в плане политическом, т. е. в плане относительных масштабов. Есть иной план — духа и пророчества, абсолютных мер и конечных идеалов. Он вместе бесконечно далек и непосредственно близок, осуществим мгновенно чрез подъем личный (царство небес здесь и в нас). Это вожделенная анархия духа, могущая сразу осуществиться в общинах избранных — об этом мой «Кризис индивидуализма» [4]...

Величава и прекрасна была «вечная память» на Невском к вечеру 18-го октября [5]. И было чудо: при полном отсутствии полиции не только пешая толпа, но и экипажи двигались, при массовом стечении, в непонятно-стройном порядке; более того, извозчики дружелюбно и «вежливо» объяснялись между собою, сцепляясь и выпутываясь, они не хотели ругаться, хотя руготня — красивый лиризм ремесла. Но митинг в тот же день в университете оставил тягостное впечатление. Лозунг «республика» — провокация масс, роковая тактическая ошибка [6].

Твой В я ч.

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

[1] Не совсем точная цитата из стихотворения Брюсова «Грядущие гунны» («Вопросы жизни», 1905, № 9; *St*).

[2] Вероятно, Иванов знал то, что Брюсов писал Чулкову о себе в дни октябрьской политической стачки и революционных волнений в Москве: «Впрочем.

пока я не более как наблюдатель, хотя уже и попал под полицейские пули» (*Чулков*, стр. 336). Ср. письмо Брюсова к А. А. Шестеркиной от 1 ноября 1905 г. (наст. том, стр. 654).

[3] Ср. стихотворение «Довольным», написанное 18 октября 1905 г. (*St*). О сложности отношения Брюсова к революции 1905 г. см: И. Я м п о л ь с к и й. Валерий Брюсов и первая русская революция (*ЛН*, т. 15); *Максимов 1969*, стр. 164—175.

[4] См. п. 43, примеч. 8.

[5] 18 октября весь день на Невском проспекте проходили манифестации по поводу манифеста 17 октября. Событие, описанное далее Ивановым, происходило около 6 часов вечера. «В неясных лучах электрического света, падавшего с высоких фонарей, видна была громадная толпа народа, запрудившего площадь около Александровского сада в том месте, где пали жертвы 9-го января. Тихое, величавое пение «вечная память» неслось по рядам толпы, начиналось в одной группе, перекидывалось дальше, опять возвращалось. Все стояли без шапок. Минута была торжественная и печальная» («Наша жизнь», 1905, № 310, 22 октября).

[6] 18 октября на митинге в университете ораторы выступали с требованием демократической республики («Новое время», 1905, № 10 638, 22 октября). Это же требование прозвучало на митинге у Казанского собора («Русские ведомости», 1905, № 274, 19 октября).

48. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Петербург.› 17.XII ‹1›905

Дорогой Валерий,

Пишу наскоро: ждет посланец, принесший твое письмо. Ответ должен быть дан тотчас, так как сегодня же уезжает в Москву то лицо, посредству которого я обязан твоим письмом. Приветствую счастливую «оказию» и благодарю тебя от души за то, что ты ею воспользовался, чтобы послать мне несколько строк, которыми я счастлив. Ведь, разумеется, я все время думал о тебе, болел за тебя особенно, как и за Бальмонта... Но буду краток. Белый еще здесь [1]. «Вопросы жизни», быть может, возродятся — в марте [2]. «Факелы» становятся реальностью. Начинается работа [3]. О «Весах» Белый повествовал, что «подписал» какую-то «бумажку», но толково не умел передать ее содержания, Усвоил, однако, что подписавшиеся обязуются отдавать все, ими написанное, редакции «Весов» и получают право печатать в других изданиях все, чем редакция «Весов» — не дорожит [4]. Не понимаю, как мог Бальмонт согласиться на такое предложение! Для меня подобная дистилляция моих писаний неприемлема. Я мог говорить с Михаилом Николаевичем о «монополизации» нашего творчества «Весами» (подразумеваю, относительной и ограниченной монополизации) лишь на базе полной независимости и свободы поэтов, долженствующих объединиться в «Весах» [5]. Если мы не можем печатать в нашем органе все, что хотим и сколько хотим, то орган не наш. Это принципиальная база. Далее, нужно материальное обеспечение и широкая свобода участия в любом органе печати, ограниченная нами самими (разумею писателей) автономным нашим решением, которое будет продиктовано нам чувством такта и приверженности к родному, своему органу. Итак, «конституции», о которой ты пишешь, я — как ты и предвидел — не приемлю. В «Золотом руне» стал бы участвовать *во всяком случае*, как уже и *обещал наверное* С. А. Грифу и Тароватому [6]. Присоединится ли Белый к обновленным «Весам» на этих условиях окончательно, не знаю. Действительность подписи Бальмонта, о которой говорил Белый, быть может, по недоразумению,— мне кажется очень сомнительной... Боюсь, однако, что просто, по бестолковости своей, *не понял* условий: до такой степени предложение является мне невероятным. 4 сотрудника-поэта делят между собой 300 рублей и не смеют ничего более зарабатывать (разве случайно — слабейшими из своих писаний), притом они подвергаются чьей-то верховной цензуре! Курьезный аппарат для снимания сливок с подойников Музы!

Привет вам, дорогие, от меня и от Лидии Дмитриевны. Кланяйся тем, кто меня помнит. Обнимаю тебя горячо. Поздравляю с «Венком» [7]. Ухитрись писать мне.

Очень твой Вячеслав

Не может ли мне Михаил Николаевич, которого сердечно приветствую, написать два слова о деньгах и других делах?

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

[1] А. Белый вернулся из Петербурга в Москву только около 27 декабря 1905 г.

[2] «Вопросы жизни», прекратившиеся на декабрьском номере 1905 г., больше не возобновлялись.

[3] Организатором альманаха «Факелы» (кн. I—III. СПб., 1906—1908) и официальным издателем его первой книги (вышла в апреле 1906 г.) был Чулков; Иванов принимал в альманахе участие и всячески поддерживал его. О полемике между ним и Брюсовым по поводу первой книги «Факелов» см. п. 50, 51, 53.

[4] О проекте реорганизации «Весов» и об отношении к нему А. Белого см. наст. том, стр. 280—282.

[5] По-видимому, эти разговоры велись зимой 1904—1905 гг., во время пребывания М. Н. Семенова в Женеве.

[6] «Золотое руно» — литературно-художественный журнал (М., 1906—1909; изд. Н. П. Рябушинский); к его созданию были привлечены С. А. Соколов (Гриф) и Н. Я. Тароватый. Вначале Иванов колебался, принять ли ему предложение участвовать в «Золотом руне» — 1 декабря 1905 г. он писал А. Белому: «... я послужил причиною личных твоих несогласий, и потому, когда пришли ко мне вчера С. А. Соколов и Н. Я. Тароватый с предложением сотрудничества в «Золотом руне» и при этом сказали мне (в ответ на мой вопрос о твоем участии в новом журнале), что осложнения личного характера делают для редакции невозможным обратиться к тебе с приглашением сотрудничать, но что ты в глазах их, твоих почитателей, являешься одним из самых желанных сотрудников, — мне было трудно согласиться на предложение, ими ко мне обращенное, при условии твоего неучастия в «Золотом руне», — несмотря на все мое желание дать свое имя и помещать там свои писания. Ибо «Золотое руно» прежде всего не «Искусство», а совершенно независимое от последнего предприятие, и притом предприятие, долженствующее объединить все наши литературные силы и могущее занять в области новой поэзии и нового искусства центральное место <...> Только предложение с твоей стороны сделает возможным наше (обоих) участие в «Золотом руне» (ГБЛ, ф. 25.16.2). Вероятно, Белый последовал совету Иванова, так как оба писателя стали сотрудниками «Золотого руна». О «личных несогласиях» Белого с С. А. Соколовым см. п. 43, примеч. 9.

[7] Сборник «Stephanos» вышел во второй половине декабря 1905 г.

49. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

<Петербург.> 12 янв<аря 1>906

Дорогой Валерий,

Знаешь ли ты, как это знаю я,— что ты воздвиг нашей дружбе памятник «вечнее меди прочной» [1]? Слова благодарности здесь немы. Говорить о моей любви к тебе также не нужно,— да и горько, раз нельзя воплотить ее в жизни и возможно явить только в иероглифах. Но как хотел бы я быть достойным другом тебе! Такое обязательство становится творческою силой: человек делается excelsior *.

Не могу оторваться от «Венка», который ты сплел из такого изобилия, что у тебя достало цветов — или священного плюща,— чтобы увенчать и меня. И не удивительно, что не могу оторваться от твоей книги: она одна из совершенных, о которых сказано «nocturna versate manu, versate diurna...» [2]. Кажется, мне не нравится в ней одна только строчка (последняя на 82 странице: «понял — мы в раю»,— да еще разве «пылающий металл») [3]. Невелика твоя книга, но какой царственный пир! Является мне ряд лирических характеристик; то, что прилагаю,— случайно, и не исчерпывает моих

* возвышеннее (*лат.*).

впечатлений. Решительной антитезы к «Urbi et Orbi» «Stephanos» не составляет, это еще одна большая эпоха, и мой сонет преувеличивает противоположность, в поисках за нюансом разницы [4]. Повторяю, это не такая характеристика, какая нужна; но разница в строе лиры все же есть, и объясняется она не одною твоей многострунностью, не одним только поворотом от Рима к Элладе. Есть успокоенность полдня. Я буду писать о «Венке» еще; теперь же скажу, по поводу новых стихотворений, что «Повседневность» гениально набросана [5], что люблю безмерно «Целение», люблю и «Олимпийцам», что равно превосходны «Духи огня» и «Слава толпе». Как хотел бы я, чтобы ты был возле...

Твой моею лучшею душой В я ч е с л а в

Иоанне Матвеевне пишу; приветствую ее с новым годом и поздравляю с «Венком».

Написано по получении сборника «Stephanos», посвященного «Вячеславу Иванову поэту, мыслителю, другу».

[1] Первая строка оды Горация («Exegi monumentum aere perennius...») в переводе Фета.

[2] «Листайте ночною рукой, листайте дневною» — строка из послания Горация «О поэтическом искусстве» («De arte poetica», 269).

[3] Строки из стихотворений «Два голоса» и «Прощание».

[4] К письму был приложен сонет Иванова «Stephanos» («Cor Ardens», ч. I), тема которого — противопоставление двух поэтических книг Брюсова; на одном листе с ним — стихотворение, в печати не появлявшееся (ГБЛ, ф. 386.7.9, л. 21—22):

«Надпись под «Венок»

τον συνεστεφανωμένου ὑπογραφή *

Сам он имя мое начертал на этом базальте:
Памятник славы его — память векам обо мне.
К черной скале Чародея *вы*, *верные челны*, *причальте*!
Здесь он в бессмертье глядел, к темной склонясь глубине...
Но забвеньем о мне сплетенных теней не печальте,—
Кто ему в очи глядел, к темной клонясь глубине!

Январь 1906».

[5] «Повседневность» — цикл из 12 стихотворений, большая часть которых впервые опубликована в *St*, также как и стихи, о которых говорится далее.

50. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

⟨Москва.⟩ 19 мая 1906

Дорогой Вячеслав!

Твой ответ Аврелию мною получен и, конечно, будет напечатан в «Весах» [1]. Но в каком №, в 6 или 7, еще не могу сказать тебе определенно. Ты понимаешь, что тотчас за выходом майской книжки была выработана программа июньской. Изменить ее не легко, придется вынуть статью одного из тех, кому уже обещано ее помещение. К тому же большая часть ⟨июнь⟩ской книжки уже набрана, а часть и напечатана. Несмотря на это, может быть, удастся втиснуть «О факельщиках etc.» еще в № 6, но корректур в этом случае не требуй: не успеем. Если же статья пойдет в № 7, корректуры будут тебе высланы заблаговременно.

Никакого редакционного примечания к твоей статье не будет, и возражать на нее Аврелий не будет. Но здесь, в частном письме, скажу тебе, что ты прав только *формально*. Совершенно справедливо, многого из того, о чем говорит Аврелий, нельзя вывести из «Факелов». Но он вынес это из личных бесед с тобой и с Георгием Ивановичем. «Факелы» имеют притя-

* Соувенчанного надписание (*греч.*).

АЛЬМАНАХ «ФАКЕЛЫ»
Книга первая. СПб., 1906
Обложка (по рисунку Е.Е. Лансере)

зание быть новой литературной *школой* (слово «течение» поставлено Аврелием только затем, чтобы смягчить неожиданный вывод) [2]. «Факелы» противополагают себя декадентству и символизму. Все это бесспорно — для меня. А если декаденты, в том числе Валерий Брюсов, участвуют в «Факелах» [3], не принеся публичного покаяния, то ведь не так уж много мест у декадентов, и в том числе у Валерия Брюсова, где они могут печатать свои стихи. А если направление «Факелов» враждебно Валерию Брюсову, то многие из участников альманаха ему любезны и дороги: он любит тебя, дружески расположен к Георгию Ивановичу, очень, очень, очень чтит Блока, А. Белого и т. д. и т. д. Почему же ему не участвовать в «Факелах» тем, что их редакция считает для себя приемлемым? Не вижу причин. Другое дело, если бы надлежало выбирать, где печатать свои стихи, в «Весах» или в «Факелах»: он предпочел бы «Весы». Но у него нашлось бы стихов и для «Весов» и для «Факелов». Все это рассуждения теоретические, ибо после моей статьи «Факелы» очевидно меня не пожелают больше

Неоконченный черновой автограф. Окончательный текст письма неизвестен.

[1] В статье «Вехи». IV. «Факелы» («Весы», 1906, № 5; подпись: Аврелий) Брюсов выступил с критикой «мистического анархизма», который заявил о себе в первом выпуске альманаха «Факелы» (см. п. 48, примеч. 3). Иванов возражал ему статьей «О «факельщиках» и других именах собирательных. По поводу статьи Аврелия» («Весы», 1906, № 6).

[2] Брюсов писал: «Итак, — перед нами новое течение в литературе, до известной степени новая «литературная школа» («Весы», 1906, № 5, стр. 54).

[3] Брюсов опубликовал в первой книге «Факелов» два стихотворения под общим названием «Близким» («Нет, я не ваш! Мне чужды цели ваши...» и «Нам руки свободные свяжут...»), не включенные в собственные сборники; в последующих выпусках альманаха он не участвовал (см. об этом: *Чулков*, стр. 342—344).

51. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Петербург. 3 июня 1906 г.›

Дорогой Валерий,

Благодарю тебя, «верный друг моей поэзии» (ведь не *только*, однако, поэзии??), за твою книгу [1]. Я только что получил ее. Радуюсь твоему новому трофею.— Кстати о Верхарне — я забыл тебе сказать, что «Свиньи», по моему,— chef d'oeuvre и что «Адская почта» была в великой горести при вести о появлении томика, потому что «Женщина на перекрестке» от них ушла! [2]

Относительно «Cor Ardens», я был бы рад, если бы книга имела целиком внешность «Stephanos»'а [3]. Так как и Верхарн издан аналогично, я думаю, что это мое заявление значительно упрощает решение вопроса о формате, шрифте и т. д. Что касается шрифта, то как ни лежит мое сердце в последнее время к крупным шрифтам для стихов (даже корпусу, как в «Сочинениях» Бальмонта), тем не менее красивее всего будет эльзевир со шпонами — т. е. именно точное воспроизведение «Stephanos'а». Думал я еще, как тебе и говорил, о малом формате и т. д. по образцу «Кормчих звезд»; но это были бы поиски за неизвестным. Да и более *сообщительной* будет казаться книга в формате ваших последних томов. Издание «Stephanos'а» я считаю совершенно красивым. Что же до обложки (по-моему, лучше всего—простой, с красным COR ARDENS), об этом еще, может быть, сговоримся потом [4]. Я вышлю в скорейшем времени текст, начиная с 1-го отдела. Как заглавный лист, так и лист посвящения можно напечатать после. Я не нашел еще окончательной редакции латинских строк [5].

Ты пишешь, что прав я в своей полемике только формально. Но, Валерий, из разговоров *со мной* ты не мог вынести впечатления, что факельщики выдают себя за литературную школу,— ибо я никогда так не мыслил и теперь не мыслю. Подумай, какая же тут новая литературная школа, если мы смешиваемся в одной кучке с реалистами [6]. И разве я-то стал иной, чем прежде, как стихотворец, в «Факелах»? И не символизм ли все мое, по крайней мере, в «Факелах»? Поистине, я semper idem *, хотя, конечно, в силу закона πάντα ῥεῖ ** и самоутверждения моей жизненности, κἀγω ῥέω ***. Повторяю, что «мистический анархизм» — символизм, пронизанный лучом соборности [7]. Впрочем, самоопределение «мистического анархизма» скажется теоретически в книжке статей Г. Чулкова с моею основательной «вступительной статьей» к ней, которая печатается [8].— О Пояркове позволь написать в «Весы» на днях [9]. Мне жаль, что все еще не приготовил свою статью «Эллинство, варварство и мы», где буду говорить о «Stephanos»'е [10].

Обнимаю тебя. Твой В я ч.

Г. И. Чулков просил меня оговорить, что он не противополагал мистического анархизма «жалкому» декадентству» как течению, обнимающему и нашу с тобой деятельность, но «лжедекадентству» Вашкевича etc. Загляни в «Вопросы жизни» сам (№ 9) [11].

Ответ на п. 50. Датируется на основании пометы Брюсова на автографе: «19.3.VI. 06».

[1] Эмиль В е р х а р н. Стихи о современности в переводе Валерия Брюсова (М., «Скорпион», 1906). 3 июня 1906 г. Иванов записал в дневнике: «Я получил от Валерия его «Верхарна», — с подписью «Вяч. Иванову от друга его поэзии». Холодность?» (ГБЛ, ф. 109).

[2] Перевод сонета Верхарна «Свиньи» впервые опубликован в журнале «Адская почта» (1906, № 1 — см. наст. том, стр. 562). Чулков, близко стоявший к редакции

* всегда тот же (*лат.*).
** все течет (*греч.*).
*** и я теку (*греч.*).

этого журнала, писал Брюсову о втором переводе: «Как жаль, что «Адская почта» не успела напечатать вашего перевода из Верхарна!» (ГБЛ, ф. 386.107. 47, л. 7об.).

[3] См. п. 39, примеч 4.

[4] О взглядах Иванова на принципы оформления его книг см.: Н. В. К о т р е л е в. Писатель и искусство книги. (По неизданной переписке авторов издательства «Скорпион»). — «Вторая всесоюзная научная конференция по проблемам книговедения. Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела. Секция искусства книги. Тезисы докладов». М., 1974, стр. 41—44.

[5] См. п. 57, примеч. 6.

[6] В первом выпуске «Факелов» участвовали не только писатели-символисты (Белый, Блок, Брюсов, Иванов, Сологуб, Чулков), но и писатели-знаньевцы (Л. Андреев, Бунин).

[7] Этой фразой Иванов резюмирует главную мысль своей статьи «О «факельщиках» и других ...» («Весы», 1906, № 6, стр. 55).

[8] Книгу Чулкова «О мистическом анархизме» (СПб., «Факелы», 1906) открывает вступительная статья Иванова «Идея неприятия мира и мистический анархизм». Брюсов откликнулся на книгу полемической статьей «Вехи. V. Мистические анархисты» («Весы», 1906, № 8; подпись: «Аврелий»).

[9] Николай Ефимович *Поярков* (1877—1918) — писатель символистского круга. Иванов написал рецензию на его первую книгу стихов «Солнечные песни» (М., 1906).— «Весы», 1906, № 7.

[10] «О твоем «Венке» буду писать в общей связи статьи «Эллинство, варварство и мы», которую задумал и надеюсь вскоре написать и выслать»,— писал Иванов Брюсову в феврале 1906 г. Замысел этой статьи был реализован через год («О веселом ремесле и умном веселии». — «Золотое руно», 1907, № 5). Однако от мысли включить в нее разбор книги Брюсова Иванов отказался.

[11] Иванов ссылался на статью «Театр-студия» («Вопросы жизни», 1905, № 9), в которой Чулков критиковал предпринятую Н. Н. Вашкевичем попытку создания нового театра (см. п. 45, примеч. 4).

52. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

‹Висби. Начало июля 1906 г.›

Дорогой Вячеслав!

Пишу тебе из маленького, скудного, современного Висби, для которого слишком велики гигантские стены старого, ганзейского, средневекового города. Из моего окна видно безбережное море; с балкона — развалины разоренных в XIV в. датчанами храмов[1]. Ничего не делаю и ничего не собираюсь делать. Учусь отдыхать. Не читаю никаких газет. Лепечу по-шведски[2]. Очень хотел бы получить весть от тебя и обещаюсь писать.

Твой Валерий

Адрес: Sverige, Gotland, Wisby, Stadshotellet, 83, Valery Brusoff.

Датируется по содержанию: Брюсов приехал в Висби в начале июля 1906 г. (см. п. к Г. Бахману от 4 июля 1906 г.— *Собр. соч.*, т. 1, стр. 640).

Письму предшествует стихотворение «На Мэларе» (*Пути и перепутья*, т. III).

[1] Висби — город на шведском острове Готланд, в средние века — крупный торговый центр. В 1361 г. разорен войсками датчан. Ср. стихотворение «Висби» (*Пути и перепутья*, т. III).

[2] Ср.: *Дневники*, стр. 137.

53. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

‹Москва.› 17 окт‹ября› 1906.

Дорогой Вячеслав!

Наша литературная полемика, явная и скрытая, последнего времени, как-то разлучила нас с тобой. Вполне понимаю, что иные строки моих статей могли возбудить твое, скажем, неудовольствие. Но мне хотелось бы, чтобы и ты понял меня. В проповеди, затеянной тобой с Георгием Ивановичем[1], мне видится нечто глубоко гибельное для того движения в литературе, которому я служу. В одной полемической статье ты восклицал: «Ибо ведь не тенденциозность же я защищаю!»[2] Увы, мне кажется, что

именно тенденциозность,— и я готов нападать на тебя с той же яростью, как когда-то на критиков школы Михайловского. Я прямо вменяю себе в долг всеми средствами, вплоть до насмешки, бороться с «мистическим анархизмом» и твоим «неприятием мира».

Все это я пишу тебе по поводу, совершенно не относящемуся к нашим отношениям. Сколько мне известно, В. Пестовский в Петербурге. Ты его, вероятно, видаешь. Я его адреса не знаю. В № 10 «Весов» я включил три его стихотворения: «Ввечеру по покосу» (озаглавленное *мною* «Эльфы»), «До сих пор» и «Призыв». Хотя в последнем письме он и давал мне право свободно распоряжаться его стихами, но, памятуя мюнхенский случай, я очень хотел бы известить его о своем выборе. Если тебе это не трудно, сделай это от моего имени. В крайнем случае, если неудобно, не откажи сообщить мне адрес Пестовского [3].

Твой Валерий Брюсов

P. S. На будущей неделе буду на один или на два дня в Петербурге. Может быть, увижу тебя мельком? Можно?

[1] См. п. 50, примеч. 1 и п. 51, примеч. 8.

[2] Иванов писал: «Но художники, не изменяя себе, могут группироваться и группировать свои творения по иному принципу — по принципу не формы, а содержания. Конечно, не как «передвижники», потому что не тенденциозность же я защищаю!» («О «факельщиках»...» — «Весы», 1906, № 6, стр. 54).

[3] Владимир Алексеевич *Омельянович-Павленко-Пестовский* (псевд.— Вл. Пяст, 1886—1940) — поэт символистского круга. 13 мая 1906 г. писал Брюсову из Мюнхена, требуя остановить печатание своих стихов в «Весах», так как Брюсов якобы «присвоил себе» найденные им рифмы. На объяснительное письмо Брюсова ответил 11 июля 1906 г.: «Не могу вполне припомнить содержание своего письма (оно было мною написано в бреду и донести его до почтового ящика мне не было силы). Знаю только, что никаких причин не имею и не имел не печатать стихотворения «До сих пор!» в «Весах». Приношу свои искренние извинения; присоединяюсь к вашему любезному предложению считать письмо не бывшим...» (ГБЛ, ф. 386, 99.49). 19 октября 1906 г. он писал Брюсову, что согласен на публикацию отобранных им стихов (там же).

54. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

<Москва.> 1906. декабрь 24

Дорогой Вячеслав!

Привет и поздравления. Не напишешь ли ты для «Весов» о книге Бердяева ?[1] Знаешь сам, что больше, кроме тебя, некому. Прости опечатки в «Орах». Ты прислал объявление поздно, и оно печаталось без корректуры [2]. Благодарю Сергея Митрофановича за «Ярь» [3]. Пишу ему отдельно. Книга очень интересная. Дам ее разбор в феврале «Весов»,— хотелось бы вместе с «Эросом» [4]. Письмо бросает, проездом через Петербург, Надежда Яковлевна.

Твой Валерий

P. S. А может быть напишешь и о Толстом — Шекспире? [5]

[1] Николай Бердяев. Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные (1900—1906 гг.). СПб., изд. М. В. Пирожкова. 1907. Проявив живой интерес к предложению Брюсова (см. п. 55 и 57), Иванов, однако, рецензии не написал. Никакого отклика на книгу Бердяева в «Весах» не появилось.

[2] В объявлении о книгах изд-ва «Оры», возглавляемого Ивановым, были допущены опечатки в названиях книг А. М. Ремизова и Иванова («Весы», 1906, № 12, стр. 100).

[3] Первый сборник С. М. Городецкого («Ярь. Стихи лирические и лироэпические». СПб., изд. «Кружка молодых», 1907) сохранился в библиотеке Брюсова (ГБЛ, ф. 386).

[4] Сб. стихов Иванова «Эрос» (СПб., 1907) — первая книга, выпущенная изд-вом «Оры». Отзыв о нем и о сб. «Ярь» Брюсов дал в обзоре «Новые сборники стихов» («Весы», 1907, № 2).

[5] Рецензию на статью Л. Н. Толстого «О Шекспире и о драме» («Русское слово» 1906, № 277—282 и 285, 12—18 и 23 ноября) Иванов не написал. «Весы» поместили обзор ответов французских литераторов на анкету газеты «Les Lettres» по поводу воззрений Толстого на Шекспира (1907, № 3, стр. 99).

55. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Петербург.› 9.I.1907

Дорогой Валерий,

Прости молчание. Прими мою благодарность за присылку «Оси земной» [1]. Об ней — все еще потóм. Многое увидел и понял. Сегодня пишу только два слова. Посылаю «Эрос» [2]. Сегодня лишь он появился в свет. Брошюровщик подвел. Я тебе горячо благодарен за все доброе отношение к «Орам». Впечатление от нашего последнего свидания было самое светлое. Твой образ, каким он предстал мне в Москве, глубоко запечатлелся в моей душе.

Едет в Москву Юрий Верховский — показать тебе свой составленный сборник [3]. При составлении его он пользовался моими советами. Желаю ему доброго успеха в «Скорпионе». Ясно вижу в этой будущей книге индивидуальность поэта, ибо он, конечно, поэт и имеет индивидуальность. «Тени ночные» правильнее, быть может, было бы назвать «Полутенями» [4]. Как poète des pénombres *, он играет на полутонах и ассонансах. Здесь и преимущественная заслуга его в области техники. Притом, несомненно, истинный лирик. Много поисков, много и обретений; значительное разнообразие,— но настоящее мастерство еще далеко не везде, и почти везде какая-то вялость и (подчас приятная!) бледность, зато истинная, хоть и несколько флегматическая лирика. И если бы нужно было составить томик его carmina selecta **, это был бы превосходный томик. Но чтобы раскрыться ему в его многообразии и как он того заслуживает, необходимо, по-моему, дать не менее полсотни его лирических вещей и, *кроме* того, его подражания, среди которых есть и перлы, как «Романсы о Вилламедьяне» [5]. Представить его *так* — по силам «Скорпиону» и задача необходимая с точки зрения историка литературы.

Быть может, я буду читать здесь цикл лекций (5—6) о символизме в русской поэзии (считая его родоначальником Тютчева) в здешней Русско-американской High-School, где я обещал курс [6].

«Iris in Iris» скоро вышлю. Сомов уже набросал предварительный эскиз обложки [7]. Поручение рецензировать книгу Бердяева встретилось с моим намерением. Пожалуйста, подождите моей статьи.

Стихов новых и хороших для января нет.

Буду прилежен. Обнимаю тебя. Твой В я ч е с л а в

Лидия Дмитриевна уже дома, хотя и должна лежать [8]. Спасибо.

Получила ли контора «Скорпиона» 50 экземпляров «Эроса» для продажи?

[1] Первое изд. сб. «Земная ось» (М., «Скорпион», 1907) вышло в декабре 1906 г.

[2] См. илл. на стр. 496.

[3] Сборник Ю. Н. Верховского «Разные стихотворения» вышел в изд-ве «Скорпион» в 1908 г.

[4] Этот цикл стихов получил в сборнике название «Тени».

[5] «Романсы о графе Вилламедьяне» вошли в сб. «Разные стихотворения».

[6] Сведений о чтении этих лекций нет.

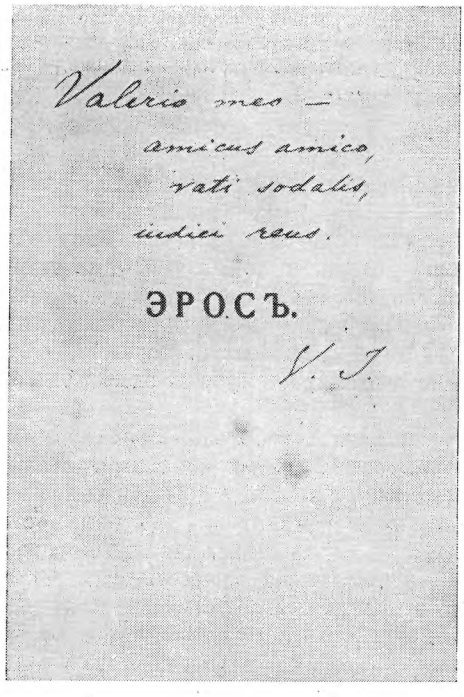
[7] «Iris in Iris» («Радуга в гневе») — предполагавшееся заглавие сборника «Cor Ardens». Упоминаемый эскиз обложки неизвестен.

[8] Л. Д. Зиновьева-Аннибал перенесла воспаление легких и лежала в больнице (см.: *Дешарт*, стр. 125—126).

---

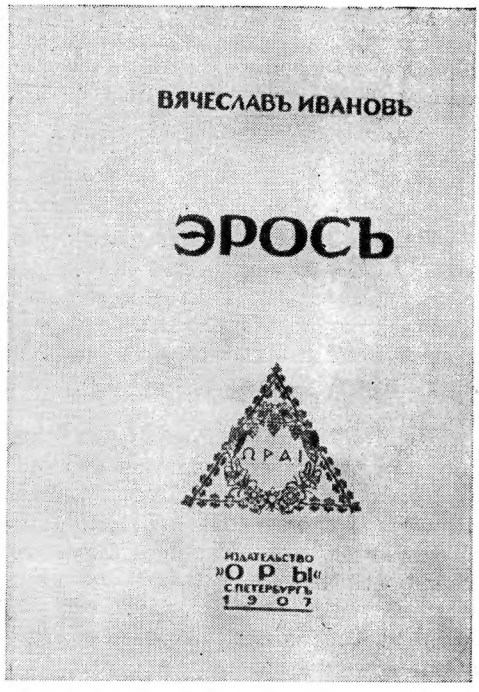
* поэт сумерек (*франц.*).

** избранных песен (*лат.*).


Valerio meo —
amicus amico,
vati sodalis,
iudici reus.

ЭРОСЪ.

V. I.


ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ

ЭРОСЪ

ΩΡΑΙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
»ОРЫ«
С.ПЕТЕРБУРГЪ
1907

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ. «ЭРОС». СПб., «ОРЫ»», 1907
С дарственной надписью: «Valerio meo — amicus amico, vati sodalis, iudici reus. V. I.»
(«Моему Валерию: другу — друг, поэту — товарищ, судье — ответчик В. И.»)
Обложка и шмуцтитул
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

56. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Петербург. Середина февраля — 26 февраля 1907 г.›

Дорогой Валерий, мне было горько узнать, что для помещения моих стихов в январе ты пожертвовал своими[1]; я бы, конечно, никак этого не хотел, но если это непоправимо случилось, мне остается только горячо благодарить тебя за это доказательство твоих чувств ко мне, которого я никогда не забуду.— Только что телеграфировал тебе о конфискации второго выпуска «Ор» — «Тридцати трех уродов» Зиновьевой-Аннибал — «вероятно (как телефонируют из типографии) по статье 1001 (обвинение в безнравственности?)» [2]. Надеюсь, что «Скорпион» получил свои 50 экземпляров на склад и спас часть издания.— Хотел известить тебя между прочим и о следующем: хоть и со свойственной мне медлительностию и опозданием, но письмо, протестующее против рецензии о Шинском, в «Перевал» я послал (именно с Чулковым) [3]. Гриф согласился его напечатать, хотя к январскому № оно уже опоздало и появится лишь в феврале. Таким образом, я остаюсь в числе сотрудников «Перевала».— Литературное событие дня — «Снежная маска» А. Блока, которая уже набирается в «Орах». Это два цикла стихов («Снега» и «Маска») — вместе 30 стихотворений [4]. Я придаю им величайшее значение. По-видимому, это апогей приближения нашей лирики к стихии музыки. Блок раскрывается здесь впервые вполне и притом по-новому, как поэт истинно дионисийских и демонических, глубоко оккультных переживаний. Звук, ритмика и ассо-

нансы пленительны. Упоительное, хмелевое движение. Хмель метели, нега Гафиза в снежном кружении, сладострастие вихревой влюбленной гибели.— Дивная тоска, и дивная певучая сила!

26.II.

Это было написано давно. Посылаю этот листок, чтобы доказать, что не так уж мало думаю о переписке с тобой, как кажется. Маша ⟨?⟩ [5] уезжает и писать не могу больше. Буду работать сколько хочешь и охотно. Целую.

Вячеслав

Напечатай об «Орах». Появятся очень скоро: «Трагический зверинец», «Снежная маска», «Тайга», «Лимонарь», «Перун», «По звездам», «Ad Rosam». Все под станком [6]. Но *больше* ничего за этот сезон.

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

[1] В первом номере «Весов» на 1907 г. помещено стихотворение Иванова «Veneris figurae» («Cor Ardens», ч. I; под названием «Узлы змеи»).

[2] Причиной цензурных гонений на повесть Л. Д. Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три урода» (СПб., «Оры», 1907) стала тема лесбийской любви. Арест вскоре был снят (см.: «Перевал», № 5, 1907, март, стр. 48). Телеграмма Иванова неизвестна.

[3] «Перевал» (М., ноябрь 1906— октябрь 1907) — литературный журнал, основанный С. А. Соколовым (Кречетовым), после того как летом 1906 г. он ушел из «Золотого руна», где заведовал литературным отделом. Причиной ухода было самодурство издателя журнала Н. П. Рябушинского; Соколов придал этому инциденту широкую огласку. В первом номере «Перевала» (вышел в ноябре 1906 г.) была напечатана издевательская рецензия А. И. Бачинского на книгу Рябушинского (псевд. «Н. Шинский») «Исповедь» (М., 1906), воспринятая читателями как месть со стороны Соколова. К обоим участникам скандала Иванов относился равно неприязненно и насмешливо (см. его письмо Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от 17 июля 1906 г.— ГБЛ, ф. 109). Основанием для протеста против выступления журнала, сотрудником которого он значился, послужило для Иванова заявление рецензента, что текст «Исповеди» был отшлифован лицом, не названным в издании (протест Иванова см.: «Перевал», 1907, № 4, февраль, стр. 72).

[4] Со стихами, вошедшими в сб. «Снежная маска» (СПб., «Оры», 1907), Иванов познакомился 12 января 1907 г., когда Блок читал их у себя на квартире. Другой слушатель, А. А. Кондратьев, сообщил 13 января С. А. Соколову оценку Иванова: «В них есть что-то дионисийское» (ГБЛ, ф. 499, 1.13); подробнее см.: С. Гречишкин, А. Лавров. Блок и «Перевал». (Эпизод из литературной жизни 900-х гг.).— «Материалы XXVII научной студенческой конференции. Литературоведение. Лингвистика». Тарту, 1972, стр. 65).

[5] Вероятно, М. М. Замятнина.

[6] Иванов просит напечатать объявление о книгах, намеченных к выпуску в изд-ве «Оры» на 1907 г.: Л. Зиновьева-Аннибал. Трагический зверинец. Рассказы (вышла летом 1907 г.); А. Блок. Снежная маска (вышла 8 апреля 1907 г.); Георгий Чулков. Тайга. Драма (вышла в мае 1907 г.); Алексей Ремизов. Лимонарь (Луг духовный) (вышла в феврале 1907 г.); Сергей Городецкий. Перун (вышла в сентябре 1907 г.); Вячеслав Иванов. По звездам. Статьи и афоризмы (вышла в 1909 г.). Сборник стихов Волошина «Ad Rosam» (в объявлении при книге «Трагический зверинец» именуется «Звезда-полынь») в «Орах» не вышел.

57. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

⟨Петербург.⟩ 1 июня ⟨1907 г.⟩

Дорогой Валерий, я привык верить, что долгие промежутки молчания не могут нарушить гармонии наших отношений, и немного избаловался твоей снисходительностью. Поэтому мне не хочется думать, что ты на меня сердишься, на что имел бы право. Ведь я еще не поблагодарил тебя за прекрасное «Одиночество» [1]. Прими же хоть и позднее, но сердечное спасибо всей моей дружбы — твоей дружбе ко мне и моим «Орам»... Что-то скажешь ты о «Цветнике»? [2] — Не сердись на меня также за большую неисправность в деле рецензий. Повторяю, что о книге Бердяева мне очень хочется написать, и притом так, чтобы эта рецензия могла войти в мою

книгу «По звездам» (это было бы желательно по «архитектурным» соображениям) [3]. Книга же выйдет только осенью; большая часть ее напечатана.— Далее желал бы я напечатать предварительно, т. е. до выпуска книги, в «Весах» антологию афоризмов философского, эстетического и пр. содержания под заглавием «Спорады» [4]. Вышлю их на днях. Но сможешь ли ты ответить мне на это письмо? Попадет ли оно скоро в твои руки? Ибо где ты — не ведаю. Я же во всем всегда опаздываю и пишу все это только теперь, увы.— Продолжаю о делах. Мне надоели здешние охи и ахи — восторженные — о «Жизни Человека», провозглашения, что это «событие» (Г. Чулков) и т. д.; а также хотелось бы противопоставить свое мнение о «событии» критическому обзору литературы, который пишет Блок в «Золотое руно» и где, по-видимому, будет дифирамб Л. Андрееву. Оттого очень желалось бы мне видеть прилагаемую заметку напечатанною в «Весах». Я надеюсь, что она не будет неудобной и при наличности другой рецензии [5].

Наконец, о своей книге стихов, тебе посвященной так:

Cor ardens cecini novo libello.
Hoc dictavi Valerio poëtae
Sanctae mnemosynon sodalitatis [6].

Не я виноват, а Сомов, что восстановляется прежнее заглавие «Cor Ardens», в противоречии с последними объявлениями. Я ведь предоставил художнику вдохновляться идеей «Сердца» или «Радуги» по своему выбору. Эскизы Сомова к «Iris in Iris» его не удовлетворили. Готовую обложку он, вероятно, уже выслал [7]. Рукопись моя почти готова, высылаю на днях. Повторяю, что мне был бы желателен гонорарный расчет с издательством.

Дела не позволяют выбраться из Петербурга в деревню. Между прочим, предисловие к «Цыганам» удерживает (для издания Венгерова) [8]. В июле поеду в деревню. А ты где и что с тобой? Правда ли, что Бальмонт в Испании? — Пожалуйста, покровительствуйте «Орам».

К осени хочу приготовить «Прометея», но кажется — не дам его «Факелам»,— оставлю «Орам». Надеемся осуществить вторую «Кошницу» [9].

В «Белых Ночах» я принимаю участие двумя стихотворениями, одно из которых, кажется, совпадает по теме с обложкой Добужинского, сделанной после написания стихов. Но я *не ответствен* за «Белые ночи» [10]. Целую тебя крепко.

Твой Вячеслав

[1] Стихотворение «Одиночество» (*Пути и перепутья*, т. III) впервые напечатано в альманахе «Цветник Ор. Кошница первая. Сборник лирический и драматический». СПб., «Оры», 1907.

[2] На «Цветник Ор» Брюсов в печати не отозвался; в «Весах» была напечатана рецензия А. Белого (см. п. 58, примеч. 3).

[3] В сборнике Иванова «По звездам. Статьи и афоризмы» (СПб., «Оры», 1909) нет прямых упоминаний о Н. А. Бердяеве и его книге «Sub specie aeternitatis» (см. примеч. 1 к п. 54).

[4] См. п. 65, примеч. 3.

[5] Драма Л. Андреева «Жизнь Человека» появилась в «Литературно-художественном альманахе» издательства «Шиповник» (кн. I. СПб., 1907). Блок разбирал ее в статье «О драме» («Золотое руно», 1907, № 7-8-9, стр. 129—131); автограф «заметки» Иванова сохранился в архиве Брюсова (ГБЛ, ф. 386.57.10):

«Опять о «богоборстве» Л. Андреева.

Л. Андреев продолжает «богоборствовать»,— quasi — в духе Иова. Мы говорим о безвкусной драматической поэме, или — если угодно — мистерии: «Жизнь Человека». Кто боится атеизма, того поэма эта утешит: ясно, что поэт никак не может разучиться вере в бога. Но кто возлагает надежды на правое богоборство человеческого духа,— если увлечется поэмой, потеряет всякое мужество. Но он и не увлечется ей. Ибо условие правого богоборства — вера не только в бога, но и в Человека. А этой последней веры

в поэме нет; нет в ней поэтому и Прометеева огня. «Жизнь Человека» — клевета не на одного бога (это было бы только хулою простительной в религиозном смысле и поправимой в смысле философском — при условии менее простодушного философствования),— но и клевета на Человека, т. е. как бы уже «хула на Духа». Кто Человека не знает (а ведь дело идет в поэме не о типе, а о синтетическом Человеке во всем диапазоне его человечества), тот не должен говорить от имени Человека. *Поэзия — совершенное знание Человека и знание мира через знание Человека.* Кто не знает Человека,— не поэт.

Поэма Л. Андреева — произведение по существу реакционное, хотя и может (в определенном взаимодействии интерпсихических сил) сыграть случайно роль революционную. Если заражение ею велико, велика душевная болезнь общества. Поэма утверждает в сердцах победу конечного *Nihil* и является одною из манифестаций новейшего *нигилистического романтизма*, которому, по-видимому, предстоит на некоторый срок овладеть умами. Отрицание благотворно для судеб человечества, если оно разлагает отжившие формы жизни и мысли; но разложение волевой монады — знак присутствия в нашей коллективной душе отрицательной стихии варварства, которая, в противоположность положительной (гениальной, или самопроизвольно, а не преемственно творческой) стихии варварства *, приводит в конечном счете к тому, что Мережковский называет «грядущим хамством». Здесь — неприятие мира из лености, и разрушение — из похоти к уничтожению».

«Заметка» не была напечатана, вероятно, потому, что «Весы» уже опубликовали предельно резкий отзыв З. Н. Гиппиус о драме Андреева, буквально совпадавший с оценкой Иванова («О «Шиповнике».— «Весы», 1907, № 5). Несколько позже осудил драму и Брюсов («Жизнь Человека» в Художественном театре» («Весы», 1908, № 1).

[6] «Пламенеющее сердце воспел я в новой книжице. //Оную посвятил Валерию поэту // В память святого братства» (*лат.*). После смерти Зиновьевой-Аннибал Иванов посвятил «Cor Ardens» ее памяти, Брюсову посвящена только вторая книга этого сборника («Speculum speculorum»); при этом от первоначального посвящения сохранилась лишь последняя строка.

[7] См. п. 51 и п. 55, примеч. 7.

[8] Статья Иванова «Цыганы» служит предисловием к поэме Пушкина в изд.: А. С. Пушкин. Сочинения. Ред. С. А. Венгерова, т. II. СПб., 1908.

[9] Второй выпуск «Цветника Ор» не осуществился. Трагедию «Прометей» Иванов завершил в 1915 г.

[10] «Белые ночи. Петербургский альманах». СПб., 1907; открывался стихотворением Иванова «Сфинксы над Невой». Один из петербургских сфинксов изображен на обложке (рис. М. В. Добужинского). В альманахе участвовали главным образом писатели, связанные с Ивановым: Блок, Верховский, Зиновьева-Аннибал, Кузмин.

58. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

Загорье, 23.VII.1907 г. [1]

Дорогой Валерий,

В спешке ** два слова. «Cor Ardens» высылаю [2]. Внешность как в «Stephanos»; шрифт как *стихотворения* в «Весах» в настоящее время.

№ 6 не получил. Очень прошу о высылке. Нужен он мне, между прочим, для выяснения моих отношений к «Весам». Я не знаю, до какой степени простирается их враждебность к литературным зачинаниям, с которыми связано мое имя [3]. Быть может, помимо № 6, поможешь мне и ты в выяснении этого вопроса формулировкою отношения «Весов» к моему сотрудничеству, которое могло бы фактически восстановиться, и к «Орам», содействие которым входило в твою программу. Я надеюсь, что ты не сочтешь этот запрос неестественным или несвоевременным и напишешь мне поскорее и об этом деле.

Вопрос о издании «Cor Ardens» я, разумеется, совершенно изолирую от вопроса о моем сотрудничестве в «Весах». Если же это не так, предупреди. Твой Вячеслав.

Само собою разумеется, что полемика *философская* против мистического анархизма никоим образом не свидетельствует о «враждебности». Иное дело — инвективы и инсинуации личного характера.

---

* Об ней я пишу в статье «О веселом ремесле и умном веселии», в одном из ближайших №№ «Золотого руна» (*примеч. Иванова*).

** телега ждет (*примеч. Иванова*).

[1] Лето и осень 1907 г. Ивановы проводили в имении Загорье, неподалеку от местечка Любавичи Могилевской губернии.

[2] Была выслана только первая часть сборника (см. письмо Иванова от 20 сентября 1907 г.).

[3] Шестой номер «Весов» за 1907 г. содержал ряд полемических выступлений против «литературных зачинаний», связанных с именем Иванова: Белый резко осуждал «Цветник Ор»; Эллис — вторую книгу «Факелов» (ст. «Пантеон современной пошлости»); З. Н. Гиппиус выступила против петербургских литераторов — «Мы и они». Особенно беспощадной была рецензия А. Белого: положительно отозвавшись об отдельных участниках «Цветника Ор» (Брюсове, Кузмине, Городецком), он язвительно охарактеризовал альманах в целом как «яркие, ароматные цветы, утопающие в крапиве» (стр. 67). Стихи самого Иванова (цикл сонетов «Золотые завесы») получили уничтожающую характеристику: «Сложная иерархия великолепий для выражения простых понятий и образов, или даже просто ни для чего» (стр. 68); здесь же Белый высмеивает поэтический стиль Иванова, пародируя образы некоторых его сонетов (стр. 66—67).

59. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

‹Москва. Конец июля 1907 г.›

Дорогой Вячеслав!

Силою обстоятельств письма наши стали исключительно деловыми,— не сердись на это, ибо вина, кажется, не моя.

Ты просишь меня определить отношения «Весов» к тебе. Но отношения эти *никогда* не менялись. «Весы», если можно говорить об этом отвлеченном или собирательном понятии, *всегда* чтили в тебе большого поэта и большого писателя и потому всегда дорожили твоим участием. Напротив, это твое отношение к «Весам» переменилось, ибо за последние полтора года ты им не дал ничего, кроме небольшого стихотворения [1], тогда как в те же месяцы в «Руне», в «Цветнике Ор», в «Белых ночах» и «инде» — печатал и стихи и статьи [2].

Что касается лично моего отношения к тебе, то три наши последние встречи как-то позволяли мне надеяться, что мы понимаем нашу близость, чувствуем ее, наперекор некоторым внешним разобщающим нас силам. А мое отношение к тебе как к *поэту* выразилось в моей рецензии на «Эрос», где я прямо отказался судить тебя, признав тебя в числе тех, кто выше суда своих современников [3]. И поскольку мое влияние простирается на «Весы», постольку я отстаиваю в них это мнение и постольку я всегда готов и рад тебе содействовать.

Но ты укажешь мне на враждебные статьи «Весов» против тебя и «литературных зачинаний, с которыми связано твое имя» (только не «инсинуации личного характера»: таких в «Весах» не было и не может быть). Во-первых, отвечу я, ты сам сделал ошибку, связав свое имя столь тесно с именем Георгия Чулкова. Нам, живущим в Москве, простительно было не сразу понять его и из сострадания относиться к нему снисходительнее, нежели он того заслуживал. Но ты, встречаясь с ним часто, должен был понять сразу то, что теперь стало ясно для всех,— что это не только бездарность (как я всегда утверждал), но еще шарлатан, рекламист и аферист. Я надеюсь, что после наглой выходки Чулкова в последнем № «Mercure de France» [4] ты порвешь всякие сношения с этим господином. Чулков получал в «Весах» то, что он заслуживал, но, к сожалению, говоря об нем, приходилось часто упоминать и тебя. Во-вторых же, я не считал себя вправе стеснять свободу мнений близких и постоянных сотрудников «Весов». За последний год всю журнальную, повседневную (ты знаешь сам, не легкую) работу в «Весах» несли преимущественно Андрей Белый, З. Н. Гиппиус и Эллис. Справедливо было, чтобы они за то имели право на страницах «Весов» высказывать *свои* суждения. И, конечно, я не вычеркивал из их статей тех строк, где они нападали на тебя лично, находя такое-то твое стихотворение неудачным или такую-то статью слабой [5],—

или на близких тебе лиц, осуждая Блока или отрицая, что произведения Лидии Дмитриевны суть художественные произведения [6].

Ты говоришь, что допускаешь «философскую критику» мистического анархизма, но таковой быть не может. Мистический анархизм по моему глубокому убеждению не существует, ибо это нестройный агрегат разных утверждений, увы, слишком часто (в статьях Чулкова, например) отзывающих плагиатом. Я уже писал тебе, что против мистического анархизма есть только одно оружие: насмешка, и «Весы» будут именно так относиться к нему, если т⟨олько⟩ не предпочтут молчать. Твою же близость к этому «зачинанию» я не умею объяснить ничем, кроме большого недоразумения, и, читая твои статьи, всегда легко отделяю истину от случайного. Я очень ценю и читал с большим наслаждением твою новую статью в «Золотом руне», но вынимая из нее пять-шесть строк «мистически-анархистских», совершенно не идущих к делу[7].

Рукопись «Cor Ardens» мы еще не получили. Разумеется, вопрос о ее издании стоит особняком от вопроса о твоем отношении к «Весам» *потому, что издание «Cor Ardens» решено.* Но я думаю, что и ты не разделяешь «Весов» от «Скорпиона», ибо это не два отдельных предприятия, а одно дело, одна душа, одни и те же люди.

Всегда твой В а л е р и й

P. S. № 6 «Весов» послан тебе дважды: в Петербург и в деревню. Теперь пошлем в 3-й раз.

Ответ на п. 58. Черновой автограф. Текст письма, отправленный Иванову, неизвестен. Датируется по упоминанию о статьях, появившихся в печати в июле 1907 г.

[1] См. п. 56, примеч. 1.

[2] В первой половине 1907 г. Иванов опубликовал в «Золотом руне» статью «О веселом ремесле и умном веселии» (№ 5) и несколько стихотворений; в альманахе «Цветник Ор» — цикл сонетов «Золотые завесы» и стихотворение «Оры, щедрые Оры...»; в альманахе «Белые ночи» — два стихотворения.

[3] См. п. 54, примеч. 4.

[4] 16 июля 1907 г. парижский журнал «Mercure de France» (№ 242) поместил в разделе «Lettres russes» («Русские письма») статью «Le Mysticisme anarchique» («Анархический мистицизм»). Автор ее, Евгений Петрович *Семенов* (Соломон Моисеевич Коган, 1861?—1944), пытался охарактеризовать «мистический анархизм» (сторонниками его названы Иванов, Блок, Городецкий и Чулков), а также определить его место среди различных направлений русского символизма. Семенов указал, что источником его статьи послужила беседа с Чулковым. Статья вызвала возмущение в кругу русских символистов в силу ее некомпетентности и ряда фактических неточностей (см. *Переписка*, стр. 212). Иванов отозвался на нее протестующим письмом в редакцию, напечатанным в газете «Товарищ»: «Сообщение г. Е. Семенова, со слов моего товарища Г. И. Чулкова, о «мистическом анархизме» ⟨...⟩ отнюдь не соответствует моему пониманию «мистического анархизма» ⟨...⟩ Этот вынужденный протест ничего не изменяет в моих общих симпатиях к личности и общественно-философским исканиям Г. И. Чулкова» (1907, № 379, 23 сентября). Вдохновитель статьи, Чулков также заявил о «принципиальной ошибке» ее автора, не отличающего мировоззрение писателя от его художественных приемов (там же). Возражая против статьи Семенова, от «мистического анархизма» отмежевался Блок («Весы», 1907, № 8, стр. 81; ср.: *Переписка*, стр. 195—196, 204—205, 212, 214—215).

[5] См. п. 58, примеч. 3.

[6] Отрицательный отзыв о книгах Л. Д. Зиновьевой-Аннибал содержится в статье З. Н. Гиппиус «Братская могила» («Весы», 1907, № 7).

[7] Статью «О веселом ремесле и умном веселии»—см. выше, примеч. 2.

60. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

⟨Загорье⟩, 4 авг⟨уста⟩ 1907

Дорогой Валерий! Решительно пора мне написать тебе, как следует,— т. е. достаточно много с одной стороны, с другой — в тоне большей, чем в коротких и деловых письмах, непринужденности и открытости. И хотя все, о чем хочу писать, будет иметь прямое отношение к нашим «деловым»

темам, тем не менее самая непринужденность и, быть может, разговорчивость этого письма дает, мне по крайней мере, впечатление устного разговора. Я ненавижу суррогаты, но теперь слишком стосковался по личному общению с тобой и очень в нем нуждаюсь. Итак, буду говорить с дружескою доверчивостью и прямотой (за которую ты, я надеюсь, не рассердишься на меня, единственного, быть может, твоего друга в неложном смысле) — отправлюсь от наших текущих злоб дня и контроверз. Твое подробное письмо, за написание которого я тебе благодарен, дает мне вехи; и, кроме того, истинное дружеское чувство, каким всегда проникнуты твои редкие и — пусть даже подчас враждующие — строки, создает надежную почву для той откровенности, какая мне кажется в данном случае уместной и нужной.

Мы имеем на очереди тему: «Весы». Я скажу тебе, не обинуясь, как я смотрю на них в настоящее время. В деловом отношении ты можешь с этим мнением совершенно не считаться; про себя ты признаешь или не признаешь правду в моих словах. «Весы» тебя внутренно не интересуют. Они для тебя средство и орудие внешних воздействий и влияний на литературу и особенно на биржу литературных ценностей дня. Они придают твоему положению в литературе бóльшую независимость, упрочивают его. Излишне уверять тебя, что мне достаточно ясна огромность твоего таланта, как и его гибкость; ты мог бы быть «prince» * и без «Весов». Но все же «представительство» полезно. И вот ты имеешь в «Весах» твой «большой дом», где ты поместил и свой департамент поэтических дел. У тебя свои чиновники, которые иногда похожи на лакеев (разумею и Эллиса, и Андрея Белого) [1]. Иногда ты сам кладешь резолюции на текущие дела (в виде рецензий), напоминая литературные авторитеты и ссылаясь на соответствующие статьи уложений гражданского и пиитического. Умертвив журнал, в смысле органа идейного движения, обратив его в «Правительственный вестник» традиций и канонов одной маленькой литературной эпохи, которую ты настойчиво называл некогда «бальмонтовской», ты вместе с тем сумел сделать «Весы» более приемлемыми и интересными для «матушки-публики». Здесь ты многими даже лавировками вправо, в сторону чистого академизма, и главное беллетристикой, которую сам блестяще обогащаешь. Твой «Огненный ангел», хоть не всеми частями, безусловно хорош. Поразительна его как бы графическая отчетливость — в роде старинных немецких гравюр. При отсутствии внутреннего, идейного интереса к журналу ты, естественно, допустил в нем непонятный для мыслящего читателя эклектизм и беспринципную разноголосицу случайных мнений. В охранительной гавани «Весов» нашли себе приют и обломки разбитого бурями «Нового пути» [2]. Добро ли, что́ ты в «Весах» наделал для литературы,— вопрос спорный. Но бесспорно для меня одно: что ты ответствен за все, что совершается в «Весах» (улыбнись: так правительство обвиняют в погромах),— ответствен, если не подстрекательством, то попустительством, и несомненно для меня, что твоего mot d'ordre ** достаточно, чтобы нахал стал пристоен, а одержимый излечился от судорог,— как, например, ведь правительственным внушением объясняется, что Андрей Белый имеет низость хвалить Кузмина, как он делает это в рецензии о «Цветнике Ор», после всего, что он писал о нем раньше в строках и между строк [3].

Говорю все это отнюдь не для того, чтобы обвинять тебя в чем-либо, кроме одного пункта: мертвящего идейного влияния на судьбы нового умственного и художественного движения. Усталые римляне были чрезвычайно счастливы замирением, предпринятым Августом. Ты также

* князем (*франц.*).
** распоряжения (*франц.*).

ТИПЫ ГЕРМАНИИ XVI ВЕКА

Перерисовки Брюсова из книги: Fr. H o s s e n r o t h. Deutsche Volkstrachten. Frankfurt, 1900, t. I
Материалы к роману «Огненный ангел»
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

хочешь установить в модернизме то, что называется pax Romana*. Здесь ты можешь обмануться в расчете, но можешь и восторжествовать — лет на пять, а в обывательской среде и на долгий, долгий срок (ведь и «Нива» теперь отчасти орган недавно ⟨!⟩ «модернизма») [4]. Осуждать же твой образ действий с иной точки зрения, чем эта, чисто идейная, я совершенно не склонен. Тем более, что ты правитель, вообще говоря, мудрый и тонкий и либеральный, и называешь себя только princeps civium ** в своей империи. Мне жаль только, что вся эта политика твоя неизбежно делает тебя более организатором, чем творцом, каким бы ты должен был быть. И так как в поэзии именно *венок* есть венец царственный, то мне хочется напомнить тебе твой стих о венце, промененном на венок [5]. Разве, например, ты не видишь, что совершенство своей поэтической формы ты покупаешь слишком дорогой ценой — возврата на уже проложенные и исхоженные пути русского классицизма и псевдо-пушкинианства sui generis***? Писать хрестоматийно — соблазн, широкие врата, ведущие в... благопристойные журналы и другие просветительные учреждения,

Копия рукой М. М. Замятниной (сохранилась в архиве Иванова); конец утерян.

[1] Намек на панегирические отзывы Эллиса и Андрея Белого о творчестве Брюсова (см. наст. том, стр. 342).

[2] Из сотрудников «Нового пути» в «Весах» принимала деятельное участие только З. Н. Гиппиус.

[3] В рецензии на альманах «Цветник Ор» Белый назвал его участника М. Кузмина одним «из наиболее ярких молодых талантов» («Весы», 1907, № 6, стр. 67). В то же время он резко отрицательно расценил повесть Кузмина «Крылья» («Перевал», № 6, 1907).

[4] Иванов здесь подразумевает, что в журнале «Нива», популярном в обывательской среде, в 1906—1907 гг. стали печататься «модернисты» (Блок, Городецкий, а также Брюсов и Зиновьева-Аннибал).

[5] Иванов напоминает Брюсову его стихотворение «Искушение» (*UO*):

Горе, кто обменит
На венок — венец.

Этими же стихами впоследствии укорял Брюсова и А. Белый, обвиняя его в неправильном понимании задач символизма («Венок или венец».— «Аполлон», 1910, № 11).

61. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

Загорье. 27 сент⟨ября 1⟩907

Дорогой Валерий,

Упрекая меня за мою невежливую безответственность (хотя формальная и не злонамеренная невежливость до некоторой степени извинительна при дружбе,— я же ведь *только дружбе* позволяю говорить мне лично, например, о «постыдности» мистического анархизма [1], так как, не ответствуя за фиктивную *группу*, называю «мистическим анархизмом» и свои личные воззрения),— итак, упрекая меня, ты, без сомнения, прав пред судом человеческим, но Гелиос, «все озаряющий с небес»,— клянусь им, как греки,— видел, что я исписал тебе *много* страниц почтовой бумаги, которую, однако, не отослал,— так что «достойным» ответов обстоятельных на «обстоятельные письма» я тебя уже во всяком случае «почитаю». Еще раз, прости и извини меня — habes confitentem reum****, как выражается Е. Семенов [2],— но *идеально*, я повторяю, вовсе и не виноват, ибо — писал. Почему же не писал все-таки, в почтовом смысле? Потому что видел, что запутанное еще больше запутается перепиской, где приходится невольно

* римский мир (*лат.*).
** первым из граждан (*лат.*).
*** своего рода (*лат.*).
**** пред тобой — сознающий свою вину (*лат.*)

обвинять, защищаясь от обвинений. Я очень желаю говорить с тобой, еще больше — тебя слышать, раз у тебя так много недоумений относительно меня, и крепко надеюсь, что «непонятное» станет понятным, надеюсь на возможность гармонических отношений между нами в наших *стремлениях*, как уверен в глубокой *душевной* гармонии между нами, торжествующей всякий раз, когда мы просто, человечески, братски глядим друг другу в глаза. Ибо и я — не только люблю тебя, но и чту; и что еще, быть может, важнее — просто люблю всегда, даже когда вижу твои «отводы». Например: если ты не хочешь стеснять сотруднической свободы, кто мешает тебе оговорить собственное мнение? Но мнения твоего, хотя бы только обо мне после «Эроса» [3],— я бы вовсе и не знал, если бы не получал твоих писем. Итак, я, которого ты исключаешь в своих оценках мистико-анархической группы, все же сопричислен и тобою к «пантеону пошлости» [4]? Итак, мои «Золотые завесы» ты, как и критик «Весов», считаешь «крапивой» [5]? Итак, «Оры» и для тебя лишь то, чем они являются в глазах зоилов твоего журнала [6]? Я считаю *тебя* ответственным *за все*, что читаю в «Весах». И таково общее мнение, и таково будет мнение будущих наших судей. Вся неправда, наполняющая страницы «Весов», судит — и осудит— сама себя. Вот почему, оставляя личную сторону дела и рассматривая «критику» «Весов» только как критику, я, вообще совершенно чуждый злорадства, ловлю себя подчас на дурном чувстве некоторого удовлетворения при мысли о том, какому презрению и осмеянию подвергнутся в недалеком, быть может, будущем ваши (ибо *ты* — ответственное лицо) иеремиады, написанные желчью, смешанной слишком часто (смотри все, касающееся Чулкова) — с опиумом. Хотя бы академическая сановитость внушила тебе мысль о неприличии некоторых истерик под колоннами академии и чувство жуткости перед философскими промахами некоторых, не довольно осведомленных! Но ты сам теряешь всю обычную отчетливую ясность своего ума, когда заговариваешь о «пресловутой доктрине», с которой, по-видимому, не соединяешь никакого определенного представления. Что значит это «изъятие нескольких строк» из моей статьи в «Золотом руне», сделанное тобою мысленно при ее чтении,— строк, будто бы написанных в угоду оной доктрине ?[7] Ты читал все мои статьи, по мере их возникновения, и должен отчетливо знать, что оная доктрина проходит через них красною нитью, хотя бы начиная с «Копья Афины». «Кризис индивидуализма» уже дает ее готовой, еще до «Факелов». Мои искания искренни и как бы *органичны*. Думаешь ли ты, что можно остановить это органическое развитие, это неизбежное движение цензурными окриками: куда? куда? Я надеюсь, что ты видел мое «письмо в редакцию» в «Товарище» (от 23 сентября, № 379) и не откажешь мне его *перепечатать* [8]. После этого моего отграничения от вдохновений Чулкова или Городецкого или кого бы то ни было еще, ты не скажешь мне, что я «падаю в чьи-то объятия» и не будешь (весьма наивно) уверять, что мне у вас достается только по досадному смешению с виновниками мятежа в суматохе усмирительного разгрома. То, что я говорю, я назвал мистическим анархизмом: ergo, мистический анархизм подлежит не издевательству и глумлению, а серьезной критике по существу,— если вы желаете моего товарищества. Или же вы должны сказать: мистический анархизм есть то-то и то-то, *но не* статьи Вяч. Иванова, «мистический анархизм» которых, как угодно выражаться их автору, подлежит отдельному рассмотрению. Но даже исключая меня лично,— просто неумно не видеть, что мистический анархизм отнюдь не мнения А или В, но широкое, хотя и не определившееся и уже отнюдь не высказавшееся в «Факелах», явление общей умственной жизни,— пусть даже болезненное, но уже никак не подлежащее журнальным полемикам и личностям. Мистический хаотизм, тщетно бьющийся в родильных муках, и тебе столь дружественный, относится сюда же!..

Но ты лично «прибег под знамя благоразумной тишины» [9] — и охраняешь ценности истории литературы вообще и литературы той эпохи, которую называл «бальмонтовской», в частности. A la bonne heure *! Жаль только, что ваша редакционная фраза о «беспочвенных...»— не помню существительного, что-то вроде «бессмысленных мечтаний»,— смешна, как серьезная насупленность на детском лице посреди ребячьих игр [10].

Удивляюсь, что ты уверен, что я не «посетую» за небрежение моей книгой. Ссылки на «срок» ни при чем. Сроком никогда не было обусловлено издание. О том, что теряю черед, я не был предупрежден. Книга не была готова — вот и все. Вы могли отказаться издавать, или отказаться издавать немедленно. Но я получил *определенное обещание, что печатание начнется тотчас. На этом условии* я выслал рукопись. О шрифте меня не известили своевременно. Если вам издавать «Cor Ardens» неохота, я ведь не навязываю своей книги. Но класть дело об осуществлении издания под сукно нельзя. Я прошу определенных гарантий, касающихся времени появления сборника.

Вопрос, почему я печатался в других местах, а в «Весы» ничего не давал, требует немедленного ответа. «Эрос» я хотел издать впервые книгой. «Золотые завесы» сохранить для «Ор». Что же остается? Несколько стихотворений, из которых одно было, однако, в «Весах» [11]. Кроме того, «Весы», я знал, обременены поэтическим материалом, и поэты теснятся, ожидая очереди. Что до статей, я взялся писать о Бердяеве, не поспел к сроку, статью у меня отняли [12]. Мою рецензию о «Жизни Человека» сочли ненужной [13]. Кроме того, чувствовалось, что мои идеи не встречают вообще отклика в «Весах», или встречают резкий протест [14].

До свидания, дорогой Валерий! Письмо почти не нужно ввиду близкого свидания — недели через две? — но я хотел писать, чтобы ты не думал в самом деле, что я пишу тебе только, когда «телега ждет». Прости, если что покажется жестким и отомсти жесткостью выражений, но не сердца!

Твой сердцем В я ч е с л а в

P. S. Надолго ли нет шрифта? Если на месяц minimum, я согласен на эльзевир, с условием, чтобы внешность и все подробности издания вполне соответствовали твоему «Венку». Напиши мне, как друг, сюда *тотчас* же — будь мил и великодушен! — хотя billet de correspondance **— между прочим, о «Cor Ardens», шрифте и *сроке, когда окончится печатание.*

Ответ на неизвестное письмо Брюсова, черновик которого—п. 59.

[1] Эти слова были сказаны либо в неизвестном нам письме, либо в устной беседе.
[2] Этим латинским выражением Е. П. Семенов пользуется в статье «Анархический мистицизм» (см. п. 59, примеч. 4).
[3] См. п. 54, примеч. 4, а также п. 59.
[4] Намек на статью Эллиса (см. п. 58, примеч. 3).
[5] См. там же.
[6] В полемической статье «Штемпелеванная калоша» («Весы», 1907, № 5) А. Белый изобразил петербургских модернистов гуляющими в калошах «над бездной». Иванов считал, что треугольный штемпель на этих «калошах» указывает объект пародии, — издательство «Оры» имело марку в виде треугольника (см.: *Начало века*, стр. 317—318).
[7] Брюсов писал об этом по поводу единственной статьи Иванова, напечатанной «Золотым руном» в первом полугодии 1907 г. («О веселом ремесле и умном веселии» — № 5); см. п. 59.
[8] См. об этом п. 59, примеч. 4. «Письмо» Иванова было перепечатано в «Весах» (1907, № 9).
[9] Видоизмененная цитата из «Евгения Онегина» Пушкина (гл. II, XVIII).
[10] В программе «Весов» на 1907 г., говорилось: «Оценивая современную литературную деятельность, «Весы» выясняют ее преемственную связь с только что пережитой эпохой, чтобы отграничить действительное движение вперед от попыток реакции и

* в добрый час! (*франц.*).
** записку (*франц.*).

беспочвенных построений» («Каталог книгоиздательства «Скорпион», № 4 и 5). Изложенная здесь литературная платформа близка положениям статьи Брюсова «Торжество победителей» («Весы», 1907, № 9).

[11] См. п. 56, примеч. 1.

[12] См. п. 54, примеч. 1.

[13] См. п. 57, примеч. 5.

[14] 20 сентября 1907 г. Иванов писал Брюсову: «...как участвовать в «Весах» *фактически*, пока их общее направление столь враждебно и мне и «Орам»?»

62. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

‹Москва. 23 октября 1907›

Дорогой Вячеслав!

Принимаю всей душой участие в твоем горе [1]. Последние дни перечитываю «Кормчие звезды» и думаю о тебе. Надеюсь тебя видеть.

23 октября 1907 Твой Валерий

[1] 17 октября 1907 г. в Загорье скончалась Л. Д. Зиновьева-Аннибал (см.: *Дешарт*, стр. 117—120).

63. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Петербург.› 8 янв‹аря› 1908

Дорогой Валерий, прежде всего желаю тебе и Иоанне Матвеевне счастливого Нового года и заочно обнимаю тебя с любовью. Не скрою, что мне трудно писать тебе, как это бывает, когда чувствуешь себя очень виноватым, не имеешь представить уважительных извинений и, что тяжелее всего, знаешь, что каковы бы ни были извинения, непоправим нанесенный другому ущерб.

Ущерб, причиненный тебе мною, и именно тем обстоятельством, что вся жизнь моя, за протекший месяц преимущественно, была абсорбирована совсем иною сферой, чем литература, заключается в запоздании окончательной работы над переводом «Франчески» [1]. С Верой Федоровной я разговаривал на последней репетиции пьесы Ремизова. Она усиленно просила, чтобы перевод появился в печати не раньше конца великого поста, и предлагала нам аванс. Я сказал, что все это пусть ведает Валерий. Мое опоздание — вину мою перед тобой — я прошу тебя не связывать с этим разговором или вообще с желанием влиять на время напечатания «Франчески». Причина—та, что ничем литературным заниматься до сих пор я *не мог* *, и единственное, что могу прибавить, это — что я твердо решился теперь работать и быть прилежным в исполнении своих литературных обязательств. По той же причине произошло и замедление в высылке рукописи моей книги стихов, прискорбное и печальное для меня самого. Рукопись эту я, конечно, вышлю на днях. Все в ней закончено, кроме устройства книги по новому плану и переписки кое-чего где-нибудь напечатанного или заброшенного в бумагах. Сомов желал бы, чтобы его обложка была все же *обложкой* для всей, хотя бы тройной книги. Я ничего не имею против; с внешней стороны это даже красивее. Тройная книга может носить внешний и простейший заголовок, по первой из своих составных частей. Печатный тительблатт будет точнее.

Далее, взять на себя перевод «Заратустры» составляет мое величайшее желание, я совершенно согласен. И очень прошу тебя помочь мне в закреплении этого заказа за мной, за что благодарю вперед.

---

* И тем не менее, часть долга покрыта, две, кажется, сцены 1 акта переведены, песенки музыкально разучивались, но приспособить эти ноты довольно трудно, даже при помощи Кузмина (*примеч. Иванова*).

Рецензии же о «Санине» писать мне *не* хочется, потому что хотя романа не читал, но из обстоятельных отчетов о нем предвижу, что оценка будет только отрицательной и настоящего разбора книга едва ли заслуживает. Впрочем, при большом желании твоем, напишу заметку и притом к назначенному сроку; тогда пришли роман [2].

Наконец, благодарю тебя дружески за I том твоих «Путей» и искренне радуюсь на эту книгу, которую одну из всех присланных мне за это время новых книг стихов (у compris * «Дикая воля») [3] я только и читал.— В «конфликте» с Максом я, конечно, во всем на твоей стороне, т. е. на стороне также и здравого смысла. Только и характеристика как *поэта* почти вся неудовлетворительна [4].

Любящий тебя В я ч е с л а в

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

[1] В 1907—1908 гг. Иванов и Брюсов переводили для петербургского издательства «Пантеон» трагедию Д'Аннунцио «Франческа да Римини» (книга вышла осенью 1908 г.). 1 сентября 1908 г. трагедия была поставлена в Малом театре, а затем — в театре В. Ф. Комиссаржевской (далее Иванов сообщает о своих переговорах с ней). Работе над переводом и постановке трагедии на сцене посвящен ряд последующих писем.

[2] Рецензию на роман Арцыбашева «Санин» Иванов не написал.

[3] Сергей Г о р о д е ц к и й. Дикая воля. СПб., «Факелы», 1908.

[4] В очерке «Лики творчества. Валерий Брюсов» («Русь», 1907, № 348, 29 декабря) М. Волошин коснулся обстоятельств личной жизни Брюсова, а также передал свой частный разговор с ним. Брюсов протестовал против подобного приема, считая, что Волошин «вышел за пределы, предоставленные критике» («Русь», 1908, № 3, 4 января; в том же номере газеты напечатан ответ Волошина на этот протест).

64. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

<Петербург.> 14 янв<аря 1>908

Дорогой Валерий,

Прежде всего, прими мое душевное соболезнование по случаю постигшего тебя горя [1]. Передай мое глубокое сочувствие твоим, меня знающим, сестре и Иоанне Матвеевне. Я не знавал твоего отца, ни разу не встречался с ним, ты только про него рассказывал; твоя особенная личная близость с покойным, помимо любви сына, делает для тебя его утрату вдвойне тяжелой,— но, милый Валерий, ведь смерти, воистину, нет.

Мне уже передавали известие о твоем горе, но передавали без ручательства в истинности слуха. Газет я за последнее время вовсе не читаю. Поэтому иначе начиналось бы это мое письмо, если бы я не получил сегодня твоего. Писал же бы я тебе сегодня во всяком случае, и вот по какой причине.

Мне поручено Временным комитетом (Comité d'Initiative) по устройству всероссийского и международного чествования Льва Толстого в этом году (28 августа или позднее) известить тебя, что ты кооптирован Комитетом, и пригласить тебя высказаться, принимаешь ли ты избрание и согласен ли участвовать в работах Комитета по предварительной разработке и практическому осуществлению мер, долженствующих быть принятыми с целью организации предстоящего международного праздника русской мысли и литературы и придания ему соответствующего замыслу величия [2].

Комитет состоит из ученых, политических деятелей, литераторов, художников. Назову присутствовавших на 2-м собрании, к которому был приглашен, по кооптации первоначальной группой, и я,— Максима Ковалевского, Родичева [3], Стаховича [4], профессора и члена Государственного Совета Васильева [5], профессора Салазкина [6], Нестора Котляревского,

* в том числе (*франц.*).

Аничкова, профессора Веселовского [7], скульптора Гинцбурга [8]. Избран и принял избрание ряд лиц очень известных.

Было бы крайне желательно, чтобы ты *приехал* к следующему собранию (пятница, 18 января), которое будет очень важным и направляющим; если это невозможно, не откажи, *не медля*, известить Комитет, через мое или секретаря (Михаила Александровича Стаховича) * посредство, о твоем присоединении и согласии содействовать.

На сегодня это все, что могу написать тебе. Благодарю за письмо. Пишу о наших делах продолжение этого письма. С любовью

твой В я ч е с л а в

Вера [9] просит прибавить, что всею душою присоединяется к выражению моего глубокого сочувствия твоей скорби.

В.

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

[1] 7 января 1908 г. умер Я. К. Брюсов.

[2] 7 января 1908 г. в Петербурге, на вечере в честь Толстого, профессор М. М. Ковалевский выступил с призывом отпраздновать предстоящий юбилей писателя; здесь же организовался «Комитет почина празднования 80-летнего юбилея Льва Толстого»; Иванов был кооптирован в состав комитета и 18 января принял участие в выборах его руководства, а 18 февраля присутствовал на заседании, принявшем обращение «От Комитета почина...» («Русь», 1908, № 8, 19 и 50—9, 20 января и 20 февраля). 9 марта аналогичный комитет организовался в Москве; 15 марта Брюсов был избран его членом («Русские ведомости», 1908, № 64, 16 марта). Так как Толстой отказался от юбилея, оба комитета вскоре прекратили свою деятельность. Подробнее см.: Л. Н. Т о л с т о й. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 56, стр. 481—486; т. 78, стр. 74—75, 104—106.

[3] Федор Измайлович *Родичев* (1856—1933) — юрист, член I и II Государственной думы, один из лидеров кадетской партии.

[4] Михаил Александрович *Стахович* (1861—1923) — общественный деятель, друг Толстого, секретарь «Комитета почина».

[5] Александр Васильевич *Васильев* (1853—1929) — математик, профессор Казанского университета.

[6] Сергей Сергеевич *Салазкин* (1862—1932) — биохимик, директор Женского медицинского института в Петербурге.

[7] Алексей Николаевич *Веселовский* (1843—1918) — профессор западноевропейской литературы в Московском университете.

[8] Илья Яковлевич *Гинцбург* (1885—1939) — скульптор, автор скульптурного портрета Толстого.

[9] Вера Константиновна *Шварсалон* (1890—1920) — дочь Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от первого брака, впоследствии жена Иванова.

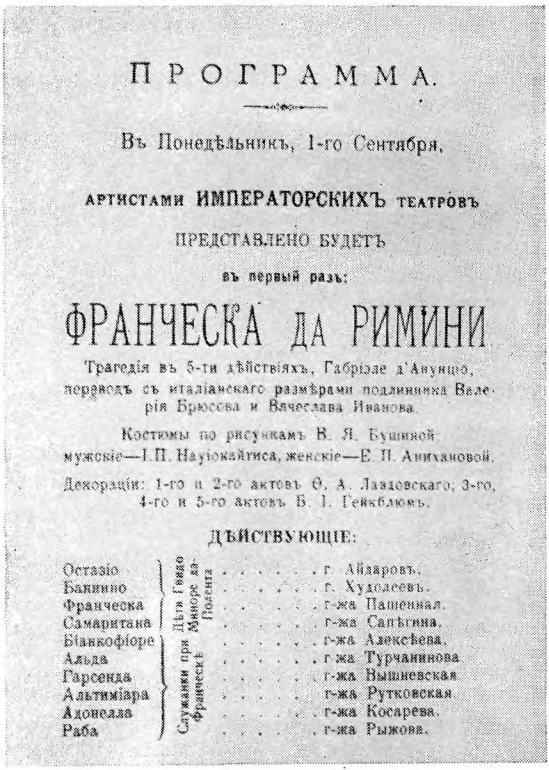
65. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

‹Москва. Середина июля 1908 г.›

Дорогой Вячеслав!

Прости, если мое предыдущее письмо было путано и непонятно: писал торопясь, спеша к поезду[1]. Надеюсь, однако, что существенное мне удалось изъяснить. С «Франческой» необходимо торопиться ввиду моего отъезда за границу и скорой постановки трагедии (в Москве — 20 августа). Между тем пересылка корректур тебе в Крым и мне в деревню (где нет почты) занимает времени очень много. Знаю несовершенства перевода и нахожу много промахов в нем, разного рода, но *в общем* перевод ведь верен и передает дух трагедии,— и я думаю, можно в таком виде отдать его публике. Что можно сделать для исправления перевода в короткое время, я делаю и буду делать; сколько успею внести в него твоих поправок, внесу. Но не сетуй, если последние сцены (переведенные исключительно

* или, если предпочитаешь, через посредство Максима Максимовича Ковалевского, Моховая 32 (*примеч. Иванова*).



ПРОГРАММА.

Въ Понедѣльникъ, 1-го Сентября,

АРТИСТАМИ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ

ПРЕДСТАВЛЕНО БУДЕТЪ

въ первый разъ:

ФРАНЧЕСКА ДА РИМИНИ

Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, Габріэле д'Анунціо, переводъ съ италіанскаго размѣрами подлинника Валерія Брюсова и Вячеслава Иванова.

Костюмы по рисункамъ В. Я. Бушиной: мужскіе—І. П. Науіокайтиса, женскіе—Е. П. Анихановой.

Декораціи: 1-го и 2-го актовъ Ѳ. А. Лавдовскаго; 3-го, 4-го и 5-го актовъ Б. І. Гейкблюмъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Остазіо	Дѣти Гвидо Минорe да Полента	г. Айдаровъ.
Баннино		г. Худолеевъ.
Франческа		г-жа Пашенная.
Самаритана		г-жа Сапѣгина.
Біанкофіоре	Служанки при Франческѣ	г-жа Алексѣева.
Альда		г-жа Турчанинова.
Гарсенда		г-жа Вышневская.
Альтиміара		г-жа Рутковская.
Адонелла		г-жа Косарева.
Раба		г-жа Рыжова.

ПРОГРАММА
ПЕРВОГО СПЕКТАКЛЯ
«ФРАНЧЕСКА ДА РИМИНИ»
Москва, Малый театр, 1 сентября 1908 г.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

мною), я решусь печатать, не дожидаясь твоих исправлений. Мне это гораздо печальнее, нежели тебе, ибо за ошибки этих сцен буду в ответе — я. Что до вступительных канцон, то я полагаю, что не стоит стараться переводить их. Истинно художественного или истинно научного издания «Пантеон» все равно не даст. Удовольствуемся же только переводом трагедии. (Тем более, что надежды на исправное получение гонорара с издательства — очень мало.) Предисловие я пишу — исключительно историческое, о Малатестах, Полентах etc.[2] В общем получится книжка *средняя*, только *приличная*, но сделать больше в остающееся время, при данных условиях («Пантеон») — и невозможно.

Из «Спорад» я беру три статьи: о гении, о художнике и о лирике *. Остальное верну тебе в скорости. Меня «Спорады» очень заняли: читал их с истинным наслаждением. Но напечатать больше до 1 сентября «Весы» не успеют[3].

20—25 июля уезжаю «в Европу»[4]. Вернусь к 1 октября. Где будешь тогда ты? Очень хотелось бы встречаться с тобою эту зиму чаще, чем прошлую. Я очень нуждаюсь в этих встречах.

Твой Валерий

P. S. Не знаешь ли где Верховский? Его книга набрана, но он не откликается на письма[5].

[1] Письмо от 7 июля 1908 г.

[2] В предварявшем издание «Франчески да Римини» очерке («Герои Д'Аннунцио в истории») Брюсов изложил сведения об исторических прототипах трагедии. Около 21 июля он сообщал Иванову: «Как предисловие я написал только компилятивную статейку о Малатестах и Полентах — впрочем, на основании хороших источников. О Д'Аннунцио и о самой драме не написал почти ничего (5—6 строк), ибо не было вре-

* Кроме § со стихами Платена (*примеч. Брюсова*).

мени и душа настолько расстроена, что работать я не в силах вовсе. Не напишешь ли ты второе предисловие — о Д'Аннунцио, о его трагедии, о трагедии вообще? Это было бы очень нужно...» Второго предисловия Иванов не написал.

[3] 2 июня 1908 г. Иванов спрашивал Брюсова: «‹...› не хотят ли «Весы» напечатать до появления моей книги «По звездам», т. е. до 1 сентября, часть моих «Спорад» (или все), которые в обработанном виде представляют несколько глав о разных предметах, а именно: «О гении. О художнике. О эллинстве. О лирике. О законе и связи». Цикл «Спорады» (см. также п. 57) печатался в «Весах» (три названные Брюсовым главы — 1908, № 8), в «Золотом руне» (1908, № 11—21) и в альманахе «Факелы» (кн. 2. СПб., 1907). Вошел в сб. статей Иванова «По звездам» (СПб., «Оры», 1909), где восстановлен опущенный в «Весах» отрывок из немецкого поэта Августа Платена (1796—1834), включенный в качестве примера в «Споради» «О лирике».

[4] Около 21 июля 1908 г. Брюсов писал Иванову: «Куда я уезжаю, еще не знаю. Знаю только, что *из* Москвы». Об этом путешествии см.: *Дневники*, стр. 139—141.

[5] См. п. 55, примеч. 3.

66. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

‹Ancona. 3/16 августа 1908 г.›

Дорогой Вячеслав!

Пишу тебе из края Франчески, только что вернувшись из Римини. Там только одни купающиеся дамы, которые, лежа на животе, на пляже, читают «Русское слово» [1]. Но это не уменьшает моих забот о нашем общем создании. Еще и еще раз умоляю тебя, устрой так, чтобы «Франческа» вышла к 20 августа. Исправляй, переделывай мое и свое, как знаешь, как находишь лучшим. Верю всему, что ты исполнишь, и прекословить не буду. Хорошо было бы, если бы ты просмотрел и мое предисловие. Я уже знаю в нем два грубых промаха. Помнится еще, что я употребил в нем выражение «треченто» в смысле XIII, а не XIV века [2]. Но боюсь, что исправлять мое предисловие уже поздно. Тогда пусть идет в свет, как оно есть, со всеми ошибками: пусть торжествует Макс Волошин! [3] Что до меня лично, то под «небом Италии» я опять оживаю. Знаю всю пустоту Италии,— ибо она пуста, даже в своих лучших веках, веках Беллини и Тинторетто [4],— но все же она действует на меня, как эликсир жизни. Надеюсь ожить совсем на побережьи океана, где буду через неделю. Если напишешь мне, мой адрес: Биарриц, Poste restante *. Обнимаю тебя.

Твой В а л е р и й

Ancona, 16.VIII, 1908

[1] Аналогичную запись см.: *Дневники*, стр. 139.

[2] Треченто — термин, употребляемый в итальянской истории для обозначения XIV в. Ошибка, допущенная Брюсовым в предисловии к трагедии Д'Аннунцио (стр. 15), не была исправлена.

[3] Сообщая свой разговор с Брюсовым в очерке о нем (см. п. 63, примеч. 4), М. Волошин неточно передал его суждение о поэтах Древнего Рима, приписав ему фактические ошибки. В своем протесте (см. там же) Брюсов указал на это.

[4] Джованни *Беллини* (ок. 1430—1516) и *Тинторетто* (Якопо Робусти; 1518—1594) —итальянские живописцы.

67. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

Saint-Jean-de-Luz, ‹13/›26 septembre 1908

Дорогой Вячеслав!

Как ты, конечно, уже знаешь, наша «Франческа» в Малом театре провалилась жалко и безнадежно; у Комиссаржевской — имела успех [1]. Итак, в отношении материальном мы прогадали, и напрасны были все наши хлопоты о приятии ее на «императорскую» сцену. Правду сказать, я этого не ждал. Пьеса не хитрая, драма полуоперная, совсем под силу

* До востребования (*франц.*).

казенному театру. Но видно наша образцовая сцена одряхлела совершенно, и никакие Ленские [2] ее не спасут от погибели. Остается нам faire bonne mine *, что я и стараюсь — в письмах.

Что до меня лично, то вот уже два месяца, как я вне России: месяц бродил по Италии, другой — сижу на берегу океана [3]. Ты не можешь себе представить, как благодетельно было для меня это путешествие. Я так замучился за два года в зубчатых колесах «Весов», «Золотого руна», писем в редакцию, обид, интриг и всего, что мы зовем «литературой», что решительно потерял самого себя. Сейчас начинаю обретать свою душу, возвращаться к жизни. Думаю, что эти месяцы, особенно эти дни в Пиренеях, образуют важный рубеж моего существования.

О тебе не знаю ничего, кроме того, что мог уловить по печатному изданию «Франчески». Разные поправки, подмеченные мною во многих местах, сказали мне кое-что о тебе. За все эти поправки, как и за всю заключительную работу над книгой, я тебе благодарен всей душой — насколько вправе благодарить один сотрудник другого при общей работе. Издание в общем мне нравится. Жалею только, что нет твоего предисловия: мое же сухо, скучно, а главное — несамостоятельно. Кстати: имеешь ли ты какие-либо вести из «Пантеона» и получим ли мы, переводчики, если уж не установленный гонорар, то хоть что-нибудь?

Я был бы очень счастлив, если бы ты написал мне. Еще больше хотелось бы видеть тебя. Сейчас так многое мне хотелось бы тебе сказать,— но именно сказать, не написать. Долго ли ты еще пробудешь в Крыму? (Я предполагаю, что ты — в Крыму.) Будешь ли зимою в Петербурге? Если можно, сообщи. Мой адрес (ибо из St-Jean я уезжаю вскоре): Paris, rue Vaugirard, hôtel de Lisbonne, Valérie Brussov.

Всегда твой Валерий Брюсов

[1] Постановка трагедии Д'Аннунцио «Франческа да Римини» (см. п. 63, примеч. 1) в Малом театре была расценена как неудача почти всей московской прессой (см. об этом: «Рампа», 1908, № 3, стр. 41, 44—45). Спектакль в Театре В. Ф. Комиссаржевской (в главной роли — В. Ф. Комиссаржевская) был встречен благожелательно (там же, № 4, стр. 61—62).

[2] Александр Павлович *Ленский* (Вервициотти, 1847—1908) — актер Малого театра, с 1906 г.— его главный режиссер, стремившийся к реформе и обновлению театра. Сближение Брюсова с Ленским (весна 1908 г.) явилось предпосылкой постановки «Франчески да Римини» в Малом театре (*Дневники*, стр. 139).

[3] Брюсов провел в Италии август 1908 г.; в сентябре он жил в Сен-Жан-де-Люз (город на берегу Бискайского залива, в отрогах Пиренеев) и совершил поездку по западному побережью Франции (там же, стр. 139—141).

68. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

‹Москва.› 3 ноября 1908

Дорогой Вячеслав!

Узнал, что ты в Петербурге. Несколько раз писал тебе из-за границы. Доходили ли до тебя эти письма? Очень хотел бы получить весть от тебя. Мы здесь готовимся к кампании будущего года. Если до тебя дошел ходивший здесь слух, что «Весы» прекращаются, не верь ему. Можно ли рассчитывать на твое более деятельное, чем последние годы, сотрудничество? Весьма хотелось бы, и было бы очень нужно. Исключение Городецкого из числа сотрудников было сделано *без моего ведома* [1]. Считаю эту меру и неуместной и нетактичной. Статья его, подавшая к тому повод, была просто глупая, мальчишеская статья, на которую не стоило обращать внимания. Но зато следующая его статья уже действительно непристойна и отрезает путь к примирению [2]. Все же, как некоторый противовес происшедшему,

* faire bonne mine à mauvais jeu — делать хорошую мину при плохой игре (*франц.*)

мы даем сравнительно благосклонную заметку о «Дикой воле», которая мне лично не нравится вовсе [3]. Этой зимой, до Рождества, постараюсь быть в Петербурге. О многом надо, необходимо надо, с тобой говорить. Наши последние встречи то слишком беглые, то слишком деловые. Жду в ответ хоть несколько слов.

Твой Валерий

P. S. В 1909 г. в редактировании «Весов», т. е. во внутреннем распорядке редакции, будут произведены важные реформы [4]. Напишу о том отдельно, если ты подтвердишь свою солидарность с нами.

[1] С. М. Городецкий выступил со статьей «Глухое время» («Золотое руно», 1908, № 6), содержавшей развязные нападки на «Весы». После ее появления М. Ф. Ликиардопуло извещал Брюсова: «Посоветовавшись с Сергеем Александровичем, я написал Городецкому письмо, в котором сообщил ему, что «Весы» ‹...› принуждены отказаться от напечатания цикла его стихов и от дальнейшего его сотрудничества» (ГБЛ, ф. 386.92.22; письмо без даты). Об «остракизме», которому он подвергся, Городецкий оповестил «письмом в редакцию» «Золотого руна» (1908, № 7-8-9, стр. 125).

[2] Статья «Аминь», в которой Городецкий называет Брюсова «пророком», превратившимся в «фокусника», а направление «Весов» — рутинным и бесперспективным, несущим на себе «клеймо мертвецкой» (там же, стр. 105—107).

[3] На этот сборник Городецкого (см. п. 63, примеч. 3) «Весы» откликнулись весьма сдержанным отзывом С. М. Соловьева (1908, № 10).

[4] Об этих проектах см. наст. том, стр. 302—304.

69. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Петербург.› 7.XI.‹19›08

Дорогой Валерий!

Благодарю тебя за вести из-за границы, за эти письма, в которых опять послышалась мне старинная нотка внутренней близости — та, что за последнее время звучала подчас разве лишь при личных свиданиях между нами с глазу на глаз, но совершенно отсутствовала в нашей случайной и редкой переписке о внешних делах. С радостью прежней расслышал я в твоих строках какой-то призыв к обновленному сближению (интимному, не деловому) — и всею душой откликнулся на него... заочно. Мне все хотелось тебе писать, но все пропускал я какие-то сроки и уже не знал где ты — на Bd Vaugirard *, или в Лондоне, или по дороге в Москву: здесь опять проявилась моя «кармическая» [1] вина и первозданная несостоятельность как корреспондента. Если я исправлюсь в отношении переписки, это будет поистине знаменовать новый этап моей душевной жизни и какое-то великое преодоление. Оно, тем не менее, не невозможно: ибо, возвратившись из Крыма к 17 октября (годовщине ухода Лидии) [2], я устроился по-новому (сравнительно с прошлою зимой) на «башне» и собираюсь быть трудолюбивым, дружить с письменным столом и корректурами и не обусловливать более внутреннего сосредоточения «неприятием» литературы. Из чего, однако, не следует, что я (употребляя выражения твоего письма) думаю попасть в зубчатые колеса того, что мы называем, со вздохом, «литературой». Так что слова твоей сегодня полученной записки: «мы здесь готовимся к кампании будущего года»— даже смутили меня. Что это опять за «кампания»? Ужели снова «Руно» и «Весы»? или какой-то «индивидуализм» и какая-то «соборность»? или «идеализм» и «реализм»? или еще что? или Белый — Эллис contra Чулков? или Антон Крайний contra Кузмин e tutta quanta perduta gentê? **... Утешил ты меня сообщением, что изгнание Городецкого совершилось без твоего ведома и что ты считаешь эту «меру» (!) «и неуместной и нетактичной». Прибавлю с своей

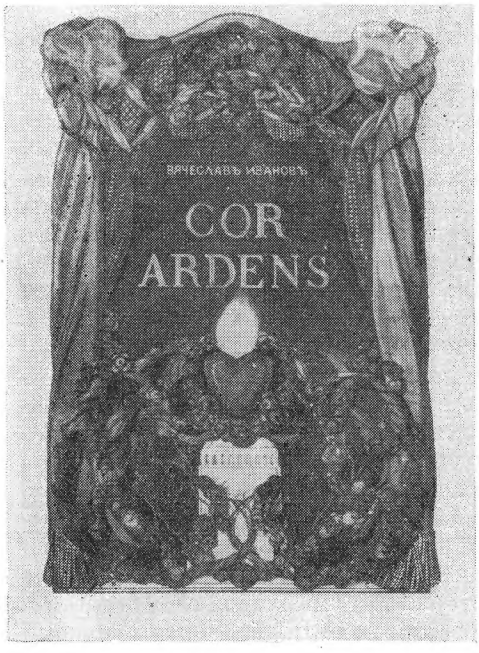
* на бульваре Вожирар (*франц.*).

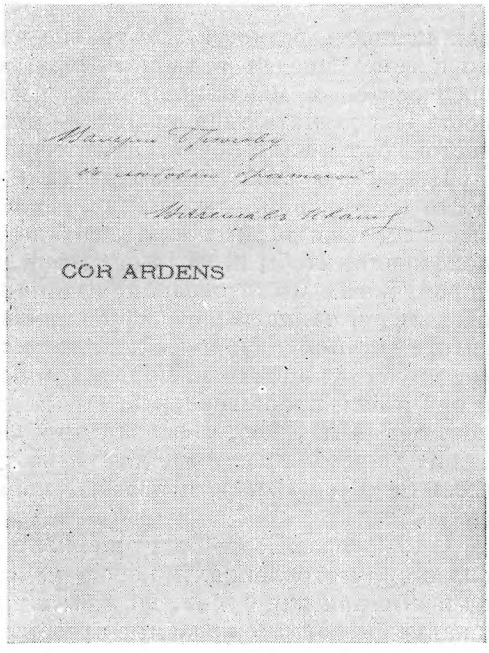
** и всей этой пропащей публики (*итал.*).

стороны, что мотивировка этой «меры» против статьи, которую ты называешь «мальчишеской», заключала в себе инсинуацию уже не «мальчишескую», а злонамеренную: был поднят нелепый разговор о «национальностях» на основании одной бестактной фиоритуры стиля, притязающего на «хлесткость» [3]. Городецкий, кстати, на мой взгляд, опять крепнет и очищается как художник; я надеюсь, что снисходительное отношение к неудачной «Дикой воле» он оправдает новыми доказательствами своего крупного и самобытного таланта. Что касается до всяких критик и полемик,— нам, maestri *, следует быть выше этой сферы мыслительной сутолоки и всяческих толков о нас. О, если бы «Весы» сделались поистине академическим органом! Единственная *борьба*, в которой я намереваюсь участвовать,— есть борьба за утвердившиеся в моем духе ценности религиозного сознания. Все остальное — niedere Region **, куда я не думаю нисходить. Более деятельное сотрудничество в «Весах» мне желанно — в той же мере, в какой желанно оздоровление «Весов». Серьезный, объективно-спокойный тон, отказ от полемических «красот», строгий вкус, устранение всего, что может быть истолковано учениками и толпой как симптомы междоусобной войны и соревнования между maîtr'ами — вот что сделало бы «Весы» тем, чем они должны в настоящее время быть,— органом *der Meister* ***. Голос всех тех, кого «Весы» признают как «Meister» современной нашей словесности, должен раздаваться на страницах журнала, и противоречия не должны служить соблазном: каждый имеет право на внимание и на объективное рассмотрение, без всякой тенденции его опровергнуть. Это возможно: ведь и Талмуд весь состоит из противоречивых, если угодно, наставлений отдельных раввинов. Один учитель не легко решается уличать другого во лжи или нарушении; здесь есть известный такт и как бы этикет... Говорю все это, чтобы ответить на твой вопрос о моей «солидарности» с «Весами». По существу дела, можно говорить только о солидарности журнала со мной, а не наоборот. Я, с одной стороны, уже сложился и определил себя, с другой — иду вперед закономерно и не предвижу в будущем идейного salto mortale. Журнал может испытывать модификации как таковой, но не изменились ни ты, ни я в себе и своих стремлениях. А какой характер будет носить далее журнал, в каком смысле изменится его различно изменяющаяся физиономия, как сложится его ближайшая программа и regula ****,—это было бы мне важно знать.

Дорогой Валерий, я почти написал «книгу лирики» — «Любовь и Смерть». Это канцоны и сонеты, посвященные ушедшей. Мне хотелось опубликовать эти 37 (по плану) стихотворений отдельной книжкой, с прибавлением прежних стихов, посвященных в разное время Л. Д. Зиновьевой-Аннибал [4]. Знаю, что появление этой книжки теперь вас не «устраивало» бы: об этом мы уже говорили. С другой стороны, эта, четвертая, книга лирики необходима для архитектонической стройности тома «Cor Ardens». Ее вмещение в том позволяет всю книгу назвать уместно «Cor Ardens» и удивительно гармонирует с прекрасной обложкой Сомова. М. Ф. Ликиардопуло известил меня, что «Cor Ardens» выйдет очень скоро. Итак, если «Cor Ardens» выйдет к декабрю и возможно вместить в конце «Любовь и Смерть» (нужны страниц 25),— то я ничего не предпринимаю для издания новых стихов отдельной книжкой. Если же «Cor Ardens» появится не скоро, то для меня составляет *нравственную потребность* издать новые стихи тотчас же, хотя бы в небольшом числе экземпля-

* наставникам, мастерам (*итал.*).
** область низшего (*нем.*).
*** мастеров, наставников (*нем.*).
**** устав (*лат.*).





ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ. «COR ARDENS». М., «СКОРПИОН», 1911
С дарственной надписью: «Валерию Брюсову с любовью братской. Вячеслав Иванов»
Обложка (по рисунку К. А. Сомова) и шмуцтитул
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

ров, чтобы отметить годовщину ухода той, имени которой они посвящены. В журнале или частями печатать их нельзя. Будь добр, ответь.

Обнимаю тебя сердечно; душою с тобой; жду свидания нетерпеливо; не забывай меня и пиши часто; извести, пожалуйста, о безотлагательном тотчас.

Твой всегда В я ч е с л а в

Прости, если что мое в «Франческе» показалось тебе своевольным; я очень спешил. Поздравляю с окончанием великолепного «Огненного ангела» [5]. В.

Ответ на п. 66—68.

[1] «Кармическая» вина — вина, порожденная прежними прегрешениями такого же рода.
[2] См. п. 62.
[3] В статье «Глухое время» (см. п. 68, примеч. 1) Городецкий писал о «Весах»: «Журнал культурный, в подписчиках считает двух папуасов и эскимоску, сотрудничают в нем, кроме «своих», два Рене, один Гиль, два Гурмона, и еще всякие лорды и греки». «Лорды» и «греки» — намек на Уильяма Морфилла (английский корреспондент «Весов») и М. Ф. Ликиардопуло.
[4] Цикл «Любовь и Смерть», расширившийся вдвое по сравнению с первоначальным планом, составил особый раздел в «Cor Ardens» (ч. II, кн. IV). Фрагмент из него («Спор. Поэма в сонетах») был опубликован в «Весах» (1909, № 2).
[5] Последние главы романа опубликованы в восьмом номере «Весов» за 1908 г.

70. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

12 ноября 1908, Москва

Дорогой Вячеслав!

Ты несказанно порадовал меня своим письмом. Вот наглядное преимущество усвоенного тобою приема — писать редко: твои письма приобрели

всю ценность редкости. Не только читаю и перечитываю твои страницы, но и всматриваюсь в твой почерк, словно достался мне любопытный средневековый манускрипт. Но, ради бога, сделай в будущем эту радость — получать твои письма — менее, может быть, острой, но более частой, более длительной, более, через то, благостной.

Принимаю твои упреки «Весам»— жестокие, при всей дружественности выражений,— но принимаю с оговорками. Во-первых, повторяю еще и еще раз: до сих пор, за все 5 лет, я никогда не имел в «Весах» такого положения, чтобы отвечать за все в них. Во-вторых, я и сознательно, порой, давал место страницам, которых лично не одобрял, если на том настаивали такие наши сотрудники как Белый и Эллис. Они несли всю тяготу чисто-журнального дела, всю ту «черную» работу, от которой многие другие уклонились, но без которой журналу нельзя существовать,— и они имели право говорить, высказать все (или почти все), что им казалось нужным. Знаю, что и за этими двумя оговорками остается еще много такого, в чем я просто «виноват», но здесь уже не мне судить, какая чаша весов (и «Весов») перетягивает: с моими добрыми делами в редакции или со злыми.

С 1909 года «Весы» будут вновь преобразованы, и в этом смысле я говорил о приуготовлениях к новой «кампании». В этом слове не было намека на новые при или брани, хотя бы и в старинном смысле слова. Напротив, в какие бы формы ожидаемые преобразования не отлились,—часть полемическая в «Весах» будет сведена на minimum: это единогласное решение всех московских «ближайших» сотрудников [1], а так как тебя, наперекор твоему фактическому уклонению от нас, мы продолжаем числить также среди таких «ближайших», мне и нам очень радостно услышать, что ты присоединяешься к общему вотуму. Но что касается самых «форм преобразований», они пока еще очень неопределенные, лишь вырисовываются из туманности, и мне придется, чтобы ознакомить тебя с ними, написать тебе письмо отдельное. Пока могу сказать только, что работа направлена к эмансипации «Весов» от «Скорпиона»... Так как в новой организации я не только не утрачу свободу действий, но, напротив, значительно расширю ее, мне хочется думать, что твое фактическое участие в журнале возродится и ты вспомнишь, что среди многообразных прав, которыми пользуешься ты как поэт, как человек, как русский гражданин, принадлежит тебе искони право — писать в «Весах» *все, что ты находишь нужным поместить там.*

Что касается до твоего нового цикла стихов, я считаю решительно необходимым, чтобы ты включил его как отдел в «Cor Ardens». 25 страниц, о которых ты говоришь, нисколько не отягчат книгу. Напротив, отдельно изданный сборничек с твоим именем несомненно повредит ей. Что касается быстроты издания книги, то она будет зависеть от тебя. Сейчас дело несколько замедлилось потому, что при переезде из Крыма в Петербург ты задержал корректуры. Но все будет скоро восстановлено, и ты будешь получать лист за листом безо всяких промедлений.

Не пишу тебе ничего о себе, ибо весь закручен водоворотом работы. Очень дорог мне твой отзыв о «Ангеле»: на днях вышлю тебе его 2-ой том [2].

Обнимаю тебя. Всегда твой В а л е р и й

P. S. Небезызвестная певица М. Оленина-д'Альгейм и ее муж, человек очень интересный, Pierre d'Alheim, основали в Москве «Дом песни» [3]. На публичных вечерах этого учреждения (в зале Консерватории) поют «песни» и поучают публику «докладами» и «беседами». В ближайшую пятницу будет «беседа» *о символизме* [4]. Участвуют: Андрей Белый, Эллис, Лурье (новый издатель «Русской мысли») [5], Г. А. Рачинский [6] (тебе из-

вестный) и я. Я сказал, что эта «беседа» потеряет две трети своего смысла, если не будут представлены на ней твои идеи. Самое прекрасное было бы, если бы ты приехал лично. Но я понимаю всю трудность такого дела. В таком случае, не пришлешь ли ты письменного изложения своих мыслей или хотя бы *ряда страниц из своих уже напечатанных статей*, чтобы мы могли прочесть это перед слушателями от твоего имени [7]. Последнее столь просто, что грешно было бы тебе отказаться.

Твой В. Б.

Ответ на п. 69.

[1] Об очередной реформе «Весов» и ее результатах, а также о предполагаемом составе «ближайших» сотрудников см. наст. том, стр. 302—304.

[2] Первое издание романа «Огненный ангел» вышло в двух частях (М., «Скорпион», ч. I — 1908; ч. II — 1909).

[3] О «Доме песни» и его организаторах см. наст. том, стр. 417.

[4] Четвертый вечер «Дома песни» состоялся в Малом зале Консерватории 21 ноября 1908 г. («Голос Москвы», 1908, № 272, 23 ноября).

[5] Семен Владимирович *Лурье* (1867 — 1927) — журналист, сотрудник «Русской мысли»; до прихода Брюсова в этот журнал заведовал его литературным отделом.

[6] Григорий Алексеевич *Рачинский* (1859—1939) — литературный деятель, близкий к кругу символистов, переводчик, философ; был председателем «Общества свободной эстетики».

[7] См. п. 71 и 72.

71. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

⟨Петербург.⟩ 19.XI.⟨19⟩08

Дорогой Валерий,

Видишь, какой я «деятельный сотрудник». Даже прошу о немедленном помещении этой статейки [1]. Затрагивает она ряд жгучих — здесь, в Петербурге,— вопросов. Спешу выслать к пятнице, желая не остаться глухим к твоему призыву: можешь, если только найдешь это уместным, прочесть статейку на вечере д'Альгейм. Это не беда, что она — апология; она содержит резюме моих взглядов на искусство — правда, с несколько специальной точки зрения. Во всяком случае, это все, чем могу лично служить тебе как покровителю вечеров. Отдельные, характерные страницы своих статей не умею выбрать, не могу выделить. С другой стороны, я ни малейшим образом не заинтересован в том, чтобы занимать своим ответом А. Белому скучающую аудиторию. Поступи, одним словом, как усмотришь сам. Но не обвиняй меня в том, что я не отозвался.

Прошу тебя убедительно — займись моим «Cor Ardens» и ускорь дело. Ничего не получаю. Я уже писал, что «Любовь и Смерть» мне необходимо издать немедленно.

Спасибо за большое письмо. Жду обещанного другого.

Твой сердечно В я ч е с л а в

Прошу тебя, пришли на день корректуру статьи — и притом в *двойном* экземпляре и с оригиналом.

Ответ на п. 70.

[1] В статье «Эстетика и исповедание» («Весы», 1908, № 11) Иванов возражал против той интерпретации, которую дал его теоретическим построениям, в частности его концепции «грядущего хорового действа», А. Белый («Символизм и современное русское искусство».— «Весы», 1908, № 10); ст. Иванова перепечатана в сб. «По звездам» как «экскурс» к статье «Две стихии в современном символизме».

72. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

‹Москва.› 24 ноября 1908

Дорогой Вячеслав!

Благодарю за письмо и за статью, хотя и полемическую. Спешу поместить ее в № 11, ибо есть опасение (может быть, и неосновательное), что № 12 мы не успеем напечатать до Рождества. Ты понимаешь, что мы всячески торопимся, и я умоляю тебя вернуть корректуры как можно скорее, с ближайшей почтой. Если задержишь их, нам придется печатать твою статью с редакционной корректуры.

По существу ты, конечно, во многом прав в этом споре. Но ты знаешь Белого. Что с ним поделаешь! Он может дать прекрасное и интересное *только* в смеси с ненужным и, порою, с уродливым. Беру его и люблю его таким, каков он есть.

Отрывки твоей статьи я читал на вечере д'Альгейм.

Корректуры твоей книги всячески тороплю. Но, безо всякого укора будь сказано, два листа ты задерживал недель 6, а сейчас время очень «горячее». Надеюсь, однако, что дело наладится.

Сейчас писать подробнее и менее деловито, клянусь, времени нет. От всей души тебя приветствую. Что дашь нам для 1909 г.? И не дашь ли 2—3 стихотворения для номера 1 [1]?

Твой сердечно В а л е р и й

Ответ на п. 71.

[1] В первом номере «Весов» на 1909 г. Иванов не участвовал; о его стихах во втором номере см. п. 69, примеч. 4.

73. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Петербург.› 17.XII.‹19›08

Дорогой Валерий, на этот раз только два слова о специальном деле, опуская целый ряд насущных для переписки тем: вчера Мережковский, передавая мне свою книжку «В тихом омуте», просил написать о ней рецензию, «может быть, в «Весах». Я, правда, сказал ему, что в «Весах» рецензии обычно пишутся москвичами; но, обдумав дело, нахожу, что именно в «Весах» я рад был бы высказаться об этой книге и по поводу ее. Так как книга написана, главным образом, о так называемом «мистическом анархизме»— не моем, а неведомо чьем, то может случиться, что рецензия, не мною написанная, будет опять ворошить старые счеты по тем пунктам, по которым есть, кажется, ныне между мной и «Весами» согласие, или затрагивать под общей кличкой меня — так, как я не желал бы отныне быть третируемым на страницах «Весов». Ответь, не желаешь ли предоставить мне рецензию для январского номера [1].

Твой с любовью В я ч е с л а в

Кстати: если мнения Белого и Эллиса ео ipso * мнения *журнала*,— то какой же я сотрудник? разве гастролер на час? Ибо они говорят «*мы*».

[1] Из статей, составивших сборник Мережковского «В тихом омуте» (СПб., 1908), только одна («Мистические хулиганы») посвящена «мистическому анархизму», однако этой темы Мережковский касается вскользь и в других статьях. По-видимому, рецензию Иванов не написал — в «Весах» она не появилась, несмотря на согласие Брюсова (см. п. 74) и напоминания редакции (письмо М. Ф. Ликиардопуло к Иванову от 4 марта 1909 г.— ГБЛ, ф. 109).

---

* тем самым (*лат.*).

74. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

Москва, 23 дек<абря 19>08

Дорогой Вячеслав!

Не писал тебе до сих пор потому, что все еще не мог выяснить нового положения «Весов». К сожалению, и до сих пор это их новое положение, или лучше сказать их конституция, остается не выясненным. Пока что дело ведется прежним порядком и, хотя это и грустно, может быть, так и будет вестись весь год.

Всякая твоя статья, конечно, очень желанна. Непременно напиши о новой книге Мережковского и постарайся прислать заметку еще на праздниках, чтобы она вошла в № 1. Дашь ли нам стихов для одного из первых №? Стихи решили мы в 1909 г. печатать не циклами (при таком порядке поэтам приходилось слишком долго ждать очереди), но по 1—2—3 стихотворения каждого поэта из числа 3—4, соединенных в одном №.

Относительно «мы» Белого, повторю тебе то же, что говорил много раз. Идейный облик журнала, естественно, зависит от тех, кто в нем пишет. Ты последние годы совсем не радовал нас своим сотрудничеством. Пиши у нас чаще, и «Весы» станут твоим журналом.

Позволь спросить тебя, получил ли ты какой-либо гонорар за «Франческу» в театре Комиссаржевской? Мне через Театральное общество выслали небольшую сумму, но я не знаю, личный ли это мой пай или наш общий. В Московском императорском театре я получил 129 р., из которых половину, принадлежащ<ую> тебе,— высылаю. О ходе работ над твоей книгой физически не имел возможности заботиться, занятый выпуском двух последних выпусков журнала. Прости.

В феврале надеюсь быть в Петербурге.

Обнимаю тебя. Твой В а л е р и й

P. S. В какой-то газете читал я критику Георгия Чулкова моего «Огненного ангела». Между прочим, Чулков упрекает моего Мефистофелеса за то, что он «глупее», чем Мефистофель Гете [1]. Считаю такое замечание также «глупым». Мой Мефистофелес жил за 300 лет до Гете и предугадывать его не мог никак. Сколько смею судить, мой Мефистофѐлес весьма похож на того, которого изображали и описывали в своих книгах, письмах и мемуарах писатели XVI в.,— а на Мефистофеля Гете он похожим и не собирался быть. Если *исторический Мефистофель* не столь блестящ, как «бес» Гете, моя ли вина? [2].

Ответ на п. 73.

[1] Г. И. Чулков писал о персонажах романа Брюсова «Огненный ангел»: «Фауст» Марло — «Фауст» Гете — «Фауст» Брюсова — это звучало бы недурно, если бы роковая неудача не постигла нашего современника. Мефистофелес Брюсова как-то потускнел, поглупел и стал неожиданно Мелким бесом самого малого ранга» («Фауст и Мелкий бес».— «Речь», 1908, № 301, 8 декабря).

[2] Мысль эту Брюсов развил в одной из заметок, предназначенных для сборника «Miscellanea» (*Избр. соч. 1955*, т. 2, стр. 555).

75. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

<Москва.> 29 янв<аря> 1909

Дорогой Вячеслав!

Тебе передавали о несчастии, случившемся в нашей семье [1]. Это расстроило все мои ближайшие планы и лишило возможности поговорить с тобой за этот твой приезд так, как мне хотелось бы. Приходится отложить это до моего приезда в Петербург (в *конце* февраля, думаю я теперь).

Надеюсь хоть мельком увидеть тебя на вечере «Свободной эстетики».

Он состоится в пятницу, в 9 ½—10 часов вечера, в верхнем зале Литературно-художественного кружка [2]. *Очень прошу тебя* заявить при входе, что ты мой «гость» (меня, как лектора) и не платить поэтому той пени, которая взимается с «черни непросвещенной». О том же прошу и Веру Константиновну [3].

Во вторник, к глубокому сожалению, ты мог лично убедиться, как был я прав, описывая общество, собирающееся на «вторники» кружка. Это не народ, не интеллигенция, даже не «публика»; это — чернь, это — подонки общества [4].

Всегда твой В а л е р и й

P. S. Я принял все меры, чтобы для Белого инцидент не имел дурных последствий [5].

Ждал тебя вчера и сегодня в «Весах» в 3 часа дня.

[1] В январе 1909 г. И. М. Брюсова сломала руку — см. наст. том, стр. 586.

[2] 30 января на заседании «Общества свободной эстетики» Брюсов прочел доклад о «Медном всаднике» Пушкина.

[3] В. К. Шварсалон— см. п. 64, примеч. 9.

[4] 27 января Иванов выступил в Московском литературно-художественном кружке с рефератом «Последние течения в литературе». Ему оппонировал Белый. В ходе обсуждения произошел скандальный инцидент: беллетрист Ф. Ф. Тищенко обвинил Белого в политической и этической беспринципности, в ответ на что Белый закричал: «Вы — подлец! Я оскорблю вас действием!» («Русское слово», 1909, № 22, 28 января). Подробнее см.: *Между двух революций*, стр. 261—262.

[5] 29 января Брюсов писал Н. И. Петровской: «Вчера дело это разбиралось в Дирекции. Я не присутствовал. Конечно, всячески защищаю Белого. Но и он хорош: лезет в эту помойную яму, называемую «вторниками», и еще не умеет презирать ее» (ЦГАЛИ, ф. 376, оп. 1, ед. хр. 4).

76. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Москва.› Ночью на 1 февр‹аля 1›909

Столетний бор. Вечерний сумрак зелен.
Мне щеки нежит мох и мягкий дерн.
Мелькают эльфы. Гномы из расселин
Гранита смотрят. Крадется ликорн [1].

Зачем мой дух не волен и не хмелен?
Зачем в груди пылает ярый горн?
Кто страсть мне присудил? и кем он *велен*,
Суровый приговор бесстрастных Норн [2]!

Свободы! Тишины! путем знакомым
Сойти в пещеру к празднующим Гномам,
Иль с дочерьми царя Лесного пасть (?!) —

Иль мирно спать с травой, со мхом, с кристаллом...
Нет! голосом бессонным и усталым
Звучит во мне, считая миги, страсть.

О Валерий! не венцами
Я твоими убираюсь:
Верный, я свести стараюсь
Лишь твои концы с концами.

Рифмы — прерванные ласки!
Рифмы— сфинксы! сбросьте маски;
Нашей дружбы, нашей сказки
Будьте тайными гонцами.

В я ч е с л а в

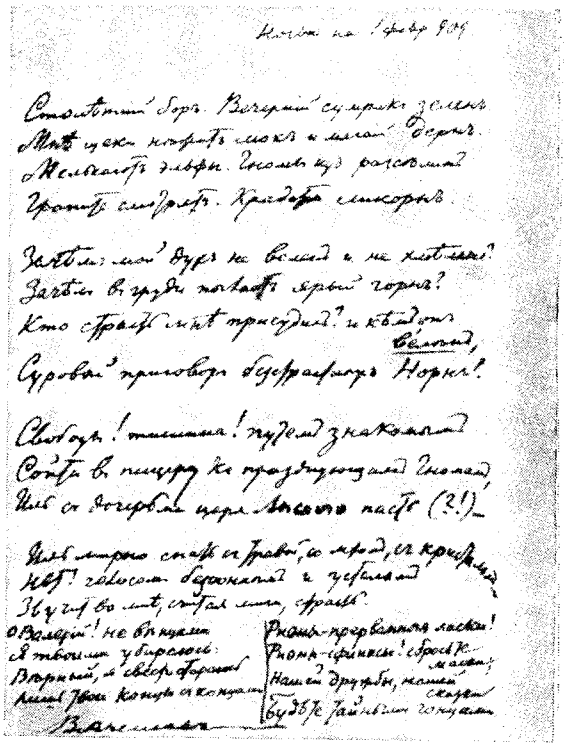
Открытка.

Обстоятельства, при которых написано это стихотворное послание, не совсем ясны. Сонет, составляющий его первую часть, принадлежит Брюсову и написан

ПИСЬМО ВЯЧ. ИВАНОВА БРЮСОВУ

Открытка. Москва, ночь на 1 февраля 1909 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва



11 июля 1908 г. (дата на автографе— ГБЛ, ф. 386. 5. 6, л. 58); под заглавием «Ликорн» вошел в сб. «Все напевы» (*Пути и перепутья*, т. III). Однако автограф Иванова имеет несколько разночтений с текстом Брюсова, причем почти исключительно в рифмах. У Брюсова (курсивом отмечены разночтения):

стр. 5:

Зачем мой дух не волен и не *целен*!

стр. 11—14:

Иль с дочерьми Царя Лесного *петь*,
Иль мирно спать *со мхом, с землей, с гранитом*...
Нет, голосом *жестоким и несытым*
Звучит во мне, считая миги, *медь*.

Места этих разночтений в стихе и разъяснения, которые дает им Иванов (см. п. 78), а также его слова, обращенные к Брюсову («благодарю ‹...› за данную мне возможность так интимно, путем опыта, заглянуть в мистерии твоего творчества» — там же),— все это позволяет сделать вывод, что Брюсов предложил Иванову «угадать» (см. п. 78) рифмы своего сонета. Это предположение подтверждается стихотворной припиской Иванова к сонету (ср.: «Рифмы-сфинксы! сбросьте маски») и письмом 77, в котором он предлагает новую рифму. В этом же убеждает и посвященное Иванову стихотворение «Воссоздателю» (*Пути и перепутья*, т. III):

Ты стройность дал бессвязным грудам,
В безликом облик угадал,
И — чудотворец! — этим чудом
Мое созданье оправдал!

Смысл стихотворения «Воссоздателю» и обстоятельства его написания впервые раскрываются благодаря публикуемому письму.

[1] Ликорн — мифическое существо, единорог с телом лошади (долгое время считался реально существовавшим животным).

[2] Норны — в скандинавской мифологии богини судьбы.

77. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

<Москва. Ночь> на 2.II <19>09

Зеленой пряжи нити *прясть*
Лесным приличествует девам.
Прости случайную напасть:
Не в лад магическим напевам —
Нелепо вдруг зевнуло: «*пасть*» [1].

Надеюсь твердо, что Иоанне Матвеевне лучше, что все благополучно.

Твой В.

Открытка.

[1] См. п. 76, строка 11.

78. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

<Москва.> 3 февр<аля 1>909

Дорогой Валерий,

Ты вознаградил меня с царскою щедростью, которой к лицу превышать заслуги... Итак маленькое приключение нашей поэтической дружбы ознаменовалось обращенными ко мне великолепными стихами: горжусь ими и горячо за них тебя обнимаю! [1]

Ликорн был подсказан внутреннею связью стихотворения. Его присутствие сразу почувствовалось в астральности твоего леса. Лунно-фаллический символ Единорога был уместен в этом сопоставлении страстной природы человека с иным законом жизни у растений и кристаллов. Вот почему, кстати, чтение «с кристаллом» точнее и отчетливее, на мой взгляд, раскрывает мистическую и магическую основу замечательного сонета. Что касается не угаданной мной «меди», то и здесь я склонен защищать свой вариант. «Медь»— аллегория чисто внешнего восприятия времени; *в нас* же «считает миги»— кровь. «Глагол времен» [2] в *нас*— биения сердца. Они же — «металла звон», но не Венериной меди, а Марсова железа. Кровь — страсть. Итак, миги считает страсть? Конечно, поскольку *наше*, земное представление о времени принадлежит сфере «страстного разума» (Кама-Манас) [3], т. е. духовности, затемненной в воплощении страстью. Правда, и медь Венеры имеет отношение к страсти, но отношение *внешнего* воздействия на нашу страсть, планетарного *влияния*. В *нас* меди нет; а ты говоришь о внутренних импульсах имманентной Камы. С другой стороны, «прясть» нежнее, фантастичнее, богаче как образ, чем «петь». «Sie wiegen und tanzen und singen dich ein» [4], но *с ними* петь едва ли возможно. Образ зеленой пряжи позволяет заглянуть во внутреннюю деятельность растительной жизни (как образ гномов открывает тайнодеяние горных недр) — и сравнить мирную гармонию творческой природы с внутренним разладом человека. «Так страждет страсть, единое дробя...» [5]. В заключение — чтобы кончить словом «страсть», я бы изменил выше страсть в «кровь», например: «кто кровь мне в жилы влил», или подобное.

Итак, еще благодарю как за стихи, так и за данную мне возможность так интимно, путем опыта, заглянуть в мистерии твоего творчества — и, быть может, показать тебе немного свои.

Еще увидимся. Еду, кажется, только в субботу.

Твой В я ч е с л а в

P.S. Мне не нравится «иль мирно *спать*...» Не *спать*, а...? Быть может, «безмолвствовать...» — согласно одной формуле Друидов.

В.

[1] Иванов благодарит Брюсова за стихотворение «Воссоздателю» (см. примеч. к п. 76); дату его написания позволяет установить это письмо—2 февраля 1909 г.
[2] Первые слова оды Державина «На смерть князя Мещерского».
[3] Термин индийской философии. Кама — тело желающее и ощущающее, животная душа, средоточие низших проявлений душевной жизни: инстинктов и страстей. Манас — ум, способность к выработке понятий, к умозаключениям. Кама-манас — низший разум, в противоположность разуму высшему.
[4] «Они баюкают тебя, и танцуют, и поют» — из стихотворения Гете «Лесной царь».
[5] Строка из «поэмы в сонетах» «Спор» (сонет третий) — см. п. 69, примеч. 4.

79. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Петербург.› 3.I.1910

Дорогой Валерий,

Поздравляю тебя с Новым годом, будь светел и славен. Ты очень обрадовал меня дважды приветами из Швейцарии и тронул живою памятью обо мне в местах, где я был счастлив когда-то [1]. С нетерпением жду твоего приезда. Жизнь моя течет тяжело и болезненно. Отпустить «Cor Ardens» просто не было *воли*. И вовсе не потому, чтобы я его совершенствовал или пополнял по плану или, наконец, колебался обнародовать. Глубокое равнодушие оковывало меня. Но довольно писанных нелюбимых слов. Хочу тебя обнять. Благодарю тебя за «Огненного ангела» — ты знаешь, я люблю твою книгу [2]. Пожелай счастливого Нового года Иоанне Матвеевне. «Общество ревнителей художественного слова» ждет тебя; тобою гордится как *своим* [3]. Настоящий состав Совета, который ведет «Общество», его задачи и работы: ты, Зелинский (кооптированный на место И. Ф. Анненского) [4], Блок, Кузмин и я. Маковский — «администратор»— ведает «тело» «Общества», с своим помощником (секретарем редакции «Аполлона»). Выбирает новых членов Совет-администратор. Такова организация. Отделение от «Аполлона» полное, в смысле организации и юридическом. Я читал в этом семестре о метафоре и символе (три вечера) и потом о внутренних формах лирики, именно о «reine Lirik» * и гимне [5]. Анненский был прерван — *преждевременной*, горькой — смертью! — на начале серий: «Ритмы Пушкина и их судьба в нашей позднейшей лирике». Зелинский в этом полугодии прочтет о законе клаузулы в прозаическом периоде и о элегическом ритме (дистихи) в антике и у нас. Твоего курса ждем с огромным интересом. Любящий тебя В я ч е с л а в.

Членов у нас мало — часто мы, кажется, преувеличиваем *осторожность* — что, впрочем, отнюдь не значит, что у нас литературная élite.

В.

Чуть-чуть было не уехал с Гумилевым в Африку [6]... но был болен, оцеплен делами и — беден, очень беден деньгами.

[1] Путешествуя по Западной Европе осенью 1909 г., Брюсов послал Иванову две приветственные открытки — из Бриенца (2 сентября) и из Женевы (11 сентября).
[2] Брюсов послал Иванову второе издание романа «Огненный ангел» (М., «Скорпион», 1909).
[3] Осенью 1909 г. «Поэтическая академия» (т. е. заседания на «башне» Иванова, посвященные лекциям по теории стиха для молодых поэтов) была преобразована в «Общество ревнителей художественного слова» с официальной программой лекций и поэтических вечеров. В его «совет», состав которого Иванов перечисляет далее, входили писатели, группировавшиеся вокруг редакции журнала «Аполлон» (СПб.; первый номер вышел в октябре 1909 г.). Административные функции взяли на себя редактор «Аполлона» Сергей Константинович *Маковский* (1877—1962) и секретарь редакции этого журнала Евгений Александрович *Зноско-Боровский* (1884—1954). Брюсов один из первых получил приглашение прочесть курс лекций по теории стиха: «Кроме вас, для той же цели пока приглашены г.г. Вячеслав И. Иванов,

* чистой лирике (*нем.*).

Иннокентий Ф. Анненский, в числе своих слушателей вы увидите всех молодых поэтов, живущих здесь. Главным инициатором является Н. С. Гумилев» (письмо Зноско-Боровского от 21 сентября 1909 г.— ГБЛ, ф. 386. 86.61). Брюсов ответил согласием (см. там же, письмо от 20 октября 1909 г.), однако с лекциями в «Обществе» не выступал. О роли Иванова в этом «Обществе» см.: Модест Г о ф м а н. Поэтическая академия («Вестник литературы», 1909, № 8).

[4] И. Ф. Анненский скоропостижно скончался 30 ноября 1909 г. Фаддей Францевич *Зелинский* (1859—1944) — филолог-классик, профессор Петербургского университета; друг Иванова.

[5] Сохранились конспекты некоторых из этих лекций, написанные рукой М. М. Замятниной (см.: ГБЛ. Записки Отдела рукописей. Вып. 34. М., 1973, стр. 258). Вероятно, задуманная им позже книга «Введение в поэтику» должна была строиться на основе этого курса, а также лекций, прочитанных в «Кружке поэзии» (ср.: «Записи высказываний В. И. Иванова на занятиях «Кружка поэзии», февраль — август 1920 г. Сост. Ф. И. Коган».— ИМЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 6). Книга не вышла, хотя была объявлена изд-вом «Альциона» («Печать и революция», 1922, кн. 2(5), стр. 402), а затем ошибочно указана в числе изданий, вышедших в свет (там же, кн. 7, стр. 158).

[6] Н. С. Гумилев уехал в Абиссинию в ноябре 1909 г.

80. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

‹Москва.› 18 января 1910

Дорогой Вячеслав!

Ты несказанно обрадовал меня своим письмом. Несмотря на то, что мы разделены с тобой всеми внешностями нашей жизни и, последние годы, встречаемся крайне редко,—я чувствую тебя близким и бесконечно себе дорогим. Скажу даже, что ты мне самый близкий изо всех, ныне живущих существ. Не знаю, как такие слова отзываются в твоей душе, но все же хочу их тебе сказать.

Мне было очень понятно все, что ты написал мне о «крайнем равнодушии, оковывавшем тебя». Это чувство я пережил сам и отчасти еще переживаю до сих пор. Между прочим, под его влиянием бежал я за границу, где провел больше трех месяцев. За эти дни я почти ничего не делал, во всяком случае не делал, не писал ничего важного. Да и теперь, вернувшись в Москву, к своим книгам, к своим бумагам, я с явным насилием принуждаю себя жить и работать.

Этому внутреннему неустройству соответствует вполне неустройство внешнее. Я говорю о нашей, русской литературной жизни. Сколько я могу судить, в ней господствует полный распад. Былые союзы и кружки все разложились. Былые руководящие идеи изжиты,— новых нет. Но в то время, как мы, которые, так сказать, в своей груди выносили идеи недавнего прошлого, с правом говорим себе и другим: «мы хотим иного»,— кругом толпа новоприбывших незнакомцев, ничего не переживших, ничего не выносивших, пляшет каннибальский танец над прежними нашими идеалами и плюет на них. И это отвратительно.

Ты знаешь, что я никогда не был врагом молодости, молодежи. Не я ли первый приветствовал Белого? и Блока? позднее Городецкого? и Гумилева? и совсем недавно графа А. Толстого? [1] Но я хочу или иметь возможность учиться у молодежи, или чтобы она училась у меня, у нас. Третьего я не признаю. Или принеси что-то новое, или иди через нами поставленную триумфальную арку. Когда же как новое откровение предлагают мне идеи, нами пятнадцать лет тому назад отвергнутые и опровергнутые, я оставляю за собою право смеяться.

В Петербурге у вас я не вижу никаких радующих предзнаменований. Может быть, я ошибаюсь, судя издалека. Мне кажется, что союз «Аполлона»— вполне внешний. Его идея — привешена извне, а не возникла из глубины того сообщества, которое окружает журнал [2]. «Академия» — учреждение очень приятное, заслуживающее всякой поддержки, полезное, но ведь оно имеет смысл только при существовании истинной жизни.

Иначе ее роль — сохранять, и бессмысленно сохранять, традиции и формы, чтобы передать их более счастливым поколениям.

Еще хуже обстоит дело у нас в Москве. «Весы» умирают не только физически,— они умерли и духовно. Вокруг них нет никого, кроме шакалов, догладывающих оставшиеся кости (разумею Ликиардопуло и кое-кого еще). «Музагет» [3] себя откровенно объявляет эклектиком. Это лучшее, что он может сделать. Только самая широкая, общекультурная платформа способна сейчас еще объединить более или менее широкие силы. Впрочем, я лично в «Музагете» почти не участвую. Для такого нетрудного дела, какое он затеял, не стоит трудиться.

Я думаю, что в этой общественной дезорганизации достаточно повинны и мы, т. е. мы с тобой. Ибо больше обвинить некого, за полной духовной безответственностью Блока, за почти преступной зыбкостью Белого и за горестным падением Бальмонта [4] (с которым я провел несколько недель в Париже [5]). Что должно делать мне, я ищу, я стараюсь понять и надеюсь услышать от тебя. Но тебе прежде всего, усилием воли, надо стряхнуть с себя твое равнодушие. Сейчас время, когда тебе нельзя, когда ты не имеешь права — молчать. Последние годы, ушедший в совершенно не читаемое нигде и никем «Золотое руно», ты как бы не существовал в русской литературе. Единственное твое дело было — сборник «По звездам» [6]. Это очень много, это дело едва ли не великое, но для наших дней даже великого мало. Надо больше. Ты должен писать, ты должен говорить, ты должен учить. И прежде всего ты должен воскреснуть как поэт. «Cor Ardens» более чем необходимая для нас книга. Отсрочка каждого дня ее появления — есть твое преступление перед русской литературой, и следовательно, перед русским обществом, перед всей Россией.

Я очень жалею, что в моем распоряжении только перо и бумага. Мне хочется говорить с тобой и сказать все это, с бесконечными дополнениями, с развитием всех мыслей, устно. Но не знаю, когда удастся мне быть в Петербурге и у тебя. «Обстоятельства», и прежде всего работы держат меня прикованным здесь. Не смею тебя просить о письмах, но тайно хочу надеяться на них. Обнимаю тебя любовно.

Твой всегда В а л е р и й

Здесь был Сологуб. Сейчас — Сомов.

Ответ на п. 79.

[1] Об отношении Брюсова к молодым поэтам, в частности к первым выступлениям Белого, Блока, Городецкого, Гумилева и А. Толстого, см. наст. том, стр. 204, 205 — 209.

[2] Ср. программу «Аполлона»: «Давая выход всем новым росткам художественной мысли,— «Аполлон» хотел бы называть *своим* только строгое искание красоты, только свободное, стройное и ясное, только сильное и жизненное искусство за пределами болезненного распада духа и лженоваторства» (1909, № 1, стр. 4).

[3] «Мусагет» — издательство, основанное в конце 1909 г. Э. К. Метнером, Андреем Белым и Эллисом; во главу угла ставило теоретическое обоснование проблем символизма. Кроме произведений символистов, выпускало литературу по эстетике и философии, классическую и современную.

[4] Сборники Бальмонта второй половины 1900-х годов («Злые чары», «Песни мстителя», «Жар-Птица», «Хоровод времен») получили отрицательную оценку Брюсова. В 1911 г. он сделал окончательный вывод: «...как определенный деятель нашей литературы, Бальмонт, конечно, уже сказал свое последнее слово» (*Далекие и близкие*, стр. 106).

[5] Брюсов встречался с Бальмонтом в Париже с 7 по 19 октября 1909 г. 12 октября он писал И. М. Брюсовой о нем: «Читал очень много своих стихов — не хуже, не лучше, чем писал прежде, но много лучше, чем стихи печальной памяти «Жар-птицы». Все же я очень рад встрече с Бальмонтом» (ГБЛ, ф. 386.142.13).

[6] В сб. «По звездам» (СПб., 1909) объединены «опыты философские, эстетические и критические» за 1904—1909 гг.

81. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

<Москва.> 21 мая 1910

Дорогой Вячеслав!

Как ты, вероятно, уже знаешь, мы, москвичи, нашли необходимым протестовать против статьи Георгия Чулкова о «Весах», напечатанной в «Аполлоне» [1]. Дело в том, что «Аполлон»— единственный журнал, от которого можно и должно было ожидать серьезной оценки деятельности «Весов». Поэтому мы не могли пройти молчанием появление в «Аполлоне» статьи Чулкова, шутовской и оскорбительной — для «Весов» в их целом и для отдельных участников журнала. Вместо того чтобы оценивать сделанное «Весами», Чулков, по своему всегдашнему обыкновению, сводит в своей статье личные счеты и всячески старается уязвить своих неприятелей. Я посылаю тебе копию с протеста, доставленного нами в редакцию «Аполлона» [2]. Согласно с решением, которое было принято подписавшими протест, я известил «Аполлон», что его отказ напечатать наш протест поведет к нашему выходу из числа его сотрудников [3]. Замечу при этом, что, на мой взгляд, протест написан очень сдержанно; если и есть в нем резкие выражения, то они оправдываются соответствующими выходками в статье Чулкова.

Протест наш исходит от «группы сотрудников» «Весов». Мы никого не хотим побуждать присоединиться к нам, но, разумеется, будем весьма рады всем, кто таким присоединением заявит о своей солидарности с нами. К тебе к первому мы обращаемся с таким предложением. Но, будь уверен, что тот или другой твой ответ, т. е. согласие или отказ подписаться под нашим протестом, ни в какой мере не повлияет на наши (и, в частности, на мои) к тебе отношения. Надеемся только, что как старый сотрудник «Весов» ты, если и не будешь сочувствовать нашему протесту, не будешь и препятствовать его появлению в печати, так как главная его цель — реабилитировать доброе имя «Весов», на которое Чулковым явно брошена темная тень.

Жду каких-либо вестей от тебя. Обнимаю тебя сердечно.

Твой Валерий

[1] О содержании этой статьи Чулкова, посвященной итогам деятельности «Весов», с 1910 г. прекративших свое существование («Весы». Некролог».— «Аполлон», 1910, № 7, апрель), см. наст. том, стр. 314.

[2] «Протест» был адресован редактору «Аполлона» С. К. Маковскому (хранится в ГПБ, ф. 124, ед. хр. 673):

«Многоуважаемый Сергей Константинович!

Не откажите дать место на страницах вашего журнала следующему заявлению группы ближайших сотрудников «Весов».

Высоко ценя «Аполлон» как орган серьезных исканий в области художественной жизни, мы были глубоко опечалены, прочтя в № 7 журнала критическую статью, посвященную нам всем дорогим, прекратившимся «Весам». Помещенная в первом отделе журнала, сама себя именующая «некрологом», статья эта имеет все признаки, которые позволяют счесть ее как бы редакционной. Между тем она подписана именем г. Георгия Чулкова, авторитет которого никак не может считаться непререкаемым в литературных кругах и беспристрастие которого в оценке «Весов» может быть заподозрено. Напомним, что за последние годы литературная деятельность г. Георгия Чулкова подвергалась на страницах «Весов» весьма суровой и даже резкой критике, подавшей повод одному органу печати заявить, будто «Весы» систематически «травят» г. Георгия Чулкова. Здесь не место обсуждать, погрешили ли «Весы» в своей критике писаний г. Георгия Чулкова против добрых литературных нравов, но достаточно ясно, что г. Георгию Чулкову выступать, при таких условиях дела, судьей «Весов» было по меньшей мере неудобно. Различные обвинения, в общем довольно тяжелые, выставленные в «некрологе» «Весов», в значительной степени теряют свою силу, так как подписаны лицом, у которого есть свои счеты с «Весами», и вся критика получает характер полемики, неуместный по отношению к изданию, которое уже не может защищаться.

Как лица, стоявшие близко к редакции «Весов», мы не считаем себя вправе писать антикритику на рассуждения г. Георгия Чулкова. Мы надеемся, что редакция «Аполлона» сочтет нужным (как она то и обещает) в другой статье вернуться к деятельности «Весов», чтобы дать ей оценку менее одностороннюю. Но пока мы не можем воздержаться, чтобы не заявить, что фактическая часть «некролога», написанного г. Георгием Чулковым, исполнена всяческих ошибок, промахов и пропусков. Характеристика, которую он делает двум периодам жизни журнала или, точнее, двум его руководителям, будто бы (что не верно) направлявшим его деятельность до 1906 и после 1906 года, может только вызвать улыбку у всех, знакомых с истинным положением дел. Нам вспоминаются стихи Пушкина:

Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И в самой подлости оттенок благородства!

Если «льстецам» должно сохранять «оттенок благородства», то «хулителям» подобает сохранять «оттенок» правдоподобия. Мы боимся, что он нарушен в «некрологе» г. Георгия Чулкова.

Валерий Брюсов, Андрей Белый, М. Ликиардопуло, Борис Садовской, Эллис».

В копии, посланной Иванову (ГБЛ, ф. 109), среди подписей поставлено имя С. М. Соловьева, который подтвердил свое участие в протесте несколько позже — телеграммой в редакцию «Аполлона» и письмом Брюсову от 30 мая 1910 г. (ГБЛ, ф. 386. 103.23).

[3] 19 мая 1910 г. Брюсов писал Е. А. Зноско-Боровскому: «Мы, подписавшие этот протест, обсудили в нем каждое слово, считаем его составленным в выражениях весьма сдержанных и не можем согласиться ни на какие в нем изменения. Мы просим редакцию «Аполлона» напечатать этот протест в форме «письма в редакцию» ‹...› Само собой разумеется, что отказ редакции «Аполлона» напечатать наше письмо повлечет за собою отказ всех, подписавшихся под письмом, от дальнейшего участия в «Аполлоне» (ГПБ, ф. 124, ед. хр. 673).

82. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Петербург.› 22 мая ‹1910 г.›

Дорогой Валерий,

Я держусь в этом деле нейтралитета. *Текст* вашего протеста узнал я из твоего письма; о самом *факте* протеста услышал вчера впервые от лица, приехавшего из Москвы. Статью Чулкова прочел, вероятно, одновременно с тобой, по выходе в свет последнего № «Аполлона». Я не член редакции и за ходом редакционных дел не слежу. Подписи своей к вашим я не присоединю. Мнения моего у меня не спрашивали. Дружба моя с тобою и с Андреем Белым не обязывает меня все же держать его безусловно в тайне. Оно таково: конец письма (от слов «нам вспоминаются стихи Пушкина...») содержит прямое и неоправданное фактами оскорбление чести литературного противника и косвенное оскорбление редакции. Будь я редактор, я бы, конечно, не напечатал этой несправедливой и ненужной фразы, долженствующей вызвать законный протест общественного мнения [1].

Неизменно с любовью В я ч е с л а в

Разве это ваше письмо достойно реабилитирует честь «Весов», чье имя мне также дорого, но, на мой взгляд, не нуждается в «реабилитации»?

Ответ на п. 81.

[1] О том же писал Брюсову Зноско-Боровский 20 мая 1910 г.: «... мне очень кажется, что, при чтении письма, приведенные строки Пушкина непосредственно относятся к редакции, которая через г. Чулкова не только «хулит» «Весы» с 1906 г., но и льстит им до этого года, точнее — вам лично»; 26 мая он уточнял: «...после указаний письма о том, что статья г. Чулкова имеет характер редакционный,— как же не к редакции относятся эти стихи?» (ГБЛ, ф. 386.86.61). Эти строки — ответ на утверждение Брюсова: «Что до стихов Пушкина, то они, на наш взгляд, никак не могут относиться к редакции «Аполлона»... Во всем письме речь идет исключительно о статье Георгия Чулкова. Во всяком случае, текст нашего письма не подлежит никаким изменениям: он был выработан сообща группою сотрудников «Весов» (п. от 22 мая 1910 г.—ГПБ, ф. 124, ед. хр. 673).

83. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

‹Москва.› 26 мая 1910

Дорогой Вячеслав!

Должен представить тебе следующие возражения на твое письмо.

1) Наш протест вовсе не имеет целью «реабилитировать» «Весы»,— это было бы нелепо,— а только выражает наше негодование по поводу помещения в «Аполлоне» непристойной и хулиганской статьи Чулкова.

2) Никакого оскорбления кого бы то ни было в нашем протесте я не усматриваю, потому что никто не побуждает читателя *все* слова цитируемых стихов Пушкина относить к Чулкову или кому иному.

3) В Георгии Чулкове мы никак не можем видеть «литературного противника»; он был и остается для нас «литературным хулиганом».

Повторяю,— твое личное отношение к нашему протесту и к самой статье Чулкова ни в каком отношении не может изменить нашего к тебе отношения,— моего, по крайней мере. Я знаю, что ты смотришь на Чулкова иначе, нежели я и все мы, «москвичи», но думаю, что разность мнений по отношению к отдельным лицам и отдельным вопросам не может мешать нашей близости и нашей солидарности вообще. Пишу это потому, что в последних строках твоего письма мне послышался тон какого-то раздражения. Нас мало,

...избранных...
Единого прекрасного жрецов... [1]

и грустно было бы, если бы начинающиеся между нами несогласия и раздоры повели к нашему разъединению. Да не будет этого! С другой стороны, пусть за каждым из нас остается право открыто, публично высказывать свое суждение о вещах и о людях, как бы оно резко ни было.

Обнимаю тебя. Твой В а л е р и й

Ответ на п. 82.

[1] Цитата из «Моцарта и Сальери» Пушкина.

84. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Петербург.› 27 мая 1910

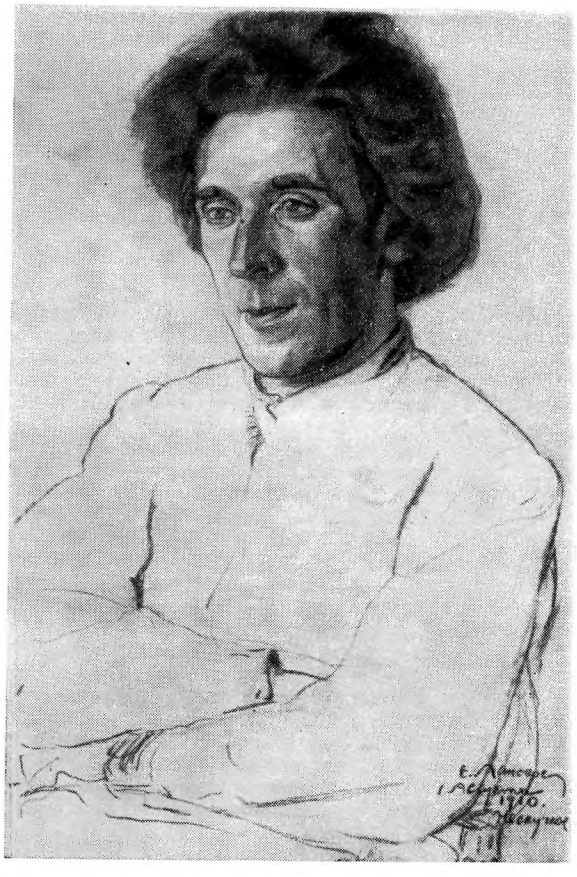
Дорогой Валерий,

Так как я, как уже сказал, в этом деле нейтрален, то спор между нами имеет характер платонический. И, тем не менее, мне не хотелось бы, чтобы мои слова в письме к тебе казались тебе неоправданными.

Меня удивило, что ты пишешь сегодня: «наш протест вовсе не имеет целью реабилитировать «Весы»— это было бы нелепо». Очевидно, ты забыл свои собственные слова в предыдущем письме: «ты, если и не будешь сочувствовать нашему протесту, не будешь и препятствовать его появлению в печати, т. к. главная его цель — реабилитировать доброе имя «Весов».

Далее, удивило меня заявление: «никакого оскорбления кого бы то ни было в нашем протесте я не усматриваю, потому что никто не побуждает читателя все слова цитируемых стихов Пушкина относить к Чулкову или кому иному». Между тем в протесте недвусмысленно предлагается читателю повторить строки Пушкина с заменою, ad hominem или homines *, слов: «льстецы, льстецы» — словом «хулители» и слова «благородства»— словом «правдоподобия». Это обуславливает «состав оскорбления» по

* применительно к определенному лицу или лицам (*лат.*).



Г. И. ЧУЛКОВ
Рисунок Е. Е. Лансере.
Итальянский карандаш.
1 августа 1910 г. Москва, Нескучное
Литературный музей, Москва

кодексу чести, который устанавливает этот состав и в случаях, когда возможна несравненно бóльшая растяжимость интерпретации, если желание отнести известное оскорбительное выражение к противнику очевидно.

Наконец, твои слова: «в Георгии Чулкове мы никак не можем видеть литературного противника» и т. д.— имеют чисто субъективное значение. «Литературный противник» не есть моральная квалификация, а функция, определяемая средствами борьбы,— и в глазах общественного мнения автор инкриминируемой статьи — «литературный противник» ваш, если только журнал, где напечатана статья, есть вообще орган литературы, а не хулиганства.

Таковы мои — чисто формальные — возражения на твой отвод моих возражений, имеющих целью указать тебе на — опять-таки формальную — несостоятельность вашего способа «реабилитировать», как ты выразился в первом письме, «доброе имя «Весов», не нуждающееся — повторяю — в реабилитации.

Да, я — и я не один — «смотрю иначе» на Чулкова, чем шесть лиц, подписавшихся под протестом,— несмотря на то, что с «Весами» как движением чувствую себя связанным органически; но это не должно нас разделять, как ты справедливо пишешь в последних строках твоего письма, к которым от всей души присоединяюсь — ибо никакого «раздражения» во мне нет. По отношению к «отдельным лицам»— т. е., в сущности, по отношению к тому же Чулкову, давно уже не связанному со мной в своей литературной деятельности и в своих взглядах и устремлениях,— несогласия между нами не «начинаются», как ты говоришь, но «продолжа-

ются»— и, поверь, не окончатся моим предательством. Осудить же его, как нравственную личность, я до сих пор не имею — quand même * — достаточных оснований. В мою личную дружбу и крепкую к тебе привязанность верь, прошу тебя, вопреки всяческой возможной агитации. Если бы мы поссорились, совершилась бы не личная только, но общая роковая неправда. Как брат-поэт, обнимаю тебя старинным, неизменным, нежным объятием.

В я ч е с л а в

Ответ на п. 83.

Вероятно, Брюсов ответил Иванову письмом от 4 июня 1910 г. (датируется по почт. шт. на конверте). Сохранилась лишь его последняя страница: «что писем «легких» ты не пишешь и что в каждое свое письмо ты влагаешь часть души. Однако обстоятельства дела кажутся мне достаточно важными, чтобы позволить себе тебя беспокоить. Дело идет, кажется мне, о единстве нашей литературной группы, которой, в случае, если инцидент не будет улажен, грозит новый и тяжкий раскол...

В заключение я должен просить тебя считать это письмо вполне конфиденциальным. Я пишу его, не посоветовавшись с другими «протестантами», и потому все, что я здесь говорю, есть исключительно мое личное мнение. Я не могу согласиться на распространение этого письма, потому что не знаю, разделяют ли мои взгляды мои сотоварищи».

Вероятно, Брюсов писал Иванову о возможности (с его точки зрения) компромиссного решения конфликта с «Аполлоном». Во всяком случае, вскоре «протестанты» приняли компромисс, который 16 июня предложил в письме к Брюсову С. К. Маковский. Разъяснив обстоятельства появления статьи Чулкова («Предполагалось посвятить «Весам» ряд статей: Кузмин — проза, Сюннерберг — идейные течения, Гумилев — стихи, бар. Врангель — художественные иллюстрации») и невозможность «с этической стороны» поместить протест против нее, Маковский писал: «Позвольте же мне думать, что, приняв во внимание мое длинное и покаянное объяснение, вы примете за «удовлетворение» со стороны «Аполлона», если в следующем № появится заметка от редакции, в которой будет еще раз подчеркнуто, что о «Весах» будет напечатан в «Аполлоне» ряд статей и что редакция, признавая выдающиеся заслуги «Весов», не хотела бы, чтобы статья Чулкова, случайно появившаяся первой, была понята как оценка «Аполлона» (ГБЛ, ф. 386.93.29). Заметка «От редакции» появилась в июньском номере «Аполлона» (№ 8); предварительно текст ее был послан Брюсову (ГБЛ, ф. 386.86.61). В следующем номере были напечатаны статьи: Гумилева — «Поэзия в «Весах» и Кузмина — «Художественная проза «Весов» (№ 9, июль-август).

85. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Петербург.› 13.XI.1910

Дорогой Валерий,

Пользуюсь оказией, чтобы сказать тебе привет. Приедешь ли сюда? Помнишь ли обещание? Здесь тебя нужно слышать всем в нашем «Обществе художественного слова» [1]. На приезд твой надеются, тебя ждут, и жду я. С твоей полемикой я не согласен, не вижу в ней желания понять меня и досадую на ее — как мне показалось — не вполне дружелюбный или не вполне серьезный тон; незнающие могут подумать невесть что [2]. Отвечать буду и тебе и Мережковскому, обстреливающим меня с двух противоположных сторон,— потóм [3]. Как бы мы ни спорили, уверен, что «вражда», тобой объявленная еще за ужином после моего реферата в «Эстетике», не есть вражда личная.

Дружески обнимаю тебя. В я ч е с л а в

Иоанне Матвеевне кланяюсь.

[1] См. п. 79.

[2] 17 марта 1910 г. Иванов прочел в «Обществе свободной эстетики» доклад «О новых литературных группировках». Выдвинутая им религиозно-теургическая концепция поэтического творчества вызвала решительные возражения Брюсова (см.: *Дневники*, стр. 142). Диспут на заседании «Общества» положил начало полемике по во-

* вопреки всему (*франц.*).

просу о задачах символистского искусства, которую Брюсов и Иванов вели в 1910 г. в журнале «Аполлон». Упрек, высказанный Ивановым, относится к статье «О «речи рабской», в защиту поэзии» («Аполлон», 1910, № 9), направленной против статей Иванова («Заветы символизма» — там же, № 8) и Блока, выступившего на его стороне («О современном состоянии русского символизма» — там же, № 8).

[3] Мережковский полемизировал с Ивановым и Блоком, утверждая, что проповедь идеи «теургического» искусства имеет антиобщественный смысл («Балаган и трагедия».— «Русское слово», 1910, № 211, 14 сентября). Возможно, что Иванов предполагал также ответить и на статью Мережковского, полемизирующую с его интерпретацией «русской идеи» («Земля во рту».— «Речь», 1909, № 314, 15 ноября; вошла в сб. Мережковского «Больная Россия». СПб., 1910). Предполагаемый ответ Брюсову и Мережковскому не был написан.

86. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

‹Москва.› 28 ноября, 1910

Дорогой Вячеслав!

С большой радостью получил от тебя весть и был сердечно утешен тем, что тебе захотелось писать мне. Что идейно мы с тобой сейчас расходимся, это, я думаю, ты видишь столь же ясно, как и я. Но, подобно тебе, я верю, что это расхождение не может влиять на отношения каждого из нас к деятельности и к творчеству другого. Тебя как писателя чту неизменно и как поэта люблю по-прежнему. Верю также, что это расхождение может не нарушить наших личных давно дружеских отношений. Мне все как-то верится, что глубже наших расхождений есть между нами некоторое неизбежное и ненарушимое единство... Близкое будущее покажет, насколько правы мои надежды.

Говоря, что в моей полемике есть тон вражды, ты не вполне прав. Свою статью я писал безо всякой враждебности к тебе или к Блоку. Но, разумеется, я писал ее с решительной враждебностью к вашим идеям. С этими идеями я враждовать и бороться должен и буду. Моя полемическая статья с намеренностью написана внешне. Так как ты не захотел в своей статье сделать все выводы из своих положений, то и я предпочел говорить лишь о том, что в ней прямо сказано.

Если спор будет продолжаться, я не премину высказаться и «по существу». Пока о нашей полемике писали двое: Белый и некий Адрианов (в «Вестнике Европы») [1]; кажется, еще будет писать Франк [2]; затем обещал ответ ты. Когда все эти статьи появятся, я напишу общий всем ответ, в котором уже прямо выскажу свои суждения о призвании поэта и о значении «символизма».

Как ты, конечно, знаешь, я с осени принимаю участие в редактировании «Русской мысли». Надеюсь, что я могу считать тебя в числе сотрудников журнала [3]. Ты не можешь не быть желанным гостем во всех изданиях, которыми в той или иной мере руковожу я. Оставляя вопрос о степени твоего участия до получения твоего официального согласия, я все же хочу уже теперь сделать тебе одно предложение. Не захочешь ли ты написать для «Русской мысли» о книге Эллиса «Русские символисты» [4]? Я имею в виду, конечно, простую рецензию, так как, по разным причинам, считаю неудобным в «Русской мысли» уделять этой книге много места (хотя она и может дать повод для весьма важных и интересных соображений). Мне нечего добавлять, что, делая такое предложение, я тем самым предоставляю тебе свободу в выражении своих мнений, сколько бы они ни отличались от моих. О своем согласии или несогласии на это предложение не откажись уведомить меня хотя бы буквально одним словом на открытом письме: «да» или «нет».

Всегда твой Валерий

Ответ на п. 85.

[1] Андрей Белый. Венок или венец («Аполлон», 1910, № 11); С. Адрианов. Критические наброски («Вестник Европы», 1910, № 10). О других откликах на полемику между Ивановым и Брюсовым см.: *Блок*, т. 5, стр. 757—758.

[2] Семен Людвигович *Франк* (1877—1950) — философ-идеалист, участник сборника «Вехи». В полемике участия не принял.

[3] Приступая к работе в «Русской мысли», Брюсов разослал многим видным представителям символистского лагеря письма с предложением сотрудничать в журнале (см.: «Литературный архив», вып. 5. М.— Л., 1960, стр. 260).

[4] Эллис. Русские символисты. М., «Мусагет», 1910. В книге дан анализ творчества Бальмонта, Брюсова и Андрея Белого. Рецензия на нее в «Русской мысли» не появилась.

87. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Петербург.› 5 дек‹абря› 1910

Дорогой Валерий,

Конечно, я очень рад быть в составе твоих сотрудников в «Русской мысли». Фактически выразиться это сотрудничество в ближайшее время может в присылке стихов, о которых разумею, что они должны быть — в пределах возможного для их автора — *не* трудными для понимания; и таковыми могу тебе служить, если и когда ты захочешь [1]. Что же касается рецензии о книге Эллиса, это предложение я принужден отклонить как вследствие громадного накопления разнообразных работ, не позволяющего мне теперь думать о другом, так и потому, что для отчетливости и независимости *своего* исследования о символизме я считаю целесообразным принимать в расчет чужие мнения лишь постольку, поскольку они прямо относятся к высказываемым *мною* утверждениям; частично соглашаться или частично спорить с *параллельными теориями* значит только затемнять собственный метод; критиковать же критику (т. е. критическую, не теоретическую часть книги) не нахожу вовсе ни привлекательным, ни уместным.

Пока — только это, деловое. Спасибо за письмо; оно меня, как всегда, обрадовало уже самим своим прибытием.

Дружески твой Вячеслав

Ответ на п. 86.

[1] В 1911 г. Иванов в «Русской мысли» стихов не публиковал.

88. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Петербург.› 14 февраля 1911

Дорогой Валерий,

Как больно мне видеть, что ты поныне поддерживаешь мнения, высказанные тобою когда-то о «Кормчих звездах» [1]... К этой книге у меня какое-то ревнивое отношение [2]. Помню, в 1903 г., как твоя рецензия в «Новом пути» меня обидела,— потому что под ней подписано было *твое* имя. Я преодолел досаду такими приблизительно размышлениями: «Положим, от Валерия Брюсова следует многого требовать; но все же несправедливо требовать совершенной зрячести первого, еще наполовину рассеянного (неизбежная особенность литературных обозревателей) взгляда; поживем — увидим; конечно, жаль, что, обращаясь к мнимому новичку с привычными элементарными наставлениями, он отдает себе столь смутный отчет в художественном задании, не говоря уже о том, что вовсе не расслышал души; все же он — и не поняв явления — его отметил»...

Старую рецензию, конечно, можно было перепечатать: это интересно было бы исторически. Но оставлять ее основу, подкрасив поздними ин-

терполяциями, значит до сих пор ничего не понять. Отсюда и удержание красот наивно-аподиктического тона, каким свысока произносишь ты докторальные приговоры, притязающие быть «объективными» истинами, а не «субъективными» оценками. Но уважение, какое было, например, по твоим сообщениям, между Эразмом и Агриппой [3] — и каковое эстетически приличествует нашей красивой дружбе, не позволяет быть в данном случае неосторожным и утверждать что-либо (объективное) — бездоказательно. Nihil sine documento vituperandum in collegis paribus *. *Доныне* утверждаю, что книга сплошь *музыкально продумана*. Что признаешь ты «какофонией»? Ожидаю в рецензии примеров. Что такое «*ломаная проза*»? — и в каком смысле? Ужели гетевский vers libre? Ожидаю пояснений *примерами* [4]. Лишь такие подтверждения придали бы этим наблюдениям *объективную* ценность. Это — не подробности; а если бы и так,— ими-то я и дорожу. А в остальном провозглашай меня хоть усердным чернорабочим недающегося стиха: такие общие заявления больше объясняют наше собственное «миропостижение», нежели мир.

...Еще обнимаю, в довершение продолжившегося в душе свидания. Кланяюсь Иоанне Матвеевне. Прилагаю забытое стихотворение Верховского, которое хвалил. Напиши, понадобится ли оно [5]? И по возможности вообще о судьбе его стихов. Могу написать о «Философии свободы» Бердяева — только бы журнал высылали [6].

Дружески твой В я ч е с л а в

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

[1] Брюсов послал Иванову новую редакцию рецензии на сб. «Кормчие звезды» (впервые: *НП*, 1903, № 3), предназначенную в сб. *Далекие и близкие*.

[2] Ср. дневниковую запись Иванова от 5 июня 1906 г.: «Перечитывал «Кормчие звезды», и мне казалось, что равной им книги лирики, быть может, никогда мне не написать. И, конечно, «Cor Ardens» не будет на высоте моей первой книги» (ГБЛ ф. 109).

[3] См. об этом в статье Брюсова «Агриппа Неттесгеймский» (*РМ*, 1911, № 2).

[4] В своей рецензии Брюсов указывал недостатки поэтической системы Иванова: «Его новые размеры не всегда ему удаются и иной раз оказываются плохой, ломаной прозой. Он злоупотребляет стечением согласных букв и сопоставлением односложных слов, думая достичь этим особого эффекта и создавая только неприятную какофонию» (*НП*, 1903, № 3, стр. 214). Согласно с желанием Иванова, Брюсов сопроводил примерами свои утверждения и при этом несколько смягчил резкость, с которой они были выражены: « ..порой там, где ему хотелось бы писать Гетевским «свободным стихом» нам слышится просто раз, еленная на маленькие кусочки проза <...> Погоня за звуковыми эффектами, дающая новую напевность в счастливых созданиях, в неудачных приводит почти к какофонии речи» (*Далекие и близкие*, стр. 123). По-видимому, под влиянием этого письма Брюсов сделал следующую оговорку в примечании к статье: «...я не нашел возможным изменять самих суждений статьи, хотя более близкое знакомство с поэзией Вячеслава Иванова и заставило меня увидеть в его первой книге много такого, что в свое время ускользнуло от моего внимания» (там же).

[5] См. п. 89.

[6] Рецензия Иванова на книгу Н. А. Бердяева «Философия свободы» (СПб., 1911) в «Русской мысли» не появилась.

89. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

<Москва. 11 мая 1911 г.>

Дорогой Вячеслав. Прости, что не ответил своевременно на твое письмо. Был очень занят и хворал. Сошлюсь и на то, что и мне приходилось иногда ждать твоего ответа месяцы. Согласно с твоим желанием, я возвратил свою статью о «Кормчих звездах» к ее первоначальному виду — тому, в каком она была напечатана в «Новом пути», добавив лишь несколь-

* не следует порицать чего бы то ни было в обществе равных бездоказательно (*лат.*).

ко цитат, доказывающих выставленные в ней положения. О «Cor Ardens» я написал новую статью, которая войдет в ту же книгу, *извлечения* из нее напечатаю в «Русской мысли» [1]. Очень рад, что ты, наконец, участвуешь в «Русской мысли»; статья твоя *очень* хороша [2]. Все жду, что ты исполнишь свое обещание и пришлешь для журнала стихов. Одно стихотворение Верховского, из числа переданных тобою, напечатано [3]. Бородаевского стихи мне нравятся менее [4]. Участвуешь ли ты в предприятии Сабашниковых по изданию переводов классиков ?[5] и хочешь ли участвовать? Где будешь летом? Всегда твой В а л е р и й

11 мая 1911

Ответ на п. 88.

[1] Отзыв о сб. «Cor Ardens» (ч. I. М., «Скорпион», 1911) вошел в обзор Брюсова «Новые сборники стихов» (*РМ*, 1911, № 7); перепечатан (с незначительными исправлениями) в сб. *Далекие и близкие.*

[2] Статья Иванова «Достоевский и роман-трагедия» (*РМ*, 1911, № 5 и 6).

[3] Стих. Ю. Н. Верховского «Завет». См.: *РМ*, 1911, № 4.

[4] 28 мая Иванов отвечал: «Сожалею и удивляюсь, что ты не хочешь признать Бородаевского. Сила его дарования очевидна». Иванов издал со своим предисловием книгу Валериана Бородаевского «Стихотворения. Элегии. Оды. Идиллии» (СПб., «Оры», 1909). Стихи этого поэта в «Русской мысли» не печатались.

[5] В 1911 г. изд-во М. и С. Сабашниковых предприняло выпуск серии «Памятники мировой литературы». 28 мая 1911 г. Иванов сообщил Брюсову: «У Сабашниковых я взял Эсхила, в двух томах, срочно». Издание это не было осуществлено; в изд-ве Сабашниковых в переводе Иванова вышли книги: А л к е й и С а ф о. Собрание песен и лирических отрывков <...> (1914); П е т р а р к а. Автобиография. Исповедь. Сонеты (1915). Иванов участвовал также в подготовке неосуществившегося издания антологии греческой лирики.

90. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

2-ое июня 1911 г.

Дорогой Вячеслав!

Прежде всего, прости, пожалуйста, что тебе не была доставлена «Земная ось». Не знаю, как это случилось. Я склонен думать, что книга затерялась на почте. Как только буду в Москве (я сейчас в деревне), немедленно вышлю ее и книгу Балтрушайтиса [1]. Благодарю тебя за разбор моего Авсония [2]. Ты знаешь, что мы с тобой не сходимся в теории русского гекзаметра. Я считаю, что ее нужно выводить из стихов Гнедича, Дельвига, Пушкина, а не из греческих примеров. На днях вышлю тебе «Купидона распятого», напечатанного в «Гермесе», где раньше были кое-какие другие мои переводы из древних [3]. Прости, что пишу мало: последние недели был болен и еще не совсем поправился.

Договор с «Шиповником» пересылаю по их адресу подписанным. Согласно с твоими письмами, пишу им, что и ты эти условия принимаешь [4].

Сообщи, пожалуйста, свой летний адрес; мне можно писать в Москву.

Обнимаю тебя. Всегда твой В а л е р и й

Ответ на п. Иванова от 28 мая 1911 г.

[1] 28 мая Иванов просил прислать ему второе издание сборника Брюсова «Земная ось» (М., «Скорпион», 1910) и книгу Балтрушайтиса «Земные ступени» (М., «Скорпион», 1911).

[2] 28 мая Иванов охарактеризовал как «прекрасную работу» статью Брюсова о римском поэте Дециме Магне Авсонии «Великий ритор» (*РМ*, 1911, № 3), однако о его переводах из Авсония (там же) отозвался критически: «...гекзаметры мне совсем не нравятся—здесь, как это ни странно, стихи, на мой взгляд, слабейшая часть. Как мне жаль, что мы словно разделены семью морями в общении поэтическом: хотелось бы показывать тебе свое и следить за твоим».

[3] В журнале «Гермес» опубликован ряд переводов Брюсова из римских поэтов (1911, № 9, 10, 20), в том числе идиллия Авсония «Купидон подвергается муке» (1911, № 10, май).

[4] Изд-во «Шиповник» выпускало «Собрание сочинений» Д'Аннунцио; в девятый том (СПб., 1911) вошла трагедия «Франческа да Римини» в переводе Брюсова и Иванова.

91. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

‹Петербург.› 6 марта 1912

Дорогой Валерий,

Позволь мне убедительно просить тебя приехать на здешнее чествование Бальмонта (разумею торжественное заседание «Неофилологического общества» 11 марта) [1]. Мне *лично* твое присутствие было бы крайне желательно и дорого, потому что, затеяв дело, я естественно желаю, чтобы его осуществление было на высоте замысла, а твое отсутствие создаст незаменимый, всеми остро ощутимый пробел. Весь наш комитет придает чрезвычайное значение твоему участию. Прибавляю, что мне *очень* хотелось бы с тобою увидеться, а в Москве этою зимой так и не удалось побывать.

Благодарю тебя за «Далеких и близких», за твои страницы обо мне [2], за привет моей книге в «Русской мысли», которым горжусь [3].

Большой поклон Иоанне Матвеевне.

Любящий тебя В я ч е с л а в

[1] 11 марта 1912 г. состоялось заседание «Неофилологического общества» при Петербургском университете, посвященное 25-летию поэтической деятельности Бальмонта. Иванов входил в юбилейный комитет и выступил с речью «Лиризм Бальмонта» («Речь», 1912, № 70, 12 марта). В тот же день была опубликована его статья «К. Д. Бальмонт» («Речь», 1912, № 69, 11 марта).

[2] В книге *Далекие и близкие* Брюсов объединил свои рецензии о всех стихотворных сборниках Иванова, к тому времени вышедших из печати.

[3] См. п. 89, примеч. 1.

92. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

Москва. 8 марта, 1912 г.

Мне всей душой хотелось бы присутствовать на «празднике Бальмонта», но окончательно это для меня невозможно [1]. Десятки разнообразнейших дел и работ не позволяют мне выехать из Москвы — это первое. Второе то, что простое мое «присутствие» не будет иметь значения. Приготовить какую-нибудь дельную, нужную слушателям речь я не мог. Выступать же с пустыми, приветственными словами — я не хочу. В конце концов мне приходится удовлетвориться присланной телеграммой.

Благодарю за привет моей книге. После нашей беседы я боялся (именно *боялся*), что тебе будут неприятны дополнения, какие я сделал к статье о «Кормчих звездах». Но, со всей искренностью, я старался добавить именно то, что *написал бы* в 1903 году, если бы у меня тогда было больше места для статьи. Трудно это утверждать, но я уверен, что хорошо помню свои мысли и взгляды того времени, не говоря уже о том, что у меня сохранилась черновая той статьи, и я кое-что взял из нее. Если бы о «Кормчих звездах» я писал теперь, я сказал бы о книге все *совершенно другое*, совсем иначе подошел бы к ней [2].

Предполагается, что с осени «Русская мысль» переселится в Петербург [3]. Тогда я буду частым гостем «Окна в Европу», как пишут на своих изданиях наши футуристы [4] (кстати, не лишенные таланта). Пока — нашим ближайшим свиданием буду считать тот день, когда ты получишь мой новый сборник стихов, который очень прошу тебя прочитать: я им очень дорожу [5]. «Выходит» он не далее как завтра.

Всегда твой В а л е р и й

Ответ на п. 91.

[1] 25 февраля 1912 г. Брюсов писал С. К. Маковскому: «Мне бы очень хотелось приехать на «праздник Бальмонта», но я поистине не принадлежу себе <...> Во всяком случае, обещаю вам, что сделаю все возможное, чтобы освободиться к указанному вами дню и приехать в Петербург» (ГПБ, ф. 124, ед. хр. 676).

[2] См. п. 88 и 89.

[3] Редакция «Русской мысли» была переведена в Петербург в августе 1912 г.; Брюсов остался в Москве.

[4] «Окно Европы» — так обозначал место издания своих эго-футуристических поэтических прокламаций поэт Константин Олимпов (К. К. Фофанов). См. например: Константин О л и м п о в. Аэропланные поэзы. Нервник I. Кровь первая. Окно Европы. 1912 г. Весна.

[5] Сборник «Зеркало теней». 28 ноября 1911 г. Брюсов писал о нем К. И. Чуковскому: «Печатаю новый сборник новых стихов, которыми очень доволен. Считаю, что это будет моя лучшая книга стихов» (Корней Ч у к о в с к и й. Из воспоминаний. М., 1959, стр. 458).

93. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

18, piazza del Popolo, int. 6, Roma
22/9.I.1913.

Дорогой Валерий,

Счастливого нового года! Часто думаю о тебе. Думал, например, 1 декабря, будучи уже здесь [1]. Но ты знаешь, какой я письмописец. Ты уже давно только плечами пожал на мои неисправности. Особенно мне досадно, что я не сказал вовремя своих впечатлений по прочтении твоей последней книги стихов, за присылку которой прими запоздалую благодарность [2]. Так ярко тогда почувствовалось, что это — лирика выздоровления. Оттого в одной части стихов эти очаровательные свежесть и простота. Люблю также многое о женщинах и от лица женщины, за верность и точность изображения. Самая мрачность некоторых мотивов внутренне преодолевается — не художеством только, но самим ощущением выздоровления. Не художеством — потому, что в других случаях, где поэтическая техника великолепна, этого преодоления нет, и зияет что-то болезненное и бессильное под блеском когда-то нас пленявших, но уже износившихся уборов. Но это — исключения, и основной тон переходной книги, ее определяющий, совсем не таков. Только не подумай, чего доброго, что я морализирую под сурдинку. О нет! Кстати, и собственными статьями я никогда не руководствуюсь в оценке творений искусства: они post factum вытекают из некоторых обобщений и наблюдений, больше над самим собой, и отнюдь не покрывают диапазона моих вкусов. Итак, я просто хотел бы свободы от *всяких* пут, непосредственности, силы и, кажется — присущего силе, жизнеутверждения. А истинная, последняя простота художника,— до которой нам обоим, должно быть, еще далеко,— для меня — художническая святость.

Благодарю тебя за статью о 2-м томе «Cor Ardens» [3], которой горжусь еще более, чем статьей о первом [4],— не перед людьми, а перед собой. Посылаю тебе летнюю лирическую книжечку [5]. Мне не кажется, что она — только дополнительные страницы ко 2-му тому, а ты что скажешь? Посылаю также (через Петербург) изданную «Орами» книжку Скалдина [6]; надеюсь, что ты согласишься со мной, что он даровит и делен; если же так, при случае литературно ему помоги. Об «Алтаре победы» ничего не говорю: еще не озираю огромного произведения [7]. Кажется, что «Огненного ангела» люблю больше, но, быть может, это — пристрастие. В журнале очень неудобно отдать себе отчет ясный о целом; впечатление разбивается; одним словом, еще окончательно ничего не знаю, но от души любуюсь на знатока римских дел.

Обнимаю тебя с чувством старинной дружбы. Приветствую с новым годом Иоанну Матвеевну. Любящий тебя В я ч е с л а в

БРЮСОВ

Фотография Д. С. Здобнова. СПб., 1900-е годы. С автографом:

«В этой толпе неисчетной
Что я?— лишь отзвук других
(«Зеркало Теней»).
1913. Валерий Брюсов».

Литературный музей, Москва

P. S. «Русскую мысль» мне перестали высылать с сентября, и поделом. Но все же... Ora pro nobis *! Пересылочные деньги я могу уплатить, а сотрудничать рад.

[1] 1 декабря н. ст.— день рождения Брюсова. Иванов обосновался в Риме в конце 1912 г. и прожил там до осени 1913 г., после чего поселился в Москве.
[2] Сб. «Зеркало теней» (см. п. 92, примеч. 5).
[3] См. этот отзыв Брюсова в статье «Сегодняшний день русской поэзии» (*РМ*, 1912, № 7).
[4] См. п. 89, примеч. 1.
[5] «Нежная тайна. Λέπτά» (СПб., «Оры», 1912). В предисловии указано, что стихи, составившие раздел «Нежная тайна», «написаны летом 1912 года, в Савое» (стр. 5).
[6] А. Скалдин. Стихотворения (1911—1912). СПб., «Оры», 1912.— Алексей Дмитриевич *Скалдин* (1885—1943) — поэт и прозаик; стихи его отмечены влиянием Вяч. Иванова.
[7] Роман «Алтарь победы» печатался в «Русской мысли» (1911, № 9, 11, 12; 1912, № 1—6, 8—10).

94. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

Майоренгоф, близ Риги,
санаторий д-ра Максимовича
20 января 1914

Дорогой Вячеслав!

Пленен, обрадован, тронут твоими стихами. Далее ты найдешь мой ответ на твое послание — вернее, на его последние строфы,— но смотри на него лишь как на письмо, хотя и в стихах, ибо соперничать с твоими они не смеют [1].

О себе опять не пишу: трудно. Многое до́лжно было бы раньше *сказать*, чему не суждено было быть. Кое-что узна́ешь все же из стихов. Здесь живу для нас с тобой мирно, для здешних обитателей, конечно, на соблазн. Однако, временно уйдя в другой мир, чувствую себя почти хорошо,— сколько сейчас могу. Иоанна Матвеевна — в Москве; если когда с ней встретишься, она дорасскажет внешности.

Море шумит о снег; сосны шумят, отвечая. Еще никогда я не видел зимнего моря: радуюсь и пишу к нему строфы [2]. (Ты, конечно, не подумаешь, что это — все, что у меня сейчас в душе.) О Москве не то что стараюсь, а решаюсь не думать. Что до Москвы поэтов,— и футуристов,— то надеюсь на тебя очень. За моим отсутствием ты, вероятно, принял по праву принадлежащую тебе державу в этом царстве, как то было в Петербурге. Вернувшись (если вернусь), я первым покорно признаю твою волю, ибо надо, чтобы и москвичи испытали ее благостное ярмо. Кое-кто все же остался, кому не жалко и до́лжно расточить от богатства твоего, все равно не оскудевающего и не могущего оскудеть. Последнему порука твои новые стихи, за которые вновь благодарю.

Обнимаю тебя. Всегда твой Валерий Брюсов

Ответ на письмо Иванова от 15 января 1914 г.

[1] 15 января Иванов отвечал на записку просившего писать Брюсова (7 января 1914 г.): «Меня и тронули и обрадовали твои строки, память твоя и весть ответная на думы о тебе ‹...› Прилагаю стихи, написанные по получении твоего письма из Риги». Эти стихи — «Лира» (дата: «14 января 1914 г.») и «Ось» (дата: «11 января 1914 г.»); второе имеет посвящение: «Валерию Брюсову». Брюсов ответил на них посланием «Вячеславу Иванову» (дата: «20 янв. 1914»). О дальнейшей судьбе этих стихов см. п. 95.
[2] Вероятно, стихотворение «В лодке рыбацкой», написанное 15 января 1914 г

* Молись о нас! (*лат.*).

95. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

<Москва.> 30 янв<аря 1914 г.>

Дорогой Валерий, благодарю тебя сердечно за письмо и стихи! Радуюсь Марсу, в них поющему. Пишу эти строки, только что вернувшись из Петербурга. Предупреждаю тебя, что в отчетах о моей лекции помянуто твое имя и Бальмонта в связи, вовсе не соответствующей действительной связи моих слов [1]. Я хотел было это исправить вместе с другими недочетами в передаче сказанного обращением к редакции, да рукой махнул: решительно, не стоит исправлять репортеров, тем более, что статья «О границах искусства» скоро появится в «Трудах и днях» и потом в моей книге статей [2]. И дело идет в данном случае все же о мелочах. Так как я даю в февральский альманах «Сирина» три стихотворения, из коих одно — «Ось», то обращаюсь к тебе спешно с таким вопросом. Хотел бы надписать посвящение «Валерию Брюсову», но в этом случае, ввиду того интимного, что содержат стихи, без твоего согласия и одобрения не смею и надписываю *«другу-поэту»*. Но если бы ты был согласен на упоминание твоего имени, тогда уже печатай подряд *«Ответ»* — Вяч. Иванову. Твои стихи великолепны, и дуэт мне кажется и красивым и символически ярким [3]. Ответь мне *тотчас*.

Любящий тебя В я ч.

Ответ на п. 94.

[1] 22 января 1914 г. Иванов прочитал в Петербурге, в концертном зале Тенишевского училища, лекцию «О границах искусства». В отчете, напечатанном за подписью «В.» («Речь», 1914, № 23, 24 января), излагались прослеживаемые Ивановым начала духовной жизни — восхождение и нисхождение духа, и, в частности, сообщалось: «Переходя к символическому искусству, лектор находит эстетическую опасность в тяготении символистов к полюсу восхождения — тяготении, особенно сильном у Вал. Брюсова и Бальмонта. В силу особенностей лирической поэзии, символисты могли всего легче творить в этой области, и оттого у них преобладает лирика». См. также: «Биржевые ведомости», 1914, 23 января; «Россия», 1914, 28 января; «Бюллетени литературы и жизни», 1913, № 7, отд. I, стр. 421.

[2] Статью «О границах искусства» см.: «Труды и дни издательства «Мусагет». Тетрадь седьмая. М., 1914.

[3] Четыре стихотворения («Лира» и «Ось» Брюсова; «Лира» и «Ось» Иванова) опубликованы в альманахе «Сирин» (сб. 3. СПб., 1914) под общим названием «Carmina amoebaea», что означает «Чередующиеся песни» (*лат.*), т. е. песни, исполняемые поочередно двумя певцами или хорами. Второе стихотворение Брюсова первоначально называлось «Вячеславу Иванову» (см. п. 94, примеч. 1). Стихи Брюсова вошли в *СПР* с посвящением Иванову и датой: «1913—1914. Эдинбург II». Стихи Иванова — в его сборник «Свет вечерний» (Оксфорд, 1962).

96. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

<Москва.> Зубовский б<ульвар> 25
13 марта 1916

Дорогой Валерий,

Посылаю тебе корректуру своей речи, сказанной 5 марта и затребованной у меня «Утром России» [1],— с просьбою пробежать ее. Желанна ли тебе эта статья или нет, я лично не смею решать, но ни за что не хотел бы, чтобы она увидела свет, если она тебе не желанна. Поэтому прошу тебя убедительно сказать мне со всею откровенностью: «да, желанна», или: «нет, нежеланна». В последнем случае, я возьму ее из редакции,— причем уверяю тебя, что ровно ничем не жертвую, что появление или непоявление ее в свет в газете для меня совершенно безразлично [2].

Если ты разрешишь мой основной вопрос положительно, дальнейшая моя просьба к тебе такова: будь добр, отметь на полях корректуры несколькими словами или знаками частные определения, которые тебе не

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ
Рисунок К. Ф. Юона. Карандаш, 1920
Литературный музей, Москва

по душе в этой попытке беглой синтетической характеристики. Кое с чем ты просто не согласишься — и знать это для меня лично и любопытно и важно, но не беда, с другой стороны, если мы оба так об этом и не согласимся; практически я имею в виду другое: мне невыносима мысль, что я невзначай могу обмолвиться словом, с которым ты не просто не согласен, но которое тебе неприятно, как произнесенное во всеуслышание слово.

Если корректуру оставишь у себя, пошли с моим посланцем записку, что она в твоих руках.

Твой сердечно В я ч е с л а в

[1] 5 марта 1916 г. в большой аудитории Политехнического музея в Москве состоялся вечер поэзии Брюсова, на котором с приветственной речью выступил Иванов. См.: Вяч. И в а н о в. О творчестве Валерия Брюсова.— «Утро России», 1916, № 77, 17 марта.

[2] Брюсов отвечал на эту просьбу (письмо без даты): «Какое же может быть сомнение, что мне *дорого все*, что ты найдешь нужным сказать обо мне! ⟨...⟩ твою статью я прочел со спокойной уверенностью, что все сказанное тобою должно быть сказано (по крайней мере в данный день)».

97. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

Баку. Гос. университет. 18 июня 1922

Дорогой Валерий,

Благодарю тебя за твой дружеский зов, за твои настояния, чтобы я вернулся в Москву. Не могу! Здесь, как-никак, я все же хоть на юге. И не сердись на меня, будь великодушен: ибо вина моего молчания велика. Отозваться на твои литературные приглашения я не могу: ничего не пишу я после Москвы, ничего вовсе [1]. Научное, однако, исключается: медленно печатаю книгу, перерабатываю заново прежние, никогда не видевшие света тетради. Вследствие изменения даже само́й основной концепции это вполне новая работа. Заглавие: «Дионис и прадионисийство» [2]. Факультетские лекции и семинарии — вот весь ⟨?⟩ круг моих интересов за эти два года [3]. Кроме того, что я вообще ничего, помимо указанного, не пишу, я еще и не понял — признаюсь — твоих умолчаний (ты, очевидно, предполагал, что я о деле вообще информирован); не понял, чего именно ты от меня ожидал, какого ответа на какие вопросы...

Пишу тебе сейчас буквально через силу и жестоко нарушая врачебный запрет. У меня воспаление радужной оболочки глаза, я должен лежать в темноте и отнюдь не читать и не писать. Кроме того, непрерывающийся жар, сильно меня изнуряющий. Предполагают малярию (которую я приобрел когда-то еще в Риме), потому что в крови много пласмодий. Одним словом, я и слеп и едва жив. Но пишу все же, чтобы рекомендовать твоей чуткой и строгой доброте поэтического ребенка, выходящего, однако, из ребяческого возраста, но еще не имеющего за душой иных стихов, кроме ребяческих, 15-летнюю Лелю Самойлову [4], с которою я занимаюсь уже года 1 $^1/_2$. Она только что блистательно кончила гимназию, намеревается быть студенткой-словесницей. Испытай ее возможности — у нее есть некоторое знание форм и большая легкость в сложении стихов, она очень умна, у нее поэтический темперамент. Как ребенок, она была мила своими простодушными и благозвучными стихами; что даст она как взрослая девушка— увидим. Во всяком случае, взгляни на нее милостиво, в Москве ей все чуждо и незнакомо; если ведешь ты какие-нибудь студийные занятия, допусти ее к участию.

Желаю тебе доброго здоровья и всего лучшего и прошу сердечно приветствовать от меня Иоанну Матвеевну.

Любящий тебя неизменно Вяч. И в а н о в

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

[1] 1920—1924 гг.— время глубокого поэтического кризиса Иванова; известен, однако, ряд стихотворений бакинского периода, по преимуществу — посвящений и стихотворений на случай.

[2] Вячеслав И в а н о в. Дионис и прадионисийство. Баку, 1923.

[3] Подробнее о пребывании Иванова в Баку см.: Н. В. К о т р е л е в. Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета.— «Уч. зап. Тартуского университета», вып. 209 («Труды по русской и славянской филологии. XI. Литературоведение»). Тарту, 1968.

[4] Леонида Иосифовна *Самойлова* (1907—1945) — впоследствии сотрудник изд-ва «Московский рабочий» и редакции журнала «Литературный критик». По-видимому, со стихами в печати не выступала. Одновременно Иванов рекомендовал ее и П. Н. Сакулину (см. письма к нему от 18 июня 1922 г. и от 14 января 1923 г.— ЦГАЛИ, ф. 444, оп. 1, ед. хр. 60).

БРЮСОВ
СО СВОИМ ВОСПИТАННИКОМ
КОЛЕЙ ФИЛИПЕНКО

Фотография. Москва, 1920-е годы. Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

98. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

Баку, Гос. университет. 12.VII.1923

Дорогой Валерий,

Опять слышу твой дружеский зов — в Москву, к совместной работе. Но, милый, верный, старый друг, оставь меня и моих на юге. Дай еще погреться под субтропическим солнцем, на которое я не жалуюсь и в пору здешнего зноя. Синее Хвалынское море [1] смягчает его ярость и утешает даже в отсутствии зелени. Я люблю Баку с его генуэзскими очертаниями, с его иерусалимскими холмами, с его выжженными высотами и врезанными в камень колеями пригородных дорог, с его скорпионами, фалангами, змеями в расселинах камней и сухими благоухающими травами по теменям скал. Здесь идет живая — культурная работа, нужная для России: ведь мы в воротах Востока. Помню твое стихотворение о Баку; оно мне тогда очень понравилось и смутно памятно [2]. Я занимаюсь здесь тем, чем стал бы заниматься и в Москве, окруженный учениками, среди которых есть и такие, что не жаль работы, им отданной. Кроме того, я здесь предаюсь классической филологии, у вас, в Москве, совсем, кажется, исчезнувшей с поля зрения. Сожалею, что не могу ни тебе, ни кому другому из близких мне лиц прислать свою книгу «Дионис и прадионисийство», здесь напечатанную (не думай, что это переработка прежних статей «Религия страдающего бога») и защищенную в университете [3]. Не могу прислать ее, потому что Наркомпрос, с трудом ее выкупивший у Полиграфтреста (ибо печатание обошлось дорого), захватил весь небольшой завод издания. Но ты увидишь ее везде, куда ее пошлют — обязаны послать — из Наркомпроса. Работаю я (кроме лекций) еще и как председатель Художествен-

ной секции Народного комиссариата просвещения, и по художественным школам в Главпрофобре [4]. Ты очень обязал бы нас, выслав нам материал уставов и инструкций по художественным школам. Здесь меня крепко держат, да я и сам не стремлюсь покидать Азербайджана. Разве что заграницу — чтобы написать, прежде всего, свою книгу об Эсхиле и его удивительной, еще недостаточно раскрытой эпохе [5]; однако, в этом году о поездке заграницу вовсе не возбуждал вопроса, зная, что в Германии, где единственно возможно было бы жить командировочный год или 1 $^1/_2$, теперь живется тревожно и тяжело. Благодарю тебя за твою память и зов. Приветствуй от меня Иоанну Матвеевну. Верь в искреннюю преданность

любящего тебя Вячеслава И в.

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

[1] Древнерусское название Каспийского моря.
[2] Вероятно, стихотворение «В Баку» (*РМ*, 1916, № 5); Иванов мог знать также и стихотворение «Баку» (25 января 1917 г.), напечатанное посмертно (*Избр. произв. 1926*, т. III).
[3] Докторскую диссертацию Иванов защитил 22 июля 1921 г. См.: Н. В. Котрелев. Указ. соч., стр. 328.
[4] Там же, стр. 334, 337—338.
[5] Этот замысел не был осуществлен.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

РЕЦЕНЗИЯ ИВАНОВА «О НОВОЙ КНИГЕ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА: «URBI ET ORBI»

Вот правый русский стих — мужественный, свободный и неуклонный! Значит, и в области ритмики, опять есть литература — и высокий подъем ее: а недавно еще была только снова поэзия.

Кажется, что пред тобой бронзовый юноша, вроде «L'Âge d'airain» * Родена. Таков этот стих, металлически выпуклый, мужески стройный и свежий, прочный, как стих латинский.

Или еще видится бронзовый крылатый лев,— зверь-птица, возлетающий, чтобы прянуть на земную добычу, волшебный лев-Марк, страж и носитель земного лика вечного благовествования.

Или вспоминается еще, при этом стихе, сосредоточенном и зорком, как глаза рыси, Линкей второй части «Фауста», страж духа, уследивший с своей башни Красоту-Елену и расточающий перед ней несметные дары своего мирообъемлющего зрения.

В этой книге — начатки больших возможностей: попытка реализма в лирике. И как к лицу этот реализм нашему русскому «латинскому» стиху!

Несмотря на новизну этой поэзии, есть черты в многоликом составе поэта, сближающие его — из старых певцов — с Языковым; то же удалое буйствование, то же ликование и дерзость молодой силы, тот же восторг мышц, тот же «хмель», отмеченный в Языкове Пушкиным.

В поэте есть художник, характер и лирик. И стихия этого лиризма — дионисический озон, усиливающий жизненность до последнего избытка. Общий грех современных исканий — преследование ложного идеала романтической «красивости» — правда, ослабляет животворное влияние дионисической струи. Ницше — «филолог Ницше», по определению Вл. Соловьева, и потому классик и пластик в той же мере как музыкальный энтузиаст,— если не сумел превзойти этого идеала,— умел с ним бороться; и с ним борется в Брюсове художник.

Копия рукой М. М. Замятниной с автографической подписью Иванова. ГБЛ, ф. 386.57.10, л. 2—3.

* «Бронзовый век» (*франц.*).

Иванов написал эту «импрессионистскую», по его собственному определению, рецензию не позже 1/14 ноября 1903 г. и предполагал отдать ее в альманах изд-ва «Гриф» (см. п. 6). Однако рецензия не была напечатана, возможно потому, что содержание ее совпадает со стихотворным обращением Иванова к Брюсову («Твой правый стих, твой стих победный...»), вошедшим в «Прозрачность». Автограф этого стихотворения датирован: «3/16.XI.03».

ПРИЛОЖЕНИЕ II

1. ИВАНОВ — И. М. БРЮСОВОЙ

Рим, 19 окт‹ября› 1924

Дорогая Иоанна Матвеевна,

Только что долетела до меня плачевная весть. Не думал я никогда, что переживу Валерия. Он пророчил себе когда-то очень долгую жизнь, и я ему поверил. Как ни хворал он за последние годы, мысль о возможности скорого конца не приходила мне в голову. Нет Блока, нет Брюсова: наша старая группа уходит из нового мира... «И, мнится, очередь за мной...» [1] В эти траурные дни русской словесности, думаю я все же не о словесности. Ведь Валерий мог бы повторить о себе слова Цезаря: «satis vixi vel vitae vel gloriae» — «довольно я жил для жизни, довольно и для славы» [2]. Я думаю о вашем личном горе. Всю свою жизнь, каждое дыхание ее вы отдали ему, ему одному. Величайшие страдания, которые несла с собою эта жертвенная любовь, были все же пронизаны той радостью, которая составляет самое душу любви,— радостью о том, что любимый жив и с вами. Увы, мера ваших страданий еще не исполнилась, а радость близости любимого — отнялась. Вы чувствуете, конечно, что собственная жизнь ваша как бы вырвана из земли с корнем... Мужайтесь, дорогая, благородная страдалица,— и подумайте прежде всего о принятом вами на воспитание мальчике [3]. Он должен быть вам утешением. Прекрасна эта страница жизни Валерия и вашей. Вспоминаю, как при последнем свидании нашем в июне Валерий при мне говорил с ним и ему улыбался. Эта ласковая улыбка человека глубоко омраченного, при взгляде на любимого ребенка, эта столь несвойственная ему глубокая и стыдливо спрятанная умиленность в обращении с ним — меня тронули и вызвали во мне тихое восхищение. Думайте о нем. Думайте о том, что великое закономерно искупается великими жертвами. И о том также, что наши человеческие достижения не отделимы от наших заблуждений. Молитесь за душу Валерия... Не забывайте в горе о вашем далеком верном друге — Вячеславе И в а н о в е.

Адрес мой: Al Signor Venceslao Ivanov.
172, via Quattro Fontane 3° p. (Presso Placidi), Roma.

[1] Из стихотворения Пушкина «Чем чаще празднует лицей...»
[2] Это выражение, ставшее крылатым, Цицерон приписывает Юлию Цезарю (C i c e r o. Pro M. Marc., 8. 25).
[3] Николай Николаевич *Филипенко* (1916—1957), племянник И. М. Брюсовой, был взят в семью Брюсовых на воспитание.

2. ИВАНОВ — И. М. БРЮСОВОЙ

‹Рим. 30 ноября 1924 г.›

Дорогая Иоанна Матвеевна,

Благодарю вас за грустный рассказ и последние стихи. Просьбу вашу «написать, soit en prose, soit en vers *, молитву, современную молитву» — исполняю, как умею, как мне свойственно, как я должен. Молитва моя не хочет быть «современной», но кажется мне трагически своевременной. Пишите мне еще, как другу.

Неизменно преданный вам В. И.

30/XI.1924

* или в прозе, или в стихах (*франц.*).

Как листья ветр,— у Вечности преддверий
Срывает Смерть, что украшало нас;
И в строгий, нелицеприятный час
Я о душе твоей молюсь, Валерий,

О вечной памяти — не здесь, в молве,
На поколений столбовой дороге,—
Но в ждущей нас недвижной синеве,
Но в искони помыслившем нас боге.

Вяч. Иванов

Рим,
30 ноября 1924.

Некоторое время по приезде в Рим Иванов вел дневник (сохранился в римском архиве поэта). 1 декабря 1924 г. в него было вписано это письмо почти целиком, вместе со стихами (в третьей строке — незначительное расхождение с публикуемым текстом).

ПЕРЕПИСКА С ЭМИЛЕМ ВЕРХАРНОМ 1906—1914

Вступительная статья и публикация Т. Г. Динесман

В многообразной деятельности Брюсова есть один эпизод, весьма характерный для его взглядов на итоги и перспективы современной поэзии, какими они сложились к середине 1900-х годов. Этот эпизод — проект издания обширной серии книг под общим названием «Библиотека новой поэзии».

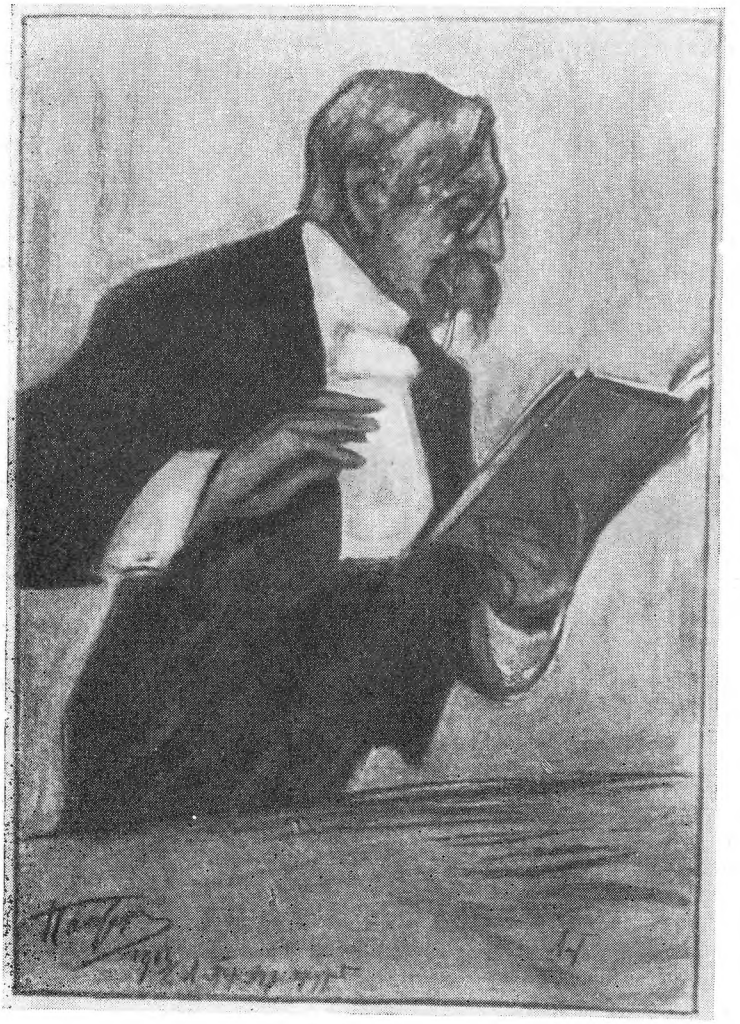
В специальном проспекте, составленном в начале 1906 г., но так и не увидевшем света, Брюсов сформулировал исходные позиции, задачи и план задуманного издания [1]. «Круг развития литературной школы, известной под названием «декадентства», «символизма», «нового искусства», можно считать завершенным»,— писал он. Указав, что «закат» этой школы переживает не только Западная Европа, но и Россия, Брюсов приходит к выводу о настоятельной необходимости произвести своего рода «ревизию» прошлого, осмыслить его уроки, уяснить достижения и ошибки уходящей в историю литературной школы: «...настало время подвести итоги декадентству,— пишет он.— Пора выяснить, что оно дало, отделить истинно ценное в творчестве его адептов от случайного и уродливо-лишнего». Этой задаче и должна была служить задуманная им «Библиотека новой поэзии», в проспекте которой перечислено около 50 имен современных писателей России и Западной Европы. В заключение указывалось, что первой книгой «Библиотеки» будут «Стихи о современности» Эмиля Верхарна в переводе Брюсова.

Книга вышла в июне 1906 г.[2] В соответствии с проспектом «Библиотеки», она содержала не только произведения Верхарна, но и его портрет, биографию, а также подробную библиографию его произведений и литературы о нем. Однако, явившись своего рода эталоном будущей серии, «Стихи о современности» оказались не только первым, но и последним ее выпуском — проект, задуманный с таким широким размахом, не был реализован.

Самый факт выхода этой книги и то обстоятельство, что именно она открывала «Библиотеку», посвященную итогам развития поэзии за последнюю четверть века, связаны с брюсовской концепцией символизма, поскольку творчество Верхарна занимало в ней особое место. Брюсов ценил в Верхарне единственного поэта-символиста, который сумел выйти за пределы изживающей себя школы и вступить на путь принципиально новых исканий, позволивших неизмеримо расширить область доступных поэзии вопросов и арсенал поэтических средств. Брюсов видел в творчестве Верхарна идеальный синтез достижений прошлого и провидения будущих возможностей поэзии. Именно это определяло его отношение к Верхарну как «самому значительному художнику изо всех тех, кто выдвинуты движением, известным под названием «символизма» [3].

Это восприятие поэзии Верхарна Брюсов сохранил до конца своих дней, однако сложилось оно далеко не сразу. Формированию его предшествовала стремительная эволюция поэтических взглядов самого Брюсова и тщательное изучение и осмысление им всего, что было создано Верхарном к началу XX в.

Бельгийский поэт, писавший на французском языке, Эмиль *Верхарн* (1855—1916) выпустил свой первый сборник стихов «Фламандские картины» («Les Flamandes») в 1883 г. Эта книга — «сильная, здоровая, местами грубо-реалистическая, приближающаяся к реализму Рубенса и Йорданса» [4] — весьма далека от исканий уже заявивших о себе символистов. То же можно сказать и о втором сборнике Верхарна — «Монахи» («Les Moines», 1886). Затем — почти внезапно — наступает резкий перелом:



ЭМИЛЬ ВЕРХАРН

С портрета работы Л. О. Пастернака
Верхарн изображен во время лекции в Московском литературно-художественном кружке 3 декабря 1913 г.

«Известия Московского литературно-художественного кружка», вып. 7, сентябрь-октябрь 1914 г.

одна за другой следуют книги стихов, в которых Верхарн проявляет себя как безусловный поборник символизма, — «Вечера» («Les Soirs», 1887), «Крушения» («Les Débacles», 1888) и «Черные факелы» («Les Flambeaux noirs», 1890). При этом глубокий пессимизм, болезненный культ страдания составляют лейтмотив этой своего рода трилогии. Вместе с тем это «первые вполне оригинальные произведения Верхарна, в которых он уже является поэтом современного города» [5]; в них наметились тенденции, определившие его дальнейшие творческие искания,— глубокий интерес к социальным проблемам, стремление к созданию новых поэтических форм и новой ритмики.

Три позднейших сборника — «Обезумевшие деревни» («Les Campagnes hallucinées», 1893), «Призрачные селения» («Les Villages illusoires», 1895) и «Города-спруты» («Les Villes tentaculaires», 1895) — свидетельство нового перелома в творчестве Верхарна, ознаменовавшего становление «истинно «верхарновской» поэзии» [6]. В этих книгах Верхарн уже в полной мере заявил о себе как поэт-новатор, широко раздвинувший пределы содержания поэзии и ее возможностей в области формы. Субъективный

мир человеческой души теперь почти не занимает его. В центре внимания Верхарна — объективный мир явлений социального порядка, определяющих не только судьбы современной человеческой личности, но и всего современного человечества в целом. Отныне этот социально-философский аспект станет доминирующим в творчестве Верхарна. Все, что выходит за его пределы и касается области интимных человеческих чувств, сам Верхарн считает для своей поэзии второстепенным. Созданные им лирические стихи остаются, по собственному его выражению, «на краю дороги», т. е. в стороне от основной магистрали его творческих исканий [7].

«Данте современности» — так определял Брюсов значение Верхарна в развитии современной мировой культуры [8]. Основанием для столь высокой оценки служила в его глазах необычайная широта диапазона поэтических раздумий Верхарна.

Три основные проблемы определяли направление этих раздумий: человек и неограниченные возможности его разума, его воли; современный город — средоточие созидательных сил человечества, но вместе с тем — его поработитель, угрожающий и миру природы; «мятежные силы», движущие природой и человечеством,— неустанное стремление к обновлению, освобождению и их воплощение — революция. Таким образом, стоя на рубеже столетий, Верхарн почувствовал самые острые проблемы, которые поставил перед человечеством наступающий век. Эти проблемы определяют содержание наиболее значительных его книг — поэтических сборников «Мятежные силы» («Les Forces tumultueuses», 1902), «Многоцветное сияние» («La Multiple splendeur», 1906) и «Властительные ритмы» («Les Rythmes souverains», 1910).

Задача воплощения нового содержания потребовала принципиально новых поэтических форм. Верхарн создал сложный мир грандиозных образов-символов, отвечающих масштабам проблем, ими обозначенных. Разбив рамки традиционных метрических систем, он разработал свой «свободный стих», открывавший неисчерпаемые возможности для поисков новых ритмов.

«Обезумевшие деревни», «Города-спруты» и два тома стихотворений («Poèmes», 1895—1896), куда вошли его ранние сборники, были первыми книгами Верхарна, появившимися в брюсовской библиотеке. По-видимому, с них началось знакомство Брюсова с творчеством поэта, до тех пор совсем или почти совсем ему незнакомого [9].

Таким образом, Верхарн впервые предстал Брюсову в своих зрелых произведениях, уже позволявших сделать вывод о ценности вклада, внесенного им в развитие современной поэзии. Чуткий ко всему новому, Брюсов не замедлил откликнуться на это поразившее его явление — прозаические переводы пяти стихотворений Верхарна он намеревался включить в четвертый выпуск «Русских символистов», план которого составил в феврале 1896 г.[10] Тогда же Брюсов набросал для этого выпуска краткое введение, где характеризовал Верхарна как писателя, который «по таланту ⟨...⟩ не уступает лучшим из современных поэтов и должен занять место рядом с Верленом и Вилье де Лиль-Аданом»; далее следует сжатый очерк его творчества, завершающийся характеристикой последних произведений: «Верхарн задумал гигантскую поэму, три части которой уже появились, а последняя, заключительная, вскоре должна появиться. В первых двух частях поэт изображает покинутые поля, дух земли, леса, воды, дух умерщвленной природы. В третьей части [(«Villes tentaculaires»)] описывается гибельное влияние развивающейся промышленности на жизнь деревни и нищету, и пороки больших городов, которые губят первобытную простоту нравов. В заключительной части Верхарн хочет изобразить будущее в том виде, каким он его хотел бы видеть» [11]. Очерк завершается оценкой поэтических приемов Верхарна, стиль которого «не отличается такой легкостью, как у Верлена, и лучшее его качество — сила. Несмотря на это, он очень изыскан и выдержан». Далее следует список стихов, которые Брюсов хотел предложить вниманию читателей: «Монах», «Не знаю где...», «Часы», «Равнины», «Смерть равнины» («Le Moine», «Ne sais-je où...», «Les Horlôges», «Les Plaines», «La Mort de la Plaine»); судя по вопросительным знакам, сопровождающим некоторые из этих названий, выбор их не был окончательным [12]. В том же 1896 году в статье, посвященной теоретическим проблемам символизма, Брюсов оперирует име-

нем Верхарна не менее свободно, чем давно знакомыми именами Верлена, Малларме или других символистов «первого» поколения [13].

Однако признание достоинств не является доказательством близости,— сколько-нибудь значительного места в поэтическом мире Брюсова Верхарн ни в эти, ни в ближайшие годы еще не занимал. Это вполне закономерно: автору «Chefs d'Oeuvre» и «Me eum esse» создатель «Городов-спрутов» не мог быть по-настоящему близок. Неудивительно поэтому, что для первых опытов перевода из Верхарна Брюсов выбрал стихи, поэтический строй которых всецело замкнут в кругу поэтики символизма,— в марте 1896 г. он начал перевод стихотворения «Ne sais-je où...» («Не знаю где...»), который закончил только в 1906 г.:

Это где-то на севере, где — я не знаю,
Это где-то на полюсе, в мире стальном,
Там, где стужа когтями скребется по краю
Селитренных скал, изукрашенных льдом.

Это — холод великий, едва отраженный
В серебряном зеркале мертвых озер,
Это — иней, что точит, морочит бессонный,
Низкорослый, безлиственный бор.

Это — полночь, огромный скелет обнаженный
Над серебряным зеркалом мертвых озер,
Это — полночь, что точит, морочит, хохочет,
Но раздвинуть руками гигантскими хочет
Холодный и звездный простор.

В дали полуночной, безвольной
Это — смолкнувший хор колокольный,
Это — убранный снегом и льдами собор.

Это — хор похоронный, в котором без слов я рыдаю,
Литургия великого холода в мире стальном.
Это где-то — не в старом ли северном крае?
Не знаю!
Это где-то — не в старом ли северном сердце? —
В моем! [14]

После 1896 г. Брюсов на несколько лет как будто забывает о Верхарне. Но уже в конце 1898 г. интерес к нему вспыхивает вновь: «Весь занят новейшими французскими поэтами ⟨...⟩ Verhaeren...» — записывает он 14 декабря [15]. «Последние месяцы упиваюсь Верхарном»,— пишет Брюсов почти через год и тогда же советует одному из друзей читать этого поэта — «его стихи о современности, о больших городах, о гибели деревни» [16]. В споре же о возможностях поэзии, в ответ на утверждение, что она не в силах выразить сложность современной жизни, Брюсов «возражает Верхарном» [17]. Приблизительно в это же время он переводит ряд его стихотворений [18]. Теперь интерес к Верхарну уже не погаснет — с его именем так или иначе будет связана вся последующая жизнь Брюсова.

Итак, от первого знакомства Брюсова с «Городами-спрутами» до действительного обращения к поэзии Верхарна прошло несколько лет. Эти годы, отмеченные необычайно интенсивным развитием поэтического дарования Брюсова, составили эпоху и в становлении его творческих и жизненных позиций. В коротенькой записи, сохранившейся в его архиве, Брюсов подвел итог пережитому: «Чувствую в себе силы и бодрость. Знаю, что во мне теперь сосредоточены все тайные нити человеческой мысли, идущие от первых дней. Все, что писал я, и все, что говорил я,— ничтожество,— и может быть все, что я буду писать и говорить,— ничтожно, но знаете ли вы сознание *возможности*?

С поразительной ясностью вижу я все недостатки, даже в том, что считал величайшим. И потому иду к людям, сливаюсь с людьми, братаюсь с ними» [19].

В последних словах заключена основная предпосылка нового обращения Брюсова к Верхарну. В них сформулирована та творческая позиция, на которой сошлись пути двух поэтов, при всем различии их темпераментов, идеалов и жизненных устремлений. На грани XX в. Брюсов открыл для себя новые творческие горизонты в области широких социально-философских проблем — в той области, куда впервые вторглась поэзия Верхарна. Узкий круг субъективных переживаний, ограничивавший ранее творчество Брюсова, разомкнулся. Теперь он так же остро, как и его старший современник, ощущает свою сопричастность судьбам всего человечества; его, как и Верхарна, влечет многообразие «ликов жизни»; он также стремится постичь глубинную «связь времен». Таким образом, мировосприятие Брюсова впервые соприкоснулось с миром идей Верхарна. Возникает сознание внутренней близости: «мой» современник, «мой» Верхарн, один из «тех, кого особенно *люблю*»,— так Брюсов говорит о Верхарне теперь [20].

Приведенная выше запись Брюсова содержит указание и на другую, не менее важную предпосылку его обращения к поэзии Верхарна. Критическое отношение к собственному прошлому приводит Брюсова к переоценке многих ценностей, в том числе и тех, которые он еще недавно «считал величайшими». Отнюдь не отбрасывая достижения той школы, учеником которой он до сих пор себя сознавал, Брюсов делает первую попытку осмыслить историческое значение символизма, оценить открытые им перспективы. «Создать новый поэтический язык, заново разработать средства поэзии»,— так в 1897 г. сформулировал он «исторический смысл символизма» [21]. Рассмотрев основные линии развития этого направления, Брюсов делает вывод: «Я не надеюсь, что символизм будет развиваться далее. Он только переходный момент к новой поэзии ⟨...⟩ символизм создал совершенно новый, еще неиспробованный орган для передачи самых сокровенных движений души. До сих пор этот материал применялся неосмотрительно — к оттенкам настроений, к мимолетным чувствам. Он способен на гораздо большее» [22].

Осуществить это «бóльшее» в собственном творчестве, стать одним из создателей «новой поэзии» — такую задачу ставил себе Брюсов. Черты этой поэзии он видит в творчестве молодых — Коневского и Добролюбова в России, Вьеле-Гриффина — во Франции [23]. Но истинного провозвестника поэзии будущего Брюсов увидел в Верхарне. Поэт-символист, сумевший сделать то, что символизму было недоступно — создать поэзию, исполненную глубокого социально-философского звучания и «самой жгучей современности» [24],— Верхарн предвосхитил искания молодых: «Verhaeren написал книгу о городе, о которой мы все мечтали,— сообщал Брюсов А. А. Курсинскому 23 сентября 1899 г.— Я не завидую, я радуюсь. Он велик, ибо он наш» [25]. В сознании Брюсова Верхарн становится олицетворением исторической связи школ и поколений, а вместе с тем учителем, «мэтром» новой поэзии.

Так в 1899 г. Брюсов заново открыл для себя Верхарна: не только «мой», но и «наш», не только один из тех, «кого особенно люблю», но и один из тех, «кого горжусь считать своими учителями»,— эти оценки Брюсова характеризуют место, которое Верхарн отныне занял в его творческом мире. Последние слова, в которых он причисляет Верхарна к своим учителям, высказаны в наброске предисловия к сборнику «Tertia Vigilia» [26]. И хотя в печатной редакции упоминание об «учителях» исчезло, тем не менее имя Верхарна осталось в этой книге: Брюсов включил в нее два перевода — «К северу» и «Женщина на перекрестке». Оба стихотворения — выразительный пример поэтики Верхарна, разработанной им в поисках средств художественного осмысления «всего хода современной мировой жизни» [27]. Будничный штрих—уличная женщина, стоящая на углу городского перекрестка, вызывает в сознании поэта ряд сложных гиперболизированных метафор, слагающихся в гигантский символ пороков современного города. Творческий метод Верхарна проявляется в этом стихотворении очень выразительно: обычное, повседневное явление трансформируется в грандиозный образ — символ философской, социальной или этической проблемы. Эта особенность поэзии Верхарна отвечала тем задачам, которые отныне ставил перед поэзией Брюсов: «...стихи есть совершеннейшее из орудий человеческого слова, которым можно и должно пользоваться для решений самых мучительных из современных вопросов»,— писал он в начале 1903 г. [28]

Эта точка зрения в значительной степени предвосхищает дальнейший поэтический путь Брюсова, вплоть до последних его книг — «Дали» и «Меа». Но уже в начале 1900-х годов она приводит его к мысли о необходимости подготовить русскую поэзию к стоящей перед ней задаче путем поисков «более свободного, более гибкого, более вместительного стиха»,— так определял он свою цель в предисловии к «Urbi et Orbi». И здесь взгляд его снова обращается к Верхарну.

Поэт, каждая книга которого «полна, можно сказать, переполнена мыслью» [29], Верхарн нашел неисчерпаемые возможности ее выражения. «Верхарн поразительно владеет словом,— писал Брюсов,— он, бесспорно, величайший мастер «свободного стиха». Он вознес этот прием стихотворчества до такой высоты, куда не в силах следовать за ним даже самые окрыленные из его современников. У Верхарна каждый стих по ритму соответствует тому, что в нем выражено. Во власти Верхарна столько же ритмов,— сколько мыслей» [30]. То, что в 1896 г. отмечалось Брюсовым как безусловное достижение, но по существу не затронуло его собственный поэтический мир, теперь становится для него предметом внимательного изучения и творческого освоения: «А многому следовало бы нашей поэзии поучиться, хотя бы у Верхарна...» [31], — замечает он и осуществляет это в собственной поэтической практике. Сборник «Urbi et Orbi» содержит раздел с многозначительным заглавием «Искания», в стихах которого Брюсов, по собственному его признанию, сделанному в предисловии, «старался усвоить русской литературе некоторые особенности «свободного стиха», разработанного Верхарном.

Этим формальным моментом не ограничивается значение «Исканий» и всего сборника в истории обращения Брюсова к поэзии Верхарна. Приступив к осуществлению программы, сформулированной в предисловии к «Urbi et Orbi», Брюсов впервые в полный голос заявил о себе как о поэте-философе, которому в большой мере свойственно именно то, что сам он более всего ценил в Верхарне: стремление «решить ⟨...⟩ вековые и злободневные вопросы не методами науки, а силами и средствами искусства» [32]. Именно эта сфера творчества самым тесным образом связывает его с Верхарном, ибо перед автором «Urbi et Orbi» и «Stephanos» XX век поставил те же самые «вековые и злободневные вопросы», которые предугадывал автор «Городов-спрутов». Их можно обозначить тремя словами: Человек, Город, Революция. Вспомним хотя бы стихи Брюсова «Хвала человеку», «Городу» или «Слава толпе» и сопоставим их с такими поэмами Верхарна, как «К будущему», «Город» и «Восстание» [33].

В сборнике «Stephanos» близость поэтического мира Брюсова и поэзии Верхарна достигает высшей степени: «Это — настоящий Верхарн и в то же время настоящий Брюсов.— писал о поэмах этого сборника «Конь блед» и «Слава толпе» Волошин.— Размер носит печать верхарновского размаха, хотя Верхарн никогда не писал таким ритмом. Эти стихотворения мне кажутся лучшим воплощением Верхарна на русском языке» [34].

Общая устремленность в сферу философско-социальных проблем, а с нею и общность в поисках средств их выражения — вот что дало Брюсову основание сначала причислить Верхарна к «своим», а позже назвать себя его учеником (см. п. 1). Смысл, который он вкладывал в это слово, разъясняет обращенное к Верхарну незавершенное стихотворение, начатое в 1913 г.:

Когда я, юношей, в твоих стихах мятежных
Впервые расслыхал шум жизни мировой:
От гула поездов до стона волн прибрежных,
От утренних гудков до воплей безнадежных
Покинутых полей, от песни роковой
Столиц ликующих до властного напева
Раздумий, что́ в тиши поют нам мудрецы,
Бросающие хлеб невидимого сева
На ниве жизненной во все ее концы,—
Я вдруг почувствовал, как страшно необъятен
Весь мир передо мной, и ужаснулся я

Громадности Земли, и вдруг мне стал понятен
Смысл нашего пути среди туманных пятен,
Смысл наших малых распрь в тумане бытия!.. [35]

Верхарн предвосхитил искания Брюсова и стал «для него открытием, которое расширило дали тех дорог, по которым он шел сам»,— так резюмировал роль Верхарна в творческом развитии Брюсова Волошин [36].

Это было сказано по поводу выхода в свет «Стихов о современности» — книги, которая стала вершиной в истории творческого освоения Брюсовым поэзии Верхарна.

Каждый новый этап обращения Брюсова к Верхарну сопровождался работой и над переводами его стихов. Первые попытки в этой области он, как было уже сказано, предпринял в 1896 г., а в 1899 г. сделал несколько вполне законченных переводов. В год выхода «Urbi et Orbi» он переводит «Лондон», а вслед за ним «Города и поле (К будущему)» [37]. Годы создания «Stephanos» отмечены интенсивной работой над Верхарном — именно в это время выполнена большая часть переводов, составивших «Стихи о современности».

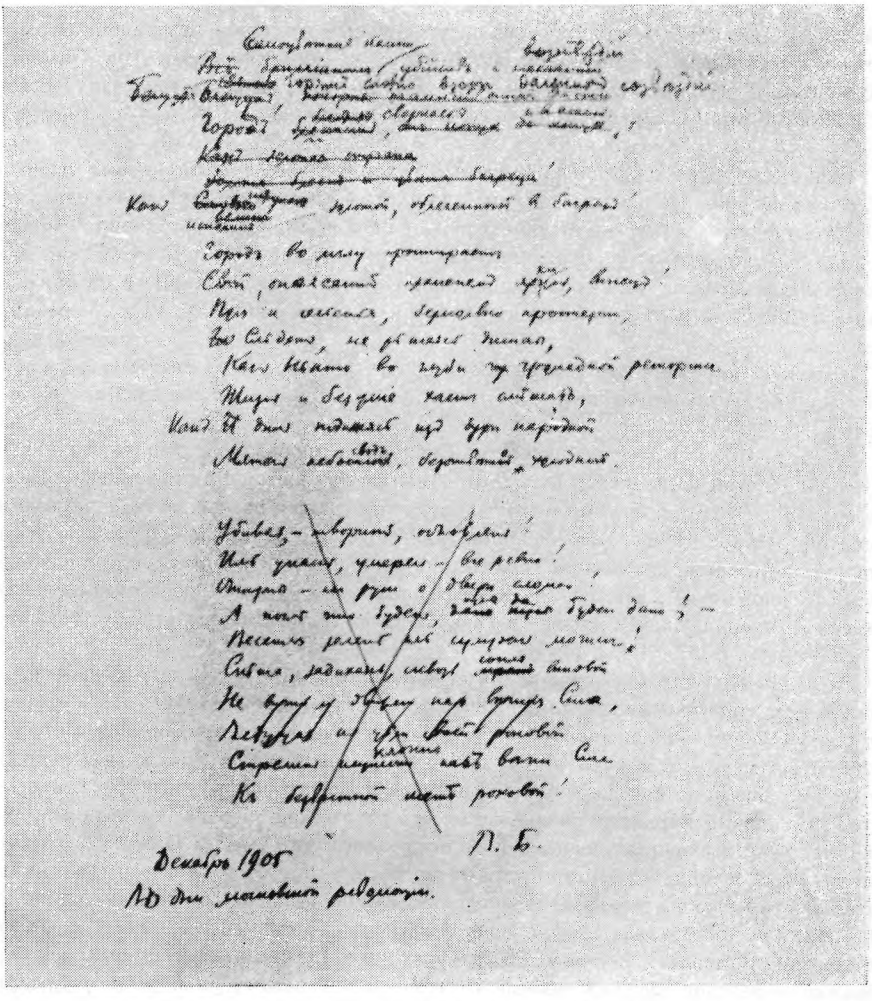
Мысль об издании Верхарна на русском языке возникла у Брюсова в начале 1905 г.— в марте этого года издательство «Скорпион» впервые объявило о предстоящем выходе сборника стихов Верхарна в переводе Брюсова и Волошина [38] (содружество переводчиков не осуществилось, вероятно, по причине диаметральной противоположности их взглядов на задачи и методы перевода [39]).

В этом анонсе сразу появилось заглавие «Стихи о современности», которым Брюсов стремился подчеркнуть в глазах читателя актуальность поэзии Верхарна.

Брюсов поставил себе задачу выпустить книгу, которая давала бы, по возможности, полное представление о разных гранях творчества Верхарна. Однако жизнь внесла коррективы в этот замысел. Далеко не все переводы удались ему в равной степени, работа затянулась, и, видя это, Брюсов решил начать ознакомление русской публики с Верхарном путем небольших журнальных публикаций. В августе 1905 г. он включил имя Верхарна в список современных французских поэтов, чьи стихи в сопровождении кратких биографических очерков предложил Г. И. Чулкову для публикации в «Вопросах жизни» [40]. Замысел этот не осуществился, но пять стихотворений Верхарна в переводе Брюсова были опубликованы «Вопросами жизни» в октябре — ноябре 1905 г. Письма Брюсова к Чулкову дают яркое представление о трудностях, с которыми он столкнулся в работе над этими переводами, стремясь передать особенности ритмики и образной системы Верхарна, сложный ход его мысли [41].

Но письма к Чулкову освещают и другой чрезвычайно важный момент. Работа Брюсова над переводом Верхарна совпала по времени с нарастанием революционного подъема в России и с последовавшим революционным взрывом. В этой обстановке он особенно остро ощущает революционный дух творчества Верхарна, особенно отчетливо осознает исключительную злободневность его поэзии для русской действительности 1905 г. Именно в это время Брюсов переводит такие насыщенные острой социальностью стихи, как «Кузнец», «Банкир», «Рабочие», и обращается к произведениям, посвященным теме революционного действия масс: «Трибун», «Голова», «Мятеж», «Восстание», «Девяносто третий год» [42]. 27 января 1905 г., посылая Чулкову «Мятеж», он отмечает, что стихи эти интересны «как злободневный намек» [43], а в дни декабрьских событий («Декабрь 1905. Во дни московской революции» — значится на автографе) переводит «Восстание» Верхарна:

Ярость великая, с пламенным ликом,
С радостным криком,
С кровью бушующей в жилах,
Встала на груде камней.
Все она может! все она в силах!
Одно лишь мгновенье
Даст более ей,
Чем целых веков тяготенье.



ПЕРЕВОД СТИХОТВОРЕНИЯ Э. ВЕРХАРНА

«La Révolte» («Восстание»)

Черновой автограф (фрагмент). Дата: «Декабрь 1905. Во дни московской революции»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Все, что мечталось когда-то,
Что гении, в песне крылатой,
Провидели в темной дали,
Что в душе, как сев, западало,
Чем души, как весны, цвели,
Все встало
В миге, смешавшем, как сплав:
Ненависть, силу, сознание прав! [44]

«Верхарн воистину революционный поэт, и надо, чтобы его узнали теперь»,— пишет Брюсов Чулкову в октябре 1905 г., настаивая на публикации своих переводов [45].

1905 год заставил Брюсова по-новому взглянуть на перспективы развития литературы в России: «События, пережитые нами в октябре и декабре 1905 г. ⟨...⟩, не могут не провести резкой грани между прошлыми литературными течениями и будущими»,— писал он через несколько месяцев после этих событий [46]. С этой точки зрения необходимость ввести в русскую литературу произведения Верхарна — поэта «воистину революю-

ционного»,— становится для Брюсова настоятельным требованием времени. Это заставляет его форсировать работу над изданием «Стихов о современности». И хотя многие из задуманных переводов остались неосуществленными [47], он решается выпустить книгу, выход которой представлялся ему столь своевременным [48].

1906 год — год выхода «Stephanos» и «Стихов о современности» — был своего рода рубежом в истории отношений Брюсова к Верхарну. Сборник «Stephanos» подводит итог тому, что почерпнул Брюсов из творческого общения с поэзией Верхарна, длившегося около десяти лет; «Стихи о современности» открывают новый этап этого общения — отныне Брюсов берет на себя роль пропагандиста творчества Верхарна в России и неустанно служит этой цели почти два десятилетия — как переводчик, критик, редактор и издатель.

«Стихи о современности» открывают также и другую, тесно связанную с предыдущей, страницу этих отношений — историю личных дружеских связей Брюсова с Верхарном.

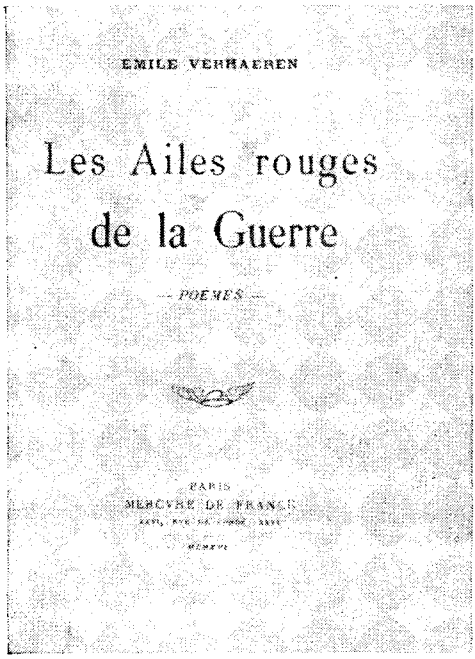
18 марта 1906 г. Брюсов обратился к Верхарну с просьбой разрешить издание своих переводов. С этой поры между ними устанавливается постоянная переписка. Чисто деловая вначале, она постепенно меняет характер, отражая все возрастающую взаимную симпатию. Осенью 1908 г. Брюсов впервые встретился с Верхарном, и эта встреча окончательно определила дружеский характер их отношений, которые крепли с каждым годом и с каждой новой встречей [49]. «Виделся я с большинством выдающихся людей моего времени,— писал позже Брюсов,— и с особой любовью вспоминаю дружбу, которой меня удостаивал Эмиль Верхарн» [50].

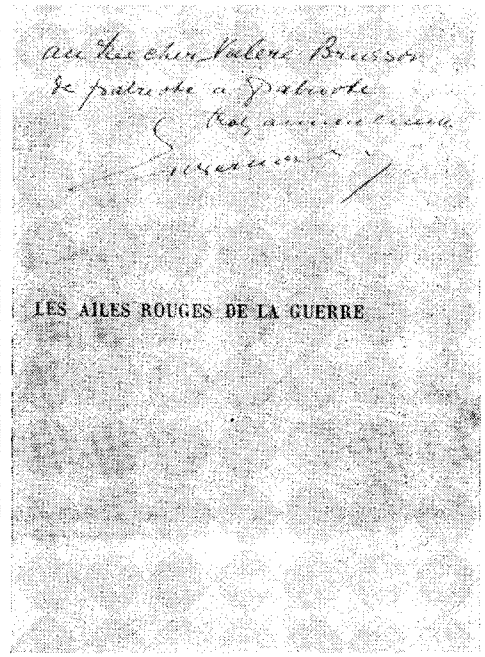
Ценным документом, отражающим становление этой дружбы и ее характер, является публикуемая переписка, длившаяся восемь лет — с 1906 по 1914 гг.— и прерванная наступлением первой мировой войны. За эти годы Брюсов и Верхарн «обменялись почти сотней писем, т. е. писали друг другу почти ежемесячно» [51]. И хотя далеко не все эти письма дошли до нас, переписка представляет значительный интерес. В ней содержатся самооценки Верхарна, сообщения о его работе над очередными книгами, суждения о некоторых явлениях современного искусства и литературы. Однако центральным пунктом этой переписки, к которому стягиваются затронутые в ней вопросы, является деятельность Брюсова как своеобразного посредника между Россией и Западной Европой, между русской и западноевропейской культурой. С одной стороны, Брюсов знакомит своего корреспондента с русской литературой и русским искусством, посылая ему сборники переводов русских поэтов на европейские языки, альбомы и репродукции картин русских художников; в результате — все возрастающий интерес Верхарна к России, который привел его к поездке в эту страну. С другой стороны, Брюсов постоянно сообщает ему о том, как распространяется его поэзия среди русских читателей, а также держит Верхарна в курсе своей деятельности пропагандиста его поэзии в России: он сообщает о своих лекциях и статьях, ему посвященных, о попытках добиться постановки его пьес на русской сцене, о мерах, предпринятых им с целью организовать приезд Верхарна в Россию.

Поездка состоялась в 1913 г. Почти три недели (с 23 ноября по 12 декабря) Верхарн провел сначала в Петербурге, а потом в Москве, где выступил в Московском литературно-художественном кружке, в обществе «Свободная эстетика» и в обществе «Alliance Française» *. Эта поездка стала событием не только русской литературной жизни, но и биографии самого Верхарна — об этом свидетельствуют его письма Брюсову, а также статьи и стихи, напечатанные им в русских газетах после возвращения из России [52]. По сути дела, Брюсов был организатором этого визита, что впервые становится несомненным из публикуемой переписки. Однако основной своей задачей как «апостола» Верхарна Брюсов, по-прежнему, считает работу переводчика и издателя, стремясь реализовать собственную мысль, что «Стихи о современности» — «только начинание и что русской литературе суждено полно усвоить себе знаменательное творчество Верхарна» [53].

---

* «Французское содружество».





ЭМИЛЬ ВЕРХАРН. «АЛЫЕ КРЫЛЬЯ ВОЙНЫ». ПАРИЖ, 1916
С дарственной надписью: «Au très cher Valère Brussov, de patriote à patriote, très amicalement. Em. Verhaeren» («Милейшему Валерию Брюсову, от патриота патриоту, очень дружески Эм. Верхарн»)
Обложка и шмуцтитул
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

В 1908—1910 гг. Брюсов работает над переводом крупных произведений Верхарна — его трагедий «Елена Спартанская» и «Филипп II». Проблемам, вставшим в связи с этой работой, в частности вопросу о метрике перевода, посвящен ряд писем обоих корреспондентов. В то же время Брюсов делает все возможное, чтобы эти пьесы появились на русской сцене: «... я считаю «Филиппа II» одной из лучших трагедий, написанных за последние полвека,— писал он А. А. Сумбатову-Южину 4 января 1910 г. — Способствовать ее появлению в России, в театре, я считаю делом в высшей степени важным» [54].

Главную же цель Брюсов видит теперь в издании собрания сочинений Верхарна на русском языке. Однако опыт работы над «Стихами о современности» привел его к выводу, что подобная задача не по силам одному переводчику. «Даже поэт, конгениальный Верхарну,— писал он позже,— не мог бы, в виде очередной работы переводить одну его поэму за другой, столь они различны по духу, столь сложны по настроению, таят в себе столь много тончайших штрихов мастера. Тут нужно многолетнее изучение, нужно вдумываться, вчувствоваться, нужно искать, упорно искать соответственных слов, выражений, образов, звуков...» [55] Из писем Брюсова выясняется, что уже в 1910 г. он предпринял первую попытку организовать коллектив переводчиков для подготовки собрания сочинений Верхарна, и только неудача этой попытки привела его к решению переиздать «Стихи о современности» в переработанном и дополненном виде.

С наступлением войны, в эпоху потрясавших мир катаклизмов, Брюсов вновь остро ощущает современность поэзии Верхарна. Он делает новые переводы, шлифует старые, дополняет свежими фактами предисловие, и в 1915 г. новое издание стихов Верхарна вышло в свет; примечательно, что Брюсов выпустил его в массовом дешевом издании «Универсальной библиотеки», и чутье не обмануло его — очень скоро издание пришлось повторить [56].

Глубокое сочувствие Брюсова вызвали патриотические выступления Верхарна в годы войны. «Окровавленная Бельгия» («La Belgique sanglante». Paris, 1915) — повествование о трагедии бельгийского народа, чья земля стала ареной военных действий,—

поразила Брюсова. «Поэт был прав, сказав, что его книга «полна ненависти»,— писал он,— но она полна также любви,— к родине и ко всему человечеству. Фактический материал, собранный в книге ⟨...⟩ придает ей значение исторического документа. Но благородные страсти, водившие пером поэта, обращают трактат в истинную поэму» [57]. Верхарн был военным корреспондентом в Бельгии, читал во Франции публичные лекции, стремясь «вскрыть перед слушателями истинный смысл совершающейся мировой трагедии» [58]. Внезапная смерть, настигшая его в пути на одну из этих лекций, глубоко потрясла Брюсова. «Верхарна убила война»,— так начинает он статью, посвященную годовщине со дня этой гибели, и продолжает: «Читатели всего мира вправе оплакивать смерть Верхарна как потерю *своего*, родного поэта ⟨...⟩, потому что его поэмы поистине международны» [59].

Памяти Верхарна Брюсов посвятил ряд статей. В отличие от прежних своих работ, в этих статьях он стремится осветить не только творчество своего любимого поэта, но и его личность, его отношение к жизни, к людям, к молодым писателям, много места уделяет тем чертам характера, которыми определялось личное обаяние Верхарна [60].

В 1916 г., по предложению издательства «Парус», Брюсов взял на себя подготовку собрания сочинений Верхарна силами коллектива переводчиков и начал активную организационную деятельность в этом направлении [61]. Сохранившиеся в его библиотеке книги Верхарна, где каждое стихотворение помечено именем переводчика, за которым оно закреплено, отражает огромную работу, которую он проделал, готовя издание «Паруса», так и не осуществившееся. В марте 1917 г. Брюсов писал Горькому о возникших после Февральской революции надеждах, связанных с этим изданием: «И Верхарна можно будет дать полным, с поэмами социалистическими, и революционными, и богохульными, и предельно чувственными, что́ все у него есть рядом с философскими строгими раздумьями,— дать его во весь рост!» [62].

Как некогда, в год первой русской революции, Брюсов вновь остро чувствует созвучность поэзии Верхарна грандиозным событиям, происходящим в России. В 1917—1920 гг. верхарновские ритмы вновь звучат в его собственном творчестве — в стихах, посвященных раздумьям о революции. Это — три стихотворения, объединенные общей темой и близкие по форме (два из них, под одинаковым названием — «Революция», публикуются в наст. томе, стр. 52—54; третье — «Мятеж» — вошло в сборник «В такие дни»). Все они ассоциируются со стихами Верхарна, привлекавшими внимание Брюсова в год первой русской революции, особенно с его «Восстанием» (см. выше, стр. 552). Эту ассоциацию подчеркивает сам автор, посвятив «памяти Эмиля Верхарна как поэта и друга» последнее из трех стихотворений — «Мятеж»:

В одежде красной и черной,
Исполин,
От земли к облакам
Встающий упорно,
Властелин,
Диктующий волю векам
Необорно,—
Мятеж.
Ты проходишь по миру,
Всегда
Светел, свободен и свеж,
Как в горном потоке вода [63].

И теперь, на склоне жизни, так же, как в юности, новый этап творческого обращения к Верхарну сопровождается работой над переводами — в 1917—1921 гг. Брюсов переводит около двух десятков его стихотворений.

В 1923 г. вышло четвертое издание Верхарна в переводе Брюсова. В него вошло почти 60 произведений, характеризующих все основные этапы творчества поэта — от

«Фламандских картин» до сборника «Высокое пламя», вышедшего уже посмертно. Эта книга подводила итог почти тридцатилетней работе Брюсова как переводчика и пропагандиста творчества Верхарна.

Из обширной переписки обоих поэтов до нас дошла приблизительно половина — 21 письмо Брюсова и 44 письма Верхарна.

Письма Брюсова хранятся в Бельгийской королевской библиотеке (Брюссель) — в архиве Верхарна (17 п.), а также в ГБЛ (4 п.— ф. 386.70.19; здесь же — черновики трех писем, беловые автографы которых находятся в архиве Верхарна). Письма Верхарна хранятся в ГБЛ (ф. 386, 79.45—47;41 п.); одно п. (№ 16 наст. публикации) — в ЦГАЛИ (ф. 1322, оп. 1, ед. хр. 2); п. (в публикацию не входят) — в ИМЛИ (ф. 13, оп. 3, ед. хр. 68).

Ниже публикуется 50 писем — 20 писем Брюсова и 30 писем Верхарна. 14 записок Верхарна и одна записка Брюсова, в которых сообщается только об отправлении или получении книг и рукописей, а также о предполагаемых переездах Верхарна, в публикацию не включены.

Письма ГБЛ и ЦГАЛИ печатаются по автографам; письма, хранящиеся в Брюсселе,— по микрофильму, любезно предоставленному редакции «Литературного наследства» Бельгийской королевской библиотекой.

Все письма печатаются на языке оригинала и в русском переводе. Стилистические погрешности, допущенные в письмах Брюсова, оставлены без изменений.

Перевод писем выполнен Н. Д. Э ф р о с при участии М. И. Б е л я е в о й.

Выражаем глубокую благодарность Жану Бланкову (Брюссель) за содействие в разыскании писем Брюсова и получении их микрофильма.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Библиотека новой поэзии». Черновой автограф. ГБЛ, ф. 386.47.18-б, л. 2—3. Датируется по упоминанию о декабрьских событиях 1905 г. и по указанию, что первая книга «Библиотеки» выйдет в марте 1906 г.

[2] Эмиль В е р х а р н. Стихи о современности. В переводе Валерия Брюсова. М., «Скорпион», 1906 (далее — «Стихи о современности»). Предваряющее эту книгу объявление «От издателей» представляет собой сильно сокращенную редакцию первоначального проспекта «Библиотеки новой поэзии».

[3] Валерий Б р ю с о в. Emile Verhaeren. Les Villes tentaculaires. 1904 («Весы», 1904, № 3, стр. 54). Эта рецензия — первый развернутый отзыв Брюсова о Верхарне, появившийся в печати. Впоследствии она почти целиком вошла в его статью «Эмиль Верхарн как человек и поэт», помещенную в качестве предисловия к «Стихам о современности».

[4] Валерий Б р ю с о в. Верхарн.— В кн.: «Новый энциклопедический словарь» Брокгауза-Ефрона, т. 10. СПб., [б. г.], стр. 265.

[5] Там же, стр. 265.

[6] «Эмиль Верхарн как человек и поэт».— В кн.: «Стихи о современности», стр. 12.

[7] «На краю дороги» — название сборника лирических стихов Верхарна («Au Bord de la Route», 1891); в последующих изданиях назывался «Края дороги» («Les Bords de la Route»— см.: «Poèmes», 1895). Позднее Верхарн выпустил еще несколько чисто лирических сборников.

[8] «Дант современного промышленного строя» — характеристика Верхарна, принадлежащая французским критикам М. и А. Леблон («Весы», 1904, № 3, стр. 70). Брюсов неоднократно пользовался этим образом, варьируя его (см., например, «Стихи о современности», стр. 7), а впоследствии дал заглавие «Данте современности» статье, написанной по случаю приезда Верхарна в Россию («День», 1913, № 319, 25 ноября).

[9] Утверждать это позволяет не только отсутствие каких бы то ни было упоминаний у Брюсова о Верхарне до этого времени, но и то обстоятельство, что в брюсовской библиотеке нет ни одной из его книг, вышедших до 1893 г., тогда как в ней тщательно собраны сборники Верхарна, изданные после 1895 г. (ГБЛ, ф. 386; в дальнейшем, при ссылке на книги из библиотеки Брюсова, местонахождение их специально не оговаривается, оно указывается только для книг, находящихся в МКБ). Возможно, что отдельные стихи Верхарна были и до этого известны Брюсову, так как уже в гимназические годы он был знаком с журналом «La Plume» (см. наст. том, стр. 729), в котором печатался Верхарн (1891, N 52, 15 июня; 1893, N 102, 15 июля).

[10] ГБЛ, ф. 386.3.4. «Записная тетрадь», февраль 1896 г., л. 53. См. также: *Автобиография*, стр. 110.

[11] Там же, л. 41—42. Первые «три части» — стихотворные сборники «Обезумевшие деревни», «Призрачные селения», и «Города-спруты». Последняя «часть» — драма «Зори» («Les Aubes», 1898), действие которой происходит в городе будущего. Цитированный отрывок почти дословно повторяет строки из биографического очерка о Верхарне, написанного Фр. Вьеле-Гриффином и предваряющего первую монографию, посвященную Верхарну (Albert M o c k e l. Emil Verhaeren. Paris, 1895, стр. 13). Позднее отрывок вошел в измененной редакции в статью «Эмиль Верхарн как человек и поэт» (стр. 9).

[12] Там же, л. 42. Пытался ли Брюсов в то время переводить эти стихи, неизвестно (за исключением стихотворения «Не знаю где...» — см. примеч. 14).

[13] «Апология символизма» (в кн.: «Ученые записки Ленинградского педагогического института», т. IV, вып. 2. Л., 1940, стр. 263). В автографе к упоминанию о Верхарне сделана сноска: «Это поэт малоизвестный у нас, но весьма достойный внимания» (ГБЛ, ф. 386.40.25, л. 5 об.). Ср.: В. С. Д р о н о в. Валерий Брюсов и Эмиль Верхарн (в кн.: *Чтения 1962*, стр. 220).

[14] «Стихи о современности», стр. 60. Наброски этого перевода сохранились в записной тетради Брюсова за февраль — март 1896 г. (ГБЛ, ф. 386.5.14/5, л. 8 и 15). М. А. Волошин считал, что он принадлежит к числу «совершенных, которые можно назвать вполне верхарновскими», т. к. в нем «индивидуальность Брюсова счастливо совпадает с индивидуальностью Верхарна» («Весы», 1907, № 2, стр. 81).

[15] *Дневники*, стр. 57—58.

[16] Дневниковая запись от 19 ноября 1899 г.— там же, стр. 78; наст. том, стр. 748.

[17] *Дневники*, стр. 99. См. также письмо М. Самыгину (весна 1899 г.).— ГБЛ, ф. 386.72.31, л. 32.

[18] К сентябрю — октябрю 1899 г. относятся переводы четырех стихотворений Верхарна — «Женщина на перекрестке», «Роковой цветок», «Голова», «К северу» («La Dame en Noir», «Fleur fatale», «La Tête», «Au Nord») — ГБЛ, ф. 386.14.5/12, л. 23 об.— 24, л. 34 об.—35, л. 29 об.— 30 об. К первому из них Брюсов впоследствии неоднократно возвращался, неизменно сохраняя свое название этого стихотворения (у Верхарна — «Женщина в черном»).

[19] ГБЛ, ф. 386.10.6, л. 26. Датируется 1900 г. по содержанию, связывающему этот отрывок с высказываниями Брюсова в письме к М. Самыгину (июль 1900 г.), — ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 12.

[20] Предисловие к сборнику *TV*. Первоначальная редакция.— ГБЛ, ф. 386.5.8, л. 16 об

[21] В. Б р ю с о в. К истории символизма.— *ЛН*, т. 27-28, стр. 272.

[22] Там же, стр. 274.

[23] См., например, характеристику особенностей стиха А. Добролюбова в предисловии Брюсова к его «Собранию стихов» (М., «Скорпион», 1900, стр. 14).

[24] Валерий Б р ю с о в. Научная поэзия.— *РМ*, 1909, № 6, отд. II, стр. 166.

[25] ЦГАЛИ, ф. 1223, оп. 1, ед. хр. 4.

[26] Предисловие к сб. *TV*.— ГБЛ, ф. 386.5.8, л. 16 об.

[27] «Весы», 1904, № 3, стр. 55.

[28] *НП*, 1903, № 3, стр. 213.

[29] Валерий Б р ю с о в. Научная поэзия.— *РМ*, 1909, № 6, отд. II, стр. 166.

[30] «Весы», 1904, № 3, стр. 55.

[31] *НП*, 1903, № 3, стр. 213.

[32] «Весы», 1904, № 3, стр. 55.

[33] «Хвала человеку» — см. *Все напевы*; «Городу» — там же; «Слава толпе» — *St*; «К будущему» («Города и поле»), «Город» и «Восстание» — Эмиль В е р х а р н. Поэмы. Перевод Валерия Брюсова. Пб.— М., 1923.

[34] М. В о л о ш и н. Эмиль Верхарн и Валерий Брюсов.— «Весы», 1907, № 2, стр. 75.

[35] *Собр. соч.*, т. 3, стр. 327.

[36] М. В о л о ш и н. Указ. ст., стр. 75.

[37] ГБЛ, ф. 386.25.2, л. 10; 25.3, л. 46—52.

[38] «Весы», 1905, № 3. Приложение, стр. 7.

[39] М. В о л о ш и н. Указ. ст., стр. 74—81.

[40] Письмо от 20 августа 1905 г.— *Чулков*, стр. 327. Брюсов предложил ему «ряд переводов из Верхарна» в марте 1905 г. (там же, стр. 321—322, 323). Наброски очерка о Верхарне, предназначенного для «Вопросов жизни», сохранились в архиве Брюсова (ГБЛ, ф. 386. 47.14, л. 5—6).

[41] *Чулков*, стр. 321—331.

[42] Переводы стихотворений «Рабочие» и «Девяносто третий год» не были опубликованы. Первый из них не был завершен (ГБЛ, ф. 386.25.6, л. 34, 35); о судьбе второго см. п. 1, примеч. 8. Остальные из перечисленных стихотворений вошли в «Стихи о современности»; часть из них была предварительно опубликована в периодической печати (см. п. 1, примеч. 3).

[43] ГБЛ, ф. 371.2.58, л. 9 об. См. также: *Чулков*, стр. 322 (здесь письмо напечатано без даты).

[44] ГБЛ, ф. 386.25.3, л. 39. Перевод вошел в «Стихи о современности».

[45] *Чулков*, стр. 336.
[46] «Библиотека новой поэзии». Автограф.— ГБЛ, ф. 386.47.18-б, л. 3.
[47] Кроме переводов, указанных в примеч. 42, в архиве Брюсова сохранились автографы многочисленных редакций перевода стихотворения «Слово», сделанных в 1906 г. (ГБЛ, ф. 386.25.4, л. 12—22). В автографах осталось также более десяти переводов, выполненных в 1915—1922 гг. (ГБЛ, ф. 386.25.6).
[48] О составе этого сборника см. п. 1, примеч. 8.
[49] Брюсов встречался с Верхарном трижды во время своих заграничных поездок — в 1908, 1909 и 1913 гг. Эти встречи описаны им в статьях: «Новые книги Эмиля Верхарна» (*РМ*, 1910, № 8), «В гостях у Верхарна» (*За моим окном*), «Эмиль Верхарн. По письмам и личным воспоминаниям» (*РМ*, 1917, № 1).
[50] *Валерию Брюсову*, стр. 15.
[51] *РМ*, 1917, № 1, стр. 4.
[52] «Русские ведомости», 1914, № 3 и 5, 4 и 8 января; 1916, № 298, 25 декабря.
[53] «Эмиль Верхарн как человек и поэт», стр. 28.
[54] ЦГАЛИ, ф. 878, оп. 1, ед. хр. 764.
[55] «Верхарн на прокрустовом ложе».— «Печать и революция», 1923, № 3, стр. 56.
[56] Эмиль Верхарн. Собрание стихов. 1883—1915. Переводы Валерия Брюсова. М., «Универсальная библиотека», 1915. 2-е изд.— 1917.
[57] «Окровавленная Бельгия».— «Русские ведомости», 1915, № 154, 5 июля.
[58] Валерий Брюсов. Эмиль Верхарн и Московский литературно-художественный кружок.— «Известия Московского литературно-художественного кружка», 1917, № 17-18, сентябрь-октябрь, стр. 9.
[59] Там же, стр. 10.
[60] «Обаяние Верхарна. Наблюдения и воспоминания».— «Биржевые ведомости», 1916, № 15959, 2 декабря; «Верный до конца (Эмиль Верхарн)».— «Русские ведомости», 1916, № 266, 17 ноября; «Одна из граней творчества Верхарна».— «Летопись», 1916, № 12.
[61] *ЛН*, т. 27-28, стр. 652—653.
[62] «М. Горький. Материалы и исследования», т. I. Л., Изд-во АН СССР, 1934, стр. 189.
[63] *Собр. соч.*, т. 3, стр. 56.

1. БРЮСОВ — ВЕРХАРНУ

‹5/› 18 mars 1906, Moscou

Maître!

C'est déjà depuis quinze ans que je suis votre admirateur constant, et sans nul doute j'étais un des premiers lecteurs de votre poésie dans cette ville,

Où le Kremlin et ses dômes en or qui bouge
Mirent et rejettent au ciel les soleils rouges.

Je me flatte de me nommer votre disciple dans l'Art. Dans le recueil de mes vers juvéniles, paru sous le titre «Tertia Vigilia» en 1900, j'ai inséré quelques imitations de vos pièces [1]. On a parlé de ces imitations dans la presse française («Revue Bleue», 2 février 1901) [2]. Plus tard je publiai mes traductions de vos poésies dans diverses revues russes, entre autres dans les «Problèmes de la Vie», qui correspondent à peu près à la «Revue de Paris», et dans la «Revue pour tous», une périodique à prix d'abonnement très réduit, qui compte pour cela presque 100 000 d'abonnés [3]. (Je joins à cette lettre une brochure tirée des «Problèmes de la Vie» — 1905, N 11). J'eus encore l'occasion de parler plusieurs fois de vous sur les pages de «La Balance», une revue où je suis l'un des rédacteurs-gérants. C'est là que j'ai publié un compte-rendu sur «Les Villes Tentaculaires», éd. «Mercure de France» («La Balance», 1904, N 3) et où M. René Ghil a fait la critique de «Toute la Flandre» («La Balance», 1904, N 5) et des «Heures d'après-midi» («La Balance», 1905, N 4) [4]. Dans mon poème «Le Dernier Jour», traduit dans les «Ecrits pour l'Art» (1906, février), vous pouvez trouver aussi beaucoup de passages inspirés par votre poésie [5]. En 1904 j'ai voté pour vous dans l'enquête du «Beffroi» [6].

A présent j'ai l'intention de réunir mes traductions de vos poèmes dans un livre. L'édition comprendra une notice sur votre poésie, votre portrait que M. Rysselberghe a eu l'obligeance d'exécuter pour l'éditeur [7], les poèmes traduits par moi et une bibliographie complète de vos oeuvres. Le choix des traductions est assez accidentel, puisqu' «on fait dans l'art ce que l'on peut et non ce que l'on veut». Ce sont donc les poèmes suivants: «Londres» «La Tête», «Départ», «La Révolte» («Vers une ville...»), «Au Nord», «Les Nombres», «Le Forgeron», «La Dame en noir», «Vers le Futur», «La Révolte» («La rue, en un remous de pas...», «Le Tribun», «Le Banquier», «Vêts-toi de sang, Vénus...», «Au Musée», «Le Fléau» [8]. Quelques autres peut-être compléteront un peu cette liste car je ne cesse de travailler. J'aime à croire que vous ne me refuserez pas votre consentement pour cette édition qui sera exécutée — je vous le promets — avec tous les soins possibles.

Agréez, cher Maître, mes sentiments d'une estime profonde

Valère B r u s s o v

Перевод:

⟨5/⟩18 марта 1906 г., Москва

Мэтр!

Вот уже 15 лет я ваш неизменный поклонник и, без всякого сомнения, был одним из первых читателей вашей поэзии в этом городе,

> Где Кремль, с его мерцающими золотом соборами,
> Отражает багряные зори, возвращая их небу.

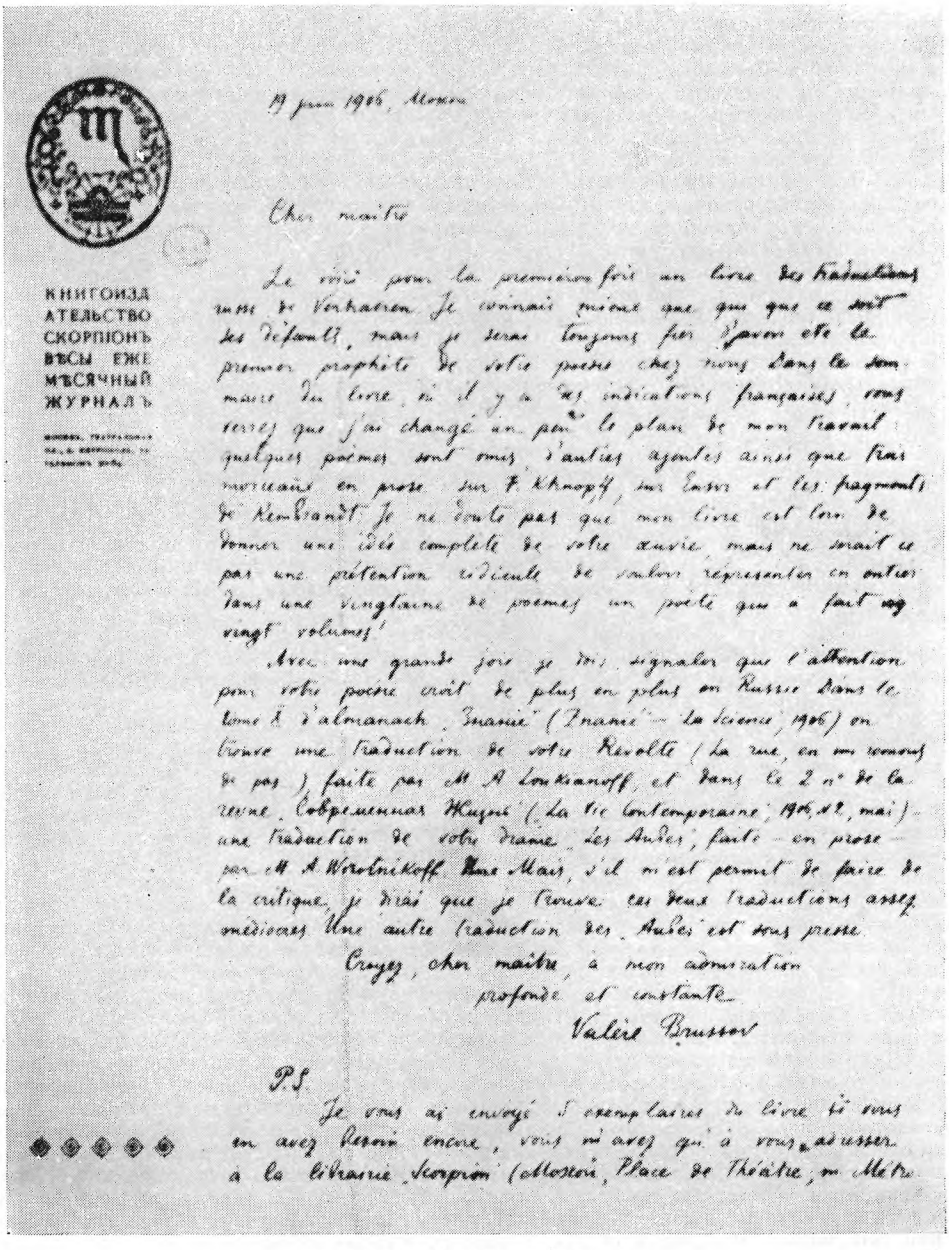
Я смею называть себя вашим учеником в Искусстве. В сборнике моих юношеских стихов, вышедшем в 1900 г. под названием «Tertia Vigilia», я поместил несколько подражаний вашим стихотворениям [1]. Эти подражания были отмечены французской печатью («Revue Bleue», 2 февраля 1901 г.) [2]. Позднее я публиковал свои переводы ваших стихов в различных русских журналах, в том числе в журнале «Вопросы жизни», который примерно соответствует «Revue de Paris», и в «Журнале для всех», периодическом органе с очень низкой подписной платой, насчитывающем благодаря этому почти 100000 подписчиков [3]. (Прилагаю к моему письму оттиск из «Вопросов жизни», 1905, № 11.) Я также не раз имел повод поговорить о вас на страницах «Весов» — журнала, одним из ответственных редакторов которого я состою. Там я опубликовал рецензию на «Города-спруты», изд. «Mercure de France» («Весы», 1904, № 3), а г-н Рене Гиль дал критический разбор «Всей Фландрии» («Весы», 1904, № 5) и «Послеполуденных часов» («Весы», 1905, № 4) [4]. В моей поэме «Последний день», переведенной в «Ecrits pour l'Art» (1906, февраль), вы тоже можете найти немало строк, вдохновленных вашей поэзией [5]. В 1904 году я подал за вас голос в анкете «Beffroi» [6].

В настоящее время я намерен выпустить отдельной книгой свои переводы ваших стихотворений. Издание будет содержать заметку о вашей поэзии, ваш портрет, любезно выполненный для издателя г-ном Риссельбергом [7], стихи, переведенные мною, и полную библиографию ваших трудов. Подбор переводов довольно случайный, поскольку «в искусстве делаешь что можешь, а не что хочешь». Словом, это следующие стихотворения: «Лондон», «Голова», «Отплытие», «Восстание» («Улица быстрым потоком шагов...»), «К северу», «Числа», «Кузнец», «Женщина на перекрестке», «К будущему», «Мятеж» («Туда, где над площадью нож гильотины...»), «Трибун», «Банкир», «Оденься в кровь, Мечта...», «В музее», «Мор» [8]. Возможно, что список еще несколько пополнится некоторыми другими стихами, так как я не прерываю работу. Льщу себя надеждой, что вы не откажете мне в разрешении на это издание, которое — обещаю вам — будет подготовлено с наивозможной тщательностью.

Примите, дорогой Мэтр, уверение в моем глубоком уважении.

Валерий Б р ю с о в

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО СКОРПІОНЪ ВѢСЫ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ



19 juin 1906, Moscou

Cher maître

Je vois pour la première fois un livre des traductions russes de Verhaeren. Je connais mieux que qui que ce soit ses défauts, mais je serai toujours fier d'avoir été le premier prophète de votre poésie chez nous. Dans le sommaire du livre, où il y a des indications françaises, vous verrez que j'ai changé un peu le plan de mon travail: quelques poèmes sont omis, d'autres ajoutés ainsi que trois morceaux en prose sur F. Khnopff, sur Ensor et les fragments de Rembrandt. Je ne doute pas que mon livre est loin de donner une idée complète de votre œuvre, mais ne serait ce pas une prétention ridicule de vouloir représenter en entier dans une vingtaine de poèmes un poète qui a fait vingt volumes!

Avec une grande joie je dois signaler que l'attention pour votre poésie croît de plus en plus en Russie. Dans le tome X d'almanach „Znanie" (Znanie — La Science, 1906) on trouve une traduction de votre Révolte (La rue, en mi remous de pas) faite par M. A. Loukianoff, et dans le 2 n° de la revue „Современная Жизнь" (La Vie Contemporaine, 1906, N 2, mai) une traduction de votre drame „Les Aubes", faite — en prose — par M. A. Worotnikoff. Mais, s'il m'est permis de faire de la critique, je dirai que je trouve ces deux traductions assez médiocres. Une autre traduction des „Aubes" est sous presse.

Croyez, cher maître, à mon admiration profonde et constante

Valère Brussov

P.S.

Je vous ai envoyé 5 exemplaires du livre. Si vous en avez besoin encore, vous m'avez qu'à vous adresser à la librairie „Scorpion" (Moscou, Place de Théâtre, m. Métro

ПИСЬМО БРЮСОВА ВЕРХАРНУ

Автограф. Москва, 19 июня 1906 г.

Бельгийская королевская библиотека, Брюссель

[1] О переводах стихов Верхарна в «Tertia vigilia» см. вступ. ст. к наст. публикации, стр. 550.

[2] Краткая рецензия Ивана Странника (А. М. Аничковой) в парижском литературном еженедельнике «Revue Bleue» (1901, № 5, 2 февраля) была первым откликом на поэзию Брюсова во французской печати:

«Молодой поэт Брюсов вызывает много разговоров в России. Он стремится к оригинальности, хотя пока еще не выходит за пределы смелых подражаний. Он хочет обновить стих, придать ему новую гибкость и разнообразие. Сторонник свободного стиха, он следует, не скрывая этого, французскому поэтическому движению. Стихо-

творение, навеянное строками Вьеле-Гриффина,— «Золото сделал я, золото // Из солнца и горсти песка...» — изящно и изысканно по форме. Стихотворение, написанное в подражание Верхарну, обладает и силой, и образностью <...> Брюсов умеет видеть природу; он не связан устаревшими приемами, эпитетами избитыми и банальными. Он наделен собственным чувством света и формы. Он решается на неожиданные сравнения, которые оживляют его поэзию, расширяют ее сферу, придают ей свежесть. Его направление еще не вполне определилось; еще нельзя предсказать, что он даст в области идей, но в его творчестве нельзя не заметить — за небольшим исключением — смелой попытки обновить трудный жанр, привить к нему вкус и дать ему право на существование. Этот сборник, который подводит итог трехлетнему труду (1897—1900),— свидетельство возрастающего мастерства».

[3] К этому времени Брюсов опубликовал, кроме вошедших в *TV*, 9 переводов из Верхарна: «Трибун», «Банкир», «Мор», «Города и поле (К будущему)» и «Мятеж» («Вопросы жизни», 1905, № 10—11); «Голова», «Кузнец» и «Лондон» («Ежемесячный журнал для всех», 1905, № 11, 12; 1906, № 1); «Свиньи» («Адская почта», 1906, № 1). О его работе над этими переводами см.: *Чулков*, стр. 321—332. Несколько позже были напечатаны: «Восстание» («Ежемесячный журнал для всех», 1906, № 5); «К морю» и «Декабрь» («Литературное приложение к газете «Слово», 1906, № 9 и 11, 2 апреля и 1 мая).

[4] Помимо рецензии на «Города-спруты» (о ней см. выше, стр. 557, примеч. 3) Брюсов отозвался в «Весах» на постановку трагедии «Филипп II» в парижском «Théâtre d'Oeuvre» (1904, № 5, стр. 75; № 6, стр. 42—43) и на ряд статей о Верхарне, появившихся в европейской печати (1904, № 3, стр. 70; № 4, стр. 75; 1905, № 2, стр. 71—72). Рецензия на сборник Верхарна «Les Tendresses premières» («Первые ласки». Брюссель, 1904), открывший серию книг под общим названием «Toute la Flandre» («Вся Фландрия)», также принадлежит Брюсову («Весы», 1904, № 5); автором ее Рене Гиль назван по ошибке.

[5] «Ecrits pour l'Art» (Paris, 1905—1906) — литературно-критический журнал, основанный Жаном Руайером и Рене Гилем с целью пропаганды идеи «научной поэзии»; отзыв Брюсова о нем см.: *РМ*, 1909, № 6, стр. 158. Поэма «Последний день» (1903; *UO*) напечатана в этом журнале в прозаическом переводе.

[6] В 1904 г. журнал «Le Beffroi» (орган «молодых писателей северной Франции и Бельгии». Лилль, 1900—1906) провел анкету, в которой предлагалось назвать 10 писателей, достойных стать членами французской «Академии поэтов» (если бы таковая существовала), а также указать лучшую книгу года, изданную на французском языке. Брюсов назвал в числе «десяти» Верхарна, а лучшей книгой — его сборник «Вся Фландрия» («Первые ласки»). Верхарн занял первое место по числу голосов — его имя назвали 75% отвечавших на анкету («Le Beffroi», 1904, № 12; см. также статью Брюсова «Анкета о французской поэзии».— «Весы», 1904, № 12; подпись: Ch.).

[7] Тео ван *Риссельберг* (van Rysselberghe; 1862—1926) — бельгийский художник. В его оформлении вышла большая часть книг Верхарна, близким другом которого он был. «Стихи о современности» были изданы с портретом работы Риссельберга (см. илл. на стр. 579), им же выполнена обложка и ряд заставок этого издания.

[8] Стихотворение «В музее» не было переведено (в некоторых изданиях оно озаглавлено «La Tête» — «Голова»). Стихотворение «Vêts-toi de sang, Vénus» (в некоторых изданиях названо именем участницы французской революции XVIII в. Теруань де Мерикур) из цикла «L'Amour» («Любовь») Брюсов перевел, озаглавив его «Девяносто третий год» (ГБЛ, ф. 386.25.6, л. 9—11), но никогда не печатал. Первая строка перевода отступает от оригинала; обращение к богине любви, которым начинаются все три стихотворения верхарновского цикла, заменено обращением к Мечте, что повлекло за собой ряд других деталей, меняющих смысл стихотворения. Возможно, что по этой причине Брюсов отказался от его публикации. Об изменении заглавия стихотворения «Женщина в черном» см. наст. том, стр. 558, примеч. 18. Остальные переводы вошли в «Стихи о современности». Кроме того, в сборник включено еще восемь стихотворений («К морю», «Старые мастера», «Свиньи», «Часы», «Декабрь», «Не знаю где...», «Ветер», «В вечерний час»), две статьи о современных бельгийских художниках — «Фернанд Кнопф» и «Джемс Энсор», а также фрагменты из книги «Рембрандт».

2. ВЕРХАРН — БРЮСОВУ

<Bruxelles. Le 9/22 mars 1906>

Mon cher Poète.

C'est avec joie que je vous accorde l'autorisation demandée. Je vous remercie de l'attention que vous prêtez à mon oeuvre et vous serais reconnaissant de m'envoyer — si cela ne vous est pas difficile — les articles (de «La Balance») que vous me signalez. Je n'en connais aucun. On est en train de faire

une biographie et une bibliographie à mon sujet et je voudrais les signaler à M. Bazalgette qui s'en occupe [1].

J'ai hâte de voir vos traductions paraître. Je connais une dame russe à qui je les communiquerai.

Pour l'instant je suis en Belgique et ne rentrerai à St. Cloud que vers le 15 mai. Mon adresse est 16, avenue de la Renaissance à Bruxelles.

Je vous serre très cordialement les mains, je vous remercie encore et je forme le voeu que nous nous rencontrions un jour.

Bien à vous Em. Verhaeren

Bruxelles le 22/3 06

Перевод:

‹Брюссель. 9/22 марта 1906 г.›

Дорогой поэт!

С радостью даю согласие на авторизацию, о которой вы просите. Благодарю вас за внимание к моему творчеству и был бы признателен за присылку — если это вас не затруднит — указанных вами статей (из «Весов»). Я не знаю ни одной из них. Здесь приступили к составлению моей биографии и библиографии, и мне хотелось бы указать на них г. Базальжету, который этим занимается [1].

С нетерпением жду выхода в свет ваших переводов. Я знаком с одной русской дамой и покажу их ей.

Сейчас я в Бельгии и вернусь в Сен-Клу только около 15 мая. Мой адрес: 16, авеню де ла Ренессанс, Брюссель.

От всего сердца жму ваши руки, еще раз благодарю и очень надеюсь когда-нибудь встретиться с вами.

Ваш вполне Эм. Верхарн

Брюссель. 22.3.06

Ответ на п. 1.

[1] Около 26 марта/8 апреля 1906 г. Верхарн благодарил Брюсова за присланные статьи и библиографию: «Базальжет будет осведомлен о трудах, названия которых вы перечислили. Итак ‹...› все будет исчерпывающе полно благодаря вам». Леон *Базальжет* — французский литературный критик, автор биографического очерка о Верхарне (Léon Bazalgette. Emile Verhaeren. Paris, 1906). Брюсов ценил эту работу как «очень тонкий, глубокий и обстоятельный анализ творчества Верхарна» («Весы», 1907, № 3, стр. 96). В 1910 г. он предполагал поместить ее в качестве предисловия к задуманному им новому изданию своих переводов произведений Верхарна (см. п. 31). На русском языке очерк вышел в серии «Биографии современных писателей», изд. «Всеобщая библиотека» (Леон Базальжет. Эмиль Верхарн. Биография-характеристика. СПб., ‹1909›). В начале 1907 г. Брюсов послал Базальжету «Стихи о современности» и вступил с ним в переписку; восемь писем Базальжета (1907—1912) сохранились в его архиве (ГБЛ, ф. 386.75.28).

3. БРЮСОВ — ВЕРХАРНУ

19 juin ‹/2 juillet› 1906. Moscou

Cher Mâitre,

Le voici pour la première fois un livre des traductions russes de Verhaeren. Je connais mieux que qui ce soit ses défauts, mais je serai toujours fier d'avoir été le premier prophète de votre poésie chez nous. Dans le sommaire du livre, où il y a des indications françaises, vous verrez que j'ai changé un peu le plan de mon travail: quelques poèmes sont omis, d'autres ajoutés, ainsi que trois morceaux en prose sur F. Khnopff, sur Ensor et les fragments de «Rembrandt». Je ne doute pas que mon livre est loin de donner une idée complète de votre oeuvre, mais ne serait-ce pas une prétention ridicule de

vouloir représenter en entier dans une vingtaine de poèmes un poète qui a fait vingt volumes!

Avec une grande joie je dois signaler que l'attention pour votre poésie croît de plus en plus en Russie. Dans le tome X de l'almanach «Знание» («Znanié» — «La Science», 1906) on trouve une traduction de votre «Révolte» («La rue, en un remous de pas...») faite par M. A. Loukianoff [1], et dans le 2 numéro de la revue «Современная жизнь» («La Vie Contemporaine», 1906, N 2, mai) — une traduction de votre drame «Les Aubes», faite — en prose — par M. A. Worotnikoff. Mais s'il m'est permis de faire de la critique, je dirai que je trouve ces deux traductions assez médiocres. Une autre traduction des «Aubes» est sous presse [2].

Croyez, cher Maître, à mon admiration profonde et constante

Valère B r u s s o v

P. S. Je vous ai envoyé 5 exemplaires du livre. Si vous en avez besoin encore, vous n'avez qu'à vous adresser à la librairie «Scorpion» (Moscou, Place du Théâtre, m. Métropole, 23). La librairie de même sera bien aise de remettre ce livre aux personnes dont vous voudrez bien lui faire connaître les adresses.

V. B.

Перевод:

19 июня ⟨/2 июля⟩ 1906 г., Москва

Дорогой Мэтр,

Перед вами первое русское издание переводов Верхарна. Мне лучше, чем кому-либо, известны его недостатки. Но я всегда буду гордиться тем, что был у нас первым провозвестником вашей поэзии. Из оглавления книги, где есть и французские названия, вы увидите, что я несколько изменил план своей работы: некоторые стихотворения опущены, другие добавлены, также как и три прозаические вещи: о Ф. Кнопфе, об Энсоре и фрагменты из «Рембрандта». Я не сомневаюсь, что моя книга дает далеко не полное представление о вашем творчестве, но разве не было бы смешной претензией пытаться в двадцати стихотворениях всесторонне показать поэта, создавшего двадцать томов!

С большой радостью должен отметить, что в России все больше и больше растет интерес к вашей поэзии. В книге X сборников «Знание» (1906) помещен перевод вашего «Восстания» («Улица с шумом тревожных шагов...»), сделанный г-ном А. Лукьяновым [1], а во втором номере журнала «Современная жизнь» (1906, № 2, май) перевод вашей драмы «Зори», сделанный — в прозе — г-ном А. Воротниковым. Но если мне дозволено покритиковать, скажу, что оба перевода считаю довольно посредственными. Другой перевод «Зорь» печатается [2].

Верьте, дорогой Мэтр, моему глубокому и неизменному восхищению.

Валерий Б р ю с о в

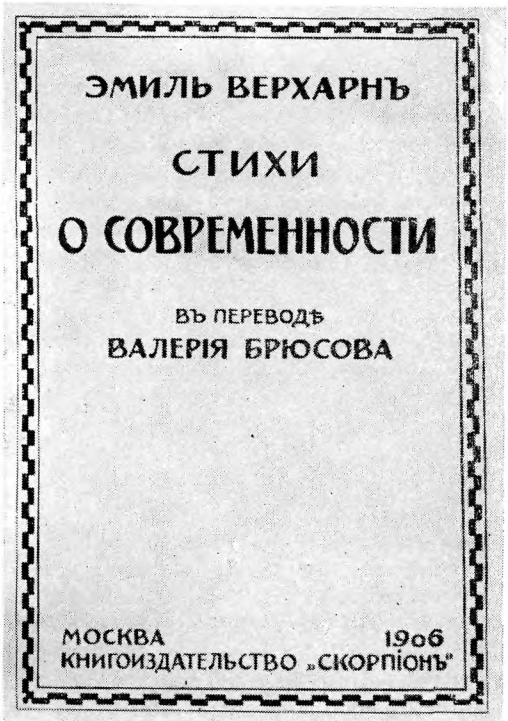
P. S. Я послал вам 5 экземпляров книги. Если вам нужны еще, вы можете обратиться прямо в издательство «Скорпион» (Москва, Театральная площадь, д. Метрополь, 23). Издательство с большой готовностью вышлет книгу также лицам, чьи адреса вы потрудитесь ему сообщить.

В. Б.

[1] В переводе Брюсова — «Улица быстрым потоком шагов...». Рецензируя десятый «Сборник т-ва «Знание», Брюсов весьма критически отозвался о переводе Лукьянова («Весы», 1906, № 6). Несколько ранее он дал крайне резкую оценку переводу стихотворения «Кузнец», в котором Лукьянов «бесцеремонно исказил» Верхарна («Сборники т-ва «Знание» за 1904 г. Кн. IV и V...» — «Весы», 1905, № 4, стр. 49; подпись: И. С м и р н о в).

[2] Драма Верхарна «Зори» вышла в 1906 г. на русском языке в трех изданиях: в прозаическом переводе А. Воротникова («Современная жизнь», № 2; апрель); в смешанном переводе (проза и стихи) А. Воротникова и С. Шамбинаго (М., 1906) и в сме-

ЭМИЛЬ ВЕРХАРН.
«СТИХИ О СОВРЕМЕННОСТИ»
М., «СКОРПИОН», 1906
Перевод Брюсова
Обложка Тео ван Риссельберга



шанном переводе Г. Чулкова («Сборник т-ва «Знание», кн. XI). В рецензии на эти издания («Весы», 1906, № 9) Брюсов отдавал предпочтение первому из них: «Гораздо лучше — никаких стихов, чем плохие стихи. Прозаический перевод г. Воротникова не художественное воспроизведение драмы Верхарна, но верная, хорошая фотография с нее» (стр. 80), тогда как стихотворные переводы «плачевны» — в них «все неверно: общий тон, стиль речи, отдельные выражения» (стр. 78).

4. ВЕРХАРН — БРЮСОВУ

‹Environ du 25 juin/8 juillet 1906›

Cher Monsieur.

Le volume est parfaitement imprimé et présenté. Je ne puis assez vous remercier du soin que vous en avez pris.

Je ne suis pas à même de me rendre compte de la valeur de votre traduction — mais ne fût-elle pas parfaite que je serais assuré de votre zèle et de votre dévouement. Or, cela surtout importe dans les actes humains. J'ai passé un exemplaire à une dame polonaise que je connais à Paris et qui voudra bien me renseigner sur la préface liminaire. J'attends qu'elle m'en apporte la traduction.

Je vous remercie donc les mains tendues et je souhaite que ce soit de plus en plus, grâce à vous, que le public russe fixe son attention sur moi.

J'espère un jour vous rencontrer dans la vie et vous dire combien je me suis attaché, par reconnaissance, à votre oeuvre.

Bien fermement à vous Em. V e r h a e r e n

Перевод:

‹Около 25 июня/8 июля 1906 г.›

Дорогой господин Брюсов.

Том превосходно отпечатан и у него прекрасный вид. Я не сумею в должной мере отблагодарить вас за проявленную об этом заботу.

Не в моих возможностях судить о достоинствах вашего перевода, но, будь он даже не безукоризненным, я все равно был бы уверен в вашем усердии и вашей самоотверженности. А ведь в делах человеческих это важнее всего. Я передал экземпляр польской даме, которую знаю по Парижу,— она готова познакомить меня с открывающим книгу предисловием. Жду, что она принесет мне перевод.

Итак, с признательностью протягиваю вам руки и желаю, чтобы благодаря вам русский читатель все чаще и чаще останавливал на мне свое внимание.

Надеюсь когда-нибудь встретиться с вами и сказать вам, как, движимый благодарностью, интересуюсь я вашим творчеством.

Весь ваш неизменно Эм. В е р х а р н

Ответ на п. 3. Датируется по связи с ним. Место отправления неизвестно.

5. БРЮСОВ — ВЕРХАРНУ

Wisby (île Gotland), ‹3/› 16 juillet, 1906

Cher Maître,

J'ai reçu votre lettre si aimable ici, en pleine Baltique. Je suis flatté de ce que vous dites sur l'aspect de mon livre et je regrette encore une fois d'être privé de vos conseils sur la traduction même. Mais croyez-moi que tout ce livre ne renferme un seul vers qui ne soit écrit avec amour et attention. Quant à la préface, elle ne consiste presqu'entièrement que de citations des auteurs français et allemands et pour la plupart ses pages vous sont, sans doute, trop connues [1].

Comme toujours votre disciple fidèle

Valère B r u s s o v

Перевод:

Висби (остров Готланд), ‹3/› 16 июля 1906 г.

Дорогой Мэтр,

Я получил ваше столь любезное письмо здесь, в открытой Балтике. Я польщен вашими словами о внешнем виде моей книги и еще раз пожалел о том, что лишен ваших советов в отношении самого перевода. Но поверьте, во всей книге нет ни одной строки, которая не была бы написана с любовью и вниманием. Что до предисловия, то его почти целиком составляют выдержки из французских и немецких авторов, и эти страницы вам, конечно, большей частью очень хорошо известны [1].

Неизменно ваш верный ученик Валерий Б р ю с о в

Ответ на п. 4.

[1] Значительная часть предисловия Брюсова к «Стихам о современности» (главы II и III) посвящена оценкам творчества Верхарна в западноевропейской печати.

6. ВЕРХАРН — БРЮСОВУ

‹7/20 novembre 1906. Caillou-qui-Bique›
Roisin (Hainaut) Belgique
jusqu'au 15 décembre

Mon cher Monsieur.

Je vous remercie infiniment. Vous vous intéressez à mon art avec une ferveur telle que je ne puis vous en savoir assez de gré.

J'ai reçu la traduction des «Aubes», mais je n'ai point reçu le numéro de la revue dont vous me parlez [1].

Je vous ai envoyé il y a quinze jours mon nouveau livre, «La Multiple Splendeur». L'avez-vous reçu? [2]

Je crois que c'est mon meilleur bouquin. Jugez-le.
Bien à vous et encore tous mes remerciments.

Em. Verhaeren

Перевод:

‹7/20 ноября 1906 г. Кайу-ки-Бик›
Руазен (Эно), Бельгия
до 15 декабря

Дорогой мой господин Брюсов.

Я бесконечно вам благодарен. Вы так горячо интересуетесь моим искусством, что я не сумею быть вам достаточно признательным.

Я получил перевод «Зорь», но не получил номер журнала, о котором вы говорите [1].

Две недели тому назад я послал вам свою новую книгу «Многоцветное сияние». Получили ли вы ее? [2]

Мне думается, что это лучшая моя книжка. Судите сами.

Ваш вполне и еще раз приношу свою благодарность.

Эм. Верхарн

Ответ на неизвестное письмо Брюсова. На конверте почт. шт.: Roisin. 20 nov. 1906; Москва. 10.11.06.

[1] По-видимому, Брюсов послал Верхарну один из переводов его «Зорь» и номер «Весов» со своей рецензией (см. п. 3, примеч. 2).

[2] В библиотеке Брюсова сохранился этот экземпляр с дарственной надписью: «A Valère Brussow cordialement Em. Verhaeren» («Валерию Брюсову сердечно Эм. Верхарн»). Рецензию Рене Гиля на эту книгу см.: «Весы», 1907, № 1, стр. 81—82.

7. БРЮСОВ — ВЕРХАРНУ

‹Moscou. 4/› 17 juin 1907

Cher Maître,

Vous me comblez vraiment d'attention. Je fus très heureux de recevoir votre nouveau livre où plusieurs poèmes me furent inconnus [1]. En chaque page j'y retrouve les traits précieux de votre style, de votre manière de penser. «Toute la Flandre» prendra sa place dans le même rang que l'oeuvre de vos grands peintres du XVII. Vous donnez l'immortalité aux cités, aux villages et aux hameaux de votre patrie comme Dante à ses contemporains [2].

J'aime à croire qu'il ne vous sera pas indifférent de connaître que votre influence croît chez nous de plus en plus. Cet hiver nous a apporté un assez grand nombre de traductions de vos poèmes. Dans une anthologie russe «La Jeune Belgique» on voit votre portrait et plusieurs de vos poèmes traduits par M. Ellis, un des collaborateurs de «La Balance» [3]. Un compte-rendu — quoique peu informé — sur ce livre est paru dans «L'Art Moderne». Si l'éditeur de «La Jeune Belgique» ne vous a pas fait parvenir ce volume, j'aurai grand plaisir de vous l'envoyer. M. Tkhorgevsky a réuni ses traductions parmi lesquelles il y a plusieurs de vos poèmes dans une petite plaquette «Tristia» [4]. Un inconnu a traduit in extenso «Les Campagnes Hallucinées», mais cette dernière traduction, éditée à Kazan, est introuvable à Moscou et je ne l'ai pas encore vue [5]. Une traduction complète des «Villes Tentaculaires» est à paraître... [6]

Dans notre «Balance» nous parlons de vous et de votre oeuvre presque à chaque N. Dans celui de janvier M. René Ghil a fait l'analyse de la «Multiple Splendeur». Dans celui de février M. Max Wolochine a critiqué les traductions russes de vos poèmes [7]. Dans celui de mars est inséré un compte-rendu sur le livre de M. Bazalgette [8] etc. etc. Je prends l'occasion de vous envoyer

le 1 N et je ne tarderai pas de vous faire parvenir celui où sera analysé «La Guirlande» [9].

Croyez, cher Maître, à mon admiration constante

Valère Brussov

Перевод:

⟨Москва 4/⟩17 июня 1907 г.

Дорогой Мэтр,

Вы, право, балуете меня своим вниманием. Я был очень счастлив получить вашу новую книгу, где некоторые стихотворения были мне неизвестны [1]. На каждой странице я узнаю бесценные приметы вашего стиля, вашего образа мыслей. «Вся Фландрия» займет место в одном ряду с творениями ваших великих живописцев XVII века. Вы дарите бессмертие городам, селениям и хижинам вашей родины, как Данте — своим современникам [2].

Мне хочется верить, что вам небезразлично будет узнать о том, что влияние ваше у нас все больше и больше растет. Нынешняя зима принесла нам довольно много переводов ваших стихов. В русской антологии «Молодая Бельгия» помещен ваш портрет и несколько ваших стихотворений в переводе г. Эллиса, одного из сотрудников «Весов» [3]. Отзыв о книге, хотя и поверхностный, появился в «L'Art moderne». Если издатель «Молодой Бельгии» не доставил вам этот том, я с большим удовольствием пошлю вам его. Г-н Тхоржевский собрал свои переводы, среди которых есть несколько ваших стихотворений, в тоненькую книжечку «Tristia» [4]. Какой-то неизвестный перевел in extenso * «Обезумевшие деревни», но этот последний перевод, изданный в Казани, в Москве нельзя найти, и я его еще не видел [5]. Полный перевод «Городов-спрутов» вскоре выйдет... [6]

В наших «Весах» мы говорим о вас и о вашем творчестве почти в каждом номере. В январском г-н Рене Гиль дал разбор «Многоцветного сияния». В февральском г-н Макс Волошин подверг критике русские переводы ваших стихотворений [7]. В мартовском — напечатан отзыв о книге г. Базальжета [8] и т. д. Пользуясь случаем, посылаю вам первый номер и не замедлю доставить вам тот, где будет разбор «Гирлянды» [9].

Верьте, дорогой Мэтр, моему неизменному восхищению.

Валерий Брюсов

Ответ на неизвестное письмо Верхарна.

[1] Книга Верхарна «Гирлянда дюн» («La Guirlande des Dunes». Bruxelles, 1907) — вторая в серии «Вся Фландрия» («Toute la Flandre»). В библиотеке Брюсова сохранился экземпляр ее с дарственной надписью: «A Valère Brussow son reconnaissant Em. Verhaeren» — «Валерию Брюсову признательный ему Эм. Верхарн».

[2] Эта мысль получила развитие в статье Брюсова «Данте современности» (см. выше, стр. 557, примеч. 8).

[3] В сб. «Молодая Бельгия» (под ред. Марии Веселовской. М., ⟨1906⟩) помещена краткая характеристика Верхарна (стр. 38—45) и шесть его стихотворений в переводе Эллиса. Отзыв Брюсова об этой книге см.: «Весы», 1907, № 2, стр. 86.

[4] Отзыв Брюсова на сборник переводов И. Тхоржевского «Tristia» (СПб., 1906) — см.: «Весы», 1907, № 2, стр. 86.

[5] Этот сборник (Эмиль Верхарн. Обезумевшие деревни. В переводах Николая Васильева. Казань, 1907) составляют стихи, выбранные из ряда ранних сборников Верхарна. По оценке Эллиса, перевод «весьма далек от подлинника и весьма мало поэтичен» («Весы», 1907, № 10, стр. 67).

[6] Перевод стихов из сборников «Les Villes Tentaculaires» (Bruxelles, 1895) и «Les Campagnes Hallucinées» (Bruxelles, 1893) вышел значительно позже: Эмиль Верхарн. Издыхающие равнины. Города-чудовища. Перевод. Н. Ч. (М., 1909).

[7] В статье «Эмиль Верхарн и Валерий Брюсов» («Весы», 1907, № 2), целиком посвященной анализу «Стихов о современности», М. А. Волошин подверг резкой критике бо́льшую часть переводов, составивших эту книгу, и высказал свое несогласие с принципами Брюсова-переводчика; вместе с тем некоторые переводы он оценил очень высоко

* полностью (*лат.*).

и первый из современников отметил воздействие Верхарна на поэзию самого Брюсова (см. вступ. статью к наст. публикации, стр. 551 и 558, примеч. 14).

[8] См. п. 2, примеч. 1.

[9] Рецензию Рене Гиля на эту книгу см.: «Весы», 1907, № 8.

В ответном письме от ‹11/24 июня 1907 г.› Верхарн просил выслать ему сборники «Молодая Бельгия» и «Tristia», а также сообщить «точные сведения» о переводах «Городов-спрутов» и «Обезумевших деревень», так как они его «особенно интересуют».

8. ВЕРХАРН — БРЮСОВУ

St. Cloud le ‹25 octobre/›7 nov‹embre 19›07

Mon cher poète.

Vous m'avez fait vraiment plaisir en m'envoyant la traduction de vos poèmes en allemand [1]. Non pas que je sois assez familier avec cette langue pour y goûter votre oeuvre — mais ainsi je vous ignore moins et vous comprends, par bribes. Et puis grâce au portrait, vous m'apparaissez comme un ami, que mon esprit voit agir et auquel il s'adressera, dès qu'il songera à vous. Et ce sera souvent pour vous remercier de tout ce que vous faites pour mon oeuvre que je sens grandir en Russie, grâce à vous. Vous m'êtes décidément quelqu'un de cher, vous m'êtes un ami lointain, mais sûr et vraiment le jour qui mettra ma main dans la vôtre, lors d'une rencontre, me sera un jour élu.

Me permettez-vous de vous mettre encore à contribution, légèrement, en vous priant d'adresser à M. Paul André (227, rue du Trône à Bruxelles) la liste de mes oeuvres traduites en russe, jusqu'à ce jour, avec l'indication du nom des éditeurs et les titres précis. M. André prépare une étude sur moi où il ne citera que des extraits de mes commentateurs, traducteurs et critiques étrangers. Vous lui pouvez faciliter énormément la besogne en lui indiquant (très brièvement) les sources. M. André a des traducteurs en toutes les langues à sa disposition; ce ne sont que les renseignements qui lui manquent quelquefois [2].

Je vous remercie de tout ceci, comme de tout le reste et vous serre très fortement les deux mains.

Em. Verhaeren

Перевод:

Сен-Клу. ‹25 октября/› 7 нояб‹ря 19›07 г.

Дорогой поэт.

Вы доставили мне поистине удовольствие, прислав немецкий перевод ваших стихотворений [1]. Не скажу, что я настолько хорошо знаю этот язык, чтобы оценить на нем ваше творчество, но вы теперь для меня менее неизвестны, и местами я кое-что понимаю. И еще — благодаря портрету друг обрел живой облик, и мой умственный взор видит его и будет обращаться к нему всякий раз, когда я о вас вспомню. А это будет случаться часто — так признателен я вам за все, что вы делаете для моей поэзии, которая, чувствую, распространяется в России благодаря вам. Вы — поистине один из тех, кто мне дорог, вы для меня далекий, но верный друг, и, конечно, тот день, когда при встрече я вложу свою руку в вашу, будет для меня днем избранным.

Позвольте несколько затруднить вас новой просьбой — отправьте г-ну Полю Андре (227, улица дю Трон в Брюсселе) список моих произведений, переведенных на русский язык по сей день, с указанием фамилий издателей и точным текстом титульных листов. Г-н Андре готовит очерк обо мне, в котором будет цитировать только моих иностранных толкователей, переводчиков и критиков. Вы можете чрезвычайно облегчить ему труд, указав (очень кратко) источники. У г-на Андре есть переводчики со всех языков, но ему не хватает иногда некоторых справок [2].

Благодарю вас за все это, как и за все остальное, и крепко, крепко жму ваши руки.

Эм. Верхарн

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

[1] Брюсов послал Верхарну сборник «Russische Lyrik der Gegenwart». München und Leipzig, 1907 («Современная русская лирика», пер. А. Элиасберга), в котором представлены Бальмонт, Брюсов, Бунин, З. Гиппиус, Минский и Сологуб; к стихам Брюсова приложен портрет работы Врубеля. В рецензии на этот сборник В. Гофман отмечал, что переводы брюсовских стихотворений неудачны: «...эти вялые и с банальными рифмами стихи очень мало напоминают великолепные строфы Брюсова» («Весы», 1907, № 9, стр. 87).

[2] Поль *Андре* (Paul André; 1873—1957) — бельгийский писатель, автор ряда этюдов, посвященных проблемам бельгийской национальной культуры. В библиотеке Брюсова сохранился сборник его рассказов «La Guirlande» («Гирлянда». Брюссель, 1907) с дарственной надписью: «Très cordial hommage à un ami des lettres belges: M. Valère Brussow Paul Andr.» («С самой искренней признательностью другу бельгийской литературы: г-ну Валерию Брюсову Поль Андре»).

9. ВЕРХАРН — БРЮСОВУ

‹St. Cloud. 20 décembre 1907/2 janvier 1908›

Mon cher poète.

Votre lettre me fait un plaisir très grand. De plus en plus j'apprends à vous connaître et à vous aimer. Je vous dois beaucoup. Si mon nom n'est plus inconnu à Moscou, c'est grâce à vous.

Pourtant ce n'est point pour cela seul que vous m'êtes cher. Vos lettres me sont bonnes: elles sont enthousiastes et simples. J'attends avec impatience la traduction de vos proses [1].

Je reste à St. Cloud jusqu'à la fin de Février. Si vous arrivez au printemps, je serai loin, en Belgique. Toutefois je ne désespère point de vous voir et peut-être pourrez-vous pousser jusqu'à Roisin ou à Bruxelles.En tout cas, je vous tiendrai au courant de mes déplacements.

Oui, je serai heureux de recevoir «La Balance» et d'y collaborer. Je vous enverrai, si vous le voulez bien, un poème que vous traduirez, ou ce qui vaudrait mieux, que vous ‹le› ferez paraître en français [2].

Et maintenant, les mains tendues je vous remercie encore et vous souhaite une bonne, féconde et clémente année.

Votre Em. Verhaeren

St Cloud le 2 Janvier 08.

M. André vous a-t-il écrit?

Перевод:

‹Сен-Клу. 20 декабря 1907/2 января 1908 г.›

Дорогой поэт.

Ваше письмо доставило мне огромное удовольствие. Я все больше и больше учусь понимать и любить вас. Я многим вам обязан. Если мое имя теперь не безызвестно в Москве, то это благодаря вам.

Однако вы мне дороги не только поэтому. Ваши письма для меня благотворны: они полны воодушевления и простоты. С нетерпением жду перевода вашей прозы [1].

Я останусь в Сен-Клу до конца февраля. Если вы приедете весной, я буду далеко, в Бельгии. Все же я не теряю надежды увидеться с вами; может быть, вы сумеете проехать до Руазена или Брюсселя. Во всяком случае я буду держать вас в курсе своих передвижений.

Да, конечно, я буду рад получать «Весы» и сотрудничать в них. Я пришлю вам, если хотите, стихотворение, вы его переведете или, еще лучше, опубликуете по-французски [2].

А теперь протягиваю вам руки, еще раз благодарю и желаю хорошего, плодотворного и благополучного года.

Ваш Эм. Верхарн

Сен-Клу, 2 января 08

Писал ли вам г. Андре?

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

[1] По-видимому, Брюсов сообщил Верхарну о предстоящем выходе сборника своих рассказов в немецком переводе. Книга вышла под названием «Die Republik des Südenkreuzes». München, 1908 («Республика Южного креста», пер. Ганса фон Гюнтера).

[2] Сотрудничество Верхарна в «Весах» ограничилось публикацией трагедии «Елена Спартанская» (1908, № 8 — 12; перевод Брюсова) и двух стихотворений: «La Fête» («Празднество») и «L'Or» («Золото»), напечатанных на французском языке и в переводах Брюсова — первое в прозаическом, второе — в стихотворном (1909, № 5 и 12).

10. ВЕРХАРН — БРЮСОВУ

St. Cloud le ‹20 février/› 4 mars ‹19›08

Mon cher poète et ami.

J'ai bien reçu vos traductions; j'ai essayé de les déchiffrer mais je ne sais pas assez l'allemand pour apprécier en cette langue n'importe quelle oeuvre littéraire. Quand serez-vous traduit en français?!

Oui, je ne demande pas mieux que vous traduisiez pour «Panthéon» mon «Philippe II». Je vous y autorise et je vous dis même que je suis heureux que ce soit vous qui aimez assez ce drame pour le transposer [1]. Si quelque jour il pourrait être joué en Russie, j'en serais fort aise. Connaissez-vous «Le Cloître»? Ce drame plus que «Philippe II» me séduit et voici deux fois qu'on l'a joué à Bruxelles et Paris avec un succès croissant [2].

Toutefois si pour le public russe «Philippe II» vous paraît meilleur, fixez votre choix sur ce dernier et réservez «Le Cloître» pour plus tard.

En toutes ces questions, c'est vous, en qui j'ai toute confiance, qui devez décider.

Je suis heureux que «Les Visages de la Vie» vous plaisent [3]. La dernière pièce surtout me parait bien.

Je quitte Paris et me rends en Belgique demain. Répondez-moi 16, avenue de la Renaissance, Bruxelles.

Je vous serre très cordialement les deux mains.

Très à vous Em. Verhaeren

Перевод:

Сен-Клу. ‹20 февраля/› 4 марта ‹19›08 г.

Дорогой мой поэт и друг.

Переводы ваши я получил; я пробовал в них разобраться, но недостаточно знаю немецкий, чтобы оценить на этом языке какое бы то ни было литературное произведение. А когда вас переведут на французский?!

Конечно, самое лучшее, если моего «Филиппа II» для «Пантеона» переведете вы. Даю вам свою авторизацию и скажу даже, что буду очень рад, если это сделаете вы, любящий эту драму настолько, чтобы суметь ее передать [1]. Если бы ее когда-нибудь удалось сыграть в России, мне было бы очень приятно. Знаете ли вы «Монастырь»? Мне эта драма больше по душе, чем «Филипп II», и она уже дважды шла в Брюсселе и Париже с возрастающим успехом [2].

Впрочем, если вам кажется, что для русского зрителя «Филипп II» более подходит, остановитесь на нем, а «Монастырь» оставьте на будущее.

Я очень рад, что «Лики жизни» вам нравятся [3]. Последнее из стихотворений мне кажется особенно удачным.

Я покидаю Париж и завтра уезжаю в Бельгию. Отвечайте мне 16, авеню де ля Ренессанс, Брюссель.

От всего сердца жму ваши руки.

Всецело ваш Эм. Верхарн

Ответ на неизвестное письмо, в котором Брюсов просил разрешения на перевод драмы Верхарна «Филипп II» для издательства «Пантеон мировой литературы» (перевод не был завершен).

[1] «Филипп II»,— писал Брюсов,— лучшая драма Верхарна, со стремительно развивающимся действием, исполненная страсти, написанная то сильной, уверенной прозой, то огненными стихами» («Парижские театры».— «Весы», 1904, № 6, стр. 42; подпись: Ch.). Ср. оценку этой драмы в письме к А. И. Сумбатову (вступ. ст. к наст. публикации, стр. 555), а также *PM*, 1910, № 8, стр. 14.

[2] Драма «Монастырь» была поставлена в Брюсселе 20 февраля 1900 г. («Théâtre Royal du Parc») и затем в Париже — 8 мая 1900 г. («Théâtre de l'Oeuvre»).

[3] В библиотеке Брюсова сохранился экземпляр второго издания сборника «Лики жизни» (Париж, 1908) с дарственной надписью: «Au cher Valère Brussow son ami Em. Verhaeren» («Дорогому Валерию Брюсову его друг Эм. Верхарн»).

11. БРЮСОВ — ВЕРХАРНУ

Moscou. ‹18/› 31 mars 1908

Cher Maître,

Je lis votre nouveau volume «Les Héros» [1] et, comme toujours devant vos livres, je m'incline presqu'en dévotion. *Ecce poeta*! [2] On dira après: «l'âge de Verhaeren», comme on dit à présent: «L'âge de Shakespeare»,— vous le savez mieux que nous! Que pouvons nous devant votre oeuvre énorme, toujours grandissante, devant votre fantaisie inépuisable, devant votre énergie de maître, inébranlable!

Permettez-moi de rester votre apôtre en Russie. Je joins à cette lettre un programme de ma conférence sur votre poésie, qu j'ai répété au Cercle des professeurs de Moscou, le 4 mars. J'espère répéter cette conférence pour la troisième fois à Pétersbourg [3].— Maintenant je commence, non sans grand trouble, la traduction de «Philippe II»... Je ne sais si cette tâche hardie me réussira...

Vous me demandez si je connais «Le Cloître». Mais — dès 1900, dès son apparition! Et j'aime ce drame passionnément. Si j'ai préféré «Philippe II», c'est pour deux raisons: 1. J'ai su que «Le Cloître» doit bientôt paraître dans une autre traduction (que je ne tarderai pas de vous envoyer) [4]. 2. J'ai été persuadé que la censure russe ne laissera jamais passer «Le Cloître» au théâtre. Et moi, j'ai l'espoir de faire monter «Philippe II» sur la scène du «Théâtre Impérial» de Moscou [5].

Quant à mon arrivée en France, je dois toujours la remettre. Ce ne sera pas avant cet automne.

Croyez, cher Maître, à mon dévouement cordial.

Valère B r u s s o v

Перевод:

Москва, ‹18/›31 марта 1908 г.

Дорогой Мэтр,

Я читаю ваш новый том —«Герои» [1] и, как всегда перед вашими книгами, склоняюсь почти благоговейно. *Ecce poeta* [2]! Позднее будут говорить «век Верхарна», как теперь говорят «век Шекспира», вы это знаете лучше нас! Что значим мы перед все возрастающей громадой ваших творений, перед вашим неисчерпаемым воображением, перед вашей несокрушимой творческой энергией!

Позвольте мне оставаться вашим апостолом в России. Я прилагаю к этому письму программу моего доклада о вашей поэзии, который повторил в московском Педагогическом собрании 4 марта [3]. Надеюсь в третий раз прочесть этот доклад в Петербурге. Сейчас приступаю, не без большого смущения, к переводу «Филиппа II». Не знаю, удастся ли мне эта дерзкая попытка.

Вы спрашиваете, знаю ли я «Монастырь». Конечно,— уже с 1900 года, с момента его появления! И я страстно люблю эту драму. Если я предпочел «Филиппа II», то

АФИША ПЕРВОЙ ЛЕКЦИИ БРЮСОВА О ВЕРХАРНЕ
Москва, 13 октября 1907 г.
Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

1907

ТЕАТРЪ ГИРШЪ (СТУДІЯ)

ВЪ СУББОТУ, 13-го ОКТЯБРЯ,
СОСТОИТСЯ
ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ
ВАЛЕРІЯ БРЮСОВА
НА ТЕМУ
ЭМИЛЬ ВЕРХАРНЪ,
ПОЭТЪ СОВРЕМЕННОСТИ.
ПРОГРАММА.

Начало ленціи въ 8 час. вечера.

Цѣны билетамъ отъ 5 руб. до 60 коп. Входные билеты 40 коп.

по двум причинам: 1. Я знал, что «Монастырь» должен вскоре появиться в другом переводе (который я не замедлю послать вам) [4]. 2. Я был уверен, что русская цензура никогда не пропустит «Монастырь» на сцену. А я питаю надежду добиться постановки «Филиппа II» в Московском императорском театре [5].

Что до моего приезда во Францию, то мне все время приходится его откладывать. Это будет не раньше осени.

Верьте, дорогой Мэтр, моей сердечной преданности.

Валерий Брюсов

Ответ на п. 10.

[1] Сборник стихов Верхарна «Герои» («Les Héros». Bruxelles, 1908) — третья книга серии «Вся Фландрия». Экземпляр ее сохранился в библиотеке Брюсова (без дарственной надписи — МКБ).

[2] «Вот поэт!» (*лат.*). Ср. известное евангельское выражение, относящееся к Христу (слова Пилата): «Ecce Homo!» («Се Человек!»).

[3] Брюсов послал Верхарну программу своей лекции, прочитанной 13 октября 1907 г.,— «Эмиль Верхарн, поэт современности». 20 февраля 1908 г. он повторил ее в Московском педагогическом собрании.

[4] Эмиль Верхарн. Монастырь. Перевод с французского Эллиса. С предисловием Андрея Белого. М., «Польза» (серия «Универсальная библиотека»), (1908).

[5] См. вступ. ст. к наст. публикации, стр. 555; п. 30, примеч. 3.

12. ВЕРХАРН — БРЮСОВУ

(Ostende. 11/24 juin 1908)

Mon cher Poète.

Je vous réponds immédiatement pour que vous ne puissiez m'accuser cette fois de négligence. Oui, j'ai reçu les deux traductions du «Cloître» et quelqu'un qui entend le russe m'a assuré comme vous le faites que celle

(dans la petite brochure) est *très*, *très* bien [1]. J'en suis très heureux. Et votre traduction de «Philippe II» avance-t-elle?

J'ai terminé pour l'instant un drame que j'intitule «Hélène de Sparte». Le sujet est trop long à expliquer. Sachez toutefois que c'est le retour de la Tyndarède dans sa patrie, où elle espère finir sa vie dans le calme avec Ménélas. Elle est déjà âgée. Quand tout à coup fondent sur elle les plus terribles malheurs. Elle bouleverse, sans le vouloir, tout autour d'elle; encore une fois — mais avec une violence infinie — elle est cause d'amours monstrueux et de débacles invraisemblables, si bien qu'elle demande la mort et que Zeus l'enlève au ciel dans un orage. Il y a dans ce drame question d'inceste et d'amour saphique, mais le tout me semble si haut et si fatal que rien ne choque.

Si ce sujet vous plaît et surtout si la représentation de cette oeuvre hardie pourrait m'être garantie, j'aimerais beaucoup qu'on la traduisit en russe et qu'on la montât immédiatement. Pouvez-vous me donner un conseil? Stephan Zweig va la traduire en allemand au mois d'août [2].

Je villégiature pour l'instant à Ostende (villa du Ponant). Je rentrerai à Roisin (Hainaut) au commencement d'août et serai à Saint Cloud à la fin de novembre.

J'ai parcouru l'anthologie que vous m'envoyez, je vous en remercie [3]. Je vous enverrai bientôt une bonne photographie pour que, la cas échéant, je sois mieux reproduit en Russie.

Très à vous et avec tous mes remerciments

Em. Verhaeren

Перевод:

<Остенде. 11/24 июня 1908 г.>

Дорогой поэт.

Тотчас же отвечаю вам, чтобы на этот раз вы не могли обвинить меня в небрежности. Да, я получил оба перевода «Монастыря», и человек, понимающий по-русски, уверил меня, как это делаете и вы, что перевод (в тоненькой брошюрке) *очень*, *очень* хорош [1]. Чрезвычайно этому рад. А продвигается ли ваш перевод «Филиппа II»?

Я только что закончил драму, которую назвал «Елена Спартанская». Излагать содержание было бы слишком долго. Все же скажу, что речь идет о возвращении Тиндареды на родину, где она надеется спокойно провести остаток жизни с Менелаем. Она уже не молода. И вот внезапно на нее обрушиваются ужасающие бедствия. Сама того не желая, она все вокруг себя разрушает; вновь — и с неотвратимой силой — возбуждает она чудовищные страсти и становится причиной таких невообразимых опустошений, что молит о смерти и Зевс в грозе уносит ее на небо. В драме говорится о кровосмесительстве и о сафической любви, но в целом все кажется мне столь возвышенным и столь роковым, что ничто не коробит.

Если сюжет вам нравится, а в особенности, если представление этой смелой вещи могло бы быть обеспечено, я очень хотел бы, чтобы ее перевели на русский язык и сразу же показали на сцене. Можете ли вы мне что-нибудь посоветовать? Стефан Цвейг в августе примется за перевод ее на немецкий язык [2].

В настоящее время я на даче в Остенде (вилла Понан). В начале августа вернусь в Руазен (Эно) и буду в Сен-Клу в конце ноября.

Я просмотрел присланную вами антологию и благодарю вас за нее [3]. Вскоре пришлю вам свою хорошую фотографию для того, чтобы, если представится случай, в России появилось лучшее мое изображение.

Всецело ваш и преисполненный благодарности Эм. Верхарн

Ответ на неизвестное письмо Брюсова. На конверте почт. шт.: Москва. 14.VI.1908; почт. шт. Остенде отсутствует.

[1] «Тоненькая брошюрка» — перевод Эллиса (см. п. 11, примеч. 4). Другой перевод — Н. Степановой («Сб. т-ва «Знание» за 1908 год», кн. XXI. СПб., 1908).

[2] «Елена Спартанская» была издана сначала на русском языке, в переводе Брюсова («Весы», 1908, № 8—12; отдельное издание — М., «Скорпион», 1909); затем на немецком (в переводе Ст. Цвейга — Emile Verhaeren. Drei Dramen. Leipzig, 1910) и только после этого во Франции (Emile Verhaeren. Hélène de Sparte. Paris, 1912). Французское издание вышло с посвящением Ст. Цвейгу и Брюсову; экземпляр его сохранился в библиотеке Брюсова с дарственной надписью автора. Там же хранится перевод Цвейга с дарственной надписью: «Valerius Brussov in gemeinsamer Liebe, Verharnianus Verharniano, Stefan Zweig» («Валерию Брюсову в знак общей любви. Верхарнианец верхарнианцу. Стефан Цвейг»).

[3] Вероятно, Брюсов послал Верхарну сборник «Die Lyrik des Auslandes in neuerer Zeit». Leipzig, 1908 («Зарубежная поэзия нового времени»). В этом сборнике было напечатано четыре стихотворения Брюсова в переводе Иоганна фон Гюнтера.

13. БРЮСОВ — ВЕРХАРНУ

Moscou, ⟨le 21 juin/⟩ 4 juillet 1908

Cher Maître,

Je me hâte de répondre à votre lettre, si amicale. Oui, «Hélène de Sparte» m'intéresse beaucoup, comme votre nouvelle oeuvre et comme drame au sujet beau et pathétique. Je serais charmé si vous vouliez me confier la traduction. Mais je ne pourrai vous garantir que le drame soit monté au théâtre. Quoique les lettres en Russie soient libérées (ou à peu près) dès la révolution de 1905,— la censure théâtrale reste, et bien sévère! Si «Hélène de Sparte» passe heureusement ce purgatoire, je ne doute pas qu'elle soit prise par le théâtre de Mme Komissarjewsky à St. Pétersbourg (où fut représentée, la saison passée, ma traduction de «Pélléas et Mélisande») ou par le «Petit Théâtre» Impérial à Moscou (où, cet automne, paraîtra ma traduction de «Francesca da Rimini» de G. D'Annunzio) [1]. Mais si la censure est implacable, il ne nous reste que nous soumettre à l'aveugle destinée. En tout cas, si vous permettez, je pourrai publier la traduction immédiatement dans «La Balance» ou dans un autre périodique russe. «La Balance», par exemple, vous propose 160 frs, comme honoraires, par feuille imprimée (10 frs — une page). Mais elle exige que le commencement de la traduction paraisse avant le texte français. C'est une condition sine qua non, vu l'absence de la convention littéraire entre la France et la Russie. En ce cas, vous voyez, il me faut avoir votre copie le plus tôt possible.

Excusez, cher Maître, que je ne parle que d'affaires. Mais l'idée de traduire votre nouveau drame du manuscrit est trop séduisante pour moi. Je cherche tous les moyens de la réaliser.

Croyez moi toujours votre et prêt à tout service

Valère Brussov

Перевод:

Москва, ⟨21 июня/⟩ 4 июля 1908 г.

Дорогой Мэтр,

Спешу ответить на ваше столь дружеское письмо. Конечно, «Елена Спартанская» меня очень интересует и как ваше новое произведение, и как драма с прекрасным и возвышенным сюжетом. Я был бы счастлив, если бы вы согласились доверить мне перевод. Но не могу поручиться, что драма будет поставлена на сцене. Хотя со времени революции 1905 года литература в России стала свободной (или почти свободной), театральная цензура сохранена, и притом весьма суровая! Если «Елена Спартанская» благополучно пройдет через это чистилище, я не сомневаюсь, что она будет принята театром г-жи Комиссаржевской в С.-Петербурге (где в прошлом сезоне шла драма «Пеллеас и Мелисанда» в моем переводе) или императорским «Малым театром» в Москве, где этой осенью пойдет в моем переводе «Франческа да Римини» Габриеля Д'Аннунцио) [1]. Но если цензура будет непреклонна, нам останется только подчиниться слепому року. Во всяком случае я мог бы, если позволите, немедленно напечатать перевод в

«Весах» или в каком-либо другом русском журнале. Например, «Весы» предлагают вам гонорар в 160 фр. за печатный лист (10 фр. за страницу). Но они требуют, чтобы перевод начал печататься раньше французского издания. Это условие sine qua non *, ввиду отсутствия литературной конвенции между Францией и Россией. Вы видите, что при таких обстоятельствах мне необходимо иметь копию вашей рукописи как можно скорее.

Простите, дорогой Мэтр, что я говорю только о делах. Но мысль перевести с рукописи вашу новую драму слишком заманчива для меня. Я ищу все возможности, чтобы ее осуществить.

Прошу считать меня всегда готовым к услугам.

Ваш Валерий Брюсов

Ответ на п. 12.

[1] «Елена Спартанская» в России поставлена не была, хотя одно время Камерный театр анонсировал этот спектакль (*РМ*, 1917, № 1, отд. II, стр. 10). О постановках «Пеллеаса и Мелисанды» Метерлинка и «Франчески да Римини» Д'Аннунцио см. наст. том, стр. 174—176 и 507—512

14. ВЕРХАРН — БРЮСОВУ

‹Ostende. Juillet 1908›

Mon cher poète.

Je vous envoie aujourd'hui même «Hélène de Sparte». Ecrivez-moi, je vous prie, dès que vous l'aurez reçue. Je suis inquiet sur son sort et ne serai calmé qu'en la sachant entre vos mains.

Si vous avez des doutes sur le texte, n'ayez point peur de m'accabler de questions.

Je vous serais obligé de me traduire le plus tôt possible, car M. St. Zweig, traducteur allemand, va se mettre également à la besogne et comme vous me le dites, il importe que la traduction russe paraisse d'abord.

Mille remerciments et mille amitiés.

J'ai reçu l'anthologie très bien.

Votre Em. Verhaeren

Перевод:

‹Остенде. Июль 1908 г.›

Дорогой поэт.

Сегодня же отправляю вам «Елену Спартанскую». Напишите мне, пожалуйста, как только ее получите. Меня тревожит ее судьба, и я не буду спокоен, пока не узнаю, что рукопись у вас в руках.

Если у вас возникнут сомнения по поводу текста, не бойтесь затруднить меня вопросами.

Буду вам признателен, если вы сделаете перевод как можно скорее, поскольку Ст. Цвейг, немецкий переводчик, также приступает к работе, а, как вы сами говорите, важно, чтобы русский перевод появился раньше.

Тысяча благодарностей и тысяча дружеских приветов.

Антологию получил, дошла хорошо.

Ваш Эм. Верхарн

Ответ на п. 13. Место и время написания определяются по связи с п. 12 и 13.

---

* непременное (*лат.*).

15. ВЕРХАРН — БРЮСОВУ

‹Caillou-qui-Bique, Roisin. 22 septembre/5 octobre 1908›

Mon cher poète!

Votre envoi d'hier m'annonce que vous êtes à Paris. Je m'y rendrai cet automne. Y serez-vous encore?

Je quitte le Caillou mercredi et séjournerai une quinzaine de jours à Bruxelles, 16, avenue de la Renaissance. Si votre départ de Paris a lieu avant mon arrivée là-bas, ne viendrez-vous pas à Bruxelles? Vous m'y trouverez chez un de mes amis et nous pourrions passer quelques nombreuses heures ensemble.

Mais le mieux de tout serait que nous nous vissions à Paris: ainsi aucun dérangement ne vous serait imposé [1].

Très à vous Em. V e r h a e r e n

Перевод:

‹Кайу-ки-Бик, Руазен. 22 сентября/5 октября 1908 г.›

Дорогой поэт!

Ваша вчерашняя посылка свидетельствует, что вы в Париже. Я поеду туда нынешней осенью. Будете ли вы еще там?

В среду я покидаю Кайу и проведу недели две в Брюсселе, 16, авеню де ля Ренессанс. Если вы оставите Париж до моего прибытия туда, не приедете ли в Брюссель? Там вы найдете меня у одного из моих друзей, и мы могли бы провести вместе немало часов.

Но лучше всего было бы нам встретиться в Париже: таким образом вы были бы избавлены от всяких беспокойств [1].

Всецело ваш Эм. В е р х а р н

На конверте почт. шт.: Roisin. 5 oct. 1908; парижский шт. отсутствует.

[1] Первая встреча Брюсова с Верхарном состоялась в конце октября 1908 г. в местечке Кайу-ки-Бик, вблизи станции Руазен (Бельгия), где Верхарн проводил значительную часть года. Об этой встрече см.: *Дневники*, стр. 141.

16. ВЕРХАРН — БРЮСОВУ

‹Bruxelles. Environ du 7/20 octobre 1908›

Mon cher poète.

Votre lettre me rassure et me satisfait entièrement. J'admets parfaitement que dans une langue différente on prenne pour traduire une pensée un mètre différent. D'ailleurs le traducteur allemand M. Zweig a usé de la même liberté et adopte le vers blanc.

Puisse «Hélène» être montée à St. Pétersbourg comme vous l'espérez! Ça me serait une grande joie.

Je ne présenterai mon drame à un théâtre français que l'an prochain. Donc vous aurez la première et en Russie et en Allemagne.

Veuillez, puisque vous m'interrogez sur ce point, me faire envoyer mes honoraires à Roisin (Hainaut, Belgique).

Je ne rentrerai à Paris que vers le 15 Novembre.

Merci encore et très très à vous

Em. V e r h a e r e n

Перевод:

‹Брюссель. Около 7/20 октября 1908 г.›

Дорогой поэт.

Ваше письмо успокаивает и удовлетворяет меня вполне. Я отлично понимаю, что для того, чтобы перевести какую-либо мысль на другой язык, приходится пользо-

ваться и другим размером. Так, немецкий переводчик г-н Цвейг действует столь же свободно и применяет белый стих.

Вот если бы «Елена», как вы надеетесь, была поставлена на петербургской сцене! Это было бы для меня большой радостью.

Я дам мою драму в один из французских театров только на будущий год. Таким образом, за вами первенство — и в России, и в Германии.

Поскольку вы меня об этом спрашиваете, будьте добры послать мне гонорар в Руазен (Эно, Бельгия).

Я вернусь в Париж только к 15 ноября.

Еще раз спасибо,

ваш, ваш всецело Эм. Верхарн

Ответ на неизвестное письмо Брюсова. Датируется по связи с письмом Верхарна около 27 сентября/10 октября 1908 г., в котором он пишет о времени своего возвращения в Париж: «это будет мне окончательно известно 20 октября, и я напишу вам около этого числа».

17. БРЮСОВ — ВЕРХАРНУ

‹Paris. Fin d'octobre 1908›

Cher Maître,

Vous m'avez réconcilié par la communication que l'«Hélène» allemande paraîtra aussi en vers blancs. A vrai dire cette audace — de changer la forme du vers — m'a beaucoup inquiétée. Mais c'est que la traduction contenant plusieurs centaines de vers rimés est une tâche qui demande, en premier lieu, un temps illimité, duquel j'aurais été privé [1].

Mais je suis bien désolé de connaître que vous ne reviendrez à Paris qu'à mi-novembre. Je dois pour ce temps être indispensablement à Moscou... Dans une de vos lettres précédentes, cher Maître, vous m'avez parlé de notre rencontre avec bienveillance. Est-ce que cela serait tout-à-fait impossible[2]? Si vous me permettez, je*

Перевод:

‹Париж. Конец октября 1908 г.›

Дорогой Мэтр,

Вы меня успокоили своим сообщением, что «Елена» будет переведена на немецкий язык также белым стихом. Откровенно говоря, такая дерзость, как изменение стихотворной формы, меня сильно тревожила. Но перевод, состоящий из нескольких сот рифмованных строк,— труд, требующий прежде всего неограниченного времени, чего я был бы лишен [1].

Но я очень огорчился, узнав, что вы вернетесь в Париж только в половине ноября. А к этому времени я непременно должен быть в Москве... В одном из предыдущих писем, дорогой Мэтр, вы высказались сочувственно о нашей встрече. Совершенно ли это невозможно [2]? Если разрешите, я *

Ответ на п. 16. Датируется по связи с ним.
Черновой автограф. Незакончен.

[1] О принципах, которыми Брюсов руководствовался, работая над переводом, в частности о мотивах, по которым он избрал белый стих, см. в «Предисловии переводчика» к отдельному изданию трагедии (Эмиль Верхарн. Елена Спартанская. Авторизованный перевод Валерия Брюсова. М., «Скорпион», 1909).

[2] 24 октября Верхарн писал: «жду вас 30-го».

* На этом письмо обрывается (*ред.*).

ЭМИЛЬ ВЕРХАРН
Рисунок Тео ван Риссельберга.
Карандаш. 9 февраля 1906 г.
Висел в кабинете Брюсова
Воспроизведен в книге:
Э. Верхарн. Стихи о современности.
М., «Скорпион», 1906
Мемориальный кабинет Брюсова, Москва

18. ВЕРХАРН — БРЮСОВУ

‹St. Cloud. 2/15 décembre 1908›

Mon cher ami.

Combien je vous remercie de vos envois [1]! Oui, j'aime beaucoup le style décoratif de Bilibine et j'adore les larges traits et la solidité de l'art de Roerich. Mais ce que je préfère c'est encore C. F. Youon et sa ville sous la neige que des traineaux traversent. Ces trois artistes sont bien du Nord, leur métier est fruste et lourd, même épais — mais ils me plaisent plus que les autres parce qu'ils me paraissent très autochtones. Après, j'estime fort Borissoff-Moussatoff et le charme puéril et presqu'enfantin des «Quatre saisons» de Somoff. Ce qui m'apparaît surtout et indiscutablement, c'est que là-bas en Russie vous êtes en train de constituer une véritable école de peinture, qui certes part des impressionnistes français, mais ne se laisse point absorber par eux. Vroubel et Maliavine témoignent d'une étrangeté magnifique. Grabar est le seul qui fasse trop songer aux peintres d'ici. Et voilà ce que je pense après examen des différentes planches que vous avez bien voulu m'envoyer. Elles me pousseront à m'occuper dorénavant de votre école et à en suivre l'évolution. Grâce à vous, je n'en suis plus ignorant. Comme l'édition du «Pan» de Van Lerberghe est belle et comme vous avez bien fait de donner, par cette traduction en russe, sa place européenne à mon ami défunt [2]. J'ai reçu les deux autres livres et je vous en remercie.

Puis-je vous demander, si l'occasion s'en présente, de reproduire un des portraits que je vous ai donnés, soit dans une étude, soit dans une traduction [3]?

J'attends la fin de la traduction d'«Hélène».

Vous recevrez en Février deux bouquins et je n'oublie pas le secrétaire de votre revue M. Lydeopoulos, je crois [4]. Si j'écris mal le nom, pourrez-vous me le transcrire dans une de vos lettres.

Oh, le bon souvenir que nous gardons de votre visite.

Merci encore et

très à vous Em. Verhaeren

Ma femme vous remercie pour votre mot charmant.

Перевод:

‹Сен-Клу. 2/15 декабря 1908 г.›

Дорогой друг.

Как я вам благодарен за ваши посылки [1]! Конечно, мне очень нравится декоративный стиль Билибина и я восторгаюсь широтой и мощью искусства Рериха. Но все же я предпочитаю К. Ф. Юона, его заснеженный город с проезжающими по нему санями. Эти три художника истые северяне; их мастерство несколько примитивно и тяжеловесно, даже грубовато, но мне они больше по душе, чем другие, так как кажутся мне очень самобытными. Я высоко ставлю также Борисова-Мусатова и наивную, почти детскую прелесть «Четырех времен года» Сомова. Теперь для меня особенно ясно и бесспорно, что там у вас, в России, стали на путь создания подлинной школы живописи, которая берет, правда, начало от французских импрессионистов, но не дает им поглотить себя. Врубель и Малявин обнаруживают великолепное своеобразие. Один только Грабарь слишком напоминает здешних художников. Вот к чему я пришел, рассмотрев разнообразные листы, любезно вами присланные. Они заставят меня и впредь заниматься вашей школой и следить за ее развитием. Благодаря вам я уже не невежда в ней. Как хорошо издан «Пан» Ван Лерберга и как хорошо, что этим русским переводом вы позволили моему покойному другу занять подобающее ему европейское место[2]. Две другие книги я тоже получил и благодарю вас за них.

Можно ли просить вас, если случай представится, воспроизвести один из портретов, которые я вам дал, либо при статье, либо при переводе [3]?

Жду конца перевода «Елены».

Вы получите в феврале две книжки, я не забываю и секретаря вашего журнала г. Лидеопулоса, если не ошибаюсь [4]. Если же я неверно пишу фамилию, то не могли ли бы вы сообщить ее в одном из ваших писем?

Ах, какое хорошее воспоминание осталось у нас от вашего посещения.

Еще раз спасибо.

Всецело ваш Эм. Верхарн

Жена благодарит вас за добрые слова.

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

На конверте почт. шт.: St. Cloud. 15.12.08; Москва. 6.XII.1908.

[1] Посылка, содержавшая репродукции с картин русских художников,— результат беседы Брюсова с Верхарном во время их встречи в Кайу-ки-Бик: «Говорю об импрессионизме, о русской живописи»,— вспоминал Брюсов об этом разговоре (*Дневники*, стр. 141). Впоследствии он писал: «Верхарн засыпал меня просьбами — ознакомить его с русским искусством. Верхарну хотелось сразу узнать и русскую живопись, и русскую иконопись, и эволюцию русской архитектуры ‹...› Делая, что было в моих силах, я собрал, однако, несколько иллюстрированных изданий, прибавил к ним несколько номеров «Мира искусства» и «Золотого руна», а также коллекцию открытых писем «Общины св. Евгении» с репродукциями картин и рисунков К. Сомова, М. Врубеля и др., и все это отослал Верхарну...» («Эмиль Верхарн».— *РМ*, 1917, № 1, отд. II, стр. 5—6). Вероятно, среди посланных «иллюстрированных изданий» были «Картины современных русских художников в красках» (М., изд. И. Кнебель, 1906).

[2] Шарль *Ван Лерберг* (Charles Van Lerberghe, 1861—1907) — бельгийский поэт, друг Верхарна. Один из первых разрабатывал технику свободного стиха. Его «сатирическая комедия» в прозе «Пан» заняла целиком один из номеров «Весов» (1907, № 4; перевод С. А. Полякова, иллюстрации Н. П. Феофилактова).

[3] Один из этих портретов воспроизведен в отдельном издании перевода трагедии «Елена Спартанская» (М., 1909).

[4] «Две книжки» — два экземпляра сборника стихов Верхарна «Les Heures claires. Les Heures d'après-midi». Paris, 1909 («Светлые часы. Послеполуденные часы»). Второй экземпляр предназначался для М. Ликиардопуло. В библиотеке Брюсова это издание не сохранилось.

19. ВЕРХАРН — БРЮСОВУ

‹St. Cloud. 15/28 janvier 1909›

Mon cher ami.

Quelques amis veulent bien essayer de pousser «Hélène de Sparte» au théâtre français. On me demande des copies. J'en ai plusieurs, mais il en manque toujours. Maintenant qu'«Hélène» a paru toute entière dans «La Balance», puis-je vous prier de me renvoyer la copie qui vous a servi. Comme un tel document n'offre aucun intérêt, je ne crois pas qu'il vous soit le moins du monde désagréable de vous en séparer.

On me dit — ceux qui sont compétents — que votre traduction dans «La Balance» est très bonne. Je m'en réjouis et je vous en remercie très vivement. Et cela me fait augurer bien pour «Philippe II».

Savez-vous que le peintre Maurice Denis est pour l'instant à Moscou et qu'il y fait une décoration. Si vous le rencontrez vous trouverez en lui quelqu'un qui vous plaira [1].

Je travaille ferme aux «Rythmes Suprêmes» [2]. J'espère les terminer en été. Ce sera un volume important, je crois, dans mon oeuvre. Vous en connaissez «Adam et Eve» et «Persée».

Il me reste, je crois, un reliquat d'honoraires à toucher sur «Hélène». Il y a à St. Cloud une succursale de la «Société Générale» (compagnie française financière). Y a-t-il moyen que je touche ce reliquat d'honoraires par l'intermédiaire de cette «Société» ou préférez-vous l'envoyer par le «Crédit Lyonnais»?

Nous avons parlé dernièrement de vous avec Jules Romains, que j'aime beaucoup et qui a bien voulu venir déjeuner chez nous. Je ne connais pas encore Arcos ni Vildrac [3].

Et voilà toutes les nouvelles, jetées rapidement sur le papier. Vous savez, mon cher ami, quel bon souvenir nous gardons de vous et avec quelle joie je vous envoie ma meilleure poignée de main. Ma femme se rappelle à votre souvenir.

Très à vous Em. V e r h a e r e n

J'ai oublié le nom de votre secrétaire auquel j'ai promis un bouquin. Veuillez-vous me l'écrire. Je lui ferai tenir «Les Heures claires» à la veille de paraître au «Mercure» [4].

Перевод:

‹Сен-Клу. 15/28 января 1909 г.›

Дорогой друг.

Кое-кто из друзей хочет сделать попытку протолкнуть «Елену Спартанскую» на французскую сцену. От меня требуют копий. У меня их несколько, но их всегда не хватает. Теперь, когда «Елена» уже полностью напечатана в «Весах», можно ли попросить вас вернуть мне копию, которой вы пользовались. Поскольку такой документ не представляет ни малейшего интереса, я не думаю, чтобы вам было сколько-нибудь жаль с ним расстаться.

Люди компетентные говорят мне, что ваш перевод в «Весах» очень хорош. Радуюсь этому и очень горячо вас благодарю. Я вижу в этом доброе предзнаменование для «Филиппа II».

Знаете ли вы, что художник Морис Дени сейчас в Москве и занят там росписью? Если вы с ним встретитесь, то найдете в нем человека, который вам понравится [1].

Я упорно работаю над «Державными ритмами» [2]. Надеюсь закончить их летом. Думаю, что это будет книга в моем творчестве значительная. Вы из нее знаете «Адама и Еву» и «Персея».

Кажется, у меня остался еще недополученный гонорар за «Елену». В Сен-Клу есть отделение «Société générale» (французское финансовое общество). Нельзя ли получить этот остаток гонорара через посредство этого общества, или вы предпочитаете переслать его через «Лионский кредит»?

Недавно мы говорили о вас с Жюлем Роменом, которого я очень люблю,— он приходил к нам завтракать. С Вильдраком и Аркосом я еще не знаком [3].

Вот и весь беглый перечень новостей. Вы знаете, дорогой друг, какое хорошее воспоминание мы храним о вас и как был бы я рад горячо пожать вашу руку. Жена шлет вам привет.

Всецело ваш Эм. Верхарн

Я забыл фамилию вашего секретаря, которому обещал книжку. Сделайте милость, напишите мне ее. Я пошлю ему «Светлые часы», которые вот-вот выйдут в «Mercure» [4].

На конверте почт. шт.: St. Cloud. 28.I.09; Москва. 19.I.1909.

[1] Морис *Дени* (Denis; 1870—1945) — франц. художник, близкий символизму. Участвовал в оформлении первого номера «Весов» за 1907 г., где ему принадлежат заставки к первым главам романа «Огненный ангел». В архиве Брюсова сохранилось одно письмо Дени (1909 г.— ГБЛ, ф. 386.85.2). В 1909 г. Дени работал над росписью московского дома С. Т. Морозова.

[2] Название этого сборника, над которым Верхарн работал в 1909 г., несколько раз менялось: «Les Rythmes Suprêmes» — «Державные ритмы», «Les Gestes souverains» — «Великие деяния», «Les Rythmes souverains» — «Властительные ритмы» (см. п. 23, 26, 28, 29). Книга вышла под последним из этих названий (Paris, 1910).

[3] Жюль *Ромен* (Jules Romains, 1885 — 1972) — франц. поэт, член кружка «Аббатство» («L'Abbaye») — основанной в 1906 г. коммуны писателей, объединившихся вокруг общей типографии, в которой они сами печатали свои книги. Название коммуны связано с местом ее расположения (аббатство Кретей под Парижем). Основатели «Аббатства» — французские поэты Жан Рене Аркос (Arcos; 1881—1959), Жорж Дюамель (Duhamel; 1884—1966) и Шарль Вильдрак (Vildrac; р. 1882). В 1907 г. типография была ликвидирована, но кружок продолжал существовать. При разных художественных воззрениях, членов «Аббатства» объединяли гуманистические идеалы, обостренный интерес к социальной тематике, возникший под влиянием Уитмена и Верхарна, сочувствие идее «научной поэзии», разработанной Рене Гилем. Со многими членами «Аббатства» Брюсов познакомился во время своего пребывания в Париже осенью 1908 г. (*Дневники*, стр. 140—141). В его библиотеке сохранился ряд книг Ж. Ромена, Дюамеля, Вильдрака и Аркоса с дарственными надписями, свидетельствующими о дружеских отношениях основателей «Аббатства» с Брюсовым и общности их взглядов. Характеристику писателей «Аббатства» Брюсов дал в статье «Литературная жизнь во Франции» (*РМ*, 1909, № 8, стр. 158, 165—166). См. также: «Французские лирики XIX века. Переводы <...> Валерия Брюсова». СПб., «Пантеон», 1909, стр. 187.

[4] «Mercure de France» — парижское издательство, в котором выходили почти все книги Верхарна, издававшиеся во Франции.

20. БРЮСОВ — ВЕРХАРНУ

Moscou, le 22 janvier (4 février) 1909.

Cher Maître,

Je remettais à vous écrire pour pouvoir envoyer simultanément à ma letire l'édition séparée d'«Hélène» [1]. Nous avons tiré d'après la composition de la revue un nombre restreint d'exemplaires, dont pas plus de deux cents seront mis en vente. Les vignettes de l'édition sont exécutées d'après les anciennes gravures représentantes les émaux antiques.

Je n'ose vous renvoyer le manuscrit d'«Hélène» tel qu'il est. En traduisant le drame j'inscrivais au-dessus de chaque vers français le vers russe. Et en ce moment la copie est toute recouverte de différentes corrections. Mais comme je possède un «Hammond» [2], je prierai M-me Brussov de faire pour

ПРОГРАММА
ЗАСЕДАНИЯ «ОБЩЕСТВА
СВОБОДНОЙ ЭСТЕТИКИ»
11 ноября 1909 г.
Обложка по рисунку Е. Е. Лансере
Мемориальный кабинет Брюсова,
Москва

vous une nouvelle copie. Cela sera comme une compensation de notre part pour la peine que M-me Verhaeren s'était donnée en copiant les variantes de «Philippe II» [3]. Quant à ce dernier, — la traduction en marche lentement, car je veux le reproduire en vers rimés, ce qui est bien difficile par rapport à votre oeuvre si puissante et si passionnée.

Oui, j'ai rencontré M. Maurice Denis à Moscou et j'ai même eu avec lui une très intéressante conversation sur son voyage et sur l'art français et russe. Nous nous sommes vus dans un cercle littéraire et artistique (qui a emprunté à son collègue belge le titre de «la Libre Esthétique»). Ce soir même j'avais fait dans ce cercle une conférence sur la poésie française du XIX siècle et j'avais cité plusieurs de mes traductions des poètes français, parmi lesquelles, bien entendu, celles de vos poèmes.

Je vous prie encore d'accepter les deux albums, que vous trouverez sous le même pli que «Hélène»: celui de Constantin Somoff et celui de notre «Théo»— M. Théophilaktoff [4].

Mes meilleurs souvenirs à Madame Verhaeren et croyez moi très dévouement et cordialement votre

Valère B r u s s o v

P. S. Ce nom difficile du secrétaire de «La Balance» est Michel Lyciardopoulos; j'espère qu'à cette heure les honoraires vous sont déjà parvenus.

Перевод:

Москва. 22 января (4 февраля) 1909 г.

Дорогой Мэтр,

Я медлил и не писал вам, чтобы можно было послать одновременно с письмом отдельное издание «Елены» [1]. Мы отпечатали по журнальному набору ограниченное ко-

личество экземпляров, из которых не более двухсот поступит в продажу. Виньетки в издании выполнены по старинным гравюрам, изображающим античные эмали.

Не решаюсь вернуть вам рукопись «Елены» в ее нынешнем виде. При переводе я надписывал над каждым французским стихом — русский. Теперь копия вся испещрена всевозможными поправками. Но так как у меня есть «Гаммон»[2], я попрошу г-жу Брюсову сделать для вас новую копию. Это будет как бы компенсацией с нашей стороны за труд, затраченный г-жой Верхарн на переписку вариантов «Филиппа II»[3]. Что касается последнего, то этот перевод подвигается медленно, так как я хочу дать его рифмованным стихом, что весьма трудно, принимая во внимание всю мощь и страстность вашего творения.

С г-ном Морисом Дени я действительно встретился в Москве, и у меня даже был с ним очень интересный разговор о его путешествии, а также о русском и французском искусстве. Мы виделись с ним в одном литературно-художественном кружке (который заимствовал у своего бельгийского собрата название «Свободной эстетики»). В тот же вечер я делал в этом кружке доклад о французской поэзии XIX века и цитировал некоторые свои переводы из французских поэтов, в том числе, разумеется, и из ваших стихотворений.

Прошу вас принять также два альбома, которые вы найдете в одном пакете с «Еленой»: один — Константина Сомова и другой — нашего «Фео» — Феофилактова[4].

Мои лучшие пожелания госпоже Верхарн, а вас прошу принять уверения в сердечной преданности

вашего Валерия Брюсова

P. S. Трудная фамилия секретаря «Весов»— Михаил Ликиардопуло; надеюсь, что теперь гонорар вами уже получен.

Ответ на п. 19.

[1] Эмиль Верхарн. Елена Спартанская. Авторизованный перевод Валерия Брюсова. М., «Скорпион», 1909.

[2] «Гаммон» — марка пишущей машинки.

[3] 10/23 декабря 1908 г. Брюсов писал Марте Верхарн: «Я только что получил исправления к тексту «Филиппа II», которые вы были так любезны скопировать для меня. Сердечно благодарю вас за этот труд, который поможет мне дать точный перевод драмы».

[4] По-видимому, Брюсов послал Верхарну альбомы: «Константин Сомов» (СПб., ‹1903›) и Н. Феофилактов. 66 рисунков (М., «Скорпион», 1909).

21. ВЕРХАРН — БРЮСОВУ

‹St. Cloud. 30 janvier/12 février 1909›

Mon cher ami.

J'ai bien reçu et l'édition d'«Hélène» que je trouve très réussie, et les albums des peintres russes, et les honoraires. Donc tout est parfait et je vous dois plusieurs joies en plus. J'ai rencontré et reçu la visite d'Arcos et de Mercereau et nous avons parlé de la Russie, de son art et du vôtre en amis et en admirateurs[1]. Somoff nous plaît beaucoup, surtout dans ses tableaux décoratifs à belles lignes simples et à groupements de personnages à l'endroit voulu. Mercereau m'a également apporté un album de Roerich qui me paraît le plus russe de tous vos artistes.

Je dois m'excuser. Je n'ai appris que depuis quelques jours que Madame Brussov vous accompagnait lors de votre séjour en Belgique et en France. Ma femme et moi eussions été charmés de la connaître. Comment n'ai-je pas deviné qu'elle était près de vous et qu'elle s'imposait le chagrin de vous quitter pour que vous vinssiez seul au Caillou. Je m'en repends encore.

Ma santé est bonne; je travaille bien. J'ai quelqu'espoir qu' «Hélène» soit représentée ici, mais je me refuse toutefois aux démarches. On veut bien les faire pour moi.

D'ici à quinze jours je vous enverrai les «Heures claires», ainsi qu'au secrétaire de «La Balance».

Votre Em. Verhaeren

Перевод:

⟨Сен-Клу. 30 января/12 февраля 1909 г.⟩

Дорогой друг.

Я получил и отдельное издание «Елены», которое нахожу очень удачным, и альбомы русских живописцев, и гонорар. Итак, все превосходно, и я обязан вам еще новыми радостями. Я встретился с Аркосом и Мерсеро, они посетили меня, и мы, как друзья и почитатели, говорили о России, об ее искусстве и о вашем [1]. Нам очень нравится Сомов, особенно в его декоративных полотнах с их изящными простыми линиями и свободной группировкой фигур. А Мерсеро принес альбом Рериха, который мне представляется самым русским из ваших художников.

Я должен перед вами извиниться. Лишь несколько дней тому назад я узнал, что г-жа Брюсова была с вами во время вашего пребывания в Бельгии и во Франции. И жена и я были бы очень рады с ней познакомиться. И как это я не догадался, что она вас сопровождала и примирилась с печальной необходимостью расстаться с вами, для того чтобы вы могли съездить в Кайу один. Я до сих пор виню себя в этом.

Я здоров и работается мне хорошо. У меня есть некоторая надежда, что «Елена» будет здесь поставлена, тем не менее от всяких хлопот я отказываюсь. За это берутся вместо меня другие.

Через две недели я вышлю вам, а также секретарю «Весов» «Светлые часы».

Ваш Эм. Верхарн

Ответ на п. 20. На конверте почт. шт.: St. Cloud. 12.II.09; Москва. ⟨нрзб.⟩ 1909.

[1] С членами «Аббатства» (см. п. 19, примеч. 3) Рене Аркосом и Александром Мерсеро (Mercereau; псевд. Eshmer-Valdor) Брюсова связывали личное знакомство и переписка. В 1908 г. Мерсеро жил в России и тогда познакомился с Брюсовым (см. его письмо от 7 декабря 1908 г.— *ГБЛ*, ф. 386.94.49; *РМ*, 1917, № 1, отд. II, стр. 7). Письма Мерсеро к Брюсову, дарственные надписи на книгах, сохранившихся в библиотеке Брюсова, и на фотографии Мерсеро (МКБ) свидетельствуют о дружеской связи, существовавшей между ними. Из переписки Брюсова с Аркосом сохранилось одно письмо (ИМЛИ, ф. 13).

22. БРЮСОВ — ВЕРХАРНУ

⟨Moscou. 12/⟩25 février 1909

Cher Maître,

Je m'excuse beaucoup d'avoir envoyé si tard les copies d'«Hélène». Mais c'est un incident malheureux qui nous a fait tarder. M-me Brussov, en faisant une partie de skis, est tombée et s'est cassé le bras. Donc la copie fut achevée par ma soeur, M-lle Brussov.

Je vous remercie pour votre lettre et je suis heureux que l'édition d'«Hélène» vous a plu. Elle était tirée dans un nombre d'exemplaires très restreint. J'espère que bientôt le «Scorpion» aura besoin de répéter l'édition des «Choix de vers contemporains» et je veux incorporer la traduction d'«Hélène» dans ce livre (sans doute, entièrement refondu) [1].

Je connais bien Roerich et je l'aime beaucoup. Il n'est pas seul dans son effort vers l'art national et il avait de grands devanciers, comme M-me Polénoff (dont les albums malheureusement sont depuis longtemps épuisés). Mais nous autres russes, nous sommes ordinairement cosmopolites dans l'art. Nous aimons exprimer notre âme en des formes diverses et nous empruntons volontiers les sujets et les *décors* de l'Occident, sans perdre, comme il me semble, notre personnalité. Tel Vroubel, tel Somoff.

Je vous remercie encore de ce que vous dites d'aimable à l'intention de M-me Brussov.

Je vous prie de ne pas m'oublier auprès de Madame Verhaeren.

Très affectueusement votre Valère B r u s s o v

Перевод:

‹Москва. 12/› 25 февраля 1909 г.

Дорогой Мэтр,

Очень прошу извинить меня, что я так поздно выслал копии «Елены». Но наше запоздание вызвано несчастным случаем. Г-жа Брюсова, катаясь на лыжах, упала и сломала руку. Так что перепечатка была закончена моей сестрой, мадемуазель Брюсовой.

Благодарю вас за письмо, рад, что вам понравилось издание «Елены». Она была отпечатана в крайне ограниченном количестве экземпляров. Я надеюсь, что «Скорпиону» вскоре понадобится переиздать «Стихи о современности», и хочу включить в эту книгу перевод «Елены» (разумеется, полностью переработанный) [1].

Я хорошо знаю Рериха и очень его люблю. Он не одинок в своем обращении к народному искусству, и у него были такие замечательные предшественники, как г-жа Поленова (к сожалению, ее альбомы уже давно распроданы). Но вообще-то мы, русские, по большей части космополиты в искусстве. Мы склонны раскрывать свой духовный мир в разнообразных формах и охотно заимствуем у Запада сюжеты и *приемы*, не теряя при этом, как мне кажется, собственной индивидуальности. Таков Врубель, таков Сомов.

Благодарю вас за любезные слова в адрес г-жи Брюсовой.

Не забудьте поклониться от меня г-же Верхарн.

С искренней любовью ваш Валерий Б р ю с о в

Ответ на п. 21.

[1] См. п. 27, примеч. 3.

23. ВЕРХАРН — БРЮСОВУ

‹Bruxelles. 13/26 mai 1909›

Mon bien cher ami.

J'ai reçu et la traduction des «Campagnes», et celle (à triple exemplaire) du «Cloître» [1]. Vous êtes vraiment charmant d'avoir bien voulu me faire tous ces envois.

Le *premier* juin je serai à *Ostende* (villa du Ponant, digue de mer). Dès que mon poème aura paru, auriez-vous l'obligeance de me le faire parvenir à cette adresse [2].

Je resterai à Ostende tout le mois de juin et les premiers jours de juillet.

Je reçois quelques revues tchèques qui s'occupent de mon oeuvre. Je suis très heureux qu'elle se répande de plus en plus en pays slaves.

Mes «Gestes Souverains» sont absolument terminés. Ils paraîtront en automne au «Mercure».

Et vous, mon cher ami, quel travail entreprenez-vous? Vous ne me parlez jamais de votre oeuvre. Ce n'est que des traductions que vous voulez bien me consacrer que vous m'entretenez. Or vous m'êtes assez cher pour que vous fassiez partie de ceux à qui je songe non seulement avec intérêt, mais avec une sympathie vive.

Présentez, je vous prie, tous nos hommages à Madame Brussow et recevez mon témoignage ardent d'amitié.

Votre Em. V e r h a e r e n

Перевод:

⟨Брюссель. 13/26 мая 1909 г.⟩

Дорогой, милый друг мой.

Я получил и перевод «Деревень» и перевод (в трех экземплярах) «Монастыря» [1]. Как мило с вашей стороны, что вы все это мне прислали.

Первого июня я буду в *Остенде* (вилла Понан, у мола). Как только мое стихотворение появится, не будете ли вы любезны отправить мне его по этому адресу [2].

Я останусь в Остенде весь июнь и первые дни июля.

Я получаю несколько чешских журналов, которые уделяют внимание моим трудам. Меня очень радует, что они все больше и больше распространяются в славянских странах.

Мои «Великие деяния» полностью закончены. Они выйдут осенью в «Mercure».

А вы, дорогой друг, чем вы сейчас заняты? Вы никогда не говорите мне о своих трудах. Вы беседуете со мной только о моих переводах. А ведь вы настолько дороги мне, что принадлежите к тем, о ком я думаю не только с интересом, но и с глубоким сочувствием.

Прошу вас засвидетельствовать наше почтение госпоже Брюсовой и примите уверения в моей горячей дружбе. Ваш Эм. В е р х а р н

На конверте почт. шт.: «Bruxelles» (дата не сохранилась); Москва. 17 мая 909.

[1] В мае 1909 г. Верхарн просил Брюсова прислать для одного из своих друзей «перевод «Монастыря», вышедший в десятикопеечной серии для народа», т. е. в издании «Универсальной библиотеки» (см. п. 11, примеч. 4). Перевод «Деревень» — по-видимому, книга: Эмиль В е р х а р н. Издыхающие равнины. Города-чудовища. Перевод Н. Ч. (М., 1909).

[2] О публикации этого стихотворения («Празднество») см. п. 9, примеч. 2.

24. ВЕРХАРН — БРЮСОВУ

⟨Ostende. Environ du 24 juin/7 juillet 1909⟩

Mon très cher ami.

J'ai bien reçu tout ce que vous avez bien voulu m'envoyer [1]. Je me suis fait traduire quelques paragraphes de votre article sur la poésie de Ghil dans «La Pensée Russe» et pour autant que j'en ai pu juger, je trouve vos remarques pertinentes [2]. Mais le monsieur russe qui m'a traduit ces quelques lignes de prose s'est montré rebelle à me traduire des poèmes. Il s'est déclaré incompétent et je n'ai pu le déterminer à me donner une idée de vos vers.

Je suis pour l'instant au bord de la mer à cause de ma fièvre des foins qui me visite annuellement, et c'est à l'hôtel que j'ai rencontré mon traducteur.

J'ai été heureux que «Le Sculpteur de Masques» de Crommelynck eut vu le jour ou plutôt revu le jour en votre langue et que ce soit M. Bælmont qui s'en est montré enthousiaste [3]. Pour moi «Le Sculpteur de Masques» est un des drames les plus originaux que nous aient donné nos jeunes poètes d'ici.

Comme je serai heureux de vous revoir. Mais j'espère bien que cette fois nous nous reverrons à St. Cloud où je serai en décembre et que je ne serai pas la cause d'un voyage supplémentaire en Belgique. J'espère aussi que je pourrai connaître Madame Brussov et la remercier encore du travail qu'elle a bien voulu s'imposer pour moi [4].

Stéphan Zweig s'occupe d'une étude importante sur ma vie et mon oeuvre. Dès qu'elle aura paru, je le prierai de vous l'envoyer [5].

Le poème que «La Balance» a publié est exempt de toute coquille. Je vous dois, j'en suis sûr, cette impression irréprochable.

Je vous envoie toutes mes amitiés chaudes et tous mes hommages pour que vous les présentiez à Madame Brussow

Votre Em. V e r h a e r e n

Перевод:

⟨Остенде. Около 24 июня/7 июля 1909 г.⟩

Милейший друг мой!

Все, столь любезно вами посланное, мною получено [1]. Я попросил перевести мне несколько абзацев из вашей статьи в «Русской мысли» о поэзии Гиля и, насколько могу судить, нахожу ваши замечания существенными [2]. Но тот русский, который перевел мне эти немногие прозаические строки, решительно отказался переводить поэзию. Он объявил, что неспособен на это, и я не мог убедить его дать мне представление о ваших стихах.

Сейчас из-за сенной лихорадки, ежегодно меня навещающей, я нахожусь на берегу моря и со своим переводчиком встретился в гостинице.

Меня очень обрадовало, что «Ваятель масок» Кроммелинка увидел свет, или, точнее, вновь увидел свет на вашем языке, и что именно г. Бальмонт оказался энтузиастом этого дела [3]. Для меня «Ваятель масок» одна из самых оригинальных драм среди тех, что подарили нам здешние молодые поэты.

Как я буду рад вновь повидать вас. Но очень надеюсь, что на этот раз мы увидимся в Сен-Клу в декабре и вам не придется из-за меня специально ехать в Бельгию. Надеюсь также, что смогу познакомиться с госпожой Брюсовой и еще раз поблагодарить ее за труд, который ей угодно было взять на себя ради меня [4].

Стефан Цвейг работает над большим очерком о моей жизни и творчестве. Как только он выйдет, я попрошу Цвейга послать его вам [5].

В стихотворении, опубликованном в «Весах», нет ни одной опечатки. Я уверен, что этой безупречностью печати я обязан вам.

Шлю вам самый теплый дружеский привет и прошу засвидетельствовать мое почтение госпоже Брюсовой.

Ваш Эм. В е р х а р н

Ответ на неизвестное письмо Брюсова. На конверте почт. шт.: Москва.28.VI.1909; шт. Остенде отсутствует.

[1] Брюсов послал Верхарну номер «Весов» с его стихотворением «Празднество» (см. п. 23, примеч. 2), свою статью «Научная поэзия» (вторую в серии «Литературная жизнь во Франции».— *РМ*, 1909, № 6) и, вероятно, *Пути и перепутья*.

[2] «Несколько абзацев» — по-видимому, строки, посвященные Верхарну в указ. ст.: «Большая часть его последних созданий близко подходит к тому идеалу, который выставляют искатели «научной поэзии», но особенно это надо сказать о его книге стихов, озаглавленной «La Multiple Splendeur» ⟨...⟩ Книга полна, можно сказать, переполнена мыслью, несмотря на свою стихотворную форму, и дышит самой жгучей современностью. Она, пожалуй, больше, чем все теоретические рассуждения, способна убедить в возможности «научной поэзии» (*РМ*, 1909, № 6, отд. II, стр. 166).

[3] Фернан *Кроммелинк* (Fernan Crommelynck, 1888 — 1970) — бельгийский драматург-символист. «Ваятель масок»— «трагический символ в одном действии» — был напечатан в «Весах» (1909, № 5) в переводе и с предисловием Бальмонта; в предисловии приводится отзыв Верхарна об этом произведении (стр. 16).

[4] Верхарн благодарит за машинописную копию «Елены Спартанской» (см. п. 20 и 22).

[5] Монография Ст. Цвейга «Эмиль Верхарн. Жизнь, творчество» была впервые издана во французском переводе — Stephan Z w e i g. Emile Verhaeren. Sa vie, son oeuvre. Paris, 1910. Отзыв Брюсова о ней см.: *РМ*, 1910, № 8, отд. II, стр. 15—17. В его библиотеке эта книга не сохранилась.

25. БРЮСОВ — ВЕРХАРНУ

⟨1/⟩14 octobre 1909. Paris.
15, rue de la Terrasse

Cher Maître et ami,

Je vous envoie mon nouveau volume paru en mon absence à Moscou: la 2-me édition de mon roman historique de la vie allemande du XVI siècle, «L'Ange Igné». L'édition me paraît assez bien faite en genre de vieux livres avec des vignettes tirées de vieilles éditions originales.

«В ДОЖДЬ» (ПАРИЖ)
Рисунок Шарля Лакоста
«Весы», 1904, № 7

A présent je suis à Paris où je compte rester jusqu'au 20—23 octobre. J'aurais bien voulu profiter de mon passage par Belgique pour vous revoir encore une fois dans ma vie. Vous me feriez vraiment heureux si vous me permettez de venir vous serrer la main soit à Bruxelles soit à Roisin [1].

Malheureusement je n'ai pas de bonnes nouvelles à vous communiquer sur la traduction de «Philippe II». Elle marche lentement. Je la reprendrai dès que je serai à Moscou.

Je vous prie de remettre mes compliments à Madame Verhaeren.

Tout à vous comme toujours Valère B r u s s o v

P. S. Je suis seul à Paris (15, rue de la Terrasse),— M-me Brussov étant revenue à Moscou de Genève à cause de la mort subite de son frère.

Перевод:

‹1/›14 октября 1909 г. Париж. 15, улица де ла Террасс

Дорогой Мэтр и друг,

Посылаю вам свою новую книгу, вышедшую в мое отсутствие в Москве: второе издание моего исторического романа из немецкой жизни XVI века, «Огненный ангел». На мой взгляд, издание довольно хорошо выдержано в стиле старинных книг, благодаря рисункам, заимствованным из подлинных старинных изданий.

Сейчас я в Париже, где думаю остаться до 20—23 октября. Мне очень хотелось бы воспользоваться проездом через Бельгию, чтобы еще раз повидать вас. Вы поистине осчастливили бы меня разрешением приехать пожать вам руку либо в Брюссель, либо в Руазен [1].

К сожалению, ничего хорошего о переводе «Филиппа II» не могу вам сообщить. Подвигается он медленно. Я снова примусь за него, как только буду в Москве.

Прошу передать от меня поклон госпоже Верхарн.

Весь ваш как всегда Валерий Брюсов

P. S. Я в Париже (15, улица де ла Террасс) один — г-жа Брюсова вернулась в Москву из Женевы из-за скоропостижной смерти ее брата.

[1] Брюсов вторично посетил Верхарна в Кайу-ки-Бик (см. п. 15, примеч. 1) в конце октября 1909 г., приехав туда через станцию Ангро. Описание этой встречи поэтов см. в статье Брюсова «Новые книги Эмиля Верхарна», четвертой в серии «Литературная жизнь во Франции» (*РМ*, 1910, № 8, отд. II, стр. 1—7) и в сб. *За моим окном*.

26. ВЕРХАРН — БРЮСОВУ

St. Cloud le ‹24 novembre/›7 d‹c‹embre 19›09

Mon cher ami.

Vous ai-je parlé dans ma dernière lettre du projet suivant:

A l'exposition universelle de Bruxelles de 1910 un compartiment m'est réservé pour y exposer l'extention de mon art à l'étranger. On réunirait dans ce compartiment les traductions, les articles de revues et de journaux qui me concernent. Je viens vous demander le très grand service de fournir à ce compartiment le plus de *documents russes* possible. Je sais que cette besogne est lourde et difficile, mais je sais aussi que vous m'aimez bien et que vous ne m'en voudrez pas de vous demander de vous ennuyer un peu pour me faire plaisir.

Quand vous aurez fait votre moisson, envoyez-la, je vous prie, *avec les notes nécessaires pour la détailler aux yeux des belges*, à M. Rouvez, sous-directeur au Ministère des Sciences et des Arts, Bruxelles. C'est ce monsieur qui concentrera entre ses mains tous les renseignements venus de France, d'Angleterre, d'Allemagne et de Russie.

Je vous serais également obligé de me tenir compte des débours que le rassemblement de ces écrits vous occasionnera.

«Les Rythmes Suprêmes» paraîtront fin février ou commencement de mars [1]. Un des premiers exemplaires vous sera dédié. L'étude de S. Zweig sur mon oeuvre paraîtra, je crois, presqu'en même temps d'abord à Paris, ensuite à Leipzig [2].

Me voici à St. Cloud, 5 rue de Montretout. Quel dommage que vous ne soyez pas à cette heure à Paris!

Je vous prie de présenter mes hommages à Madame Brussow. Ma femme y joint ses remerciments et ses amitiés et moi je vous tends les mains en y mettant toute mon affection pour vous.

Em. Verhaeren

Перевод:

Сен-Клу, ‹24 ноября/› 7 дек‹абря 19›09 г.

Дорогой друг.

Говорил ли я вам в своем последнем письме о следующем проекте:

В Брюсселе, на Всемирной выставке 1910 года мне предоставлен отдел, где будет показано, как распространено мое творчество за границей. Здесь будут собраны переводы, а также журнальные и газетные статьи обо мне. Я хочу просить вас о большом одолжении — снабдить как можно полнее этот отдел *русскими документами*. Я знаю, что это трудная и тяжелая задача, но я знаю также, что вы меня крепко любите и не будете сердиться на меня за то, что я прошу вас заняться таким скучным делом ради моего удовольствия.

Когда вы соберете свою жатву, пошлите ее, пожалуйста, *снабдив необходимыми примечаниями, чтобы бельгийцам было все понятно*, г-ну Руве, вице-директору Министерства наук и искусств, Брюссель. В руках этого господина будут сосредоточены все сведения, поступившие из Франции, Англии, Германии и России.

Буду вам также признателен за извещение об издержках, вызванных сбором указанной литературы.

«Державные ритмы» выйдут в свет в конце февраля или начале марта [1]. Один из первых экземпляров будет надписан вам. Очерк С. Цвейга о моем творчестве выйдет, я думаю, почти в то же время, сначала в Париже, потом в Лейпциге [2].

Вот я и в Сен-Клу, 5, улица Монтрету. Как жаль, что вас нет сейчас в Париже.

Прошу засвидетельствовать мое почтение госпоже Брюсовой. Жена присоединяет свою благодарность и дружеские чувства, а я протягиваю вам руки, вкладывая в это всю свою любовь.

Эм. Верхарн

[1] См. п. 19, примеч. 2.
[2] См. п. 24, примеч. 5.

27. БРЮСОВ — ВЕРХАРНУ

‹Le 21 décembre 1909/›3 janvier 1910. Moscou

Cher et grand Maître,

Vous me faites l'honneur et le plaisir en me chargeant de recueillir les matériaux concernant votre oeuvre (jugée et traduite en Russie) pour l'exposition de Bruxelles. J'ai commencé ce travail et je possède déjà quelques pièces, mais je crains qu'il me soit impossible de retrouver plusieurs documents même parmi ceux que je vous avais envoyé jadis et dont je vous avais parlé. Il s'agit surtout des articles des revues et des journaux qui sont souvent introuvables après l'année de la publication. J'espère néanmoins réunir un nombre suffisant de documents prouvants votre grande influence sur la jeune littérature russe.

Je m'apperçois d'après votre lettre qu'un billet que je vous ai envoyé (à Roisin) dès mon arrivée à Moscou ne vous est pas parvenu. Permettez de vous répéter ici quel bonheur vous m'avez causé par votre accueil amical à Angreau [1]. Avoir vu encore une fois le grand Verhaeren, l'avoir entendu parler de l'art, de la politique, de la Flandre, de lui-même et lire ses nouveaux poèmes; avoir passé la nuit sous son toit — que peut-on désirer de plus en ce monde! — Je vous prie aussi de remettre mes sentiments de la reconnaissance et mes compliments à Madame Emile Verhaeren.

J'ai fait de nouveaux essais pour faire passer «Philippe II» au Théâtre Impérial de Moscou (c'est le meilleur parmi nos théâtres). J'ai quelques raisons de croire à la réussite. Le drame est à présent entre les mains du directeur de ce théâtre, prince A. Soumbatoff [2]. Au cours du mois j'aurai sa réponse, mais elle ne sera pas définitive: outre le directeur existent «le Comité du

répertoire» et «La Direction Générale des théâtres impériaux de la Russie» et le drame devra passer ces deux instances.— En attendant je prépare la nouvelle édition des «Vers contemporains», la première étant complètement épuisée [3].

Je ne sais rien sur la représentation de «Philippe II» à Bruxelles. Si vous connaissez de sérieux comptes-rendus sur ce spectacle, vous m'obligerez beaucoup en m'indiquant les N^OS des revues, où je les pourrais retrouver. J'aurais présenté ces comptes-rendus au prince Soumbatoff [4].

Vu que vos «Gestes» doivent paraître au mois de février, je ferai passer le poème que vous m'avez confié dans le dernier n° de «la Balance» paraissant mi-janvier [5].

Je vous remercie infiniment de l'envoi de la seconde édition de «Philippe II» et de la IV série de «Toute la Flandre» [6]. Plus je lis et relis vos vers, plus je les admire et plus je les aime.

Croyez-moi votre admirateur et votre ami comme toujours

Valère Brussov.

P. S. 1. Je vous envoie avec cette lettre mon roman, dont vous avez déjà le texte russe, dans la traduction allemande qui vient de paraître à Munich [7]. Peut-être trouverez-vous un jour le temps de feuilleter ce volume.

P. S. 2. A Bruxelles, au Musée, j'ai vu votre portrait très habilement fait. Malheureusement le nom du dessinateur m'a échappé. N'auriez-vous pas la bonté de me le communiquer pour compléter ma bibliographie Verhaerenienne.

Перевод:

⟨21 декабря 1909/⟩3 января 1910 г. Москва

Великий и дорогой Мэтр,

Поручив мне собрать материалы о вашем творчестве (русские рецензии и переводы) для Брюссельской выставки, вы оказываете мне честь и доставляете удовольствие. Я приступил к этой работе, и у меня уже есть несколько статей, но боюсь, что некоторые документы отыскать будет невозможно, даже из числа тех, которые я когда-то уже послал вам и о которых вам говорил. Это касается главным образом газетных и журнальных статей — их зачастую через год после выхода в свет никак не найти. Тем не менее я надеюсь подобрать достаточное количество документов, свидетельствующих о вашем большом влиянии на молодую русскую литературу.

Из вашего письма я вижу, что письмецо, которое я послал вам (в Руазен) сразу же по приезде в Москву, до вас не дошло. Разрешите повторить здесь, как вы осчастливили меня своим дружеским приемом в Ангро [1]. Еще раз увидеть великого Верхарна, услышать его рассуждения об искусстве, о политике, о Фландрии, о себе самом, читать его новые стихи, провести ночь под его кровом — можно ли желать большего на свете! Прошу вас передать также мою признательность и поклон госпоже Верхарн.

Я предпринял новые попытки продвинуть «Филиппа II» на сцену Московского императорского театра (это лучший из наших театров). У меня есть некоторые основания рассчитывать на успех. Сейчас драма находится у директора театра князя А. Сумбатова [2]. В течение месяца я получу от него ответ, но он не будет окончательным: помимо директора, существуют «Репертуарный комитет» и «Дирекция русских императорских театров»; драме придется пройти обе эти инстанции. А пока я готовлю новое издание «Стихов о современности», поскольку первое полностью разошлось [3].

О представлении «Филиппа II» в Брюсселе я ничего не знаю. Если вам известны серьезные отзывы об этом спектакле, вы очень меня обяжете, сообщив номера журналов, где я смогу их найти. Я показал бы эти отзывы князю Сумбатову [4].

Ввиду того что «Деяния» должны выйти в феврале, я помещу стихотворение, которое вы мне передали, в следующем номере «Весов», он выйдет в половине января [5].

Я бесконечно вам благодарен за присылку второго издания «Филиппа II» и четвертой серии «Всей Фландрии» [6]. Чем больше я читаю и перечитываю ваши стихи, тем больше ими восхищаюсь, тем больше их люблю.

Прошу считать меня вашим неизменным почитателем и другом

Валерий Брюсов

P. S. 1. Посылаю вам с этим письмом мой роман, русский текст которого у вас уже есть, в немецком переводе, только что появившемся в Мюнхене [7]. Быть может, вы найдете как-нибудь время полистать книгу.

P. S. 2. В Брюсселе, в музее, я видел ваш портрет, очень искусно выполненный. К сожалению, фамилия рисовальщика ускользнула у меня из памяти. Будьте добры сообщить мне ее для пополнения моей верхарновской библиографии.

Ответ на п. 26.

[1] См. п. 25, примеч. 1.

[2] См. вступ. ст. к наст. публикации, стр. 555 и п. 30, примеч. 3.

[3] «Стихи о современности» в первоначальном составе не переиздавались. Новое издание (Эмиль Верхарн. Собрание стихов. М., «Универсальная библиотека», 1915) сильно отличалось от первого сборника переводов Брюсова и по содержанию и по композиции. В его состав вошло предисловие Брюсова, заново написанное, 50 стихотворений и библиография произведений Верхарна.

[4] В письмах Брюсова А. И. Сумбатову (ЦГАЛИ, ф. 878, он. 1, ед. хр. 764) об этих отзывах не говорится.

[5] В мае 1909 г. Верхарн писал Брюсову: «Мне хотелось бы опубликовать в Германии, Италии и России какое-нибудь стихотворение из моих «Великих деяний», которые почти закончены. Не желаете ли одно для «Весов»?» Это стихотворение — «Золото» (см. п. 9, примеч. 2), напечатанное в последнем номере «Весов» (1909, № 12), вышедшем в марте 1910 г.

[6] В библиотеке Брюсова сохранилась книга Верхарна «Deux drames. Le Cloître. Philippe II». Paris, 1909 («Две драмы. Монастырь. Филипп II») с дарственной надписью: «A Valère Brussow son ami cher. Em. Verhaeren» — «Валерию Брюсову его любящий друг Эм. Верхарн». Там же хранится четвертая книга серии «Вся Фландрия» — «Les Villes à Pignons». Bruxelles, 1910 («Островерхие города») с дарственной надписью: «A Valère Brussov poète et ami, son ami Verhaeren» — «Валерию Брюсову, поэту и другу, его друг Верхарн».

[7] Немецкий перевод романа «Огненный ангел» (Valerius Brjussoff. Der Feurige Engel. München, 1910).

28. ВЕРХАРН — БРЮСОВУ

‹St. Cloud. Le 27 décembre 1909/9 janvier 1910›

Très cher ami.

J'étais inquiet de vous et me disposais à vous écrire au moment où votre lettre me parvient. Je suis donc rassuré. Les «Rythmes Souverains» paraîtront le 1 mars et je vous en enverrai immédiatement un exemplaire [1].

Je vous remercie fort de la peine que vous vous donnez et vous donnerez pour rassembler tant de documents russes sur ma personne. Ne recueillez toutefois que les principaux et envoyez-les soit à M. Rouvez, soit à moi, si à l'époque où votre récolte sera terminée, je suis à Bruxelles ou à Roisin.

Le dessinateur qui signa mon portrait du musée de Bruxelles se nomme Wollès [2].

Je tâcherai de débrouiller l'édition allemande que vous m'envoyez, mais je n'y serai point très habile. L'allemand littéraire m'est rebelle. Pourtant j'aime à avoir sous ma main n'importe lequel de vos livres, même si je ne le comprends pas. Mon amitié y trouve du charme.

«Hélène» sera très probablement montée en Allemagne. Puissiez-vous réussir en Russie à camper devant des spectateurs «Philippe II»! A Bruxelles il s'est bellement affirmé devant le public. Mais dans la presse on m'a jeté le «Cloître» à la tête en disant que «Philippe II» lui est inférieur. Je partage

d'ailleurs cette opinion. Toutefois, je ne doute pas que, bien joué, «Philippe» porte sur le public — j'en ai la preuve.

Zweig publiera bientôt son étude sur moi qui, immédiatement traduite, paraîtra au «Mercure» [3]. Vous recevrez l'un des deux bouquins. Puis-je vous demander encore un exemplaire de vos traductions de mes poèmes en russe. Le seul qui me reste est taché d'encre et je le veux faire relier *intact*.

Bonne année, mon très cher ami; mes hommages à Madame Brussow, de bons souvenirs de ma femme

et très à vous Em. Verhaeren

Oui, faites paraître à la *mi-février* le poème dans la «Balance». Il pourra se joindre aux documents pour l'exposition.

Перевод:

‹Сен-Клу. 27 декабря 1909/9 января 1910 г.›

Милейший друг.

Я беспокоился о вас и как раз собирался вам писать, когда пришло ваше письмо. Вот я и успокоился. «Властительные ритмы» выйдут 1 марта и я тут же отправлю вам экземпляр [1].

Я премного вам благодарен за уже затраченный вами и еще предстоящий труд по сбору такого количества русских документов о моей особе. Собирайте, однако, только главное и отсылайте либо г-ну Руве, либо мне, если к тому времени, когда вы снимете свою жатву, я буду в Брюсселе или Руазене.

Фамилия рисовальщика, подпись которого стоит на моем портрете в Брюссельском музее, Воллес [2].

Я попробую разобраться в присланном вами немецком издании, но вряд ли это будет мне по плечу. Немецкий литературный язык мне не дается. И все же мне приятно иметь под рукою любую вашу книгу, пусть даже я ее не понимаю. При моей дружбе к вам в этом есть своя прелесть.

«Елена», по всей вероятности, пойдет в Германии. Если бы только вам удалось вывести на русские подмостки «Филиппа II»! В Брюсселе он завоевал блистательное признание публики. Но печать меня ошеломила, утверждая, что «Филипп II» слабее «Монастыря». Впрочем, я это мнение разделяю. И все же, я не сомневаюсь, что хорошо сыгранный «Филипп» действует на публику,— доказательства налицо.

Цвейг вскоре опубликует свой очерк обо мне, который тут же будет переведен и появится в «Mercure» [3]. Вы получите одну из этих книжек. Нельзя ли попросить у вас еще один экземпляр моих стихотворений в вашем переводе на русский язык? Единственный оставшийся у меня экземпляр в чернильных пятнах, а мне хочется переплести *безупречный*.

Всего вам хорошего в новом году, милейший друг, свидетельствую мое почтение госпоже Брюсовой, искренний привет от моей жены,

всецело ваш Эм. Верхарн

Согласен, напечатайте стихотворение в «Весах» в *середине февраля*. Его можно будет присоединить к документам выставки.

Ответ на п. 27. На конверте почт. шт.: St.-Cloud. 9.1.10; Москва. 31.XII.1909.

[1] См. п. 19, примеч. 2.

[2] Портрет Верхарна работы бельгийского художника Люсьена Воллеса (1905) хранится в бельгийском Музее нового искусства (Брюссель).

[3] О монографии Ст. Цвейга см. п. 24, примеч. 5.

ЭМИЛЬ И МАРТА ВЕРХАРН
Фотография, 1913
С дарственной надписью:
«À madame V. Brussov
remerciée d'être venue au Caillou.
Marthe Verhaeren. Août 1913»
(«Госпоже Брюсовой
в благодарность за приезд в Кайу.
Марта Верхарн. Август 1913»)
Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

29. БРЮСОВ — ВЕРХАРНУ

‹Le 17 fevrier/›2 mars 1910. Moscou

Cher Maître,

Il me faut toute votre indulgence pour m'excuser que je vous écris si rarement... Mais ces derniers mois je ne me porte pas assez bien et je suis énormément occupé. Croyez-moi cependant que, comme toujours, je suis attentivement chaque ligne qui parait avec votre signature et je remarque tout ce que l'on écrit de vous et de votre oeuvre. De loin je participais dans la drôle querelle sur vos articles sur Léopold. J'attends, comme toute l'Europe littéraire, vos «Gestes», dont la plupart des poèmes j'ai retrouvé dans diverses revues. De temps en temps je relis vos livres et j'essaye de traduire vos vers en augmentant mon anthologie... Et je reste «le petit Verhaeren de Moscou» comme me nomment nos critiques du camp adverse.

Vous me faites le plaisir de me demander un exemplaire des «Vers contemporains». Malheureusement en ce moment je ne possède pas d'autre exemplaire que celui que je vous envoie dans une assez vilaine reliure, je tâcherai de vous en procurer un autre (puisque l'édition est épuisée). On parle chez nous de nouveau d'une édition à peu près complète de votre oeuvre dans la traduction russe (de différents traducteurs). C'est la librairie de St. Pétersbourg «Chipovnick» qui a fait ce projet. Elle m'a proposée de rédiger un prospectus de cette édition (en 3 ou 4 grands volumes) ainsi que d'indiquer les noms des traducteurs, ce que j'ai fait. Je ne sais si on donnera cours à cette idée [1].

Votre poème («L'Or») est inséré dans le n°12 de «La Balance» qui paraîtra dans 10—12 jours. Hélas, c'est le dernier n° de «La Balance» qui cesse de paraître. Je suis réfugié à «La Pensée Russe», une grande revue (paraissante déjà la trente première année) où je parlerai de vos «Gestes Souverains».

Dans quelques jours j'enverrai la première partie de documents que j'ai assemblés pour l'exposition. Ce sont exclusivement les livres.

Je vous prie de remettre mes hommages cordiaux à Madame Verhaeren.

Travaillez, cher Maître, pour la gloire de votre pays et pour la joie de nous tous.

Tout à vous Valère B r u s s o v

Перевод:

⟨17 февраля/⟩ 2 марта 1910 г. Москва

Дорогой Мэтр,

Взываю ко всей вашей снисходительности,— простите мне, что я так редко вам пишу... Но последние месяцы я не совсем здоров и чудовищно занят. Тем не менее поверьте, я по-прежнему внимательно слежу за каждой строчкой, появляющейся за вашей подписью, и отмечаю все, что пишут о вас и о вашем творчестве. Я издали принимал участие в нелепом споре по поводу ваших статей о Леопольде. Как и вся литературная Европа, я жду выхода «Деяний», из которых бóльшую часть стихотворений я отыскал в различных журналах. Время от времени я перечитываю ваши книги и пробую переводить ваши стихи, пополняя свою антологию... И остаюсь «маленьким московским Верхарном», как меня называют наши критики из враждебного лагеря.

Вы обращаетесь ко мне с лестной просьбой об экземпляре «Стихов о современности». К сожалению, у меня сейчас только этот, в довольно гадком переплете, который посылаю вам; попытаюсь (поскольку издание распродано) добыть для вас другой. У нас опять идут разговоры о новом, более или менее полном издании ваших сочинений в русском переводе (разных переводчиков). Этот проект выдвинут петербургским издательством «Шиповник». Оно предложило мне составить проспект издания (в трех или четырех больших томах) и указать фамилии переводчиков, что я и сделал. Не знаю, дадут ли ход этой идее [1].

Ваше стихотворение («Золото») напечатано в двенадцатом номере «Весов», который выйдет дней через 10—12. Увы, это последний номер «Весов», их выход прекращается. Я нашел пристанище в «Русской мысли», толстом журнале (выходящем уже тридцать первый год), где буду говорить о ваших «Великих деяниях».

Через несколько дней я вышлю первую партию документов, собранных мною для выставки. Это исключительно книги.

Прошу вас передать сердечный привет госпоже Верхарн.

Трудитесь же, дорогой Мэтр, во славу вашей родины и на радость всем нам.

Весь ваш Валерий Б р ю с о в

Ответ на п. 28.

[1] Этот план не был реализован.

30. БРЮСОВ — ВЕРХАРНУ

Moscou, ⟨15/⟩28 mars 1910

Cher Maître et ami,

Je viens d'envoyer à votre adresse les livres concernant votre oeuvre parus en Russie. Je m'excuse beaucoup d'être si en retard. Mais il fallait faire venir quelques éditions de Kazan et Kieff, ce qui est assez difficile chez nous.

Les livres sont marqués du crayon bleu. Voici la signification de ces chiffres:

1. Emile Verhaeren. Vers contemporains. Traduction par Valère Brussov. Librairie «Le Scorpion». Moscou, 1906. (Avec portrait).

2. Emile Verhaeren. Hélène de Sparte. Traduction par Valère Brussov. Librairie «Le Scorpion». Moscou, 1909. (Avec portrait).

3. Emile Verhaeren. Les Campagnes Hallucinées. Traduction par N. Vassilieff. Kazan, 1907.

4. Emile Verhaeren. Les Villes Tentaculaires et Les Campagnes Hallucinées. Traduction par N. Tch. Moscou, 1909.

5. Emile Verhaeren. Les Aubes. Traduction par A. Vorotnikoff et S. Chambinago. «Bibliothèque Universelle». Moscou.

6. Emile Verhaeren. Le Cloître. Traduction par Ellis. «Bibliothèque Universelle». Moscou.

7. Emile Verhaeren. Les Aubes. Traduction par G. Tchoulkoff. Dans l'almanach «Znanié XI». S.-Pétersbourg, 1906 (page 1).

8. La Jeune Belgique. Un recueil. Moscou, 1906. (A Verhaeren sont consacrées les pages 38—45, avec portrait, et 247—254).

9. Anthologie des poètes contemporains. Kieff, 1910. (A Verhaeren sont consacrées les pages 197—205, avec portrait).

10. Poètes français du XIX siècle. Traductions et notices bibliographiques par Valère Brussov. Librairie «Le Panthéon». S.-Pétersbourg, 1909. (A Verhaeren sont consacrées les pages 113—128, avec portrait).

Je suis bien touché de ce que vous dites à propos de ma traduction d'«Hélène» [1] et je me réjouis que le drame verra enfin la rampe. L'«Odéon» est le théâtre qui pourra monter votre drame comme il lui convient [2].

Je ne perds pas l'espérance de faire passer «Philippe II» au «Théâtre Impérial de Moscou»,— quoique l'on me répond toujours qu'il sera très difficile de trouver l'interprète pour le rôle de Don Carlos [3].

Ayez l'obligeance de remettre mes meilleurs hommages et compliments à Madame Emile Verhaeren et croyez-moi, cher Maître, comme toujours

tout à vous Valère B r u s s o v

Перевод:

Москва, ⟨15/⟩28 марта 1910 г.

Дорогой Мэтр и друг,

Только что отправил на ваше имя вышедшие в России книги, касающиеся ваших сочинений. Очень прошу извинить, что так запаздываю. Но некоторые издания пришлось выписывать из Казани и Киева, а у нас это довольно трудно.

Книги перенумерованы синим карандашом. Вот что означают эти цифры:

1. Эмиль Верхарн. Стихи о современности. Перевод Валерия Брюсова. Издательство «Скорпион». Москва, 1906 (с портретом).

2. Эмиль Верхарн. Елена Спартанская. Перевод Валерия Брюсова. Издательство «Скорпион», Москва, 1909 (с портретом).

3. Эмиль Верхарн. Обезумевшие деревни. Перевод Н. Васильева. Казань, 1907.

4. Эмиль Верхарн. Издыхающие равнины. Города-чудовища. Перевод Н. Ч. Москва, 1909.

5. Эмиль Верхарн. Зори. Перевод А. Воротникова и С. Шамбинаго. «Универсальная библиотека». Москва.

6. Эмиль Верхарн. «Монастырь». Перевод Эллиса. «Универсальная библиотека». Москва.

7. Эмиль Верхарн. Зори. Перевод Г. Чулкова. В XI сборнике «Знание». С.-Петербург, 1906 (страница 1).

8. Молодая Бельгия. Сборник. Москва, 1906 (Верхарну посвящены страницы 38—45, с портретом, и 247—254).

9. Антология современных поэтов. Киев, 1910. (Верхарну посвящены страницы 197—205, с портретом).

10. Французские поэты XIX века. Переводы и библиографические справки Валерия Брюсова. Издательство «Пантеон». С.-Петербург, 1909 (Верхарну посвящены страницы 113—128, с портретом).

Я весьма тронут тем, что вы говорите по поводу моего перевода «Елены» [1], и радуюсь, что драма увидит, наконец, свет рампы. «Одеон» — театр, который в силах поставить вашу драму должным образом [2].

Я не теряю надежды добиться постановки «Филиппа II» в Московском императорском театре, хотя мне неизменно отвечают, что найти исполнителя для роли Дона Карлоса будет очень трудно [3].

Не откажите в любезности передать поклон и лучшие пожелания госпоже Эмиль Верхарн и прошу вас, дорогой Мэтр, считать меня неизменно и всецело вашим.

Валерий Брюсов

Ответ на неизвестное письмо Верхарна.

[1] 4/17 марта 1910 г. Верхарн писал Брюсову: «Князь Гагарин, которого я познакомил с переводом «Елены», уверяет, что вы совершили чудо».

[2] См. п. 32, примеч. 1.

[3] 4 января 1910 г., посылая «Филиппа II» А. И. Сумбатову, Брюсов писал ему: «К сожалению, боюсь, что было бы нелегко найти исполнителей для этой драмы. В вашем театре, например, я не знаю, кому можно было бы предложить роль Дон-Карлоса... Филиппа II было бы, конечно, некому играть, кроме вас» (ЦГАЛИ, ф. 878, оп. 1, ед. хр. 764).

31. БРЮСОВ — ВЕРХАРНУ

Moscou, le 17/30 avril, 1910

Cher Maître,

Jusqu'à présent je ne vous ai pas encore remercié de l'envoi des «Rythmes Souverains» [1]. C'est presque impardonnable, mais j'ai quelques droits à votre absolution pour la joie avec laquelle j'avais reçu ce volume et avec laquelle je l'avais lu et relu. «Les Rythmes» occuperont dans votre oeuvre une place éminente; ce livre est nécessaire dans la série glorieuse, commencée par «Les Visages de la Vie» et prolongée par «Les Forces tumultueuses» et par «La Multiple Splendeur». Et je suis sûr que tous vos admirateurs, de même que moi, ont éprouvé, en lisant votre dernier livre, le même sentiment de fierté, voyant leur maître s'avancer toujours «vers les conquêtes graduées»!

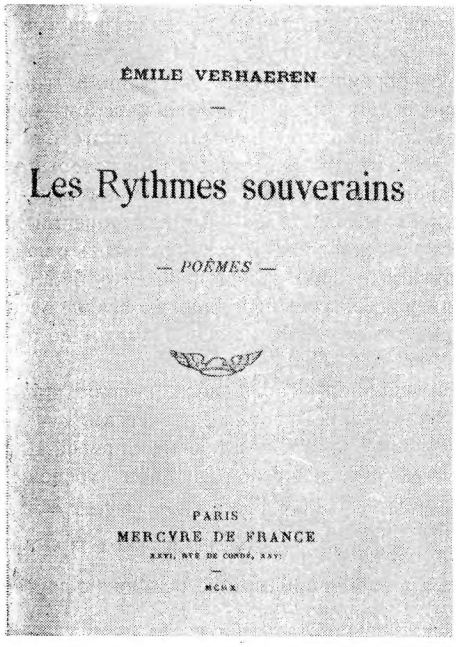
J'écris à présent l'article depuis si longtemps promis pour la revue «La Pensée Russe» sur les «Rythmes», où je parlerai simultanément de tous vos livres dernièrement publiés, c'est à dire de «Deux drames», de «Villes à Pignons», des «Heures claires» et de «James Ensor». Je me permettrai, si vous n'avez rien contre, quelques modestes souvenirs de vos dires que j'étais heureux d'entendre de vous personnellement: sur l'art, sur la guerre etc. J'espère que cet article pourra paraître déjà dans le N° de mai. Il va sans dire que je me dépêcherai de vous l'envoyer [2].

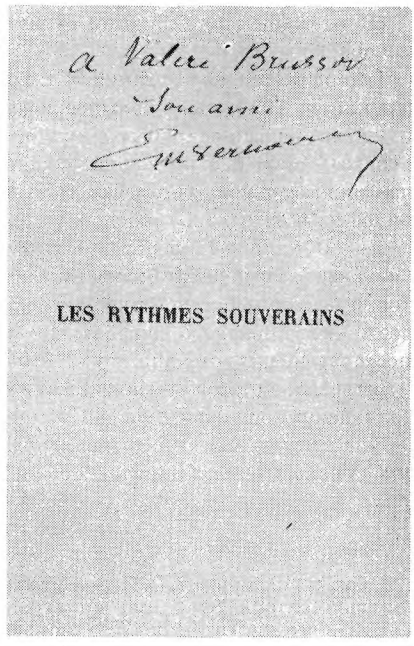
La «Balance» a publié «L'Or» — vous avez dû recevoir le N° de la revue ainsi que les honoraires.

Quant à la réimpression des «Vers contemporains», nous avons résolu d' élargir le plan du livre. Comme la grande édition de votre oeuvre dans la traduction russe faite par différents traducteurs est toujours en état de la préparation, mieux dire *in spe*,— j'ai proposé de faire, sans les autres collaborateurs, un volume qui aurait pu représenter votre oeuvre plus ou moins complètement. Je veux donner dans ma traduction un choix de tous vos livres principaux, à peu près 50—60 poèmes *, et deux drames: «Philippe II» et «Hélène». Comme préface je veux donner, avec quelques modifications, la traduction de la brochure de Bazalgette... Il me semble que ce sera un livre qui permettra au public russe de se faire une idée, quoique incomplète, mais un peu plus précise, de votre poésie et pourra susciter le désir de la connaître de plus près. Je tâcherai de publier ce livre dans la saison 1910—1911 [3].

---

* Dans peu de temps je vais vous envoyer l'index de ces poèmes (*примеч. Брюсова*).





ЭМИЛЬ ВЕРХАРН. «ВЛАСТИТЕЛЬНЫЕ РИТМЫ». ПАРИЖ, 1910
С дарственной надписью:
«À Valère Brussov son ami Em. Verhaeren» («Валерию Брюсову его друг Эм. Верхарн»)
Обложка и шмуцтитул
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

La coupure, que vous avez trouvé dans cette lettre est un compte-rendu sur la conférence (faite à S. Pétersbourg) par M. Lvov-Rogatchevsky sur votre poésie.

Croyez-moi, cher Maître, votre admirateur constant, fier du nom d'ami que vous me donnez si indulgemment. Ne m'oubliez pas auprès de Madame Emile Verhaeren.

Valère B r u s s o v

Перевод:

Москва, 17/30 апреля 1910 г.

Дорогой Мэтр,

Я до сих пор еще не поблагодарил вас за присылку «Властительных ритмов» [1]. Это почти непростительно, но радость, какую я испытал, получив этот том и читая и перечитывая его, дает мне некоторое право на ваше прощение. «Ритмы» займут в вашем творчестве выдающееся место; эта книга незаменима в блистательном ряду, открывшемся «Ликами жизни» и продолженном «Мятежными силами» и «Многоцветным сиянием». И я уверен, что все ваши поклонники при чтении вашей последней книги испытали, подобно мне, чувство гордости, видя, как их учитель «непрестанно завоевывает все новые высоты».

Теперь я пишу уже давно обещанную для журнала «Русская мысль» статью о «Ритмах», где буду в то же время говорить и о всех ваших последних книгах, т. е. о «Двух драмах», об «Островерхих городах», о «Светлых часах» и о «Джемсе Энсоре». Я позволю себе, если вы не возражаете, поделиться кое-какими скромными воспоминаниями о ваших высказываниях, которые я имел счастье слышать лично от вас: об искусстве, войне и т. д. Надеюсь, что статья сможет появиться уже в майском номере. Само собой разумеется, что я поспешу прислать вам его [2].

«Весы» напечатали «Золото» — вы должны были получить номер журнала, а также и гонорар.

Что касается переиздания «Стихов о современности», то мы решили расширить план книги. Поскольку большое издание ваших произведений в русском переводе, выполненном разными переводчиками, все еще находится в состоянии подготовки, лучше сказать *in spe* *, я предложил составить без других участников том, который мог бы более или менее полно представить ваше творчество. Я хочу дать в моем переводе избранное из всех ваших основных книг, приблизительно 50—60 стихотворений ** и две драмы — «Филиппа II» и «Елену». В качестве предисловия я хочу поместить с небольшими изменениями перевод брошюры Базальжета... Мне кажется, что это будет книга, которая позволит русской публике составить себе пусть неполное, но все же несколько более точное понятие о вашей поэзии и сможет внушить желание узнать ее поближе. Я постараюсь выпустить книгу в 1910—1911 гг. [3]

Вырезка, которую вы нашли при этом письме,— сообщение о посвященной вашей поэзии лекции, прочитанной в С.-Петербурге г-ном Львовым-Рогачевским.

Ваш неизменный почитатель, гордый именем друга, которое вы, дорогой Мэтр, мне столь снисходительно дарите. Не забудьте передать мой поклон госпоже Верхарн.

Валерий Брюсов

[1] См. п. 19, примеч. 2. Эта книга сохранилась в библиотеке Брюсова с дарственной надписью автора (см. илл. на стр. 599).

[2] «Новые книги Эмиля Верхарна» — четвертая статья Брюсова из цикла «Литературная жизнь во Франции». Брюсов дал в ней обзор книг Верхарна, появившихся в 1909—1910 гг., и монографий, ему посвященных, а также описал свой визит к нему осенью 1909 г. (*РМ*, 1910, № 8).

[3] Этот замысел был реализован лишь отчасти (см. п. 27, примеч. 3).

32. ВЕРХАРН — БРЮСОВУ

‹Le 25 avril/›7 Mai 1910
46—48, rue Lebeau, Bruxelles

Mon cher ami.

Je reçois ce matin de bonnes nouvelles de votre part et j'en suis réjoui. Je suis heureux d'apprendre que «L'Or» a enfin paru. Mais j'ai quitté St. Cloud depuis trois semaines et je vous serais obligé de me faire envoyer le N° et mes honoraires à l'adresse suivante: 46—48 rue Lebeau, Bruxelles. Jusqu'aujourd'hui je n'ai rien reçu.

C'est là que j'ai loué un appartement et que je séjournerai *deux* mois.

Comme je suis heureux que les «Rythmes Souverains» vous plaisent. On leur fait bon accueil partout. Dès que votre article aura paru, j'aurai hâte de le lire. Envoyez-le moi également au N° 46—48 rue Lebeau, Bruxelles.

«Hélène de Sparte» est reçue à l'«Odéon» et sera jouée l'année prochaine. Elle est également acceptée à Berlin chez Reinhardt. Ce sont de bonnes nouvelles — mais quels acteurs va-t-on me donner? Je tremble déjà rien qu'à prévoir les difficultés qui vont surgir [1].

Ici, à Bruxelles, on redonne le «Cloître» pour les fêtes de l'Exposition[2]. En outre, ce drame va être monté à Manchester, en septembre, avec une mise en scène toute nouvelle. Tout est arrêté déjà et là, du moins, j'espère ne pas avoir de désillusion.

Et le «Philippe II»? Qu'en advient-il en Russie? On l'a donné à Bruxelles, dernièrement et les dernières soirées ont été vraiment belles: le public s'était emballé à la fin.

---

* в проекте (*лат.*).

** В ближайшее время я пошлю вам перечень этих стихов (*примеч. Брюсова*).

Voilà, mon cher Brussow, toutes les nouvelles. Je travaille à mes «Heures du Soir» et dès novembre ou décembre paraîtront «Les Plaines» pour faire suite aux «Villes à Pignons» [3].

Mes hommages à Madame Brussow et

très à vous Em. Verhaeren

Перевод:

⟨25 апреля/⟩ 7 мая 1910 г.
улица Лебо, 46—48, Брюссель.

Дорогой друг.

Сегодня утром получил от вас добрые вести, которые меня порадовали. Рад был узнать, что «Золото», наконец, вышло. Но я уехал из Сен-Клу три недели тому назад и буду вам признателен, если вы распорядитесь выслать мне номер и гонорар по следующему адресу: 46—48, улица Лебо, Брюссель. Я по сей день ничего не получил.

Там я снял квартиру и буду жить *два* месяца.

Как я рад, что «Властительные ритмы» вам нравятся. Им повсюду оказывают хороший прием. Лишь только ваша статья появится, я потороплюсь ее прочесть. Пошлите мне ее также по адресу: 46—48, улица Лебо, Брюссель.

«Елена Спартанская» принята в «Одеоне», и ее будут играть в будущем году. Она принята также и в Берлине, у Рейнгардта. Это хорошие новости, но вот каких мне дадут актеров? Я уже сейчас дрожу в предвидении всех трудностей, которые сразу же возникнут [1].

Здесь, в Брюсселе, на праздниках по случаю выставки возобновили «Монастырь» [2]. Кроме того, в сентябре эта драма в совершенно новой постановке пойдет в Манчестере. Всё уже договорено, и я надеюсь, что тут по крайней мере меня не постигнет разочарование.

А «Филипп II»? Какова его судьба в России? Недавно его ставили в Брюсселе, и последние спектакли были поистине прекрасны: публика под конец увлеклась.

Вот, дорогой Брюсов, все новости. Я работаю над «Вечерними часами», а уже в ноябре или в декабре выйдут «Равнины», как продолжение «Островерхих городов» [3].

Свидетельствую мое почтение госпоже Брюсовой,

всецело ваш Эм. Верхарн

Ответ на п. 31.

[1] Впервые «Елена Спартанская» была поставлена в 1912 г. в парижском театре «Châtelet» (см. п. 43, примеч. 1).

[2] Отрывки из «Монастыря» ставились в Брюсселе 25 апреля — 7 мая 1910 г. («Théâtre royale du Parc»).

[3] «Равнины» (Брюссель, 1911) — пятая книга из серии «Вся Фландрия». В библиотеке Брюсова сохранился экземпляр ее с дарственной надписью: «A Valère Brussov — son ami Em. V.» («Валерию Брюсову — его друг Эм. В.»).

33. ВЕРХАРН — БРЮСОВУ

⟨Caillou-qui-Bique. Roisin. 9/22 août 1910⟩

Mon cher ami.

J'ai pérégriné longtemps à droite et à gauche et me voici rentré dans le calme du Caillou. J'y croyais trouver en arrivant votre étude dans «La Pensée Russe» [1], mais je crois que je la trouverais en novembre à St. Cloud.

J'ai été pris par l'exposition de Bruxelles où un compartiment littéraire met en évidence le travail des écrivains belges. Vos traductions de mes poèmes y figurent et toute la contribution de la critique russe à la divulgation de nos livres s'y peut constater.

Comme nouvelles, je puis vous annoncer que le 20 ou 25 septembre le théâtre de Manchester donnera «Le Cloître», qui fut joué il y a quinze jours dans les ruines admirables de l'abbaye de Vellert, en Brabant. La représentation fut, m'a-t-on assuré, très heureusement conduite et le public n'y fut point insensible.

Max Reinhardt a reçu «Le Cloître» et «Hélène» à Berlin. Les deux pièces seront montées cet hiver. Si l'«Odéon» représente, à son tour, mon dernier drame, les mois de la saison qui s'ouvre vont me donner beaucoup d'occupations.

Et vous, mon très cher Brussov? Rarement dans vos lettres vous m'entretenez de votre travail. Vous êtes pourtant de ceux que j'aime beaucoup et dont les gestes se mêlent à mes préoccupations et à mes sympathies. J'attends avec impatience une lettre. Je présente mes hommages à Madame Brussov et vous serre très, très vivement les mains.

Em. Verhaeren

J'ai bien reçu mes honoraires pour «L'Or».

Перевод:

‹Кайу-ки-Бик, Руазен. 9/22 августа 1910 г.›

Дорогой друг!

Я долго странствовал, побывал и там и сям и вот вернулся в тишину Кайу. Я рассчитывал найти здесь по приезде вашу статью из «Русской мысли» [1], но, по-видимому, найду ее в ноябре в Сен-Клу.

Я был поглощен Брюссельской выставкой, литературный раздел которой отражает труд бельгийских писателей. Там представлены и ваши переводы моих стихов, и наглядно показан вклад русской критики в дело распространения наших книг.

Что до новостей, могу вам сообщить, что 20 или 25 сентября манчестерский театр даст «Монастырь», который две недели тому назад играли в очаровательных развалинах аббатства Веллер в Брабанте. Спектакль, так меня уверяли, был поставлен очень удачно, и публика отнюдь не осталась равнодушной.

Макс Рейнгардт в Берлине принял «Монастырь» и «Елену». Обе пьесы пойдут нынешней зимой. Если «Одеон», в свою очередь, поставит мою драму, в течение всего начинающегося сезона у меня будет много дел.

А что у вас, дорогой мой Брюсов? В письмах ко мне вы редко говорите о своей работе. А ведь вы принадлежите к тем, кого я очень люблю и чья деятельность близка моим интересам и симпатиям. С нетерпением жду письма.

Свидетельствую мое почтение госпоже Брюсовой и горячо, горячо жму ваши руки.

Эм. Верхарн

Гонорар за «Золото» получил.

На конверте почт. шт.: Roisin. 22 août. 1910; Москва. 13 августа 1910.

[1] См. п. 31, примеч. 2.

34. ВЕРХАРН — БРЮСОВУ

Caillou-qui-Bique. Roisin
le ‹26 août/› 8 ‹septembre 19›10

Mon très cher Brussov.

Je reçois «La Pensée Russe» et j'y parcours le copieux article que vous avez bien voulu m'y consacrer. Je ne le comprends pas, mais je l'aime de confiance parce que tout ce qui me vient de vous m'est précieux et ami.

Comme je voudrais savoir ce que vous faites! J'ai si fort l'air égoïste en ne pouvant vous parler dans mes lettres que de moi. J'aimerais tant vous dire ce que je pense de votre art à vous et vous manifester mes sentiments et

mes préférences. Oh, l'infériorité où je suis! Ne savoir qu'une langue! Vivre dans un coin quand le monde entier s'ouvre, et fait signe!

Ici, au Caillou, je vois les chemins que vous avez parcourus et la chambre qui vous hébergea. C'est quelque chose.

Comment allez-vous? Et Madame Brussov? Et les amis de là-bas? Et vers où se porte votre mouvement littéraire?

J'ai parcouru à Bruxelles la section Russe. Je n'y ai guère trouvé de Somoff. Et le Roerich ne me plaît pas énormément.

J'ai parlé de vous longuement avec Zweig qui me rendit visite, il y a quinze jours. Oh, si vous aussi aviez été là.

Mes très vives amitiés et mes grands remerciments.

Votre Em. Verhaeren

Перевод:

Кайу-ки-Бик, Руазен.
〈26 августа/〉 8 〈сентября 19〉10 г.

Милейший мой Брюсов.

Я только что получил «Русскую мысль» и листаю пространную статью, которую вы были добры посвятить мне. Я ее не понимаю, но принимаю на веру, потому что все, что исходит от вас, мне дорого и мило.

Как бы мне хотелось знать, чем вы занимаетесь! Я выгляжу таким эгоистом, поскольку в своих письмах могу говорить только о себе. А мне так хотелось бы высказать, что я думаю о вашем искусстве, какие чувства оно во мне пробуждает, чем привлекает. Ах, что за жалкое положение! Владеть лишь одним единственным языком! Жить в тесном углу, когда весь мир раскрывается и манит!

Здесь, в Кайу, я вижу дороги, по которым вы ходили, комнату, которая служила вам приютом. Это немало.

Как вы поживаете? А госпожа Брюсова? И тамошние друзья? И в каком направлении развивается ваше литературное движение?

В Брюсселе я побывал в Русском отделе. Сомова я там не нашел. А Рерих мне не слишком понравился.

Я много говорил о вас с Цвейгом, который посетил меня две недели тому назад. Ах, если бы и вы были тут!

Горячий дружеский привет и огромная благодарность.

Ваш Эм. Верхарн

На конверте почт. шт.: Roisin. 8 sept. 1910; Москва. 30.8.10. Верхарн по ошибке датировал письмо 8-м августа.

35. БРЮСОВ — ВЕРХАРНУ

Moscou, 1ère Meschanska, 32
〈Le fin de fevrier/le debut de mars 1911〉

Cher Maître et ami,

Comment vous remercier de votre nouveau livre et du souvenir de moi [1]. Je n'ai plus de mots pour vous exprimer toute mon admiration devant votre oeuvre toujours grandissante. En contemplant «Toute la Flandre» qui croît à nos yeux, je ne puis que répéter les vers immortels:

Cedite, Romani scriptores, cedite, Graeci:
Nescio quid majus nascitur Iliade [2].

Je vous envoie quelques exemplaires de votre «Rembrandt» paru dans une édition populaire à 10 cop.; le traducteur m'est inconnu [3].

Je prépare la nouvelle édition de mes traductions de vos poèmes. Le livre sera augmenté de plusieurs poèmes nouveaux. Je vous reparlerai de ce projet tout prochainement.

Dans quelques jours je vous enverrai mon nouveau livre: un volume de traductions des poésies de Verlaine [4]. C'est un travail de 15 ans.

J'espère, cher Maître, que vous allez bien et je vous prie de remettre tous mes compliments à M-me Emile Verhaeren.

Croyez-moi votre admirateur fidèle

Valère B r u s s o v

Перевод:

Москва, 1-я Мещанская. 32

<Конец февраля/начало марта 1911 г.>

Дорогой Мэтр и друг,

Не знаю, как вас благодарить за вашу новую книгу и память обо мне [1]. У меня нет больше слов, чтобы выразить свое восхищение перед все возрастающим величием ваших трудов. Вглядываясь во «Всю Фландрию», которая расцветает на наших глазах, я могу только повторять бессмертные строки:

Cedite, Romani scriptores, cedite, Graeci:
Nescio quid majus nascitur Iliade [2].

Посылаю вам несколько экземпляров вашего «Рембрандта», вышедшего в общедоступном, десятикопеечном издании; переводчик мне не известен [3].

Я готовлю новое издание переводов ваших стихов. Книга будет пополнена рядом новых стихотворений. Я вернусь к разговору об этом проекте в ближайшее время.

Через несколько дней я вышлю вам свою новую книгу: том переводов лирики Верлена [4]. Это труд пятнадцати лет.

Надеюсь, дорогой Мэтр, что вы в добром здоровье и прошу приветствовать от меня госпожу Верхарн.

Ваш преданный поклонник Валерий Б р ю с о в

Датируется по ответному п. 36.

[1] Брюсов благодарит Верхарна за его книгу «Les Plaines» («Равнины» — см. п. 32, примеч. 3).

[2] «Посторонитесь, римские писатели, посторонитесь, греки: // На свет является нечто более великое, чем «Илиада» (П р о п е р ц и й. Элегии, кн. II. 34, 65—66).

[3] Очерк Верхарна «Rembrandt. Biographie critique» (Paris, <1905>) вышел в русском переводе в серии «Универсальная библиотека» (Эмиль В е р х а р н. Рембрандт, его жизнь и художественная деятельность. Перевод с франц. Е. Н. К<летново>. СПб., <1910>).

[4] Поль В е р л е н. Собрание стихов в переводе Валерия Брюсова. М., «Скорпион», 1911.

36. ВЕРХАРН — БРЮСОВУ

<St. Cloud. Le 28 fevrier/13 mars 1911>

Mon cher ami.

Que votre lettre m'a fait plaisir. Je ne savais pas que penser de votre long silence. J'attends avec impatience votre livre. Je vous remercie des 6 petits «Rembrandts».

On m'assure qu'en Russie a paru une monographie Verhaeren. Le savez-vous? [1]

Il est possible que je me rende à Moscou l'hiver prochain [2]. Je ne pourrai être votre hôte, mais je viendrai vous voir le plus souvent possible. Rien encore n'est absolument décidé, mais le projet est dans l'air.

Je travaille bien. Avez-vous lu le «Livre d'Amour» de Vildrac et le «Printemps» de Chennevière? Deux très beaux poèmes [3].

Je vous serre très cordialement les deux mains et vous remercie de tout ce que vous voulez bien faire pour moi.

Mes hommages à Madame Brussow.

Très votre Em. Verhaeren

Перевод:

<Сен-Клу. 28 февраля/13 марта 1911 г.>

Дорогой друг.

Как же обрадовало меня ваше письмо! Я не знал что и думать о вашем долгом молчании. Жду с нетерпением вашу книгу. Благодарю за шесть маленьких «Рембрандтов».

Меня уверяют, что в России вышла монография о Верхарне. Известно ли вам это? [1]

Возможно, что будущей зимой я поеду в Москву [2]. Я не смогу быть вашим гостем, но буду посещать вас как можно чаще. Ничего еще окончательно не решено, но проект носится в воздухе.

Работается мне хорошо. Читали ли вы «Книгу любви» Вильдрака и «Весну» Шеневьера? Две прекрасные поэмы [3].

От всего сердца жму ваши руки и благодарю за все, что вам угодно для меня делать.

Свидетельствую мое почтение госпоже Брюсовой.

Всецело ваш Эм. Верхарн

Ответ на п. 35. На конверте почт. шт.: St. Cloud. 13.III.1911; Москва 18.3.11.

[1] По-видимому, Верхарн имеет в виду перевод книги Базальжета (см. п. 2, примеч. 1).

[2] Эта поездка осуществилась в 1913 г.

[3] Сборник стихов Шарля Вильдрака (о нем см. п. 19, примеч. 3) «Livre d'Amour» (Paris, 1910) хранится в библиотеке Брюсова с дарственной надписью: «A Valère Brussov en haute estime et respectueuse symphathie Charles Vildrac. Paris, 75, Avenue Ledru Rollin» («Валерию Брюсову с глубоким уважением и почтительной симпатией Шарль Вильдрак. Париж, 75, Авеню Ледрю Роллен»). Сборник стихов Жоржа Шеневьера (Georges Chennevière) в библиотеке Брюсова отсутствует.

37. ВЕРХАРН — БРЮСОВУ

<St. Cloud. 11/24 avril 1911>

Mon cher Brussow.

J'ai bien reçu votre traduction[1], qu'à vue rapide, je juge complète et très consciencieuse. C'est un vrai monument que vous avez élevé à la mémoire du plus sensible et du plus sincère poète moderne.

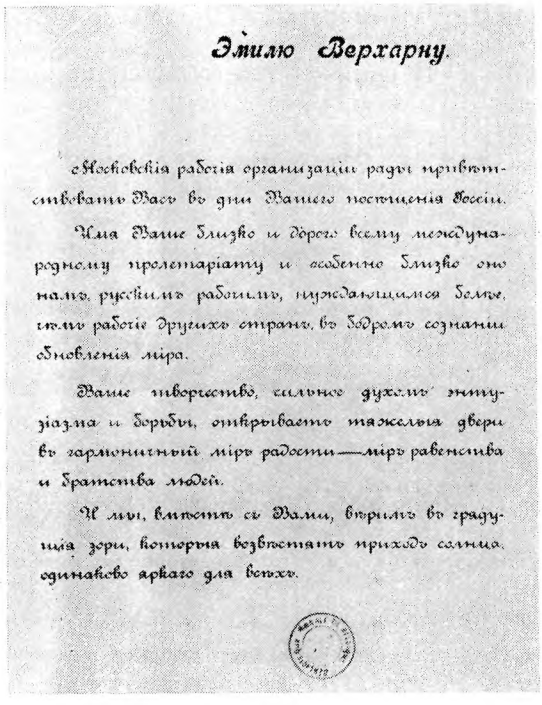
J'ai voisiné ici, à St. Cloud, pendant tout l'hiver avec un de vos compatriotes, le prince Nicolas Gagarine qui est un peintre de talent très spécial et qui aime l'art par-dessus tout. Il est retourné à Moscou; il vous rencontrera peut-être et je serai heureux que deux de mes amis se donnent la main.

On me dit qu'il est des biographies de moi qui ont paru en Russie. Est-ce vrai?

Je quitte St. Cloud demain. Je rentre en Belgique pour tout l'été. J'irai à la mer d'abord; puis, vers le 1er août, je me rendrai au Caillou-qui-bique. Y viendrez-vous? [2]

Comme je voyagerai ci et là, avant le 1 août, écrivez-moi à l'adresse suivante: S. Vers, 40, rue Murillo, Bruxelles.

J'ai bien travaillé cet hiver.



Эмилю Верхарну.

Московскія рабочія организаціи рады привѣтствовать Васъ въ дни Вашего посѣщенія Россіи.

Имя Ваше близко и дорого всему международному пролетаріату и особенно близко оно намъ, русскимъ рабочимъ, нуждающимся болѣе, чѣмъ рабочіе другихъ странъ, въ бодромъ сознаніи обновленія міра.

Ваше творчество, сильное духомъ энтузіазма и борьбы, открываетъ тяжелыя двери въ гармоничный міръ радости — міръ равенства и братства людей.

И мы, вмѣстѣ съ Вами, вѣримъ въ грядущія зори, которыя возвѣстятъ приходъ солнца, одинаково яркаго для всѣхъ.

АДРЕС МОСКОВСКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЭМИЛЮ ВЕРХАРНУ

Декабрь 1913 г.

Бельгийская королевская библиотека, Брюссель

Les «Heures du Soir» en français vont paraître à Leipzig à «Insel Verlag» L'édition est de luxe. Je ne pourrai malheureusement pas vous en envoyer un exemplaire. Mon contrat est très sévère [3].

Je vous serre très cordialement les deux mains et présente mes hommages à Madame Brussow.

Votre Em. Verhaeren

Перевод:

‹Сен-Клу. 11/24 апреля 1911 г.›

Дорогой мой Брюсов.

Я получил ваш перевод [1] и на первый взгляд он кажется мне полным и очень тщательным. Это подлинный монумент, воздвигнутый вами в память самого чуткого и самого искреннего из современных поэтов.

Здесь, в Сен-Клу, я всю зиму жил по соседству с одним из ваших соотечественников, князем Николаем Гагариным, художником очень своеобразного дарования, который любит искусство превыше всего. Он вернулся в Москву; возможно, он с вами встретится, и я буду счастлив, если два моих друга обменяются рукопожатием.

Говорят, что в России появились мои биографии. Так ли это?

Завтра я покидаю Сен-Клу. Я возвращаюсь на все лето в Бельгию. Сначала поеду к морю; затем, приблизительно около первого августа, отправлюсь в Кайу-ки-Бик. Не приедете ли вы туда? [2]

Так как до первого августа я буду в разъездах, пишите мне по следующему адресу: С. Вер, 40 улица Мурильо, Брюссель.

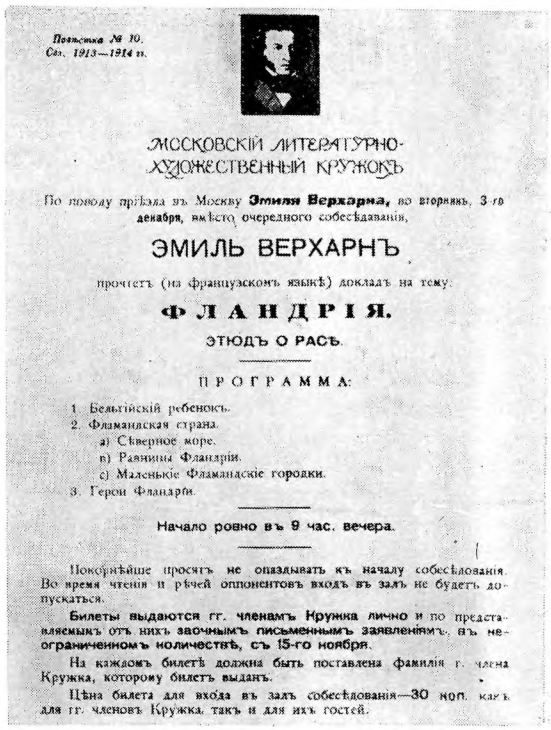
Нынешней зимой я хорошо поработал.

«Вечерние часы» выходят на французском языке в Лейпциге в «Insel Verlag» роскошным изданием. К сожалению, я не смогу прислать вам экземпляр. У меня очень жесткий договор [3].

От всего сердца жму ваши руки и свидетельствую мое почтение госпоже Брюсовой.

Ваш Эм. Верхарн

АФИША ЛЕКЦИИ ВЕРХАРНА В МОСКОВСКОМ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ КРУЖКЕ
3 декабря 1913 г.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва



Повѣстка № 10.
Сез. 1913—1914 гг.

МОСКОВСКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КРУЖОКЪ

По поводу пріѣзда въ Москву **Эмиля Верхарна,** во вторникъ, 3-го декабря, вмѣсто очередного собесѣдованія,

ЭМИЛЬ ВЕРХАРНЪ

прочтетъ (на французскомъ языкѣ) докладъ на тему:

ФЛАНДРІЯ.

ЭТЮДЪ О РАСѢ.

ПРОГРАММА:

1. Бельгійскій ребенокъ.
2. Фламандская страна.
   a) Сѣверное море.
   b) Равнины Фландріи.
   c) Маленькіе Фламандскіе городки.
3. Герои Фландріи.

Начало ровно въ 9 час. вечера.

Покорнѣйше просятъ не опаздывать къ началу собесѣдованія. Во время чтенія и рѣчей оппонентовъ входъ въ залъ не будетъ допускаться.

Билеты выдаются гг. членамъ Кружка лично и по представляемымъ отъ нихъ **заочнымъ письменнымъ заявленіямъ**, въ **неограниченномъ количествѣ, съ 15-го ноября.**

На каждомъ билетѣ должна быть поставлена фамилія г. члена Кружка, которому билетъ выданъ.

Цѣна билета для входа въ залъ собесѣдованія—**30 коп.** какъ для гг. членовъ Кружка, такъ и для ихъ гостей.

Ответ на п. 36. На конверте почт. шт.: St. Cloud. 24.4.11; Москва. 14.IV.1911.

[1] На автографе помета Брюсова — «Верлена» (см. п. 35, примеч. 4).
[2] Эта встреча не состоялась.
[3] Эта книга Верхарна («Les Heures du Soir». Leipzig, 1911) в библиотеке Брюсова отсутствует.

38. БРЮСОВ — ВЕРХАРНУ

Moscou, le 11/24 mai, 1911

Cher Maître et ami,

Jamais je n'ai eu à m'excuser à un tel point pour avoir négligé tellement ma correspondance, c'est que, aussi, je n'ai jamais été absorbé tellement par les affaires que cette année-là. Outre mes occupations ordinaires, qui sont assez disparates et assez nombreuses, je suis chargé de la direction de plusieurs parties d'une de nos plus grandes revues «La Pensée Russe».

Comment vous remercier de trouver toujours moyen de me tenir au courant de vos travaux et de votre vie, malgré mon impardonnable négligence?

Le prince Gagarine a été à Moscou. A mon grand regret, je me suis trouvé alors indisposé et je n'ai pu le voir. Nous nous sommes entretenus par téléphone. Le prince m'a communiqué une joyeuse nouvelle: vous consentiriez à visiter la Russie et Moscou si quelque société organisait pour vous une série de conférences. Aussitôt que je serai un peu remis, je me chargerai de cette affaire. Je crois que le «Cercle littéraire et artistique de Moscou» se fera une agréable obligation d'organiser ces conférences. Il faudra naturellement attendre l'automne pour décider cette question, car pendant l'été le plus grand nombre des membres sont absents; mais je crois que même au printemps la direction du cercle pourra se prononcer en principe sur cette question.

J'espère que votre santé est bonne et que cette saison aura été aussi propice à vos travaux que l'ont été tous les étés précédents. Je suis sûr que l'automne prochain nous aurons le bonheur de lire un nouveau volume de vos vers.

Je vous prie de remettre à Madame Emile Verhaeren mes meilleurs compliments et l'assurance de mes souvenirs respectueux.

Tout à vous Valère Brussov

1ère Meschanska, 32

Перевод:

Москва, 11/24 мая 1911 г.

Дорогой Мэтр и друг!

Никогда еще не был я до такой степени вынужден извиняться, что так запустил свою переписку, но никогда и не был я так поглощен делами, как в нынешнем году. Помимо обычных моих занятий, достаточно разнообразных и достаточно многочисленных, на меня возложено руководство несколькими отделами «Русской мысли», одного из самых крупных наших журналов.

Не знаю как и благодарить вас за то, что, несмотря на мою непростительную неаккуратность, вы находите возможность постоянно держать меня в курсе своих работ и своей жизни.

Князь Гагарин побывал в Москве. К великому моему сожалению, мне тогда нездоровилось и я не смог его повидать. Мы разговаривали с ним по телефону. Князь сообщил мне радостную новость: вы согласились бы посетить Россию и Москву, если какое-нибудь общество организует вам цикл лекций. Как только буду посвободнее, я этим делом займусь. Думаю, что «Московский литературно-художественный кружок» сочтет для себя приятной обязанностью организовать эти лекции. С решением вопроса придется, разумеется, обождать до осени, так как летом большинство членов кружка отсутствует, но я думаю, что еще весною дирекция кружка может решить вопрос в принципе.

Надеюсь, что вы в добром здоровье и что нынешнее лето окажется столь же благоприятным для вашей работы, как и во все предыдущие годы. Я уверен, что ближайшей осенью мы будем иметь счастье читать новый том ваших стихов.

Прошу вас передать госпоже Верхарн мои лучшие пожелания и глубокий поклон.

Весь ваш Валерий Брюсов

1-я Мещанская, 32

Ответ на п. 37.

39. ВЕРХАРН — БРЮСОВУ

‹St. Cloud, le 22 juin/5 juillet 1911›

Mon cher Brussow.

Oui et avec empressement je viendrai donner une conférence à Moscou et après à St. Pétersbourg. M. Gagarine m'écrit que vous pourrez arranger cela au mieux et je crois d'ailleurs qu'il vous y aidera, en bon ami. J'aime beaucoup M. Gagarine que je vois souvent à St. Cloud, où il est mon voisin, et nous parlons souvent de vous et il aime fermement la traduction que vous fîtes d'«Hélène».

Y a-t-il de nouvelles traductions de mes oeuvres en Russie? N'y a-t-il pas une biographie parue? Comme je vous serais obligé de m'en avertir.

Ici, en France, on devient très nationaliste. On veut expulser les barbares et s'entourer de plus en plus d'une muraille de Chine. On rétrécit les idées d'une manière systématique et bientôt il n'y aura plus que le XVII siècle

qui constituera *toute* la France. Entre-temps l'Europe se forme et l'avenir se trace des voies au rebours du passé. L'homme a une tête et des yeux pour voir devant lui et si obstinément il regarde derrière lui, tous ses muscles du cou en souffrent d'abord, et puis il est écrasé, sans qu'il le sache [1].

On va faire paraître en Allemagne, à «Insel Verlag», les «Heures du Soir», en français. L'édition est entièrement de luxe. Je ne sais si je pourrai vous en envoyer un exemplaire.

Je vais bien. Puis-je vous attendre cette année en Belgique?

Je présente mes hommages à Madame Brussow et je vous envoie mes meilleures amitiés.

Votre Em. Verhaeren

Перевод:

‹Сен-Клу. 22 июня/5 июля 1911 г.›

Дорогой мой Брюсов.

Ну, разумеется, я приеду, и очень охотно, прочесть лекцию в Москве, а потом в С.-Петербурге. Г-н Гагарин пишет мне, что вы сумеете наилучшим образом все устроить, впрочем, я думаю, что он вам по-дружески поможет. Я очень люблю г-на Гагарина, с которым часто вижусь в Сен-Клу, где он мой сосед, и мы часто говорим о вас; ему чрезвычайно нравится сделанный вами перевод «Елены».

Нет ли в России новых переводов моих произведений? Не вышла ли какая-нибудь биография? Был бы вам весьма признателен, если осведомите меня об этом.

Здесь, во Франции, усиливается национализм. Хотят изгнать варваров, и чем дальше, тем больше стараются огородиться китайской стеной. Круг идей все суживается, и вскоре один лишь XVII век будет представлять *всю* Францию. А тем временем Европа развивается и будущее прокладывает себе пути наперекор прошлому. Человеку даны голова и глаза, чтобы смотреть перед собой, а если он упорно оглядывается, то сначала от этого страдают его шейные мускулы, а потом, незаметно для себя, он оказывается раздавленным [1].

В Германии готовят к выходу в «Insel Verlag» «Вечерние часы» на французском языке. Всё издание целиком будет роскошным. Не знаю, смогу ли послать вам экземпляр.

Чувствую я себя хорошо. Можно ли ждать вас в нынешнем году в Бельгию?

Свидетельствую мое почтение госпоже Брюсовой и шлю вам наилучшие дружеские пожелания.

Ваш. Эм. Верхарн

Ответ на п. 38. На конверте почт. шт.: Москва. 26.6.11; штемпель Сен-Клу отсутствует.

[1] В это время в литературных кругах Франции существовало мнение, что классицизм является вершиной французской литературы, превзойти которую уже невозможно. В связи с этим усиленно пропагандировалась идея «неоклассицизма», или «французского возрождения», глубоко возмущавшая Верхарна. В 1909 г. эта тема была предметом его разговора с Брюсовым (см. *РМ*, 1910, № 8, отд. II, стр. 3—4). Цитируя этот абзац из письма Верхарна в заключении статьи, посвященной его памяти, Брюсов писал: «В этих строках сказался «поэт будущего», каким всегда был и желал быть Верхарн!» (*РМ*, 1917, № 1, отд. II, стр. 15).

40. ВЕРХАРН — БРЮСОВУ

St. Cloud le ‹25 octobre/›7 nov‹embre 19›11

Mon cher ami.

Ce printemps en Allemagne je me suis engagé à faire de nombreuses conférences. J'ai peur de me fatiguer trop soit avant, soit après. Voilà pourquoi je vous prierais de reporter à l'année suivante, c'est-à-dire à 1913, l'invitation que vous avez bien voulu me faire. Je vous prierai en outre d'arranger les choses de telle façon que je puisse également conférencer à St.-Péters-

bourg afin de majorer quelque peu les honoraires et de les porter à 2000 frs, sans les frais de voyage.

J'ai un désir ardent de me rendre en Russie; j'y ai des amis nombreux auxquels je désire faire visite, à commencer par vous, mon cher et dévoué Brussow. Je veux, quand je songe à vous, savoir dans quel milieu vous vivez pour vous situer, d'une manière plus intime et plus amicale, dans ma pensée. Donc, je suis loin de refuser de me rendre en Russie, tout au contraire, et j'espère que pour 1913 tout s'arrangera parfaitement, à notre double gré.

J'ai reçu votre livre «Der Feurige Engel»[1]. Je le parcours et tâche de le comprendre le plus et le mieux que je puis. Toutefois mon ignorance de l'allemand me rend la tâche ardue.

Ne viendriez-vous pas à la fin du prochain été en France et en Belgique? Le Caillou a pris l'habitude de vous compter au nombre de ses hôtes et si Madame Brussow vous accompagnait cette fois ce serait charmant[2].

M. Gagarine est à St. Cloud. Hier soir il est venu me voir et nous avons très amicalement parlé de vous.

Nous vous envoyons, ma femme et moi, nos meilleurs souvenirs.

Bien à vous Em. V e r h a e r e n

Перевод:

‹Сен-Клу. ‹25 октября/› 7 нояб‹ря 19›11 г.

Дорогой друг!

Нынешней весной, будучи в Германии, я дал обещание прочесть ряд лекций. Боюсь переутомиться как до них, так и после. Вот почему я просил бы вас перенести на следующий, т. е. на 1913 год ваше любезное приглашение. Кроме того, я попросил бы вас устроить дело таким образом, чтобы я мог выступить с лекциями и в С.-Петербурге, с тем чтобы несколько повысить свой гонорар, доведя его до 2000 фр., не считая дорожных расходов.

Я горю желанием поехать в Россию, у меня там много друзей, которых я хотел бы посетить, начиная с вас, мой дорогой и верный Брюсов. Я хочу знать обстановку, в которой вы живете, чтобы, думая о вас, мысленно видеть вас ближе, дружественнее. Словом, я вовсе не отказываюсь от поездки в Россию, совсем наоборот, и надеюсь, что в 1913 году все превосходно устроится к взаимному нашему удовольствию.

Я получил вашу книгу «Der Feurige Engel» [1]. Я листаю ее и пытаюсь, насколько могу, побольше и получше ее понять. Однако при моем невежестве в немецком языке для меня это трудная задача.

Не приедете ли в конце будущего лета во Францию и Бельгию? Кайу привыкло считать вас в числе своих гостей, и было бы чудесно, если бы на этот раз вас сопровождала госпожа Брюсова [2].

Г-н Гагарин в Сен-Клу. Вчера вечером он навестил меня, и мы очень дружески говорили о вас.

Мы оба, жена и я, шлем вам самый искренний привет.

Ваш вполне Э. В е р х а р н

[1] По-видимому, Брюсов послал Верхарну эту книгу вторично (см. п. 27, примеч. 7).
[2] В третий раз Брюсов навестил Верхарна только в августе 1913 г. (см. п. 45).

41. СТ. ЦВЕЙГ И ВЕРХАРН — БРЮСОВУ

‹Vienne. 26 fevrier/10 mars 1912›

Cher Monsieur Brussov, Verhaeren a fait une tournée triomphale à travers l'Allemagne et est pour l'instant à Vienne près de moi [1]. Nous pensons à vous avec cordialité et j'espère de vous voir aussi à Vienne un jour. Bien cordialement

Stefan Z w e i g

ПИСЬМО ВЕРХАРНА и СТ. ЦВЕЙГА БРЮСОВУ
Открытка. Вена, 10 марта 1912 г.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Mon cher ami. Je suis très content de mon voyage et puisque je me suis un peu rapproché de Moscou, j'en profite pour allonger vers vous, intensément, la main.

Votre Em. V e r h a e r e n

Перевод:

‹Вена, 26 февраля/ 10 марта 1912 г.›

Дорогой господин Брюсов, Верхарн совершил триумфальное турне по Германии и сейчас он в Вене, возле меня [1]. Мы сердечно вспоминаем вас, и я надеюсь однажды и с вами увидеться в Вене. Весьма сердечно

Стефан Ц в е й г

Дорогой друг, я очень доволен своей поездкой и, поскольку немного приблизился к Москве, изо всех сил стараюсь дотянуть до вас руку.

Ваш Эм. В е р х а р н

Открытка. Почт. шт.: Москва. 1.III.1912; почт. шт. Вены неразборчив.

[1] Эта поездка по Германии и Австрии длилась с 28 февраля по 17 марта 1912 г. 28 февраля и 5 марта Верхарн писал жене об успехе, которым сопровождались его выступления (Emile V e r h a e r e n. A Marthe Verhaeren. Deux cent dix neuf lettres inédites. Paris, 1952, p. 435, 437).

42. БРЮСОВ — ВЕРХАРНУ

‹Moscou. Mars 1912›

Cher Maître et ami,

Le présent plus que précieux que vous venez de me faire me trouble infiniment. Une dédicace de votre livre est un titre à l'immortalité. Maintenant

j'ai une garantie pour l'avenir: lorsque mes humbles livres auront été oubliés, mon nom ne le sera pas, car je serai connu comme la personne à qui Emile Verhaeren avait dédié son «Hélène de Sparte» [1]. Permettez-moi, cher et grand Maître, de vous remercier de tout coeur pour m'avoir comblé de tant d'honneur.

J'ai bien des regrets de ne vous avoir rien écrit ces derniers mois. C'est que mon nouveau roman historique «L'Autel de la Victoire», la rédaction de la «Pensée Russe» et bien d'autre affaires absorbent complètement tous mes loisirs. De plus, j'ai fait paraître dans cet intervalle de temps un recueil de poésies que je vous adresse en vous priant de l'accepter, bien que ce livre soit écrit dans une langue que vous ne connaissez pas [2]. Pour le moment je suis à travailler à un recueil d'articles dans lequel je songe — si toutefois vous n'avez rien contre — à placer la description du jour mémorable pour moi que j'avais passé chez vous aux Cailloux [3]. Je prépare toujours la réédition de mes traductions de vos poèmes. Pour cette fois, j'ai l'intention de donner un ensemble beaucoup plus complet, qui puisse représenter plus largement toute votre oeuvre. Ceci m'obligera de faire un grand nombre de nouvelles traductions — tâche bien agréable pour moi, mais en même temps toute de difficulté et de responsabilité.

Jusqu'à présent, à mon grand regret, je n'ai réussi à faire monter par aucun théâtre l'une de vos pièces. Les démarches que j'avais faites dans ce sens auprès du Théâtre Impérial de Moscou (qui avait dernièrement monté ma traduction de «La Duchesse de Padoue» par G. D'Annunzio) n'ont, hélas! abouti à aucun résultat. Mais je n'en perds pas l'espoir de voir jouer votre «Philippe II» sur une des scènes de nos théâtres privés.

Encore une fois, cher Maître, recevez tous mes remercîments et croyez-moi toujours votre admirateur dévoué, fier de ce titre de votre ami dont vous voulez bien m'honorer.

Veuillez bien remettre mes meilleurs compliments à Madame Emile Verhaeren.

Tout à vous Valère B r u s s o v

Moscou, 1ère Meschanska, 32

Перевод:

<Москва. Март. 1912 г.>

Дорогой Мэтр и друг,

Я безмерно взволнован вашим более чем драгоценным подарком. Посвящение вашей книги — это залог бессмертия. Теперь будущее мне обеспечено: когда скромные мои книги забудутся, имя мое не будет забыто, ибо я стану известен как человек, которому Эмиль Верхарн посвятил свою «Елену Спартанскую» [1]. Разрешите мне, дорогой и прославленный Мэтр, от всего сердца поблагодарить вас за то, что вы оказали мне такую честь.

Я очень сожалею, что последние месяцы совсем вам не писал. Это потому, что мой новый исторический роман «Алтарь победы», редакция «Русской мысли» и многие другие дела поглощают весь мой досуг. Кроме того, за это же время я выпустил сборник стихов, который посылаю вам и прошу благосклонно принять, хотя он и написан на неизвестном вам языке [2]. Сейчас я работаю над сборником статей, где думаю поместить, если только вы ничего не имеете против, описание памятного для меня дня, проведенного у вас в Кайу [3]. Я продолжаю готовить переиздание своих переводов ваших стихов. На этот раз я намерен дать более полный подбор, который мог бы значительно шире отразить все ваше творчество. Мне придется сделать для этого много новых переводов — работа весьма для меня приятная, но вместе с тем очень трудная и ответственная.

До сих пор, к моему великому сожалению, ни в одном из театров мне не удалось добиться постановки какой-либо из ваших пьес. Хлопоты, предпринятые мною с этой целью в Московском императорском театре (где недавно была поставлена в моем пере-

воде «Герцогиня Падуанская» Г. Д'Аннунцио), увы, не привели ни к каким результатам. Но я не теряю надежды видеть вашего «Филиппа II» на сцене одного из наших частных театров.

Еще раз, дорогой Мэтр, примите мою большую благодарность и считайте меня неизменно вашим преданным поклонником, гордым званием друга, которым вам угодно было меня удостоить.

Не откажите передать мой почтительный поклон госпоже Верхарн.

Весь ваш Валерий Брюсов

Москва, 1-я Мещанская, 32

Датируется по времени выхода сборника *Зеркало теней.*

[1] См. п. 12, примеч. 2.
[2] Сб. *Зеркало теней* (вышел 9 марта 1912 г.— см. наст. том, стр. 535—536).
[3] Очерк «В гостях у Верхарна» вошел в сб. *За моим окном.*

43. БРЮСОВ — ВЕРХАРНУ

Moscou, ⟨6/⟩ 19 mai 1912

Cher Maître et ami,

Il me fait beaucoup de joie de vous annoncer que les échos du bruit de la première représentation de votre «Hélène de Sparte» sont parvenus même aux journaux russes [1]. Ce dernier temps tous les quotidiens consacrent de grands articles à cet évènement. Malheureusement, je ne ⟨me⟩ suis pas tout d'abord avisé de recueillir tous ces articles qu'il m'est impossible de ravoir à présent. Pourtant je vous en envoie quelques-uns que j'avais mis de côté. Il y en a de très élogieux, mais aussi de blâmants, néanmoins les uns comme les autres s'accordent en ceci: votre drame ainsi que la mise-en-scène de la pièce forment un grand évènement dans la vie littéraire et artistique de l'Europe entière.

Agréez ce petit recueil de coupures comme un signe de mon dévouement pour vous et croyez-moi, cher Maître, toujours

tout à vous Valère Brussov

Moscou, 1ère Meschanska, 32

Перевод:

Москва, ⟨6/⟩19 мая 1912 г.

Дорогой Мэтр и друг,

Очень рад сообщить вам, что отзвуки шумного успеха первого представления вашей «Елены Спартанской» достигли даже русских газет [1]. Последнее время вся ежедневная печать посвящает большие статьи этому событию. К сожалению, мне сразу не пришло в голову сберечь все эти статьи, которые теперь мне уже не вернуть. Все же кое-что я отложил и вам посылаю. Есть среди них весьма хвалебные, но есть также и неодобрительные, тем не менее и те и другие сходятся в одном: ваша драма, равно как и ее постановка, являются большим событием литературной и артистической жизни всей Европы.

Примите это маленькое собрание вырезок как знак моей преданности и считайте меня, дорогой Мэтр, неизменно и всегда вашим.

Валерий Брюсов

Москва, 1-я Мещанская, 32

[1] Впервые «Елена Спартанская» была поставлена в апреле 1912 г., в театре «Шатле» («Théâtre du Châtelet») — самом большом зрительном зале Парижа. Постановка была осуществлена антрепренером Г. Астрюком, организовавшим ряд спектаклей в европейских столицах с участием лучших артистических сил, главным образом русских. «Елена Спартанская» шла в постановке А. А. Санина и в декорациях Л. С. Бакста; роль Елены исполняла Ида Рубинштейн. Музыка к спектаклю написана французским композитором Д. Севераком (Белорусссов ⟨А. С. Белевский⟩. «Большой сезон» в Париже.— «Русские ведомости», 1912, № 103, 6 мая).

44. ВЕРХАРН — БРЮСОВУ

Bruxelles, le ‹18/›31 Juin ‹19›13

Mon cher ami.

Bien que le texte russe que vous m'envoyez me soit interdit comme à Moïse la terre promise, je me réjouis d'avoir sous la main, près de moi, les témoignages de votre art et de votre pensée [1]. Je vois ce que vous avez pensé et écrit et cela m'est agréable et j'aime à vous le dire et à vous remercier.

Je suis pour l'instant à Bruxelles. En août, septembre et octobre je serai au Caillou. Puis en novembre je rentrerai à Paris. Ne vous y verrai-je pas cette année?

J'ai bien travaillé. J'ai un nouveau volume lyrique tout prêt. Il est de la veine de la «Multiple Splendeur» [2]. Je vous enverrai en hiver le second volume de mes oeuvres complètes [3].

On me demande des conférences à Moscou, Helsingfors, Stockholm et Christiania. C'est le consul belge à Moscou qui en prend l'initiative. Mais je veux également une conférence à St.-Pétersbourg et je désire que toutes mes conférences me soient très bien payées. Sinon je refuse.

Je vous souhaite, mon cher Brussov, la grâce spéciale des Muses pour que votre oeuvre soit de plus en plus vivante, ardente et belle.

Très à vous Em. Verhaeren

Перевод:

Брюссель, ‹18/›31 июня ‹19›13 г.

Дорогой друг.

Хотя присланный вами русский текст для меня так же заказан, как для Моисея земля обетованная, я радуюсь, что у меня под рукою, рядом со мною свидетельство вашего искусства и вашей мысли [1]. Я вижу, о чем вы думали и писали, и мне это приятно и хочется вам об этом сказать и вас поблагодарить.

Сейчас я в Брюсселе. Август, сентябрь и октябрь буду в Кайу. Затем в ноябре вернусь в Париж. Не увижусь ли я с вами там в нынешнем году?

Я хорошо поработал. У меня полностью готов новый том лирики. Он в духе «Многоцветного сияния» [2]. Зимой пришлю вам второй том моего полного собрания сочинений [3].

Меня приглашают прочесть лекции в Москве, Гельсингфорсе, Стокгольме и Христиании. Инициатива исходит от бельгийского консула в Москве. Но мне хочется прочесть лекцию также и в С.-Петербурге, и я желал бы, чтобы все мои лекции были очень хорошо оплачены. Иначе — откажусь.

Желаю вам дорогой Брюсов, особой благосклонности Муз, дабы творчество ваше все больше и больше обретало трепетность, пламенность и красоту.

Всецело ваш Эм. Верхарн

[1] По-видимому, Брюсов послал Верхарну сборник *За моим окном*.

[2] Новый том лирики — стихи, составившие изданную посмертно книгу Верхарна «Les Flammes hautes» («Высокое пламя». Париж, 1917).

[3] В библиотеке Брюсова сохранился второй том «Сочинений» Верхарна («Oeuvres de Emile Verhaeren». Paris, ‹1913›) с дарственной надписью: «Au très cher Valère Brussov — son reconnaissant Em. Verhaeren» («Дражайшему Валерию Брюсову — признательный Эм. Верхарн»).

45. БРЮСОВ — ВЕРХАРНУ

Moscou, le ‹3/›16 octobre 1913

Cher, illustre Maître et ami,

Un peu tard — je l'avoue — je prends la plume pour vous remercier, vous et Madame Emile Verhaeren de l'amical accueil que nous avons trouvé à Caillou. Croyez-moi que ce jour-là restera pour toujours un de mes meil-

leurs souvenirs, ainsi que les deux autres pélérinages que j'avais fait à votre refuge où «le vent se déchire et se démembre» et où vous créez vos poèmes immortels [1]. Madame Brussov, qui a déjà écrit quelques mots à Madame Emile Verhaeren, me prie de vous exprimer encore une fois sa vive reconnaissance pour votre amabilité.

Je passe aux «affaires». Malheureusement, je n'ai pas trouvé à Bruxelles ce Monsieur, auquel vous m'avez donné une lettre (je m'excuse de ne pas me souvenir de son nom). Mais il n'a pas fallu de grandes recherches pour trouver à Moscou le consul général de Belgique — Monsieur Bure, avec qui j'ai été charmé de faire connaissance, parce que c'est un homme très distingué et très versé en lettres. Vous avez dû, cher Maître, recevoir déjà une lettre de sa part, de là vous connaissez le résultat de notre entretien. Tout est donc résolu selon nos propos que nous avons eu avec vous. Les deux sociétés — l'«Alliance Française» et le «Cercle Littéraire et artistique» — vous proposent chacun mille francs (à peu près 400 Rbls) comme honoraires pour une conférence, et la société de la «Libre Esthétique» peut vous proposer 100 Rbls (à peu près 250 frs) pour une causerie ou une lecture de vos poèmes inédits [2]. Nous espérons encore pouvoir organiser une conférence à Varsovie et à St.-Pétersbourg [3].

Les conférences pourraient avoir lieu au commencement du mois de décembre, style ancien, c'est à dire au milieu du même mois, style nouveau. Par exemple le 2/15 décembre — celle de l'«Alliance», le 3/16 — du «Cercle» et le 5/18 — de «La Libre Esthétique». On aurait voulu que vous fassiez deux conférences différentes: l'une pour «l'Alliance», l'autre pour «le Cercle» puisque «l'Alliance» tient à avoir «la première» et «le Cercle», selon son usage, n'admet pas de réitérations. Mais si cela vous incommoderait on pourrait s'arranger de quelque autre manière: par exemple, vous pourriez ne changer que les titres de la première conférence, leur début et la conclusion, en gardant le fond; ou bien donner de différents exemples (citations) dans la conférence de «l'Alliance» et dans celle du «Cercle»... Quant à la «Libre Esthétique», qui est une société intime, on y sera reconnaissant de tout ce que vous voudriez donner: poèmes, causerie etc. En tout cas la conférence du «Cercle» est fixée pour un mardi, celle de la «Libre Esthétique» pour jeudi et alors celle de «l'Alliance» pour une soirée précédente aux deux autres.

Il me reste à vous proposer encore une fois, à Madame Emile Verhaeren et à vous, cher Maître, la modeste hospitalité dont nous pouvons disposer. Nous savons que vous avez des invitations semblables de la part du prince Gagarine ainsi que de la part de M. Bure. Nous n'osons insister sur la nôtre, étant persuadés que vous seriez mieux logés dans le palais du prince que dans notre simple demeure. Mais néanmoins, si par quelque circonstance vous ne profiteriez pas de l'hospitalité du prince ou de celle de M. Bure, nous vous prions bien de ne pas oublier que vous seriez nos plus désirables hôtes et que nous considérerions votre présence chez nous comme un grand honneur.

Quant à la traduction de votre «Rubens», les pourparlers avec des éditeurs russes sont terminés. Nous pouvons vous proposer les 500 frs que vous avez indiqué pour l'autorisation de la traduction. Il n'y a qu'à recevoir le texte français. J'écrirai, comme vous me l'avez conseillé, à la librairie Insel, mais je ne suis pas sûr de pouvoir me procurer votre manuscrit. Ne pourriez-vous pas nous aider dans cette affaire. Un mot de votre part signifiera, sans doute, dix fois plus que toutes mes insistances. Dès que la copie sera dans nos mains, nous nous hâterons de vous faire parvenir les honoraires convenus [4].

Je vous prie, cher Maître, d'accepter encore une fois toute ma reconnaissance et de me croire comme toujours

votre admirateur fervent Valère Brussov

1ère Meschanska, 32
Moscou

И. М. БРЮСОВА
Фотография. Москва, 1903—1904
Мемориальный кабинет Брюсова, Москва

Перевод:

Москва, <3/>16 октября 1913 г.

Дорогой, прославленный Мэтр и друг!

Поздновато, должен сознаться, берусь я за перо, чтобы поблагодарить вас и госпожу Верхарн за дружеский прием, который мы встретили в Кайу. Поверьте, что этот день останется навсегда одним из лучших воспоминаний, как и оба другие паломничества в вашу обитель, где «ветер мечется и рвется» и где вы творите свои бессмертные стихи [1]. Госпожа Брюсова уже написала несколько слов госпоже Верхарн, но просит еще раз выразить вам горячую благодарность за вашу любезность.

Перехожу к «делам». К сожалению, я не разыскал в Брюсселе того господина (простите, позабыл его фамилию), к которому вы дали мне письмо. Но не составило большого труда найти в Москве бельгийского генерального консула — господина Бюра, с которым мне было приятно познакомиться, так как это человек весьма достойный и весьма сведущий в литературе. Вы уже должны были, дорогой Мэтр, получить от него письмо и, следовательно, вам известен результат нашей беседы. Словом, все решено так, как мы с вами договорились. Оба общества — «Alliance française» и «Литературно-художественный кружок» — предлагают вам каждое по тысяче франков (около 400 рублей) в качестве гонорара за лекцию, а общество «Свободная эстетика» может предложить 100 руб. (около 250 фр.) за беседу или чтение ваших неизданных стихотворений [2]. Мы надеемся также, что сумеем организовать лекцию в Варшаве и С.-Петербурге [3].

Лекции могут состояться в начале декабря старого стиля, то есть в середине того же месяца по новому стилю. Например, 2/15 декабря — в «Alliance», 3/16 — в «Кружке» и 5/18 — в «Свободной эстетике». Желательно, чтобы вы прочли две различных лекции: одну для «Alliance», а другую для «Кружка», поскольку «Alliance» претендует на «премьеру», а в «Кружке» повторные выступления не приняты. Но, если это для вас затруднительно, можно устроить и как-нибудь иначе: например, вы могли бы изменить лишь названия лекций, вступление и заключение, сохраняя содержание; или привести различные примеры (цитаты) в «Alliance» и в «Кружке». Что касается «Свободной эстетики», являющейся закрытым обществом, то там будут благодарны за все, что вы захотели бы им предложить: стихи, беседу и т. д. Так или иначе лекция в «Кружке» закрепляется за одним из вторников, в «Свободной эстетике» — за четвергом, а вечер в «Alliance» — за одним из двух предшествующих вечеров.

Мне остается только еще раз, дорогой Мэтр, предложить вам и госпоже Верхарн наше скромное гостеприимство. Нам известно, что вы получили подобные же приглашения от князя Гагарина и г-на Бюра. Мы не смеем настаивать на нашем, зная, что во дворце князя вам будет удобнее, чем в нашем непритязательном жилище. Тем не менее, если по каким-либо причинам вы не воспользуетесь гостеприимством князя или г-на Бюра, мы очень просим вас не забывать, что вы были бы самыми желанными нашими гостями и мы сочли бы ваше пребывание у нас за большую честь.

Что касается перевода вашего «Рубенса», то переговоры с русскими издателями закончены. Мы можем предложить вам 500 фр., назначенные вами за авторизацию перевода. Остается только получить французский текст. Я напишу, как вы мне советовали, в книгоиздательство Инзеля, но не уверен, что добуду вашу рукопись. Не могли бы вы помочь нам в этом деле? Одно ваше слово, несомненно, имело бы в десять раз больший вес, чем все мои настоятельные просьбы. Как только копия будет у нас в руках, мы поспешим доставить вам условленный гонорар [4].

Прошу вас дорогой Мэтр, примите еще раз мою благодарность и считайте меня вашим неизменным ревностным поклонником.

Валерий Брюсов

1-я Мещанская, 32. Москва

[1] В августе 1913 г. Брюсов с женой побывал у Верхарна.

[2] В черновом автографе далее следует: «Получается сумма 2250 фр., которую, быть может, вы сочтете достаточной для поездки в нашу экзотическую страну».

[3] В черновом автографе далее следует: «Но относительно этого ничего еще не решено».

[4] Издание этого перевода тогда не было осуществлено. В 1913 г. изд-во «Insel-Verlag» выпустило этот очерк Верхарна в переводе Ст. Цвейга. Русский перевод И. М. Брюсовой см.: «Летопись», 1917, № 1 (ред. и предисловие Брюсова).

46. ВЕРХАРН — БРЮСОВУ

‹Caillou-qui-Bique. Roisin. 7/20 octobre 1913›

Très cher Brussow.

Je vous écris en hâte. Je reçois votre lettre, tout est parfait. J'écris à Kippenberg pour qu'il vous envoie le manuscrit [1].

Vous êtes la complaisance et l'amitié même: si nous ne descendons pas chez vous à Moscou, nous vous rendrons souvent visite et nous ne passerons pas un jour sans nous voir. Nous nous inviterons à diner chez vous, tout familièrement.

Nous sommes sur le point de quitter le Caillou. Voilà pourquoi je vous écris sur une simple carte. Je vous prie de m'excuser.

Je vous ai envoyé les «Blés Mouvants» qui viennent de paraître [2]. Ecrivez-moi la date exacte de ma 1re conférence.

Mes hommages à Madame Brussow et *très très* à vous

Em. Verhaeren

Перевод:

‹Кайу-ки-Бик. Руазен. 7/20 октября 1913 г.›

Милейший Брюсов.

Пишу вам второпях. Ваше письмо получено, все превосходно. Я пишу Киппенбергу [1], чтобы он выслал вам рукопись.

Вы воплощенная любезность и дружба: если в Москве мы и не остановимся у вас, то будем у вас часто бывать и не пропустим дня, не встретившись. Мы напросимся к вам в гости, запросто пообедать.

Мы уже накануне отъезда из Кайу. Вот почему пишу вам на простой открытке. Прошу прощения за это.

Я послал вам «Зыблемые нивы», которые только что вышли [2]. Напишите мне точное число моей первой лекции.

Свидетельствую мое почтение госпоже Брюсовой, *весь*, *весь* ваш

Эм. Верхарн

Ответ на п. 45. Открытка. Почт. шт.: Roisin. 20.X.1913; Москва. 10.10.13.

[1] Антон *Киппенберг* — владелец издательства «Insel Verlag» (см. п. 45).

[2] Экземпляр этого сборника Верхарна сохранился в библиотеке Брюсова с дарственной надписью автора.

47. ВЕРХАРН — БРЮСОВУ

‹St.-Pétersbourg. Le 23 novembre 1913›

Très cher Brussov.

Nous sommes bien arrivés [1]. St.-Pétersbourg nous étonne et nous ravit. Nous vous saluons, ainsi que Madame Brussov, le plus cordialement du monde, en arrivant sur le sol russe. Déjà j'ai parlé de vous à maint écrivain et publiciste rencontré ici. Ils ont pu sentir combien je vous aime et vous suis reconnaissant.

Nous quitterons d'ici mardi soir et arriverons à Moscou mercredi matin. Ma première conférence à Moscou a lieu je crois jeudi, n'est-ce pas ? En tous les cas, j'attends un mot de vous.

A très bientôt. Mes hommages à Madame Brussow et mon étreinte pour vous.

Em. Verhaeren

Перевод:

‹С.-Петербург. 23 ноября 1913 г.›

Милейший Брюсов!

Мы благополучно прибыли [1]. С.- Петербург нас поражает и восхищает. Шлем вам и госпоже Брюсовой самый сердечный привет, ступив на русскую землю. Я уже говорил о вас со многими писателями и журналистами, с которыми здесь встретился. Они должны были почувствовать, как я вас люблю и как вам благодарен.

Мы отбываем отсюда во вторник вечером и будем в Москве в среду утром. Моя первая лекция в Москве должна состояться, кажется, в четверг, не так ли? Во всяком случае жду от вас словечка.

До очень скорого свидания. Свидетельствую мое почтение госпоже Брюсовой, а вас обнимаю.

Эм. Верхарн

На конверте почт. шт.: С.-Петербург. 23.XI.1913; Москва. 24.XI.1913.

[1] Пребывание Верхарна в России подробно освещалось в русской печати: 23 ноября он прибыл в Петербург, 24 — посетил Эрмитаж, 25 — был в Царском Селе и 26 выехал в Москву. 28 ноября, 3 и 7 декабря он выступил с лекциями в Москве — в Литературно-художественном кружке, в обществах «Свободная эстетика» и «Alliance française». 12 декабря он выехал в Варшаву («Русские ведомости», 1913, № 265, 270, 271, 273, 276, 279, 283, 287 от 16, 23, 24, 27 и 30 ноября, 4, 8, 13 декабря).

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ В СВОЕМ РАБОЧЕМ КАБИНЕТЕ
Фотография К. Лео. Москва, 1 марта 1911 г.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

48. БРЮСОВ — ВЕРХАРНУ

Pétersbourg. Librairie«Le Sirine»,
Pouchkinskaia,
10〈24 novembre/〉 7 décembre 1913

Cher Maître et très cher ami,

Il s'est passé plusieurs mois que je ne vous ai pas écrit un seul mot... Croyez-moi que c'était des évènements très sérieux qui ces derniers temps (plus d'une année il me semble) m'ont obligé de négliger des rapporta avec vous, qui me sont tellement chers et dont je suis toujours fier[1]. Je ne pourrai vous exprimer dans une lettre tout ce qu'est passé dans ma vie *

Перевод:

Петербург. Издательство «Сирин»,
Пушкинская, 10
〈24 ноября/〉 7 декабря 1913 г.

Дорогой Мэтр и дорогой, дорогой друг!

Прошли уже многие месяцы, как я ни слова не написал вам... Поверьте, что были очень серьезные события, заставлявшие меня все последнее время (мне оно кажется длиннее года) пренебрегать общением с вами, столь для меня дорогим и которым я всегда горжусь [1]. Я не смогу объяснить вам в письме, что произошло в моей жизни *.

Черновой автограф.

Приезд Верхарна в Россию совпал с тяжелой драмой в жизни Брюсова: 23 ноября 1913 г. покончила с собой Н. Г. Львова. Потрясенный этой гибелью, виновником которой он себя считал, Брюсов сразу же уехал из Москвы в Петербург. «Быть *там*, видеть, это слишком страшно. Быть дома, видеть тех, кто со мной — это еще страшнее 〈...〉 Мне надо быть одному, мне надо одному пережить свое отчаяние»,— объяснял он на следующий день свое бегство А. А. Шестеркиной (ГБЛ, ф. 218.129.2, л. 14). В этом

* На этом текст письма обрывается.

состоянии глубокого нравственного потрясения Брюсов не чувствовал себя в силах встретиться с Верхарном и начал писать ему, пытаясь объяснить причину своего отказа от встречи. Однако на следующий день он все же посетил Верхарна, и письмо осталось недописанным. После этого визита Брюсов писал жене: «Верхарн приезжает *в среду* курьерским. Сообщи Бюру. Устрой, если можешь, встречу. *Посети их* (у кн. Гагарина): они просят и ждут (я сегодня был у них). *Посети в среду же* непременно. Я не приеду в среду, когда — еще не знаю. Ты *должна* заменить меня. Исполни это как долг любви» (ГБЛ, ф. 386. 69.6, л.30/1).26 ноября, настойчиво повторив свою просьбу, Брюсов сообщал: «О том, что со мной, я *ему* сказал (не М-ме): он знает и понимает. Ко вторнику (дню его лекции) я вернусь» (там же, л. 30/2). Возвратился Брюсов в Москву в воскресенье 1 декабря, 2 декабря он принимал Верхарна у себя, а 3 декабря присутствовал на его лекции в Литературно-художественном кружке (там же, л. 32, 33, 36). Затем он сопровождал Верхарна во время его посещения Музея изящных искусств (*Чтения 1966*, стр. 499), а также в других его поездках по Москве (*РМ*, 1917, № 1, отд. II, стр. 4).

49. ВЕРХАРН — БРЮСОВУ

‹St. Cloud. Janvier 1914›

Très cher ami.

Je suis rentré à St.-Cloud, depuis hier. Nous avons, ma femme et moi, ressassé toutes les bonnes heures passées à Moscou et notre souvenir est tellement peuplé de bonnes et inoubliables choses, que nous ne savons comment vous remercier, vous et tous nos amis de là-bas. Vous avez été charmants, attentifs, généreux et fervents. Je n'oublierai jamais le mérite qu'a eu Brussow de collectionner tant d'articles! Et pour comble, voici que j'en reçois encore, ici, en France.

Ma femme vous considère comme une excellente amie, chère Madame Brussow, et sait que vous l'aimez bien également.

Et vous, très cher Brussow, vous êtes vous reconquis après l'heure cruelle qui vous assaillit, quand nous étions chez vous. Comment va votre santé? Comptez vous aller vous reposer dans une contrée du Nord ou vous trouvez-vous déjà assez fort pour ne point quitter votre charmante, intime et chère maison? On sent le travail chez vous et rien n'est plus agréable à sentir chez un poète.

Nous revoyons encore tout le décor de Moscou; le Kremlin n'est pas à Moscou, il est tout entier dans mon cerveau; il m'y hante encore et m'y éblouit.

J'ai envoyé mes impressions de Russie à Alexandre Sanine, le régisseur du «Théâtre Libre». Il me les avait demandées pour les faire paraître dans la «Rousky Wiedomosty». Vous les y trouverez imprimées, l'un de ces prochains jours.

Tastevin m'a demandé un poème pour je ne sais quelle revue. Je le lui enverrai bientôt [1].

Je parle des Russes avec enthousiasme, et de vous, trés cher Brussow, avec toute mon amitié. Nos plus reconnaissantes sympathies pour vous tous.

E. Verhaeren

Перевод:

‹Сен-Клу. Январь 1914 г.›

Милейший друг!

Со вчерашнего дня я в Сен-Клу. Мы с женой припомнили, один за другим, все прекрасные часы, проведенные в Москве, и наша память столь переполнена прекрасным и незабываемым, что мы не знаем, как и благодарить вас и всех наших тамошних друзей. Вы были милы, внимательны, щедры, предупредительны. Я никогда не забуду заслугу Брюсова, собравшего столько статей. А в довершение, я получаю их и здесь во Франции.

Моя жена видит в вас, дорогая госпожа Брюсова, лучшего друга и уверена, что и вы, в свою очередь, ее любите.

А вы, милейший Брюсов, пришли ли в себя после жестокого испытания, постигшего вас во время нашего пребывания? Как ваше здоровье? Не собираетесь ли отдохнуть где-нибудь на Севере, или вы уже достаточно окрепли, чтобы не покидать вашего прелестного, уютного и милого дома? У вас чувствуешь, что здесь трудятся, а нет ничего приятнее этого в жилище поэта.

Нам до сих пор видятся красоты Москвы. Кремль не в Москве, он весь здесь, в моей памяти, он все еще здесь и ослепляет меня.

Я послал свои впечатления о России Александру Санину, режиссеру «Свободного театра». Он попросил их, чтобы поместить в «Русских ведомостях». Вы увидите их в печати в один из ближайших дней [1].

Тастевен просил у меня стихотворение для какого-то журнала. Я вскоре ему отправлю его [1].

Я с восторгом говорю о русских, а о вас, очень дорогой мой Брюсов, со всей любовью. Наши самые признательные, дружеские чувства всем вам.

Эм. Верхарн

Датируется предположительно по упоминанию о статье «Московские воспоминания» («Русские ведомости», 1914, № 3 и 5, 4 и 8 января). Верхарн рассказывает в ней о посещении Кремля, Хитрова рынка и ночлежного дома, восторженно отзывается о спектаклях Художественного и Свободного театров, особенно подробно останавливается на своих впечатлениях от знакомства с русским искусством и заключает: «Прием, оказанный мне в Москве, никогда не исчезнет ни из моей памяти, ни из моего сердца (...) Во Франции и Бельгии мы не имеем представления о горячности, теплоте, внимательности и сердечности Севера».

[1] Стихи Верхарна, написанные после поездки в Россию («К русским столицам» «В Петропавловском соборе», «К России» напечатаны в газете «Русские ведомости», 1916, № 298, 25 декабря (пер. Брюсова).

50. ВЕРХАРН И СТ. ЦВЕЙГ — БРЮСОВУ

(Rouen, le 13/26 mars 1914)

Très cher ami. Nous sommes, Zweig et moi, à Rouen où l'on monte «Le Fléau» mis en musique. Nous vous espérons bien portant et superbe.— Je présente mes hommages à Madame Brussov.

E. Verhaeren

Cher Monsieur Brjussoff, Verhaeren raconte des merveilles de son séjour en Russie, il en est enthousiasmé. Je vous enverrai sous peu mon livre sur Dostojewsky, j'espère il vous interessera.

Votre bien dévoué Stefan Zweig

Перевод:

(Руан. 13/26 марта 1914 г.)

Милейший друг! Мы с Цвейгом в Руане, где идет «Мор» в музыкальном переложении. Надеемся, что вы здоровы и великолепны. Свидетельствую мое почтение госпоже Брюсовой.

Эм. Верхарн

Дорогой господин Брюсов, Верхарн рассказывает чудеса о своем пребывании в России, он в восторге от него. Вскоре пришлю вам свою книгу о Достоевском, надеюсь, что она вас заинтересует.

Весьма вам преданный Стефан Цвейг

Открытка. Почт. шт.: Rouen. 26.3.14; Москва. 16.3.14.

ПИСЬМА к А. А. ШЕСТЕРКИНОЙ
1900—1913

Предисловие и публикация В. Г. Дмитриева

В эпистолярном наследии Брюсова значительный интерес представляют его письма к Анне Александровне Шестеркиной. Знакомство поэта с нею и ее мужем, художником М. И. Шестеркиным [1], относится к 1898 или 1899 г.

До нас дошло 235 писем Брюсова к Шестеркиной и 101 ее письмо к нему. Первое письмо Брюсова датировано декабрем 1899 г., последнее — 7 мая 1914 г.

Наиболее интенсивно переписка велась в 1900—1902 гг., когда их отношения приобрели близкий характер. В течение всего лета 1901 г. поэт пишет Анне Александровне почти ежедневно, хотя бы по несколько строк, обычно без обращения. Это — своеобразный дневник, как бы дополняющий «Дневники» Брюсова, впоследствии частью опубликованные. В письмах и записках ярко отражены как оценки поэтом людей, событий, произведений литературы, так и мелочи повседневной жизни, влиявшие на его настроение. В некоторые конверты вложены только что созданные стихи, или вырезки из журналов и газет со стихами и рассказами Брюсова [2].

Брюсов с нетерпением ждет ответов. «Письма жду очень»,— пишет он 24 мая 1901 г. «Меня просто отчаянье берет, что, придя опять на Цветной, я не найду вашего письма» (1 июня 1901 г.) и т. д. В своих письмах этого периода поэт делится самыми сокровенными думами, творческими замыслами, соображениями о прочитанном, увиденном, услышанном. Не обойдены и «внешности», по выражению Брюсова: семейные беды, болезни, возня с собственным домом, трудности переезда с дачи... Однако, как правило, поэт избегает говорить в письмах о своем отношении к Анне Александровне, обращается к ней всегда на «вы». Ее письма, наоборот,— непрерывные признания в горячей, беззаветной любви, которая наполняет всю ее жизнь, не оставляя места ни для чего другого.

С 1903 г. Брюсов начинает писать А. А. Шестеркиной значительно реже. Это по большей части краткие записки, сопровождающие посылаемые им книги, журналы и билеты, или открытки с извинениями, сетованиями на занятость делами, нездоровье свое или жены, перегруженность работой и другие обстоятельства, мешающие ему навещать Анну Александровну и писать ей подробнее. Правда, он подписывается по-прежнему «Всегда ваш».

Поэт больше не делится ни мыслями, ни чувствами, не описывает, как раньше, эпизоды из своей жизни, не цитирует ничьих стихов (хотя свои все же иногда присылает). Вместо этого: «Очень извиняюсь, что не мог быть у вас» (17 марта 1908 г.), «чувствую себя перед вами безмерно виноватым» (27 марта 1909 г.) и т. п.

Анна Александровна тяжело переживает эту перемену в отношении Брюсова к ней; письма ее полны горечи, а подчас — и упреков. Она просит вернуть ей все ее письма.

В 1910—1912 гг. переписка постепенно сходит на нет. Анна Александровна уже называет поэта по имени и отчеству, обращается к нему с разными просьбами: помочь продать картины покойного мужа, устроить ее сына секретарем редакции журнала и т. п. Брюсов отвечает ей редко и немногословно, встреч избегает.

Только в конце 1913 г. переписка на краткое время оживляется в связи с трагическим эпизодом — смертью близкого Брюсову человека, поэтессы Н. Г. Львовой. Вскоре переписка совсем обрывается. В последнем письме от 17 июня 1914 г. Анна Александровна просит поэта приехать на день рождения ее дочери, которой исполняется 12 лет: «Вы посмотрите нашу Нину».

Лишь через семь с лишним лет, 22 января 1922 г., Анна Александровна вновь пишет поэту, рассказывая о переменах в своей жизни за этот долгий период, наполненный огромными событиями. Она сообщает, что вступила в коммунистическую партию, уезжала в Полтаву, работала там заведующей отделом Губсобеса, потом вернулась в Москву, чтобы дать дочерям высшее образование (у нее было к этому времени четверо детей). Двадцатилетняя Нина работает теперь в МГСПС пом. зав. отделом статистики, а вечером учится в МГУ.

В этом суховатом письме нет никаких воспоминаний о прошлом, хотя Анна Александровна и выражает желание видеть Брюсова: «Конечно, я читаю все, что вы пишете, но этого мало. Я, как всегда — ваша поклонница и, как прежде, больше всего почитаю и знаю трех поэтов — Брюсова, Тютчева и Фета».

Спустя полтора месяца она извещает поэта о постигшем ее горе — смерти полуторагодовалого внука. Больше она Брюсову не пишет. А через два года с небольшим поэта не стало. Дату смерти А. А. Шестеркиной установить не удалось.

Письма В. Я. Брюсова к А. А. Шестеркиной хранятся в ГБЛ (ф. ОР. 128. 1—13 и 129. 1—3), так же как и ее письма к нему (ф. 386.108.26—31). Нами публикуется 59 писем и записок поэта; исключены не представляющие особого интереса письма чисто делового или узкобытового характера, а также письма сугубо личного содержания. За пределами публикации остались, в частности, письма конца 1913 г., отражающие реакцию Брюсова на смерть Н. Г. Львовой. Это особая тема, требующая специального биографического экскурса.

[1] Михаил Иванович *Шестеркин* (1866—1908) был одним из членов-учредителей Московского товарищества художников, основанного в 1893 г., и его бессменным секретарем, организовал Общество графических искусств, Общество взаимопомощи художников, архитекторов и скульпторов, экспонировал свои картины на выставках Товарищества передвижных выставок. Сотрудничал в «Весах», где выступал и в качестве художественного критика под псевдонимом Арбалет и А-т (см. в № 7 «Весов» за 1908 г. некрологическую заметку «От редакции» и его рисунки). Шестеркин — автор одного из портретов Брюсова (набросок пером — см. «Библиографию Валерия Брюсова». М., 1913, стр. 47). Несколько работ Шестеркина было выполнено на темы стихотворений Брюсова и Белого. В каталоге посмертной выставки картин Шестеркина (ГБЛ, ф. ОР. 129.19) указано, что некоторые его картины являлись собственностью Брюсова (портрет жены художника, «Минарет»). В. Ходасевич сообщает в своих воспоминаниях, что в квартире Брюсова «на стенах в кабинете и в столовой висели картины Шестеркина, одного из первых русских декадентов» («Современные записки», 1925, XXII, стр. 216). В личной библиотеке Брюсова (ГБЛ) сохранился экземпляр сборника «Tertia vigilia» с надписью «Валерию Брюсову — на память от М. Шестеркина» и с вклеенным рисунком, изображающим викингов — героев поэмы «Царю Северного полюса» (в «Библиографии Валерия Брюсова», 1913, стр. 49, указаны два рисунка М. Шестеркина к этой поэме).

[2] А. А. Шестеркиной Брюсов посвятил стихотворения «Осенний день был тускл и скуден...» (1900) и «Отклики демонов» (1901). С Шестеркиной связаны также неопубликованные при жизни поэта стихи «Есть слова волшебства...» (1899) и «Люблю я имя Анна...» (1900).

1

‹Ревель. 31 мая 1900 г.›

Многоуважаемая Анна Александровна!

Мы в Ревеле, в Крыму ли вы? Хотел бы писать вам, но не знаю куда. Непременно и скоро сообщите ваш адрес. Здесь хорошо. Это дачная местность под Ревелем — парк, как Сокольники, дубы, каштаны, липы (сосен нет) — и море, и отмели. А город старинный, здания XII века, сумрачные соборы, готические входы, а в окнах книжных магазинов Ибсен, Метерлинк, Стриндберг, Оскар Уайльд (все по-немецки, конечно). Смесь наречий и обычаев. Весеннее небо и вечером туманы с моря. Очень жду письма.

Ваш Валерий Брюсов

P. S. Наш адрес: Ревель, Екатеринеталь, Подгорная ул. Дача ф. Ден № 131, кв. 3

Открытка. Почт. шт.: Ревель. 31.V.1900; Москва. 2.VI.1900.

2

Ревель, 19 июня 1900. Екатеринеталь, Подгорная ул., дача ф. Ден.

В стране, где все размечено и установлено, где я сам становлюсь добрым немцем, рано встающим, рано ложащимся спать, подчинившим день порядку,— вспоминаю я, уважаемая и дорогая мне Анна Александровна, безумия своей иной жизни, и первый свет четверга, проникающий сквозь белые занавески, и детски-наивный «лабиринт» в Сокольниках... Суждено ли будущее этим воспоминаниям?

Я на берегу моря, по которому плавали еще варяги, я на скалах, где еще видны обломки разбойничьих гнезд орденских рыцарей, я в соборах, пришедших к нам из Средних Веков, в старинных острокровельных зданиях торжествующего бюргерства XVI—XVII в. И во всем этом — у моря, у развалин, в старых церквах — современный люд, немцы, выполняющие все русские пословицы о их добросовестности и аккуратности, каждое воскресенье едущие погулять in's Grüne *, покорно бродящие по указанным дорожкам, съедающие до конца принесенную из дому провизию и в 9 ч. отправляющиеся домой пешком или по конке (не на извозчике!).

А что же эти соборы? Это море? Торжество вечной природы над меняющимся человечеством? Или торжество мысли века над самим веком: готика, ушедшая в век Ибсена и Оскара Уайльда? Или то просто долголетие камня, кирпича — рядом с нашей размеренной жизнью?

Есть стихи у Тютчева, столь насыщенные мыслью, что каждого двустишия из них достаточно для целой поэмы. Я часто повторяю их здесь. Вот отрывки:

Я вспомнил о былом печальной сей земли,
Кровавую и мрачную ту пору,
Когда сыны ее, простертые в пыли,
Лобзали рыцарскую шпору.
И, глядя на тебя, пустынная река,
И на тебя, прибрежная дуброва,
Вы — мыслил я — пришли издалека,
Вы, сверстники сего былого!
Но твой, природа, мир о днях былых молчит
С улыбкою двусмысленной и тайной.
Так отрок, чар ночных свидетель быв случайный,
Про них и днем молчание хранит [1].

Что есть безумного для нас в том камне, на котором стояла нога Гаральда, жениха Ярославны, в тех стенах католического аббатства, под которыми стоял осадой Иван Грозный! Надо мною прошлое имеет странную власть. Время, возможность времени для меня ужасна и невероятна. Знать, что и сейчас мгновения падают, падают, и я, побеждая их разумом, не побеждаю волей, и ухожу, ухожу... Вот где истинное *иди* Вечного Жида. Все мы — проклятые Агасферы Времени.

И накопляются стихи, и книги, и города. Нам уже немыслимо перечитать даже всех поэтов. Но когда персы смешали с прахом библиотеку

---

* на лоно природы, за город (*нем.*).

Ассур Бани Пала [2], или арабы (а может, и не арабы) сожгли Александрию [3], тогда-то нам стали дóроги, а главное *доступны* — глиняные черепки с клинописью и немногие уцелевшие свитки греческого письма.— Чем меньше матерьяла, тем пытливее мысль исследователя. Надо жечь архивы, чтобы знать историю.

И каждый раз этот безобразный сон накопления веков повторяется все безмернее и безобразнее. Ныне его кошмар уже давит на нас, медная крышка навинчивается на наш гроб. Но придут не китайцы, избиваемые в Тьен-Дзине [4], а те, более страшные, кого мы втоптали в шахты и втиснули в фабрики.

И вечером, когда застывают броненосцы на серебряном зеркале, когда уступчатый Ревель теряет все краски и остается одним очертанием, длинные фабричные трубы продолжают куриться, и дым пышно и широко расходится по здешнему небу, светлому до полуночи. Дым застилает 8-вековый Олай [5] и древний до-готический храм св. Духа, дым властвует. Но и он пройдет, как прошли на этом побережье варяги, датчане, и шведы, и немцы. Пройдут, прейдут и древние церкви, прейдет море (на моих глазах его заволакивает песок). Когда не станет земли, останется небо. Но разве синее небо — вечность?

Я закрываю глаза, и его не стало.

Ваш Валерий Брюсов

P. S. Привет Михаилу Ивановичу и благодарность за присланный мне уголок Крыма.

В. Б.

К письму приложено стихотворение Брюсова: «Как завидна в час унылий жизнь зеленых червячков...», датированное: 1900, июнь, Ревель (вошло в *TV* под названием «Зеленый червячок»).

[1] Из стихотворения Тютчева «Через ливонские я проезжал поля...» (1830).

[2] По современной транскрипции — Ассурбанипал, ассирийский царь (667—626 до н. э.).

[3] Знаменитая в древности библиотека в г. Александрии (Египет), основанная египетским царем Птолемеем, подвергалась сожжению трижды: до н. э.— войсками Юлия Цезаря, в 391 г.— при столкновениях между приверженцами разных религий и в 641 г. — по приказу арабского калифа Омара.

[4] В Тянь-Цзине и других китайских городах войска западных держав, подавляя в 1899—1901 гг. народное антиимпериалистическое (так наз. боксерское) восстание, учинили погромы и резню.

[5] Собор св. Олая в Ревеле.

3

2 июля 1900. Ревель. Екатериненталь, Подгорная ул. Дача ф. Ден

Странно и мучительно редко вспоминаю я вас, Анна (сегодня мне хочется слышать только это имя, без византийски почтительной формы обращения), странно и мучительно редко. Может быть, это оттого, что наши взоры всегда расходятся. Я брожу по берегу Балтийского моря, смотрю дальше по волнам, туда, где Скандинавия. Вас манит, конечно, к пределам Черного моря, может быть, вглядываетесь вы в белеющую полосу на горизонте, а может быть, бродите по взморью, победив свою нелюбовь к Южному Берегу. Я гляжу к Полюсу, к Северному Полюсу [1], вы смотрите туда, где Экватор. Мы отвернулись друг от друга. Мне нужно усилие памяти, чтобы писать вам.

Медленными каплями падают мои дни. Я словно тихо замираю или отдаюсь сладостной трясине... Да, если б не ужас смерти и задушения, трясина была бы сладостной... Я встречаю море, я дышу отголосками милого мне Средневековья, я что-то перевожу, что-то пишу,— и над всем этим

северное небо, никогда не слишком яркое, но безгрозное, с тихими, нехотя приходящими, нехотя уходящими дождями... Дни падают, как капли дождя.

Напили ли вы в Бахчисарае, что́ искали — Прошлое? столь сладостный всем дар, мне столь ненавистный! А, одно его имя на миг развеивает мое усыпление и заставляет меня дрожать от бешенства. Я не хочу прошлого! я хочу будущего, будущего, будущего! Ничего прошлого не было, но *все* будет! Я хочу все забыть и все испытать, все узнать, что́ я хочу ведать и чувствовать. Ах, неужели вы ищете и находите прошлое!

Только разве прошлое других людей, давно отошедших, словно других существ, прошлое иных веков. Его я люблю. В церкви св. Духа возлюбил я Христа. Он из дерева или из глины; на высоком кресте повешен жалкий труп с большой головой, в громадном терновом венце, как бы головастик. Тело маленькое, немыслимо исхудалое, неестественно вывернутые руки, безобразно иссохшие ноги, состоящие всего из двух сложенных костей... Изображение почти омерзительное, но оно дышит веяньем Средних Веков, ужасом к жизни, близостью к небу,— мне милое и почему-то доступное...

Ах. Я сейчас — опять уровненные чашки весов. Капли, одной капли! — и что-то упадет в пропасть. Если б одно слово — я мог бы сейчас же надеть крест и идти в Палестину, или бежать в пещеры, в египетскую пустыню... Я не хочу самого себя и еще не знаю, кому мне молиться. Напишите мне.

Я, быть может — ваш Валерий Брюсов.

[1] Брюсов закончил в эти дни поэму «Царю Северного полюса» (*TV*).

4

‹Ревель.› 25 июля 1900.

Многоуважаемая Анна Александровна!

Примите прилагаемое письмо — написанное давно, не посланное, но и не разорванное — за «стихотворение в прозе», еще лучше за перевод с французского. Оно по слогу и напоминает перевод. Думаю и надеюсь, что вы радостны и счастливы. Я люблю Крым.

Ваш Валерий Брюсов

И снова я вызвал ее образ, и снова пишу к ней. Далекая тень, кто ты? Странное сновидение, которое не можешь вспомнить и которое этим мучит? образ из моих детских поэм, из этих тетрадей, исписанных неровным почерком, дремлющих давно на нижней полке под пылью? Кто ты? я не узнаю тебя, и ты безмолвна.

Небо сине, море опенилось белыми гривами, колышатся вершины каштанов, и в скошенной траве я слышу стрекотание кузнечиков. Это — день. Это светлый день. Разве бывают дневные призраки? Кто мне напомнил про Лилит? [1] Далекая, безмолвная тень, почему ты еще со мною?

Я опять подымаю паруса. Мой скальд запевает песню. Еду к безвестным островам, ищу верной добычи, блестящих щитов, и певучих рогов, и пышных тканей. Плыви, остроглазый челн! Щиты — мои дерзкие речи, певучие рога — это звучные строфы, пышные ткани — то яркие и кричащие слова. Я еду на добычу.

Валерий Брюсов

[1] Лилит — имя ночного духа, упоминающееся в древневавилонских заклинаниях. По иудейским преданиям, первая жена Адама, мать великанов, упоминаемых в книге Бытия, и злых духов.

А. А. и М. И. ШЕСТЕРКИНЫ
Фотография М. Волкова. Моск а, 1892
Центральный архив литературы и искусства СССР, Москва

5

‹Петербург. 4 ноября 1900 г.› Суббота. Утро. Владимирская

Часы прошли как сон изменчивый... [1]

Видели вчера Минского [2] и беседовали с ним долго и хорошо; и с г-жой Минской [3], которая в сторонке соблазняла меня «полюбить страшное». Шатались с Бальмонтом по ресторанам и... ссорились [4]. Идет снег.

Вы, снежинки, вейте! [5]

О нас (т. е. Скорпионах) уже сплетничают здесь. Бедные (т. е. они). Не будьте больной! Неужели сегодня (а для вас вчера или третьего дня) — поедете вы куда-то. Уже поздно возражать. Должно быть здоровой. Должно быть веселой. Должно всегда мечтать о будущем.

Ваш неизменно Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: СПб. 4.XI.1900; Москва. 5.XI.1900.

[1] Первая строка одного из стихотворений Брюсова (*TV*).
[2] О Н. М. Минском см. наст. том, стр. 663.
[3] О жене Минского Л. Н. Вилькиной см. наст. том, стр. 690.
[4] К этому времени в дружбе Брюсова с Бальмонтом уже наметился разлад на почве начавшегося расхождения литературных взглядов и позиций. См. запись Брюсова о поездке в Петербург осенью 1900 г.: «С Бальмонтом все время были очень недружественны. Ему не нравились мои новые стихи, мне его. Доходило до прямых сцен и до злобных слов...» (*Дневники*, стр. 99).
[5] Первая строка одного из стихотворений Брюсова 1899 г. (*TV*).

6

<Москва. 18 ноября 1900 г.>

М. Горький написал статейку обо мне и Бальмонте [1]. № «Нижегородских ведомостей» обещал доставить мне Юргис [2]. Может быть, любопытно вам посмотреть, как мгновенно напали на него — с очень явными угрозами — наши «блюстители» [3]. Пишу это в Русском Архиве [4]. Тоскливо.

Ваш Валерий Брюсов

900

На конверте почт. шт.: Москва <дата нрзб>; Москва, 19.XI.1900.

[1] М. Горький. Литературные заметки.— «Нижегородский листок», № 313, 14 ноября 1900 г. (Брюсов указывает название газеты неверно).

[2] Юргис — *Ю. К. Балтрушайтис.* О нем см. наст. том, стр. 678.

[3] Речь идет о помещенной в газете «Новости дня» от 17 ноября 1900 г. (№ 6284) заметке под заголовком «Кстати», за подписью «Пэк» (псевд. В. А. Ашкинази). Заметка приложена к письму. В ней говорится, что «безбрежный г. Бальмонт и ограниченный г. Брюсов нашли себе, наконец, защитника» в лице М. Горького. Далее оба поэта названы «не знающими ни роду, ни племени», «бывшими людьми», а о Брюсове говорится, что он воображает себя «закадычным другом египетской царицы Клеопатры» и шествует «по стогнам литературы без сапог».

[4] С августа 1900 г. по 1902 г. Брюсов исполнял обязанности секретаря редакции журнала «Русский архив».

7

<Москва. 27 ноября 1900 г.>

«Чем безнадежнее и строже
Года разъединяют нас...» [1]

Мне вспоминаются эти фетовские стихи. Но верьте, что эти годадни — случайность, странная, роковая, но случайность.

Я ваш неизменно Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва <дата нрзб>; Москва, 27.XI.1900.

[1] Это начало стихотворения Фета имеет следующее продолжение:

Теи сердцу моему дороже,
Дитя, с тобой крылатый час.

8

<Москва. 3 апреля 1901 г.>.

Простите меня, Анна Александровна. Завтра, в среду, мне не суждено ехать с вами на Передвижную [1]. Не хочется писать подробно, но вы сами знаете, что мне это обидно и горько. Вообще праздники проходят очень смутно и будут для меня самой ненавистной неделей всего года. Трижды проклятые праздники! Читаю бальмонтовского Эдгара По [2]; читайте и вы. Я его давно не перечитывал; конечно, не увлекаюсь так, как в юности [3], но душа у него была глубокая; он угадывал многое, и ум у него был как-то под особым углом заостренный, не как обычный клинок. Часто он сам восторгается нелепостями, но попутно дает откровения. Кричит нам: «я покажу вам чудо!» — на самом деле показывает детский фокус, но в то же время нечаянно показывает и вечность...

По разным причинам мне грустно живется. Тысячи мелочей оскорбляют душу, хотя я очень умею не замечать их. Не знаю, буду ли располагать собой всю пасхальную неделю.

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва, 4.IV.1901; Москва, 4.IV.1901.

[1] 29-я выставка в Москве Товарищества передвижных художественных выставок, открывшаяся 2 апреля 1901 г.

[2] В 1901 г. в издательстве «Скорпион» вышел 1-й том собрания сочинений Эдгара По в переводе К. Бальмонта.

[3] О впечатлении, которое произвело на юного Брюсова знакомство с рассказами Э. По, он рассказывает в отрывке из незавершенной автобиографической повести («Литературная Россия», 1973, № 50, 14 декабря).

9

‹Москва. 23 мая 1901 г.› Среда, вечер.

Сижу в Архиве и перебираю письма Булгакова [1]. Кругом никого. Только две русалки, как и всегда, глядят на меня: у них печальные глаза и волоса, превращающиеся в морскую пену, а из волос выступает букет болотных лилий (русалки, конечно, из гипса).

Боже мой, как далеко было ехать от Шелковки [2] до Москвы! Я сидел в том же отделении, но рядом поместились несносно тараторящие немки. Я пил чай, я прочел газету, прочел до конца бывшую со мной книгу, а ехать надо было ехать дальше. В Одинцове пошел дождь и перестал. В Одинцове же из окна смотрела та же больная девица с бледным цветом лица. В Кунцеве поезд взяла на абордаж толпа дачников. А ехать надо было все вперед. И вот, наконец, я в Архиве, и на меня глядят мои русалки [3].

Бартеневы девицы уже с неделю как в имении, Бартенева г-жа по дряхлости почти не выходит из спален, старик Бартенев куда-то уехал до меня [4]. На столе у него лежит визитная карточка бывшего у него и его не заставшего С. П. Дягилева [5]. Зачем приходил этот франт с белыми зубами (по описаниям, сам я его никогда не видал) к моему старцу с костылем, не знаю; что общего между руководителем декадентских мироискусников и «составителем» Архива, замершим в 50-х годах, не угадываю. А русалки глядят на меня с тоской, и в их глазах небо, отраженное из воды.

Грустно. Надо разбирать письма Булгакова, сплетни 1826 года, но не хочется. Тоскливо. Небо серое, после дождя. То же ли небо у вас или другое? Думаю, и вам всем невесело сейчас. В новом, чужом городе, где никому нет до вас дела (или лишь любопытство), всегда грустно, будь то сам Рим. А тут русский уездный город [6], т. е. олицетворение всего нежеланного, неживого, немыслящего. Что есть хорошее, усмотрится позже, все дурное уже видно. Но, впрочем, хорошее кое-что усмотрится, я знаю, я пророчу, верьте. Опишите мне (и скоро, скоро) этот сегодняшний день, и завтра. Подробнее и толковее, чем я. Мне некогда, да и описывать мне всего три часа жизни. Русалки! полно вам! не смотрите. Письма жду очень.

Ваш Валерий Брюсов

P. S. Свой адрес на конверте зачеркнул. На что он гг. почтамтским!

На конверте почт. шт.: Москва, 24.V.1901.

[1] В «Русском архиве» в 1901 г. продолжалась публикация писем московского почт-директора А. Я. Булгакова к брату его, К. Я. Булгакову, занимавшему тот же пост в Петербурге. Эти письма представляют собой бытовую хронику московского дворянского общества за первую треть XIX в.

[2] Станция Московско-Брестской жел. дороги (ныне станция Дорохово Московской жел. дороги Смоленского направления) в 86 км от Москвы. От Шелковки шла грунтовая дорога на Верею Московской губ., где жила летом 1901 г. Шестеркина с семьей.

[3] 31 мая 1901 г. Шестеркина откликнулась на это место письма: «Ах, как я завидую тем русалкам! Тем, на которых вы смотрите каждый день».

[4] Петр Иванович *Бартенев* (1829—1912) — основатель и редактор (с 1863 г. до самой смерти) журнала «Русский архив». В *Автобиографии* Брюсов пишет: «С благодарностью вспоминаю я внимательное отношение ко мне «патриарха» русской журналистики, старца П. И. Бартенева. За годы близости с ним я полюбил его своеобразную силь-

ную личность, в которой самые кричащие «недостатки» уживаются рядом с достоинствами исключительными» (стр. 112).

[5] Сергей Павлович *Дягилев* (1872—1929) — художественный и театральный деятель, редактор журнала «Мир искусства», организатор художественных выставок в России и за границей, а также «Русских музыкально-театральных сезонов» в Париже и Лондоне.

[6] Верея.

10

A. S. Это письмо второе
〈Москва.〉 Суббота, 〈26〉 май, 1901

Пришел к себе, т. е. на Цветной [1]. Был уверен, что найду письмо от вас с извещением, как устроились. Письма нет. Почему? Не едете ли обратно? Ведь может быть. Неужели и в понедельник не найду письма?

Вчерашний праздник, пятницу, я провел плохо. Гости одолели. Пришел сначала Ланг [2], после г-да Глушановские, приехавшие из Омска,— как эдаким отказать. До вечера говорил о глупостях и показывал достопримечательности Петровско-Разумовского: пруд, дендрологический сад, гору, грот [3]... Сегодня с утра в Москве. Иду «отдавать визит» сим Глушановским. О Скорпионах и Бальмонте все еще не знаю ничего. Боюсь, что приедут завтра, так что и завтрашнее воскресенье для меня погибнет.

Я прочел «Пана» [4].— Подробнее иной раз.— Очень хорошо.

Мое настроение таково: когда ударишься, сразу боли не чувствуешь, она придет после. Хочу работать, но никак не примусь. Старые замыслы, как враги, обступили. Но еще так много дел, внешних, почему-то запущенных за последние дни: по дому, по Архиву, по леченью и т. д. Будет ли письмо в понедельник?

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва, 26.V.1901: Верея, 27 мая 1901.

[1] С 1878 по 1910 г. семья Брюсовых жила в доме № 24 на Цветном бульваре.
[2] Об А. А. Ланге см. наст. том, стр. 373.
[3] Лето 1901 г. Брюсов провел под Москвой, на даче в Петровско-Разумовском.
[4] Первый русский перевод романа норвежского писателя Кнута Гамсуна «Пан. Из записок лейтенанта Глана» вышел в 1901 г. в издательстве «Скорпион» с предисловием К. Бальмонта.

11

〈Москва. 28 мая 1901 г.〉 Понедельник. Ночь.

Не сердитесь на мои жалобы. Я и сам умом понимал, что письма еще не могло быть в субботу, но мне его так хотелось иметь, знать, что́ вы и как в этой таинственной для меня Верее.— Я все воскресенье был на даче, у нас никого не было, писал, мирно гуляли по парку, читал Фета и опять «Пана». Такой тихий день, как русская речка (именно не река — речка).— Уехал сегодня в 3. В Архиве не было часу свободного, а дома, где ночую, замучили посетители: Ланг, Курсинский [1] и т. под. Теперь час. Устал бесплодно, не вяжутся ни мысли, ни чувства. Если будет время, напишу завтра, а сегодня только эти «медленные» строки. Пожелайте мне покойной ночи.

Ваш В. Б.

〈На том же листке, 29 мая〉 Вторник, Утро.

И сегодня времени нет. Сейчас мучили маляры, кровельщики и печники. Пора спешить в Архив, а в дневные часы занятий я всегда на виду, так что придется заниматься гр. Ростопчиным [2], а не своими письмами. Итак,

пусть это письмо останется совершенно бессодержательным. А глядя на меня, и вы не станете смущаться посылать мне бессодержательные письма [3]. Жарко уже. Небо синее. Проволоки блестят. Ах, теперь бы

Весь день в бездействии глубоком
Весенний, чистый воздух пить,
На небе синем и высоком
Беспечно облака следить... [4]

И можно бы! Но мало что́ можно? Почему мы все делаем не то, чего хотим и что доступно, а так покорно подчиняемся издавна проложенным путям. Так и хочется мятежа. Но покорствую.

Ваш Валерий Брюсов

Архив.

Бартенев и кое-кто с ним (второй сын с женой, их дети и т. д.) завтракают. Я отказался. В соседней комнате перезвон ножей и вилок [5]. За окном звонки конок и дребезжание пролеток. Чирикают воробьи. Вижу зелень садика, нависающую к окну. Дальше — дешевую пышность входа в сад «Аквариум». Еще дальше — опять оно, синее, вечное небо. «Как дым кадильный, лазурно тают облака». Передо мною две русалки, они глядят на меня. Бедные.

В.

На конверте почт. шт.: Москва. 29.V.1901.

[1] Александр Антонович *Курсинский* (1873—1919) — товарищ Брюсова по университету, поэт-символист. Одно время был учителем сына Л. Н. Толстого.

[2] В 1901 г. в «Русском архиве» (№ 8) были опубликованы письма графа Ф. В. Ростопчина, московского военного губернатора во время войны 1812 г., к жене и старшей дочери, а также его заметки о 1812 годе.

[3] А. А. Шестеркина пишет Брюсову: «Прости за бессодержательность моего письма — нет мыслей, в голове пустота».

[4] Неточная цитата из стихотворения Тютчева: «Нет, моего к тебе пристрастья...»

[5] В книге *За моим окном* (М., 1913, стр. 65) Брюсов отмечает, что «редакция «Архива» почти сливалась с семьей Бартеневых. Волей-неволей многое из личной жизни Бартеневых проходило перед моими глазами».

12

⟨Москва. 31 мая 1901 г.⟩ Четверг. Архив.

Письма до меня дошли, и будут доходить *все*; если я жаловался, что нет писем, то по малодушию, из нетерпения. Итак, пишите, пишите больше, много, как первое письмо, *не как* последнее. Меня просто отчаянье берет, что, придя опять на Цветной, я не найду вашего письма. И описывайте мне все подробности вашего житья, чего именно нет в последнем письме, самый город, ваши комнаты, лес, реку, все, все и более. А чтобы кончить с вопросами трех измерений: о «Ежемесячных сочинениях» я уже писал Ясинскому [1], и они будут высылаться прямо из Петербурга — Верея, до востребования, вам.

Вчера, вернувшись домой, т. е. на дачу, застал Ник. Ник. Черногубова [2]. Но мне такая лень была говорить с кем бы то ни было, что через полчаса я сказал ему: «А знаете, вы рискуете опоздать на последний поезд». Он, конечно, взял шляпу и бежал.— Сегодня все утро писал. Жизнь укладывается в рамки, вернее забивается в колодки, из которых как-то и не вывернешься...

Бьют часы. Шесть. Я один, с русалками. Слева портрет Александра III.

Ты строгий был, неколебимый воин,
Как страж стоял на тягостном посту
. . . . . .
Не статуи, а храма ты достоин.

Прямо передо мной Мадонна Рафаэля, фотография, большая; справа мальчик Мурильо, громадная копия, сделанная рукой поэта Жуковского; затем портреты — А. О. Смирнова, Плетнев, кн. Вяземский, Николай I, Филарет... На моем столе хаос: автографы Аксаковых, старые газеты, пыльные бумажонки, старые перья, редчайшая книжка Ростопчина (изданная в 8 экземплярах — том в 800 стр.) [3] и мои черновые рукописи. Тишина. Во всем доме никого. Только у ворот стучат маляры.

Ах, не сердитесь (опять «не сердитесь») на эти перечни, на эту светопись. Многое бы мог и хотел сказать вам, но ведь для этого нужно мгновение, нужно многое. Когда придет, напишу. Сестра уехала в Крым. Там вечно качается море. Море!

Не удалося мне оставить
Твой скучный неподвижный брег,
Себя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Наш поэтический побег.. [4].

(NB. Это Пушкина)

Я слышу Нил... Закрыты ставни...
Песчаный зной...
Нет, это только бред недавний,
Ты не со мной [5].

(NB. [Tertia] «Сев. цветы»)

О Скорпионах по-прежнему ничего. В том числе и о Бальмонте. Не приедут ли к нам в воскресенье. О моей поездке в Верею пока нельзя и думать...

Ваш Валерий Брюсов

1901

На конверте почт. шт.: Москва. 1.VI.1901.

[1] Иероним Иеронимович *Ясинский* (псевд.: Максим Белинский, 1850—1931) — беллетрист, критик, публицист. Издавал и редактировал журналы: «Ежемесячные сочинения» (1900—1903), «Беседа» (1903—1905), «Почтальон» (1902—1903), в которых сотрудничал Брюсов. См.: З. И. Ясинская. В. Брюсов и И. Ясинский (*Чтения 1971*).

[2] Николай Николаевич *Черногубов* — московский коллекционер, собиравший рукописи и рисунки известных писателей, поэтов и художников.

[3] Очевидно, речь идет об одной из книг, издававшихся в крайне ограниченном количестве экземпляров библиофилом графом Андреем Федоровичем Ростопчиным. Возможно это книга «Materiaux en grande partie inédits pour la biographie future du comte Théodore Rostoptschine, rassemblés par son fils. Tiré a douze exemplaires». Bruxelles, 1874, 525 p. («Материалы, большей частью неизданные, к будущей биографии графа Федора Ростопчина, собранные его сыном. Отпечатано в двенадцати экземплярах». Брюссель, 1874, 525 стр.)

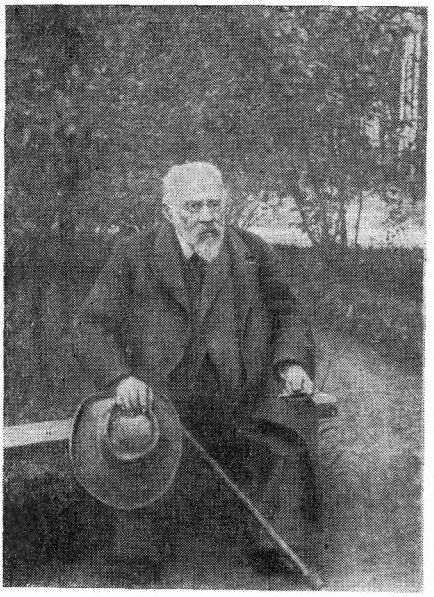
[4] Стихотворение Пушкина «К морю» Брюсов приводит по памяти, неточно.

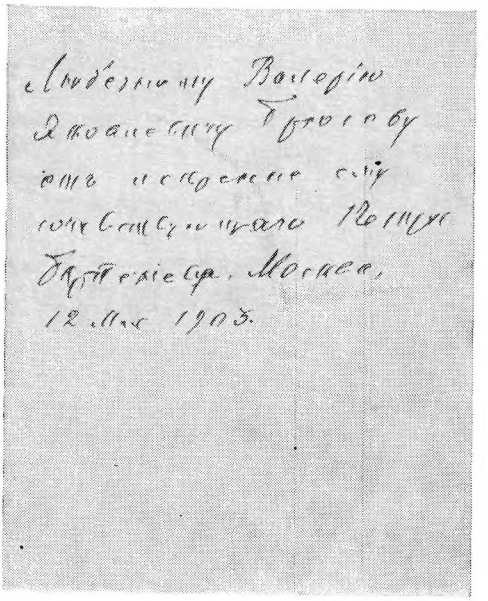
[5] Из стихотворения Брюсова 1900 г. «Я имени тебе не знаю...» (*TV*).

13

<Москва. 4 июня 1901 г.> Понедельник. Архив.

Вы уже знаете, что все ваши письма до меня дошли. Итак, не надо больше на меня гневаться (я виноват только нетерпеливостью). Пишите мне не сурово, а по-прежнему, не в Архив, а на Цветной, не заказными, а





П. И. БАРТЕНЕВ

Фотография. На обороте дарственная надпись: «Любезному Валерию Яковлевичу Брюсову от искренне ему сочувствующего Петра Бартенева. Москва, 12 мая 1903»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

простыми письмами. Ваше сегодняшнее письмо было мне совсем мучительно. Прихожу в Архив — мне сообщают, что есть письмо. Как на зло, Бартенев вдруг вытаскивает некие два дела и объявляет, что мы сейчас будем работать вместе, т. е. с ним, переделывать указатель к запискам Храповицкого для 2-го издания [1]. Я кладу письмо в карман, и мы садимся. Мы работаем, а я не знаю, что в письме. Пытаюсь угадать и путаюсь в страницах... Так три часа! Он ушел наконец, я прочел письмо. Вы не знаете, вы не помните, какое оно суровое. Ах, вы не должны требовать, чтобы я приехал, ведь вы знаете, что это для меня невозможно. Пока — по крайней мере. В конце июня, может быть, приедет к нам на неделю сестра жены, а Бартенев уедет в Ревель; это сочетание даст мне возможность быть у Божьего пруда в избушке на курьих ножках [2]. Надеюсь, там нет Бабы-Яги, а только мальчик Ваня и девочка Маша.

Вчера, воскресенье, шел дождь, была гроза. И у нас не было никого. Я целый день работал. Сегодня остаюсь на ночь в Москве.

Ваш Валерий Брюсов

О «Пане». Мне не нравится Глан. В нем отголоски романтизма, Байрона и нашего Лермонтова. Эта жизнь с природой, как у Алеко, это преобладание стихийности... ах! все это мы уже вкусили, изведали и жаждем иного. Но Эдварда очень современна, она хороша и любопытна. Другая, бедная, разбитая при взрыве — обычный тип «униженных» нашего времени, Селизетта Метерлинка, многие у Аннунцио... Сила романа не в лицах. Они исчезают, тонут, незаметны в жизни природы, в железных ночах, голосе моря, в лесе, в скалах. Оттого так хороши главы о ночных свиданиях Глана и Эдварды, хотя характеры их здесь всего менее выступают. Эти главы могли бы быть при совершенно ином начале и ином конце. А самый конец, эпилог, необходим с писательской точки зрения. Во-первых, он дорисовывает образ Глана, без этого эпилога мы знали бы того

Глана, каким он был в лучшие месяцы своей жизни, но только месяцы! И потом эпилог нужен, чтобы сказать, повторить (хотя для чуткого читателя это и так ясно), что любовь Глана и Эдварды была для них роковой, что ни он не мог изменить ей, ни она ему, что концом ее могла быть только смерть.

Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 5.VI.1901; Верея. 6 июня 1901.

[1] Дневник Александра Васильевича *Храповицкого* (1749—1802), статс-секретаря Екатерины II, был переиздан Бартеневым в 1901 г. в виде приложения к «Русскому архиву».

[2] 30 мая 1901 г. Шестеркина писала Брюсову: «Наш адрес — Верея, у Божьего пруда, дом вдовы Митюшиной... Теперешнее наше помещение я называю избушкой на курьих ножках,— это крошечный домик с покосившимися полами, ободранными окнами, но он стоит в такой тихой, глухой деревенской улице. Лес очень близок».

14

‹Москва. 6 или 7 июня 1901 г.›

Все ваши письма доходят, это точно. Все же лучше адресуйте на Цветной.

У нас гро́зы, раскаты грома, грозные зарницы глухонемых демонов [1]. А изнанка этого, что я пробираюсь на дачу под дождем, мокну и как-то болен. Жадно занят, пишу и читаю, как не отдавался этому уже годы. От С. А. [2] получил письмо, зов в Большой Московский [3], но зов, запоздавший на день. Из письма видно, что Юргис и Бальмонт с ним. Я Бальмонта еще не видал.

Странно, что я не пишу стихов. «Родник песен» вдруг иссяк. Но я заставлю себя писать. Одно из ближайших писем к вам будет со стихами. Читаю во всевозможных газетах и журналах брань на себя. Впрочем, в «Ежемесячных сочинениях» неумеренные похвалы, т. е. не неумеренные (даже скромные), но неуместные [4]. Кстати, неужели вы еще не получили «Ежемесячных сочинений»? Сегодня напишу, чтобы послали прямо по адресу... впрочем, нет, не сегодня, ибо адреса не помню. Пустоту письма простите, нет времени.

В другом конверте сетки.

Ваш Валерий Брюсов

1901

На конверте почт. шт.: Москва. 7.VI.1901; Верея. 8 июня 1901.

[1] «Демоны глухонемые» — слова из стихотворения Тютчева «Ночное небо так угрюмо...» (1865).

[2] Сергей Александрович *Поляков* (см. о нем наст. том, стр. 260—261).

[3] Трактир, где часто встречались московские литераторы.

[4] В «Ежемесячных сочинениях» за 1901 г. появились статья И. Ясинского «Новый поэт» о сборнике «Tertia vigilia» (№ 1, стр. 35—41) и его же рецензия (обе без подписи) на первый альманах «Северные цветы» с упоминанием о Брюсове как об авторе «прекрасного стихотворения» — «Я имени тебе не знаю...» (№ 6, стр. 152—154).

15

‹Москва. 7 июня 1901 г.›

Пятница [1]. Завтра меня в Москве не будет. А в воскресенье будут родственные посещения, подобающие прогулки, игра в карты. Я полюбил эти мои обязательные поездки, этот Архив, потому что через то я становлюсь одиноким. Бывают дни, что хочешь быть один, вне всех, хотя бы близких и желанных. Стоять на площадке нашего паровоза, среди чужих, идти

липовыми аллеями нашего парка или шумными московскими путями — это значит быть одному, с воспоминаниями, думами и надеждами. Что́ лучше, что́ прекрасней, если можешь мечтать, если *можешь*. Часто я не могу и тогда ищу людей, Скорпионов, трактир, кого-нибудь. Неужели опять придет зима, с шубами, с яркими залами, с десятками сменяющихся встреч. Да, придет. И пока мы еще выносим эту смену, даже любуемся на нее. Но после, но через пять-десять раз. Ах, странно быть стариком.

Вы, вероятно, знаете, а может быть, и испытываете, что у нас жара совершенно невероятная. Или мне это после Ревеля кажется? А притом еще для купанья еле текучий пруд и совсем стоячая купальня. Это после морей Черного и Балтийского! В Москве же что-то такое совсем нестерпимое. Не только «день растоплен» [2], но растоплены и асфальтовые тротуары, да, кажется, и каменные дома. Если в такой жар опустить обрубленное мясо, оно сварится быстро, а вот человек-организм ничего, выносит. Верю, что человек прекрасно приспособился бы к жизни на Марсе, а то и на самом Меркурие (или -ии; но вы газетных споров об орфографии и «сумлевании штоп» не читаете).

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 7.VI.1901; Верея. 8 июня 1901.

[1] Очевидно, описка Брюсова: письмо отправлено в четверг 7 июня.
[2] Слова, которыми начинается стихотворение Брюсова 1898 г. (*TV*).

16

‹Москва. 8 июня 1901 г.›

Сегодня писать некогда очень, а завтра и вовсе нельзя будет. Сегодня от вас письма нет. Конечно, и нет причин, чтобы оно было сегодня, раз было вчера,— но так хорошо увидать на столе конверт с вашим почерком. Я совсем один. По-прежнему не вижу никого, кроме разных Бартеневых: ни Бальмонта, ни Юргиса, ни С. А., ни кого еще, хотя в Москве были: Дягилев, Мережковский, Бунин... Я странно привыкаю к одиночеству и молчанию. Я и не хочу больше людей. Мне как-то страшно, что вот придет Бальмонт и надо будет с ним говорить о стихах, о боге, о любви. Я ни с кем не хочу говорить об этом. Мне не хочется записывать сложенных стихов. Пустыня. Одиночество. Смена дня и ночи. Так бесконечность.

Ваш Валерий Брюсов

1901

На конверте почт. шт.: Москва. 8.VI.1901; Верея. 9 июня 1901.

17

‹Петровско-Разумовское. 10 июня 1901 г.› Воскресенье

Я второй день на даче. В ожидании родственников располагаю часом свободного времени. Уже жарко. Мелькают велосипедисты. На соседней даче рубят котлеты.

Вчера ходили мы в ближний Казанский монастырь (женский). Ровные, ровные, чистенькие дорожки, узенькие, посыпанные свежим песком. Словно игрушечные стены. В церкви чисто, так что глазам больно. Под особым стеклышком «туфель от мощей преподобного Феодосия». *Сзади* церкви, где у католиков орган,— хоры и там певчие, т. е. хор монашенок. Оттуда же читают, т. е. конечно не евангелие и не апостол, а то, что читают монашенки сами. Одна читала превосходно, молодая, а каким-то апокалипсическим голосом. Есть хорошенькие, есть, видимо, посвятившие себя богу

по убеждению. Служба идет полно, медленно и чинно. Знаете ли вы, что был в моей жизни период, когда я хотел итти в монастырь?

Запретили «*Жизнь*» [1]. Вы, вероятно, этого еще не знаете. Жаль... а, впрочем, нет. Я не люблю людей, книги и издания вроде как бы хорошие. Предпочитаю явно глупые. «Русская мысль» [2] не опасна; несмотря на 6000 подписчиков всем ясно, что она глупа. А вот «Жизнь» могла соблазнить, ибо в ней были и хорошие стороны. Соблазненный «Жизнью» вообразит, что он нечто постиг, и становится вдвое безнадежнее, чем тот, кто ничего не постиг. А уж «Русская мысль» и «Богатство» [3] не соблазнят никого.

На даче визави запищал фонограф. Бррр... «Грибов белых не угодно ли». «Карту́фель, карту́фель, огурцы зеленые». Дачный сезон в разгаре.

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 11.VI.1901.

[1] «Жизнь» — журнал, выходивший с 1897 г. в Петербурге и ставший с 1899 г. органом, близким к марксизму. Отдел беллетристики возглавил М. Горький, который публиковал там свои произведения (в частности, «Фому Гордеева», «Трое», «Песню о Буревестнике») и привлек к участию в журнале талантливых писателей-реалистов. В. И. Ленин писал А. Н. Потресову 27 апреля 1899 г. о «Жизни»: «...недурной журнал! Беллетристика хороша и даже лучше всех!» (Полн. собр. соч., т. 46, стр. 25). В апреле 1901 г. журнал за революционную деятельность его сотрудников был приостановлен, а 8 июня 1901 г. запрещен. В 1902 г. редактором журнала (В. А. Поссе) была предпринята попытка возобновить его издание за границей (в Лондоне и Женеве вышло шесть номеров).

[2] «Русская мысль» — журнал либерального направления (1880—1918), издававшийся в Москве, а затем в Петербурге.

[3] «Русское богатство» — журнал народнического направления (1876—1918), выходивший в Петербурге.

18

‹Москва. 12 июня 1901 г.›

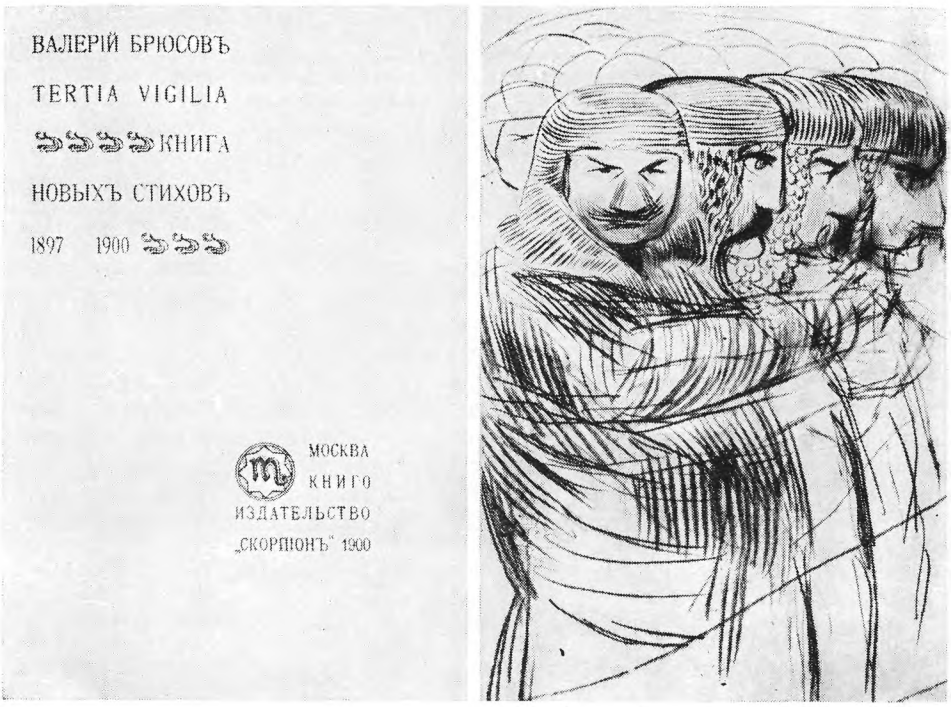
Не думал я, что меня так будут утомлять ежедневные переезды из Москвы на дачу, с дачи в Москву. При этой жаре чувствую себя так усталым, что в Москве ничего и делать не хочется, а уж пойти или поехать куда-нибудь нет ни сил, ни времени (NB, вот, между прочим, почему я до сих пор не побывал у вашей мамаши в Сокольниках).

Воскресенье опять провели одни: была маленькая гроза, и все нами званые испугались, не приехали. Я целый день работал. А работы сколько угодно. Стихов моих почти никому не надо, а статей все просят: «Мир искусства», «Ребус» [1], «Ежемесячные сочинения» (кстати, *получаете ли* вы их?). Сегодня получил предложение от английского журнала «Athenaeum» написать для них (по-русски, они переведут) обзор русской литературы за 1900—1901 гг. Придется писать [2].

Много хлопот дома. Летнее время — время всяких ремонтов и поправок, крышу чинят, плотники работают, фасад красят, жильцы просят, полиция приказывает; ко всему этому думские платежи и страховые, а жильцы именно летом норовят улизнуть на дачу, надо квартиры сдавать. И тут приходится всячески хлопотать. Утешаешься тем, что из разнообразных встреч узнаешь людей; пригодится, если буду романы писать.

Припев обычный: ни Бальмонта, ни С. А. не видал. Едет в Москву Ореус-Коневской [3]; этот меня разыщет. У приятеля моего, и вашего бывшего знакомого, Ланга, умер младенец; впрочем, они его не кормили. Видите, какие приходится сообщать новости, а то ничего нет, день за днем, давно так не жил, улитообразно.

Ваш Валерий Брюсов



«TERTIA VIGILIA». М., «СКОРПИОН», 1900
Экземпляр, подаренный Брюсову М. И. Шестеркиным
Титульный лист и иллюстрация Шестеркина к поэме «Царю Северного полюса», вклеенная в книгу
Карандаш
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Вы не рассердитесь, что с этим письмом посылаю пакетик Воле и Тате [4]; в Верее, вероятно, московских сладостей и в помине нет (дикий город?). Не знаю, успею ли что́ написать завтра.

На конверте почт. шт.: Москва. 12.VI.1901.

[1] «Ребус» — журнал, издававшийся в Петербурге и посвященный вопросам спиритизма и телепатии. Брюсов в 1901—1902 гг. поместил в нем несколько стихотворений и статей, а также свой перевод рассказа А. Стриндберга «Чудо».
[2] В лондонском журнале «The Athenaeum» в 1901—1906 гг. было опубликовано шесть обзоров современной русской литературы, написанных Брюсовым. Первый обзор был напечатан в № 3847 от 20 июля 1901 г. См.: С. П. И л ь ё в. Статьи Брюсова в журнале «The Athenaeum» (*Чтения 1971*).
[3] Об Иване Коневском см. наст. том, стр. 208.
[4] Ошибка Брюсова: дочь А. А. Шестеркиной звали Леной.

19

‹Москва. 14 июня 1901 г.›

Увидался, наконец, с Бальмонтом. Его все за те же стихи высылают из столицы на 2 года [1]. Вчера и сегодня прощаемся с ним и провожаем его. Подробнее завтра.

Ваш Валерий Б р ю с о в

На конверте почт. шт.: Москва. 14.VI.1901.

[1] К. Д. Бальмонт за чтение на публичном вечере стихотворения «Маленький султан», которым он откликнулся на избиение казаками студентов во время демонстрации 4 марта 1901 г. у Казанского собора в Петербурге, был выслан на три года с запрещением жить в столицах и университетских городах. В марте 1902 г. он получил разрешение выехать за границу.

20

‹Москва. 15 июня 1901 г.›

До безумия занят статьей для «Athenaeum»'а. Необходимо отправить ее не позже воскресенья; сегодня пятница, а у меня не написано еще ни строки. Торопливо читаю, вспоминаю, соображаю.

А тут еще проводы Бальмонта. Вчера и третьего дня все время был с ними, т. е. с Бальмонтом, С. А. и Юргисом; кочевали из трактира в трактир. Юргис с отъездом М. В. [1], конечно, предавался тайнам вина, и дело опять доходило до видений. Бальмонт безумствовал столько, что один капитан едва не заколол его кортиком. Спас его Юргис, вышибив палашом из рук капитана обнаженный кортик. Дело было в трактире.

Дрейфус почти напечатан [2]. Книга скучная и плохая. Писать до понедельника могу только помалу.

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва, 16.VI.1901.

[1] По-видимому, жена Ю. Балтрушайтиса. Описка Брюсова: ее звали Марией Ивановной.

[2] Русский перевод книги Альфреда Дрейфуса «Пять лет моей жизни. 1894—1899» вышел в 1903 г. в издательстве «Скорпион». До этого книга появилась на русском языке в 1901 г. в двух других изданиях: в Петербурге (в издательстве «Знание») и в Одессе.

21

‹Москва. 16 июня 1901 г.›

Ух! С плеч долой обуза. Сегодня сдал на почту статью для «Athenaeum»'а [1]. В два дня написал, неважно, разумеется. Многих пропустил, много наговорил пустых слов, но ведь чтобы писать серьезно, надо бы год готовиться и два месяца писать. А тут как на грех, именно этот год я не следил за журналами. Всю жизнь я считал долгом читать все, что печатают наши ежемесячники; первый год отпустил себя от этой обязанности и как раз не вовремя.

Что Ясинский не высылает вам «Ежемесячные сочинения»,— он — ... но не хочу браниться; завтра напишу ему письмо и все устроится. Завтра воскресенье и мы будем наводнены гостями. Я же собираюсь сам обратиться в такого докучного гостя и побывать в Верее.

Ваш Валерий Брюсов

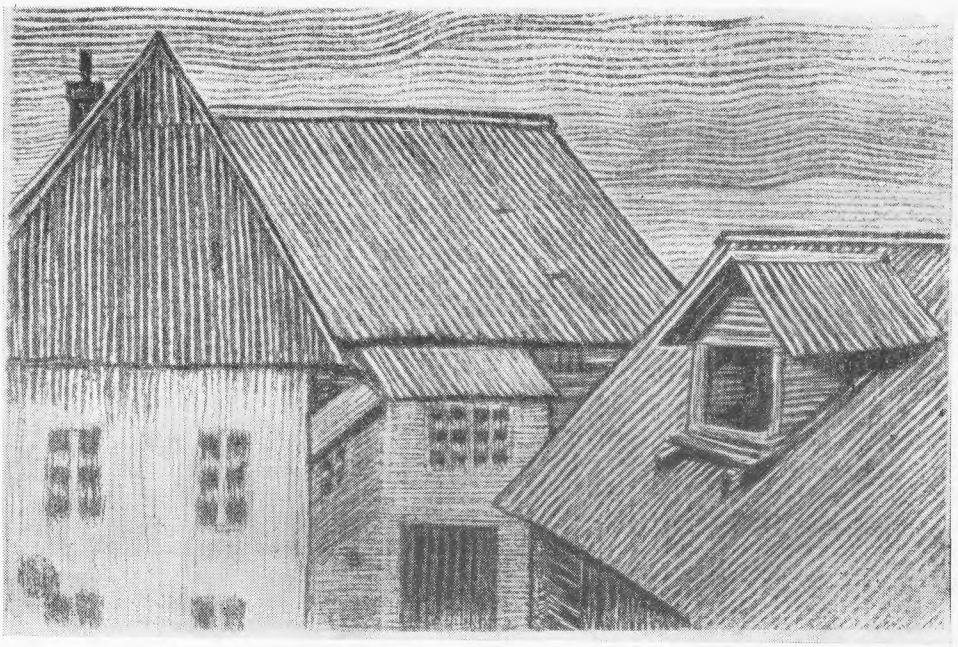
На конверте почт. шт.: Москва, 17.VI.1901.

[1] См. п. 18, примеч. 2.

22

Суббота. На даче. ‹Петровско-Разумовское. 23 (?) июня 1901 г.›

Тикают часы. Кричат разносчики. Пахнет расцветающей липой. Утро и солнце после ночного дождя. Какое синее небо! Там за забором — наша соседка. Знаю о ней только, что она «содержанка». Вот прошла в красном капоте, посмотрела на меня и улыбнулась. Лицо русское, смаз-



ВЕРЕЯ
Литография с рисунка М. И. Шестеркина
«Весы», 1908, № 7

ливое, но не красивое. Стал смотреть на нее. Ушла. Чирикают воробьи. Их гнездо под нашим окном, вернее над окном. Уже птенчики пищат. Наверное, съест их наш Маугли. Светотень на подоконнике. В стакане — поникшие и умирающие Анютины Глазки. Вчера не избегли-таки посещений. Был Юрий Бартенев, т. е. сын, цензор [1]. Мучил нас сладкими разговорами и великодушием.— «Ну, давайте усладимтесь!» — и брал читать Фе́та. Впору было пробить ему голову тяжелым молотком, который нам отлили нарочно на заводе. Завтра ждем сестру жены, Мари, отца их, — а может быть, пора же!— и кого-нибудь из соскорпионов. Разносчики кричат.

Сейчас еду в Москву. Боже мой, когда же будут у меня время и возможность писать все, что думается? Все надо спешить, все дела и запреты. Десять минут идти парком, двадцать на паровой, десять на электрической, десять пешком, через пятьдесят минут буду дома, на Цветном. Найду ли там письмо от вас? Будет вам чирикать, птички. Прощайте.

Ваш Валерий Б р ю с о в

Москва, Цветной

Письма нет. Итак до понедельника. Грустно мне, но это опять прихоть. Вся жизнь — как сквозь сетку. Медленные дни.

В. Б.

Конверт отсутствует.

[1] О Ю. П. Бартеневе см. наст. том, стр. 359.

23

‹Москва, 25 июня 1901 г.›

Готов был послать вам письмо, когда получил вашу записочку, что вы хвораете. Бросил свое письмо, пошлю его другой раз, когда все опять будет светло и весело. Теперь я могу четко представить себе Верею, и ваши комнаты, и что́ у вас перед глазами, мысленно почти быть *там*, для вас *здесь*. Пройдут дожди и холод, ведь еще июнь, ведь еще пора цветов и первых ягод! Пройдут и все ваши нездоровья, ведь еще так много лет и дней впереди. Будет июльское солнце, знойное, и августовское, яркое. Я с детства без конца люблю пушкинские стихи, даже почти стишки:

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись.
В день уныния смирись,
День веселья, верь, настанет.
Сердце в будущем живет,
Настоящее уныло.
Все мгновенно, все пройдет.
Что́ пройдет, то будет мило.

Как только будет вам лучше, напишите мне, хоть несколько слов. Это ведь непременно. О себе не пишу; все как всегда.

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва, 26.VI.1901.

24

‹Москва, 26 июня 1901 г.›

У нас проя́снилось. Солнышко поглядывает. День целый не было дождя. Сижу в Архиве. Думаю о вас. Во всем доме никого. Даже мыши шуршат, так все тихо. Пишу рассказ, как это ни странно и ни мало мне свойственно; пишу с жадностью и упорством; спешу почему-то днями, даже часами, словно есть срок его писать. Русалок от меня зачем-то отодвинули, я их не вижу больше. Кстати, оказывается эти русалки были воспроизведены в «Мире искусства» за прошлый год: там со мрамора, а здесь гипс. Теперь перед моими глазами лампа с литым всадником: гунн с топором в руках — символ дикости и мощи. Но ведь закрыв глаза я могу видеть ангелов. Что мне до того, что́ вокруг. А дальше, сквозь дверь, вижу лес, это картина Т. Бартеневой [1], зелень, тропинка, по счастью грибов не написала. Очень, очень жду вестей о вашем здоровье.

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 27.VI.1901.

[1] Татьяна Петровна *Бартенева*, в замужестве Вельяшева — дочь П. И. Бартенева.

25

‹Москва. 27 июня 1901 г.›

Пасмурно, но дождя нет. Архив оживился. Приехали два сына Бартенева — Юрий и Сергей. Мне писать не дают, все бродят мимо, а неловко так прямо на их глазах не заниматься архивским делом. Скоро «Петр и Павел», то-то простор для дачных гостей; жду с тревогой. Хотелось бы

быть одному, писать или бездельничать. Ах, как я любил в ранней юности споры. Я готов был спорить о чем угодно и с кем угодно, нарочно говорил против своих убеждений, только бы спорить. Как я разлюбил их теперь. Все больше и больше отпадает от меня все внешнее, все яркое, блеск и шум жизни. Я бы мог стать почти затворником, но не от людей вообще, а от того, что Пушкин называл чернью, а Гораций profani. Это великий вопрос для каждого, сколько человек он воистину желал бы оставить близ себя: сорок? пять? двоих? или одного? В этом весь характер, вся душа. Не так ли?

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 27.VI.1901.

26

‹Москва. 29 июня 1901 г.›

Четвертый день от вас нет вестей. Что делать, подчиняюсь. Будем болтать; хотя порою боюсь, что моя болтовня не к месту. Есть ли по крайней мере у вас солнце, и зелень травы, и дыхание лета в окна, при которых все — пустяки, все — ничто?

Я только верю в голубую,
Недосягаемую твердь... [1]
. . . . . .
Все ничтожно, все ничтожно,
Только небо голубое! [2]

Как странно сходятся два поэта, почти до совпадения слов.

Если вы читаете это мое письмо, пустое и случайное, пусть оно будет символом, что вот здесь в Москве, в Архиве, на Ермолаевской Садовой, я сижу и думаю о вас. Что бы там ни было, хорошо, когда о тебе кто думает. На эту тему у Паскаля есть прекрасная страница, жаль, что ее нет под рукой [3]. Боже мой, сколько было великих людей... и сколько их еще будет. Одними гениями разных народов и веков уже можно было бы населить большой город; а просто «великими» и целую страну. Стóит ли после этого мыслить и писать стихи?

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 29.VI.1901.

[1] Цитата из стихотворения Д. Мережковского «Голубое небо» (1894).

[2] Первые строки из неопубликованного стихотворения Брюсова, датированного апрелем 1895 г. (ГБЛ). Эпиграфом к нему автор взял вышеприведенную цитату из Мережковского.

[3] Вероятно, имеется в виду начало III главы (под названием «Тщеславие человека. Результаты самолюбия. Человеческое «я») известной книги Блеза Паскаля «Мысли» (см. русский перевод, 3 изд. М., 1905, стр. 51—53).

27

‹Москва. 30 июня 1901 г.›

Болтовня.

Вчера свершилось то, чего мы ждали столько недель: нашествие «дачных гостей». Конечно, так всегда бывает, пришли все сразу. Пришел отец жены и ее брат, пришла (самостоятельно) сестра ее Эдвиж, пришел Ланг с женой, пришел Курсинский. Все люди разные, которых примирить невозможно. Жена устала хлопотать еще среди дня. Пришлось обо всем заботиться мне. И я бродил из комнаты в кухню, из кухни на террасу, пу-

тая все, занятый, конечно, своими мыслями, вступал в разговоры и отвечал невпопад, старался устроить беседы, занять чем-нибудь прибывших. А те, видимо, проклинали в душе и меня, и себя, что сюда заехали. Едва настал вечер, я очень любезно проводил их на поезд, усадил, пожелал доброго пути и пошел домой по темному парку. Я был один, как вольно дышала душа. Я наконец был один! Я думал о чем хотел, говорил, плакал. Звезды смотрели и шелестели липы. Сумрак темнел. А дома еще ждал меня самовар, малина и беседа о минувшем дне.

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 1.VII.1901; Верея. 2 июля 1901.

28

‹Петровско-Разумовское. 1 июля 1901 г.›

И опять праздник. И опять синее небо. Но вся энергия работы, которой я жил недавно, вдруг покинула меня. Я не могу писать ничего, ни стиха, ни строчки; слова не вяжутся, мысли не повинуются. Упасть бы на траву и плакать. Вот одно, чего я хочу. Я силой заставляю себя сесть за стол, раскрываю бумагу, беру перо. Все плоско, все глупо, все ничтожно, и что́ сейчас пишу, и что́ намерен был, и что́ написано. Или умереть? теперь бы, навсегда. Эти облака, идущие по небу, эти качающиеся травы, это солнце,— как легче с ними, чем с людьми! Вновь, впервые после юности, я чувствую природу, живу, дышу ею. Щебечут ласточки. Нет. И их не хочу. И здесь уже любовь и страдания [1]. Мое сердце слишком отравлено, чтобы чувствовать еще что-нибудь, малейшая дрожь ему мучительна. Уснуть, исчезнуть. Боже! Боже!

Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 1.VII.1901; Верея. 2 июля 1901.

[1] То же самое Брюсов пишет в эти дни И. А. Бунину (*ЛН*, т. 84, кн. 1, стр. 460).

29

‹Москва. 2 июля 1901 г.›

От Юргиса получил письмо из Ревеля. От С. А. вестей нет. Бальмонт из Иванина пишет что-то темное о мечтах и снах.

Завтра я опять вернусь к работам. Как странно зависим весь мир души от нескольких слов, и как хорошо, что это так. Ах, почему свои мысли и мечты надо выражать словами да еще писать! Если бы я мог в мгновение высказывать целый трактат или целый рассказ, я не оскудел бы темами. Как нашему Брюллову, мне хочется воскликнуть: «Дайте мне свод небесный, я распишу его весь!» Я один написал бы целую литературу, был бы поэтом, математиком, романистом, историком, критиком, драматургом... Дайте мне тысячу рук, чтобы писать. Мне не хватит десятков жизней, чтобы выразить все, что в моей душе и в мыслях!

Но кругом темно, тишина,
За решеткой в окно Москва видна... [1]

Кстати. За эти дни я опять писал стихи.

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 3.VII.1901.

[1] Цитируя строки своего стихотворения 1899 г. «О последнем рязанском князе Иване Ивановиче» (*TV*), Брюсов допустил в письме описку: «За окошком в окно Москва видна».

30

‹Москва. 3 июля 1901 г.›

Сегодня писать почти времени нет. Занимался разбором старых годов «Русского архива», сложенных в сарае. Меня ужас обуял, когда я увидел эти груды груд сложенных и наваленных книг. Это уже безнадежно. Сколько бы я их ни разбирал, читать их не будет никто, тем более покупать. Книга! Вещее, огненное слово, низведенное на уровень старой бумаги! Молния, покрытая пылью! Божество, принявшее образ червя и пресмыкающееся в прахе! Я бережно стряхнул дряхлую книгу, и из нее упал на пол маленький книжный скорпион.

Ваш Валерий Брюсов

P. S. Писал ли я вам, что статья моя в «Мире искусства» действительно плоха? [1] И как мог написать я подобную «бледность» и «общность».

В. Б.

На конверте почт. шт.: Москва. 3.VII.1901.

[1] Вероятно, имеется в виду статья «Ответ г. Андреевскому» («Мир искусства», 1901, № 5).

31

‹Москва. 4 июля 1901 г.›

Опять тропические дни. Я люблю зной. Предки мои были костромичи, но я уверен, что «небесное родство» у меня с какими-нибудь дикарями из-под тропиков. Быть голым, лежать с дротиком в руках, на выжженной траве у пересохшей реки, купаться в растопленном воздухе и лениво слушать отдаленное рычание льва — мне это что-то родное и понятное [1]. Тропическая веерность пальм, пьяное безумие растений, безобразие и ужас пресмыкающихся — мне как-то понятнее, чем наши сосны и березы, и жалкая травка, вся эта раскрашенная фотография нашего лета. Я знаю красоту зимы, любуюсь ею, но не люблю ее. Я знаю красоту города, упиваюсь ею, дышу городом, но с отчаяньем, с яростью, как вдыхают ядовитые пары, как курят опиум. Это уже любовь из отвращения и ненависти, любовь преступления, совершенного над своей же душой. Мечтаю о шуме водопада Мози-оа-Тунья [2].

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 4.VII.1901.

[1] То же самое Брюсов пишет в эти дни Г. Бахману (*Собр. соч.*, т. 1, стр. 575).

[2] Водопад Виктория на р. Замбези в Южной Африке, воспетый К. Бальмонтом.

32

‹Москва. 6 июля 1901 г.›

Смертельно болен Лев Толстой [1]. Ему пора умереть. Он пережил самого себя. Все надо было кончить «Воскресением». А его теперешнее мелкое фрондерство, его игра на руку разным скудоумным революционерам [2] его недостойны; точно так же, как и разные письма «Царю и его советникам» [3]. Кстати, по поводу Л. Т. Помнится, М. И. [4] обвинял «Мир искусства», что в нем нечего читать. Неправда. В нем печатается длинная статья Д. С. Мережковского о Толстом и Достоевском [5] ‹...› Получили ли вы 7-й номер «Ежемесячных сочинений»? Очень бледен. Ни меня, ни Баль-

монта нет, остальное на уровне летнего сезона. На днях доставлю вам новое издание Бодлера [6]. — Тропический зной продолжается. Курицы чувствуют себя страусами; ломовые лошади в соломенных шляпках; я мечтаю о лесах криптомерий [7].

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 6.VII.1901.

[1] До середины июля 1901 г. Л. Н. Толстой был тяжело болен.
[2] Отношение Брюсова к революционерам в 900-е годы было весьма противоречиво и колебалось от резко отрицательного до сочувственного.
[3] Письмо Л. Н. Толстого «Царю и его помощникам» (у Брюсова название неточное) от 15 марта 1901 г., где писатель призывал власти отказаться от казней и насилий, распространялось в России нелегально в гектографированных и рукописных копиях; напечатано в органах заграничной вольной русской печати («Листки Свободного слова», Лондон, 1901, № 20; «Свободная мысль», Женева, 1901, № 13).
[4] М. И. Шестеркин.
[5] В № 1—12 «Мира искусства» за 1900 г. была помещена статья Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист в русской литературе» — третья часть его исследования «Лев Толстой и Достоевский».
[6] Вероятно: Бодлер. Сокровенные дневники. СПб., изд. Ф. Булгакова, 1901.
[7] В стихотворении 1895 г. «В ночной полумгле» (*ChdO*) Брюсов писал: «Мечтал о лесах криптомерий».

33

(Москва. 7 июля 1901 г.)

Сегодня о внешностях. Получил письма от «наших» из Крыма; уже собираются, а раньше других приедет сестра, хочет к 20. — Дома у нас всякий ремонт, маляры, штукатуры, кровельщики; сначала меня занимало разнообразие людей, теперь мучит их страшное однообразие. — В Москве много грибов (впрочем, кажется, было): одно время белые грибы попадались повсюду, даже в парке. — Дал я обещание к 1-му июля доставить три статьи: в «Ребус», А. Лангу как предисловие к его книге [1] и в «Ежемесячные сочинения»; ни одного из обещаний не исполнил, целые утра все пишу и все неудачно. Брошу, и стану писать рассказы. — Жена варит варенье и очень этим занялась. — Читали ли вы роман Ясинского (М. Белинского) в его «Сочинениях»? [2] Дешевая яркость, но какая все же яркость! Кто другой пишет так красочно по-русски? — На «конках» паровых и электрических наблюдаю читающих барышень: нет середины, или Горький, или Социология. — Читаю по утрам «Курьер» [3] и мечтаю написать статью «Что такое либеральное тупоумие». — Завтра воскресенье, точно знаю, что будет у нас Курсинский, может и еще кто-нибудь. Я говорил вам, что Курсинский олицетворен в герое «Записок из подполья» Достоевского. Впрочем, вы мало читаете Достоевского, тогда как он должен бы быть вашей настольной книгой. Собственно русская литература создала только этих четырех: Пушкин, Тютчев, Достоевский, Фет. Все остальное, не исключая Толстого и Лермонтова, «второй сорт». — Завтра писать не придется.

Ваш Валерий Брюсов

Простите листок бумаги, лучшего не было под рукой.

На конверте почт. шт.: Москва. 7.VII.1901; Верея, 8 июля. 1901.

[1] См. в кн.: А. Миропольский. Лествица. М., «Скорпион». 1903.
[2] Вероятно, речь идет о романе И. Ясинского «В один памятный день» («Ежемесячные сочинения». 1901. № 6—8).
[3] О «Курьере» — см. наст. том, стр. 440.

34

‹Москва. 8 июля 1901 г.›

Вчера уподобился мальчишке. Вмешался в уличный скандал. Какого-то официанта из ресторана Лопашова обидел хозяин. ‹Он› [1] кричал на улице: «Ты не человек! У тебя не сердце, а печень с запеченной кровью!» Городовой его честью просил. Пришел околоточный и прямо его кулаком в затылок. «Потерпевший» завопиял к толпе: «Г-да, будьте свидетели! нарушают во мне человеческое достоинство! Мое терпение не может этого терпеть!» Какие-то кадеты вмешались. Околоточный и их за шиворот. Те запротестовали во имя «чести мундира». Вмешался я. Официант вопиял: «Г-да интеллигентная молодежь! не оставьте! Жизнь для счастья нам дана!» Толпа стала галдеть: «Драться не позволено!» Околоточный закричал: «Что это? Бунт? восстание?» Я говорю: «Революция». Он на меня: «Ты кто такой?» Я ему: «А ты кто такой?» Он мне: «Я представитель государя». Я ему: «А я представитель господа бога». Он мне: «Так пожалуйте в участок». Я ему: «С удовольствием». Толпа кричит: «И мы! И мы!» Официант вопиет: «Г-да интеллигенты, я беден, незнатен, но благороден. Я с Треповым [2] лично знаком». Пошли в участок. Шло человек сто, а когда вошли, оказался один я. Составили протокол об официанте. Дошло дело до меня. Никак нельзя было понять, зачем я здесь. Наконец, пристав объяснил, что околоточный «погорячился». Тот что-то пробормотал. Мне уже надоело, я принял это за извинение и пошел домой. Вместо $9^1/_2$ попал в 12.

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 8.VII.1901; Верея. 9 июля 1901.

[1] У Брюсова описка: «я».
[2] Московский обер-полицеймейстер (1896—1905).

35

‹Москва. 18 июля 1901 г.›

Вчера у нас были на даче: Мари, отец, сестра и Ник. Павл., мой двоюродный брат. Ходили, собирали бруснику, покупали что-то, обедали, пили чай, опять пили чай, ужинали, еще пили чай. Светила луна. Отец скучал, Ник. Павл. томился, сестра моя все веселилась, Мари гримасничала. Я говорил гиперболические нелепости (есть у меня такой разговор), жена ревновала меня к своей сестре. Так прошел день, все устали, всем стало скучно и тошно; гостей проводили и поспешили молча разойтись по своим комнатам.

Давно уже не делаю ничего; больше недели, как не написал ни одной строки; посмотришь на начатые листы, и нет охоты.

Труд ежедневный, труд упорный... Не помню всех стихов, это Павловой [1], но из другого ее стихотворения,— о своем стихе:

О ты, кого и святотатство
Коснуться в храме не могло!
Моя напасть! Мое богатство!
Мое святое ремесло! [2]

Вчера послал вам часы; еще раз простите, что поздно. Неужели и их почта раздавит? Сообщите. Забыл взять ключик и приложил такой, какой нашелся у меня в кармане.

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 18.VII.1901.

[1] Начальная строка стихотворения *К. К. Павловой* (1807—1893), поэтессы и переводчицы, очень ценимой Брюсовым, который называл ее «одним из лучших русских поэтов». В 1903 г. он поместил в «Ежемесячных сочинениях» биографический очерк о Павловой, а в 1915 г. издал ее произведения в двух томах со своим предисловием и статьей «Материалы для биографии Каролины Павловой».

[2] Не совсем точная цитата из стихотворения К. Павловой «Ты, уцелевший в сердце нищем...» (1854).

36

‹Москва. 24 июля 1901 г.›

Приехали все наши крымские. Шум и, конечно, недовольства; перемещения и ссоры. Сестра (вторая) выходит замуж, другая (старшая) переезжает к нам и т. д. и т. д. Мы тоже помышляем о возвращении на Цветной — поедем так в начале августа, числа 1, 2, 3. Слышу от разных приятелей, что едут. Еще зной, еще лето, но листья желтеют, ночью веет осенний ветер и близится новый год, новый «сезон». Издатели готовят книжки (кроме «Скорпиона»), писатели романы. Отдохнувшие читатели приготовили внимание и деньги. Окна, где книжные выставки, начинают протираться, чего не бывало давно. Говорят о театрах. Зима! Зима со всем, что есть в городе, город со всем, что я люблю в нем, победитель, жадный, топчущий, пьяный, развратный, блестящий, каменный, любимый мной. Здравствуй, город!

Ваш В. Б.

Кончились ли ваши именины, или письмо и это пришло к ним? Будьте веселой, пусть солнце не слишком вам радуется, а даст капельку тени, пусть небо даже поплачет мимолетным дождем. Самое лучшее пожелание.

На конверте почт. шт.: Москва. 24.VII.1901; Шелковка. 25.VII.1901.

37

‹Петровско-Разумовское. 28 июля 1901 г.›

Шум, шум, шум. Приехавшие «крымцы» устраиваются, готовят свадьбу (моей сестры), спрашивают, упрекают меня. Шум, шум, шум. Когда болит голова, так болезненно слышишь звуки. Мне все звуки мучительны, вся жизнь. Мне бы уйти в лес, и дальше в степь, и дальше в пустыню. Лежать на горячем песке. Видеть небо, только синее небо, ничего больше. Я устал, давно и совсем устал. Шум, шум, шум. Дела, дела, дела. Выходит августовская книжка «Русского архива». Сдаются квартиры в нашем доме. Пора переезжать с дачи. Заботы, заботы, и шум кругом, и жизнь, и краски, и блеск. Болит голова. Лечь на росную траву, прижаться к земле, видеть сон. Я словно был грубо пьян недавно. Я словно слишком много смеялся недавно. Почему они шумят? Кто они? Откуда они? Или это жизнь, а я уже мертв. Шум, шум... Нет поля и нет пустыни. Жизнь.

Ваш В. Б.

На конверте почт. шт.: Москва. 28.VII.1901; Верея. 30 июля 1901.

38

‹Москва. 15 августа 1901 г.›

Умер Ив. Коневской-Ореус... Утонул, купаясь в р. Аа, в Лифляндии. Меня давно ничего так не поражало. Это хуже всех моих семейных бедствий, это жесточе всего, что я пережил за лето [1]. Умер Ив. Конев-

ИВАН КОНЕВСКОЙ
(И. И. ОРЕУС)
Рисунок Е. С. Кругликовой
Итальянский карандаш, 1901
Мемориальный кабинет Брюсова, Москва

ской, на которого я надеялся больше, чем на всех других поэтов вместе. Пусть бы умер Бальмонт, Балтрушайтис, не говоря уже о Минском и Мережковском... но не он! не он! Пока он был жив, было можно писать, зная, что он прочтет, поймет и оценит. Теперь такого нет. Теперь в своем творчестве я вполне одинок. Будут восторги и будет брань, но нет критики, которой я верил бы, никого, кто понимал бы мои стихи до конца. Я без Ореуса уже половина меня самого. Вдруг все стало ненужным, не решаюсь ни за что приняться. А ему было 22 года! [2] Он только начинал, намечал пути, закладывал фундамент (о! по грандиозному плану). И вот храма не будет — одни камни, одни чертежи, пустыня мертвая и небеса над ней.

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 15.VIII.1901.

[1] Брюсов имеет в виду рождение мертвого ребенка и болезнь жены.
[2] Коневскому, когда он утонул, было почти 24 года.

39

‹Москва. 21 августа 1901 г.›

Я живу в мире мучительностей. Получили ли вы мое письмо, где я извещал о смерти Ореуса-Коневского? Недавно я прочел в газетах о судьбе А. Добролюбова [1]. Его судили в городе Троицке за подстрекательство к уклонению от воинской повинности и приговорили к тюрьме на 8 мес. А. Добролюбов в провинциальной тюрьме! Король Эдуард IV пек же пироги [2] (а может и не IV, я забыл, и мне все равно). Сестра моя, вторая, выходит замуж за негодяя, идиота и павиана. Я болен, у меня бред, я одинок, я не могу мыслить и не могу мечтать...

Жене моей лучше. Она встала с постели, но очень еще слаба. Дойдя до калитки в палисаднике (шагов двадцать) утомляется. Очень нервна. Плачет постоянно. До этой осени я думал, что у меня нет нервов.

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 21.VIII.1901.

[1] О поэте-символисте Александре Добролюбове см. наст. том, стр. 379.

[2] Брюсов имеет в виду эпизод из романа М. Твена «Принц и нищий». Крестьянка, в дом которой попал во время своих скитаний герой романа, будущий король Эдуард VI, велела ему приготовить кушанье для завтрака и вымыть посуду. Выполняя эту работу, Эдуард вспоминает, что и другому королю — Альфреду, когда он, спасаясь от врагов, укрылся в хижине дровосека, пришлось выполнить приказание хозяйки — присмотреть за пекущимися лепешками (см.: М. Твен. Собр. соч. в 12 томах, т. 5. М., 1960, стр. 558—560 и 662).

40

‹Москва. 15 октября 1901 г.› Понедельник.

Я здоров, если это вам интересно. Работаю много. Может быть, буду распоряжаться одним большим журналом, т. е. редактировать [1]. Очень много хлопочу со скорпионами о «Северных цветах» [2]. Между прочим, дважды ездили к Чехову, но не застали, или он не принял. Живет он плоховато, в деревянном домишке, почти на задворках, и дверь отпирает не ливрейный лакей, а подоткнутая баба [3]. Генералу-от-литературы оно как-то не идет. Поедем к нему завтра в третий раз.— Очень много пишу.

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 16.X.1901.

[1] Д. С. Мережковский предложил Брюсову редактировать задуманный им журнал «Новый путь» (издавался в 1903—1904 гг.). После отказа Брюсова редактором-издателем журнала стал П. П. Перцов.

[2] Речь идет о собирании материала для альманаха «Северные цветы на 1902 г.»

[3] Почти в тех же словах Брюсов говорит о поездках к Чехову в *Дневниках* (стр. 107). Для первого выпуска «Северных цветов» (на 1901 г.) Чехов по просьбе Бунина дал рассказ «Ночью». В объявлении о выходе альманаха издатели «Северных цветов» поставили имя Чехова на первом месте. Прочитав это объявление в «Русских ведомостях» (1901, № 66, 8 марта), Чехов остался очень недоволен использованием его имени чуждым ему изданием в рекламных целях. 14 марта 1901 г. он писал Бунину: «Я ‹...› дал себе клятву больше уж никогда не ведаться ни со скорпионами, ни с крокодилами, ни с ужами» (А. П. Чехов. Поли. собр. сочинений и писем, т. XIX. М., 1950, стр. 61). В последующих выпусках «Северных цветов» Чехов не участвовал.

41

‹Петербург. 12 февраля 1902 г.›

Вашей выставки [1] видеть не пришлось. Как только приехал, так попал в какую-то теснину, на какие-то рельсы и качусь, качусь [2]. Сегодня утром в «Ежемесячных сочинениях», днем у Случевского [3], после в «Мире искусства», обедаю у Мережковских, вечер у Розанова [4], ужинаю с Перцовым [5]... И так каждый день, каждый день! А тут надо ехать в Царское Село, разыскивать того-другого, писать корреспонденции в «Русский листок» [6]. Брррр.

Ваш Валерий Брюсов

Открытка. Почт. шт.: СПб. 12.II.1902: Москва. 13.II.1902.

[1] Происходившая в Петербурге выставка Московского товарищества художников, на которой экспонировались и картины Шестеркина.

[2] Об этом пребывании Брюсова в Петербурге см.: *Дневники*, стр. 114—118.

[3] О К. К. Случевском и отношении к нему Брюсова см. статью М. Л. Мирза-Авакян (*Чтения 1971*, стр. 353—365).

[4] О В. В. Розанове см. наст. том, стр. 362.
[5] О П. П. Перцове см. наст. том, стр. 352.
[6] «Русский листок» — московская газета (1890—1906). В 1900—1904 гг. Брюсов помещал в ней свои стихи, рассказы, заметки, рецензии. Объясняя причины своего сотрудничества в этой правой по ее политическому характеру и «бульварной» по содержанию газете, Брюсов впоследствии писал: «...Я устал «публично молчать» в течение более чем пяти лет и рад был даже в бульварном листке высказать свои взгляды» (*Автобиография*, стр. 113).

42

‹Петербург. 13 февраля› 1902

Не гневайтесь, что не пишу о себе. Нет мгновения свободного. Все хотят, чтобы я был у них. А я еще хочу быть у многих других. Ухожу из гостиницы утром в 9, а возвращаюсь в 4 ночи, усталый — утомлен телом и духом: ибо везде нужно напряжение мысли и чувства, чтобы «представительствовать», показать себя таким, каким меня хотят видеть.

Ваш Валерий Брюсов

Пб. Северная гост. 190.

На конверте почт. шт.: СПБ. 13.II.1902; Москва. 14.II.1902.

43

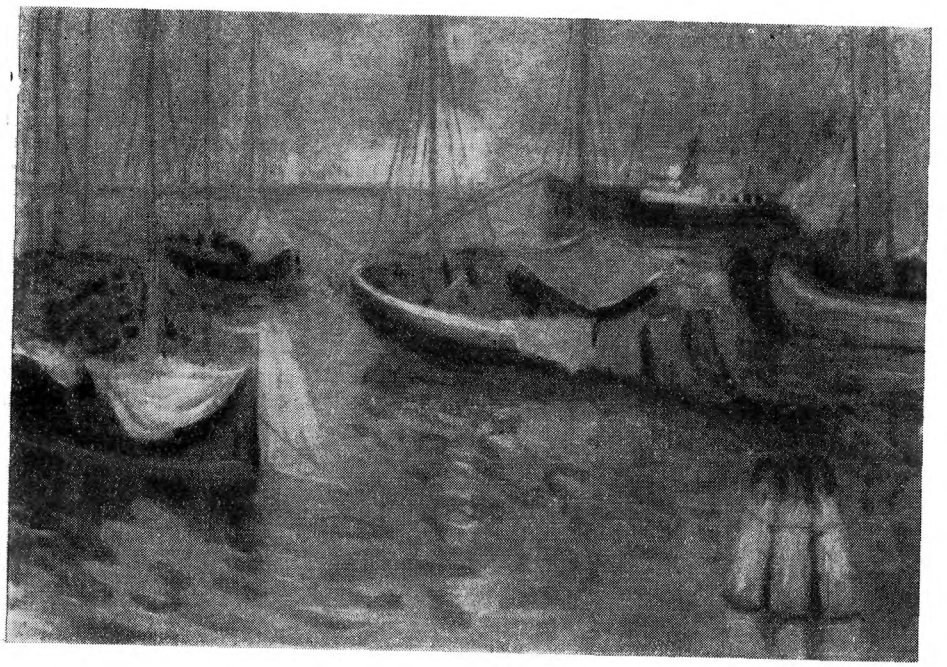
‹Петербург. 15 февраля› 1902 г.

Обещанная речь о «Мире искусства». Все таковы, как то можно ждать по их картинам и писаниям. Дягилева и Философова [1] не было, они за границей. Собрание у Бенуа [2]. Сам Бенуа — немного рыхлый, но умный, спокойный, без порыва, без крика, наблюдатель. На стенах у него какие-то старинные картины, а мебель купленная. А у Дягилева на потолке дракон, и вся мебель с выставок. Сомов — милый мальчик, но очень милый. Глазки ясненькие, губки розовые, говорит тихо, улыбается. Ему бы жить в 30-х годах, и героини Пушкина сходили бы по нем с ума. Лансере — младенец, но он вырастет. Бакст — эстет, декадент и хлыщ, из общества кокоток, но с душой полу-Уайльда. Нурок [3] — стареющий эстет, чтитель Верлена, воспитанный на Гюисмансе [4], что-то школы prince Урусова [5]. Нувель [6] с напомаженными усиками, с мягкими манерами: он победил мою душу любовью к Верхарну. Жена Бакста — дама, какой подобает быть светской даме. Присутствовали еще — Минский, Розанов, Мережковский. Вашу выставку бранят.

Ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: СПБ. 15.II.1902; Москва. 16.II.1902

[1] Дмитрий Владимирович *Философов* (1872—1940) — критик и публицист, руководивший литературным отделом журнала «Мир искусства», после Октября — эмигрант, один из злобствующих антисоветских публицистов.
[2] Александр Николаевич *Бенуа* (1870—1960) — художник, искусствовед, глава и идеолог художественного объединения «Мир искусства». Далее в письме называются фамилии других художников этой группы (К. А. Сомов, Е. Е. Лансере, Л. С. Бакст).
[3] Альфред Павлович *Нурок* (1863—1919) — искусствовед, член редакции журнала «Мир искусства».
[4] Жорж Шарль *Гюисманс* (1848—1907) — французский писатель, популярный у декадентов.
[5] Александр Иванович *Урусов*, князь (1843—1900) — известный адвокат, автор статей по вопросам искусства и литературы. Относился к Брюсову как к поэту отрицательно, считал его «невменяемым».
[6] Вальтер Федорович *Нувель* (1871—1949) — чиновник особых поручений по императорским театрам канцелярии Министерства двора; один из членов-учредителей общества и журнала «Мир искусства»; организатор музыкальных вечеров в Петербурге.
Характеристики Нувеля, Бакста, Сомова в письме перекликаются с записями в *Дневниках* (стр. 115).



ВЕНЕЦИЯ
Картина И. И. Рерберга. Масло, 1900-е годы
Подарена Брюсову художником
Мемориальный кабинет Брюсова, Москва

44

‹Москва. Первая половина марта 1902 г.›

После Петербурга только теперь начинаю оживать. Эта неделя посещений, когда надо было все миги быть настороже, когда надо было всем явить свое *я* сконцентрированным на полчаса,— утомила меня так, что я жаждал одного: стать неразумным, стать зверем, камнем, элементом. Я не писал стихов, не бывал нигде, не думал, не читал... Я отдыхал и упивался отдыхом.

Теперь волей-неволей надо выйти из этого. Прежде всего много дела. С. А. болен совсем и будет еще долго болен. Юргис «пропадает», где, как — ничего неизвестно. А «Северные цветы» все еще не вышли. Надо работать, работать, работать — одному везде. Затем — едет Бальмонт, положим на один день, но опять надо устроить встречу и проводы. Итак, выхожу из своей гробницы и возвращаюсь в мир живых.

Ваш Валерий Брюсов

Конверт не сохранился. Датируется по содержанию: Бальмонт приезжал в Москву в первой половине марта 1902 г.

45

‹Венеция. 5/18› июня 902.

Только завтра утром уезжаем во Флоренцию. Ничего нового. Скучно уже. Венеция хороша, но если можно в ней жить. А *долго быть* в ней, без книг, без других людей и *не* одному — тягостно. Много переписываюсь с Юргисом, который кажется тоже томится. Но он работает, а я ничего не делаю. В конце июня все же надеюсь быть в Москве. Между прочим: разве

все достойное не создано *уже* художниками и поэтами. Здесь, в стране Тинторетто и Беллини, можно только *перестать* быть художником. Тем более во Флоренции!

Ваш В. Б.

Открытка. Почт. шт.: Venezia. 18.6.02; Москва. 10.VI.1902.
В датировке Брюсов допустил ошибку, написав: 6 июня 902.

46

Флоренция, 14⟨/27⟩ июня ⟨1902 г.⟩

После Венеции — Флоренция не хороша. Венеция прекрасна своей ненужностью, своей бесполезностью—она безумие, она бессмыслица, и за это прощаешь ей всю ее театральность и ее грабительство. А Флоренция — город живой, европейский, живущий собственной жизнью. В Венеции главная красота — она сама, жизнь ее каналов, ее женщины в черных шалях и столь же черные гóндолы. Во Флоренции красота запрятана в музеях. Зато сила былой жизни в этих флорентинских музеях поразительная. Святой и умиленный Боттичелли и совершенный Рафаэль, ангельский Джотто, неземной Перуджино — все это можно постичь лишь здесь. Будем во Флоренции еще три дня, после в Viaregio [1] и Genova *.

Ваш Валерий Брюсов

Открытка. Почт. шт.: Firenze. 28.6.02; Москва. 19.VI.02.

[1] В Виареджо жил в это время Балтрушайтис.

47

⟨Петербург.⟩ 22 ноября 1902

Вот уже третья неделя как я брожу по Петербургу. Один. Хорошо и пустынно в душе. И то хорошо, что со мной все чужие. Никого из тех, кого я люблю, никого из тех, кто меня любит. Сладко быть среди тех, кто тебя не знает, чьи души для тебя закрыты. И мне не хочется их открывать. Я не отвечаю, когда кто-либо меня манит к любви. Мне хочется лишь не чувствовать. Ах! довольно было чувств! и отчаянья! и позора! и блаженства! Довольно. Тихий покой, осени мою душу

Ваш Валерий Брюсов

48

⟨Петербург. Январь — февраль 1903 г.⟩

Ах, почему вы мне не пишете. Мне было бы так странно услыхать ваш голос здесь, в этих иных для меня условиях бытия. Это было бы то же, как встретиться вновь (о! через много тысячелетий) с вами после смерти, там, в иных полях, бескрасочных, беззвучных... Каким пламенем пробежал бы этот миг для духа, выветрившегося в небесных скитаниях, утратившего все воспоминания и страсти! Какой невыносимой уже для него полнотой нахлынули бы на него все ощущения того мира, где есть солнце и звездный купол, и цветы и дрожь, все блаженства тела, все кипение крови, вся радуга земли! А! Я так ясно предвижу этот миг, за тысячелетиями, за безвременной безграничностью...

Теперь я просто прошу вас, чтобы вы мне писали. Конечно, я попал опять в круговорот, в водоворот петербургской жизни, увидел вновь

* Геную.

тех, кому говорил о любви, и тех, с кем спорил о заветных тайнах. И вот замелькали дни, как сыпящиеся искры из паровоза, встречи, вечера, великие речи, опять полнота или нет, *наполненность* жизни. Я люблю эту стремительность, когда некогда думать, когда надо поступать тотчас, едва предстанет возможность. Люблю — конечно, не в абсолюте, а люблю до времени. И пока я наслаждаюсь этим пестрым калейдоскопом, сам перекатываюсь, как стеклышко, дышу, горю и сгораю.

Ах, пишите мне.

Я — ваш Валерий Брюсов

Мой адрес: Петербург, Невский 88, кв. 18, ред. ж. «Новый путь», В. Я. Б.

Конверт не сохранился. Датируется по месту написания: в январе — феврале 1903 г. Брюсов находился по делам «Нового пути» в Петербурге.

Приложены стихотворения: «Гимн к Луне» (из Катулла) и «Проходят годы, нисходят//Во гроб поколенья людей...» (из Гейне).

49

‹Париж. 21 апреля/4 мая 1903 г.›

Да, случилось так, что я в Париже [1]. Уехал отдыхать, а устану, пожалуй, больше, чем в Москве. Прежде всего попал в русский кружок, где нашлись у меня и поклонники и враги. Посещаю лекции и сам сегодня вечером читаю — опять свои «Ключи тайн» [2] (в большом кафе, вмещающем до 300 человек — это здесь принято). Вечером попадаю во всевозможные кабаре, т. е. по нашему кабачки. Cabarets artistiques *, где поют и читают стихи особые поэты, для этого только и существующие. Брожу по Парижу, смотрю. Все слово в слово так, как я себе воображал. Но город истинный, многоликий, многоголосый, в котором можно жить, хотя бы и всю жизнь. Да, здесь есть все. От самого тайного и таинственно желанного, до самого явно пошлого. Конечно, liberté, égalité, fraternité ** давно стали словами, но все-таки... В университет вход свободный — идешь и слушаешь, что хочешь. Во все музеи тоже. Какое-то веянье какой-то возможности есть здесь. Есть уличная жизнь, есть народная жизнь, есть история, не скрытая где-то в недоступных министерствах, а создаваемая улицей. Во Франции невольно становишься по-детски республиканцем. Черт побери наше «божией милостью» с его цензурой, запрещающей на «Северных цветах» голого ангела! А потом я так люблю Город, свободный, просторный город, где не жалеют места для простора площадей, где дают насладиться перспективами бесконечных улиц и где дома уходят ввысь на пять, на шесть, на семь этажей — всегда и везде. Мне даже гнусная Эйфелева башня стала казаться менее гнусной. Так торжественно царит она над Парижем, единая, непобедимая, недостигаемая, если подъезжать к городу с северо-востока.

И мне понравился ты, город многоликий... Я сложу стихи о Париже [3].

Ваш Валерий Брюсов

4 мая н. ст. 1903

[1] Весной 1903 г. Брюсов провел в Париже 16 дней.

[2] Реферат Брюсова о поэзии, имевший значение манифеста символистской школы. Был напечатан в № 1 журнала «Весы» за 1904 г.

[3] Под впечатлением этой поездки Брюсов написал стихотворение «Париж» (*UO*). Оно начинается строкой: «И я к тебе пришел, о город многоликий...»

---

* артистические кабаре (*франц.*).

** свобода, равенство, братство (*франц.*).

50

‹Москва. 24 июня 1903 г.›

Привет! дорогая Анна Александровна!

Да, вы правы. Мир остается все тем же, но мы меняемся.

И лжет душа, что ей не нужно
Всего, чего безумно жаль [1].

Я поздравляю Нину со днем рождения. Ей второй год — и мои звери, вероятно, запоздали (но дошли?) Я все-таки часто смотрю на нее — с своего балкона, через лесистый косогор, за 12 верст, нас разделяющих [2]. Я печатаю книгу стихов [3]. Может быть, последнюю. Мне надоело жить (но не быть!) Мне наскучило писать стихи, считаться литератором, читать гнусные брани о себе в газетах и с важным видом поучать юнцов, вроде ликтора — Виктора Гофмана [4]. Право, уйти и просить милостыню на улицах веселее и умнее. Быть может, я так и сделаю.

Пока же живу помещиком, нанимаю баб полоть огород etc, etc. В Москве не буду до августа, так что не пишите туда. Но буду у вас в Верее непременно, пешком, с сестрой, в самых первых числах июля, 1, 2, 3-го.

Ваш очень Валерий Брюсов

Москва, 1903

На конверте почт. шт.: Москва. 25.VI.1903. К письму приложено стихотворение «Колыбельная песня. Нине», датированное 24 июня 1903 г. (*UO*).

[1] Не совсем точно приведенные заключительные строки стихотворения Фета «У камина».

[2] Летом 1903 г. Брюсов жил в Старом Селе Можайского уезда Московской губ.

[3] «Urbi et Orbi».

[4] Виктор Викторович *Гофман* (1884—1911) — поэт и беллетрист, близкий к символистам. Брюсов в своих воспоминаниях о нем пишет: «Одно время Гофман так много времени проводил со мной, что его в нашем кружке прозвали моим ликтором». (В. Гофман. Собр. соч., М., изд. В. В. Пашуканиса, 1917, стр. XXXIV). В стихотворном послании Брюсов обращается к Гофману:

Пусть консул я, а ты — мой ликтор,
Но сходство между нами есть.
(там же, стр. XXXVI).

51

903, Москва ‹6 июля›

Дорогая Анна Александровна!

И опять не собрался быть у вас, и попал-таки в проклятую Москву Но теперь заточаюсь к себе, в Старое Село, ровно на три недели. За это время буду у вас, даю клятвенное обещание. Ах, как хорошо там, где синее небо, зеленая трава и всецветные цветы — прикованные и летучие. Я отвергаю любовь моей юности — город, я молюсь земле.

Очень ваш Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 6.VII.1903.

52

‹Москва, 3 декабря 1903 г.›

Дорогая Анна Александровна!

Моему поведению относительно вас нет имени, но вы это давно знаете. Спасибо за приветствие. Приехать пока, т. е. в *ближайшие* дни, не могу совсем. Добираюсь только до «Скорпиона», и то каждый раз простужаюсь. Стихи

Тютчева, действительно, прекрасны (это я сообщил их в «Новый путь»)[1]. Но ведь вы хвалите их немного в укор мне,

Вот тот мир, где жили мы с тобою...[2]

Ваш Валерий Брюсов

903, декабрь, «Ско рпион»

На конверте почт. шт.: Москва. 3.XII.1903.

[1] В № 11 «Нового пути» за 1903 г. появилась статья Брюсова «Легенда о Тютчеве» и его публикация неизданных писем и неизвестных стихотворений Тютчева.

[2] Строка из стихотворения Тютчева «Накануне годовщины 4 августа 1864 г.», вошедшего в указанную выше публикацию (незадолго до этого стихотворение было напечатано в статье Ф. Ф. Тютчева «Федор Иванович Тютчев. Материалы для его биографии». — «Исторический вестник», 1903, июль, стр. 202).

53

⟨Москва. 14 октября 1904 г.⟩

Дорогая Анна Александровна!

Есть периоды в моей жизни, когда я *не могу* прийти к вам, не в силах смотреть вам в лицо, в глаза. Сейчас мне невозможно было бы говорить с вами. Простите меня. Пожалейте. Не мучьте.

Но всегда ваш Валерий

15 окт. 1904

P. S. На днях пришлю вам стихов и, если позволите, книг.

На конверте шт.: Москва. 14.10.04. Брюсов датирует письмо ошибочно: 15 октября 1904 г.

54

⟨Москва.⟩ 1 ноября 905.

Дорогая Анна Александровна!

Что сказать о себе? Революцией интересуюсь лишь как зритель (хотя и попал под казачьи пули в Гнездниковском пер.)[1] А живу своей жизнью, сгораю на вечном костре. Печатаю новую книгу стихов[2], которую прочтут по нашим дням — пять-шесть человек (хотелось бы, чтобы в их числе были и вы). Пишу свой роман[3], перевожу Данте[4]. От «Весов» и «Скорпиона» уклонился. В жизни, конечно, больше мучительного, чем веселого, но и, конечно, больше радости, чем уныния. Останусь собой, хотя бы, как Андре Шенье, мне суждено было взойти на гильотину[5]. Буду поэтом и при терроре, и в те дни, когда будут разбивать музеи и жечь книги,— это будет неизбежно. Революция красива и, как историческое явление, величественна, но плохо жить в ней бедным поэтам. Они — не нужны.

Привет Нине. Ваш Валерий

[1] В 1905 г. Брюсов называл деятелей революции «близкими», но противопоставлял им свою анархическую позицию: «Ломать я буду с вами, строить — нет» (стихотворение «Близким», 30 июля 1905 г.).

[2] «Stephanos».

[3] «Огненный ангел».

[4] См. наст. том, стр. 678—679.

[5] Андре *Шенье* (1762—1794) — французский поэт, вначале приветствовал революцию 1789 г., но впоследствии перешел на монархические позиции, выступил против казни Людовика XVI и был приговорен Конвентом к смерти.

55

‹Москва.› 14 марта 1907.

Дорогая Анна Александровна!

Я был очень тронут вашим подарком, милым, изящным, дорогим мне. Примите мою благодарность за вашу память обо мне, память, торжествующую над годами и событиями. Смотря на эти красивые, тонкие вышитые цветочки, я испытывал то несказанное чувство, которое знаешь, когда вдруг вновь оказываешься в знакомой обстановке дорогого, потерянного прошлого... Если мне удастся воплотить ваш замысел, у меня в моей библиотеке будет наконец любимая книга.

Боюсь давать еще раз обещания, но все же верьте, что только мучительный распорядок моей жизни не позволяет мне заглядывать к вам в Сокольники так часто, как мне того хотелось бы. Привет Воле, Нате [1] и Нине.

Всегда ваш Валерий Брюсов

[1] Брюсов снова забыл, что старшую дочь Шестеркиной зовут Леной.

56

Brienz, 31 août 1909 (Suisse)
‹Бриенц (Швейцария). 18/31 авг. 1909 г.›

Дорогая Анна Александровна!

Простите, что до сих пор не писал вам. Все переезжал с места на место. Теперь на некоторое время поселился более прочно на берегу Бриенцского озера. Швейцария, увы! — точь в точь такая, как на картинках с конфетных коробок. Надеюсь вскоре написать вам подробнее.

Всегда ваш Валерий Брюсов

Открытка. На обороте — вид на Эйгер, Мёнх и Юнгфрау.

57

1 octobre 1909, Paris
‹Париж. 18 сентября/1 октября 1909 г.›

Дорогая Анна Александровна!

Вспоминаете ли вы меня? Я опять «пропал» за границей. Вот уже третий месяц я вне России и возвращаться не хочется вовсе. Пробуду здесь столько, сколько будет можно. Мысль, что окажусь опять в Москве, среди ее дрязг, ее дел, ее толпы,— ужасает меня. Мне так хорошо вне моей обычной жизни, среди равнодушной парижской толпы, в неизвестности, в отчужденности... Ах! бежать бы! совсем бы бежать из России.

Я вам писал из Швейцарии — несколько слов. Получили ли вы?

Напишите мне о себе, о своих печалях (я не очень верю в радости), о Нине, о всех. Мне будет желанно увидеть ваш почерк на конверте. Пока мой адрес: 15, rue de la Terrasse, Paris (P. S. Этот адрес *лишь для вас*).

Ваш всегда Валерий

Закрытое письмо — «секретка».

58

‹Москва.› 2 н‹оября› 909.

Дорогая Анна Александровна!

Простите и то, что я молчал по приезде, и то, что так долго не отвечал на ваше письмо. Я был болен, был очень занят и чувствую себя очень, очень плохо. Не далее как завтра исполню вашу просьбу; надеюсь вместе

с тем и написать вам подробнее. К вам приеду только тогда, когда оправлюсь душевно. Очень я не люблю показываться на глаза, даже самым расположенным ко мне людям, с душой расстроенной. Поймите и простите.

Ваш всегда Валерий Брюсов

Открытка. Почт. шт. отсутствует.

59

‹Нордвик-ан-Зее (Голландия).› 15/28 июля 1913

Дорогая Анечка,

робко прошу принять мой привет с берегов Немецкого моря. О себе сообщить нечего: купаюсь, брожу, думаю. (Надо же иногда и думать? правда?) Надеюсь, что вы и все ваши «в добром здравии» — да? Целую вашу руку.

Ваш Валерий

Noordwijk-aan-Zee

Открытка. На обороте — вид: S. Gravenhage, Hofvijver.

ПИСЬМА к М. ГОРЬКОМУ

Публикация Ю. А. Красовского и В. Н. Чувакова

Знакомство Горького и Брюсова произошло в конце сентября 1900 г. В письме к Чехову в начале октября этого года Горький сообщал: «В Москве познакомился я с Брюсовым. Очень он понравился мне,— скромный, умный, искренний» (М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 28, стр. 135).

Брюсов по просьбе Горького прислал ему свою книгу «Tertia vigilia» с надписью: «Максиму Горькому, сильному и свободному, жадно любящий его творчество Валерий Брюсов. 1900. Октябрь» («Летопись ⟨...⟩ А. М. Горького», в. 1. М., 1958, стр. 285). Горький откликнулся на эту книгу в «Нижегородском листке» (1900, № 313, 14 ноября). Письмо Брюсова к Горькому по поводу этой статьи явилось началом их переписки. Однако различие их общественных позиций привело к тому, что в 1901 г. связь между писателями прерывается. В 1900-х годах они, находясь в разных, враждующих между собой идейно-литературных лагерях, порой выступают как литературные противники, но каждый из них продолжает внимательно следить за творчеством другого.

Новое сближение между писателями и оживление их переписки происходит в годы, предшествующие Октябрьской революции, когда Горький привлекает Брюсова к сотрудничеству в издательстве «Парус» и журнале «Летопись», к работе над сборниками армянской, латышской, финской, украинской и еврейской литератур в переводах на русский язык. Пристально следя за этой деятельностью Брюсова, Горький писал ему 23 февраля 1917 г.: «Очень хочется работать с вами много и долго. И — это не комплимент, поверьте! — я не знаю в русской литературе человека более деятельного, чем вы. Превосходный вы работник!» (М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 29, стр. 380). Эту оценку Горький повторил и в письме к Ромену Роллану от октября 1924 г., извещая своего корреспондента о том, что «умер один из крупнейших русских поэтов, Валерий Брюсов»: «Он был искуснейшим мастером русского стиха ⟨...⟩ Человек широко образованный, умный, он очень много сделал для русской литературы ⟨ ..⟩ За 25 лет своей работы он сделал столько, сколько другие не сделали за 50 лет» (Архив Горького, ПГин 60—6—10).

Личные и литературные взаимоотношения обоих писателей охарактеризованы в статьях: А. Ильинский. Горький и Брюсов (*ЛН*, т. 27-28) и Э. С. Литвин. Горький и Брюсов («Труды Ленинградского библиотечного института им. Н. К. Крупской», т. II. Л., 1957).

Известно 11 писем Горького Брюсову (1900—1917). Все они опубликованы в «Печати и революции» (1928, № 5). Девять из них вошло в т. 28 и 29 тридцатитомного собрания сочинений.

Сохранилось 9 писем Брюсова Горькому: 2 (черновики, 1900—1901) — в ГБЛ, ф. 386. 70.40 (напечатаны в сообщении А. Ильинского — *ЛН*, т. 27-28); 1 (1908) — в ЦГАЛИ, в составе коллекции Ю. Г. Оксмана; 6 (1908—1917) — в Архиве Горького, КГ-п 11—15 (3 из них напечатаны в кн.: «М. Горький. Материалы и исследования», т. 1. Л., 1934, стр. 185—190).

Все публикуемые ниже письма: № 1 (ЦГАЛИ) и № 2—4 (Архив Горького) — автографы.

1

Неаполь, 16/29 августа 1908

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Блуждая по Европе, забрел я (в первый раз) в Неаполь [1] и, конечно, посетил Капри. С высоты мне показали ваш дом — villa di Massimo Gorki, di bravo uomo *. Несколько минут я колебался, не посетить ли вас. Меня остановила мысль, что все русские, приезжающие на Капри, считают это своим долгом и, конечно, надоели вам своими посещениями [2]. Но я не могу победить своего желания послать вам этот письменный привет. Пользуюсь случаем выразить вам свою неизменную любовь как писателю и человеку. Знаю, что обыкновенно мнения «Весов» отождествляют с моими, но это несправедливо. «Весы» говорят иное по соображениям тактическим [3]. Я же всегда с интересом слежу за вашим творчеством, и последнее ваше произведение, «Исповедь», доставило мне много счастливых минут. Благодарю вас за него [4].

Верьте моему всегдашнему уважению.

Валерий Брюсов

P. S. Если бы у вас нашлось несколько слов, чтобы написать мне, то мой летний адрес: St. Jean de Luz (France, Basses Pyrenées, Hôtel Beau Rivage **).

[1] Летом и осенью 1908 г. Брюсов совершил путешествие в Италию, Францию и Бельгию.

[2] О поездке Брюсова на Капри (15/28 августа 1908 г.) и о случайностях, помешавших ему посетить Горького, рассказывается в «Воспоминаниях И. М. Брюсовой» (см.: *ЛН*, т. 27-28, стр. 644).

[3] «Весы» вели яростные атаки против Горького и писателей-знаньевцев в рецензиях и обзорах не только З. Гиппиус, С. Кречетова, М. Пантюхова, Эллиса, но и самого Брюсова, выступавшего под псевдонимами: Пентаур, В. Бакулин и др. Критики «Весов», говоря о таких произведениях Горького, как «Человек», «Дачники», «Варвары», «Тюрьма», «Часы», «Враги», «Мать», «Последние», находили в них только резонерство, риторичность, банальность и т. п. В рецензии, подписанной «И. Смирнов» («Весы», 1905, № 4), Брюсов предвосхищал заявления Д. Философова и З. Гиппиус о «конце Горького» как художника. Только со второй половины 1908 г., после появления «Исповеди», в оценке творчества Горького на страницах «Весов» наблюдается перемена. Наиболее отчетливо это проявилось в статье Б. Бугаева «На перевале. XII. Слово правды» («Весы», 1908, № 9). Об отношении «Весов» к Горькому см. в кн.: К. Д. Муратова. Возникновение социалистического реализма в русской литературе. Л., 1966, гл. 4-я, и в ст.: Ю. Паниян. Критическая деятельность Брюсова в журнале «Весы» («Молодой научный работник. Научные исследования», № 4. Серия общественных наук. Ереван, 1966), а также в наст. томе, стр. 277—278 и 308.

[4] Отвечая Брюсову 18/31 августа 1908 г., Горький писал: «За отзыв об «Исповеди» — спасибо. Сам я очень недоволен ею — дидактично написал» (М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 29, стр. 75).

2

Saint-Jean-de-Luz, 21 Sept. 1908
‹Сен-Жан-де-Люз, 8/21 сентября 1908 г.›

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Простите, что отвечаю так поздно. Вскоре по приезде в С.-Жан-де-Люз пришлось мне ехать на неделю в Бретань, и ваше письмо прочел я лишь по возвращении. Ю. Балтрушайтис лето проводил в Меррекюле, на бе-

---

* в иллу Максима Горького, славного человека (*итал.*).

** Сен-Жан-де-Люз (Франция, Нижние Пиренеи, отель «Прекрасный берег») (*франц.*).

М. ГОРЬКИЙ
Фотография. Капри, 1906
Музей А. М. Горького, Москва

регу Балтийского моря, но мне пишут, что он уже возвратился в Москву [1]. Его обычный адрес: Покровские ворота, д. Оловянишниковых.

Благодарю вас за письмо, которое очень оценил [2].

Неизменно уважающий вас Валерий Брюсов

Ответ на письмо Горького от 18/31 августа 1908 г. (М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 29, стр. 75).

[1] Горький просил сообщить адрес Ю. Балтрушайтиса, так как намеревался привлечь его в качестве переводчика для задуманного в «Знании» сборника произведений литовских писателей. Издание сборника не состоялось, но к своему плану Горький вернулся *позже, в ноябре 1915 г., когда договорился с Балтрушайтисом о совместном* редактировании сборника литовской литературы на русском языке. В качестве переводчиков, кроме самого Балтрушайтиса, предполагалось привлечь А. Блока, К. Бальмонта, Вяч. Иванова, А. Ремизова, Ф. Сологуба. Однако издание и этого сборника не осуществилось. См.: Б. Сруога. Горький и литовская литература.— Газ. «Вильняус

Балас», 1941, № 140, 18 июня. Письма Балтрушайтиса к Горькому см.: «Вопросы литературы», 1968, № 7 (публикация В. Салинки).

[2] В письме от 18/31 августа 1908 г. Горький писал Брюсову: «Грустно, что вы не зашли ко мне <...> Вы встретили бы у меня людей, которые и знают и ценят вас <...> Завтра иду на юг Италии пешком, возьму с собою вторую книгу ваших «Путей» и «Нечаянную радость» Блока. Люблю читать стихи в дороге <...> Сердечный привет, искренние пожелания все большего роста и расцвета духа вашего...» (М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 29, стр. 75).

3

Село Белкино, 27 июля 1910

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Мне очень приятно было, что вы вспомнили обо мне, давая рекомендации в Москве Уго Ойетти [1], и весьма грустно, что в свое время я не мог ему оказать никакой услуги. Подобно всем москвичам, лето я провожу вне Москвы, а в этом году в таком «углу», куда и письма попадают не каждый день. Поэтому ваше письмо, пересланное мне Ойетти, дошло до меня только тогда, когда сам он уже уехал в Казань. Надеюсь еще увидеть его и, сколько сумею, помочь познакомиться с Москвой не только по Бедекеру — на обратном его пути, около 10—11 августа.

Ойетти как писателя я, конечно, давно знаю: об нем не раз писали у нас в «Весах» [2], а недавно даже консервативнейшие «Русские ведомости» перевели один его рассказ (не из лучших) [3].

Пользуюсь еще раз случаем выразить вам мое глубокое уважение и лично к вам, и к вашему творчеству, уважение, которое с годами освобождается от примеси разных случайных чувств, растет и крепнет [4]. Желаю вам счастливой осени и доброго расположения для новых работ.

Вам преданный Валерий Брюсов

На бланке «Общества свободной эстетики».

[1] Уго *Ойетти* (Ugo Ojetti, 1871—1946) — итальянский художественный и литературный критик, беллетрист. В начале творческого пути симпатизировал социализму, в дальнейшем перешел на националистические позиции. С Горьким познакомился во Флоренции в ноябре — начале декабря 1907 г. Написал статью о повести Горького «Мать» («Corriere della Sera», 1907, № 348, 21 dicembre). Горький просил Ойетти написать статью о современной итальянской литературе для задуманного литературно-публицистического сборника, редактирование которого предполагалось поручить В. В. Вересаеву (см. письмо Горького Вересаеву от декабря 1907 г.— Собр. соч. в 30 томах, т. 29, стр. 41—42). Издание сборника не осуществилось. Летом 1910 г., перед поездкой в Россию, Ойетти встретился с Горьким и получил от него рекомендательные письма к Брюсову, К. С. Станиславскому, Н. И. Иорданскому, С. И. Мамонтову, А. Галлен-Калела и др. 29 августа 1910 г., после завершения поездки, Ойетти писал Горькому из Стокгольма, что, хотя его встречи с Брюсовым, Станиславским, Иорданским, А. А.Смирновым и Галленом не состоялись, «путешествие в Россию прошло очень хорошо, и этим мы в большой степени обязаны вашим добрым рекомендательным письмам» («Архив А. М. Горького», т. VIII, 1966, стр. 256). В Москве Ойетти был принят С. И. Мамонтовым. Много лет спустя, 20 марта 1926 г., Ойетти письмом просил Горького прислать ему статью на политическую тему или воспоминания о жизни в Италии для редактировавшейся Ойетти газеты «Corriere della Sera» («Архив А. М. Горького», т. VIII, стр. 258). В ответном письме, от марта — апреля 1926 г., Горький решительно отклонил это предложение, сославшись на оскорбительный для себя выпад Ойетти в его рецензии на книгу Зинаиды Гиппиус, «которая сделала своим ремеслом всяческую ложь и клевету на меня». «На вашем месте,— продолжал Горький,— я бы, прежде чем предлагать человеку сотрудничество и напоминать ему о дружбе, спросил его: сколько правды в том, что пишут о вас Гиппиус <...> и многие другие?» (там же, стр. 259).

[2] См.: Giovanni Papini. Письмо из Италии (Firenze). Давая обзор новинок итальянской художественной литературы, Дж. Папини называет вышедший в Милане сборник новелл Ойетти «Il cavallo di Troia». По мнению критика, в новеллах Ойетти «гораздо больше парижского, чем итальянского. Читаются они охотно, но в них нет решительно никакой глубины» («Весы», 1904, № 11, стр. 25).

[3] Новелла Ойетти «Пятьдесят лир».— «Русские ведомости», 1910, № 168, 23 июля.

[4] К концу 1900-х годов Брюсов перестал выступать в печати против Горького и писателей-реалистов.

4

‹Москва› 20 июля 1917

Дорогой Алексей Максимович!

Вы знаете (и я этого никогда не скрывал), что многого в «Новой жизни» я не разделяю [1]. Тем острее я чувствую потребность пожать вам руку, когда о вашей газете и о вас говорят и пишут — то, что теперь говорят и пишут [2]. Недавно я прочел в какой-то газете (не знаю, факт или измышление) будто где-то солдаты громили памятник Пушкина; по этому поводу с ужасом кричали, что вся культура в опасности. Но не из среды ли кричащих это вышли те лицедеи (не измышление, а факт), которые отказались играть ваше «На дне»: поступок — безусловно той же категории. Сопоставление двух сообщений подсказало мне сонет, который и прошу принять как выражение моих чувств [3].

Душевно преданный вам Валерий Брюсов

На бланке председателя Московского комитета по делам печати. К письму приложены сонет Брюсова «Максиму Горькому» (впоследствии под названием «Максиму Горькому в июле 1917 года» вошел в сборник *ПМ*) и вырезка из неустановленной газеты с текстом следующей заметки, озаглавленной «Против Максима Горького»:

«Артисты Народного дома в Москве отказались от участия в пьесе М. Горького, предложенной к постановке. Отказ артистов является протестом против деятельности М. Горького в качестве руководителя газеты большевистского направления «Новая жизнь».

[1] Газета «Новая жизнь», одним из редакторов которой был Горький, стала выходить в Петрограде с 18 апреля 1917 г. В газете, стоявшей тогда, по определению В. И. Ленина, «на самом левом крыле мелкобуржуазных демократов» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 101) и занимавшей в вопросе о войне, при всех своих шатаниях, интернационалистскую, антишовинистическую позицию, первое время (до конца августа 1917 г.) участвовали и некоторые большевики. Брюсов, сотрудничавший в горьковских изданиях, еще в марте 1917 г. был приглашен принять участие в «Новой жизни». Отвечая на это предложение, он писал 25 апреля 1917 г. соредактору Горького А. Н. Тихонову: «...Наконец, — «Новая жизнь». Вероятно, вас не удивит, если я скажу, что с некоторыми из позиций, занятых газетой, я в основе не согласен ‹...› Я давно предупреждал вас, что ни к какой политической партии не принадлежу, считаю, что к общественно-политической деятельности я «не призван», и стараюсь в этой области активно не выступать ‹...› Такие боевые органы должны собирать сотрудников-единомышленников, а я не вижу, что мог бы я дать газете в ее духе» (ГБЛ, ф. 386. 72. 44, л. 38 об.). В 1917 г. в «Новой жизни» (№ 40,4 июня) было напечатано стихотворение Брюсова «Тридцатый месяц».

[2] Имеется в виду травля Горького буржуазной печатью, начатая статьей В. Бурцева «Или мы или немцы и те, кто с ними. Письмо в редакцию» в газете «Русская воля», 1917, № 159, 7 июля, в которой Горький за его «пораженчество» обвинялся в «измене родине». Ссылаясь на Бурцева, бульварная петроградская газета «Живое слово» (1917, № 53,7 июля) прямо причисляла Горького к «германской агентуре». 9 июля 1917 г. «Русская воля» (№ 161) опубликовала новую статью Бурцева «Не защищайте М. Горького! Письмо в редакцию», появившуюся в тот же день и в «Новом времени» (№ 14822). Выражая лицемерное несогласие с «Живым словом», «Русская воля» тем не менее отказалась предоставить свои страницы для ответного письма Горького — Бурцеву («Русская воля», 1917, № 163, 12 июля). Горький ответил Бурцеву двумя открытыми письмами, напечатанными в «Новой жизни» (1917, № 70, 9 июля, и № 72, 12 июля). В кампании против Горького приняла участие и газета «Единство», поместившая статью М. Городецкого «Не травите наших детей. Открытое письмо М. Горькому» (см.: «Единство», 1917, № 88, 13 июля).

[3] «Вы очень тронули меня за сердце, Валерий Яковлевич,— редко случалось, чтоб я был так глубоко взволнован, как взволновало меня ваше дружеское письмо и милый ваш сонет,— писал Горький Брюсову 25 июля 1917 г.— Спасибо вам. Вы — первый литератор, почтивший меня выражением сочувствия, и — совершенно искренно говорю вам — я хотел бы, чтоб вы остались и единственным. Не сумею объяснить вам, почему мне хочется, чтоб было так, но — вы можете верить — я горжусь, что именно *вы* прислали мне славное письмо. Мы с вами редко встречались. Вы мало знаете меня, и мы, вероятно, далеки друг другу по духу нашему, по разнообразию и противоречию интересов, стремлений. Тем лучше,— вы поймете это,— тем ценнее для меня ваше письмо. Спасибо. Давно и пристально слежу я за вашей подвижнической жизнью, за вашей культурной работой, и я всегда говорю о вас: это самый культурный писатель на Руси! Лучшей похвалы — не знаю; эта — искренна» (Собр. соч. в 30 томах, т. 29, стр. 382—383).

ПИСЬМА К ПЕТЕРБУРГСКИМ И МОСКОВСКИМ ЛИТЕРАТОРАМ

Публикация Э. С. Литвин, А. Н. Дубовикова, М. В. Рыбина, К. Н. Суворовой, Н. А. Трифонова

В обширной переписке Брюсова очень большое место занимают его письма ко многим деятелям литературы: поэтам, критикам, историкам литературы, издателям. Эпистолярное наследие Брюсова разнообразно и разностильно. Друзьям и близким людям он мог раскрывать свои чувства и переживания, писать письма порой даже исповеднического характера. С адресатами публикуемых здесь писем его связывали преимущественно литературно-деловые отношения, и это определило основное содержание писем.

В настоящую подборку включены избранные письма к семи петербургским и двум московским литераторам, ранее не печатавшиеся совсем или приводившиеся только в извлечениях. Выбраны письма, в которых нашли отражение какие-либо значительные стороны литературной деятельности Брюсова, те или иные существенные черты его личности.

В ряде писем, преимущественно 1900-х годов, Брюсов выступает как организатор литературного движения, привлекающий участников и сотрудников для «Скорпиона», «Весов», «Северных цветов», позднее «Русской мысли».

Другие письма содержат сведения о работе Брюсова над своими произведениями, об издании его книг, о некоторых его неосуществленных замыслах.

Брюсов часто предстает перед нами как неутомимый пушкинист, как знаток и исследователь творчества Тютчева, как переводчик Данте, Байрона, Верхарна и других поэтов. В этом отношении интересно, например, письмо к А. Е. Грузинскому, которое как бы вводит нас в лабораторию брюсовской работы над переводом баллады Шиллера «Ивиковы журавли».

Привлекают внимание выразительные, хотя подчас и очень субъективные, отзывы Брюсова о творчестве поэтов-современников: Минского, Мережковского З. Гиппиус, Бальмонта, Сологуба, Блока, Балтрушайтиса, Городецкого, Гумилева, Северянина.

Особенно интересны для нашего читателя те письма, в которых отчетливо выступает рост критического отношения поэта к окружающей его эстетско-декадентской литературной атмосфере, к модным тогда религиозным исканиям, к символистским журналам, к другим современным модернистским направлениям, в частности к акмеизму и футуризму. Богатый материал дают, например, письма к З. Гиппиус, проникнутые подчеркнуто ироническим отношением к декадентской литературной среде, уподобляемой Брюсовым «Содому и Гоморре», и содержащие резкие оценки модернистских журналов и издательств.

Публикация заканчивается письмом советского периода к П. С. Когану; здесь мы видим Брюсова уже в качестве руководителя Литературно-художественного института, озабоченного тем, чтобы будущие литераторы получали серьезную общественно-политическую и философско-методологическую подготовку, изучая марксизм,

Письма к Н. М. Минскому, З. И. Гржебину, П. В. Быкову, Е. В. Аничкову, С. А. Венгерову подготовила к печати Э. С. Литвин; письма к З. Н. Гиппиус — А. Н. Дубовиков, к А. Н. Чеботаревской — К. Н. Суворова, к А. Е. Грузинскому — М. В. Рыбин, к П. С. Когану — Н. А. Трифонов.

Н. М. МИНСКОМУ

Николай Максимович *Минский* (Виленкин, 1855—1937) — поэт, публицист, философ, начавший свой литературный путь в конце 1870-х годов под знаком народнической гражданственности. В 1884 г. выступил со статьей «Старинный спор», отвергавшей традиции шестидесятников и отстаивавшей индивидуализм и «чистое искусство». В своих стихах этого времени становится одним из зачинателей русского символизма. Его философский трактат «При свете совести» (1890), содержавший изложение мистико-идеалистического учения, названного «меонизмом», явился, по определению Плеханова, «евангелием от декаданса», попыткой дать теоретическое обоснование настроениям представителей «новой поэзии». Получив в 1905 г. разрешение на издание газеты «Новая жизнь», Минский под впечатлением революционных событий согласился передать ее в распоряжение большевиков, которые из цензурно-тактических соображений оставили его в качестве официального редактора. Однако, когда Минский пытался повлиять на характер литературно-философского отдела газеты и стал развивать мысль о возможности сочетания социалистических взглядов с религиозно-мистическими верованиями, большевистское ядро редакции устранило его от фактического участия в газете. После запрещения газеты Минский как редактор был привлечен к судебной ответственности по обвинению в призыве к «ниспровержению существующего в государстве общественного строя», но освобожден до суда под большой денежный залог и, воспользовавшись этим, эмигрировал во Францию. В 1913 г. получил разрешение вернуться в Россию. Летом 1914 г. вновь выехал на время за границу, где его застала мировая война и где он оставался и после Октябрьской революции. Живя в Лондоне, работал в 1920-х годах в советском полпредстве.

Знакомство Брюсова с Минским относится к 1898 г. (см.: *Дневники*, стр. 54). Молодому Брюсову были близки эстетические взгляды Минского. Однако впоследствии, признавая историческую роль Минского в становлении «новой поэзии», Брюсов весьма критически отозвался о его поэтическом творчестве (см.: *Далекие и близкие*, стр. 46—53).

Письма Брюсова к Минскому хранятся в ИРЛИ, ф. 39, ед. хр. 169 (5 писем, 1901—1903) и в ГБЛ, ф. 386. 70. 22а (одно письмо, 1903). Печатаемые здесь письма (ИРЛИ) — автографы. Сохранилось также 7 писем Минского к Брюсову (1902—1912) в ГБЛ и одно письмо (1904) в ИМЛИ.

1

‹Москва. 23 января 1901 г.›

Многоуважаемый Николай Максимович!

Спасибо за вашу новую книгу [1]. Сегодня я получил ее и сегодня же прочел, узнал всю, до конца, сколько могу: авторы обыкновенно такую поспешность в читателях осуждают. Впечатление, что здесь ваши лучшие стихи. В прошлом есть у вас более замечательные замыслы (хотя бы «Свет Правды» [2]), более обширные, более любопытные,— но своего *совершенства* вы достигли лишь здесь. «Волны», «Осенняя песня», все «листья», всё о тишине и море — совершенство. В «Волнах» едва ли не каждого отдельного стиха достаточно, чтобы создать новое, цельное стихотворение. И освободились вы от той небрежности стиха, которая — несмотря на все мои убеждения — смущала меня хотя бы в «Забвении и молчании» [3], которая чувствуется еще в «Холодных словах» [4], но почти во всей книге исчезла, побеждена. Читаю и буду читать эти «Новые песни» со страстью, с тем чувственным услаждением образами, звуками, красками, которому противоположить вашего бесстрастия — не умею.

Опять и опять ваш читатель (как в годы ранние, в дни юности туманной)

Валерий Брюсов

P. S. Хотелось бы воспользоваться поводом и помянуть, что вы оставили «Скорпиону» надежду и на ваши стихи. Альманах уже печатается, но ведь вставить несколько стихотворений всегда есть возможность [5]. Участвующими определились окончательно: Случевский, Фофанов, Бальмонт, Ф. Сологуб, П. Перцов, З. Гиппиус, Вл. Гиппиус, Ореус, Балтрушайтис, я, а в историческом отделе: Фет, К. Павлова, Вл. Соловьев, А. И. Урусов.

В

На конверте почт. шт.: Москва. 23.I.1901; Петербург. 25, I.1901.

[1] Н. М и н с к и й. Новые песни. СПб., 1901.
[2] «Свет Правды. Индийская легенда в стихах». — «Северный вестник», 1892, № 12.
[3] «Забвение и молчание. Надпись к барельефу».— В кн.: Н. М. М и н с к и й. Стихотворения. Изд. 3-е. СПб., 1896, стр. 151—154.
[4] «Холодные слова. Рождественская фантазия».— «Северный вестник», 1896, № 1.
[5] Стихи Минского в *СЦ-1901* не появились (см. *Дневники*, стр. 101).

2

‹Москва. 11 марта› 1903 ‹г.›

Уважаемый Николай Максимович!

Пока я отдал в набор обе ваши статьи [1]; посмотрим, сколько получится страниц, ибо счет по буквам всегда обманывает. А пропустить вторую — жаль: она интересна, важна, связана с первой. Заглавием ставлю — «О двух путях добра».

Что до вашего сборника, то ответ все тот же, который мне уже случалось вам передавать: «Скорпион» должен издать сначала *девять* уже оплаченных им книг [2] и начать замышленные им издания Ницше и Ибсена [3], только тогда получит он свободу для новых изданий. Вместе с ежегодными «Северными цветами» это, наверное, займет года два, а то и больше. Стоит ли задумываться о таком будущем!

Ваш Валерий Б р ю с о в

На конверте почт. шт.: Москва, 11.III.1903; Петербург. 12.III.1903

[1] Напечатано в альманахе «Северные цветы на 1903 год», стр. 131—147.
[2] Вскоре издательство «Скорпион» осуществило свои планы. В каталоге издательства, приложенном к № 1 «Весов» за 1904 г., назван ряд книг писателей-символистов, вышедших к началу 1904 г. или выходящих в ближайшее время (среди них книги К. Бальмонта, А. Белого, В. Брюсова, З. Гиппиус, Л. Зиновьевой-Аннибал, И. Коневского, Вяч. Иванова, Д. Мережковского, Ф. Сологуба).
[3] Сочинения Ницше в издательстве «Скорпион» не выходили, хотя в каталоге на 1904 г. были объявлены под рубрикой «Готовятся к печати». Собрание сочинений Ибсена также не появилось; была издана лишь драма «Когда мы мертвые проснемся», перевод С. А. Полякова и Ю. Балтрушайтиса, 1900; 2-е изд.— 1904.

3

‹Москва. 18 марта› 1903 г.

Уважаемый и дорогой мне Николай Максимович!

В вашем письме ко мне была доля неудовольствия, словно почти обиды. Мне это очень больно. Воистину мне помнилось, что я говорил вам о «девяти изданиях». О них вы прочтете во всех новых книгах «Скорпиона», между прочим на моем сборнике писем Пушкина, который я вчера послал вам [1]. «Скорпион» и так не исполняет своих обещаний перед авторами. Сологуб совсем сердится: его сборник купили год назад, а до сегодня и не начинали печатать [2]. Друзьям Ореуса-Коневского обещали издать его посмертный сборник (кстати — это *десятое* обещание) два года назад, а тоже

Н. М. МИНСКИЙ
Фотография Д. С. Здобнова
СПб., начало 1900-х годов
Литературный музей, Москва

еще не начинали... [3] Надо же остановиться и не давать дальнейших клятв, которые дать очень хочется, но которые явно не будут *исполнены*.

Чтобы быть вполне откровенным, скажу, что ваше предложение и само по себе не очень прельстило нас. Как-то у предложенной вами книги не было своего raison d'être. Книга Мережковского иное дело. Он подводит итог своей, уже окончившейся деятельности как поэта. Вам сделать это невозможно. Вы всегда были и будете всегда гораздо более *поэтом*, чем Мережковский. Недавно в обществе читал я ваши «Волны». У Мережковского нет и не может быть ни одного подобного *стиха*, ни одной подобной *строки*. Он в стихах мыслитель, публицист, ритор. Поэтому он *мог* перестать писать стихи. Вы их писать будете всегда. Зачем же вам издавать выборку *из прежних стихов*, и для кого? Зачем вы обрекаете кого-либо прочесть только ваши стихи о любви?

Но в наших отказах можно усмотреть нежелание «Скорпиона» издавать ваши книги. Это будет несправедливо совсем. (Говорю не от своего лица: вы один из *моих* «любимейших» поэтов, писателей; говорю от имени «Скорпиона».) Дайте нам издать любую вашу новую книгу — вы исполните одно из лучших наших желаний. Позвольте «анонсировать» рядом со сборниками Мережковского, Сологуба, Гиппиус и ваш сборник, будущую книгу новых ваших стихов [4]. Она войдет в черед изданий «Скорпиона»; и именно, вероятно, к тому дню, когда настанет время ее печатать, то есть *возможность* для «Скорпиона»,— у вас соберется новых стихов на новый томик. Так к осени, к зиме 1904 года. Позвольте же.

А еще очень прошу вас, не переносите на меня своих отношений к «Скорпиону». Если я и говорю от его имени, все же я «сам по себе» существую. Что же упрекать актера, когда он повторяет реплики, назначенные ему автором.

Уважающий и преданный Валерий Брюсов

На конверте почт. шт.: Москва. 18.III.1903; Петербург. 19.III.1903

[1] «Письма Пушкина и к Пушкину». Новые материалы, собр. под ред. В. Брюсова. М., «Скорпион», 1903.

[2] Сборник Сологуба вскоре был издан: Ф. Сологуб. Собрание стихов, кн. III—IV (1897—1903). М., «Скорпион», 1904.

[3] Иван Коневской. Стихи и проза. Посмертное собр. соч. (1894—1911). Со статьей Валерия Брюсова. М., «Скорпион», 1904.

[4] По-видимому, Минский согласился с этим, и в каталоге издательства «Скорпион» на 1904 г. под рубрикой «Готовятся к печати» было объявлено «Собрание стихов» Н. Минского, но книга не вышла.

4

‹Москва. 3 декабря 1903 г.›

Уважаемый Николай Максимович!

Особого обозревателя русской литературы в «Весах» не будет. О русских книгах будут писать все участники. Но мы очень надеемся, что вы возьмете на себя разбор книг философских, в виде ли отдельных рецензий или в виде «повременных» статей — как найдете удобным. И, конечно,— об этом мы уже не говорим — мы были бы очень рады, если бы вы дали нам и отдельную, самостоятельную статью [1].

Ваш Валерий Брюсов

1903, декабрь

На конверте почт. шт.: Москва. 3.XII.1903; Петербург. 4.XII.1903.
К письму приложен печатный анонс о выходе в 1904 г. журнала «Весы», в числе сотрудников журнала назван и Н. Минский.

[1] Ни «самостоятельная» статья Минского, ни его рецензии в «Весах» за 1904 г. не печатались. Лишь в номере 12 за 1904 г. было дано изложение лекции Минского «Нравственная проблема наших дней», прочитанной 13 ноября 1904 г. в Петербурге, в аудитории Тенишевского училища, с примечанием: «Изложена по подлинной рукописи автора» (стр. 46—47).

З. И. ГРЖЕБИНУ

Зиновий Исаевич *Гржебин* (1868—1929) — художник. позднее занялся издательской деятельностью. Был одним из организаторов издательства «Шиповник» (1906—1918), возглавлял издательство «Пантеон» (1907—1910), затем участвовал в работе издательства «Парус» (1916—1918). В 20-х годах продолжал издательскую деятельность за границей, в Берлине. В 1918 г. Гржебину, организовавшему собственное издательство, были переданы «Парусом» рукописи Брюсова, подготовленные для собрания сочинений в 10 томах. «Издание не осуществилось, но надежда на его появление была полная»,— вспоминает И. М. Брюсова (см.: И. М. Брюсова. Материалы к биографии Валерия Брюсова.— В кн.: *Избр. стихи 1933*, стр. 145).

Письма Брюсова к Гржебину хранятся в ИРЛИ, ф. 444, ед. хр. 36 (2 письма, 1908—1910) и в ГБЛ, ф. 386. 71. 2 (2 письма, 1916 и б. д.). Первое из печатаемых здесь писем (ИРЛИ) — автограф, второе — машинопись с автографической подписью. В архиве Брюсова (ГБЛ) сохранилось также 29 писем Гржебина к нему (1906—1915).

1

‹Москва.› 25 января 1908 г.

Многоуважаемый Зиновий Исаевич!

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Перевод «Филиппа II» подвигается вперед довольно медленно. Мою первоначальную мысль — сделать перевод белыми стихами — я должен был после опыта

и размышления оставить. Теперь я перевожу трагедию стихами рифмованными, что много труднее. Боюсь даже приблизительно указать время, когда возможно будет доставить вам рукопись. Это зависит не столько от «усердия» переводчика, сколько от удачи и от того расположения духа, которое в высшем его проявлении называют вдохновением. Хочу только заверить вас, что работа идет, и почти каждый день прибавляет к переводу тот или иной отрывок [1].

Мне хотелось бы знать, писали ли вы Верхарну о авторизации моего перевода? Для меня такая авторизация была бы очень важна. Как мы уговаривались с вами, я согласен получить за этот перевод гонорар по 75 р. с листа. Так как в трагедии, кроме прозы, более 700 стихов, гонорар этот очень невысок, и я думаю, что издательство могло бы даже предложить какую-либо небольшую сумму Верхарну за авторизацию.

Что касается «Франчески», то она все в том же положении. Я до сих пор не могу добиться от Вячеслава Иванова ответа, согласен ли он, чтобы все остающиеся сцены перевел я. Как только я получу это согласие, я докончу перевод и вышлю вам рукопись [2].

Перевод Вилье де Лиль Адана подходит к концу [3].

Из доставленного вами мне проспекта «Пантеона» [4] я вижу, что вы вели переговоры с некоторыми лицами о переводах с французского, помимо меня. Полагаю, что практика дела непобедимо покажет, что такой порядок вещей вполне естественен. Такое предприятие, как «Пантеон», требует централизации, и я нахожу справедливым, чтобы все нити его были сосредоточены в ваших руках. Позвольте же мне с этих пор считать себя только сотрудником «Пантеона» и в этом смысле написать ответ всем, обращавшимся ко мне как к «редактору» французского отдела. Верьте, что это не нарушит нисколько моих добрых отношений с издательством [5].

Очень рад, что вам пришлась по душе моя поэма [6]. Благодарю вас за присылку мне сборника «Театр» и оттисков моей статьи [7]. Должен ли я за гонораром (за эту статью) обратиться в магазин Гуревича (и тогда какова причитающаяся мне сумма?) или гонорар будет мне выслан непосредственно из Петербурга?

Душевно ваш Валерий Брюсов

P. S. На днях обратится к вам некто г. Эфрос, молодой человек, сделавший новый перевод «Песни песней» — с еврейского подлинника, сохранив особенности напева. Мне этот опыт показался удачным. Не подойдет ли он для «Пантеона»? [8]

В. Б.

[1] Драма Верхарна «Филипп II» в переводе Брюсова была анонсирована в проспекте издательства «Пантеон», но не появилась. О работе Брюсова над переводом этой драмы см. наст. том, стр. 571-573.

[2] Г. Д' Аннунцио. Франческа да Римини. Перевод с итальянского В. Брюсова и В. Иванова. Предисл. «Герои Д' Аннунцио в истории» В. Брюсова. СПб., «Пантеон», 1908. См. переписку Брюсова с Вяч. Ивановым в наст. томе, стр. 509—511.

[3] Вилье де Лиль Адан. Жестокие рассказы. Перевод Б. Рунт, под ред. и с предисл. В. Брюсова. СПб., «Пантеон», 1909.

[4] Проспект книгоиздательства «Пантеон» вышел отдельной брошюрой в 1908 г.

[5] 31 октября 1907 г. З. И. Гржебин, извещая Брюсова об организации издательства «Пантеон», которое будет существенно отличаться от «Шиповника», писал: «Очень просим вас всю *Францию* взять на себя» (ГБЛ, ф. 386. 84. 2). 11 февраля 1908 г., отвечая на публикуемое письмо Брюсова к нему, Гржебин оправдывался: «Искренне пишу вам, что вы как редактор французского отдела делу *крайне* необходимы. Но положение Пантеона в настоящее время не таково, чтобы мы могли решиться на это. У нас просто средств нет сейчас ‹...› Я не могу платить вам как редактору...» (там же).

[6] Поэма Брюсова «Исполненное обещание» (альманах «Шиповник», кн. IV. СПб., 1908).

[1] В. Брюсов. Реализм и условность на сцене.— В сб.: «Театр. Книга о новом театре». СПб., «Шиповник», 1908.
[2] «Песнь песней Соломона». Перевод в стихах с древнеевр. и примеч. А. Эфроса. СПб., «Пантеон», 1909.

2

Москва, 3 февраля 1910

Многоуважаемый Зиновий Исаевич!

Я очень рад, что «Пантеон» оживает, и особенно буду рад (повторяю то, что говорил не раз), если мне представится возможность работать для него. С самого начала я приветствовал *идею* «Пантеона», и мне было грустно, что в своей деятельности он не всегда проводил ее последовательно [1]. Благодарю вас за все ваши сообщения о ваших намерениях и постараюсь ответить вам на все ваши вопросы настолько подробно, насколько это возможно в письме.

1) «Пушкин» и «Бодлер» [2]. Эти две работы я обещал М. С. Фарбману [3]. Обе они мне по сердцу, и я охотно принялся бы за них в ближайшем будущем. Но думаю, что издание этих книг надо уже приурочить к осени. Издать их к весне — трудно, а выпускать в свет летом, как злополучных «Лириков» [4], решительно не стоит. Однако готовить обе книги (например, заказывать переводы) пора уже теперь. Через несколько дней я пришлю вам новый, подробно разработанный план этих изданий. Но, разумеется, осуществление их зависит прежде всего от денежных средств, которыми располагает «Пантеон». Я предполагаю, что гонорар по каждой из этих книг (12—13 листов) достигнет 500—600 рублей. Притом часть этого гонорара надо будет выплатить вперед, так как невозможно, например, заставлять переводчиков ждать несколько месяцев.

2) «Средневековая новелла». Я плохой знаток средневековой литературы. Однако кое-что в ней все же смыслю. Поэтому, если вы очень настаиваете, готов перевести для вашего издания одну или две новеллы. В свое время я восхищался «Гептамероном», у меня есть хорошее издание этой книги, есть грамматика и словарь старофранцузского языка. Итак, если хотите, я переведу для вас несколько страниц «Гептамерона» [5]. Укажите только, какие новеллы вам желательны. (Кстати сказать, «Гептамерон» написан, конечно, не в Средние века, а в эпоху Возрождения, но я принимаю ваш термин в ходячем смысле, по которому моего «Огненного ангела» все критики упорно называют «Средневековой повестью».)

3) «Любовная лирика XVIII века». Замысел книги, безусловно, интересен, но думаю, что выполнить его будет не легко. Очень уж мало изучена эта область до сих пор. Сообщите, пожалуйста, все ли переводы исполнены г-жей Верховской? [6] Если нет, я пришлю свой перевод одного стихотворения, взятого мною из известного издания «Galante Gedichte aus der deutschen Barockzeit, herausgegeben von Franz Blei» * (начало XVIII века).

4) Очень одобряю издание Новалиса [7] и «Фиаметты» [8]. Что до «Петера Шлемиля» [9], то боюсь, не скучноват ли он. К тому же он был уже дважды (если не ошибаюсь) переведен на русский язык, и не так давно. Впрочем, конечно, исторически это значительное произведение.

5) Вы меня не приглашаете участвовать в издании Флобера. И вы правы, потому что для таких работ у меня совершенно нет времени. Но вот в чем дело. Нередко ко мне обращаются молодые писатели, прося указать какую-нибудь работу. Я их обыкновенно направляю в «Пользу» (Уни-

* «Галантные стихотворения времен немецкого Барокко, издал Франц Блей» (*нем.*).

версальная библиотека) [10], в которой и издано несколько рекомендованных мною переводов. Однако я чувствую некоторую неловкость этого, так как сам не нашел времени ничего перевести для «Пользы», несмотря на свои неоднократные обещания. Не найдется ли теперь в предпринимаемом вами издании Флобера таких частей, которые вы могли бы предоставить моим протеже, причем за достоинства перевода я, конечно, ручался бы? И еще вопрос: напечатаете ли вы переводы Тургенева «Юлиана» и «Иродиады»? Соблазнительно потягаться с Тургеневым, но и опасно...

Ваш всегда Валерий Брюсов

P. S. А 10 экз. «Лириков» я так и не получил.

[1] В проспекте «Пантеона» (1908) основная задача издательства определялась следующим образом: «Цель книгоиздательства ⟨...⟩ — собрать шедевры мировой литературы и сделать их достоянием русского читателя ⟨...⟩ «Пантеон» составит Библиотеку мировой литературы в ее самых характерных проявлениях...»

В № 11 «Весов» за 1908 г. Брюсов поместил заметку «Пантеон», подписанную: М. П. Признавая, что проспект издательства содержит «проекты интереснейших книжек», Брюсов отмечал, что «осуществление, к сожалению, слабее ⟨...⟩ Книжек издано меньше десяти», и что подбор выпущенных книг «не кажется ⟨...⟩ систематическим» (стр. 66—67)

[2] Ни сборник произведений Пушкина, ни сборник стихов Бодлера в издательстве «Пантеон» не вышли.

[3] Михаил Семенович *Фарбман* (1880—1933) — сотрудник издательства «Пантеон», доверенное лицо Гржебина

[4] «Французские лирики XIX века». Перевод в стихах и биобиблиографические примечания Валерия Брюсова. СПб., «Пантеон», 1909.

[5] «Гептамерон» — сборник новелл королевы Маргариты Наваррской (1492—1549). Сборник «Средневековая новелла» не был издан «Пантеоном».

[6] Речь идет о кн.: «Сборник любовной лирики XVIII века». С биобиблиографическими примечаниями Анны Веселовской. СПб., «Пантеон», 1910. В письме Гржебина Брюсову, содержавшем сообщение об этой книге, не указывалось, что в антологию входят произведения только русских поэтов. Это дало Брюсову повод предложить свои переводы. Гржебин в письме назвал составительницу сборника Верховской (см. ГБЛ, ф. 386. 84. 2).

[7] *Новалис* (Фридрих фон Харденберг, 1772—1801) — немецкий поэт-романтик.

[8] «Фиаметта» (написана в 1343 г., издана в 1472 г.) — ранняя автобиографическая повесть Джовани Боккаччо (1313—1375).

[9] Фантастическая повесть «Необычайные приключения Петера Шлемиля» (1814) Адельберта фон Шамиссо (1781—1838), немецкого писателя-романтика.

[10] Издательство «Польза» в Москве (владелец В. Антик) выпускало серию «Универсальная библиотека», «цель которой дать русским читателям лучшие образцы мировой литературы за самую дешевую цену» (Каталог издательства «Польза», 1912 г.) Под редакцией и с предисловиями Брюсова были изданы следующие выпуски этой серии: Вилье де Лиль Адан. Жестокие рассказы. Перевод Б. Рунт. М., 1909; Эркман-Шатриан. Рейнские рассказы. Перевод с франц. Б. Рунт. М., 1910; А. де Ренье. Первая страсть. Роман. Перевод с франц. Б. Рунт. М., 1910; Л. Деларю-Мардрюс. Исступленная. Роман. Перевод с франц. Н. Петровской. М., 1912. Позднее в той же серии были изданы собственные произведения Брюсова: «Обручение Даши. Повесть из жизни 60-х годов». М., 1915; «Избранные стихи. 1897—1915 гг.» М., 1915; «Рея Сильвия. Элули сын Элули». М., 1916, а также: Э. Верхарн. Собрание стихов. Перевод и предисл. Брюсова, 1915; 2 изд.— 1917.

П. В. БЫКОВУ

Петр Васильевич *Быков* (1843—1930) — библиограф, беллетрист, историк литературы, редактор выходивших в издательстве А. Ф. Маркса собраний сочинений русских писателей (Тютчева, Лермонтова, Лескова, Станюковича, Шеллера-Михайлова и др.). В 1909 г. Быков обратился к Брюсову с просьбой написать очерк о жизни и творчестве Тютчева для нового издания сочинений поэта. Брюсов сначала отказался от этой работы, но после вторичного настойчивого обращения Быкова, который считал его лучшим знатоком биографии Тютчева, дал свое согласие. Критико-биографический очерк о Тютчеве был напечатан в кн.: Ф. И. Тютчев. Полн. собр. соч. СПб., изд.

А. Ф. Маркса, <1912>, стр. VII—XLVII. О научном значении этой и других работ Брюсова о Тютчеве см. в кн.: Е. П. Тиханчева. Брюсов о русских поэтах XIX века. Ереван, «Айастан», 1973, стр. 5—42.

Письма Брюсова к Быкову хранятся в ИРЛИ, ф. 273, оп. 1, ед. хр. 709 (5 писем, 1910), в ГБЛ, ф. 386.70.15 (одно письмо, 1910), в ГПБ, ф. 118, ед. хр. 246 (одно письмо, 1909). Из публикуемых здесь писем п. 1 (ГПБ) и 3 (ИРЛИ) — автографы, п. 2 (ИРЛИ) — машинопись. В архиве Брюсова (ГБЛ) сохранились также 14 писем Быкова к нему (1909—1910).

1

15 ноября 1909. (Москва, Цветной, 24)

Многоуважаемый Петр Васильевич!

Вы пишете с такой убедительностью, что у меня нет сил настаивать на своем отказе, как говорится, «принципиально» [1]. Но я искренно боюсь, что мое участие будет затруднением для вашего издания. Дело в том, что я никак не могу приняться за работу по биографии Тютчева раньше самого конца декабря. Ближайшие недели я должен посвятить Пушкину, так как давно обещал С. А. Венгерову две статьи для следующего тома его издания [2]. Таким образом, в самом лучшем случае я не смогу доставить вам свой биографический очерк раньше середины января 1910 г. Притом нового сказать о жизни Тютчева и о его поэзии мне нечего. Я принужден буду повторять свои статьи из «Русского архива» [3] и «Нового пути» [4] и свой очерк, приложенный к портрету, изданному г. Кнебелем [5]. Конечно, на Тютчева, как поэта, у меня есть свои взгляды, сколько мне кажется вполне самостоятельные, но они столь спорны, что им решительно не место в предисловии к собранию сочинений поэта. Неуместно было бы мое личное понимание Тютчева ставить между ним и его читателями. Этим читателям нужен Тютчев, а не я...

Обдумайте все эти мои доводы, многоуважаемый Петр Васильевич. Может быть, вы в конце концов согласитесь, что критико-биографический очерк для вашего издания лучше написать не мне, а кому-либо другому.

Искренно вас уважающий Валерий Брюсов

[1] Письма Быкова к Брюсову (от 22 августа и 4 ноября 1909 г.), содержащие просьбу написать очерк о Тютчеве, приведены в упомянутой выше книге Е. П. Тиханчевой «Брюсов о русских поэтах XIX века», стр. 29.

[2] «Неоконченные повести из русской жизни» и «Египетские ночи». См.: Собр. соч. Пушкина под ред. С. А. Венгерова, т. IV. СПб., 1910, стр. 264—270 и 444—449.

[3] Важнейшая из этих работ — «Ф. И. Тютчев. Летопись его жизни» (*РА*, 1903, № 11, стр. 481—498; № 12, стр. 642—652; 1906, № 10, стр. 310—320).

[4] Легенда о Тютчеве.— «Новый путь», 1903, № 11, стр. 15—30.

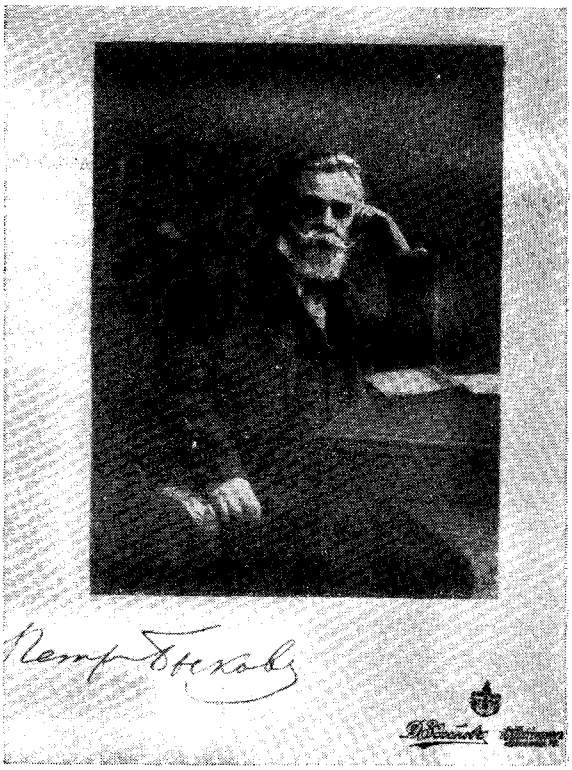
[5] «Портреты русских писателей. Ф. И. Тютчев. Биографический очерк Валерия Брюсова». М., изд. И. Н. Кнебеля, 1906.

2

Москва. 5 мая 1910 г.

Многоуважаемый Петр Васильевич!

Согласно с вашим желанием, я передал «Уранию» [1] П. И. Бартеневу [2]. Он, однако, нашел нужным запросить Тютчевых, позволяют ли они перепечатать эти стихи в «Русском архиве». Тютчевы в таком позволении отказали, ссылаясь на то, что право издания ими передано Марксу. Как ни убеждал я Петра Ивановича, что у него есть и нравственное и юридическое право перепечатать в историческом издании стихи из всеми забытой брошюры, он остался непреклонным. Мне остается только вернуть вам вашу рукопись.



П. В. БЫКОВ
Фотография, 1900-е годы
Центральный архив литературы и искусства СССР, Москва

Очень благодарю вас за присылку корректур вашего издания. Я их просмотрел, сколько то мне позволяли разные мои занятия. Не сумею сделать вам никаких других указаний, кроме того одного, которое, кажется, уже было мною сделано в одном письме. Именно, что в «Послании в ответ на «Оду на вольность» стих 11 надо читать:

Вещать царям оцепенелым...

Этого требует смысл, в виду предыдущего стиха:

Забыв их сан, забыв их трон...

Какой «сан», какой «трон» может быть у «сердец»? [3] Я мог бы еще возразить против порядка, в котором стихотворения расположены. Так, пьесы «Еще земли печален вид», «Сумерки», «Как птичка раннею зарей», судя по их стиху, относятся не к самому первому периоду творчества Тютчева; между тем у вас они стоят раньше стихов «Декабристам», то есть раньше 1825 г. Впрочем, я хорошо знаю, как трудно восстановить хронологию ранних стихов Тютчева [4].

Над своей статьей [5] я работаю усиленно. Мне уже совестно вновь давать обещания после того, как я их столько раз не исполнял, но все же должен сказать, что начало ее надеюсь вам выслать в начале будущей недели...

С глубоким уважением Валерий Брюсов

[1] «Урания» — раннее стихотворение Тютчева, прочитанное на торжественном собрании Московского университета и опубликованное в издании «Речи и отчеты Московского университета за 1820 год». Впервые включено в собрание стихотворений Тютчева П. В. Быковым.

[2] О П. И. Бартеневе см. наст. том, стр. 629—630.

[3] Автограф «Послания» не сохранился. В шестом издании полного собрания сочинений Тютчева под ред. Быкова (1912) 11-я строка была напечатана в том варианте, против которого возражал Брюсов: «Вещать сердцам оцепенелым». В седьмом издании и в издании, являющемся приложением в «Ниве» (1913), эта строка читалась «Вещать тиранам закоснелым». Однако в последнем, восьмом издании А. Ф. Маркса (Пг., б/г.) Быков принял поправку, ранее предложенную Брюсовым, и напечатал: «Вещать царям оцепенелым». В советских изданиях принят текст «Вещать тиранам закоснелым» (см., например: Ф. И. Тютчев. Стихотворения. Письма. М., 1957, стр. 38).

[4] В издании под ред. Быкова политическая лирика Тютчева была выделена в особый раздел и необходимость хронологического соотнесения стихотворения «Декабристам» с другими произведениями, о чем писал Брюсов, отпала. В советских изданиях стихотворения, перечисленные Брюсовым, относятся к произведениям, написанным не позднее 1836 г

[5] Над критико-биографическим очерком «Ф. И. Тютчев».

3

Москва. $19\frac{30}{X}10$ г.

Многоуважаемый и дорогой Петр Васильевич!

Благодарю вас за ваши хлопоты по высылке мне гонорара за мой очерк о Тютчеве. Но контора Печковской, которой было поручено в Москве уплатить мне этот гонорар, потребовала с меня расписку, в которой значилось, что я уступил этот очерк издательству А. Ф. Маркса «в полную литературную собственность». Как вы знаете, такого условия не существовало в тех переговорах, которые мы с вами вели. Я никому не хочу уступать свои статьи в полную собственность, потому что намерен перепечатывать их в различных своих книгах. Все литературные права на свой критико-библиографический очерк Тютчева я сохраняю за собой и всегда думал, что уступаю его для вашего издания на тех же условиях, на каких статью обычно уступают журналу, то есть для однократного напечатания. Я мог бы (во всяком случае оставив за собою право включать статью в свои книги) предоставить издательству перепечатывание статьи в последующих изданиях Тютчева, с тем, однако, чтобы она каждый раз вновь представлялась мне на пересмотр, причем считал бы справедливым, чтобы за каждое новое издание я получал гонорар особо, хотя бы и не в том размере, как за первое издание, а по новому соглашению.

Простите, дорогой Петр Васильевич, что я принужден удручать вас такими деловыми рассуждениями. Но для меня расписка, предложенная издательством, была полной неожиданностью, и мне не к кому обратиться за объяснениями как к вам [1].

Вы меня очень обрадовали вашим последним письмом, и я надеюсь, что издание Тютчева пойдет далее вполне успешно.

Сердечно ваш Валерий Брюсов

Мой адрес: 1-я Мещанская, 32, Москва

[1] К этой теме о сохранении литературных прав на свою статью Брюсов возвращается и в следующем письме к Быкову, от 3 ноября 1910 г.

Е. В. АНИЧКОВУ

Евгений Васильевич *Аничков* (1866—1937) — историк литературы, фольклорист, критик, приват-доцент Киевского, а затем Петербургского университетов, один из организаторов Русской высшей школы в Париже, биограф Н. А. Добролюбова и редактор собрания его сочинений (1912—1913). После 1917 г.— эмигрант. В своих критических работах о современной литературе благожелательно отзывался о творчестве символистов, особенно Бальмонта и Брюсова (см.: Е. Аничков. Литературные об-

разы и мнения. СПб., 1904). В 1910 г. по поручению петербургского издательства «Деятель» Аничков предложил Брюсову подготовку нового собрания сочинений Пушкина. Брюсов, воодушевленный опытом работы над Пушкиным для венгеровского издания, дал свое согласие. Он писал Аничкову 3 декабря 1910 г.: «. . . возможность дать Пушкина совершенно по своему, мною самим обдуманному плану — настолько заманчива, что я готов на риск большой ответственности и перед издателями и перед обществом (что для меня важнее и страшнее), и на тяготу большой работы, необходимой для того, чтобы томы поспевали вовремя и чтобы все издание было закончено в сравнительно небольшой срок». Брюсов с 1910 по 1913 г. занимался биографией и текстологией Пушкина, однако издание не состоялось. Подготовленные для него материалы были использованы Брюсовым уже после Октябрьской революции, когда он выпустил первую часть первого тома Полного собрания сочинений Пушкина. О пушкиноведческих работах Брюсова см. статью Э. С. Литвин «В. Я. Брюсов о Пушкине» (*Чтения 1963*).

Письма Брюсова к Аничкову хранятся в ИРЛИ, ф. Р-1, оп. 2, ед. хр. 115, и ф. 123, ед. хр. 2 (20 писем, 1906—1913), в ЦГАЛИ, ф. 1008, оп. 1, ед. хр. 3, и в составе коллекции Ю. Г. Оксмана (5 писем, 1906—1910) и в ГБЛ, ф. 386. 69.21 (одно письмо, 1913). Большая часть их связана с изданием Пушкина. Печатаемые здесь письма 1, 3 и 4 — автографы, письмо 2 — машинопись (все из ИРЛИ). В архиве Брюсова (ГБЛ) сохранилось также 26 писем Аничкова к нему (1906—1910); одно письмо (1910) — в ИРЛИ, ф. 444, ед. хр. 49.

1

‹Москва.› 28 января 1911

Многоуважаемый Евгений Васильевич!

Бога ради, объясните издателям, что я *не могу* продавать ни одной своей строки в полную и неотъемлемую собственность кого бы то ни было. Речь идет почти что исключительно о принципе. Почти наверное я, даже если буду издавать «Полное собрание своих сочинений», не включу в него своего биографического очерка Пушкина, не говоря уже о примечаниях, которые без текста не имеют смысла. Кроме того, мною написано уже теперь свыше 20 томов! Что в этой массе будут значить 2—3 листа очерка о Пушкине! Наконец, я *обязуюсь* не перепечатывать *ничего* в течение 5 лет со дня выхода *последнего* тома вашего издания. Помилуй боже, разве это не достаточные гарантии? Но все мною написанное я *должен* сохранить в своей собственности [1].

Работа над Пушкиным у меня подвигается. Скоро я сумею сообщить вам со всей точностью сроки, в какие буду вам сдавать приготовленные части. Сейчас пишу историю текста и работаю над биографией. Будут ли в издании рисунки и какие?

О венгеровском Пушкине в «Русской мысли» хочет писать «сам» П. Б. Струве. Поэтому к нему вам и надлежит обратиться с вопросом, возможна ли рядом ваша рецензия (Струве будет больше писать «по поводу») [2]

Ваш Валерий Брюсов

[1] Насколько важно было для Брюсова сохранить за собой право на все им написанное, видно также из более раннего письма тому же адресату, в котором Брюсов, познакомившись с условиями издательства, писал: «Я готов отказаться от перепечатки своего критико-биографического очерка жизни Пушкина и своих примечаний в различных отдельных изданиях своих статей. Но я решительно не могу отказаться от всяких литературных прав на то, что пишу. Все мои писания, значительные и незначительные, в конце концов должны возвратиться в мою собственность» (начало декабря 1910 г.— ЦГАЛИ, ф. 1008, оп. 1, ед. хр. 3, л. 4).

[2] Ни статья П. Б. Струве о венгеровском издании Пушкина, ни рецензия Аничкова в «Русской мысли» не появились.

2

‹Москва.› 18 октября 1912 г.

Многоуважаемый Евгений Васильевич!

Почти не нахожу слов, чтобы не оправдать, а сколько-нибудь объяснить свое поведение перед вами и издательством. Могу привести только два довода, которые хоть немного объяснят вам мою медлительность. Во-первых, я всю эту зиму не мог освободиться от работы над своей повестью «Алтарь Победы», работы, которая против моего ожидания, отнимала у меня много времени. Хотя повесть была написана сравнительно давно, для каждой книги журнала приходилось обрабатывать ее главы почти заново [1]. Разумеется, это не может служить никаким оправданием для издательства, перед которым я взял на себя известные обязательства. Но вам это объяснит мою медленность и позволит поверить, что теперь, когда моя повесть закончена, я буду иметь возможность со всею интенсивностью взяться за Пушкина. Во-вторых, самая работа над изданием Пушкина все же оказалась гораздо более сложной, чем я ожидал. Конечно, я с самого начала предвидел всевозможные затруднения, особенно в 1 томе, куда входят стихи, текст которых наименее выработан. Но, работая над этим томом (верьте, что я работал всю зиму), я столкнулся с *тысячами* недоразумений, нерешенных вопросов, невыясненных обстоятельств, которые раньше мне не были известны.

Во всяком случае, если вы и издательство столь великодушны, что все еще оставляете эту работу за мною, я теперь посвящу себя, кроме работы по редакции, *исключительно* Пушкину и не предприму ничего значительного, пока этого дела не закончу. 1 том был подготовлен мною к печати *еще весною*. Остается только решить некоторые второстепенные вопросы и, главное, написать биографию. Последнее особенно затрудняет меня по причинам, которые я в свое время излагал вам. Но, конечно, я постараюсь одолеть эти затруднения и, при всей невозможности в наше время дать настоящую биографию Пушкина, дам хотя бы обстоятельный ее очерк. Уверен, что в течение 4—5 недель рукопись 1 тома будет в ваших руках. Остальное готовить к печати будет *гораздо легче* и, после 1 тома, следующие я буду доставлять вам в любые сроки, какие вы сами захотите мне назначить.

Уважающий вас Валерий Брюсов

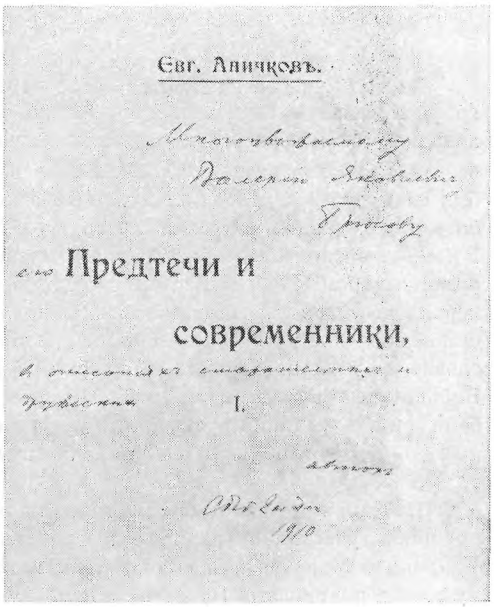
[1] Повесть печаталась в «Русской мысли», 1911, № 9, 11, 12, и 1912, № 1—6, 8—10.

3

‹Москва.› 27 декабря 1912

Многоуважаемый Евгений Васильевич!

Работая над Пушкиным, я остановился сейчас над вопросом, как относиться к вариантам. Из того образца моих «примечаний», которые я вам послал, вы могли видеть, что я привожу лишь «важнейшие» [1]. Но, во-первых, деление на «важнейшие» и «менее важные» — крайне зыбко; во-вторых, моя любовь к каждой строке Пушкина побуждает меня включать в число «важнейших» вариантов едва ли не все. Через это примечания становятся громоздкими и обширными. Боюсь, что для вашего издания этого не нужно. Оно назначено для чтения, а не для научного изучения Пушкина (так?). Кроме того, значительное число приводимых вариантов потребовало бы нумерации стихов (иначе невозможно разыскивать разночтения), а это придало бы изданию вид педантический. Сам я начинаю склоняться к тому мнению, что число даваемых вариантов надо свести до minimum, т. е. приводить лишь сильно переработанные отрывки, и притом представляющие



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ Е. В. АНИЧКОВА

на книге «Предтечи и современники». СПб., 1910: «Многоуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову его ‹«предтечи и современники»›, в описаниях старательных и дружеских, автор. СПб., 2-ое дек. 1910»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

нечто цельное, или же разночтения, важные в биографическом отношении. В таком духе я готов переработать уже написанные примечания и вести их дальше. Но в этом случае мне особенно важно ваше решение. Если вы предпочитаете, чтобы собрание вариантов было более или менее полное,— я сделаю так. Если же вы согласны со мной, что для вашего издания предпочтительнее самый строгий выбор разночтений,— я займусь таким отбором. Жду вашего ответа.

Ваш Валерий Брюсов

[1] Образец примечаний Брюсова для этого издания не сохранился.

4

‹Москва.› 15.I.13

Многоуважаемый Евгений Васильевич!

По-прежнему я очень жду *верстки* первых корректур Пушкина. Сообразно с внешним видом листов, я должен сделать некоторые изменения в дальнейшем материале (разделение стихов на строфы etc). У меня вполне готовы годы 1815 и 1816, и я их вам вышлю тотчас, как получу первые листы сверстанными. Примечания заново переделываю согласно с вашими указаниями, то есть варианты ставлю отдельно, а собственно примечаниям придаю другую форму.— Я всегда знал, что издание Пушкина — дело трудное. Но, сознаюсь вам, что если бы я предвидел, в какой мере оно трудно, сложно и кропотливо, я никогда не взялся бы за него. Но alea jacta est *, и я свой труд продолжаю. Труднейшее — в начале, дальше будет легче.

Ваш Валерий Брюсов

* жребий брошен (*лат.*).

С. А. ВЕНГЕРОВУ

Семен Афанасьевич *Венгеров* (1855—1920) — историк литературы, критик, библиограф. Издавал «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. От начала русской образованности до наших дней» (т. 1—6, 1886—1904; издание не закончено). Руководил изданием «Библиотеки великих писателей» фирмы Брокгауз-Ефрон, был одним из редакторов энциклопедического словаря той же фирмы, возглавлял работу над изданием «Русская литература XX века» (СПб., изд. «Мир», 1914—1916). В 1908 г. организовал пушкинский семинарий при Петербургском университете. Был организатором (1917) и первым директором Российской книжной палаты. Одним из первых деятелей академической науки признал художественные достижения и историческое значение русского модернизма. В статье «Победители или побежденные» (Послесловие к публичной лекции «Основные черты истории новейшей русской литературы». Библиотека «Светоч». СПб., 1909) Венгеров писал о том, что модернизм соединяет в себе исконные традиции русской литературы с естественным исканием новых литературных форм. Большое место заняли декаденты и символисты в книге «Русская литература XX века».

Начиная с 1903 г. и до самой смерти Венгерова Брюсов был его постоянным сотрудником, участником ряда его литературных и библиографических работ: переводил Байрона и Мольера для «Библиотеки великих писателей», работал в Румянцевском музее над рукописями Пушкина и написал несколько небольших исследований о жизни и творчестве Пушкина для венгеровского издания; ему принадлежит также ряд статей в «Новом энциклопедическом словаре» и главы о Блоке, Коневском, Гиппиус в «Русской литературе XX века». Сотрудничество Брюсова с Венгеровым продолжалось и после Октябрьской революции. В 1917—1918 гг. Брюсов заведовал Московским отделением Российской книжной палаты и всеми силами старался помочь Венгерову в трудных условиях тех лет наладить дело государственной регистрации произведений печати.

С Венгеровым Брюсова связывало не только постоянное деловое сотрудничество, но и укреплявшиеся с годами общность интересов и чувство личной симпатии. Их объединяли фанатическая преданность литературе, необычайная широта литературного кругозора, преклонение перед Пушкиным и Данте, интерес к кропотливым библиографическим разысканиям, наконец, поразительное трудолюбие. Брюсовым был написан некролог Венгерова (см.: «Художественное слово», кн. 2, 1920).

И по количеству писем, и по богатству содержания переписка с Венгеровым выделяется среди других писем Брюсова к литераторам несимволистского лагеря. Обширность этой переписки и актуальность затронутых в ней тем (история издания Пушкина, проблемы художественного перевода, политические воззрения и литературные оценки Брюсова) давно привлекали внимание советских исследователей, и многие письма публиковались полностью, либо в отрывках. 70 писем, касающихся издания Пушкина, поместил Н. Л. Степанов в 1 томе «Литературного архива» (М.—Л., 1938 стр. 304—351). Несколько писем напечатал в сборнике «Мастерство перевода» Н. Соколов (М., 1959, стр. 368—388). Цитаты из отдельных писем приводились в работах ряда советских литературоведов. Но при выделении отдельных тем (Брюсов-переводчик, Брюсов-пушкинист, Брюсов о судьбах «новой поэзии» и т. д.) разрушалась целостность письма, исчезала характерная для Брюсова многосторонность интересов. Поэтому некоторые письма, известные до сих пор в отрывках, печатаются нами полностью (п. 2—5). Письма 1 и 6—11 до сих пор в печати не появлялись.

Письма Брюсова к Венгерову хранятся в ИРЛИ, ф. 377, № 1—4 (168 писем, 1900—1918), в ЦГАЛИ, ф. 113, оп. 1, ед. хр. 8 (5 писем, 1915) и в ГБЛ, ф. 386.70.18 (5 писем, 1909—1918). Печатаемые здесь письма 1—9 (ИРЛИ) и 10—11 (ЦГАЛИ) — автографы. В ИРЛИ, ф. 444, ед. хр. 51—54, сохранились также 95 писем Венгерова к Брюсову (1903—1916).

С. А. ВЕНГЕРОВ
Офорт
С дарственной надписью:
«Николаю Михайловичу Лисовскому,
старому приятелю и собрату.
С. Венгеров»
Литературный музей, Москва

1

‹Москва.› 1904. Ноябрь.

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

Извиняюсь, что отвечаю с промедлением. Но тотчас по получении вашего письма я написал Ю. Балтрушайтису [1] (Firenze, Fiesole, villino Terrazza), прося его немедленно известить вас телеграммой о своем окончательном решении. Я знаю Юргиса Казимировича как человека легко увлекающегося, быть может и склонного с преувеличенной легкостью давать обещания,— но всегда очень строго относящегося к принятым на себя обязательствам, особенно литературным. Ни «Скорпиону», ни Саблину, ни Скирмунту [2], с которым он работал, не приходилось в этом отношении жаловаться на него. С другой стороны, чисто личные обстоятельства жизни выбили его за последние месяцы из колеи и могли заставить его быть неисправным, особенно в таком деле, как стихотворный, то есть все-таки «творческий» перевод.

Что до меня, я с большим удовольствием перевел бы несколько стихотворений из «Часов досуга» [3]. На днях перечитаю эти стихи и тотчас сообщу вам, какие пьесы мне хотелось бы оставить за собой.— По-прежнему очень прошу прислать мне для пополнений мою автобиографию [4], когда дойдет до нее очередь. Но я не думаю изменять ее сухого тона. Я так много грешил в своей деятельности излишне откровенным тоном, ненужными признаниями перед читателями, что теперь мое единственное желание — как можно меньше выставлять свою личность на показ, скрыть ее — в стихах за внешними образами, в статьях за отвлеченными мыслями, в автобиографии за непререкаемыми фактами. Но, конечно, автобиографии, собранные в последнем томе вашего Словаря, кое-чему научили меня, я теперь отчетливее представляю, что нужно вам и читателям.

Кто автор второй заметки о вашем издании Шекспира в Athenaeum'е,— не знаю. Думаю тоже, что Morfill; спрошу его в ближайшем письме к нему [5].

Уважающий и преданный Валерий Брюсов

Ответ на письмо Венгерова от 26 октября 1904 г. (ИРЛИ, ф. 444, ед. хр 51, л. 40).

[1] Юргис Казимирович *Балтрушайтис* (1873—1944) — поэт, переводчик, один из организаторов издательства «Скорпион», постоянный сотрудник журнала «Весы». После Октябрьской революции с 1921 по 1939 г. был полномочным представителем правительства Литовской республики в Москве. С 1939 г. жил в Париже. Для издания собрания сочинений Байрона под редакцией С. А. Венгерова в «Библиотеке великих писателей» перевел «Виденье страшного суда» (т. II, стр. 247—260) и «Бронзовый век» (т. III, стр. 147—159).

[2] Владимир Михайлович *Саблин* (1872—1916) — московский издатель и переводчик, выпускал «Библиотеку классиков современной мысли», для которой Балтрушайтис переводил драмы Гауптмана («Шлюк и Яу», «Бедный Генрих» и др.), а также прозу Д'Аннунцио («Мертвый город»).

Сергей Аполлонович *Скирмунт* (1863—1932) — издатель, владелец книжного магазина «Труд», был близок к социал-демократическим кругам. Под издательской маркой «Труд» выходили драматические произведения Гауптмана в переводах Балтрушайтиса («Праздник примирения» и др.).

[3] «Часы досуга» — цикл лирических стихотворений Байрона. Брюсов перевел семь стихотворений из этого цикла для венгеровского издания (т. III, стр. 457, 470, 478, 479, 484, 487).

[4] Речь идет об автобиографии, посланной Венгерову для его «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых». Венгеров писал Брюсову 26 октября 1904 г.: «...прошу вас дополнить автобиографию, она несколько суховата и формальна, и я просил бы вас прибавить что-нибудь относительно того, как складывалось ваше литературное миросозерцание. Такие авторские признания в высокой степени ценны» (цит. по кн.: М. В. Машкова. История русской библиографии начала XX века. М., «Книга», 1969, стр. 88).

[5] «Athenaeum» — лондонский литературно-критический журнал, в котором Брюсов с 1901 г. помещал ежегодные обзоры новинок русской литературы. Уильям Ричард *Морфилл* (1834—1909) — профессор русской литературы и славянских языков Оксфордского университета, активный сотрудник «Athenaeum'а», участник «Весов», где печатались его заметки о новой английской литературе. Морфилл находился в переписке с Брюсовым и переводил его обзоры на английский язык.

2

‹Москва.› 3 июля 1905

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

За летними скитаниями только теперь прочел ваше письмо и должен извиниться, что отвечаю так поздно. Байрон будет непременно закончен к указанному вами сроку. Над Данте уже работаю [1]. Впрочем, больше читаю *о* Данте, чем перевожу его стихи. И чем глубже вхожу в изучение Данте, тем безмерней кажется мне этот мир. А между тем это изучение переводчику безусловно необходимо. На многие стихи «Комедии» у меня только теперь открылись глаза. Но, с другой стороны, изучение и утрудняет перевод: мне становится жаль пожертвовать каждым словом, каждым намеком Данте.

Добролюбов [2] эту зиму гостил у меня около месяца. Я лично довольно холоден к нему, но его высоко чтит моя сестра [3]. В настоящее время Добролюбов не более как интеллигентный начетчик, склонный к духоборству. Говорит мало (хотя, может быть, именно со мной), поучает истинам довольно элементарным, вроде того, что страдание нужно, что выше всех языков человеческих есть язык сынов божиих и выше всякой мудрости человеческой мудрость божия и т. д. Живя у меня, он прочел литературу за последние 5 лет, которые он провел в уединении, в пустыне. Особенно ему полюбился Ив. Коневской и философские книги Метерлинка. Написал он много

писем разным видным людям: тому же Метерлинку, Льву Толстому, Мережковскому, Минскому и т. д. Давал мне читать. В письмах все больше нравственные сентенции. Утверждает, что важна не литература, а «единое на потребу». Теперь Добролюбов где-то на юге, в Самарской губернии. Живет как простой работник, в крестьянской среде, работает и поучает. У него есть последователи и поклонники, но, сколько могу судить, не много. Иной раз мне кажется, что он уже тяготится своей ролью и, что вполне возможно, что он вернется в ту среду, которую бранит именем: «называемые образованные люди».

Уважающий и преданный Валерий Брюсов

Ответ на письмо Венгерова от 27 июня 1905 г. (ИРЛИ, ф. 444, ед. хр. 51, л. 56).

[1] Брюсов писал Венгерову 17 декабря 1904 г.: «Всей душой рад буду принять участие в переводе Данте и благодарен вам очень, что вы предлагаете мне это участие» (сб. «Мастерство перевода». М., 1959, стр. 384). Брюсову был поручен перевод первой части «Божественной Комедии» — «Ад». Однако издание Данте в «Библиотеке великих писателей» не осуществилось. Брюсов успел перевести только первую песнь «Ада». См.: Святослав Бэлза. Брюсов и Данте (в кн.: «Данте и славяне». Сборник статей под ред. И. Бэлзы. М., 1965).

[2] Об А. М. Добролюбове см. наст. том, стр. 379. Венгеров писал о своем намерении поместить сведения о Добролюбове в Энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона.

[3] Надежда Яковлевна *Брюсова* (1881—1951) — музыковед, в 1904 г. окончила Московскую консерваторию, с 1921 г. профессор Московской консерватории по классу теории музыки и фольклора.

3

‹Москва.› 6 сентября 1905 г.

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

С неделю назад выслал вам перевод четырех стихотворений Байрона. Теперь высылаю еще одно. Последнее из доставшихся мне на долю, «Элегия к Нюстедскому аббатству», будет у вас на днях.

«To Romance» я счел нужным перевести совершенно заново. Однако на всякий случай посылаю вам и свой первоначальный, летний перевод, зачеркнув его карандашом в знак того, что его сам отвергаю. Тот перевод был озаглавлен «К роману»; новый я озаглавил «К фантазии». Вернее всего, было бы сказать «К вымыслу». W. Wetz и A. Böttger [1] переводят «An die Dichtung». Но дело в том, что существо, к которому обращается Байрон, представляется ему в виде женщины. «Auspicious queen!» * — говорит он. Может быть, можно сказать «К Музе вымысла»? [2]

Я прочел написанные вами обо мне страницы в дополнительном томе Энциклопедического словаря [3]. Благодарю вас за все доброе, что вы обо мне сказали, и принимаю все упреки, так как они — ваше искреннее мнение. Сознаюсь, что чтение этих столбцов произвело на меня сильное впечатление. Я невольно оглянулся на пройденные и уже *очень чуждые* мне стадии моей жизни. Может быть, я напишу как бы ответ на эту статью, который и послужит моей «автобиографией» в автобиографическом отделе вашего Словаря писателей. А пока позвольте одно маленькое замечание. Я почти не ответственен за свои «политические обозрения» в «Новом пути». Они всегда были «инспирированы» П. Перцовым, но и после того редакция находила возможным делать в них такие изменения (вплоть до *вставок*), что воистину я не могу признать их выражением своих убеждений [4]. Жалею, что подписывал под ними свои инициалы. Меня соблазнило желание показать, что я не так чужд вопросам общественным, как думают.

---

* Благосклонная королева (*англ.*).

Как только обработаю «Нюстедское аббатство», примусь за Данте. Все боюсь, что ваше издательство отдумает браться за это предприятие. Не стану лгать, что исключительно ради перевода Данте, но во всяком случае имея его в виду, я отказался от редактирования «Весов». Теперь для работы у меня свободного времени достаточно: от утра до утра.

Уважающий и преданный Валерий Брюсов

Ответ на письмо Венгерова от 20 августа 1905 г. (ИРЛИ, ф. 444, ед. хр. 51, л. 59).

[1] *В. Ветц* и *А. Бётгер* — переводчики Байрона на немецкий язык.

[2] В собрании сочинений Байрона под ред. Венгерова стихотворение было озаглавлено, как предложил Брюсов,— «К Музе вымысла» (т. III, стр. 487).

[3] В статье «Брюсов» (Энциклопедический словарь Брокгауза — Ефрона, т. 1, доп. СПб., 1905, стр. 322—324) Венгеров отметил «несомненно талантливую индивидуальность поэта», высоко оценил его стихи о городе, особенно выделив «прекрасное стихотворение — диалог «Каменщик». В той же статье Венгеров назвал Брюсова «чистейшим классиком» среди декадентов. Одновременно он следующим образом характеризовал «новопутейскую» публицистику Брюсова: «...с 1903 г. принимал деятельное участие в «Новом пути», где, между прочим, писал политические обозрения (националистически-консервативной окраски)».

[4] О своих «политических обозрениях» в журнале «Новый путь» Брюсов впоследствии писал: «Сознаюсь, что воспоминания об этой работе относятся к числу особенно неприятных изо всего моего прошлого ‹...› То направление, в каком я должен был вести обозрения, было мне заранее предписано редактором-издателем П. П. Перцовым» (*Автобиография*, стр. 114). Об участии Брюсова в «Новом пути» см. также публикацию Д. Е. Максимова «Валерий Брюсов и «Новый путь» (*ЛН*, т. 27-28).

4

‹Москва› 29 октября 1905 г.

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

В переживаемые нами дни считается почти неприличным говорить о литературе. Думаю, что это несправедливо. Вся Россия увлечена в борьбу за свободные формы жизни, но все же это борьба за *формы*. Когда цель будет достигнута, когда свобода действительно будет завоевана, надо будет наполнить эти формы содержанием, а содержание могут дать лишь наука и искусство. Если искусство, если наука не клонили головы под мертвым веянием деспотизма, они не должны клонить ее и под бурей революции. Я вовсе не чужд происходящему на улице и уже попадал под казачьи пули, но считаю, что мое настоящее место за письменным столом. Я останусь поэтом, писателем, хотя бы мне суждено было, как Андре Шенье, взойти на гильотину.

Я посылаю Вам перевод «Лакин-и-Гэр» [1], еще не вполне законченный. Если перевод этот нужен, я его обработаю. Незадолго до общего революционного взрыва я выслал вам последние переводы Байрона, какие взял на себя: думаю, они дошли до вас. Не откажите сообщить, намерено ли издательство Брокгауз-Ефрон продолжать свою деятельность.

Уважающий и преданный Валерий Брюсов

[1] Стихотворение Байрона из цикла «Часы досуга», перевод Брюсова был опубликован в III томе венгеровского издания, стр. 478.

5

‹Москва. Апрель 1907 г.›

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

Очень благодарю вас за «Очерки» [1]. Читаю с большим интересом. Мне хорошо знакома литература и журналистика начала и конца XIX века. Но середину я всегда представлял себе смутно. Ибо не мог же я читать «Историю» Энгельгардта! [2] У вас же это время изображено очень живо. За то,

что вы пропустили в «Очерках» декадентов, я, конечно, вас осуждаю. Мы все, и наши издания, имеем право стоять в ряду других явлений русской литературы, ибо мы в ней звено необходимое [3]. Вся дальнейшая русская литература, литература будущая, выходит из нас ⟨...⟩

Статья о Пушкине в Крыму [4] все еще не готова и даже далеко еще не готова. Если уж нельзя меня освободить от нее, сделаем так. Назначьте мне вы — число страниц, которые она должна занять. Всякий материал можно изложить в том или ином масштабе. Постараюсь быть точным и написать ровно столько, сколько будет мне оставлено места. А иллюстрации, как вы указываете, еще облегчат эту задачу.

Сердечно ваш Валерий Брюсов

Дата установлена по связи с предыдущим и последующим письмами. Предыдущее датировано 1 апреля 1907 г., два последующих написаны в мае того же года.

[1] Книга С. А. Венгерова «Очерки по истории русской литературы». СПб., «Светоч», 1907. В ИМЛИ хранится рукописный текст рецензии Брюсова на эту книгу — для закрытой правительством газеты «Столичное утро» (см. приложение к данной публикации).

[2] Двухтомная «История русской литературы XIX столетия» Н. А. Энгельгардта (СПб., изд. Суворина, 1902—1903), перегруженная малозначительными фактами и написанная в консервативно-тенденциозном духе.

[3] Позднее Венгеров признал историческое значение «новой поэзии», посвятив ей статью «Победители или побежденные» (Послесловие к кн.: С. А. Венгеров. Основные черты истории новейшей литературы. Б-ка «Светоч». СПб., 1909).

[4] Статья Брюсова «Пушкин в Крыму» была напечатана в венгеровском издании сочинений Пушкина (т. II. СПб., 1908, стр. 80—102).

6

⟨Москва.⟩ 22 июня 1909

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

Спасибо за весть о себе. Мне сообщали, что вы были серьезно больны. Приветствую ваше выздоровление. Что до меня, я работаю себе потихоньку. Написал речь о Гоголе и, как вам известно, был московской публикой освистан. Внимание и незаслуженное, и несправедливое. Речь эту я послал вам, и вы можете судить сами [1]. Потом напечатал «Французских лириков» [2]. Труд несколько поверхностный и торопливый: вина издателей. Книгу доставлю вам на днях. Теперь готовлюсь к отплытию. Т. е. попросту еду на летний отдых в Савойю. Осенью буду, по обыкновению, в Париже. Взять на себя какую-либо работу по Пушкину *сейчас* не могу решительно. Устал смертельно и работать не способен. Но если можно будет сделать что-либо *осенью*, с октября, или точнее в ноябре, буду очень, очень рад. Так как «Египетские ночи» уже отданы, особенно подходили бы мне «Отрывки неоконченных повестей» и «Записки исторические, биографические etc» — целиком или частями [3].

Ваш сердечно Валерий Брюсов

P. S. В Москве пробуду до 2—3 июля ст. ст.

[1] В. Брюсов. «Испепеленный. К характеристике Гоголя». Доклад, прочитанный в торжественном заседании Общества любителей российской словесности 27 апреля 1909 г. Был опубликован в «Весах» (1909, № 4) и затем вышел отдельным изданием (М., «Скорпион», 1909). В своем докладе Брюсов подчеркнул гиперболизм и фантастику произведений Гоголя и, по существу, вывел его наследие за пределы реализма. Неожиданные, новые аспекты Брюсов стремился оттенить и в характеристике личности Гоголя. Речь Брюсова вызвала резкий протест части слушателей и большой шум в газетах (см. воспоминания И. Н. Розанова в наст. томе). В одном из очередных заседаний Общества любителей российской словесности профессор Московского университета, юрист Л. А. Комаровский поставил вопрос об исключении Брюсова из числа членов Общества, однако это предложение не было принято. Вопреки нападкам на речь Брюсова, исходившим из академических кругов, Венгеров в ответном письме от

30 июля 1909 г. назвал ее «настоящим вкладом в гоголевскую литературу» и выразил согласие с тем, что Гоголь «совсем не «реалист» в обычном представлении, а именно фантаст» (ИРЛИ, ф. 444, ед. хр. 53, л. 15). Позже Венгеров дал высокую оценку речи Брюсова и в печати (см.: С. А. Венгеров. Собр. соч., т. II. СПб., 1913, стр. 121).

[2] См. письма З. И. Гржебину, п. 2, примеч. 4.

[3] Брюсову были поручены статьи о «Египетских ночах» и о «Неоконченных повестях» Пушкина в венгеровском издании (т. IV. СПб., 1910, стр. 264—270 и 444—449).

‹Москва.› 8 января 1912

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

Не без труда написал я статью о Блоке: трудно писать критическую статью о поэте, который еще жив, которого считаешь в числе своих добрых друзей. Статья вышла невелика (немногим больше полулиста), но все свои мысли я в ней выразил — распространить ее мог бы я только фактически [1].

Рассмотрите ее, пожалуйста, и сообщите, нужны ли в ней какие-либо изменения и дополнения: я их охотно сделаю. Хотелось бы также местами поправить не то, чтобы «слог» (какой есть!), но «внешность изложения» (например, избегнуть повторения слов «Блок», «Блок», «Блок», «стихи», «стихи», «стихи»). Но для этого должно немного «отойти» от написанного. Я рассчитываю на то, что вы мне дадите возможность просмотреть корректуру статьи, и тогда эти поправки я сделаю. Сейчас же не смею задерживать отсылки давно обещанной рукописи.

«Автобиография» следует.

Неизменно ваш Валерий Брюсов

[1] См.: «Русская литература XX века» (т. II, ч. 2. Пг., 1915, стр. 320—330).

8

‹Москва› 8 мая 1913

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

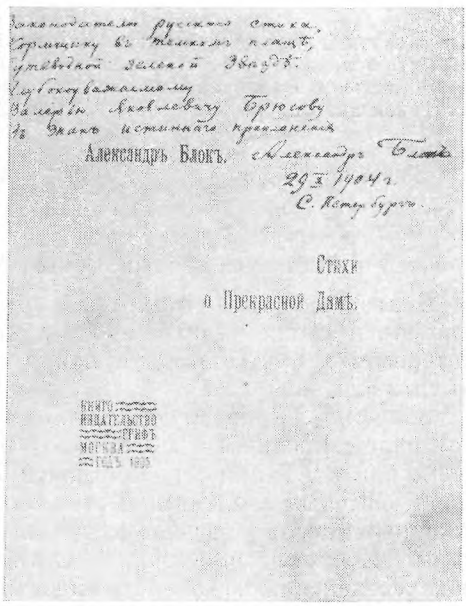
Приезд Бальмонта и связанные с этим торжества, quorum pars magna fui *, опять спутал все мои расчеты. Только сегодня я высылаю вам свою статью о Гиппиус [1].

Сознаюсь, статья эта стоила мне много не то что труда, а хлопот. Во-первых, я откровенно не люблю прозу Гиппиус (о чем не раз и писал, и лично говорил Зинаиде Николаевне). Вы же просили характеризовать и ее прозу. Я пытался перечитать сборники ее рассказов (их 6!) и ее романы, но, при всем добром желании, не мог на них сосредоточить внимание: иное так и не доперечитал. Поэтому все, что я говорю о прозе Гиппиус, вышло недоказательно. Во-вторых, я увидел, что, по моим личным отношениям к Зинаиде Николаевне (до которых, конечно, читателям нет дела, но есть дело мне), я не могу сказать *все*, что думаю о ее поэзии. О многом мне пришлось только намекнуть. Через это и характеристика поэзии Гиппиус вышла какой-то неполной.

Пересмотрите, пожалуйста, статью; может быть, ее и вовсе не стоит печатать (причем мне, конечно, останется лишь очень перед вами извиниться). В таком случае не откажите вернуть мне рукопись: я сделаю из нее небольшую статью исключительно о стихах.

Если же все же вы найдете статью «приемлемой», вы, может быть, не откажетесь прислать мне корректуру. Я кое-что *исправлю*, особенно в слоге

* большое участие в которых принимал и я (*лат.*).


Законодателю русского стиха,
Кормщику в темном плаще,
Путеводной зеленой Звезде.
Глубокоуважаемому
Валерию Яковлевичу Брюсову
В знак истинного преклонения.
Александръ Блокъ. 29 X 1904 г.
С. Петербургъ.

Стихи
о Прекрасной Дамѣ.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ А. А. БЛОКА

на книге: «Стихи о Прекрасной Даме». М., «Гриф», 1905: «Законодателю русского стиха, Кормщику в темном плаще, Путеводной зеленой Звезде. Глубокоуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову. В знак истинного преклонения. Александр Блок. 29 X 1904. С. Петербург»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

статьи. Сейчас не делаю этого, чтобы не задерживать отсылку рукописи. Да и утомился я от этой работы: через некоторое время мне мои ошибки будут виднее.

Уважающий вас Валерий Брюсов

[1] См.: «Русская литература XX века» (т. I, СПб., 1914, стр. 178—188). В статье освещалось преимущественно поэтическое творчество Гиппиус.

9

27 мая 1914. Опалиха

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

Благодарю вас и за содействие моему участию в «малом» Пушкине Брокгауза (хотя еще не знаю, выйдет ли что из этого участия) [1], и за ваше новое предложение. Последнее, однако, разрешите мне «отклонить». Чтобы объяснить такую просьбу, я принужден сознаться, что не очень высоко ценю стихи Юргиса Балтрушайтиса, в которых нахожу много выдумки и мало поэзии. Их напряженная отвлеченность меня скорее раздражает, чем восхищает. Вашему изданию статья осудительная, конечно, не нужна. Да и мне не очень приятно было бы выступать с такой статьей по отношению к тому «Юргису», которого, как своего давнего товарища, я сердечно люблю и всячески уважаю. Думаю, что будет во всех отношениях лучше, если статью о нем напишет кто-либо другой, а не я. И мне самому будет приятнее прочесть о стихах Балтрушайтиса отзыв сочувственный [2].

Ваше письмо я направляю по летнему адресу Ю. Балтрушайтиса: ст. Средняя, Сызрано-Вяземской ж. д., имение Бэра «Петровский завод» (Калужской губ., Алексинского у.).

Преданный Вам Валерий Брюсов

[1] «Малый Пушкин» в издательстве Брокгауза-Ефрона не появился, вероятно, в связи с началом первой мировой войны.

[2] Статью о Балтрушайтисе по предложению Венгерова написал Вячеслав Иванов («Русская литература XX века», т. II, ч. 2. СПб., 1915, стр. 301—311).

10

30 мая 1915 г.
Москва, 1 Мещанская, 32

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

Благодарю вас за высылку гонорара за мою статью о Пушкине в VI т. [1]: гонорар и самая книга мною получены. Читаю этот том с напряженным интересом и буду писать о нем в «Русских ведомостях» или «Русской мысли» [2].

В Москву я приехал собственно на две-три недели, но, по-видимому, мне не придется возвратиться на театр войны: новые правила делают это невозможным [3]. Таким образом, почти наверное, я должен буду обратиться к своим обычным занятиям. В этом смысле я нахожусь вполне в вашем распоряжении, если у вас есть какая-либо работа для меня в «Истории литературы XX в.» или в «Словаре». Статьи на букву Л, как я думаю, все уже распределены; но не доверите ли вы мне две статьи на М: магия и Мережковский. О Д. С. Мережковском я давно хотел написать что-нибудь существенное и лично обещал ему это, но все не было не то что случая (напротив, было много), но времени; теперь я охотно исполнил бы это свое обещание. Что касается магии, то я достаточно изучал ее, чтобы иметь право писать об ней [4]. Вообще буду признателен за все предложения, потому что сейчас, с прекращением «Сирина» [5], я в полном смысле слова оказался «безработным»: никакого очередного дела у меня нет, и всю свою деятельность надо мне начинать чуть не сначала. Может быть, с окончанием Пушкина, вы предпримете издание еще одного из «великих писателей»? Может быть, вернетесь к давнему проекту издать Данте [6]? Тогда я в вашем распоряжении и как переводчик.

Неизменно преданный вам Валерий Брюсов

[1] В последнем, шестом томе Собрания сочинений Пушкина под редакцией Венгерова была помещена статья Брюсова «Стихотворная техника Пушкина» (стр. 349—367). В автографе том ошибочно назван седьмым.

[2] В. Б. Библиографические заметки.— «Русские ведомости», 1915, № 138, 17 июня, стр. 5.

[3] Приехав в Москву с театра военных действий в мае 1915 г., Брюсов больше туда не вернулся.

[4] Статьи «Магия» и «Мережковский» в Новом энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона были написаны другими авторами.

[5] В 1912 г. Брюсов заключил договор с издательством «Сирин» (владелец — М. И. Терещенко) на полное собрание сочинений в 25 томах. В 1915 г. издательство было ликвидировано, вышли только тома I—IV, XII, XIII, XV, XXI.

[6] См. п. 2, примеч. 1.

11

Москва, 1 Мещанская, 32
‹1 декабря› 1915 г.

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

Еще раз убедился я в старой истине, что переделывать то, что уже написано, закончено,— нельзя. Можно переделывать во время самого процесса работы (и часто: должно!), можно позже исправлять частности (например, слог, даже стиль); но, например, прибавить новую главу к уже законченной статье — значит исказить все сделанное. Хорошо ли, дурно ли, но статья сложилась так, у нее свое начало и свой конец, и всякая новая

прибавка окажется болезненным, чуждым наростом... Все это, увы! я сделал по вашему желанию со своей статьей о Блоке. Перечтя последние стихи Блока (за годы 1911—1915), я не мог не воспринять как-то по-новому всей его поэзии: и он изменился за эти годы, и я изменился; думать так, как я думал, когда писал свою статью, я уже не могу. Прибавленная,— вернее сказать: приставленная,— глава осталась инородным телом в статье; чтобы как-нибудь согласовать новое со старым, пришлось и в других местах статьи сделать вставки, изменения, поправки, которые лишь по внешности кажутся незначительными, а на самом деле в существе изменяют всю идею, весь замысел статьи...

Все это я пишу только затем, чтобы вам ведомо было положение дел. Работа сделана, глава прибавлена, вставки вставлены и корректура отослана в издательство. Полагаю, что приходится примириться с печальным фактом... Впрочем, еще одно замечание: я ничего не сказал о книжке Блока «Стихи о России» (изд. «Отечества»),— сознаюсь, потому, что у меня ее не было и я об ней позабыл. Сейчас прочел в «Русской мысли» большую статью об этой книжке [1] и думаю, что был не прав. Если вы тоже считаете, что об этой книжке надо было бы добавить хотя бы несколько строк, может быть, вы распорядитесь вторично доставить мне корректуры статьи (все равно мое дополнение требует вторичной корректуры, если не моей, то кого-либо). Тогда я сделаю это новое дополнение, конечно, очень скоро (в один день) и очень маленькое (в 5—10 строк), так что это печатания статьи не задержит. Впрочем, совершенно предоставляю на ваше усмотрение, нужно ли это [2].

Преданный вам Валерий Брюсов

Письмо датировано по ошибке 31 ноября; дата исправляется предположительно.

[1] Ю. Никольский. Александр Блок о России.— *РМ*, 1915, № 11, отд. II, стр. 15—19.

[2] В статье Брюсова о Блоке (см. п. 7, примеч. 1) «Стихи о России» не упоминаются. О Брюсове — критике Блока см.: «История русской критики», т. II. М.— Л., 1958, стр. 635, а также кн.: П. П. Громов. Блок, его предшественники и современники. М., «Сов. писатель», 1966, стр. 190—192, 251, 429—430.

ПРИЛОЖЕНИЕ

С. А. Венгеров. Очерки по истории русской литературы, том 1. «Библиотека Светоча». Стр. 488. СПб. 1907 г. Ц. 2 р. 50 к.

Самую ценную часть книги образует «Общий очерк истории новейшей русской литературы». Автор задался целью — представить в нем «общую картину литературного или, вернее, литературно-общественного движения второй половины XIX столетия». Очерк дает краткие, но выпуклые характеристики как отдельных писателей — поэтов, беллетристов, критиков,— так и вообще всех явлений журнальной и газетной жизни в России с конца 40-х годов до наших дней. Нет сомнения, что проследить преемственную связь в литературных и общественных течениях недавнего прошлого, из которых многие еще до сих пор волнуют нас,— задача очень трудная. Г. Венгеров прекрасно справился с нею. Конечно, не всегда можно согласиться с тем, какое место дает он в истории литературы тому или другому явлению, точно так же, как нельзя согласиться и со всеми его характеристиками,— но ведь за словами автора чувствуется серьезная мысль и строгое убеждение. «Общий очерк» г. Венгерова должен сделаться необходимым пособием для ознакомления с нашей литературой XIX в. Несмотря на свою сжатость и отсутствие библиографических указаний, он далеко оставляет за собой, по широте захвата и яркости изображения, как одностороннюю, тусклую «Историю новейшей русской литературы» г. А. Скабичевского, так и вялую, полную всяких ошибок компиляцию г. Н. Энгельгардта «История русской литературы XIX столетия».

В книге есть еще три обширных статьи, о Гоголе, Белинском и К. Аксакове, представляющие значительный интерес.

В. Б.

З. Н. ГИППИУС

Зинаида Николаевна *Гиппиус* (по мужу Мережковская, 1869—1945) принадлежала к старшему поколению писателей-символистов; ее стихи появились впервые в 1888 г. в «Северном вестнике». В последующие годы она работала не только в области поэзии, но писала и рассказы, романы, пьесы; принимала деятельное участие в журнальной полемике, печатала много литературно-критических статей, обзоров и рецензий, которые обычно подписывала псевдонимом: Антон Крайний. Гиппиус разделяла с Мережковским его реакционные религиозно-философские воззрения, в литературе она стояла на позициях крайнего индивидуализма и эстетства, ее критические статьи изобиловали нападками на Горького и других писателей-реалистов, группировавшихся вокруг «Знания». Октябрьскую революцию встретила с непримиримой враждебностью, в 1920 г. эмигрировала вместе с Д. С. Мережковским. В годы эмиграции оба они принадлежали к числу наиболее ярых, злобствующих противников советского строя и советской литературы.

Брюсов познакомился с Мережковскими в Петербурге 8 декабря 1898 г. (*Дневники*, стр. 53). С 1901 г. началась его переписка с Гиппиус, ставшая особенно интенсивной в годы участия Брюсова в «Новом пути» и в период существования журнала «Весы», в котором Гиппиус постоянно сотрудничала. По своим литературным, общественным и философским взглядам Брюсов во многом расходился с Гиппиус, что нашло прямое выражение и в публикуемых письмах к ней. Большое место здесь, наряду с деловыми журнально-литературными темами, занимают общие вопросы искусства, непосредственные отклики на текущую жизнь, острые, нередко очень злые характеристики их общих знакомых и друзей из лагеря символистов, откровенные высказывания как о себе самом, так и о своем корреспонденте.

Письма Брюсова к Гиппиус в большинстве своем остаются неизвестными; некоторая часть их сохранилась в черновиках, иногда незаконченных; они хранятся в ГБЛ, ф. 386.70.37 и 38 (25 писем, 1901—1907) и в ЦГАЛИ, ф. 154, оп. 1, ед. хр. 11 (1 письмо, 1908). В архиве Брюсова (ГБЛ) сохранилось 151 письмо Гиппиус к нему (1901—1914); одно письмо находится в ЦГАЛИ (1903; ф. 56, оп. 3, ед. хр. 7).

Во время подготовки брюсовского тома редакция «Литературного наследства» получила от А. Я. Полонского (Париж) фотокопии трех находящихся в его собрании писем Брюсова к Гиппиус вместе с любезным разрешением на их публикацию в томе. Эти письма (1, 3, 4) составили основу настоящей публикации; к ним присоединены два письма, которые печатаются по черновым автографам: п. 2 (ГБЛ, ф. 386.70.38, л. 11—12 об.) и п. 5 (ЦГАЛИ, ф. 154, оп. 1, ед. хр. 11, л. 1).

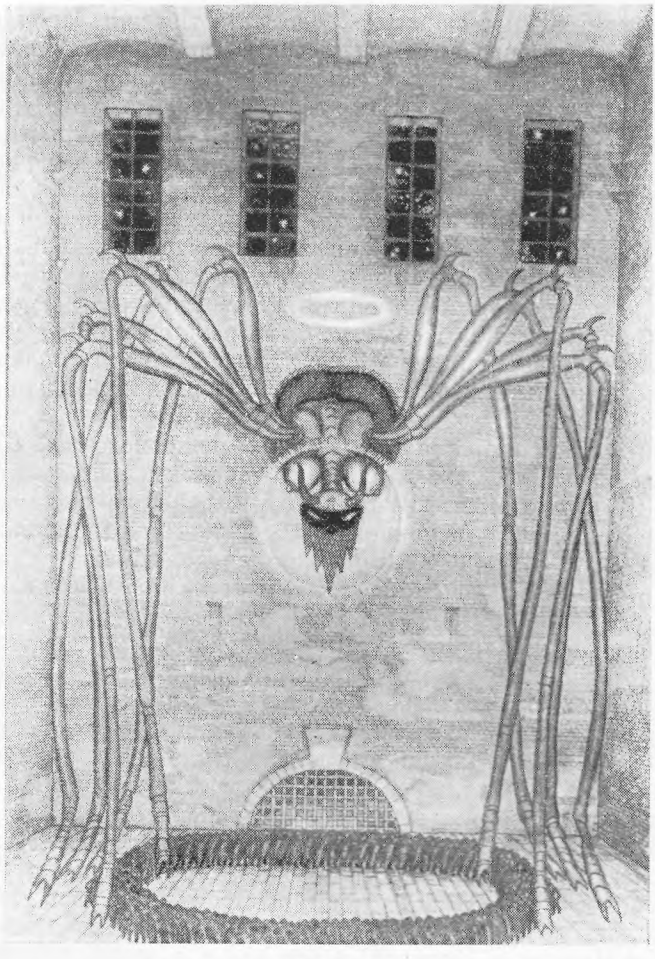
1

<Москва.> 27 дек<абря> ст. ст. 1906

Дорогая Зинаида Николаевна!

Что́ вы пишете о журналах политических и декадентских, в частности о «Весах» и повести Кузмина,— безнадежно верно. Но — audiatur et altera pars *. Повесть Кузмина была отпечатана нами заранее, когда печатался еще № 10. Если бы мы не сделали этого, мы не могли бы издать все 12 №№ журнала до 1 января. Это — первое соображение, техническое. Есть и второе — более важное. Я считаю Кузмина писателем настоящим, хотя и его «Крылья», и его «Элевзиппа» (см. «Золотое руно») [1], и его роман, который появится в «Шиповнике» [2], и его рассказ, который мы премировали на конкурсе о дьяволе [3], и все, что он доселе писал,— вещами второстепенными. Большинство начинает с вещей второстепенных, и мало у кого есть столько выдержки и столько веры в слово учителя, как у Мопассана, чтобы писать, класть в стол и десять лет ждать литературного дебюта. Так как я в М. Кузмина *верю*, то — по чистой совести — я мог дать место его повести в «Весах».

* пусть будет выслушана и другая сторона (*лат.*).



ДЬЯВОЛ
С рисунка М. В. Добужинского, 1906
«Золотое руно», 1907, № 1

Но, после этой защиты «Весов», скажу, что за последнее время мне вообще нет охоты заботиться о «Весах». После неудачи осеннего нашего плана (еще раз повторю: он не удался не по *моей* вине, хотя, может быть, и не по *вашей*) [4] я к «Весам» остыл очень. Я убедился, что для меня, несмотря на трехлетнюю работу в них, сделать их такими, какими *я* хочу, все-таки невозможно. А тратить энергию, а тем более *хитрить*, чтобы только более или менее приблизить их к своему образцу,— не стоит. Пусть себе издаются по «скорпионному» трафарету, конечно, в значительной степени созданному мною, но уже давно надоевшему и опостылевшему мне. Может быть, когда-нибудь буду я издавать иной, «свой» журнал, а «Весы» надо предоставить их Фатуму. Пусть они пройдут в литературе отмеренные им Паркой годы со своим единым, неизменным ликом. (Кстати: не правда ли, № 12, который вы, конечно, уже получили, еще слабее 11-го; стихи — à la M-me Wilkine [5]; проза — à la M. Bourenine; и все скучно очень [6].)

От «Весов» переход естественный к «Золотому руну». В связи с «Руном» в Москве свершилось два важных события: конкурс о дьяволе и юбилейный обед. На конкурс прибыли из Петербурга Вяч. Иванов, А. Блок и М. До-

бужинский, все в черных сюртуках. Заседали три дня. Прочли около 100 рукописей про дьявола и пересмотрели до 50 изображений дьявола. Уяснилось, что ни авторы, ни их судьи (и я в том числе) никакого понятия о дьяволе не имеют. Что такое дьявол, кто такой дьявол, откуда к нему подойти, как к нему отнестись? Не знаем. Не то это «Яго», не то «христианский» или «еврейский» миф, не то превечное начало, не то сказка. Художники вышли из затруднения просто: не присудили ни одной премии, всё забраковали. Мы были стыдливее: премировали Кондратьева, Кузмина и Ремизова,— но за вещи, к дьяволу относящиеся весьма косвенно. А жаль, что никто не пожелал воспользоваться премиями, назначенными «Руном». Суммы были предложены довольно пристойные и взять их было очень нетрудно. В связи с конкурсом, по московскому обычаю, были разные банкеты, длившиеся до 4 и 5 утра. А потом членам жюри было уплочено вознаграждение: по 10 р. за каждое заседание и, иногородним, еще по 20 р. (на проезд из Петербурга в Москву и обратно).

Юбилейный обед состоялся в ознаменование первого года «Золотого руна» [7]. Приглашено было что-то около 100 человек. Рябушинский меня спрашивал: «Как вы думаете, В. Я., не будут оскорблены дамы из общества, если я приглашу несколько женщин, у которых нет церковного мужа?» Я ответил: «Вы, Н. П., в деле организации обедов гораздо талантливее меня: делайте все по своему вдохновению». Дамы из общества не приехали, но и женщины без церковных мужей тоже не приехали. Было официально, натянуто и скучно, т. е. на обеде. Но после обеда было продолжение: для избранных поездка к воспетому еще Пушкиным «Яру». Там, конечно, все пошло по-иному. Стали сводиться счеты «Перевала» [8] с «Руном» и ухаживателя с соперником. Притом пили, пили, пили. Рябушинский блистал, чувствуя себя если не Нероном, то Лукуллом наверное. На беду нашлась своя Кругликова [9], M-me Aimée Столица [10] (ее стихи см. в «Золотом руне»), и жертвою ее сделался я, как в прошлом году жертвою Кругликовой Борис Николаевич. В конце концов мне пришлось везти эту M-me Aimée, то обливающуюся слезами, то клянущуюся в любви, то засыпающую,— к ее мужу, близ Рогожской заставы. Но и в этом прискорбии было свое утешение: разные «я» остались сами собой — «Руно» — «Руном», Рябушинский — Рябушинским, и Москва — Москвой! А что выше в мире, как не «выявить свой индивидуальный лик»!

Приехали в Москву Ященки [11] (не знаю, встречали ли вы их в Париже) и рассказывают, что Бальмонт прямо озлоблен и против «Весов» и против меня. Верю, потому что прислал он мне такое бранное ⟨письмо⟩, каких я в жизнь не получал. Он пишет между прочим: «Если ты забыл, что имя К. Бальмонта — священное имя в литературе, то я беру на себя малый труд напомнить тебе это. Моя новая книга («Жар-Птица») — есть событие в литературе. До сих пор не существовало славянского поэтического самосознания. С появлением моей книги оно возникло. Если ты не окончательно еще утратил способность понимать поэзию, ты поймешь это» и т. д. [12] Разумеется, я отвечал ему «в тон». Думаю, что этот ответ, а также статья о пользе брома в № 12 «Весов» совсем отклонит Бальмонта от «Скорпиона» [13]. Я не жалею, ибо в литературе перепевами и пересказами самого себя он стал нестерпим. Более будет жалко, если обидится Н. М. Минский на статью о «сапожнике». Но, во-первых, нельзя было оставлять без замечания его развязный вздор (выражение точное) в «Перевале», а во-вторых, он и без того к «Весам» относился очень холодно и почти ничего не давал им [14].

Книгу своих рассказов я послал вам тотчас, как из типографии принесли *первые* экземпляры (причина, почему я не мог одновременно послать ее и Дмитрию Владимировичу, в чем перед ним извиняюсь) [15]. Книга эта — плохая книга. Я не умею писать рассказов и не знаю, научусь ли когда-либо. Здесь нужен какой-то особый дар (который, например, в большой

степени есть у Леонида Андреева), мною «от богов», кажется, не полученный. В № 11-12 «Золотого руна» вы найдете мою рецензию на «Алый меч», в общем *не* одобрительную [16]. Когда я писал о вашей книге, я больше думал о своей. Все упреки, какие я делал вам, я относил и к себе. Все недостатки, какие находил у вас, знал и у себя. Самой справедливой критикой на мою книгу было бы перепечатать мою рецензию, поставив вверху: Валерий Брюсов. «Земная ось»,— и зачеркнув конец, где говорится об ином значении вашей книги, которого у моей нет. (Кстати: я не прошу у вас «извинения» за эту рецензию и не высказываю надежды, «что вы за нее не рассердитесь»: [17] и вы и я — мы пишем о наших друзьях то, что думаем, не заботясь о дружестве, так ведь?) *

Чтобы быть обстоятельным, надо бы еще упомянуть в Москве о «Свободной эстетике» и «Хризопрасе», а из петербургского мира об «Обществе молодых». Но боюсь, что и так замучил вас своей святочной болтовней (у нас ведь еще святки). Буду кратек. «Общество свободной эстетики» — нечто вроде Ивановских сред, собирается по средам же и очень полезно для писателей младшего возраста [19]. «Хризопрас» — журнал, имеющий специальной целью — ругать «Перевал», но весьма некультурный и не очень грамотный. В № 1 о С. А. Грифе сказано: «Лизал осел руки господина своего, пока в яслях было сено; не стало, и забрыкался». Вышлю вам №, ибо случайно там и я, и Блок, и «все» [20]. «Общество молодых» [21] возникло из противоестественного соединения Луначарского и Кузмина, о. Михаила [22] и Городецкого, Н. Бердяева и К. Чуковского, Ф. Зелинского и Ф. Сологуба и т. д. Собираются и спорят. Впрочем, уже издали «Ярь» Городецкого — самую интересную книгу стихов за этот год. О том, что «сборники Знания» распались на три «Сборника», причем во главе одного Максим ⟨Горький⟩, другого — Леонид I и третьего — Куприн без №, вы, вероятно, уже слышали [23].

Был ли у вас мой брат по пути в Америку? и юноша Гумилев? Первого не рекомендую, второго — да [24].

Всегда ваш Валерий Брюсов

Ответ на несохранившееся письмо Гиппиус. Она ответила Брюсову на настоящее письмо 8/21 января 1907 г. (ГБЛ, ф. 386.82.39, л. 1—6 об.).

[1] «Крылья» — повесть М. А. Кузмина («Весы», 1906, № 11,— весь номер был заполнен ею); отдельное издание повести: М., «Скорпион», 1907. «Элевзипп» — его же «Повесть об Елевсиппе, рассказанная им самим» («Золотое руно», 1906, № 11—12).

[2] В «Литературно-художественном альманахе» изд-ва «Шиповник» (кн. 1—3, СПб., 1907) произведения Кузмина не появлялись. Возможно, что Брюсов имеет в виду повесть «Картонный домик», напечатанную в кн.: «Белые ночи. Петербургский альманах». СПб., изд-во «Вольная типография», 1907 (об этой повести см.: М. Кузмин. Письмо в редакцию. — «Весы», 1907, № 6, стр. 74).

[3] Конкурс «Золотого руна» на тему о дьяволе был объявлен в № 5 за 1906 г. (объявление повторялось до № 10 включительно). В жюри по художественному отделу вошли: М. В. Добужинский, Павел Кузнецов, В. Д. Милиоти, Н. П. Рябушинский, В. А. Серов. По литературному отделу: А. А. Блок, В. Я. Брюсов, Вяч. И. Иванов, А. А. Курсинский, Н. П. Рябушинский. Из представленных художественных работ ни одна не была признана достойной премии или одобрения: конкурс было решено считать несостоявшимся. По стихам вторая премия была присуждена А. Кондратьеву за сонет «Пусть Михаилом горд в веках Иегова...», по прозе первой премией были отмечены рассказы М. Кузмина «Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютельмайер» и А. М. Ремизова «Чёртик». Итогам конкурса был полностью посвящен № 1 «Золотого руна» 1907 г.— здесь напечатаны все премированные произведения, а также те, которые получили поощрительные отзывы жюри.

[4] Неудавшийся план «соединения» группы Мережковского с «Весами» обсуждался в переписке Брюсова с Мережковскими в 1906 г. (см. наст. том, стр. 288—293).

---

* В примечании можно упомянуть, что Людмила, узнав, что о ее книге буду писать я, написала мне, что ждет от меня *дружеской* рецензии (слово «дружеской» подчеркнуто) [18] *(примеч. Брюсова)*.

[5] M-me Wilkine — Людмила Николаевна *Вилькина* (1873—1920) — поэтесса, жена Н. М. Минского. Сохранилось 88 ее писем к Брюсову, 1902—1909 (ГБЛ, ф. 386. 80.13, 14, 15; здесь же черновики 12 писем Брюсова — ф. 386.70.21); 47 писем Брюсова к Вилькиной, 1902—1907, находятся в ИРЛИ (ф. 39, оп. 3, ед. хр. 833). Вилькиной Брюсов посвятил стихотворение «Лесная дева», помеченное 26 ноября 1902 г. (*UO*). Творчество Вилькиной Брюсов оценивал невысоко: он указывл, что ее стиль «как бы намеренно избегает всякой изобразительности», «стих лишен музыкальности, а порой и прямо неблагозвучен»; говоря о содержании ее стихов и рассказов, он отмечал, что оно исчерпывается кругом декадентских мыслей, «которые уже довольно давно перестали быть новыми даже у нас» («Весы», 1907, № 1 — рецензия на кн.: Л. В и л ь к и н а. Мой сад. Сонеты и рассказы. М., «Гриф», 1906).

[6] Фельетонам и статьям В. П. Буренина, многолетнего сотрудника «Нового времени», были присущи развязное остроумие, грубость и хлесткость.

В № 12 «Весов» были помещены стихотворения Ю. Балтрушайтиса (7 стихотворений) и Ю. Верховского (12—стихотворений); из прозы — «Спутники» Балтрушайтиса и «Американские впечатления» О. Уайльда.

[7] Журнал «Золотое руно» начал выходить с января 1906 г.

[8] О журнале «Перевал» см. наст. том, стр. 497. Как «Весы», так и «Золотое руно» сразу стали во враждебные отношения к «Перевалу». В «Весах» главный удар по нему был нанесен статьей З. Гиппиус «Трихина» («Перевал», № 1—6), напечатанной в № 5 за 1907 г. под псевдонимом «Товарищ Герман».

[9] Елизавета Сергеевна *Кругликова* (1865—1941) — художница, примыкала к группе «Мир искусства». В 1900-е годы жила в Париже; в апреле 1903 г. Брюсов посетил ее «субботу» (*Дневники*, стр. 132). О ее парижском салоне Гиппиус упоминала с явным недоброжелательством (письмо от 8/21 января 1907 г.).

[10] Любовь Никитична *Столица* (рожд. Ершова, 1884—1934) — поэтесса. Жила в Москве, сотрудничала в «Золотом руне». В 1920 г. эмигрировала. Брюсов шутливо передает ее имя французским словом Aimée (Любимая).

[11] Александр Семенович *Ященко* (1877—1934) и его жена Матильда Августовна. А. С. Ященко окончил в 1900 г. юридический факультет Московского университета; в 1905—1906 гг. жил в Париже, где работал над магистерской диссертацией на тему «Международный федерализм». С 1907 г.— приват-доцент Московского университета, с 1909 г.— профессор Юрьевского университета по кафедре энциклопедии и истории философии права, с 1911 г. преподавал также в Петербургском университете. В архиве Брюсова сохранилось 25 писем Ященко, 1903—1923 (ГБЛ, ф. 386. 110.37).

[12] В этом «бранном» письме от 2/15 декабря 1906 г. Бальмонт резко отзывался о «Весах» и упрекал Брюсова за недружественные суждения о его новых книгах (см.: ЦГАЛИ, ф. 56, оп. 3, ед. хр. 6, л. 120—121). Брюсов излагает суть этого письма, не давая точных цитат из него. Черновик ответа Брюсова от 16/29 декабря 1906 г. в его архиве (ГБЛ, ф. 386.69.26, л. 35—35 об.).

[13] В октябре 1906 г. «Весы» напечатали статью К. Чуковского «Русская Уитмениана», в которой, в частности, была дана критическая оценка переводов Бальмонта из Уитмена (№ 10, стр. 43—45). После этого в «Весы» было прислано раздраженное письмо с нападками на Чуковского, подписанное: Елена Ц. (это была Елена Константиновна Цветковская, ставшая затем второй женой Бальмонта). Редакция поместила в № 12 это письмо, а вслед за этим напечатала ответ Чуковского: «О пользе брома». Не отрекаясь от своего давнего преклонения перед Бальмонтом-поэтом, Чуковский затем писал: «Бальмонт как переводчик — это оскорбление для всех, кого он переводит ‹...› Ведь у Бальмонта и Кальдерон, и Шелли, и По, и Блэк — все на одно лицо. Все они — Бальмонты» («Весы», № 12, стр. 55).

[14] В № 1 «Перевала» за 1906 г. была помещена статья Н. М. Минского «Идея русской революции». Не ожидая продолжения статьи, обещанного в следующих номерах (оно появилось в № 2, декабрь 1906 г., и № 3, январь 1907), Брюсов выступил с резкой ее оценкой («Сапожник, пекущий пироги. О г. Минском».— «Весы», 1906, № 12). В ответном письме Гиппиус подтверждала, что Минский обиделся на «сапожника» и даже собирается возражать своему критику. Этот ответ под заглавием «Редакции «Весов» был помещен в «Перевале», № 4, февраль 1907 г.

[15] Дмитрий Владимирович — Философов, живший в Париже вместе с Мережковскими (о нем см. наст. том, стр. 649). «Книга рассказов» — сборник «Земная ось» (М., 1907; вышла в свет в декабре 1906 г.). В ответном письме Гиппиус писала: «Вы, пожалуй, правы и в том, что и ваши рассказы хуже стихов ‹...› Я не равно отношусь к вашей прозе: некоторое мне очень нравится, другое, так же очень, не нравится. Именно «нравится», до всякой оценки и размышлений, и это-то и важно. Так мне нравятся «Республика Южного Креста» и «В подземной тюрьме»,— и в высшей степени не нравятся «Сестры», «Мученик», да, пожалуй, и все остальное. Это непосредственное чувство можно бы разложить, субъективно утвердить и осмыслить, если бы «Весы» пожелали моей заметки о «Земной оси». Статья Гиппиус «Проза поэта» появилась в «Весах», 1907, № 3.

[16] З. Н. Г и п п и у с. Алый меч. Рассказы. Четвертая книга. СПб., изд. М. В. Пирожкова, 1906. Свою рецензию на эту книгу («Золотое руно», 1906, № 11-12,

стр. 154) Брюсов построил на противопоставлении поэзии Гиппиус, которую он оценивал высоко, ее прозе. В последней он находил «чисто внешнюю характеристику выведенных лиц, вялость диалога и тягучее развитие действия», «заурядно-правильный язык опытного беллетриста» и указывал, что «отдельные строки, отдельные фразы ее прозы нередко бесцветны, безличны, мертвы».

[17] В ответном письме Гиппиус откликнулась на эти строки: «Вы пишете, что «не извиняетесь» в своей рецензии обо мне,— но писать это — тоже как бы извинение; ‹...› я в вашей рецензии ничего плохого не вижу, объективно и много хорошего. Может быть, вы даже и правы».

[18] О Л. Н. Вилькиной см. выше, примеч. 5. В письме от 22 ноября 1906 г. Вилькина писала Брюсову из Петербурга: «Я очень довольна, что вы будете писать о моих стихах. Вы всегда были моим одобрителем и печатали у себя в самые тяжелые для меня минуты». В приписке она добавляла: «Итак, о рецензии нечего и говорить. С нетерпением хочу прочесть чем скорее ваш дружеский отзыв» (ГБЛ, ф. 386.80.14, л. 51, 52 об.).

[19] О «Свободной эстетике» см. наст. том, стр. 33 и 401.

[20] «Хризопрас». Художественно-литературный сборник издательства «Самоцвет». М., 1906—1907 (хризопраз — полудрагоценный камень зеленого цвета, разновидность халцедона). В редакционном предисловии к сборнику указывалось, что «взгляды редакции на задачи художественного творчества» в «общих чертах приближаются к взглядам «Весов» и «Золотого руна» (стр. 4). Издательство «Самоцвет» ставило своей задачей «помогать молодым неопытным писателям в их первых шагах на писательском поприще» (стр. 3). Однако, вопреки этому, первый сборник был заполнен произведениями уже известных литераторов (Блок, Брюсов, Бор. Садовской, С. Соловьев, А. Ремизов, Г. Чулков и др.). В 1907 г. издательство предполагало выпустить еще 11 сборников — «Гранат», «Лал», «Рубин», «Топаз» и т. д., но этот план не был осуществлен. «Хризопрас» заканчивался «письмом в редакцию» (подпись: W), в котором жесткой критике был подвергнут № 1 «Перевала». В нем и приведены слова об осле, не совсем точно процитированные Брюсовым.

[21] «Кружок молодых» — литературно-художественное объединение, созданное в 1906 г. при историко-филологическом факультете Петербургского университета по инициативе С. Городецкого (см.: С. М. Городецкий. Мой путь.— В кн.: «Советские писатели. Автобиографии», в двух томах, т. 1. М., 1959, стр. 325). В январе 1907 г. студенческий в основном кружок был преобразован в «Литературно-художественное общество», куда вошел ряд известных уже деятелей литературы и искусства (Ф. Ф. Зелинский, Г. И. Чулков, В. Э. Мейерхольд, Ф. Сологуб, И. Я. Билибин и др.— См.: «Золотое руно», 1907, № 1, стр. 84). Одна из первых книг, изданных «Кружком молодых», — сборник: С. Городецкий. Ярь. Стихи лирические и лироэпические. СПб., 1907 (вышла в декабре 1906). Рецензия Брюсова на него — «Весы», 1907, № 2.

[22] Об архимандрите Михаиле см. наст. том, стр. 485.

[23] Необоснованные слухи о распаде сборников «Знания» возникли, очевидно, в связи с проектом передачи их редактирования Леониду Андрееву — переговоры об этом велись с конца 1906 г. (см.: *ЛН*, т. 72, стр. 284—296).

[24] Александр Яковлевич *Брюсов* (1885—1966) — младший брат Брюсова, археолог; в молодости сотрудничал в газетах и в журнале «Перевал». Выпустил под псевдонимом Alexander книгу стихов «По бездорожью» (М., 1907).

Н. С. Гумилев, которого рекомендует Брюсов, посетил в Париже Мережковских. В ответном письме Гиппиус сообщала о неблагоприятном впечатлении, которое он произвел: «О Валерий Яковлевич! Какая ведьма «сопряла» вас с ним? Да видели ли уже вы его? Мы прямо пали. Боря имел силы издеваться над ним, а я была поражена параличом. Двадцать лет, вид бледно-гнойный, сентенции — старые, как шляпка вдовицы, едущей на Драгомиловское. Нюхает эфир (спохватился!) и говорит, что он один может изменить мир. «До меня были попытки... Будда, Христос... Но неудачные». После того как он надел цилиндр и удалился, я нашла № «Весов» с его стихами, желая хоть гениальностью его строк оправдать ваше влечение, и не могла. Неоспоримая дрянь. Даже теперь, когда так легко и многие пишут хорошие стихи,— выдающаяся дрянь. Чем, о, чем он вас пленил?» (Три стихотворения Гумилева были напечатаны в «Весах», 1906, № 6).

2

‹Москва.› 1907, страстная неделя ‹между 16 и 21 апреля ст. ст.›

Дорогая Зинаида Николаевна!

Вы вправе сердиться на меня за мое молчание. Но меня лекции замучили. Несколько лет уклонялся я от всяких публичностей. Но пришли «товарищи» (подлинные с.-д.) и соблазнили. Прочел в их пользу лекцию о «Театре будущего». Успех был такой, что я было возгордился. Зала была не то что пере-

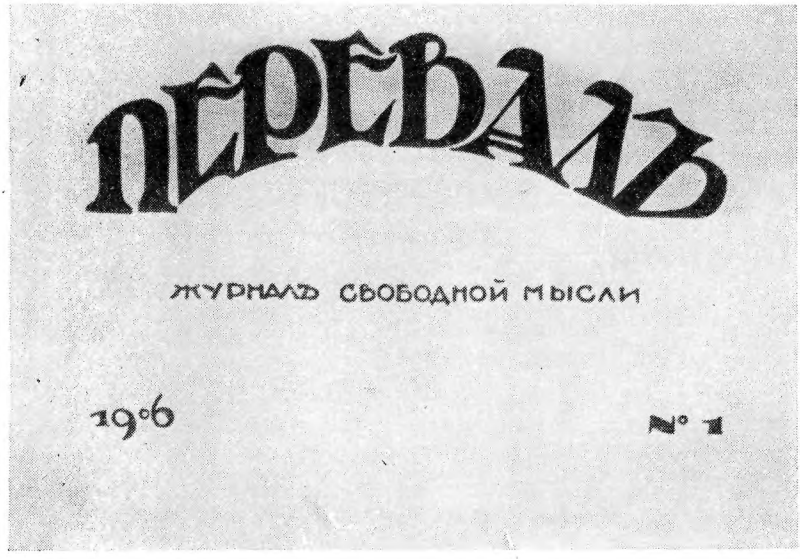
полнена, а пере-переполнена. Слушатели сидели на местах по одному, по двое и по трое, стояли, висели, врывались без билетов и уходили в отчаяньи (я надеюсь, что «в отчаяньи»)[1]. Словом, «как в Париже», у вас [2]. Но за славой последовала и расплата.

Знаете ли вы «Продолжение анекдотов» Марка Твена? [3] Очень советую прочесть. Есть анекдот об уме собак. Благодетельный доктор перевязал сломанную лапу собаки. На утро он нашел на своем крыльце эту собаку, а рядом с ней сидела другая, ее подруга, у которой тоже была сломана лапа... Марк Твен, продолжая, рассказывает, как благодетельный доктор нашел еще через день уже четырех собак на своем крыльце, после — восемь, шестнадцать, тридцать две, шестьдесят четыре, сто двадцать восемь, двести пятьдесят шесть... Бедняга умер, завещая своему сыну: «Сын мой, не делай благодеяний!»

Ко мне после лекции вновь пришли «товарищи» и убедили лекцию повторить. Потом пришли ученики 1-й зубоврачебной школы и убедили повторить ее для них. Потом пришли ученики 2-й зубоврачебной школы. Потом пришли «товарищи» какого-то другого «комитета». Потом пришли от безработных. Потом приехала Диана Моисеевна от межпартийного комитета в пользу заключенных. Потом приехал из Петербурга «поэт» Лев Василевский, пригласить в «Общество литераторов» [4]. .Потом прислал телеграмму Корней Чуковский, чтобы я ехал в «Кружок молодых» [5]. Потом Саратовское общество распространения чего-то прислало письмо... Потом, потом... Потом я послал всех к — Борису Николаевичу. Это было безжалостно, но самоспасительно. Борис Николаевич прочел лекцию с тем же успехом: люди сидели, стояли, висели, врывались и уходили [6]. Теперь собаки со сломанными лапами, в числе 8, 16, 32, 64, 128, 256, 512, 1024 терзают его, а я получил возможность писать вам письмо, и счастлив.

[Но я болтаю пустяки, между тем как есть множество «дел», *накопившихся всё по вине моих лекций* (во множественном числе, ибо я прочел все же несколько). И прежде всего] Спасибо вам [от имени «Весов»] за все ваши «copies», всегда [всегда и всегда нам] желанные, и не сердитесь, что они медленно выходят в свет [7]. Статья о «Перевале» — прелесть. Ради бога, не смягчайте ее. Надо же, по выражению Пушкина, «плюнуть» на него [8]. Статья о «Шиповнике» очень интересна, хотя со словами о Ценском я не согласен вовсе: не признаю его нисколько [9]. [Только одна смиренная мольба] Поэтому однако смиренно прошу вас: нельзя ли эту статью сократить хоть чуточку, хоть только в цитатах? [Ну право же, право же нет места. Посмотрите, какие толстые №№ даем мы, а портфель редакции все набит туго] «Весы» охотно, с удовольствием, с радостью будут в каждой книжке печатать и большее число ваших страниц, чем теперь, но *об отдельной-то книге* они не могут говорить так подробно. Впрочем, ни на минуту на этой просьбе мы не настаиваем. Если уж ничего нельзя сократить, да останется так.

Что касается вашего письма о «Манифесте» Бориса Николаевича (кажется, я еще не писал вам об нем), то против его напечатания *вообще* мы не можем иметь ровно ничего, но печатать его в «Весах», сказать правду, нам не хотелось бы. И это не потому, что ваше письмо довольно резко осуждает и автора «Манифеста», и журнал, где он напечатан. Таких осуждений, как вы видите на примерах, мы не боимся. Но вы осуждаете автора за то, что произошло *вне литературы*, в его частной жизни. Был ли Андрей Белый, когда писал свой «Манифест», подобен Ною, вкусившему от плодов виноградных, этого читатели и редакция не могут и не должны знать. Мы получили «Манифест», как и все другие статьи Белого. Все проявления души Белого мы считаем стоящими внимания. Белый переживает последние годы резкий перелом в своем миросозерцании, так что странность тона его статьи могла быть объяснена этой ломкой. Наконец, *через неделю* после «Ма-



ЖУРНАЛ «ПЕРЕВАЛ»
М., 1906, № 1, ноябрь
Обложка (фрагмент)

нифеста» я получил от Бориса Николаевича письмо, в котором он повторял свое желание видеть «Манифест» напечатанным, чем совершенно устранялось подозрение, не был ли написан этот «Манифест» под «влиянием обстоятельств исключительных». Вот наша юридическая аргументация в защиту того, что «Манифест» мы напечатали. Если бы вы пожелали поместить свое письмо в каком-либо другом журнале, это не было бы ни в самой малой степени обидно для «Весов». Мало того: если вы *очень настаиваете*, мы можем напечатать ваше письмо и в «Весах», только с послесловием Белого и редакции [10].

Остальные ваши статьи неизменно войдут в свою очередь на страницы «Весов». Из стихотворений ваших — три идут в следующем 5 № (ибо № 4 занят одной драмой [11]), где будут еще три стихотворения Минского и три моих. Остальные ваши стихи войдут в одну из осенних книжек. Затем, в том же круге вопросов, к вам просьба: не напишете ли вы, хотя бы тоже как товарищ Герман, о преображенной «Русской мысли»? Это очень важная просьба, ибо написать об ней необходимо [12]. Если *не* напишете, не откажите уведомить в скорости, чтобы поручить кому-либо другому, хотя это и будет печально.

Дела, кажется, все. Теперь несколько слов «от души», которые давно хочется сказать.

Не знаю почему, но я с особой живостью, с особой непосредственностью чувствую вас, Зинаида Николаевна, именно в наших письмах за эту зиму. Никогда при личных встречах не представлялись вы мне так явно, и никогда не казался я сам себе более близким к вам. Но знаете. Меня почти ужаснуло одно выражение в вашем предпоследнем письме, вдруг опять открывшем, какая все-таки бездна лежит и не может не лежать между двумя человеками. Вы, говоря о каком-то поклоннике Людмилы Николаевны (о Розанове?), сказали: «обладателе, как и вы (т. е. как и я), *разожженной плоти*» [13]. Боже мой! Вы, говорившая со мной, читавшая меня, писавшая обо мне статьи, осудившая понимание меня «несложными душами моих почитателей»,— неужели вы не знаете, что ко мне могут быть приложимы

[чуть ли не все] разные эпитеты, [кроме именно этого] но именно не этот! Об этом говорят и кричат, во всю меру своего голоса, все мои стихи, все мои поступки, вся моя жизнь. Все что хотите: обман или добродетель, любопытство или притворство, но только не «разожженная плоть». Этого никогда не было, нет и не может быть. В разных частях своего существа испытывал я «разожженность», но только не в «плоти», и уже если кто, так я должен применить к себе слова Лермонтова:

И царствует в душе какой-то холод странный,
Когда огонь кипит в крови [14].

«Душа» здесь, конечно, равняется вашей «плоти», а «кровь» это только «кровь».

И в самое заключение маленький рассказ из моей жизни, который лучше бы не распространять дальше. На лекции Бориса Николаевича подошла ко мне одна дама (имени ее не хочу называть), вынула вдруг из муфты браунинг, приставила мне к груди и *спустила курок*. Было это во время антракта, публики кругом было мало, все разошлись по коридорам, но все же Гриф, Эллис и Сережа Соловьев успели схватить руку с револьвером и обезоружить. Я, правду сказать, особого волнения не испытал: слишком все произошло быстро. Но вот что интересно. Когда позже, уже в другом месте, сделали попытку стрелять из того же револьвера, он выстрелил совершенно исправно,— совсем, как в лермонтовском «Фаталисте». И, следовательно, без благодетельной случайности или воли божьей, вы совершенно просто могли получить, вместо этого письма, от «Скорпиона» конверт с траурной каймой [15].

Всегда ваш Валерий Брюсов

P. S. Борис Николаевич «официально» покинул «Золотое руно» [16]. После довольно плохой «истории» с Курсинским, я охотно сделал бы то же. К тому же стыдно писать в журнале, где редактором Г. Тастевен. Но мне кажется, что стыдно отказываться, когда упразднение литературного отдела уже решено. Дешевое слишком геройство, скажут [17].

Черновик. Ответ на письма Гиппиус от 8/21 января и 5/18 марта 1907 г. (ГБЛ, ф. 386.82.39, л. 1—9 об.). Гиппиус ответила на настоящее письмо 30 апреля/13 мая (там же, л. 10—13 об.). В бумагах Брюсова сохранился также более ранний, незаконченный, черновик этого письма, помеченный 3 апреля 1907 г. (ГБЛ, ф. 386. 70.38, л. 10).

[1] Лекция «Театр будущего» была прочитана Брюсовым трижды: 26 марта, 11 апреля и 10 мая 1907 г. (см. о ней наст. том, стр. 172—174). Из публикуемого письма впервые выясняется, что первые две лекции были проведены по инициативе Московской организации РСДРП (в ней в это время руководящую роль играли большевики) и что сбор от них поступил в пользу социал-демократической партии. Об этом, а также об успехе лекций Брюсов писал и в раннем черновике: «...в Москве, как и в Париже, существуют «товарищи». Они приступили ко мне, и я не мог никак отказаться прочесть в их пользу лекцию ‹...› Лекция прошла с успехом чрезвычайным».

[2] Первая лекция Мережковского — «О насилии» — была прочитана в Париже для русских эмигрантов (см. наст. том, стр. 407). В письме к Брюсову от 1/14 июня 1907 г. Гиппиус писала, что эта лекция была переработана ими обоими из ее статьи. Здесь же она сообщала о второй лекции, «которую на днях прочтет здесь Дмитрий Сергеевич»,— это была также переделка статьи Гиппиус (см.: ГБЛ, ф. 386. 82. 39, л. 17—17 об.). Название второй лекции в письме не указано.

[3] Рассказ Марка Твена «Анекдоты о великодушии» (Марк Твен. Собр. соч., т.I . СПб., изд. Л. Ф. Пантелеева, 1898, стр. 296—298).

[4] Лев Маркович *Василевский* (1876—1936) — поэт, журналист и театральный критик. «Общество литераторов» — вероятно, Литературно-художественное общество, существовавшее в Петербурге с 1892 г. Председателем его был А. С. Суворин.

[5] О «Кружке молодых» см. п. 1, примеч. 21.

[6] В апреле 1907 г. А. Белый прочел в Политехническом музее публичные лекции: «Символизм в современном искусстве» (14.IV) и «Искусство будущего» (17.IV). Позднее Белый вспоминал: «Апрель. Читаю публичную лекцию «О символизме» (со средним успехом), читаю лекцию «Искусство будущего» (с большим успехом), повторяю эту

же лекцию (все три лекции — в пользу нелегальных)» (А. Б е л ы й. Материал к биографии... (1923).— ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 2, ед. хр. 3, л. 55). В составленном тогда же перечне рефератов, публичных лекций и т. д. Белый отметил, что лекцию «Искусство будущего» он читал также в Киеве (октябрь 1907 г.) и в Петербурге (декабрь того же года). (А. Б е л ы й. Себе на память.— ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 96, л. 4).

[7] С письмом от 8/21 января Гиппиус послала для «Весов» восемь стихотворений. Шесть из них были напечатаны в 1907 г.: № 5 — «Овен и Стрелец», «Между», «Боль»; № 12 — «Опять», «В черту», «Сызнова».

[8] См. п. 1, примеч. 8.

[9] Статья, подписанная обычным псевдонимом Гиппиус «Антон Крайний» («Весы», 1907, № 5), состояла из двух частей: 1) «Человек и болото» — об альманахах изд-ва «Шиповник», главным образом о «Жизни человека» Л. Андреева; 2) «На острие» — о книге С. Сергеева-Ценского «Рассказы», т. I. СПб., 1907. См. также п. 3.

[10] «Манифест» А. Белого — статья «Художник оскорбителям» («Весы», 1907, № 1). В ней Белый обращает гневные слова обличения против буржуазного общества, против тех, кто лживо называет себя «друзьями художника». Письмо Белого к Брюсову с упоминанием «Манифеста» см. в наст. томе, стр. 402. Не исключено, что существовало еще одно (упоминаемое Брюсовым) письмо с определенно выраженным желанием, чтобы «Манифест» был напечатан. Но в архиве Брюсова такого письма нет. Открытое письмо Гиппиус, направленное против «Манифеста», в «Весах» не появилось.

[11] В № 4 «Весов» была напечатана пьеса Ш. Ван Лерберга «Пан» (см. о ней наст. том, стр. 580).

[12] После смерти (в ноябре 1906 г.) В. А. Гольцева, бывшего много лет фактическим редактором «Русской мысли», издание ее перешло от В. М. Лаврова к И. Н. Кушнереву. С января 1907 г. журнал начал выходить «под общим редакторством А. А. Кизеветтера и П. Б. Струве», приобретя отчетливую кадетскую ориентацию (официальным редактором числился Ф. К. Арнольд). Новая редакция, наряду с постоянными для «Русской мысли» авторами (Боборыкин, Мамин-Сибиряк, Тимковский и др.), привлекла к сотрудничеству некоторых литераторов из лагеря «нового» искусства (Бальмонт, Брюсов, З. Гиппиус, Мережковский, Сологуб, Бердяев, Философов и др.).

Предлагая написать статью «хотя бы тоже как товарищ Герман», Брюсов имел в виду, что Гиппиус пользовалась этим псевдонимом в редких случаях,когда хотела сохранить свое авторство втайне. Впервые она так подписала полемическую статью о «Золотом руне» («Весы», 1906, № 2). Однако слухи о том, что статья написана ею, получили все же распространение в литературных кругах, и Брюсов, чтобы «рассеять подозрения», подписал этим же псевдонимом свою статью, также направленную против «Золотого руна» («Весы», 1906, № 5; см. об этом в письме Брюсова к Мережковскому, вторая половина апреля 1906 г.— ГБЛ, ф. 386.71.60, л.15 об.). О второй статье, которую Гиппиус снова подписала псевдонимом «Товарищ Герман», см. п. 1, примеч. 8.

[13] В письме от 8/21 января Гиппиус сообщала, что Л. Н. Вилькина «занимается последнее время экспозицией» «более или менее пламенных писем» к ней, «утоляя» этим «свое славолюбие». Гиппиус предупреждала об этом Брюсова, имея в виду, что у Вилькиной могли быть интимные письма и Брюсова.

[14] Не вполне точная цитата из стихотворения Лермонтова «Дума» (1838). У Лермонтова: «какой-то холод тайный».

[15] Этот эпизод произошел в Политехническом музее 14 апреля. Белый в своих воспоминаниях излагает его несколько по-иному, чем Брюсов (см.: *Между двух революций*, стр. 267). Дамой, которая пыталась стрелять в Брюсова, была Н. И. Петровская (у Белого она обозначена буквой N).

[16] Об уходе Белого и других писателей из «Золотого руна» см. п. 3, а также наст. том, стр. 341.

[17] А. А. Курсинский заведовал в «Золотом руне» литературным отделом; он ушел из журнала в связи с решением об упразднении отдела — вся литературная критика в журнале была передана Блоку (см. статью «Засоборились. Новый coup d'état в «Золотом руне».— «Весы», 1907, № 7, подпись: Товарищ Герман).

Г. Э. Тастевен официально был секретарем «Золотого руна», но, очевидно, выполнял также какие-то функции редактора.

3

‹Москва.› 22 мая 1907, ст. ст.

Дорогая Зинаида Николаевна!

М. Ф. Ликиардопуло не так давно прочел мне несколько слов из вашего письма, где вы говорите о «Перевале», о вашей «Трихине», о «Весах» [1]. Все это почти слово в слово совпадало с тем, что от вашего лица говорил я. Прочтя в первый раз вашу статью о «Перевале», я тогда же сказал Михаилу

Федоровичу: «Очень хорошо, очень зло и очень жестоко, но если бы Зинаида Николаевна стала писать о «Весах», она, вероятно, сказала бы столь же зло и жестоко». Ни на минуту не обольщаясь, я хорошо знаю ваше отношение к нашим «Весам». Конечно, они не только не то, что вам хотелось бы видеть — (что об этом и говорить!),— но даже не то, что вы согласны видеть. И разница моего отношения к «Весам» и вашего вот в чем: я их принимаю за невозможностью лучшего, а вы за неимением лучшего. То есть вам кажется, что лучшее (сейчас, здесь, при наличности разных «условий») создать можно, а я этой возможности никак не вижу.

Однако, как год назад, во время злополучных наших переговоров [2], так и теперь, настаиваю я, что есть нечто общее, что единит вас и нас около «Весов»,— и положительное и отрицательное. Положительное — это уважение к той культуре, которую можно проклинать, которую можно отвергать, но через которую только и лежат пути в будущее. Отрицательное — это негодование ко всем «пляшущим на фразе» (см. эпиграф к лермонтовскому «Не верь, не верь себе...») [3], ко всем обращающим святое (для нас одно, для вас — другое) в шутовство, ко всем, в окончательном подсчете, ищущим только прибыли, хотя бы и не денежной. Мы переживаем одну из тех эпох (они в истории повторяются), когда совершается популяризация или вульгаризация идей, т. е., попросту говоря, великий грабеж и беззастенчивое обирание «собственников». Георгий Чулков [4], С. Кречетов [5], Б. Зайцев, И. Сацы [6] и многие, и многие еще — крадут идеи Дмитрия Сергеевича и ваши, обкрадывают Андрея Белого и меня, и нагло щеголяют украденными цепочками, развешивая их на своих пестрых жилетах. Как же тут от времени до времени не произносить по адресу той или другой личности: «мошенник!» И вот почему я думаю, что ваша статья о «Перевале» совсем уместна в «Весах», как раньше была уместна статья о Судуклее Вахрамеевне:[7] пусть «Весы» очень плохи и неправы, но в нашем декадентском море это все же единственный остров, куда не пристают ладьи quasi-экспроприаторов, а на деле просто жуликов.

Но оставим «Перевал» — от него, при наличности Сергея Кречетова, и ждать иного нельзя было, но вот «Руно»[8]. Уж с ним ли не бились: и объявления я им писал, и на четвергах разные элементарные истины вбивал в голову его плоскочерепных руководителей, и сотрудников всячески убеждал: «tenez-vous droit *» (это из «Золота в лазури») [9],— и что же! Результат: И. Сац, № Дьявола, № Нестерова [10] etc. etc., а попутно неподавание руки Курсинскому и просьба к Струве выйти из редакции, так как он приехал не в крахмальном воротничке! Бывать более на Новинском бульваре немыслимо, писать в «Руне» — вряд ли возможно, и, кажется, очень прав Белый, что открыто ушел и снял свое имя. Я бы сделал то же, да нет подходящего повода. Все числился, числился, и вдруг — «не могу». Скажут: «Что же раньше смотрел!» Разве если с целой «компанией». Вы взяли свои рукописи из «Руна»? — не присоединитесь ли? Ах, если бы ваше имя и Дмитрия Сергеевича! Прекрасное получилось бы «письмо в редакцию». Серьезно, подумайте о таком уходе из Содома и Гоморры! [11]

Есть еще милое местечко: это «Оры». Они, конечно, куда культурнее не только «Перевала» и «Руна», но даже «Факелов» [12]. И все-таки «Тайга» и «Тридцать три урода» — изделия, при которых сохранять хладнокровие не совсем легко [13]. А видели ли вы «Цветник Ор»? [14] Альманах, по меньшей мере, интересный, ибо откровенный в стиле «модерны» («модерна» — словечко из статьи Артура Лютера, см. «Весы», № 5, 1907 [15]). Г-жа Лидия Зиновьева и т. д. в драме, «варьированной на тему из Шекспира» (так и сказано!), под прозрачными псевдонимами пересказывает недавние перипетии из жизни «средового» кружка. А Вяч. Иванов и Маргарита Сабашникова

---

* держитесь прямо (*франц.*).

(жена Макса) рассказывают самые последние перипетии уже и без псевдонимов. Так, Марголя пишет: «Душа уязвлена твоей красой страстнóю!» (стр. 205), а Вяч. Иванов вторит ей: «Ты помнишь лик страстнóй моей красы?» (стр. 232), а чтоб было совсем понятно, добавляет: «В морях горит Сирена Маргарита» (стр. 225). Попутно рассказываются разные подробности: «В слиянных снах, смыкая тело с телом...» (стр. 230), «Однажды въяве... Ты тела вес воздушный оперла— Мне на ладонь» (ib.), «И страсть трех душ томилась и кричала...» (стр. 218). Макс немного приуныл, больше молча сидит и преет, но иногда яростно восхваляет стихи Вячеслава (с мягким произношением: Ви-ачи-аслава). А что-то бедняк Городецкий! легко ли читать «Завесы» * после «Эроса»!

Ваш всегда Валерий Брюсов

P. S. Неужели вы так и не напишете о «Тридцати трех уродах» вместе с «Трагическим зверинцем»? Ну кто же, если не вы? Хотя бы под забралом товарища Германа? А, может быть, еще и о XVI Сборнике Знания, где «Иуда» Л. Андреева и «Мать» Максима ⟨Горького⟩. Неужели не соблазнительно! [16]

Корректуру статьи о «Шиповнике» совсем нельзя было выслать — приходилось очень торопиться; не гневайтесь. Я выпустил *только цитату* из С. Ценского и несколько относящихся к ней слов. Все остальное сохранено точно и проверено тщательно по рукописи. Сознáюсь, я было попытался сократить статью и еще, но оказалось невозможно: все у вас так связано и так последовательно, что нельзя было выпустить ни строки [17].

P. P. S. Был у меня Перцов. Потолстел очень. Жил всю зиму в Крыму. Собирается купить имение и жить в деревне. Спросил у меня ваш адрес. Я сообщил.

Ответ на письмо Гиппиус от 14/27 мая 1907 г. (ГБЛ, ф. 386. 82.39, л. 14). Гиппиус ответила на настоящее письмо 1/14 июня 1907 г. (там же, л. 16—21 об.).

[1] Это письмо Гиппиус остается неизвестным. О статье «Трихина» см. п. 1, примеч. 8.

[2] См. п. 1, примеч. 4.

[3] Эпиграфом к стихотворению «Не верь себе» Лермонтов взял четверостишие из «Пролога» к «Ямбам» О. Барбье. Приводим его перевод: «Какое нам, наконец, дело до грубого крика всех этих горланящих шарлатанов, продавцов пафоса и мастеров напыщенности и всех плясунов, танцующих на фразе».

[4] О Г. И. Чулкове и полемике с ним «Весов» см. наст. том, стр. 284—285.

[5] О С. А. Соколове (Кречетове) см. наст. том, стр. 497.

[6] Илья Александрович *Сац* (1875—1912) — композитор и музыкальный критик. Сотрудничал в «Золотом руне». Брюсов отрицательно относился к статьям Саца в этом журнале. По поводу статьи «Сатана в музыке» («Золотое руно», 1907, № 1) Брюсов выдвинул прямое обвинение в плагиате («Писать или списывать?»—«Весы», 1907, № 3).

[7] О статье Гиппиус против «Перевала» см. п. 1, примеч. 8. «Статья о Судуклее Вахрамеевне» — статья Гиппиус, в которой была дана резкая, издевательская оценка первого номера «Золотого руна» («Весы», 1906, № 2; подпись: «Товарищ Герман»). Новый журнал был сопоставлен здесь с образом богатой, роскошно одетой Сундулеи Вахрамеевны (Брюсов пишет ее имя неточно), на которой платье из Парижа, «все на ней первый сорт», говорит она о Пшибышевском и Ницше, а за всем этим остается обыкновенной купчихой, которая может «вдруг такое сказать, что всем страшно станет, и при этом утереться платочком», или розовый атласный бантик на себя нацепить.

[8] О «Золотом руне» см. наст. том, стр. 489.

[9] Из стихотворения «Кошмар среди бела дня», в котором поэт рисует уличную картинку: «Вдоль тротуара...// вот идет за парой пара// бледных, хмурых пансионерок.// Глазки вылупили глупо,// спины вытянули прямо.// Взглядом мертвым, как у трупа, // смотрит классная их дама.// «Mademoiselle Nadine, tenez vous// droit...» И хмурит брови строже» (Андрей Белый. Золото в лазури. М., «Скорпион», 1904, стр. 100—101).

---

* Стихи Вяч. Иванова озаглавлены «Завесы»: очевидно, имеются в виду завесы *раздвигаемые* (*примеч. Брюсова*).

[10] О номере «Золотого руна», в котором были напечатаны материалы «конкурса о дьяволе», см. п. 1, примеч. 3. Творчеству М. В. Нестерова был полностью посвящен художественный раздел № 2 «Золотого руна» за 1907 г.

[11] Этот проект коллективного отказа от сотрудничества в «Золотом руне», задержанный по желанию Мережковских, был осуществлен только в августе 1907 г., когда в большинстве московских и петербургских газет появились письма в редакцию об этом. Первое из них подписали: Мережковский, Гиппиус, Брюсов и Белый; во втором о своем присоединении к ним заявляли: Кузмин, Балтрушайтис и Ликиардопуло (см., например: «Столичное утро», 1907, № 69 и 70, 21 и 22 августа; см. также перепечатку обоих писем — «Весы», 1907, № 8, стр. 78—79).

[12] Об издательстве «Оры» см. наст. том, стр. 286, 497; о «Факелах» — там же, стр. 284.

[13] «Тайга» — драма Г. И. Чулкова (СПб., 1907). В «Весах» была помещена рецензия на нее А. Белого (1907, № 6, стр. 69—70). «Тридцать три урода» — роман Л. Д. Зиновьевой-Аннибал (СПб., 1907). Резкая оценка его как произведения, примыкающего к потоку «эротической» литературы, была дана в статье Антона Крайнего «Братская могила» («Весы», 1907, № 7).

[14] Об альманахе «Цветник Ор», см. наст. том, стр. 498—500.

[15] См. обзор Артура Лютера «1906 год в немецкой литературе» («Весы», 1907, № 5, стр. 86—87).

[16] Обо всех названных изданиях Гиппиус писала в статье «Братская могила».

[17] О статье Гиппиус «Человек и болото», содержавшей разбор альманаха «Шиповник», см. п. 2, примеч. 9. В письме от 14/27 мая Гиппиус упрекала Брюсова за то, что он не прислал ей корректуру этой статьи.

4

‹Москва.› 18 июня 1907 н. ст.

Дорогая Зинаида Николаевна!

Ваше терпение и ваша энергия по писанию лекций для парижских товарищей меня потрясают и изумляют [1]. Ибо в одном я безнадежно уверен, что во всей этой многотысячной толпе не найдется ни одной головы, череп которой можно было бы пробить вашим словом,— не потому, чтобы ваши слова не были остры, а потому, что эти черепа слишком тверды. Все равно, едва Дмитрий Сергеевич выйдет в одну дверь, в другую войдет Алексинский [2] или Носарь [3], и сразу все сказанное вами испарится, а все сказанное этими заляжет глубоко и прочно. А о вас будут говорить: «идеология мелких буржуа».— «Черт возьми! — как возразил Эллис,— уж я предпочитаю иметь идеологию *крупных*!»

Недавно спорил я с одним «твердокаменным» социал-демократом. Говорил с ним и «от Канта», и «от Риккерта», и «от Ницше». Он все стоял на своем и твердил одно: когда осуществится их социальный строй, все станет иное: и Канты, и Ницше, и теория познания, и мечты о сверхчеловеке. А главное — искусство будет совершенно иное, а все наше пойдет насмарку. Я, наконец, спросил его, а будет ли новой, иной таблица умножения. И, подумав, совершенно серьезно, безо всякой иронии, он ответил: может быть! — Это даже прекрасно, но говорить дальше бесплодно! [4]

Да и вообще, говорить к кому-либо сейчас кажется мне бесплодным. В день роспуска Думы [5] был в одной дачной местности бал (то было в воскресенье). И вот на круг явились левые студенты и заявили, что сегодня разогнали Думу и потому они танцевать не позволят, а если кто будет, они «за последствия не ручаются». Хорошо? Но слушайте дальше. Бывшие здесь правые офицеры танцевать все-таки начали и, танцуя, обращались к студентам с криками: «Что, взяли, дураки?» Потом, не довольствуясь этим, позвали каких-то стражей, и студентов из сада вывели. Хорошо? Но слушайте дальше. Студенты пошли на станцию, напились пьяными до предела и, вооружившись камнями, стали метать их во всех проходящих, мужчин и дам, которые казались им «черносотенниками». Не кажется ли вам, что это дачное происшествие — символ всего, что совершается сейчас в России. Слева — бомбы и грабеж, бессмысленный и пьяный, справа — штыки и виселицы, дикие и грубые, в центре усы Головина [6] и кадетский ради-

«Северные цветы ассирийские»
М., «Скорпион», 1905
Обложка по рисунку Н. П. Феофилактова

кализм «Перевала». Нет путей — ни влево, ни вправо, ни вперед,— разве назад!

Как всегда «эмигранты», вы видите свою страну в свете радуг и молний, а мы, сидя у себя, знаем, что освещается она скверными фонарями, да и эти фонари в дни забастовок приказано бить. Не парламент нужен России, а элементарные школы,— школы для мужиков как для сотрудников «Перевала», для солдат как для министров. Но мужики и солдаты справедливо возражают: А разве мы виноваты, что мы в школах не были? и так как мы не виноваты, то будем жечь, бить и громить. И еще прибавляют: А пока вы школы выстроите и выдумаете 100 000 учителей, мы все с голоду помрем. Где же выход? ⟨...⟩

А вы пишете лекции для парижских товарищей, а я пишу лекции для московских товарищей, и оба мы издаем «Весы» для кадетов и «кадетов», как выразился Жорж де Ба [7]. А на деле — пора надевать рясу, как монахам Средних веков, и складывать свои рукописи на чердаках: авось Петрарка будущего отыщет! [8]

Ваш Валерий Брюсов

Post scriptum.

А «Весы» все-таки издаются, и потому... и потому будемте говорить и о «делах».

Я несколько раз принимался писать примечание к вашей статье «Наоборот». Но всегда выходило слишком бранно. И не знаю, сумею ли написать иначе. Вы там соглашаетесь отдать Лафорга за Сологуба и Брюсова. Да читали ли вы когда-либо Лафорга? Это поэт сатиры, иронии, сарказма, поэт смеха, доброго и недоброго. Где смех у меня и у Сологуба? Ваша мена напоминает мне ответ в petit jeu *: Что вы предпочитаете, розу или гвоздику?— Апельсин.— Ну хорошо ли будет, если я начну возражать

* домашней игре (*франц.*).

вам таким тоном? Не лучше ли вовсе отложить эту статью, тем более что, перечитав ее, вы наверное сами признаете свою неправоту. Много у «Весов» недостатков, но не такое «наоборот» [9].

Напротив, вторую статью, «Мы и они», давно следует поместить, и только места, места недоставало [10]. Ах, вы не знаете, каково умещать все, что надо, в 90—100 страниц! Встряхиваешь №, как корзину с яблоками, все думаешь, не войдет ли еще одно! Нет, лежат плотно, и сливы добавить некуда. Во всяком случае, я сдал «Мы и они» в набор, и надеюсь, что в июне статья появится. (Апрель и май — совершенно готовы, и будут разосланы на этой неделе.)

Рассказ, конечно, присылайте. То, что он появится в «Mercure'е», для «Весов» значения иметь не может. Если бы еще то была статья, дело другое. Но рассказ в переводе теряет $^3/_4$ своего аромата. К тому же, судя по заглавию, он действительно непереводим. Книжки Северака я видел, и сомневаюсь, чтобы он совершил переводческое чудо [11].

«Руно» ваших рукописей действительно не выдает, я сам слышал, как требовал их Михаил Федорович. Попробую сегодня потребовать я. Если и мне откажут, я дальнейших способов не могу представить. Кроме пристава, никакой авторитет для Рябушинского недостаточно силен.

Выход мой из «Золотого руна» решен окончательно. «С ними пива не сваришь», как говорите вы. Я жду только появления № 4, где будет статья против «Весов», которая и послужит мне предлогом. Тотчас думаю я разослать по редакциям газет такое письмо:

«М. Г. г-н редактор. Позвольте при содействии вашей уважаемой газеты известить наших читателей, что мы не считаем более возможным считаться в числе сотрудников журнала «Золотое руно» и участия в нем более не принимаем. Д. Мережковский (?), З. Гиппиус, Андрей Белый, Валерий Брюсов, М. Кузмин, С. Городецкий, М. Ликиардопуло» [12].

Имя Дмитрия Сергеевича я, конечно, не поставлю, если не получу по этому вопросу особого от вас ответа *. Ваше же имя, кажется мне, вы позволяете присоединить к этому списку. Ну их! Конечно, «Петербургская газета», о которой вы говорите, и «Столичное утро», где я теперь пишу,— приятнее! [13]

О женитьбе Перцова узнаю лишь от вас. Он от меня утаил.

Ваш Валерий Брюсов

P. P. S. Выслал вам «Уродов», «Зверинец», «Сборник Знания», в надежде, что вы напишете об них. Не выслать ли еще некоторые альманахи того же толка? Посылаю и «Цветник Ор», которого у вас, кажется, нет. Об нем написал Борис Николаевич. О «Факелах» написал Эллис [14].

Простите плохой сегодня, не по обычному, почерк: болит рука.

Ответ на письмо Гиппиус от 1/14 июня 1907 г. (ГБЛ, ф. 386. 82.39, л. 16—21 об.). Гиппиус ответила Брюсову на настоящее письмо 16/29 июня 1907 г. (там же, л. 22—25 об.).

[1] О парижской лекции Мережковского см. п. 2, примеч. 2.

[2] Григорий Алексеевич *Алексинский* (р. 1879) — в 1907 г. член социал-демократической фракции Второй Государственной Думы; в дни ее разгона был за границей, почему и избежал ареста. Впоследствии перешел на контрреволюционные позиции; с 1918 г. в эмиграции, где вел активную антисоветскую работу.

[3] Георгий Степанович *Носарь* (он же Петр Александрович Хрусталев, 1877—1918) — политический авантюрист; в 1905 г. примыкал к меньшевикам, в октябре 1906 г. был сослан в Сибирь, откуда весной следующего года бежал за границу. После Ок-

* Вы пишете: «С удовольствием примем участие в выходе». Хотелось бы думать, что вы говорите за себя, за Дмитрия Сергеевича и за Дмитрия Владимировича. Так? (*примеч. Брюсова*).

тябрьской революции участвовал в контрреволюционном движении на Украине. После установления Советской власти на территории Украины был расстрелян.

[4] Этот спор Брюсова показывает, какими превратными были тогда его представления о марксистских воззрениях на искусство и его будущее.

[5] Вторая Государственная Дума была разогнана царским правительством 3 июня 1907 г. Члены социал-демократической фракции были тогда же арестованы и затем сосланы.

[6] Федор Александрович *Головин* (1867—1937?) — председатель Второй Государственной Думы, один из организаторов партии кадетов.

[7] Жорж де Ба — ироническая переделка на французский лад имени и фамилии Георгия Чулкова (от le bas — чулок).

[8] Один из первых европейских гуманистов, Франческо Петрарка деятельно собирал и комментировал рукописи латинских поэтов.

[9] Статья Гиппиус «Наоборот» в «Весах» не появилась. Жюль *Лафорг* (1860—1887) — французский поэт-символист.

[10] Статья Гиппиус «Мы и они».— «Весы», 1907, № 6.

[11] Рассказ Гиппиус из жизни хлыстов «Сокатил» («Весы», 1907, № 8). В том же номере, под рубрикой «Заметки», было напечатано сообщение: «В № от 1 августа «Mercure de France» помещен рассказ З. Гиппиус «Il est descendu». Русский его текст напечатан в настоящем № «Весов» (стр. 78).

[12] См. п. 3, примеч. 11.

[13] В письме от 1/14 июня 1907 г. Гиппиус сообщала: «...хочу приняться за борзописанье всюду, где можно. Дойду до «Петербургской газеты» (не до «Перевала» и «Руна»!)». «Петербургская газета» (1867—1917) с 1880-х годов приобрела репутацию бульварного органа печати. «Столичное утро» — ежедневная общественно-литературная газета, выходившая в Москве с 30 мая 1907 г. Во второй половине октября того же года ее издание было приостановлено в административном порядке. Брюсов напечатал в ней несколько своих стихотворений и пытался привлечь к участию в ней Мережковских.

[14] Обо всех перечисленных книгах Гиппиус писала в статье «Братская могила» (см. п. 3, примеч. 13). Рецензия А. Белого на альманах «Цветник Ор. Кошница первая».— «Весы», 1907, № 6. В том же номере была помещена статья Эллиса «Пантеон современной пошлости» («Факелы», кн. 2)».

5

26 sept⟨embre⟩ 1908, Saint-Jean-de-Luz

Дорогая Зинаида Николаевна!

Вот уже около месяца, как я живу в том самом St.-Jean-de-Luz, где вы провели сколько-то недель весною. Впрочем, живу не в том Hôtel Beau Rivage, где вы (там не нашлось свободных комнат!), но в отдельном appartement *, около самого jeu de pelote **, если помните такое место. Наблюдаю приливы и отливы, хожу на Святую Барбу или на Corcoa, иногда еду в Биарриц или в С. Себастьян [1], на бой быков,— и в общем чувствую себя прекрасно, вознося благодарность богам, что они подали мне мысль поселиться здесь, и вам, что вы эту мысль поддержали. Народу здесь множество, не такая толпа, как в Биаррице, но все же больше, чем следовало бы, но я мудро сторонюсь ото всех и провожу дни в «модном одиночестве».

Только теперь, после того, как месяц я проблуждал по Италии [2] и месяц провел на берегу океана, начинаю я понимать вполне, до чего я устал от двух лет московской «литературной» жизни. Понемногу начинаю обретать себя самого — таким, каким был я в дни «Нового пути», а, может быть, раньше. «Весы», «Золотое руно», газеты, письма в редакцию, обиды всех на всех и интриги всех против всех, вечная истерика Андрея Белого и вечный савонаролизм Эллиса, ядовитая придурковатость Городецкого и бычачье себе на уме Макса Волошина — все это, и многое другое, образует такую систему зубчатых колес, после которой от души остаются лишь кровавые

---

* помещении, квартире (*франц.*).

** места для игры в мяч (*франц.*).

клочья. Я понимаю теперь, как блаженны были вы, столько хороших месяцев живя ⟨вдали от⟩ всех нас [3], с другого берега глядя на нашу яростную возню, которая [нам вблизи казалась битвой гигантов и титанов.]

Черновик. Об отдыхе в приморском курортном городке St.-Jean-de-Luz Гиппиус писала Брюсову 11/24 мая 1908 г. (ГБЛ, ф. 386. 82. 40, л. 5—6). На настоящее письмо она ответила уже из Петербурга 26 сентября (там же, л. 11—11 об.).

[1] Святая Барба (Sainte Barbe) и Corcoa — горные вершины вблизи Люза; Биарриц — крупный французский курорт на берегу Бискайского залива, неподалеку от него расположен Люз; Сан Себастьян — испанский город, находящийся близ границы с Францией.

[2] О «летнем путешествии 1908» по Италии см.: *Дневники*, стр. 139—140, а также наст. том, стр. 512.

[3] За границей Мережковские прожили с марта 1906 г. до сентября 1908 г.

А. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

Анастасия Николаевна *Чеботаревская* (1876—1921) — писательница и переводчица, жена Ф. К. Сологуба. Помимо рассказов, публиковала в журналах и газетах статьи по искусству, а также о творчестве О. Дымова, З. Гиппиус, Д. Мережковского, Б. Зайцева, переводы Метерлинка, Мопассана, Стендаля; составляла книги хрестоматийного характера: «Думы и песни. Сборник новых песен». (М., 1911), «Любовь в письмах выдающихся людей XVIII и XIX века» (М., 1913), «Война в русской поэзии» (Пг., 1915) и др. Неоднократно выступала со статьями о произведениях Сологуба и была активным пропагандистом его творчества. Издала сборник «О Ф. Сологубе. Критика. Статьи и заметки» (Пб., «Шиповник», 1911), составленный только из положительных отзывов о творчестве мужа. По свидетельству Сологуба, была соавтором некоторых его рассказов и драм.

В 1912 г. участвовала в организации Всероссийского союза переводчиков. В 1914 г. вместе с Ф. Сологубом издавала журнал «Дневники писателей».

Письма Брюсова к Чеботаревской хранятся в ЦГАЛИ, ф. 482, оп. 2, ед. хр. 28 (7 писем, 1911—1916). Из печатаемых писем п. 1 — автограф, п. 2 — машинопись.

В архиве Брюсова (ГБЛ) сохранилось также 11 писем Чеботаревской к нему (за те же годы).

1

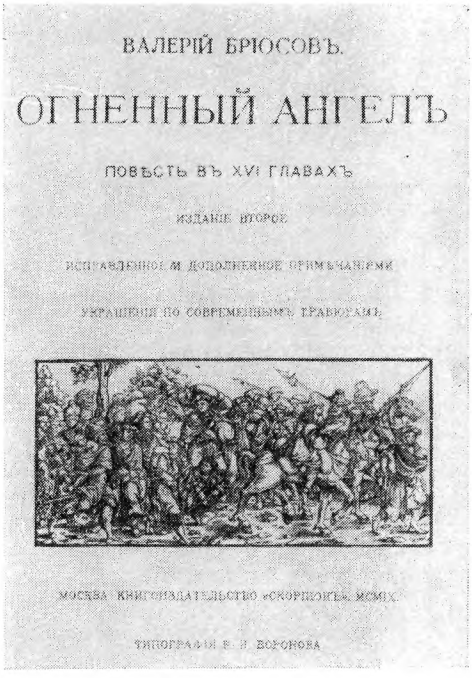
⟨Москва.⟩ 9 ⟨февраля⟩ 1913.

Многоуважаемая Анастасия Николаевна!

Извиняюсь, что отвечаю вам с таким опозданием: «дела» совершенно меня замучили за эти последние недели. На ваш вопрос я должен ответить определенно, что из состава редакции «Русской мысли» я вышел и редакционного участия в журнале более не принимаю. Кто именно сейчас заведует беллетристическим отделом «Русской мысли», я точно не знаю, но полагаю, что лично П. Б. Струве [1]. Однако, как вы знаете из объявлений, я остаюсь «постоянным» сотрудником журнала, и все, или почти все, что напишу, буду печатать в нем.

Благодарю вас за любопытные сведения, которые вы мне сообщили [2]. Ни в какой «акмеизм» я, конечно,— как и вы,— не верю, и ничего серьезного в проповеди и притязаниях «акмеистов» не вижу [3]. Это не мешает мне, однако, считать Гумилева, Городецкого, Анну Ахматову — поэтами интересными и талантливыми. Ваш «Игорь» мне тоже очень нравится, и в его будущее я верю [4].

Преданный вам Валерий Брюсов


ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

ОГНЕННЫЙ АНГЕЛЪ

ПОВѢСТЬ ВЪ XVI ГЛАВАХЪ

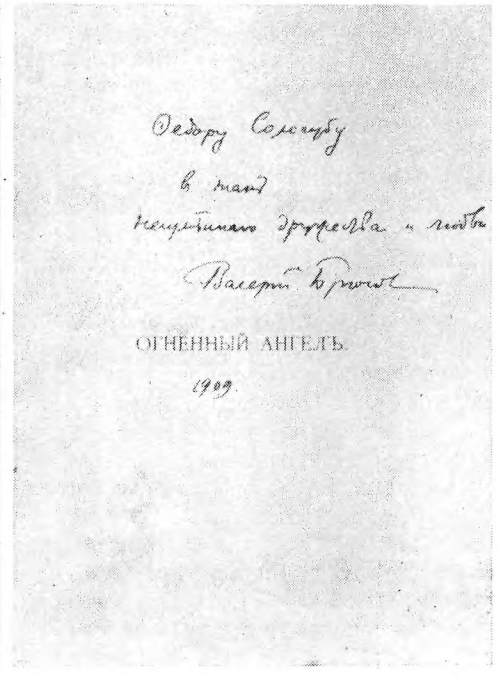
ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ ПРИМѢЧАНІЯМИ

УКРАШЕНІЯ ПО СОВРЕМЕННЫМЪ ГРАВЮРАМЪ

МОСКВА КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СКОРПІОНЪ» MCMIX

ТИПОГРАФІЯ Е. Н. ВОРОНОВА


Федору Сологубу

в знак

неизменного дружества и любви

Валерий Брюсов

ОГНЕННЫЙ АНГЕЛЪ

1909

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ БРЮСОВА Ф. СОЛОГУБУ

на втором издании романа «Огненный ангел». М., «Скорпион», 1909: «Федору Сологубу в знак неизменного дружества и любви. Валерий Брюсов. 1909»

Литературный музей, Москва

На конверте почт. шт.: Москва, 10.2.13. Дата исправляется по почт. шт., у Брюсова ошибочно: «9 января 1913».

[1] Вопрос об уходе Брюсова из состава редакции «Русской мысли» был решен в ноябре 1912 г. С 1 февраля 1913 г. заведовать литературно-критическим отделом журнала стала Л. Я. Гуревич. О взаимоотношениях Брюсова с «Русской мыслью» см.: «Литературный архив», вып. 5. М.— Л., АН СССР, 1960, стр. 257—348.

[2] 20 января 1913 г. Чеботаревская писала Брюсову: «Очень неприятен в последнее время «Цех поэтов», который решил очень откровенно обратить на себя внимание и отвлечь его от «старших» (Брюсова, Сологуба, Блока, Иванова). Недавно на вечере «Бродячей собаки» вслух заявляли: «В «Аполлоне» больше не появится *их* ни строки (к счастью, ни вы, ни Федор Кузьмич, кажется, никогда туда и не давали ни строки), а затем во время какой-то предутренней свалки вопили: «Долой Брюсова и всех этих буржуев»(?). Отвращение внушает их саморекламирование и, наконец, тенденция выдвинуться, ругая тех, по стопам которых они и выкарабкались только на свет божий — все эти Гумилевы (он один из ярых акмеистов), Городецкие, Мандельштамы и пр.» (ГБЛ, ф. 386.107.29).

[3] Свое отношение к первым выступлениям акмеистов Брюсов высказал в статье «Новые течения в русской поэзии» (*РМ*, 1913, № 4, отд. II, стр. 134—142). Отмечая индивидуальное своеобразие стихов Н. Гумилева, А. Ахматовой, С. Городецкого, М. Зенкевича, В. Нарбута, Брюсов не видел «в этих стихотворениях чего-либо общего, выделяющего их в особую группу», не находил ничего, «чем они характерно отличаются от стихов, которые писались и пишутся поэтами, не зачисляемыми в ряды «акмеистов». Подытоживая свои суждения о новой школе, Брюсов заметил: «Мы уверены, или по крайней мере надеемся, что и Н. Гумилев, и С. Городецкий, и А. Ахматова останутся и в будущем хорошими поэтами и будут писать хорошие стихи. Но мы желали бы, чтобы они, все трое, скорее отказались от бесплодного притязания образовывать какую-то школу акмеизма».

[4] Об отношении Брюсова к Игорю Северянину см. наст. том, стр. 20_—_09.

2

1 Мещанская, 32, Москва.
6 ноября 1913

Многоуважаемая Анастасия Николаевна!

Не знаю, как мне извиняться в том, что я в свое время не откликнулся на ваш любезный призыв[1]. По разным причинам я отложил ответ на несколько дней, а потом длительное нездоровье нарушило весь ход моей переписки. Теперь, кажется, мой ответ излишен. Издание обновленного «Глашатая», как мне передавали, не состоится. Во всяком случае верьте моей готовности в другой раз быть вам полезным, чем могу и умею.

Не откажите передать мой дружеский привет Федору Кузьмичу и мою величайшую благодарность, как читателя, ему за изумительные «Жемчужные светила» (которую я до некоторой степени засвидетельствовал несколькими печатными строками)[2] и за превосходные «Триолеты»[3], которые я читаю и перечитываю с неубывающей радостью. Хорошо встречать такие стихи в дни, когда строки, напечатанные стихами, так часто вызывают чувство страха: читать ли! когда наши футуристы[4], на которых я возлагал столько надежд, занимаются поношением Пушкина, а наш общий друг К. Д. Бальмонт больше времени отдает маорийцам[5], чем своим чудесным, былым, напевам! Будет ли или не будет «Глашатай», но создать журнал, прежде всего посвященный литературе и особенно поэзии, не кружковский «Гиперборей»[6], а новые «Весы», это — насущная задача русских писателей наших дней. Москва уже делала много; почему бы теперь не взять почина Петербургу?

Преданный вам Валерий Брюсов

[1] В письме к Брюсову от 20 сентября 1913 г. Чеботаревская сообщала: «Здесь образуется воскресная литературно-театральная газета, ставящая задачей (название газеты «Петербургский глашатай») поддержку новых течений в искусстве и театре» (ГБЛ, 386.107.29). Чеботаревская предлагала Брюсову сотрудничать в газете и просила прислать интервью о целесообразности ее издания.

«Петербургский глашатай» — «чрезнедельная газета жизни театра, литературы, художества», орган футуристов, выходила в Петербурге в 1912 г. Прекратила свое существование на четвертом номере. Возобновление издания не было осуществлено.

[2] «Жемчужные светила» — название XIII тома собрания сочинений Ф. Сологуба (СПб., «Сирин», 1913). Брюсов упоминает об этой книге в статье «Новые течения в русской поэзии»: «Что некоторые из этих, давно любимых нами поэтов, ярко проявивших свое дарование уже десять, пятнадцать и более лет тому назад, сохраняют в полноте творческие силы и способны к новым достижениям — явно доказывается последними стихами А. Блока (в журналах), прекрасными книгами Вяч. Иванова «Нежная тайна» и М. Кузмина «Осенние озера» и особенно XIII томом собрания сочинений Ф. Сологуба, где все стихи, относящиеся к годам 1898—1911, изумляют сосредоточенной глубиной мысли и чувства и исполнены с мастерством исключительным» (*РМ*, 1913, № 8, отд. II, стр. 71).

[3] «Триолеты» — цикл стихотворений Сологуба «Очарования земли», посвященный Чеботаревской, был напечатан в первом сборнике «Сирин» (СПб., 1913).

[4] Свой взгляд на футуризм Брюсов выразил в статье «Новые течения в русской поэзии» (*РМ*, 1913, № 3, отд. II, стр. 124—133, № 8, отд. II, стр. 71—80). Он считал, что в протесте футуристов «есть своя правда, поскольку они восстают против того «общего места», к которому начинает склоняться наша поэзия за последние годы». Положительную сторону футуризма Брюсов видел в том, что «футуризм, как доктрина», призывал «к воплощению в поэзии современной жизни (т. е. к непосредственным наблюдениям) и к новой работе над словом (т. е. к расширению словаря, к совершенствованию ритмов и т. п.)». Находя, что пока своеобразие футуристической поэзии «сказывается исключительно в особенностях словесного выражения», Брюсов к словесным новшествам новой школы отнесся критически. Однако он выразил надежду, «что крайности нового движения с течением времени отпадут, что они будут вырваны самими футуристами, как случайные плевелы; а зерна чего-то нового, что, по-видимому, есть в футуризме, вырастут в настоящие цветы. Разумеется, это может быть лишь в том случае, если поэты новой школы станут работать над своим весенним садом и прежде всего откажутся от своего желания сбрасывать с «парохода современности» «Пушкина и проч.», что ведет их, между прочим, к открытию уже давно открытого».

[5] Маорийцы — коренное население островов Новой Зеландии. В 1912 г. Бальмонт совершил кругосветное путешествие, во время которого посетил также Новую Зеландию и Полинезию. В 1912—1913 гг. в газетах и журналах появлялись отдельные стихотворения Бальмонта о «стране Маори» (см., например, «Заветы», 1912, № 9, стр. 5).

[6] «Гиперборей» — «ежемесячник стихов и критики», орган «Цеха поэтов» (СПб., 1912—1913, № 1—10). Редактор-издатель М. Л. Лозинский. Журнал имел ярко выраженный характер группового органа акмеистов.

А. Е. ГРУЗИНСКОМУ

Алексей Евгеньевич *Грузинский* (1858—1930) — историк литературы, переводчик, профессор Московского университета и Высших женских курсов. С 1896 г.— действительный член Общества любителей российской словесности при Московском университете, с 1905 г. по 1909 г. исполняет обязанности председателя, а с конца 1909 г. по 1922 г. является председателем Общества. При его участии подготовлена пятитомная «История русской литературы XIX века» (изд. «Мир», 1908—1910). Редактировал «Библиотеку европейских классиков» в издательстве «Окто». После Октября участвовал в подготовке Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого в 90 томах. Грузинский переводил на русский язык произведения Фирдоуси, Низами, А. Мюссе, Р. Тагора, арабские сказки. Большое место в его наследии занимают статьи по русской литературе XVIII и XIX вв., древнерусской литературе, работы о творчестве Данте, Шекспира и др. Брюсов был связан с Грузинским по Обществу любителей российской словесности, членом которого поэт состоял с ноября 1906 г. Вместе с ним принимал участие в работе Пушкинской и Гоголевской юбилейных комиссий. Грузинский пригласил Брюсова участвовать в пятитомной «Истории русской литературы XIX века» (Брюсову принадлежат здесь статьи о К. Случевском и К. Фофанове). По предложению Грузинского поэт создает новый перевод баллады Ф. Шиллера «Ивиковы журавли» для Собрания сочинений Ф. Шиллера в двух томах, выпущенного в 1913 г. издательством «Окто».

Письма Брюсова к Грузинскому хранятся в ЦГАЛИ, ф. 126, оп. 1, ед. хр. 123 (8 писем, 1903—1013). Публикуемое письмо — автограф. В архиве Брюсова (ГБЛ, ф. 386. 84.15) сохранилось 6 писем Грузинского к нему (1908—1918; одно из них от имени Общества любителей российской словесности).

‹Москва.› 22 сентября 1913 г.

Многоуважаемый Алексей Евгеньевич!

Благодарю вас за указания неудачных выражений в моем переводе «Ивиковых журавлей» [1]. Кое-что, кажется, мне удалось исправить.

Строфа VI. Вы подчеркнули слово: «*Ужасный* голос журавлей». Но в подлиннике:

Die nahen Stimmen furchtbar krähn...

Теперь я переделал это так:

Он — грозный оклик журавлей.

Можно еще так:

Он — крик зловещий журавлей.

Или, наконец:

(страшный)
Он — грозный голос журавлей.

Правда, слово «голос» стоит в следующем стихе, но и в подлиннике Stimme— дважды. Тотчас читаем:

Wenn keine andre Stimme spricht...

Теперь я вставил в этот стих вполне здесь необходимое слово «голос»:

(Не слышу *голосов* других!)

и можно в предыдущем стихе его тоже оставить, т. е.:

Он — грозный *голос* журавлей.

Предоставляю вам выбрать — этот вариант или тот, что в моем новом тексте.

Строфа VII [2]. Не столько смущало меня слово «труп» на слабом месте стопы, сколько сходство первого стиха, как и всей строфы, с переводом Жуковского,— притом сходство, не созданное буквальностью перевода. Поэтому я переделал всю строфу. В стихе 4 удалось вставить слово «*любимого* лица»:

Die Züge, die ihm *teuer* sind...

В конце строфы, сохранив «Твоею славой озарен» (Bestrahlt von seines Ruhmes Glanz) и расположение стихов подлинника, я теперь сумел избежать совпадения с переводом Жуковского [3]. Стих 5, по выражению, иной, чем у Шиллера, но смысл, кажется, тот же. Можно было сказать:

Так вот как свиделись мы снова!

Но рифмовать «снова» — «сосновый» я себя не считаю вправе!

Строфы VII—VIII предлагаю *набрать вновь*; иначе неизбежно выйдет какая-нибудь путаница!

В строфе XV я *не* нашел замены для стиха:

Звучит, в костях *мозг* иссушая...

Ударяемое слово (односложное) на неударной части стопы я лично признаю допустимым. Но, конечно, это мое личное мнение мало уместно в переводе из Шиллера, который этого избегал. Однако стих передает подлинник точно и не хочется отступать от верного перевода ради соображения чисто ритмического, да еще спорного.

В строфе XVII «на свете» было очень не хорошо. Я изменил все четверостишие [4]. Оно стало, может быть, менее красивым, но точнее передает подлинник:

Geflügelt sind wir *da*...

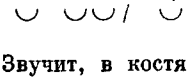
«наземь он упал и *в тьму*» тоже было не хорошо; теперь проще и легче.

В строфе XIX вам не понравилось:

Как судия бдит на земле —

по той же причине, как выше «мозг». Я опять оставил и это выражение, по тем же соображениям. Добавлю еще, что неточность ритма смягчается тем обстоятельством, что в следующей стопе, в обоих случаях, ударение второстепенное:

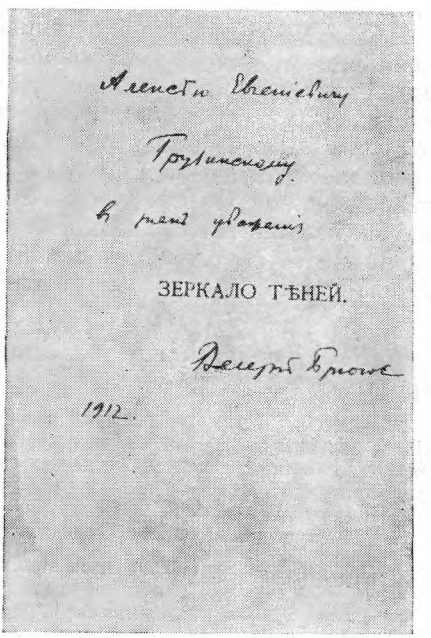
Как судия бдит на земле



Звучит, в костях мозг иссушая

В строфе XXII (предпоследней) стих:

Отмщенье за певца готово! —



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ БРЮСОВА А. Е. ГРУЗИНСКОМУ
на книге: «Зеркало теней». М., «Скорпион», 1912: «Алексею Евгеньевичу Грузинскому в знак уважения. Валерий Брюсов. 1912»
Литературный музей, Москва

конечно, недопустим, потому что целиком заимствован у Жуковского, тогда как у Шиллера:

Der fromme Dichter wird gerochen!

Сознаюсь, своей заменой я не очень доволен. «Не быть убийству *без отчета*» — выражение не вполне русское. Я было думал сказать:

Отмстим мы за певца *святого*!
Себя убийца выдал сам!
Пусть будет взят, кто молвил слово,
И — кто внимал его словам [речам]!

Сомневаюсь, однако, чтобы уместно было сказать «святого» (да это и не то, что fromme!) Еще приходил мне на мысль такой перевод:

Отмщен певец смиренный будет!
Пусть будет взят, кто говорил
И кто внимал! Их суд рассудит!
Себя убийца сам открыл!

Но такое расположение стихов и явно не соответствует подлиннику и, главное, крайне ослабляет энергию речи. «Убийца себя выдал» — это первая мысль. «Взять и судить говоривших» — это *непременно* вторая и заключительная мысль толпы.

Я поискал бы других замен, но ваше примечание на корректуре не позволяет медлить [5].

Извиняюсь очень за небрежности этого письма: приходится писать подробно о разных мелочах, а я принужден спешить.

Уважающий вас Валерий Брюсов

P. S. Я не забыл нашей весенней беседы о переводе Данте. В настоящее время у меня есть больше возможностей взяться за этот «титанический» труд, потому что (как вы, может быть, слышали) издание моего Пушкина отложено на неопределенное время, во всяком случае на несколько лет [6]. Не решаюсь все же сказать определенно, что я готов предпринять перевод Данте: надо еще и еще, и не раз, обдумать этот вопрос, прежде чем ответить утвердительно. Но мне хотелось бы знать, не изменило ли своего намерения книгоиздательство. Если оно еще думает предпринять издание Данте и еще не имеет другого переводчика, я буду продолжать свои пробы и опыты и, может быть, найду в себе отвагу взяться за это дело [7].

В. Б.

P. P. S. Очень прошу в издании разделить «Ивиковых журавлей» на строфы!

[1] В архиве Брюсова имеются черновики перевода (РБЛ, ф. 386.23.21). Начало работы над ним относится к декабрю 1911 г., о чем свидетельствует приписка Брюсова в черновом наброске заключительных строф баллады: «1911, вечер 4 декабря и вечер 5 декабря».

[2] В автографе описка: строфа VIII.

[3] VII строфа в переводе Брюсова первоначально звучала так:

И труп находят искаженный
Он в страшных ранах обнаженный
Узнал коринфский друг певца.
Узнал черты его лица.
Так вот что будет нам свиданьем!
А на тебя я мнил, певец,
Сам озарен твоим сияньем
Сосновый возложить венец!

У Жуковского она имела вид:

И труп узрели обнаженный:
Рукой убийцы искаженны
Черты прекрасного лица.
Коринфский друг узнал певца
«И ты ль недвижим предо мною?
И на главу твою, певец,
Я мнил торжественной рукою
Сосновый возложить венец».

Окончательный текст брюсовского перевода следующий:

Труп обнаженный разыскали;
Хоть раны тело искажали,
Узнал коринфский друг певца
Черты любимого лица.
«Вот что готовил рок суровый!
А я мечтал, под гул племен,
Тебе вручить венок сосновый,
Твоею славой озарен!»

[4] Первые четыре стиха XVII строфы, от которых Брюсову впоследствии пришлось отказаться, были таковы:

Он в бегстве мнит спастись на свете,
Но мы крылаты; наши сети
Мы бросим на ноги ему,
Чтоб на-земь он упал и в тьму!

[5] Через несколько дней Брюсов радикально меняет перевод последних четырех стихов (5—8) XXII строфы, о чем и сообщает в письме Грузинскому от 26 сентября 1913 г.: «Высылаю вам перевод четверостишия, о котором мы говорили вчера. Новая редакция мне кажется удачнее всех предыдущих. Она достаточно точно передает подлинник и достаточно далека от перевода Жуковского» (ЦГАЛИ, ф. 126, оп. 1, ед. хр. 123). Теперь последние четыре стиха читались:

...От казни не уйдет убивший,
Себя злодей изобличил!
Пусть будет взят и говоривший
И тот, кому он говорил!

П. С. КОГАН
Рисунок К. Ф. Юона. Карандаш, 1923
Литературный музей, Москва

[6] Имеется в виду собрание сочинений Пушкина в серии «Библиотека русских писателей» издательства «Деятель», над которым Брюсов работал с перерывами с октября 1910 г. по сентябрь 1913 г. Запоздание с подготовкой материала к печати, дороговизна всей серии «Библиотеки русских писателей», внутренние издательские разногласия и конкуренция заставили фирму «Деятель» отказаться от этого издания, о чем Брюсова известил главный редактор серии Е. В. Аничков.

[7] Речь идет о переводе Данте для книгоиздательства «Окто». В письме к Грузинскому от 26 сентября 1913 г. Брюсов писал: «Перевод I песни «Ада» надеюсь выслать вам на этих днях» (ЦГАЛИ, ф. 126, оп. 1, ед. хр. 123). Издание «Божественной Комедии» в издательстве «Окто» не осуществилось. Брюсовский перевод I песни «Ада» см.: *Избр. соч. 1955*, т. 2, стр. 19—23.

П. С. КОГАНУ

Петр Семенович *Коган* (1872—1932) — историк литературы и критик. С 1910 г. приват-доцент Петербургского университета. После Октябрьской революции — профессор 1-го и 2-го МГУ, председатель научно-художественной секции ГУСа Наркомпроса. С 1921 г.— президент Государственной Академии художественных наук.

Коган и Брюсов познакомились на студенческой скамье в 1890-е годы: оба они учились на историко-филологическом факультете Московского университета. В советское время они сотрудничали и в Наркомпросе и в ВЛХИ, в котором Коган был профессором и членом правления.

Коган *писал о Брюсове в своих «Очерках по истории новейшей русской литературы»* (т. III, вып. 2. М., 1910), в книге «Литература этих лет» (Иваново-Вознесенск, 1924) и в статьях-некрологах («Известия», 1924, № 232, 10 октября, и «Молодая гвардия», 1924, № 9).

Письма Брюсова к Когану хранятся в ЦГАЛИ, ф. 237, оп. 1, ед. хр. 15 (3 письма, 1921—1922). Печатаемое здесь письмо — автограф. В архиве Брюсова (ГБЛ) сохранилось также 6 писем Когана к нему (1897, 1922—1924). Одно письмо (1923) с поздравлением по поводу 50-летия напечатано в сборнике «Валерию Брюсову», под ред. Когана (М., 1924).

8 ноября 1922.

Многоуважаемый Петр Семенович!

Последние дни мне не удавалось вас видеть: сначала я был болен, сегодня — не было вас в институте, где я рассчитывал вас встретить.

Вот в чем состоит основная моя просьба, ради которой я особенно вас искал:

Случилось так, что по разным обстоятельствам в нашем институте в этом году замедлилось начало всех курсов по общ.-политическим наукам. Студенты 1-го курса остаются без надлежащего руководства в этой области. Между тем читаются курсы «логики» (М. Григорьев [1]) и «историч. поэтики» (Якобсон [2]), в которых лекторы, поневоле, касаются вопросов, связанных с историей философии. И Григорьев, и Якобсон, как вы знаете, — не марксисты. Является настоятельная необходимость спешно начать курс, которым студенты 1-го курса были бы определенно введены в круг воззрений исторического материализма.

Отсюда ясна моя просьба, и очень-очень убедительная. Не можете ли вы *немедленно* начать ваш курс ист. материализма? Это, повторяю, крайне необходимо. Если вы не можете в этом триместре вести 2 курса, я предпочел бы, чтобы вы временно отложили «Введение в историю зап. литератур», но прочли бы хотя бы несколько лекций по историч. материализму. Или же, если это противоречит вашему плану этого курса, вы, может быть, нашли бы возможным (хотя бы в ваши же часы) прочесть 3—4 отдельных лекции, в которых осветили бы явления философии, особенно теорию познания, с точки зрения марксизма. Для вас это не трудно, соответствующие работы, конечно, у вас под рукой, а институту это *чрезвычайно нужно*. Итак, еще раз очень и очень прошу вас об этом.

Уважающий вас Валерий Брюсов

[1] Михаил Степанович *Григорьев* (р. 1890) — литературовед. С 1922 г.— профессор и проректор по учебной части ВЛХИ, читал там курсы логики, психологии и вел семинар по психологии творчества. Основные труды Григорьева посвящены драматургии Чехова, Горького и вопросам теории литературы. В своих ранних работах («Введение в поэтику», ч. I. М., 1924, и др.) стоял на позициях «психологической школы» в литературоведении.

[2] Лев Георгиевич *Якобсон* — литературовед, автор работ об «исторической поэтике» А. Н. Веселовского.

ВОСПОМИНАНИЯ

В. К СТАНЮКОВИЧ

ВОСПОМИНАНИЯ О В. Я. БРЮСОВЕ

Публикация Н. С. Ашукина и Р. Л. Щербакова

Владимир Константинович *Станюкович* (1873—1939) — искусствовед и писатель. В 1886—1887 гг. он был ближайшим товарищем Брюсова по гимназии Креймана. «Знакомство со Станюковичем,— вспоминал об этом времени Брюсов,— побудило меня обратиться к русской литературе, которую я почти совсем не знал» (*Из моей жизни*, стр. 35). Дружба, основанная на общих литературных интересах, продолжалась и после того, как в 1887 г. Станюкович перешел из гимназии в 4-й Московский кадетский корпус. Она прошла через все гимназические годы Брюсова, в течение которых «первый сотоварищ по поэзии», как он назвал Станюковича, играл значительную роль в его жизни (там же, стр. 39, 49, 55, 73).

В 1894 г. Станюкович был произведен в офицеры и получил назначение в Харьков. Здесь он сблизился с группой революционно настроенной молодежи, был связан с харьковским революционным подпольем. Выйдя в 1897 г. в отставку, Станюкович поступил на службу в Страховое общество, жил сначала в Харькове, затем в Саратове. В 1900 г. он впервые выступил в печати с рассказом «Беглец», продолжавшим традиции писателей-демократов. К этому же времени относится работа над неопубликованной драмой «Мрак», рисующей картины голода в деревне.

В 1904 г. Станюкович был призван в армию и принял участие в русско-японской войне. Результатом фронтовых впечатлений явилась книга «Пережитое. Воспоминания зрителя войны» (СПб., 1907) — обличительный документ, рисующий развал русской армии, бездарность ее командования, бессмысленную гибель сотен тысяч солдат. На книгу был наложен арест, автору предъявлялось обвинение в «дерзостном неуважении к верховной власти».

Все эти годы Станюкович редко встречался с Брюсовым, но связи с ним не терял, и в течение 14 лет (1894—1908) между ними шла переписка, особенно активная в 1894—1899 гг. Однако к 1896 г. в отношениях их наметился перелом: литературная позиция Брюсова, заявленная им в сборниках «Русские символисты» и «Chefs d'Oeuvre», оказалась неприемлемой для Станюковича. «Я все более и более удаляюсь от твоей дорожки»,— писал он Брюсову в 1895 г., а через год крайне резко сформулировал свое неприятие символизма: «Это вовсе не поэзия будущего, а гастрономическая забава обеспеченных и пресыщенных людей» (см. ниже, стр. 755, 756). Переписка их за 1890-е годы — непрерывная полемика, в которой оба корреспондента пытаются сформулировать и защитить свои позиции. «С тобой мы жили исключительно литературными интересами,— писал Станюкович Брюсову в 1896 г.,— а потому, раз они разошлись, солидарность перешла в спор, становящийся все более и более ожесточенным—по мере расхождения наших взглядов на искусство» (ГБЛ, ф. 386. 103. 49, л. 17 об.). Взаимопонимание, связывавшее их в юности, постепенно исчезало, дружеские связи слабели и в 1909 г. прервались совсем.

По возвращении из армии Станюкович поселился в Петербурге и возобновил службу в Страховом обществе. В то же время он продолжал литературную деятельность, стал серьезно работать в области русского искусства. В 1906 г. вышел его очерк «В. Э. Борисов-Мусатов», в 1907 г.— сборник прозы «Путевой альбом».

После Великой Октябрьской революции Станюкович заведовал Музеем дворянского быта («Дворец Шереметевых»), затем был главным хранителем историко-бытового отдела Государственного Русского музея в Ленинграде. Ему принадлежит ряд работ по истории русского крепостного искусства, изданных в 1923—1927 гг.

30 ноября 1925 г. Станюкович писал Н. С. Ашукину о своей дружбе с Брюсовым: «История наших юношеских отношений настолько сложна, что я затрудняюсь ее передать вкратце. Я думаю, что придет время, когда мои воспоминания ‹...› появятся в печати» (собр. М. Г. Ашукиной, Москва). Эти воспоминания, написанные, по-видимому, тогда же, охватывают более двадцати лет (1886—1908) и дают интересный материал для изучения творческой биографии Брюсова; ценность его увеличивают 24 письма поэта, включенные в состав воспоминаний.

Все свидетельства Станюковича отличаются большой достоверностью, что подтверждается сопоставлением их с рядом документов, которыми он не имел возможности пользоваться, в частности, с его собственными письмами, сохранившимися в брюсовском архиве. Отдельные неточности, допущенные им, касаются исключительно датировок некоторых фактов, но отнюдь не их существа. Так, два недатированных письма Брюсова за 1895 и 1899 гг. (п. 7 и 18) Станюкович отнес к 1896 и 1898 гг., поставив их соответственно под № 11 и 17; литературные беседы у Брюсова, имевшие место в 1891—1892 гг., отнесены к 1892—1893 гг., приезд Станюковича в Москву весной 1898 г.— к 1899 г. Эти и другие подобные им мелкие неточности исправлены без специальных оговорок, что обозначено угловыми скобками (см. ниже стр. 718, 721, 726, 727, 730, 737—740, 744, 745, 749). Письма, ошибочно датированные Станюковичем, перенесены на места, соответствующие их действительной дате.

Воспоминания печатаются по автографу (ЦГАЛИ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 113); письма Брюсова, включенные в них в копиях, выправлены по автографам, сохранившимся в архиве Станюковича (Гос. Русский музей, секция рукописей, ф. 27, ед. хр. 97). Черновые автографы п. 7 и 14 сохранились в архиве Брюсова (ГБЛ, ф. 386.73.28). Там же хранятся 26 писем Станюковича Брюсову (1894—1909; ф. 386, 103.49); выдержки из них приводятся в примечаниях к настоящей публикации.

I

‹1884—1886›

Место действия — Москва. Время — 1884, 1885 годы.

Против красной колокольни Петровского монастыря — белый с колоннами куб дома Самариной, наверху торжественный, а внизу загрязненный вывесками, мастерскими с запыленными окнами, лавчонками [1].

Каждый день, в девятом часу утра по бульварам, сверху и снизу, из переулков и по Петровке быстрым шагом к белому кубу самаринского дома несутся мальчики и юноши разнообразно, но хорошо одетые. Старшие — прямо франты. Богатенькие важно подкатывают на одиночках, на собственных лошадях с толстыми кучерами на козлах [2].

Молодежь влетает в ворота — и налево, в подъезд. Сквозь полутемный вестибюль старого барского дома, где когда-то дремали крепостные лакеи, несется лавина к вешалкам и наверх, по торжественному маршу каменной лестницы, широко распадающейся на два марша. Стены и потолки богато расписаны. Всюду древние доспехи: шлемы, щиты, мечи, копья... Но глаза не смотрят на пышную роспись, впиваются в круглое око колонны часов. Не опоздал ли?

И тогда — направо, в зал.

Словно в карусели, шумя, крича, жестикулируя, забродил уже по кругу гудящий гимназический рой. Между двигающимися группами взрослых вьется мелкая рыбешка, мелюзга, играющая в «салки». И скамьи по стенам все заняты — сидят, разговаривают, дозубривают, дописывают.

Зал прекрасен, высок и строен. С расписного потолка опускаются две большие бронзовые люстры. Высоко над бродящим роем спокойно изогнулась арка хор, откуда когда-то (и не так давно — 25 лет тому) гремел крепостной оркестр. Под хорами торжественная дверь. Возле нее группа озабоченных. Это — «учительская».

МОСКВА. УЛИЦА ПЕТРОВКА

В третьем здании справа помещалась гимназия Ф. И. Креймана, где Брюсов учился в 1885—1890 гг.

Фотография, 1920-е годы

Музей истории и реконструкции Москвы

Без пяти девять правильное движение массы по кругу заминается. Рой делится на два: один помоложе, другой постарше, и оба, оседая к учительской, оставляют перед собою пустоту, над которой в углу поблескивает икона.

У колонны учительской двери возникает маленькая аккуратная фигурка с длинной седеющей бородой. Это — директор гимназии Франц Иванович Крейман [3]. Сложив ручки на животике, он замирает у колонны.

Шум роев затихает. Директор недвижно ждет тишины.

И в момент наступившего молчания медленным наклоном головы он дает знак отделившемуся от старшей группы гимназисту (в наше время это был Терещенко).

Тот поворачивается к образу и медленно и четко читает ряд молитв, заканчивающийся молитвой перед учением. Окончив, он поворачивается кругом и кланяется директору. Повторяя это движение, рои поворачиваются и, шаркая, отвешивают поклон. Франц Иванович, творя церемониал, плавно кланяется своим ученикам.

Учебный день начался. Все устремляются к двери, ведущей в классы.

В старом барском доме к залу примыкал ряд гостиных, превращенных теперь в классы. Их стены лишились былых обивок и украшений; ныне они выбелены, и темные высокие панели внизу придают им казенный, нежилой вид. Но две комнаты хранят еще фронтоны. Вкруг их колонн во время перемен вьются, прячась, шалуны. Потолки сохранили старую роспись арабесками. В их сложных завитках глаза школьников часто ищут ответа на заданные вопросы.

Вдоль классов шел темный уступчатый коридор — печальное место изгнания из классов.

И было еще одно жуткое место — библиотека. Она помещалась за стеклянными дверьми парадной лестницы. Высылаемые, стоя здесь, ежеминутно подвергались риску быть замеченными директором и воспитателями, так как здесь шел ход в третий и четвертый этажи, где помещались два класса, спальня пансионеров и столовая.

Я не принадлежал к числу тех счастливцев, которые прибегали в гимназию к девяти часам утра и возвращались домой по окончании уроков. Отец не жил в Москве, отдал меня в пансион «живущим», и вся моя жизнь проходила в стенах белого самаринского дома. Часы, свободные от уроков и подготовки к ним, были строго (по-немецки) регламентированы. Прогулка парами по определенным круговым маршрутам по ближайшим к гимназии кварталам, игра на песчаном дворе (за белым домом) в лапту или лунки, а если не составлялась партия, шатание по этому двору группами или парочками. В ненастные дни мы сидели подолгу на подоконниках и смотрели из окон на запущенный сад с прудом и зарослями на той стороне. На пруде еще не было катка, театр Корша еще не строился, и бывший парк умирал от сора и запустения [4].

Имея нескольких друзей из «приходящих», я не сходился с «живущими» товарищами.

Глядя на прошлое теперь, я объясняю это следующим: большинство моих товарищей происходило из дворянских или купеческих семей, живших в провинции. Помню, их очень внимательно обслуживали гимназические «дядьки». По-видимому, они имели карманные деньги, так как часто посылали за ветчиной, сладостями, пирожками. У меня этого не было. Отцу *, отдавшему меня почему-то в этот дорогой пансион (стоил он 750 р. в год при своем платье и белье, и даже книгах), было трудно затрачивать на меня 1000 р. в год, карманных денег он мне не давал, и я поневоле, не желая быть прихлебателем, сторонился своих богатых товарищей. Не помню даже случая, чтобы кто-нибудь из старших оказал мне покровительство. Я замкнулся и погрузился в чтение.

Я поступил к Крейману в январе 1884 года в приготовительный класс.

Из учителей, преподававших в 1-м классе, я помню Ю. Виппера **. Добрый старик являлся к нам в вицмундире чиновника, преподавателя казенной гимназии: в синем фраке с золотыми пуговицами. Как умел он кружить наши мальчишеские головы! Во время его уроков все в мире становилось разумным и пленительным. Обжигаемая солнцем, летела Земля по своей орбите. Корабли, опутанные сетью рей и снастей, распускали паруса (он называл каждый парус и чертил корабль на доске), уплывали в жаркие страны. Там, в глубоких бухтах, под пальмами, грузили они слоновую кость и кокосовые орехи с тонких лодок, полных черными голыми людьми. Его уроки были пленительными путешествиями в неведомые страны [5].

Был еще один — учитель русского языка, Василий Иванович Покровский, волновавший наши сердца чтением. Он тоже приходил во фраке, но в черном и без золотых пуговиц, с засаленными фалдочками, обтрепанном и куцем, и имел жалкий вид. Худой и длинный, пощипывая рыжую бороденку, он так горестно передавал страдания героев, что зажигал наши сердца состраданием.

Латынь преподавала дочь Креймана — Анна Францевна. Она приходила не в вицмундире, а в платье с турнюром (тогда носили турнюры) и, заложив левую руку на эту площадку, большими шагами разгуливала по

---

* Мой отец — юрист, позже московский нотариус, вел в это время крупные гражданские процессы, и дела его клиентов требовали постоянных разъездов по стране. Часто он месяцами жил за границей *(примеч. автора)*.

** Отец историка Р. Ю. Виппера. Последнего я помню темноволосым мальчиком с вечно гримасничающим ртом и острыми глазами *(примеч. автора)*.

классу, успевая за урок раза по три спросить каждого ученика. Она держала нас в таком напряжении, что после ухода ее все мы были измучены. День, в который было два ее урока подряд, мы считали самым трудным.

Воспитанием пансионеров ведали специальные немцы. Во главе их стоял грузный рыжий Линде, собиратель бабочек и поэт, написавший изданную в Москве драму «Гудрун» [6]. Он являлся в гимназию с карманами, набитыми бутербродами, и непрерывно питался ими. Лысый, он носил рыжий парик и думал, что никто этого не замечает.

Вторым был его последователь, а может быть, и ученик Петерсон. Самовлюбленный и наглый, он свысока относился к своим воспитанникам. Он непрерывно был занят поэтическим творчеством и переписыванием прекрасным бисерным почерком своих творений. Вечером, когда он сидел за столом, перед рядами парт, за которыми ученики готовили уроки, его порой охватывал такой приступ вдохновения, что класс нежданно оглашался ликующим сладостным вздохом, и Петерсон, закатя глаза, откидывался на спинку стула.

Больше всех отдавал нам времени внешне грубый и ворчливый, а внутренно нежданно нежный, седой, взлохмаченный, небрежно одетый Брюккер, почему-то прозванный «Ведьмой» [7].

В начале 1885 г. я заболел. Чем — забыл спросить по выздоровлении, но заболел так сильно и так мучался одиночеством, что вызвали отца. Эта болезнь переродила меня, и с той поры началась моя сознательная жизнь, определились вкусы и стремления. Уголок переживаний того времени я пытался передать в своем «Путевом альбоме», в отрывке «Бог».

Осенью 1885 г., вернувшись с каникул, я с жадностью погрузился в чтение. Между тем, характер преподавания и курсы значительно изменились. Теперь главное внимание было обращено на преподавание этимологии и синтаксиса русского языка и на латинский язык. Латынь, а позже и греческий язык преподавал нам муж Анны Францевны — фон Фолькман, зять директора, соединявший в себе немецкий педантизм с высокомерием остзейского полубарона [8].

Частная гимназия, в которой училась богатая молодежь, стремилась щегольнуть постановкой преподавания мертвых языков. В старших классах преподавали лучшие московские филологи; а перед выпуском кончающие ученики, демонстрируя совершенное знание греческого языка, выступали в трагедиях Софокла или комедиях Аристофана на сцене гимназического театра. Такие спектакли собирали в залу гимназии всех преподавателей и любителей греческого языка и вызывали большие толки и похвалы [9].

Мы же, пред вкушением Гомера и Овидия, настойчиво долбили слова, исключения, синтаксис etc., etc.

Помню зловещую тишину класса, бесконечные повторения одних и тех же вопросов, пока самый последний ученик не усваивал преподаваемой премудрости. Горе тому, кто понимал скоро!

В эти дни, в засушенном латынью и синтаксисом классе, возник кружок, задумавший издавать рукописный журнал. В кружок этот входили: Синюшин, Вебер, Соколов и я, выбранный ответственным редактором. Журнал должен был выходить еженедельно в формате мелко исписанного листа и получил название «Начало».

Затея имела успех. «Начало» выходило в нескольких экземплярах, так как нашлись добровольцы-переписчики. Заглавную надпись замысловато вычерчивал классный художник Калинин, рано погибший чахоточный мальчик.

Вебер, сын богатого немецкого негоцианта, дал в журнал приключенческий индийский роман в стиле Л. Жаколио; Синюшин — сын русского купца — «Путешествие на Воробьевы горы» с собственным эпиграфом, почему-то залежавшимся в моей памяти:

Воробьевы наши горы
Выше всех стоят в Москве,
А под ними по реке
Быстро ходят пароходы.

Но ближе всех в те дни был мне Соколов — странный мальчик, происхождение и жизнь которого были для меня загадочны, а для него — мучительны. Он был «живущим» и писал скорбно-таинственные рассказы, неизменно кончавшиеся катастрофой. Он часто читал мне их вечерами в полутемном классе. Прерывисто-скорбный, взволнованный шопот его и блеск его темных глаз еще доходят до меня сквозь толщу времени. Но не осталось ни строчки от его писаний. Он уехал на рождественские каникулы, заболел какой-то остро-заразной болезнью и умер.

Это было, кажется, раннею весною ⟨1886 г.⟩. Меня вызвали в приемную. Взволнованный, вбежал я в нее и был почтительно представлен воспитателем высокой даме в черном. Она нежно поцеловала мой лоб и посадила рядом с собою. Воспитатель вышел. Она плакала. Я недоуменно глядел на нее.

До сих пор я не забыл ее нежной красоты и скорби. Прерывистым шопотом рассказывала она, как умирал ее сын, как часто вспоминал обо мне, и слезы срывались с ее темных ресниц, и колыхался воздушно-траурный вуаль ее шляпы.

Она просила отдать все оставшееся от сына — его рукописи. Я принес ей по темному коридору тетрадку. С каждым шагом ⟨тетрадь эта⟩ мне становилась дороже. Ее схватили дрожащие руки. Держась за перила, спускалась по лестнице скорбная мать, прижав к груди правой рукой драгоценную ношу.

Несколько времени спустя меня вызвали вниз, в швейцарскую. Там встретил меня высокий бакенбардист-лакей и передал мне с письмом огромную тяжелую коробку. В письме она просила меня и класс принять в память сына подарок — конфеты. Я поднялся в класс, где сидели товарищи. Подарок был встречен шумно и радостно. Их было много, этих шикарных конфет из лучшей кондитерской.

В эти дни я и познакомился с Брюсовым. Не помню, когда он поступил в гимназию, был ли со мною в первом классе [10]. Только теперь его худая, сутулая фигурка в серой, мешком сидящей блузе и в серых штанах, возникла передо мною и мы быстро сдружились.

У Брюсова оказалось много материала для «Начала». Это были замыслы и наброски повестей, полные приключений и тайн [11]. Я сам был начинен Купером, Эмаром, Майн Ридом и Жюль Верном, но знания Брюсова в этой литературе значительно превосходили мои. К тому же я совершенно не знал Э. По, которого Брюсов читал и любил уже в это время [12]. Еще больше удивила меня его память, позволявшая ему рассказывать прочитанные вещи почти дословно.

Мы уселись поближе друг к другу — на одной парте — и без умолку, поскольку нам не мешали учителя, делились добытыми знаниями. Так, помню, Брюсов подробно рассказал мне конец капитана Немо («Таинственный остров», который я не мог достать) [13]. Помню, что взамен рассказанного мною «Героя нашего времени» Лермонтова, Брюсов, не одобривший романа, рассказал мне «Золотого жука» Э. По.

Эта потребность делиться друг с другом прочитанным (а читали мы запоем) продолжалась все время нашего совместного пребывания в гимназии. С утра мы искали друг друга, были неразлучны на большой перемене и по окончании уроков часто засиживались в классе, пока Брюсова не изгоняли домой, а меня наверх — обедать.

Но не об одной только литературе шли наши беседы. Брюсов, уходив-

БРЮСОВ – ГИМНАЗИСТ
Фотография И. Курбатова. Москва, 1885
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

ший каждый день в три часа домой, живший на воле, в семье, был для меня средством общения с внешним миром, и, запертый в белом кубе самаринского дома, я с жадностью расспрашивал его обо всем.

Как-то зашла речь о мироздании, и Брюсов последовательно, в течение нескольких дней рассказывал мне теории Канта — Лапласа и Дарвина [14].

Мне, воспитанному матерью в духе правовернейшего православия; мне, чувствовавшему надо всем миром и над собой простертую длань «вседержителя»; мне — такому одинокому, забытому, ищущему опоры, мне — признать, что нет бога?! Я спорил, я защищал своего бога от этих холодных выкладок науки, но логика этого черноглазого скуластого мальчика была сокрушительно сильна. Он горячился,— быть может, и в его детской душе жил ужас, что нет огромного теплого бога. Тише и нерешительней были мои возражения...

И вот свершилось! Скатилась великолепная порфира; рухнул гигант, рассыпался пеплом.

Ясно помню эту минуту. Мы шли с завтрака из столовой четвертого этажа и подошли к площадке лестницы, круто спускавшейся вниз. Передо мною широкое окно; с высоты видны покрытые снегом крыши домов, верхушки деревьев, трубы, дымы — уходящая далеко-далеко Москва. И над нею ясное пустое небо — без бога.

Наши разговоры о боге и выводы из них не могли остаться тайной для соседей, и один из них (Василий Строев) неожиданно причинил нам неприятность. Вел ли он дневник или хотел выразить свое удивление другому товарищу, неясно; но он написал на листке: «Брюсов и Станюкович гово-

рят, что бога нет». Листок этот был отобран учителем и передан воспитателю.

Над нами собралась гроза. Все поглядывали на нас с изумлением, даже из других классов забегали посмотреть безбожников. Но молчали. Молчалива была и наша прогулка с Брюсовым на большой перемене.

Вечером мне стало известно, что мы отданы на духовный суд законоучителю.

Закон божий преподавал у нас профессор богословия Московского университета протоиерей Сергиевский. Высокий старик редкой красоты с длинною седою бородою, он напоминал образ бога Саваофа, рисуемый в куполах. Он должен нас судить — и в этом сходстве таилась для меня какая-то жуткость.

Настал урок закона божия. Шумя шелковой рясой, величавою поступью вошел Сергиевский в класс. Прочли молитву. Спокойно сел он за учительский стол, и в наступившей тишине прозвучали две наших фамилии. Мы вышли и стали по сторонам его стола.

— Это вы говорите, что бога нет? — спокойно спросил он. — Не думайте, что это ново. Гордые своим разумом, люди часто, но тщетно пытались колебать престол всевышнего. Дайте свои псалтыри.

Мы принесли псалтыри, по которым как раз в эти дни учили наизусть «шестипсалмие». Сергиевский полистал и подал каждому из нас по раскрытой книге.

— Вот, станете туда — к стенке — и выучите наизусть псалом 52-й. Он начинается так: «Рече безумец в сердце своем — несть бог».

Речь его была спокойна. Мы стали к стене, а он начал занятия с классом.

Так кончился духовный суд. Сергиевский не спросил у меня 52-го псалма, а позже, вызывая, не делал разницы между мною и другими учениками [15].

Однажды вечером я приготовлял уроки, сидя рядом с кем-то из старших учеников. Тот зубрил теорию словесности, главу о стихосложении. В то время я уже писал стихи, Брюсов же писал исключительно прозой.

Существование правил стихосложения было для меня неожиданностью: я думал, что стихи рождаются без правил в запевающей душе. Я сейчас же достал у другого старшего ученика теорию словесности и жадно прочел главу. К ночи готово было стихотворение с точно выверенными стопами. Выяснилось, что я и раньше писал ямбы и дактили. Теперь был сделан хорей.

Само собою разумеется, что с утра я уже ждал появления Брюсова, а когда он пришел,— поведал ему о своем открытии и новом стихотворении. Через несколько дней Брюсов принес для журнала едва ли не первое свое стихотворение. Помню лишь его начало:

Пустынен берег океана,
Где мчится Торресов пролив.
Не слышно на горах тимпана,
Не видно там кокосов, слив... [16]

Во втором и третьем классе мы перечитали бездну книг, но каждый из нас черпал их из своего источника. Я пользовался главным образом библиотекой гимназии, имевшей всех классиков, и книгами товарищей. Я знал Пушкина, захлебывался Лермонтовым. Сильное впечатление произвел на меня А. Толстой, особенно его «Федор Иоаннович», некоторые сцены которого я знал наизусть. Из современных поэтов дошел до меня Надсон.

Все, что я читал, подробно рассказывалось Брюсову и обсуждалось. Он осуждал многих из моих любимцев, в частности Лермонтова и А. Толстого.

Его интересовали произведения со сложной интригой и сильными характерами, Дюма и Понсон дю Террайль были в то время его любимцами. Мы горячо спорили, но оставались на своих позициях. В этом учебном году ⟨1886/87⟩ стал заметен сдвиг во вкусах Брюсова. Мы читали уже в классе Корнелия Непота, начали греческий язык и постепенно проникались классическими образами [17]. На чье воображение не действовал тогда в юности Александр Македонский? Увлечения им не избежал и Брюсов. В одном из номеров «Начала» появилась небольшая поэма его, посвященная этому герою.

Помню, с какой болью я выслушал осуждение Брюсовым «Севастопольских рассказов» Л. Толстого: «Где же тут герои? Разве герои таковы?»

Но наши споры не отзывались на нашей дружбе. Непрерывно споря, мы делались все необходимее друг другу, ощущая (не понимая), что связывающая нас страсть к искусству слова выше наших расхождений.

Нам было мало наших ежедневных встреч и (воспользовавшись временным пребыванием отца в Москве) большую часть праздничных дней я стал проводить у Брюсова на дому.

Мне трудно вспомнить теперь (позднейшее заслоняет предыдущее), сразу или позднее родилось у меня неизгладимое впечатление от дороги к дому Брюсовых на Цветном бульваре. Думаю, что сразу, так как мои посещения могли происходить в субботу вечером или в праздничные дни, когда в кварталах, примыкавших к нему, шел пьяный содом.

Старая Москва, образ которой дает Брюсов в своей маленькой поэме «Мир» [18], не похожа на теперешнюю. С той поры, вместе с чесночным запахом жаровень с колбасой и кишками, пропитавшим московские улицы, выветрился и характер восточного базара, который носила Москва нашей юности.

Чтобы дойти до Брюсова, нужно было либо пройти по Неглинному проезду, пересечь толкучку «Трубы», миновать цветочные магазины и балаганы, раскинувшие по Цветному бульвару аллею своего цветного тряпья, либо... либо спуститься со Сретенки по грязным переулкам, пропитанным перегаром пива и еще каким-то невыразимо противным и в то же время волнующим запахом.

Днем по переулкам этим ходить было неловко. Они были молчаливы; странные, нарочито расписанные яркими цветами двери были закрыты, над ними покачивались фонари с красными стеклами.

Но спускался вечер, и снизу, с Цветного бульвара, вливались в переулки звуки шарманок, звонки каруселей. Шумы становились все сильнее, в них вплетались гортанные всплески оркестров, глухие удары турецких барабанов, отсчитывавших, как часы, минуты карнавала.

И чем гуще становилась тьма, тем многоголовее, шумнее, крикливее становился людской поток. Навстречу ему из темных ворот, из подвалов, из черных зловонных нор выползали сиплые, опухшие женщины. Они ссорились, ругались истово, хватали за рукава проходящих, предлагали за гроши свое дряблое тело.

И запах сивухи, пива и пота мешался с подлой, непрерывно взвивающейся руганью.

Толпа переполняла бульвар, переливалась за его ограду, вливалась в оплеванные переулки, где уже горели красные фонари. Широко распахнутые двери с ярко выкрашенными, видимыми из переулка коридорами ждали гостей.

И гуляла до зорюшки старая распутница Драчевка [19]; подвывали, подпевали ей, шатаясь, ругаясь, ребятки ее распропьяные — «веселые переулочки»!

Тут, на углу лаза, ведшего с Цветного бульвара на Драчевку и дальше, стоял каменный — с улицы двух, а со двора трехэтажный, неряшливый,

как все кругом, словно не проспавшийся, не умытый дом Брюсовых [20].

С бульвара хлестали его звуки оркестров, гнусавых шарманок, каруселей, гул гулящей толпы; со стороны двора просачивались ночью звуки пьяного разврата.

Много лет совершал я эту дорогу и каждый раз, пересекая Трубную площадь, чувствовал, что вступаю в жуткую зону. В незавешенном окне гостиницы, стоявшей на углу, я видел почти голую красивую девушку, манящую меня к себе. С отвращением вырывал я рукав пальто из рук сиплой женщины, тащившей меня под темные ворота; обходил сцепившихся в драке; сторонился с дороги шатающегося и изрыгающего ругательства гуляки и, наконец, попадал на остров, стоящий среди взбаламученного моря, где ждал меня друг.

Все это волновало меня — мальчика, юношу. Я ужасался — как могут они спокойно жить в таком омуте?! Но я никогда не говорил об этом с Брюсовым. Если мы шли вместе среди мрачного шабаша — мы, не обмениваясь замечаниями, проходили мимо.

Много лет спустя из автобиографии Брюсова я узнал, как влияла на него рядом лежащая зона [21].

Парадная дверь со стороны бульвара вела на прямую, крутую и широкую чугунную лестницу, идущую прямо (без площадок) во второй этаж. Наверху налево была квартира Брюсовых.

Когда затворялась дверь, вошедшего охватывал необыкновенно резкий и острый запах, быть может внушивший Брюсову строки его «Мира»:

И запах надо всем, нежалящие когти
Вонзающий в мечты, в желанья, в речь, во все!
Быть может, выросший в веревках или дегте,
Иль вползший, как змея, в безлюдное жилье,
Но царствующий здесь над всем житейским складом,
Проникший все насквозь, держащий все в себе!
О, позабытый мир! и я дышал тем ядом,
И я причастен был твоей судьбе!

Читая впервые эти строки, несмотря на то, что они относятся к пробочному лабазу Брюсовых в Китай-городе, в котором я два-три раза бывал, — я вспомнил щемящий запах не этого лабаза, а квартиры Брюсовых. Вероятно, и в нижнем этаже под квартирой был склад товаров.

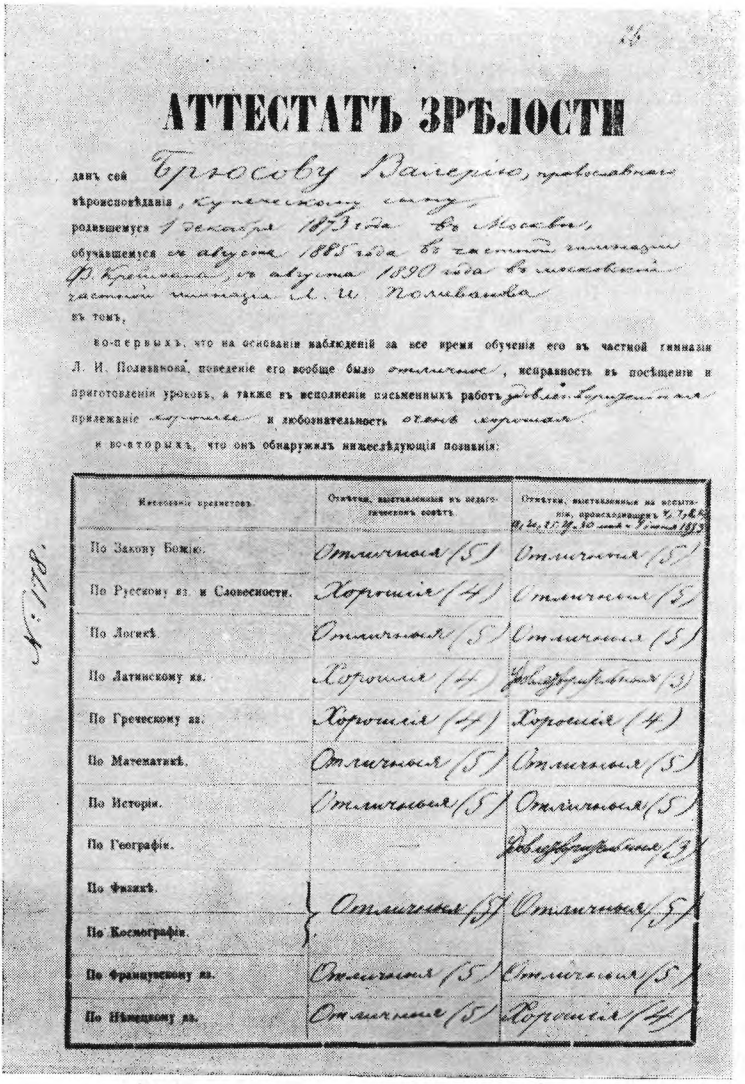
Семейная обстановка Брюсовых мне, незнакомому до того с купеческим бытом, сначала показалась странной.

Мне часто приходилось встречаться с его отцом, но он не удостаивал меня разговором. «Здравствуйте», «Заходите», «Прощайте» — единственные слова, которые я от него слышал. За семейным столом во время обеда его не бывало. Обычно он сидел за круглым столиком рядом и попивал мадеру. Сонное, отечное лицо его было спокойно и невыразительно [22].

Не знаю, был ли он дельцом. По-видимому, нет *. У него была большая библиотека, курьезно составленная. Из старых журналов: «Современника», «Отечественных записок» и др. — вырезались избранные произведения и переплетались по авторам. Кроме этих книг, им самим составленных, в библиотеке было немало книг по переводной беллетристике, экономике и философии. Книги свидетельствовали о былом увлечении хозяина, ныне брошенном. Новых приобретений не было. Шкаф с этими сокровищами скоро перешел в полное распоряжение Брюсова, и я усиленно пользовался им в течение ряда лет.

---

* Со слов Брюсова знаю, что его отец затеял какое-то аптекарское дело, кончившееся неудачей, что, увлекаясь скачками, имел лошадей и основал общество, имевшее название «Три точки» *(примеч. автора)*.



№ 1178.

АТТЕСТАТЪ ЗРѢЛОСТИ

данъ сей Брюсову Валерію, православнаго вѣроисповѣданія, купеческому сыну, родившемуся 1 декабря 1873 года въ Москвѣ, обучавшемуся съ августа 1885 года въ частной гимназіи Ф. Креймана, съ августа 1890 года въ московской частной гимназіи Л. И. Поливанова

въ томъ,

во-первыхъ, что на основаніи наблюденій за все время обученія его въ частной гимназіи Л. И. Поливанова, поведеніе его вообще было отличное, исправность въ посѣщеніи и приготовленіи уроковъ, а также въ исполненіи письменныхъ работъ довольно удовлетворительная, прилежаніе хорошее и любознательность очень хорошая,

и во-вторыхъ, что онъ обнаружилъ нижеслѣдующія познанія:

Наименованіе предметовъ.	Отмѣтки, выставленныя въ педагогическомъ совѣтѣ.	Отмѣтки, выставленныя на испытаніи, происходившемъ 27, 29, 30 мая и 1 іюня 1893 г.
По Закону Божію.	Отличныя (5)	Отличныя (5)
По Русскому яз. и Словесности.	Хорошія (4)	Отличныя (5)
По Логикѣ.	Отличныя (5)	Отличныя (5)
По Латинскому яз.	Хорошія (4)	Удовлетворительныя (3)
По Греческому яз.	Хорошія (4)	Хорошія (4)
По Математикѣ.	Отличныя (5)	Отличныя (5)
По Исторіи.	Отличныя (5)	Отличныя (5)
По Географіи.	—	Удовлетворительныя (3)
По Физикѣ.	Отличныя (5)	Отличныя (5)
По Космографіи.		
По Французскому яз.	Отличныя (5)	Отличныя (5)
По Нѣмецкому яз.	Отличныя (5)	Хорошія (4)

АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ, ВЫДАННЫЙ БРЮСОВУ ГИМНАЗИЕЙ Л. И. ПОЛИВАНОВА
4 июня 1893 г.
Центральный архив литературы и искусства СССР, Москва

Как-то за амбаром, на пустыре, называемом «садом», я встретил старика в поддевке, в сапогах бутылками, с седою длинною бородою и совершенно синим носом. Брюсов познакомил меня с ним, назвал его «дедушкой», а когда мы отошли, сказал: «Заметил какой у него синий нос? А между тем за всю жизнь рюмки водки не выпил» [23].

В семье главенствовала мать — полная женщина, очень деятельная и заботливая к детям, которым она, как помнится, предоставляла большую свободу. На Валю она смотрела, как на взрослого, а нас, его товарищей, принимала охотно и радушно. Вспоминая ее, я вижу ее в неизменном широком капоте, окруженную детьми, с шитьем в руках [24].

Квартира Брюсовых имела много комнат и закоулков в двух этажах; верхний («мезонин») выходил во двор. Убранство ее было более чем скромным: венские стулья, простые железные кровати. Богатства и зажиточности

в ней не чувствовалось; ничего показного. Неизменное купеческое «зальце», с фонариком, отделенным аркой, могло похвастаться только пианино, которое всегда было занято сестрами, игравшими «упражнения» [25], да старыми фикусами.

Мебель была недорогая, рыночная, расставлена была кое-как, и вся квартира производила впечатление неубранной; очевидно, хозяйка мало этим интересовалась.

В первый год моего домашнего знакомства дети-Брюсовы жили в традиционном «мезонине» («наверху»); темная лестница вела в него из передней. Брюсов жил с братом, несколько моложе его, интересным мальчиком, погибшим в том же году [26]. Там предавались мы чтению, обсуждению планов наших будущих творений и спорам.

Помню, раз мы почему-то уселись на подоконник третьего этажа и, спустив ноги наружу, мирно читали. Какая-то старушка из окна соседнего дома стала умолять нас слезть с подоконника и все жалела наших родителей.

Все, что мы делали,— делали серьезно. Играм и шуткам не было места в нашей дружбе. Мы не смеялись — и этот сосредоточенно-серьезный тон прошел сквозь все годы наших дружеских взаимоотношений.

Да Брюсов и не умел смеяться — не умел чисто физически. Улыбка его была неумела и не красила, а искажала его лицо. А когда его заражала волна смеха, он мучительно тряс головой, зубы оскаливались. Охватив руками колено, он раскачивался, захлебывался, словно задыхался. Не было перехода к спокойствию: мучительный пароксизм смеха покидал ⟨его⟩, и лицо мгновенно становилось серьезным.

II

1887—1894

Отдавшись литературным увлечениям, я совершенно забросил свои школьные занятия, и во втором полугодии 1886/87 учебного года мои четвертные отметки были отвратительны; особенно плох был только что начатый в третьем классе греческий язык. Я не мог заставить себя взяться за занятия и остался в классе.

Отец решил, что раз у меня нет способностей к языкам, не стоит держать меня в дорогой гимназии. К тому же и дела его пошатнулись и платить за меня 750 р. в год было трудно. Поэтому он перевел меня в 4 Московский кадетский корпус, где пансион стоил гораздо меньше.

Новое закрытое заведение, и притом военное, не изменило моих склонностей. По-прежнему я зачитывался книгами, а в праздничные дни бежал на Цветной бульвар обменяться материалом за неделю и запастись книгами.

Брюсов продолжал издавать некоторое время «Начало», но журнал не мог иметь той прочной организации, которую ему придавала группа «живущих», и захирел. Но Брюсов не унывал и издавал журнал сам для себя. Он показывал мне главы фантастического романа, читал новые стихи, действие коих происходило в экзотических странах или под небом Греции или Рима.

Из бывших одноклассников Брюсов дружил теперь с красивым и разгульным Эйхенвальдом (сыном известного в то время фотографа) [27] и А. Лангом (сыном владельца книжного магазина на Кузнецком мосту) — странным долговязым юношей с темными безумными глазами. Он оказался «диким» поэтом, не примкнувшим в свое время к кружку «Начала» [28].

Второй период нашей дружбы, когда мы оба жили в Москве, но учились в разных школах, продолжался до 1894 г.— года моего выезда из Москвы.

Мы часто виделись зимою, а летом иногда я гостил по нескольку дней у него на даче в Хорошове и Ховрине.

За это время Брюсов перешел из гимназии Креймана в гимназию Поливанова [29]. Он серьезнее начал относиться к гимназическому ученью и отдавал много времени на изучение классиков. Это ясно сказалось на темах его ранних работ, которые он читал мне.

Но о своих занятиях он говорил, как о пустяках, характеристики учителей были резки, и в его освещении педагоги выходили похожими на маниаков или одержимых [30]. Об одном лишь Л. Поливанове он отзывался хорошо.

Переселясь во второй этаж, в комнату, дверь которой приходилась против входной двери квартиры, Брюсов стал обладателем шкафа с библиотекой отца и большого бюро, на верхней доске которого красовался бронзовый бюст баснописца Крылова. Он долго простоял на почетном месте, даже тогда, когда стал уже непонятен в этой комнате, и, наконец, был сослан в коридор на шкаф.

На столе в беспорядке валялись книги, тетради, афиши скачек, которыми одно время он увлекался. По-видимому, он был постоянным спутником отца, имевшего на скачках собственных лошадей (а, может быть, одну лошадь), был, как рассказывал мне, своим человеком на ипподроме, знал родословные лошадей, спортсменов-завсегдатаев и даже редактора журнала «Спорт». Как-то он похвастался мне небольшою статьею в этом журнале, которая меня удивила. В ней, насколько помню, Брюсов строил математическую формулу бега лошади, слагавшуюся из сил, вызывающих развитие скорости, и замедлительной тенденции, вызываемой усталостью лошади. Насколько обоснованы и верны математические выкладки, я не знаю, но занятия Брюсова математическим анализом очень меня поразили. Едва ли я ошибусь, если скажу, что это исследование о беге лошади было первой появившейся в печати работой Брюсова [31].

Этот, второй период нашей дружбы относится к возрасту (от 14-ти до 20-ти) формирования основных черт характера. Предшествующие два года так сблизили нас, мы стали настолько необходимы друг другу, что, если я не появлялся в течение двух недель, на третью в корпус летела открытка с вопросом: что со мною? Во время летних каникул мы деятельно переписывались друг с другом. Досадно, что на одном из жизненных ухабов я потерял эти юношеские письма. Оба мы шли в жизнь с боем, но, помимо индивидуальных особенностей каждого, наши жизненные бунты протекали в разных плоскостях, и с каждым годом наши мировоззрения все сильнее расходились.

Жизнь, толкнувшая меня после относительной свободы гимназии в тесные военные шеренги кадетского корпуса, настолько взвинтила меня, по природе склонного к протесту, что на 16-м году жизни я оказался в числе организаторов крупного возмущения роты, едва не закончившегося трагически.

Помимо чисто индивидуальных черт, на дорогу протеста толкала меня и близость к новым учителям, из числа которых я скоро сблизился с Ц. П. Балталоном [32], преподавателем русского языка, ярким и последовательным материалистом, проводником радикальных идей в затхлую атмосферу военщины корпуса *. Под влиянием этого учителя я все сильнее проникался рационалистическими идеями 60-х годов, внимательно изучая мастеров русской школы художественного реализма — особенно Тургенева.

---

* Как ни странно, в кадетские корпуса часто попадали учителя, изгнанные из казенной школы за неблагонадежность. Помимо Ц. П. Балталона в 4-м корпусе было несколько таких. И все они пользовались большим успехом у своих учеников и имели на них сильное влияние (*примеч. автора*).

Иным был путь Брюсова. Пользуясь в семье свободой и любовью, ⟨он был⟩ огражден ею от резких столкновений с действительностью, ⟨и⟩ его бунту против окружающей его жизни, «медленной и вялой» [33], незачем было принимать таких резких форм. Школа воспитывала его на классических образцах, которые он, способный и трудолюбивый, усваивал с большою легкостью и охотой. Отсюда рано явившееся чувство превосходства над окружающими, уверенность в своих силах, смелость мысли и (как результат) парадоксальность.

Не могу здесь еще раз не вспомнить о жуткой зоне, в которой жил Брюсов. Ее звуки и образы, конечно, непрерывно влияли на формирование его мировоззрения.

Конечно, мы следили и за новейшей литературой, особенно за поэзией. Для этого были заведены особые тетради, в которые мы выписывали из читаемых книг, а главным образом из журналов, понравившиеся нам вещи. У Брюсова давно уже был «роскошный» альбом с аляповатыми, исполненными в красках цветочками, голубками и прочими «пряностями», небрежно разбросанными по листам. Он когда-то казался нам изящным. Теперь были заведены простые, в клеенчатых переплетах, тетради, и мы, встречаясь, вынимали их — он из стола, я из бокового кармана мундира,— читали избранные вещи и произносили приговор. Редко наши вкусы совпадали, но иногда это случалось. Так, помню, как-то Брюсов извлек из своего стола рукописную тетрадку, в которой была переписана запрещенная тогда небольшая поэма Минского «Гефсиманская ночь» [34]. Эта длинная, местами слабая и претенциозная вещь нам обоим неожиданно пришлась по вкусу. На ней мы проверяли свою молодую память на стихи: прочли ее три раза, а потом читали по очереди друг другу, поправляя один другого. Мы знали ее наизусть.

Еще недавно мы заслушивались музыкой шестистопных ямбов Надсона и чуть не плакали, грустно и напевно читая «Умерла моя муза». Теперь уж он нас не трогал. Явились новые поэты. Брюсов полюбил и часто читал мне Фофанова [35]. Потом явились Мережковский, Сологуб, Гиппиус. Поэма Мережковского «Вера», так прочно нынче забытая, была одно время в центре нашего внимания, и мы декламировали друг другу длинные отрывки из нее [36].

Пользуясь по-прежнему шкафом Брюсова, я одно время жил под знаком Байрона, а затем В. Гюго, и в эти дни наши дороги сходились, мы находили бесконечные темы для суждений, но как только я начинал говорить о Тургеневе, а особенно об Островском, пьесы которого прекрасно играли тогда в Москве на Малом театре и у Корша, Брюсов становился угрюм и желчен и всячески осуждал мои увлечения.

Чтение чужих произведений и обсуждение их заканчивалось чтением собственных творений. Последовательно знакомясь с творчеством друга, я видел, как в нем зрел романтический поэт. Его внимание влекло все героическое. Помню наш бесконечный спор о «типичности». Брюсов определял ее как «исключительность». Позже он развил это в печати [37].

В ⟨1891/92⟩ учебном году у меня возникла идея организовать вне корпуса литературные беседы молодежи по образцу тех, которыми руководит Ц. П. Балталон. В основу была положена его брошюра о беседах. Я посвятил в эту затею Брюсова, он охотно пошел навстречу и предложил собираться у него. Гости приглашались им и мною. Из своих товарищей по корпусу я пригласил П. М. Пильского (позднее писателя и критика) и Воронова. Брюсов пригласил А. Ланга и ряд своих товарищей и знакомых, лиц и фамилий которых не сохранила моя память [38].

Первая беседа была посвящена тургеневскому «Накануне». Поставили эту тему, конечно, мы с Брюсовым, желая вынести наши противоречия на большую дискуссию. Споры были жарки и страстны. Без опытной руково-

ПРОГРАММА СПЕКТАКЛЯ ПО ПЬЕСЕ БРЮСОВА «ПРОЗА»
Москва. Немецкий клуб, 30 ноября 1893 г.
В главной роли — автор
Библиотека СССР им. В. И. Ленина. Москва

18 93.

ПРОГРАММА.

I.

Въ 1-й разъ новая пьеса:

ПРОЗА.

Оригинальная сцена въ 1-мъ дѣйств., Брюсова. Поемка В. Рышкова

Дѣйствующія лица:

Взял. Алекс. Дарскій, молодой поэтъ . . . . . авторъ.
Наталья Ник. (Таля), его жена . . . . . г-жа Рышкова
Петръ Николаевичъ, ея братъ . . . . . г. Бѣлецкій.

II.

ВЪ БѢГАХЪ.

Комедія въ 1-мъ д. С. Ю. Рышкова и В. Н. Нестроевскаго

Дѣйствующія лица:

Павелъ Ивановичъ Лаптевъ . . . . . г. Мирскій.
Наташа, его дочь . . . . . г-жа Бѣлецкая-Соколова
Комм. Алекс. Зыковъ, его племянникъ . . . . . г. Рышковъ.
Васс. Ивановъ Лаптевъ, коммерческій консулъ . . . . . г. Грековъ.
Варвара Алексѣевна, его жена . . . . . г-жа Нестроева.
Взял. Ивановъ Лукьяновъ, мужъ Наташи . . . . . г. Бѣлецкій.
Григорій, лакей . . . . . г. Сорокинъ.

III.

Г. Иванъ Ѳедоровичъ Шаляпинъ, исполнитъ извѣстныя XX-въ своего репертуара.

По окончаніи спектакля ТАНЦЫ
въ 3-хъ отдѣленіяхъ.

Начало спектакля въ 7½ час. вечера.

Режиссеръ—артистъ г. Заторскій.

Порядокъ спектакля: 1) Въ сѣняхъ, 2) Пролог. Г. г. Ивановъ-Орловскій

На основаніи Высочайше утвержденнаго 5 Мая 1892 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта сего числа [illegible] Императрицы Маріи, [illegible]

дящей руки, без председателя, то объединяясь вокруг чьего-либо яркого выступления, то распадаясь на отдельные спорящие группы, перескакивая с вопроса на вопрос, участники все дальше и дальше уходили от предмета спора. Для того, чтобы избежать этого, был выработан регламент. Затея понравилась участникам, и беседы повторялись через субботу.

Одним из самых ярых спорщиков был П. Пильский. Прекрасно знакомый с русской критической литературой, он умел вызвать спор и вовремя опрокинуть врага. В лице Брюсова он встретил сильного противника, стоящего на диаметрально противоположных, часто парадоксальных точках зрения, и литературная беседа нередко превращалась в турнир между этими двумя бойцами.

Беседы продолжались до весны и были прерваны разъездом участников на летние каникулы. Осенью ⟨1892⟩ г. состоялось только одно собрание. Пришедшие по приглашению Брюсова, неизвестные мне московские «денди» внесли с улицы в дом атмосферу «жуткой зоны» и превратили собрание в кружок рассказывания извращенно-неприличных анекдотов. Это возмутило меня, и я вышел из-за стола. Некоторые последовали за мною, и больше мы не собирались.

Кто были эти «денди»? Нарождающиеся «московские Уайльды» или просто европеизированные московские купчики — не знаю, знаю только, что Брюсов вращался в их компании. Помнится, что они были «поливановцами».

Как-то раз я зашел к Брюсову вечером. Он торопился к А. Лангу на спиритический сеанс и затащил меня к нему, зная мое отрицательное отношение к этим сеансам. В слабо освещенной комнате с темными портьерами мы нашли длинного, странного, с блестящими глазами Ланга. Он был один и никого не ждал. В торжественной тишине хозяин и Брюсов присту-

пили к священнодействию. На дощечку, сквозь которую проходил карандаш, они положили правые руки, и он тотчас забегал по большому белому листу, разложенному на столе. Как только лист исписывался, он убирался в сторону, а под ним оказывался чистый, готовый к дальнейшим откровениям. Быстро покрывались листы строками, написанными крупным почерком.

Мягкий мрак и тишина кругом, в круге света, падающего из-под низко опущенного абажура, склоненные фигуры над бегающими по белому листу руками. Я сидел в глубоком кресле, мне было уютно, и никакой таинственности я не ощущал. Просидев так около часу, они остановились.

Спириты хотели вовлечь и меня в их мистерию, но я отказался, и мое явное неверие вызвало чрезвычайное раздражение духа. Он начал покрывать очередной лист самыми отборными ругательствами, которыми никогда не осквернялись уста товарищей. Я начал хохотать и разогнал таинственную атмосферу уютной комнаты с мягкими темными драпировками, разомкнул руки товарищей: дух, возмущенный моим присутствием, перестал двигать карандаш, и исписанные листы были приобщены к толстой груде прежних откровений.

Мы возвращались по темной Москве. Брюсов упрекал меня в нетерпимости и неверии. Убеждал меня в том, что дух, а не он, ругал меня. В этом я ему наполовину поверил (их было двое) и обещал никогда более не искушать духа.

Насколько помню, эти общения с «духами», совместно с Лангом, длились долго. Брюсов вообще интересовался областью «тайного знания», а Ланг был убежденный спирит. Брюсов говорил мне, что стихи Ланга написаны не им, а «духами». Возможно, что они писались так, как я видел на памятном сеансе. Но каким образом «духи» лепили скульптуру для Ланга — это мне непонятно. Между тем, много лет спустя, в гостиной московского купца-мецената, странной комнате, полной разных декадентских монстров, я был поражен большой кучей гипса, выкрашенного под бронзу, из которой, с явной претензией на подражание Врубелю, высовывалась голова и конечности какого-то человекоподобного существа. Неизвестно, чему нужно было более удивляться — претенциозности или беспомощности автора. Оказалось, что это скульптура Ланга, вылепленная руками «духов».

Ланг выступил со стихами вместе с Брюсовым в первом выпуске «Русских символистов» под псевдонимом «Миропольский», а затем выпустил под фамилией Березина книжку стихов «Одинокий труд».

Помню Брюсова того времени — длинного, тонкого, слегка сутулого, с резко черными и жесткими волосами бровей, усов и головы. Он носил маленькую бородку. Его движения и жесты были порывисты и угловаты. И по-прежнему он не умел смеяться. Думая, он имел привычку проводить рукою по лбу. Речь его была неясна, он сильно картавил и словно выбрасывал слова изо рта. Он был уже «начинающим автором». Его одноактная пьеса «Проза» шла в Немецком клубе 30 ноября 1893 г. В ней было два действующих лица: «он» и «она», причем «его» играл автор [39].

Любовь к парадоксам усилилась. Появилась своеобразная поза и манера говорить.

Помню еще один эпизод, рассказать который считаю не лишним.

Ц. П. Балталон задумал экспериментальную работу по эстетике и для проведения ее ставил психологические опыты. На ряде таблиц были наклеены белые геометрические фигуры четырехугольников, причем стороны некоторых из них были построены по отношению «золотого сечения», а другие произвольно. В числе фигур был ромб, при вырезании которого, несмотря на всю тщательность, была допущена ничтожная, незаметная для глаз ошибка.

Как-то я затащил Брюсова к Балталону, и последний произвел подробный опрос его по своей программе. Некоторые отметки об этом сохранились в работе Балталона, напечатанной в журнале «Вопросы философии и психологии», где показания Брюсова отмечены, как ⟨показания⟩ «поэта-символиста» [40]. При этом опросе обнаружилась необычайная верность зрения Брюсова. Из сотен опрошенных только он и еще один человек указали на неточность ромба.

Новые литературные течения Запада, чуждые старшему поколению русских писателей, дошли, наконец, до нас. В «Русской мысли» появилась статья Н. К. Михайловского, новая редакция журнала «Северный вестник» открыла страницы для адептов новой школы [41].

На столе у Брюсова дедушка Крылов наблюдал появление книжек Бодлера, Малларме, Верлена, Метерлинка и журнала «La Plume» [42].

Брюсов был в восторге от творчества этих новаторов, и когда я приходил к нему, он читал мне французские стихи, восхищаясь смелостью, оригинальностью, мастерством и инструментовкой стихов новых поэтов. Книги Верлена «Romances sans paroles» и «Les Poètes maudits», «Émaux et camées» Т. Готье и «Les Fleurs du mal» Бодлера не сходили с его бюро.

Мое отношение к творчеству новаторов было двойственное. Внутренне я чувствовал силу нового поэтического «наваждения», но чудовищный произвол и эгоцентричность новых поэтов, их беспредельная жреческая гордость, были мне глубоко чужды и вызывали во мне враждебное чувство.

Как-то я спорил с Брюсовым о новых поэтах и противопоставлял им Гете с его «Фаустом». «Я понимаю это иначе», — сказал мне Брюсов и, когда я уходил, дал мне своего «Каракаллу» [43].

Весною 1894 года вышел первый выпуск «Русских символистов».

III

⟨1894—1906⟩

Осенью 1894 года я кончил Александровское военное училище, был произведен в офицеры и выпущен в 222 Лебединский резервный батальон, стоявший в Харькове. Резервные батальоны, недавно сформированные из гарнизонных местных команд, считались в то время местом ссылки кадровых офицеров, а потому мой выбор 222 резервного батальона после хорошо (по ученью) оконченного военного училища удивил мое начальство и сотоварщией.

Но я выбирал не часть, а стоянку — Харьков, университетский город. В глубине души я надеялся изменить свою судьбу, поступить на естественный факультет университета — по прослужении трех обязательных лет (за образование) в офицерских чинах либо каким-нибудь иным способом.

Это мне удалось в следующем же году. Мотивировав свою просьбу о разрешении учиться в университете желанием подготовить из себя военного натуралиста для экспедиций на восток (Пржевальского и его сподвижников), я получил от командующего войсками округа, знаменитого тогда Драгомирова, разрешение поступить вольнослушателем в университет

Жизнь в глубоко гарнизонном батальоне, в среде необразованного и некультурного офицерства, была мне тяжела. Мы были чужды друг другу. Сойдясь с маленькой группой революционно настроенной офицерской молодежи, я стал упорно работать в учебной команде с солдатами. Постепенно я освоился и стал близок к солдатской среде и популярен среди офицерской молодежи батальона и воинских частей. В первые же месяцы произошло несколько столкновений с начальством, затем они превратились в явление хроническое. Помощник командира батальона звал меня за глаза «гражданином» и подозревал (как я узнал позднее)

меня в близости к подпольным революционным кругам. Он был прав; в это время я действительно ⟨сошелся⟩ с некоторыми харьковскими революционерами.

Первый год офицерства до поступления в университет (осенью 1895 г.) я все свободное время посвящал чтению книг, главным образом по философии, психологии и политической экономии. К этому времени относится и мое знакомство с К. Марксом, первый том «Капитала» которого я выиграл на пари у одного старика-революционера после того, как он произвел мне формальный экзамен по содержанию тома.

Здесь, в моей одинокой комнате, вспоминал я Москву, прошлую жизнь, столь не похожую на эту, и передо мной возникал образ старого друга, сутулящего спину над книгами новых поэтов. В моих ушах звучали напевы новых песен, слагаемых им, пряно-экзотических, красиво-произвольных и полных сладострастья. Всплывали ночные кошмары Москвы, гремящая разгулом и страстью «жуткая зона».

Мне становилась понятной струя яда, травящая (как мне казалось тогда) его творчество, вносящая в него (непозволимую с тогдашней моей точки зрения) остроту и разгул. Надо сознаться — и я был тогда отравлен им, меня втайне влекло к его пряным стихам, но я не мог согласиться с ним, не мог принять их, боролся с ними, называл их ненужными, враждебно-вредными. Что разрешали они? Они горячили и увлекали воображение, играли экзотикой образов, отвлекали мысль от задач, которые (для меня это было ясно!) стояли перед каждым мыслящим человеком.

Политический гнет и социальная неправда рисовали мне столь яркие картины и заслоняли стихи старого друга. Но Брюсов вошел в мою жизнь. Я был одинок, скучал по Москве и писал ему.

Мне досадно, что, задавшись целью написать воспоминания о Брюсове, я так много говорю о собственной персоне. Но, когда человек пишет воспоминания о другом, ему *поневоле* приходится говорить о себе. Едва ли я виноват, что вопреки своей воле занимал собою читателя.

Но теперь позвольте мне смолкнуть и передать слово Валерию Брюсову.

Пред вами пройдут ⟨двадцать четыре письма⟩ Брюсова ко мне с 21 ноября 1894 г. по ⟨17 декабря 1908 г.⟩. За это время мы виделись лишь мельком во время моих краткосрочных отпусков в Москву.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ [44]

⟨Москва. 21—30 ноября. 1894 г.⟩
21.H.94 = 21 ноября. Мск.

Amico mio! *

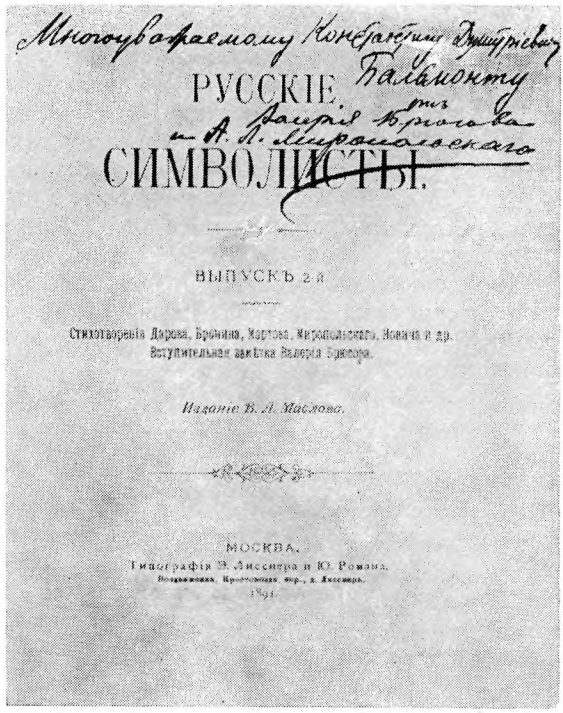
Ты догадался: в первом твоем письме не было адреса, и отвечать тебе я не мог. Я сделал, впрочем, попытку и послал тебе письмо с адресом: Харьков, офицеру 222 полка — поищи его (письмо) в вашей канцелярии. На днях я вышлю тебе 2-й выпуск «Русских символистов».

Выпуск этот много хуже первого, хотя гораздо более символичен. Своей вступительной заметкой я окончательно недоволен. Впрочем «Всемирная иллюстрация» опять поместила рецензию **. То же сделал и «Киевский листок». Кстати, не видал ли ты случайно этой рецензии, а то у нас в Москве ни одна библиотека не получает киевских газет. Затем меня посещают новые символисты и присылают мне новые свои произведения. Так, прислал мне свои стихи Лялечкин, поэт небезызвестный [46].

---

* Друг мой! (*итал.*).
** и «Неделя» — 30 ноября [45] (*вставка рукой Брюсова*).

«РУССКИЕ СИМВОЛИСТЫ»
Выпуск второй. М., 1894
С дарственной надписью:
«Многоуважаемому Константину Дмитриевичу Бальмонту
от Валерия Брюсова
и А. Л. Миропольского»
Обложка
Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва


Многоуважаемому Константину Дмитриевичу Бальмонту
от Валерия Брюсова
и А. Л. Миропольского
РУССКІЕ СИМВОЛИСТЫ.
ВЫПУСКЪ 2-й
Стихотворенія Дарова, Брюсова, Миропольскаго, Новича и др.
Вступительная замѣтка Валерія Брюсова.
Изданіе В. Л. Маслова.
МОСКВА.
Типографія В. Лисснера и Ю. Романа.
1894.

Познакомился я, кроме того, с Бальмонтом. Это оказался очень и очень милый человек. В первый же день знакомства мы пробродили с ним по улицам до 6 часов утра и после сего нередко проводили буквально целые ночи в беседах. Когда в будущем появится новая книга Бальмонта («Сказки луны и солнца»), советую с ней ознакомиться — там будут удивительные стихотворения (например, «Клеопатра» *, «Первая любовь»). В настоящее время Бальмонт издает переводы (стихотворные) из Эдгара По [47].

Затем участвую в одном литературном обществе — «Кружок любителей западноевропейской литературы», читаю рефераты, спорю и под конец пьянствую вместе с «ядром» общества, т. е. тремя-четырьмя милыми юными поэтами и критиками [48]. Окончательно чтоб изобразить свою жизнь, — жду начала нашего судебного дела и присылки из цензуры моих «Романсов без слов» [49].

Пишу, конечно, массу. Написал роман [50] и целый ряд «шедевров» т. е. стихотворений, которые войдут в мою будущую книгу «Les Chefs d'Oeuvre».

29.

Видишь, друг мой, как из добра выходит зло,— хотел я побольше написать тебе, а письмо и пролежало 8 дней. Я делаю успехи. Г-н Лялечкин (помнишь его стихотворение «Незабудки, васильки») прислал мне сочувственное письмо с предложением участвовать в «Русских символистах», а неизвестная мне девица сделала честь прислать мне свою фотографию.

Смотрел вчера «Васантасену», индусскую драму, переделанную немцем и окончательно погубленную русским переводчиком [51]. Дело дошло

* Помню заключительную строфу:
Дочь надменного владыки Птоломея,
Я тебе дарю мой стих,
Потому что ты, камея,
И в любви и в самой смерти не похожа на других
(*примеч. Брюсова*).

до того, что герой говорит: «Это так же верно, как дважды два четыре». «Сомнения» в этой стихотворной драме всегда «мучительные», «грезы» — «молодые» или «золотые» — ну, поэзия!

Читал ли ты когда книгу Иова? О! Это удивительное сочетание — простоты истинно «библейской» и вдруг такого изящества, такой изысканности эпитетов и красок, какую не найдешь и у Готье!

«Я уподобился исполину в пустыне и стал, как филин на развалинах. Пустынная птица, сижу я на кровле. Дни мои, что уклоняющаяся тень».

Это, впрочем, из псалмов Давида.

Не хочу мучить тебя своими стихами, но без стихов обойтись не могу. Слушай стихи из Бодлера (книга издана вчера, переводчик — один несчастный, который не мог выставить своего имени, предисловие написано Бальмонтом) [52].

С ужасной еврейкой, прекрасной, как мертвый
Изваянный мрамор, провел я всю ночь,
Как труп возле трупа простертый.
Порока продажную дочь

Тогда я представил в величьи природном:
С печатью ума на челе благородном
Под шлемом душистым тяжелых волос,
Со взором, сияющим грацией нежной
И зорями дремлющих гроз.

О как бы тогда я со страстью мятежной
Любить тебя, сердце отзывное, мог!
От свежих твоих нежно розовых ног
До пышно раскинутых кос твоих черных
Какой бы огонь поцелуев разлил.

Какие б сокровища ласк расточил
Живых, непритворных,
Когда бы вечерней порою подчас
Затмился твой образ беспечный
Слезой, без усилья добытой из глаз.

Но ты, о царица толпы бессердечной,
Так плакала ль в жизни хоть раз!

30-го ноября, утро.

Спешу закончить, но приведу еще несколько строк из Бодлера. Слушай:

Друг правды, мира и людей,
Восторгов трезвых и печалей,
Брось эту книгу сатурналий,
Бесчинных оргий и скорбей
. . . . . .
Ты не поймешь ни слова в ней
. . . . . .
Но если ум твой в безднах бродит,
Ища обетованный рай,
Скорбит, зовет и не находит,—
Тогда!.. о друг! тогда читай!..

Дивно?

В Германии появился удивительный поэт Франц Эверс. Человек еще очень молодой — 23 лет,— появившись в печати впервые в 91 году, он

уже написал книг 10! Все эти книги (некоторые до 300 страниц in quarto) полны шедеврами. Это гений, которого уже давно не видал мир! Его лирика выше, лучше и Шиллера, и Гете, и Гейне, и Ленау, его драма — если и ниже Шекспира, ⟨то⟩ выше Альфиери и Шиллера. А его книга псалмов («Die Psalmen»), современных псалмов! предвещаний пророка и пророчеств поэта! Нет места говорить о нем, но особенно восхищен я его любовной лирикой (книга «Eva»).

P. S. Нам удалось вступить с ним в переписку. Содержание одной его баллады: «Царь (в Индии) был столь добродетелен, что бог пожелал наградить его и послал его душу в тело бедняка-поэта, гонимого всеми». Из предисловий Эверса:

Ich will nicht von euch wissen
ihr, überklugen Geister,
ich kann ⟨euch⟩ alle missen,
ich bin mein eigner Meister.
Und wenn ⟨ihr⟩ nach Schablonen
mich hundertmal erklärt —
Kein Gegenwort soll's lohnen
ich bin mir selber wert.*

Конечно, это не образец — ибо Эверс бесконечно разнообразен — он пишет философские произведения, романы, стихи etc., etc. Главное, чем приведенный отрывок не соответствует типу произведений Эверса, это то, что другие его вещи дивно образны, а этот — рассуждение [53].

Друг мой, надеюсь, мы не будем считаться письмами. Пиши мне, не дожидаясь моего письма. Я тоже буду писать, когда будет время и охота, не стараясь сообразоваться непременно с ответом.

Все сие следовало бы переписать, но боюсь еще задержать письмо. Следующие будут аккуратнее, а может быть акуратнее — не помню.

Твой Валерий Брюсов

ПИСЬМО ВТОРОЕ

95 г. Москва, 5 янв.

Мой друг!

Только что прочитал «Римскую легенду» Величко («Книжки Недели», № 10) и возмущен до дна души и даже глубже. И этот человек смеет называться поэтом! Да у него ни одного поэтического стиха, ни одного образа, ни одной рифмы на месте [54]!

Друг мой, я знаю, что пишу мало, впрочем, и от тебя давно жду письма. Напиши, наконец, мнение о втором выпуске! Читал ли «Вестник Европы», статью Соловьева о нем (1895. № 1)? — Боже мой, он так уничтожил нас, что и клочьев не осталось [55]. Может быть, я опять пишу по неверному адресу? Отвечай — я немедленно пошлю тебе мои «Романсы без слов».

Жизнь веду смутную, совсем как подобает поэту, но надоела она мне страшно, и я думаю эдак на месяц запереться в своей комнате.

Друг мой, думал ли ты когда, что *слово* очень несовершенный материал для искусства?— Скульптор счастливее поэта — у него мрамор. Строго говоря, может существовать только лирика, ибо больше того, что поэт имеет в душе передать он не может.

---

* Я не хочу вас слушать, // О вы — синклит ученый! // Я все готов нарушить! // Во мне — мои законы! // Кроя по трафарету// Устав моим стихам,// Как чужды вы поэту! // Себя я знаю сам! (Перевод Брюсова — ГБЛ. 14. 5/I, л. 48 об. — 49).

Моя любовь — палящий полдень Явы,
Как сон, разлит смертельный аромат;
Там ящеры, свернувшися, лежат
Здесь по скалам сплетаются удавы.

И ты вошла в неумолимый сад
Для отдыха, для сладостной забавы?
Цветы дрожат, сильнее дышат травы,
Чарует все, все выдыхает яд.

Идем! Я здесь! Мы будем наслаждаться:
Сплетем венки, пройдем весь мир аллей,
Найдем приют на ложе орхидей.

День проскользнет. Глаза твои смежатся,
И саваном медлительных лиан
Я оплету твой неподвижный стан [56].

Не правда ли, какой успех даже в сравнении с первым выпуском? А если бы ты знал мои четыре поэмы! [57] Когда кончу «Les Chefs d'Oeuvre» (нужно *les* или нет?) — буду писать эпос или драму... Прости, что пишу только о себе и о поэзии, но давно не получал от тебя письма. Нашел одного дельного человека — некоего Фриче — будущий великий критик [58]! Что касается Ланга, он мне опротивел — право — т. е. не как человек, но в больших дозах. Он ушел от отца, жил отдельно, а теперь опять возвращается — черт знает что такое! А не правда ли и любовь это нечто «черт знает что»? Изучаешь ли ты английский язык?

Кажется, я писал тебе еще до воцарения Николая II. Замечательно патриотично настроена теперь публика. На журнал, где в приложениях нет портрета государя, и не подписываются. Послал Верлену «Р⟨омансы без⟩ с⟨лов⟩» с письмом; жду ответа [59]. И от тебя, конечно, жду ответа. Знаешь ли ты стихотворение Надсона

Уронивши ресницы на пламенный взор

(1881 г., посмертное издание 7-е, стр. 161).— Н⟨адсон⟩ был лучшим поэтом. У Некрасова также есть чудные страницы [60].

Вражда есть ложь, раздор—дитя обмана! [61]

Твой Валерий Брюсов

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

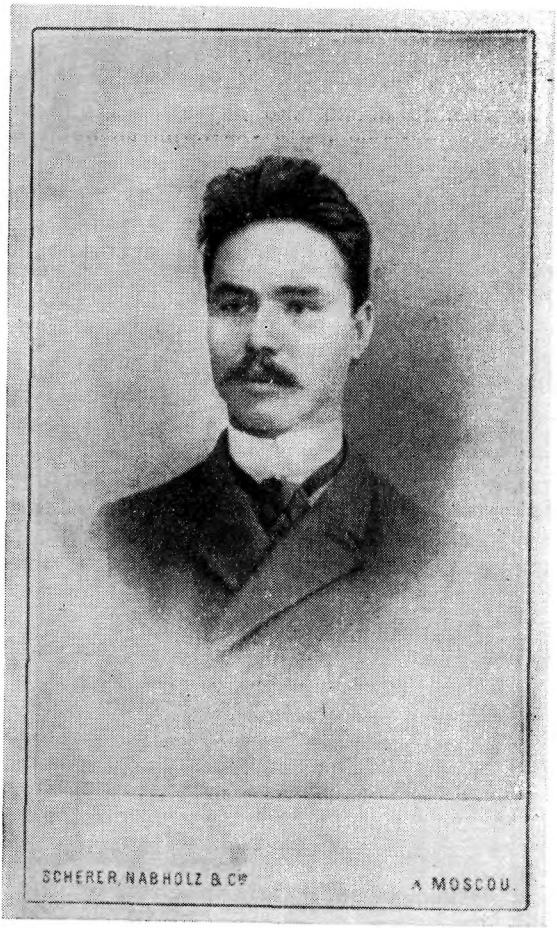
⟨Москва.⟩ 12.4.95.

Друг мой!

В моем словаре нет слов, чтобы достаточно извиниться перед тобой за мое безбожное молчание. Надвигающиеся экзамены погрузили меня и на этот раз в ежечасную работу, так что и теперь я принужден ограничиться этой запиской. Может быть, я слишком высоко понимаю значение письма,— буду утешаться хоть этим. Чуть только экзамены кончатся или чуть только я провалюсь на одном из них, как тотчас постараюсь загладить свою вину. Надеюсь, ты меня не оставишь своими письмами и по крайней мере сообщишь адрес, если его переменишь.

Твой Валерий Брюсов

БРЮСОВ
Фотография Шерера и Набгольца, Москва, 1893
Приложена к прошению Брюсова о приеме в Московский университет.
Центральный архив литературы и искусства СССР, Москва



ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

23 июня 95. Хорошово.

Друг мой!

Свинство есть, но не обоюдное, а исключительно лежащее на моей совести; ты уже не раз писал мне, я же молчал, как покойник. Объяснять свое поведение или оправдываться было бы долго. Не стоит также описывать своей жизни — хорошего мало, да и скучно. Лучше — в море (винительный падеж) общих вопросов!

«Пишу очень мало, твердо веруя, что надо выработать всестороннее мировоззрение, чтобы...» Фраза твоя соединена иначе, но смысл таков [62]. Хорошо, друг, у кого есть терпение вырабатывать всестороннее мировоззрение, а потом явиться перед людьми во всеоружии, как Минерва из головы Дия, а если душа не ждет, если *выдумываешь* себе нечто, чтобы только иметь подобие борьбы и хотя каких-нибудь противников? Кто говорит, хорошая вещь — мировоззрение, но когда оно выработается,— если пока вместо него еще хаос неустроенный? Где тот бог, который речет «да будет свет»? Что делать, приходится жить в этом самом хаосе. Иной раз в философских спорах происходят такие события: с одной стороны держишься таких-то мнений, а зайдешь с другой стороны, из моих же собственных убеждений вытекает нечто совсем иное. Эх! оставим все на волю Вольного Призрака Времени (из-за чего так написал? Из-за сочетания «волю-во́ль»...).

Новых символистских книг не появилось. Есть у меня две тетрадки, разрешенные цензурой, но нет денег на их издание [63]. Уповаю, однако, прислать тебе к осени «Chefs d'Oeuvre»; шедевров ты там не найдешь, но встретишь несколько достаточно оригинальных (во всех смыслах этого слова) произведений; достоинство одно несомненное: они чужды рутине и по идее и по форме.

Стихами мучить тебя не буду, а вот по поводу «периодической печати», т. е. наших толстых, тонких и тощих журналов. По большей части они — безнадежное убожество, но есть исключения. Таковы страницы Мережковского. О «Леде», о «Проклятой луне», о «Леонардо да Винчи» можно спорить, но «Отверженный» выше всяких похвал. Такого произведения русская литература не видала уже много, много лет. Его хвалят, но я предпочел бы обычное тупоумие публики и критики этим предательским похвалам, которые сравнивают «Отверженного» — excusez du grand* — с Эберсом. Смешно и грустно. Эберс романист, о котором завтра забудут. «Отверженный» — роман, созданный для вечности. Говорят, есть у Ибсена трагедия на ту же тему, но я ее не читал. [64]

Затем о твоих занятиях. К политической экономии у меня душа не лежит, и Бокля,— увы — я не читал, хотя есть собственный [65]. Но меня интересует, коснулось ли твое изучение близкой моей душе философии. Судя по твоим взглядам, боюсь, что ты ее обошел, хотя за именем Бокля я и разглядел какие-то зачеркнутые намеки на Канта. Скажу тебе, что в сем философе я совершенно разочаровался. Во-первых, он вовсе не так глубок, как это кажется с первого чтения, а во-вторых, все «открытое» им было уже раньше известно из творений Спинозы и особенно Локка [66]. Изучаешь ли ты английский язык? О! сколько горького в том, что я его не знаю. Только недавно понял я, что все великое, что тревожит Европу, совершенно самостоятельно вырабатывается в Англии и притом обыкновенно на несколько десятилетий раньше. А я, несчастный, сижу и изучаю «турецко-татарскую грамматику». Это называется быть сумасшедшим.

Прощай.

Твой Валерий Брюсов

P. S. Адрес мой — московский, ибо в Хорошове нет почты. Жду письма и постараюсь написать сам поскорее. Экзамены прошли хорошо, и я избрал классическое отделение [67].

Бессвязность письма прости.

В.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

‹Москва.› 25.VIII.95

Друг мой!

Где ты? Что ты? отзовись! Я послал тебе летом письмо, но ответа не получал. Послал бы свой сборник стихов, да боюсь — адрес не точен. Жду.

Твой Валерий Брюсов

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

‹Москва.› 17-го сент 95.
Именины Надей, Вер etc.

Друг мой!

Не ответил тебе сразу потому, что был расстроен душевно и, следовательно, заполнил бы письмо стонами и неинтересными восклицаниями.

*простите великодушно (*франц.*).

Вышли мои «Шедевры» *. Эффект их появления был весьма значительным, но и весьма печальным. Против меня восстали все, даже и те, которые убедительно торопили меня напечатать эту мою книжку. Бесконечно возмутило всех предисловие. Сознаюсь, я там пересолил немного, но ведь надо стать в положение человека, которого полтора года безустально ругали во всех журналах и газетках. Как бы то ни было, вознегодовали все, и некто г. Коган заявил даже, что напечатай я свое предисловие раньше — он не счел бы возможным вступить со мной в знакомство [68]. Произошла, конечно, грустная сцена. Остались на моей стороне: Ланг (по глупости своей), Курсинский (поэт, подражающий мне) и Фриче (умный господин, понимающий, что сущность не в предисловиях). Однако негодование приняло такие размеры, что когда недавно в университете я стал читать Аристофана, аудитория недовольно зашипела и до меня долетело слово «декадент». Газеты, как тебе, может быть, известно, встретили мою книгу точно так же. Конечно, я могу утешаться тем, что пока все это бездоказательная брань, к тому же самых моих стихов не касающаяся, но все же переживать все это и бороться со всем этим не слишком приятно [69].

Поступил я, друг мой, на классическое отделение своего факультета и теперь погружен с головой в греческий язык, латинский и санскрит. Можно ли было это думать в те дни, когда Фолькман лепил мне двойки!

Добролюбов, о котором в былые годы ты слышал от меня, выпустил сборник своих стихов [70]. Тебе они покажутся ерундой, а я их ценю высоко. Признания со стороны публики Добролюбову придется дожидаться долго!

Если ты читаешь журналы, то, вероятно, ознакомился с «Отверженным» Мережковского. Напиши свое мнение; меня оно интересует, потому что я считаю этот роман великим явлением современной литературы.

Ознакомился я недавно с сочинениями гр. Толстого «В чем моя вера» и «Царство божие внутри вас» (Курсинский живет у графа как репетитор его сыновей) [71]. Признаюсь, я сильно переменил мнение о Толстом, составленное на основании его напечатанных философствований (например, «О жизни») и популярных разборов. Некоторые места восхищали меня, между прочим, как филолога. Впрочем, миросозерцание мое как раз противоположно идеям Толстого, так что все восхищения мои чисто платонические. Реальный вывод из них лишь тот, что я стал с бóльшим уважением относиться к последователям гр. Толстого, которых прежде чуть-чуть не осмеивал.

Изучаю английский язык и пишу полемическую брошюрку [72]. Засим до свидания... надеюсь, еще в письме.

«Chefs d'Oeuvre» и «Русских символистов» № 3 посылаю тебе, но простой бандеролью, так что если долго не будешь их получать, извести.

Твой преследуемый символист Валерий Брюсов

В (конце сентября 1895 г.) я получил от Брюсова его новую книгу «Chefs d'Oeuvre». На меня — «естественника» и революционно настроенного человека само название этой книги, посвященной «вечности и искусству», и ее содержание, полное крайнего своеволия, произвели отталкивающее впечатление.

Я ответил негодующим письмом, в котором не жалел слов осуждения и сгоряча назвал некоторые стихотворения «набором слов».

Это оскорбило Брюсова.

---

* См. конец письма (*примеч. Брюсова*).

ПИСЬМО ‹СЕДЬМОЕ› [73]

‹Москва. Начало октября 1895 г.›

Что я безгранично люблю,
То вы ненавидите страстно.
К. Фофанов [74]

Друг мой! Друг мой!

Как мы с тобой далеки! Давно-давно, чуть не десять лет тому назад, я вписал в свою детскую тетрадь (знаешь, с изящными виньетками?) стихотворение, посвященное тебе. Там были такие строки:

И вечно помнить буду я
Журнал «Начало» и стихи,
И нашу дружбу, и тебя.
Быть может, в жизненном пути
Мы снова встретимся с тобой,
И, вспомнив прежние мечты,
В борьбу пойдем рука с рукой. [75]

Мне было очень совестно, когда ты случайно прочел эти стихи, но писались они вполне искренно. Увы! теперь я готов бояться, что мы, если и встретимся когда-либо «в» жизненном пути, то не для того, чтобы подать друг другу руки, а как враги, как борцы разных лагерей.

Ах, друг мой! Мне не трудно было бы спорить с твоими обвинениями. Можно ли сказать «брызги янтаря» (то есть янтарного цвета) или нет, образно ли выражение «кольцо фонарей»— все это вопросы сильно спорные [76]. Но дело не в них. Важно то, что ты совершенно чужд той поэзии, к которой я стремлюсь. Ты не заметил того, чем я горжусь в «Chefs d'Oeuvre». Ты прошел мимо тех стихотворений, в которых когда-то была вся моя душа. Я принужден сейчас хвалить сам себя; положим, мне это не ново, но все же я не говорю, что мои произведения — идеалы. Можно и должно писать лучше,— однако, сказать, что в них один сумбур и набор слов!— это я могу простить только критикам из «Звезды» [77]. В тебе «не возбуждает ни мысли, ни чувства» — «На журчащий Годавери», а я не знаю, смогу ли я написать что́ лучшее. Ты говоришь, что моя книжка «какие-то обрывки мысли, связанные между собой лишь любовным приключением» — но, друг мой! первые две поэмы и «Три свидания» — вот все, где я говорю о своей любви. Возьми почти все «Криптомерии» — это мотивы Леконта де Лиля и д'Эредиа, которых никто не назовет эротическими поэтами; возьми все «Méditations», где я совершенно «не знаю стихов о любви». Ты ищешь связи — эти же самые «Méditations» составляют связный рассказ о жизни моей души. Нет, друг мой! Я положительно не понимаю, как при самой противоположной мне точке зрения, ты усмотрел в моей книге лишь «набор слов». Это могут написать рецензенты, желающие во что бы то ни стало разругать дерзкого, но беспристрастный читатель должен понять, что книжка продумана и прочувствована. Единственное предположение, которое я делаю, — это то, что твои слова тебе подсказала ненависть к символизму (хотя на мой взгляд его нет в ChdO). Ты так далек от красоты настроений, образов, слов, от этой — если хочешь — бесполезной, бесцельной красоты, что произносишь несправедливые обвинения. Набор слов! То, чем я жил целый год,— только «набор слов»! Одного не понимаю, что же иное ты нашел у Бодлера и Верлена? Знаком ли ты с поэмами Эдгара По? Если его произведения ты не считаешь «набором слов», то за что же осуждать «Снега», единственный недостаток которых — подчиненность мотивам По? Или ты меня, или я тебя, но друг друга мы не понимаем. Медлить «на этом пепелище» я не хочу и не могу и уж, конечно, не примусь за что-нибудь «существенное».

До свидания (в письме). Твой Валерий Брюсов

ПИСЬМО ‹ВОСЬМОЕ›

‹Москва.› 29-го октября 95.

Прилагаемое письмо [78] было написано почти тотчас после того, как я получил твое, но долго я не решался послать его — вот почему произошла новая пауза в нашей переписке. Если можешь, не подражай мне, а пиши поскорее.

Твой В. Б.

ПИСЬМО ‹ДЕВЯТОЕ›

‹Москва.› 3-го июня 96.

Друг мой!

Опять должен извиняться в долгом молчании. Причины следующие. После твоего отъезда я совсем расхворался, дошло до того, что домашние начали меня оплакивать. Однако счастье российской поэзии оказалось неизменным: я воскрес.

Я вернулся на яркую землю;
Среди лиц я туманно брожу,
И шумящему говору внемлю,
И в горящие взоры гляжу [79].
Но. . . etc.

(Догадываешься, что за «но»).

Потом я уезжал из Москвы, жил в Петербурге, ездил по Балтийскому морю, осматривал Ревель, Ригу и, наконец, проведя неделю в Варшаве, вернулся [80].

Мерный шум колес...
Поле, ряд берез...
Много мутных грез...
Мчимся, мчимся, мчимся...
Мерный шум и шум...
Свод небес угрюм...
Много мутных дум...
Дальше, дальше, дальше...

В Москве жил с месяц; пытался тебе писать, но все как-то не выходило и начатые письма бросались под стол. Теперь я вновь пускаюсь в путь и проездом думаю быть в Харькове. Если ты еще здесь, мы могли бы увидаться. Выезжаю я в воскресенье — вероятно, с поездом в 6.45 вечера и в Харькове буду в понедельник. Если по расчету письмо еще может поймать меня,— напиши, но я во всяком случае остановлюсь в Харькове и пойду тебя разыскивать.

Твой Валерий Б р ю с о в

ПИСЬМО ‹ДЕСЯТОЕ›

Харьков. ‹10 июня 1896 г.› [81]

Друг мой!

Прошу у тебя тысячу раз прощения. Совершенно случайно мне пришлось ехать не одному [82], и я не мог сойти здесь. Посмотрел на Харьковский вокзал и — поехал дальше. С Кавказа напишу (ибо я еду через Севастополь на Минеральные воды).

Твой Вал. Бр.

ПИСЬМО ‹ОДИННАДЦАТОЕ›

‹Пятигорск.› 22 июня 1896 г.

Друг мой!

Еще раз прошу извинения, если мне пришлось обмануть тебя.

Живу я теперь в городе, прославленном Лермонтовым, занимаюсь починкою своего здоровья и до сих пор продолжаю изумленно поглядывать на те холмики, которые носят громкие прозвания Машук и Бештау. Вообще во время своего маленького путешествия (я ехал через Симферополь и Новороссийск) я достаточно разочаровался в природе.

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При свете утренней Киприды...

Я смотрел и напрасно искал в себе восхищения. Самый второстепенный художник, если б ему дали, вместо красок и холста, настоящие камни, воду, зелень,— создал бы в десять раз величественнее и очаровательнее [83]. Впрочем, думаю я еще съездить к Казбеку и Эльборусу, может, там что есть. Эльборус виден отсюда, но только в самые светлые дни — в обычную же погоду на его месте просто синее небо; как-то странно даже.

Занят я здесь писанием предисловия к «Истории русской лирики», где намерен изложить свои взгляды на поэзию и символизм [84]; надеюсь, после этого предисловия все должны будут признать хотя то, что это один из вполне возможных взглядов — теория вполне последовательная и определенная:

1) Поэзия и беллетристика — две совершенно различные области.

2) Природа для поэзии — только модель, и потому поэзия должна быть как можно более чуждой жизни.

3-a) Цель поэзии — давать «эстетическое наслаждение».

3-b) Эстетическое наслаждение состоит в бесчисленном ряде настроений, которые могут быть вызваны только поэзией (*не жизнью*).

Итак, чтение поэтических произведений вызывает ряд совершенно новых ощущений, ряд чисто поэтических настроений, которые иначе испытаны быть не могут. Достигается это примирением идей, которые раньше были чуждыми друг другу. Жизнь и природа дают материал для этих идей (их можно назвать «образами», но не в школьном смысле).

Беллетристика, наоборот, есть изображение жизни и дает удовольствие как и всякое созерцание действительности. Обыкновенно до сих пор поэзия и беллетристика были смешаны. Символизм стремится очистить поэзию от этой примеси, дать *чистую поэзию*.

Вот тезисы, которые, конечно, будут развиты; главное, будут точно определены термины «идея», «настроение» etc., потому что они употреблены здесь совершенно в особом значении.

Если не пожимаешь плечами на эту теорию, напиши критику на нее; буду очень рад.

Твой Валерий Брюсов

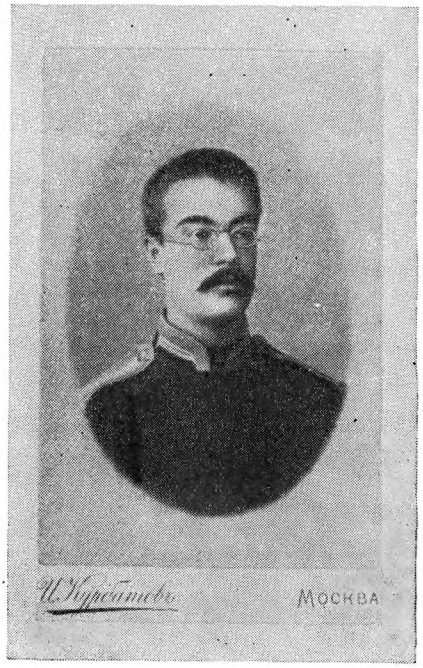
Пятигорск. Теплосерная, д. Савельева.

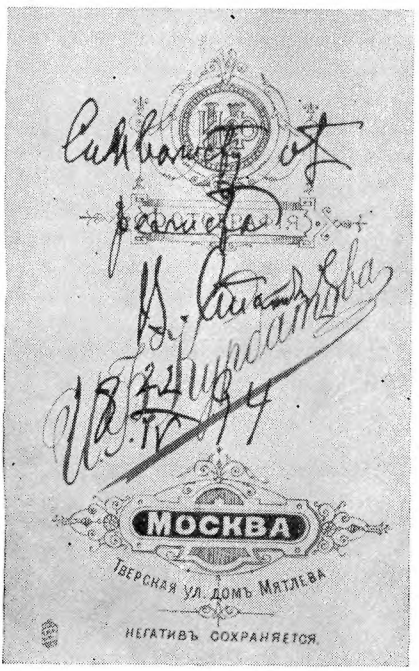
Последовал частый обмен письмами. Три письма Брюсова того времени у меня сохранились.

ПИСЬМО ДВЕНАДЦАТОЕ

17 июля 1896 г.
(Адрес до 1-го августа) Пятигорск, Теплосерная ул., д. Савельева.

Твое письмо, мой друг, я получил еще с неделю, и если не отвечал долго, то все по старой причине: никак не найдем мы прочной опоры для на-





В. К. СТАНЮКОВИЧ

Фотография И. Курбатова. Москва, 1894

На обороте дарственная надпись: «Символисту от реалиста. В. Станюкович. $18\frac{22}{IV}$ 94»

Мемориальный кабинет Брюсова, Москва

шей переписки [85]. Почему это? Я знаю одного человека, с которым мы расходимся во взглядах, пожалуй, больше чем с тобой, с которым мы не можем и встретиться без того, чтобы не спорить до озлобления и «горьких» слов,— а между тем проходит урочное время и мы опять ищем друг друга. С тобой же мы все-таки больше, чем просто «знакомые», а встретившись, не знаем, что говорить, и, разойдясь, пишем один другому чуть не по обязанности. Или это именно потому, что когда-то наши взгляды были слишком близки? Я не говорю о том времени, когда мы вместе читали Надсона и дрожали от восхищения, или о тех днях, когда ты читал мне Тургенева, а я тебе Мережковского и Фофанова,— но ведь уже в 90-х годах мы умели наполнять целые вечера беседами, спорами и совосклицаниями,— и все было ясно и просто. Неужели полтора года, те полтора, которые мы потом почему-то не видались, могли вдруг поставить нас на двух краях пропасти? Да, полтора года. Их ты продолжал идти прежним намеченным путем, а я за эти полтора года странно и круто повернул в другую сторону. Впрочем, я напрасно говорю «странно» — для меня то были роковые дни. Ты знаешь сам, что, расставшись с девочкой, часто встречаешь ее взрослой девушкой, хочешь назвать ее прежним полуименем и не смеешь протянуть руки. Душа наша тоже женщина; ей тоже довольно немногих месяцев, чтобы понять себя и стать собою. Между тем ты, встретившись со мной, *не хотел мне верить. Ты недоверчиво посмотрел на меня и с тех пор* затаил по отношению ко мне какую-то полунасмешку. Поразмысли, можно ли, относясь к человеку серьезно, предлагать ему, в виде дружеского совета, переменить свои убеждения. С другой стороны, скажи,— пока остается между нами эта тень сомнения, *возможен ли спор, мыслима ли*

простая беседа? Мы потеряли единственное звено, способное соединять человеческие души: взаимное доверие.

Еще одно слово. Ты все хочешь считать меня таким, каким я был пять лет тому назад. Но что проще той истины, что каждый идет вперед, изменяется. Подумай об этом.

В частности, на твое письмо я не отвечаю. Возражения твои мне не совсем ясны, и я думаю, ты писал их очень наскоро. Впрочем, и моя формулировка положений сделана тоже наскоро, прямо в письме — так что эти вопросы отложим.

Что касается до «Столпотворения», то я не понимаю, как можно, не говорю хвалить, но читать произведение, написанное столь плохими стихами [86]. Первое условие всякой поэтической вещи, чтобы она была певуча и гармонична; без этого она для меня не существует.

Твой, как прежде, Валерий Брюсов

P. S. Посылаю тебе маленькое profession de foi *.

ЮНОМУ ПОЭТУ

(посв. А. Б-скому) [87]

Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета:
Первый из них — не живи настоящим;
Только грядущее область поэта.

Дальше второй — не люби, не сочувствуй,
Сам лишь себя обожай беспредельно.
Третий завет — поклоняйся искусству,
Только ему, безраздумно, бесцельно.

Юноша бледный со взором смущенным,
Если ты примешь мои три завета,
Гордо умру я бойцом побежденным,
Зная, что в мире оставлю поэта.

В. Б.

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ

28 июля 1896 г.
Пятигорск. Теплосерная ул., д. Савельева

A. S. Прости, что пишу на такой смешной бумаге: воскресенье — и лавки закрыты.

Судя по твоему ответу, друг мой, я написал тебе довольно горькое письмо [88]. Сегодня я, наоборот, холоден и постараюсь исправить всякие прошлые крайности и самообманы.

Ты пишешь, что я когда-то сам относился иронически к предисловию «Chefs d'Oeuvre». Очень может ⟨быть⟩ — даже наверное — это было, но вот это-то и было болезненною крайностью и самообманом. Последний год, который я прожил,— 95/96,— был чуть ли не самым жалким годом моей жизни. Дело вот в чем. Надо мной и моей поэзией глумились очень достаточно, и за «Русских символистов», но я все время чувствовал себя так, как будто я сам по себе, а «Валерий Брюсов», русский символист — сам по себе; один другого не касался. Только с появлением моего Первого Издания, и притом — вдруг, почувствовал я себя в самом деле отверженным (maudit); если бы ты знал, сколько мне пришлось тогда перенести!— вплоть до холодного прикосновения рукой к шляпе того, кому я хотел по

* символ веры (*франц.*).

старой памяти броситься на шею [89]. Я был до такой степени унижен, забит, загнан,— что потерял всякую веру в себя, стыдился своих стихов и, прочтя Бальмонта, сказал *сам себе* «да! *вот* поэзия!» Потом, немного оправившись, я решился по крайней мере не показывать другим своего состояния, придумывал разные компромиссы, извращал смысл собственных слов etc.,— в этом-то состоянии ты и застал меня. Тогда я мог иронически относиться к ChdO. А затем — затем, как тебе известно, я расхворался, чуть не умер (очень серьезно) и постепенно «нашел себя», как говорят французы.

Я вовсе не выдумываю, «нечто, чтобы иметь подобие борьбы». Это только *было* когда-то. Я очень ясно знаю, чего я хочу и к чему стремлюсь. Как-то, не слишком давно, в дни отчаянья, когда я помышлял о ядах, револьверах и «расступающихся» волнах,— написал я «Последние слова».

. . . . . .
О горько умирать, не кончив, что хотел,
Едва найдя свой путь к восторгам идеала
. . . . . .
Так много думано, исполнено так мало! [90]

Я нисколько не хочу превозносить ChdO. Книга, о которой я говорил в предисловии к первому изданию («в будущем я напишу гораздо более значительные вещи»), уже написана [91]. Я не хочу превозносить ChdO,— знаю, что с точки зрения «искусства и вечности» это очень ничтожное произведение, но я знаю также, что там я достиг, к чему стремился. Пусть цель была ошибочна, но большего нельзя требовать ни от кого, и таким успехом не смеют похвастаться ни Минский, ни Мережковский, ни кто другой из современных поэтов. Я не уступаю ни одного слова из моего предисловия: «*Завещаю эту книгу вечности*». Но верно понять и оценить ChdO можно будет только в том случае, если я напишу все мои книги; в связи с ними у ChdO будет свое место, свое значение и свое величие.

Довольно, наконец. Вот уже третье письмо я говорю только о себе. Нельзя ли нам перескользнуть на общие вопросы?

Скажи мне — для вступления,— откуда должен человек почерпнуть желание «служить жизни» — не из своей ли души? Если же у меня нет ни малейшего желания служить жизни, если я интересуюсь только собой и «обожаю» лишь сам себя, что принудит меня поступать иначе? С какой стати не стану я наслаждаться Верленом, Фезенсаком <?>, Эдг. По — из-за того только, что я «обеспечен», как ты пишешь? Я буду читать поэтов, буду писать стихи и не стану думать ни о науке, ни о жизни, пока не найду их в своей душе. Разве это не «естественно»?

Твой Валерий Брюсов

P. S. На возвратном пути постараюсь воспользоваться твоим приглашением, и тогда мы много поспорим о «элементарных истинах».

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Кисловодск. 25 авг<уста> 1896 г.

Мой друг —

В среду, 28 августа, покидаю я Кисловодск и вообще Кавказ. Придется мне заехать в Армавир и пробыть там дня два. Хотелось бы мне повидаться с тобой, что́ я мог бы исполнить 31, или 1-го, а может и 2-го сентября. Не знаю, удобно ли это тебе, может быть, ты уже занят зимними занятиями. И где отыскать тебя — по старому адресу или ты изменил его?

Мой адрес до 30-го таков: по Владикавказской железной дороге, станция Армавир, дом Карпа Муратова, акушерке Зое Александровне Бакулиной, для Валерия Брюсова.

Сей последний «желает тебе всего хорошего».

В. Б.

Из письма тринадцатого от 28 июля 1896 г., только что приведенного, можно установить, о чем я писал Брюсову. Я говорил ему о своей борьбе, борьбе человека, у которого есть только голова и руки, с реальными врагами. Перед этой схваткой его кабинетная борьба казалась мне выдумкой «обеспеченного» человека, выдумывающего «нечто, чтобы иметь подобие борьбы»; звал его к «служению жизни» реальной. Это служение я находил «естественным», а учение, проповедуемое мною,— «элементарной истиной».

Новое, вполне откровенное «profession de foi» в форме стихотворения «Юному поэту», которое Брюсов, вероятно, не без намерения поддразнить, прислал мне (при письме 12-м), возмутило меня. Оно и вызвало мое письмо. Брюсов принял его неожиданно мягко.

Переписка наша оборвалась. Я молчал и шел своею дорогой.

Когда вышла книга «Me eum esse», Брюсов вспомнил обо мне.

ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТОЕ

‹Москва.› 5 марта 97.

«Целые месяцы мое проклятое молчание тяготит меня, как кошмар, оно меня душит, давит. Разогнать чары я не в силах. Я — аполог, притча, изображающая, как всякий проступок в самом себе уже заключает наказание».

Это отрывок из письма Тютчева (2-го мая 1836 г.) [92]. Выразить лучше свое настроение я не сумею. Прости меня и напиши мне твой новый адрес: мне давно хочется послать тебе мою последнюю книгу.

Твой Валерий Брюсов

Весною 1897 г. я был в Москве, а Брюсов собирался поселиться на даче под Чугуевым, в Кочетке, неподалеку от которого я стоял в лагере. Мы оба были рады встретиться, но этого не случилось.

ПИСЬМО ШЕСТНАДЦАТОЕ

11 июня ‹18›97 г., Аахен

Друг мой! Я в Чугуев, видимо, не попаду, так как скитаюсь «по заграницам». Более подробное письмо — из Брюсселя [93].

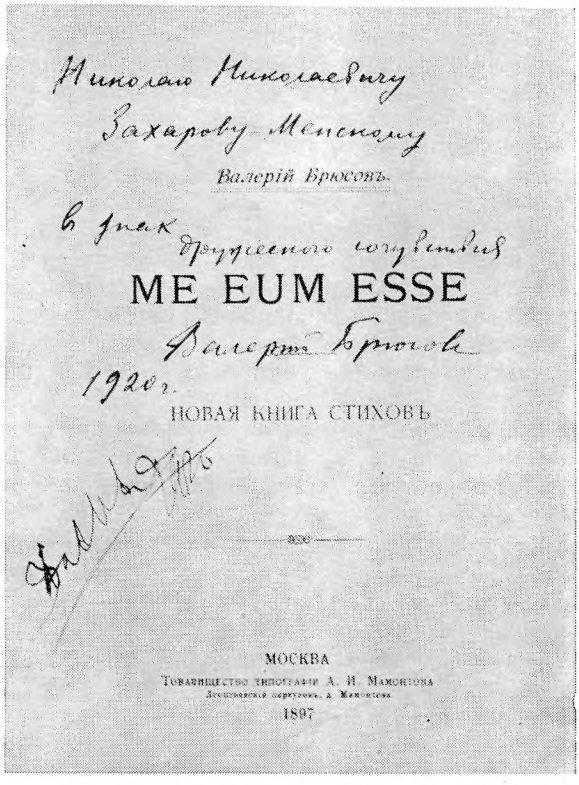
Твой Валерий Брюсов

Hôtel de Bonn

Осенью 1897 г. истекли три года моей обязательной службы офицером, и я, немедленно после срока, вышел в запас и нашел себе работу в Страховом обществе.

С Брюсовым я в это время не переписывался, а видел его раз в Москве «на Рождестве».

На Пасхе ‹1898 г.› я был в Москве, но свидание с Брюсовым было мимолетно. Я был занят другим и, вернувшись к себе в Харьков, не садился за письмо. В конце года ко мне неожиданно пришло письмо.


Николаю Николаевичу
Захарову-Менскому
Валерій Брюсовъ
в знак дружеского сочувствия
ME EUM ESSE
Валерій Брюсовъ
1920 г.
НОВАЯ КНИГА СТИХОВЪ
МОСКВА
1897

«ME EUM ESSE». М., 1897
Титульный лист с дарственной надписью: «Николаю Николаевичу Захарову-Менскому в знак дружеского сочувствия. Валерий Брюсов. 1920 г.»
Собрание Р. Л. Щербакова, Москва

ПИСЬМО ⟨СЕМНАДЦАТОЕ⟩

⟨Москва.⟩ Рождество 1898.

Друг мой! Очень хотелось бы мне возобновить нашу переписку поправильнее. Мы друг от друга немного отвыкли. Давай вновь знакомиться. Для начала вот мое маленькое curriculum vitae *. Начинаю с 97 года, ибо, хотя на Пасхе мы и виделись, но слишком бегло.

После издания «Me eum esse» жил я довольно плачевно. Друзья либо разъехались (Бальмонт за границей, Курсинский в Киеве, ты в Харькове, и т. д.), либо я с ними рассорился по поводу предисловия ко 2 изданию «Chefs d'Oeuvre» [94]. Я пытался утешать себя стихами о святости одиночества, но чувствовал себя плохо. Да и «Me eum» прошла очень уж незамеченной. Во всей вселенной нашелся один человек, Федор Сологуб, приславший мне приветственное письмо... [95] День за днем я впадал в какое-то уныние, в апатию, говоря иностранным словом. Кончилось все это моей злосчастной поездкой за границу. Я был в Берлине, был в Кельне, ехал по Рейну, заглянул в Голландию, но ничего не видал. Не доехал, например, до Парижа, хотя был совсем близко и была полная возможность; проехал мимо Дрездена и не полюбопытствовал взглянуть на тамошнюю Мадонну... Но не стоит рассказывать подробности.

«Возрождение» начинается с осени 1897 г.— именно со времени моей женитьбы (была ли она причиной или следствием — угадай сам). «Свадебное путешествие» совершали мы в Петербург, потом уехали мы с Цветного бульвара... [96] ах! мой друг, как благодетельно влияет порвать с той обстановкой, где прожил двадцать три года! где все до последнего сту-

* жизнеописание (*лат.*).

ла знакомо мучительно!.. Весною ездили мы в Крым. Я уже был однажды там, но чувствовал его в первый раз теперь — все, и цвет моря, и карабкаться по скалам, и как качается рыбацкая лодка между прибрежными камнями... [97] Остальную часть лета жили под Москвой, и я писал «О искусстве» (не «об») [98].

Недавно вернулись мы вновь из Петербурга. Там на этот раз посещал я всяких поэтов. Мережковский, лежа в постели (он был болен), кричал проклятия, катался и кричал: «Левиафан! Левиафан пошлости!» (Это не обо мне, а о Л. Толстом.) Минский с ехидной усмешкой говорил о моей книге: «Ждешь появления привидения, а входит дядюшка и говорит: здравствуйте!» Иероним Иеронимович Ясинский (красивый и умный зверь) снисходительно похлопывал меня по плечу: «Смело! очень смело». Случевский только спросил обо мне: «Что у него — жена или любовница?» А вокруг копошилась и шумела ватага всех мелких, Сафоновых, Коринфских, Буниных, имена же им ты веси (трое названные, к моему удивлению, «симпатичнее» других); одни из них живут в хоромах, другие на чердаках, одних печатают, других не печатают, но все они бранят друг друга и рассказывают один о другом мерзейшие сплетни.— За десять дней моей жизни в Петербурге перевидал я человек 40 новых лиц, голова у меня пошла кругом и, вернувшись в Москву, я дня два был болен [99].

Теперь, когда минут праздники, отдамся я занятиям историями, ибо намерен сдавать весной государственный экзамен. Из этого видишь, каковы мои отношения к университету. Пока до свидания. Пиши, а если поедете в Петербург, нас не забудьте (я вновь на Цветном, но в иной квартире). «Потомства» у меня нет, а если у тебя есть наследники, оных приветствую, так же как и жену твою, с которой, к сожалению, нам не пришлось познакомиться.

Твой Валерий Брюсов

P. S. Книжку свою пошлю тебе после праздников [100], а из моих стихов посылаю одно, не скажешь ли своего мнения [101].

Валерий Брюсов

Но это не оживило наших отношений.

Весною 1899 г. я получил от него следующее письмо:

ПИСЬМО ‹ВОСЕМНАДЦАТОЕ›

‹Москва. Весна 1899 г.› [102]

И опять извини, друг мой, что пишу после большого перерыва. Я задумал сдать в этом году государственный экзамен в университете и потому совсем погрузился в толстые томы. Императоры, века, народы, религиозные и социальные движения... (Знаешь ли ты, что я историк?) Как относишься ты к пресловутому марксизму? Менее всего можно счесть его за движение ничтожное. У нас в университете — треть (а то и половина) студентов — «экономические матерьялисты». В Петербурге диспут за диспутом. Из «толстых» журналов едва ли не половина полумарксистские («Начало», «Жизнь», «Знамя», отчасти «Мир божий», более «Научное обозрение»... А кстати, что за воспоминания слиты и спаяны с именем «Начало»!). И на Западе марксизм не незаметная величина. Сколько кафедр принадлежит ему. Смелый завоеватель! Особенно в Италии. И старые, «заслуженнейшие» профессора клонятся к нему. Оскар Майер и пр... [103] Нет! надо думать о марксизме. Изучая день за днем, месяц за месяцем книги о истории, историков и летописи, вижу и знаю, что в науке истории — личностей нет и нельзя отказаться от необходимости. Без рока невозможна никакая наука, ибо в науке торжествует причинность. Вот почему в

принципе марксисты правы. И даже далее. Пока наука не указала более рациональной основы исторических событий, как именно марксистская борьба классов за экономические выгоды. Значит ли это, что я их приветствую и сам их? Нет. Ибо давно я отвергаю науку. Что же такого, что по науке необходимо так. Для меня это очень немного. Пожалуй, даже неправда, что науку я отвергаю. Люблю ее, но ей не верю. Марксизм последняя вспышка матерьялизма, ибо прежний научный, но не философский, матерьялизм уже стал невозможен. Недаром Маркс был учеником Гегеля! Но я иным путем пришел к иному и знаю иное, для меня лучшее. Моя партия, конечно, исконный враг тех, я среди крайних идеалистов (в созерцательном смысле). Но «знамени врага отстаивать честь» я готов и буду. Не хочу проклинать. Истин не одна, а много. Пусть даже они противоречат друг другу. Это надо принять и понять. Мне всегда смешно было наше стремление к единству: сил или начал, или истины. Моя мечта — пантеон, храм всех богов. Будем молиться дню и ночи, Митре и Адонису, Христу и Дьяволу [104]. «Я» это такое средоточие, где все различия гаснут, все пределы примиряются. Первая (хотя и низшая) заповедь — любовь к себе и поклонение себе. Ты веришь?

Твой Валерий Брюсов

Странным показалось мне это послание. В то время я находился в центре яростных споров по вопросам, выдвигавшимся левыми журналами. «Начало», «Жизнь» не сходили с моего стола, и слова моего старого друга о возможности примирения в душе Митры и Адониса, Христа и Дьявола — прозвучали для меня как досадный парадокс. Я стоял в схватке, а не вне ее.

Опять прервалась наша переписка.

⟨Осенью⟩ 1899 г. я вспомнил о старом друге, написал ему и даже приложил свои стихи. Какие — забыл, но в памяти моей сохранился неуклюжий отрывок из стихотворения, посланного Брюсову приблизительно в это время. Так как он характерен для взаимоотношений корреспондентов, то я привожу его здесь:

Своей душой ты хочешь мир объять,
Моя — стремится в мире раствориться.
Своею глубиной ты хочешь поражать,
А я хочу с людьми и плакать и молиться [105].

⟨На это письмо Брюсов отвечал:⟩

ПИСЬМО ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

⟨Москва.⟩ Окт. 99.

Ты прав, друг мой, давно пора нам было перемолвиться.

Жизнь моя на время вступает в тихое русло. Прошлый год был очень шумным. Я дважды ездил в Петербург, встретился, познакомился с сотней новых лиц; потом в месяц должен был одолеть лекции четырех лет для «государственных испытаний»; потом уехал отдыхать в Крым, между прочим, бродил несколько дней подряд по горам, убедился, чему прежде не верил, что и в нашем Крыму есть истинно дикие места; потом этой осенью пришлось мне пережить как бы ответные визиты многих из петербургских знакомых, появлявшихся один за другим в утомительной смене. Теперь, кажется, все это кончено; даже многие из московских моих приятелей поразъехались. Я остался один с своими книгами, с раздумьями, с родными улицами и московскими старинными церквами. Все больше отрешаюсь я от современности, все глубже погружаюсь в XVII век [106].

Впрочем, газеты читаю с жадностью. Не знаю как ты, но я был в той международной толпе, которая с трепетом ждала телеграмм из Ренна [107]. Теперь, конечно, не с трепетом, но с великим любопытством ловлю я вести из Южной Африки. Война англичан с бурами — событие первостепенной исторической важности и громадного значения для России. Ведь бороться с Англией на Востоке рано или поздно придется нам, и есть разница, будет ли Англия раньше побита или создаст Южно-Африканские штаты [108].

В близком будущем никаких изданий я не затеваю. Выйдет, может быть, к Рождеству «Книга раздумий», где я, Бальмонт и Ореус. А затем все мое время посвящено «Истории русской лирики», матерьялы для которой набегают отовсюду, наступают, подавляют, потопляют меня. Временами отчаиваюсь, возможно ли их пересоздать в целое... Что до моих стихов, то, конечно, есть много нового, так много, что затрудняюсь выбрать что-нибудь тебе для примера; погоди, пока соберусь издать «Сорола» [109]. В «Жизни» (о которой ты спрашиваешь) я не пишу; известно тебе, что как символист я подлежу всеобщему остракизму. Пока только два изданьица дали мне доступ: стихи мои (которые попроще и поплоше) печатаются иногда в «Южном обозрении» (какая-то одесская газета; я из нее видал только вырезки), а библиографические статьи (о Тютчеве, о Баратынском; из работ по истории лирики) в «Русском архиве». И там, и здесь за полной подписью [110].

«Мир искусства» я видаю и журнал этот люблю. Рисунки Поленовой в последнем № очень замечательны. № о Пушкине был любопытен. Гойя — художник столь великий, что и в плохих воспроизведениях стоит внимания. Небезинтересны были еще рисунки скандинавских художников [111].

Стихи твои, как мне кажется, очень верно передают именно то, что ты хотел. Говоря формулой, они «мне нравятся». Если есть у тебя еще что в стихах — пришли. (Только — о друг мой — умоляю тебя хоть чуть-чуть усовершенствовать свой почерк; а то в письме твоем остались слова, мной не разобранные.)

Литературных новостей и много и мало. Роман Мережковского будет печататься в «Мире божием» [112]. Перцов продолжает собрание статей В. Розанова [113]. Ив. Коневской печатает сборник стихов [114]. «Воскресения» я не читал [115]. Из новых французских поэтов стоят чтения — Verhaeren, Viele Griffin и H. de Regnier. Особенно указываю на первого, на его стихи о современности, о больших городах, о гибнущей деревне, о народе, о улице и палачах...

По прежнему твой Валерий Брюсов

P. S. Откуда узнал ты о статье Бальмонта в «Athenaeum'е» и о упоминании там моего имени? [116]

В начале 1900 года я был в Москве, был у Брюсова и читал ему отрывки из своей драмы «Мрак», написанной под влиянием картины голода в деревне, которую мне пришлось наблюдать. Мы стояли в то время на совершенно непримиримых позициях, но, к моему удивлению, некоторые страницы драмы понравились Брюсову.

Он жил по-прежнему на Цветном бульваре в квартире второго этажа, примыкавшей к старой семейной квартире. Ход в нее был со двора. Невзрачная, пошатнувшаяся деревянная лестница вела в квартиру. В комнатах было чисто, уютно и необыкновенно аккуратно. Большая библиотека новых книг в образцовом порядке была размещена на новых полках, а старый знакомый — отцовский шкаф, с книгами, составленными из «Современника» и «Отечественных записок», оказался сосланным в коридор и на нем стоял старый бюст дедушки Крылова, наблюдавший за нашим

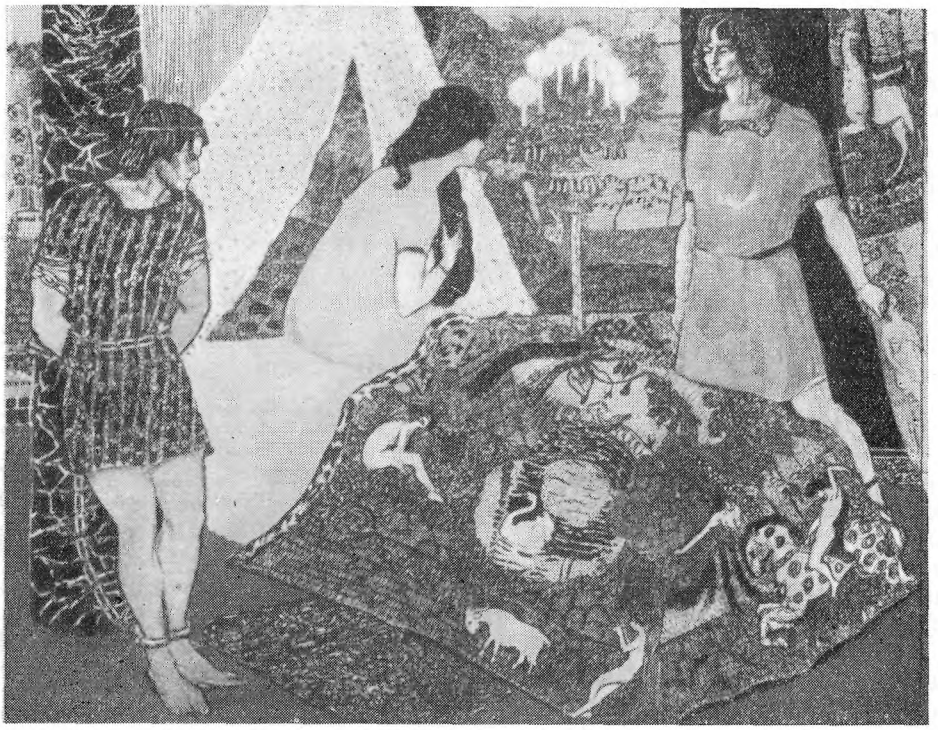


ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СТИХОТВОРЕНИЮ «РАБ» («URBI ET ORBI»)
Акварель А. А. Койранского. 1900-е годы
Мемориальный кабинет Брюсова, Москва

детством и юностью. И на столе и во всем была непривычная мне в доме Брюсовых аккуратность.

Бывая у Брюсовых, я встречался у него с новыми поэтами. Очень поразил меня златокудрый молодой Бальмонт. Он не говорил, а распевал. Он утверждал, что тот не поэт, кто не творит непрерывно. Поэт, по его мнению, не мог писать менее пяти стихотворений в день. Он непрерывно переходил на пение своих стихов. Солнце из окна золотило его кудри. Его так переполняло вино песни, что он не замечал других и лишь минутами снисходил к ним. И этот образ поющей птицы живет до сих пор у меня в памяти со старыми напевами его стихов.

⟨В июле 1900 г.⟩ в «Книжках Недели» появился мой рассказ «Беглец», и я послал его оттиск на Цветной бульвар [117].

ПИСЬМО ДВАДЦАТОЕ

26 июля 900. Ревель.

Друг мой! Получил пересланный мне сюда твой рассказ. Спасибо. Радуюсь всей душой, что ты вступаешь в литературу. Надеюсь (и это не слово только) в будущем читать тебя часто. Что до самого рассказа,— ты знаешь, что он не таков, каких я ищу. Чтó твоя драма, замысел и иные черты которой мне нравились очень? Не могу писать подробней, ибо мы укладываемся и завтра утром пускаемся в обратный путь в Москву.

Твой Валерий Брюсов

Затем наступил долгий перерыв в наших сношениях.

За это время я странствовал по стране, жил одно время в Саратове, затем в Петербурге, а в 1904 г. был призван из запаса в действующую армию и год слишком пробыл в Манчжурии.

Мы встретились с Брюсовым осенью 1906 г. в Москве в Литературном кружке на моем докладе о жизни и творчестве художника В. Э. Борисова-Мусатова.

В этот вечер Брюсов был со мной необыкновенно ласков. В то время я кончал свою книгу «Пережитое (Воспоминания зрителя войны)» и в числе трех эпиграфов взял два у Брюсова и один у Пушкина [118].

Книга эта была послана Брюсову и вызвала две его записки.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

‹Москва. 31 августа 1907 г.›

Дорогой друг!

Благодарю тебя за книгу и за лестность эпиграфов, где я поставлен рядом с Пушкиным. Читаю твои «записки» с большим интересом. Озаботился, чтобы было две рецензии: у нас в «Весах» и в «Столичном утре»,— пришлю тебе обе. Слышал, что твою книгу конфисковали [119]. Глупо. Впрочем, ты напрасно прибавил последние страницы, не очень вытекающие из предыдущего.

Если у тебя есть рассказы или воспоминания, вообще литературный материал, не пришлешь ли для этого «Столичного утра». Оно очень просит и платит исправно.

Хотел бы получить о тебе вести. Где ты? Что ты?

Всегда твой Валерий Брюсов

1907 авг.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

‹Москва. 5 сентября 1907 г.› [120]

Дорогой друг,

шлю тебе первую рецензию из «Столичного утра». Жду отклика на мое предыдущее письмо.

Твой Валерий Брюсов

Когда осенью 1907 года вышел мой «Путевой альбом», я послал его Брюсову [121].

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

‹Москва. 30 октября 1907 г.›

Дорогой друг!

Благодарю за новую книгу. Прочту и сообщу тебе о своем впечатлении. О «Пережитом» отзыв будет в № 10 «Весов». Я было поручил эту твою книгу А. Курсинскому. Но он написал заметку резко отрицательную, с которой я согласиться не мог. Пришлось вернуть рукопись, а книгу поручить другому лицу. Теперь рецензия написана тем же, кто разбирал твою книгу в «Столичном утре» [122].

Кстати: те газеты, в которые я звал тебя (и очень жалею, что ты не откликнулся), волею администрации жизнь свою прекратили [123]. А не примешь ли ты участие в библиографическом отделе наших «Весов», вступающих в пятый год существования? В отдел рассказов не зову пока, потому что там все переполнено, и есть рукописи, давно принятые и ждущие своей очереди по 15 месяцев!— а в то же время мы не можем не давать

первенства рукописям постоянных наших сотрудников, остающихся верными «Скорпиону» уже десять лет. А в области библиографии работа и помощь нужны очень.

Всегда твой Валерий Брюсов

30 окт. 1907.

Но в то время я так был занят своею работой, что не мог откликнуться на приглашение.

Весною 1908 г. мы случайно встретились на Невском и условились на следующий день пообедать вместе в Северной гостинице.

Результатом этой встречи явилась записка:

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

Москва, 17 дек. 1908.

Дорогой друг,

Позволь тебе напомнить, что ты дал обещание писать в «Весы» о художественной жизни Петербурга. Не начнешь ли ты этой работы статьей о «Салоне» С. Маковского? Ты знаешь обычные приемы наших корреспонденций и их размеры.

Все лето провел я в скитаниях по «заграницам». Был опять в Италии, немного в Испании, в разных местах Франции, неизбежном Париже[124]. Как живешь ты?

Твой Валерий Брюсов

Я послал обещанную корреспонденцию, и она была помещена в «Весах»[125].

С той поры мы не переписывались[126] и не видались.

Много лет спустя, в марте 1917 года, я был в Москве и меня потянуло повидаться с другом былых лет. Я узнал его не значащийся в справочной книжке телефон, и мы условились, что я зайду к нему на Мещанскую улицу завтра.

Внимательно разглядывали мы друг друга. Мы не были стариками, нам было по 43—44 года, но уже сильно надорваны жизнью. О прежних спорах не было и речи. Чуждые в первую минуту, мы быстро согрелись и обменялись далекими воспоминаниями, такими мелкими, никому не нужными и имеющими значение только для нас. Расставаясь, мы крепко пожали друг другу руки.

Больше нам не довелось повидаться.

‹1925›

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дом Е. Н. Самариной, уцелевший при пожаре 1812 г., находился на углу Петровки и Богословского переулка (ныне ул. Москвина); по современной нумерации — д. № 25 по Петровке. Гимназия Креймана размещалась в нем в 1871—1905 гг.

[2] Половина воспитанников гимназии «принадлежала к дворянству, другая— к другим сословиям, более или менее обеспеченным материально» («Двадцатипятилетие Московской частной гимназии Фр. И. Креймана». М., 1884, стр. 40).

[3] Франц Иванович *Крейман* (1828—1902) открыл в Москве частную школу в 1858 г. В 1865 г. она была преобразована в частную гимназию (там же, стр. 1, 5).

[4] В 1885 г. театр Ф. А. Корша (основан в 1882 г.) переехал из наемного помещения в собственное здание в Богословском переулке (ныне филиал МХАТ).

[5] Юрий Францевич *Виппер* (1824—1891) преподавал в гимназии Креймана в 1859—1891 гг. сначала математику и физику, позднее — географию. «Живой, веселый, с детски-чистою улыбкою на устах, с увлечением объясняющий и рассказывающий нам,— вот в каком виде рисуется мне худощавая, нервная фигура Юрия Францевича. Разносторонняя начитанность по всем отраслям знания, изумительная память, неистощимое остроумие, находчивость и замечательный дар слова Ю. Ф. одинаково пора-

жали. Уроки Ю. Ф. Виппера были истинным праздником для нас» (Гр. Д-в. Памяти Ю. Ф. Виппера.— «Русские ведомости», 1891, № 114, 28 апреля). См. также *Из моей жизни*, стр. 32.

[6] Август Львович *Линде* (?—1910) — автор «стихотворных драм», изданных в России на немецком языке («Gudrun». М., 1887) и в русском переводе («Слепой». СПб., 1891); в 1862—1887 гг. — воспитатель и преподаватель немецкого языка в гимназии Креймана. См. о нем: *Из моей жизни*, стр. 31—32.

[7] Федор Иванович *Брюккер* — в 1868—1909 гг. воспитатель и преподаватель немецкого языка в гимназии Креймана. В адресе Брюккеру в связи с 25-летием его педагогической деятельности говорилось: «Для школы вы были находкой: ваше специальное медицинское образование было истинным сокровищем, и только одна школа знает, во скольких трудных минутах ее жизни вы явились и утешителем и помощником...» («Отчет об-ва бывших учеников Московской частной гимназии Фр. Креймана за девятый отчетный год 1892—1893». М., 1895, стр. 8).

[8] О Н. А. фон Фолькмане см.: *Из моей жизни*, стр. 28, 29.

[9] Сорок процентов всех уроков в гимназии Креймана составляли латинский и греческий языки («Двадцатипятилетие Московской частной гимназии...», стр. 47). О постановках произведений древнегреческих и римских авторов силами учеников старших классов см.: «Годичный отчет Московской частной гимназии Фр. Креймана за 1890—1891 учебный год». М., 1892, стр. 45—46.

[10] В 1885 г. Брюсов поступил сразу во второй класс (*Из моей жизни*, стр. 27).

[11] Сохранилось 11 номеров «Начала» за 1886—1887 гг.,— № 9—16 (ИРЛИ, ф.444, ед. хр. 79) и № 1, 2, 17 (Ереванский гос. педагогический институт, кабинет изучения творчества Брюсова). Об их содержании см.: Н. К. Гудзий. Юношеское творчество Брюсова. — *ЛН*, т. 27-28, стр. 231—232. О значении «Начала» в творческой биографии Брюсова см.: *Из моей жизни*, стр. 34—35.

[12] О первом знакомстве с творчеством Эдгара По см. в незавершенной автобиографической повести Брюсова «Так начинались стихи...» («Литературная Россия», 1973, 14 декабря, № 50).

[13] Об увлечении Брюсова Жюль Верном см.: *Из моей жизни*, стр. 18.

[14] О воспитании материалистических взглядов в семье Брюсовых см.: *Автобиография*, стр. 102—103; *Из моей жизни*, стр. 47; *Валерию Брюсову*, стр. 55.

[15] Об этом случае Брюсов рассказывает несколько иначе (*Из моей жизни*, стр. 49). Жалоба законоучителя Н. А. Сергиевского (преподавал в гимназии Креймана в 1875—1892 гг.) на то, что Брюсов распространяет среди товарищей «атеистические идеи», сыграла свою роль в его вынужденном уходе из гимназии (*Автобиография*, стр. 106).

[16] Стихотворение «Австралия», написанное 25 февраля 1884 г. (ГБЛ, ф. 386, 14.1, л. 9 об.— 10). Первые стихи Брюсова («Соловей») относятся к 1881 г. (там же, л. 6; Н. К. Гудзий. Указ. ст., стр. 202).

[17] Чтение Корнелия Непота (римский историк, автор жизнеописаний знаменитых людей, I в. до н.э.) входило в программу III класса гимназии Креймана («Двадцатипятилетие Московской частной гимназии...», стр. 55).

[18] Стихотворение «Мир» впервые напечатано в *UO*.

[19] Драчевка (ныне — Трубная ул., ранее — Грачевка) была средоточием публичных домов. Ее название, по-видимому, связано с близлежащей церковью св. Николая «в Драчах» (т. е. на месте, заросшем травой); в то же время оно отражает буйные нравы посетителей этого района старой Москвы (А. Мартынов. Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями. М., 1888, стр. 56—57).

[20] В доме № 22 (по современной нумерации) на Цветном бульваре Брюсов жил до сентября 1910 года. Описание его см.: А. Измайлов. Литературный Олимп. М., 1911, стр. 387.

[21] См.: *Автобиография*, стр. 104—105.

[22] Отец поэта — Яков Кузьмич *Брюсов* (1848—1907); о нем см.: *Из моей жизни*, стр. 10—11; *Автобиография*, стр. 102.

[23] Дед поэта — Кузьма Андреевич *Брюсов* (1808—1891); о нем см.: *Из моей жизни*, стр. 9—10; *Автобиография*, стр. 101.

[24] Мать поэта — Матрена Александровна *Брюсова*, урожденная Бакулина (1846—1920); о ней см.: *Из моей жизни*, стр. 11—12; И. Брюсова. Материалы к биографии Валерия Брюсова (в кн.: *Избр. стихи*, *1933*, стр. 119).

[25] Все три сестры поэта — Надежда, Лидия и Евгения учились музыке. О Н. Я. Брюсовой см. наст. том, стр. 679.

[26] Николай Брюсов умер весной 1887 г. от воспаления мозга в десятилетнем возрасте.

[27] Н. А. Эйхенвальд (см. о нем: *Дневники*, стр. 3—6, 10; *Из моей жизни*, стр. 54—55, 62, 64, 72) принадлежал к компании «любителей кутежей», с которой Брюсов одно время сблизился после ухода Станюковича из гимназии (*Автобиография*, стр. 105).

[28] Об А. А. Ланге (Миропольском) см. наст. том, стр. 373.

[29] Историю ухода Брюсова из гимназии Креймана (1889) см.: *Автобиография*, стр. 105—106; *Из моей жизни*, стр. 51—54. Осенью 1890 г. Брюсов поступил в

VI класс частной гимназии Поливанова (находилась на Пречистенке — ныне ул. Кропоткина, д. 32). Лев Иванович *Поливанов* (1838—1899) — директор гимназии, пушкинист, учредитель Шекспировского кружка, переводчик — «вложил в свою школу живую душу, поднял и удержал эту школу выше обычной казенности и умел зажигать в своих воспитанниках искры того огня, который горел в нем самом» (Вл. Соловьев. Л. И. Поливанов.— Сб. «Памяти Л. И. Поливанова». М., 1909, стр. 7). Особенностью его гимназии являлось глубокое изучение литературы.

[30] Скорее всего эти отзывы были юношеской бравадой. Ср., например, воспоминания о преподавателе латыни В. Г. Аппельроте (*Из моей жизни*, стр. 69).

[31] В юности Брюсов посещал скачки, сочинял о них стихотворные отчеты (ГБЛ, ф. 386, 14.1, л. 15, 44—45; *Из моей жизни*, стр. 50—51, 113). Об этом его увлечении вспоминает В. А. Гиляровский («Друзья и встречи». М., 1934, стр. 79), в журнале которого «Листок объявлений и спорта» была напечатана статья Брюсова о скачках — «Немного математики» (1891, № 13); ей предшествовала заметка «Несколько слов о тотализаторе» («Русский спорт», 1889, № 37, стр. 582—583).

[32] Цезарь Павлович *Балталон* (1855—1913) — преподаватель литературы и психолог. Свои педагогические идеи изложил в книге: «Хрестоматическая система и новые методы». СПб.—Варшава, 1914. Большой популярностью пользовалось его «Пособие для литературных бесед и письменных работ. Вопросы для изучения произведений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, гр. Л. Толстого, Островского, Шекспира». М., 1891.

[33] «Из жизни медленной и вялой // Я сделал трепет без конца» (из стихотворения «Золото» — *TV*).

[34] Поэма Н. М. Минского «Гефсиманская ночь» была запрещена Комитетом духовной цензуры в 1884 г. Впервые опубликована (под заглавием «Искушение»): «Пушкинский сборник (в память столетия со дня рождения поэта)». СПб., 1899.

[35] В начале 900-х годов Брюсов писал К. М. Фофанову: «Никому из поэтов не обязан я так много за часы восторга и радости, как вам» (К. М. Фофанов. Стихотворения и поэмы. М.— Л., 1962, стр. 36).

[36] Д. Мережковский. Вера. Повесть в стихах (*РМ*, 1890, № 3—4).

[37] Вероятно, Станюкович не совсем точно передал суть спора. В теоретических работах Брюсов иначе формулировал свой взгляд на проблему типического в искусстве: «Единственный признак истинного искусства — своеобразие»,— писал он в конце 1890-х годов (*О искусстве*, стр. 14); позднее, прилагая этот тезис к поэзии символизма, Брюсов отмечал как высшее достижение «нового искусства» тот факт, что оно «все смелее и смелее уходя в мир личных, индивидуальных чувствований, ощущений мгновения <...>, порывает навсегда и решительно с призраком типичности» («Ключи тайн». — «Весы», 1904, № 1, стр. 12).

[38] О брошюре Ц. П. Балталона см. примеч. 32. Одна из первых бесед (в ней участвовали Станюкович и П. М. Пильский) состоялась 12 октября 1891 г. (*Дневники*, стр. 3). Пильский вспоминает об этих беседах: «Мы мечтали о многом, фантазировали, опрокидывали вчерашний день, строили воздушные замки будущего, затевали, горели, спорили... О, как много горели! О, как много и горячо препирались! О чем только не мечтали, чего только не собирались сделать! Как увлекались искусством диалектики! Все мы будто готовились в литературные прокуроры. Еще бы! На скамье приговоренных нами сидела вся последняя литература той современности, вся журналистика, все ежемесячники того тихого, того страшного времени!..» (журн. «Мансарда». Рига, 1931, № 5-6, стр. 23—24).

[39] В этом «драматическом этюде» (ГБЛ, ф. 386. 28.4) три действующих лица (см. наст. том, илл. на стр. 727). Пьеса посвящена Н. А. Раевской (Дарузес).

[40] Ц. Балталон. Наблюдения и опыты по эстетике зрительных восприятий.— «Вопросы философии и психологии», 1900, № 55.

[41] Н. К. Михайловский. Литература и жизнь (*РМ*, 1893, № 1, 4). О роли, которую с 1893 г. играл в пропаганде символизма «Северный вестник», см.: Л. Гуревич. История «Северного вестника».— «Русская литература XX века». 1890—1910. Под ред. С. А. Венгерова, т. I. М., 1914, стр. 248, 252—257; П. В. Куприянов ский. Поэты-символисты в журнале «Северный вестник» (в сб.: «Русская советская поэзия и стиховедение». М., 1969); его же. Из истории раннего русского символизма (в его же кн.: «Сквозь время». Ярославль, 1972).

[42] «La Plume» — литературно-художественный журнал; выходил в Париже в 1889—1904 гг. В первые годы своего существования ставил задачей ознакомить читателей со всеми направлениями современной литературы.

[43] В архиве Станюковича сохранилась машинописная копия «драматического этюда» «Каракалла» с цензурным разрешением «к представлению» от 17 ноября 1893 г. (Гос. Русский музей, секция рукописей, ф. 27, ед. хр. 95). Автографы — в ГБЛ (ф. 386, 28.2—3).

[44] Ответ на письмо Станюковича (октябрь 1894 г.).— ГБЛ, ф. 386. 103.49, л. 1—2.

[45] «Всемирная иллюстрация» поместила рецензию Пл. К. (П. И. Краснова) об *РС—2* (1894, № 1346, 12 ноября). Ссылаясь на свой отзыв о первой книге «домерощен-

ных декадентов» (*РС—1*), в котором отмечались «их претензия быть оригинальными и недостаток в них таланта» (там же, 1894, № 1319, 7 мая), рецензент утверждал: «...общее впечатление от настоящего выпуска остается прежнее». Анонимный критик «Недели», снисходительно отозвавшись о «неглупой, но отнюдь не оригинальной статье» Брюсова, замечал, что стихи, составляющие сборник, писать «вовсе нетрудно, если только освободиться от цензуры здравого смысла» (1894, № 48, 27 ноября).

[46] Обзор полученных Брюсовым писем со стихами «новых символистов» см.: *Ашукин*, стр. 82—89. Иван Осипович *Лялечкин* (1870—1895) — поэт-самоучка, член «Суриковского кружка». Его стихотворение, упомянутое ниже («Незабудки, васильки...»— «Север», 1893, № 33; затем — сб. «Молодая поэзия». СПб., 1895), оказалось в центре внимания критики, «став каким-то символом «бесполезного» ‹...› искусства» (*Перцов*, стр. 174). После выхода *РС—2* он писал Брюсову: «От души желаю примкнуть к вашему кружку» (*Ашукин*, стр. 68). Брюсов ценил его стихи и возлагал на него большие надежды (*Письма Перцову*, стр. 5—10; *Перцов*, стр. 173—175), однако личное знакомство их не состоялось. Стихотворение Брюсова «На смерть Лялечкина» вошло во второе изд. *TV* (*Пути и перепутья*, *I*).

[47] Знакомство с К. Д. Бальмонтом состоялось в конце сентября 1894 г. (*Дневники*, стр. 19). Возможно, что «Сказки луны и солнца» — первоначальное название сборника Бальмонта «В безбрежности» (М., 1895), куда вошло стихотворение «Первая любовь». Стихотворение «Клеопатра» (под названием «Камея») включено в сб. «Тишина» (М., 1898). Переводы Бальмонта см.: Эдг. По. Баллады и фантазии. Перевод с англ. и с предисловием К. Бальмонта. М., 1895.

[48] О студенческом «Обществе любителей западной литературы» см.: *Автобиография*, стр. 111.

[49] Эта книга (Поль Верлен. Романсы без слов. Перевод Валерия Брюсова. М., 1894) была разрешена цензурой 11 ноября 1894 г.

[50] В 1894 г. Брюсов писал романы «Грани» и «Медиум» (*Дневники*, стр. 17). Оба романа не были закончены.

[51] «Васантасена» — индийская драма (автор — полулегендарный царь Шудрака); в 1894 г. была поставлена театром Корша (переделка немецкого драматурга Эмиля Поля, перевод Иванова-Афанасьева). В печати отмечалось, что Поль исказил оригинал и «от далекой архаической Индии осталось очень немного» («Новости дня», 1894, № 4075, 17 октября).

[52] «Стихотворения Бодлера» (М., 1895; в действительности книга вышла в конце 1894 г.) — первое издание стихов Бодлера на русском языке. Переводчик (поэт-народоволец П. Ф. Якубович) находился в это время на каторге; имя его в этом издании не было указано.

[53] Франц *Эверс* (1871—1947) — немецкий писатель-символист, «поэт-мистик», как охарактеризовал его Брюсов в письме к Бунину от 28 марта 1899 г. (см. *ЛН*, т. 84, кн. 1, стр. 443. В примечаниях к этому письму отзыв Брюсова по ошибке отнесен к другому немецкому писателю — прозаику Эрнсту Эдуарду Эверсу). Брюсов переводил его стихи («Южное обозрение», 1899, № 815, 21 мая). В восторженной оценке Эверса проявилась юношеская страсть Брюсова «открывать необыкновенных литературных гениев, которые уже в ранней юности затмевали Шекспира и Гете (ср., например, ‹...› сообщение о каком-то Франце Эверсе)» (*Перцов*, стр. 252).

[54] Василий Львович *Величко* (1860—1904) — популярный в 1890-е годы поэт, удостоенный Грибоедовской премии Академии наук. В цикле «Миниатюр», посвященных той части молодой поэзии, которая противопоставляла себя школе символизма (1895), Брюсов рассматривал Величко как наиболее типичного ее представителя: «Что не идет вперед, то регрессирует. Горе тому, кто медлит на последней ступени. Вот в чем вся болезнь нашей поэзии, и мы возьмем пример, где она особенно резко сказывается. Это — г. Величко» (ГБЛ, ф. 386.2.20, л. 6 об.).

[55] Брюсов вспоминал о газетной шумихе по поводу *РС*: «Посыпались десятки, а может быть, и сотни рецензий, заметок, пародий, и, наконец, их высмеял Вл. Соловьев, тем самым сделавший маленьких начинающих поэтов, и прежде всего меня, известными широким кругам читателей. Имя «Валерий Брюсов» вдруг сделалось популярным,— конечно, в писательской среде,— и чуть ли не нарицательным» (*Автобиография*, стр. 109). Рецензии Вл. Соловьева на *РС* печатались в «Вестнике Европы» (1894, № 8; 1895, № 1 и 10; см. также: *Ашукин*, стр. 56—59, 63—67, 76—82).

[56] «Предчувствие» (*ChdO*); первая редакция, написанная 25 ноября 1894 г.

[57] К этому времени были написаны поэмы «Осенний день» (25 сентября 1894 г.— *ChdO*), «Снега» (25—29 ноября 1894 г.— *ChdO*), «Идеал» (16 декабря 1894 г.— *MEEs*) и, вероятно, «Встреча после разлуки» (‹1894› — *ПСС*, т. I).

[58] Владимир Максимович *Фриче* (1870—1929) — товарищ Брюсова по университету, участник студенческого «Общества любителей западной литературы», впоследствии марксистский критик и литературовед. Ему посвящено стихотворение «Ученый» (*РС—3*).

[59] Тяжело больной Верлен не ответил на письмо Брюсова.

[60] «Любовь к Надсону навеял мне мой первый сотоварищ по поэзии В. К. Станюкович»,— вспоминал Брюсов (*Из моей жизни*, стр. 73). Безоговорочное поклонение

длилось почти пять лет (там же, стр. 73—75; Н. К. Гудзий. Указ. ст., стр. 205—206, 215). В 1892 г. Брюсов написал статью о Надсоне, в которой указывал на ходульность его образов и плохую технику стиха (там же, стр. 235). В 1895 г. Брюсов оценивал Надсона уже исключительно с точки зрения его «*исторического* значения», отдавая должное его роли в процессе «постепенного освобождения субъективизма» в русской поэзии (*Письма Перцову*, стр. 10). Поэзию Некрасова Брюсов всегда ценил очень высоко (см. его статью «Н. А. Некрасов как поэт города» и примеч. к ней Н. С. Ашукина (*Избр. соч. 1955*, т. 2; см. также *Автобиография*, стр. 103, 107).

[61] Из стихотворения «Океан», написанного 2 января 1895 г. (*Неизд. стихотв. 1935*, стр. 174).

[62] В письме без даты, на которое отвечает Брюсов, Станюкович сообщал: «Читаю я очень много и, конечно, все более и более удаляюсь от твоей дорожки, т. е. от символизма. Теперь засел за Бокля, [Канта] ‹...› и читаю без конца, твердо веря, что надо выработать «всестороннее» мировоззрение» (ГБЛ, ф. 386. 103.49, л. 8 об.).

[63] По-видимому. *РС*—3 и *ChdO I* (разрешены цензурой 26 апреля и 2 мая 1895 г.).

[64] Стихотворения Д. С. Мережковского «Леда», «Зимний вечер» (Брюсов называет его «Проклятая луна») и «Леонардо да Винчи» опубликованы в «Северном вестнике» (1895, № 3—5); там же печатался роман «Отверженный» (впоследствии — «Юлиан Отступник») — первая часть трилогии «Христос и Антихрист». Георг Мориц *Эберс* (1837—1898) — немецкий ученый и писатель; его исторические романы из жизни древнего Египта отличались занимательностью и были очень популярны. Трагедия Ибсена — «Кесарь и Галилеянин» (1873).

[65] По-видимому, книга Г.-Т. Бокля «История цивилизации в Англии» сохранилась в библиотеке отца Брюсова (в 1868—1874 гг. она неоднократно переиздавалась в русском переводе; новое издание вышло в 1895—1896 гг.).

[66] В гимназические годы Брюсов увлекался философией Спинозы (*Из моей жизни*, стр. 121), в университете он серьезно занялся Лейбницем, изучал Канта; 25 июля 1895 г. он записал: «За Канта я взялся, как за откровение, но он более чем разочаровал меня»(ГБЛ, ф. 386. 1. 13, л. 13).

[67] Во время пребывания в Московском университете Брюсов несколько раз переходил с одного отделения историко-филологического факультета на другое; на классическом отделении он был в 1895/1896 учебном году (ЦГАЛИ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 1, л. 20).

[68] Предисловие к первому изданию *ChdO* см.: *Собр. соч.*, т. 1, стр. 572. Об отношении к этой книге со стороны друзей Брюсова см.: *Дневники*, стр. 22. П. С. Коган (о нем см. наст. том, стр. 709) был в то время студентом Московского университета.

[69] Эпизод в университете произошел 11 сентября 1895 г. (*Дневники*, стр. 22). Отклики прессы на первое издание *ChdO* см.: *Ашукин*, стр. 95—103.

[70] Первый сборник стихов А. Добролюбова —«Natura naturans. Natura naturata». СПб., 1895.

[71] Запрещенные в России книги Л. Н. Толстого «В чем моя вера» (Женева, 1892) и «Царство божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание» (Берлин, 1894) Брюсов получил от А. А. Курсинского (*Дневники*, стр. 22), который был репетитором сына Л. Н. Толстого Михаила.

[72] По-видимому, незаконченная работа «Русская поэзия в ‹18›95 году» (ГБЛ, ф. 386. 6. 1б)— «сборник заметок, не столько критических, сколько полемических, скорее мысли по поводу новейших произведений наших поэтов, чем об них» (*Письма Перцову*, стр. 32).

[73] Датируется по времени посылки Станюковичу первого издания *ChdO* и *РС—3* (см. п. 6), вызвавших с его стороны «негодующее письмо», на которое отвечает Брюсов. В этом письме (без даты) Станюкович писал (курсивом отмечены обвинения, особенно задевшие Брюсова): «*...по-моему, «символизм», представителем которого являются эти две книжки, дошел в них до Геркулесовых столбов нелепицы* ‹...› Прочитавши твое предисловие, я проникнулся искренним желанием вступить с тобою в душевное общение, но, несмотря на это, ничего не вышло,— *какие-то странные обрывки мысл'й, в целом не связанных между собою ничем, кроме любовного похождения. Да и похождение не оригинально* ‹...› И потом, о мой милый друг! Ты, который так высоко стоишь за звучность и гладкость стиха, который так обрабатывает свои стихи,— позволяешь себе подобные вольности:

...по *брызгам янтаря* (*?*)
...всплески волн чуть долетали с воли
...Беспечно видеть твои черты
...*Фонарей* золотилось *кольцо* ‹...›

А в общем — *сумбур и набор слов*, который может об'яснить только один лишь автор этих ребусов ‹...› Нет, не понимаю я вас, хоть убей, и *ваша лирика не возбуждает во мне ни мысли, ни чувства, не дает никакого настроения. Не скажу то же про Верлена и про Бодлера, которых я прочел.* Я не согласен с ними во многом, но *их поэзия жива и естественна и могуча* ‹...› Пускай книга, которую ты завещаешь

вечности и какому-то отрешенному от нашей жизни искусству, канет в вечность, а ты *«помедли здесь, на этом пепелище»* и пиши не символистические, а простые стихи. А лучше было бы бросить и это и приняться за что-нибудь более существенное <...>» (*ГБЛ*, ф. 386, 103. 49, л 11—12 об.).

[74] Из стихотворения «Одиночество» (К. Ф о ф а н о в. Стихотворения. СПб., 1889, стр. 40 .

[75] Написано в апреле 1887 г. (ГБЛ. ф. 386. 14.1, л. 13—13 об).

[76] Из стихотворений «Анатолий» и «Фантом», опубликованных в первом издании *ChdO*. Во второе издание «Фантом» не вошел.

[77] «Звезда»— еженедельный художественно-литературный журнал (СПб., 1886—1905). 13 октября 1895 г. Брюсов писал: «...г. А. Б. («Мир божий», 10), как и г. З. («Звезда», 39) выдвигает новый способ критики против нас: символизм — вещь сносная, но русские символисты никуда не годятся» (*Письма Перцову*, стр. 45).

[78] Т. е. письмо 7.

[79] Это и следующее стихотворения вошли в *MEEs*.

[80] Это путешествие Брюсов совершил в апреле 1896 г.

[81] Брюсов выехал из Москвы 9 июня 1896 г. (на это число приходилось первое после 3 июня воскресенье — см. п. 9); в Харькове он был в понедельник, т. е. 10 июня.

[82] В поезде Брюсов познакомился с С. Г. Судейкиной. Ей посвящено стихотворение «Лепесток отцветающей розы...» (*MEEs*; см. *Собр. соч.*, т. 1, стр. 113, 584).

[83] То же самое, включая цитату из Пушкина («Отрывки из «Путешествия Онегина»), Брюсов повторил 19 июля 1896 г. (*Письма Перцову*, стр. 77). 12 июня написано стихотворение «Четкие линии гор...» (*MEEs*) — о «бессилии» природы «перед мечтой»; однако, по признанию Брюсова, он, готовый «уступить» обаянию природы, писал подобные стихи главным образом «в угоду своим эстетическим теориям» (В. Б р ю с о в. Детские и юношеские воспоминания.—«Новый мир», 1926, № 12, стр. 118).

[84] Имеется несколько редакций предисловия к незаконченной «Истории русской лирики» (ГБЛ, ф. 386. 41. 1—32).

[85] 2 июля 1896 г. Станюкович возражал против «теории» символизма, изложенной в п. 11. По поводу второго издания *ChdO* он писал: «Новые шедевры лучше старых, хотя в ущерб символизму, т. к. многие стихотворения обладают жизненностью не только образов, но и построений и идей. Право, друг мой, нечего вести борьбу с жизнью и отрешаться от нее. Так или иначе — она захватывает тебя и требует настоятельных ответов на вопросы» (ГБЛ, ф. 386. 103. 49, л. 16 об.).

[86] «Хорошая вещь»,— писал Станюкович Брюсову (там же) о стихотворении Минского «Столпотворение» (Н. М и н с к и й. Стихотворения. СПб., 1896).

[87] Написано 15 июля 1896 г. и вошло в *MEEs*; посвящено А. Я. Браиловскому, с которым Брюсов познакомился в Пятигорске (*Дневники*, стр. 24—25; 154; см. также *Собр. соч.*, т. 1, стр. 581).

[88] В недатированном ответе на п. 12 Станюкович, процитировав второй абзац из п. 4, продолжал (курсивом отмечены слова, особенно задевшие Брюсова): «В этом-то и коренится наша разноголосица <...> *Ты выдумываешь (это слово ты сам подчеркнул) подобие борьбы*, тогда как у меня она является не придуманной, а насущною <...> Я требую от поэзии жизненности: объективности, образности, типичности — ты это отрицаешь, и *видишь в поэте пророка только грядущее — область поэта), занятого самообожанием* и неизвестно для чего (бесцельно) влюбленного в искусство. Образ неясный, как и сам символизм. Поэтому я не могу согласиться с твоим profession de foi». «Я не чувствовал до сих пор отсутствия доверия к тебе <...>,— отвечал он на сожаления Брюсова об утрате «взаимного доверия» (см. п. 12).— Меня, правда, порою брало сомнение: <...> как человек, написавший какую бы то ни было хорошую книгу, назовет ее шедеврами и посвятит ее искусству и вечности. *Ты сам, помнится, довольно иронически относился к этому*». И далее определял свое отношение к символизму: *«Это вовсе не поэзия будущего, а гастрономическая забава обеспеченных и пресыщенных людей, не имеющих дела»* (ГБЛ, ф. 386. 103. 49, л. 17—18).

[89] Об откликах на *ChdO 1* см.: *Автобиография*, стр. 110; *Дневники*, стр. 22; *Ашукин*, стр. 99—103.

[90] О стихотворении «Последние слова» (*MEEs*) см.: *Собр. соч.*, т. 1, стр. 586.

[91] Рукопись *MEEs* Брюсов послал А. А. Лангу в июле 1896 г. (ЦГАЛИ, ф. 56, оп. 2, ед. хр. 10). Сборник вышел в декабре 1896 г.

[92] Неточная цитата из письма Ф. И. Тютчева И. С. Гагарину (*РА*, 1879, № 5, стр. 119).

[93] Летом 1897 г. Брюсов намеревался совершить поездку по Западной Европе, но вернулся раньше намеченного срока. С 1 по 14 июня (н. ст.) он побывал в Германии и Голландии, но в Брюссель не поехал.

[94] О ссоре Брюсова с друзьями после выхода второго издания *ChdO* см.: *Письма Перцову*, стр. 72—73.

[95] Это письмо неизвестно. 9 ноября 1903 г. Федор Сологуб писал Брюсову по поводу *UO*: «Как все это хорошо,— и как все верно началу, тому, что было несколько лет перед этим,— и какое великолепное развитие! В той радости, с которою я вас

читаю, есть нечто эгоистическое, потому что с ваших первых книжек я ждал от вас многого, — и дождаться приятно» (ГБЛ, ф. 386. 103. 25).

[96] Зиму 1897—1898 гг. Брюсовы жили в меблированных комнатах «Тулон» на Б. Дмитровке.

[97] Брюсов вспоминал об этой поездке: «Мое пренебрежение к природе с меня, как сказали бы люди положительные, «соскочило», и я уже не мешал своим глазам радоваться всей пестроте далей, расстилаемых горными склонами; слуху — упиваться шумом моря». («Детские и юношеские воспоминания».—«Новый мир», 1926, № 12, стр. 120).

[98] Особенность орфографии Брюсова: «Л. И. Поливанов уверил меня, что предлог «об» ставится только перед местоимениями» (*Автобиография*, стр. 110).

[99] О поездке в Петербург 8—14 декабря 1898 г. и встречах с литераторами, упоминаемыми в п. 17, см.: *Дневники*, стр. 53—58.

[100] 18 января 1899 г. Станюкович благодарил Брюсова за присылку брошюры *О искусстве* (ГБЛ, ф. 386. 103. 39, л. 22).

[101] К письму приложен автограф стихотворения «На новый колокол»; см. о нем: *Собр. соч.*, т. 1, стр. 608—609.

[102] Год устанавливается по содержанию: упомянутый ниже орган легальных марксистов «Начало» издавался в январе — июне 1899 г. Как видно из этого письма, Брюсов был хорошо знаком с содержанием этого журнала, а также с журналами «Жизнь», «Мир божий» и «Научное обозрение», в которых в 1899 г. печатались работы В. И. Ленина.

[103] По-видимому, Брюсов имел в виду Эдуарда Майера (1855—1930) — немецкого историка, профессора университета в Галле. Представитель теории циклизма, согласно которой история человечества развивается внутри повторяющихся замкнутых циклов, Майер изложил ее основные положения в брошюре «Экономическое развитие древнего мира» (1896). В записной тетради Брюсова (осень 1898 г.) сохранилась неопубликованная рецензия на эту книгу, интересную «не только для познания древности, но и исторического развития вообще» (ГБЛ, ф. 386. 3.21, л. 40—41 об.). Тот факт, что Брюсов сближал с марксизмом глубоко чуждую ему антиисторическую концепцию Майера, свидетельствует о том, что в конце 1890-х годов он еще смутно представлял себе сущность марксистской теории исторического развития общества. Вероятно, его заблуждение опиралось на «модернизм» Майера, широко применявшего термины политической экономии капитализма к явлениям древнего мира.

[104] В начале 1899 г. мысль о множественности истин увлекала Брюсова (*Дневники*, стр. 61; *ЛН*, т. 84, кн. 1, стр. 442). Впоследствии он развил ее в статье «Истины» (*СЦ — 1901*, стр. 127).

[105] Из более позднего стихотворного письма Станюковича (24 декабря 1899 г.) по поводу его неопубликованной драмы «Мрак» (см. о ней наст. том, стр. 748) и *Книги раздумий* (вышла 6 ноября 1899 г.).

[106] Брюсов хотел начать «Историю русской лирики» очерком о культуре Москвы XVII в. (Е. Н. Коншина. Творческое наследие В. Я. Брюсова в его архиве.— Гос. б-ка им. В. И. Ленина. Записки отдела рукописей, вып. 25. М., 1962, стр. 119—120).

[107] В г. Ренне (Франция) в августе 1899 г. происходило вторичное рассмотрение дела Дрейфуса.

[108] Освободительная борьба Трансвааля против Великобритании (1899—1902) закончилась победой англичан.

[109] Замысел этого сборника стихов не был осуществлен.

[110] О публикации переводов Брюсова в «Южном обозрении» см.: *ЛН*, т. 84, кн. 1, стр. 423, 441, 444. Сотрудничество его в *РА* началось статьей «О собрании сочинений Ф. Тютчева» (1898, № 11).

[111] В посвященном памяти художницы Е. Д. Поленовой номере журнала «Мир искусства» (1899, № 18-19) воспроизведены ее работы (рисунки на темы русских сказок, эскизы вышивок и обоев, выполненные в русском народном стиле). В июньском номере, посвященном столетию со дня рождения Пушкина, напечатаны статьи В. Розанова, Мережковского, Минского и Сологуба (1899, № 13-14). Офорты Гойи из серии «Каприччос» иллюстрируют статью Бальмонта «Поэзия ужаса» (№ 11-12). Рисунки норвежских художников Э. Веренскиольда и Ф. Таулоу опубликованы в номерах 1, 2 и 6.

[112] Роман Мережковского «Воскресшие боги» («Леонардо да Винчи») см.: «Мир божий», 1900, №1—12.

[113] В издании П. П. Перцова вышли книги В. В. Розанова «Литературные очерки» (СПб., 1899) и «Природа и история» (СПб., 1900).

[114] Ив. Коневской. Мечты и думы. СПб., 1900.

[115] «Воскресение» Л. Н. Толстого печаталось в 1899 г. в журн. «Нива». Прочитав его в январе 1900 г., Брюсов записал: «Хорошо, несомненно. Это свод всего, что в разное время Толстой говорил, его завещание» (*Дневники*, стр. 80).

[116] В обзоре русской литературы для английского журнала «Athenaeum» (1 июля 1899 г., № 3740, стр. 26) Бальмонт отрицательно отозвался о «Воскресении» и сочувственно упомянул книгу «оригинального писателя» Брюсова «О искусстве». Этот отзыв цитирует анонимный автор статьи «Толстой в Англии» («Южное обозрение», 1899, 2 августа, № 882).

[117] Оттиск рассказа «Беглец» («Книжки Недели», 1900, № 7) в архиве Брюсова не сохранился.

[118] Эпиграфы к книге «Пережитое. Записки зрителя войны» (СПб., 1907) взяты из «Истории Пугачева» Пушкина, а также из *St* («Гребцы триремы» и «На Новый 1905 год»).

[119] 8 сентября 1907 г. Станюкович писал Брюсову: «...в день выхода ‹книги› наложили арест и привлекли меня по 128 статье, но Судебная палата не нашла состава преступления: «дерзостного неуважения к Верховной власти» — и арест снят» (ГБЛ, ф. 386, 103. 49, л. 35).

[120] Датируется по почт. шт. на конверте: «Москва. 5 сент. 1907». В рецензии на «Пережитое» («Столичное утро», 1907, № 79, 1 сентября) Н. И. Петровская писала: «Простой и горестный рассказ о «несчастной войне» ‹...› под пером Станюковича зацветает истинным лиризмом ‹...› Основной тон его книги — это недоумение, горький вопрос «зачем?».

[121] По-видимому, Петровская отражала точку зрения Брюсова, утверждая, что в этой книге «есть искренность, но нет ни стиля, ни поэтической чуткости, ни своеобразности мысли» («Весы», 1907, № 11, стр. 61). В архиве Брюсова «Путевой альбом» не сохранился.

[122] Н. И. Петровская писала, что «Пережитое» принадлежит к числу тех «книг о войне, которые останутся надолго, как скромные и ценные памятники трагического прошлого. Помимо ее исторического значения и интереса точной фотографии, она обладает достоинствами художественными, что может быть и составляет ее главное значение» («Весы», 1907, № 10, стр. 69).

[123] Газета «Столичное утро» была закрыта в октябре 1907 г.

[124] О летних поездках 1908 г. см.: *Дневники*, стр. 139—141.

[125] «Петербургские выставки. Сезон 1908—1909 года» («Весы», 1909, № 3).

[126] Это не совсем точно. Последнее из сохранившихся писем Станюковича датировано 6 октября 1909 г. (ГБЛ, ф. 386. 103. 49, л. 47).

И. Н. РОЗАНОВ

‹ВСТРЕЧИ С БРЮСОВЫМ›

Предисловие и публикация Е. А. Кречетовой

Иван Никанорович *Розанов* (1874—1959) — советский ученый-литературовед, много занимавшийся изучением русской лирической поэзии, проблемами поэтического стиля, стихосложения, исследованием творческих связей книжной и народной лирики. Воспитанник Московского университета (1895—1899), Розанов начал свою научную деятельность в студенческие годы. С 1918 по 1958 г. Розанов был профессором Московского университета, в разные годы преподавал также в Народном университете им. А. Л. Шанявского, в Литературном институте Союза писателей СССР и во многих других вузах, до конца своих дней занимаясь воспитанием научных работников в области истории русской литературы.

Больше всего ученый известен как неутомимый исследователь истории русской лирики. Его книга «Русская лирика» (М., «Задруга», 1914) — основной дореволюционный труд ученого — дает анализ русской поэзии в ее историко-художественном развитии от последних десятилетий XVIII столетия и до пушкинской поры. В этой книге наряду с характеристиками творчества таких крупных поэтов, как Херасков, Державин, Карамзин, Жуковский, Батюшков, раскрывались особенности художественной манеры малоизвестных читателям Николая Николева, Гаврилы Каменева, Василия Попугаева, Владимира Филимонова, Валериана Олина, Михаила Милонова и других, что открывало новую страницу в русском литературоведении. В книге давалась также новая для тех времен характеристика творчества поэтов-радищевцев. Проблемы истории русской поэзии Розанов разрабатывал и в первые десятилетия после Великого Октября. В это время выходят его книги «Пушкинская плеяда» (М., «Задруга», 1923), «Н. А. Некрасов. Жизнь и судьба» (Пг.. «Колос», 1924), «Поэты двадцатых годов XIX века» (М., ГИЗ, 1925), «Литературные репутации» (М., «Никитинские субботники», 1928), «Русские лирики» (М., «Никитинские субботники», 1929), «Лермонтов — мастер стиха» (М., «Советский писатель», 1942).

В течение всей своей жизни Розанов интересовался не только историей развития русской лирики, но и современным ему поэтическим творчеством. С огромным интересом занимался ученый проблемами устной народной поэзии, массовой лирической песни, взаимосвязями между произведениями поэтов и народной лирикой.

Добрую, неувядаемую память оставил по себе Розанов как книговед. Он был инициатором организации отдела истории книги в научной библиотеке Государственного Исторического музея, долгие годы руководил этим отделом. Розанов всю жизнь сам собирал книги и создал богатейшую личную библиотеку. В этой библиотеке, посвященной русской лирике от ее возникновения до наших дней, собраны прижизненные издания поэтов, сборники стихов малоизвестных лириков. Розановское замечательное поэтическое собрание стало по воле ученого народным достоянием. Его вдова, Ксения Александровна Маршишевская, передала библиотеку в 10 000 томов в дар Государственному музею А. С. Пушкина в Москве.

Коренной москвич, Розанов впервые встретился с Брюсовым в студенческие годы. Они виделись в стенах университета и на заседаниях литературного кружка, их влекла друг к другу и сближала общая любовь к поэтическому слову, к книге. Кружок, в котором они встречались, как вспоминает Розанов, был образован из студентов различных факультетов и даже других учебных заведений. Собрания происходили в разных местах, чаще всего на квартирах участников. Одно из них состоялось у Брюсова. Встречи и беседы Розанова с Брюсовым всегда были далеки от житейских, бытовых дел и но-

сили чисто литературный характер. Книги, стихи, поэтическое творчество были главными темами бесед молодого поэта и будущего ученого. Тем они и интересны.

В речи на своем юбилее (70-летие со дня рождения, 23 октября 1944 г.) Розанов рассказал, что именно Брюсов первый вызвал у него мысль о работе над историей русской лирики: «На обложке одной из книжек Брюсова было перечислено, что́ им опубликовано и что̀ предполагается издать. Между прочим было помечено: «История русской лирики — готовится». Это объявление меня очень заинтересовало. Прошло несколько лет, но предполагаемая книга не появилась. Я как-то спросил у Валерия Яковлевича, когда он приступит к этой работе. Он ответил, что уже оставил эту мысль, занят другим. В то время стала выходить «Русская поэзия» С. Венгерова. Вместо обещанных четырех томов вышел всего один. Не дожидаясь окончания венгеровской работы и видя, что Брюсов уже оставил свое намерение, я решил заняться русской поэзией от Пушкина до наших дней. В процессе работы мои интересы расширились и пошли вглубь...» (цит. по стенограмме, хранящейся в архиве Розанова).

Начавшиеся в 1890-е годы встречи Розанова с Брюсовым продолжались до последних дней поэта. В библиотеке Брюсова хранится несколько книг, подаренных ему Розановым. Характерна надпись, сделанная автором на книге «Русская лирика», которую он принес поэту 21 февраля 1914 г.: «Глубокоуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову от автора на память об одном студенческом литературном кружке». Через 10 лет, 30 марта 1924 г., даря Брюсову свою книгу «Пушкинская плеяда», Розанов делает на внутренней стороне обложки знаменательную надпись: «Поэту — вождю и законодателю, Валерию Яковлевичу Брюсову с тридцатилетней (почти) и искренней приязнью Ив. Розанов».

В течение всей жизни Розанов вел дневник, в котором сохранились подробные записи о встречах и разговорах с Брюсовым. Свои воспоминания Розанов писал вскоре после смерти поэта, готовясь к выступлению на вечере его памяти в «Никитинских субботниках». При этом он широко пользовался своими дневниковыми записями. Приведем некоторые отрывки из записей, сделанных в октябре-ноябре 1924 г.:

«*9 октября*. Утром узнал о смерти Валерия Брюсова. Вечером в Литературной студии всю свою лекцию посвятил Брюсову».

«*12 октября*. День похорон Брюсова...»

«*18 октября*. Пошел в ГАХН ‹Государственную Академию художественных наук› на вечер воспоминаний о Брюсове. Доклады П. С. Когана, Г. И. Чулкова, Юр. Верховского. Стихи С. Городецкого и последние стихи Брюсова, прочитанные Надеждой Яковлевной Брюсовой. Ушел перед концертным отделением вместе с Н. К. Пиксановым...»

«*21 октября*. Утром лекция на третьем курсе Института слова. Говорил о Брюсове».

«*25 октября*. Нашел записи о первой встрече с Брюсовым. Стал искать другие записи. Нашел одну подробную 1914 года — это первое посещение Брюсова на Мещанской».

«*4 ноября*. Утром обдумывал Брюсова».

«*15 ноября*. На «Никитинских субботниках» — воспоминания о Брюсове. Все утро писал о Брюсове. В 9 часов — туда. Порядок: С. В. Шувалов — о сборнике «Меа». Я. В перерыве меня благодарили за доклад. Затем — Л. П. Гроссман о Брюсове в Коктебеле. Читали стихи, посвященные Брюсову,— Вера Клюева, В. Кириллов, Б. Зубакин, И. А. Новиков».

Воспоминания публикуются по оригиналу, хранящемуся в архиве И. Н. Розанова. Приносим благодарность К. А. Марцишевской за любезно предоставленную рукопись воспоминаний и за разрешение ознакомиться с дневниковыми записями.

Стихи, встречающиеся в тексте воспоминаний, Розанов цитировал по памяти. Случайно вкравшиеся неточности в цитатах исправлены без оговорок.

И. Н. РОЗАНОВ
Фотография, 1920-е годы
Собрание К. А. Марцишевской, Москва

1

«Встречаться» — глагол залога взаимного. Ничего не поделаешь, говоря о Брюсове, придется говорить и о самом себе.

Для меня Брюсов был одним из моих учителей, одним из тех, кто оказал на меня известное влияние в юности. Для большинства он прежде всего автор, человек, выпустивший много книг, поэт, написавший больше стихотворений, чем вся пушкинская плеяда, взятая вместе. Брюсов как автор имел для меня значение, но не очень большое. Многие хорошо знают Брюсова как администратора, организатора, делового человека. Эта сторона его жизни меня также мало занимала, и на этом поприще судьба меня никогда с ним не сводила. Еще меньше интересовался я его частной жизнью, его романами, сплетнями на его счет, его житейским обликом, мелочами жизни; я до сих пор не знаю, какие папиросы он курил и курил ли вообще. Я никогда не видал Брюсова захмелевшим или в пирующей компании. Ни интимной дружбы, ни житейски-обиходной близости между нами не было. Я знал его очень давно, но встречался с ним не особенно часто. Никаких материальных выгод, никакой практической пользы, если не считать взаимной помощи книгами, ни он, ни я из нашего знакомства не извлекли. Но это-то и было хорошо. Наши отношения ограничивались беседами, и беседы эти никогда не спускались до мелочей жизни, до житейского обихода.

Надежным цементом при наших встречах была общая нам любовь к поэзии. Об этом мы почти исключительно и говорили.

Нам приходилось

Встречаться только на вершине,
Где ослепительны снега,
И знать, что дали вечно сини
И недоступны берега [1].

Благодаря этому его мужественный нравственный облик, облик борца с литературной пошлостью, остался в моих глазах цельным и незатемненным никакой житейской прозой.

Наши литературные вкусы далеко не всегда сходились, но обыкновенно беседы с ним заставляли меня еще раз пересматривать свое отношение к тому или другому поэту, а иногда и переходить на его сторону.

Итак, не Брюсов — поэт, не Брюсов — автор историко-литературных статей, а Брюсов — собеседник был в числе моих учителей.

2

В МОРОЗНУЮ ФЕВРАЛЬСКУЮ НОЧЬ

Конец февраля [2]. Недалеко и до жаворонков. Но совсем не похоже. Как будто глубокая зима. Морозно. Ветрено. Час ночи. На улицах пустынно. По Арбатской площади, по направлению к Воздвиженке, идут трое: один штатский, двое других в студенческой форме. Штатский ежится. Ему особенно холодно. Он в осеннем пальто без воротника и к тому же южанин. Студенты — коренные москвичи.

Ветер сметает снег с крыши прямо в лицо; по тротуарам то ползут, то взлетают снежные полосы. Но разговор идет не о погоде и не о политике.

Сначала о Лейбнице.

Все трое — филологи. Штатский писал когда-то в университете сочинение на золотую медаль о Лейбнице, теперь он сотрудник «Вестника воспитания», где помещает статьи вроде «Шопенгауэр для детей», «Виктор Гюго как поэт семьи и школы». В редакции его очень ценят, но большой публике он совсем не известен. Наоборот, один из студентов, кончающий, который недавно подавал кандидатское сочинение своему профессору Лопатину о том же Лейбнице[3], очень всем известен, но его никто не ценит. Другой студент — первокурсник. Он нигде еще не напечатал ни одной строчки, о Лейбнице знает только из вторых рук и к двум своим старшим спутникам относится с внутренним уважением, может быть, с бóльшим, чем к своим профессорам: те уже сказали свое слово, а эти?!

Молодые люди возвращаются по домам после заседания литературного кружка, где-то в Филипповском переулке. В этот вечер штатский был председателем.

От книг по Лейбницу разговор переходит на другие книги. «Ужасно трудно,— жалуется кончающий студент,— доставать сочинения наших старых, забытых поэтов. Я сейчас собираю материалы для истории русской лирики, но некоторых поэтов XVIII века не могу достать». В это время молодые люди повернули на Воздвиженку. Первокурсник, который более слушал и выспрашивал, чем сам высказывался, напомнил о существовании «Русской поэзии» Венгерова, где собраны поэты XVIII века.

«Но ведь там многого нет»,—живо возразил старший студент. Сотрудник «Вестника воспитания» тотчас его поддержал. «Венгеров годится только для первоначального ознакомления»,— мягким и деликатным тоном заметил он пéрвокурснику.

«И как раз нет у Венгерова самого лучшего,— продолжал кончающий студент.— Например, отсутствуют притчи Хераскова, а это его самые ценные произведения. Херасков вообще был замечательным писателем, а у нас его совсем не ценят и не знают».

Штатский опять поддержал его: «Хераскова я мало знаю, но действительно мы часто не умеем хранить наших культурных ценностей».

Эти два спутника, столь солидарные в эти минуты, за две недели перед тем горячо спорили и ни в чем решительно не сходились, когда речь шла о современной поэзии. Впоследствии они стали заклятыми литературными противниками. Всем памятны, конечно, важнейшие моменты этой лите-

ратурной вражды — и статья Айхенвальда против Брюсова [4]. А из стана Брюсова памятна, вероятно, еще более резкая статья Ходасевича против Айхенвальда о «пересахаренном Пушкине» [5]. Штатский был Айхенвальд, кончающий студент — Брюсов, первокурсник — я.

«А какие хорошие рифмы были у Хераскова,— не унимался Брюсов,— у него обычно рифмуют и согласные, находящиеся под ударением».

Полгода тому назад Брюсов делал доклад о «левизне рифм у Пушкина» в Пушкинской комиссии, последний его доклад, который я слышал [6]. Кто-то из оппонентов пренебрежительно отозвался о Хераскове. «Вы ошибаетесь,— отвечал Валерий Яковлевич,— как раз у Хераскова-то рифмы обычно бывают звучные: он обращал внимание и на предшествующие согласные».

В эту минуту передо мной опять воскресло далекое прошлое. Конец февраля. Ночь. Воздвиженка. Метелица. Ежившийся Айхенвальд, как будто хотевший уйти с головой в поднятый вершковый воротник осеннего пальто, и Брюсов, говоривший то же самое о рифмах Хераскова.

То не была моя первая встреча с Брюсовым.

3
ИЗ ЗАПИСЕЙ

«Суббота 15 февраля (год не обозначен [7]). Вечером к Фохту [8]. Реферат о Бальмонте. Разговор с Брюсовым. Мое знакомство с ним... Викторов [9], Айхенвальд, Фохт, Кильчевский [10] и др. Айхенвальд о символизме. Он же о Бальмонте: «Этот поэт по таланту карлик, но с большими претензиями».

И еще две записи, сделанные, очевидно, позднее.

Одна озаглавлена: «Брюсов о символизме (споры его с Айхенвальдом, Кильчевским, Фохтом)».

«Цель поэзии возбуждать настроение, а никак не чувство добра.— Вы твердо убеждены, что добро действительно существует?— спросил он у Кильчевского.— Цель поэзии возбуждать такое настроение в читателе, которое ничем иным, кроме как поэзией, возбуждено быть не может. Мир поэзии ни в коем случае не мир действительности — и существует только в душе поэта и только для поэта. То, что излито в стихах, уже теряет свою силу. Тютчев сказал: «Мысль изреченная есть ложь».

Итак, читатели не могут получить от стихов того настроения, которое является целью поэзии.— Зачем же тогда символисты пишут стихи? Затем, что если теперь, при данном состоянии языка, невозможно выразить поэтического настроения, то эта невозможность не будет же продолжаться вечно. Виртуозностью языка, искусным употреблением слов можно достигнуть того, что язык будет уметь выражать и чувства. Это цель, к которой стремится символизм [11].

Айхенвальд заметил, что декадентство возбуждает всюду насмешки, что̀ служит верным доказательством его несерьезности и недолговечности: новое серьезное направление может возбуждать вражду, но не насмешки. Брюсов сослался на романтизм».

Другая запись от того же числа озаглавлена: «Брюсов в разговоре со мной о будущности русской поэзии». Заглавие не соответствует записи. Как раз о будущности ничего не написано. Просто о русских поэтах. Вот что записано:

«По мнению Брюсова, в России было три великих поэта: Пушкин, Баратынский и Тютчев. Из них всех выше Тютчев. Из поэтов последующего времени всех талантливее Майков, затем идут Фет, Алексей Толстой и, наконец, Полонский. Все это истинные поэты. У каждого истинного поэта есть истинно поэтические места или произведения, которые никогда не потеряют значения.

О современных поэтах Брюсов высказался, что изо всех из них, взятых вместе, мог бы составиться один хороший поэт. Они люди не без дарований, но односторонние (Минский, Мережковский, Гиппиус, Фофанов). «Минский — рассудочный философ, Мережковскому иногда удается красивая форма, у Гиппиус есть маленькое, но живое чувство. . .» Из современных поэтов всех талантливее Александр Добролюбов».

В этой записи любопытно довольно неожиданное предпочтение Майкова перед Фетом. С точки зрения символизма следовало бы наоборот. И в своей книге «Далекие и близкие» Брюсов очень высоко ставит Фета и замалчивает Майкова. Этого требовала школа и цельность книги. Но книги и направления одно, а натура другое. По натуре, по разнообразию интересов, по склонности блуждать по векам и народам, по своей природной тяге к парнассизму Брюсов, конечно, был ближе к Майкову, чем к Фету.

Но почему я тогда так заинтересован был Брюсовым, что при первом же знакомстве стал разузнавать об его мнениях и потом дома записал? Потому что за несколько месяцев до этого я почувствовал в нем «вождя».

4

Когда я был студентом первого курса, в это время в университете был Валерий Брюсов. Я знал, что среди студентов есть группа лиц, занимающихся поэзией, что там был, как говорили, «король декадентов» Брюсов, над которым все смеялись и издевались. Меня его личность очень заинтересовала, я очень хотел его увидеть, и это был первый поэт, которого я увидел. До тех пор я ни одного поэта не видел.

Через некоторое время я познакомился с Брюсовым при совершенно необычной обстановке. Это, кажется, в литературе о Брюсове не отмечено. Была годовщина коронации, оставившей печальную известность, потому что было много погибших на Ходынке. И вот студенты устроили демонстрацию по поводу этой годовщины [12].

У ворот университета против манежа кучки студентов. И недаром манеж против университета. Это как Петропавловка против Зимнего. Чтобы поддерживать власть имущих и привилегии привилегированных, необходимо некоторых людей арестовывать и куда-нибудь уводить. Вот и сейчас. На глазах. Только что провели в манеж оцепленную городовыми и конными жандармами толпу студентов, очевидно для того, чтобы другие могли спокойно продолжать слушание своих лекций. Однако у Ключевского, самого популярного на филологическом, куда набивались со всех курсов и факультетов, было просторно. Необычно и жутко. На перемене сдержанные, отрывистые разговоры. Передают: была демонстрация. Но плохо оповестили. Многие не знали. Говорят, где-то студентов избивали. Напряжение растет, требует выхода. Прежде всего буквально: выхода из здания, на улицу, посмотреть. Академисты остаются на профессора Шварца, слушать, как бесчисленные немецкие комментаторы будут дополнять и видоизменять интерполяцию в тексте греческого автора, предложенную одним из их предшественников [13].

У ворот небольшие группы студентов, по два, по три. Вижу Брюсова. Я его знал в лицо, знаком не был. Провели в манеж еще партию арестованных. Один студент без шапки, в надорванной шинели. Что они там будут с ними делать? Положение невыносимое. Все равно, нельзя, преступно, подло быть только зрителями. Вижу, Брюсов начинает обходить кучки. Что-то говорит. Подходит к нашей. Убеждает, нет не убеждает, а вслух говорит то, что многие из нас думают про себя. «Чем больше будет арестованных, тем меньше наказание. Необходимо добровольно присоединиться к ним, пойти сказать, что мы солидарны с теми, просить, чтобы и нас пустили в манеж». Через несколько минут двадцать человек, во гла-

БРЮСОВ-СТУДЕНТ
Фотография Шерера и Набгольца.
Москва, 1895
Центральный архив литературы
и искусства СССР, Москва

ве с Брюсовым, перешли Моховую по направлению к дверям манежа. Остальные — человек сорок или больше — продолжали быть зрителями, оставаясь по ту сторону Моховой. Двери манежа оказались открытыми для входа туда, только оттуда не пропускали. Там нас встретили товарищи — возбужденные, шумные. Дружески приветствовали. В манеже продержали нас до ночи, по очереди устанавливали личность каждого. За столом сидели пристава, педеля [14], шпики.

Очередь дошла до меня. Наш педель Грачев назвал приставу мою фамилию. Шпик порылся в своих бумагах. Дал какой-то условный знак приставу. Тот: «Можете идти...» Некоторых отсылали к другому столу для более подробных объяснений.

Как обстояло дело с Брюсовым — не знаю. С этого дня я стал смотреть на Брюсова, как на прирожденного вождя.

У нас принято думать, что в молодости Брюсов был антиобщественником.

Рассказанный мною факт из его студенческих времен мне хотелось бы довести до сведения его будущих биографов.

5
В КАБИНЕТЕ БРЮСОВА

В своей автобиографии Брюсов говорит: «Я был всенародно предан «отлучению от литературы», и все журналы оказались для меня закрытыми на много лет... Последнее обстоятельство ⟨...⟩ я считаю весьма благоприятным для себя. Оно не только позволило, но заставило меня работать вполне свободно: я не должен был приноравливаться ко вку-

сам редакторов, ибо все равно ни один из них не принял бы меня в свое издание, а ко вкусам публики мне было приспосабливаться бесполезно, ибо она все равно была уверена, что все, подписанное моим именем,— вздор»[15].

Как раз в это время я бывал у него на Цветном бульваре, в тесном, заваленном книгами кабинете. Из книг некоторые своим видом красноречиво свидетельствовали об особом пристрастии к ним их хозяина. Помню в руках у Брюсова книгу стихов любимого им Александра Добролюбова «Natura naturans, Natura naturata»[16]. Она была чиста и не запачкана, но растрепалась и расшаталась до того, что каждый лист легко повертывался кверх ногами, а все листы вместе казались ожерельем, нанизанным на длинные растянувшиеся брошюровочные нитки. Много было французских поэтов, даже второстепенных. Помню только что полученную книгу стихов французского поэта Кана[17].

Все свежее, новое, смелое и по тому самому еще не получившее всеобщего признания или даже гонимое, всегда находило в Брюсове сторонника. Чехова тогда еще многие, с легкой руки Михайловского, бранили, называя «безыдейным писателем»; с сочувствием и уважением говорил Брюсов о Чехове. Художественный театр только еще начинал приобретать симпатии; мы с Брюсовым были усердными его посетителями. Помню, как на первом представлении «Антигоны»[18] Брюсов подошел ко мне и начал декламировать наизусть по-гречески огромные куски из трагедии Софокла.

Но чаще всего в кабинете Брюсова разговор шел о поэзии. Иногда Брюсов читал стихи Метерлинка, Тютчева, Баратынского. Стихи читал он тогда очень хорошо, позднейшая его манера, более декламационная, мне меньше нравилась.

До сих пор тютчевские строки:

О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность[19] —

звучат для меня в брюсовских интонациях. Но всего вдохновеннее — и в связи со сказанным понятно почему — продекламировал он раз стихи Майкова. Сидели мы втроем — я, Брюсов и Жураковский, начинающий литератор, издавший одну книгу критических статей «Симптомы литературной эволюции»[20].

Жураковский жаловался на невежество и нечуткость литературных заправил в вопросах художественности. Брюсов вместо утешения встал и начал из Майкова:

И ангел мне сказал: иди, оставь их грады,
В пустыню скройся ты, чтоб там огонь лампады,
Тебе поверенный, до срока уберечь,
Дабы, когда тщету сует они познают,
Возжаждут истины и света пожелают,
Им было б чем свои светильники возжечь[21].

Эти стихи я вспомнил, когда впоследствии прочел у Брюсова:

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Унесем зажженные светы
В катакомбы, в пустыни, в пещеры[22].

Таким я знал и любил Брюсова. Здесь кончается «Брюсов-студент».

6

А потом я его разлюбил.

Это произошло так.

Однажды я приглашен был к одному мало мне знакомому человеку, который собирался тогда издавать какой-то журнальчик. Он просил моего сотрудничества. Дело не выгорело, ни одного номера этого журнальчика не вышло, но на собрании у этого человека я встретился с Брюсовым. Тогда только что было получено известие о покушении студента Карповича на министра Боголепова [23]. Врачи склонны были первоначально признать рану не опасной. Один из присутствующих, только что прибывший из северной столицы, передавал некоторые подробности. Министр, когда его уложили в постель и спросили, как он себя чувствует, указал на шею и прошептал: «Щекочет, щекочет...» Кому-то из присутствующих это показалось очень забавным. Начались шутки, балагурство. Брюсов, вмешавшись, вернул собравшихся к серьезному тону.

«Я давно уже,— сказал он,— постоянно слежу по газетной хронике за убийствами и прихожу к выводу, что люди, к сожалению, совершенно разучились убивать друг друга».

Этого «к сожалению» я долго ему не мог простить. Я тогда был очень юн и наивен. Хотя я ни в какой мере не был толстовцем, я тогда полагал, что убийство никогда и ни при каких обстоятельствах не может быть оправдано, что в этом и заключается культура <...>

Конечно, Брюсов был прав. Все, что делаешь, надо делать хорошо. Если необходимо убивать, надо бить без промаха.

Но отчуждение от Брюсова у меня все-таки осталось.

7

Примирили меня с ним Гоголевские дни. К этому времени Брюсов как вождь символизма уже достиг своей цели. Журнал «Весы», которым он руководил, с честью выполнил свою миссию. Этот журнал был и монастырем и вместе с тем крепостью, как бывало в древней Руси. В монастырь стекались отовсюду паломники символизма. Из бойниц монастырских стен обстреливались враги. И вот этот журнал прекращался, потому что, по словам редакции, у символизма не осталось серьезных врагов и бороться было уже не с кем. Но в читательских массах еще многие продолжали считать Брюсова кривлякой-декадентом. Кроме того, завелись у него новые враги, в самих рядах символистов. Начинающие поэты с самолюбием, оскорбленным его неодобрительными отзывами в «Весах» об их стихах, некоторые из представителей другого, мистического толка символистов и т. д. Айхенвальд не поверил в победы Брюсова, очевидцем которых он был: и в противовес тем, кто, как Эллис, склонны были признать Брюсова «великим»,— признал за ним одно только величие — «величие преодоленной бездарности»...

Тем не менее скандал во время юбилейной речи Брюсова о Гоголе разразился совершенно неожиданно [24].

Конечно, это была лучшая из всех произнесенных тогда речей. Это была попытка познакомить публику с новыми взглядами на Гоголя, взглядами, уже высказанными в печати В. В. Розановым, Мережковским, но мало проникшими в публику. Взгляды эти были развитием давнишнего наблюдения знаменитого профессора А. А. Потебни, что весь «Гоголь вышел из гиперболы». О гиперболизме Гоголя и говорил Брюсов в своей речи. Этот гиперболизм находил он у него не только в творчестве, но и в частной жизни. . . «Гоголь отличался мнительностью и постоянно жаловался на болезни. На вопрос Аксакова, чем он болен, Гоголь отвечал, что

причина его болезни находится в кишках. Это не мешало Гоголю любить хорошо поесть».

Как только произнесена была эта фраза, раздались свист, шиканье, топание ногами, презрительные по адресу Брюсова возгласы и т. д... Долго лектору не давали говорить.

Конец своей речи Брюсов скомкал, читал почти скороговоркой и без всякого выражения. Толпа интеллигентных дикарей и одинокий непонимаемый культуртрегер — Брюсов.

В эти минуты я в душе примирился с Брюсовым. Понял его одиночество даже у достигнутых им берегов.

Не могу не сопоставить с этим другой, позднейший, случай. Года три тому назад в Политехническом музее публика освистала и ошикала Сергея Есенина за начальные строки «Исповеди хулигана». Брюсов, бывший председателем, с трудом добился относительной тишины. Когда стало можно говорить с эстрады, Брюсов сказал: «Уверяю вас, что это самое лучшее стихотворение, которое появилось в русской печати за последние годы». Но как только Есенин стал опять читать, снова начался невообразимый шум. За Есенина вступились другие поэты. Переругавшись с публикой, они заставили Есенина прокричать до конца все стихотворение, хотя вряд ли за общим шумом кому-либо было слышно [25].

Тут уж не было трагизма, не было одиночества поэта. Толпе слушателей отвечала толпа поэтов...

8

21 февраля 1914 года у меня в дневнике подробная запись о посещении Брюсова. Расскажу сокращенно: я пришел к Брюсову на 1 Мещанскую с поручением пригласить его к участию в подготовляемом тогда юбилейном сборнике «Венок Лермонтову» [26]. Кстати принес ему свою только что вышедшую книгу «Русская лирика» [27], первая мысль о которой возникла у меня под влиянием беседы с Брюсовым в ту давнюю февральскую морозную ночь. Начал писать, когда отчаялся дождаться его работы.

Он с интересом стал просматривать оглавление моей книги. После каждой фамилии он останавливался и высказывал свое отношение. Иногда тут же цитировал их стихи.

«Василий Петров»,— прочел Брюсов — и продекламировал несколько строк из Петрова.

«Херасков — Надо, надо говорить о нем. Очень интересный писатель и совершенно неоцененный».

«Державин!» — А знаете ли, что у него есть формы вместо «морей и бурь» — «морь и бурей»?— А вы читали очень хорошую статью о нем в «Софии» (Грифцова)? Что вы о ней думаете?» [28]

О Нелединском и Капнисте он отозвался небрежно, заметив, что не любит их.

О Каменеве — «Вот этого поэта я мало знаю».

Перед Попугаевым остановился в недоумении: «Совсем не знаю», и спросил меня: «Что это за поэт»?

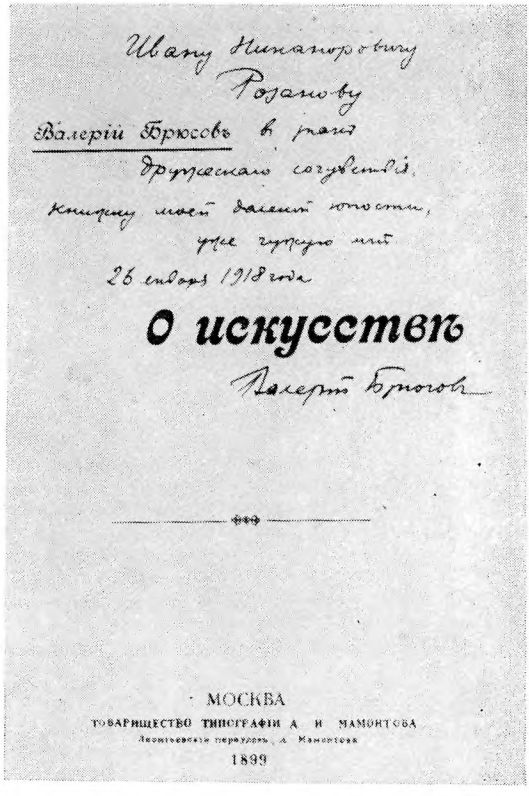
По поводу Николева продекламировал строчки Пушкина:

И Николев поэт покойный
И беспокойный граф Хвостов [29]

Дойдя до Жуковского, он с силой и оживлением стал говорить о нем.

«Надо, надо о нем писать. Ведь нас всех обманули его строчки Пушкину: «Ученику-победителю от побежденного учителя». Мы и поверили. Но ведь это совершенная неправда. Жуковский не был побежден Пушкиным. Пушкин шел по другой дороге...»

«О ИСКУССТВЕ». М., 1899
Титульный лист
с дарственной надписью:
«Ивану Никаноровичу Розанову,
в знак дружеского сочувствия,
книжку моей далекой юности,
уже чужую мне. 26 января 1918 года.
Валерий Брюсов»
Собрание К. А. Марцишевской,
Москва



По поводу участия в «Венке Лермонтову» Брюсов заметил, что очень любит Лермонтова, но только что написал статью о нем для издания Каллаша [30] и теперь пришлось бы повторяться.

Потом за чайным столом мы еще долго говорили о разных поэтах. Валерий Яковлевич очень бранил Теплякова, на стихотворения которого Пушкин написал сочувственную рецензию, очень хвалил Вяземского, а из совсем забытых хвалил поэта 30-х годов Трилунного.

9
ЮБИЛЕЙ

Юбилей Брюсова в Академии художественных наук. Юбилей жизни, а не деятельности — это мало учитывалось говорившими. Речи меня не трогали. Я не узнавал в них «своего Брюсова», таким, каким его знал и любил. Говорили о Брюсове для всех, Брюсове — авторе книг. Притом, как принято, только хвалили — участь, которую юбиляры разделяют с покойниками.

«Это несут регалии на подушках»,— заметил я своему соседу.

И я вспомнил Брюсова в Гоголевские дни, освистанного за то, что говорил о Гоголе то, что действительно думал, а не то, что принято говорить на юбилеях; вспомнил продолжительную травлю, которой он подвергался в молодости; вспомнил айхенвальдовское определение «преодоленная бездарность», раздавшееся в те годы, когда Брюсов был в зените своих творческих сил.

Вспомнил — и как же поразила меня ответная речь Брюсова, начинавшаяся строчками Фета:

Нас отпевают. В этот день
Никто не подойдет с хулою [31].

И опять он мне стал дорог, дорог тем, что выступил не так, как принято, что возражал своим апологетам, наконец, тем, что закончил свою речь четверостишием, которое из всего Фета самое мое любимое:

Покуда на груди земной
Хотя с трудом дышать я буду,
Весь трепет жизни молодой
Мне будет внятен отовсюду [32].

<1924>

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Строки из неопубликованного стихотворения Розанова, датированного 21 сентября 1917 г.:

Как хорошо не быть знакомым,
Но перекинуть легкий мост,
Мечтать о разном, сидя дома,
Но слушать вместе песни звезд!
Встречаться только на вершине,
Где ослепительны снега,
И знать, что дали вечно сини,
Что недоступны берега!
Порой дерзать и ждать отплытий,
Но помнить твердо и всегда,
Что нет меж нами темных нитей,
Где пыль осела и вражда.

Исследователь и знаток русской лирики, Розанов сам хорошо владел рифмой и ритмикой, писал легко и свободно; его перу принадлежит множество лирических и шуточных стихов. В 1915 г. под псевдонимом Ев. Лаурин вышел сборничек его стихов «Только о ней» (М., тип. О. Л. Сомовой). Затем, уже под своей фамилией, он выпустил второй сборник стихов «Призраки звезд» (М., тип. «Реклама», 1916).

Приведенное стихотворение находится в рукописной тетради, озаглавленной «Стихи о незнакомстве» (хранится в архиве Розанова). Под этим названием собрано шесть стихотворений; первое датировано 27 ноября 1916 г., предпоследнее — 29 июня 1919 г., на последнем даты нет. На обложке тетради — домашний псевдоним автора ИЭНЭР; слева — рисунок пером: зимний пейзаж, занесенная снегом деревянная церковь, старая ель, голые деревца.

[2] Это происходило, по-видимому, в феврале 1897 г., когда Розанов был студентом не первого, а второго курса Московского университета (о времени знакомства с Брюсовым см. также примеч. 7).

[3] Зачетное сочинение о Лейбнице Брюсов писал в 1897 г. для семинарских занятий по философии у проф. Л. М. Лопатина (1855—1920).

[4] Имеется в виду брошюра Ю. И. Айхенвальда «Валерий Брюсов. Опыт литературной характеристики». М., «Заря», 1910 (вошла в книгу Айхенвальда «Силуэты русских писателей», т. III, 1910).

[5] В газете «Русские ведомости» (1916, № 259, 9 ноября) была опубликована резко отрицательная рецензия В. Ходасевича «Сахарный Пушкин» на книгу Ю. Айхенвальда «Пушкин» (2-е изд. М., 1916). По мнению рецензента, творчество Пушкина предстает в толковании Айхенвальда искаженным и порой бессмысленным: «Так шаг за шагом, «с сиропом, с обильным сиропом», пересказывая Пушкина своими словами, комментируя его набившими оскомину историко-литературными сравнениями, открывая Америку за Америкой, дробя и мельча колоссальные создания поэта, заменяя общие суждения общими местами, в тысячный раз повторяя всем надоевшие сравнения Пушкина с эхом и т. д. и т. д.— умиленно-слащавым голосом говорит г. Айхенвальд о великом поэте».

Выражения «пересахаренный Пушкин» в статье нет, но оно правильно передает общий тон рецензии, как она запомнилась Розанову.

[6] Доклад Брюсова был прочитан 28 февраля 1924 г. на заседании Пушкинской комиссии Общества любителей российской словесности, состоявшемся на квартире у Н. Н. Фатова. Записав об этом в своем дневнике, Розанов перечисляет лиц, принявших участие в обсуждении доклада: П. Н. Сакулина, Н. К. Гудзия, С. В. Шувалова, И. И. Гливенко, Б. М. Соколова и себя. Доклад читался Брюсовым и в кабинете поэтики Литературно-художественного института. Статья «Левизна Пушкина в рифмах» была опубликована в журн. «Печать и революция», 1924, кн. 2.

[7] 15 февраля приходилось на субботу в 1897 г. Таким образом, следующая фраза Розанова о Брюсове — «Мое знакомство с ним» — должна быть отнесена именно к этой дате. Однако за три месяца до этого, 18 ноября 1896 г., произошла их встреча в день студенческой демонстрации (см. наст. том, стр. 764—765 и примеч. 12).

[8] Борис Александрович *Фохт* (1875—1946) — философ, профессор Московского университета. Автор комментированных переводов Канта, Аристотеля, Гегеля.

[9] Давид Викторович *Викторов* (1874 — 1918) — студент, позднее приват-доцент Московского университета по кафедре философии.

[10] Владимир Агафоникович *Кильчевский* (1873—?) студент Московского университета, участник литературного кружка.

[11] Сходные мысли Брюсов излагал в письме к В. К. Станюковичу от 22 июня 1896 г. (см. наст. том, стр. 740).

[12] И. Н. Розанов допускает здесь неточность: демонстрация, о которой он пишет, происходила не в годовщину Ходынки, а 18 ноября 1896 г., через полгода после трагических событий. В этом месяце «Рабочий союз» обратился к московским студентам с воззванием, в котором призывал не ограничивать студенческое движение академическими требованиями, а присоединиться к борьбе рабочих. В ответ на это «Союзный совет», в котором активную роль играл В. В. Воровский, призвал студентов явиться 18 ноября на Ваганьковское кладбище, где были похоронены жертвы Ходынской катастрофы, «и своим присутствием выразить, с одной стороны, сочувствие жертвам небрежности администрации, а с другой — протест против существующего порядка». Несмотря на аресты, произведенные накануне, утром 18 ноября более 500 студентов направились к Ваганьковскому кладбищу. Остановленные полицией, они повернули к университету, но там были оцеплены и загнаны в манеж. Переписав всех участников демонстрации, полиция арестовала 26 человек. Ночью охранное отделение арестовало еще 56 студентов. В дневниках Розанова 1920-х годов сохранилась запись, обведенная карандашом: «1896 год. Мое присоединение к арестованным. Валерий Брюсов». По всей вероятности, эта запись была сделана в период работы над воспоминаниями о поэте.

[13] Александр Николаевич *Шварц* (1848—1915) — профессор греческой словесности в Московском университете с 1884 по 1900 г. В 1908—1910 гг. министр народного просвещения, проводивший реакционные меры в области средней и высшей школы.

Интерполяция (лат.) — вставка позднейшего происхождения, введенная исследователем или комментатором какого-либо текста.

[14] Педель (нем. Pedell) — надзиратель, следивший за поведением студентов в высших учебных заведениях дореволюционной России.

[15] *Автобиография*, стр. 110.

[16] «Natura naturans. Natura naturata» («Природа творящая. Природа сотворенная», 1895) — первая книга стихов Александра Добролюбова.

[17] Гюстав *Кан* (1859—1936) — французский поэт и романист. В начале деятельности был близок к символистам. Впоследствии изменил своим эстетическим теориям. О его эволюции писал Брюсов в статье «Научная поэзия»: «Гюстав Кан, который на заре своей деятельности также был учеником Малларме, подражал учителю в изысканности и исхищренности языка и держался самых «левых» эстетических теорий,— быстро перешел ко взглядам общепринятым и к самой обиходной прозе, той, которую Верлен клеймил когда-то названием «литературы» («Русская мысль», 1909, № 6).

[18] Этот спектакль, состоявшийся 12 января 1899 г. в Москве в Художественном театре, был первым представлением трагедии Софокла на профессиональной сцене в России. Пьеса шла в переводе Д. С. Мережковского, ставил ее режиссер А. А. Санин.

[19] Заключительные строки стихотворения Ф. И. Тютчева «Последняя любовь» (1853).

[20] Книга Евгения Дмитриевича Жураковского «Симптомы литературной эволюции. Критические очерки» вышла в Москве в 1903 г. В 1907 г. он опубликовал «Конспективный курс истории всеобщей литературы», а в 1910 —«Краткий курс лекций по эстетике» и «Краткий курс истории русской живописи XIX века».

[21] Брюсов прочитал полностью стихотворение А. Н. Майкова «Пустынник» (1870).

[22] Из стихотворения «Грядущие гунны» (1905).

[23] Николай Павлович *Боголепов* (1847—1901) — реакционный государственный деятель. Юрист по образованию, профессор римского права в Московском университете, в 1898—1901 гг. министр народного просвещения. Находясь на этом посту, отличался жестокостью в подавлении студенческих волнений. При Боголепове были уволены за «вредное направление» многие профессора, закрыто Московское юридическое общество. В январе 1901 г. царские власти, применив «Временные правила» 1899 г., отдали в солдаты за участие в сходке 183 студента Киевского университета. Это проявление дикого произвола вызвало возмущение в самых широких кругах русского общества. Волна студенческих забастовок и демонстраций прошла во многих городах. 14 февраля 1901 г. Боголепов был тяжело ранен исключенным из университета студентом П. В. Карповичем; умер он 2 марта того же года.

[24] В 1909 г. Россия отмечала 100-летие со дня рождения Н. В. Гоголя. 27 апреля, на второй день Гоголевских праздников, в Большом зале Московской консерватории состоялось торжественное заседание Общества любителей российской словесности. На нем выступил с речью о Гоголе Брюсов. Вот как сообщается об этом в юбилейном сборнике Общества любителей российской словесности: «В своей оценке творчества оратор разошелся с обычным взглядом на Гоголя, как на писателя-реалиста, дававшего в своих произведениях верное и точное изображение современной русской жизни. Гоголь, как писатель, был, по мнению оратора, великим фантастом в роде Гофмана и Эдгара По. Главной, преобладающей чертой его творчества было пристрастие к гиперболизму, стремление к безмерному и беспредельному ⟨...⟩ Во время речи г. Брюсова произошел прискорбный инцидент, несколько нарушивший общее торжественное настроение. Некоторые лица, быть может, не совсем верно понявшие мысль оратора и усмотревшие в словах его выражение неуважения к памяти великого писателя, стали громко выражать свое неудовольствие шиканием и криками «довольно»; другая часть публики ответила на это рукоплесканиями и возгласами: «просим продолжать!» Когда шум, вызванный этим инцидентом, затих, г. Брюсов спокойно окончил свою речь» (Гоголевские дни в Москве. Общество любителей российской словесности. М., 1910, стр. 89—90). О речи Брюсова см. также в воспоминаниях С. В. Шервинского (*Чтения 1963*, стр. 493—494) и Мариэтты Шагинян («Новый мир», 1973, № 5, стр. 170—172).

[25] Есенин выступал на вечере поэтов различных поэтических школ и направлений, который состоялся в Политехническом музее 17 октября 1921 г. В воспоминаниях Розанова о Есенине этот эпизод и роль Брюсова в нем излагается более подробно: «Аудитория Политехнического музея в Москве. Вечер поэтов. Духота и теснота. Один за другим читают свои стихи представители различных поэтических групп и направлений ⟨...⟩ Публика явно утомилась и ищет повода пошуметь. Пахнет скандалом. Председательствует сдержанный, иногда только криво улыбающийся Валерий Брюсов. Очередь за имажинистами. Выступает Есенин. Начинает свой «Сорокоуст». Уже четвертый или пятый стих вызывает кое-где свист и отдельные возгласы негодования. В стихах этих речь идет о блохах у мерина. Но когда поэт произносит девятый стих и десятый, где встречается слово, не принятое в литературной речи, начинается свист, шиканье, крики: «Довольно!» и т. д. Есенин пытается продолжать, но его не слышно. Шум растет. Есенин ретируется. Часть публики хлопает, требуя, чтобы поэт продолжал. Между публикой явный раскол. С неимоверным трудом, при помощи звучного и зычного голоса Шершеневича председателю удается наконец водворить относительный порядок. Брюсов встает и говорит: «Вы услышали только начало и не даете поэту говорить. Надеюсь, что присутствующие поверят мне, что в деле поэзии я кое-что понимаю. И вот я утверждаю, что данное стихотворение Есенина самое лучшее из всего, что появилось в русской поэзии за последние два или три года» (сб. «Воспоминания о Сергее Есенине». М., «Московский рабочий», 1965, стр. 293—294).

[26] Юбилейный сборник «Венок М. Ю. Лермонтову» вышел в 1914 г. (М.— Пг., изд. В. В. Думнова).

[27] И. Н. Розанов. Русская лирика. От поэзии безличной — к исповеди сердца. Историко-литературные очерки. М., «Задруга», 1914. Эта книга вызвала положительный отзыв Брюсова: «...Только история поэтических форм и поэтической формы может дать истинную историю поэзии. До сих пор в этом направлении сделано еще очень мало. Исследования едва начинаются. ⟨...⟩ Как одна из первых попыток проложить пути в этой области, которой предстоит величайшее будущее, нам особенно и дорога книга И. Розанова ⟨...⟩ Самый факт, что И. Розанов обратил внимание на эту сторону дела, подверг серьезному анализу форму стихов и сопоставил поэтическую технику отдельных поэтов, очень ценен. Этим работа И. Розанова решительно выделяется из числа других историко-литературных исследований, которые по большей части не дают нам ничего, кроме данных биографических и исторических, что можно было бы назвать научными фактами» (журн. «София». М., 1914, № 6).

[28] Борис Александрович *Грифцов* (1885—1950) — литературовед, искусствовед, переводчик. Его статья «Державин» опубликована в журн. «София», 1914, № 1.

[29] Строки стихотворения «Из письма к В. Л. Пушкину», в котором высмеиваются литературные недруги «Арзамаса».

[30] Брюсов написал вступительную статью ко второму тому иллюстрированного Полного собрания сочинений М. Ю. Лермонтова под ред. В. В. Каллаша (М., «Печатник», 1914).

[31] Начальные строки стихотворения А. Фета «На пятидесятилетие музы» (1888). Стихи написаны в связи с пятидесятилетним юбилеем творчества поэта.

[32] Из стихотворения «Еще люблю, еще томлюсь...» (1890).

Н. И. ПЕТРОВСКАЯ

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ»

Публикация Ю. А. Красовского

Имя Нины Ивановны *Петровской* (1884—1928) ныне почти забыто. Однако в свое время оно было хорошо известно в кругах писателей-символистов: жена и помощница владельца издательства «Гриф», С. А. Соколова (Кречетова), хозяйка литературного салона, сама подающая надежды молодая писательница, Петровская принимала живое участие в литературной жизни 1900-х годов.

Впервые в печати Петровская выступила в 1903 г. — в альманахе «Гриф». Затем ее рассказы, фельетоны и рецензии печатались в журналах «Весы», «Перевал», «Русская мысль», в газетах «Утро России» и др. В 1908г. вышел сборник ее рассказов «Sanctus amor» («Святая любовь»). Литературное дарование Петровской Брюсов считал весьма незаурядным: «Со всей откровенностью и со всем беспристрастием могу сказать тебе, что здесь, в литературе, *есть* для тебя будущее и жизнь,— писал он ей 11/24 декабря 1908 г. — Ты знаешь, что я не очень высоко ценю все, что ты сделала до сих пор. Твою книгу, по-гимназически, я оцениваю «три с плюсом», твои рецензии — «три с минусом». Но я больше других знаю все существующие для тебя возможности. У тебя душа самобытная, у тебя оригинальный, свой взгляд на все, у тебя острая, меткая, тонкая наблюдательность, у тебя понимание стиля. Твой разговор всегда интересен; твои суждения самостоятельны и глубоки; твой слог принадлежит тебе ‹...› Надо работать, и много, и очень много: это я утверждаю бесповоротно» [1].

Но Петровская так и не сумела реализовать эти возможности. Глубокая личная драма заставила ее покинуть Россию. В 1908 г. она поселилась во Франции, изредка приезжая в Москву, откуда в 1911 г. уехала, чтобы больше не возвращаться. «Я не эмигрантка, — писала она позднее, объясняя причины, заставившие ее остаться за границей навсегда.— Мотивы сложные и чисто интимные привели меня к этому решению» [2]. Брюсов в письмах убеждал Петровскую вернуться, доказывая, что от возвращения на родину зависит ее творческая судьба: «русской писательницей нельзя быть, живя в глуши французской провинции» (см. наст. том, стр. 796). Но Петровская не нашла в себе сил выполнить совет Брюсова. В результате литературная деятельность ее почти прекратилась и свелась главным образом к переводам.

Годы войны и революции Петровская провела в Риме, а в 1922 г. переехала в Берлин, где сотрудничала в сменовеховской газете «Накануне». В 1924 г. она предложила издательству «Петрополис» (Берлин) свои воспоминания «о Валерии Брюсове и эпохе, с ним связанной,— личные и литературно-общественные» (так она сама характеризовала их в письме к Горькому [3]).

К концу 1924 г. положение Петровской было исключительно трудным: связи с родиной полностью оборвались, а послеоктябрьская эмигрантская среда оказалась ей чуждой; попытки издать воспоминания оказались безуспешными, и с закрытием «Накануне» она оказалась фактически без средств к существованию. Доведенная до отчаяния, она обратилась за помощью к Горькому: «Дорогой Алексей Максимович, — писала она ему 23 ноября 1924 г.,— вы всегда любили и жалели «человека»— во имя этого, если можете, помогите мне, как последний из людей, к которому я отчаянно обращаюсь ‹...› Я хочу работы, работы, работы,— какой бы то ни было» [4].

Горький стремился помочь Петровской. В письмах к М. Ф. Андреевой и некоторым другим своим корреспондентам он просит подыскать ей работу, характеризуя Петровскую как «женщину, достойную помощи и внимания [5], дает поручение П. Крючкову послать ей денег [6], предлагает напечатать ее воспоминания в журналах «Беседа» и

«Русский современник». 9 августа 1925 г. он пишет А. Н. Тихонову: «Очень рекомендую для «Русского современника» воспоминания Нины Петровской о В. Я. Брюсове. Вещь — интересная и, разумеется, более человечная, чем статья Ходасевича, хотя и не столь блестящая» [7].

Однако в 1925 г. и «Беседа», и «Русский современник» прекратили свое существование, и воспоминания остались ненапечатанными.

Последние годы жизни Петровской сложились трагически: почти полное одиночество, нищета и тяжелое психическое расстройство привели ее к катастрофе — 23 февраля 1928 г. она покончила с собой.

После смерти Петровской написанные ею воспоминания остались у ее берлинской знакомой — Е. В. Галлоп-Рембель. Вернувшись в СССР, Галлоп передала их в 1934 г. в Государственный Литературный музей. В 1937 г. в печати появилась информация о том, что рукопись Петровской предполагается опубликовать в очередном томе «Летописей» Гослитмузея [8]; однако издание этого тома не осуществилось. Ныне воспоминания Петровской хранятся в ЦГАЛИ, куда поступили в 1941 г., вместе со всем собранием рукописей Литературного музея.

Рукопись воспоминаний представляет собой отрывки двух редакций: 1) черновой автограф (разрозненные листы, авторская пагинация: 1—10, 17—20, 64—84, 86—92); 2) беловой автограф (без начала, авторская пагинация: 8—61) — ЦГАЛИ, ф. 376, оп. 1, ед. хр. 2. Кроме того, сохранилась машинописная копия с правкой Галлоп-Рембель, представляющая собой контаминацию этих редакций (там же, ед. хр. 3).

Судя по незавершенности автографов, а также принимая во внимание свидетельство Галлоп-Рембель, что в последние годы жизни по ее настоянию и при ее поддержке Петровская работала над своими воспоминаниями, можно предположить, что работа эта не была полностью закончена. Вероятно также, что часть текста (помимо недостающих страниц имеющегося в нашем распоряжении автографа) утеряна: из приведенного выше письма Горького видно, что в его руках была глава, специально посвященная Брюсову; это была, по-видимому, четвертая глава, озаглавленная «В. Я. Брюсов», — в автографе воспоминаний сохранилось только несколько ее фрагментов.

Тем не менее, при всей отрывочности и незавершенности воспоминания Петровской представляют несомненный интерес. Перед читателем встает яркая картина литературной жизни 1900-х годов. В них нашла отражение ранняя эпоха русского символизма — возникновение издательства «Гриф», литературная борьба между двумя группировками символистов, которые объединились вокруг «Грифа» и «Скорпиона». На страницах воспоминаний проходят многие представители символизма — Бальмонт, Сологуб, Вяч. Иванов, Эллис, Курсинский, А. Белый. Центральной фигурой воспоминаний является Брюсов. Характеристики людей, зарисовки отдельных эпизодов московской литературной жизни сделаны остро и с той наблюдательностью, которую ценил в Петровской Брюсов. Однако весьма критическое отношение к декадентской «толпе» сочетается у Петровской с пиететом в отношении руководителей символизма, а убеждение, что «на дне души каждого художника» живет «мистическое чувство», приводит ее к истолкованию многих стремлений Брюсова как порывов к иррациональному.

Известно, что с именем Петровской связаны многие стихотворения Брюсова, особенно в сборнике «Stephanos», что она является прототипом Ренаты из романа «Огненный ангел», что ее связывали с Брюсовым долгие годы близости. Поэтому ее воспоминания являются важным источником для характеристики Брюсова периода 1903—1905 гг., несмотря на то что они более сжаты и сдержанны по тону, чем те, которые Петровская посвящает другим лицам. В черновых набросках автор дает этому свое объяснение: «Десятого апреля исполнится $^1/_2$ года со дня смерти Валерия Брюсова. Апрельский дождь окропит его могилу в Девичьем монастыре <...> Я не видела Брюсова в гробу. В памяти он жив и бессмертен. Но говорить о человеке и поэте, которого я не только знаю, но которого чувствовала и чувствую до сих пор неотъемлемой частью моего бытия, говорить через $^1/_2$ года после его смерти не только трудно, но и ответственно. Ни в одной детали событий, нас связывающих, мне не изменяет память, но, следуя внутреннему голосу, я отдаю этим страницам не более чем десятую часть моих личных и интимных воспоминаний» [9].

Ниже публикуются фрагменты из воспоминаний Петровской, в которых идет речь о Брюсове; при этом используются обе редакции (ЦГАЛИ, ф. 376, оп. 1, ед. хр. 2). Фрагменты черновой редакции печатаются вслед за беловым текстом (от слов «Символистская эпоха...» — стр. 780 и далее, до конца).

Существенным дополнением к воспоминаниям, как бы продолжающим их хронологически, является переписка — 144 письма Брюсова и 198 писем Петровской за 1903—1912 гг. (ЦГАЛИ, ф. 376, оп. 1, ед. хр. 4; ф. 56, оп. 1, ед. хр. 95; ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 38, 39, 105; ГБЛ, ф. 386. 72. 12 и 386. 98. 18—22).

В приложении к публикуемым воспоминаниям печатаются выдержки из писем Брюсова за 1906—1909 гг., в которых содержатся суждения о литературе и современной литературной жизни, а также высказывания, раскрывающие творческий мир поэта, поиски им новых путей. Все выдержки взяты из писем, хранящихся в ЦГАЛИ.

[1] ЦГАЛИ, ф. 376, оп. 1, ед. хр. 4, л. 57—57 об.
[2] ЦГАЛИ, ф. 376, оп. 1, ед. хр. 2, л. 1.
[3] АГ, КГ-п 5— 6—1.
[4] Там же.
[5] Письмо без даты — АГ, ИГ-рл 2а—1—59.
[6] Письмо от 4 сентября 1926 г.— АГ, ПГ-рл 21а — 1 — 93.
[7] «Горьковские чтения. 1953—1957». М., 1959, стр. 51. Воспоминания В. Ходасевича о Брюсове были напечатаны в журнале «Современные записки», 1925, кн. 23.
[8] *ЛН*, т. 27-28, стр. 691.
[9] ЦГАЛИ, ф. 376, оп. 1, ед. хр. 2, л. 96.

Помнится, приблизительно за год до возникновения книгоиздательства «Гриф», у меня необычайно обострилось томление по жизни, горькая тоска существования, где ничто не вызревает и не завершается, где каждый день с утра очерчивается сознанием ненужности, а вечером сводится к нулю, к пустоте, к небытию. ⟨...⟩

Читала тогда много с инстинктивным, но глубоко тенденциозным выбором. Прежде всего шли оккультные книги, потом французские символисты, русские — Минский, Мережковский, Гиппиус, все вышедшие сборники В. Я. Брюсова, Бальмонта, «Мир искусства», «Северные цветы» т. д.

Вся новая русская литературная проповедь, осмеянная растлителем мысли критиком Акимом Волынским [1], была мне известна от доски до доски. И все, обусловившее художественный стиль целого поколения, было мне близко органически, но реальное бытие этих больших писателей представлялось легендой о башне из слоновой кости, где мало и званых и избранных. Первым из тех недоступных, державших в руках ключи подлинной жизни и подлинной литературы той русской эпохи, томил мою мечту Брюсов.

Маленькие сборники его «Chefs d'Oeuvres» и «Me eum esse»,—потом пышное «Urbi et Orbi» стали для меня символом моей новой веры. Их брали иногда с полок и этажерок наши гости, вылощенные мумиеподобные адвокаты и прокуроры и их вертлявые жены в бриллиантах; элегантнейшие артиллерийские офицеры (сослуживцы Кречетова по отбыванию воинской повинности), щелкая шпорами, не прочь были тоже поболтать о литературе. До них, очевидно, как-то досочилась ядовитая слюна Акима Волынского, и слово «декадент» — смешное, пошлое и крикливое, ни в чем Брюсова не выражающее,— как бумажный хвостик, прицепилось к краю его багряницы.

Офицеры, адвокаты, разжиревшие спекулянты, модные актеры и т. п.— вся эта нечисть, питавшаяся гноем эпохи перед 1905 годом, так и была уверена, что Брюсов ест засахаренные фиалки, по ночам рыскает по кладбищенским склепам, а днем, как фавн, играет с козами на несуществующих московских пастбищах!.. Слово «Метрополь» вызывало немед-

КАТАЛОГ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА
«СКОРПИОН» на 1902 год
Обложка
Рисунок Н. Г. Филянского

ленно приятнейшую ассоциацию пышного раззолоченного кабака, и едва ли кто-нибудь из них знал, что на заднем дворе этого сладостного «Метрополя» в двух маленьких комнатках ютится настоящий русский литературный Олимп, где куется самая утонченная наша культура. Кто знал тогда имена Ив. Коневского, Добролюбова, Балтрушайтиса, тех самых верных соработников Брюсова, и самоотверженного издателя «Скорпиона», «Весов» и «Северных цветов» — Сергея Полякова, в прекраснейших переводах познакомившего публику с избранными образцами скандинавской литературы. Кто их знал? ⟨...⟩

Валерия Брюсова сжигала мечта об увенчании русской литературы в веках и, «гордый, как знамя, острый, как меч» [2], он шел по пути, *им* сознательно намеченному, вынося на своих плечах «Весы» и весь «Скорпион» до последней гранки. Даже вся техническая часть проходила через его руки.

В программе же «Грифа», кроме произведений немногих сотрудников «Скорпиона», утопающих в неприятной пестроте ненужных имен, не было ничего нового. ⟨...⟩

«Гриф» при его гордых замашках не стал филиальным отделением «Скорпиона», а это было бы вовсе не плохо и даже полезно для расширения одного сплоченного фронта, в то время очень нужного. Если бы не стихийный К. Бальмонт и республикански настроенный С. Кречетов, а «академический» Брюсов был бы хотя его даже отдаленным руководителем, дело бы по-настоящему и пышно процвело.

Стоя к «Грифу» ближе всех, я с первых же шагов поняла, какой червь выест, может быть, совершенно незаметно для публики, слабую, но тогда еще живую ткань сердцевины его.

«АЛЬМАНАХ ГРИФ». М., 1904
Обложка.
Рисунок М. А. Дурнова

Разговор об этом повел к внутреннему расколу между мною и мужем-редактором, потом к бесполезной борьбе и, наконец, к открытой вражде.

Для непосвященных, для газетных церберов (Любошиц [3], Яблоновский [4] — «имя им легион»), свирепо лающих со всех эстрад (как и для московских обывателей), между «Скорпионом» и «Грифом» не было разницы. Для них просто-напросто развернулся ненавистный декадентский фронт — усилилось растлевающее литературное влияние. Такое ошибочное приятие «Грифа» всячески способствовало славе его, сначала, конечно, скандальной, а потом и признанию как довольно крупного культурного начинания.

Сами сотрудники «Скорпиона» этому способствовали потом всячески (кроме Брюсова, Балтрушайтиса, Садовского и нескольких второстепенных сотрудников «Весов»). Присылал свои вещи А. Ремизов, прислал М. Кузмин после яростной ссоры между нами отвергнутые редактором «Крылья» [5], печатался С. Ауслендер [6], Дымов [7].

Вещи, отвергнутые «Скорпионом», радушно принимались «Грифом», оскорбленные самолюбия выплакивались в редакторскую жилетку. Терпимость С. Кречетова приобрела широкую популярность, особенно когда возник «Перевал», окончательно загубленный журнал, несмотря на большие возможности [8].

Что делал в это время Брюсов? Он пока только равнодушно отмахивался от шумихи, как отстраняет могучей лапой большой пес шумливого надоедливого щенка. Впоследствии он даже появился на одном из наших вечеров, очень сухой, корректный, выслушал несколько стихотворений, один мой рассказ (стыдно вспомнить, до чего плохой!), не высказал никаких суждений, любезно согласился остаться ужинать, прочел сам несколько вещей, все время оставался, как капля масла на воде, и скрылся на полтора года 〈...〉

В ту осень, накануне грозного 1905 г., как во все катастрофические эпохи, московская жизнь завилась блистательным вихрем. Развращающее влияние популяризованного «декадентства», буйно прорвавшего все плотины и хлынувшего в толпу, закружилось смерчами во всех эстетизирующих барственных кругах и докатилось даже до гимназических застенков. И, конечно, законодателем (хотя и невольным, быть может) всех этих вскруживших голову дамам, их мужьям, старцам, девам и юношам неистовств — был Бальмонт.

Его солнце стояло тогда в зените. Французов, профильтровавшихся в русский символизм, как-то просмотрели, или просто не вчитались в них. Брюсов долго стоял одиноким колоссом, и такого рода популярность презирал и ненавидел.

А тут вдруг, как гонг, ударил свой отечественный лозунг: «Будем как Солнце!» Станем безудержным «воплощением внезапной мечты», насладимся всеми утехами «Зачарованного грота» [9].

А «внезапности мечты» у людей пресыщенных, по всем статьям быта благополучных, в большинстве случаев совершенных бездельников, были иногда весьма многообразны...

Это желание непременно вылезти из кожи и «сладко падать с высоты» [10], рожденное в тупиках мысли и чувства, в тупиках же и иссякало, но в общую атмосферу жизни вливало явно разлагающую струю.

Где-то уже явно слышались грозные гулы грядущего 1905 г., а над Москвой, утопающей в переутонченных причудах, в вине, в цветах, в экзотической музыке, стоял столбом мертвенно зеленый масленичный угар.

Подбор вошедших в моду литературных произведений и бешеный спрос на них являлись тоже знамением времени.

Возрос небывалый интерес к Оскару Уайльду, раскупили в миг «De profundis», «Балладу Редингской тюрьмы», «Портрет Дориана Грея» и «Саломею» — последние два очень дорогие «роскошные издания Грифа». Потребовалось буквально рынком новое издание «Цветов зла» и все до последней строчки Бодлера. «Homo sapiens» — изд. «Скорпиона» — стало новой моральной проповедью [11]. Интерес к личной жизни новых писателей набухал пикантными сплетнями, выдумками, россказнями небылиц.

Маленькие газетные церберы — прихвостни старых толстых журналов и маститых авторов — вопили «караул» с эстрады Художественного кружка, поносили в лицо непристойными словами докладчиков враждебного лагеря. Очередные вторничные рефераты редко кончались без скандалов.

Но ничего не помогало. Унылое платоническое народничество и каноситель житейского быта под разными соусами надоели читающей публике. Бессознательно жаждала она чего-то «нового», а это новое, да еще в извращенном понимании, ошарашивало воображенье концепциями, формами, трепетными, раздражающими намеками символов.

Так — хаотически, скачками, среди карикатурных курьезов завоевывала свое место на страницах истории новая русская литература. Все эти нелепости отвалились потом, как отмороженные пальцы. Осталось крепкое стальное звено в цепи русской — и европейской — преемственной культуры, которое, как чернорабочий, начал одиноко ковать Брюсов. Умирающий, расползающийся по всем швам, разлагающийся быт отражал эту эстетическую сумятицу в самых комических подробностях.

Дамы, еще вчера тяжелые, как кули в насиженных гнездах, загрезили о бальмонтовской «змеиности», о «фейности» и «лунноструйности»; обрядились в хитоны прерафаэлитских дев и, как по команде, причесались à la Monna Vanna [12].

Кавалеры их и мужья приосанились, выутюжились à la Оскар Уайльд. Появились томно-напудренные юноши с тенями под глазами. Излюблен-

ным цветком стала «тигровая орхидея», впрочем, еще до Бальмонта увековеченная пикантным Мопассаном как «грешный цветок».

За ассамблеями подавались рюмки и бокалы на тончайших и длиннейших хрупких ножках, гостиные раскорячились «стильной» мебелью отечественного изделия, на спинках диванов повисли лоскутки парчи, вошли в моду тусклые, линялые цвета, в употребленье — слова: «нюанс», «аспект», «переживанье», «многогранность».

В те дни действительно «угрюмым магом» с высот «Метрополя» смотрел на этот «балаганчик» Брюсов, окруженный очень немногими друзьями, соработниками и почитателями, не пустившимися в пляс. Именно в те годы он, может быть, остро, как никогда, чувствовал потерю Ивана Коневского, на которого возлагал самые большие надежды и как на поэта и как на человека. Когда Брюсов говорил о Коневском, у него менялось лицо и он делался тем Брюсовым, которого так хорошо знала, может быть, одна я и которого так легкомысленно проглядел до конца Андрей Белый!.. Помню, в одну из наших совместных летних поездок Брюсов предложил мне поехать в «Ливонскую Швейцарию» (поблизости от Риги на берегу реки Аа), на могилу Коневского. Он не любил ни кладбищ, ни могил, и меня это желанье удивило. В жаркий июльский день стояли мы на берегу Аа. Чуть заметные воронки крутились на сверкающей солнцем и лазурью воде.

— В одну из таких втянуло Коневского,— сказал Брюсов, — вот в такой же июльский день... вот под этим же солнцем... Он был без бумаг, его схоронила деревня как безвестного утопленника и только через год отец случайно узнал, где могила сына...

Он стоял, отвернувшись от меня, и бросал камешки в воду, с необычайной четкостью попадая все время в одну точку. Это бросанье камешков я видела потом много раз,— оно выражало всегда у Брюсова скрытое волненье и глубокую печаль.

Потом мы пошли на кладбище. Ах, ничего не потерял Ив. Коневской, если деревня похоронила его в этом пышном зеленом раю, как безвестного утопленника. Зеленым шумящим островом встало оно перед нами,— низенький плетень, утопающий в травах,— ни калитки, ни засовов,— только подвижная рогатка загораживала вход — и то, верно, не от людей, а от коров... Совсем у плетня скромный черный крест за чугунной оградой — на плите венок из увядающих полевых цветов, а над могилой, сплетаясь пышными шапками, разрастаются дуб, клен и вяз.

Брюсов нагнулся, положил руку на венок, долго и ласково держал ее так и оторвал несколько травинок от венка. Я знаю, что он очень берег их потом.

Ив. Коневского он вспоминал не раз в горестные минуты жизни. Кроме него, у Брюсова настоящих друзей уже не было никогда ⟨...⟩

Большим пышным вечером чествовали приезд Блока в доме А. Белого, потом у нас — в «Грифе»[13].

Брюсов, сам Блок, Бальмонт, Эллис читали стихи за чайным столом, за ужином. Но не богемный, а чисто светский характер носил этот вечер. Только А. Белый как-то боком, по-медвежьи или точно по кочкам ходил среди гостей в черненькой своей курточке. Иногда подходил и спрашивал: «Хорошо? Правда? Хорошо, что приехал Блок? Вам нравится Любовь Дмитриевна?»

В этот вечер сковались крепкие звенья той цепи, что связала потом в трагические узлы судьбу и жизнь некоторых присутствующих. Но только молодые сотрудники «Грифа» и аргонавты смотрели на Блока, восторженно ловя его каждое слово. Бальмонт, как всегда слишком занятый собой и уже с легкими признаками наступающего «одержанья», был с Блоком

почти высокомерен, Брюсов преувеличенно оживленно, но почему-то крайне сухо, говорил с ним о его книге, о стихах, о «Скорпионе» и т. п. Всех поразило чтение стихов Блока. На первый раз оно казалось почти топорным, монотонным, нагоняющим скуку. Все на низких однообразных нотах, точно при этом каждую строчку отбивал невидимый метроном. Но именно эта простота потом начинала неизъяснимо нравиться, казалась органически связанной со всем его существом. ⟨...⟩

Блок уехал. Аргонавты чутко насторожились, а мистерии все не осуществлялись. В те дни Белый даже как будто избегал аргонавтов. В душе его совершался бессознательный, но тягостный перелом. Подменялись смыслы, колебалась почва под ногами, наплывали тяжелые флюиды, стало пугать то «черное» начало, носителем которого он считал Брюсова. Запомнился мне необычайно отчетливо один вечер. В Художественном театре первый раз давали «Вишневый сад» [14]. Мы поехали вдвоем. Ощущение огромного личного счастья преображало все; все казалось значительным, необычайным, полным нового прекрасного смысла. Крупными горящими звездочками кружились снежинки вокруг фонарей. Белые гирлянды небывалых цветов свисали с деревьев. Милой, какой-то родной казалась спина у извозчика — скорбно согнутая спина вечного чеховского Ионы. В фойе — настоящий праздник искусства: вся литературная и артистическая Москва. Русский московский праздник, освященный традициями, тоже казался прекрасным, неповторимым.

Плохие почему-то только нам попались — боковые — места в партере. Приходилось, глядя на сцену, вытягивать шею.

В антракте зал задвигался, зашелестел, зашумел, заблистал. Куда смотрел А. Белый с таким ужасом потемневшим синим взором?

— Смотрите? Видите?.. Напротив, в ложе бенуара. *Он*! *Он* смотрит! Ах, как это плохо, плохо, плохо!

— Он? Кто?

— Валерий Брюсов!

Действительно, напротив, около самого барьера ложи, опустив вниз руку с биноклем, на нас пристально смотрел Брюсов. Точно сквозняком откуда-то подуло. Не знаю почему, но сердце сжалось предчувствием близкого горя.

Мы очень официально раскланялись. Потом я напоминала этот вечер Брюсову. Он смеялся: «Вольно же вам было быть такими хрупкими, и еще верить в «сглаз».

В этот вечер неясно еще для меня Брюсов незримо вошел в мою жизнь, чтобы остаться в ней навсегда — вечно. ⟨...⟩

Символистская эпоха была одной из неповторимых русских литературных эпох, потому что многими корнями своими она врастала в назревающий катастрофический перелом русской жизни, отмеченный двумя грозными датами: 1905 и 1917 гг.

В романе «Хождение по мукам» А. Толстой описывает Петербург перед разразившимися событиями и разложение самых избранных интеллигентских кругов. На него была похожа Москва в 1903, 1904 гг. В стремлении общества что называется «вылезти из кожи» было бессознательное прощанье с бытом, все прелести которого людям, очертя голову, хотелось использовать до последних возможностей. Прогрессивная волна переживаемого момента в те годы не захватила широкую толпу. Деятельность же работников и созидателей, обставленная в высшей степени мрачными подробностями, проходила, конечно, подпольно и в тиши.

А на авансцене, словно накануне потопа, бесновались искривленные призраки,— люди никчемные, ничтожные, провозгласившие лозунгом ⟨своей⟩ жизни дурно понятое «самоутверждение».

А. А. БЛОК
Рисунок неизвестного художника.
Карандаш, 1900-е годы
Литературный музей, Москва

В пучине исторических событий, конечно, рождаются новые люди, новые ратоборцы будущего,— и они рождались уже тогда, но не на виду, не на глазах.

Что символические поэты и писатели тех лет стояли далеко от общественности, я думаю, за это их не должно упрекать. Может быть, не поднялся еще слишком высоко гребень волны. Но когда восстал «девятый вал», многие из них доказали на деле свою любовь к подлинной России. Но тогда — да!— они были далеки от общественности и реагировали на происходящее вокруг своеобразно, точно стремясь уйти из этого мира как можно дальше в какой-то манящий тайнами, загадками, обещаньями, намеками сверхчувственный мир.

Характерны стихи и романы Ф. Сологуба тех дней,— особенно «Навьи чары», примечателен вопль Бальмонта «Будем как Солнце!», «Огненный ангел» Брюсова — вещь, правда, задуманная давно, но написанная со страстным вдохновением именно в то время. Бесформенное мучительное мистическое чувство, живущее на дне души каждого художника, обострилось до мученья в целой плеяде писателей и выражалось в каждом соответственно его индивидуальности: у Сологуба — в демонизме, у А. Белого и отчасти у С. Соловьева как заостренная маниакально-религиозная идея, у Блока в туманном мистицизме «Прекрасной Дамы», в безудержном эротизме у Бальмонта. И у молодых: в общем порыве к тому, «чего нет на свете».

О Брюсове я бы сказала, что в душе его «зашевелился» «древний хаос»— его позвали заповедные цветущие сады его поэтической мечты, находящиеся за порогом уютного семейного гнезда на Мещанской.

Стремление к чему-то небывалому, невозможному на земле, тоску души, которой хочется вырваться не только из всех установленных норм жизни, но и из арифметически точного восприятия пяти чувств — из всего того, что было его «маской строгой» в течение трех четвертей его жизни,— носил он в себе всегда.

Разве не стоном звучат эти строки:

Влеки меня, поток шумящий!
Бросай и бей о гребни скал,
Хочу тоски животворящей,
Я по отчаянью взалкал! [15]

А вокруг него, умильно посматривая на мэтра, бродили поэты с ненапечатанными рукописями, вокруг царствовала, несмотря на разнузданность карнавала, условность чувств и отношений, бродила в полудобре и полузле толпа знакомых и чужих.

«Взалкав по отчаянью», по гомерическим чувствам, которые всегда были единственным стимулом его творчества, он спустил с цепи свой «хаос» и швырнул себя в «поток шумящий» совершенно исключительных жизненных комбинаций.

Что же отметил тогда во мне Валерий Брюсов, почему мы потом не расставались 7 лет, влача нашу трагедию не только по всей Москве и Петербургу, но и по странам? Отвечая на этот вопрос, я ничего не преувеличу и не искажу. Он угадал во мне органическую родственность моей души с одной половиной своей, с той—*тайной*, которую не знали окружающие, с той, которую он в себе и любил,— и, чаще, люто ненавидел, с той, которую сам же предавал, не задумываясь, вместе со мной своим и моим врагам.

И еще одно: в то время как раз облекалась плотью схема «Огненного ангела», груды исторических исследований и материалов перековывались в пластически-прекрасную пламенную фабулу. Из этих груд листов, где каждая крохотная заметка строго соответствовала исторической правде, вставали образы графа Генриха, Рупрехта и Ренаты.

Ему были нужны подлинные земные подобия этих образов, и во мне он нашел многое из того, что требовалось для романтического облика Ренаты: отчаяние, мертвую тоску по фантастически прекрасному прошлому, готовность швырнуть свое обесцененное существование в какой угодно костер, вывернутые наизнанку, отравленные демоническими соблазнами религиозные идеи и чаяния (Элевзинские мистерии!..) [16], оторванность от быта и людей, почти что ненависть к предметному миру, органическую душевную бездомность, жажду гибели и смерти,— словом, все свои любимые поэтические гиперболы и чувства, сконцентрированные в одном существе — в маленькой начинающей журналистке и, наперекор здравому смыслу, жене С. Кречетова, благополучного редактора книгоиздательства «Гриф».

Ни одним из этих моих качеств я не горжусь. Многие из них отмерли с годами, некоторые прошли, как проходят в жизни каждого человека неминуемые детские болезни. Некоторые же не только укрепились, но ощутились как органическая основа души навсегда.

Тогда же *все* они цвели во мне пышным букетом и к тому же в прекрасной раме барственной жизни, где даже детали горя обставлялись эстетически.

И я нужна была Брюсову для создания не фальшивого, не вымышленного в кабинете, а подлинного почти образа Ренаты из «Огненного ангела».

Потому любопытство его, вначале любопытство почти что научное, возрастало с каждым днем <...>

Было это поздней ночью в каком-то трущобном переулке около Дорогомиловской заставы. Ледяной ноябрьский ветер свистал по пустырю, кололся налету замерзающий дождь. Глубоко пряталась в пухло-черных тучах маленькая хилая луна. Свет ее в грязных прорезах был мертвенно сер. По рытвинам, по тоскливому бездорожью тянулись низкие досчатые заборы. «Золото и лазурь» задернулись погребальной пеленой этой ночи,— навсегда...

— Вот видите, В. Я.,— обступил ведь «сон глухой черноты» и уйти некуда,— нужно значит войти в него. Вы уже в нем, теперь я хочу туда же.

Он, конечно, знал, о чем я говорю. Под эту «декадентскую фразу» даже здесь, сейчас, я могла бы подписать простую, удобопонятную. Но тогда выражаться удобопонятно было не в моде.

Он знал, но все-таки мы еще не понимали друг друга.

Брюсов положил мне руки на плечи и посмотрел в глаза невыразимым взглядом:

— И пойдете? Со мной? Куда я позову?

С этой ночи мы, сами того не зная, с каждым днем все бесповоротнее вовлекались в «поток шумящий», который крутил нас потом 7 лет.

Наступала настоящая зима—с морозами, с запевающими на перекрестках белыми вихрями.

В наших излюбленных печальных и бесприютных местах, в Дорогомилове, в Девичьем монастыре, на Ваганьковском кладбище, в вымершем Петровском парке наметало сугробы. Тогда мы стали проводить дни в музейных и выставочных залах, а ночи в ресторанах — всего больше в ресторане «Метрополь».

Помню наш столик,— говорю «наш», потому что лакеи, включив нас в круг ночных забулдыг, как-то умели его освобождать к 11 часам. Он стоял около внутренней подъемной машины. Стеклянный высокий ящик, разрисованный по изумрудно-морскому фону какими-то подводными цветами, медленно поднимался и опускался каждые пять минут. В нем простонапросто возили пустые тарелки и привозили кушанья. Но в слегка затуманенном вином и музыкой мозгу возникали причудливые грезы о подводном морском дне,— качались полумертвые водоросли, они словно ждали утопленников, чтобы оплести их тела цепкими зелеными волосами, таращили глаза морские рыбы, шевеля радужными вуалевыми хвостами, дышали ядовито-жгучие подводные цветы...

Красный фрак дирижера неаполитанского оркестра развевался узкими фалдочками в синеватой ресторанной мгле.

Об этих ночах Брюсов писал:

> Словно в огненном дыме и лица и вещи...
> Как хорош, при огнях, ограненный хрусталь...
> За плечом у тебя веет призрак зловещий ... [17]

Но ни в концерты, ни в театры мы почти никогда не ходили, иногда разве, и то словно по наряду, на значительные премьеры. Серьезная музыка, да что, даже опера, наводили на него буквально сон. Самый сладкий, запретный и неприличный сон.

Какой-то новомодный режиссер Большого театра вывез почти все декорации для «Мадам Баттерфляй» из Японии [18]. Это было сенсационно, и вся почти Москва сбежалась слушать и смотреть. Мы тоже пошли. К концу первого акта В. Я. начал зевать, в начале второго просто заснул, а в конце его уехал на заседание Художественного кружка. «Братьев Карамазовых» я, благодаря ему, из двух представлений видела три четверти первого с грехом пополам [19]. А на «Жизнь человека», где я проплакала от поднятия занавеса до конца над «разбитой жизнью», он и совсем не пошел [20].

Современный театр его не удовлетворял. Он находил его обветшалым, слишком связанным с отжившими традициями. Даже Художественный тех лет. ⟨...⟩

В 1905 г. покойный Врубель писал портрет Брюсова, находясь в психиатрической лечебнице д-ра Усольцева в Петровском парке в Москве. Щемящей безнадежной тоской над особняком шумели облетающие липы. В коридорах тоже тоска смертная. Помню, дверь была полуотворена в одну камеру. Кто-то сидел у стола, закрыв лицо руками, рядом стоял служитель и уговаривал:

— Барин! скушайте котлетку...

— Голубчик, скучно мне,— отвечал голос на звенящих струнных нотах. И опять:— Да барин же, скушайте ж котлетку.

В одной из этих одиночных камер полуслепой, безумный Врубель писал портрет Брюсова — каменную легенду немыслимых плоскостей, линий углов,— стараясь замкнуть в гранитном футляре — огненный язык.

Брюсов не любил этого портрета. Чуть наклоненная вперед фигура поэта отделяется от полотна, испещренного иероглифами. Все в ней каменно, мертво, аскетично — застывшие линии черного сюртука, тонкие руки, скрещенные и плотно прижатые к груди, словно высеченное из гранита лицо. Живы одни глаза,— провалы в дымно-огневые бездны. Впечатление зловещее, почти отталкивающее. Огненный язык, заключенный в теснящий футляр банального черного сюртука. Это страшно. Две стороны бытия, пожирающие друг друга,— какой-то потусторонний намек...

Портрет этот никому не понравился. Мы с Брюсовым тайно согласились его уничтожить — просто искромсать ножом,— совершенно по-скифски и совершенно не думая ни о вечности, ни об убытках мецената. Помешало одно непредвиденное обстоятельство: в тот вечер, когда мы, будучи своими людьми, могли свободно пройти в редакцию «Золотого руна» в отсутствие издателя, лакей Филипп напился и не отпер нам дверь. Потом пришла неудобная для действия неделя, и Николай Рябушинский, верно что-то учуяв в воздухе, портрет куда-то скоро сплавил. Где он сейчас, не знаю, но недавно видела репродукцию его здесь, в Берлине [21].⟨...⟩

В приемной «Скорпиона» и «Весов» в деловые часы стиль был строг и неизменен. Здесь более, чем где-либо, одна половина существа Брюсова жила своей подлинной жизнью.

Молодые поэты поднимались по лестнице с затаенным сердцебиением. Здесь решалась их судьба — иногда навсегда, здесь производилась строжайшая беспристрастная оценка их дарований, знаний, возможностей, сил. Здесь они становились перед мэтром, облеченным властью решать, судить, приговаривать.

Не только для Москвы и Петербурга, но тогда и для всей России две комнатки на чердаке «Метрополя» приобрели значенье культурного центра, непоколебимость гранитной скалы, о которую в конце концов разбивались в щепки завистничество и клевета ортодоксальной критики.

Аристократизм «Скорпиона», суровая его замкнутость, трудность доступа в святилище, охраняемое «свирепым цербером» (так говорили, конечно, шутя) — все это вместе относилось исключительно на счет Брюсова, и стена между ним и людьми росла ⟨...⟩

«Острый, как иголка», сухой, недоброжелательный ко всем нам и, конечно,— хотя и несправедливо,— ко мне.

В те годы он был очень болен и постоянно подвергался каким-то операциям в кости верхней челюсти. Появлялся измученный, исхудавший, со свирепым выражением лица.

— Оставьте меня все!— говорило оно.

БРЮСОВ
Портрет работы М. А. Врубеля. Сангина, уголь, 1906
Третьяковская галерея, Москва

А Кречетов, ненавидевший Брюсова люто и всю жизнь, злорадно подсмеивался:

— Совершеннейший волк! Глаза горят, ребра втянуло, грудь провалилась. Волк, да еще голодный, рыщет и ищет, кого бы разорвать!

Смешных легенд в те годы о Валерии Брюсове ходило множество, и все они почему-то окрашивались в один цвет: *черный*. Всего больше этому способствовали А. Белый и С. Соловьев. Ничего, кроме облика лубочного демона, не «узрел» А. Белый в личности Брюсова — глубокой, неисчерпываемой, неповторимой...

Будучи человеком бездонных духовных глубин, Брюсов никогда не обнаруживал себя перед людьми в синтетической цельности. Он замыкался в стили, как в надежные футляры,— это был органический метод его самозащиты, увы, кажется, мало кем понятый.

Однажды, еще до нашего знакомства, в доме друга Брюсова — Ланга-Миропольского я долго смотрела на портрет 20-летнего Брюсова. Пламенные глаза в углевых чертах ресниц, резкая горизонтальная морщина на переносье, высокий взлет мефистофельски сросшихся бровей, надменно сжатые, детские нежные губы.

Власть и обреченность на суровый жизненный подвиг. Вспоминая тот портрет сейчас, я читаю запечатленные строки:

Ты должен быть гордым, как знамя,
Ты должен быть острым, как меч;
Как Данту, подземное пламя
Должно тебе щеки обжечь [22].

Он подставлял лицо и душу палящему зною пламенных языков и, сгорая, страдая, изнемогая, всю жизнь исчислял градусы температуры своих костров. Это было его сущностью, подвигом, жертвой на алтарь искусства, не оцененной не только далекими, но даже и близкими, ибо существование рядом с таким человеком тоже требовало неисчислимых (и, хуже всего, не *экстатических*, а *бытовых*, *серых*, *незаметных*) жертв.

Для одной прекрасной линии своего будущего памятника он, не задумываясь, зачеркнул бы самую дорогую ему жизнь.

Фанатиком, жрецом, священнослужителем искусства прошел Брюсов сквозь жизнь, и *в этом одном была его органическая сущность.*

Мало кто знает сейчас действительно, как жил Брюсов в дореволюционные годы. Он был странно охвачен страстью общественной деятельности, совершенно беспартийно, и также в этот тусклый костер бросал немалую часть себя. Художественный кружок, рефераты, заседания, суды чести, участие в художественных президиумах, редакция «Скорпиона», «Русской мысли»— в те годы все это поглощало у короткого вообще человеческого дня часы и часы. Он писал стихи на ночном, на «вечернем асфальте», они высекались в его памяти, как на медной доске, он писал их в трамваях, на извозчиках, в коридорах общественных учреждений, за ужинами, на вернисажах.

У него не было ни одной записной книжки (у Бальмонта от них топорщились карманы). Иногда приходил и говорил:

— Скорей! Садись, запиши, я потом *«сделаю»*.

Это слово я подчеркиваю. Капризное экстатическое вдохновенье, управляющее, например, всей поэтической сущностью Бальмонта, Брюсов считал лабораторным процессом, о котором никто не должен знать, пока строфы и рифмы, обработанные на чернорабочем станке, не получали ковкость и звонкость металла 〈...〉

Недавно я спросила одного молодого поэта:

— Каким представляет себе ваше поколение Брюсова в реальной жизни?

— Размеренным, конечно, методичным...

Рассказывают, например, что он писал стихи, запираясь, как в башне, у себя в кабинете, требуя вокруг абсолютной тишины, писал по хронометру— «от такого-то до такого-то часа...»

Смешно, но так думали и думают многие! Никто, вероятно, не скажет этого про Бальмонта! 〈...〉

Знаменитые строчки Бальмонта:

Нам нравятся поэты, похожие на нас,
Священные предметы, дабы украсить час, [23] —

Брюсов приводил как яркий и комический пример поэтического «соловьиного пения», где не требуется «работы», упорной, часто ювелирной, часто скульптурной, часто философской. Но *когда* он работал, поглощая тома материала для предварительных исследований,— я не знаю, как успевал с такой внешней легкостью выбрасывать в печать тома стихов и прозы — это для меня до сих пор тайна 〈...〉

Бог знает, какой сумбур в характеристику Брюсова вносит А. Белый в «Воспоминаниях о Блоке» [24].

А в Москве были и такие, что на первом плане отмечали обывательски-буржуазные черты его жизни.

На многое *и я* смотрела с грустью...

Но только теперь, через годы, после смерти, глубокий смысл открылся для меня в его полушутливых, не раз повторяемых словах:

— Ах, позволь мне иногда быть маленьким, маленьким и в это время уходить. Позволь мне иногда прятаться «в коробочку». Я так устал быть всегда «большим».

Да, я, конечно, не могла бы играть с ним и его родственниками по воскресеньям в преферанс по маленькой, чистить щеткой воспетый двумя поколениями поэтов черный сюртук, печь любимые пироги, варить кофе по утрам, составлять меню обеда и встречать его на рассветах усталого, сонного, чужого. Для всего этого нужна была «коробочка»— стиль. Жизнь жены его, полная незаметных, но, вероятно, колоссальных бытовых жертв, не будет воспета литературными историками и не запламенеет в вечности самоцветами терновый венок ее.

Ах, слишком долго, с маской строгой,
Бродил я в тесноте земной... [25]

Годы, о которых я пишу, были годами расцвета таланта, сил и общественно-поэтической деятельности Брюсова. Он приступил тогда к печатанию сборника «Stephanos»— запечатленному в «Носледних мечтах» пышными строками:

Когда ж в великих катастрофах
Наш край дрожал и кликал Рок,—
Венчая жизнь в певучих строфах,
Я на себя взложил «Венок» [26].

Жизнь венчала его истинной славой и признаньем, и именно в те дни слагалась его ложная легендарная характеристика. Будет ли она исправлена, разъяснена после смерти,— не знаю.

Увидавшись с А. Н. Толстым здесь, в Берлине, спросила:

— Ну, а что же Брюсов? Расскажите.

Экспансивный и жизнерадостный Толстой сделал безнадежный жест.

— О чем с ним говорить-то? Сидели рядом за столом, «заседали», обсуждали вопрос о писательских пайках.

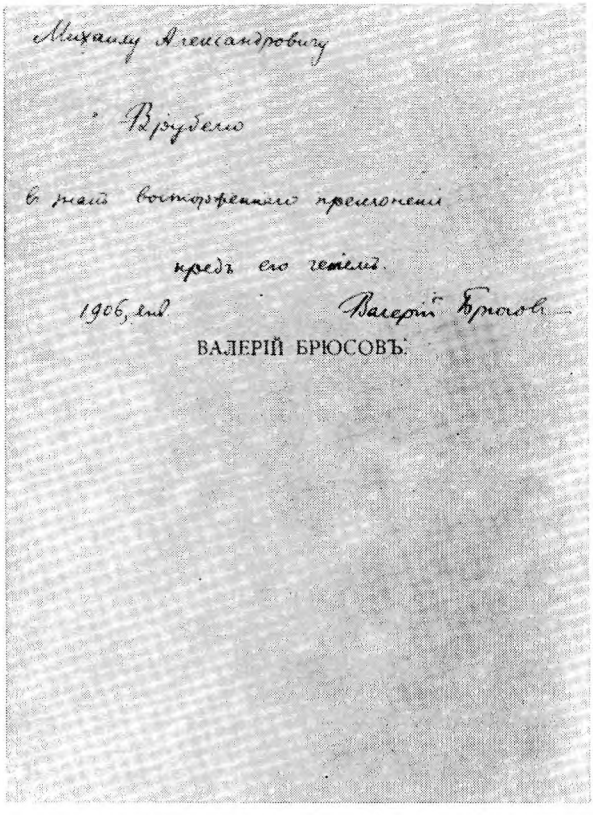
Толстой повел плечами, как в ознобе:

— Холод какой-то вокруг Валерия Яковлевича. Даже физический, могильный какой-то! Больше не встречались...

Так рассказывал о Брюсове последних лет А. Н. Толстой — человек чуткий, хотя и далекий ему, но все же не чужой. За «маской строгой» и он ничего не прозрел.

Но не виню в этом А. Н. Толстого, встретившего Брюсова за два года до смерти — верно, полубольного, на 50-й весне. Вероятно, как никогда, загородившегося «стилем». Но и в те баснословные наши годы, когда имя его было окружено ореолом славы, никто не подошел к его сущности верным путем.

Литераторы, особенно петербургские, критика, публика, просто знакомые,— все без исключения, сделав схему из его подлинных же черт, рассматривали в Брюсове какого-то «бумажного», бесплотного человека. Молодые поэты, талантливые и бездарные, перед ним почтительно преклонялись, принимали каждое слово его за схоластическое откровение, расшифровывали, споря до пота, каждую строчку его поэзии, как некие замысловатые профессиональные ребусы, падали ниц перед его «мастерством», но... в редакцию «Скорпиона» шли, как на казнь.



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ НА СБОРНИКЕ «STEPHANOS»:
Михаилу Александровичу Врубелю в знак восторженного преклонения пред его гением.
1906, янв. Валерий Брюсов»
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Было, конечно, больно, когда анатомически-расчленяющий нож вонзался в живое тело. Было очень больно, и боль казалась незаслуженной, потому что не понимали *отчего* и *зачем* эта мука и *какой властью* терзал их Брюсов.

Помню эстетизирующего новеллиста-петербуржца С. Ауслендера, свалившегося однажды в Москву, как лягушка в чужое болото. В оливковой суконной рубашке до пят, без пояса с белым воротником «à la Робеспьер», с локоном, свисающим до кончика носа.

От «инквизиционной пытки» «Весов» он пришел отдыхать в «Перевал» под гостеприимный кров С. Кречетова. И в «Весы» не вернулся. Инквизитор от литературы, схема, картонный манекен, начетчик, маг, волхв, звездочет, «одержимый», маниак честолюбия и величия, в общении человек трудный и тяжелый, ядовитый, колющий, как игла,— так покончило с личностью Брюсова общественное мненье, так поставило на нем штамп...

Для петербуржцев (да простится это и покойному А. Блоку!) литературная Москва казалась царством Брюсова, очень неприятной «монархией», царством «ежовой рукавицы». А в Москве уже маститый, на всех перекрестках признанный Брюсов, председатель Художественного кружка, член многочисленных обществ, член суда чести, arbiter художественного вкуса — считался каким-то дальнобойным колоссальным крепостным орудием, официальной военной позицией и... консервированным, замаринованным в строфах, томах, трудах — сухарем. Жертв его никто не понимал и не принимал. И его никто не любил. ⟨...⟩

Жизненные встречи его были лишь профессионально-социальными отношениями, лучше сказать,— «клише» отношений, семейная жизнь его — фикция — привычный отель с мягкой постелью. Всю боль раздвоенности,

весь огонь чувств, всю трагедию свою он укрывал под «маской строгой».

Вечно повторяющиеся слова его стихотворений — фатальные, знаменательные, исчерпывающие — проходили мимо внимания современников не отмеченными или назывались «реторикой».

— Ну что общего у этого манекена в черном сюртуке со «страстью», «отчаянием», «безумием», «алчбой», «трепетами» и «гибелью»?

Было признано в 1905 году пресловутое *бальмонтовское безумие*, возникающее на дне третьего стакана. Бальмонт «творил из жизни поэмы» по кабакам и канавам арбатских переулков, а Брюсов в это время «заседал», копался в архивах и «рыскал по оккультным подозрительным произведениям», собирая материалы для «Огненного ангела» (в кавычках фраза А. Белого из «Воспоминаний о Блоке»). А. Белый писал о нем чепуху и смущал отдаленного, в себе замкнутого Блока; Сергей Соловьев гомерически, чисто по-соловьевски им упивался лишь как поэтом; Ходасевич, прекрасный друг моего прошлого, ядовито эстетически «наблюдал». За столами, крытыми зеленым сукном, стояли его троны, стояла уже перед ним на задних лапах реакционная критика, дамы заучивали наизусть его строчки, редакции по-лакейски распахивали двери, толпа при его появлении в публичных местах смущенно замолкала. Пышный «Stephanos» короной венчающей ложился на его голову, а Валерий Брюсов как человек оставался мифом, провинциальной легендой на демоническую тему, сочиненной А. Белым. ⟨...⟩

ИЗ ПИСЕМ БРЮСОВА К ПЕТРОВСКОЙ (1906—1909)

⟨Москва.⟩ 27 мая 1906

Мне нужно какое-то воскресение, какое-то перерождение, какое-то огненное крещенье, чтобы стать опять самим собой, в хорошем смысле слова. Куда я гожусь *такой*, на что нужен! Машинка для сочинения хороших стихов! Аппарат для блестящего переложения поэм Верхарна! Милая, девочка, счастье мое, счастье мое! Брось меня, если я не в силах буду стать иным, если останусь тенью себя, призраком прошлого и неосуществленного будущего. Неужели в 32 года пережил я всю свою жизнь, обошел весь круг своих возможностей? Я столько смеялся над Бальмонтом, неужели же я на себе испытаю его участь?

⟨Москва.⟩ 2 июня 1906

Состояние души моей не улучшается, а делается все хуже и хуже. Чувствую полное бессилие. Мой верный термометр, мое стихотворное творчество, упал очень низко: со дня твоего отъезда я не написал ни одного стиха. Да и вообще с января я вряд ли написал больше десяти стихотворений, очень умеренного достоинства. Перестать писать стихи для меня совершенно равносильно духовной смерти. А я перестал писать стихи. Ты пишешь мне: работай. Я ничего не могу работать. С большим усилием над собой делаю я кое-что по библиографии для нового издания Пушкина, затеянного Брокгаузом; больше ни на что не способен...

5 июня 906. Москва

При всех своих падениях и замираниях, в общем я жил жизнью очень напряженной, если ⟨не⟩ во внешнем, то во внутреннем. Все сделанное мною (а кое-что мною сделано-таки) досталось мне вовсе не даром. И вот настал час, день, когда идти дальше по той дороге, по которой я шел, некуда. «Urbi et Orbi» дали уже все, что было во мне. «Венок» завершил мою

поэзию, надел на нее воистину «венок». Творить дальше в том же духе — значило бы повторяться, перепевать самого себя. Это может Бальмонт, я этого не могу. И вот, в этот страшный час распутия, ты мне говоришь о любви, о нежном счастии. Я должен все силы своей души направить на то, чтобы сломать преграды, за которыми мне откроются какие-то новые дали, — чтобы повернуть своего коня на новый путь. У меня сейчас не может быть сил ни на что другое. Приди ко мне с волшебным жезлом, открывающим эти новые пути,— и я пойду за тобой. Ах, то воистину должен быть волшебный жезл, воистину новые слова: не слова о безумии, которые я сам говорил слишком часто, не слова о нежном счастии, которое хотя — и на миг — мы изведали с тобой вместе, и уж конечно не слова из революционного словаря, годные для младенцев вроде твоего Сережи. Есть какие-то истины — дальше Ницше, дальше Пшибышевского, дальше Верхарна, впереди современного человечества. Кто мне укажет путь к ним, с тем буду я.

10 июня 1906, Москва

Есть два круга вещей, о которых мы никогда или почти никогда не говорим с тобой: один очень «низкий», другой очень «высокий». Это — обычные деления, не мои; сам я не делю вещи на «высокие» и «низкие»,—мне все кажутся равными, равно важными, равно достойными. Но медленно и систематически ты не давала мне заговаривать о многом и свела все наши разговоры к одной теме: нашей любви. Вот почему мне так трудно теперь ответить на твое последнее письмо (письмо милое, хорошее, желанное — я уже сказал). Мне придется начать издалека. Мне придется (и это прости мне) вызвать несколько воспоминаний этой зимы, мучительных,— одни для тебя, другие для меня. Но ведь надо же высказаться; ведь многое мы посмели сказать друг другу; останемся смелыми!

Думаешь ли ты, что я забыл, что ты не стала читать моей последней книги? Знаю, все знаю, все помню. Но то был жестокий удар для меня. Ты не знаешь, сколько нитей оборвала ты тогда между моей душой и твоей... Но это было только начало. Ничего из того, что я писал после, не пришлось тебе по душе: ни новые мои стихи, ни рассказы, ни статьи. Тебе все это не нравилось или по крайней мере нравилось далеко не так, как многое в моих прошлых книгах. Возможно, что ты права; возможно, что я пишу хуже, чем прежде. Но ведь мне-то эти мои стихи, рассказы, статьи — дороги; я-то ведь не считал их плохими! И опять и опять обрывались нити между нашими душами. Но вот однажды я заговорил с тобой вообще о поэзии, о том, о чем сам с собой я говорю всегда. Это было, помнишь, днем, на бульваре... Я испугался той пропасти, которая оказалась между нами. Ты подняла руку на самые заветные мои убеждения, оскорбила самые святые мои верования. И опять-таки возможно, что права ты, а я не прав. Возможно, что в искусстве высказываемые мысли важнее, чем художественное значение произведения. Но я-то ведь в это поверить не могу! Для меня-то ведь единственным мерилом в поэзии (а впрочем и везде, во всем) останется художественность. Мне, художнику, партийная нетерпимость кажется вздорной [27], а оскорбление прекрасного стиха — оскорблением моего божества. И после того дня последние нити, связывавшие нас в том мире, оборвались, и я стал думать, что мы с тобой там — чужие. Ибо никогда, никакие мучительства жизни, никакое изнеможение не убьет и даже не притупит в моей душе поклонения поэзии. Я могу утратить способность писать стихи, но не могу перестать упиваться ими. Отказаться читать книгу любимого поэта из-за личных отношений; бранить стихи, потому что не согласен с высказываемыми в них мыслями,— это для меня столь же невозможно, непонятно, чуждо, как ощущение иного, нежели я, существа. И когда ты обращаешь ко мне такие слова, прекрасные, пьянящие, увлекающие, как в последнем письме, мне хочется вырваться из

их опьянения, из их соблазна, и сказать тебе: Да полно? да разве мы не чужие здесь? разве мы не враги здесь?

Нина! Нина! Ты знаешь меня и знаешь, что я много лицемерю: жизнь приучила меня притворяться. И в жизни, среди людей, я притворяюсь, что для меня не много значат стихи, поэзия, искусство. Я боюсь показаться смешным, высказываясь до конца. Но перед тобой я не боюсь показаться смешным, тебе я могу сказать, что и говорил уже: поэзия для меня — *все!* Вся моя жизнь подчинена только служению ей; я живу — поскольку она во мне живет, и когда она погаснет во мне, умру. Во имя ее — я, не задумываясь, принесу в жертву все: свое счастье, свою любовь, самого себя. Но в том мире я всегда был одинок, и ты не отучила меня от этого одиночества. Прислушиваюсь к ласкательным словам твоего письма, но не знаю, где найти в душе своей веру в них. Было время меня хулили *все*; теперь меня хвалят журналы. Но, должно быть, у меня еще не было читателей. Мои читатели еще носятся «по небу полуночи» в объятиях ангелов. С моими читателями мне не придется говорить. С ними будут говорить только мои книги.

<Москва.> Ночь с 13 на 14 июня 1906 г.

Когда это началось? Давно, о давно! Теперь я начинаю думать, что еще до моей встречи с тобой. Вероятно к тому времени, когда я закончил «Urbi et Orbi». Что-то было изжито. Какой-то рудник, который другому мог хватить надолго, был мною исчерпан, потому что я не разрабатывал его, а грабил. Я выхватывал из него слитки и губил золотоносные жилы. И вот — слитков более не оказалось. Оставалось или искать новой шахты, или заняться пересмотром ранее отброшенного, ранее отвергнутого, как менее богатого. Помню, верно помню: я переживал тогда именно то, что и теперь: изнеможение, бессилие, неспособность к творчеству, желание убежать, скрыться, утаиться, чтобы меня не заставили думать, действовать, а прежде всего *чувствовать*. Помню, было уже совсем решено, что я уеду на год в деревню. Даже велись уже переговоры с некиим Ачкасовым, чтобы снять какое-то имение... И вдруг пришла — ты, как что-то новое, неожиданное, несбыточное, о чем мечталось давно и что вдруг осуществилось. Пришла любовь, о которой я только писал в стихах, но которой не знал никогда; пришла женщина, о которых я только читал в книгах (в твоем Пшибышевском), но не видал никогда. Ты мне часто говорила, что тот год был воскресением для тебя; но он был и для меня воскресением. У меня вдруг открылись глаза, сделались в сто раз более зоркими; в руках я почувствовал новую силу. Я вдруг увидал вокруг вновь сокровища, которых мой прежний взор не различал; получил возможность разбивать такие таящие золото камни, на которые прежде не смел поднять руки. Я сказал себе: «Безумец! ты считал себя нищим! но смотри! видишь! твой рудник еще полн богатством! бери лом, заступ, добывай, торжествуй!» Ты знаешь, что я это сделал. Я собрал снова целую книгу золотых слитков, там, где, казалось, не было ничего, кроме песку и осколков камней... Но я ошибся. Рудник мой был все же уже опустошен. Скоро, очень скоро поднял я последнюю блестку,— и вот опять стою в пустоте, в разоренной, опустошенной шахте...

Длинное это сравнение я не выдумал: оно пришло само на мысль и оказалось совпадающим с жизнью во всех мелочах. Два года назад я был в своей душе слепым нищим; теперь я зрячий нищий — в этом вся разница, и только (или почти только) в этом. Я не могу более жить изжитыми верованиями, теми идеалами, через которые я перешагнул. Не могу более жить «декадентством» и «ницшеанством», которые верю я, верю — и тебе уже чужды, хотя ты и говоришь иное (тоже из желания противоречий? да?); в поэзии не могу жить «новым искусством», самое имя которого мне

нестерпимо более. Хорошо Мережковскому, который перепархивает с пушкинианства на декадентство, с декадентства на язычество, с язычества на христианство, с христианства на религию троицы или духа святого. Ты когда-то сказала, что я по душе — инок, монах, в средние века я пошел бы в монастырь. Да! да! Я должен верить в то, чему служу, совсем, до конца, и должен служить чему-то. Я притворяюсь скептиком, но

Тяжелый труд нам кем-то дан,
И спросит властно он отчета... [28]

Так, как сейчас, я не могу жить: без бога, без алтаря. И не могу поставить себе «какого-нибудь» бога, наскоро смастеренного, чтобы только было перед кем возжигать фимиамы.

Висби, 27 июня 1906, с. с.

Дней десять как я уехал из Москвы, и за это время я не написал тебе ни строчки ⟨...⟩

Есть в Балтийском море остров Готланд; низменный, плоский, известковый. В средние века на нем был могущественный город Висби. В XIV веке датчане взяли его приступом и разрушили до основания. Он никогда не мог оправиться. Теперь это груда торжественных и величественных развалин — стен, храмов, дворцов,— в которых ютятся жалкие хижины современных жителей да десяток домов новой архитектуры: гостиницы, банки, казармы... Над городом почти южное солнце. Кругом чахлая, хотя и тщательно поддерживаемая, растительность. По улицам, по дорогам, везде кругом — столбы, вихри, тучи известковой пыли. Пыль покрывает деревья сероватой пеленой; пыль закрывает небо; пыль осыпает идущего с ног до головы; пыль набивается в нос, в рот, в глаза, душит, слепит... Остается только одно: бежать к морю, к самому морю, на прибрежный камень, и там под яростным солнцем, но под свежим веяньем из дали — лежать и смотреть в безбрежность ⟨...⟩

Я испытываю омертвение души, словно она — мертвая, а жив я без нее. Я вижу море, на которое когда-то мы смотрели с тобой, на которое когда-то я смотрел детски-дерзкими глазами, и вспоминаю и помню, какой жизнью, каким трепетом наполняло оно меня! Ведь оно не изменилось, ведь оно то же, мощное, великое, прекрасное, как в мою юность, как в дни юности мира: почему же нет этой юности, мощи и красоты во мне! Разве я не хочу быть молодым? разве я не хочу быть красивым? Но моя душа — бессилие, прах, тлен, переживание прошлого, отживание последних зеленых листочков. Но неужели же мне в жизни лежать упавшим деревом, над которым будут свиваться молодые лианы и разрастаться новые побеги?

Saint-Jean-de-Luz, 2 octobre 1908

Что до меня, я все еще ни за что не принимаюсь. Перевожу, понемногу, скучную и риторическую «Елену» (однако II и III акты гораздо выше I)[29]; написал какую-то статейку в ответ критикам (для тебя ничего нового); перебираю и раскладываю по отделам свои старые стихи (новых не пишу). Без малейшего преувеличения мне начинает казаться, что для меня самое лучшее бросить всякие попытки к «творчеству». Буду я мирно жить в стороне от большой дороги литературы; критики не будут меня ругать последними словами; издатели журналов и альманахов перестанут, с ножом у горла, спрашивать с меня статей: не райское ли житье? И я буду, как ветеран, удалившийся со службы, поощрять молодежь на новые под-

Н. И. ПЕТРОВСКАЯ
Фотография, 1914
Собрание Н. В. Котрелева, Москва

виги или, что чаще бывает, брюзжать по-старчески на всякое новое начинание...

Прости, что серьезные слова у меня свелись на шутку; но обо всем этом мне тяжело говорить только серьезно.

Москва, 8/21 ноября 1903

За эти четыре года целые миры обрушились в наших душах. Что в них осталось прежнего?— Только те стихии, из которых они созданы. Не прежними ⟨мы⟩ должны быть, а новыми. Не в прошлом и не прошлым надо нам жить: в настоящем и современностью. Надо смело смотреть в глаза судьбе, которая ведет, влечет нас, заставляет нас изменяться и все изменяет вокруг нас. И вот в этих переменах и изменах оставаться всегда близкими друг к другу, вечно и непобедимо, роковым образом связанными — вот чего я хочу и ищу. Если твои слова «я та же, как 4 года назад» значат, что ты по *отношению ко мне* та же, что ты так же влечешься ко мне, как тогда,— я эти слова приветствую, благословляю их, благодарю за них. Но если ты хочешь сказать: «я все „та же", я не изменилась, мои чувства, желания, ожидания не изменились»,— мне придется опустить голову и сказать тихо: но я — изменился, но я — не тот же, и не могу стать прежним, на четыре года уйти назад ⟨...⟩

Но я, наконец, узнал себя, понял (как начинают, увы! узнавать, понимать эту мою особенность и гг. литературные критики!) Да, я могу любить глубоко, быть верным в лучшем смысле слова, но я не могу, не способен — отдаться любви, броситься в нее, как в водоворот, закрыть глаза, дать стремить себя потоку чувства. Я знаю, я верно знаю, что это и есть «то, что люди называют» счастием. Но я уже не ищу счастия, не жду его, *и мне его не надо*. К иному иду я, не знаю, большему или меньшему, но к иному. Таким *я стал* (хотя я в сущности таким всегда и был), таким надо принять меня теперь, ибо иного меня — нет ⟨...⟩

Ты спрашиваешь меня, приеду ли я в Париж. Вот точный, искренний и подробный ответ.

Здесь, в Москве, нашел я страшный разгром всего того дела, которое привык считать своим. «Весы» медленно погибали и должны были прекратиться к январю. Все враждебные нам и мне партии подняли голову. «Руно» было сильно как никогда. Г. Чулков выпустил книгу статей, направленных против нас[30]. Возникло 3 или 4 журнала, явно нам враждебных. Все газеты были против нас. Крохотный кружок, уцелевший около «Весов», явно распадался. Белый, конечно, тянул куда-то в сторону. Эллис тоже. Даже во внешнем, при первых столкновениях, я тотчас увидел, как все повернулось к нам враждебной стороной. Где прежде я имел абсолютный вес, меня слушали только из вежливости. Не буду рассказывать разных фактов. Довольно одного. В члены нашего Литературно-художественного кружка баллотировалось трое сотрудников «Весов»— М. Ф. Ликиардопуло, Эллис, М. Шик. Все трое большинством голосов были *забаллотированы*.

Я много раз говорил тебе, что «Весы» мне надоели, что я хотел бы отказаться от заботы об них. Но видя такое неожиданное и стремительное крушение всего, что я делал в течение пятнадцати лет; видя, как внезапно все значение, вся руководящая роль переходит в литературные течения, мне и моим идеалам враждебные; видя, как торжествуют те, кто, в сущности, обокрал меня и моих сотоварищей,— я не мог не изменить решения. Я не могу еще сложить руки и сказать: вот я, берите меня, грабьте мое добро и топчите меня ногами. Я могу уйти в сторону, когда положение обеспечено, но сделать это именно в час разгрома — и нечестно и нестерпимо для меня. Я решил бороться во что бы то ни стало. Я решил в 1909 г. так или иначе, но издавать «Весы» или другой журнал и удержать за своими идеями в литературе то место, какое им надлежит.

Ты понимаешь, это такое ⟨положение⟩ * требует с моей стороны сейчас величайшего напряжения энергии. С. А. Поляков — за границей и продолжать «Весов» не хочет. Другого издателя нет. Все друзья и союзники готовы продать и «Весы» и меня за 30 серебренников или и дешевле. Чтобы снова все сплотить, все устроить, все повести — надо не выпускать вожжей и нитей всяких интриг ни на минуту. И вот я в самом таком разгаре всяких неизменнейших дел и отношений, в которых снова задыхаюсь, как в душной тюрьме, но бросить которые не могу, не хочу, не должен. И ты понимаешь, что, даже при успехе, месяца два-три, пока не наладится все опять,— у меня не будет возможности покинуть Россию на долгое время.

⟨Москва. Ноябрь 1908 г.⟩

... Возвращайся в Париж, но не как в проклятое место ссылки, а как в город прекрасный, многообразный, близкий всем, кто чувствует жизнь, жизнь прошлую и настоящую. Возвращайся в Париж — живою, не мертвой! Не для того, чтоб что-то отыскивать, но чтоб открыть душу новым впечатлениям ⟨...⟩

Ты помнишь, я несколько раз говорил тебе: «необходимо, чтоб у тебя была цель в жизни вне меня». Мне до сих пор это кажется самым верным определением того, чего не достает тебе. Да, прекрасно, если двое ставят всю цель своей жизни друг в друге — как Паоло и Франческа. Бывало я заклинал свою судьбу:

О дай мне жребий тот же вынуть! [31]

---

* *В автографе ошибочно*: напряжение

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ РОМАНА «ОГНЕННЫЙ АНГЕЛ»

Начало романа с заставкой Мориса Дени

«Весы», 1907, № 1

ОГНЕННЫЙ АНГЕЛЪ

ИЗЯ ПРАВДИВАЯ ПОВѢСТЬ, ВЪ КОТОРОЙ РАЗСКАЗЫВАЕТСЯ О ДЬЯВОЛѢ, НЕ РАЗЪ ЯВЛЯВШЕМСЯ ВЪ ОБРАЗѢ СВѢТЛАГО ДУХА ОДНОЙ ДѢВУШКѢ И СОБЛАЗНИВШЕМЪ ЕЕ НА РАЗНЫЕ ГРѢХОВНЫЕ ПОСТУПКИ, О БОГОПРОТИВНЫХЪ ЗАНЯТІЯХЪ МАГІЕЙ, АЛХИМІЕЙ, АСТРОЛОГІЕЙ, КАББАЛИСТИКОЙ И НЕКРОМАНТІЕЙ, О СУДѢ НАДЪ ОНОЙ ДѢВУШКОЙ ПОДЪ ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВОМЪ ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА АРХІЕПИСКОПА ТРИРСКАГО, А ТАКЖЕ О ВСТРѢЧАХЪ И БЕСѢДАХЪ СЪ РЫЦАРЕМЪ И ТРИЖДЫ ДОКТОРОМЪ АГРИППОЮ ИЗЪ НЕТТЕСГЕЙМА И ДОКТОРОМЪ ФАУСТОМЪ, НАПИСАННАЯ ОЧЕВИДЦЕМЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ РУССКАГО ИЗДАТЕЛЯ. ✣✣✣✣

Предлагаемая читателямъ повѣсть XVI вѣка дошла до насъ въ единственной рукописи, находящейся нынѣ въ частныхъ рукахъ. Ея владѣвецъ,—благодаря любезности котораго мы имѣемъ возможность обнародовать русскій переводъ ранѣе появленія въ печати подлинника,—намѣ-

Но мне этот жребий не выпал, теперь уже нельзя сомневаться. Могу о себе сказать теперь другими словами, словами моего Одиссея:

Я — доброволец меж рабов... [32]

Но та, кому я рабствую, это все же божество, ибо ее имя — моя поэзия.

‹Москва.› 22 дек./4 января 1908—9 г.

Во всяком деле есть две стороны: внутренняя и внешняя, душа и техника. Не решаюсь ничего говорить тебе о лучшей, о истинной стороне той работы, которую ты могла бы взять на себя. Я верю, что если ты захочешь писать и напишешь то, чем будешь довольна сама (хотя бы сколько-нибудь, ибо никто из нас никогда не бывает вполне удовлетворен сделанным им), ты мне первая скажешь об этом. Но о второй, внешней стороне — я себя считаю вполне вправе говорить. Я всячески советую тебе — не презирай ее, не отвергай. Работай хотя бы уже только потому, что работа — дисциплина души, какой-то механической силой вносящая в душу стройность, гармонию. Я это испытывал лично так много раз, что смею сказать тебе, повторить тебе старое слово из детских прописей: работай!

‹Москва.› Декабрь 1908 — Январь 1909.

Ты говоришь, что в том уединенном городке «можно будет работать», но, конечно, сама понимаешь, что это — слова без содержания. Французской писательницей ты никогда не станешь, сколько ни изучай француз-

ский язык; русской писательницей нельзя быть, живя в глуши французской провинции, отрезанной от всех центров русской жизни. ⟨...⟩

Скажу прямо и просто. Я всегда думал, что твоя жизнь за границей будет лишь *временной*, что *жить* ты вернешься в Россию. По глубокому моему убеждению жить русскому человеку, а особенно русскому писателю, возможно только в России. Россия нам нужна как наша стихия: вне ее мы временно дышим даже бодрее, словно в атмосфере, где более кислороду, но потом задыхаемся и жаждем вернуться в родной воздух. Вспомни последние годы Тургенева и его томление вне России. Прочти последнюю книгу Бальмонта (которую я тебе посылаю) [33] и особенно его поэму «В белой стране». Ты увидишь, поймешь, что значит быть *без* России, без той России, которую все мы клянем и клеймим последними словами. Я всегда думал, что ты в Россию *вернешься*.

⟨Москва.⟩ 4 янв⟨аря⟩ 1909

Начать «новую жизнь» можно только восходя на *высшую* ступень лестницы. Душа или идет *вперед* или погибает. Это — закон. Движение остановившееся равно смерти. Кто хочет жить, того сила самосохранения заставляет становиться прекраснее, выше, благороднее. Совершенствование не моральное требование, но внутренняя потребность духовного организма. Наступает миг, когда путь перерезается пропастью. Нельзя идти в сторону или назад, должно обрести крылья и лететь.

⟨Москва.⟩ 12/25 янв⟨аря⟩ 1909

А музеи ты все-таки посети: право, стоит. Хотя бы Лувр и Люксембургский. Все же там собраны создания единственные, которых дважды человечество не создает. Заставь себя встать раньше 9 и поезжай. Я не верю, чтобы было такое состояние души, которого не преодолеет нежная ласковость фресок Боттичелли (на лестнице Лувра) или роскошь Веласкеса. Сделай это для меня,— очень прошу.

⟨Москва.⟩ 19 janvier 1909

Тебе необходимо вновь изменить жизнь, решительно и, на этот раз, окончательно. *Волю* к этому ты должна найти в самой себе, ибо нигде больше этой воли обрести нельзя. Жить тебе надо в России, ибо ты — русская, ибо ты — русская писательница, ибо в России живу я. Жизнь твоя должна быть деятельной, ибо без деятельности нет жизни, и деятельностью твоей должна быть литература, ибо у тебя есть на это права и все данные.

За каждым из этих итогов, за каждой из этих мертвых формул — ты можешь вспомнить целые страницы моих писем, где то же говорю я языком не мертвым, но со всей страстью, со всем порывом, какой только можно вложить в писанные строки.

⟨Москва.⟩ 25 янв⟨аря⟩ (7 февраля) 909

Я давно ничего не писал тебе о себе. Да и нечего было. С. А. Поляков приехал и вскоре захворал; потом он выздоровел и захворала его жена. В общем видел его всего раз — часа на два. Сколько кажется, положение определилось такое: «Весы» издаваться будут, но я не буду их редактировать. Остаюсь лишь одним из «ближайших сотрудников». Редактировать официально берется сам Сергей Александрович, но сведется это, конечно, к тому, что будут «Весы» выходить под редакцией М. Ф. Ликиардопуло. Думаю, что от этого они *не станут хуже*, чем были, потому что все в них заведено на несколько лет. Но, разумеется, они *не станут лучше*, а это — смертный приговор. Живо только то, что идет вперед, что становится «лучше». Что же делать! Более я не могу приносить себя, свою душу, свою деятельность и свою гордость в жертву «Весам».

Оставив «Весы», я занялся приготовлением к печати разных, давно задуманных книг. В течение 1909—1910 года хочу напечатать их *двенадцать* (считая вторые издания «Ангела» и «Оси»). Не правда ли, достаточно? Пишу повесть «Семь смертных грехов»— из «будущей» жизни, о которой говорят, что я в ней специалист [34].

‹Москва.› 29 янв‹аря› — 11 февр‹аля› 1909

Я стал очень взрослым, очень серьезным и (знаешь ли) «мудрым». Так мне все ясно в этом мире и в этой жизни. Я могу начать и жить и творить. Да будет продлена моя жизнь,— моя новая молитва.

‹Москва.› 30 января — 12 февраля 1909

Сегодня вечером должен читать в «Эстетике» отрывок из моей статьи о «Медном Всаднике». Не хочется мне этого очень. Настроение — совсем не для публичных выступлений. Да и статьи-то, строго говоря, еще нет: одни подготовительные наброски. Но как откажешься, когда билеты проданы и сколько-то людей ждет выступления Валерия Брюсова, как некоторого зрелища. Покорствую.

‹Москва.› 31 января/13 февраля 1909

Всю жизнь мечтаю я о спокойном, усердном труде. И вот за 35 лет жизни не мог добиться того, чтобы осуществить свою мечту. Всегда какие-то обстоятельства заставляют меня работать лихорадочно, торопливо, печатать начало, когда не написан конец, сдавать в печать вещи не обработанные, не обдуманные... Клянусь, Бальмонт, которому это вовсе не нужно, имеет гораздо больше возможностей работать над своими произведениями, нежели я.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Аким Львович *Волынский* (Флексер, 1863—1926) — литературный критик и искусствовед, представитель идеалистической эстетики. Ему принадлежит крайне резкая оценка сборника «Urbi et Orbi»: обвинив автора в «искусственности», «надрыве» и «безвкусной претензии», Волынский утверждал, что «Брюсов хочет быть декадентом во что бы то ни стало», поскольку «декадентство становится как бы чем-то обязательным для утонченного современного поэта» (А. Л. Волынский. Книга великого гнева. СПб., 1904, стр. 436, 437).

[2] Из стихотворения Брюсова «Поэту» (1907; *Все напевы*).

[3] Семен Борисович *Любошиц* (1859—1926) — московский журналист. Его выступления часто носили скандальный характер—таким было его возражение на доклад Брюсова «Искусство и жизнь. О поэзии Фета» (см.: *Дневники*, стр. 129, 183). Выражение «стиль Любошица» Брюсов употреблял для определения скандальности и беспринципности в полемике (там же, стр. 132).

[4] Сергей Викторович *Яблоновский* (Потресов; 1870—1954) — литературный критик, сотрудник газеты «Русское слово»; выступал со статьями и фельетонами, направленными против символистов; после Октябрьской революции эмигрировал.

[5] О повести Кузмина «Крылья» см. наст. том, стр. 689 и 299.

[6] Сергей Абрамович *Ауслендер* (1888—1943) — писатель; его рассказы с 1906 г. печатались в журналах «Золотое руно», «Аполлон», в изд-ве «Гриф». Ауслендеру посвящен сборник рассказов Петровской «Sanctus amor».

[7] Об О. И. Дымове см. наст. том, стр. 486.

[8] О журнале «Перевал» см. наст. том, стр. 497, 690.

[9] «Зачарованный грот»— название цикла стихов в сборнике Бальмонта «Будем как Солнце» (М. «Скорпион», 1903).

[10] Из стихотворения Бальмонта «Я полюбил свое беспутство...» (там же).

[11] О романе С. Пшибышевского «Homo sapiens» см. наст. том, стр. 436.

[12] Монна Ванна — героиня одноименной пьесы Метерлинка (1902), поставленной в театре Комиссаржевской в сезон 1902—1903 гг. и затем обошедшей сцены почти всех больших русских городов.

[13] Петровская описывает пребывание Блока в Москве, продолжавшееся с 10 по 24 января 1904 г. (см.: Александр Блок. Записные книжки. М., 1965, стр. 58—60).

[14] Премьера спектакля «Вишневый сад» в Московском Художественном театре состоялась 17 января 1904 г.

[15] Из стихотворения Брюсова «И снова я, простерши руки...» (1911; *Зеркало теней*).

[16] Элевзинские мистерии — ежегодные религиозные празднества в древней Греции в честь богини Деметры, сопровождавшиеся драматическими представлениями и ритуальными танцами.

[17] Из стихотворения Брюсова «Обряд ночи» (1905—1907; *Все напевы*). Неточность в приведенной цитате исправлена по *Собр. соч.*, т. I.

[18] Опера Д. Пуччини «Мадам Баттерфляй» («Чио-Чио-сан») в России была впервые поставлена в Оперном театре С. И. Зимина 25 января 1911 г.

[19] Премьера спектакля Московского Художественного театра «Братья Карамазовы» состоялась 12 октября 1910 г.; спектакль продолжался два вечера.

[20] Пьеса Андреева «Жизнь Человека» была впервые поставлена в Московском Художественном театре 12 декабря 1907 г.

[21] Портрет Брюсова работы М. А. Врубеля принадлежал издателю «Золотого руна» Н. П. Рябушинскому и висел в редакции журнала (ныне хранится в Гос. Третьяковской галерее). Брюсов считал первоначальный набросок портрета (см.: *ЛН*, т. 27-28, стр. 251) «гораздо замечательнее того, что мы видим теперь» и находил, что в процессе дальнейшей работы Врубель «много испортил» (*За моим окном*, стр. 19, 22). Тем не менее, встречу с Врубелем он считал «в числе удач жизни» (*Дневники*, стр. 137) и, по-видимому, высоко ценил его работу: «У меня есть снимки с прекрасного портрета Врубеля,— писал он 27 июля 1907 г. Ф. Ф. Фидлеру,— портрета, которым по справедливости горд» (ЦГАЛИ, ф. 2567, оп. 2, новое поступление). Не исключена возможность, что Брюсов не сочувствовал намерению Петровской и сам предупредил Рябушинского о предполагаемом покушении.

[22] Из стихотворения Брюсова «Поэту» (1907; *Все напевы*).

[23] Из стихотворного цикла Бальмонта «Антифоны» (сб. «Горящие здания», 1900).

[24] Петровская полемизирует с характеристикой, которую дает Брюсову А. Белый в своих воспоминаниях «Начало века» (журн. «Эпопея», 1923, № 2, стр. 158—159). Об отношениях Брюсова и Белого см. наст. том, стр. 327—346.

[25] Из стихотворения Брюсова «И снова я, простерши руки...» (1911; *Зеркало теней*).

[26] Из стихотворения Брюсова «О себе самом», 1917; должно было войти в сб. «Девятая Камена». В сб. *Последние мечты* не вошло.

[27] Ошибочная позиция Брюсова в этом вопросе наиболее полно отразилась в его попытке полемизировать со статьей В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература» (ст. «Свобода слова».—«Весы», 1905, № 11). См. об этом: *ЛН*, т. 27-28, стр. 188.

[28] Неточная цитата из стихотворения Брюсова «В ответ» (1902; *UO*).

[29] О работе Брюсова над переводом трагедии Э. Верхарна «Елена Спартанская» см. наст. том, стр. 575—584.

[30] По-видимому, Брюсов имеет в виду сборник статей Г. И. Чулкова «Покрывало Изиды» (СПб., 1909; книга вышла в конце 1908 г.).

[31] Из стихотворения Брюсова «Антоний» (*St*).

[32] Из стихотворения Брюсова «Одиссей» (1907; *Все напевы*).

[33] К. Д. Бальмонт. Птицы в воздухе. Строки напевные (Пб., «Шиповник», 1908).

[34] Повесть «Семь смертных грехов» осталась неоконченной. Ее начало было опубликовано в *СЦ—1911*.

В. В. ФЕФЕР

БРЮСОВ В «ШКОЛЕ ПОЭТИКИ»

Публикация А. М. Смирновой

Предисловие и примечания И. Ф. Кунина

Владимир Васильевич *Фефер* родился 28 февраля 1901 г. в семье служащего в поселке при станции Грязи Юго-Восточной ж. д. Среднюю школу окончил в гор. Липецке, недолгое время посещал лекции на юридическом факультете Воронежского университета. Несмотря на крайнюю молодость, сам выступал с лекциями по литературе и искусству перед красноармейцами и школьниками, был инструктором Липецкого РОНО; служил в Тамбовском губземотделе. В начале 1921 г. переехал в Москву и занялся учебой и литературным трудом с той деятельной энергией, какая отличала его во всем, за что бы он ни брался, будь то просветительская, организационная или журналистская работа. Простор для приложения сил был велик.

К сожалению, его литературное дарование не развернулось так полно, как этого можно было тогда ожидать. Оставленный после окончания Высшего литературно-художественного института им. Валерия Брюсова при кафедре прозы К. Г. Локса, он, казалось, получил желанную возможность приобщиться к настоящей художественной культуре. «Владимир Васильевич Фефер, работая у меня в течение трех лет в мастерской прозы, известен мне отличными способностями как в области теоретической, так и художественно-практической,— писал о нем в своем отзыве для комиссии ВЛХИ К. Г. Локс.— Соединение этих данных представляется мне чрезвычайно ценным и плодотворным именно для работы в ВЛХИ, ставящем себе целью сознательное овладение художественной практикой». Исследования молодого писателя в области композиции юмористической новеллы отметил профессор М. А. Петровский; будущего теоретика прозы видел в нем Я. О. Зунделович. Но институт был переведен в Ленинград и вскоре слит с факультетом языка и материальной культуры ЛГУ, а оставшегося в Москве В. В. Фефера поглотили литературные и житейские заботы. Вместе с Н. Я. Москвиным-Воробьевым он писал приключенческие романы с «продолжением» для тонких журналов, стал постоянным сотрудником иллюстрированного массового журнала «Экран», позднее — «Огонька», «Прожектора», «30 дней», «Наших достижений», газет «Вечерняя Москва», «Читатель и писатель» и многих других. С конца 20-х годов он служит в киноучреждениях (Киноиздательство РСФСР, Межрабпомфильм, Комитет по делам кинематографии при СНК СССР), одно время работает секретарем у С. М. Эйзенштейна. Тогда же начинает писать воспоминания о нем, по-видимому, не сохранившиеся. Почти все его отдельно напечатанные работы связаны с кино. Это очерк «Эмиль Яннингс» (М., «Кинопечать», 1926), книга, написанная совместно с Ю. Коноваловым, «Рождение советской пленки. История Переславльской кино-пленочной фабрики» (М., Гизлегпром, 1932) и составленный вместе с Вен. Вишневским обширный справочник «Ежегодник советской кинематографии за 1938 г.» (М., Госкиноиздат, 1939).

С начала Великой Отечественной войны В. В. Фефер работает газетным корреспондентом, в 1943 г. добровольцем вступает в Красную Армию; в качестве рядового связиста и агитатора участвует в боях на территории Польши и Германии, в составе гаубичной артиллерийской бригады — в штурме Берлина. На фронте вступает в партию. Дважды контуженный, с основательно подорванным здоровьем, он возвращается после войны к деятельности в просветительных учреждениях. «Агитационно-массовая работа общества Красного Креста и Красного Полумесяца СССР» (М., изд. Ред.-издательского отдела Исполкома СОКК и КП СССР, 1951), вышедшая под прозрачным псевдонимом «В. Васильев»,— его единственная послевоенная книга. Но главной его

работой становится работа над воспоминаниями — о войне («Москва — Берлин. Заметки агитатора»; объем около 25 авт. листов; не изданы), о литературной жизни 1920-х годов.

Публикуемые здесь мемуары извлечены из машинописного экземпляра, значительно бо́льшего по объему (около 8 авт. листов). Они раскрывают почти забытую страницу истории литературного образования тех ранних революционных лет. Ценность их возрастает от того, что они написаны не только умным и наблюдательным свидетелем, но и прямым участником всего происходящего. Речь идет о Поэтическом техникуме («Профессионально-технической школе поэтики»). Он просуществовал недолго (всего одно полугодие 1921—1922 г.), не выдвинул особенно известных имен, но был, на мой взгляд, характерен в своих несколько наивных, порою забавных, порою, наоборот, серьезных и даже прекрасных чертах для атмосферы времени.

Техникум помещался в доме № 24/27 на углу Садово-Кудринской и Спиридоньевской (ныне Алексея Толстого) улиц, на первом этаже, в коммунальной квартире № 1. Там я познакомился с Фефером, тоненьким и высоким голубоглазым юношей, автором миниатюрных рассказов в духе, пожалуй, раннего Чехова. Наша дружба, не тесная, но сердечная, длилась до последних лет и месяцев его жизни; воспоминания о техникуме он читал мне по мере написания. Они привлекали насмешливой наблюдательностью, свежим юмором и при этом почти неизменно господствующим тоном доброжелательности. Материалы для них он начал собирать еще в далекие годы, так что, например, портреты-характеристики товарищей по техникуму (опущенные в публикуемом тексте) расцвечивались выдержками из их поэтических опытов, давно затерянных самими авторами, но сохраненных заботливым мемуаристом. Смерть помешала ему написать третью книгу мемуарного характера — о Высшем Литературно-художественном институте им. Валерия Брюсова. Он умер 27 сентября 1971 г. после долгой тяжелой болезни.

В публикуемых мемуарах автор часто выступает как художник, широко используя образность, вводя в повествование выразительные, «говорящие» детали, и лишь ближе к концу оснащает текст выдержками из статей и выступлений Брюсова. Учитывая тематическую определенность данного тома, мы опустили главы, не имеющие прямого отношения к Брюсову. Небольшие сокращения сделаны и в печатаемых главах — устранены длинноты, повторения, стилистические шероховатости (без обозначения купюр). Полный текст воспоминаний хранится у вдовы мемуариста, Анны Матвеевны Смирновой.

ОСЕНЬЮ 1921-го

Москва, 1921 год.

Печки с коротким дыханием.

Конина. Не хлеб, а еж. Колючий. Весь в занозах.

Люди одеты в шинели, ватники или потертые шубенки.

Пассажиры, обнимающие трамваи. Висящие на всех выступах в два этажа.

Лавины горбатых пешеходов с защитного цвета рюкзаками за спиной. Несут пайки.

И главное — отсутствие нейтральных лиц. Одни с сияющими, откровенно радостными глазами, другие с озлобленным тусклым блеском.

На заборах только что расклеенные газеты. От них идет пар. Десятки заскорузлых афиш об открытии курсов, студий, школ.

На одной из них я прочитал о приеме заявлений в «Первую государственную профессионально-техническую школу поэтики».

Перечислялось множество заманчивых предметов. Больше всего действовало на воображение название «Профессионально-техническая» — явно подчеркнутый практический уклон. К тому же Первая и Государственная. Впрочем термин государственная легко приклеивался тогда к самым невероятным начинаниям.

В. В. ФЕФЕР
Фотография, 1920-е годы
Собрание А. М. Смирновой, Москва

В числе лекторов — Валерий Брюсов, врубелевский портрет которого со скрещенными руками так часто представлялся мне, и почему-то всего более — при чтении его «Алтаря Победы».

Поэт Сергей Михайлович Соловьев — так высокомерно уничтожаемый жестокими рецензиями Брюсова и так ученически почтительно относящийся к этой тяжелой лаве унижения [1].

Перечислены и другие люди — книги, люди — обложки, люди — стихи, проза, статьи, критика, библиография.

Груды книг, выписанные в небольшой город Липецк наложенным платежом и разрезаемые так, что на коленях оставались белые хлопья, или книги затрепанные, с обгрызанными углами из плохо отапливаемой местной публичной библиотеки имени Петра Первого, где постоянно теряют абонементы.

И вдруг настоящие Брюсов, Соловьев. Странно было себе представить, казалось фантастичным, что они будут приходить с мороза, расстегивать пуговицы, снимать калоши и проводить гребешком по волосам.

На афише и малоизвестное имя Адалис — ректор [2]. Мне казалось, что это бородатый символист с горящими, как костер, глазами. Властный и высокий. Пьедестал для бороды. И именно он-то окончательно меня не примет. Собьет на малопонятных терминах «соборность» и «дионисизм».

С Вячеславом Ивановым они ходят друг к другу в гости и спорят до рассвета, пока не потускнеет в утреннем тумане борода Адалис.

Но он принял. «Он» оказался тоненькой и маленькой, как сапожный гвоздик,— Адалис. На ее пестром пальто не хватало пуговиц. Пальто отдиралось ветром. Ворот — широк и ветер падал туда сверху насквозь, как в свистульку. Адалис шла сбоку своего пальто. В египетском ее профиле выделялся горбатый покрасневший нос.

Калоши были недружны.

Воображаемая огромная борода сбрита начисто. Подбородок остр и нежен. Я был разочарован и вместе утешен.

Адалис не страшна.

Мы встретились на Кудринской площади, когда я разыскивал школу поэтики. Адалис улыбнулась на мой вопрос, показав неровные, вразбежку, зубы.

Моим новым калошам было стыдно идти рядом с ее старыми и разными. Адалис говорила с секретарем школы — чрезмерно миловидной девушкой Марусей Поступальской о Брюсове, о расписании [3]. Они обменивались какими-то мне непонятными намеками. Я громоздился рядом, иногда спускаясь с тротуара на мостовую.

Вывески школы поэтики не было. Ветер трепал заплаканную бумажку с успевшими заржаветь кнопками; на бумажке значилось, что прием в школу продолжается.

Большой, темный коридор, где всегда пахло фаршированной щукой и где лениво дрались дети, привел нас к двери. Адалис зажгла спичку, высветившую ее показавшийся мне целлулоидным подбородок, и открыла студию.

Что это была за пустынная удивительная комната — студия. Такая же безалаберная, как и ее обитательница. В углу—кушетка, укрытая пестрым покрывалом.

Адалис экзаменовала меня, сидя на ней с поджатыми ногами, больше слушая свою папиросу, чем мои натужные ответы.

Потом я читал ей отрывки повести о революции в Тамбове.

Огромное поле стола было у окна. За такими столами на козлах монахи ели всем монастырем. На нем были постелены пестрые тряпки. Лежали неровно нацарапанные на клочке бумаги строчки стихов (Адалис?), рукопись статьи (Брюсова?), неоспоримо его книга стихов «В такие дни».

Железная печь расцвела и заклокотала очень быстро.

Кончив период, окутанный напряженной паузой, я разделся. Пальто было положить некуда. Взял его на колени.

Секретарша Поступальская покосилась, но промолчала. Мне казалось, что секретарша слишком подробно записывала мои ответы. Но я ошибся, она свернула исписанный листок, положила его в конверт и наклеила марку. Меня она не слушала.

Я стал посмелее. Видимо, Адалис скоро надоели мои знания литературы.

Перебила с полуслова:

Коробка с красным померанцем —
Моя каморка.
О, не об номера ж мараться
По гроб, до морга!.. [4]

— Это чье?

Пастернака я не читал. Мараться — мне не понравилось. Коробка — очень.

«Коробка с красным померанцем»,—повторила Адалис, вкладывая в это особенный смысл, и отрывисто закурила.

Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.

— Это чье?— и скосила глаза с папиросы на мое пальто.

— Пушкина.

— Пушкина надо часто читать,— так говорит Валерий Яковлевич. Голосом и губами: «Как п-е-ерсты девы молодой».

Остроконечными пальцами. Как тщательно очиненные карандаши.

— Понимаете?

Я понимал.

— А кто ваш любимый общественный деятель?

— Валерий Брюсов.

После этого ответа мне показалось, что я уже принят.

Но я не остановился, как не может сразу остановиться лошадь, побившая рекорд. Боясь все же, не будет ли слишком длинно, я досказал об общественном значении писателя, вычитанное из отчета о выступлении Брюсова, к чему я полностью еще в провинции присоединился и пытался присоединить сестер. Правда, из этого ничего не вышло. У сестер были старые любимые сборники «чтецы-декламаторы» со стихами о природе, о любви и о том, что «так солгать могла лишь мать, чтоб сын не дрогнул перед казнью». У них был Виктор Гофман в обложке из роз и совершенно беспартийная Прекрасная Дама из первого тома Блока.

Забавно, что на вступительном экзамене не Адалис мне, а я ей доказывал, что Брюсова надо уважать и любить. Я отвечал совершенно искренне,— я ведь не знал тогда, что Валерий Брюсов был и ее любимейшим общественным деятелем.

До чего же я был молод и наивен!

Я агитировал Адалис — это было так же нелепо, как с пеной у рта уверять Джульетту, что Ромео очень мил.

Экзамен кончен. Меня попросили выйти за дверь. И пока решалась моя судьба, я стоял в темном коридоре, волновался и мучился сомнениями, слушал, как бегали голоса Адалис и секретарши. Чиркала спичка. Скрипела дверца печки. Мне показалось, что меня приняли, но толстая женщина, жарившая рыбу, открыла дверь рядом и принялась чем-то щелкать по головам притаившихся детей, громко, как щелкают орехи.

Кто-то иронически спустил воду в уборной.

Не примут — ясно!

Но тут же успокоительно сгладил беспокойство рояль с потолка. Играли по-домашнему, с ошибками, по засаленным нотам, спотыкаясь и путаясь в двух педалях, как в лесу.

За дверью было тихо: курили.

Наконец шлепнулась на пол туфля Адалис. Я понял — приняли. Через стенку я как бы увидел, что она подобрала ноги на постель: приняли.

Так и оказалось. Впустили. Посадили за поле битвы — заполнять анкету. Секретарша выписала мне справку. Дыхнула на печать.

Я выскочил в коридор. В тот самый, где всегда пахло фаршированной рыбой, почему мы и прозвали его фаршированным, где в течение последующих месяцев учились мы многим заманчивым наукам у людей удивительных, где трудились, дружили, шутили и смеялись, часто вместе с профессорами и преподавателями.

Я выскочил в коридор, напутствуемый:

Коробка с красным померанцем
Моя каморка.
. . . . . .
По гроб, до морга.

Я был счастлив «по гроб, до морга», «как персты девы молодой».

ВПЕРВЫЕ У БРЮСОВА

По приезде в Москву (в начале 1921 года), еще не зная о предстоящем открытии литературного техникума, я естественно искал хоть какой-нибудь возможности увидеть и услышать Брюсова.

Такая возможность была.

Моя жена училась в юности во французском пансионе Сен-Пьер и Поль в Милютинском переулке, во дворе католической церкви; училась вместе с Жанной Матвеевной Брюсовой и дружила с ней [5].

Юная чешка, дочь мастера московского завода Бромлей, И. М. Рунт по окончании института поступила гувернанткой в семью Брюсовых и стала женой Валерия Яковлевича.

Я отважился пойти к нему лишь тогда, когда Жанна Матвеевна, желая познакомиться с мужем своей подруги, пригласила нас с женой к себе на чашку чая.

Рядом с Ботаническим садом на 1-й Мещанской находился дом, где жили Брюсовы.

Иоанна Матвеевна (ее чаще звали Жанной Матвеевной), известная переводчица, верная помощница Брюсова в литературных работах, оказалась скромной, гостеприимной женщиной. Встретила она нас ласково и пригласила в столовую. Они с женой заговорили на французском языке такой скороговоркой (полуфразы прерывались добродушным смехом), что я половину их речи не понимал.

Иоанна Матвеевна расспрашивала о наших семейных делах, о планах на будущее и, почувствовав, с какой жадностью я ловлю ее отрывочные фразы о Валерии Яковлевиче, сказала, что он недавно добился открытия ВУЗа, где смогут получать образование будущие писатели, поэты, редакторы, переводчики и издательские работники, что есть разрешение и на организацию литературной школы на правах техникума.

Тут я не удержался и признался, что принят в литературный техникум, просил лишь не говорить об этом Брюсову.

Валерий Яковлевич работал в своем кабинете, и поэтому разговор наш, чтобы не мешать ему, велся вполголоса — так, по-видимому, было заведено в семье.

Брюсов вышел к чаю. Впервые я увидел его так близко. Он показался мне величественным и сосредоточенным, но взгляд его, едва он присоединился к сидящим за столом, подобрел, «разгладились морщины на челе». Я обратил внимание на то, что морщины его были необычны — вертикальные и глубокие. С его приходом сразу изменилась обстановка — заговорили громче, облегченней.

Там, в кабинете, никого уже не было. Но там оставались книги, гравюры, портреты, рукописи. Много бы я дал, чтобы посмотреть обстановку рабочего кабинета Валерия Яковлевича, угадать методы и технику его труда. Брюсов не закрыл дверь. Но просить об этом в первое посещение было невозможно. К тому же Брюсов, видимо, не хотел надолго прерывать начатое, в прямое общение не входил и, торопливо выпив чай, бросал короткие, вежливые фразы хорошо воспитанного человека.

Лишь один раз отвлекся он, когда сидящий за столом мальчик — гость или родственник — показал несколько подаренных ему марок. И тут проявилась черта, характерная для Брюсова. С изумительной четкостью рассказал он об истории выпуска одной из редких марок. Если бы записать его речь, то сохранилась бы еще небольшая новелла Брюсова. Сразу почувствовалось, что он превосходно знает филателию.

Брюсов сам оставил нам интересное свидетельство своего отношения к работе. Отвечая на приглашение редактора журнала «Советский филателист» сотрудничать в журнале, он пишет: «...Разумеется, как человек,

АФИША «ВЕЧЕРА ПОЭТЕСС» СО ВСТУПИТЕЛЬНЫМ СЛОВОМ БРЮСОВА
11 декабря 1920 г.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

привыкший к научной дисциплине, я ознакомился *со всей* (курсив здесь и далее мой. — *В. Ф.*) той филателистической литературой, которую мог получить в Москве, между прочим проштудировал все основные каталоги марок на разных языках, но от этого до подлинных знаний в области филателии еще весьма далеко. Как писатель, как профессор, *я привык говорить только новое*».

Вступив одним из первых в члены Всероссийского общества филателистов, Брюсов был избран почетным председателем редакционной коллегии ВОФ.

В ответ на приглашение редакции написать стихи на сюжет из области филателии — Валерий Яковлевич отвечает, что он «видел такие (не на русском языке), но удачных еще не встречал. *Однако самая трудная задача стоит того, чтобы над ней поработать*»[6].

В мимолетной сцене, которую я наблюдал в 1921 году, проявилась черта, за которую мы любили Брюсова и которая имела для нас огромное воспитательное значение. Упорный труд Брюсова был одним из главных источников его морального обаяния.

Брюсов поблагодарил жену, извинился, ссылаясь на неотложность работы, сердечно простился с нами и ушел в кабинет, плотно закрыв дверь.

На прощанье я выпросил у Жанны Матвеевны разрешение как-нибудь прийти посмотреть кабинет в отсутствие Валерия Яковлевича.

— Разве что, — согласилась Жанна Матвеевна, — с условием ничего не трогать и не путать, особенно на столе. Валерий Яковлевич приходит в ярость, если нарушают установленный им в кабинете порядок.

В ГУКОНЕ

Жизнь фантастична и неправдоподобна.

Найти работу в Москве в этот год было трудно. Ежедневно приходил я на биржу труда и ежедневно в окошечке получал отказ. Довольствовался случайной работой.

И вдруг мне повезло, предложили на выбор два места: в Госбанке или в Гуконе. Было учтено, что я в анкете указал: «учился на юридическом факультете бывшего Юрьевского, ныне Воронежского университета» [7].

Учился я, правда, неполный год, но все-таки грамотность моя перетянула соперников. Подумав, я предпочел пойти в таинственный Гукон: все-таки интереснее, чем банковские цифры.

Гукон расшифровывался как Главное управление коннозаводства и коневодства. Мне повезло вдвойне: начальник Гукона оказался земляк — бывший заведующий Тамбовским земельным отделом И. Ф. Франц, немедленно назначивший меня секретарем [8]. Коней в канцелярии на Никитском бульваре не было, но интересных людей — тренеров, наездников, любителей лошадей я повидал немало, наблюдал и азартные сцены на бегах, обогащение одних и падение других. В первый же день узнал, что в числе служащих Гукона были два выдающихся человека: во-первых, бывший генерал царской армии, полководец эпохи первой мировой войны, с именем которого связаны важнейшие успехи русской армии, Верховный Главнокомандующий в 1917 году; после Октябрьской революции, в 1920 году — Председатель Особого совещания при Главкоме, ныне главный инспектор Гукона — А. А. Брусилов, и во-вторых, поэт В. Я. Брюсов.

Брусилов — этому я поверил. Широко были известны его слова, сказанные корреспонденту рижской газеты «Новый путь»: «Я подчиняюсь воле народа,— он вправе иметь правительство, какое желает. Я могу быть несогласен с отдельными положениями, тактикой советской власти; но, признавая здоровую жизненную основу, охотно отдаю свои силы на благо горячо любимой мною Родины» [9].

Но я сначала не поверил, что вторым выдающимся сотрудником Гукона был член РКП Валерий Яковлевич Брюсов.

Начальник отдела кадров Шкваркин показал, а потом подарил мне «на память» собственноручную анкету, заполненную В. Я. Брюсовым. До сих пор хранится она у меня.

Опросный лист

Фамилия, имя, отчество	Брюсов Валерий Яковлевич
Должность	Для особых поручений при отд. Коневодства
Количество членов семьи, находящихся на иждивении	Жена Жанна Матвеевна Брюсова, 47 лет, и племянник Николай Николаевич Филипенко, 4 лет
Образовательный ценз — общее образование, специальное образование	Окончил Московский университет
В каких предприятиях работал, какое время, на каких должностях:	
1. До Февральской революции	Не служил
2. До Октябрьской революции	Зав. Моск. Книжной Палатой

3. После Октябрьской революции	Заведующий Отделом научных библиотек Наркомпроса.
4. Последнее место службы и оклад жалованья	Заведующий Литературным Отделом Наркомпроса, оклад — 15.000 руб. в месяц (как незаменимый специалист).
Отношение к воинской повинности	Признан совершенно неспособным.
Состоит ли в профессиональном Союзе и с какого времени	Всероссийский Союз Работников Просвещения, членский билет 5520.
Состоит ли в партийной организации	Член РКП, № партбилета 211 831.
Кто рекомендует	т. Бутович, т. Лопашов.
Домашний адрес	1-я Мещанская, 32, телефон 1-95-33.

Подпись — Валерий Брюсов

«Особые поручения» были Брюсову, любителю и знатоку лошадей, по сердцу. Он среди своей разнообразной литературной и служебной работы всегда находил время аккуратно выполнять задания. Особенно его интересовала организация коневодческих школ. В голодовку ценное конское поголовье вымирало, кадры работников конных заводов были профессионально малограмотны. Брюсов выступил тогда в специальном журнале «Вестник коннозаводства и коневодства» с обстоятельной, исчерпывающей статьей об организации таких школ и своим авторитетом сдвинул вопрос с мертвой точки.

В его статье по коневодческим вопросам впервые была изложена разработанная Брюсовым четкая схема — структура школ, для аргументации его положений были совершены убедительные экскурсы в прошлое, поражающие читателя глубоким знанием вопроса [10].

Я видел Алексея Алексеевича Брусилова, когда секретарствовал на заседании при начальнике Гукона. Аккуратный старик с прической бобриком, со стрелками усов, в полувоенном кителе, без орденов и нашивок, чем-то похожий на бывшего царя Николая второго; только у Николая был тусклый взгляд, а у Брусилова — живые бисеринки глаз. Он сидел по правую руку от темпераментного тов. Франца, не улыбался, был скромен и молчалив. Когда тов. Франц обращался к нему за одобрением, Брусилов молча кивал головой. На зеленом сукне стола выделялась его старческая рука с перстнем на безымянном пальце.

Брюсов, в своем классическом черном сюртуке, садился немного поодаль от общего стола, держался замкнуто, серьезно, почти не реагировал на начальнические шутки. Высказывался весомо, но мало — присутствующим была известна его статья о необходимости открытия школ и о методических принципах их работы.

При голосовании Брусилов первым поднял руку за решение о расширении сети государственных коневодческих школ.

Для тех, кто знает биографию Брюсова, ничего неожиданного в его увлечении коневодством нет.

Еще отец его увлекался конным спортом, а сам Брюсов одно время был постоянным посетителем скачек.

В 1889 году в журнале «Русский спорт» была напечатана его статья на спортивную тему, а в 1891 году вторая статья на ту же тему была помещена в газете «Листок объявлений и спорта».

Если уж надо мной, студентом-новичком, шутили, узнавая, что я служу в Гуконе, то можно себе представить, какой благодарный материал для насмешек давал своей службой Брюсов. Но он не стыдился — это

был один из участков, где работа его была нужна. Его статья, по отзывам специалистов, жива еще и до сих пор.

Не могу не упомянуть, что именно эта деловитость, исключительная добросовестность особенно ставились в вину Брюсову как измена «божественному дару»; практическое участие в строительстве рассматривалось как приспособленчество.

Между тем в каждую из областей своей деятельности он вносил новое, хорошо продуманное и практически значительное.

В КАБИНЕТЕ И БИБЛИОТЕКЕ БРЮСОВА

И вот я, наконец-то, в кабинете и библиотеке Брюсова.

— Валерий Яковлевич придет сегодня поздно,— сказала Жанна Матвеевна,— так что можете посмотреть все внимательно.

Она села в кресло с книгой в руках и, отвлекаясь, время от времени давала короткие пояснения.

— Брюсов никогда не говорит: «Я иду писать стихи», а «Я иду работать»,— замечала она.

Кабинет очень прост, в нем нет лишних украшений — бюст Жуковского, гравюра Пушкина, несколько портретов писателей. Знаменитый длинный стол, помнящий литературные среды Брюсова. Здесь читали свои произведения Андрей Белый, Константин Бальмонт, Юргис Балтрушайтис, С. В. Шервинский, Владимир Маяковский [11], Николай Асеев, Вадим Шершеневич, Константин Липскеров и многие другие поэты и прозаики.

Все, что находится здесь, хранит следы труда. Не только поэта, но и ученого-историка, философа, лингвиста, математика, журналиста, редактора, практика социалистического строительства.

Сразу не перечислишь все, чем интересовался Брюсов. Он изучал высшую математику, пангеометрию, палеонтологию, историю, географию, археологию. Он прочитал всю русскую литературу от памятников древней словесности и до наших дней. На отдельной полке собрано множество пушкинских изданий.

— С большим вниманием следит Брюсов за успехами науки,— говорит Жанна Матвеевна,— изучает Маркса, Энгельса, Ленина.

Невольно вспоминается, ставший хрестоматийным, эпизод беседы Брюсова с Горьким.

—Можете ли вы прожить двадцать лет среди книг и только книг?— спросил Горького Брюсов.

Горький ответил: «Нет, что вы!.. Этого нельзя. Я не могу».

И тогда Брюсов сказал: «Да, и я не могу, а вот прожил же!».

В кабинете Брюсова материалы и книги наглядно показывают не только богатство эрудиции, широкий круг культурных, естественно-научных и исторических интересов поэта, но и то, как Брюсов накапливал свой опыт в самых разнообразных областях.

В одном из шкафов бережно сохранялись материалы, источники, откуда он черпал сведения, необходимые ему в работе над историческим романом «Огненный ангел». Здесь атласы, карты, книги о XVI веке, вроде четырехтомного «Адского словаря», изданного в Париже в 1825 году. Особые полки заняты античной литературой в подлинниках.

Во многих книгах библиотеки в 5000 томов можно увидеть собственноручные пометки Брюсова на полях, причем иногда на том языке, на котором написана сама книга.

Есть его стихи на французском и итальянском языках. В дневниках — выписки из Гиббона по латыни, или на санскрите — из календаря индусов.

БРЮСОВ

Фотография, 1923. С дарственной надписью: «Издревле сладостный союз // Поэтов меж собой связует. Дорогому Александру Ивановичу Корчагину в знак товарищества, дружества, сочувствия. 5 сентября 1924. Валерий Брюсов»

Собрание А. И. Корчагина, Москва

Имея представление о лингвистических познаниях Брюсова, не удивляешься обилию книг на самых различных языках — французском, английском, итальянском, испанском, немецком, чешском. Здесь словари древних и новых европейских и восточных языков — арабского, персидского, армянского, японского, шведского и многих других.

По-видимому, желая меня вознаградить за увлеченное изучение всего, что дает представление о Брюсове, Жанна Матвеевна раскрыла мне одну из папок и показала оригинал стихотворения, написанного Брюсовым в 1917 году, ставшего впоследствии нашим надежным компасом:

Единое счастье — работа,
В полях, за станком, за столом —
Работа до жаркого пота,
Работа без лишнего счета, —
Часы за упорным трудом.
. . . . . .

О кабинете и библиотеке Брюсова я писал и печатал уже после его смерти, писал и о роли его жены, бережно сохранившей его литературное наследие [12].

Но первое посещение кабинета Брюсова произвело на меня ярчайшее впечатление.

Имя такого учителя можно было назвать с гордостью.

Ясно стало и другое: учиться у такого эрудита и труженика — не легкое дело. Только трудом можно было завоевать его одобрение и уважение.

СКУЛЬПТУРА БРЮСОВА

23 сентября 1921 года в Камерном театре было утро французской лирики XIX века.

Вступительное слово говорил Брюсов.

Выйдя на сцену, он словно встал в рамки своего врубелевского портрета — так естественна для него была эта поза со скрещенными на груди руками, поза замкнутого, собранного, холодного человека.

Его сюртук был панцирем, темной полированной корой, и ослепительно белым цветком дымился от света софитов носовой платок в верхнем кармане.

Линялые усы, яркие, суховатые губы.

Чуть картавая, ровная, как движение тени на солнечных часах, речь — тихий сыпучий блеск, иногда лишь с горошинами горлового хрипа и опять белый цветок под треск прожекторов по бокам.

Ледники эрудиции. Уменье говорить обо всем, как свидетель. Ничего личного и все-таки все личное. Он казался живым современником Теофиля Готье, Леконта де Лиля, Эредиа, Верлена. Брюсов говорил о них, как бесстрастный историк, усилием воли сдавливающий готовые прорваться воспоминания, как академик. И почему-то в этом сочетании вдруг ощутилось мною что-то мертвящее.

Так должны говорить воскресшие из мертвых Лазари, если бы они были историками литературы, или ученые, вставшие после нескольких лет анабиоза.

Вступительное слово окончено. Началась художественная часть — чтение стихов в исполнении премьера Камерного театра, изысканно-декадентского артиста Н. М. Церетели.

Мне оно не понравилось.

Черную скульптуру Брюсова тщетно старался он растопить истомными фиоритурами своего жесткого и негибкого по природе голоса. В одной и той же манере читал и Бодлера и Лафорга, Ван Лерберга и Метерлинка, Жюля Ромена и Дюамеля.

И стихи, и такие разные по стилю переводы: твердые Брюсова, слащавые Бальмонта, раскосые Шершеневича — все обволакивалось манерным тоном актерской читки.

Утра не получилось.

Влево была нога арфистки Корчинской в золотом туфле, с золоченой арфой. И в середине, под негромкие, хорошего тона аплодисменты, кланялся пробор Церетели, кланялся за Готье, за Бодлера, за Верхарна, за всех авторов.

Особняком в стороне стояла скульптура Брюсова.

СМОТР ПОЭТИЧЕСКИХ ШКОЛ

Прежде чем услышать в техникуме первую лекцию Брюсова, мы видели его председательствующим на «Смотре поэтических школ» в Политехническом музее 17-го октября.

ВЕЧЕР СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ.
Под председательством В. Я. БРЮСОВА.
Вторник 12 декабря
Символисты: В. Брюсов.
Футуристы: Н. Асеев, В. Каменский, А. Крученых, С. Третьяков.
Центрифуга: И. Аксенов, С. Бобров.
Московский Парнас: Адалис, В. Ковалевский, Б. Лапин, Е. Габрилович, В. Мокина.
Пролетарские поэты: В. Александровский, М. Герасимов, В. Казин, В. Кирилов, С. Обрадович, Г. Санников.
Крестьянские поэты: Г. Деев-Хомяковский, С. Клычков, П. Орешин, Чернышев.

АФИША «ВЕЧЕРА СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ» ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ БРЮСОВА
Москва, Дом печати, 12 декабря 1922 г.
Фрагмент сводной афиши с пометами Брюсова
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Москвичам памятны эти смотры 1921—22 гг., такие стройные на афишах (поэты расставлены под шапки названий) и такие бестолковые в развороте большого зала, падающего вниз к кафедре, где в центре значительным восклицательным знаком — иногда Валерий Яковлевич, а чаще монументальным, неумещающимся, рычащим знаком — Маяковский.

Структура беглой, но, как всегда, содержательной вступительной речи Брюсова о смене литературных течений была приблизительно следующей: символисты обращали внимание на общие вопросы, футуристы — на вопросы сегодняшнего дня. Война и революция изменили жизнь. Возникает резкое искание новых форм: неофутуризм, имажинизм, принцип организации формы, лозунг — брать из жизни современности только образное; экспрессионизм, ничевоки; возникает реставрация — неоклассики (возрождение классических приемов).

Заключение — русская поэзия жива, в ней — брожение; новое уже нащупывается.

Двенадцать афишных «школ» прошли перед зрителями. Крученых выдвинул достижения футуристов — обогащение языка, заумь. Неофутуристы в лице С. Буданцева провозгласили принцип: важен лишь сам человек и его время. Представитель «Центрифуги» — Иван Александрович Аксенов — пытался обосновать тезис: «наблюдается оскудение власти города; полемика заменяется организацией; вместо урбанизма выдвигается гуманизм и реализм, футуризму дается содержание».

«Орден имажинистов» во главе с Вадимом Шершеневичем: «мы слишком ценим публику, чтобы предположить, что она незнакома с нашим течением; мы слишком ценим себя, чтобы предположить, что можно рассказать о нем в двух словах, в течение нескольких минут; поэтому мы будем читать лишь стихи».

Распухший, готовый лопнуть от жиру, неоклассик Олег Леонидов прочитал слабенькое стихотворение, посвященное Брюсову, отчего тот морщился, как от дурного запаха.

Добродушный весельчак, русский Беранже литературной братии, толстяк Арго открестился от клички «неоромантик», присвоенной ему насильно. Адалис сняла с себя ярлык «неоакмеистки» и заявила себя синтетисткой, очевидно под влиянием недавнего выступления Брюсова в Союзе поэтов.

Презентисты. Экспрессионисты. Ничевоки, повторившие заграничную штучку,— они вышли с нагрудниками — детскими «слюнявчиками», на которых написано: «ничего не пишите, ничего не читайте, ничего не печатайте». Безмолвно постояли на сцене и ушли, освистанные публикой. Эклектики — барахлишко разных направлений. Наконец символисты И. Рукавишников и В. Брюсов. Брюсов мужественно выносил галдеж и крики «довольно» особенно упорным авторам. Своим спокойствием мэтра он придавал какой-то вес забавам и почти хулиганству на эстраде.

Самого его слушали более внимательно, чем других, но особого успеха и он не имел — публика распоясалась, жаждала крови и любого повода, чтобы можно было протестовать, посрамлять и сокрушать, развенчивая захватчиков кафедры.

Характерный штрих. Когда по окончании вечера вываливались поэты неоклассики и эклектики — публика требовала, чтобы они становились в очередь к вешалке: «В очередь, в очередь, нечего там!» — чем смутила даже ничевоков, но Брюсову молча уступили дорогу,— шла литература, почти история литературы, авторитет.

Брюсов выходил деловито, как человек, закончивший серьезную работу. Таким диспутам Брюсов придавал некоторое значение, считая, что они помогают расслоению поэтических групп, выявлению и упрочению новых, настоящих поэтов. Кроме того, он считал, что сама информация о литературных школах уже оправдывает выступления.

Следует напомнить, что в 1919—1921 гг. свирепствовал бумажный голод, книги выходили единицами, журналов было мало. Поэзия стала устной, и чтение стихов в Политехническом музее, в клубах и в кафе в какой-то степени заменяло их печатание.

Но иногда тут же в фойе продавались тощие книжечки стихов, отпечатанные самими авторами на стеклографах и гектографах. Помню, сборник «Явь» (1919) был напечатан на толстой коричневой оберточной бумаге, плохо обрезанной по краям, с вкраплениями соломы на страницах.

НАЧАЛО ЗАНЯТИЙ

15-го октября 1921 г. собеседованием ректора Адалис со слушателями начались занятия в профессионально-технической школе поэтики.

Ничего профессионального, если не считать постоянной безалаберности и опаздываний ректора Адалис и профессоров, на первый взгляд не было. Не оказалось и на второй взгляд.

Время было трудное — холодное и голодное. Сил было мало и у нас, учеников, и у наших учителей. На занятия являлись пешком. Переполненные трамваи ходили неаккуратно, именно ходили. На дорогу тратилось много времени. Я, например, хорошим ходом около часу шел в техникум от Трубной к Страстной площади, а оттуда по Тверской к Триумфальной площади и далее — по Большой и Кудринской Садовым.

Части преподавателей, объявленных в афише, мы так и не видели. Высококвалифицированные специалисты совмещали занятия в нескольких местах, зачастую из-за дополнительных пайков. И профессора и студенты часто болели, а иногда не находили сил, чтобы добраться до аудитории.

Адалис пропадала где-то по целым дням. Она любила бродить по городу и бормотать различные неясности, из которых потом либо рождались, либо не рождались стихи. В последнем случае неясности не прояснялись. Если поэт не бормочет на ходу — значит это плохой, ленивый или ненормальный поэт.

Адалис была хорошим поэтом. И хорошим наставником молодежи, но административных способностей у нее не оказалось.

Административно-хозяйственными делами автономно занимался Андрей Малышев, навязанный Брюсову каким-то напористым товарищем из Наркомпроса [13].

У него был второй ключ от комнаты Адалис. В техникуме он ухитрялся лишь мелькать в воздухе.

Адалис ненавидела его за нечестность, и иногда мы слышали, как она на него шипела, из серебристой ящерицы превращаясь в разъяренную кобру.

Педантично аккуратным был Брюсов. Лишь один-единственный раз, в жгучую метель, он пришел запорошенный снегом с опозданием на 7 минут. И отряхнувшись, с мокрыми, густыми, искрящимися бровями, вынул из кармана часы, сам себе укоризненно покачал головой и смутился—так ему было непривычно и досадно опоздание на лекцию.

Однажды в красноармейской шинели пришел мифический А. Н. Чичерин, но лекции не читал [14]. Тщетно пытался начать курс истории поэтического языка А. И. Ромм [15]. Курс прекратился едва ли не после первого же занятия.

Ни твердого, ни нетвердого расписания занятий сначала не было. Между тем бросалось в глаза, что в отсутствие Адалис в ее большую комнату-студию, о которой мы идиллически мечтали, украдкой ходят какие-то люди, чуть ли что не расписываться в ведомостях, а Малышев, с воровато-административным, белобрысым лицом, иногда шлепает там какими-то печатями, включает кого-то в списки и затем, шумно передвигая ногами, с блуждающей улыбкой на невыразительном бабьем лице, исчезает.

Нам была предоставлена проходная комнатка с небритым хищным диваном, не стыдящимся своих внутренностей, и с разбитым, раненным навылет окном во двор.

Мы знакомились друг с другом и с обитателями фаршированного коридора.

В ответ на требования начать регулярное чтение лекций и «упорядочить постановку дела» Адалис отнекивалась, ссылаясь на трудности, или сидела не дыша в комнате-студии, вынув ключ, явно намекая на то, что ее нет. Мы не верили этим намекам.

Умученные томительным, вокзальным ожиданием преподавателей, ходивших не по расписанию, мы провели стачку учащихся, избрали местком и предъявили ультиматум. Меня избрали председателем этого ученического месткома.

Адалис мы захватили: караул у двери поклялся или застать ее или умереть.

Тут же абсолютизм династии Адалис-Малышева был свергнут, восторжествовала демократическая республика с установленным расписанием.

Адалис все-таки выговорила себе четверг. Почему-то в четверг мы не занимались. Опьяненные властью, мы подарили ей этот день, кропая среди недели и в воскресенье стишки и прозу — практические работы.

Ключ к управлению — адреса лекторов — был в наших руках. Мы договаривались с ними сами или посылали им повестки. Сами и стыдили их за неявку, пока они раскручивали шарфики с шеи.

Занимались от 5 до 10 вечера. Звонки давали тоже сами.

Предметы читались такие:

В понедельник: С. М. Соловьев — греческий язык и семинарий по Брюсову, М. П. Малишевский [16] — ритмика и метрика, В. Я. Брюсов — история русской литературы (целых два часа).

Во вторник: П. Г. Антокольский — теория театра, Т. М. Левит [17] — практическая поэтика, А. Адалис — вольная композиция.

Чтобы не упускать ее, в среду — опять вольная композиция, затем

история западной литературы в образцах и семинарий по французским символистам — профессора В. Н. Карякина.

В пятницу: С. М. Соловьев — латинский язык и Нечаев — общественные науки.

В субботу густо распускались: семинарий по Тютчеву — Я. О. Зунделовича [18] и, особенно, семинарий по Пушкину — Т. М. Левита.

БРЮСОВ — ВОСПИТАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРНОЙ МОЛОДЕЖИ

Первая лекция Брюсова по русской литературе прочтена была в техникуме 24-го октября 1921 года. Скорее собеседование, на котором мы рассматривали друг друга. А рассматривать было удобно. Наша «аудитория» — небольшая и в эту пору года полутемная проходная комната при фаршированном коридоре — освещалась лишь одной лампочкой посередине. Походный столик лектора ставился под ней, а мы располагались полукругом так близко, что отчетливо могли видеть и седеющую голову Брюсова и потускневший, но всегда глубокий его взгляд, особенно энергичный в тот период; «римский» нос, тонкие, суховатые губы, малозаметные лапки морщинок у глаз, углублявшиеся, когда он улыбался, и глубокие вертикальные морщины на лбу.

Мы следили за тем, как он размеренными быстрыми шагами подходил к убогому столику, садился, примеряясь на удобство, как пианисты перед игрой, косился на разнообразие клякс и, секунду поколебавшись, не ставил свою шапку, а опускал ее набок туда, где клякс поменьше. И сразу, как бы продолжая недавно прерванный разговор, приступал к теме.

На первой лекции, насколько я помню, он разговаривал с нами об истории человечества, о том, что литература сохранила для нас все эпохи, все стремления, все идеи.

Он бегло рассказывал о многих эпизодах прошлого, и его выпуклая, точная и все же теплая речь, как бы очевидца всех событий мировой истории, современника упоминавшихся им ученых и писателей, до того известных нам лишь как имена, как знаки чего-то важного, наконец, его рассказ о возможностях воздействия литературы — все это сразу увлекло нас. Брюсов доказывал, что художественное слово — самое могущественное из искусств. Мы не только впервые смогли постигнуть гигантское общественное значение того дела, которому мы пришли учиться, но почувствовали страстное желание знать. В этой лекции Брюсов, как о чем-то личном, говорил о могуществе и сладости познания, о необходимости развития интеллекта человека, его образования.

Получение знаний непрерывно — с детства до глубокой старости. Крупинками и частями накапливаются знания, но они в мозгу человека соединяются в единое целое. Они всегда в запасе, всегда на службе, всегда помогают ему ориентироваться в любых случаях жизни.

Чем больше человек знает, тем более всемогущим и счастливым становится. Сам процесс познания, творческого труда настолько увлекателен, что уже одним этим вознаграждает человека-творца.

Мы глазами пожирали Брюсова, мы были ошеломлены тем, что в одной черепной коробке могло быть так много так хорошо, компактно уложенных знаний.

Какими жалкими казались наши ответы на его вопросы, какое чувство неловкости охватывало всех нас, когда кто-нибудь сознавался, что он никогда ничего не читал из произведений автора, упоминаемого Брюсовым.

Иной раз неловкость разрешалась смехом. Так было, когда один из слушателей сказал, что Державин писал на церковно-славянском языке.

Брюсов учел особенности нашей, в большинстве не очень грамотной, аудитории и умел находить такую форму лекций и бесед, что они незаметно, исподволь делали из нас культурных людей.

Сжатость, конкретность, умение отобрать необходимую предельную дозу излагаемого материала были характерными чертами его сообщений.

Он понимал все трудности для многих из нас занятий по специальным дисциплинам, когда элементарные приемы не были еще полностью освоены, когда часть наших товарищей просто не знала, как записывать лекции, как конспектировать книги, не говоря уже об умении систематизировать получаемые знания.

На первый взгляд казалось,— так легко было учиться: приходи, слушай и запоминай интересные сообщения интереснейших людей. Никто тебя не контролирует, не проверяет, не то, что в обычной школе, где приходилось жестоко расплачиваться за невыученный урок. Но это оказывалось так обманчиво, когда требовалось выступить или писать сочинение на данную тему по пройденному курсу...

Брюсов понимал, что большой объем даваемой им информации без навыков умственного труда у его слушателей не мог ими восприниматься в полной мере, поэтому он, походя, советовал, как легче и разумнее осваивать материал, давал задания прочитать доступную нам литературу.

Только деликатностью умелого воспитателя можно объяснить стремление Брюсова просмотреть наши тетради или блокноты с записями его лекций. Он, видите ли, хотел вспомнить, о чем говорилось прошлый раз. А прочитав наши записи и убедившись, как у некоторых отрывочно, наивно, а иногда и искаженно (для краткости) велись они, отдельно говорил с товарищем наедине, терпеливо объясняя и исправляя его ошибки.

Не желая кого-либо обидеть, он обобщал при случае наши типичные промахи и заявлял, что он, лично, предпочитает вести записи так-то. Очень важно иметь свою систему подсобной работы, помогающей литературной. Каждый культурный человек, каждый студент, а тем более слушатель литературного техникума, должен научиться записывать и конспектировать. И обязательно так, чтобы легко было найти ту или иную запись. Самое основное надо выделять, дабы видеть его с первого взгляда.

Брюсовым было введено как правило: перед его лекцией минут 15—20 занималось сообщением студента о том литературном течении или писателе, произведения которого рекомендовалось на прошлом занятии прочитать.

Сообщения делали мы все по очереди. Помню, как основательно мне пришлось в течение недели готовить сообщение о поэте Н. Языкове. До сих пор я помню его стихотворения, отчетливы мои познания о его жизни и творчестве.

Разбудите ночью, и я легко сдам вам зачет по Языкову, Пушкину, Тютчеву, словом, по тем разделам курсов, которые я слушал или готовил для ответов Брюсову.

Ограничив свой курс литературы русской поэзией, Брюсов дал законченный компактный очерк литературы 18-го века, объяснил архаизмы и славянизмы Державина, цитируя на память отрывки его стихотворений, дал нам ряд живых эпизодов деятельности Ломоносова как ученого и поэта. Затем перешел к поэтам пушкинской поры. Ему хотелось поскорее перейти к Пушкину. Он разбирал с нами произведения Батюшкова, Жуковского, Вяземского, Языкова, Баратынского.

В Вяземском оттенял остроумие, в Батюшкове, которого называл предтечей Пушкина,— стремление к чистоте русского языка. Отвлекаясь, доказал нам, что Пушкин писал в духе Жуковского, Батюшкова, Вяземского — характернее, чем они сами.

Читая и эти лекции, Брюсов применялся к насущным требованиям нашей аудитории. Он подчеркивал, например, что Жуковский, которого Пушкин называл «гением перевода», так же много, как и Пушкин, заботился о пополнении своего образования, работал над отделкой своих произведений.

Брюсов на память приводил слова Жуковского: «Я уверен, что только тот почитает труд тяжелым, кто не знает его; но именно тот его и любит, кто наиболее обременен им» [19].

Брюсов улыбался, и нам казалось — последнее он говорил с особым удовольствием, как если бы это были не слова Жуковского, а его собственные.

Вообще Брюсов, точно придерживаясь своей программы, не боялся значительно уклоняться в сторону, делая это обычно за счет добавочного времени. Так, в ответ на вопрос одного из слушателей, в течение двух часов увлекательно излагал нам теорию относительности Эйнштейна. Он проводил свою давнишнюю мысль о неправильности мнений, будто все ныне утверждаемое наукой есть непогрешимая истина. Вспоминал, как истины меняются. Когда-то «научными» (в кавычках, выделял он) были Птолемеева система, учение о свете Ньютона. Сводом «истин» была и вся схоластика. На примере теории относительности Брюсов показал, как ниспровергнуты законы, считавшиеся незыблемыми. Неизвестно, с какими насмешливыми улыбками будут говорить ученые 30-го века о современных научных истинах, может быть так же, как мы сейчас говорим об «истинах» астрологии и алхимии.

Один из уроков его продлился развертыванием случайного замечания о катапультах — прообразе артиллерии у древних — и превратился в лекцию по тактике и стратегии.

Другой раз Брюсов обрисовал нам характерную фигуру русского ученого и патриота К. А. Тимирязева и по памяти привел его заявление, сделанное в прошлом (1920-м) году: «Каждому русскому человеку необходимо определить, где его место — в общих ли рядах Красной Армии труда или в избранных рядах тунеядцев и спекулянтов» [20].

Это заявление Брюсов произнес с особым полемическим задором, как нечто очень для себя личное.

Его беседа была непринужденной, и в любом вопросе он умел вылущить основное ядро и подать его как явление, вам как будто уже знакомое, как суждение, вами слышанное. Все цитируемые им строчки ничего другого означать и не могли — как это вы сами раньше не догадались, да, кажется, вы и догадались, только не знали этого. Такова была сила убедительности брюсовской эрудиции и стройность изложения.

Общеизвестно, что простота и ясность при популяризации предмета являются следствием глубокого его знания. Этим качеством Брюсов владел в совершенстве. Особенно проявлялось это позже на лекциях по античной литературе уже в Брюсовском институте, но и в техникуме мы были свидетелями его уменья воскрешать людей и события, оживлять древние надписи и памятники, уменья передавать свое знание исторического быта, свои оригинальные домыслы, подкрепленные свидетельствами современников.

Общение с Брюсовым разрушило в нашем представлении легенды о его суровости. Когда зимой 1921 года он приходил к нам в морозы в своей шубе и шапке, как у Гавриила Романовича Державина, дышал на руки, согревая их,— мы знали, что нас ожидает интереснейшая беседа с нашим Брюсовым, заботливым учителем, снисходительным к нашей безграмотности.

Неверно было бы представить себе, что он был нетребовательным. Нет, то, что проходилось, должны были знать все. Не могли не знать,

«В ТАКИЕ ДНИ». М., ГОСИЗДАТ, 1921

С дарственной надписью студентке ВЛХИ В. Т. Рейхштейн: «Доброй Вассе Тимофеевне Рейхштейн, в надежде, что она не будет сердиться на строгого экзаменатора. Валерий Брюсов. Июль 1922»

Титульный лист и шмуцтитул

Литературный музей, Москва

Подхлестывало, помимо желания, чувство стыда. Когда слушатель в ответ молчал или напряженно путал, Брюсову становилось не по себе, а от него и всем нам. Брюсов кратко повторял то, чего не мог (или поленился) усвоить студент.

Сначала мы боялись Брюсова, он подавлял громадами своих знаний, и, случалось, мы говорили ему, что из еще непройденного не знаем даже того, что уже было нам на деле известно. Но в оживленной беседе, которую он умел организовать, незаметно подвигая ее вперед репликами, каждый был счастлив вставить свои замечания.

Брюсов был деликатен, он не обрывал, не высмеивал, шутки его были добродушны и не обидны. Особенно же упорных возражателей он любил довести вопросами до предельно ясного сознания абсурдности их положений. Лицо его делалось по-детски лукавым, лапки у глаз углублялись, и мы все смеялись, а сконфуженный возражатель старался поглубже уйти в дырявый диван. Впрочем, таких смельчаков было очень мало.

Если Брюсов никуда не спешил, что, правда, бывало редко, или если неожиданно во всем доме гасло электричество, что бывало тогда часто, Брюсов предлагал читать стихи. Читал их сам и знал их великое множество.

А то, не договорив строфу, предлагал нам вспомнить окончание или самим придумать рифму. Когда же мы смущенно удивлялись, как же мы будем хотя бы одним словом изменять строфы Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Брюсов, шутя, напоминал, что «сам сделал попытку обработать и дописать незаконченную поэму Пушкина «Египетские ночи». Написал вопреки старым запретам Достоевского. И опубликовал в 1917 году в альма-

нахе «Стремнины». Критики ругали. Поддержал Алексей Максимович Горький».

Только в 1928 году узнали мы (из опубликованного текста) восторженный отзыв Горького: «Очень хочется работать с вами много и долго. И — это не комплимент, поверьте! — я не знаю в русской литературе человека, более деятельного, чем вы. Превосходный вы работник!

Прочитал «Египетские ночи». Если вам интересно мнение профана в поэзии — эта вещь мне страшно понравилась! Читал и радостно улыбался. Вы — смелый и вы — поэт божией милостью, что бы ни говорили и ни писали люди «умственные» [21].

А что значат слова Брюсова: «вопреки запретам Достоевского»? Неужели Брюсов встречался с Достоевским? Ведь Достоевский умер в 1881 году. В это время Брюсову не было еще полных 8 лет. На наш недоуменный вопрос ответил всезнающий Теодор Левит. Оказывается, Достоевский в статье, вышедшей еще в начале шестидесятых годов, писал, что считает «Египетские ночи» «самым полным, самым законченным произведением нашей поэзии»: «Развивать и дополнять этот фрагмент в художественном отношении более невозможно〈...〉 прибавьте еще хоть одну какую-нибудь лишнюю подробность, и цельное впечатление картины, может быть, исчезло бы перед вами» [22].

Большинство из нас не видело альманаха, и мы стали просить Брюсова прочитать «Египетские ночи». Он не отказался, еще раз продемонстрировав нам свою великолепную, натренированную память — и это, вероятно, входило в его учебную задачу: смотрите, как бы говорил он, чего можно добиться трудом и упражнениями. Читал он очень просто, не прибегая к обычным тогда приемам исполнения — не нажимал, не рычал, не пел, но сдержанно выявлял содержание произведения, умело, продуманно вел ритм стиха.

Затем он рассказал, как он дополнял неоконченную поэму, стараясь не выходить за пределы пушкинского словаря, его ритмики, его рифм.

Мы были восхищены и подавлены такой глыбищей эрудиции и труда.

После занятий студент Кухтин рассмешил всех, задумчиво заметив: «Если бы Пушкин и не начал «Египетские ночи», Брюсов и без него бы справился, один бы все написал».

На одном из следующих занятий Брюсов предложил попробовать поиски рифм.

...Но, как вино, печаль минувших дней
В моей душе, чем старе, тем...?

— Как вы думаете, какая рифма, какое слово следовало у Пушкина?

И посыпались наши рифмы: острей, ясней, слышней, больней, густей, сочней.

А студент сапожник Кухтин громче всех кричал:

— большéй, дольшéй, громчéй.

Брюсов расхохотался: — «громчéй всех, не значит лучшéй всех, хотя у нас бывает и так. Но у Пушкина — удачнее, чем у вас, у него: «чем старе, тем сильней».

Я гордился тем, что однажды во время таких бесед завоевал одобрение Брюсова, сказав: «словам нельзя выламывать кости».

Известно, что Брюсов снисходительно отзывался о стихах Игоря Северянина. Отмечая безвкусицу его образов и словаря, Брюсов добавлял: «но все же есть в стихах И. Северянина какая-то бодрость и отвага, которые позволяют надеяться, что со временем его творчество найдет свои берега и что мутный плеск его стихов может обратиться в ясный и сильный поток» [23].

В одной из вечерних бесед с нами Брюсов полушутя обмолвился, что из всех десятков сборников стихов Северянина ему больше всего запомнился эпиграф одной из книг — четыре строчки, не Северянина, а Федора Ивановича Тютчева:

Ты скажешь, ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

— И заглавие книги Северянина хорошее — «Громокипящий кубок», но тут же рядом «поэзы» — плохо и безвкусно.

Когда вот так, в темноте, смелый медик и бесстрашный поэт Фрумкин прочитал свои стихи о городе, Брюсов дополнил разбор их стихами Эмиля Верхарна в своем переводе и в переводах других поэтов.

Валерий Яковлевич простодушно признавался: вот это я перевел правильнее, ближе к оригиналу, а он — лучше, мелодичнее.

Дали свет, и мы неожиданно увидели не хмурые, затаенные глаза Брюсова, а удивительно открытый его взгляд — прямой, доверчивый, справедливый, живое подтверждение силы и честности его ума.

Один из наших товарищей писал о Брюсове: «Он умел превращать весь класс в дружную творческую лабораторию. Между ним и его учениками быстро устанавливались простые и доверчивые отношения».

Брюсов и Адалис вызывали у нас стремление к поискам нового, современного, усиливали требовательность к форме. Они начали приучать нас к профессиональному овладению материалом, к ежедневному труду, несмотря ни на что. Приучали нас к строгой дисциплине литературного труда. Писать надо не так, «как вышло», а, самокритично найдя слабые места, много потрудившись, самому добиться лучшего решения. При неудачах не падать духом. Не лениться. Не обижаться на критику товарищей. Неудачи могут быть очень поучительными. В любой науке одному удачному результату может предшествовать много предварительных опытов. Неудача может быть и удачей, так как предостерегает от последующих ошибок.

Мы спросили Брюсова: когда он решил закончить «Египетские ночи», верил ли он в свою удачу?

Он ответил: «Я верил не в удачу, а в удачный труд».

Брюсов часто напоминал нам слова Гете: «Без труда нет ничего великого».

БРЮСОВ И ПУШКИН

На лекциях у Брюсова мы улавливали черты характерно личного отношения Брюсова к Пушкину.

Следует, однако, напомнить, что́ переживал Валерий Яковлевич в это время.

Хотя Брюсов еще в 1917 г. начал работать с Советским правительством, что навлекло на него гонения его прежних сотоварищей, но его вступление в партию произошло в 1920 г. В последующие два-три года ему пришлось вынести наиболее злобные и ехидные шельмования. Улюлюканье шепотком.

Под подозрение брались искренность и политическая честность Валерия Яковлевича.

В заметке «Литературные нравы» журнальчика «Новый быт» [24] так рассказывается о Брюсове, ставшем мишенью для обстрелов: «Валерия Брюсова взяли под подозрение — вы думаете коммунисты? — нет. На

Валерия Брюсова навалилось доблестное казачество независимой российской словесности.

— «В Троицу святую веруешь?

— Верую!

— И в церковь ходишь?

— Хожу!

— А ну, перекрестись!

Пришедший крестился.

— Ну, хорошо,— отвечал кошевой,— ступай же в который сам знаешь курень».

Это из Гоголя. А вот из практики современной нам Петербургской Сечи Дома литераторов.

— Како веруешь?

— Коммунист.

— Ату его!..

И пошли, и пошли!.. Охота на В. Брюсова ведется, конечно «культурная». Тихой сапой. Без особого собачьего гама. Ковырнут в бок шилом в одном номере «Утренников» [25], поцарапают в другом... Поручат П. Губеру как следует «смазать» Брюсова в очередной тетрадочке «Литературных записок», в статье, посвященной А. Блоку...»

В этой статье Губера про Брюсова издевательски писалось, что «чуткий ко всем переменам в окружающей атмосфере, он вдруг обновил радикально запас своих пластинок», что «мировоззрение берется им «напрокат», словно костюм от Лейферта», и т. п. гнусности [26].

Между тем, горячей убежденностью и искренностью звучала речь, произнесенная В. Я. Брюсовым на торжественном заседании в Доме печати в связи с 50-летием В. И. Ленина в апреле 1920 года.

Текст этой речи был опубликован в 1928 году в № 4 журнала «Экран»:

«Я не думал говорить, считая себя недостаточно осведомленным.

Я скажу лишь несколько слов о личном взгляде своем. Вчера вместе с Максимом Горьким мы вспоминали слова поэта Тютчева:

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые.

Такие роковые минуты мы переживаем и сейчас.

Здесь много молодых лиц и им непонятно то, как смотрим на вещи мы. Их детство прошло в 1905 году, их молодость совпала с европейской войной, теперь они переживают социалистическую революцию. Но для нас, которые в молодости жили в чеховской России, теперешние события прямо фееричны. Конечно, мы все считали социалистическую революцию делом далекого будущего. Вот теперь заговорили о возможности сношения с другими планетами, но мало кто из нас надеется там побывать. Так и русская революция казалась нам такой же далекой. Предугадать, что революция не так далека, что нужно вести к ней теперь же, это доступно лишь человеку колоссальной мудрости. И это в Ленине поражает меня больше всего.

Мы знаем, что всякая героизация противоречит миросозерцанию Ленина; все мы учили, что Земля движется по орбите (вокруг Солнца), но это не мешает нам, однако, восхищаться восходом солнца утром, закатом его вечером, восторгаться им, когда оно стоит на небе в полдень.

Пройдут поколения, и они будут так же восхищаться восходом солнца, так же будут изучать и восхищаться образом товарища Ленина» [27].

К апрелю 1920 года относится и текст приветствия В. И. Ленину, написанный Брюсовым, найденный среди рукописей, хранящихся в Ленинской библиотеке.

Характерно, что и здесь Брюсов упоминает имена Радищева, Пушкина, Толстого, Чехова и других писателей-классиков, выделяя тему труда, «равняющего и сближающего всех».

«Русская художественная литература, в своей наиболее ценной части, всегда была близка к идеалам лучшего строительства жизни, всегда страдала неправдой старого социального уклада. От Радищева через Пушкина и Гоголя до Толстого и Чехова, не исключая всех других дорогих нам имен, как, например, Достоевский (какие бы взгляды ни высказывали иные художники слова в своих теоретических статьях) — русский роман, русская поэзия, в своем целом, за ничтожными исключениями, были выразителями той идеи, что истинная жизнь человечества наступит лишь тогда, когда в ее основу ляжет ТРУД, равняющий и сближающий всех. В иных словах эта идея является тем всемирным лозунгом, который привел нас ныне в Советской России к диктатуре пролетариата. В великом социальном катаклизме, который переживается сейчас Европой и в котором передовую роль играет Россия, осуществляются смутные чаяния всех наших выдающихся писателей. Какое участие в совершающемся принимали вы, Владимир Ильич, известно всем, и русские художники слова, рядом с другими группами русского народа, приветствуют вас в день вашего пятидесятилетия — признанного вождя мировой социальной революции» [28].

Проникновенные стихи Брюсова «Ленин», «После смерти В. И. Ленина» вошли в хрестоматии, переведены на все языки мира.

И Брюсов с полным правом мог сказать, в стихотворении «У Кремля»:

А я, гость лет, я, постоялец
С путей веков, здесь дома я.
Полвека дум нас в цепь спаяли,
И искра есть в лучах — моя!

Брюсов много раз утверждал естественность своего прихода к коммунизму. В 1923 году, на юбилейном чествовании в ответной речи, В. Я. Брюсов сказал: «Мне казалось, что теперь, в последний период моей жизни, я вернулся в Дом отчий, — так все это было *мне просто и понятно*! Никакой метаморфозы я в себе не чувствовал. Я ощущаю себя тем, кем я был» [29].

Если справедливо, что советоваться — значит искать подтверждения уже принятому решению, то в вопросах роли поэта в общественной жизни Брюсов советовался с Пушкиным. И Пушкин подтвердил Брюсову правильность его пути. По словам Ленина, каждый приходит к коммунизму своими особыми, неповторимыми, своеобразными путями. Надо ли говорить, каким авторитетнейшим полпредом и прошлых эпох, а во многом и настоящего, был для Валерия Яковлевича Пушкин. Достаточно вспомнить два-три свидетельства самого Брюсова, чтобы понять, почему у Пушкина искал Брюсов откликов на перемены в своей жизни.

«И до сих пор,— писал Брюсов после Октября (в 1922 году),— наша литература еще не изжила Пушкина; до сих пор по всем направлениям, куда она порывается, встречаются вехи, поставленные Пушкиным в знак того, что он знал и видел эту тропу» [30].

«Пушкин и среди великих поэтов составляет исключение»,— писал Брюсов в том же году [31].

Известны признания Брюсова о глубочайшем влиянии на него Пушкина. «С ранней юности сочинения Пушкина — мое самое любимое чтение. Я читаю и перечитываю Пушкина, его стихи, его прозу, его письма, в разных изданиях, какие только мог получить для своей библиотеки...» [32]

«Выбери себе героя,— догони его, обгони его»,— говорил Суворов. Мой герой — Пушкин» [33].

Произнося с гордостью «мы — пушкинисты», он изменил наше чуть насмешливое представление об этом термине. Лекции Брюсова были убедительны двойной убедительностью: и эрудицией, и страстью, в ней заключенной. Биографические данные о Пушкине были известны Брюсову настолько, что он мог отдельными штрихами уверенно показать нам живого Пушкина! Мы шутили друг с другом: Валерий Яковлевич виделся с Пушкиным перед лекцией — так горячо и пластично рассказывал о нем Брюсов.

Много говорил нам Брюсов о технике его стиха. Впервые услышали мы о необходимости располагать большими вспомогательными средствами для действительно научного изучения Пушкина. Мы услышали о том, что должен быть составлен словарь пушкинского языка, уяснены его поэтика, ритмика и рифмика, сделаны длинные ряды статистических подсчетов оборотов речи, рифм и ритмов.

Нам странно было, разбирая «Пророка», нумеровать для начала стихотворные строки:

15 — и он к устам моим приник,
16 — и вырвал грешный мой язык,
17 — и празднословный и лукавый,
18 — и жало мудрыя змеи
19 — в уста замершие мои
20 — вложил десницею кровавой.

И этот отрывок, сначала оживленный рассказом Брюсова об истории этой пьесы,— так что она становилась куском живого трепещущего организма,— подвергать потом техническому цифровому анализу, словно скальпелем отделяя все его жилы и мускулы.

Брюсов подчеркивал необходимость добиваться свежести и законченности в наших литературных опытах и ссылался на требования Пушкина, ценившего в стихотворной речи «блеск и энергию», «гармоническую точность».

Тема о разносторонности Пушкина была широко развернута Брюсовым позднее, в его лекциях в Институте его имени.

На лекциях 1921—22 года о Пушкине мы были свидетелями размышлений Брюсова и его полемики с врагами, набрасывавшимися на него из подворотни реакционных изданий или с трибуны литературных митингов. Лекции в нашей небольшой аудитории, вернее сказать, в небольшом кружке, давали возможность Валерию Яковлевичу, как бы вчерне, наметить отдельные положения своих более ответственных лекций в организованном уже тогда Высшем Литературно-художественном институте или своих статей для «Известий», «Московского понедельника» и «Печати и революции».

Как бы в «домашней» обстановке он мог поделиться с нами мыслями, которые еще недостаточно созрели, чтобы высказаться печатно или публично.

И эти репетиции отличались от более продуманных, отточенных, неопровержимых аргументаций впоследствии. Здесь высказывались нередко гипотезы, которым затем Брюсов не находил подтверждений или которые впоследствии формулировал более осторожно.

Говоря о Пушкине позднее (в 1924 году), Брюсов основными побуждениями возникновения поэтического произведения вообще называл стремление выразить некоторую мысль, передать некоторые чувства, или, точнее, уяснить себе, а следовательно, и читателям еще неясную идею

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ И А. С. СЕРАФИМОВИЧ СРЕДИ СТУДЕНТОВ ВЛХИ
Фотография, март 1925 г.
Собрание Н. Н. Суровцевой, Москва

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА НА МОГИЛЕ БРЮСОВА. НОВОДЕВИЧЬЕ КЛАДБИЩЕ В МОСКВЕ.
Фотография Н. Петрова, 9 октября 1926 г.
В центре — П. Н. Сакулин, справа — А. В. Луначарский
Литературный музей, Москва

или настроение. Такими размышлениями вслух и были лекции самого Брюсова о Пушкине.

В конце лекции Брюсов часто прибавлял: «по обыкновению я забалтываюсь, когда говорю о Пушкине». С упоением он доказывал, что Пушкин был «поклонником свободных идеалов», что до конца жизни остался он верен «вольнолюбивым надеждам» своей юности, что Пушкин был революционером. Чувствовалось, что Брюсов говорит о чем-то личном. Не переступающий обычно предельную черту спокойствия, уравновешенности, почти величия, он горячился, обсуждая эту тему. Горошины его картавости, его хрипловатости становились заметнее, он чаще, короче попыхивал догорающей папиросой, не всегда размеренно отстраняя ее концами пожелтевших, обкуренных пальцев. Он досадливо ломал спички.

Мы молчали, но он доказывал нам, полемически яростно и напористо, свободолюбие Пушкина, его ненависть к деспотизму, как будто мы все ему возражали. Временами он делал длинные паузы, настолько затяжные, что становилась ощутимой жизнь комнат и коридора и слышно было, как глухо постукивала наверху над потолком швейная машинка.

Брюсов приводил эпиграммы на Аракчеева, Голицына и Фотия, доказывая, что не с чужих слов, а из самой действительности узнал Пушкин отрицательные стороны самодержавия. Он обстоятельно анализировал отношение к нему обоих царей, Александра и Николая, историю его ссылок и цензуры. Особенно горячо опровергал он легенду о перемене Пушкиным своих политических взглядов во вторую половину жизни.

Помню, Брюсов попытался как-то наметить и обосновать социальную программу Пушкина, но потом оставил эту попытку, перейдя к более общему утверждению верности Пушкина одному чувству: ненависти и презрения к царизму.

После старых школьных учебников понятно, какими свежими показались нам сообщения Брюсова о Пушкине — противнике крепостного права и как-то по-новому для нас зазвучали многие строфы «Онегина».

Брюсов приводил строки Пушкина, звучавшие современно:

«Дружина писателей и ученых, какого б рода они ни были, всегда впереди во всех набегах просвещения, на всех приступах образованности. Не должно им малодушно негодовать на то, что вечно им определено выносить первые выстрелы и все невзгоды, все опасности...» [34]

В 1923 году Валерий Яковлевич, отвечая на упреки в старании выставить Пушкина революционером, почти коммунистом, писал в неоконченной статье «Пушкин и царизм»: «Представлять Пушкина «коммунистом», конечно — нелепо; но что Пушкин был *революционером*, что его общественно-политические взгляды были *революционными* как в юности, так и в зрелую пору жизни и в самые ее последние годы, это — мое решительное убеждение. Притом я настаиваю, что революционером Пушкин был не только бессознательно, в глубинах своего творческого миропонимания ⟨...⟩, но и сознательно, в своих логически обдуманных суждениях. Это — твердый вывод из того внимательного изучения Пушкина, которое в моей жизни заняло вот уже почти сорок лет, считая с того времени, когда я мальчиком впервые стал задумываться над стихами великого поэта. Это — то, что я считаю истиной и что поэтому не могу не отстаивать, не повторять самым настойчивым образом ⟨...⟩ Пушкин революционер,— это *исторический факт*, это и есть *истина* ⟨...⟩ Сам же по себе вопрос, конечно, огромной важности. Он стоит в связи с общим вопросом, еще более значительным: *может ли великий поэт не быть революционером?* Я утверждаю, что *нет*...» [35]

Вот резюме его высказываний на наших лекциях.

Так, защищая Пушкина, сам Брюсов познавал, принимал, утверждал революцию.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О Сергее Михайловиче Соловьеве см. наст. том, стр. 352.

Наиболее критические суждения о поэзии С. Соловьева — однако достаточно корректные — Брюсов высказал в рецензии на его первый сборник «Цветы и ладан» («Весы», 1907, № 5; вошло в кн. *Далекие и близкие*).

[2] *Адалис* — псевдоним Аделины Ефимовны Ефрон (1900—1969), поэтессы и переводчицы, автора сборников стихов «Власть» (1934), «Братство» (1937), «Восточный океан» (1949), «Новый век» (1960), «Города» (1963), «Январь — сентябрь» (1970; изд. посмертно), книги «Любите поэзию» (1961), путевых очерков, романов. В ранние годы участница одесского кружка «Зеленая лампа» (Э. Багрицкий, В. Катаев, З. Шишова и др.). Ю. Олеша, вспоминая о встрече в 1918 г. молодых поэтов с А. Толстым, писал: «Адалис выступила с тем, что представлялось ей подражанием древней поэзии, а на самом деле просто с превосходными стихами, отмеченными необыкновенной, даже неожиданной для начинающего поэта точностью слова» (Ю. О л е ш а. Повести и рассказы. М., «Художественная литература», 1965, стр. 383—384). В 1920 г. она переезжает в Москву, выступает на вечерах поэтов и в печати, пишет совместно с Брюсовым «Идиллию в духе Теокрита» (неизд.), готовит сборник стихов «Первое предупреждение» (неизд.). Из него Брюсов берет эпиграфы к своим стихотворениям «Шаги Афродиты» и «Будь мрамором» (сб. *В такие дни*), посвящает ей несколько стихотворений в том же сборнике: с ней связаны также стихотворения Брюсова «Египетский профиль», «Посвящение», «Дом видений» (последнее в сб. *Миг*), «Два крыла» (сб. *Меа*) и др.

В 1921—1922 гг. заведовала секцией литературного подотдела Охобра, была преподавателем ВЛХИ и заведовала «школой поэтики».

[3] Мария Ивановна *Поступальская* (1901—1972). Кончила ВЛХИ; в дальнейшем — детская писательница, автор повести «Чистое золото» (три издания), художественных популяризаций «Планета Океан» и «Вечно живой» (об огне и его роли в истории культуры).

[4] Первые строки стихотворения Бор. Пастернака «Из суеверья». Сборник «Сестра моя жизнь», в который оно вошло, в 1921 г. еще не был издан, но ходил по Москве в списках.

[5] Первая жена В. В. Фефера — Юлия Ивановна, урожденная Шмидт, в первом браке Губонина (1883—1971).

[6] Б. Розов. Брюсов-филателист.—«Советский филателист», 1924, № 10, стр. 18—19; письмо датировано 26 января 1924 г.; начиная с № 2 за 1924 г. имя Брюсова включается в список сотрудников журнала.

[7] Юрьевский (Дерптский, ныне Тартуский) университет был в начале первой мировой войны эвакуирован в Воронеж.

[8] Начальником Гукона со дня его учреждения в 1920 г. был член коллегии Наркомзема Н. И. Муралов; И. Ф. Франц в 1921 г. подписывал приказы в качестве замначгукона.

[9] «Гудок», 1921, № 384, 26 августа.

[10] В. Б р ю с о в. Об организации школ Гукона.—«Вестник коннозаводства и коневодства», 1921, № 1-5, стр. 36—40.

[11] Мемуарист исходил, вероятно, из свидетельства В. Шершеневича: «Я помню, Маяковский внимательно слушал Брюсова, когда тот критиковал его стихи и указывал на недостатки. Маяковский шел вместе со мной домой и сквозь обиду шептал: «Сам писать не умеет, а до чего здорово показывает» (В. К а т а н я н. Маяковский. Литературная хроника. М., «Художественная литература», 1961, стр. 431). Факт отнесен составителем хроники к первой половине 1913 г.

[12] В. Ф е ф е р. В кабинете В. Я. Брюсова.—«Вечерняя Москва», 1945, № 300, 24 декабря.

[13] Андрей Ефимович *Малышев* (р. 1902) — в 1921 г. работал в Литературно-издательском отделе Наркомпроса, а затем был сотрудником ВЛХИ по административно-хозяйственной части.

[14] Алексей Николаевич *Чичерин* (1889—1960) — поэт, автор сборника «Шлепнувшиеся аэропланы» (Харьков, 1914) и декларации поэтов-конструктивистов «Канфун» (1926).

[15] Александр Ильич *Ромм* (1898? — 1942) — поэт, литературовед, переводчик И. Бехера, А. Гидаша и др., автор поэмы «Дорога в Бикзян» (Уфа, 1941).

[16] Михаил Петрович *Малишевский* — поэт и теоретик стиха, автор книги: «Метротоника. Краткое изложение основ метротонической междуязыкой стихологии. (По лекциям, читанным в 1921—1925 гг. в ВЛХИ, Моск. институте декламации проф. В. К. Сережникова и литературной студии при Всерос. союзе поэтов), ч. I. Метрика». М., изд. автора, 192[illegible].

[17] Теодор Маркович *Левит* (1902—1942) — критик, переводчик и литературовед. Автор статей в Собрании сочинений Э.-Т. Гофмана в 7 томах (М., «Недра», 1929—1930), в журн. «Вестник иностранной литературы» и «Литература и искусство». Наи-

более крупная его работа опубликована посмертно в «Литературном наследстве», т. 45-46. М. Ю. Лермонтов, II, стр. 225—254.

[18] Яков Осипович *Зунделович* (1893—1965) — литературовед, переводчик с польского, воспитатель молодых филологов. Автор исследований: «Романы Достоевского» (1963), «Этюды о лирике Тютчева» (1971, изд. посмертное) и др. Его памяти посвящен сб. «Проблемы поэтики» (Ташкент, изд. «Фан» Узб. ССР, 1968), содержащий работы учеников и биографические сведения об ученом.

[19] Не вполне точная цитата из письма Жуковского к А. И. Тургеневу от 7 ноября 1810 г.— В. А. Жуковский. Поли. собр. соч., т. 3. СПб., изд. А. Ф. Маркса, 1906, стр. 518.

[20] К. А. Тимирязев. Два воззрения на труд.—«Коммунистический труд». Однодневная газета. М., 1920, 11 апреля.

[21] Письмо М. Горького к В. Я. Брюсову от 23 февраля 1917 г.—«Печать и революция», 1928, № 5, стр. 60 (см.: М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 28, стр. 380).

[22] Ф. М. Достоевский. Полное собрание художественных произведений, т. 13. М.— Л., Госиздат, 1930, стр. 213.

[23] В. Брюсов. Новые сборники стихов.—«Русская мысль», 1911, кн. 7, стр. 24 (второй пагинации).

[24] Кв. Кубов. Литературные нравы.—«Новый быт», Иваново-Вознесенск, 1922, № 1 (октябрь), стр. 37—38. В следующем номере редакция сочла, однако, возможным поместить издевательскую рецензию постоянного сотрудника журнала С. А. Селянина на сб. «Дали».

[25] Речь идет о рецензии Б. Анибала (Бориса Алексеевича Масаинова) на сб. «Миг» (альманах «Утренники», 1922, кн. 2).

[26] П. К. Губер. Гражданские мотивы в поэзии Блока.—«Литературные записки», 1922, № 3, стр. 1. Лейферт — известная в дореволюционном Петербурге фирма, отдававшая в прокат театральные и маскарадные костюмы.

[27] «Экран». М., изд. «Рабочей газеты», 1928, № 4, стр. 5.

[28] «Литературная газета», 1963, № 48, 20 апреля.

[29] *Валерию Брюсову*, стр. 56.

[30] В. Брюсов. Разносторонность Пушкина.— *Мой Пушкин*, стр. 206.

[31] В. Брюсов. Почему должно изучать Пушкина.— *Мой Пушкин*, стр. 214.

[32] В. Брюсов. Marginalia Puschkiniana.— *РА*, 1916, № 4, стр. 397. Перепечатано: *Ашукин*, стр. 267.

[33] В. Брюсов. Miscellanea. XLIX.— *Избр. соч. 1955*, т. 2, стр. 557.

[34] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 11. Изд-во АН СССР, 1949, стр. 163.

[35] *Мой Пушкин*, стр. 301—303.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АГ — Архив А. М. Горького (Институт мировой литературы АН СССР), Москва

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

ГЛМ — Государственный Литературный музей, Москва

ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, Ленинград

МКБ — Мемориальный кабинет В. Я. Брюсова, Москва

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, Москва

ЦГА РСФСР — Центральный государственный архив РСФСР, Москва

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив, Ленинград

ПСС — Валерий Брюсов. Полное собрание сочинений и переводов. Т. I—IV, XII, XIII, XV, XXI. СПб., «Сирин», 1913—1914.

Пути и перепутья. — Валерий Брюсов. Пути и перепутья. Собрание стихов. Т. I—III. М., «Скорпион», 1908—1909.

Собр. соч. — Валерий Брюсов. Собрание сочинений в семи томах. Под общ. ред. П. Г. Антокольского, А. С. Мясникова, С. С. Наровчатова, Н. С. Тихонова. М., «Художественная литература», 1973.

Избр. произв. 1926 — Валерий Брюсов. Избранные произведения, т. I—III. М.— Л., Госиздат, 1926.

Избр. соч. 1955 — Валерий Брюсов. Избранные сочинения в двух томах. М., Гослитиздат, 1955.

Избр. стихи 1933 — Валерий Брюсов. Избранные стихи. Ред., вступ. статья и комм. И. Поступальского. М.— Л., «Academia», 1933.

Неизд. проза — Валерий Брюсов. Неизданная проза. Ред. И. М. Брюсовой и И. Поступальского. М., ГИХЛ, 1934.

Неизд. стихи 1928 — Валерий Брюсов. Неизданные стихи 1914—1924, собранные И. М. Брюсовой. Под ред. Н. С. Ашукина и А. А. Ильинского-Блюменау. М.— Л., Госиздат, 1928.

Неизд. стих. 1935 — Валерий Брюсов. Неизданные стихотворения. М., Ред., предисловие и примеч. А. Тер-Мартиросян. М., ГИХЛ, 1935.

Стихотворения и поэмы — Валерий Брюсов. Стихотворения и поэмы. Л., «Сов. писатель», 1961.

Автобиография — Валерий Брюсов. Автобиография. В кн.: «Русская литература XX века. 1890—1910». Под ред. проф. С. А. Венгерова, т. I. С., «Мир», 1914, стр. 101—118.

В такие дни — Валерий Брюсов. В такие дни. Стихи 1919—1920. М., Госиздат, 1921.

Все напевы — Валерий Брюсов. Все напевы. Стихи 1906—1909 гг. (*Пути и перепутья*, т. III).

Далекие и близкие — Валерий Брюсов. Далекие и близкие. Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней. М., «Скорпион», 1912.

Дали — Валерий Брюсов. Стихи 1922 г. М., Госиздат., 1922.

Дневники — Валерий Брюсов. Дневники 1891—1910. М., изд. М. и С. Сабашниковых 1927.

За моим окном — Валерий Брюсов. За моим окном. Воспоминания, наблюдения, мысли. М., «Скорпион», 1912.

Зеркало теней — Валерий Брюсов. Зеркало теней. Стихи 1909—1912 гг. М., «Скорпион», 1912.

Из моей жизни — Валерий Брюсов. Из моей жизни. Моя юность. Памяти. М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1927.

Книга раздумий — К. Д. Бальмонт, Валерий Брюсов, Модест Дурнов, Ив. Коневской. Книга раздумий. СПб., 1899.

Кругозор — Валерий Брюсов. Кругозор. Избранные стихи. 1893—1922. М., Госиздат, 1922.

Миг — Валерий Брюсов. Миг. Стихи. 1920—1921 г. Берлин — Пб.— М., изд-во З. И. Гржебина, 1922.

Мой Пушкин — Валерий Брюсов. Мой Пушкин. Статьи, исследования, наблюдения. Ред. Н. К. Пиксанова. М.— Л., Госиздат, 1929.

О искусстве — Валерий Брюсов. О искусстве. М., 1899.

Опыты — Валерий Брюсов. Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и форме (Стихи 1912—1918 г.). М., «Геликон». 1918.

Письма Перцову — Письма В. Я. Брюсова к П. П. Перцову. 1894—1896 гг. (К истории раннего символизма). М., ГАХН, 1927.

ПМ — Валерий Брюсов. Последние мечты. Лирика 1917—1919 г. М., «Творчество», 1920.

РС 1—3 — «Русские символисты», вып. 1—3. М., 1894—1895.

СЦР — Валерий Брюсов. Семь цветов радуги. Стихи 1912—1915. М., изд. К. Ф. Некрасова, 1916.

ChdO 1, 2 — Валерий Брюсов. Chefs d'oeuvre. Сборник стихотворений (осень 1894 — весна 1895). 1-е изд.— М., 1895; 2-е изд. с изм. и дополн.— М., 1896.

Mea — Валерий Брюсов. Mea. Собрание стихов 1922—1924. М., Госизд. 1924.

MEEs — Валерий Брюсов. Me eum esse. Новая книга стихов. М., 1897.

St — Валерий Брюсов. Stephanos. Венок. Стихи 1903—1905 гг. М., «Скорпион», 1906.

TV — Валерий Брюсов. Tertia vigilia. Книга новых стихов. 1897—1900. М., «Скорпион», 1900.

UO — Валерий Брюсов. Urbi et Orbi. Стихи 1900—1903 гг. М., «Скорпион», 1903.

Ашукин — Брюсов в автобиографических записях, письмах, воспоминаниях современников и отзывах критики. Сост. Н. Ашукин. М., «Федерация», 1929.

Блок — А. Блок. Собрание в восьми томах. М.— Л., 1955—1963.

Валерию Брюсову — Валерию Брюсову. Сборник, посвященный 50-летию со дня рождения поэта. М., 1924.

Дешарт — О. Дешарт. Введение (в кн.: Вяч. Иванов. Собрание сочинений, т. I. Брюссель, 1971).

ЛН — «Литературное наследство».

Максимов 1940 — Д. Е. Максимов. Поэзия Валерия Брюсова. Л., «Художественная литература», 1940.

Максимов 1969 — Д. Е. Максимов. Брюсов. Поэзия и позиция. Л., «Сов. писатель», 1969.

Между двух революций — Андрей Белый. Между двух революций. Воспоминания. 1905—1911. Л., Изд-во писателей в Ленинграде, 1934.

На рубеже двух столетий — Андрей Белый. На рубеже двух столетий. Воспоминания. М.—Л., ЗиФ, 1930.

Начало века — Андрей Белый. Начало века. Воспоминания. М.— Л., ГИХЛ, 1933.
НП — «Новый путь». СПб., 1903—1904.
Переписка — Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М., Гослитмузей, 1940.
Перцов — П. Перцов. Литературные воспоминания. 1890—1902 гг. М.— Л., «Academia», 1933.
РА — «Русский архив».
РМ — «Русская мысль».
СЦ — 1901—1911 — «Северные цветы». М., «Скорпион», 1901—1911.
Чтения 1962 — «Брюсовские чтения 1962 года». Ереван. «Айастан», 1963.
Чтения 1963 — «Брюсовские чтения 1963 года». Ереван. «Айастан», 1964.
Чтения 1966 — «Брюсовские чтения 1966 года». Ереван. «Айастан», 1968.
Чтения 1971 — «Брюсовские чтения 1971 года». Ереван. «Айастан», 1973.
Чулков — Г. Чулков. Годы странствий. Из книги воспоминаний. М., «Федерация», 1930.

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Составила Т. Г. Динесман

I. ПОРТРЕТЫ БРЮСОВА

ЖИВОПИСЬ, РИСУНОК

Брюсов. Рисунок Б. К. Рериха (карандаш). Москва, 29 июля 1903 г. ЦГАЛИ — 451
Брюсов. Портрет работы М. А. Врубеля (уголь, сангина). Москва, 1906. Гос. Третьяковская галерея, Москва — 785
Брюсов. Портрет работы С. В. Малютина (пастель). Москва. 1913. ГЛМ — вклейка
Брюсов. С рисунка С. А. Виноградова. 30 апреля 1916 г. «Известия Московского литературно-художественного кружка», вып. 14—15, сентябрь-октябрь 1916 г.— 157

ФОТОГРАФИИ

Брюсов-гимназист. Фото И. Курбатова. Москва, 1885. ГБЛ — 719
Брюсов. Фото Шерера и Набгольца. Москва, 1893. Приложено к прошению Брюсова о приеме в Московский университет, 1893.—«Дело канцелярии инспектора студентов Московского университета о принятии в студенты Брюсова Валерия Яковлевича». ЦГАЛИ — 735
Брюсов. Фото Шерера и Набгольца. Москва, 1895. Находится в «Деле канцелярии инспектора студентов Московского университета ‹...›». ЦГАЛИ — 765
Брюсов в своем рабочем кабинете. Фото. Москва, 1895. На обороте помета Брюсова: «1895». ГБЛ — 67
Брюсов. Фото С. В. Шицмана. Москва, 1902. С дарств. надписью П. П. Перцову, 1902. ЦГАЛИ — 15
Брюсов. Фото. Москва, начало 1900-х годов. МКБ — 355
Брюсов. Фото Д. С. Здобнова. Петербург, 1904. На обороте помета Брюсова: «1904». ГБЛ — 259
Брюсов. Фото. Москва, 1900-е годы. ГБЛ — 191
Брюсов. Фото Д. С. Здобнова. Петербург, 1900-е годы. С надписью Брюсова (цитата из стихотворения «На вечернем асфальте»), 1913. ГЛМ — 537
Брюсов. Фото. Москва. 1900-е годы. МКБ — 44
Брюсов в своем рабочем кабинете. Фото К. Лео. Москва, 1 марта 1911 г. ГЛМ — 619
Брюсов. Фото. Москва, 1910-е годы. МКБ — 117
Брюсов. Фото. Москва, конец 1910-х годов. МКБ — 31
Брюсов. Фото. Москва, 1923. С дарств. надписью омским писателям, 17 декабря 1923 г. Собр. Л. Н. Мартынова, Москва — 213
Брюсов. Фото. Москва, 1923. С дарств. надписью А. И. Корчагину, 5 сентября 1924 г. Собр. А. И. Корчагина, Москва — 809

ГРУППОВЫЕ ФОТОГРАФИИ

Брюсов на заседании дирекции Московского литературно-художественного кружка. Фото. 1910-е годы. ГБЛ — 421
Брюсов со своим воспитанником Колей Филипенко. Фото. Москва, 1920-е годы. ГБЛ — 542

КАРИКАТУРЫ

Брюсов. Карикатуры Андрея Белого. Рисунки (тушь, перо, карандаш) с пометами автора. Москва, 1900-е годы. ЦГАЛИ — 337, 385, 387

II. АВТОГРАФЫ БРЮСОВА

Гимназическое сочинение «У Мецената». План и начало сочинения. Страницы из ученической тетради Брюсова, 1893. ГБЛ — 75
Мелодия к стихотворению «Не плачь и не думай...» Черновой автограф в записной тетради Брюсова, 1897. ГБЛ — 39
Письмо Вяч. Иванову. Открытка. Париж, 13/26 апреля 1903 г. ГБЛ — 433
Статья о спектакле «Вишневый сад» Чехова. Черновой автограф, 1904. Лист первый (фрагмент) с пометой Г. И. Чулкова. ГБЛ — 197

Перевод стихотворения Эм. Верхарна «Восстание» («La Révolte»). Черновой автограф (фрагмент), с пометой Брюсова: «Декабрь 1905. Во дни московской революции». ГБЛ — 553

Письмо Эм. Верхарну. Москва, 19 июня/‹2 июля› 1906 г. Бельгийская королевская библиотека, Брюссель — 561

«Записки декабриста Малинина». Автограф, ‹1912›. Лист первый. ГБЛ — 93

Материалы к «роману из современной жизни»: план дома Ходаковых; родословная семьи Ходаковых. 1910-е годы. ГБЛ — 133, 139

«Стеклянный столп». Последняя редакция «романа из современной жизни». Начало романа. Беловой автограф, ‹1917›. ГБЛ — 162

Стихотворение «Революция». Черновой автограф (фрагмент), ‹1917›. ГБЛ — 54

Расчет длительности путешествия на Марс. Автограф, 1910-е годы ‹до 1918›. ГБЛ — 111

Стихотворение «О, фетовский, душе знакомый стих...» Черновой автограф, ‹1918›. ГБЛ — 55

Предисловие к неосуществленному сборнику стихов «Planetaria». Черновой автограф, ‹1922—1923›. Лист первый. Собрание К. А. Герасимова, Тбилиси — 238

III. РИСУНКИ БРЮСОВА

Типы Германии XVI века. Перерисовки из книги: Fr. Hossenroth. Deutsche Volkstrachten. Frankfurt, 1900, т. I (перо, карандаш). Материалы к роману «Огненный ангел». 1900-е годы. ГБЛ — 345, 410, 503

«Вид из моего окна. 30 мая 1916 (Бурково)». Перо. МКБ — 89

‹Замок›. Акварель, карандаш. Без даты. МКБ — 49

‹Крымский пейзаж›. Акварель, карандаш. Без даты. МКБ — 63

IV. ДОКУМЕНТЫ

Аттестат зрелости, выданный Брюсову гимназией Л. И. Поливанова 4 июня 1893 г. ЦГАЛИ — 723

Программа спектакля по пьесе Брюсова «Проза» (с участием автора). Москва, Немецкий клуб, 30 ноября 1893 г. ГБЛ — 727

Афиша публичной лекции Брюсова «Ключи тайн». Москва. Исторический музей, 27 марта 1903 г. ГБЛ — 11

Афиша третьей лекции Брюсова «Театр будущего». Москва, Исторический музей, 10 мая 1907 г. ГБЛ — 181

Афиша первой лекции Брюсова «Эмиль Верхарн, поэт современности». Москва. Театр Гирш (Студия), 13 октября 1907. ГБЛ — 573

Программа первого представления пьесы Г. Д'Аннунцио «Франческа да Римини» (перевод Брюсова и Вяч. Иванова). Малый театр, 1 сентября 1908 г. ГБЛ — 510

Программа заседания «Общества свободной эстетики», 11 ноября 1909 г. Обложка по рисунку Е. Е. Лансере. МКБ — 583

Билет действительного члена Всероссийского союза поэтов (№ 1), выданный Брюсову на 1920 год. ГБЛ — 235

Афиша диспута «Что же такое революционная поэзия?». Москва, Политехнический музей, 8 ноября 1920 г. Докладчик — Брюсов, оппонент — А. В. Луначарский. ГБЛ — 19

Афиша «Вечера поэтесс» (вступительное слово Брюсова). Москва, Политехнический музей, 11 декабря 1920 г. ГБЛ — 805

Афиша «Вечера современной поэзии» (под председательством Брюсова). Москва, Дом печати, 12 декабря 1922 г. (фрагмент сводной афиши Дома печати). С пометами Брюсова, ГБЛ — 811

Билет члена Московского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов созыва 1923 года. Выдан Брюсову 30 декабря 1922 г. ГБЛ — 253

Билет члена фракции РКП(б) Московского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов созыва 1923 г. Выдан Брюсову 30 декабря 1922 г. ГБЛ —253

Программа юбилейного чествования Брюсова (50-летие со дня рождения). Москва, Большой театр, 17 декабря 1923 г. ГБЛ — 240

V. ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БРЮСОВА

«Русские символисты». Выпуск 2-й. М., 1894. Обложка с дарств. надписью Брюсова и А. Л. Миропольского К. Д. Бальмонту. ИМЛИ — 731

«Me eum esse». М., Т-во типографии А. И. Мамонтова, 1897. Титульный лист с дарств. надписью Н. Н. Захарову-Менскому, 1920. Собр. Р. Л. Щербакова, Москва — 745

«О искусстве». М., Т-во типографии А. И. Мамонтова, 1899. Титульный лист с дарств. надписью И. Н. Розанову, 26 января 1918 г. Собр. К. А. Марцишевской, Москва — 769

«Tertia Vigilia». М., «Скорпион», 1900. Экземпляр, подаренный Брюсову М. И. Шестеркиным. Титульный лист и иллюстрация, вклеенная в книгу (см. раздел VI). ГБЛ — 637

«Земля». Шмуцтитул по рисунку Н. П. Феофилактова.—«Северные цветы ассирийские». М., «Скорпион», 1905 — 457

«Stephanos». М., «Скорпион», 1906. Шмуцтитул с дарств. надписью М. А. Врубелю, январь 1906. ГБЛ — 788

«Stephanos». М., «Скорпион», 1906. Обложка и шмуцтитул с дарств. надписью Ф. К. Сологубу, 1906. ГЛМ — 482

Эм. Верхарн. Стихи о современности. В переводе Валерия Брюсова. М., «Скорпион», 1906. Обложка (по рисунку Тео ван Риссельберга) — 565

«Земная ось». М., «Скорпион», 1907. Титульный лист и посвящение Андрею Белому. Экземпляр с дарств. надписью С. М. Соловьеву, 1907. Собр. В. П. Нечаева, Москва — 400

М. Метерлинк. Пеллеас и Мелизанда. В переводе Валерия Брюсова. М., «Скорпион», 1907. Обложка и шмуцтитул с дарств. надписью Вс. Э. Мейерхольду, 1907. Собр. Р. Л. Щербакова, Москва — 171

«Огненный ангел». Первая публикация — см. раздел VII

«Огненный ангел». М., «Скорпион», 1908. Первое издание. Обложка — 333

«Огненный ангел». М., «Скорпион», 1909. Второе издание. Титульный лист и шмуцтитул с дарств. надписью Ф. К. Сологубу, 1909. ГЛМ — 703

«Пути и перепутья», т. I. М., «Скорпион», 1908. Титульный лист и шмуцтитул с дарств. надписью В. Ф. Комиссаржевской, 1907. ГЛМ — 175

«Пути и перепутья», т. II. М., «Скорпион», 1908. Шмуцтитул с дарств. надписью Н. В. Рыковскому, 1918. ГЛМ — 217

«Зеркало теней». М., «Скорпион», 1912. Обложка (по рисунку Д. И. Митрохина) и форзац с дарст. надписью А. Е. Грузинскому, 1912. ГЛМ — 707

«Краткий курс науки о стихе». Часть первая. М., «Альциона», 1919. Титульный лист и шмуцтитул с дарств. надписью М. Н. Покровскому, 18 ноября 1919 г. ГЛМ — 249

Jean Chuzeville. Anthologie des Poètes russes. Paris, 1914. (Жан Шюзевиль. Антология русских поэтов. Париж, 1914). Книга вышла с предисловием Брюсова. Обложка — 203

«В такие дни». М., Госиздат, 1921. Титульный лист и шмуцтитул с дарств. надписью В. Т. Рейхштейн, июль 1922. ГЛМ — 817

VI. ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ БРЮСОВА

«Царю Северного полюса». Рисунок М. И. Шестеркина (карандаш), <1900>. Вклеен в книгу (Валерий Брюсов. «Tertia Vigilia». М., «Скорпион», 1900), подаренную художником автору. ГБЛ — 637

«Раб». Акварель А. А. Койранского, 1900-е годы. Принадлежала Брюсову. МКБ — 749

VII. ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ, ВЫХОДИВШИЕ ПОД РЕДАКЦИЕЙ БРЮСОВА

«ВЕСЫ» (ОБЛОЖКИ, ЗАСТАВКИ, ИЛЛЮСТРАЦИИ)

Титульный лист с миниатюрой из часовника герцога де Берри XIV века (1904, № 1) — 263

«В дождь». Рисунок Шарля Лакоста (1904, № 7) — 589

Обложка по акварелям японских художников (1904, № 10) — 467

Обложка по рисунку М. В. Якунчиковой (1905, № 1) — 275

Заставка к статье К. Д. Бальмонта «Тайна одиночества и смерти. О творчестве Метерлинка». По рисунку В. Э. Борисова-Мусатова — эскиз к картине «Призраки» (1905, № 2) — 277

«Крылья». Очерк А. Филиппова об истории летательных аппаратов. С рисунками автора (1905, № 5) — 101

Эскиз обложки (1905, № 9 и 10). Рисунок А. А. Арапова (тушь). ГЛМ — 291

Заставка к стихотворному циклу Вяч. Иванова «Северное солнце». По рисунку И. Заттлера (1906, № 2) — 313

Обложка. Гравюра Умберто Брунеллески (1906, № 3) — 301

Эскиз обложки (1907, № 1). Рисунок Н. П. Феофилактова (тушь). ГЛМ — 405

Заставка к первой главе романа Брюсова «Огненный ангел». По рисунку М. Дени (1907, № 1) — 795
«Тверская улица в Москве». Рисунок И. И. Левитана (1907, № 1) — 309
Эскиз обложки (1908, № 1). Рисунок Н. П. Феофилактова (тушь). ГЛМ — 315
«Прогулка в Лефортове». Рисунок С. Ю. Судейкина (1909, № 2) — 319

ДРУГИЕ ИЗДАНИЯ

«Северные цветы на 1901—1903 годы». М., «Скорпион», 1903. Переиздание первых трех выпусков альманаха «Северные цветы». Обложка (по рисунку К. А. Сомова) —425
«Северные цветы ассирийские». Москва, «Скорпион», 1905. Обложка по рисунку Н. П. Феофилактова — 699
«Художественное слово. Временник Литературного отдела НКП». 1920, кн. 1. Обложка — 223

VIII. ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННИКОВ БРЮСОВА

РИСУНКИ, ГРАВЮРЫ, ФОТОГРАФИИ

А. Я. Бакулин. Фото Д. А. Александрова. Москва, 1880-е годы. МКБ — 85
П. И. Бартенев. Фото. Москва, начало 1900-х годов. С дарств. надписью Брюсову, 12 мая 1903 г. ГБЛ — 633
Андрей Белый. Фото О. Ренара. Москва, март 1904 г. ГЛМ — 361
Андрей Белый. С рисунка А. А. Тургеневой, 1909. В книге: Assja Turgenieff. Erinnerungen an Rudolf Steiner und die Arbeit am ersten Goetheanum. Stuttgart, 1972 — 329
Андрей Белый. Фото, 1916. ГПБ — 283
А. А. Блок. Рисунок неизвестного художника (карандаш), 1900-е годы. ГЛМ — 781
К. А. Брюсов. Фото О. Мейера. Москва, 1880-е годы. ГБЛ — 137
И. М. Брюсова. Фото. Москва, 1903. МКБ — 616
П. В. Быков. Фото Д. С. Здобнова. Петербург, 1900-е годы. ЦГАЛИ — 671
С. А. Венгеров. Офорт. С дарств. надписью Венгерова Н. М. Лисовскому. ГЛМ — 677
Эмиль Верхарн. Рисунок Тео ван Риссельберга (карандаш), 9 февраля 1906 г. Принадлежал Брюсову. МКБ — 579
Эмиль Верхарн. С портрета работы Л. О. Пастернака (Верхарн изображен во время лекции в Московском литературно-художественном кружке, 3 декабря 1913 г.) — «Известия Московского литературно-художественного кружка», вып. 7, сентябрь-октябрь 1914 г.— 547
М. А. Волошин. Литография Н. Кадушкина по рисунку А. Я. Головина, 1909. ГЛМ — 297
Рене Гиль. С рисунка Е. С. Кругликовой. «Весы», 1904, № 6 — 271
Г. Л. Гиршман. Рисунок В. А. Серова (карандаш), 1900-е годы. Государственная Третьяковская галерея, Москва — 125
М. Горький. Фото. Капри, 1906. Музей Горького (Институт мировой литературы АН СССР, Москва) — 659
Вяч. Иванов. Фото, 1903—1906. ИРЛИ — 429
Вяч. Иванов. Рисунок К. А. Сомова, 1906. Фотокопия с дарств. надписью Иванова Сомову, без даты. ГЛМ — 287
Вяч. Иванов. Рисунок К. Ф. Юона. Карандаш, 1920. ГЛМ — 540
П. С. Коган. Рисунок К. Ф. Юона (карандаш), 1923. ГЛМ — 709
Иван Коневской (И. И. Ореус). Рисунок Е. С. Кругликовой (итальянский карандаш), 1901. Принадлежал Брюсову. МКБ — 647
А. В. Луначарский. Фото, 1920. Ленинградский государственный архив кинофотодокументов — 230
Вс. Э. Мейерхольд. Фото, 1920-е годы. ЦГАЛИ — 231
Н. М. Минский. Фото Д. С. Здобнова. Петербург, начало 1900-х годов. ГЛМ — 665
Н. И. Петровская. Фото, 1914. Собр. Н. В. Котрелева, Москва — 793
И. Н. Розанов. Фото, 1920-е годы. Собр. К. А. Марцишевской, Москва — 761
В. К. Станюкович. Фото И. Курбатова. Москва, 1894. С дарств. надписью Станюковича Брюсову, 22 апреля 1894 г. МКБ — 741
В. В. Фефер. Фото, 1920-е годы. Собр. А. М. Смирновой, Москва — 801
Г. И. Чулков. Рисунок Е. Е. Лансере (итальянский карандаш). Москва, 1 августа 1910 г. ГЛМ — 529

ГРУППОВЫЕ ФОТОГРАФИИ

И. А. Бакулин, М. А. Брюсова и Е. Я. Брюсова. Фото, конец 1890-х годов. ГБЛ — 145

К. Д. Бальмонт, С. А. Поляков, Ю. К. Балтрушайтис. Фото, 1900-е годы. ИМЛИ — 267

Эмиль и Марта Верхарн. Фото, 1913. С дарств. надписью Марты Верхарн И. М. Брюсовой, август 1913 г. ГБЛ — 595

А. В. Луначарский и А. С. Серафимович среди студентов ВЛХИ. Фото, март 1925 г. Собр. Н. Н. Суровцевой, Москва — 823

А. А. и М. И. Шестеркины. Фото М. Волкова, Москва, 1892. ЦГАЛИ — 627

IX. АВТОГРАФЫ СОВРЕМЕННИКОВ БРЮСОВА

Латинское посвящение к роману «Огненный ангел». Одна из редакций, предложенных Брюсову Вяч. Ивановым. Автограф Вяч. Иванова, 1900-е годы. ГБЛ — 463

Письмо Вяч. Иванова Брюсову. Открытка. Москва, ночь на 1 февраля 1909 г. ГБЛ — 521

Письмо Эмиля Верхарна и Стефана Цвейга Брюсову. Открытка. <10 марта 1912 г.>. ГБЛ — 611

X. ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СОВРЕМЕННИКОВ БРЮСОВА

КНИГИ С ДАРСТВЕННЫМИ НАДПИСЯМИ БРЮСОВА

Е. В. Аничков. Предтечи и современники. СПб., 1910. Обложка (по рисунку Г. И. Нарбута) и титульный лист с дарств. надписью, 2 декабря 1910 г. ГБЛ — 675

И. Ф. Анненский. Книга отражений. СПб., 1906. Титульный лист с дарств. надписью, 17 февраля 1906 г. ГБЛ — 207

Н. Н. Асеев. Совет ветров. Госиздат. М.— П., 1923. Титульный лист с дарств. надписью, 29 марта 1923 г. ГБЛ — 227

Андрей Белый. Возврат. III симфония. М., «Гриф», 1905. Обложка (по рисунку В. В. Владимирова) и титульный лист с дарств. надписью, без даты. ГБЛ — 375

Андрей Белый. Кубок мятелей. М., «Скорпион», 1908. Обложка и шмуцтитул с дарств. надписью, без даты. ГБЛ — 395

А. А. Блок. Стихи о Прекрасной Даме. М., «Гриф», 1905. Обложка и титульный лист с дарств. надписью, 29 октября 1904. ГБЛ — 683

С. М. Городецкий. Перун. СПб., «Оры», 1907. Обложка (по рисунку Л. С. Бакста) и форзац с дарств. надписью, лето 1907 г.— 206

Вяч. Иванов. Эрос. М., «Оры», 1907. Обложка и шмуцтитул с дарств. надписью, без даты. ГБЛ — 496

Вяч. Иванов. Cor Ardens. М., «Скорпион», 1911. Обложка (по рисунку К. А. Сомова) и шмуцтитул с дарств. надписью, без даты. ГБЛ — 515

Б. Л. Пастернак. Сестра моя жизнь. М., изд-во З. И. Гржебина, 1922. Титульный лист и форзац с дарств. надписью, 1 июня 1922 г. ГБЛ — 243

С. М. Соловьев. Crurifragium. М., 1908. Обложка и шмуцтитул с дарств. надписью, без даты. ГБЛ — 371

Дир Туманный (Н. Н. Панов). Московская Америка. М., «Новая Москва», 1924. Обложка и форзац с дарств. надписью, 23 ноября 1923 г. ГБЛ — 245

Emile Verhaeren. Les Rythmes souverains. Paris, 1910 (Эмиль Верхарн. Властительные ритмы. Париж, 1910). Обложка и шмуцтитул с дарств. надписью, без даты. ГБЛ — 599

Emile Verhaeren. Les Ailes rouges de la Guerre. Paris, 1916 (Эмиль Верхарн. Алые крылья войны. Париж, 1916). Обложка и шмуцтитул с дарств. надписью, без даты. ГБЛ — 555

ДРУГИЕ ИЗДАНИЯ

Андрей Белый. Золото в лазури. М., «Скорпион», 1904. Обложка (по рисунку Н. П. Феофилактова) и форзац с дарств. надписью автора А. А. Блоку, без даты. ГЛМ — 367

Андрей Белый. Северная симфония (1-я геройческая). М., «Скорпион», 1904. Обложка по рисунку Обри Бердслея — 351

Вяч. Иванов. Греческая религия страдающего бога. Корректура книги, весь тираж которой сгорел во время пожара в типографии М. и С. Сабашниковых (М., 1917). Собр. М. В. Толмачева, Москва — 475

Вяч. Иванов. Тантал. Шмуцтитул по рисунку Н. П. Феофилактова.— «Северные цветы ассирийские». М., «Скорпион», 1905—457

К. Э. Циолковский. Вне Земли. Калуга, 1920. Обложка и страница повести — 105

«Золотое руно». 1907, № 1. Обложка; «Дьявол» (с рисунка М. В. Добужинского) — 417, 687

«Перевал». М., 1906 (ноябрь), № 1. Обложка (фрагмент) — 693

«Путь освобождения. Литературно-художественный журнал Культурно-просветительного отдела Московского совета солдатских депутатов». № 1, июнь 1917 г. Обложка (гравюра П. В. Кузнецова) — 27

«Альманах Гриф». М., «Гриф», 1904. Обложка (по рисунку М. А. Дурнова) — 777

«Факелы». Книга первая. СПб., «Оры», 1906. Обложка (по рисунку Е. Е. Лансере) — 491

XI. ПАМЯТНЫЕ МЕСТА И ВИДЫ

МОСКВА

Дом Брюсовых. Цветной бульвар, 24 (ныне № 22). Здесь Брюсов жил до сентября 1910 г. Фото, 1890-е годы. ГБЛ — 151

Гимназия Ф. И. Креймана, где учился Брюсов в 1885—1890 годы. Ул. Петровка (ныне д. 25). Фотография, 1920-е годы — 715

Гимназия Л. И. Поливанова, где учился Брюсов в 1890—1893 годы. Ул. Пречистенка (ныне ул. Кропоткина, д. 32). Фототипия, 1910-е годы. Музей истории и реконструкции Москвы — 81

Гостиница «Метрополь». В этом здании помещались издательство «Скорпион» и редакция «Весов». Фототипия, 1900-е годы. Музей истории и реконструкции Москвы — 305

Открытие памятника на могиле Брюсова. Новодевичье кладбище. В центре П. Н. Сакулин, справа — А. В. Луначарский. Фото Н. Петрова, 9 октября 1926 г. ГЛМ — 823

РАЗНЫЕ МЕСТА

Венеция. Картина И. И. Рерберга (масло), 1900-е годы. Принадлежала Брюсову. МКБ — 650

Верея. Литография с рисунка М. И. Шестеркина. «Весы», 1908, № 7 — 639

XII. РАЗНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

«Власть тьмы» Л. Н. Толстого на сцене Московского художественного театра. Действие III, явление IV. Фототипия К. Фишера, 1902. ГЛМ — 188

Каталог изд-ва «Скорпион» на 1902 год. Обложка по рисунку Н. Г. Филянского — 776

Афиша лекции Эм. Верхарна в Московском литературно-художественном кружке. 3 декабря 1913 г. ГБЛ — 607

Адрес московских рабочих организаций Эмилю Верхарну. Декабрь 1913 г. Бельгийская королевская библиотека, Брюссель — 606

Зодиакальные знаки: Весы и Скорпион. Фрагмент барельефа Амьенского собора (ок. 1225 г.). Открытка (послана З. Н. Гиппиус Брюсову в январе 1912 г.). ГБЛ — 439

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Составила Н. И. Жемчужникова

Август (Октавиан Август) 66, 73, 75, 78, 79, 82, 83, 156, 502
Аверинцев Сергей Сергеевич 6, 433
Авсоний Децим Магн 21, 534, 535
Агриппа Марк Випсаний 100
Агриппа Неттесгеймский 454, **455**, 470, 533
Адалис (Ефрон) Аделина Ефимовна 56, 801—803, 811—813, 819, **825**
Адрианов Сергей Александрович 531, 532
Азадовский Константин Маркович 5, 257—323, 390
Айхенвальд Юлий Исаевич 296, 762, 763, 767, 769, **770**
Акопджанова Вероника Вартановна 6
Аксаков Иван Сергеевич 632
Аксаков Константин Сергеевич 632, 685
Аксаков Сергей Тимофеевич 632, 767
Аксенов Иван Александрович 29, **33**, 232, 233, 241—243, 245, 811
Александр Македонский 12, 721
Александр I 69, 824
Александр II 220
Александр III 220, 487, 631
Александров Д. А., фотограф 85, 833
Алексей Петрович, царевич 461
Алексинский Григорий Алексеевич 698, **700**
Алкей 534
Алферова Александра Самсоновна 33
д'Альгейм Пьер (Петр Иванович) 417, 418, 516—518
Альтман Моисей Семенович 444, 471, 474
Альфред Великий, король 648
Альфьери Витторио 733
Амендола Джованни 271
Амфитеатров Александр Валентинович 304
Андре Поль 569, **570**
Андреев Леонид Николаевич 174, 176, 179, 184, 207, 276—278, 285, 295, 299, 311, 319, 320, 362, 453, 455, 456, 473, 493, 498, 499, 506, 689, 695, 697, 783, 798
Андреева Мария Федоровна 773
Андреевский Сергей Аркадьевич 643
Анибал Б. (Масаннов Борис Алексеевич) 826
Аникст Александр Абрамович 186
Аничков Евгений Васильевич 296, 509, 662, **672—673**, 674, 675, 709, 834
Аничкова Анна Митрофановна (псевд. Иван Странник) **469**, 561
Анненский Иннокентий Федорович (псевд. Ник. Т—о) 200, 203—208, 228, 523, **524**, 834
Антик Вольдемар Морисович 669
Антокольский Павел Григорьевич 813
Антоний Марк 12
Анчугова Татьяна Васильевна 205, 210, 215
Аппельрот Владимир Германович 753
Аракчеев Алексей Андреевич 824
Арапов Анатолий Афанасьевич 291, 322, 832
Арго (Гольденберг Абрам Маркович) 811
Аристотель 66, 173, 180, 185, 771
Аристофан **717**, 737
Аркос Жан Рене 271, 402, 581, **582**, 584, 585
Арним Людвиг Иоахим фон 68
Арнольд Федор Карлович 695
Артабан В. см. Петров Г. С.
Артем (Артемьев) Александр Родионович 169, 188
Артюшков Алексей Владимирович 26,30,**33**
Архимед 12, 100
Арцыбашев Михаил Петрович 508
Асеев Николай Николаевич 227, 233, **241**, 808, 834
Асмус Валентин Фердинандович 347
Ассаргадон 36
Ассурбанипал (Ассур Бани Пал) 625
Астрюк Габриель 613
Ауслендер Сергей Абрамович 298, 317, 777, 788, 797
Афанасьев Леонид Николаевич 218
Ахматова Анна Андреевна 702, 703
Ачкасов, владелец имения 791
Аш Шолом 392, **393**
Ашкинази В. А. см. Пэк
Ашукин Николай Сергеевич **33**, 95, 205, 324, **713**, 714, 754—756, 772, 826
Ашукина Мария Григорьевна 714
Аякс — см. Измайлов А. А.

Багрицкий Эдуард Георгиевич 825
Баев Николай Кузьмич 419
Базальжет Леон 563, 567, 568, 598, 600, 605
Базилевская (Соловьева) Инна Натановна 178

* Ссылки на страницы, содержащие биографические сведения о данном лице, выделены полужирным шрифтом.

Байрон Джордж Ноэл Гордон 94, 296, 471, 479, 481, 483, 484, 633, 662, 676, 678—680, 726
Бакст (Розенберг) Лев Самойлович 263, 264, 613, 649, 834
Бакулин Александр Яковлевич 7, **67**, 85, 833
Бакулин Иван Александрович 145, 833
Бакулина Зоя Александровна 744
Бакулины, семья 67
Бакунин Михаил Александрович 284
Бакхилид (Вакхилид) 440, 447
Балталон Цезарь Павлович 725, 726, 728, 729, **753**
Балтрушайтис (рожд. Оловянишникова) Мария Ивановна 638
Балтрушайтис Юргис Казимирович 232, 241, 258, 261, 267, 269, 271—273, 281, 294, 298, 304, 305, 357, 360, 373, 400, 401, 408, 409, 450, 455, 463, 464, 534, 628, 634, 635, 638, 642, 647, 650, **651**, 658—660, 662, 664, 677, **678**, 683, 684, 690, 698, 776, 777, 808, 833
Бальмонт Константин Дмитриевич 10, 16, 17, 37, 42, 183, 193, 200, 202, 218—220, 225, 228, 257—261, 267, 269, 271—273, 277—282, 294, 298, 301, 306, 316—318, 324, 330, 340, 345, 351, 353, 354, 357, 360, 362, 363, 367—370, 372—374, 377—380, 387—390, 407, 419, 433, 438, 439, 445, 450, 453—455, 457, 474, 483, 485, 486, 488, 492, 502, 506, 525, 532, 535, 536, 539, 570, 587, 588, 627—630, 632, 634—638, 642, 643, 647, 650, 659, 662, 664, 672, 682, 688, 690, 695, 704, 705, 731, 732, 743, 745, 748, 749, 754, 758, 763, 774—776, 778, 779, 781, 786, 789, 790, 796—798, 808, 810, 831—833
Баратынский (Боратынский) Евгений Абрамович 21, 84, 92, 95, 296, 330, 748, 763, 766, 815
Барбье Анри Огюст 697
Бартенев Петр Иванович 21, 95, 349, 359, **629**, 631, 633, 640, 670—672, 833
Бартенев Сергей Петрович 640
Бартенев Юрий Петрович **359**, 631, 639, 640
Бартенева Надежда Петровна 629
Бартенева (рожд. Шпигоцкая) Софья Даниловна 629
Бартенева (в замуж. Вельяшева) Татьяна Петровна 629, 640
Бартеневы, семья 631, 635
Бассехис Альфред Иосифович 199
Батюшков Константин Николаевич 94, 759, 815
Бауман Николай Эрнестович 391
Бах Иоганн Себастьян 340
Бахман Георг 371, 380, **381**, 493, 643
Бачинский Алексей Иосифович 497
Беатриче Портинари 180, 186
Бевер Адольф ван 270, 274
Безыменский Александр Ильич 210
Бёклин Арнольд 364, 392, **394**, 443, 444
Белецкий Александр Иванович 65
Белинский Виссарион Григорьевич 297, 685
Беллини Джованни **511**, 651
Белоруссов А. (Белевский Алексей Станиславович) 613
Белый Андрей (Бугаев Борис Николаевич) 5, 10, 17, 34, 193, 194, 200, 202, 206, 208, 218—220, 225, 232, 257, 259—261, 263—265, 268, 269, 273, 276, 278, 280—290, 294, 295, 298—300, 302—313, 315—324, **327—346**, 347—427, 429, **431**, 434, 442, 444, 445, 450, 453, 455, 458, 460, 462, 464, 465, 470, 471, 473—475, 477, 478, 483, 484, 486, 488, 489, 491, 493, 498, 500, 502, 504, 506, 513, 516—520, 524, 525, 527, 532, 573, 623, 658, 664, 688, 691—698, 700, 701, 779—781, 785, 786, 789, 794, 798, 808, 830, 832—834
Беляева Маргарита Ильинична 6, 557
Бемер Маркус 270, 318
Бенуа Александр Николаевич 376, **649**, 811
Беранже Пьер Жан 811
Бердслей (Бердсли) Обри 176, 322, 351, 370, 834
Бердяев Николай Александрович 26, 290, 293, 321, 391, 460, 494, 495, 497, 498, 506, 533, 689, 695
Берент (Берендс) Вацлав 397—399, 401
Бернар Сара 167
Берри Жан де 453, 454, 832
Бестужев Николай Александрович 69
Бётгер Адольф 679, 680
Бехер Иоганнес Роберт 825
Билибин Иван Яковлевич 579, 580, 691
Благовещенский Николай Михайлович 82, 83
Благоволина Юлия Павловна 6, 114—120, 194, 433
Благой Дмитрий Дмитриевич 6
Бланков Жан 6, 557
Блей Франц 668
Блейк (Блэк) Уильям 690
Блок Александр Александрович 10, 16, 17, 172, 174, 200, 202, 206, 208, 218, 219, 225, 232, 233, 257, 263, 269, 276, 280, 285, 286, 288, 298, 307, 308, 310, 311, 316, 317, 319, 323, 328, 331, 345, 346, 348, 349, 357, 358, 362, 367, 369, 372, 373, 379, 382, 391, 393, 394, 396, 397, 401, 411, 414, 416, 419, 422, 423, 429, 466—470, 474, 485, 491, 493, 496—499, 501, 504, 523—525, 531, 532, 544, 659, 660, 662, 676, 682, 683, 685, 688, 689, 691, 695, 703, 704, 779—781, 786, 788, 789, 798, 803, 820, 826, 833, 834
Блок (рожд. Менделеева) Любовь Дмитриевна 394, 397, 404, **779**
Боборыкин Петр Дмитриевич 186, 695
Бобров Сергей Павлович 29, **33**, 298, 317, 322
Богданович Ангел Иванович (псевд. А. Б.) 756
Боголепов Николай Павлович 767, **771**
Бодлер Шарль 9, 294, 438, 474, 644, 668, 669, 729, 732, 738, 754, 755, 778, 810
Бодуэн де Куртене Иван Александрович 248, 251
Боккаччо Джованни 668, 669
Бокль Генри Томас 736, 755
Большаков Константин Аристархович 212, **244—245**
Боннар Пьер 318, 322
Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич 27
Бор Нильс 71

Борисов-Мусатов Виктор Эльпидифорович 264, 277, 322, 364, 579, 580, 713, 750, 832
Бородаевский Валериан Валерианович 534
Боттичелли Сандро 651, 796
Боцяновский Владимир Феофилович 468
Браиловский Александр Яковлевич 742, 756
Бродская Галина Юрьевна 167—178, 194
Бромлей Федор Иванович 804
Бромлей Эмилий Иванович 804
Брунеллески Умберто 301, 322, 832
Брусилов Алексей Алексеевич 806, 807
Брут Марк Юний 74, 80, 458, 459
Брюккер Федор Иванович 717, **752**
Брюллов Карл Павлович 642
Брюсов Александр Яковлевич (псевд. Alexander) 267, 408, 689, **691**
Брюсов Кузьма Андреевич 7, 137, 723, **752**, 833
Брюсов Николай Яковлевич 724, 752
Брюсов Яков Кузьмич 7, **115**, 145, 286, 321, 409, 508, 509, 645, 722, 725, **752**, 755, 807
Брюсова (в замуж. Калюжная) Евгения Яковлевна 120, 145, 646, 647, 752, 833
Брюсова (рожд. Рунт) Иоанна Матвеевна 6, 30, 33, 37, 43—46, 50—52, 54—58, 61, 62, 64, 65, 72, 116, 257, 260, 273, 305, 318, 320, 323, 344, 354, 356, 358, 404, 422—424, 426, 427, 433, 436, 451, 461, **471**, 480, 483, 490, 507, 508, 520, 522, **525**, 530, 533, 535, 536, 538, 541, 543, 544, **582**, 584—591, 594, 595, 601—603, 605, 606, 609, 610, 615, 616—618, 620, 621, 641, 644, 645, 647, 648, 658, 666, 745, 746, 752, 804—806, 808—810, 833, 834
Брюсова (в замуж. Кисина) Лидия Яковлевна 752
Брюсова (рожд. Бакулина) Матрена Александровна 67, 145, 723, 724, **752**, 833
Брюсова Надежда Яковлевна (псевд. Сунанда) 267, 279, 320, 461, 475, 480, 494, 508, 585, 586, 646, 678, **679**, 752, 760
Брюсовы, семья 632, 644—646, 724, 835
Бугаев Николай Васильевич 328, 357—**359**, 389, 414
Бугаева Александра Дмитриевна **357**, 397, 403, 404, 406, 419, 423
Бугаева (в первом браке Васильева) Клавдия Николаевна 411
Буданцев Сергей Федорович 233, 811
Буданцева В. В. см. Ильина В. В.
Булгаков Александр Яковлевич 629
Булгаков Валентин Федорович 31, **34**
Булгаков Константин Яковлевич 629
Булгаков Сергей Николаевич 290, 453, 454, 456, 460, 479, 484
Булгаков Федор Ильич 644
Бунин Иван Алексеевич **189**, 276, 277, 285, 433, 493, 570, 635, 642, 648, 746, 754
Бунин Юлий Алексеевич **32**, **34**
Буренин Виктор Петрович 316, 687, 690
Бурцев Владимир Львович 661
Буслаев А. А. 247
Бутова Надежда Сергеевна 188
Бутович, сотрудник Гукона 807
Быков Петр Васильевич 662, 669—**672**, 833
Бэкон Фрэнсис 186
Бэлза Игорь Федорович 679
Бэлза Святослав Игоревич 679
Бэр, владелец имения 683
Бюр Пьер 615—617, 620

В. (возможно, Волькенштейн Ольга Акимовна) 539
В. С., сотрудник «Весов» 376
Вавженецкий Мариан 322, 401
Вагнер Вильгельм Рихард 463, 464, 468, 470, 472
Ваксель Платон Львович 324
Валентинов Н. (Вольский Николай Владимирович) 348
Валлоттон Феликс 318, 322
Вальзер Карл 322
Ван Лерберг Шарль 298, 579, 580, 695, 810
Ванникола Дж., литератор 271
Варий Руф 73—82
Варшавский Сергей Иванович 29, **33**
Василевский Лев Маркович 692, **694**
Васильев Александр Васильевич 508, **509**
Васильев Николай, переводчик Верхарна 568, 597
Вашкевич Николай Николаевич 279, 484, 492, 493
Вебер Владимир, гимназист 717
Ведекинд Франк 172, 173, 184, 270
Веласкес Диего 796
Величко Василий Львович 218, 733, **754**
Венгеров Семен Афанасьевич 244, 296, 311, 324, 346, 379, 458, 471, 483, 498, 499, 662, 670, 673, **676**, 677—683, 753, 760, 762, 833
Венгерова Зинаида Афанасьевна 480
Вергилий Марон Публий 18, 57, 73, 78, 79, 81, 228, 237, 239
Верендскиольд Эрик Теодор 757
Вересаев (Смидович) Викентий Викентьевич 277, 308, 660
Верлен Поль 9, 66, 183, 193, 202, 203, 264, 298, 361, 362, 468, 469, 548, 549, 604, 607, 649, 729, 734, 738, 743, 754, **755**, 810
Верн Жюль 249, 718, 752
Верхарн Марта 580—586, 589—592, 594—600, 604, 608, 610—616, 620, 621, 834
Верхарн Эмиль 6, 14, 18, 21, 30, 34, 36, 173, 181, 202, 237, 239, 246, 262, 264, 298, 312, 424, 474, 483, 492, 493, 546—**621**, 649, 662, 666, 667, 669, 748, 789, 790, 792, 798, 810, 819, 831—835
Верховский Юрий Никандрович **206**, 208, 283, 298, 495, 499, 510, 533, 534, 690, 760
Веселовская Анна Александровна **668**, 669
Веселовская Мария Васильевна 568
Веселовский Александр Николаевич 710
Веселовский Алексей Николаевич **509**
Ветц Вильгельм 679, 680
Визан Танкред де 459, **460**
Викторов Давид Викторович 763, **771**
Вильдрак (Мессаже) Шарль 581, **582**, 605
Вилье де Лиль-Адан Филипп Огюст Матис 548, 667, 669

Вилькина (Минская) Людмила Николаевна 455, 469, 627, 687, 689, **690**, 691, 693
Виноградов Сергей Арсентьевич 157, 830
Виппер Роберт Юрьевич 716
Виппер Юрий Францевич 716, **751**, 752
Вишневский Вениамин Евгеньевич 799
Владимиров Василий Васильевич **357**, 396, 397, 401
Владимиров М. Г. 303, 305
Волгин Вячеслав Петрович 251
Волков Михаил Павлович 627, 834
Волков Николай Дмитриевич 484
Воллес Люсьен 593, 594
Волошин (Кириенко-Волошин) Максимилиан Александрович 26, 30, **34**, 200, 203, 269, 270, 278, 297, 298, 318, 322, 323, 346, 444, 452—454, 459, 461, 497, 508, 511, 552, 558, 567, 568, 697, 701, 833
Волынский (Флексер) Аким Львович 391, 775, **797**
Вольгемут Михаель 392, **393**
Волькенштейн Владимир Михайлович 208
Вольтер (Аруэ) Мари Франсуа 94
Вольфинг — см. Метнер Э. К.
Воровский Вацлав Вацлавович 771
Воронов, воспитанник кадетского корпуса 726
Воротников Антоний Павлович 564, 565, 597
Востряков Дмитрий Родионович 401
Врангель Николай Николаевич 324, 530
Врочиньский Казимеж 396—398, **399**, 400, 403
Врочиньский Ян 398, **399**
Врубель Михаил Александрович 8, 322, 342, 570, 579, 580, 585, 586, 728, 784, 785, 788, 798, 801, 810, 830, 832
Вулих С. А. **397**, 408
Высоцкий Владимир А., переводчик 401, 408
Выспяньский Станислав **397**, 401
Вытженс Гюнтер 317
Вьеле-Гриффен (Вьеле-Гриффин) Франсис 262, 550, 558, 562, 748
Вюйар (Вюиллар; Vuillard) Эдуар 269, **318**
Вяземский Петр Андреевич 632, 769, 815

Г-ва М., корреспондентка Брюсова 205
Гагарин Глеб Григорьевич 352
Гагарин Иван Сергеевич 756
Гагарин Николай Викторович 598, 605—610, 615, 617, 620
Галлен-Каллела Аксели Вальдемар 660
Галлоп-Ремпель Е. В. 774
Гальперин Михаил Петрович 236
Гамсун (Педерсен) Кнут 172, 173, 181, 260, 262, 274, 238, 350, 630, 633, 634
Гаральд Смелый (Строгий) 624
Гаспаров Михаил Леонович 6
Гауптман Герхарт 167, 171, 173, 178, 180, 181, 183, 184, 195, 258, 298, 678
Гегель Георг Вильгельм Фридрих 747, 771
Гейне Генрих 296, 652, 733
Гейне Томас Теодор 322, 471
Георге Стефан 262, 270
Герасимов Константин Сергеевич 210, 215, 236, 238, 831
Герасимов Михаил Прокофьевич 233
Герман Иоганн Готфрид 443, **444**
Герод (Геронд) 481
Герцен Александр Иванович 296
Герцык (в замужестве Жуковская) Аделаида Казимировна 316
Гершензон Михаил Осипович 296
Гете Иоганн Вольфганг 173, 184, 186, 226, 444, 486, 519, 533, 543, 729, 733, 754, 819
Гиббон Эдуард 808
Гидаш Антал 825
Гиерон 100
Гиль Рене 20, 264, 269—271, 274, 311, 318, 456, 457, 483, 515, 559, 560, 562, 567—569, 582, 587, 588, 833
Гиляровский Владимир Алексеевич 233, 725, 753
Гинцбург Илья Яковлевич 509
Гиппиус Владимир Васильевич 664
Гиппиус (Мережковская) Зинаида Николаевна (псевд. Антон Крайний, Товарищ Герман) 190, 193, 194, 200, 202, 206, 208, 218, 219, 258—260, 262—264, 269, 274, 282, 289—295, 299, 300, 306, 311, 312, 318, 319, 321, 322, 328, 338, 340, 347, 358, 360, 364—366, 369, 372, 373, 381, 382, 395, 401, 402, 404—407, 431, 435, 461, 499—501, 504, 513, 570, 658, 660, 662, 664, 665, 676, 682, 683, **686**—702, 726, 764, 775, 835
Гиро Поль 443, 444
Гиршман Владимир Осипович 26, 30, **33**, 34, 115, 163
Гиршман (рожд. Лион) Генриетта Леопольдовна 26, 30, 33, **34**, 115, 125, 163, 833
Гливенко Иван Иванович 247, 770
Глушановские, знакомые Брюсовых 630
Гнедич Николай Иванович 534
Гоголь Николай Васильевич 158, 220, 228, 248, 296, 310, 312, 341, 406, 681, 682, 685, 705, 753, 767—769, 772, 820, 821
Гойя Франсиско Хосе де 748, 757
Голицын Александр Николаевич 824
Головин Александр Яковлевич 297, 833
Головин Федор Александрович 698, **701**
Гольбейн Ганс Младший 392, **393**
Гольбейн Ганс Старший 392, **393**
Гольцев Виктор Александрович 695
Гомер 73, 717
Гонкур де, братья Эдмон и Жюль 185
Гончаров Иван Александрович 73, 83, 194
Гораций 66, 67, 73—77, 79—83, 490, 641
Городецкий Михаил Борисович 661
Городецкий Сергей Митрофанович 206, 208, 282—286, 288, 308, 320, 323, 416, 431, 494, 497, 500, 501, 504, 505, 508, 512—515, 524, 525, 662, 689, 691, 697, 700—703, 760, 834
Горохов Николай Алексеевич 36
Горький Максим (Пешков Алексей Максимович) 6, 13, 18, 36, 68, 172, 182, 184, 186, 195, 246, 276—278, 295, 299, 304, 308, 311, 319, 320, 556, 559, 628, 636, 644, **657**—661, 686, 689, 697, **710**, 773, 774, 808, 818, 820, 826, 833

Готье Теофиль 729, 732, 810
Гофман Виктор Викторович 207, 295, 298, 308, 381, 570, **653**, 803
Гофман Модест Людвигович 208, 284, 431, 524
Гофман Эрнст Теодор Амадей 772, 826
Гофмансталь Гуго фон 262, 270, 274
Гохштюлер Макс 463, 464, 468, 470
Грабарь Игорь Эммануилович 26, 30, **33**, 296, 579, 580
Гречишкин Сергей Сергеевич 65, 321, 327—348, 353, 428—434, 483, 497
Гржебин Зиновий Исаевич 239, 242, 662, **666**—669, 682, 834
Грибоедов Александр Сергеевич 153, 170, 178, **377**
Григорьев Михаил Степанович 6, **710**
Гриф С. А. см. Соколов С. А.
Грифцов Борис Александрович 286, 768, **772**
Громов Павел Петрович 685
Гроссман Леонид Петрович 348, 760
Грот Николай Яковлевич 39, 375, 376
Грузинов Иван Васильевич 233
Грузинский Алексей Евгеньевич 247, 662, **705**—708, 832
Грюневальд (Нитхард Матиас) 392, **393**
Губер Петр Константинович 820, 826
Гудзий Николай Каллиникович 35, 72, 752, 755, 770
Гумилев Николай Степанович 200, 203, 206, 208, 283, 298, 311, 313, 315, 316, 324, 402, 406, 407, 523—525, 530, 662, 689, 691, 702, 703
Гупи Арманд 6
Гуревич Любовь Яковлевна 257, 703, 753
Гуревич, владелец книжного магазина 667
Гурмон Жан де 179, **185**, 271, 515
Гурмон Реми де 264, 269, 271, 274, 298, 313, 515
Гюго Виктор Мари 195, 199, 296, 465, 726, 762
Гюисманс Жорис Карл (Жорж Шарль) 185, 274, 454, 468, **649**
Гюнтер Ганс фон 571
Гюнтер Иоганн фон 575

Д-в, Гр. (Джаншиев Григорий Аветович) 752
Давид, иудейский царь 732
Даль Владимир Иванович 61, 246, 248, 250, 251
Даниелян Эльмира Степановна 6, 317
Д'Аннунцио Габриеле 172, 181, **183**, 189, 262, 431, 455, 507—512, 515, 519, 535, 575, 576, 612, 613, 633, 667, 678, 831
Данте Алигьери 36, 186, 548, 557, 567, 568, 654, 662, 676, 678—680, 684, 705, 708, 709, 786
Дарвин Чарлз Роберт 719
Дарузес (Раевская) Наталья Александровна 40, 753
Деларю-Мардрюс Люси 669
Дельвиг Антон Антонович 84, 95, 330, 418, 534
Демель Рихард 262
Деметрий 73
Ден фон, домовладелец (Екатеринеталь) 624, 625
Дени Морис 318, 322, 581, **582**, 583, 584, 795, 833
Державин Гавриил Романович 86, 158, 248, 297, 523, 759, 768, 772, 814—816
Дешарт О. (Шор Ольга Александровна) 433, 434, 444, 464, 495, 507
Джотто ди Бондоне 651
Диас, путешественник (?) 100
Дидерихс Андрей Романович 401
Дидерихс Маргарита Романовна 401
Динесман Татьяна Георгиевна 6, 37, 194, 200—201, 210, 215, 546—559, 830
Диоклетиан Гай Аврелий 302
Диц Вильгельм 392, **393**
Дмитриев Валентин Григорьевич 622—623
Дмитриев-Мамонов Василий Александрович 316
Добролюбов Александр Михайлович 206, 208, 378, **379**, 480, 550, 558, 647, 648, 678, 679, 737, 755, 764, 766, 771, 776
Добролюбов Николай Александрович 672
Добужинский Мстислав Валерианович 498, 499, 687—689, 834
Долгополов Леонид Константинович 348
Дорошевич Влас Михайлович 363
Достоевский Федор Михайлович 191, 196—198, 220, 221, 228, 264, 296, 310, 338, 378, 379, 389, 391, 403, 404, 424, 534, 621, 643, 644, 783, 797, 817, **818**, 821, 827
Драгомиров Михаил Иванович 729
Дрейфус Альфред 638, 757
Дриттенпрейс Владимир Петрович 322
Дронов Владимир Сергеевич 25—27, 230, 558
Дубовиков Алексей Николаевич 6, 194, 662, 668
Дудле Шарль 475
Думнов Владимир Васильевич 772
Дурнов Модест Александрович 777, 835
Дурново Николай Николаевич 247
Дхармакирти (Дармакирти) 374
Дхарматтара (Дарматарра) 374
Дымов Осип Исидорович 298, 322, 485, **486**, 702, 777, 798
Дымшиц-Толстая Софья Исааковна 33
Дюамель Жорж 402, **582**, 810
Дюма Александр, отец 721
Дюма Александр, сын 195, 199
Дюрер Альбрехт 322, 392, **393**
Дягилев Сергей Павлович 269, 376, 629, **630**, 635, 649

Е. Н. К.— см. Клетново Е. Н.
Евгеньев-Максимов Владислав Евгеньевич 316
Евреинов Николай Николаевич 173
Еврипид 81, 187
Ежов Николай Михайлович (псевд. Не фельетонист) 178
Екатерина II 36, 46, 634
Елена Васильевна (рожд. Глинская), великая княгиня 68
Елена Ц.— см. Цветковская Е. К.
Еропкин Аполлон Васильевич 317
Есенин Сергей Александрович 232, **233**, 768, 772
Ещбоев С.— см. Поляков С. А.

Жаков Каллистрат Фалалеевич 208
Жаколио Луи 717
Жданов (Гельман) Лев Григорьевич 195, 198
Жемчужников Алексей Михайлович 418
Жеромский Стефан 397—401
Жид Андре 268, 450, 453, 454, 456, 459, 462
Жорес Жан 405—407
Жуковский Василий Андреевич 94, 296, 632, 706—708, 759, 768, 808, 815, 816, 826
Жуковский Дмитрий Евгеньевич 347, 476, 479, 480
Жураковский Евгений Дмитриевич 766, **771**

З., сотр. журнала «Звезда», 1890-е гг. 756
Зайцев Борис Константинович 207, 295, 696, 702
Замятнина Мария Михайловна **434**, 453, 454, 497, 504, 524, 543
Зарецкий Николай Васильевич 322
Заттлер Иосиф 313, 832
Захаров-Мэнский Николай Николаевич 233, 236, 745, 832
Заяицкий Сергей Сергеевич 29, 33
Здобнов Д. С., фотограф 259, 537, 665, 830, 833
Зелинский Фаддей Францевич 418, 480, 523, **524**, 689, 691
Земенков Борис Сергеевич 232
Зенкевич Михаил Александрович 703
Зимин Сергей Иванович 798
Зиновьев Дмитрий Васильевич 461, 462
Зиновьева-Аннибал (Иванова) Лидия Дмитриевна 320, 434, **435**—438, 440, 443, 445—448, 450, 451, 453, 454, 457, 459, 461—464, 466, 469, 470, 479, 482, 484, 489, 495—497, 499, 501, 504, 507, 509, 513, 514, 664, 696—698, 700
Зноско-Боровский Евгений Александрович 315, **523**, 524, 527
Золя Эмиль 186
Зонов Аркадий Павлович 171
Зубакин Борис Михайлович 760
Зудерман Герман 181, 184
Зунделович Яков Осипович 799, 814, **826**

И. см. Игнатов И. Н.
Иаков из Вораджо 48
Ибсен Генрик 167, 168, 173, 180, 181, 183, 184, 191, 196, 197, 260, 298, 350, 404, 623, 624, 664, 736, 755
Иван IV Васильевич Грозный 16, 624
Иван Иванович, князь Рязанский 17, 642
Иванов Владимир Александрович 6
Иванов Вячеслав Иванович 6, 10, 17, 172, 177, 189, 200, 202, 206, 220, 225, 248, 257, 263—265, 267, 268, 272—274, 277—280, 282, 284—288, 298, 301, 307—311, 316, 319, 320, 321, 329, 340, 347, 373, 389—391, 413—416, 427, **428—545**, 659, 664, 667, 684, 688, 689, 696, 697, 703, 704, 774, 801, 831—834
Иванов-Афанасьев, переводчик 731, 754
Иванов-Разумник (Иванов) Разумник Васильевич 205, 296, 348
Ивановский Владимир Николаевич 458, **460**
Ивнев Рюрик (Ковалев Михаил Алексеевич) 232, 233
Игнатов Илья Николаевич (псевд. И.) 31, 34, 444
Игумнов Константин Николаевич 409
Измайлов Александр Алексеевич (псевд. Аякс) 324, 752
Ильёв Степан Петрович 6, 194, 637
Ильина (в замужестве Буданцева) Вера Васильевна 212, **241**
Ильинский (Блюменау) Александр Адольфович 68, 70, 657
Иоанн Лествичник 380
Ионов (Бернштейн) Илья Ионович **27**
Иорданский Николай Иванович 660
Истомин, сотрудник Главпрофобра 252

Йенсен Альфред 341, 348
Йорданс Якоб 546

Кадушкин Н., литограф 833
Калидаса 184
Калинин, гимназист 717
Каллаш Владимир Владимирович 296, 769, 772
Кальдерон де ла Барка Педро 86, 173, 180, 182, 184, 186, 438, 690
Калюжная Е. Я.— см. Брюсова Е. Я.
Калюжный Борис Васильевич 647
Каменев Гавриил Петрович 759, 768
Каменский Василий Васильевич 232, 233
Кампиони Владимир Константинович 424
Кампиони Софья Николаевна 424
Кан Гюстав 766, **771**
Кант Иммануил 9, 62, 249, 374, 698, 719, 736, 755, 771
Капнист Василий Васильевич 768
Каракалла Марк Аврелий Антонин 729
Карамзин Николай Михайлович 759
Карпович Петр Владимирович 767, 771
Каррьер Эжен 322, 392, **393**
Карякин (Корякин) Василий Никитич 814
Касаткин Иван Михайлович 241, 245
Катаев Валентин Петрович 825
Катанян Василий Абгарович 825
Катулл Гай Валерий 77, 79, 440, 652
Кизеветтер Александр Александрович 695
Кильчевский Владимир Агафоникович 763, 771
Киппенберг Антон 617, **618**
Кириллов Владимир Тимофеевич 760
Кишкин Николай Михайлович 33
Клеопатра VII, царица Египта 167, 628, 731, 754
Клетново Екатерина Николаевна (псевд. Е. Н. К.) 604
Клингер Макс 392, **393**
Клюева Вера Николаевна 760
Кнебель Иосиф Николаевич 580, 670
Кнопф Фернанд 562—564
Кобылинский Л. Л. см. Эллис
Кобылинский Сергей Львович **357**
Ковалевский Максим Максимович 508, 509
Коган Петр Семенович 232, 253, 662, 709, **710**, 737, 755, 760, 833
Коган Фейга Израилевна 524
Козловский Алексей Алексеевич 37

Койранский Александр Арнольдович 357, 392, **393**, 749, 832
Койранский Борис Арнольдович 392, **393**
Койранский Генрих Арнольдович (псевд. Тверской) 392, **393**
Колумб Христофор 35, **37**, 124, 185, 360
Комаровский (Камаровский) Леонид Алексеевич 681
Комиссаржевская Вера Федоровна 172—176, 507, 508, 511, 512, 519, 575, 797, 832
Комиссаржевский Федор Федорович 172
Кондратьев Александр Алексеевич 220, **228**, 298, 474, 497, 688
Коневской Иван (Ореус Иван Иванович) 206, **208**, 218, 328, 346, 360, 446—448, 550, 636, 637, 646, 647, 664, 666, 676, 678, 748, 757, 776, 779, 833
Коновалов Ю., журналист 799
Конради Павел Павлович 208
Конт Огюст 239
Коншина Елизавета Николаевна 757
Коперник Николай 63, 124
Корде Шарлотта 57
Коринфский Аполлон Аполлонович 218, 746
Корнелий Непот 721, 752
Корнель Пьер 180
Корчагин Александр Иванович 809, 830
Корчинская М. А., арфистка 810
Корш Федор Адамович 186, 716, 726, 751, 754
Косолапов Петр Ильич 233
Котляревский Нестор Александрович 508
Котляревский Сергей Андреевич 452, 453, **454**, 456
Котрелев Николай Всеволодович 428—434, 493, 541, 543, 793, 833
Котте Шарль 392, **393**
Крайний Антон см. Гиппиус З. Н.
Кранах Лукас Старший 393
Красиньский Зыгмунт 401
Краскова Елена Андреевна 38
Краснов Платон Николаевич (псевд. Пл. К.) 753, 754
Красовский Юрий Александрович 657, 773
Кратипп 80
Крейман (в замужестве фон Фолькман) Анна Францевна 716, 717
Крейман Франц Иванович 373, 713, 715, 716, 725, **751**, 752, 835
Кречетов Сергей Александрович см. Соколов С. А.
Кречетова Елена Архиповна 759—761
Криницкий Марк см. Самыгин М. В.
Кроммелинк Фернан 587, 588
Кропоткин Петр Алексеевич 296
Кругликова Елизавета Сергеевна 271, 322, 647, 688, **690**, 833
Крузенштерн Иван Федорович 93
Крылов Виктор Александрович 181
Крылов Иван Андреевич 73, 83, 84, 296, 725, 729, 748
Крымов Николай Петрович 322
Крючков Петр Петрович 773
Кубов Кв. (возможно: Кубиков Иван Николаевич) 826
Куванова Людмила Кирилловна **6**
Кузмин Михаил Алексеевич 200, 203, 206, 208, 257, 283, 298, 299, 304, 315, 316, 323, 324, 395, 499, 500, 502, 504, 507, 513, 523, 530, 686—689, 698, 700, 704, 777, 797
Кузнецов Алексей Иванович 44
Кузнецов Павел Варфоломеевич 27, 322, 689, 835
Кулаковский Юлиан Андреевич 460
Куманин Василий Николаевич 354
Кунин Иосиф Филиппович 799
Купер Фенимор 718
Куприн Александр Иванович 308, 689
Куприяновский Павел Вячеславович 753
Курбатов И., фотограф 719, 741, 830, 833
Курсинский Александр Антонович 40, 295, 550, 630, **631**, 641, 644, 689, 694—696, 737, 745, 750, 755, 774
Кусиков Александр Борисович 232
Кухтин Петр <?>, студент 818
Кушнерев Иван Николаевич 695
Кшишталович (Турба-Кшишталович) Станислав 401
Кюхельбекер Вильгельм Карлович 91

Лавров Александр Васильевич 65, 321, 327—348, 353, 428—434, 483, 497
Лавров Вукол Михайлович 695
Лакост Шарль **318**, 322, 456, 457, **589**, 832
Ланг (рожд. Ширяева) Авдотья Павловна 641
Ланг Александр Александрович, отец поэта 724, 734
Ланг Александр Александрович (псевд. Миропольский А. Л.) 10, 372, **373**, 471, 630, 636, 641, 644, 724, 726—728, 731, 734, 737, 752, 756, 785, 831
Ландольт, владелец кафе в Женеве 458, 459
Ландсберг Г. 258
Лансере Евгений Евгеньевич 491, 529, 583, 649, 831, 833, 835
Лаплас Пьер Симон 62, **719**
Ларионов Михаил Федорович 322
Ларошфуко Франсуа де 239
Ларусс Пьер **251**
Лафонтен Жан 243
Лафорг Жюль 699, **701**, 810
Лебедев Владимир Петрович 218
Леблан Жоржетта 450
Леблан Морис 68
Леблон Мариус-Ари (наст. имена Атена́ Жорж и Мерло Эме) 557
Левашов Евгений Александрович 248
Левит Теодор Маркович 813, 814, 818, **826**
Левитан Исаак Ильич 309, 322, 833
Лейбниц Готфрид Вильгельм 9, 755, 762, 770
Лейвери (Лавари; Lavery) Джон 392, **393**
Леконт ле Лиль Шарль 738, 810
Ленау Николаус (Штерленау Франц фон) 733
Ленин Владимир Ильич 18, 20, 26, 27, 214, 215, 246, 247, 265, 275, 317, 319, 636, 661, 757, 798, 809, 820, 821
Ленский (Вервициотти) Александр Павлович **512**

Леншина А. Я. см. Мар Анна
Лео Константин Федорович 619, 830
Леонардо да Винчи 400, 401, 736, 755, 757
Леонидов Олег (Шиманский Олег Леонидович) 236, 811
Леопольд II, король Бельгии 595, 596
Лермонтов Михаил Юрьевич 16, 26, 201, 220, 245, 296, 330, 331, 438, 633, 644, 669, 694—697, 718, 720, 740, 753, 768, 769, 772, 817, 826
Лернер Николай Осипович 296, 306, 322
Лесаж Ален Рене 68
Лесков Николай Семенович 13, 220, 669
Ливий Андроник 80
Ливий Тит 57
Ливия, жена Октавиана Августа 156
Лидин Владимир Германович 245
Лидов Петр Петрович 27, 32, 34
Ликиардопуло Михаил Федорович 282, 298, 302, 304—307, 315, 319, 323, 324, 342, 404, 513—515, 518, 525, 527, 580—584, 695, 696, 698, 700, 794, 796
Линде Август Львович 717, 752
Липскеров Константин Абрамович 26, 30, 34, 808
Лисовский Николай Михайлович 677, 833
Литвин Эсфирь Соломоновна 186, 320, 657, 662, 673
Литкенс Евграф Александрович 247
Литтре Эмиль 248, 251
Лобанов Виктор Михайлович 264, 316, 317
Лобанов Иван Дмитриевич 322
Лозинский Михаил Леонидович 705
Локк Джон 736
Локс Константин Григорьевич 799
Ломоносов Михаил Васильевич 815
Лопатин Лев Михайлович 762, 770
Лопашов, владелец ресторана в Москве 645
Лопашов, сотрудник Гукона 807
Лосский Николай Онуфриевич 460
Лохвицкая Мирра Александровна 480, 481, 483
Лукреция 57
Лукулл Луций Лициний 474, 688
Лукьянов Александр Александрович 564
Луначарская-Розенель Наталия Александровна 230
Луначарский Анатолий Васильевич 7, 19, 46, 212—214, 229, 230, 232, 239, 240, 246, 299, 311, 689, 823, 831, 833—835
Лурье Семен Владимирович 304, 305, 312, 323, 516, 517
Львов Георгий Евгеньевич 34
Львов-Рогачевский (Рогачевский) Василий Львович 599, 600
Львова Надежда Григорьевна 205, 207, 209, 619, 622, 623
Любимова Авдотья Степановна 409
Любимова Александра Степановна 409
Любимова Екатерина Степановна 409
Любощиц Семен Борисович 777, 797
Людовик XIV 129
Людовик XV 129
Людовик XVI 654
Лютер Артур 271, 696, 698
Лялечкин Иван Осипович 730, 731, 754
Ляцкий Евгений Александрович 301
Майков Аполлон Николаевич 201, 330, 763, 764, 766, 771
Майн Рид см. Рид Т. Майн
Маковский Сергей Константинович 314, 315, 324, 523, 526, 530, 536, 751
Макр Эмилий 73, 74, 76—78, 82
Максимов Дмитрий Евгеньевич 5, 115, 120, 208, 257—324, 348, 390, 488, 680
Максимович, владелец санатория в Майоренгофе (Майори) 538
Макухин Григорий Иванович 233
Малатеста, итальянский феодальный род 510
Малеин Александр Иустинович 312, 324
Малишевский Михаил Петрович 813, 825
Малларме Стефан 9, 168, 202, 269, 549, 729, 771
Малышев Андрей Ефимович 813, 825
Малютин Сергей Васильевич вклейка, 830
Малявин Филипп Андреевич 579, 580
Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович 695
Мамонтов А. И., типограф 832
Мамонтов Виктор Арамович 34, 318
Мамонтов Михаил Анатольевич 434
Мамонтов Савва Иванович 660
Мандельштам Осип Эмильевич 233, 703
Мануйлов Виктор Андроникович 34, 318, 434
Мар Анна (Леншина Анна Яковлевна) 26, 28, 33
Марат Жан Поль 57
Маргарита Наваррская 668, 669
Маргарян Аралуйс Егишевна 318
Маркс Адольф Федорович 196, 199, 669, 670, 672
Маркс Карл 258, 730, 747, 808
Марло Кристофер 519
Мартынов Алексей Александрович 752
Мартынов Леонид Николаевич 213, 830
Марцишевская Ксения Александровна 6, 759—761, 769, 832
Масаинов Б. А. см. Анибал Б.
Масанов Иван Филиппович 317
Машкова Мария Васильевна 678
Маяковский Владимир Владимирович 20, 225, 233, 808, 811, 825
Мейер Александр Александрович 284
Мейер Оскар, фотограф 137, 833
Мейер (Майер; Meyer) Эдуард 746, 757
Мейерхольд Всеволод Эмильевич 170—176, 178, 179, 214, 215, 230, 231, 296, 484, 691, 832, 833
Мейлах Борис Соломонович 317
Мейстер Лидия Г., художница 322
Мельников Павел Иванович (псевд. Андрей Печерский) 248
Менандр 481
Менжинский Вячеслав, беллетрист 208
Мережковская З. Н. см. Гиппиус З. Н.
Мережковский Дмитрий Сергеевич 13, 17, 69, 193, 200, 202, 218—220, 257—260, 263, 266, 269, 274, 282, 289—293, 300, 305, 311, 316, 321, 328, 338, 352, 358, 360, 362, 364, 365, 369, 372, 378, 381—383, 391, 395, 401, 403—407, 419, 435, 436, 444, 461, 463, 464, 476, 483,

518, 519, 530, 531, 635, 641, 643, 644, 647—649, 662, 664, 665, 679, 684, 686, 688—691, 694—696, 698, 700, 702, 726, 736, 737, 741, 743, 746, 748, 753, 755, 757, 764, 767, 771, 775, 792
Мерсеро Александр (псевд. Эсмер-Вальдор) 584, 585
Мессала Корвин 73
Метерлинк Морис 168—176, 178, 180,181, 183, 184, 202, 264, 268, 274, 277, 278, 298, 362, 363, 384, 443, 444, 450, 452—456, 475, 480, 482—484, 575, 576, 623, 633, 678, 679, 702, 729, 766, 797, 810, 832
Метнер Анна Михайловна 302, 323
Метнер Эмилий Карлович (псевд. Вольфинг) 294, 307, 313, 317, 319, 322—324, 330, 332, 341, 347, 348, 350, 357, 359, 368, 373, 415, 525
Мехофер Юзеф 401
Меценат Гай Цильний 66, 73—82, 830
Микельанджело Буонаротти 183
Микулич В. (Веселитская Лидия Ивановна) 407
Милиоти Василий Дмитриевич 296, 322, 394, 395, 689
Милонов Михаил Васильевич 759
Минская Л. Н.— см. Вилькина Л. Н.
Минский (Виленкин) Николай Максимович 200, 202, 218, 219, 258, 259, 263, 269, 362, 369, 385, 406, 407, 480, 570, 627, 647, 649, 662, 663—666, 679, 688, 690, 693, 726, 742, 743, 746, 753, 756, 757, 764, 775, 833
Мирбо Октав 182, 186, 702
Мирза-Авакян Мира Леоновна 648
Миролюбов Виктор Сергеевич 322, 362
Миропольский А. Л. см. Ланг А. А.
Митрохин Дмитрий Исидорович 322, 832
Митюшина, домовладелица (Верея) 634
Михаил, архимандрит (Семенов Павел Васильевич) 484, 485, 689, 691
Михайловский Николай Константинович 729, 753, 766
Мициньский Тадеуш 398, 399
Мицкевич Адам 86, 240
Мнишек Марина 69
Модестов Василий Иванович 82, 83
Моклер Камил 269, 318
Мольер (Поклен Жан Батист) 187, 243, 244, 676
Момберт Альфред 270
Моммзен Теодор 442, 444, 459, 460, 464, 466, 469
Мопассан Ги де 686, 702, 779
Мореас Жан (Яннис Пападиамандопулос) 282, 406, 407
Морис Шарль 405, 407
Моро Гюстав 443, 444
Морозов Сергей Тимофеевич 582
Морозова Маргарита Кирилловна 304
Морфилл Уильям Ричард 271, 462, 515, 678
Москвин-Воробьев Николай Яковлевич 799
Мрочковский-Острога Валериан 464
Муйжель Виктор Васильевич 308
Муравьев Владимир Брониславович 65—72
Муралов Николай Иванович 825
Муратов Карп, домовладелец (Армавир) 744
Муратов Павел Павлович 296
Муратова Ксения Дмитриевна 6, 319, 346, 362, 658
Мурильо Бартоломе Эстебан 632
Мюссе Альфред де 705

Н. Ч., переводчик Верхарна 587, 597
Набгольц, фотограф 735, 765, 830
Навашин Дмитрий Сергеевич 418
Навашин Сергей Гаврилович 418
Надельман Эльяш 401
Надсон Семен Яковлевич 720, 726, 734, 741, 754, 755
Найденов (Алексеев) Сергей Александрович 184, 195
Наполеон Бонапарт 94, 191, 197, 360
Нарбут Владимир Иванович 703, 832
Нарцисс см. Соколов С. А.
Неведомский (Миклашевский) Михаил Петрович 286, 321
Некрасов Николай Алексеевич 7, 16, 220, 228, 297, 331, 418, 734, 755, 759
Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович 768
Немирович-Данченко Владимир Иванович 167—169, 178, 437
Нерон Клавдий Цезарь 688
Нестеров Михаил Васильевич 696, 698
Не фельетонист см. Ежов Н. М.
Нечаев, преподаватель 814
Нечаев Вячеслав Петрович 6, 400, 832
Низами Ганджеви 705
Николаев Павел (псевд. П. Н.), журналист 445
Николай I 91, 220, 632, 824
Николай II 32, 34, 220, 734, 807
Николев Николай Петрович 759, 768
Никольский Юрий Александрович 685
Ницше Фридрих 148, 149, 202, 258, 260, 264, 268, 319, 328, 340, 356, 357, 429, 441—443, 445, 446, 452, 463, 464, 476, 507, 543, 664, 697, 698, 790
Новалис (Харденберг Фридрих фон) 668, 669
Новиков Иван Алексеевич 760
Норвид Циприан Камиль 322, 398, 399, 400—402
Носарь Георгий Степанович (он же Хрусталев Петр Александрович) 698, 702
Нувель Вальтер Федорович 649
Нуралов Эдуард Лазаревич 178
Нурок Альфред Павлович 649
Ньютон Исаак 63, 64, 816

Овидий Публий Назон 67, 73—79, 81—83, 296, 472, 717
Огарев Николай Платонович 296
Одоевский Александр Иванович 91
Ойетти Уго 660
Оксман Юлиан Григорьевич 657, 673
Окунь Эдвард 401
Оленина-д'Альгейм Мария Алексеевна 350, 374, 417, 516—518
Олеша Юрий Карлович 825
Олигер Николай Федорович 388
Олимпов Константин (Фофанов Константин Константинович) 536
Олин Валериан Николаевич 759

Оловянишниковы. домовладельцы (Москва) 659
Омар I (Омар-ибн-аль-Хаттаб) 625
Орбилий Публий 80
Орсус И. И. см. Коневской Иван
Орлов, домовладелец (Москва) 427
Орлов Владимир Николаевич 320, 347
Осомнест 80
Остолопов Николай Федорович 420
Островский Александр Николаевич 129, 135, 158, 726, 753
Островский Арсений Георгиевич 346
Острога Феликс **464**, 468—470, 477
Острога, жена Ф. Остроги 464

П. Н. см. Николаев П.
Пл. К. см. Краснов П. Н.
Павлов Николай Павлович 645
Павлова (рожд. Яниш) Каролина Карловна 645, 646, 664
Паниян Юрий Михайлович 319, 658
Панов Н. Н. см. Туманный Дир
Пантелеев Лонгин Федорович 694
Пантюхов Михаил Иванович 277, 280, 320, 357, 366, 658
Папини Джованни 271, 660
Паскаль Блез 239, 641
Пастернак Борис Леонидович 225, 233, 240, **242**, 243 802, 803, 825, 834
Пастернак Леонид Осипович 322, 547, 833
Пашуканис Викентий Викентьевич 653
Пеладан Жозефен (Сар Пеладан) 457, 458, 459, 461
Переверзев Валериан Федорович 253
Перельман Яков Исидорович 71
Перуджино Пьетро 651
Перцов Петр Петрович 15, 168, 178, 257, 260, 262—264, 272—274, 279, 311, 319, 320, 324, 328, 346, 347, 350, **352**, 357, 369, 373, 435, 467, 648, 649, 664, 679, 680, 697, 748, 754—756, 830
Петерсон Александр Иванович 717
Петр I 16, 66, 69, 461, 487, 801
Петрарка Франческо 534, 699, 701
Петров Василий Петрович 768
Петров Григорий Спиридонович (псевд. Артабан В.) 374, 484, **485**
Петров Н., фотограф 823, 835
Петровская Нина Ивановна 6, 295, 300, 303, 304, 332, 334, 338, 339, 347, 384, 393, 408, 409, 411, 434, 520, 669, 694, 695, 758, 773—798, 833
Петровский Алексей Сергеевич 328, 346, **357**
Петровский Михаил Александрович 799
Петровский Петр Николаевич 233
Пестовский В. А. см. Пяст В. А.
Петушков Валентин Петрович 215, 247
Печерский Андрей см. Мельников П. И.
Печковская Наталья Николаевна 672
Печковский Александр Петрович **357**
Пиксанов Николай Кирьякович 760
Пилат Понтий 573
Пильский Петр Моисеевич 726, 727, 753
Пипер Рейнхард 290, 403, **404**
Пирожков Михаил Васильевич 290, 385, 494, 690
Писарев Дмитрий Иванович 297
Платен Август 510, 511
Платон 21, 42, 43, 184, 441, 442
Плетнев Петр Александрович 632
Плеханов Георгий Валентинович 663
Плутарх 94
По Эдгар Аллан 58, 61, 202, 438, 474, 628, 629, 690, 718, 731, 738, 743, 752, 754, 772
Покровский Василий Иванович **716**
Покровский Михаил Николаевич 246, 247, 249, 253, 832
Поленова Елена Дмитриевна 585, 586, 748, 757
Полента, итальянский феодальный род 510
Поливанов Лев Иванович 9, 81, 327, 358, 723, 725, **753**, 757, 831, 835
Полонский Александр Яковлевич 6, 686
Полонский Яков Натанович 233
Полонский Яков Петрович 201, 211, 330, 763
Полоцкая Эмма Артемьевна 190—194
Поль, владелец пансиона (Москва) 804
Поль Эмиль 731, 754
Поляков Александр Яковлевич 260
Поляков Сергей Александрович (псевд. С. Ещбоев) 10, 208, 233, 257, 258, **260**—262, 264, 267, 269, 271—276, 278—282, 284, 289, 294, 298, 302—307, 313, 317, 318, 320, 323, 327, 332, 339, 350, 352, 353, 357, 382, 389—393, 398, 403, 404, 406, 423, 437, 453—462, 468, 471, 477, 478, 480—484, 513, 580, 634—636, 638, 642, 650, 664, 776, 794, 796, 833
Полякова А. А. см. Семенова А. А.
Полякова Софья Ромуальдовна 796
Помялова (Вальц) Александра Ивановна 188
Понсон дю Террайль Пьер Алексис 721
Попугаев Василий Васильевич 759, 768
Поссе Владимир Александрович 258, 316, 636
Поступальская Мария Ивановна 802, 803, **825**
Поступальский Игорь Стефанович 65, 72, 236
Потебня Александр Афанасьевич 173, 182, 186, 311, 767
Потресов Александр Николаевич 636
Потресов Сергей Викторович (псевд. С. П.; Яблоновский С. В.) 178, 777, **797**
Поярков Николай Ефимович 277, 492, **493**
Преображенский Александр Григорьевич 246
Пржевальский Николай Михайлович 729
Проперций Секст 73—78, 82, 603, 604
Птолемей Авлет 731
Птолемей Клавдий 816
Птолемей II Филадельф 625
Пуришев Борис Иванович 455
Пуришева Клавдия Николаевна 346
Пуччини Джакомо 783, 798
Пушкин Александр Сергеевич 9, 10, 12, 18, 21, 33, 38, 56, 66, 72, 84, 86, 94, 95, 173, 177, 179, 184, 191, 197, 198, 200—202, 219—221, 223, 226, 228, 240, 243, 244, 246, 248, 266, 296, 314, 330, 331, 341, 376, 443, 465, 466, 472, 474, 498, 499, 506, 520, 527, 528, 534, 543, 544,

632, 633, 640, 641, 644, 649, 661, 664, 666, 668—670, 673—676, 681—684, 688, 692, 704, 705, 708, 709, 720, 740, 748, 750, 753, 756—760, 763, 768—770, 772, 789, 792, 797, 802, 803, 808, 814, 815, 817—819, 821, 822, 824, 826
Пушкин Василий Львович 772
Пшесмыцкий Зенон 398, 399
Пшибышевская Дагни 264, 398
Пшибышевский Станислав 258, 260, 264, 269, 278, 282, 298, 392, 393, 396, 398, 399, 436, 697, 778, 790, 791, 797
Пыпин Александр Николаевич 297
Пэк (Ашкинази Владимир Александрович) 628
Пювис де Шаванн Пьер 318, 393, 453, 454
Пяст (Пестовский) Владимир Алексеевич 283, 298, 494

Радимов Павел Александрович 233
Радищев Александр Николаевич 248, 296, 821
Раевская Н. А. см. Дарузес Н. А.
Разин Степан Тимофеевич 355
Рафалович Сергей Львович 276, 456, 457
Рафаэлли Жан Франсуа 392, 393
Рафаэль Санти 632, 651
Рачинская Анна Алексеевна 418
Рачинский Григорий Алексеевич 353, 516, 517
Редон Одилон 269, 270, 318, 322, 436, 437, 440
Резерфорд Эрнест 71
Рейнхардт Макс 179, 600—602
Рейхштейн Васса Тимофеевна 817, 832
Рембо Артюр 345
Рембрандт Харменс ван Рейн 562, 564, 603—605
Ремизов Алексей Михайлович 269, 279, 298, 320, 347, 416, 419, 466, 467, 477, 494, 497, 507, 659, 688, 689, 691, 777
Ренан Жозеф Эрнест 444
Ренар Отто 361, 833
Рентген Вильгельм Конрад 185
Ренье Анри Франсуа де 262, 669, 748
Рерберг Иван Иванович 650, 835
Рерих Борис Константинович 451, 830
Рерих Николай Константинович 296, 322, 579, 580, 584—586, 603
Рид Томас Майн 718
Риккерт Генрих 268, 698
Рильке Райнер Мария 262, 298
Риссельберг Тео ван 560, 562, 565, 579, 832, 833
Роберти (де Роберти) Евгений Валентинович 459, 460
Робеспьер Максимильен 788
Роден Огюст 543
Родичев Федор Измайлович 508, 509
Рождественский Всеволод Александрович 233
Розанов Василий Васильевич 258, 263, 269, 310, 355, 362, 369, 391, 419, 442, 444, 456, 457, 648, 649, 693, 748, 757, 767
Розанов Иван Никанорович 6, 681, 759—772, 832, 833
Розенберг Владимир Александрович 26, 31, 32, 34
Розов Б., сотрудник журнала «Советский филателист» 825
Ройзман Матвей Давидович 233
Рок Рюрик Юрьевич 232
Роллан Ромен 177, 179
Ролль Альфред Филипп 393
Романов (псевд. Рцы) Иван Федорович 362
Ромен Жюль (Фаригуль Луи) 581, 582, 810
Ромм Александр Ильич 813, 825
Рони-старший (Rosny-ainé; Бекс Жозеф Анри) 70
Россетти Данте Габриел 180, 185
Ростопчин Андрей Федорович 632
Ростопчин Федор Васильевич 630—632
Ростопчина (рожд. Протасова) Екатерина Петровна 631
Ростопчина Наталья Федоровна 631
Рощина-Инсарова (Пашенная) Екатерина Николаевна 479, 480, 482
Руайер (Royère) Жан 562
Рубенс Петер Пауль 546, 615, 617
Рубинштейн Ида Львовна 613
Руве, вице-директор бельгийского министерства наук и искусств 590, 591, 593, 594
Рукавишников Иван Сергеевич 812
Рунт (в замужестве Погорелова) Бронислава Матвеевна 267, 273, 279, 318, 320, 347, 461, 481—483, 669
Рунт (в замужестве Стоша) Мария Матвеевна 633, 639, 645
Рунт Матвей Францевич 639, 641, 804
Рунт Петр Матвеевич 589, 590, 641
Рунт (в замужестве Рихтер) Ядвига (Эдвидж) Матвеевна 641
Руссо Жан Жак 94
Рыбин Михаил Васильевич 662
Рыковский Николай Владиславович 217, 832
Рылеев Кондратий Федорович 69, 296
Рябушинский Владимир Павлович 303
Рябушинский (псевд. Шинский) Николай Павлович 286, 293, 303, 321, 341, 414, 489, 496, 497, 688, 689, 700, 784, 798

С. П. см. Потресов С. В.
Сабашников Михаил Васильевич 436, 475, 534, 834
Сабашников Сергей Васильевич 436, 475, 534, 834
Сабашникова Маргарита Васильевна 696, 697
Сабин 73—77, 79—81
Саблин Владимир Михайлович 401, 677, 678
Савельев, домовладелец (Пятигорск) 740, 742
Саводник Владимир Федорович 296
Садовской Борис Александрович 260, 264, 275, 282, 284, 288, 294, 295, 297, 298, 307, 308, 315, 317, 342, 419, 420, 527, 691, 777
Сайкин Олег Алексеевич 37
Сакулин Павел Никитич 247, 541, 770, 823, 835
Салазкин Сергей Сергеевич 508, 509
Саликовский Александр Фомич 29, 33
Салинка Витольд Антонович 660

Самарина Екатерина Николаевна 714, 719, 751
Самойлова Леонида Иосифовна **541**
Самыгин Михаил Васильевич (псевд. Марк Криницкий) 558
Санин (Шенберг) Александр Акимович 613, 620, 621, 771
Сапунов Николай Николаевич 264, 322
Сарду Викторьен 167, 181
Сафо (Сапфо) 534
Сафонов Сергей Александрович 746
Сафразбекян Ирма Рубеновна 433
Сац Илья Александрович 696
Сведенборг Эмануэль **471**
Северак Деода де 613
Северак, литератор 700
Северянин Игорь (Лотарев Игорь Васильевич) 206, 662, 703, 818, 819
Сегантини Джованни 393
Секст Тарквиний 57
Селянин Сергей Алексеевич 826
Семенов Евгений Петрович (Коган Соломон Моисеевич) **501**, 504, 506
Семенов (Семенов-Тянь-Шанский) Леонид Дмитриевич **358**, 366
Семенов Михаил Николаевич **258**, 261, 272—274, 276, 278, 280, 281, 298, 306, 317, 319, 452, 454, 459, 462—464, 481, 488, 489
Семенов М. Я., сотрудник газеты «Утро» 407
Семенов Николай Петрович 258
Семенов П. В. см. Михаил, архимандрит
Семенова (рожд. Полякова) Анна Александровна 258
Сен-Пьер, владелец пансиона (Москва) 804
Серафим Саровский 358, **359**
Серафимович (Попов) Александр Серафимович 241, 277, 308, 823, 834
Сервантес де Сааведра Мигель 480
Сергеев-Ценский (Сергеев) Сергей Николаевич 285, 692, 695, 697
Сергиевский Николай Александрович 720, 752
Сережников Василий Константинович 251, 252, 826
Серов Валентин Александрович 125, 316, 689, 833
Серюзье Луи Поль Анри 269, 318
Сивоволов Борис Михайлович 455
Сидоров Петр, сотр. «Весов» 275
Сизова Магдалина Ивановна 321
Сикорский Иван Алексеевич 352, **353**
Силин Александр Дмитриевич 322
Симов Виктор Андреевич 199
Синьяк Поль 322
Синюшин, гимназист 717
Скабичевский Александр Михайлович 685
Скалдин Алексей Дмитриевич 536, **538**
Скирмунт Сергей Аполлонович 677, **678**
Скрябин Александр Николаевич 128
Случевский Константин Константинович 466, 467, 648, 664, 705, 746
Смирнов Александр Александрович 660
Смирнов-Несвицкий Юрий Александрович 179
Смирнова (рожд. Россет) Александра Осиповна 632
Смирнова Анна Матвеевна 799—801, 833
Смирнова Надежда Александровна **189**
Соколов, гимназист 717, 718
Соколов Борис Матвеевич 770
Соколов Н. 676
Соколов (псевд. Кречетов; Нарцисс; в письмах Брюсова — Гриф) Сергей Александрович 280, 284, 303, 305, 320—322, 357, 364—366, 372, 373, 388, 389, 395, 408, 440, 457, 474, 479, 480, 483, 488, 489, 496, 497, 658, 689, 694, 696, 697, 773, 775—777, 782, 785, 788, 790
Соловьев Борис Иванович 317, 319
Соловьев Владимир Сергеевич 10, 200, 201, 268, 310, 328, 331, 340, 349, 352, 353, 358, 369, 418, 471, 543, 664, 733, 753, 754
Соловьев Михаил Сергеевич 327, 328, 346, **349**—352, 358, 386
Соловьев Сергей Михайлович, историк 349
Соловьев Сергей Михайлович, поэт 294, 298, 302, 304—306, 311, 312, 315, 316, 331, 342, **352**, 353, 370, 371, 382—384, 391, 409, 414, 513, 527, 691, 694, 781, 785, 789, 801, 813, 814, 825, 832, 834
Соловьева И. Н. см. Базилевская И. Н.
Соловьева Ольга Михайловна 327, 328, 346, 349, 352, 358
Соловьева Поликсена Сергеевна (псевд. Allegro) 475, 480
Сологуб (Тетерников) Федор Кузьмич 70, 200, 202, 206, 218—220, 259, 263, 269, 278, 279, 282, 298, 299, 311, 348, 360, 366, 411, 412, 416, 419—421, 433, 434, 450, 452, 468, 474, 482, 485, 486, 493, 525, 570, 659, 662, 664—666, 689, 691, 695, 699, 702—704, 726, 745, 756, 757, 774, 781, 832
Сомов Константин Андреевич 287, 322, 363, 364, 425, 495, 498, 507, 515, 525, 579, 580, 583—586, 603, 649, 833, 834
Сомова Ольга Лавровна 770
Софокл 66, 167, 184, 717, 766, 771
Спиноза Барух (Бенедикт) 9, 736, 755
Сруога Балис 659
Станиславский (Алексеев) Константин Сергеевич 167—173, 176, 178, 189, 196, 199, 437, 484, 660
Станюкович Владимир Константинович 6, **713**—758, 771, 833
Станюкович Константин Иванович 716, 721, 724
Станюкович Константин Михайлович 669
Станюкович Надежда Юрьевна 746
Стахович Михаил Александрович 508, 509
Стендаль (Бейль Анри) 702
Степанов Николай Леонидович 676
Столица (рожд. Ершова) Любовь Никитична 688, 690
Столыпин Петр Аркадьевич 161
Стравинский Игорь Федорович 128
Стражев Виктор Иванович 286
Странник Иван см. Аничкова А. М.
Стриндберг Юхан Август 623, 637
Строев Василий, гимназист 719
Струве Петр Бернгардович 304, 344, 389, 420, 426, 427, 673, 695, 696, 702

Суворин Алексей Сергеевич 362, 435, 681, 694
Суворов Александр Васильевич 822
Суворова Клара Николаевна 210, 215, 662
Суворовский Николай Павлович 458, 460
Судейкин Сергей Юрьевич 319, 322, 833
Судейкина Софья Юрьевна (Георгиевна) 756
Сулла Луций Корнелий 12
Сумароков Александр Петрович 94
Сумбатов (псевд. Южин) Александр Иванович 195, 198, 555, 572, 591—593, 598
Суровцева Нина Николаевна 6, 823, 834
Сюннерберг Константин Александрович (псевд. Эрберг Константин) 284, 296, 324, 431, 530

Тагор Рабиндранат 705
Таиров (Корнблит) Александр Яковлевич 29, **33**
Тан Н. А. (Богораз Владимир Германович) 308
Тароватый Николай Яковлевич 394, **395**, 483, 488, 489
Тассо Торквато 182, 186, 282
Тастевен Генрих Эдмундович 308, 414, 416, 620, 621, 694, 695
Таулоу (Thaulow) Фриц 757
Твен Марк (Клеменс Сэмюэл) 648, 692, 694
Теннисон Альфред 57
Тепляков Виктор Григорьевич 769
Терещенко, гимназист 715
Терещенко Михаил Иванович 684
Теруань де Мерикур (Théroigne de Méricourt) Анн Жозеф 562
Тетмайер (Тетмайер-Пшерва) Казимеж 398, **399**
Тибулл Альбий 73
Тигеллий 73
Тимирязев Климентий Аркадьевич 816, 826
Тимковский Николай Иванович 695
Тимофеев Леонид Иванович 6
Тинторетто (Робусти) Якопо 511, 651
Тиняков Александр Иванович (псевд. Одинокий) 298
Тиханчева Екатерина Пантелеевна 670
Тихонов (псевд. Серебров) Александр Николаевич 26, 34, 661, 774
Тищенко Федор Федорович 520
Толмачев Михаил Васильевич 6, 436, 475, 834
Толстая (рожд. Берс) Софья Андреевна 362
Толстой Алексей Константинович 201, 228, 296, 330, 720, 763
Толстой Алексей Николаевич 200, 203, 204, 419, 524, 525, 780, 787
Толстой Лев Николаевич 31, 34, 40, 168—170, 178, 187, 188, 191, 194, 197, 198, 296, 297, 362, 424, 494, 495, 508, 509, 631, 643, 644, **679**, 705, 721, 737, 746, 748, 753, 757, 758, 821, 835
Толстой Михаил Львович 631, 737
Томашевский Борис Викторович 21, 243, **244**
Трепов Дмитрий Федорович 645
Трилунный (Струйский Дмитрий Юрьевич) 769
Трифонов Николай Алексеевич 6, **35—37**, 210—215, 230, 662
Троицкая Юлия Арсеньевна 450
Трубецкой Евгений Николаевич 26, 304, 352, **353**
Трубецкой Сергей Николаевич 352, **353**
Тукка Плоций 73—82
Туманный Дир (Панов Николай Николаевич) 241, 245, **246**, 834
Туманский Василий Иванович **418**
Туманский Федор Антонович **418**
Туманян Ованес Тадевосович 120
Турба-Кшишталович см. Кшишталович С.
Тургенев Александр Иванович 826
Тургенев Иван Сергеевич 194, 220, 669, 725, 726, 741, 753, 796
Тургенева Анна Алексеевна 329, 422, 424, 426, 833
Туртиайнен Давид, домовладелец (Териоки) 477
Тутикан 73
Тхоржевский Иван Иванович 567, **568**
Тютчев Федор Иванович 16, 21, 201, 202, 220, 222, 296, 330, 331, 438, 442, 444, 495, 623—625, 631, 634, 644, 654, 662, 669, 670, 744, 748, 756, 757, 763, 766, 771, 814, 815, 817, 819, 820, 826
Тютчев Федор Федорович 654
Тютчевы, потомки поэта 670

Уайльд Оскар 173, 181, 282, 298, 374, 623, 624, 649, 690, 727, 778
Уистлер Джеймс Мак-Нейл 322
Уитмен Уолт 582, 690
Урусов Александр Иванович **649**, 664
Усольцев Федор Арсеньевич 784
Ушаков Дмитрий Николаевич 247
Уэллс Герберт Джордж 282

Фарбман Михаил Семенович 668, **669**
Фатов Николай Николаевич 770
Федоров Александр Митрофанович **195**, **198**
Федоров Николай Федорович 70
Феокрит (Теокрит) 825
Феофилактов Николай Петрович 264, 298, 299, 315, 317, 322, 367, 405, 457, 458, 580, 583, 584, 699, 832—834
Фет (Шеншин) Афанасий Афанасьевич 55, 201, 220—222, 330, 331, 438, 490, 623, 628, 630, 644, 664, 763, 764, 769, 770, 772, 831
Фефер Владимир Васильевич (псевд. В. Васильев) 6, **799—826**, 833
Фефер (рожд. Шмидт, в первом браке Губонина) Юлия Ивановна 804, **825**
Фидлер Федор Федорович 798
Фидус (Fidus) см. Хёппенер Х.
Филарет, митрополит (Дроздов Василий Михайлович) 632
Филимонов Владимир Сергеевич 759
Филипенко Николай Николаевич 542, **544**, 804, 806, 830
Филиппов А. (возможно Алексей Фролович) 101, 832
Философов Дмитрий Владимирович 290, 293, 321, 347, 404, 407, 476, **649**, 658, 690, 695, 700

Филянский Николай Григорьевич 776, 835
Фирдоуси Абулькасим 705
Фишер Карл Андреевич 188, 835
Фламаррион Камиль 249
Флобер Гюстав 668, 669
Флоренский Павел Александрович 296, 470, **471**
Фогелер Генрих 322
Фолькман фон П. В., преподаватель 717, 737, 752
Фонвизин Артур Владимирович 322
Фор Поль 405, **407**
Фотий, архимандрит (Спасский Петр Никитич) 824
Фофанов К. К. см. Олимпов К.
Фофанов Константин Михайлович 664, 705, 726, 738, 741, 753, 756, 764
Фохт Борис Александрович 763, **771**
Франк Семен Людвигович 460, 531, **532**
Франс Анатоль 298
Франц И. Ф., сотрудник Гукона 806, 807, 825
Франческа да Римини (Франческа Малатеста) 511
Фриче Владимир Максимович 26, 242, 253, 734, 737, **754**
Фрумкин Яков Павлович 819
Фукс Георг 270
Фюстель де Куланж Нюма Дени 443, 444

Хаммурапи, вавилонский царь 454
Хафиз (Гафиз) 497
Хвостов Дмитрий Иванович 768
Хёппенер Хуго (псевд. Фидус) 322
Херасков Михаил Матвеевич 759, 762, 763, 768
Хлебников Велимир (Виктор Владимирович) 37, 58, 61
Ходасевич Владислав Фелицианович 30, **34**, 269, 279, 763, 770, 774, 775, 789
Хомяков Н., литератор 283
Храповицкий Александр Васильевич 633, 634
Хрусталев П. А. см. Носарь Г. С.

Цвейг Стефан 574—576, 578, 587, 588, 590, 591, 594, 603, 610, 611, 617, 621, 834
Цветаева Марина Ивановна 68, 72, 205, 208
Цветковская Елена Константиновна (псевд. Елена Ц.) 690
Церетелли Николай Михайлович 810
Циолковский Константин Эдуардович 14, 71, 72, 105, 834
Цицерон Марк Туллий 440, 442, 454, 544
Цорн Андерс Леонард 322

Чайковский Петр Ильич 460
Чеботаревская Александра Николаевна 443, **444**
Чеботаревская Анастасия Николаевна 443, 444, 662, **702**—704
Челлини Бенвенуто 61
Челпанов Георгий Иванович 253
Черногубов Николай Николаевич 631, 632
Чернышевский Николай Гаврилович 297
Чехов Антон Павлович 167, 168, 170, 182, 190—198, 220, 268, 270, 276, 277, 289, 310, 377, 379, 380, 648, 657, 710, 766, 780, 798, 800, 821, 831
Чижевский Александр Леонидович 14, 71, 72
Чичерин Алексей Николаевич 813, **825**
Чуваков Вадим Никитич 657
Чудецкая Елена Владимировна 6
Чуковский Корней Иванович 257, 269, 283, 289, 298, 299, 321, 322, 536, 689, 690, 692
Чулков Георгий Иванович 16, 46, 172, 178, 190, 194, 197, 257, 260, 261, 263, 269, 272, 279, 280, 284—286, 288, 293, 294, 296, 307, 308, 311, 314—316, 320—323, 340, 341, 347, 404—406, 409, 414, 463, 464, 474, 475, 477, 478, 480, 483, 485—493, 496—498, 500, 501, 505, 513, 519, 526—530, 552, 558, 559, 562, 565, 597, 691, 696—699, 701, 760, 794, 798, 830, 833
Чумаченко Ада Артемьевна 233

Шагинян Мариэтта Сергеевна 772
Шамбинаго Сергей Константинович 565, 597
Шамиссо Адельберт фон 668, 669
Шварсалон (в замужестве Иванова) Вера Константиновна **509**, 520
Шварц Александр Николаевич 764, **771**
Шекспир Уильям 57, 168, 173, 176, 179, 180, 182, 184—186, 196, 199, 226, 384, 494, 495, 572, 678, 696, 705, 733, 753, 754, 803
Шеллер (псевд. Михайлов) Александр Константинович 669
Шелли Перси Биши 202, 438, 690
Шеневьер Жорж (Дебиль Леон) 605
Шенье Андре Мари **654**, 680
Шервинский Сергей Васильевич 7—22, 29, **33**, 34, 772, 808
Шерер, фотограф 735, 765, 830
Шершеневич Вадим Габриэлевич 225, 232, 233, 241, **242**, 772, 808, 810, 811, 825
Шестеркин Михаил Иванович 296, 322, 327, 346, 622, **623**, 625, 627, 637, 639, 643, 644, 648, 832, 834, 835
Шестеркина Анна Александровна 6, 327, 346, 409, 457, 488, 619, **622**—656, 834
Шестеркина Нина Михайловна 622, 623, 653—655
Шестеркины, семья 623, 637, 655
Шестов (Шварцман) Лев Исакович 480
Шик Максимилиан Яковлевич **270**, 284, 393, 456, 457, 463, 464, 794
Шиллер Иоганн Кристоф Фридрих 296, 486, 662, 705—708, 733
Шиманский О. Л. см. Леонидов О.
Шинский см. Рябушинский Н. П.
Шихман Борис Сергеевич 232
Шицман С. В., фотограф 15, 830
Шишова (Брухнова) Зинаида Константиновна 825
Шкваркин, сотрудник Гукона 806
Шмидт Иван Федорович 349
Шницер Яков Борисович 269
Шольц Вильгельм 270

Шопен Фридерик 398, 399
Шопенгауэр Артур 9, 258, 265, 762
Шор О. А. см. Дешарт О.
Шоу Джордж Бернард 298
Шпис Иоганн 68
Штейнер Рудольф 17, 329, 833
Штригель Бернхард 392, **393**
Штук Франц 392, **393**
Шувалов Сергей Васильевич 760, 770
Шудрака (Судрака) 731, 754
Шюзевиль Жан **200**, 201, 203, 832

Щербаков Рем Леонидович 6, 35, 37, 171, 713, 745, 832
Щербатской Федор Ипполитович 374
Щербина Николай Федорович **418**
Щукин Иван Иванович 296
Щукин Сергей Иванович 302, 303

Эберс Георг Мориц 736, **755**
Эверс Франц 732, 733, **754**
Эверс Эрнст Эдуард 754
Эдуард VI Тюдор 647, 648
Эйзенштейн Сергей Михайлович 799
Эйнштейн Альберт 64, 71, 816
Эйхенвальд Николай Александрович 724, 752
Элиасберг Александр Самойлович 271, 306, 570
Эллис (Кобылинский Лев Львович) 288, 293—295, 297, 298, 300, 302—307, 310—313, 315, 321, 323, 324, 340, 342, 352, 353, 357, 382, 431, 471, 500, 502, 504, 506, 513, 516, 518, 525, 527, 531, 532, 567, 568, 573, 574, 597, 658, 694, 700, 701, 767, 774, 779, 794
Эмар Гюстав 718
Энгельгардт Николай Александрович 680, 681, 685
Энгельс Фридрих 808
Энсор Джемс 322, 562, 564, 598, 599
Эразм Роттердамский 533
Эрберг К. см. Сюннерберг К. А.
Эредиа Хосе Мария де 738, 810
Эркман-Шатриан (Эркман Эмиль и Шатриан Александр) 669
Эрн Владимир Францевич 470, **471**
Эсхил 184, 443, 534, 543
Эттингер Павел Давыдович 296
Эфрос Абрам Маркович 667, 668
Эфрос Наталья Давыдовна 6, 557
Эфрос Николай Ефимович 170, 178, **189**

Юлий Цезарь Гай 18, 168, 196, 199, 544, 625
Юон Константин Федорович 322, 540, 579, 580, 709, 833

Яблоновский С. В. см. Потресов С. В.
Языков Николай Михайлович 543, 815
Якимченко Александр Георгиевич 322
Якобсон Лев Георгиевич **710**
Якубович Петр Филиппович (псевд. Мельшин Л.; П. Я.) 732, 754
Якулов Георгий Богданович 322
Якунчикова (в замужестве Вебер) Мария Васильевна 275, 322, 443, 444, 832
Ямпольский Исаак Григорьевич 317, 321, 348, 389, 488
Яннингс Эмиль 799
Ярославна (Елизавета Ярославна), киевская княжна 624
Ясинская Зоя Иеронимовна 65, 632
Ясинский Иероним Иеронимович (псевд. Белинский Максим) 631, **632**, 634, 638, 644, 746
Ященко Александр Семенович 688, **690**
Ященко Матильда Августовна 688, **690**

André Paul см. Андре П.
Arcos René см. Аркос Р.
Augé Claude 251

Bazalgette Léon см. Базальжет Л.
Behmer Marcus см. Бемер М.
Berent Wacław см. Берент В.
Berry Jean de см. Берри Ж.
Blei Franz см. Блей Ф.
Böcklin Arnold см. Бёклин А.
Böttger Adolf см. Бёттгер А.
Bure Pierre см. Бюр П.

Chennevière Georges см. Шеневьер Ж.
Chuzewille Jean см. Шюзевиль Ж.
Crommelynck Fernand см. Кроммелинк Ф.

Denis Maurice см. Дени М.
Duhamel Georges см. Дюамель Ж.

Ensor James см. Энсор Дж.
Eshmer-Valdor см. Мерсеро А.

Ghil René см. Гиль Р.
Gide André см. Жид А.
Gourmont Jean de см. Гурмон Ж.
Grünewald (Nithard Mattiasse) см. Грюневальд (Нитхард М.)
Gunnarsson Gunnard 348

Hochschüler Max см. Гохшюлер М.
Holdsworth, художница 477
Hossenroth Fr. 345, 410, 503, 831
Huysmans Karl Jorice см. Гюисманс К. Ж.

Jensen Alfred см. Йенсен А.

Khnopff Fernand см. Кнопф Ф.
Kippenberg Anton см. Киппенберг А.
Kubin Alfred 270

Leblanc Georgette см. Леблан Ж.
Léopold II см. Леопольд II
Littré Eugène см. Литтре Э.

Maeterlinck Maurice см. Метерлинк М.
Mercereau Alexandre см. Мерсеро А.
Mockel Albert 558
Morfill William Richard см. Морфилл У.

Nilsson Nils Åke 348
Norwid Eliase см. Норвид Э.

Papini Giovanni см. Папини Дж.
Philippe II см. Филипп II
Piper Reinhard см. Пипер Р.
Plato см. Платон
Poe Edgar см. По Э.

Régnier Henri de см. Ренье А.
Reinhardt Max см. Рейнхардт М.
Rembrandt Harmens van Rhein см. Рембрандт Х. ван Рейн
Romains Jules см. Ромен Ж.
Rouvez см. Руве
Rubens Peter Paul см. Рубенс П.
Rysselberghe Théo van см. Риссельберг Т.

Schick Maximilian см. Шик М. Я.
Steiner Rudolf см. Штейнер Р.
Strannik Ivan см. Аничкова А. М.
Strigel Bernhardt см. Штригель Б.

Van Lerberghe Charles см. Ван Лерберг Ш.
Verhaeren Emile см. Верхарн Э.
Verhaeren Marthe см. Верхарн М.
Viele-Griffin Francis см. Вьеле-Гриффен Ф.
Vildrac Charles см. Вильдрак Ш.
Visan Tancrède de см. Визан Т.

Wetz Wilhelm см. Ветц В.
Wollès Lucien см. Воллес Л.
Wolgemut Michael см. Вольгемут М.
Wroczyński Kazimierz см. Врочиньский К.

Zweig Stefan см. Цвейг Ст.
Żeromski Stefan см. Жеромский Ст.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ 5

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ
Статья С. В. Шервинского 7

ИЗ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ

СТИХИ

НЕЗАКОНЧЕННЫЙ «ДНЕВНИК ПОЭТА»
Предисловие и публикация В. С. Дронова 25
ДНЕВНИК ПОЭТА 28
ИЗ НЕИЗДАННЫХ И НЕСОБРАННЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ
Публикация Р. Л. Щербакова
Предисловие Н. А. Трифонова 35

ПРОЗА

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ И НЕЗАВЕРШЕННЫЕ ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ
Предисловие и публикация Вл. Б. Муравьева 65
У МЕЦЕНАТА 73
ГОЛУБОЧКИ — ЭТО НЕПОРОЧНОСТЬ 83
РАССКАЗЫ МАШИ, С РЕКИ МОЛОГИ, ПОД ГОРОДОМ УСТЮЖНА 88
ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТА МАЛИНИНА 91
ВОССТАНИЕ МАШИН 95
МЯТЕЖ МАШИН 100
ПЕРВАЯ МЕЖДУПЛАНЕТНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 103

РОМАН ИЗ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ
Предисловие и публикация Ю. П. Благоволиной 114

БРЮСОВ О ЛИТЕРАТУРЕ И ТЕАТРЕ

1900—1910-е годы

БРЮСОВ И ТЕАТР
Вступительная статья и публикация Г. Ю. Бродской . . . 167
ТЕАТР БУДУЩЕГО 179
Приложение: ИЗ ПЕРВОЙ ЛЕКЦИИ «ТЕАТР БУДУЩЕГО» 186
«ВЛАСТЬ ТЬМЫ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ 187
ПИСЬМО К Н. Е. ЭФРОСУ 189
НЕОКОНЧЕННАЯ СТАТЬЯ О «ВИШНЕВОМ САДЕ» ЧЕХОВА
Предисловие и публикация Э. А. Полоцкой 190
«ВИШНЕВЫЙ САД» ЧЕХОВА 195
ПРЕДИСЛОВИЕ К ФРАНЦУЗСКОЙ «АНТОЛОГИИ РУССКИХ ПОЭТОВ»
Публикация Т. Г. Динесман 200
ОБ ОТНОШЕНИИ К МОЛОДЫМ ПОЭТАМ
Предисловие и публикация Т. В. Анчуговой 205

1917—1923

СТАТЬИ, РЕЧИ, ДОКУМЕНТЫ

Публикация Н. А. Трифонова, Т. В. Анчуговой, К. С. Герасимова, Т. Г. Динесман, К. Н. Суворовой

Предисловие Н. А. Трифонова 210

ПРОЕКТ ВОЗЗВАНИЯ МОСКОВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ 215

«В ПОЭЗИИ ДОРОГО ТОЛЬКО ЗАВТРА!»

Незаконченная статья о поэзии накануне Октября 216

«МЫ ПЕРЕЖИВАЕМ ЭПОХУ ТВОРЧЕСТВА».

Фрагмент статьи о задачах современной поэзии 219

ОКТЯБРЬ И ЛИТЕРАТУРА 228

ПРИВЕТСТВИЕ А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ В СВЯЗИ С 20-ЛЕТИЕМ ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 229

ПРИВЕТСТВИЕ Вс. Э. МЕЙЕРХОЛЬДУ В СВЯЗИ С 25-ЛЕТИЕМ ЕГО ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 230

ПЯТИЛЕТИЕ СОЮЗА ПОЭТОВ

Предисловие К. Н. Суворовой 232

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕОСУЩЕСТВЛЕННОМУ СБОРНИКУ СТИХОВ «PLANETARIA»

Предисловие К. С. Герасимова 236

PLANETARIA 237

ОТВЕТНОЕ СЛОВО НА ТОРЖЕСТВЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ПО СЛУЧАЮ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ 17 ДЕКАБРЯ 1923 ГОДА 239

РЕЦЕНЗИИ НА РУКОПИСИ (ДЛЯ ЛИТО НАРКОМПРОСА)

В. ИЛЬИНА. ЖУРАВЛИ 241

В. ШЕРШЕНЕВИЧ. ЛОШАДЬ КАК ЛОШАДЬ 241

Б. ПАСТЕРНАК. СОЧИНЕНИЯ, Т. I 242

Б. ТОМАШЕВСКИЙ. ПУШКИН И ФРАНЦУЗСКИЕ ПОЭТЫ . . . 243

К. БОЛЬШАКОВ. АНГЕЛ ВСЕХ СКОРБЯЩИХ 244

ДИР ТУМАННЫЙ. МОСКОВСКАЯ АМЕРИКА 245

ЗАПИСКА ОБ ИЗДАНИИ ОБЪЯСНИТЕЛЬНОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА 246

Предисловие В. П. Петушкова . . . . . .

ОТЧЕТ В. Я. БРЮСОВА, ЧЛЕНА МОССОВЕТА, ПРИКРЕПЛЕННОГО К ФАКУЛЬТЕТУ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК 1-го МГУ 251

БРЮСОВ-РЕДАКТОР

БРЮСОВ И «ВЕСЫ» (К ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ

Статья К. М. Азадовского и Д. Е. Максимова . . . 257

ПИСЬМА

ПЕРЕПИСКА С АНДРЕЕМ БЕЛЫМ (1902—1912)

Вступительная статья и публикация С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова 327

ПЕРЕПИСКА С ВЯЧЕСЛАВОМ ИВАНОВЫМ (1903—1923)

Предисловие и публикация С. С. Гречишкина, Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова 428

Приложения:

I. РЕЦЕНЗИЯ ИВАНОВА «О НОВОЙ КНИГЕ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА «URBI ET ORBI» 513

II. ИВАНОВ — И. М. БРЮСОВОЙ (1924) 544

ПЕРЕПИСКА С ЭМИЛЕМ ВЕРХАРНОМ (1906—1914)

Вступительная статья и публикация Т. Г. Динесман 546

ПИСЬМА К А. А. ШЕСТЕРКИНОЙ (1900—1913)
Предисловие и публикация В. Г. Дмитриева 622
ПИСЬМА К М. ГОРЬКОМУ
Публикация Ю. А. Красовского и В. Н. Чувакова . 657
ПИСЬМА К ПЕТЕРБУРГСКИМ И МОСКОВСКИМ ЛИТЕРАТОРАМ
Публикация Э. С. Литвин, А. Н. Дубовикова, М. В. Рыбина, К. Н. Суворовой, Н. А. Трифонова 662
Н. М. МИНСКОМУ 663
З. И. ГРЖЕБИНУ 666
П. В. БЫКОВУ 669
Е. В. АНИЧКОВУ 672
С. А. ВЕНГЕРОВУ 676
Приложение: РЕЦЕНЗИЯ БРЮСОВА НА КНИГУ ВЕНГЕРОВА «ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ», т. I. СПб., 1907 . . . 685
З. Н. ГИППИУС 686
А. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ 702
А. Е. ГРУЗИНСКОМУ 705
П. С. КОГАНУ 709

ВОСПОМИНАНИЯ

В. К. СТАНЮКОВИЧ. ВОСПОМИНАНИЯ о В. Я. БРЮСОВЕ
Публикация Н. С. Ашукина и Р. Л. Щербакова . . . 713
И. Н. РОЗАНОВ. ВСТРЕЧИ С БРЮСОВЫМ
Предисловие и публикация Е. А. Кречетовой 759
Н. И. ПЕТРОВСКАЯ. ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ»
Публикация Ю. А. Красовского 773
ИЗ ПИСЕМ БРЮСОВА К ПЕТРОВСКОЙ 789
В. В. ФЕФЕР. БРЮСОВ В «ШКОЛЕ ПОЭТИКИ»
Публикация А. М. Смирновой
Предисловие и примечания И. Ф. Купина 799
УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ 827
УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ
Составила Т. Г. Динесман 830
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ
Составила Н. И. Жемчужникова 836

«Литературное наследство»
Том 85

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

Утверждено к печати
Институтом мировой литературы
им. А. М. Горького
Академии наук СССР

Редакторы издательства *Е. В. Белова* и *В. Ч. Воровская*
Художественный редактор *С. А. Литвак*
Технический редактор *Л. Н. Золотухина*
Корректоры
В. А. Бобров, Н. Г. Сисекина, Ф. Г. Сурова

Сдано в набор 14/VII 1975 г.
Подписано к печати 1/III 1976 г.
Формат 70×108¹/₁₆.
Бумага типографская № 1.
Усл. печ. л. 75,1. Уч.-изд. л. 76,7.
Тираж 50000. А-09123. Тип. зак. 2679.
Цена 5 р. 23 к.

Издательство «Наука».
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

том 87 «Литературного наследства» — «Из истории русской литературы и общественной мысли 1860—1890-х годов»

Том посвящен литературному и общественному движению второй половины XIX в. Он вносит много нового в изучение указанного исторического периода в целом, а также жизни и творчества ряда русских писателей и революционных деятелей.

Первый раздел тома — «Литература» — содержит впервые публикуемые материалы: Гончарова (письма о писательском труде, воспоминания о писателе), Лескова (рассказы и повести, главы из романа «Соколий перелет», обзор библиотеки писателя), Гаршина (незавершенные рассказы, письма, воспоминания о нем), Чехова (из переписки с А. С. Сувориным, новые данные о работе над книгой «Остров Сахалин», воспоминания и дневниковые записи современников).

Второй раздел — «Общественное движение и журналистика» — включает материалы по революционному движению 1860-х годов (статьи Н. И. Утина, каракозовца П. Ф. Николаева) и по истории демократических журналов («Отечественные записки», «Дело» и др). Здесь же печатаются ценные документы из личных архивов П. Л. Лаврова и Льва Мечникова.

В третьем разделе — «Статьи и сообщения» — публикуются неизвестные письма Тургенева, Л. Толстого, А. К. Толстого, Короленко, статьи о нелегальных изданиях сказок Щедрина и о неизданной книге А. И. Белецкого о Лескове. Завершает том «Указатель анонимных и псевдонимных рецензий» (литературная критика и история литературы) в «Русском богатстве»; здесь по архивным источникам устанавливаются авторы рецензий.

Том рассчитан не только на исследователей русской литературы и историков, но и на широкий круг читателей.

В томе печатается более 150 иллюстраций — в большинстве своем редких или впервые публикуемых. Кроме того, в томе публикуется около 40 фотографий, собранных Чеховым для его книги «Остров Сахалин».

Выход тома предполагается в конце 1976 г.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

117464 МОСКВА, В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;
197110 ЛЕНИНГРАД П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

480391 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13; 320005 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 664033 Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 289; 252030 Киев, ул. Ленина, 42; 277012 Кишинев, ул. Пушкина, 31; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 192104 Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57; 199164 Ленинград, Университетская наб., 5; 199004 Ленинград, 9 линия, 16; 103009 Москва, ул. Горького, 8; 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 630076 Новосибирск, 91, Красный проспект, 51; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700029 Ташкент, ул. 50 лет Узбекистана, 11; 700029 Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73; 700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18; 450075 Уфа, Коммунистическая ул., 49; 450075 Уфа, проспект Октября, 129; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310003 Харьков, Уфимский пер., 4/6.

5 р. 23 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

5 р. 23 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •